

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ГРАФИЯ
ДЕ МОНСЬОРО

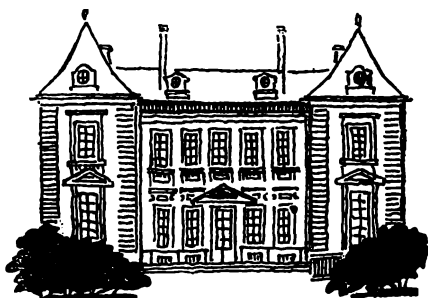
ГРАФИНЯ ДЕ МОНСОРО

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ГРАФИНЯ
ДЕ МОНСОР

РОМАН

Перевод с французского
И. БУТЫРИНОЙ и В. СТОЛБОВА

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

И (Фр)
Д 96

Alexandre Dumas
La dame de Monsoreau

Примечания
А. СТОЛЯРОВА

Художники
А. ОЗЕРСКАЯ И А. ЯКОВЛЕВ

Д $\frac{70304-181}{U28(01)-79}$ без объявл.

© Оформление
Издательство «Художественная
литература», 1979 г.

Глава I СВАДЬБА СЕН-ЛЮКА

последнее воскресенье масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало

шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси, которое, породившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, начиналось пышное празднество. Сие семейное торжество, следовавшее за общественными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпише де Сен-Люка, наперсника и любимца короля Генриха III, с Жаквой де Коссе-Бриссака, дочерью маршала де Коссе-Бриссака.

Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. Да и наряд короля находился в полном соответствии с его лицом: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ на картине, изображающей свадьбу Жуаеза. При виде этого угрюмого величия, этого короля, похожего на свой собственный принарок, гости цепенеи от страха, и особенно сильно сжималось сердце у юной новобрачной, на которую король всякий раз, когда он устаивал ее взгляда, взирал с явным неодобрением.

Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызвали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых

тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкновение с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волей-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Тогда Сеп-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

— Государь,— сказал он,— не соблаговолит ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сеп-Люк склонился перед ним так низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

— Да, сударь,— ответил он,— мы приедем, хотя вы совсем не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сеп-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих повернулся к новобрачной спиной, не пожелав ей ответить.

— Чем вы провинились перед королем, господин де Сеп-Люк? — спросила Жанна у своего мужа.

— Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозная туча рассеется.

— А она рассеется?

— Должна,— ответил Сеп-Люк.

Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрянула любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сеп-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

Итак, в тот вечер, когда начинается история, которой мы намерены поделить с нашими читателями, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или в друзьях короля. Кроме того, он разослал приглашения приццам и фаворитам приццев, начиная с приближенных нашего старого знаконца, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Генриха III сделало герцогом Алжуйским. Но герцог не счел пужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собирался присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

Короля Наваррского и его супруги в Париже не было, они, как это известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю.

Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, по недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвляла ужасная судьба Ла Моля и де Кокошаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случаях дело обходилось без убитых или по меньшей мере без тяжелораненых.

Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось — ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением выказывая, что в сем брэнном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего доброго отсутствием короля и принцев, пытался успокоить своего тестя, который по той же причине был огорчен до глубины души. Убежденный, как, впрочем, и весь двор, в том, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благоденствий, и — вот тебе па! — все вышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Сен-Люк вслэоски пытался внушить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья — Можирон, Шомберг и Келюз, разодетые в пух и прах, естественпо прямые в своих великолеп-

вых камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась, как на блюде, шуточкам и ироническими соблазнами лишь подливали масла в огонь.

— Э! Бог мой! Наш бедный друг,— соблазновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс,— я полагаю, на этот раз ты действительно пропал. Король на тебя сердится потому, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский — потому, что ты не выказал должного почтения к его носу¹.

— Ну нет,— возразил Сен-Люк. — Ошибаешься, Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье в Минимский монастырь, что в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский — потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

— Рассказывай,— возразил Можирон. — Видел, какую мину скорчил король на обеде? А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох да и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает благостное, умиленное. Ну а герцог Анжуйский? Пусть ему помешало прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делись его анжуйцы, где хотя бы один из них? Оглянись вокруг — полнейшая пустота, даже этот бахвал Бюсси не соизволил явиться.

— Ах, господа,— сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой,— как все это смахивает на опалу. Господи боже мой! Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

Молодые люди смотрели на Сен-Люка, заливаясь смехом; их веселое настроение отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец,— чем мог Сен-Люк прогнать короля?

Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех.

Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

— Ах! — воскликнул просиявший маршал. — Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не

¹ Лицо герцога Анжуйского было обезображено оспой, казалось, что на этом лице два носа. (Прим. автора.)

хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

— А меня,— пробормотал Сен-Люк,— присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не считал нужным явиться по той же причине.

Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку со всех ног устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым одеянием и вступал в залу в колыихании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III — полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, на белоснежный и навармяженный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

— Что все это значит, господа? — спросил король.

Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспыльчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

— Государь,— сказал Сен-Люк,— там Шико, ваш шут. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалуется дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Лавжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. Простой гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майенским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покрови-

тельство, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

— Послушайте, мэтр Шико,— сказал Генрих,— два короля на одном балу — слишком большая честь для хозяина.

— Коли так, то дозвожь мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы, чем он занят сейчас.

— И в самом деле,— сказал король с явным неудовольствием,— мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

— Еще одна причина, почему ты должен его заметить. Решено — я буду Генрихом, а ты — Франсуа, я буду царствовать, а ты — танцевать, я выложу весь набор ужимок, подобающих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.

Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

— Ты прав, Шико. Я займусь тапцами,— сказал оп. «Как я ошибался, опасаясь королевского гнева,— подумал маршал де Бриссак. — Совсем наоборот, король в редкостном расположении духа».

И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Тем временем Сен-Люк подошел к своей жене. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черными глазками, белоснежными зубками, ослепительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

— Сударь,— обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью,— объясните мне, чего от меня хочет король? С тех пор, как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

— Но, когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Тогда его взгляд пугал вас.

— Тогда его величество был в дурном настроении,— сказала молодая женщина,— ну а теперь...

— Теперь еще хуже,— прервал ее Сен-Люк. — Король смеется, не разжимая губ. Я предпочел бы видеть его зубы. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для вас какой-то подлый сюрприз. О, не глядите на меня так нежно, умоляю вас, лучше всего повернитесь ко мне спиной! Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Удержите его возле себя, приголубьте, приласкайте его.

— Знаете, сударь,— улыбулась Жанна,— вы даете мне довольно сомнительный совет, и если я в точности ему последую, могут подумать...

— Ах! — вздохнул Сен-Люк. — Ну и пусть подумают. Просто прекрасно будет, если подумают.

И, повернувшись спиной к своей дощельзя удивленной супруге, он отправился убажывать Шико, который увлеченно пыжился, изображая короля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но, танцуя, не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остроумной, которая всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, вызывала у новобрачного приступ громкого смеха, то угощал его из своей боибошнерки засахаренным миндалем и глазированной фруктами, которые Сен-Люк неизменно находил превосходными. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отряжал за ним одного из своих родственников или придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обретал превосходное расположение духа.

Внезапно королевских ушей достиг шум настольно сильный, что его не могла заглушить общая сумятица звуков.

— Эге! — сказал Генрих. — Кажется, это голос Шико. Ты слышишь, Сен-Люк? Король изволит гневаться.

— Да, государь,— отозвался Сен-Люк, не показывая вида, что уразумел намек, содержащийся в этих словах,— похоже, что он с кем-то не поладил.

— Подите узнайте, что там случилось,— распорядился король,— и немедленно доложите мне.

Сен-Люк отправился выполнять приказ.

И в самом деле, Шико громко кричал, в подражание королю, выговаривая слова в нос:

— Я навывускал кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли они недостаточно хороши, пусть их по крайней мере будет много. Клянусь рогом Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси,— это слишком.

И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

— Что он там болтает о Бюсси? — нахмурился спросил король.

Уже вернувшийся Сен-Люк хотел было ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого пажы всеми цветами радуги сиял герб его господина, вышитый драгоценными камнями. За пажами выступал красивый молодой мужчина, он высоко нес свою гордую голову и шествовал, преаргументно задернув верхнюю губу и бросая по сторонам надменные взоры. Его простая одежда из черного бархата разительнo отличалась от богатых костюмов пажей.

— Бюсси! — раздался голоса. — Бюсси д'Амбуаз!

И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

— Ах, вот как, слуга здесь, а хозяина что-то не видеть, — сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и на отсутствие герцога Анжуйского, к свите которого тот принадлежал.

— Подождем, — заметил Келюс, — перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

— Тут есть о чем тебе поразмыслить, Сен-Люк, — вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий мившон короля Генриха. — Ты заметил, что господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе? Видишь — на нем черный камзол. Какого черта! Разве это наряд для свадебного бала?

— Нет, — заметил Келюс, — это траур для похорон.

— Ах, уж не его ли это похоропы и не надел ли он траур по самому себе? — пробормотал Генрих.

— И при всем том, Сен-Люк, — сказал Можирон, — герцог Анжуйский не последовал за Бюсси. Неужели ты и тут попал в немплость?

Это многозначительное «и тут» кольнуло новобрачного в самое сердце.

— Ну а почему, собственно, он обязан следовать за Бюсси? — подхватил Келюс. — Неужто вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не пожелает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего принца из всех существующих на свете.

Король сдвинул брови и закусил ус.

— И несмотря на это, — сказал Можирон, — как мне кажется, Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

— Ну и что же, — флегматично парировал Келюс, — значит, он счел, что герцог посильнее нашего короля.

Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, он заметно для всех побледнел.

— Ну, ну, господа, — попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожащий от волнения Сен-Люк, — пощадите хоть немного моих гостей. Не портите мне день свадьбы.

Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

— В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, — сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного новобрачного.

— Так что же выходит, — воскликнул Шомберг, — Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

— Откуда ты это взял? — спросил Можирон.

— Оттуда, что Сен-Люк стоит за него горой. Черт побери! В этом презренном мире каждый стоит только сам за себя. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

— Господа,— возразил Сен-Люк,— господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость.

Услышав эти слова, король бросил на говорившего влюбленный взгляд.

— И кроме того,— поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором,— я вовсе не собираюсь его защищать.

Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, что кому-то отдадут предпочтение перед его особой, закричал:

— Эй, ты, там! Бюсси! Бюсси д'Амбуаз! Луи де Клермон! Граф де Бюсси! Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? Тот, к которому ты так важно выпагиваешь, это Шико, мой дурак, мой шут. Он порой вытворяет такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

— Разве вы не слышите, господин де Бюсси? Вас зовут.

И под громкий хохот миньонов повернулся спиной к молодому человеку.

Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек Келюса, Шомберга и Можирона и не видя их наглых усмешек, обратился к Шико.

— Ах, простите, государь,— сказал он.— Иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма трудно. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я привял вашего шута за короля.

— Что такое? — протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. — Что он сказал?

— Ничего, государь,— поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, небеса предназначили весь этот вечер быть миротворцем,— ничего, ровным счетом ничего.

— Нет, мэтр Бюсси,— ирек Шико, поднявшись на носки и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид,— ваше поведение непростительно.

— Прошу извинить меня, государь,— смиренно молил Бюсси,— я задумался.

— О чем? Небось о своих пажках, сударь? — раздраженно спросил Шико. — Да, вы разоритесь на этих мальчишках, и, клянусь смертью Христовой, вы явно покушаетесь на наши королевские prerogatives.

— Но каким образом? — почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил самого себя в смешное положение. — Прошу ваше величество объясниться, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смиренцем.

— Рядите в золотую парчу всякий сброд. — п Шико ткнул пальцем в пажей, — а вы, вы — дворянин, полковник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, вы являетесь на бал в простом черном бархате.

— Государь, — громко сказал Бюсси, поворачиваясь к мпшьонам короля, — я поступаю так потому, что в наше время всякий сброд паряжается, как принцы, и хороший вкус требует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь, как всякий сброд.

И он вернул молодым мпшьонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они награждали его минуту тому назад.

Генрих посмотрел на своих любимцев, побледневших от ярости, казалось, скажи он только слово, и они бросятся на Бюсси. Келюс, который больше других был зол на Бюсси и давно бы схватился с ним, не запретил ему этого король, положил руку на эфес шпаги.

— Уж не намекаете ли вы на меня и на моих людей? — воскликнул Шико. Узурпировав место короля, он произнес те слова, которые подобало бы произнести Генриху.

Но при этом шут встал в напыщенную героическую позу капитана Матамора и был настолько смешон, что половина зала разразилась хохотом. Другая половина молчала по очень простой причине: те, кто смеялся, смеялись над теми, кто хранил серьезный вид.

Трое друзей Бюсси, почуяв назревавшую стычку, сплотились вокруг него. Это были Шарль Бальзак д'Антрагэ — более известный под именем Антрагэ, Франсуа д'Оди, виконт де Рибейрак, и Ливаро.

Увидев такую подготовку к враждебным действиям, Сен-Люк догадался, что Бюсси пришел по поручению

герцога с целью учинить скандал или бросить кому-нибудь вызов. При этой мысли Сен-Люк вздрогнул, он почувствовал себя зажатым между двумя могущественными и распаленными гневом противниками, избравшими его дом полем сражения.

Несчастный новобрачный поспешил к Келюсу, возбужденный вид которого бросался всем в глаза, положил руку на его пальцы, ежимавшие эфес шпаги, и обратился к нему со словами увещавая:

— Бога ради, дружище, уймись. Подожди, наш час еще придет.

— Проклятие! Уймись ты сам, если можешь! — кричал Келюс. — Ведь пощечина этого наглеца задела тебя не меньше, чем меня. Кто оскорбил одного из нас, оскорбил всех нас, а кто оскорбил всех нас, оскорбил короля.

— Келюс, Келюс, — не отставал Сен-Люк, — подумай о герцоге Анжуйском, это он стоит за спиной Бюсси. Правда, его здесь нет, но тем более нам надо быть настороже, он невидим, но тем он опаснее. Надеюсь, ты не оскорбишь меня подозрением, что мне страшен слуга, а не господин?

— Дьявольщина! Да кто может быть страшен людям французского короля? Если мы подвергнемся опасности, сражаясь за короля, то король сумеет оборонить нас.

— Тебя — да, но не меня, — жалобно сказал Сен-Люк.

— Ах, пропади ты пропадом! И какого дьявола ты вздумал жениться?! Ведь ты знаешь, как ревнует король своих друзей.

«Ладно, — подумал Сен-Люк, — раз уж каждый стоит только за себя, то не будем и мы о себе забывать. Я хочу прожить спокойно хотя бы первые две недели после свадьбы, а для этого мне надо задобрить герцога Анжуйского».

И с такими мыслями он оставил Келюса и направился к Бюсси.

После своих дерзких слов Бюсси стоял с гордо поднятой головой и обводил взглядом присутствующих. Он весь ушел в слух, надеясь в ответ на брошенные им оскорбления уловить какую-нибудь дерзость по своему адресу. Но никто на него не смотрел, все хранили упорное молчание: одни опасались вызвать неодобрение короля, другие — неодобрение Бюсси.

Последний, увидев приближающегося к нему Сен-Люка, решил, что наконец-то добился своего.

— Сударь,— обратился он к хозяину дома,— по-видимому, вы желаете побеседовать со мной и, напервое, я обязан этой честью тем словам, которые я только что произнес?

— Словам, которые вы только что произнесли? — с самым простодушным видом переспросил Сен-Люк.— А что, собственно, вы произнесли? Я ничего не слышал, уверяю вас. Я просто увидел вас и обрадовался, что могу доставить себе удовольствие приветствовать столь высокого гостя и поблагодарить его за честь, оказанную моему дому.

Бюсси был человеком незаурядным во всех отношениях: смелым до безрассудства, но в то же время образованным, остроумным и прекрасно воспитанным. Зная несомненное мужество Сен-Люка, он понял, что долг гостеприимства одержал в нем верх над утонченной щепетильностью придворного. Всякому другому Бюсси не преминул бы слово повторить сказанную им фразу, то есть бросить вызов в лицо, но, обезоруженный дружелюбием Сен-Люка, он отвесил ему вежливый поклон и произнес несколько любезностей.

— Эге! — сказал Генрих, увидев, что Сен-Люк разговаривает с Бюсси. — Мне кажется, мой петушок уже прокукарекал капитану. Правильно сделал, но я не хочу, чтобы его убили. Пойдите, Келюс, узнайте, в чем там дело. Впрочем, нет, у вас слишком горячий нрав. Пойдите лучше вы, Можирон.

— Что ты сказал этому фату? — спросил король, когда Сен-Люк вернулся.

— Я, государь?

— Ну да, ты.

— Я пожелал ему доброго вечера.

— Вот как! И это все? — сердито буркнул король.

Сен-Люк понял, что сделал неверный шаг.

— Я пожелал ему доброго вечера,— продолжал он,— а потом сказал, что завтра поутру буду иметь удовольствие пожелать ему доброго утра.

— Хорошо. А я было усомнился в твоей смелости, удалец.

— Но, ваше королевское величество, окажите мне милость сохранить это в тайне,— подчеркнуто тихим голосом попросил Сен-Люк.

— Черт побери! Само собой, я не собираюсь тебе мешать. Хорошо бы ты избавил меня от него, но сам при этом не подарался.

Миньоны обменялись между собой быстрыми взглядами, но Генрих III сделал вид, что ничего не заметил.

— Ибо в конце концов,— продолжал он,— этот наглец стал совершенно невыносим.

— Да, да,— сказал Сен-Люк.— Но будьте спокойны, государь, рано или поздно, на него найдется управа.

— Гм,— недоверчиво хмыкнул король, покачивая головой,— шпагой он владеет мастерски. Хорошо бы его покусала бешеная собака. Так бы мы от него отделались без всяких трудов.

И он бросил косой взгляд на Бюсси, который разгуливал по залу в сопровождении трех своих друзей, толкая или высмеивая всех, кого он считал врагами герцога Анжуйского,— само собой разумеется, что эти люди были сторонниками короля.

— Черт побери,— закричал Шико,— не смейте обижать моих любимчиков, мэтр Бюсси, а не то будь я хоть король-раскороль, но я обнажу шпагу не хуже любого шута.

— Ах, мошенник,— пробормотал Генрих,— даю слово, он прав.

— Если Шико будет продолжать свои шуточки в том же духе, я его поколочу, государь,— сказал Можироп.

— Не суйся, куда тебя не спрашивают, Можироп. Шико дворянин и весьма щепетилен в вопросах чести. К тому же колотушек заслуживает вовсе не он, здесь он отнюдь не из самых дерзких.

На этот раз намек был ясен; Келюс сделал знак д'О и д'Эпернону, которые блистали в других углах зала и не были свидетелями выходки Бюсси.

— Господа,— начал Келюс, отведя своих друзей в сторону,— давайте посоветуемся. Ну, а ты, Сен-Люк, иди, беседуй с королем и продолжай свое дело миротворца, по-моему, ты в нем весьма преуспел.

Сен-Люк счел это предложение разумным и отошел к королю, который о чем-то горячо спорил с Шико.

Келюс увлек четырех миньонов в оконную нишу.

— Ну послушаем, зачем ты нас созвал,— сказал д'Эпернон.— Я там волочился за женой Жуаеза и предупреждаю: если ты не сообщишь что-нибудь по-настоящему важное, я тебе никогда не прощу.

— Я хочу вас предупредить, господа,— обратился Келюс к своим товарищам,— что сразу же после бала я отправляюсь на охоту.

— Отлично,— сказал д'О,— а на какого зверя?

— На кабапа.

— Что это тебе взбрело в голову? Ехать охотиться в такой собачий холод! И для чего? Чтоб тебе же выпустили кишки в каком-нибудь перелеске?

— Ну и пусть! Все равно я еду.

— Один?

— Нет, с Можироном и Шомбергом, мы будем охотиться для короля.

— А-а! Понятно,— в один голос сказали Можирон и Шомберг.

— Король изъявил желание видеть завтра на своем обеденном столе кабанью голову.

— С отложным воротничком по-итальянски,— сказал Можирон, намекая на простой отложной воротничок, который послал Бюсси, в отличие от пышных брыжей миньонов.

— Так, так,— подхватил д'Эпернон.— Идет. Я участвую в деле.

— Но что случилось? — спросил д'О.— Объясните мне, я все еще ни черта не понимаю.

— Э, да оглянись вокруг, мой милый.

— Ну, оглянулся.

— Разве ты не видишь наглеца, который смеется тебе в лицо?

— Бюсси, что ли?

— Ты угадал. А не кажется ли тебе, что это и есть тот самый кабап, чья голова порадовала бы короля?

— Ты уверен, что король... — начал д'О.

— Вполне уверен,— прервал его Келюс.

— Тогда пусть будет так. На охоту! Но как мы будем охотиться?

— Устроим засаду. Засада всего надежнее.

Бюсси издали заметил, что миньоны о чем-то совещаются, и, не сомневаясь, что речь идет о нем, направился к своим противникам, на ходу перебрасываясь шуточками с друзьями.

— Присмотрись получше, Автрагэ, взгляни-ка, Рибейрак, как они там разбились на парочки. Это просто трогательно. Их можно принять за Евриала с Нисом,

Дамона с Пифием, Кастора с... Но постой, куда делся Поллукс?

— Поллукс жепплся,— ответил Аптрагэ,— и наш Кастор остался без пары.

— Чем они там занимаются, по-вашему? — громко спросил Бюсси, дерзко разглядывая мипьонов.

— Держу пари,— отозвался Рибейрак,— они приобретают новый крахмал для воротничков.

— Нет, господа,— улыбаясь, ответил Келюс,— мы собираемся отправиться на охоту.

— Шутить извольте, сеньор Купидо,— сказал Бюсси,— для охоты нынче слишком холодно. У вас вся кожа потрескается.

— Не беспокойтесь, сударь,— в топ ему ответил Можпрон,— у нас есть теплые перчатки, и камзолы наши подбиты мехом.

— А-а, вот это меня успокаивает,— заметил Бюсси.— Ну и когда же вы выезжаете?

— Может быть, даже нынче ночью,— сказал Шомберг.

— Никаких «может быть». Непременно нынче ночью,— поправил его Можпрон.

— В таком случае я должен предупредить короля,— заявил Бюсси.— Что скажет его величество, если завтра на утреннем туалете все его любимцы будут сморкаться, чихать и кашлять?

— Не трудитесь понапрасну, сударь,— сказал Келюс,— его величеству известно, что мы собираемся охотиться.

— На жаворонков, не так ли? — насмешливо поинтересовался Бюсси, стараясь придать своему голосу как можно более презрительное звучание.

— Нет, сударь,— сказал Келюс.— Не на жаворонков, а на кабапа. Нам надо во что бы то ни стало раздобыть его голову.

— А зверь? — спросил д'Аптрагэ.

— Уже поднят,— ответил Шомберг.

— Но ведь еще нужно знать, где он пройдет,— сказал Ливаро.

— Ну, мы попытаемся это разузнать,— успокоил его д'О.— Не желаете ли поохотиться вместе с нами, господин де Бюсси?

— Нет, по правде говоря, я занят. Завтра мне нужно быть у герцога Анжуйского на приеме графа де Монсоро,

которому герцог, как вы, наверно, слышали, выхлопотал должность главного ловчего.

— Ну а нынче ночью? — спросил Келюс.

— Сожалею, но и нынче ночью не могу. У меня свидание в одном таинственном доме в Сент-Антуанском предместье.

— Ах, вот как! — воскликнул д'Эпернон. — Неужели королева Марго никогда не вернулась в Париж? Ведь, по слухам, господин де Бюсси, вы унаследовали де Ла Молю.

— Не стану отнекиваться, но с недавних пор я отказался от этого наследства, и на сей раз речь идет о совсем другой особе.

— И эта особа вас ждет в одной из улочек Сент-Антуанского предместья? — спросил д'О.

— Вот именно, и я даже хочу обратиться к вам за советом, господин де Келюс.

— Рад вам услужить. Хотя я и не принадлежу к судейскому сословию, но все же горжусь тем, что никому еще не давал дурных советов, в особенности — друзьям.

— Говорят, что парижские улицы по ночам небезопасны, а Сент-Антуанское предместье весьма уединенная часть города. Какую дорогу вы посоветовали бы мне избрать?

— Черт побери! — сказал Келюс. — Луврскому перевозчику непременно придется ждать вас всю ночь до утра, поэтому на вашем месте, сударь, я воспользовался бы маленьким паромом в Пре-о-Клерк и спустился бы вниз по реке до угловой башни, затем я пошел бы по набережной до Гран-Шатле, и дальше по улице Тиксерандери, добрался бы до Сент-Антуанского предместья. Если, дойдя до конца улицы Сент-Антуан, вам удастся без всяких происшествий миновать Турнельский дворец, вероятно, вы живым и невредимым постучитесь в дверь вашего таинственного дома.

— Благодарю за столь подробное описание дороги. Итак, вы сказали: паром в Пре-о-Клерк, угловая башня, набережная до Гран-Шатле, улица Тиксерандери, затем улица Сент-Антуан. Будьте уверены — я не сверну с этого пути, — пообещал Бюсси.

И, поклонившись пятерым минован, он удалился, парочко громко обратившись к Бальзаку д'Антрагэ:

— Решительно, с этим народом не о чем толковать, Антрагэ. Уйдем отсюда.

Ливаро и Рибейрак со смехом последовали за Бюсси и д'Антрагэ; удаляясь, вся компания несколько раз оборачивалась назад, словно обсуждая миньонов.

Миньоны сохраняли спокойствие, по-видимому, они решили ни на что не обращать внимания.

Когда Бюсси вошел в последнюю гостиную, где пахнулась госпожа де Сен-Люк, ни на минуту не терявшая из виду своего супруга, Сен-Люк многозначительно повел глазами в сторону удалявшегося фаворита герцога Анжуйского. Жанна с чисто жепской пронизательностью тут же все поняла: она догнала Бюсси и преградила ему путь.

— О господи де Бюсси,— сказала Жанна,— все кругом только и говорят что о вашем последнем совете. Уверяют, что оп...

— Высмеивает короля? — спросил Бюсси.

— Нет, прославляет королеву. Ах, умоляю, прочтите его мне.

— Охотно, сударыня,— сказал Бюсси.

И, предложив новобрачной руку, он начал на ходу декламировать свой совет.

Тем временем Сен-Люк незаметно подошел к миньонам, они слушали Келюса.

— По таким отметинам зверя легко выследить. Итак, решено: угол Турнельского дворца, около Сент-Антуанских ворот, напротив дворца Сен-Поль.

— И прихватить с собой лакея? — спросил д'Эпернон.

— Никаким образом, Ногара, никаким образом,— возразил Келюс,— мы пойдем одни, только мы одни будем знать пашу тайну, мы своими руками выполним свой долг. Я ненавижу Бюсси, но я счел бы себя опозоренным, если бы позволил палке лакея прикоснуться к нему. Бюсси дворянин с головы до ног.

— Выйдем вместе, все шестеро? — осведомился Можирон.

— Все пятеро, а не все шестеро,— подал голос Сен-Люк.

— Ах да, ведь ты женат. А мы-то все еще по старой памяти числим тебя холостяком! — воскликнул Шомберг.

— Сен-Люк прав,— вмешался д'О,— пусть он, бедняга, хоть на первую брачную ночь останется с женой.

— Вы ошибаетесь, господа,— сказал Сен-Люк. — Моя жена безусловно стоит того, чтобы я остался с ней, но не она меня удерживает, а король.

— Неужели король?

— Да, король. Его величество высказал желание, чтобы я проводил его до Лувра.

Молодые люди посмотрели на Сен-Люка с улыбкой, которую наш новобрачный тщетно пытался истолковать.

— Чего тебе еще надо? — сказал Келюс. — Король делает к тебе столь необыкновенной дружбой, что прямо шагу без тебя ступить не может.

— К тому же мы вполне обойдемся и без Сен-Люка, — добавил Шомберг. — Оставим же нашего приятеля на попечение его короля и его супруги.

— Гм, но ведь мы идем на крупного зверя, — усомнился д'Эпернон.

— Ба! — беззаботно воскликнул Келюс. — Пусть только его выгонят на меня и дадут мне копье, а все остальное я беру на себя.

Тут они услышали голос Генриха: король звал Сен-Люка.

— Господа, — сказал новобрачный, — вы слышите, меня зовет король. Счастливой охоты, до встречи.

И Сен-Люк покинул общество своих друзей, но, вместо того чтобы поспешить к королю, он проскользнул мимо все еще стоящих шпалерами вдоль стен зрителей и отдыхающих танцоров и подошел к двери, за ручку которой уже взялся Бюсси, удерживаемый юной новобрачной, делавшей все, что было в ее силах, лишь бы не выпустить гостя.

— А! Доброй ночи, господин де Сен-Люк, — сказал Бюсси. — Но что случилось? Почему у вас такой возбужденный вид? Неужели и вы решили присоединиться к большой охоте, которую здесь собирают? Такое решение делает честь вашему мужеству, но не вашей галантности.

— Сударь, — ответил Сен-Люк, — у меня возбужденный вид, потому что я вас искал.

— В самом деле?

— И боялся, как бы вы не ушли. Милая Жанна, передайте вашему батюшке, пусть он попробует задержать короля. Мне пужно сказать господину де Бюсси два слова с глазу на глаз.

Жанна поторопилась выполнить поручение, она ничего не понимала во всех этих неотложных делах, но покорно подчинялась воле своего мужа, так как чувствовала, что речь идет о чем-то очень важном.

— Ну так что вы хотите мне сказать, господин де Сен-Люк? — осведомился Бюсси.

— Я хотел вам сказать, сударь, что парижские улицы нынче опасны, и ежели у вас назначено свидание на сегодняшний вечер, то лучше будет перенести его на завтра, а ежели вы все-таки попадете в окрестности Бастилии, то забегайте Турнельского дворца: там есть один уголок, в котором могут спрятаться несколько человек. Вот и все, что я хотел вам сказать, господин де Бюсси. У меня и в мыслях нет, что человека, подобного вам, можно чем-то напугать, боже упаси, но подумайте хорошенько.

В эту минуту на весь зал раздался жалобный вопль Шико:

— Сен-Люк, мой маленький Сен-Люк! Что с тобой? Зачем ты прячешься? Ведь ты видишь, я жду тебя и без тебя не хочу возвращаться в Лувр.

— Я здесь, государь!— крикнул в ответ Сен-Люк, устремляясь на голос шута.

Рядом с Шико стоял Генрих III; паж уже подавал ему тяжелый плащ на горностаею меху, другой паж держал наготове длинные — до локтей — перчатки, а третий — бархатную маску на атласной подкладке.

— Государь,— обратился Сен-Люк одновременно к обоим Генрихам. — Я буду иметь честь сопровождать вас с факелом до носилок.

— Нет,— ответил король. — Шико едет в одну сторону, я — в другую. Эти бездельники, твои друзья, отправились куда-то провожать масленицу и предоставили мне возвращаться в Лувр в одиночестве. Я на них попадался, а они меня безбожно подвели. Теперь тебе ясно — ты не можешь допустить, чтобы я уехал отсюда один. Ты мужчина степенный и жепатый, тебе и подобает доставить меня к королеве. Пошли, дружище, пошли! Эй! Коня господину Сен-Люку. Впрочем, нет, зачем тебе конь, мои носилки достаточно вместительны, в них найдется место для двоих.

Жанна де Бриссак не упустила ни звука из этого разговора. Она хотела заговорить, сказать Сен-Люку хотя бы одно слово, предупредить отца о том, что король увозит ее мужа, но Сен-Люк, приложив палец к губам, приказал ей молчать и держаться тише воды, ниже травы.

«Черт возьми! — сказал про себя Сен-Люк. — Теперь, когда я улепестил Франсуа Анжуйского, не будем ссориться с Генрихом Валуа».

— Государь,— продолжал он уже во всеуслышание,— я готов. Я так предан вашему величеству, что по первому зову последую за вами хоть на край света.

Тут началась отчаянная суматоха, беспысленные пере-
мошнные приседания и поклоны, и вдруг все разом пре-
кратилось, наступила мертвая тишина — придворные хо-
тели услышать, что скажет король на прощание Жанне
де Бриссак и ее отцу. Король распростился с молодой
женщиной и маршалом в самых милостивых выражениях.

Потом кони храпели и били копытами во дворе, и
в витражах плясали красноватые отблески факелов. На-
копец все придворные французского королевства и все
свадебные гости, кто смеясь, кто дрожа от холода, рас-
творились в ночном тумане.

Оставшись со своими прислужницами, Жанна вошла
в спальню и преклонила колени перед образом особенно
чтимого ею святого. Потом она отослала служанок, рас-
порядившись, чтобы к возвращению ее супруга для него
был приготовлен легкий ужин, и осталась одна.

Маршал де Бриссак проявил еще большую заботу
о своем зяте: он отрядил шесть копейщиков, наказав им
дождаться у дверей Лувра выхода Сен-Люка и сопровож-
дать его домой. Но спустя два часа один из солдат вер-
нулся и сообщил маршалу, что в Лувре закрыли все
входы и начальник караула, запирая последнюю дверь,
сказал:

— Не торчите здесь попусту, этой ночью больше ни-
кто не выйдет из Лувра. Его величество отошел ко сну,
и все спят.

Маршал передал это известие своей дочери, Жанна
объявила, что она очень тревожится, не сможет уснуть и
намерена бодрствовать в ожидании мужа.

Глава II

ИЗ КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ, ЧТО НЕ ВСЕГДА ВХОДИТ В ДОМ ТОТ, КТО ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

В те времена Сент-Антуанские ворота представляли
собой род каменного свода, напоминающего арку ворот
Сен-Дени или Сен-Мартенских ворот в современном нам
Париже. С левой стороны к ним вплотную подходили

какие-то постройки, другим своим копцом примыкавшие к Бастилии и как бы связывавшие Сент-Антуанские ворота со старой крепостью. Справа от ворот и до Бретонского дворца простирался обширный, мрачный и грязный пустырь. Если в дневное время на нем еще можно было встретить прохожего, то с наступлением темноты всякое движение тут затихало, ибо в те времена улицы по ночам превращались в воровские притоны, а ночные дозоры были редкостью. Запоздалые пешеходы робко жались к стенам крепости, поближе к часовому на башне, который, правда, не был в состоянии прийти на выручку, по мог хотя бы позвать на помощь и своими криками отлугнуть грабителей.

Само собой разумеется, что в зимние ночи прохожие вели себя еще более осмотрительно, нежели в летние.

Ночь, ознаменованная событиями, о которых мы только что рассказали, а также другими происшествиями, о которых нам еще предстоит поведать читателю, выдалась на редкость темной и морозной, небо сплошь затянуло черные, низкие тучи, и, спасительного часового за зубцами королевской твердыни невозможно было разглядеть, да и ему, в свою очередь, не стоило даже и пытаться различить на пустыре каких-нибудь прохожих.

Со стороны города перед Сент-Антуанскими воротами не стояло ни одного дома, там тянулись две высокие стены: справа — ограда церкви святого Павла, а слева — стена, окружавшая Турнельский дворец. Эта последняя, подходя к улице Сент-Катрин, образовывала внутренний угол, тот «уголок», о котором Сен-Люк говорил Бюсси.

Дальше тесно жались друг к другу домишки, расположенные между улицей Жюи и широкой улицей Сент-Антуан, перед которой в те времена проходила улица Бийет и высилась церковь святой Екатерины.

Ни один фонарь не освещал только что описанную нами часть старого Парижа. В те ночи, когда луна брала на себя освещение земли, здесь, на фоне звездного неба, четко выделялся огромный силуэт Бастилии, мрачной, величественной и неподвижной. В безлунные ночи на месте крепости виднелось лишь черное пятно густого мрака, сквозь которое там и сям пробивался бледный свет редких окон.

Описываемая нами ночь началась сильным морозом и должна была завершиться обильным снегопадом; в такую ночь нячья нога не осмеливалась ступить на рас-

трескавшуюся землю пустыря, этого подобия дороги, ведущей в предместье, которой, как мы уже знаем, шибгали запоздалые путники, предпочитавшие, безопасности ради, делать крюк. Однако опытный глаз мог бы заметить в углу, образуемом стеной Турнельского дворца, подозрительные черные тени, которые время от времени шевелились, наводя на мысль, что это какие-то бедолаги пытаются сохранить естественное тепло своих тел, с каждой минутой все более и более похищаемое у них неподвижностью, на которую они, по-видимому, сами добровольно обрекли себя в ожидании предстоящего события.

Ночной мрак не позволял часовому на крепостной башне видеть, что происходит на площади, часовой также не мог слышать и разговор подозрительных теней, потому что они переговаривались шепотом. А между тем беседа их представляет для нас некоторый интерес.

— Этот бешеный Бюсси правильно нам накаркал,— сказала одна тень,— ночка сегодня вроде тех, что мы видели в Варшаве, когда король Генрих был польским королем; если так и дальше пойдет, то пророчество Бюсси сбудется — у нас кожа потрескается.

— Ну, ну, Можирон, что это ты расхныкался, как баба,— ответила другая тень. — Конечно, сейчас не жарко, по закутайся поплотней в плащ, засупись поглубже руки в карманы, и ты перестанешь зябнуть.

— Легко тебе говорить, Шомберг,— вмешалась третья тень,— сразу видно, что ты немец и сызмальства приучен к холоду. А вот у меня из губ кровь сочится, а на усах сосульки растут.

— А у меня руки мерзнут,— отозвался четвертый голос. — Могу пари держать — пальцы уже отмерзли.

— Бедвенький Келюс, что же ты не захватил с собой муфту твоей маменьки? — ответил Шомберг. — Она была бы счастлива ссудить ее тебе, скажи ты ей только, что муфта поможет избавиться от ее ненаглядного Бюсси, которого она ставит на одну доску с чумой.

— Ах, боже мой, да имейте же терпение,— произнес пятый голос. — Еще милута, и, я уверен, вы будете жаловаться на жару.

— Да услышит тебя господь, д'Эпернон! — сказал Можирон, постукивая ногами.

— Это не я,— отозвался д'Эпернон,— это д'О сказал. А я молчу, боюсь, как бы слова не замерзли.

— Что ты говоришь? — спросил Келюс у Можирона.

— Д'О сказал, — ответил тот, — что пройдет минута — и нам станет жарко, а я заключил: «Да услышит тебя господь!»

— Кажется, господь его услышал, я вижу, по улице Сен-Поль что-то движется.

— Ошибаешься. Это не может быть он.

— А почему?

— Потому что он намеревался ехать не по пей.

— Ну и что из того? Разве не мог он почувать неладное и поехать другой дорогой?

— Вы не знаете Бюсси. Раз уж он сказал, по какой дороге поедет, то по ней он обязательно и поедет, даже если будет знать, что сам дьявол караулит его в засаде.

— Ну, а пока что, — сказал Келюс, — там все же идут два человека.

— Верно, верно, — подхватило несколько голосов, подтверждая достоверность его наблюдения.

— В таком случае, господа, чего мы ждем? Вперед! — предложил Шомберг.

— Минуточку, — вмешался д'Эперноц, — стоит ли потрошить добрых буржуа или честную повитуху?.. Ага! Они останавливаются.

Действительно, дойдя до перекрестка улиц Сен-Поль и Сент-Антуан, два человека, заинтересованные чужих друзей, остановились, словно в нерешительности.

— Ну и ну! Неужели они нас увидели? — сказал Келюс.

— Откуда же? Мы и сами-то себя с трудом различаем.

— Верно, — согласился Келюс. — Гляди-ка! Гляди! Они свернули налево... остановились перед каким-то домом... чего-то ищут.

— Ей-богу, ты прав.

— Похоже, что они собираются войти, — сказал Шомберг. — Неужели мы их упустим?

— Но это не он, ведь он намеревался идти в Сент-Антуанское предместье, а эти двое вышли из улицы Сен-Поль и спустились вниз, — возразил Можирон.

— Ну а кто поручится, — наставлял Шомберг, — что эта продувная bestia не провела нас? Он мог сбить нас с толку то ли нечаянно — по забывчивости, то ли умышленно — из хитрости.

— Правда твоя, так могло случиться, — согласился Келюс.

Это предположение заставило всю компанию миньонов стремительно броситься вперед. Как свора голодных псов, они выскочили из своего убежища и, размахивая обнаженными шпагами, ринулись на двух человек, оставившихся перед дверью какого-то дома.

Один из двух незнакомцев уже повернул было ключ в замочной скважине и дверь подалась, но тут шум, подплетый падающими, заставил таинственных пришельцев обернуться.

— Что там такое, д'Орильи? — спросил, оборачиваясь, тот, кто был пониже ростом. — Не на нас ли покушаются?

— Ах, монсеньер, — ответил тот, кто открывал дверь, — мне кажется, дело идет к этому. Вы сообразовалите назвать себя или пожелаете сохранить инкогнито?

— Они вооружены! Мы в ловушке!

— Какие-нибудь ревнивцы нас выследили. Боже правый! Я говорил вам не раз — эта дама такая красotka, что непременно должна иметь поклонников.

— Войдем, д'Орильи, поторопись, лучше выдерживать осаду за дверью, чем перед дверью.

— Да, монсеньер, если только в крепости вас не ждут враги. Но кто поручится?..

Орильи не успел кончить. Миньоны короля с быстротой молнии преодолели пространство в сотню шагов, отделившие их от двух пришельцев. Келюс и Можирон, бжавшие вдоль стены, бросились между дверью и незнакомцами, дабы отрезать им путь к отступлению. Шомберг, д'О и д'Эрион приготовились напасть со стороны улицы.

— Смерть ему! Смерть ему! — вопил Келюс, как всегда самый неистовый из всей компании.

Вдруг тот, кого величали монсеньером и у кого спрашивали, не пожелает ли он сохранить инкогнито, повернулся к Келюсу, сделал шаг вперед и надменно скрестил руки на груди.

— Мне послышалось, вы угрожали смертью наследнику французского престола, господин де Келюс? — злощущим голосом отчеканил он.

Келюс отшатнулся, в глазах у него потемнело, колени подогнулись, руки бессильно опустились.

— Монсеньер герцог Анжуйский! — воскликнул он.

— Монсеньер герцог Анжуйский! — хором повторили все остальные.

— Ну как, мои дворянчики, — угрожающе сказал Франсуа, — будем мы еще кричать: «Смерть ему! Смерть ему!»?

— Монсеньер, — пробормотал д'Эпернон, — это была просто шутка. Простите нас.

— Монсеньер, — поддержал его д'О, — мы даже и мысли допустить не могли, что встретим ваше высочество в этом глухом квартале, на окраине Парижа.

— Шутка! — воскликнул Франсуа, не устаивая д'О ответом. — У вас странная манера шутить, господин д'Эпернон. Ну что ж, раз это не меня, то кого же тогда вы хотели заколоть шутки ради?

— Монсеньер, — почтительно сказал Шомберг, — мы видели, как Сен-Люк вышел из дворца Монморанси и направился в эту сторону. Его поведение нас удивило, и мы захотели узнать, с какой целью супруг оставляет свою жену в первую брачную ночь.

Оправдание звучало довольно правдоподобно: на следующий день герцогу Анжуйскому, по всей вероятности, донесли бы, что Сен-Люк не ночевал во дворце Монморанси и выдумка Шомберга таким образом подтвердилась бы.

— Господин де Сен-Люк? Неужели вы меня приняли за Сен-Люка, господи?

— Да, монсеньер, — в один голос ответили пятеро друзей.

— Но разве мыслимо так грубо ошибиться? — усомнился герцог Анжуйский. — Господин де Сен-Люк на целую голову выше меня.

— Это так, монсеньер, но он одинакового роста с господином д'Орильи, который имеет честь вас сопровождать, — напелся Келюс.

— И потом, ночь такая темная, монсеньер, — подхватил Можирон.

— И еще — того человека, который вкладывал ключ в замочную скважину, мы приняли за самого главного из вас двоих, — пробормотал д'О.

— И, наконец, — заключил Келюс, — монсеньер не может предположить, что мы осмелились бы даже помыслить против него что-нибудь дурное, что мы дерзнули бы помешать пусть даже развлечениям его высочества.

Задавая вопросы и выслушивая более или менее складные ответы, диктуемые растерянностью или страхом, Франсуа предпринял ловкий стратегический маневр:

разговаривая, он шаг за шагом удалялся от порога той двери, у которой его захватили, и шаг за шагом, подобно тени, следовал за ним д'Орилья, его лютнист, его неизменный спутник в почтовых похождениях. Таким образом, они незаметно отошли на значительное расстояние от заветного дома, и мильомам уже не удалось бы узреть его среди других строений.

— Мои развлечения! — с горечью воскликнул герцог. — Да откуда вы взяли, что я иду здесь развлечениями?!

— Ах, монсеньер, в любом случае, что бы вас сюда привело, — ответил Келюс, — простите нас. Мы тотчас же уходим.

— Хорошо. Прощайте, господа.

— Монсеньер, — счел нужным добавить д'Эпернон, — как хорошо известно вашему высочеству, мы народ не болтливый.

Герцог Анжуйский, уже сделавший было шаг, собираясь уйти, резко остановился и нахмурил брови.

— О чем вы толкуете, господин Ногарэ, и кто от вас требует, чтобы вы не болтали?

— Монсеньер, мы подумали: выше высочество одни, в этот час, в сопровождении только своего доверенного лица...

— Ошибаетесь. Вот что следует думать, и я желаю, чтобы вы это думали, относительно того, почему я оказался здесь в столь поздний час...

Пятеро друзей застыли в глубочайшем почтительнейшем внимании.

— Я пришел сюда, — продолжал герцог Анжуйский, старательно растягивая слова, словно желая навеки запечатлеть в памяти слушателей каждый звук, — я пришел сюда посоветоваться с евреем Манасесом, он умеет гадать на стекле и кофейной гуще. Как вы знаете, Манасес проживает на улице Турнель. Д'Орилья вас заметил издали и принял за лучников, делающих обход. Тогда, — добавил принц, с особой, свойственной ему свирепой насмешливостью, которой страшлись все, кто знал его характер, — как и подобает постоянным посетителям колдунов, мы попытались спрятаться: прижались к стене и хотели укрыться в дверной нише от ваших грозных взглядов.

Давая эти разъяснения, принц незаметно вышел на улицу Сен-Поль и оказался на расстоянии голоса от часовых Бастилии, предосторожность отнюдь не излишняя

в случае полого нападения, возможность которого, несмотря на все клятвенные заверения и унизительные извинения миньонов, герцог отнюдь не считал исключенной: ему было слишком хорошо известно, какую застарелую и глухую ненависть питает к нему его царствующий брат.

— Теперь вы знаете, чему следует верить я, главное, что следует говорить, а посему прощайте, господа. Само собой разумеется, не трудитесь меня сопровождать.

Миньоны низкими поклонами распрощались с принцем, который направился в сторону, противоположную той, куда двинулись они, и несколько раз оборачивался, дабы увериться, действительно ли они уходят.

— Монсеньер, — обратился к принцу д'Орилья. — Клянусь, эти люди замышляют недоброе. Время уже к полноте. Мы здесь, как они говорят, в глухом квартале. Вернемся побыстрее во дворец, монсеньер, вернемся немедленно.

— Нет, — сказал принц, останавливаясь, — напротив, воспользуемся их уходом.

— Ваше высочество ошибаетесь. Они и не думают уходить. Монсеньер может в этом удостовериться своими собственными глазами; взгляните, они спрятались в том убежище, откуда выскочили на нас. Видите, монсеньер, вон там, в этом закоулке на углу Турнельского дворца.

Франсуа всмотрелся в темноту, д'Орилья был совершенно прав. Все пятеро снова укрылись в том же самом углу. Несомненно, появление принца помешало им привести в исполнение какой-то замысел. И, может быть даже, они остались в этом пустынном месте с целью выследить принца и его слутника и убедиться, действительно ли те идут к еврею Манасесу.

— Итак, монсеньер, какое решение вы приняли? — спросил д'Орилья. — Я заранее подчиняюсь любому приказу вашего высочества, но, по моему разумению, оставаться здесь было бы неосторожно.

— Проклятие, — сказал принц. — До чего же досадно прекращать игру!

— Я вас вполне понимаю, монсеньер, но ведь партию можно и отложить. Я уже имел честь сообщить вашему высочеству все, что мне удалось разузнать. Дом спит по год, мы знаем, что апартаменты дамы — на втором этаже, мы достигли взаимного понимания со служанкой,

у нас есть ключ от входной двери. С такими козырями на руках мы можем не спешить.

— Ты уверен, что дверь открылась?

— Совершенно уверен, к ней подошел третий ключ из тех, что я принес с собой.

— Кстати, а ты ее запер?

— Дверь?

— Да.

— Ну конечно, монсеньер.

Как бы искренно ни прозвучал ответ д'Орville на вопрос его покровителя, мы все же должны сказать, что фаворит герцога далеко не был уверен в том, что запер дверь, хотя хорошо помнил, что открыл ее. Однако его убежденный топ не оставлял герцогу и тени сомнения ни в первом, ни во втором.

— И все же, — сказал принц, — я был бы не прочь узнать...

— Что они там делают, монсеньер? Я вам могу сказать это почти безошибочно. Они сидят в засаде и кого-то подстерегают. Уйдем отсюда. У вашего высочества немало врагов. Кто знает, что они могут сотворить?

— Ну ладно, уйдем, я согласен, но мы обязательно вернемся.

— Только не этой ночью, монсеньер. Пусть ваше высочество поймет мои страхи. Мне повсюду мерещатся засады и ловушки; я всего боюсь, и это вполне понятно, ведь я сопровождаю первого принца крови... наследника короны... а столько людей хотят, чтобы она вам не досталась.

Эти слова так подействовали на Франсуа, что он тотчас же решился отступить, но, уходя, не преминул отпустить крепкое словцо по адресу тех, кто осмелился встать на его пути, пообещав себе отплатить сторпцей всем пятерым.

— Что ж тут поделаешь? — сказал он. — Вернемся во дворец. Распроклятая свадьба уже кончилась, и Бюсси должен быть там. Ему-то, паверное, посчастливилось завязать добрую ссору, и он заколот или завтра утром заколет кого-нибудь из этих постельных мишонов. Такая мысль меня несколько утешает.

— Да будет так, монсеньер, станем уповать на Бюсси. Что до меня, то я не желаю ничего лучшего. Я, как и вы, ваше высочество, полагаюсь в этом отношении на Бюсси, как на каменную стену.

И герцог со своим верным спутником отправились восвояси.

Они еще не свернули за угол улицы Жуи, как наши пятеро друзей заметили, что на углу улицы Тивон показались всадник, закутанный в длинный плащ. Копыта коня сухо и четко стучали по окаменевшей земле, и белое перо на шлеме всадника в густом ночном мраке посеребрил бледный луч луны, которому удалось прорваться сквозь сплошную пелену туч и плотный, насыщенный дыханием близкого снегопада воздух. Всадник туго натягивал поводья, и у коня, вынужденного идти шагом, бока, несмотря на холод, были покрыты хлопьями пены.

— На этот раз он,— сказал Келюс.

— Нет, не он,— отозвался Можироц.

— Почему?

— Потому что этот один, а Бюсси мы оставили с Ливаро, д'Аптрагэ и Рибейраком, они не позволили бы ему так рисковать.

— И все же это он, он,— сказал д'Эпернон. — Прислушайся, разве ты не распознаешь его звонок «хм», взглядишь хорошенько, кто еще умеет так гордо закидывать голову? Он едет один.

— Тогда,— сказал д'О,— это ловушка.

— Ловушка или нет, в любом случае,— вмешался Шомберг,— это он, а раз так, то за шпаги, господа, за шпаги!

И действительно, всадником был Бюсси, который безмятежно ехал по улице Септ-Антуан, неотступно следуя по пути, указанному Келюсом. Как мы знаем, Сеп-Люк предостерег его, и хотя слова хозяина дома заропили в душу молодого человека вполне понятную тревогу, все же, выйдя из дверей дворца Монморанси, он расстался со своими тремя друзьями. В этой беззаботности проявилось присущее Бюсси удалство, которое так ценил в себе сам доблестный полковник. Он говорил: «Я всего лишь простой дворянин, но в груди у меня сердце императора, и, когда я читаю в жизнеописаниях Плутарха о подвигах древних римлян, я не важожу в аптичности ни одного героя, деяния которого я не мог бы повторить во всех подробностях».

К тому же Бюсси подумал, что, может быть, Сеп-Люк, некогда не принадлежавший к числу его друзей, проявил о нем заботу лишь потому, что сам попал в затруднительное положение. Быть может, его предупреждению

было сделано с тайным намерением напугать Бюсси, вынудить его принять излишние меры предосторожности и выставить в смешном виде перед врагами, если и в самом деле пайдутся такие смельчаки, которые отважатся его подкараулить. А для Бюсси показаться смешным было страшнее, чем любая опасность. Даже у своих недругов он пользовался репутацией человека смелого до безрассудства и, стараясь поддерживать свою славу на тех вершинах, которых она достигла, шел на самые дерзостные выходы. Так же и в эту ночь, действуя по примеру героев Плутарха, он отослал домой трех товарищей — сильный эскорт, способный дать отпор целому эскадрону.

И вот теперь, в одиночестве, скрестив руки под плащом, вооруженный только шпагой и кинжалом, Бюсси ехал к дому, где его ожидало не любовное свидание, как это можно было подумать, а письмо, которое каждый месяц в один и тот же день посылала ему с парочным королева Наваррская в память об их прежней дружбе. Бравый воин, неукоснительно выполняя обещание, данное им прекрасной Маргарите, всегда являлся в дом гонца за ее посланцем ночью и без провожатых, дабы никого не скомпрометировать.

Бюсси беспрепятственно проделал часть пути от улицы Гран-Огюстен до улицы Сент-Антуан, но, когда он подъехал к улице Сент-Катрип, его настороженный, острый и приученный к темпоте глаз различил во мраке у стены смутные очертания человеческих фигур, которые не заметил имевший меньше основания быть настороже герцог Анжуйский. Не надо забывать и того, что даже человек, поистине мужественный сердцем, чуя приближение опасности, испытывает возбуждение и все его чувства, и его мозг напрягаются до предела.

Бюсси пересчитал черные тени на темной стене.

— Три, четыре, пять. Это еще без слуг, а слуги, паверное, засели где-нибудь поблизости и прибегут на подмогу по первому зову. Сдается мне, эти господа с должным почтением относятся к моей особе. Вот дьявол! Для одного человека дела тут выше головы. Так, так! Значит, благородный Сен-Люк меня не обманул, и если он даже первый проткнет мое брюхо в драке, все равно я скажу ему: «Спасибо за предупреждение, приятель!»

Рассуждая сам с собой, Бюсси продолжал двигаться вперед: его правая рука спокойно лежала под плащом, а левой он растегнул пряжку у плаща.

И тут Шомберг крикнул: «За шпаги!», его товарищи повторили этот клич, и все пятеро выскочили на дорогу перед Бюсси.

— А, вот оно что, господа,— раздался резкий, но спокойный голос Бюсси,— видно, нашего бедного Бюсси собираются заколоть. Так это он, тот дикий зверь, тот славный кабан, на которого вы собирались поохотиться? Что ж, прекрасно, господа, кабан еще распорет брюхо кое-кому из вас, клянусь вам в этом, а вы знаете, что я не трачу клятв попусту.

— Пусть так! — ответил Шомберг. — И все же ты невежа, сеньор Бюсси д'Амбуаз. Ты разговариваешь с нами, пешими, восседая на коне.

При этих словах рука молодого человека, затянутая в белый атлас, выскользнула из-под плаща и блеснула в лунном свете, как серебряная молния. Бюсси не понял смысла этого жеста, хотя и почувствовал в нем угрозу. Поэтому он хотел было, по своему обычаю, ответить дерзостью на дерзость, но, вонзая шпоры в брюхо лошади, почувствовал, что она пошатнулась и словно осела под ним. Шомберг с присущей ему ловкостью, не раз подтвержденной в многочисленных поединках, которые он, несмотря на юные годы, уже имел на своем счету, метнул нож с широким клинком, более тяжелым, чем рукоятка, и это страшное оружие, перерезав скакательный сустав кося, вострело в ране, как топор в стволе дерева.

Бедное животное глухо заржало, дернулось всем телом и упало на подогнувшиеся колени.

Бюсси, как всегда готовый к любым неожиданностям, молниеносно соскочил на землю со шпагой в руке.

— А, негодяи! — вскричал он. — Это мой любимый конь, вы мне за него дорого заплатите.

Шомберг смело ринулся вперед, но при этом плохо рассчитал длину шпаги Бюсси, которую наш герой держал прижатой к туловищу, — так можно ошибиться в дальности броска свернувшейся спиралью ядовитой змеи, — рука Бюсси внезапно развернулась, словно туго сжатая пружина, и шпага проколола Шомбергу бедро.

Раненый вскрикнул.

— Отлично, — сказал Бюсси. — Вот я и сдержал свое слово. У одного шкура уже продырявлена. Тебе надо было подрезать шпагу Бюсси, а не сухожилья его лошади, растапа.

И пока Шомберг перевязывал повоем платком ранающую ногу, Бюсси с быстротою молнии бросился в бой, острое его длинной шпаги то сверкало у самых глаз, то чуть не касалось груди его противников. Он бился молча, ибо позвать на помощь, а следовательно, признаться в своей слабости, было бы недостойно имени, которое он носил. Бюсси ограничился тем, что обмотал свой плащ вокруг левой руки, превратив его в щит, и отступил на несколько шагов, но не замыслив спастись бегством, а рассчитывая добраться до стены, к которой можно было бы прислониться и, таким образом, прикрыть себя от нападения с тыла. При этом он не переставал вертеть шпагой во все стороны, и каждую минуту делал добрый десяток выпадов, порой ощущая мягкое сопротивление живой плоти, свидетельствующее, что удар достиг цели. Вдруг он поскользнулся и невольно взглянул себе под ноги. Этим мгновенно воспользовался Келюс и нанес ему удар в бок.

— Попал! — радостно закричал Келюс.

— Как же — в плащ, — ответил Бюсси, не желавший признаться, что он ранен. — Только трусы так попадают.

И, прыгнув вперед, он выбил из рук Келюса шпагу с такой силой, что она отлетела на десять шагов в сторону. Однако Бюсси не удалось воспользоваться плодами этой победы, так как в тот же миг на него с удвоенной яростью обрушились д'О, д'Эпернон и Можирон. Шомберг перевязал рану, Келюс подобрал шпагу, и Бюсси понял: сейчас он будет окружен, в его распоряжении остается не более минуты, если за эту минуту он не доберется до стены — он погиб.

Бюсси отпрыгнул назад, положив расстояние в три шага между собой и своими противниками; четыре шпаги устремились вослед и быстро догнали его, но слишком поздно: он успел сделать еще один скачок и прислониться к стене. Тут он остановился, сильный, как Ахилл или Роланд, встречая улыбкой бурю ударов и проклятий, которые обрушились на его голову.

Внезапно он почувствовал, что лоб его покрылся испариной, а в глазах помутилось.

Бюсси совсем позабыл о своей ране, и эти признаки близкого обморока напомнили ему о ней.

— Ага, ты слабеешь, — крикнул Келюс, учащая удары.

— Суди сам, — сказал Бюсси — вот, получай!

И эфесом шпаги он хватил Келюса в висок. От удара этой железной руки миньон короля навзничь рухнул на землю.

И потом, возбужденный, разъяренный, словно дикий зверь, который, отбросив наевших на него собак, сам кидается на своих врагов, Бюсси издал яростный вопль и ринулся вперед. Д'О и д'Эпернон отступили, Можирои поднял Келюса с земли и поддерживал его; Бюсси каблуклом сломал шпагу Келюса и колющим ударом рапил д'Эпернона в предплечье. Одно мгновение казалось, что он победил. Но Келюс пришел в себя, а Шомберг, несмотря на рану, присоединился к товарищам, и снова четыре шпаги засверкали перед Бюсси. Бюсси вторично почувствовал себя на краю гибели. Он напрягся до предела и, шаг за шагом, снова начал отходить к стене. Ледяной пот на лбу, глухой звон в ушах, кровавая пелена, застилающая глаза,— все свидетельствовало, что силы его исчерпаны. Шпага ему не повиновалась, мысли путались. Вытянутой назад левой рукой он нащупал стену и, прикоснувшись к ее холодной поверхности, почувствовал некоторое облегчение, но тут, к его великому удивлению, стена подалась под его рукой. То была не стена, а незапертая дверь.

Тогда Бюсси воспрянул духом и, понимая, что наступает решающий миг, собрал последние остатки сил. Он так стремительно и с такой яростью атаковал своих противников, что они либо опустили шпаги, либо отвели их в сторону. Воспользовавшись этой мгновенной передышкой, Бюсси проскользнул в дверной проем и, повернувшись, толкнул дверь резким ударом плеча. Щелкнул замок. Теперь все было позади. Смертельная опасность миновала. Бюсси победил, потому что сумел остаться в живых.

Затуманенным радостью глазом он прижался к дверному окошечку и сквозь частую решетку увидел бледные, растерянные, злые лица своих врагов. Сначала раздался глухой стук — это шпаги со всего маху вонзались в толстую деревянную дверь, затем загремели крики бешества и безрассудные вызовы. И тогда Бюсси почувствовал, что земля уходит из-под ног и стена шатается. Он сделал три шага вперед и оказался в какой-то прихожей, затем повернулся кругом и упал навзничь на ступеньки лестницы. Ему показалось, что он падает в глубокую, темную яму. И больше Бюсси ничего не чувствовал.

Глава III

О ТОМ, КАК ИНОГДА БЫВАЕТ ТРУДНО ОТЛИЧИТЬ СОН ОТ ЯВИ

Прежде чем потерять сознание, Бюсси успел засунуть носовой платок под рубашку и сверху прижать его перевязью от шпаги, соорудив таким образом некое подобие повязки на глубокую и пылающую рану, откуда вытекала горячая струя крови. Но к тому времени он уже потерял много крови, и обморок, о котором мы рассказали в предыдущей главе, был неизбежен.

Однако то ли в возбужденном от боли и гнева мозгу раненого, несмотря на глубокий обморок, все еще теплилось сознание, то ли обморочное состояние на некоторое время сменилось лихорадкой, которая, в свою очередь, уступила место повому обмороку, но вот что он увидел или что привиделось ему за этот миг бодрствования или сна — мгновение сумерек, промелькнувшее между мраком двух ночей.

Он лежит в какой-то комнате, обставленной мебелью резного дерева, стены комнаты покрыты гобеленами с изображениями людей, потолок расписан. Люди на гобеленах стоят в самых разнообразных позах: одни держат в руках цветы, другие — копья; кажется, будто они вышли из степ и толпятся, пытаясь по какой-то невидимой лестнице взобраться на потолок. В проеме между окнами висит портрет жепщины, напоенный светом, однако Бюсси чудится, что рамкой портрету служит дверной наличник. Бюсси лежит неподвижно, словно прикованный к своему ложу сверхъестественной силой, лишенный возможности даже пошевелиться, утратив все свои чувства, кроме зренья, и с нежностью смотрит на окружающие его человеческие фигуры. Его восхищают и жеманные улыбки дам с цветами в руках, и неестественно бурный гнев кавалеров, вооруженных шпагами. Видит он эти фигуры впервые или где-то они уже ему встречались? Этого он не может попятить, мысль мешает ощущение тяжести в голове.

Вдруг ему кажется, что портрет ожил, восхитительное создание вышло из рамы и приближается к нему; на жепщине длинное белое платье, подобное одеяниям ангелов, белокурые волосы волнами ниспадают на плечи, глаза под густыми бархатистыми ресницами сверкают, как черпая

яшма, кожа настолько топкая, что, кажется, можно углядеть, как под ней переливается кровь, окрашивая ее в пажный розовый цвет. Дама с портрета сияет волшебной красотой, ее протянутые руки малят Бюсси. Он судорожно пытается вскочить с постели и упасть к ногам незнакомки, но его удерживают на ложе узы, подобные тем, которые держат брeнное тело в могиле, пока душа, пренебрегая земным притяжением, возносится в небеса.

Это досадное чувство скованности заставляет Бюсси обратить внимание на постель, где он лежит. Он видит великолепную кровать резного дерева, из тех, что изготовлялись во времена Фрацциска I, балдахин у нее из белого шелка, тканного золотом.

При виде женщины Бюсси перестает интересоваться фигурами на стенах и потолке. Незнакомка с портрета становится для него всем, он пытается разглядеть пустое место, которое должно было бы остаться в раме. Однако какое-то облачко, непроницаемое для глаз, плавает перед рамой и скрывает ее из виду, тогда Бюсси переносит свой взор на таинственное видение и весь сосредоточивается на этом чудесном образе. Он пробует обратиться к нему с мадригалом, которые имел обыкновение слагать в честь прекрасных дам.

Но внезапно женщина исчезает, чья-то темная фигура закрывает ее от Бюсси. Эта фигура неуверенно движется вперед, вытянув перед собой руки, словно игрок в жмурки, которому выпало водить.

Кровь ударяет в голову Бюсси, рапeный приходит в такое нештовство, что, будь он только в состоянии двигаться, он немедленно бросился бы на непростеного гостя; но правде говоря, он даже пытается броситься, но не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Пока Бюсси тщетно порывается встать с постели, к которой его словно приковали, незнакомец говорит:

— Уже все? Я пришел наконец?

— Да, мэтр,— отвечает ему голос, такой нежный, что все фибры сердца Бюсси трепещут,— вы можете спать повязку.

Бюсси силится приподнять голову, он хочет взглянуть, не даме ли с портрета принадлежит этот дивный голос, но его попытка не увенчивается успехом. В поле зрения Бюсси — только молодой, ладный мужчина, который, повинаясь сделанному ему приглашению, спял с глаз повязку и растерянно оглядывает комнату.

«Пусть убирается к дьяволу», — думает Бюсси. И хочет выразить свою мысль словами или жестом, но ни голос, ни руки ему не повинуются.

— А, вот теперь я понимаю! — восклицает молодой мужчина, приближаясь к постели. — Вы ранены, не так ли, мой любезный господин? Ну что ж, попробуем вас заштопать.

Бюсси рад бы ответить, но знает, что для него это невозможно. Глаза его застилает ледяной туман, и словно тысячи острых иголок впиваются в кончики пальцев.

— Неужели рана смертельна? — слышит он все тот же печальный голос, исполненный такого горестного сочувствия, что у Бюсси выступают на глазах слезы, теперь уже он не сомневается — голос принадлежит даме с портрета.

— Еще не знаю, сударыня, минуточку терпения, и я отвечу на ваш вопрос, — говорит молодой мужчина, — а пока что он опять сознания потерял.

И это было все, что смог разобрать Бюсси, ему еще показалось, что он слышит удаляющееся шуршание юбки, потом ему, словно раскаленным железом, пронзили бедро, и последние искры сознания, еще тлевшие в его мозгу, разом потухли.

Впоследствии Бюсси никак не мог определить, какое время продолжался его обморок.

Когда он очнулся, холодный ветер обдувал ему лицо, слух царапал как некие-то хриплые и крикливые голоса. Он открыл глаза — посмотреть, не фигуры ли это с гобеленов пререкаются с фигурами на потолке, и, рассчитывая найти портрет на месте, завертел головой в разные стороны. Но не было ни гобеленов, ни потолка, да и сам портрет исчез бесследно. Справа от Бюсси стоял мужчина в серой блузе и повязанном вокруг пояса белом, замаранном кровью, переднике, слева монах из монастыря святой Жюневьевы, склонившись, поддерживал ему голову, прямо перед Бюсси какая-то старуха бормотала молитвы.

Блуждающий взор молодого человека вскоре остановился на возвышавшейся впереди каменной стене, скользнул вверх по ней, измеряя высоту, и раненый узнал Тампль, угловую башню Бастилии. Холодное, блеклое небо над Тамплем робко золотили первые лучи восходящего солнца.

Бюсси лежал просто-напросто на улице или, вернее, на краю рва, и этот ров был рвом Тампля.

— Ах, благодарю вас, добрые люди, что взяли на себя труд принести меня сюда,— сказал Бюсси. — Мне не хватало воздуха, по ведь можно было открыть окна в комнате, мне было куда покойнее там — на моей постелл с белыми с золотом занавесками, чем здесь — на сырой земле. Ну да, не в этом дело. ...У меня в кармапе, если только вы не позаботились сами расплатиться с собой за свои труды, что было бы весьма предусмотрительно с вашей стороны... так вот у меня в кармапе найдется десятка два золотых экю. Они ваши, друзья мои, забирайте их.

— Но, сиятельный господин,— сказал мясник,— мы вовсе не переносили вас сюда, вы лежали здесь, на этом самом месте, мы шли мимо рано утром и увидали вас.

— Вот дьявол,— выругался Бюсси,— а молодой лекарь тут был?

Присутствующие переглянулись.

— Все еще бредит,— заметил мопах, сокрушенно качая головой.

Затем он обратился к Бюсси:

— Сын мой, я думаю, что вам подобало бы исповедаться:

Бюсси испуганно посмотрел на мопах.

— Тут не было никакого лекаря, наш бедный, добрый молодой человек,— запричитала старуха. — Вы лежали здесь, один-одинешенек и холодный, как покойничок. Гляньте, вокруг вас все снежком запорошило, а под вами земля черная.

Бюсси почувствовал боль в боку, вспомнил, что получил удар шпагой, просунул руку под плащ и пащупал перевязь, а под ней — на ране носовой платок, на том самом месте, куда он его подложил накануне.

— Ничего не понимаю,— сказал он.

Воспользовавшись полученным разрешением, все, кто стоял около Бюсси, не мешкая, поделили между собой содержимое кошелька, осыпая его владельца громкими выражениями сочувствия.

— Ладно,— сказал Бюсси, когда дележка закопчилась,— все это прекрасно, друзья мои. Ну а сейчас оставьте меня домой.

— Ах, будьте покойны, будьте покойны, бедный, добрый молодой человек,— затараторила старуха,— мясника бог силушкой не обидел, а потом — он и лошадь держит и может вас на нее посадить.

— Правда? — спросил Бюсси.

— Святая правда, — отозвался мясник, — и я сам, и мой копыга готовы вам служить.

— И все-таки, сын мой, — сказал монах, — когда мясник отправился за своим конем, — я посоветовал бы вам свести счеты с господом.

— Как вас величают, святой отец? — спросил Бюсси.

— Меня зовут брат Горанфло.

— Послушай-ка, братец Горанфло, — сказал Бюсси, усаживаясь, — я надеюсь, что эта минута для меня еще не наступила. К тому же, отец, я тороплюсь. Я совсем замерз и хотел бы уже быть у себя во дворце и согреться.

— А как называется ваш дворец?

— Дворец Бюсси.

— Как! Дворец Бюсси?

— Ну и что тут удивительного?

— Значит, вы из людей Бюсси?

— Я сам Бюсси, собственной персоной.

— Бюсси! — завопила толпа. — Сеньор де Бюсси! Храбрый Бюсси! Бич миньонов! Да здравствует Бюсси!

И на плечах собравшегося простонародья молодой человек был с почетом доставлен в свой дворец, а монах, на ходу пересчитывая золотые эку, доставшиеся на его долю, покачивал головой и бормотал:

— Если это тот самый головорез Бюсси, то я не удивляюсь, что он не пожелал исповедаться.

Вернувшись в свой дворец, Бюсси велел позвать хирурга, который его обычно пользовал. Эскулап нашел рану несерьезной.

— Скажите мне, — обратился к нему Бюсси, — этой раной уже кто-нибудь занимался?

— По правде говоря, я не могу это утверждать, хотя, пожалуй, рана выглядит очень свежей.

— А могла ли она вызвать бред?

— Конечно.

— Вот дьявол, — выругался Бюсси. — И все же — эти фигуры с цветами и копьями, расписной плафон, резная кровать с шелковыми занавесками, белыми с золотом, портрет очаровательной черноглазой блондинки, лекарь, который играл в жмурки и которому я чуть было не крикнул: «Горячо!», неужели все это бред, а в действительности была лишь драка с миньонами? Тогда — где же я дрался? Ах да, вспомнил. Возле Бастилии, около улицы Сеп-Поль. Я прислонился к стене, но это была не стена,

а дверь, и, на мое счастье, она открылась. Я с трудом ее закрыл. А потом я оказался в прихожей и тут потерял сознание, и больше ничего не помню. Может быть, мне все привиделось, вот в чем вопрос! Да, кстати, а мой конь? Ведь там, на месте боя, должны были подобрать моего убитого коня. Доктор, прошу вас, кликните кого-нибудь.

Врач позвал слугу.

Бюсси расспросил пришедшего и узнал, что конь, искалеченный, истекающий кровью, на рассвете притащился домой и ржанием разбудил челядинцев. Тотчас же во дворце подняли тревогу, люди Бюсси, боготворившие своего господина, ни минуты не медля, бросились на розыски, и большая часть их еще не вернулась.

— Значит, бредом был только портрет,— рассуждал Бюсси,— и, наверное, он действительно мне привиделся. Разве мыслимо, чтобы портрет выходил из рамы и беседовал с лекарем, у которого завязаны глаза? Да я просто рехнулся! И все же, как мне помнится, дама на портрете была восхитительна. У нее...

И Бюсси начал вызывать в воображении женский образ во всех подробностях; страстная дрожь — трепет любви, который согревает и будоражит душу,— с бархатистой мягкостью скользнула по его груди.

— И все это мне привиделось! — горестно воскликнул Бюсси, пока хирург перевязывал его рану. — Смерть Христова! Это просто невысказано. Таких снов не бывает! Ну-ка, повторю еще раз.

Бюсси принялся в сотый раз восстанавливать в памяти случившееся.

— Я был на балу. Сен-Люк меня предупредил, сказал, что у Бастилии меня подкарауливают. Со мной были Аптрагэ, Рибейрак и Ливаро. Я их отослал. Поехал по набережной мимо Гран-Шатле и дальше. У Турпельского дворца заметил людей, которые меня поджидали. Они напали на меня, искалечили подо мной лошадь. Мы крепко бились. Я оказался в прихожей. Тут мне стало плохо, а потом... Ах, вот это «а потом» меня и убивает! После этого «а потом» — лихорадка, бред, видение. — А потом, — вздохнул Бюсси, — я очнулся на откосе рва у Тампля, там женевиевский монах во что бы то ни стало хотел меня исповедовать. Все равно, я все узнаю, — заверил Бюсси самого себя после минутного молчания, в течение которого он снова перебрал свои воспоминания, одно за дру-

гим. — Доктор, неужели из-за этой царапины мне опять придется торчать в четырех стенах пятнадцать дней безвыходно, как в прошлый раз?

— Смотря по обстоятельствам. Да и сможете ли вы двигаться?

— Это я-то не смогу? Совсем напротив. У меня ноги так и рвутся ступить на пол.

— Ну-ка, сделайте несколько шагов.

Бюсси легко спрыгнул с постели и довольно бодро описал круг по комнате, представив наглядное доказательство того, что он уже далеко продвинулся на пути к исцелению.

— Годится, — сказал хирург, — если только вы в первый же день не сядете на коня и не проскачете десять лье.

— Вот это по-моему! — воскликнул Бюсси. — Вы лучший из докторов. Однако прошлой почью я видел другого медика. Да, да, отлично видел, весь его облик врезался мне в память, и если мне доведется с ним повстречаться, я его узнаю с первого взгляда. Уверю вас.

— Мой дорогой сеньор! Я вам советую не тратить время на розыски, после ранения шпагой всегда лихорадит, вы бы должны знать это, ведь у вас на теле уже двенадцатая отметина.

— Ах, боже мой! — неожиданно вскричал Бюсси, который все это время не переставая искал объяснений тайнам прошлой ночи и вдруг был поражен новой мыслью. — Может быть, мой сон начался перед дверью, а не за дверью? Может, не было ни прихожей, ни лестницы, как не было ни кровати с белыми и золотыми занавесками, ни портрета? Может, эти негодяи сочли меня мертвым и тихохонько оттащили в ров Тампля, чтобы сбить с толку возможных свидетелей? Тогда я, конечно, видел все остальное в бреду. Святой боже! Если это так, если это они подсунули мне видение, которое меня так волнует, мучит, убивает, то, клянусь, я выпущу кишки им всем, от первого до последнего.

— Мой дорогой сеньор, — прервал его лекарь, — коли вы желаете быстрого исцеления, вам не следует так расходиться.

— Разумеется, исключая нашего славного Сен-Люка, — продолжал Бюсси, не слушая лекаря. — Он показал себя настоящим другом. Поэтому ему первому я нанесу сегодня визит.

— Только не раньше пяти часов вечера,— заметил лекарь.

— Согласен,— ответил Бюсси. — Однако, уверяю вас, мое выздоровление пойдет быстрее, если я буду выходить и навещать друзей, а если останусь здесь в тиши и в одиночестве, болезнь может затянуться.

— Возможно, вы и правы,— согласился хирург,— ведь вы во всех отношениях не похожи на других больных. Ну что ж, действуйте по своему усмотрению, монсеньер. Я дам вам только один совет: постарайтесь, пожалуйста, чтобы вас не проткнули еще раз, прежде чем эта ваша рана не затянется полностью.

Бюсси пообещал сделать все, что будет в его силах, оделся, приказал подать носилки и отправиться во дворец Монморанси.

Глава IV

О ТОМ, КАК БЫВШАЯ ДЕВИЦА ДЕ БРИССАК, А ПЫНЕ ГОСПОЖА ДЕ СЕН-ЛЮК ПРОВЕЛА СВОЮ ПЕРВУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ

Луи де Клермон, более известный под именем Бюсси д'Амбуаз, которого Брантом, его кузен, причислял к великим полководцам XVI века, был красивым мужчиной и образцом благородства. С древних времен ни один смертный не одерживал более славных побед. Короли и принцы наперебой помогали его дружбы. Королевы и принцессы сберегали для него свои самые благосклонные улыбки. Бюсси унаследовал от де Ла Моля вежливую привязанность Маргариты-Наваррской, и добрая королева, обладавшая любвеобильным сердцем и, после уже описанной немилости своего избранника, несомненно нуждавшаяся в утешении, патворила ради отважного красавца Бюсси д'Амбуаза столько безумств, что даже встревожила Генриха, своего супруга, хотя всем известно, как мало значения придавал король Наваррский жепским выходкам. Известно также, что герцог Авжуйский никогда не простил бы Бюсси любовь сестры, если бы не считал, что эта любовь побудила нашего героя стать его, герцога, приверженцем. И на этот раз Франсуа снова пожертвовал своим чувством в угоду глухому и нерешительному честолюбию, которое должно было причинить ему так много неприятностей в жизни и припести так мало плодов.

Но в гуще военных подвигов, честолюбивых замыслов и любовных интриг Бюсси сохранял душу, недоступную человеческим слабостям: он не ведал страха, да и любви ему не довелось испытать, по крайней мере до того дня, с которого мы начали наше повествование. Его сердце — он сам называл его сердцем императора, оказавшимся в груди простого дворянина, — сохраняло девственную чистоту и было подобно алмазу, только что извлеченному на свет божий из недр шахты, где он вызревал, в еще не прошедшему через руки гравильщика. Но в сердце Бюсси не было места помыслам, которые и в самом деле могли бы привести нашего героя на императорский трон. Он полагал себя достойным короны, но был достоин чего-то большего, и корона служила ему только мерилom жизненного успеха.

Сам Генрих III предложил Бюсси свою дружбу, однако Бюсси отклонил королевскую милость, сказав, что друзьям короля приходится быть его слугами, а может, кое-чем и похуже, а такие условия ему, Бюсси, не подходят. Генриху III пришлось молча проглотить обиду, усугубленную еще и тем, что Бюсси выбрал себе в покровители герцога Анжуйского. Впрочем, последний был повелителем Бюсси в той же мере, в коей владелец зверища может считаться повелителем льва. Ведь хозяин зверища лишь обслуживает и кормит благородного зверя, дабы тот не растерзал его самого. Вот таким был и Бюсси, которого Франсуа использовал как орудие расправы со своими личными недругами. Бюсси понимал это, но подобная роль его устраивала.

Бюсси выбрал себе девиз, напоминающий девиз Роганов, гласивший: «Королем я не могу быть, принцем — не хочу, Роган я емь». Бюсси говорил себе: «Я не могу быть королем Франции, но герцог Анжуйский хочет и может им быть, я буду королем герцога Анжуйского».

И в самом деле он был им.

Когда люди Сеп-Люка увидели, что ко дворцу Мопморанси приближаются послышки этого ужасного Бюсси, они со всех ног бросились предупреждать господина де Бриссака.

— Что, господина де Сеп-Люк у себя? — осведомился Бюсси, высовывая голову из-за занавесок.

— Нет, сударь, — сказал привратник.

— А где он сейчас?

— Не знаю, сударь, — отвечал достойный

страж. — Ныпче у нас во дворце никто места себе не находит. Господин де Сен-Люк со вчерашнего вечера не возвращался домой.

— Да неужели! — воскликнул удивленный Бюсси.

— Все так, как я имел честь вам доложить.

— Ну, а госпожа де Сен-Люк?

— О! Госпожа де Сен-Люк — это другое дело.

— Она-то дома?

— Да.

— Передайте, что я буду счастлив, ежели она позволит мне лично засвидетельствовать ей свое почтение.

Спустя пять минут посланец вернулся и сообщил, что госпожа де Сен-Люк будет рада видеть господина де Бюсси.

Бюсси слез с бархатных подушек и поднялся по парадной лестнице. Жанна де Коссе вышла к неожиданному гостю и встретила его посередине парадной залы.

Она была смертельно бледна, черные, как вороново крыло, волосы придавали этой бледности желтоватый оттенок, подобный цвету слоеной кости; глаза покраснели от тревожений бессонной ночи, а на щеке можно было заметить серебристый след еще не высохшей слезы. Бледность лица хозяйки дома вызвала у Бюсси улыбку, и он даже начал было складывать мадригал в честь стыдливо опущенных глазок, но приметы глубокого горя, явственно различимые на лице молодой женщины, заставили его прервать импровизацию.

— Добро пожаловать, господин де Бюсси, — приветствовала гостя Жанна, — хотя, я думаю, вы появились здесь не с добрыми вестями.

— Соболаговолите объяснить, сударыня, — попросил Бюсси. — Каким образом ваш покорный слуга может быть недобрый вестником в этом доме?

— Ах, но разве минувшей ночью вы не дрались на дуэли с Сен-Люком? Ведь я права? Признайтесь.

— Я, с Сен-Люком? — удивленно переспросил Бюсси.

— Да, с Сен-Люком. Он покинул меня, чтобы поговорить с вами. Вы держите сторону герцога Апжуйского, он — короля. Вот вы и поссорились. Не скрывайте от меня ничего, господин де Бюсси, умоляю вас. Вы должны понять мои страхи. Он уехал с королем, это верно, но ведь он мог проводить короля и где-нибудь встретиться с вами. Скажите мне правду, что случилось с господином де Сен-Люком?

— Сударыня,— сказал Бюсси,— поистине, я не верю своим ушам. Я ждал, что вы поинтересуетесь, оправдился ли я после ранения, а вы мне učinяете допрос с пристрастием.

— Сен-Люк вас ранил? Значит, он дрался с вами! — воскликнула Жанна. — Ах, вы сами видите...

— Да нет же, сударыня, он не дрался, паш дорогой Сеп-Люк. Во всяком случае, дрался не со мной, никоим образом не со мной, и, благодарение богу, это не он меня ранил. Больше того, он сделал все возможное, чтобы спасти меня от этой рапы. Впрочем, ведь он сам должен был вам рассказать, что отныне мы с ним вроде как Дамон и Пифий.

— Он сам! Но как же он мог мне что-нибудь рассказать, если с тех пор я его больше не видела.

— Вы его больше не видели? Значит, привратник не солгал?

— Что он вам сказал?

— Что господин де Сеп-Люк вышел из дому в одиннадцать часов и не вернулся... Значит, с одиннадцати часов ночи вы не видели своего супруга?

— Увы, не видела.

— Но где он может быть?

— Вот об этом я у вас и спрашиваю.

— Черт побери! Расскажите мне все по порядку, сударыня,— сказал Бюсси, уже начавший подозревать причину внезапного исчезновения Сен-Люка,— это просто прелестно...

Бедная женщина взглянула на него, оцепенев от изумления.

— Нет, нет. Я хотел сказать — это весьма прискорбно,— поправился Бюсси. — Я потерял много крови и поэтому иногда заговариваюсь и несу черт знает какой вздор. Поведайте же мне эту горестную историю. Прошу вас, сударыня, говорите.

И Жанна рассказала все, что ей было известно: как Генрих III приказал Сен-Люку сопровождать его королевскую особу в Лувр, и как двери Лувра закрылись, и как начальник караула сказал, что из дворца больше никто не выйдет, и как действительно в ту ночь из королевского дворца никто больше не вышел.

— Прекрасно,— сказал Бюсси. — Я понимаю.

— Как! Вы понимаете?

— Да. Его величество увез Сен-Люка в Лувр, и, войдя в Лувр, Сен-Люк уже не смог оттуда выбраться.

— А кто его не пустил?

— Проклятие! — сказал Бюсси в затруднении. — Вы требуете от меня разглашения государственной тайны.

— Но ведь я сама ходила туда, в Лувр, и мой отец тоже.

— Ну и как?

— Часовые нам ответили, что они не понимают, чего мы хотим, по их словам, Сен-Люк должен был уже вернуться домой.

— Это еще раз убеждает меня в том, что господин де Сен-Люк в Лувре, — сказал Бюсси.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен, и если вы пожелаете, вы тоже сможете в этом удостовериться.

— Каким образом?

— Увидеть своими собственными глазами.

— Разве это возможно?

— Вне всякого сомнения.

— Но если я явлюсь во дворец, меня отоплют обратно, как один раз уже отослали, и с теми же самыми словами, которые я уже слышала. Если он там, то почему меня к нему не пускают?

— Я спрашиваю — вы хотите проникнуть в Лувр?

— Но для чего?

— Увидеть Сен-Люка.

— Ну, а если его там нет?

— Э, смерть Христова, я вам говорю — он там.

— Как все это странно!

— Нет, это по-королевски.

— Но вы-то сами, разве вы можете войти в Лувр?

— Конечно. Ведь я не жена Сен-Люка.

— Вы меня искушаете.

— Решайтесь. Пойдемте со мной.

— Как вас понять? Вы говорите, что жене Сен-Люка вход в Лувр воспрещен, а сами хотите ее туда ввести.

— Ни в коем случае, сударыня. Я хочу взять с собой вовсе не жену Сен-Люка. Женщину! Вот еще!

— Значит, вы смеетесь надо мной, а я в таком горе. Как это жестоко с вашей стороны!

— Что вы, любезная графиня, прошу вас — выслушайте меня. Вам двадцать лет, вы высокого роста, у вас черные глаза и стройная талия, вы очень похожи на самого

юпого из моих пажей... На того милого мальчика, которому вчера вечером так к лицу была золотая парча, понимаете?

— Ах, какой стыд, господин де Бюсси,— краснея, воскликнула Жанна.

— Послушайте, я располагаю только этой возможностью, других у меня нет. Надо либо прибегнуть к ней, либо отказаться от нее. Вы хотите видеть вашего дорогого Сен-Люка? Да или нет?

— О! За свидание с ним я отдала бы все на свете.

— Ладно. Я обещаю свести вас с ним и ничего по прощу от вас взамен.

— Да... по...

— Я вам объяснил, как это произойдет.

— Ну хорошо, господин де Бюсси, я сделаю все, как вы хотите. Только предупредите, пожалуйста, вашего юпошу, что мне потребуется один из его костюмов и что я пришлю за ним служанку.

— Не надо присылать. Я велю показать мне новехонькие наряды, которые я заказал для своих бездельников, чтобы они могли блеснуть на балу у королевы-матери. Тот костюм, который, по моему разумению, больше всего подойдет к вашей фигуре, я отошлю вам. А потом мы встретимся в каком-нибудь условленном месте, ну, например, выпьем вечером на углу улиц Септ-Оноре и Прувэр, и оттуда...

— Оттуда?

— Ну да. Оттуда мы с вами отправимся прямехонько в Лувр.

Жанна рассмеялась и протянула Бюсси руку.

— Простите мои подозрения,— сказала она.

— Охотно. Вы даете мне возможность сыграть зватную штуку, которая развеселит всю Европу. Это я ваш должник, сударыня.

И, раскланявшись с молодой жепщиной, он поспешил в свой дворец, заняться приготовлением к маскараду.

Вечером, в условленный час, Бюсси и госпожа де Сеп-Люк встретились у заставы Сержан. Бюсси не узнал бы молодую женщину, не будь она одета в костюм его собственного пажа. В мужском наряде Жанна была очаровательна. Обменявшись несколькими словами, сообщники направились к Лувру.

В конце Фосе-Сеп-Жермен-л'Оксеруа им встретилась довольно многочисленная толпа, которая запыла всю улицу и загородила проход.

Жанна испугалась. Бюсси по факелам и аркебузам узнал людей герцога Анжуйского, впрочем, и самого герцога нетрудно было распознать по буланому коню и по белому бархатному плащу, который он любил надевать при выездах в город.

— Ну вот,— сказал Бюсси, обращившись к Жанне,— вы боялись, мой милый паж, что вас не пустят в Лувр. Теперь будьте спокойны, вы вступите туда с музыкой. — Эй, монсеньер! — воззвал он к герцогу Анжуйскому во всю мощь своих легких.

Крик Бюсси пролетел над улицей, не затерявшись в нестройном гуле голосов и конском топоте, и достиг высочайшего слуха.

Принц повернул голову.

— Это ты, Бюсси,— обрадованно воскликнул он,— а мне сказали, ты ранен насмерть. И по этому случаю я сейчас направляюсь к тебе на улицу Гренель.

— Честное слово, монсеньер,— ответил Бюсси, даже не подумав поблагодарить принца за проявленное к нему внимание,— я остался жив только благодаря самому себе. По правде сказать, монсеньер, вы меня засунули в отменный капкан и бросили там на произвол судьбы. Вчера после бала у Сен-Люка я угодил в настоящую резню. Кроме меня, никого из анжуйцев там не было, и, по чести, мне чуть было не выпустили всю кровь, какая только есть в моем теле.

— Смертью клянусь, Бюсси, они за нее дорого заплатят, за твою кровь. Я их заставлю пересчитать каждую каплю.

— Ну да, все это па словах,— с присущей ему развязностью возразил Бюсси,— а на деле вы по-прежнему будете расстачать улыбки перед любым из них, кто попадется вам навстречу. Хоть бы, улыбаясь, вы им клыки показывали, а то ведь вы всегда плотно сжимаете губы.

— Ладно, ладно,— сказал принц,— ты пойдешь со мной в Лувр и сам увидишь.

— Что я увижу, монсеньер?

— Увидишь, как я буду говорить с моим братом.

— Послушайте, монсеньер, я не пойду в Лувр, если эта прогулка сулит мне какое-нибудь новое оскорбление.

Сносить оскорбления — это годится для прищипов крови и для мпньонов.

— Будь спокоен. Я принял твою рану близко к сердцу.

— Но обещаете ли вы мне полное удовлетворение?

— Клянусь, ты останешься доволен. Ну что, ты все еще колеблешься?

— Монсеньер, я вас так хорошо изучил.

— Сказано тебе, пойдём; об этом заговорят.

— Вот ваше дело и сделано, — шепнул Бюсси на ухо графине. — Между обоими милыми братцами, которые терпеть не могут друг друга, начнутся бурные препирательства, а вы тем временем разыщете своего ненаглядного муженька.

— Ну как, — спросил герцог, — решился ты наконец? Может быть, ждешь, пока я не поручусь своим словом принца!

— О нет, — сказал Бюсси, — ваше слово принесет мне несчастье. Ну ладно, будь что будет, я иду с вами, и пусть попробуют меня оскорбить — я сумею отомстить за себя.

И Бюсси занял свое обычное место возле принца; новый паж неотступно шагал за ним, словно привязанный к своему господину.

— Тебе самому мстить за себя! Да ни в коем случае! — сказал принц в ответ на угрозу, прозвучавшую в словах Бюсси. — Это не твоя забота, мой храбрый рыцарь. Я сам позабочусь о возмездии. Послушай, — добавил он вполголоса, — я знаю, кто пытался тебя убить.

— Ба! — воскликнул Бюсси. — Неужто ваше высочество потрудились произвести розыски?

— Я их видел.

— То есть как это? — спросил удивленный Бюсси.

— Да так. Я сам столкнулся с ними у Сент-Антуанских ворот. Они на меня там напали и чуть было не закололи вместо тебя. Я и не подозревал, что это тебя они подстерегают, разбойники... Иначе...

— Ну и что иначе?

— А твой новый паж был с тобой в этой передраге? — спросил принц, оставив свою угрозу незаконченной.

— Нет, монсеньер, — сказал Бюсси, — я был один; а вы, монсеньер?

— Я? Со мной был Орильи. А почему ты был один?

— Потому что я хотел сохранить репутацию храброго Бюсси, которой меня наградили.

— И они тебя ранили? — спросил принц, с обычной для него быстротой отвечая выпадом на полученный удар.

— Послушайте, — сказал Бюсси, — я не хотел бы давать им повод для ликования, но мне достался отличный удар шпагой, бедро продырявлено насквозь.

— Ах, негодяи! — возмутился принц. — Орилья был прав, они и в самом деле умышляли недоброе.

— Вы видели засаду, и с вами был Орилья, который владеет шпагой почти так же виртуозно, как лютней, и Орилья предупредил ваше высочество, что эти люди умышляют недоброе, и вас было двое, а их только пятеро! Почему же вы не задержались, не пришли мне на выручку?

— Проклятие! Чего ты хочешь? Ведь я не знал, кого они ждут в этой засаде.

— «Сгинь, нечистая сила!», как говаривал король Карл Девятый при виде друзей короля Генриха Третьего. Но вы не могли не подумать, что они хотят заполучить кого-то из ваших друзей, а так как в Париже один я осмеливаюсь называться вашим другом, то нетрудно было угадать, кого они ждут.

— Пожалуй, ты прав, мой дорогой Бюсси, — сказал Франсуа, — мне это как-то не пришло в голову.

— Да что уж там... — вздохнул Бюсси, словно у него не хватило слов для выражения всего, что он думал о своем покровителе.

Они прибыли в Лувр. Герцог Анжуйский был встречен у ворот капитаном и стражниками. Капитан имел строгий приказ — никого не впускать в Лувр, но, само собой разумеется, этот приказ не распространялся на первое лицо в государстве после короля. Поэтому принц вместе со своей свитой вступил под арку подъемного моста.

— Монсеньер, — обратился к принцу Бюсси, видя, что они вошли уже в главный двор, — отправляйтесь поднимать шум у короля и не забудьте, что обязались мне клятвой, а сам я пойду скажу два слова одному моему приятелю.

— Ты меня покидаешь, Бюсси? — забеспокоился Франсуа, которому присутствие его любимца придавало смелости.

— Так надо, но пусть это вас не смущает, будьте уверены, в самый разгар переполоха я появлюсь. Кричите, монсеньер, кричите, черт побери! Надрывайте глотку так,

чтобы я вас слышал, ведь вы понимаете, если ваш голос до меня не доносится, я не приду к вам на подмогу.

И, воспользовавшись тем, что герцог вошел в парадную залу, Бюсси проскользнул в боковую дверь, за ним последовала Жанна.

Бюсси был в Лувре как у себя дома. Он поднялся по потайной лестнице, прошел два или три безлюдных коридора и оказался в некоем подобии передней.

— Ждите меня здесь, — сказал он Жанне.

— Ах, боже мой, вы меня бросаете одну! — всполошилась молодая женщина.

— Так надо, — ответил Бюсси. — Я должен разведать дорогу и подготовить ваш выход на сцену.

Глава V

О ТОМ, ЧТО ПРЕДПРИНЯЛА БЫВШАЯ ДЕВИЦА ДЕ БРИССАК, НЫНЕ ГОСПОЖА ДЕ СЕН-ЛЮК, ДАБЫ ПРОВЕСТИ СВОЮ ВТОРУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ НЕ ТАК, КАК ОНА ПРОВЕЛА ПЕРВУЮ

Бюсси направился в столь любимую некогда Карлом IX оружейную палату, после нового распределения луврских покоев ставшую опочивальней короля Генриха III, который украсил комнату по своему вкусу. Карл IX, король-охотник, король-кузнец, король-поэт, собрал в ней оленьи рога, аркебузы, манускрипты, книги и ручные тиски. Генрих III велел установить два ложа из шелка и бархата и развесить по стенам фривольные картинки, реликвии, освященные папой скапулеры, мешочки с ароматическими веществами, привезенные с Востока, и коллекцию превосходных фехтовальных рапир.

Бюсси знал, что Франсуа испросил у своего брата аудиенцию в галерее, а значит, короля в опочивальне нет; ему также было известно, что смежная с опочивальней комната, которую прежде занимала кормилица короля Карла IX, теперь отведена под спальню очередного королевского фаворита. А так как Генрих III отличался непостояпством в своих привязанностях, то в этом помещении побывали в последовательном порядке Сен-Мегрен, Можирон, д'О, д'Эпернон, Келюс и Шомберг. По предположению Бюсси, сейчас там должен был обитать Сен-Люк, к которому, как мы уже видели, король воспылал

нежностью столь сильной, что даже решился похитить своего любимчика у его законной супруги.

Генрих III был страпным созданием, он сочетал в себе поверхностность и глубокомыслие, трусость и отвагу. Всегда скучающий, всегда возбужденный, всегда мечтательный, он вечно искал развлечений: днем любил шум, движение, игры, физические упражнения, шутовство, маскарады, интриги, ночью ему нужны были яркий свет, болтовня, молитвы или оргии. Генрих являл собой, быть может, единственный образчик такого человеческого типа в нашем современном мире. Этому античному гермафродиту следовало родиться в одном из городов Востока, среди немых рабов, евнухов, янычаров, философов и софистов, тогда его царствование ознаменовало бы некую промежуточную эпоху между Нероном и Геллиогабалом, время утонченного разврата и певедомых доселе безумств.

Итак, Бюсси, заподозрив, что Сен-Люка держат в бывшей комнате кормилицы, постучал в двери передней, общей для этой комнаты и для королевской опочивальни.

Капитан гвардейцев отворил ему.

— Господин де Бюсси! — удивленно воскликнул он.

— Да, он самый, любезный господин де Нанси. Я послан от короля к господину де Сен-Люку.

— Прекрасно, — ответил офицер. — Известите господина де Сен-Люка, что к нему пришли от короля.

Через оставшуюся полуотворенной дверь Бюсси бросил взгляд своему пажу.

Затем, снова повернувшись к господину де Нанси, спросил:

— Что он там делает, бедняга Сен-Люк?

— Играет в карты с Шико в ожидании короля, который сейчас дает аудиенцию герцогу Анжуйскому по просьбе его высочества.

— Не позволите ли вы моему пажу обождать меня здесь? — спросил Бюсси у начальника караула.

— А почему бы нет? — ответил капитан.

— Входите, Жац, — обратился Бюсси к молодой жещине.

И показал рукой на оконную нишу, куда Жанна и поспешила укрыться.

Едва она успела забиться в нишу, как появился Сен-Люк. Господин де Нанси деликатно отошел на расстояние, не позволявшее ему слышать разговор,

— Чего еще хочет от меня король? — насупившись, спросил Сен-Люк. — Ах, это вы, господин де Бюсси?

— Собственной персоной, милейший Сен-Люк, и прежде всего благодарю за услугу, которую вы мне оказали.

— Ах, — сказал Сен-Люк, — право, не стоит благодарности. Мне было не по себе при мысли, что такого храбреца зарежут, словно кабана. Но ведь я полагал, вы уже на том свете.

— Меня чуть-чуть туда не отправили; однако надо сказать, что в таких делах «чуть-чуть» имеет большое значение.

— А как вам удалось уцелеть?

— С Шомбергом и д'Эперноном я расквитался прелестным ударом шпаги и, по моему разумению, вернул им долг с лихвой. Ну а Келюс должен благодарить кости своего черепа. У него оказался самый крепкий череп из всех, которым до сих пор доводилось подвернуться мне под руку.

— Ах, расскажите мне, пожалуйста, все во всех подробностях. Это меня развлечет, — сказал Сен-Люк, зевая с риском вывихнуть себе челюсть.

— К сожалению, сейчас у меня нет времени, мой дорогой Сен-Люк. К тому же я пришел сюда совсем по другому делу. Вы здесь очень скучаете, не правда ли?

— По-королевски, этим все сказано.

— Вот и отлично, я пришел подразвлечь вас. Черт побери! Услуга за услугу.

— Вы правы, услуга, которую вы мне оказываете, никак не меньше той, что вам оказал я. От скуки умирают так же хорошо, как и от шпаги; тянется это подольше, но зато выходит вернее.

— Бедный граф! — посочувствовал Бюсси. — Я вижу, вы здесь на положении узника.

— И самого настоящего. Король полагает, что его может развлечь только такой весельчак, как я. Король слишком добр, так как со вчерашнего дня я скорчил ему больше гримас, чем его обезьяна, и наговорил больше дерзостей, чем его шут.

— Ну что ж, посмотрим. Может быть, настал и мой черед вам услужить? Что бы вы хотели?

— Конечно, — сказал Сен-Люк, — вы могли бы посетить мой дом или, точнее говоря, дом маршала де Бриссака и успокоить бедную малютку, несомненно она в

большой тревоге, и мое поведение кажется ей весьма и весьма подозрительным.

— И что ей сказать?

— Э, проклятие! Опишите ей все, что вы видели, скажите, что я узник, запертый в четырех стенах, и общаться со мной можно только через окошечко, что со вчерашнего дня король неустанно твердит мне о дружбе, как Цицерон, который о ней писал, и о добродетели, как Сократ, а кстати сказать, Сократ и на самом деле был добродетельным.

— И что вы ему на это отвечаете? — смеясь, спросил Бюсси.

— Смерть Христова! Я ему отвечаю, что, если говорить о дружбе, я неблагодарная свинья, а что касается добродетели, то я убежденный распутник, но все напрасно — король, тяжело вздыхая, упорно продолжает бубнить свое: «Ах, Сен-Люк, неужели дружба — всего лишь призрак? Ах, Сен-Люк, неужели добродетель — всего лишь пустой звук?» Впрочем, надо отдать ему справедливость, раз сказав все это по-французски, он тут же все повторяет уже по-латыни, а затем произносит в третий раз по-гречески.

При этом выпад паж, на которого Сен-Люк не обращал никакого внимания, рассмеялся.

— А что вы хотите, мой друг? Он пытается вас растрогать. *Vis heredita placent*¹ и тем более *ter*². И это все, чем я могу вам служить?

— Ах, боже мой, да; боюсь, что это все.

— Ну тогда я уже выполнил ваше поручение.

— То есть как?

— Я угадал, что с вами случилось, и уже заранее все растолковал вашей супруге.

— И что она сказала?

— Поначалу не хотела мне верить, но, — добавил Бюсси, скользнув взглядом по оконной нише, — я надеюсь, она в конце концов сдастся перед очевидностью. Итак, попросите у меня чего-нибудь другого, чего-нибудь трудного, даже невозможного, я буду счастлив выполнить любую вашу просьбу.

— Тогда, мой дорогой друг, ссудите часа на два гиппогрифа у славяного рыцаря Астольфа, приведите его сюда

¹ Повторять дважды хорошо (лат.).

² Трижды (лат.).

под мое окно, я вскочу на его круп сзади вас, и вы меня отвезете к моей жене. А потом, коли вздумается, можете лететь на луну.

— Дорогой друг, — сказал Бюсси, — можно все сделать гораздо проще: я приведу гиппогрифа к вашей супруге и доставлю ее сюда, к вам.

— Сюда?

— Конечно, сюда.

— В Лувр?

— В самый Лувр. Разве это не кажется вам еще более забавным? Отвечайте!

— Смерть Христова! Безусловно.

— И вы перестанете скучать?

— Даю слово, перестану.

— Ибо здесь вы во власти смертной скуки, не правда ли? Вы мне жаловались на скуку.

— Спросите у Шико. С сегодняшнего утра он мне опостылел, и я предложил ему обмеляться парочкой ударов на шпагах. Этот бездельник рассердился так уморительно, что я чуть со смеху не лопнул. Хорошо еще, я человек це-злюбивый, и все же если так будет продолжаться дальше, то либо я его заколю, чтобы малость порассеяться, либо он меня.

— Чума на вашу голову! Этим не шутят, вы знаете, что Шико превосходный фехтовальщик. Вы томитесь в своей тюрьме, по подумайте — в гробу вам будет еще скучнее.

— Честное слово, вот в этом я не уверен.

— Полноте, — с улыбкой сказал Бюсси. — Хотите, я оставлю вам своего пажу?

— Мне?

— Да, вам. Это прелестный мальчик.

— Спасибо, — сказал Сен-Люк, — пажи мне противны. Король предложил допустить ко мне любого моего пажу, но я отказался. Предложите вашего мальчика королю, который устраивает свой дом. Что до меня, то, когда я выберусь отсюда, я буду жить как на Зеленом празднестве в замке Шенонсо: меня будут обслуживать одни женщины, и я сам подберу для них костюмы.

— Ва! — настаивал Бюсси. — А все же попробуйте.

— Бюсси, — с досадой сказал Сен-Люк, — с вашей стороны пехорошо так называться падо мпой.

— Ну, уступите мне, сделайте милость.

— Ни за что.

— Говорю вам, я знаю, чего вам недостает.

— Нет, нет и нет. Тысячу раз нет.

— Эй, паж! Подойдите сюда!

— Смерть Христова! — воскликнул Сен-Люк.

Паж покинул свое убежище и приближался к ним, весь пунцовый от смущения.

— О! О! — прошептал Сен-Люк. Узнав Жанпу в костюме пажа де Бюсси, он потерял дар речи.

— Ну как, — осведомился Бюсси, — отослать его обратно?

— Нет, истинный бог, нет! — воскликнул Сен-Люк. — Ах, Бюсси, Бюсси, клянусь вам в вечной дружбе!

— Не забывайте, Сен-Люк, что если вас и не слышат, то все же на вас смотрят.

— Ваша правда, — отозвался Сен-Люк.

И уже сделав два стремительных шага к жене, он отпрянул на три шага назад. Действительно, господин де Нанси, удивленный весьма выразительной пантомимой, которую невольно разыграл Сен-Люк, начал было прислушиваться к их разговору, но тут мысли капитана отвлек сильный шум, донесшийся из застекленной галереи.

— Ах, боже мой! — воскликнул господин де Нанси. — Видно, его величество изволит гневаться на кого-то.

— Очень похоже на это, — подхватил Бюсси, изобразив на лице испуг. — Но на кого? Неужели на герцога Анжуйского, с которым я пришел в Лувр?

Капитан поправил шпагу на бедре и двинулся к галерее, откуда, сквозь своды и стены, доносились возбужденные голоса.

— Ну, скажите, разве я не хорошо все устроил? — спросил Бюсси.

— А что там происходит? — поинтересовался Сен-Люк.

— Король и герцог Анжуйский рвут друг друга на куски. Это должно быть прелюбопытнейшее зрелище; я мчусь туда, чтобы ничего не пропустить. А вы воспользуйтесь суматохой, но только не задумайте бежать. Все равно это бесполезно, король вас из-под земли достанет. Лучше спрячьте сего благолепного отрока, которого я вам оставляю, куда-нибудь в безопасное место. Есть у вас тайной шалаш?

— Найдется, клянусь богом, а впрочем, если бы и не нашлось, я бы его сам построил. По счастью, я прикидываюсь больным и не выхожу из спальни.

— В таком случае прощайте, Сен-Люк. Сударыня, не забывайте меня в своих молитвах.

И Бюсси, как нельзя более довольный шуткой, которую ему удалось сыграть с Генрихом III, вышел из королевской передней и направил свои стопы в галерею, где король, багровый от гнева, убеждал герцога Анжуйского, белого от ярости, что главным зачинщиком событий прошлой ночи был Бюсси.

— Я вас заверяю, государь, — горячился герцог Анжуйский, — д'Эпернон, Шомберг, д'О, Можирон и Келос подкарауливали его у Турпельского дворца.

— Кто вам это сказал?

— Я их сам видел, государь. Собственными глазами видел.

— В крошечной тьме, не правда ли? Ночью было темно, как в печке.

— Ну я распознал их не по лицам.

— А тогда по чему же вы их распознали? По спинам, что ли?

— Нет, государь, по голосам.

— Они с вами говорили?

— Если бы только говорили! Они меня приняли за Бюсси и напали на меня.

— На вас?

— Да, на меня.

— А что за нелегкая вас попесла к Сент-Антуанским воротам?

— Какое это имеет значение?

— Хочу знать, и все тут. Нынче у меня разыгралось любопытство.

— Я шел к Манасесу.

— К Манасесу, к еврею!

— А вы-то небось навещаете Руджьеро, отравителя.

— Я волен навещать кого вадумается. Я — король.

— Вы не отвечаете, а отмахиваетесь от ответа.

— Как бы то ни было, я повторяю: их вызвал на это Бюсси.

— Бюсси?

— Да.

— Где же?

— На балу у Сен-Люка.

— Бюсси вызвал сразу пятерых? Полноте! Бюсси — храбрец, но он не сумасшедший,

— Клянусь смертью Христовой! Вам говорят — я ли — по был свидетелем его поведения. И потом — Бюсси еще не на такое способен. Вы тут мне его невинным агнцем расписали, а он ранил Шомберга в ляжку, д'Эпернон в руку, а Келюса чуть не уложил на месте.

— В самом деле? — приятно удивился герцог. — А во об этом он умолчал. При первой встрече не премину ег поздравить.

— А я, — сказал король, — я никого не намерен поздравлять, но я примерно накажу этого забияку.

— Тогда я, — возразил герцог, — я, на которого ваши друзья замахиваются, не только падая на Бюсси, но и дерзая поднять руку непосредственно на мою особу, тогда я наконец узнаю, действительно ли я ваш брат и действительно ли никто во Франции, кроме вашего величества, не имеет права смотреть мне прямо в лицо и не опустить глаза, если не из почтения, то хотя бы из страха.

В эту минуту, привлеченный громкими, срывающимися на крик голосами обоих братьев, появился Бюсси в нарядном костюме из зеленого атласа с розовыми бантами.

— Государь, — сказал он, отвесив Генриху III глубокий поклон, — позвольте засвидетельствовать вам мое наилучшее почтение.

— Клянусь богом! Вот я он! — воскликнул Генрих.

— Ваше величество, мне послышалось, что вы оказали мне высокую честь, упомянув мое имя? — спросил Бюсси.

— Да, — ответил король, — рад вас видеть, ибо что бы там мне ни говорили, но ваше лицо пышет здоровьем.

— Государь, доброе кровопускание весьма освежает кожу, и поэтому нынче вечером я должен выглядеть особенно свежим.

— Ну хорошо, если на вас напали, сеньор де Бюсси, если вас покалечили, обратитесь ко мне с жалобой, и я вас рассужу.

— Позвольте, государь, — сказал Бюсси, — на меня не нападали, меня не калечили, мне не на что жаловаться.

Генрих остолбенел от изумления и уставился на герцога Апжуйского.

— А вы что мне говорили? — спросил он.

— Я сказал, что у Бюсси сквозная рана в бедре от удара шпагой.

— Это правда, Бюсси?

— Поскольку брат вашего величества так утверждает, запячат, это правда. Первый принц крови не может лгать.

— И, получив удар шпагой в бедро, вы ни на кого не жалуетесь? — сказал Генрих.

— Я стал бы жаловаться, государь, только в том случае, если бы мне отрубили правую руку, чтобы я не смог отомстить сам за себя, да и тогда, — добавил неисправимый дуэлянт, — я, по всей вероятности, рассчитался бы с обидчиком левой рукой.

— Наглец, — пробормотал Генрих.

— Государь, — обратился к нему герцог Анжуйский, — вы только что толковали о правосудии. Ну что ж, окажите нам правосудие, ничего другого мы не просим. Великие учинить расследование, назначьте судей, и пусть они определят, кто устроил засаду и кто готовил убийство.

Генрих покраснел.

— Нет, — ответил он, — я и на этот раз предпочел бы не знать, кто прав, кто виноват, и объявить всем полное помилование. Я хотел бы примирить этих заклятых врагов, но, к сожалению, Шомберга и д'Эпернона рапы удерживают в постели. Впрочем, господин герцог, кто из моих друзей, по-вашему, был самым неистовым? Скажите, вам это нетрудно определить, ведь, по вашим словам, они и на вас нападали.

— По-моему, Келюс, государь, — сказал герцог Анжуйский.

— Даю слово, вы правы, — сказал Келюс. — Я не прятался за чужие спины, ваше высочество тому свидетель.

— Раз так, — провозгласил Генрих, — пускай господин де Бюсси и господин де Келюс помиряются от лица всех участников.

— О! — воскликнул Келюс. — Что это значит, государь?

— Это значит: я хочу, чтобы вы обнялись с господином де Бюсси, обнялись здесь, на моих глазах, и немедленно.

Келюс нахмурился.

— В чем дело, сеньор? — пропустил Бюсси, повернувшись к Келюсу и размахивая руками в подражание бурной жестикуляции итальянца Пашталоне. — Неужели вы откажете мне в этой милости?

Выходка была столь неожиданной и Бюсси вложил в нее столько шутовского усердия, что даже король рассмеялся. Тогда Бюсси приблизился к Келюсу.

— Давай, Монсу,— сказал он,— такова воля короля.— И обвил руками шею мильона.

— Надеюсь, эта церемония нас ни к чему не обязывает? — пропел Келюс на ухо Бюсси.

— Не волнуйтесь,— также шепотом ответил Бюсси.— Рано или поздно, но мы встретимся.

Весь красный и растрепанный, Келюс, дрожа от ярости, отпрянул назад.

Генрих нахмурил брови, но Бюсси, все еще изображая Панталоне, сделал пируэт и покинул залу совета.

Глава VI

О ТОМ, КАК СОВЕРШАЛСЯ МАЛЫЙ ВЕЧЕРНИЙ ТУАЛЕТ КОРОЛЯ ГЕНРИХА III

После этой, начавшейся трагедией и закончившейся комедией, сцены, отголоски которой, подобно эху, вылетели из Лувра и распространились по всему городу, король в великом гневе последовал в свои покои; сопровождавший его Шико назойливо осаждал своего господина просьбами об ужине.

— Я не голоден,— бросил король, перешагивая через порог своей опочивальни.

— Возможно,— ответил Шико,— но я, я взбешен до крайности, и меня мучит желание кого-то или что-то укушать, ну хотя бы зажаренную баранью ножку.

Король, сделав вид, что ничего не слышит, расстегнул свой плащ, положил его на постель, снял шляпу, приколотую к волосам длинными черными булавками, и швырнул на кресло. Затем устремился в переднюю, в которую выходила дверь из комнаты Сен-Люка, смежной с королевской опочивальней.

— Жди меня здесь, шут,— приказал он,— я вернусь.

— О, не спеши, сын мой,— сказал Шико,— не торопись. Мне бы даже хотелось,— продолжал он, прислушиваясь к удаляющимся шагам Генриха,— чтобы ты подольше там оставался и дал бы мне время подготовить тебе маленький сюрприз.

Когда шум шагов совсем затих, Шико открыл дверь в переднюю и крикнул: «Эй, кто там есть!»

Подбежал слуга.

— Король изменил свое решение,— сказал Шико,— он велел подать сюда пысканный ужин на две персоны, для него и для Сен-Люка. И советовал особое внимание обратить на вино. Теперь поторавливайтесь.

Слуга повернулся на каблуках и со всех ног помчался выполнять приказ Шико, ничуть не сомневаясь, что он исходит от самого короля.

Тем временем Генрих III, как мы уже говорили, прошел в комнату, отведенную Сен-Люку; последний, будучи предупрежден о королевском визите, лежал в постели и слушал, как читает молитвы старик слуга, последовавший за ним в Лувр и разделивший его заточение. В углу, на позолоченном кресле, опустив голову на руки, глубоким сном спал паж, приведенный Бюсси.

Одним взглядом король охватил всю эту картину.

— Что это за юноша? — подозрительно спросил он у Сен-Люка.

— Разве вы забыли, ваше величество? Заперев меня здесь, вы милостиво разрешили мне вызвать одного из моих пажей.

— Да, конечно,— ответил Генрих.

— Ну, я и воспользовался вашим дозволением, государь.

— Ах, вот как!

— Ваше величество раскаиваетесь в том, что даровали мне это развлечение? — осведомился Сен-Люк.

— Нет, сын мой, нет. Напротив. Забавляйся, сделай милость. Как ты себя чувствуешь?

— Государь,— сказал Сен-Люк,— меня сильно лихорадит.

— Оно и видно. У тебя все лицо пылает, мой мальчик. Попупаем пульс, ты знаешь, ведь я кое-что смыслю в медицине.

Сен-Люк неохотно протянул руку.

— Ну, да,— сказал король,— пульс прерывистый, возбужденный.

— О государь,— простонал Сен-Люк,— я и вправду серьезно болен.

— Успокойся. Я пришлю к тебе моего придворного врача.

— Благодарствуйте, государь, я не выношу Мирона.

— Я сам буду ухаживать за тобой.

— Государь, я не допущу...

— Я прикажу постелить мне постель в твоей спальне,

Сеп-Люк. Мы проболтаем всю ночь, у меня накопился уйма всякой всячины, которой я хотел бы с тобой поделиться.

— Ах! — в отчаянии воскликнул Сеп-Люк. — Вы называете себя человеком, сведущим в медицине, вы называете себя моим другом и хотите мне помешать выспаться. Клянусь смертью Христовой, лекарь, у вас страшная манера обращаться с вашими пациентами! Клянусь смертью Христовой, государь, вы как-то уж слишком по-своему любите своих друзей!

— Как! Ты хочешь остаться наедине со всеми твоими страданиями?

— Государь, со мной Жан, мой паж.

— Но он спит.

— Вот потому-то я и предпочитаю, чтобы за мной ухаживали слуги; по меньшей мере, они не мешают мне спать.

— Ну хоть позволь мне вместе с ним бодрствовать у твоего изголовья, клянусь, я заговорю с тобой, только если ты проснешься.

— Государь, я просыпаюсь злющий как черт, и падо очень привыкнуть ко мне, чтобы простить все глупости, которые я наболтаю перед тем, как окончательно прийти в себя.

— Ну хотя бы приди побудь при моем вечернем туалете.

— А потом мне будет дозволено вернуться к себе в лечь в постель?

— Ну само собой.

— Коли так, извольте! Но предупреждаю, я буду жалким придворным, даю вам слово. Меня уже сейчас чертовски клонит ко сну.

— Ты волен зевать, сколько тебе вздумается.

— Какой деспотизм! — сказал Сеп-Люк. — Ведь в нашем распоряжении все остальные мои приятели.

— Как же, как же! В хорошеньком они состоянии. Бюсси отделал их лучше некуда. У Шомберга продырявлена ляжка, у д'Эпернона запястье разрезано, как испанский рукав. Келюс все еще не может прийти в себя после вчерашнего удара эфесом шпаги по голове и сегодняшних объятий. Остаются д'О — а он надоел мне до смерти — и Можироа, который вечно на меня ворчит. Ну, пошли, разбуди этого спящего красавца, и пусть он тебе подаст халат.

— Государь, не соблаговолит ли ваше величество покинуть меня на минуту?

— Для чего это?

— Уважение...

— Ну, какие пустяки.

— Государь, через пять минут я буду у вашего величества.

— Через пять минут, согласен. Но не более пяти минут, ты слышишь, а за эти пять минут припомни для меня какие-нибудь забавные истории, и мы постараемся посмеяться.

С этими словами король, получивший половину того, что он хотел получить, вышел, удовлетворенный тоже наполовину.

Дверь еще не успела закрыться за ним, как паж внезапно встрепетулся и одним прыжком очутился у портьеры.

— Ах, Сен-Люк,— сказал он, когда шум королевских шагов затих,— вы меня снова покидаете. Боже мой! Какое мучение! Я умираю от страха. А что, если меня обнаружат?

— Милая моя Жанна,— ответил Сен-Люк,— Гаспар, который перед вами, защитит вас от любой нескромности. — И он показал ей на старого слугу.

— Может быть, мне лучше уйти отсюда? — краснея, предложила молодая женщина.

— Если таково ваше неперемное желание, Жанна,— печально проговорил Сен-Люк,— я прикажу проводить вас во дворец Монморанси, ибо только мне одному воспрещается покидать Лувр. Но если вы будете столь же добры, сколь вы прекрасны, если вы отыщете в своем сердце хоть какие-то чувства к несчастному Сен-Люку, пусть хотя бы простое расположение, вы подождете здесь несколько минут. У меня невыносимо разболится голова, первы, ввнутренности, королю надоест видеть перед собой такую жалкую фигуру, и он отошлет меня в постель.

Жанна опустила глаза.

— Ну хорошо,— сказала она,— я подожду, но скажу вам, как король: не задерживайтесь.

— Жанна, моя ненаглядная Жанна, вы воспитательны. Положитесь на меня, я вернусь к вам, как только предоставится малейшая возможность. И, знаете, мне пришла в голову одна мысль, я ее хорошенько обдумала, и, когда вернусь, расскажу вам.

— О том, как выбраться отсюда?
— Надеюсь.
— Тогда идите.
— Гаспар, — сказал Сен-Люк, — не пускайте сюда никого. Через четверть часа закройте дверь на ключ и ключ принесите мне в опочивальню короля. Потом отправляйтесь во дворец Монморанси и скажите, чтобы там не беспокоились о госпоже графине, а сюда возвращайтесь только завтра утром.

Эти распоряжения, которые Гаспар выслушал с понимающей улыбкой, пообещав выполнить все в точности, вызвали на щеках Жанпы новую волну яркого румянца.

Сен-Люк взял руку своей жены и запечатлел на ней нежный поцелуй, затем решительными шагами направился в комнату Генриха, который начинал уже вызывать беспокойство.

Оставшись одна, Жанна, вся дрожа от первого напряжения, укрылась за пышными складками балдахина кровати, притаившись в уголке постели. Мечтая, волпуясь, сердясь, повобрачная машинально вертела в руках сарбакан и тщетно пыталась найти выход из слепого положения, в которое она попала.

При входе в королевскую опочивальню Сен-Люка оглушил терпкий, сладострастный аромат, пропитавший все помещение. Ноги Генриха утопали в ворохах цветов, которым срезали стебли из боязни, как бы они — не приведи бог! — не побеспокоили нежную кожу его величества: розы, жасмин, фиалки, левкой, несмотря на холодное время года, покрывали пол, образуя мягкий, благоухающий ковер.

В комнате с низким, красиво расписанным потолком, как мы уже говорили, стояли две кровати, одна из них — особенно широкая, хотя и была плотно придвинута изголовьем к стене, занимала собой чуть ли не третью часть помещения.

На шелковом покрывале этой кровати красовались шитые золотом мифологические персонажи, они изображали историю Кея, или Кениды, превращавшегося то в мужчину, то в женщину, и, как можно себе представить, для изображения этой метаморфозы художнику приходилось до предела напрягать свою фантазию. Балдахин из посеребренного полотна оживляли различные фигуры, вышитые шелком и золотом; ту его часть, кото-

рая, примыкая к стене, образовывала изголовье постели, украшали королевские гербы, вышитые разноцветными шелками и золотой капителью.

Окна были плотно закрыты занавесями из того же шелка, что и покрывало постели, этой же материей были обиты все кресла и диваны. С потолка, посредине комнаты, на золотой цепи свисал светильник из позолоченного серебра, в котором пылало масло, источавшее тонкий аромат. Справа у постели золотой сатир держал в руке канделябр с четырьмя зажженными свечками из розового воска. Эти ароматические свечи, по толщине не уступающие церковным, вместе со светильником довольно хорошо освещали комнату.

Король восседал на стуле из черного дерева с золотыми инкрустациями, поставив босые ноги на цветочный ковер. Он держал на коленях семь или восемь маленьких щепят-спальселей, их влажные мордочки нежно щекотали королевские ладони. Двое слуг почтительно разбирали на пряди и завивали подобранные сзади, как у женщины, волосы короля, его закрученные вверх усы, его редкую клочковатую бородку. Третий слуга осторожно накладывал на лицо его величества слой жирной розовой помады, приятной на вкус и источающей невероятно соблазнительный запах.

Генрих сидел, закрыв глаза, и с величественным и глубокомысленным видом индийского божества позволял производить над своей особой все эти манипуляции.

— Сен-Люк, — бормотал он, — где же Сен-Люк?

Сен-Люк вошел. Шико взял его за руку и подвел к королю.

— Держи, — сказал он Генриху III, — вот он, твой дружок Сен-Люк. Прикажи ему помазаться или, правильнее сказать, вымазаться твоей помадой, ибо, если ты не прямишь этой необходимой предосторожности, случится беда: либо тебе, пахнущему так хорошо, будет казаться, что он дурно пахнет, либо ему, который ничем не пахнет, будет казаться, что ты слишком уж благоухаешь. Ну-ка, подайте сюда гребенки и притирания, — добавил Шико, располагаясь в большом кресле напротив короля, — я тоже хочу помазаться.

— Шико! Шико! — воскликнул Генрих. — У вас очень сухая кожа, она потребует порядного количества помады, а ее и для меня-то едва хватает; ваши волосы так жестки, что мои гребешки ломают о них все зубы,

— Моя кожа высохла в непрестанных битвах за тебя, неблагодарный король! И кудри мои жестки только потому, что ты меня постоянно огорчаешь, и от этого они все время стоят дыбом. Однако если ты отказываешь мне в помаде для щек, то есть для моей внешней оболочки, пусть будет так, сын мой, вот все, что я могу сказать.

Генрих пожал плечами с видом человека, не расположенного развлекаться шуточками столь низкого пошиба.

— Оставьте меня в покое, — сказал он, — вы несете вздор.

Затем повернулся к Сен-Люку.

— Ну как, сын мой, прошла твоя голова?

Сен-Люк поднес руку ко лбу и испустил жалобный вздох.

— Вообрази, — продолжал Генрих, — я видел Бюсси д'Амбуаза. Ай! Сударь, — воскликнул он, обращаясь к куаферу, — вы меня обожгли.

Куафер бросился на колени.

— Вы видели Бюсси д'Амбуаза? — переспросил Сен-Люк, внутренне трепеща.

— Да, — ответил король, — можешь ты понять, как эти растлывы, которые на него впятером набросились, ухитрились упустить его из рук? Я прикажу колесовать их. Ну а если бы ты был с ними, как ты думаешь, Сен-Люк?

— Государь, вероятно, и мне посчастливилось бы не больше, чем моим товарищам.

— Полно! Зачем ты так говоришь? Ставлю тысячу золотых эку, что на каждые шесть попаданий Бюсси у тебя было бы десять. Черт возьми! Надо посмотреть, как это у тебя получается. Ты все еще дерешься на шпагах, малыш?

— Ну конечно, государь.

— Я спрашиваю, часто ли ты упражняешься в фехтовании.

— Почти ежедневно, когда здоров, но когда болею, я ни на что не гожусь.

— Сколько раз тебе удавалось задеть меня?

— Мы фехтовали примерно наравне, государь.

— Да, но я фехтую лучше Бюсси. Клянусь смертью Христовой, сударь, — сказал Генрих брадобрею, — вы мне оторвете ус.

Брадобрей упал на колени.

— Государь,— попросил Сеп-Люк,— укажите мне лекарство от болей в сердце.

— Ешь побольше,— ответил король.

— О государь, мне кажется, вы ошибаетесь.

— Нет, уверяю тебя.

— Ты прав, Валуа,— вмешался Шико,— я и сам испытываю сильные боли не то в сердце, не то в желудке, не знаю точно где, и потому выполняю твои предписания.

Тут раздались странные звуки, словно часто-часто защелкала зубами обезьяна.

Король обернулся и взглянул на шута.

Шико, в одиночку проглотив обильный ужин, заказанный им на двоих от имени короля, весело лягая зубами, что-то поглощал из чашки японского фарфора.

— Вот как! — воскликнул Генрих. — Черт возьми, что вы там делаете, господин Шико?

— Я принимаю помаду внутрь,— ответил Шико,— раз уж паружное употребление мне запрещено.

— Ах, предатель! — возмутился король и так резко дернул головой, что помазанный помадой палец камердинера угодил ему прямо в рот.

— Ешь, сын мой,— с важностью проговорил Шико.— Я не такой деспот, как ты; паружное или внутреннее — все равно, оба употребления я тебе разрешаю.

— Сударь, вы меня задушите,— сказал Генрих камердинеру.

Камердинер упал на колени, как это проделали до него куафер и брадобрей.

— Пусть позовут капитана гвардейцев! — закричал Генрих. — Пусть немедленно позовут капитана.

— А зачем он тебе понадобился, твой капитан? — осведомился Шико. Он обмакнул палец в содержимое фарфоровой чашки и хладнокровно обсасывал его.

— Пусть он напишет Шико на шпагу и приготовит из его тела, каким бы оно ни было костлявым, жаркое для моих псов.

Шико вскочил на погн и вахлбучил шляпу задом наперед.

— Клянусь смертью Христовой! — завопил он. — Бросить Шико собакам, кормить дворянина четвероногим скотом! Добро, сын мой, пусть он только появится, твой капитан, и мы увидим.

С этими словами шут выхватил из пожен свою длинную шпагу и так потешно припаялся размахивать ею перед куафером, брадобреем и камердипером, что король не мог удержаться от смеха.

— Но я голоден,— жалобно сказал он,— а этот плут один съел весь ужин.

— Ты привередник, Генрих,— ответил Шико.— Я приглашал тебя за стол, но ты не пожелал. На худой конец, тебе остался бульон. Что до меня, то я уже утолил свой голод и иду спать.

Пока шла эта словесная перепалка, появился старик Гаспар и вручил своему господину ключ от комнаты.

— И я тоже иду,— сказал Сен-Люк.— Я чувствую, что больше не могу держаться на ногах, еще немного — и я нарушу всякий этикет и в присутствии короля свалюсь в нервном припадке. Меня всего трясет.

— Держи, Сен-Люк,— сказал король, протягивая молодому человеку двух своих щенков,— возьми их с собой, непременно возьми.

— А что прикажете с ними делать?

— Положи их с собой в постель, болезнь оставит тебя и перейдет на них.

— Благодарствую, государь,— сказал Сен-Люк, водворяя щенков обратно в корзину.— Я не доверяю вашим предписаниям.

— Ночью я навещу тебя, Сен-Люк,— пообещал король.

— О, ради бога, не утруждайте себя, государь,— замолился Сен-Люк.— Вы можете меня разбудить внезапно, а говорят, от этого случается эпилепсия.

С этими словами Сен-Люк отвесил королю поклон и вышел из комнаты. Пока дверь не закрылась, король в знак дружеского расположения усердно махал вслед ему рукой.

Шико исчез еще раньше.

Двое или трое придворных, присутствовавших при вечернем туалете короля, в свою очередь, покинули опочивальню.

Возле короля остались только слуги. Они наложили на его лицо маску из тончайшего полотна, пропитанную благовонными маслами. В маске были прорезаны отверстия для носа, глаз и рта. На лоб и уши короля почтительно натянули шелковый колпак, украшенный серебряным шитьем.

Затем короля облекли в почпую кофту из розового атласа, стеганного на вате и подбитого шелком, на руки натянули перчатки из кожи, такой мягкой, что на ощупь ее можно было принять за шерсть. Перчатки доходили до локтей, занутри они были покрыты слоем ароматного масла, придававшего им особую эластичность, секрет которой нельзя было разгадать, не вывернув перчатки наизнанку.

Когда таинство королевского туалета было завершено, Генриху вручили золотую чашу с крепким бульоном, но, прежде чем поднести этот сосуд ко рту, он отлил половину бульона в другую чашу, точную копию той, что держал в руках, и приказал отнести ее Сен-Люку и пожелать ему доброй ночи.

Затем настала очередь бога, с которым в тот вечер Генрих, несомненно в силу своей чрезмерной занятости, обошелся довольно небрежно. Он ограничился тем, что поторопо пробормотал одну-единственную молитву и даже не прикоснулся к освященным четкам. Затем он велел раскрыть постель, окропленную корнандром, ладаном и корицей, и улегся.

Умостившись на многочисленных подушках, Генрих приказал убрать цветочный настил, от которого в комнате стало душно. Чтобы проветрить помещение, на несколько секунд распахнули окна. Затем в мраморном камине запылали сухие виноградные лозы, пышный и яркий огонь мгновенно вспыхнул и тут же угас, но по всей опочивальне разлилось приятное тепло.

Тогда слуги задернули все занавески и портьеры и пустили в комнату огромного пса, королевского любимца, которого звали Нарцисс. Одним прыжком Нарцисс вскочил на королевское ложе, потоптался на нем, повертелся и улегся поперек постели в ногах у своего хозяина.

Последний слуга, оставшийся в комнате, задул свечи из розового воска в руках золотого сатира, притушил свет ночника, сменив фитиль на более узкий, и, в свою очередь, на цыпочках вышел из опочивальни.

И вот уже король Франции, став спокойнее, беспечнее, забывшее праздных монахов своего королевства, засевших в тучных монастырях, забыл о том, что на свете есть Франция.

Он уснул.

Полчаса спустя бодрствовавшие в галереях часовые, которым с их постов были видны занавешенные окна королевской опочивальни, заметили, что светильник в ней погас и серебристое сияние луны замешло на стеклах окрашивавший их изнутри нежный розоватый свет. Часовые подумали, что его величество крепко спит.

И тогда умолкли все шумы внутри и снаружи Лувра, и в его сумрачных коридорах можно было услышать полет даже самой осторожной летучей мыши.

Глава VII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГЕНРИХ III НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ОКАЗАЛСЯ ОБРАЩЕННЫМ, ХОТЯ ПРИЧИНЫ ОБРАЩЕНИЯ ОСТАЛИСЬ НЕИЗВЕСТНЫ

Два часа прошло спокойно.

Вдруг тишину разорвал леденящий душу вопль. Он исходил из опочивальни его величества. Однако ночник там по-прежнему был потушен, во дворце стояла все та же глубокая тишина и не раздавалось ни одного звука, кроме этого страшного крика короля.

Ибо кричал король.

А потом послышался стук падающей мебели, звон фарфора, разлетающегося на мелкие осколки, и торопливые, тревожные шаги человека, который, обезумев, мечется из угла в угол, и новый вопль, сопровождаемый собачьим лаем. Тогда повсюду вспыхнули огни, в галереях заблестели шпаги, и мраморные колонны задрожали от тяжелой поступи заспанной стражи.

— К оружию! — гремело со всех сторон. — К оружию! Король зовет! На помощь королю! Скорей!

И в одно мгновение капитан гвардейцев, полковник швейцарцев, придворные, дежурные аркебузиры ворвались в королевскую опочивальню, и два десятка факелов разом осветили темную комнату.

Кресло опрокинута, на полу осколки фарфора, постель смята, простыни и одеяла разбросаны по всему полу, а возле кровати — Генрих, нелепый и жуткий в своем ночном одеянии, волосы — дыбом, выпученные глаза вперились в одну точку.

Правая рука короля протянута вперед и трепещет, как лист на ветру.

Левая рука судорожно вцепилась в рукоятку бессознательно схваченной шпаги.

Пес, взбудораженный не меньше своего хозяина, смотрит на короля, широко расставив лапы, и жалобно завывает.

Казалось, Генрих окаменел от ужаса; люди, вбежавшие в опочивальню, не смели нарушить это оцепенение и только переглядывались и ждали, охваченные страшной тревогой.

И тут в комнату влетела полуодетая, закутанная в широкий плащ, юная королева Луиза Лотарингская; отчаянные вопли супруга разбудили это белокурое и нежное создание, которое вело на грешной земле беспорочную жизнь святой.

— Государь,— обратилась она к королю, вся трясаясь от страха,— что случилось? Боже мой! До меня донеслись ваши крики, и вот я прибежала.

— Ни... ни... ничего... — пробормотал король, все еще уставившись в одну точку; казалось, он различает в воздухе какой-то призрак, видимый только ему одному.

— Но ваше величество кричали,— настаивала королева. — Значит, ваше величество страдает.

Ужас был так отчетливо выражен на лице короля, что постепенно сообщился всем собравшимся в опочивальне. Одни отступили к стене, другие придвинулись к королю и пожирали его глазами, пытаясь удостовериться, не ранен ли он, не поразила ли его молния, не укусил ли какой-нибудь ядовитый гад.

— О государь! — воскликнула королева. — Небом вас заклинаю, не держите нас в таком страхе. Может быть, позвать вам лекаря?

— Лекаря? — мрачно переспросил Генрих. — Нет, тело мое здорово, это душа, это дух мой страдает... Нет, не лекаря... исповедника.

Придворные переглянулись, обшарили глазами двери, занавески, паркет, потолок...

Но нигде не осталось ни малейшего следа от невидимого призрака, который так напугал короля.

После того как тщетность поисков стала очевидной, любопытство удвоилось: мрак тайны сгустился — король потребовал исповедника.

Тотчас же гонец вскочил на коня, и тысячи искр рассыпались по мощеному двору Лувра. За каких-нибудь

пять минут Жозефа Фулона, аббата монастыря святой Женеьевы, разбудили, вытащили из постели и доставили к королю.

С появлением духовника сумятица улеглась и восстановилась тишина. Все задавали друг другу вопросы, строили догадки, находили объяснения, но главным образом дрожали от страха... Король исповедуется!

На утро после ночного переполоха король поднялся первым и распорядился запретить все входы и выходы и никого не впускать во дворец, кроме его духовника.

Затем он приказал позвать к нему казначея, продавца воска, церемониймейстера, взял свой молитвенник в черном переплете и принялся читать молитвы, потом прервал чтение, занялся было вырезыванием фигурок святых, но вдруг и это занятие бросил и приказал созвать всех министров.

Выполнять этот приказ начали с Сен-Люка, но Сен-Люк мучился сильнее, чем когда-либо. Он изнывал, он был раздавлен смертельной усталостью. Болезнь довела его до полного изнеможения, вызвала сонливость; прошлой ночью он впал в глубокий сон, похожий на летаргию, а, единственный во всем дворце, ничего не слышал, хотя от королевской опочивальни его отделяла только тонкая стенка. Поэтому он испросил позволения остаться в постели, пообещав прочитать столько молитв, сколько будет угодно королю.

Когда Генриху рассказали, какие муки испытывает несчастный Сен-Люк, он перекрестился и приказал позвать к бедному страдальцу королевского аптекаря.

Затем король распорядился доставить в Лувр из монастыря святой Женеьевы все дисциплины, служащие для бичевания. Одетый во все черное, он прошел перед строем своих министров — перед хромящим Шомбергом, перед д'Эперноном с рукой на перевязи, перед Келюсом, который все еще не пришел в себя, перед дрожащими от страха д'О и Можироном, прошел, раздавая им плети и наставляя своих любимчиков безжалостно бичевать самих себя и друг друга.

Д'Эпернон попросил освободить его от бичевания, ссылаясь на раненую руку, которая не позволит ему достойно отвечать на полученные удары, что, несомненно, внесет разлад в общую гармонию.

Но Генрих ответил, что такое покаяние будет еще угодно богу.

Он пожелал сам подать пример благочестивого рвення. Снял камзол, колет, рубашку и принялся хлестать себя по плечам с усердием святого великомученика. Шико хотел было, по своей обычной привычке, посмеяться и отделаться шуточками, но, перехватив свирепый взгляд короля, уразумел, что время не для шуток. Тогда он, как и все остальные, ваял дисциплину и принялся за дело с той лишь разницей, что бичевал не себя, а своих соседей, а если поблизости не оказывалось ничьей спины, то сбивал отшелушившуюся краску с колоны и со стен.

В этой суматохе лицо короля попрежнему приняло более спокойное выражение, однако на нем все еще отражалась какая-то гнетущая тайная дума.

Неожиданно Генрих бросился вон из опочивальни, приказав мньюнам не прекращать бичевания в его отсутствие. Но стоило двери за них захлопнуться, и все дисциплины опустились, как по мановению волшебной палочки. Только Шико продолжал хлестать д'О, которого он недолюбливал. Д'О старательно отвечал шуту той же монетой. Это был настоящий поединок на плетках.

Генрих устремился в покои королевы. Он преподнес в дар своей супруге жемчужное ожерелье стоимостью в двадцать пять тысяч экю, обнял ее и расцеловал в обе щеки — обряд, который ему не случалось проделывать уже более года, — а потом попросил Луизу снять с себя все драгоценности и надеть власяницу.

Луиза Лотарингская, всегда кроткая и покладистая, тотчас же согласилась. Она лишь спросила, почему ее возлюбленный супруг подарил ей жемчужное ожерелье, раз он желает, чтобы она нарядилась в рубище.

— Во искупление моих грехов, — ответил Генрих.

Такой ответ удовлетворил королеву, так как она лучше всех остальных знала, какое великое множество грехов должен искупить ее муж. Луиза выполнила желание Генриха, и он покинул покои королевы, назначив ей встречу в своей опочивальне.

При появлении короля бичевание возобновилось. Д'О и Шико, не прекращавшие обманиваться ударами, были покрыты кровью. Король похвалил их за усердие и назвал своими единственными настоящими друзьями.

Спустя десять минут вошла королева, одетая во власяницу. Тут же всему двору были розданы свечки, и придворные щеголи и щеголихи, а также добрые парижане, благоговейно преданные своему королю и святой деве,

незаврря на непогоду, паправились на Монмартр, ступая босыми ногами по льду и снегу. Поначалу все они дружно дрожали от холода, но вскоре многих согрели яростные удары, которые Шико щедро раздавал тем, кто имел несчастье оказаться в пределах досягаемости его плетки.

Д'О признал себя побежденным и держался на расстоянии доброй полусотни шагов от Шико.

К четырем часам дня мрачное шествие закончилось, монастыри получили богатые пожертвования, у всего двора распухли ноги, со спи куртизанов была содрана кожа, королева появилась на всеобщее обозрение в одной рубашке из небеленого холста, король — с четками в виде черепов. И слез, и вошей, и молитв, и ладава, и песнопений — всего было вдоволь.

Как видите, денег выдался просто на славу.

Действительно, чтобы угодить королю, все покорно терпели холод и удары плетей, а никто не мог угадать, почему их повелитель, еще позавчера весело носившийся в танце, пынче с таким самозабвеннем предался ушлому делу покаяния и умерщвления плоти.

Гугеноты, лигисты и вольподумцы, смеясь, глазели, как движется покаянное шествие, и, будучи по природе своей глупыми злопыхателями, осмеливались отпустить ядовитые замечания — дескать, прошлый раз процессия была куда внушительней, да и к бичеванию кающихся отпосились с большей ответственностью, — хотя эти утверждения совершенно не соответствовали истине.

Генрих вернулся в Лувр голодный, с плечами, исполосованными сивыми и багровыми рубцами. Во время шествия он ни на шаг не отходил от королевы и, пользуясь каждой передышкой, каждой остановкой процессии возле какой-нибудь часовни, сулил ей новые и новые подарки или строил планы совместного паломничества к святыням.

Что касается Шико, то, устав размахивать плеткой и проголодавшись от этого непривычного физического упражнения, на которое его подвигнул король, он после Монмартрских ворот незаметно отделился от процессии и вместе со своим дружкой, братом Горанфлю, тем самым монахом из монастыря святой Жевевьевы, который собирался исповедовать Бюсси, завернул в садик одной харчевни, пользовавшейся отменной репутацией. Там приятели распили изрядное количество бутылок пряного вина и полакомились чирком, убитым в болотах Гравж-Ба-

тельер. Затем, когда процессия возвращалась обратно, Шико снова занял свое место в рядах кающихся и вернулся в Лувр, с превеликим усердием бичуя без разбора всех, кто попадется под руку — и кавалеров и дам; на его языке это называлось: «Раздавать полное отпущение грехов».

Когда стемнело, король почувствовал себя усталым от поста, от ходьбы босыми ногами по снегу, от неистовых ударов плети. Он приказал сервировать постный ужин, положить на плечи припарки, развести в камине большой огонь и отправился навестить Сен-Люка. Сен-Люк выглядел совсем здоровым и веселым.

Со вчерашнего дня король сильно переменялся. Теперь он думал только о бренности всего земного, о покаянии и смерти.

— Ах! — вздохнул он с выражением человека, глубоко разочарованного. — Господь прав, делая наше существование столь горьким и тягостным.

— Но почему, государь? — спросил Сен-Люк.

— Потому что человек, устав от тягот мира сего, не страшится смерти, а, напротив, жаждет ее прихода.

— Прошу прощения, государь, — возразил Сен-Люк, — говорите только за себя самого, я вовсе не жажду смерти. Отпюдь.

— Слушай, Сен-Люк, — произнес король, сокрушенно покачивая головой, — ты поступишь правильно, ежели последуешь моему совету, более того, моему примеру.

— С превеликим удовольствием, государь, коли ваш пример мне понравится.

— Хочешь, я оставлю корону, а ты — жену, и мы вместе затворимся в какой-нибудь обители? У меня есть разрешение нашего святейшего отца. Завтра мы уже примем постриг, я буду зваться брат Генрих...

— Простите, государь, простите, но вы не дорожите своей короной, она вам уже изрядно поднадоела, иное дело моя жена — она мне очень дорога, ведь я ее совсем еще не знаю. Поэтому я не могу принять ваше предложение.

— Ох, ох, — завздыхал Генрих, — по-видимому, ты не так уж болен, как это кажется.

— Правда ваша, государь, мне весьма полегчало. Дух мой спокоен, а сердце исполнено радости. И я испытываю безумную тягу к счастью и к наслаждениям.

— Бедный Сен-Люк! — вздохнул король, складывая ладони, как на молитву.

— Это вчера, государь, пужко было ко мне обращаться с вашими предложениями, вчера. О, вчера я бы напрызным и угрюмым страдальцем. Из-за пустяка ко бы утопиться в колодце. Но нынче вечером все по-другому, я прекрасно провел ночь и отлично — день. Кля пусь смертью Христовой! Да здравствует жизнь со всеми ее утехами!

— Ты все поминаешь Христа, богохульник!

— Разве я поклялся Христом, государь? Возможно! Но ведь было время — и вы им клялись, если только память мне не изменяет.

— Я клялся, Сен-Люк, но отныне я не кляпусь.

— Ну, про себя я так не скажу. Я буду поминать спасителя по возможности меньше, только это я и мог вам пообещать. К тому же господь бог добр и милостив к нам, грешникам, когда грехи наши происходят от чужеских слабостей.

— Ты думаешь, бог дарует мне прощение?

— О, за вас, государь, я не поручусь, я говорю только за себя, за вашего смиренного слугу. Чума меня возмил! Вы, вы греховничали по-королевски, ну, а я грешил, как жалкий любитель, как частное лицо. Надеюсь в Судный день у господина в руках будут разные весы и разные гири на них.

Король глубоко вздохнул, и забормотал «Confiteor» ударяя себя в грудь при словах «mea culpa»².

— Сен-Люк, — спросил он, — скажи наконец, не хочешь ли ты провести ночь в моей опочивальне?

— Это зависит от того, — ответил Сен-Люк, — чем мы будем заниматься в опочивальне вашего величества.

— Мы зажжем все свечи, я лягу, а ты прочитаешь молитвы святым.

— Благодарствую, государь.

— Ты отказываешься?

— Такое времяпрепровождение меня не соблазняет.

— Ты меня покидаешь в беде, Сен-Люк, ты меня покидаешь!

— Нет. Я вас не покидаю. Отнюдь!

— Неужели?

— Коли вам так угодно.

— Конечно, мне угодно.

¹ Исповедуюсь (лат.).

² Моя вина (лат.).

— Но при одном условии *sine qua non*¹.

— Каком?

— Пусть ваше величество повелит накрыть столы, созвать придворных, п, ей-богу, мы славно потанцуем.

— Сен-Люк! Сен-Люк! — вскричал король, охваченный ужасом.

— В чем дело? — сказал Сен-Люк. — Я хочу подурчиться сегодня вечером, лично я. А у вас, государь, нет желанья выпить и поплясать?

Но Генрих не отвечал. Его дух, порой столь жгучеперодственный и бодрый, все больше и больше омрачался, казалось, он борется с какой-то тяготившей его тайной мыслью, так птица, к лапке которой привязан кусок свинца, не может взлететь и тщетно хлопает крыльями.

— Сен-Люк, — наконец произнес король замогильным голосом, — видишь ли ты сны?

— Да, государь, и очень часто.

— Ты веришь в сны?

— Из благоразумия.

— Как так?

— Очень просто. Сны успокаивают, утешают в житейских горестях. К примеру сказать, прошлой ночью мне снился превосходный сон..

— А именно, расскажи?

— Мне снилось, что моя жена...

— Ты все еще думаешь о своей жене, Сен-Люк?

— Более чем когда-либо.

— Ах! — сокрушенно произнес король и возвел глаза к потолку.

— Мне снилось, — продолжал Сен-Люк, — что моя жена, сохранив свое прекрасное лицо, ибо, государь, жена у меня красавица...

— Увы, да, — сказал король. — Ева тоже была красавицей, нечестивый грешник, а Ева погубила нас всех.

— Ах, вот почему вы настроены против моей жены. Но вернемся к моему сну, государь.

— Я тоже, — сказал король, — и я видел сон...

— Итак, моя жена, сохранив свое прекрасное лицо, обрела крылья и тело птицы, и вот она, пренебрегая всеми решетками и запорами, перелетает через стены Лувра и с нежным, коротким криком прижимается головкой

¹ Непременном (лат.).

к стеклам моего окна, и я понимаю, что этим криком она хочет сказать: «Открой мне, Сен-Люк, раствори окно, мой дорогой муженек!»

— И ты открыл? — спросил король, находившийся на гравии полного отчаяния.

— А как же иначе? — воскликнул Сен-Люк. — Я со всех ног бросился открывать.

— Суетный ты человек.

— Суетный, если вам так угодно, государь.

— Но тут, надеюсь, ты проснулся.

— Напротив, государь, я всячески старался не проснуться. Уж до того хорош был сон.

— Значит, ты продолжал его видеть?

— Сколько мог, государь.

— И нынешней ночью, ты рассчитываешь...

— Конечно, рассчитываю на продолжение, и, не извольте гневаться, ваше величество, поэтому-то я и не могу принять ваше милостивое приглашение заняться чтением молитв. Если уж бодрствовать, государь, то я бы хотел по крайней мере получить взамен упущенного сповидения нечто равноценное. И как я уже говорил, если бы ваше величество сооблаговолило приказать, чтобы накрыли столы и послали за музыкантами...

— Довольно, Сен-Люк, довольно! — сказал король, поднимаясь с места. — Ты губишь себя, ты и меня погубишь, задержись я здесь у тебя еще немножко. Прощай, Сен-Люк, уповаю, что небо, вместо того бесовского сваяскусителя, испрошет тебе сон во спасение, такой сон, который побудил бы тебя завтра покаяться вместе с нами, и тогда мы и спасемся все вместе.

— Сомневаюсь, государь, более того, увереп, что общего спасения у нас не получится, и посему осмелюсь посоветовать вашему величеству нынче же вечером вышвырнуть за двери Лувра этого отпетого вольнодумца Сен-Люка, который решительно собирается умереть нераскаянным.

— Нет, — сказал Генрих, — нет, уповаю, что нынче ночью благодать господня осенит и тебя, подобно тому, как она снизошла на меня, грешного. Доброй ночи, Сен-Люк, я буду молиться за тебя.

— Доброй ночи, государь, а я за вас увижу сон.

И Сен-Люк затаил первый куплет более чем легкомысленной песенки, которую Генрих любил напевать, когда бывал в хорошем настроении духа; знакомый мотив

заставил короля ускорить отступление, он захлопнул за собой дверь комнаты Сен-Люка и вернулся к себе, бор-моча:

— Господи, владыко живота моего, ваш гнев справедлив и законен, ибо мир с каждым днем делается все хуже и хуже.

Глава VIII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ БОЯЛСЯ СТРАХА, КОТОРЫЙ ОН ИСПЫТАЛ, И КАК ШИКО БОЯЛСЯ ИСПЫТАТЬ СТРАХ

Выйдя от Сен-Люка, король увидел, что его приказ уже выполнен и весь двор собрался в главной галерее.

Тогда он осыпал своих друзей кое-какими милостями: сослал в провинцию д'О, д'Эпернона и Шомберга, пригрозил отдать под суд Можирона и Келюса, если они еще раз посмеют пасть на Бюсси, Бюсси пожаловал свою руку для поцелуя, а своего брата Франсуа обнял и долго прижимал к сердцу.

К королеве он был чрезвычайно внимателен, наговорил ей тьму любезностей, а придворные даже подумали, что за наследником французского престола теперь дело не ставет.

Однако обычный час отхода ко сну приближался, и нетрудно было заметить, что король, елико возможно, оттягивает свой вечерний туалет. Накопец часы в Лувре пробили десять. Генрих медленно обвел глазами придворных; казалось, он раздумывал, кому бы поручить то занятие, от которого уклонился Сен-Люк.

Шико перехватил его взгляд.

— Вот так раз! — сказал он со своей обычной бесцеремонностью. — Нынче вечером ты, мне кажется, строишь глазки, Генрих. Может быть, ты ищешь, кому бы преподнести жирное аббатство с десятью тысячами ливров дохода? Сгинь, нечистая сила! А какой лухой приор из меня выйдет! Подавай сюда твое аббатство, сын мой, подари его мне.

— Сопровождайте меня, Шико, — сказал король. — Доброй ночи, господа. Я иду спать.

Шико повернулся к придворным, подкрутил усы, принял грациозную позу и, томно закатив глаза, повторил, подражая голосу Генриха:

— Доброй ночи, господа, доброй ночи. Мы идем спать. Придворные закусили губы, король покраснел.

— Ах да,— спохватился Шико,— а где мой куафер-где мой брадобрей, где мой камердинер — и прежде всего где моя помада?

— Нет,— возразил король,— ничего этого не будет. Начинается пост, и я приступил к покаянию.

— Ах, до чего жаль помады,— вздохнул Шико.

Король и шут вошли в уже знакомую вам королевскую опочивальню.

— Так вот оно как, Генрих! — сказал Шико. — Стало быть, я в фаворе, не правда ли? Стало быть, без меня не обойдешься? Стало быть, я смазлив, смазливее этого купидона Келюса?

— Замолчи, шут! — приказал король. — А вы оставьте нас,— обратился он к слугам.

Слуги повиновались, дверь за ними закрылась, Генрих и Шико остались одни. Шико с удивлением посмотрел на короля.

— Зачем ты их отослал? — спросил он. — Ведь нас с тобой еще не умастили притираниями. Может, ты хочешь намазать меня собственноручно, своей королевской десницей? Ну что ж! Эта епитимья не хуже любой другой.

Генрих не отвечал. Они были одни, и два короля, безумец и мудрец, посмотрели в глаза друг другу.

— Помолемся,— сказал Генрих.

— Спасибо! Вот удружил! — воскликнул Шико. — Нечего сказать, приятное времяпрепровождение. Если ты за этим меня пригласил, то лучше мне вернуться обратно в ту дуриную компанию, в которой я находился. Прощай, сын мой. Доброй ночи.

— Оставайтесь! — приказал король.

— Ого! — воскликнул Шико, выпрямляясь. — Кажись, мы вырождаемся в тиранию. Ты деспот! Фаларис! Дионисий! Мне здесь надоело. Нынче я целый день по твоей милости обрабатывал плеткой из бычьих жил плечи своих лучших друзей, а пришел вечер — и ты хочешь начать все с начала... Чума меня возьми! Отложим это занятие, Генрих. Нас здесь всего лишь двое, а когда двое дерутся... каждый удар попадает в цель.

— Замолчите вы, песносный болтун,— прикрикнул на шута король,— и подумайте о своих грехах.

— Добро! Вот мы и договорились. Ты хочешь, чтобы я каялся? Ты этого от меня хочешь? Ну, а в чем мне

каяться? В том, что я сделался шутком у монаха? Confiteor... Я раскаиваюсь, mea culpa... Это моя вина, это моя вина, это моя тягчайшая вина!

— Не богохульствуй, жалкий грешник, не богохульствуй,— сказал король.

— Ах, так! — воскликнул Шико. — Пусть лучше меня посадят в клетку со львами или с обезьянами, лишь бы не оставаться здесь, взаперти с королем-мапьяком. Прощай, Генрих! Я уйду.

Король схватил ключ от двери.

— Генрих, у тебя страшный вид, и предупреждаю, если ты меня не выпустишь отсюда, я кликну людей, я буду кричать, я сломаю дверь, я разобью окно. Я!.. Я!..

— Шико,— печально сказал король,— Шико, друг мой, ты пользуешься моим угнетенным состоянием.

— А-а, я понимаю,— ответил Шико,— тебе страшно остаться совсем одному, все вы, тираны, такте. Прикажи построить тебе двенадцать комнат, как Диопсидий, или двенадцать дворцов, как Тиберий. А пока что возьми мою шпагу и позволь мне забрать с собой ножны от нее. Согласен?

При слове «страшно» в глазах короля сверкнула молния, затем он поднялся, охваченный какой-то странной дрожью, и зашагал по комнате.

Во всем теле Генриха чувствовалось такое возбуждение, а лицо его так побледнело, что Шико подумал — уж не заболел ли король на самом деле. С испуганным видом он следил за тем, как Генрих описывает круги по комнате, и, наконец, сказал ему:

— Послушай, сын мой, что с тобой стряслось? Поделись своими страхами со мной, с твоим дружкой Шико.

Король остановился перед шутком, глядя ему прямо в глаза.

— Да,— сказал он,— ты — мой друг, мой единственный друг.

— Кстати, в аббатстве Валансе пустоет место приора,— заметил Шико.

— Слушай, Шико, ты умеешь храпить тайну?

— Недостает приора и в аббатстве Питивьер, а там пекут чудесные пироги с жаворонками.

— Несмотря на твои шутовские выходки,— продолжал король,— ты человек отважный.

— Тогда зачем мне аббатство, подари мне лучше полк.

— И даже можешь дать разумный совет.

— В таком случае не падо мне твоего полка, пазпачь меня советником. Ах, нет, я передумал. Лучше полк влж аббатство. Я не хочу быть советником. Тогда мне придется во всем поддакпвать королю.

— Замолчите, Шико, замолчите, час приближается ужасный час.

— Что на тебя опять накатило? — спросил Шико.

— Вы увидите, вы услышите.

— Что я увижу? Кого услышу?

— Подождите пемпого, и вы узнаете все, все, что хотите знать. Подождите.

— Нет, нет, ни за что на свете я не стану ждать. И какая бешеная блоха укусила твоего батюшку и твою матушку в ту злосчастную ночь, когда им вздумалось тебя зачать?

— Шико, ты храбрый человек?

— Да, и горжусь этим. Но я не стану подвергать мою храбрость такому испытанию. Сгибь, почистая свад! Если король Франции и Польши вопят ночью, да так громко, что во всем Лувре поднимается переполох, то с меня-то что взять? Я человек маленький и могу даже опозорить твою опочивальню. Прощай, Геприх, позова своих капитанов, швейцарцев, привратников, аркебузьеров, а мне позволь выбраться на свободу. К дьяволу невидимую погябель! К дьяволу непедомую опасность!

— Я вам приказываю остаться, — властно произнес король.

— Клянусь честью! Вот забавный моварх, он хочет отдавать приказания страху. Я боюсь, боюсь, говорю тебе. Ко мне! На помощи!

И Шико вскочил на стол, несомненно для того, чтобы заранее занять выгодную позицию на тот случай, если объявится какая-то опасность.

— Ну, ладно, шут, раз уж впаче ты не замолчишь я тебе все расскажу.

— Ага, — сказал Шико, потирая руки. Он осторожно слез со стола и обнажил свою длинную шпагу. — Великое дело знать заранее. Мы это все мигом распутаем. Ну рассказывай, рассказывай, сын мой. Похоже, тут завел крокодил, не так ли? Сгибь, нечистая сила! Клипо у меня добрый, я им каждую неделю моволи срезаю, моволи у меня исключительно твердые.

И Шико удобно расположился в большом кресле, поставив перед собой облаченную шпагу; ноги его обвивались вокруг клинка, как две змеи — символ мира — вокруг жезла Меркурия.

— Прошлой ночью, — начал Генрих, — я спал...

— И я тоже, — подхватила Шико.

— И вдруг ощутил на лице какое-то доверие...

— Это крокодил, он проголодался и слизывал с тебя помаду.

— Я наполовину проснулся и почувствовал, что волосы на моей бороде встали дыбом от страха.

— Ах, ты вгоняешь меня в дрожь, — сказал Шико, съездившись в кресле и опираясь подбородком на эфес шпаги.

— И тут, — проговорил король голосом настолько слабым и неуверенным, что Шико с большим трудом улавливал слова, — и тут в комнате раздался голос, и звучал он так горестно, что потряс меня до глубины души.

— Голос крокодила, да. Я читал у путешественника Марко Поло, что крокодил обладает необыкновенным голосом, он может даже подражать детскому плачу. Но успокойся, сын мой, если он явится, мы его убьем.

— Слушай хорошенько.

— А я что делаю, черт возьми? — возмутился Шико, распрямляясь, как на пружине. — Я весь превратился в слух: неподвижен, что твой пень, и нем, будто карп.

Генрих продолжал еще более мрачным и скорбным тоном:

— «Жалкий грешник!..» — сказал голос.

— Ба! — прервал короля Шико. — Голос пропалосил слова. Значит, это был не крокодил?

— «Жалкий грешник! — сказал голос. — Я глас господа бога твоего!»

Шико подпрыгнул, затем снова расположился в кресле.

— Господа бога? — переспросил он.

— Ах, Шико, — ответил Генрих, — этот голос ужасал.

— А звучал-то он красиво? — спросил Шико. — И что, он действительно смахивал на трубный глас, как говорится в Писании?

— «Ты здесь? Ты внемлешь? — продолжал голос. — Внемлешь мне, закоренелый грешник? Ты что же, решил по-прежнему коснеть во грехе и погрязать в беззакониях?»

— Скажите пожалуйста, ай-яй-яй! Однако, насколько я могу судить, глас божий, пожалуй, сходен с голосом твоего народа.

— Затем,— сказал король,— последовала добрая тысяча других попреков, которые, уверяю вас, Шико, показались мне очень жестокими.

— Ну дальше, рассказывай дальше, сын мой, расскажи, расскажи, чем тебя попрекал этот голос. Я хочу знать — хорошо ли осведомлен господь бог.

— Нечестивец! — воскликнул король. — Коли ты сомневаешься, я прикажу тебя наказать.

— Я-то? — сказал Шико. — Я не сомневаюсь, пет, но меня удивляет одно: почему господь бог ждал до этого дня, чтобы на тебя обрушиться? Неужели со времен потопа он научился терпению? Итак, сын мой,— продолжал Шико,— тебя охватил невыносимый страх.

— О да!

— И было от чего.

— Пот ручьями стекал по моему лицу, мозг застыл в костях.

— Совсем как у Иеремии, а впрочем, это вполне естественно. Ей-богу, будь я на твоём месте, со мною ещё и не такое бы творилось. И тогда ты позвал на помощь?

— Да.

— И все сбежались?

— Да.

— И принялись искать?

— Повсюду.

— И доброго боженьку не нашли?

— Нет. Этот голос умолк.

— Зато раздался твой. Да-а, действительно страшно.

— Так страшно, что я позвал духовника.

— Ага! И он появился?

— Тут же.

— Послушай-ка, сын мой, будь со мной откровенен и, против своего обыкновения, скажи мне правду. Что думаешь об этом откровении твой духовник?

— Он содрогнулся.

— Ещё бы!

— Он перекрестился; и так же, как бог, приказал мне покаяться.

— Отлично, покаяние никогда не мешает. Но о том, что тебе привиделось или, скорее, послышалось, что он сказал?

— Он сказал: это указание свыше, чудо, и нужно подумать о спасении государства. Поэтому нынче утром я...

— Что ты сделал нынче утром, сын мой?

— Я дал сто тысяч ливров иезуитам.

— Великолепно!

— И я исполосовал ударами дисциплины свою кожу и кожу моих молодых любимцев.

— Прекрасно! И это все?

— Как это все? А ты сам что думаешь, Шико? Я не к шуту обращаюсь, а к человеку разумному, к другу.

— Ах, государь,— серьезно сказал Шико,— сдается мне, у вашего величества был кошмар.

— Ты так думаешь?

— Все это привиделось вашему величеству во сне, и сон не повторится, если ваше величество не будет забивать себе голову разными мыслями.

— Сон? — сказал Генрих, с сомнением качая головой. — Нет, нет. Я уже не спал, отвечаю тебе за это, Шико.

— Ты спал, Генрих.

— Ничуть, глаза у меня были широко открыты.

— Случается, и я сплю с открытыми глазами.

— Но я этими глазами видел, а так не бывает, когда в самом деле спишь.

— Ну и что же ты видел?

— Я видел лунный свет на оконных стеклах и зловещий блеск аметиста на рукоятке моей шпаги, на том самом месте, где ты сейчас сидишь, Шико.

— А светильник, что с ним стало?

— Он погас.

— Сон, любезный мой сын, чистейший сон.

— Почему ты не веришь, Шико? Разве ты не слышал, что господь говорит с королями всякий раз, когда он собирается прозвезсти на земле какие-нибудь великие изменения?

— Да, он с ними говорит, это правда,— сказал Шико,— но таким тихим голосом, что они его никогда не слышат.

— Но почему ты не хочешь поверить?

— Потому что ты слишком хорошо все слышал.

— Ну ладно. Понимаешь теперь, почему я велел тебе остаться? — спросил король.

— Черт возьми! — ответил Шико.

— Затем, чтобы ты сам слышал, что скажет голос.

— Нет, затем, что если мне вздумается повторить то, что я услышал, люди скажут — Шико валиет дурака. Шико — нуль, Шико — ничтожество, Шико — безумец, и что бы он там ни болтал первому встречному, все одно никто ему не поверит. Неплохо задумано, сын мой.

— Почему вам не придет в голову, мой друг, — сказал король, — что я доверю эту тайну вашей испытанной верности?

— Ах, не лги, Генрих, ведь если голос появится, он попрекнет тебя этой ложью. А у тебя и без того грехов выше головы. Но будь по-твоему: принимаю твое предложение. Я с удовольствием послушаю глас божий, может быть, он скажет кое-что и для меня.

— А что нам делать до тех пор?

— Лечь спать, сын мой.

— Но если...

— Никаких «если».

— И все же...

— Не думаешь ли ты, что, оставаясь на ногах, сможешь помешать гласу господню заговорить? Король превосходит своих подданных только на высоту своей короны, а когда у тебя голова не покрыта, поверь мне, Генрих, ты такого же роста, как и все остальные люди, и даже пониже кое-кого из них.

— Хорошо, — сказал король, — значит, ты остаешься со мной?

— Договорились.

— Ладио, я ложусь.

— Добро!

— Но ты, ты ведь не ляжешь?

— И не подумаю.

— Я скину только камзол.

— Как тебе угодно.

— Штаны снимать не буду.

— Правильная предосторожность.

— Ну, а ты?

— Я останусь в этом кресле.

— А ты не заснешь?

— За это не поручусь. Ведь сон, все равно что страх сына мой, не зависит от нашей воли.

— Но по крайней мере постарайся не заснуть.

— Успокойся, я буду себя пощипывать! Впрочем, голос меня разбудит.

— Не шутя с голосом,— предупредил Генрих, который уже запер было ногу над постелью, но тут же ее отдернул.

— Ну, валяй,— сказал Шико.— Ты что, ждешь, чтобы я тебя уложил?

Король вздохнул, осмотрел тревожным взглядом все углы и закоулки комнаты и, дрожа всем телом, скользнул под одеяло.

— Так,— сказал Шико,— теперь мой черед.

И он растянулся на кресле, обложившись со всех сторон подушками и подушечками.

— Ну, как вы себя чувствуете, государь?

— Неплохо,— отозвался король.— А ты?

— Очень хорошо. Доброй ночи, Генрих.

— Доброй ночи, Шико, только ты не засыпай, пожалуйста.

— Чума на мою голову! Я и не собираюсь,— сказал Шико, зевая во весь рот.

И оба сомкнули глаза, король — чтобы притвориться спящим, Шико — чтобы и вправду заснуть.

Глава IX

О ТОМ, КАК ГЛАС БОЖИЙ ОБМАНУЛСЯ И ГОВОРИЛ С ШИКО, ДУМАЯ, ЧТО ГОВОРИТ С КОРОЛЕМ

Минут десять король и Шико лежали молча, почти не шевелясь. Но вдруг Генрих дернулся, словно ужаленный, резко приподнялся на руках и сел на постели.

Эти движения короля и вызванный ими шум вырвали Шико из состояния сладкой дремоты, предшествующей сну, и он также принял сидячее положение.

Король и шут посмотрели друг на друга горящими глазами.

— Что случилось? — тихо спросил Шико.

— Дупование,— еще тише ответил король,— вот оно, дупование.

В этот миг одна из свечей в руке у золотого сатира потухла, за ней вторая, третья и, наконец, четвертая и последняя.

— Ого! — сказал Шико.— Ничего себе дупование.

Не успел он произнести последнее слово, как светильник, в свою очередь, погас, и теперь комнату освещали

только последние отблески пламени, догоравшего в камине.

— Горячо, — проворчал Шико, вылезая из кресла.

— Сейчас он заговорит, — простонал король, забиваясь под одеяла. — Сейчас он заговорит.

— Послушаем, — сказал Шико.

И в самом деле, в спальне раздался хриплый и временами свистящий голос, который, казалось, выходил откуда-то из прохода между стеной и постелью короля.

— Закоренелый грешник, ты здесь?

— Да, да, господи, — отозвался Генрих, лягая зубами.

— Ого! — сказал Шико. — Вот сильно простуженный голос. Неужели и на небесах можно схватить насморк? Но все равно это страшно.

— Ты вмешаешь мне? — спросил голос.

— Да, господи, — с трудом выдавил из себя Генрих, — я вмешаю, согнувшись под тяжестью твоего гнева.

— Ты думаешь, что выполнил все, что от тебя требовалось, — продолжал голос, — проделав все глупости, которыми ты занимался сегодня? Это показное — глубины твоего сердца остались незатронутыми.

— Отлично сказано, — одобрил Шико. — Все правильно.

Молятвенно сложенные ладони короля тряслись и хлопали одна о другую. Шико вплотную подошел к его ложу.

— Ну что, — прошептал Генрих, — ну что, теперь ты веришь, несчастный?

— Постойте, — сказал Шико.

— Что ты затеваешь?

— Тише! Вылезай из постели, только тихо-тихо, а меня пусти на свое место.

— Зачем это?

— Затем, чтобы гнев господень обрушился сначала на меня.

— Ты думаешь, тогда он пощадит меня?

— Ручаться не могу, но попробуем.

И с ласковой настойчивостью Шико вытолкнул короля из постели, а сам улегся на его место.

— Теперь, Генрих, — сказал он, — садись в мое кресло и не мешай мне.

Генрих кивнул, он начинал понимать.

— Ты не отвечаешь,— слова раздался голос,— это подтверждает твою закоспелость в грехах.

— О! Помплуй, помплуй меня, господи! — взмолился Шико, глусавя, как король.

Затем, склонившись в сторону Генриха, прошептал:

— Забавно, черт побери! Понимаешь, сын мой, господь бог не узнал Шико.

— Ну и что? — удивился Генрих. — Что ты хочешь этим сказать?

— Погоди, погоди, ты еще не то услышишь.

— Нечестивец! — загремел голос.

— Да, господи, да,— зачастил Шико,— да, я закорпелый грешник, заядлый греховодник.

— Тогда признайся в своих преступлениях и покайся.

— Признаюсь,— сказал Шико,— что вел себя как настоящий предатель по отношению к моему кузену Конде, чью жену я обольстил, и я раскаиваюсь.

— Что, что ты там мелешь? — зашептал король. — Замолчи, пожалуйста! Эта история давно уже никого не интересует.

— Ах, верно,— сказал Шико,— пойдём дальше.

— Говори,— приказал голос.

— Признаюсь,— продолжал мнимый Генрих,— что пагло обокрал поляков: они выбрали меня королем, а я в одну прекрасную ночь удрал, прихватив с собой все коронные драгоценности, и я раскаиваюсь.

— Ты, бездельник,— прошипел Генрих,— что ты там вспоминаешь? Все это забыто.

— Мне обязательно нужно и дальше его обманывать,— возразил Шико. — Положитесь на меня.

— Признаюсь,— загнусавил шут,— что похитил французский престол у своего брата, герцога Алансопского, которому он принадлежал по праву, после того как я, по всей форме отказавшись от французской короны, согласился занять польский трон, и я раскаиваюсь,

— Подонок,— сказал король.

— Речь идет не только об этом,— заметил голос.

— Признаюсь, что вступил в сговор с моей доброй матушкой Екатериной Медичи с целью изгнать из Франции моего шурина, короля Наваррского, предварительно поубивав всех его друзей, и мою сестру, королеву Маргариту, предварительно поубивав всех ее возлюбленных, в чем я искренне раскаиваюсь.

— Ах ты, разбойник, — гневно процедил король сквозь плотно сжатые зубы.

— Государь, не будем оскорблять всевышнего, пытаюсь скрыть от него то, что ему и без нас доподлинно известно.

— Речь идет не о политике, — сказал голос.

— Ах, вот мы и пришли, — слезливым топом отозвался Шико. — Значит, речь идет о моих правах, не так ли?

— Продолжай, — прогремел голос.

— Чистая правда, господа, — каялся Шико от имени короля, — я слишком изнежен, ленив, слабоволен, глуп и лицемерен.

— Это верно, — глухо подтвердил голос.

— Я плохо обращаюсь с женщинами, прежде всего с моей женой, такой достойной особой.

— Подобаает возлюбить свою жену, как себя самого, и предпочитать ее всему на свете, — наставительно изрек голос.

— Ах, — с отчаянием вскричал Шико, — тогда я порядком нагрешил.

— И ты вынуждаешь к греху других, подавая им пример.

— Это правда, чистая правда.

— Ты чуть было не погубил бедного Сеп-Люка.

— Ба! — возразил Шико. — А ты уверен, господа, что я еще не погубил его окончательно?

— Нет, он еще не погиб, но может погибнуть, а вместе с ним и ты, если завтра же утром, и никак не позже, ты не отошлешь его домой, к семье.

— Ага, — прошептал Шико королю, — сдается мне, что голос дружит с домом де Коссе.

— И если ты не сделаешь Сеп-Люка герцогом, а его жену герцогиней в возмещение за те дни, которые ей пришлось прожить соломенной вдовой...

— А если я не послушаюсь? — сказал Шико, придав своему голосу явственную потку несогласия.

— Если ты не послушаешься, — со страшной силой загремел голос, — то ты будешь всю вечность кипеть в большом котле, в котором уже варятся в ожидании тебя Сарданапал, Навуходоносор и маршал де Рец.

Генрих III застонал. При этой угрозе его снова обуял дикий страх.

— Чума на мою голову! — выругался Шико. — Заметь, Генрих, как небеса интересуются господином де

Сеп-Люком. Черт меня побори, можно подумать, что добрый боженька сидит у него в кармане.

Но Генрих либо не слышал шуток Шико, либо, если он их слышал, они его не успокаивали.

— Я погиб,— растерянно твердил он,— я погиб, этот глас свыше меня убьет.

— Глас свыше! — передразнил его Шико. — Ах, на сей раз ты обманываешься. Голос сбоку, не более.

— Как это — голос сбоку? — удивился Генрих.

— Ну да, разве ты не слышишь, сын мой? Голос выходит из этой стены. Генрих, господь бог живет в Лувре. Вероятно, он, как император Карл Пятый, решил вернуться во Францию по дороге в ад.

— Безбожник! Богохульник!

— Но это большая честь для тебя, Генрих. И я приношу тебе поздравления по сему случаю. Но, должен тебе сказать, ты весьма прохладно относишься к этой чести. Подумать только! Сам господь бог, собственной персоной, находится в Лувре и отделен от тебя всего лишь одной стенкой, а ты не хочешь нанести ему визит. Что случилось, Валуа? Я тебя узнать не могу, ты стал просто невежлив.

В эту минуту какая-то хворостинка, затерявшаяся в углу камина, с треском вспыхнула и осветила лицо Шико.

Выражение этого лица было таким веселым, даже насмешливым, что король удивился.

— Как,— сказал он,— у тебя хватает наглости смеяться? Ты дерзаешь...

— Ну да, я дерзаю,— ответил Шико,— и сейчас ты и сам дерзнешь, или пусть чума меня заберет. Подумай хорошенько, сын мой, и сделай так, как я тебе говорю.

— Ты хочешь, чтобы я пошел посмотреть...

— Не приютился ли господь бог в соседней комнате.

— Ну, а если голос опять заговорит?

— А разве я не здесь и не смогу ответить? Даже очень хорошо, если я по-прежнему буду говорить от твоего имени и голос, который принимает меня за тебя, поверит, что ты остаешься в спальне, ибо он рыцарски доверчив, этот глас божий, и совсем не знает свой мир. Подумать только, я уже целые четверть часа реву здесь, как осел, а он меня все еще не распознал. Это унижительно для разумного существа.

Генрих нахмурился. Слова шута поколебали его несокрушимую веру.

— Я думаю, ты прав, Шико,— произнес он,— и мне очень хочется...

— Ну, пошел,— напутствовал его Шико, подталкивая к двери.

Генрих осторожно открыл дверь в переднюю, соединявшую опочивальню с соседней комнатой, которая, как мы это уже говорили, раньше была комнатой кормилицы Карла IX, а теперь служила спальней Сен-Люку. Король не успел сделать еще и четырех шагов, а голос уже с удвоенным жаром возобновил свои упреки. Шико отвечал на них в самом жалостливом тоне.

— Да,— гремел голос,— ты непостоянен, как женщина, взнежен, как сибарит, развращен, как язычник.

— Увы! — хныкал Шико. — Увы! Увы! Разве я виноват, великий господь, что ты сотворил мою кожу такою нежной, руки такими белыми, нос таким чувствительным, дух таким переменчивым. Но отныне с этим покончено, господи, начиная с нынешнего дня я буду носить рубашки только из грубого холста, я погребу себя в навозной яме, как Иов, я буду есть коровий помет, как Иезекииль.

Тем временем Генрих, продолжая идти по передней с удивлением заметил, что, по мере того как голос Шико становится все глуше, голос его собеседника звучит все громче и что голос этот, по-видимому, действительно исходит из комнаты Сен-Люка.

Генрих уже собирался постучать в дверь, по тут увидел луч света, пробивающийся в широкую замочную скважину.

Он нагнулся и заглянул в эту скважину.

Его бледное лицо внезапно побагровело от гнева, он выпрямился и начал протирать глаза, словно не мог и поверить и хотел получше рассмотреть то, что увидел.

— Клянусь смертью Христовой! — пробормотал он. — Мыслимое ли дело, чтобы надо мной посмел так надсмеяться?

Вот что король увидел через замочную скважину.

В углу комнаты Сен-Люк, облаченный в халат и узкие панталоны, выкрикивал в трубку сарбакана угрозы, которые Генрих принимал за божьи откровения, а рядом, опираясь на его плечо, стояла молодая женщина в белом прозрачном одеянии и время от времени вырывал сарбакан из рук Сен-Люка и кричала в него все, что ей приходило в голову,— всякую чепуху, которую мож

было сначала прочесть в ее лукавых глазах и на ее улыбающихся устах. Каждый раз, когда сарбакан опускаясь, раздавались варывы хохота, ибо было слышно, как Шико плакался и сокрушался, с таким совершенством подражая гнусавому голосу своего хозяина, что королю в передней показалось, будто это он сам причитает и скорбит душой по поводу своих прегрешений.

— Жанна де Коссе в комнате Сен-Люка! Дыра в стене! Меня провелл! — глухо прорычал Генрих. — О! Негодяи! Они мне дорого заплатят!

И после одной особенно оскорбительной фразы, которую госпожа де Сен-Люк прокричала в сарбакан, Генрих отступил на шаг и с силой, неожиданной в столь женственном создании, одним ударом ноги высадил дверь: дверные петли оторвались, замок сломался.

Полудетая Жанна со страшным криком бросилась под балдахн и закрылась шелковыми занавесками.

Сен-Люк, бледный от ужаса, с сарбаканом в руке, упал на оба колена перед королем, белым от ярости.

— Ах! — вопил Шико на глубин королевской опочивальни. — О! Милосердия! Милосердия! Спаси меня, дева Мария, спасите меня, все святые... я слабею, я...

Но в соседней комнате все действующие лица только что опсанной нами бурлескной сцены, мгновенно превратившейся в трагедию, застыли, не в силах произнести ни звука.

Генрих нарушил молчанье одним словом, а оцепенение — одним жестом.

— Убравйтесь, — сказал он, указывая на дверь.

И, уступив порыву бешенства, недостойному короля, вырвал сарбакан из рук Сен-Люка и замахнулся им на своего бывшего любимца. Но Сен-Люк резко вскочил на ноги, словно подброшенный стальной пружиной.

— Государь, — предупредил он, — вы имеете право ударить меня только в голову, я дворянин.

Генрих со всего размаха швырнул сарбакан на пол. Какой-то человек наклонился и подобрал игрушку. То был Шико. Услышав грохот выломанной двери и рассудив, что присутствие посредника будет излишним, он поспешил в комнату Сен-Люка.

Предоставив Генриху и Сен-Люку без помех выяснять свои отношения, Шико бросился прямо к балдахну, за которым явно кто-то прятался, и извлек оттуда бедную женщину, дрожавшую от страха всем телом.

— Вот так штука! — сказал Шико. — Адам и Ева после грехопадения! И ты их изгоняешь, Генрих? — спросил он, обращаясь к королю.

— Да, — ответил Генрих.

— Тогда подожди, я буду за ангела с пламенным мечом.

И, встав между Сен-Люком и королем, Шико протянул над головами обоих провинившихся сарбакан вместо пламенного меча и сказал:

— Это мой рай, вы потеряли его из-за своего непослушания. Отныне я запрещаю вам вход в него.

И потом, склонившись к Сен-Люку, который обнял свою жену, чтобы в случае надобности защитить ее от королевского гнева, шепнул:

— Если у вас есть добрый конь, загоните его, во к утру будьте в двадцати лье отсюда.

Глава X

О ТОМ, КАК БЮССИ ОТПРАВИЛСЯ НА ПОИСКИ СВОЕГО СНА,
ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ УБЕЖДАЯСЬ,
ЧТО ЭТОТ СОН БЫЛ ЯВЬЮ

Бюсси и герцог Анжуйский возвратились из Лувра в глубокой задумчивости: герцог опасался последствий дерзкого разговора с королем, на который его подбил Бюсси, а мысли Бюсси по-прежнему витали вокруг событий прошлой ночи.

— В конце концов, — рассуждал он, направляясь к своему дворцу после того, как распрощался с герцогом превознеся до небес его мужественное и решительное поведение, — в конце концов, вот что не подлежит сомнению: на меня напали, я защищался, меня ранили; ведь рана в правом боку все еще дает себя знать и побаливает довольно сильно. Итак, схватившись с миньонами я видел стену Турнельского дворца и зубчатые башни Бастилии так же хорошо, как сейчас вижу там вдали крест на церкви Пти-Шан; это на площади Бастилии; меня вапали, пемного не доходя до Турпельского дворца между улицей Сент-Катрин и улицей Сен-Поль, а я ехал в Сент-Антуанское предместье за письмом королевы На варрской. На меня напали там, возле двери с окошечком, через которое, после того как дверь за мной закры-

лась, я смотрел на Келюса, а у того щеки были белее-белые, а глаза горели. Я оказался в прихожей; в конце прихожей была лестница. Я почувствовал первую ступеньку этой лестницы, потому что споткнулся о нее. Тогда я упал без чувств. Потом начался мой сон. Потом меня привел в сознание холодный ветер: я лежал на откосе рва у Тампля, возле меня стояли монах, мясник и еще — старуха.

Теперь, почему же обычно я начисто и очень быстро забываю сны, а этот все ярче вспыхивает в памяти, хотя время идет и та ночь все дальше и дальше от меня? Ах,— сказал Бюсси,— вот в этом загадка...

Тут он подошел к дверям своего дворца, остановился, прислонился к стене и закрыл глаза.

— Смерть Христова!— сказал он.— Невозможно, чтобы сон оставил в душе такой отчетливый след. Я вижу комнату, фигуры на гобеленах, я вижу расписной потолок, вижу кровать из резного дуба с занавесками из белого с золотом шелка, вижу портрет, вижу белокурую даму, хотя, может быть, она и не сошла с портрета, тут у меня полной ясности нет. Наконец, я вижу доброе и веселое лицо молодого лекаря, которого привели ко мне с завязанными глазами; в общем, в моей голове полным-полно всяких образов и подробностей. Перечислим еще раз: гобелены, потолок, резная кровать, занавески из белого с золотом шелка, портрет, женщина, лекарь. Ну-ка. Ну-ка! Я обязательно отправлюсь на поиски всего этого и буду последней скотиной, если не разыщу.

— А прежде всего,— закончил Бюсси,— чтобы правильно взяться за дело, наденем-ка мы костюм, болсе подходящий для ночного гуляки, и — к Бастилии.

Это решение вряд ли можно было назвать разумным. Ибо какой рассудительный человек, подвергнувшийся нападению в глухом закоулке и чудом избежавший смерти, отправится на следующий день, примерно в тот же поздний час, на поиски места происшествия? Однако Бюсси именно так и собирался поступить. Не раздумывая больше, он поднялся в свои комнаты, приказал слуге, сведущему в искусстве врачевания, которого он на всякий случай держал при себе, потуже перевязать рану, натянул высокие сапоги, доходившие до половины бедер, выбрал самую надежную шпагу, завернулся в плащ, сел в носилки, остановил их в конце улицы Руа-де-Сисиль, вылез из носилок, наказал своим людям

ожидать его возвращения и зашагал по улице Сент-Антуан к площади Бастилии.

Было около девяти часов вечера. Уже пробил сигнал гасить огни. Парижские улицы пустели. Днем изредка выглядывало солнце и дул теплый ветер, поэтому все оттаяло, лужи ледяной воды и ямы, полные грязи превратили площадь Бастилии в почти непроходимую местность, усеянную озерами и обрывами, ее огибала та прижавшаяся к стене крепости дорога, о которой мы уже говорили.

Бюсси, уяснив себе, где он находится, начал искать место, где под ним свалили коня, и, как ему показалось, нашел его. Затем он восстановил в памяти свои отступления и атаки и воспроизвел их. Он отступил к домам и обследовал каждый фасад, надеясь пайти ту дверь с вышей, к которой он прислонился, и с окошечком, через которое смотрел на Келюса. Но у всех дверей были выши, и почти в каждой из них было прорезано окошечко, а за ним виднелась уака темная прихожая. По воле судьбы, три четверти всех входных дверей открывались в такие прихожие, и эта предосторожность не покажется нам такой уж пелепой, если мы вспомним что в те времена парижские буржуа не знали, что такое консьерж.

— Черт побври! — с глубокой досадой сказал Бюсси. — Пусть мне придется постучать в каждую из этих дверей и расспросить всех хозяев, пусть я истрачу тысячу экю, чтобы развязать языки всем лакеям и всем старухам, но я узнаю все, что хочу узнать. Здесь пятьдесят домов, по десять домов в вечер составит пять ве черов, и я пожертвую ими. Только придется подождать пока земля не подсохнет.

Бюсси уже заканчивал этот монолог, когда заметил вдаль колеблющийся, бледный огонек, который, отражаясь в лужах, как свет маяка в море, двигался в его сторону.

Огонек приближался медленно и неравномерно; время от времени останавливался, порой отклонялся — то влево, то вправо, иногда вдруг, остановившись, внезапно принимался что-то вытапцовывать, уподобляясь блуждающему огню, затем спокойно двигался вперед, но вскоре снова брался за свои выкрутасы.

— Решительно, площадь Бастилии — необычное место, — сказал Бюсси. — Но будь что будет, подождем

И с этими словами он устроился поудобнее: завернулся в плащ и спрятался в нишу какой-то двери. Стояла темная-претемная ночь, и за четыре шага уже ничего нельзя было различить.

Огонек продолжал приближаться, описывая самые причудливые круги. Но, поскольку Бюсси не был суеверен, он оставался в убеждении, что этот свет не принадлежит к таинственным блуждающим огням, которые внушали такой страх путникам в средние века, а исходит всего-навсего от фонаря, подвешенного к пальцам какой-то руки, а рука, в свою очередь, должна быть соединена с каким-то туловищем.

Действительно, после нескольких секунд ожидания это предположение подтвердилось. Шагах в тридцати от себя Бюсси заметил черный силуэт, длинный и тонкий, как столб, постепенно силуэт принял очертания человеческой фигуры; человек этот держал в левой руке фонарь и то вытягивал руку с фонарем перед собой, то отводил ее в сторону, то опускал к ноге. Сначала Бюсси подумал, что незнакомец принадлежит к почтенному братству пьяниц, так как только опьяненным можно было объяснить его странные телодвижения и то философское спокойствие, с которым он проваливался в грязные ямы и шлепал по лужам.

Один раз он даже поскользнулся на подтаявшем льду: Бюсси услышал глухой звук, увидел, как фонарь стремительно полетел вниз, и подумал, что почной гуляка, которого ноги плохо держат, тщетно пытается сохранить равновесие.

Бюсси уже ощущал к этому «служителю Бахуса», как назвал бы незнакомца мэтр Ронсар, тот род сочувствия, который благородные сердца испытывают к пьяницам, оказавшимся поздно ночью на улице, и чуть было не бросился ему на выручку, но тут фонарь взмыл вверх с быстротой, свидетельствующей, что его владелец обладает гораздо большей устойчивостью, чем это можно было предположить на первый взгляд.

— Ну вот,— пробормотал Бюсси,— кажется, впереди еще одно приключение.

И так как фонарь возобновил поступательное движение и, по-видимому, направлялся прямо к тому месту, где стоял Бюсси, молодой человек плотно прижался к стене.

Фонарь приблизился еще на десять шагов, и в отбрасываемом им свете наш герой заметил удивительную вещь — у человека, который нес фонарь, на глазах была повязка.

— Ей-богу! — сказал Бюсси. — Что за дикая затея играть в «холодно-горячо» с фонарем в руке, особенно в такое время и в такую распутицу? Неужели я опять сплю и вижу сон?

Бюсси выжидал. Человек с завязанными глазами сделал еще пять или шесть шагов.

— Господи помилуй, — прошептал Бюсси, — по моему, он разговаривает сам с собой. Нет, он не пьяница и не сумасшедший. Он математик и пытается решить какую-то задачу.

Эту последнюю мысль нашему наблюдателю навели слова, которые бормотал человек с фонарем.

— Четыреста восемьдесят восемь, четыреста восемьдесят девять, четыреста девяносто, — тихо отсчитывал он. — Должно быть, где-то здесь.

И таинственный незнакомец, приподняв повязку, подошел к двери дома, возле которого он оказался, и тщательно ее обследовал.

— Нет, — сказал он, — дверь явно не та.

Затем опустил повязку на глаза и снова зашагал, отсчитывая на ходу:

— Четыреста девяносто один, четыреста девяносто два, четыреста девяносто три, четыреста девяносто четыре... Здесь должно быть «горячо».

Он опять приподнял повязку и, подойдя к двери, соседней с той, возле которой спрятался Бюсси, осмотрел ее с не меньшим вниманием, чем первую.

— Гм! Гм! — произнес он. — Вот эта вполне подходит. Нет... да, да... нет... чертовы двери, они похожи друг на друга, как две капли воды.

«К такому выводу пришел и я, — сказал себе Бюсси, — этот математик начинает внушать мне уважение».

Математик надвинул повязку на глаза и продолжал свой путь.

— Четыреста девяносто пять, четыреста девяносто шесть, четыреста девяносто семь, четыреста девяносто восемь, четыреста девяносто девять... Если напротив меня есть дверь, — сказал он, — то это и должна быть та самая...

Дверь тут действительно имелась, и это была как раз та самая, в нише которой прятался Бюсси, в результате чего, приподняв повязку, предполагаемый математик оказался лицом к лицу с нашим героем.

— Ну как? — поинтересовался Бюсси.

— Ой! — удивился любитель почных прогулок, отступая на шаг.

— Вот тебе раз! — сказал Бюсси.

— Но это невозможно! — воскликнул неизвестный.

— Как видите, возможно, но случай и в самом деле необычный. Так, значит, вы тот самый лекарь?

— А вы тот самый дворянин?

— Тот самый.

— Иисус! Какая удача!

— Тот самый лекарь, — продолжал Бюсси, — который вчера вечером перевязал дворянина, получившего удар шпагой в бок?

— Верно.

— Все так, я вас тотчас же узнал. Должен сказать, что рука у вас нежная, легкая и в то же время очень умелая.

— Ах, сударь, я не ожидал встретить вас здесь.

— А что вы ищете?

— Дом.

— А-а, вы ищете дом? — протянул Бюсси.

— Да.

— Стало быть, вы знаете, где он?

— Как же я могу это знать? — ответил молодой человек. — Ведь мне завязали глаза, прежде чем отвести туда.

— Вас туда отвели с завязанными глазами?

— Конечно.

— Но вы уверены, что действительно приходили в этот самый дом?

— В этот или в один из соседних. В какой именно — я не уверен, поэтому я и разыскиваю...

— Прекрасно, — сказал Бюсси, — значит, все это по сон!..

— Что все? Какой сон?

— Надо вам признаться, любезный, мне казалось, что все это приключение, кроме удара шпагой, разумеется, было просто сном.

— Я вас понимаю, — сказал молодой врач, — этим вы меня не удивили, сударь.

— Почему не удивил?

— Я сам думал, что во всем этом есть какая-то тайна.

— Да, любезный, и эту тайну я хочу прояснить. Вы не откажетесь мне помочь, не правда ли?

— Разумеется.

— По рукам. Но прежде всего один вопрос.

— Слушаю.

— Как вас зовут?

— Сударь,— сказал молодой лекарь,— я не стану принимать ваши слова за намеренное оскорбление. Я знаю, что, по доброму обычаю и по существующему порядку, в ответ на ваш вопрос мне подобало бы гордо вскинуть голову и, подбоченившись, спросить: «А вы, сударь, кем вы изволите быть?» Но у вас длинная шпага, а у меня только мой ланцет, у вас вид знатного дворянина, а я, промокший до костей, по пояс в грязи, я должен вам казаться каким-то проходивцем. Поэтому отвечу вам просто и чистосердечно: меня зовут Реми ле Одуэн.

— Прекрасно, сударь, тысячу раз благодарю. Что до меня, то я граф Луи де Клермон, сеньор де Бюсси.

— Бюсси д'Амбуаз! Герой Бюсси! — восторженно воскликнул юный медик. — Так вот оно что! Сударь, вы тот самый знаменитый Бюсси, тот полковник, который?.. О!

— Тот самый, сударь. А теперь, когда мы выяснили, кто мы такие, сделайте милость, удовлетворите мое любопытство, несмотря на то что вы весь вымокли и замазались в грязи.

— И в самом деле,— сказал молодой человек, сокрушенно разглядывая свои короткие штаны, сплошь забрызганные грязью,— и в самом деле, мне, как Эпампонду Фиванскому, очевидно, придется провести три дня дома, ведь в моем гардеробе всего лишь одни штаны и только один камзол. Но, простите, как мне показалось, вы благоволили задать мне какой-то вопрос?

— Да, сударь, я хотел бы у вас спросить, как вы попали в тот дом.

— Весьма простым и в то же время очень сложным путем. Судите сами.

— Посмотрим.

— Господин граф, извините меня, я был так потрясен, что обращался к вам, не называя вашего титула.

— Какие пустяки, продолжайте.

— Господин граф, вот моя история: я живу на улице Ботрей в пятистах двух шагах отсюда. Я бедный ученик хирурга, но, могу вас заверить, рука у меня довольно умелая.

— Я и сам смел случай в этом убедиться,— сказал Бюсси.

— Учился-то я усердно,— продолжал молодой человек,— да вот пациентов не приобрел. Меня зовут, как я уже говорил: Реми ле Одуэн; Реми — потому, что такое имя дали мне при крещении, и Одуэн — потому, что я родился в Нантей-ле-Одуэн. Семь или восемь дней тому назад за Арсеналом какого-то бедолагу как следует полоснули ножом, я зашил ему кожу на животе и очень удачно втиснул туда кишки, которые вывалились было наружу. Эта операция принесла мне некоторую известность в округе, и, видимо, благодаря ей мне посчастливилось: вчера ночью меня разбудил чей-то приятный голосок.

— Голос женщины! — воскликнул Бюсси.

— Да, но не спешите с выводами, граф, какой бы деревенщиной я ни был, все же я понял, что это голос служанки. Я их знаю, ведь мне гораздо чаще приходилось иметь дело со служанками, чем с господами.

— И что же вы сделали?

— Я поднялся и открыл дверь, но едва я высунул голову, как две маленькие, не слишком нежные, но и не чересчур загрубелые ручки наложили мне на глаза повязку.

— И вам при этом не сказали ни слова?

— Нет, как же, мне было сказано: «Идите со мной, не пытайтесь разглядеть, куда я вас веду, молчите, вот ваше вознаграждение».

— И этим вознаграждением?..

— Оказался кошелек с пистолетом, который вложили мне в руку.

— Ага! И что вы ответили?

— Что я готов следовать за моей очаровательной проводницей. Я не знал, очаровательна она или нет, но подумал, что маслом каши не испортишь.

— И вы последовали за ней без возражений, не требуя никаких гарантий?

— Мне часто приходилось читать в книгах о подобных историях, и я заметил, что для врача они всегда

кончаются чем-нибудь приятным. Итак, я последовала за незнакомкой, как я уже имел честь вам доложить; меня вели по твердой земле, к ночи подмерзло, и я насчитал четыреста, четыреста пятьдесят, пятьсот и, наконец, пятьсот два шага.

— Хорошо,— сказал Бюсси,— это было умно с вашей стороны. И вот теперь мы, по-вашему, должны быть у той двери?

— Во всяком случае, где-то поблизости от нее, потому что на сей раз я насчитал четыреста девяносто девять шагов. Конечно, хитрая девчонка могла повести меня окольным путем,— по-моему, она была способна выкинуть со мной подобную штуку.

— Да, допустим, она позаботилась о такой предосторожности, тем не менее, будь она даже хитра, как сам дьявол, наверное, она все же сболтнула вам что-нибудь, назвала какое-то имя?

— Никакого.

— Может быть, вы сами что-нибудь заметили?

— Только то, что можно заметить пальцами, приученными в иных случаях заменять глаза, то есть — дверь, обитую гвоздями, прихожую за дверью, в конце прихожей — лестницу.

— Слева?

— Вот именно. Я даже сосчитал ступеньки.

— Сколько их было?

— Двенадцать.

— И потом сразу вход?

— Думаю, что сначала коридор: открывали три двери.

— Хорошо.

— А потом я услышал голос. Ах, на сей раз это был голос госпожи, такой нежный и мелодичный.

— Да, да. Это был ее голос.

— Конечно, ее.

— Ее, ее, клянусь вам.

— Вот уже кое-что, в чем вы можете поклясться. Дальше меня толкнули в комнату, где лежали вы, и разрешили снять повязку.

— Все так.

— И тогда я вас увидел.

— Где я был?

— Вы лежали на постели.

— На постели с занавесками из белого шелка в золотых цветах?

— Да.

— А стены комнаты были покрыты гобеленами?

— Правильно.

— А на потолке написаны фигуры?

— Точно так, а в простенке между окнами...

— Портрет?

— Вот именно.

— Женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати лет?

— Да.

— Блондинки?

— Да, несомненно.

— Прекрасной, как ангел?

— Еще прекрасней!

— Bravo! Ну и что вы сделали?

— Я вас перевязал.

— И отлично перевязали, даю слово!

— Старался, как мог.

— Превосходно перевязали, просто превосходно, милостивый государь, сегодня утром рана почти закрылась и стала розовой.

— Это благодаря бальзаму, который я составил; на мой взгляд, он отлично действует, ибо, не зная, на ком мне его испробовать, я не раз протыкал себе кожу в самых различных местах тела, и — честное слово! — через два-три дня дырки уже затягивались.

— Любезный господин Рэми, — воскликнул Бюсси, — вы замечательный человек, я полон всяческого расположения к вам... Но дальше, что было дальше? Рассказывайте.

— Дальше вы снова потеряли сознание. Голос спросил меня, как вы себя чувствуете.

— Откуда он спрашивал?

— Из соседней комнаты.

— Значит, самой дамы вы не видели?

— Нет, не видел.

— Что вы ей ответили?

— Что рана не опасна и через двадцать четыре часа затянется.

— И она была довольна?

— Ужасно. Она воскликнула: «Боже мой, какое счастье!»

— Она сказала: «Какое счастье!»? Милый господин Реми, я вас озолочу. Ну дальше, дальше.

— Вот и все, никакого дальше. Вы были перевязаны, и мне уже ничего не оставалось там делать. Голос сказал мне: «Господин Реми...»

— Голос знал ваше имя?

— Конечно, все из-за того несчастного, которого проткнули ножом. Помните, я вам говорил?

— Верно, верно; итак, голос сказал: «Господин Реми...»

— «Будьте до конца человеком чести, не подвергайте опасности бедную женщину, поддавшуюся чувству сострадания; завяжите себе глаза, позвольте отвести вас домой и не пытайтесь подглядывать по дороге.»

— Вы обещали?

— Я дал слово.

— И вы сдержали его?

— Как видите, — простодушно ответил молодой человек, — иначе я не искал бы дверь.

— Ладно, — сказал Бюсси, — это великолепная черта характера, показывающая, что вы галантный кавалер, и хотя внутри у меня все кипит от злости, я не могу не сказать: вот моя рука, господин Реми.

И восхищенный Бюсси протянул руку молодому лекарю.

— Сударь! — воскликнул пораженный Реми.

— Примите, примите ее, вы достойны быть дворянином.

— Сударь, — сказал Реми, — я вечно буду гордиться тем, что имел честь пожать руку отважному Бюсси д'Амбуазу. А пока что совесть моя спокойна.

— Это почему же?

— В кошельке оказалось десять пистолей.

— Ну и что?

— Это слишком много для лекаря, которому больные платят за визит пять су, а то и совсем ничего не платят, и я разыскивал дом...

— Чтобы вернуть кошелек?

— Вот именно.

— Любезный господин Реми, вы чересчур щепетильны, клянусь вам; эти деньги вы честно заработали, они ваши по праву.

— Вы думаете? — с явным облегчением спросил Реми.

— Я отвечаю за свои слова, но дело в том, что расплачиваться с вами следовало вовсе не этой даме, ведь я ее не знаю, и она меня тоже.

— Вот еще одна причина вернуть деньги. Самн видите.

— Я хотел вам сказать только, что и я тоже, и я ваш должник.

— Вы мой должник?

— Да, и я расквитаюсь с вами. Чем вы занимаетесь в Париже? Давайте рассказывайте. Поверьте мне ваши тайны, любезный господин Реми.

— Чем я занимаюсь в Париже? Да, в сущности, ничем, господин граф, но я мог бы кое-чем подзаняться, имей я пациентов.

— Ну что же, вам очень повезло; для начала я вам доставлю одного пациента: самого себя. Поверьте, у вас будет большая практика! Не проходит дня, чтобы либо я не продырявил самое прекрасное творение создателя, либо кто другой не подпортил великолепный образчик его искусства в моем лице. Ну как, согласны вы заняться штопаньем дыр, которые будут протыкать в моей шкуре, или тех, которые я сам проткну в чьей-нибудь оболочке?

— Ах, господин граф,— сказал Реми,— у меня так мало заслуг...

— Напротив, вы именно тот человек, которого мне надо, дьявол меня побери! Рука у вас легкая, как у жещины, и с этим бальзамом Феррагюс...

— Сударь!

— Вы будете жить у меня, у вас будут свои собственные апартаменты, свои слуги; соглашайтесь или, даю слово, вы ввергнете меня в пучину отчаяния. К тому же ваша работа еще не закончена: вам надо сменить мою повязку, любезный господин Реми.

— Господин граф,— отвечал молодой врач,— я в таком восторге, что не знаю, как выразить свою радость. У меня будет работа! У меня будут пациенты!

— Ну нет, ведь я вам сказал, что беру вас только для себя самого... ну и для моих друзей, естественно. А теперь — вы ничего больше не вспомните?

— Ничего.

— Ну, коли так, то помогите мне разобраться кое в чем, если это возможно.

— В чем именно?

— Да видите ли.. вы человек наблюдательный: вы считаете шаги, вы ощупываете ступи, вы запоминаете голоса. Не знаете ли вы, почему после того, как вы меня перевязали, я очутился на откосе рва у Тамплиа?

— Вы?

— Да... я... Может быть, вы помогли меня переполить?

— Ни в коем случае! Наоборот, если бы спросили моего совета, я решительно воспротивился бы такому перемещению. Холод мог вам очень повредить.

— Тогда я ума не приложу, как это случилось. Вам не угодно будет продолжить поиски вместе со мной?

— Мне угодно все, что угодно вам, сударь, но я боюсь, что от этого не будет проку, ведь все дома тут на одно лицо.

— Тогда,— сказал Бюсси,— надо будет посмотреть на них днем.

— Да, но днем вас увидят.

— Тогда надо будет собрать сведения.

— Мы все разузнаем, монсеньер...

— И мы добьемся своего. Поверь мне, Реми, отныне нас двое, и мы существуем не во сне, а наяву, и это уже много.

Глава XI

О ТОМ, ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК БЫЛ ГЛАВНЫМ ЛОВЧИИ БРИАН ДЕ МОНСОРО

Даже не радость, а чувство какого-то иступленного восторга охватило Бюсси, когда он убедился, что женщина его грез действительно существует и что эта женщина не во сне, а наяву оказала ему то великодушное гостеприимство, неясные воспоминания о котором он хранил в глубине сердца.

Поэтому Бюсси решил ни на мгновение не расставаться с молодым лекарем, которого он только что возвел в ранг своего постоянного врачевателя. Он потребовал, чтобы Реми, такой, как был — весь в грязи с головы до ног, сел вместе с ним в носилки. Бюсси боялся, что, если он хоть на миг упустит Реми из виду, тот исчезнет, подобно дивному видению прошлой ночи; нужен было во что бы то ни стало доставить его к себе домой

и запереть на ключ до утра, а на следующий день будет видно, выпускать его на свободу или нет.

Все время обратного пути было употреблено на новые вопросы, но ответы на них вращались в замкнутом кругу, который мы только что очертили. Реми ле Одуэн знал не больше Бюсси, правда, лекарь, не терявший сознания, был уверен, что Бюсси не грезил.

Для всякого человека, пачинающего влюбляться,— а Бюсси влюбился с первого взгляда,— чрезвычайно важно иметь под рукой кого-нибудь, с кем можно было бы потолковать о любимой женщине. Правда, Реми не удостоился чести лицеареть красавицу, но в глазах Бюсси это было еще одним достоинством, ибо давало ему возможность снова и снова растолковывать своему спутнику, насколько оригинал во всех отношениях превосходит копию.

Бюсси горел желанием провести всю ночь в разговорах о прекрасной незнакомке, но Реми начал исполнение своих обязанностей врача с того, что потребовал от раненого уснуть или по меньшей мере лечь в постель. Усталость и боль от раны давали нашему герою такой же совет, и в конце концов эти три могущественные силы одержали над ним верх.

Однако, прежде чем лечь в постель, Бюсси самолично разместил своего нового сотрапезника в трех комнатах четвертого этажа, которые он сам занимал в годы юности. И только убедившись, что молодой врач, довольный своей новой квартирой и новой судьбой, подаренной ему провидением, не сбежит тайком из дворца, Бюсси спустился на второй этаж, в свои роскошные апартаменты.

Когда он проснулся на следующий день, Реми уже стоял возле его постели. Молодой человек всю ночь не мог поверить в свалившееся на него счастье и ожидал пробуждения Бюсси, в свою очередь желая убедиться, что все это не сон.

— Ну,— сказал Реми,— как вы себя чувствуете?

— Как нельзя лучше, милейший эскулап, ну а вы, вы довольны?

— Так доволен, мой сиятельный покровитель, что не поменялся бы своей участью с самим королем Генрихом Третьим, хотя за вчерашний день его величество должен был сильно продвинуться по пути в рай. Но не в этом дело, разрешите взглянуть на рану.

— Вагляните.

И Бюсси повернулся на бок, чтобы молодой хирург мог снять повязку.

Рана выглядела как нельзя лучше, края ее стянулись и приняли розовую окраску. Обнадеженный Бюсси хорошо спал, крепкий сон и ощущение счастья пришли на помощь хирургу, не оставив на его долю почти никаких забот.

— Ну что? — спросил Бюсси. — Что вы скажете, мэтр Амбруаз Паре?

— Я скажу, что вы уже почти выздоровели, но я открываю вам эту врачебную тайну с большим страхом — как бы вы не отослали меня обратно на улицу Ботрейи, что в пятистах двух шагах от знаменитого дома.

— Какой мы разыщем, не правда ли, Реми?

— Я в этом уверен.

— Как ты сказал, мой мальчик? — переспросил Бюсси.

— Простите, — вскричал Реми со слезами на глазах, — неужели вы сказали мне «ты», монсеньер?

— Реми, я всегда обращаюсь на «ты» к тем, кого люблю. Разве ты возражаешь против такого обращения?

— Напротив, — воскликнул молодой человек, пытаясь поймать руку Бюсси и поцеловать ее, — напротив, мне показалось, что я ослышался. О! Монсеньер де Бюсси, вы хотите, чтобы я сошел с ума от радости?

— Нет, мой друг, я хочу только, чтобы и ты, в свою очередь, меня полюбил и считал бы себя принадлежащим к моему дому и чтобы ты сегодня, пока будешь здесь устраниваться, позволил мне присутствовать на церемонии вручения королю эстортуэра¹.

— Ах, — сказал Реми, — вот мы уже и собираемся наделать глупостей.

— Э, нет, наоборот, обещаю тебе вести себя прилично.

— Но вам придется сесть на коня.

— Проклятие! Это совершенно необходимо.

— Найдется ли у вас хороший скакун со спокойным аллюром?

— У меня таких четыре на выбор.

¹ Эстортуэр — жезл, который главный ловчий вручает королю, дабы этим жезлом король при скачке галоном раздвигал ветки деревьев. (Прим. автора.)

— Ну хорошо, возьмите себе на сегодняшний день коня, на которого вы посадили бы даму с портрета, понимаете?

— Ах, я понимаю, отлично понимаю. Послушайте, Реми, вопстину вы раз павсегда нашли путь к моему сердцу, я страшно боялся, что вы не допустите меня к участию в этой охоте или, скорее, в этом охотничьем представлении, на котором будут присутствовать все придворные дамы и толпы любопытствующих горожанок. И я уверен, Реми, милый Реми, ты понял, что дама с портрета должна принадлежать ко двору или, во всяком случае, должна быть парижанкой. Несомненно, она не простая буржуазка: гобелены, тончайшие эмали, расписной потолок, кровать с белыми и золотыми занавесками, — словом, вся эта пышная роскошь изобличает в ней даму высокого происхождения или по меньшей мере богатую женщину. Что, если я встречу ее там в лесу?

— Все возможно, — философски заметил Одуэн.

— За исключением одного — разыскать дом, — вздохнул Бюсси.

— И проникнуть в него, когда мы его разыщем, — добавил Реми.

— Ну уж об этом-то я меньше всего беспокоюсь, — сказал Бюсси. — Мне бы только добраться до его дверей, — продолжал он, — а уж там я пушу в ход одно испытанное средство.

— Какое?

— Устрою себе еще один удар шпагой.

— Отлично, — сказал Реми, — ваши слова позволяют надеяться, что вы сохраните меня при себе.

— Ну, на этот счет будь спокоен. Мне кажется, будто я тебя знаю лет двадцать, не меньше, и, слово дворянина, уже не мог бы обходиться без тебя.

Приятное лицо молодого лекаря расцвело под наплывом невыразимой радости.

— Итак, — сказал он, — решено. Вы едете на охоту и займетесь там поисками дамы, а я вернусь на улицу Ботрейя, искать дом.

— Вот будет занятно, — сказал Бюсси, — если, когда мы снова встретимся, окажется, что мы оба добились успеха.

На этом они распрощались, скорее как два друга, чем как господин и слуга.

В Венсенском лесу и на самом деле затевалась большая охота в честь вступления в должность господина Бриана де Монсоро, уже несколько недель тому назад назначенного главным ловчим. Вчерашняя процессия и неожиданное покаяние короля, который начал пост в последний день масленичного карнавала, заставили придворных усомниться, почтит ли он своим присутствием эту охоту. Ибо обычно, когда на Генриха III находил приступ набожности, он по неделям не покидал Лувра, а иногда даже отправлялся умерщвлять плоть в монастырь. Однако на сей раз, к удивлению придворных, около девяти часов утра распространилось известие, что король уже выехал в Венсенский замок и гонит лань вместе со своим братом, монсеньером герцогом Анжуйским, и всем двором.

Местом сбора охотников служила Коповязь короля Людовика Святого. Так назывался в те времена перекресток дорог, где, как говорят, тогда еще можно было увидеть знаменитый дуб, под которым король-мученик вершил правосудие. Все собрались к девяти часам, и ровно в девять, верхом на прекрасном вороном жеребце, на поляну выехал новоявленный главный ловчий, предмет всеобщего любопытства, ибо почти никто из придворных его не знал.

Все взоры обратились на вновь прибывшего.

Граф де Монсоро был высоким мужчиной лет тридцати пяти на вид; на его лице, испещренном мелкими оспинами, при малейшем волнении проступали красные пятна, и это побуждало любопытных приглядываться к нему еще пристальнее, что редко идет на пользу тому, на кого смотрят.

И действительно, чувство взаимной симпатии обычно возникает от первого впечатления: прямой взгляд и открытая улыбка вызывают ответный ласковый взор и улыбку.

В камзоле зеленого сукна, сплошь покрытом серебряными галунами, опоясанный серебряной перевязью, из которой был вышит щит с королевским гербом, в берет с длинным пером, с копьём в левой руке, с эстортуром предназначенным для короля, в правой, господин де Монсоро мог показаться грозным сеньором, но назвать его красивым нельзя было никак.

— Фи! Что за урода вы нам привезли из вашего края монсеньер,— сказал Бюсси, обращаясь к герцогу Анжуй-

скому, — так вот каким дворянам вы покровительствуете? Черт меня побери, если в Париже найдется второе такое чудище, а Париж город очень большой и густо населенный отнюдь не красавцами. Ваше высочество знает, что я не верю разным слухам, но молва гласит, будто вы приложили все старания к тому, чтобы король согласился принять главного ловчего из ваших рук.

— Сеньор де Монсоро мне хорошо служил, — лаконично сказал герцог Анжуйский, — и я вознаградил его за службу.

— Прекрасно сказано, монсеньер, особенно ежели знать, что признательность — качество, весьма редко встречающееся у принцев; но если дело только в службе, то взять хотя бы меня, думается, я тоже неплохо служил вашему высочеству, и смею вас заверить, камзол главного ловчего был бы мне более к лицу, чем этому долговязому привидению. Ах, да, я сначала было и не заметил, а у него еще и борода рыжая, это его особенно красит.

— Я еще ни от кого не слышал, — возразил герцог Анжуйский, — что только красавцы, отлитые по образцу Аполлона или Антиноя, могут рассчитывать на придворную должность.

— Удивительно, — ответил Бюсси, сохраняя полнейшее хладнокровие. — Неужели вы этого не слышали?

— Для меня важно сердце, а не лицо, услуги, действительно оказанные, а не только обещанные.

— Ваше высочество может подумать, что я чрезмерно любопытен, — сказал Бюсси, — но я тщетно пытаюсь понять, какую такую услугу мог оказать вам этот Монсоро.

— Ах, Бюсси, — раздраженно заметил герцог, — вы правы: вы весьма любопытны, даже слишком любопытны.

— Вот они, принцы! — воскликнул Бюсси со своей обычной непринужденностью. — Сами всегда спрашивают, и приходится отвечать им на все вопросы, а попробуйте вы один-единственный раз у них чего-нибудь спросить — они не удостоят вас ответом.

— Это правда, — сказал герцог Анжуйский, — но знаешь, что нужно сделать, если ты хочешь получить ответ?

— Нет, не знаю.

— Обратись к самому господину де Монсоро.

— И верно,— сказал Бюсси,— ей-богу, вы правый монсееньер. К тому же он всего лишь простой дворянин и если он мне не ответит, я могу прибегнуть еще к одному средству.

— Какому же?

— Назвать его наглецом.

С этими словами Бюсси повернулся спиной к принцу и, без долгих раздумий, на глазах у своих друзей, держа шляпу в руке, поскакал к графу Монсоро; граф восседал на копе посредине поляны, представляя собой мишень для любопытных глаз, и с удивительной выдержкой ожидал появления короля, которое освободило бы его от тяжести прямых взглядов, падавших на него с всех сторон.

При виде Бюсси, приближавшегося к нему с веселым лицом, улыбкой на устах и шляпой в руке, главный ловчий позволил себе немного расслабиться.

— Прошу прощения, сударь,— обратился к нему Бюсси,— но я вижу вас в полнейшем одиночестве. Неужели благодаря оказанной вам милости вы удосужились приобрести здесь столько же врагов, сколько могли бы иметь друзья за неделю до вашего назначения главным ловчим?

— Ей-богу, любезный граф,— ответил сеньор де Монсоро,— присягать в этом я не стал бы, но пари держать могу. Однако же позвольте узнать, что побудило вас оказать мне честь и нарушить мое уединение?

— Черт побери,— смело сказал Бюсси,— я действительно побуждаемый великим восхищением перед вами, который внушил мне герцог Анжуйский.

— Каким образом?

— Рассказав о вашем подвиге, том самом, за который вам была пожалована должность главного ловчего.

Граф де Монсоро так страшно побледнел, что распавшие по его лицу мелкие оспины превратились в черные точки на желтоватой коже; при этом главный ловчий бросил на Бюсси грозный взгляд, не предвещавший ничего доброго.

Бюсси понял, что сделал ложный шаг, но он был из тех людей, которые отступают; напротив — он принадлежал к тем, кто допущенную нескромность обычно исправляет дерзостью.

— Вы говорите, любезный граф,— произнес главный ловчий,— что мопсеньер рассказал вам о моем последнем подвиге?

— Да, сударь,— ответил Бюсси,— и со всеми подробностями. Признаюсь вам, я так заинтересовался, что не мог преодолеть пылкое желание услышать весь рассказ из ваших собственных уст.

Граф де Монсоро судорожно стиснул древко копья, словно его охватило не менее пылкое желание тут же, не сходя с места, проткнуть насквозь графа де Бюсси.

— Поверьте, сударь,— сказал он,— я готов отдать должное вашей учтивости и выполнить вашу просьбу, но, к сожалению, вот наконец и король, и у меня не остается на это времени. Но если вы пожелаете, мы можем встретиться в другой раз.

И в самом деле, король, верхом на своем любимом коне, великолепном испанском жеребце буланой масти, уже скакал от замка к месту сбора.

Бюсси повернул лошадь и встретился взглядом с герцогом Анжуйским; на устах принца играла недобрая улыбка.

«И у хозяина и у слуги,— подумал Бюсси,— когда они смеются, одинаково мерзкий вид. Как же они выглядят, когда плачут?»

Король любил красивые и приветливые лица. Поэтому его не очень-то расположила к себе внешность господина де Монсоро, которого он уже однажды видел и который при второй встрече порадовал его не больше, чем при первой. И все же Генрих с довольно благосклонной улыбкой принял эстортуэр из рук главного ловчего, преподнесшего королю жезд, по обычаю преклонив колено. Как только король вооружился, старшие загонщики объявили, что лань поднята, и охота началась.

Бюсси занял место с краю охотничьей кавалькады, чтобы иметь возможность видеть все собравшееся общество; он внимательно изучал каждую проезжавшую мимо женщину в надежде обрести оригинал портрета, по труды его были напрасны: на эту охоту, где впервые лицедействовал новый главный ловчий, собрались все красавицы, все прелестницы и все искусительницы города Парижа и королевского двора, но среди них не было того очаровательного создания, которое он искал.

Отчаявшись в своих поисках, Бюсси решил развлечься болтовней в компании друзей. Антрагэ, как всегда веселый и словоохотливый, помог ему развеять тоску.

— На нашего главного ловчего смотреть тошно,— сказал Антрагэ,— а как по-твоему?

— На мой взгляд, он просто пугало, ну и славная же у него должна быть семейка, если только те, кто имеет честь принадлежать к его родичам, наделены фамильным сходством. Покажи-ка мне его жену.

— Главный ловчий пока еще холост,— ответил Антрагэ.

— Откуда ты знаешь?

— От госпожи де Ведрон, она считает его писанным красавцем и охотно сделала бы своим четвертым мужем, как Лукреция Борджа герцога д'Эсте. Посмотри, как она нахлестывает своего гнедого, поспешая за вороньим господином де Монсоро.

— И какого поместья он сеньор? — спросил Бюсси.

— Да у него полно поместий.

— В каких краях?

— Около Анжера.

— Значит, он богат?

— По слухам, да, но не знатен. Кажется, он из худородного дворянства.

— И кто в любовницах у этого дворянчика?

— У него нет любовницы. Сей достойный муж хочет быть единственным в своем роде. Но взгляни, монсеньер герцог Анжуйский машет тебе рукой, поезжай к нему скорее.

— Куда спешить? Герцог Анжуйский подождет. Этот Монсоро возбуждает мое любопытство. Он какой-то странный. Не знаю почему, но, как тебе известно при первой встрече с человеком бывает что-то вроде предчувствия, так вот, мне кажется, что мне с ним еще придется столкнуться. А имя у него какое — Монсоро!

— Мышиная гора,— пояснил Антрагэ,— вот его эти мология; по-латыни Mons soricis. Мой старик аббат объяснил мне это нынче утром.

— Лучше и не придумаешь.

— Погоди-ка! — вдруг воскликнул Антрагэ.

— Что такое?

— Ведь Ляваро все знает.

— Что все?

— Все о нашем *Mons voricis*. Они соседи по имениям.

— Что же ты молчал? Эй, Ливаро!

Ливаро подъехал к друзьям.

— Чего вам? — осведомился он.

— Расскажи, что ты знаешь о Монсоро.

— Охотно.

— А рассказ будет длинный?

— Нет, постараюсь покороче. В трех словах выскажу все, что я о нем думаю. Я его боюсь!

— Прекрасно. А теперь, когда ты сказал все, что ты о нем думаешь, расскажи все, что ты о нем знаешь.

— Слушайте... однажды вечером...

— Какое захватывающее начало, — сказал Антрагэ.

— Дадите вы мне рассказать все до конца?

— Продолжай.

— Однажды вечером я возвращался от моего дяди д'Антрагэ и ехал Меридорским лесом, это было примерно полгода назад; вдруг до моих ушей донесся душевраздирающий вопль, и мимо меня пробежал белый иноходец без всадника, пробежал и скрылся в чаще. Я дал шпоры коню, погнав его в ту сторону, где кричали, и в поздних вечерних сумерках, в конце длинной просеки, увидел всадника на вороном коне; он не скакал, а мчался, как вихрь. Снова раздался сдавленный крик, и я разглядел, что он держит перед собой женщину, брошенную поперек седла, и рукой зажимает ей рот. Со мной была моя охотничья аркебуза. Ты ведь знаешь — я довольно меткий стрелок; я прицелился и, клянусь честью, убил бы его, но на беду, проклятый фитиль потух, как раз когда я спустил курок.

— Ну, а дальше, — потребовал Бюсси, — что было дальше?

— Дальше я спросил у встречного угольщика, кто этот господин на вороном коне, который умыкает женщину; угольщик мне ответил, что это господин де Монсоро.

— Ну что ж, — сказал Антрагэ, — мне кажется, бывает, что женщин и похищают, не правда ли, Бюсси?

— Бывает, — ответил Бюсси, — но, во всяком случае, им не затыкают рот.

— А женщина, кто она такая? — любопытствовал д'Антрагэ.

— Ах, вот об этом я ничего не могу сказать.

— Ну нет,— сказал Бюсси,— решительно, это человек незаурядный, он меня заинтересовал.

— Вообще,— добавил Ливаро,— у нашего милого графа де Монсоро ужасная репутация.

— Ты знаешь о нем что-нибудь еще?

— Нет, ничего; открыто граф не совершил ни одного злодеяния, более того, говорят, он довольно милостиво относится к своим крестьянам; и все же в той местности, которая до нынешнего дня имеет счастье ему принадлежать, его, как огня, боятся. Впрочем, он страстный охотник, под стать Немроду, только, может быть, не перед всевышним, а перед сатаной, у короля никогда еще не было такого главного ловчего. К этой должности он подходит больше Сен-Люка. Поначалу король хотел бы отдать ее Сен-Люку, но тут вмешался герцог Анжуйский, пустил в ход все свое влияние и отбил ее для Монсоро.

— Слушай, а ведь герцог Анжуйский все еще тебя зовет,— сказал Антрагэ.

— Ладно, пускай себе зовет. А ты знаешь новости о Сен-Люке?

— Нет. Что он — все еще пленник короля? — со смехом спросил Ливаро.

— Наверное,— сказал Антрагэ,— раз его нет здесь.

— Ошибаешься, мой милый, нынче в час почти он выехал из Парижа, с намерением посетить владения своей жены.

— Что он, изгнав?

— Похоже на то.

— Сен-Люк в изгнании! Немыслимо!

— Все правда, как в Евангелии, мой друг.

— От святого Луки?

— Нет, от маршала де Бриссака, я услышал это сегодня утром из его собственных уст.

— Ах, вот любопытная новость; Монсоро это не будет неприятно.

— Понял,— сказал Бюсси.

— О чем ты?

— Угадал.

— Что ты угадал?

— Какую услугу оказал он герцогу.

— Кто? Сен-Люк?

— Нет, Монсоро.

— В самом деле?

— Да, пропади я пропадом, вот увидите, поезжайте за мной.

И Бюсси, сопровождаемый Ливаро и д'Антрага, пустил свою лошадь галопом вслед за герцогом Анжуйским, который, устав призывно махать рукой своему любимцу, скакал впереди на расстоянии нескольких аркебузных выстрелов.

— Ах, монсеньер,— воскликнул Бюсси, догоняя герцога,— какой прекрасный человек этот граф Монсоро!

— Вот как?

— И любезный просто до невероятия.

— Значит, ты с ним говорил? — спросил принц, по-прежнему насмешливо улыбаясь.

— Конечно, к тому же у него незаурядный ум.

— И ты спросил его, что именно он сделал для меня?

— Разумеется, я только для этого с ним и заговорил.

— И он тебе ответил? — спросил герцог, еще больше развеселившись.

— Тут же, и так любезно, что я преисполнился к нему бесконечной признательности.

— Послушаем, что он тебе сказал, мой храбрый бахвал.

— Он в весьма учтивых выражениях признался мне, ваше высочество, что он ваш поставщик.

— Поставщик дичи?

— Нет, женщин.

— Как ты сказал? — переспросил герцог, сразу помрачнев. — Что значит эта шутка, Бюсси?

— Она значит, монсеньер, что он на своем огромном вороном жеребце похищает для вас женщин, а поскольку эти женщины, очевидно, не знают, какая честь их ждет, зажимает им рот рукой, дабы они не кричали.

Герцог нахмурил брови, гневно сжал кулаки и пустил своего коня таким бешеным галопом, что Бюсси и его товарищи остались позади.

— Ага! — воскликнул Антрага. — Сдается мне, твоя шутка попала не в бровь, а в глаз.

— Тем лучше,— ответил Ливаро,— хотя, на мой взгляд, она никому не показалась шуткой.

— Дьявольщина! — выругался Бюсси. — Похоже, я его крепко задел, нашего бедного герцога.

Спустя мгновение они услышали голос герцога Анжуйского. Герцог кричал:

— Эй! Бюсси, где ты? Скажи сюда!

— Я здесь, монсеньер,— отозвался Бюсси, прищипывая кося.

Принц захлебывался от смеха.

— Вот как! — удивился Бюсси. — По-видимому, мои слова вас развеселили.

— Нет, Бюсси, я смеюсь не над твоими словами.

— А жаль, рассмешить принца, который смеется так редко, немалая заслуга.

— Я смеюсь, мой бедный Бюсси, над тем, что ты, пытаешься разузнать правду, несешь всякие небылицы.

— Нет, черт меня побери, монсеньер, я сказал чистую правду.

— Допустим. Тогда, пока мы с тобой одни, объяснись: где ты подобрал эту побасенку, которую рассказываешь мне?

— В Меридорском лесу, монсеньер!

Герцог снова побледнел, но ничего не ответил.

— Решительно,— пробормотал Бюсси,— герцог каким-то образом замешан в эту историю с похитителем на вороном коне и женщиной на белом иноходце.

— Давайте поразмыслим, монсеньер,— сказал он, в свою очередь смеясь над тем, что герцогу уже не до смеха,— не найдется ли такого способа вам услужить, который был бы вам особенно приятен, если таковой существует, то укажите его нам, мы им воспользуемся, хотя бы нам пришлось вступить в состязание с господином де Монсоро.

— Да, черт побери,— ответил герцог,— есть один такой способ, и я его тебе сейчас открою.

Они отъехали в сторону.

— Слушай,— продолжал герцог,— я случайно встретил в церкви совершенно пленительную женщину, хотя она была под вуалью, но мне все же удалось различить черты лица, и они напомнили мне одну даму, которую некогда я безумно любил. Я последовал за незнакомкой и узнал, где она живет. Служанку подкупили, и ключ от дома в моих руках.

— Что ж, монсеньер, мне кажется, пока все идет прекрасно.

— Не торопись. Говорят, что, несмотря на свою молодость, красоту и независимость, она недоступна.

— Ах, монсеньер, вот тут мы вступаем в область фантазии.

— Слушай, ты храбр и, как ты утверждаешь, любишь меня...

- У меня есть свои дни.
- Для храбрости?
- Нет, для любви к вам.
- Понятно. Эти дни уже наступили?
- Услужить вам я всегда готов. Посмотрим, какой услуги вы от меня ждете.
- Так вот, ты должен будешь сделать для меня то, что обычно делают только для самого себя.
- Ага! — обрадовался Бюсси. — Наверное, монсеньер, вы хотите поручить мне приволокнуться за вашей пасыней, дабы ваше высочество удостоверилось, что она действительно так же целомудрепа, как и прекрасна? Это мне подходит.
- Нет, ты должен будешь выяснить, ист ли у меня соперника.
- Ах! Вот оно как! Дело осложняется. Пояспите, пожалуйста, монсеньер.
- Тебе придется спрятаться и выследить, что за мужичка к ней ходит.
- Значит, там есть мужичка?
- Боюсь, что так.
- Любовник? Муж?
- Во всяком случае, ревнивец.
- Тем лучше, монсеньер.
- Почему тем лучше?
- Это удваивает ваши шансы.
- Благодарю, но пока что я хотел бы знать, кто он такой.
- И вы поручаете мне это выяснить?
- Да, и если ты согласишься оказать мне такую услугу...
- Вы сделаете меня главным ловчим, когда это место освободится?
- Поверь мне, Бюсси, что мне будет тем приятнее взять на себя такое обязательство еще и потому, что я до сих пор ничем тебя не вознаградил.
- Смотри-ка! Монсеньер изволил это заметить.
- Я говорю себе об этом давно.
- Но совсем тихо, как у принцев принято говорить подобные вещи.
- Итак?
- Что, монсеньер?
- Согласен ты?
- Следить за дамой?

— Да.

— Признаюсь вам, монсеньер, такое поручение мне не очень-то по душе, я предпочел бы какое-нибудь другое.

— Только что ты предлагал свои услуги, Бюсси, а вот уже бьешь отбой.

— Проклятие, вы мне навязываете роль соглядателя, монсеньер.

— Ну нет, роль друга. Впрочем, не думай, что я предлагаю чистую синекуру, возможно, тебе придется обнажить шпагу.

Бюсси покачал головой.

— Монсеньер,— сказал он,— есть дела, которые можно выполнить хорошо, только если сам за них возьмешься, поэтому даже принцу за них нужно браться самому.

— Значит, ты отказываешься?

— Да, монсеньер.

Герцог нахмурил брови.

— Ну что ж, я последую твоему совету,— сказал он,— пойду сам, и если меня там смертельно ранят, скажу, что просил моего друга Бюсси получить или нанести вместо меня этот удар шпаги и что впервые в своей жизни Бюсси проявил осторожность.

— Монсеньер,— ответил Бюсси,— однажды вечером вы мне сказали: «Бюсси, я ненавижу всех этих миньонов из королевской спальни, которые по всякому поводу высмеивают и оскорбляют нас, ты должен пойти на свадьбу Сен-Люка, найти случай поссориться с пими и избавить нас от них». Я туда пошел, монсеньер, их было пятеро, я — один. Я их оскорбил. Они мне устроили засаду, навалились на меня всем скопом, убили подо мной коня, и все же я ранил двоих, а третьего оглушил. Сегодня вы требуете, чтобы я обидел женщину. Извините, монсеньер, но такого рода услуг принц не может требовать от благородного человека, и я отказываюсь.

— Пусть так,— сказал герцог,— я сам встану на свой пост, один или с Орильи, как прошлый раз.

— Простите? — переспросил Бюсси, начиная что-то понимать.

— В чем дело?

— Значит, вы были на своем посту, монсеньер, в ту ночь, когда натолкнулись на миньонов, подстергавших меня?

— Вот именпо.

— Стало быть, ваша прелестная незнакомка живет, рядом с Бастилией?

— Она обитает в доме напротив церкви святой Екатерины.

— В самом деле?

— Да, в квартале, где вам могут запросто и со всеми удобствами перерезать горло, насчет этого ты должен кое-что знать.

— А после того вечера ваше высочество навещали тот квартал?

— Вчера.

— И монсеньер видел?

— Какого-то человека. Он обшаривал все уголки площади, несомненно желая убедиться, что его никто не выслеживает, а потом, по всей вероятности заметив меня, встал перед той дверью, которая была мне нужна, и не сходил с места.

— Этот человек был один, монсеньер? — спросил Бюсси.

— Да, примерно около получаса.

— Ну а после этого получаса?

— К нему присоединился другой мужчина, с фонарем в руке.

— Ага! — воскликнул Бюсси.

— Тогда человек в плаще... — продолжал принц.

— Первый человек был в плаще? — перебил его Бюсси.

— Ну да. Тогда человек в плаще и тот, что пришел с фонарем, завязали разговор, и, так как они, по-видимому, не собирались покидать свой ночной пост перед дверью, я отступил и вернулся к себе.

— Видно, такая двойная неудача поохладила ваш пыл?

— Признаюсь, да. Клянусь честью!.. И я подумал, что прежде чем мне соваться в этот дом, который вполне может оказаться каким-нибудь разбойничьим вертепом...

— Неплохо будет, если для начала там прирежут кого-нибудь из ваших друзей.

— Не совсем так. Я подумал: пусть мой друг, который более меня привычен к подобным переделкам и у которого, поскольку он не принц, врагов меньше, чем у меня, пусть мой друг разведает, какой опасности я подвергаюсь, и доложит мне.

— На вашем месте, монсеньер, — сказал Бюсси, — я отказался бы от этой женщины.

— Ни в коем случае.

- Почему? .
— Она слишком хороша.
— Но вы сами сказали, что едва ее видели.
— Я ее видел достаточно, чтобы заметить восхи-
тельные белокурые волосы.
— Ах, вот как!
— Чудесные глаза.
— Неужели!
— Цвет лица, какого я еще не видывал, великолепную
талию.
— Да что вы говорите!
— Сам понимаешь, от подобной красотишки так легко
не отказываются.
— Да, монсеньер, я понимаю и от души сочувствую
вам.

Герцог искоса взглянул на Бюсси.

- Честное слово,— сказал Бюсси.
— Ты смеешься?
— Нет. И в доказательство нынче же вечером я встану
на пост, если только монсеньер соблаговолит дать мне
свои наставления и покажет, где этот дом.
— Значит, ты изменил свое решение?
— Э! Монсеньер, только один наш святой отец Григо-
рий Тринадцатый непогрешим; а теперь говорите, что
надо делать.
— Ты должен будешь спрятаться в том месте, которое
я укажу, и если какой-нибудь мужчина войдет в дом, по-
следуешь за ним и удостоверись, кто он такой.
— Да, но если, войдя, он запрет за собой дверь?
— Я тебе сказал — у меня есть ключ.
— Ах, правда, теперь я могу опасаться только одного:
что я увяжусь не за тем человеком или что там будет еще
другая дверь, к которой ключ не подойдет.
— Тут ошибиться невозможно; входная дверь ведет
в прихожую, в конце прихожей налево есть лестница, ты
поднимешься на двенадцать ступенек и окажешься в ко-
ридоре.
— Откуда вы все это знаете, монсеньер, ведь вы ни
разу не были в этом доме?
— Разве я тебе не говорил, что служанка в моих руках?
Она мне все и объяснила.
— Смерть господня! Как это удобно быть принцем, все
тебе преподносят на тарелочке. А мне пришлось бы са-
мому искать дом, исследовать прихожую, пересчитывать

ступеньки, разведывать коридор. На это ушла бы уйма времени, и — кто знает? — удалось ли бы мне добиться успеха!

— Значит, ты соглашаешься?

— Разве я могу в чем-нибудь отказать вашему высочеству? Только прошу вас пойти со мной и указать мне дверь.

— Зачем? Возвращаясь с охоты, мы сделаем крюк, поедем Сент-Антуанскими воротами, и ты все увидишь.

— Чудесно, монсеньер. А что прикажете делать с тем человеком, если он придет?

— Ничего, только следить за ним, пока не узнаешь, кто он такой.

— Это дело щекотливое. Ну, а если, например, он окажется настолько невежливым, что остановится посреди дороги и наотрез откажется отвечать на мои вопросы?

— Ну тогда я тебе разрешаю действовать по твоему собственному усмотрению.

— Значит, ваше высочество, вы разрешаете мне действовать на свой страх и риск?

— Вот именно.

— Так я и сделаю, монсеньер.

— Но не проболтайся нашим юным друзьям.

— Слово дворянина.

— Никого не бери с собой в эту разведку.

— Пойду один, клянусь вам.

— Ну хорошо, договорились; мы возвратимся мимо Бастилии, я покажу тебе дверь... ты поедешь ко мне... я дам тебе ключ... и нынче вечером...

— Я заменяю вас, монсеньер, вот и весь сказ.

Бюсси и принц присоединились к охотникам. Господин де Монсоро мастерски руководил охотой. Король был восхищен, с каким умением этот опытный ловчий выбрал места для привалов и расположил подставы собак и лошадей. Лань, которую два часа травили собаками на оцепленном участке леса протяженном четыре-пять лье, раз двадцать появлялась перед глазами охотников и в конце концов вышла прямо под копые короля.

Господин де Монсоро принял поздравления его величества и герцога Анжуйского.

— Монсеньер,— сказал он,— я счастлив заслужить вашу похвалу, потому что вам я обязан своей должностью.

— Но вам известно, сударь,— сказал герцог,— для того, чтобы и впредь заслуживать нашу благодарность, вам придется нынче вечером выехать в Фонтенбло; король желает послезавтра начать там охоту, которая продлится несколько дней, и у вас всего один день на то, чтобы познакомиться с лесом.

— Я это знаю, монсеньер,— ответил Монсоро,— у меня все готово к отъезду, и я отправлюсь сегодня в ночь.

— Ах, вот оно и началось, господин де Монсоро! — воскликнула Бюсси. — Отныне вам не знать покоя. Вы желали быть главным ловчим, ваше желание сбылось. Теперь вам, как главному ловчему, полагается спать на полсотни ночей в году меньше, чем всем остальным. Счастье еще, что вы не женаты, сударь.

Бюсси смеялся, признавая эти слова. Герцог скользнул по лицу главного ловчего пронизывающим взглядом, затем, повернув голову в сторону короля, поздравил своего венценосного брата с тем, что со вчерашнего дня состояние его здоровья, по-видимому, значительно улучшилось.

Что касается графа Монсоро, то шутка Бюсси снова вызвала у него на щеках мертвенную бледность, которая придавала его лицу столь злоеющее выражение.

Глава XII

О ТОМ, КАК БЮССИ НАШЕЛ ОДНОВРЕМЕННО И ПОРТРЕТ И ОРИГИНАЛ

Охота закончилась к четырем часам дня, а уже в пять весь двор возвращался в Париж. Король, словно угадав желание герцога Анжуйского, приказал ехать через Сент-Антуанское предместье.

Господин де Монсоро, под предлогом предстоящего ему в тот же вечер отъезда, распрощался с королем и принцами и со своими охотничьими командами уехал по дороге на Фроманто.

Проезжая мимо Бастилии, король обратил внимание спутников на гордый и мрачный вид сей крепостной твердыни. Это был деликатный способ напомнить придворным о том, что их ожидает, если в один прекрасный день им вздумается перебежать во вражеский стан.

Намек был понят, и придворные начали выказывать королю удвоенное подобострастие.

Тем временем герцог Анжуйский тихо объяснял Бюсси, который ехал с ним рядом, стремя в стремя:

— Смотри внимательно, Бюсси, смотри хорошенько: видишь направо деревянный домик, с маленькой статуей богоматери под коньком крыши? Начни с него и отсчитай четыре дома, его считай за первый.

— Отсчитал,— сказал Бюсси.

— Нам пужен пятый дом,— сказал герцог,— тот, что напротив улицы Сент-Катрин.

— Вижу, монсеньер. Смотрите, смотрите, народ услышал звуки труб, возвещающих о прибытии короля, и во всех окнах полно любопытных.

— Кроме тех, на которые я тебе показал,— сказал герцог,— эти окна по-прежнему плотно закрыты.

— Но в одном из них занавески слегка раздвинулись,— сказал Бюсси, чувствуя, как забилося его сердце.

— И все равно там ничего не разглядишь. О! Эта дама крепко стережется, или ее крепко стерегут. Во всяком случае, вот дом, во дворце я тебе дам ключ от него.

Бюсси метнул жадный взгляд в узкую щелку между занавесками, но, как ни напрягал зрение, ничего не смог различить.

Вернувшись в Анжуйский дворец, герцог незамедлительно вручил Бюсси ключ и еще раз посоветовал быть поосторожнее. Бюсси обещал выполнить все, что от него требуется, и поспешил к себе домой.

— Ну как дела? — спросил он у Реми.

— Я хотел бы обратиться к вам, сударь, с тем же вопросом.

— Ты ничего не нашел?

— Домик оказался столь же хорошо запрятанным днем, как и ночью. Я без толку проболтался между пятью-шестью смежными домами.

— Коли так,— сказал Бюсси,— по-видимому, мне больше посчастливилось, чем тебе, любезный Одуэн.

— Как это понять, монсеньер? Неужели вы тоже искали дом?

— Нет, я просто проехался по улице.

— И вы узнали дверь?

— У провидения, дружище, есть свои окольные пути и свои тайны.

— А вы уверены, что это тот самый дом?

— Не скажу, что уверен, но надеюсь.

— А когда же я узнаю, удалось ли вам найти то, что вы ищете?

— Завтра утром.

— Ну а до того времени я вам понадоблюсь?

— Нет, дорогой Реми.

— Вы не позволите мне сопровождать вас?

— Это исключено.

— По крайней мере будьте осторожны, монсеньер.

— Ах! — сказал Бюсси. — Ваш совет мне ни к чему, Я славлюсь своей осторожностью.

Бюсси плотно пообедал, как человек, который не знает, где и чем ему придется ужинать, затем, когда пробилло восемь, он выбрал самую лучшую из своих шпак, вопреки только что изданному королевскому указу засунул за пояс два пистолета и приказал подать носилки, в которых его и доставили в конец улицы Сен-Поль. Прибыв на место назначения, он узнал дом с богоматерью, отсчитал четыре дома, удостоверился, что пятый — это тот самый, на который показал ему прият, и, закутавшись в темный широкий плащ, притаился на углу улицы Сент-Катрин, решив прождать два часа, а если по истечении этого срока никто не явится — поступить, как бог на душу положит.

Когда Бюсси устроился в своей засаде, на колокольне церкви святого Павла пробилло девять часов. Не прошло и десяти минут, как он заметил в темноте двух всадников, выехавших из ворот Бастилии. Возле Турнельского дворца они остановились. Один всадник спешился и бросил поводья другому, по всей вероятности, слуге, слуга повернул лошадей и пустился обратно по той же дороге. Подождав, пока кони и всадник не скрылись в ночном мраке, его господин направился к дому, порученному наблюдению Бюсси.

Не дойдя нескольких шагов до двери, незнакомец описал большой круг, словно желая исследовать окрестности, затем, убедившись, что за ним не следят, подошел к дому и скрылся в нем.

Бюсси услышал, как дверь со стуком захлопнулась.

Он выждал еще немного, опасаясь, как бы таинственный пришелец не задумал задержаться у окошечка и понаблюдать за улицей; когда прошло несколько минут, Бюсси покинул свое убежище, перешел улицу, открыл ключом дверь и, уже наученный опытом, запер ее без всякого шума.

Затем он заглянул в окошечко. Оно оказалось как раз на высоте его глаз, и это его обрадовало: по всей вероятности, именно через него он смотрел на Келюса.

Но Бюсси проник в заветный дом не для того, чтобы торчать у входной двери. Он медленно двинулся вперед, касаясь руками стен, и в конце прихожей, слева, нащупал ногой первую ступеньку лестницы.

Тут Бюсси остановился по двум причинам: во-первых, он почувствовал, что от волнения у него подкашиваются ноги, во-вторых, он услышал голос, который сказал:

— Гертруда, предупредите вашу госпожу, что я здесь и хочу к ней войти.

Просьба была высказана повелительным тоном, исключавшим возможность отказа. Минуту спустя Бюсси услышал голос служанки. Она сказала:

— Проходите в гостиную, сударь; госпожа выйдет к вам.

Затем скрипнула затворяемая дверь.

Бюсси вспомнил, что Реми насчитал на лестнице двенадцать ступенек, в свою очередь пересчитал их, все двенадцать, и оказался на лестничной площадке.

Дальше должен быть коридор и три двери. Бюсси затаил дыхание и, вытянув руки перед собой, сделал несколько осторожных шагов. Рука его сразу же нащупала первую дверь, ту, в которую вошел незнакомец; Бюсси продолжал свои поиски, нашел вторую дверь, дрожа всем телом, повернул ключ, торчавший в замке, и толкнул дверь.

В комнате, где он очутился, было темно, только из боковой двери пробивалась полоска света. Она освещала окно, занавешенное двумя гобеленами, при виде которых сердце молодого человека радостно забилося.

Бюсси поднял голову и в том же луче света увидел на потолке уже знакомый ему плафон с мифологическими героями. Он протянул руку и нащупал резную спинку кровати.

Его сомнения рассеялись: он стоял в той самой комнате, где очнулся ночью, когда его так счастливо ранили,— счастливо потому, что ранение, по-видимому, и побудило неизвестную даму оказать ему гостеприимство.

Горячий трепет пробежал по его жилам, как только он прикоснулся к этой постели и вдохнул тот сладостный аромат, который исходит от ложа юной и прекрасной женщины.

Бюсси спрятался за занавески балдахина и прислушался.

В соседней комнате раздавались нетерпеливые шаги неизвестного, время от времени он останавливался и бормотал сквозь зубы:

— И куда она запропастилась... Ну, придет она, наконец!

После одного из таких высказываний дверь в гостиную, по-видимому расположенная напротив приоткрытой двери в спальню, отворилась. Ковер зашуршал под маленькой ножкой. До слуха нашего героя донесся шелест юбок, затем раздался женский голос, в котором слышались одновременно и страх и презрение. Голос спросил:

— Я здесь, сударь, чего вы еще от меня хотите?

«Oго! — подумал Бюсси, прячась за занавеску. — Если это любовник, то я от всей души поздравляю мужа».

— Сударыня, — произнес незнакомец, которому оказали столь холодный прием, — имею честь известить вас: завтра утром мне придется выехать в Фонтенбло, и потому я пришел провести эту ночь с вами.

— Вы узнали что-нибудь о моем отце? — спросил тот же женский голос.

— Сударыня, послушайте меня...

— Сударь, вы помните, о чем мы договорились вчера, прежде чем я дала согласие стать вашей женой? Первое мое условие — либо в Париж приезжает мой отец, либо я еду к нему.

— Сударыня, как только я вернусь из Фонтенбло, мы тут же отправимся к нему, даю вам слово, ну а пока что...

— O! Сударь, не закрывайте дверь, это ни к чему, я не проведу даже одной-единственной ночи под одной крышей с вами, пока не буду знать, где мой отец и что с ним.

И женщина, произнесшая эти твердые слова, поднесла к губам маленький серебряный свисток. Раздался резкий и долгий свист.

Таким способом вызывали прислугу в те времена, когда звонок еще не был изобретен.

В то же мгновение дверь, через которую проник Бюсси, распахнулась, в спальню вбежала служанка молодой дамы, высокая и крепко сложенная анжуйка; очевидно, она ждала этого сигнала и, услышав его, со всех ног устремилась на помощь своей госпоже.

Служанка прошла в гостиную, оставив дверь за собой широко открытой.

В комнату, где скрывался Бюсси, хлынул поток света, и наш герой увидел в простенке между окнами знакомый женский портрет.

— Гертруда,— сказала дама,— не ложитесь спать и будьте где-нибудь поблизости, чтобы вы могли услышать мой голос.

Служанка ничего не ответила и удалилась тем же путем, которым пришла, оставив дверь в гостиную распахнутой, а следовательно, и восхитительный портрет освещенным.

У Бюсси исчезла последняя тень сомнения. Портрет был тот самый.

На цыпочках он прокрался к стене и встал за распахнутой створкой двери, намереваясь вести дальнейшее наблюдение через щель между дверью и дверной рамой, но, как бесшумно он ни старался двигаться, паркет неожиданно скрипнул у него под ногой.

Этот звук заставил женщину обернуться, и глазам Бюсси явилась дама с портрета, сказочная фея его мечты.

Мужчина, хотя он и не слышал ничего, обернулся вслед за женщиной.

Это был граф де Монсоро.

— Ага...— беззвучно прошептал Бюсси,— белый иноходец... женщина поперек седла... паверное, я услышу какую-нибудь жуткую историю.

И он вытер пот, внезапно выступивший на лбу.

Как мы уже сказали, Бюсси видел обоих, и мужчину и женщину. Незнакомка стояла бледная, прямая, гордо вскинув голову, граф де Монсоро был также бледен, но бледностью мертвенной, пугающей, он нетерпеливо прищипывал ногой и кусал себе пальцы.

— Сударыня,— произнес он наконец,— не надейтесь, что вам удастся и впредь разыгрывать передо мною роль гонимой, роль несчастной жертвы. Вы в Париже, вы в моем доме, и, более того, отныне вы графиня де Монсоро, то есть моя законная супруга.

— Если я ваша супруга, то почему вы не хотите отвести меня к отцу? Почему вы продолжаете прятать меня от глаз всего света?

— Вы забываете герцога Анжуйского, сударыня.

— Вы меня заверили, что, как только я стану вашей женой, мне нечего будет опасаться с его стороны.

— Я имел в виду...

— Вы мне дали слово.

— Но, сударыня, мне еще остается припять кое-какие меры предосторожности.

— Прекрасно, сударь, примите их, а потом приходите ко мне.

— Диана, — сказал граф, и было заметно, что в сердце его закипает гнев, — Диана, не превращайте в игрушку священные узы супружества. Я вам это настоятельно советую.

— Сделайте так, сударь, чтобы я не питала недоверия к супругу, и я буду образцово выполнять супружеские обязанности.

— Однако мне кажется, что своим отношением к вам и тем, что я сделал для вас, я заслужил полное ваше доверие.

— Сударь, думаю, что во всем этом деле вы руководствовались не только моими интересами или, благодаря слепому случаю, извлекли из него пользу для себя.

— О! Это уж слишком! — воскликнул граф. — Здесь мой дом, вы моя жена, и зовите хоть самого дьявола на помощь, нынче ночью вы будете моей.

Бюсси положил руку на рукоятку шпаги и шагнул вперед, но Диана не дала ему времени выступить на сцену.

— Вот, — сказала она, выхватывая кинжал из-за корсажа, — вот чем я вам отвечу.

В мгновение ока она вскочила в комнату, где укрылся Бюсси, захлопнула за собой дверь и задвинула двойной засов. Граф Монсоро, изрыгая угрозы, заколотил в дверь кулаками.

— Если вы посмеете выбить хотя бы одну доску из этой двери, — сказала Диана, — вы найдете меня мертвой на пороге. Вы знаете меня, сударь, — я сдержу свое слово.

— И будьте спокойны, сударыня, — прошептал Бюсси, включая Диану в свои объятия, — у вас найдется мститель.

Диана чуть было не закричала, но тут же сообразила, что самая страшная опасность грозит ей со стороны мужа. Она продолжала сжимать в руке кинжал, но молчала, вся дрожала, но не двигалась с места.

Граф де Монсоро несколько раз с силою ударил ногой в дверную филенку, но, очевидно зная, что Диана в состоянии выполнить свою угрозу, вышел из гостиной, с грохотом захлопнув за собой дверь. Шум его удаляющихся шагов донесся из коридора и затих на лестнице,

— Но вы, сударь,— сказала тогда Диана, отступив на шаг назад и высвобождаясь из рук Бюсси,— кто вы такой и как вы сюда попали?

Бюсси открыл дверь в гостиную и преклонил колени перед Дианой.

— Сударыня,— сказал он,— я тот человек, которому вы спасли жизнь. Как могли вы подумать, что я проник к вам с дурными намерениями или злоумышляю против вашей чести?

В потоке света, льющемся из гостиной, Диана увидела благородное лицо молодого человека и узнала вчерашнего раненого.

— Ах, это вы, сударь! — воскликнула она, всплеснув руками. — Вы были здесь, вы все слышали?

— Увы, да, сударыня.

— Но кто вы такой? Ваше имя, сударь.

— Сударыня, я Луи де Клермон, граф де Бюсси.

— Бюсси, вы тот самый храбрец Бюсси! — просто-душно воскликнула Диана, не заботясь о том, какой восторг пробудит это восклицание в сердце молодого человека. — Ах, Гертруда,— продолжала она, обращаясь к служанке, которая, услышав, что госпожа с кем-то разговаривает, испуганно вбежала в комнату,— Гертруда, мне больше нечего бояться, с этой минуты я отдаю свою честь под защиту самого благородного и самого бесспорочного дворянина Франции.

И протянула Бюсси руку.

— Встаньте, сударь,— сказала она,— теперь, когда я знаю, кто вы, надо, чтобы и вы узнали мою историю.

Глава XIII

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР

Не помня себя от счастья, Бюсси поднялся с колен и вслед за Дианой вошел в гостиную, только что оставленную господином де Монсоро.

Молодой человек смотрел на Диану с восхищенным изумлением, он не смел и надеяться, что разыскиваемая им женщина сможет выдержать сравнение с героиней его сна, но действительность превзошла образ, принятый им за плод воображения.

Диане было лет восемнадцать — девятнадцать, то есть она находилась в том первом расцвете молодости и красоты, который дарит цветам самые чистые краски, а плодам — нежнейшую бархатистость. В значении взгляда Бюсси ошибиться было невозможно. Диана чувствовала, что ею восхищаются, и не находила в себе сил вывести Бюсси из восторженного оцепенения.

Наконец она поняла, что пора прервать это чересчур уж красноречивое молчание.

— Сударь, — сказала она, — вы ответили только на один из моих вопросов: я вас спросила, кто вы такой, и вы мне сказали, но на второй мой вопрос — как вы попали сюда, я все еще не получила ответа.

— Сударыня, — сказал Бюсси, — до меня донеслись только немногие слова из вашего разговора с господином де Монсоро, и все же я понял, что причины, приведшие меня сюда, связаны с той историей, которую вы мне обещали поведать. Разве вы сами минуту назад не сказали, что я должен узнать историю вашей жизни?

— О да, граф, я вам все расскажу, — воскликнула Диана. — Одно ваше имя внушает мне полное доверие. Я много слышала о вас, как о человеке мужественном и верном, как о человеке чести, на которого можно во всем положиться.

Бюсси поклонился.

— Из того, что вы здесь услышали, — продолжала Диана, — вы могли понять, что я дочь барона де Меридор, то есть единственная наследница одной из благороднейших и древнейших фамилий Анжу.

— Был один барон де Меридор, — заметил Бюсси, — который в битве при Павии мог избежать пленения, но сам вручил свою шпагу испанцам, когда узнал, что король в плену, и как единственной милости попросил дозволения сопровождать Франциска Первого в Мадрид. Он разделил с королем все тяготы плена и покинул его лишь для того, чтобы вернуться во Францию вести переговоры о выкупе.

— Это мой отец, сударь, и если вы когда-нибудь войдете в большую залу Меридорского замка, вы увидите там портрет Франциска Первого кисти Леонардо да Винчи, памятный подарок барону от короля в награду за верность.

— Ах! — вздохнул Бюсси. — В те времена принцы еще умели вознаграждать своих слуг.

— Вернувшись из Испании, отец женился. Первые его дети, двое сыновей, умерли. Их смерть была жестоким ударом для барона де Меридор, потерявшего надежду возродиться в наследнике. Вскоре затем скончался король, и горе барона превратилось в отчаяние. Несколько лет спустя он покинул двор и затворился со своей супругой в Меридорском замке, а через десять лет после смерти сыновей, словно чудом, у них родилась я.

Вся любовь барона обратилась на дитя, непосланное ему в старости. Он испытывал ко мне не просто отцовскую любовь: он боготворил меня. В трехлетнем возрасте я потеряла мать. Для барона это было новым глубоким горем, но я, еще дитя, не понимала, какая случилась беда. Я непрестанно улыбалась, и моя улыбка служила отцу утешением.

На глазах у бабушки я росла и развивалась. Я была для него всем, но и он, мой бедный отец, он так же заменял мне все на свете. Я вступила в свою шестнадцатую весну, даже не подозревая, что есть какой-то другой мир, кроме моих овечек, моих павлинов, лебедей и голубок, не думая, что моя привольная жизнь когда-нибудь должна кончиться, и не желая, чтобы она кончалась.

Меридорский замок окружают дремучие леса, принадлежащие герцогу Анжуйскому; в них резвятся на воле лани, дикие козы и олени, которых никто не тревожит, и поэтому они стали ручными. Я знала почти всех этих животных; пшые из них узнавали меня по голосу и сбегались на мой зов, особенно свылклась со мной одна лань, моя любимица, моя фаворитка — Дафна, бедняжка Дафна. Она ела из моих рук.

Однажды весной Дафна пропала на целый месяц, я уже считала ее погибшей и оплакивала, как любимую подружку, но вдруг она появилась и привела с собой двух маленьких оленят. Малыши сначала испугались меня, но, увидев, что их мать ласково лижет мне руки, осмелели и, в свою очередь, начали ко мне ласкаться.

К этому времени распространился слух, что герцог Анжуйский направил в столицу провинции своего наместника. Через несколько дней стало известно, что наместник герцога прибыл и зовут его граф де Монсоро.

Почему, когда я впервые услышала это имя, у меня спалось сердце? Я могу объяснить это тревожное ощущение только предчувствием беды,

Прошло восемь дней. Во всей округе много толковали о сеньоре де Монсоро, и толковали по-разному. Однажды утром лес огласили звуки охотничьего рога и собачий лай. Я подбежала к решетке парка как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо нашего замка молнией пронеслась Дафна, преследуемая стаей собак, два олененка бежали вместе с матерью.

Еще один миг, и на вороном коне, который, казалось, летел на крыльях, мимо меня промчался мужчина, похожий на страшный призрак. Это был господин де Монсоро.

Я закричала, я молила пощадить мою любимицу, но он настолько был увлечен погоней, что либо не услышал моего голоса, либо не обратил на него внимания.

Тогда, не думая о том, как будет волноваться батюшка, если он обнаружит мое отсутствие, я бросилась бежать вдогонку за охотой. Я надеялась повстречать графа или кого-нибудь из его свиты и упротить их прекратить погоню, разрывавшую мне сердце.

Я пробежала около полулье, не зная, куда бегу, потеряв из виду и лань, и собак, и охотников. Вскоре уже и собачий лай перестал до меня доноситься. Я упала на землю у подножия высокого дерева и залилась слезами. Прошло примерно четверть часа, и мне показалось, что вдали снова послышался шум охоты. Я не ошиблась, гон приближался ко мне, еще одно мгновение, и я уже не сомневалась, что охотники должны проскакать где-то поблизости. Я тотчас же вскочила на ноги и бросилась бежать в том направлении, откуда доносился шум.

Действительно, я увидела, как через прогалину пробежала бедная Дафна, она задыхалась, с ней был только один ее детеныш, второй, очевидно, выбился из сил и был растерзан собаками.

Сама Дафна выглядела измученной, расстояние между ней и гончими значительно сократилось, она неслась судорожными скачками и, пробегая передо мной, жалобно закричала.

И снова мне не удалось обратить на себя внимание охотников. Господин де Монсоро мчался, яростно трубя в рог, не видя ничего, кроме преследуемой им дичи. Он промелькнул мимо меня еще стремительней, чем в первый раз.

За ним скакали трое или четверо доезжачих, криками и хриплым воем рогов они подстрекали гончих. Этот

вихрь криков, трубных звуков и собачьего лая пронесся мимо меня, исчез в лесу и замер где-то вдали.

Я пришла в отчаяние, я проклинала себя за неповоротливость, мне казалось, что сумей я пробежать ближе к той прогалине всего на каких-нибудь полсотни шагов — и граф де Монсоро заметил бы меня, услышал бы мои мольбы и, несомненно, пощадил бы бедное животное.

Эта мысль меня несколько приободрила.

Охотники могли и в третий раз попасться мне на глаза. Я пошла по дороге под сенью вековых деревьев. Путь был мне знаком, он вел к замку Боже, владению герцога Анжуйского, находящемуся на расстоянии примерно трех лье от Меридора. Вскоре я увидела этот замок и лишь тут поняла, что прошла пешком три лье и сейчас бреду одна-одинешенька вдали от родного крова.

Признаюсь, что чувство смутного страха овладело мной, и только теперь я осознала все безрассудство и даже неприличие своего поведения. Я пошла берегом пруда, надеясь встретить добряка садовника, который, всякий раз когда отец привозил меня сюда, дарил мне великолепные букеты цветов. Я хотела попросить его проводить меня домой. Вдруг до меня снова донесся шум охоты. Я остановилась как вкопанная и прислушалась. Гон приближался. Я забыла все на свете. Почти в то же мгновение на другом берегу пруда из леса выскочила лань, буквально по пятам преследуемая собаками. Дафна была одна, ее второй детеныш тоже погиб. Вид воды словно придавал бедняжке новые силы. Она втянула ноздрями водяную свежесть и бросилась в пруд, как будто хотела доплыть до меня.

Сначала она плыла довольно быстро и, казалось, вновь обрела всю свою живость. Я смотрела на нее со слезами на глазах, протягивала к ней руки и дышала почти так же тяжело, как она. Но силы Дафны постепенно истощались, в то время как гончие, возбужденные близостью добычи, удвоили свои усилия. Вскоре самые злые псы достигли Дафну и стали рвать зубами ее бока, не давая несчастному животному плыть к моему берегу. Тут на опушку леса вылетел господин де Монсоро, подскочил к пруду и быстро спешился. Я простерла к нему руки и крикнула из последних сил: «Пощадите!» Мне показалось, что он посмотрел в мою сторону. Я снова закричала, еще громче, чем в первый раз. Он меня услышал, так как поднял голову, потом бросился к лодке, поспешно отчалил от

берега и начал быстро грести к бедняжке Дафне, которая отбивалась, как могла, от окружившей ее своры. Я не сомневалась, что господин де Монсоро, тронутый моими криками и жестами, спешит на выручку Дафне, но когда он оказался возле несчастной лани, я увидела, что он выхватил большой охотничий нож. Стальное лезвие молнией блеснуло в лучах солнца, этот блеск тут же погас, и я вскрикнула в ужасе: клинок до самой рукоятки вошел в горло бедного животного. Фонтаном брызнула кровь, окрашивая воду в красный цвет. Дафна испустила жалобный предсмертный крик, забила по воде передними копытами, вскинулась на дыбы и замертво рухнула в пруд.

Я застонала почти так же жалобно, как Дафна, и без чувств упала на землю.

Очнувшись, я увидела, что лежу на постели в одной из комнат замка Боже и батюшка, за которым послали, плачет у моего изголовья.

Моя болезнь объяснялась всего лишь перенапряжением сил, вызвавшим нервный припадок, поэтому уже на следующий день я смогла вернуться в Меридор. Однако еще три или четыре дня я не выходила из комнаты.

На четвертые сутки отец сказал мне, что все эти дни господин де Монсоро приезжал справляться о моем здоровье. Он видел, как меня несли в бесчувственном состоянии, и пришел в отчаяние, узнав, что был невольной причиной всего происшедшего. Граф просил разрешить ему лично принести мне свои извинения и утверждал, что не успокоится, пока не услышит слов прощения из моих уст.

Я не могла отказаться принять его и, несмотря на все отвращение, испытываемое мной к этому человеку, согласилась с ним встретиться.

На другой день он явился с визитом. Я поднимала вежливость своего положения, ведь охота — любимое развлечение не только для мужчин, но и для многих дам. Мне пришлось объяснить, почему я так глупо расчувствовалась, и в оправдание своего обморока рассказать, как я любила Дафну.

Граф изобразил глубокое отчаяние, он раз по двадцать кряду заверял меня своей честью, что, если бы мог угадать, какую любовь я питаю к его жертве, он почел бы за величайшее счастье сохранить ей жизнь. Однако его красноречие меня не убедило, и граф удалился, так

и не взглянув из моей души неприятное впечатление, которое он произвел.

Уходя, граф испросил у батюшки дозволения навещать нас еще раз. Граф родился в Испании, воспитывался в Мадриде, и барона соблазнила возможность побеседовать о стране, в которой и ему довелось провести немало времени. К тому же граф был человеком благородного происхождения, наместником провинции; молва называла его любимцем герцога Аяжуйского, и у батюшки не было никаких поводов отказывать ему от дома.

Увы! С этого дня нарушилось если не счастливое, то по меньшей мере безмятежное течение моей жизни. Вскоре я заметила, что произвела впечатление на графа. Сначала он навещал нас каждую неделю, затем два раза в неделю и, наконец, стал появляться ежедневно. Он указывал моему батюшке все знаки внимания и сумел завоевать его расположение. Я видела, что барону нравилось беседовать с ним, как с человеком незаурядным. Я не смела жаловаться; да и на что могла я жаловаться?

Граф был со мной учтив, как с хозяйкой дома, и почтителен, как с родной сестрой.

Однажды утром батюшка вошел в мою комнату с видом торжественнее обычного, и однако, несмотря на всю его важность, было ясно, что он чем-то обрадован.

— Дитя мое, — сказал он, — ты не раз уверяла меня, что была бы счастлива не разлучаться со мной всю жизнь.

— Ах, батюшка! — воскликнула я. — Ведь вы знаете — это самое заветное мое желание.

— Коли так, моя Диана, — сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в лоб, — исполнение этого желания зависит только от тебя.

Я вдруг угадала его мысли и так страшно побледнела, что отец замер, не успев прикоснуться ко мне губами.

— Диана, дитя мое! — воскликнул он. — Милосердный боже! Да что с тобой?

— Господин де Монсоро, не правда ли? — пролепетала я.

— А почему бы и нет? — удивился отец.

— О! Ни за что, батюшка, если у вас есть хоть капля жалости к вашей дочери, ни за что!

— Диана, любовь моя, — сказал он, — ты знаешь, что я не только жалею тебя, а молюсь на тебя; попроси восемь дней на размышление, и если через восемь дней..

— О нет, нет! — вскричала я. — Не нужно мне ни восьми дней, ни двадцати четырех часов, ни единой минуты. Нет, нет! О господи, нет!

И я разрыдалась.

Батюшка обожал меня, и ему еще ни разу не пришлось видеть мои слезы; он внял меня за руки, в двух словах успокоил и поклялся честью дворянина, что никогда больше не заговорит со мной об этом замужестве.

Действительно, прошел месяц, а я ни разу не видела господина де Монсоро и не слышала о нем ни слова. Както утром мы с батюшкой получили приглашение на большой праздник, устраиваемый господином де Монсоро в честь королевского брата, герцога Анжуйского, собиравшегося посетить провинцию, имя которой он носил. Праздник должен был состояться в ратуше города Анжера.

К письму было приложено особое приглашение от принца; герцог писал моему отцу, что он помнит, как они в свое время встречались при дворе короля Генриха Второго, и с удовольствием снова с ним повидается.

Моим первым побуждением было упросить отца ехать на праздник; несомненно, я настояла бы на своем, если бы приглашение исходило только от одного господина де Монсоро, но второе письмо подписал принц, и отец боялся отказом оскорбить его высочество.

Итак, мы отправились на бал. Господин де Монсоро встретил меня так, словно между нами ничего не произошло. В его отношении ко мне не было ни напускного безразличия, ни нарочитой любезности. Он вел себя со мной так же, как и со всеми остальными дамами, и я была рада, что он ничем не выделял меня среди собравшегося общества.

Совсем иначе вел себя герцог Анжуйский. Увидев меня, он уже не сводил с меня глаз. Я чувствовала себя неловко под его тяжелым взглядом; и наконец, ни слова не сказав отцу о своем состоянии, незаметно устроила так, что мы уехали с бала в числе первых.

Три дня спустя господин де Монсоро появился в Меридоре. Увидев, что он едет по аллее к замку, я скрылась в свои покои.

Я боялась, как бы отец не позвал меня к гостю, по он этого не сделал. Прошло не более получаса, и господин де Монсоро покинул наш замок. Никто, даже батюшка ни словом не обмолвился об его визите, однако

мне показалось, что после появления графа барон по-мрачнел.

Прошло еще несколько дней. Вернувшись с прогулки по окрестностям, я узнала, что господин де Монсоро слова разговаривал с моим отцом... В мое отсутствие барон дважды или трижды справлялся обо мне и несколько раз с беспокойством спрашивал, куда именно я могла уйти. Он приказал немедленно известить его, когда я вернусь.

И в самом деле, как только я вошла в свою комнату, отец постучался в дверь.

— Дитя мое,— обратился он ко мне,— причина, которую тебе совершенно ни к чему знать, вынуждает меня расстаться с тобой на некоторое время. Не спрашивай меня ни о чем. Пойми одно— эта причина должна быть весьма уважительной, раз уж я решаюсь провести неделю, две недели, может быть месяц, в разлуке с тобой.

Я вздрогнула, хотя и не могла угадать, какая опасность мне грозит. Но повторный визит господина де Монсоро не сулил мне ничего хорошего.

— И куда я должна буду уехать, батюшка? — осведомилась я.

— В Людский замок, к моей сестре, там ты будешь укрыта от всех глаз. Мы позаботимся о том, чтобы ты прибыла туда под покровом ночи.

— А вы не поедете со мной?

— Нет, я должен остаться здесь, чтобы отвести подозрение. Даже наша челядь не будет знать, куда ты уехала.

— А кто же меня проводит?

— Два человека, в которых я уверен.

— О, боже мой! Батюшка!

Барон обнял меня.

— Дитя мое,— сказал он,— так надо.

Я знала, как он меня любит, и больше не настаивала ни на чем и не спрашивала никаких объяснений.

Мы договорились, что я возьму с собой дочь моей кормилицы, Гертруду.

Батюшка покинул меня, наказав подготовиться к отъезду.

Стояли самые короткие дни зимы, и к восьми часам вечера уже совсем стемнело и похолодало. В восемь часов отец пришел за мной. Как он и просил, я была уже готова. Мы бесшумно спустились по лестнице и прошли

через сад. Барон собственноручно открыл ключом калитку, выходящую в лес. За ней нас ожидали запряженная карета и двое сопровождающих. Батюшка долго говорил с ними, как мне показалось, поручая меня их попечению. Я уселась в экипаж, Гертруда заняла место рядом со мной. Барон обнял меня на прощание, и мы тронулись в путь.

Я не знала, какого рода опасность мне угрожает и что заставило батюшку усилить меня из Меридорского замка. Гертруда не могла мне ничем помочь, она тоже ничего не знала. Наши спутники были мне неизвестны, и я не осмеливалась к ним обратиться. Мы ехали около двух часов в полном молчании какими-то окольными дорогами, и, хотя я очень волновалась, ровное колыхание кареты постепенно меня убаюкало и я уже начала было засыпать, как вдруг мы остановились и Гертруда схватила меня за руку.

— Ах, барышня, — пролепетала бедная девушка, — что с нами будет?

Я выглянула из-за занавесок; нас окружили шесть всадников в масках. Наши провожатые, очевидно пытавшиеся оказать сопротивление, были схвачены и обезоружены.

До смерти напуганная, я не в силах была позвать на помощь, да и кто мог откликнуться на мой призыв?

Замаскированный всадник, который казался старшим, подъехал к дверцам экипажа.

— Успокойтесь, сударыня, — сказал он, — мы вас не обидим, но вам придется последовать за нами.

— Куда? — спросила я.

— Туда, где вам не грозит никакая опасность. Напротив, там с вами будут обращаться как с королевой.

Это обещание меня испугало больше, чем любая угроза.

— Ах, батюшка мой, батюшка! — прошептала я.

— Послушайте, барышня, — сказала мне Гертруда, — я хорошо знаю все окрестности, я вам предана, силою бог меня не обидет, поверьте мне — мы сумеем убежать.

Эти заверения моей бедной служанки, конечно, не могли меня успокоить, все же ее поддержка меня подбодрила, и я пришла в себя.

— Делайте с нами все, что вам угодно, господа, — ответила я, — мы всего лишь две слабые и беззащитные женщины.

Один из всадников спешился, занял место нашего возницы, и мы свернули в сторону с той дороги, по которой ехали.

Бюсси, как понимают читатели, слушал рассказ Дианы с глубочайшим вниманием. Среди первых проявлений зарождающейся большой любви есть чувство почти религиозного преклонения перед любимой. Вы поднимаете избранницу вашего сердца на пьедестал, возносите ее над всеми остальными женщинами. Вы возвеличиваете, очищаете, обожествляете ее образ, каждый ее жест — это милость, которую она вам дарует, каждое слово — неисповедное вам счастье, ее взгляд наполняет вас радостью, улыбка — восторгом.

Поэтому молодой человек предоставлял прекрасной рассказчице полную возможность беспрепятственно развертывать свое повествование, не допуская и мысли о том, чтобы перебить ее. Малейшее обстоятельство, связанное с этой женщиной, которую, как он предчувствовал, ему предстоит взять под защиту, вызывало в его душе живейший отклик, он слушал Диану молча, с трудом переводя дыхание, как если бы от каждого ее слова зависела его жизнь.

И когда молодая женщина на миг умолкла, будучи явно не в состоянии справиться с обуревавшими ее двойным волнением, вызванным и настоящим, и воспоминаниями о прошлом, Бюсси, не в силах сдержать свое беспокойство, молитвенно протянул к ней руки.

— О, продолжайте, сударыня, — простонал он, — ради бога, продолжайте.

Диана не могла ошибиться в глубине чувства, которое она внушала: мольба была не только в словах, но и в голосе, в жесте, в выражении лица молодого человека. Красавица печально улыбнулась и продолжала:

— Мы ехали около трех часов и наконец остановились. Я услышала, как заскрипели ворота, наши полкитатели обменялись с кем-то несколькими словами; затем экипаж двинулся дальше, и копыта лошадей застучали по чему-то твердому, словно бы по настилу подъемного моста. Выглянув из-за занавесок, я убедилась, что не ошиблась, — мы оказались во дворе какого-то замка.

Чей это замок? Ни Гертруда, ни я этого не могли угадать. По дороге мы не раз пытались распознать местность, но не видели ничего, кроме бесконечного темного леса. Правда, обем нам показалось, что наши

похитители нарочно петляют по лесу, пытаясь сбить нас с толку и лишить возможности определить, где мы находимся.

Двери кареты распахнулись, и тот же замаскированный мужчина, который ранее говорил с нами, пригласил нас выйти.

Я молча повиновалась. Два человека, очевидно, слуги из замка, в который мы прибыли, встречали нас с факелами в руках. Страшное обещание, данное мне, сбывалось — нам, пленницам, оказывались знаки величайшего почета. Мы последовали за людьми с факелами. Они провели нас в пышную опочивальню, которая, по-видимому, была обставлена и украшена в самые блестящие годы царствования Франциска Первого.

На столе нас ждал богато сервированный ужин.

— Вы у себя дома, сударыня, — сказал тот, кто уже дважды ко мне обращался. — Несомненно, вы нуждаетесь в услугах, поэтому ваша девушка останется при вас. Ее комната возле вашей.

Мы с Гертрудой обменялись радостным взглядом.

— Если вам что-нибудь понадобится, — продолжал человек в маске, — постучите в дверь молотком, который на ней висит, в прихожей все время кто-нибудь будет дежурить, и он немедленно явится к вам.

Эта притворная забота свидетельствовала, что нас будут тщательно сторожить.

Человек в маске поклонился и вышел, мы услышали, как он закрыл дверь на двойной оборот ключа.

Гертруда и я остались одни.

Какое-то время мы молча глядели друг на друга. Два канделябра, стоявшие на обеденном столе, освещали комнату. Гертруда открыла было рот, собираясь что-то сказать, но я предостерегающе поднесла палец к губам: нас могли подслушивать.

Дверь комнаты, предназначенной Гертруде, была открыта, и нам обоим одновременно пришла в голову мысль осмотреть это помещение. Гертруда взяла один из канделябров, и мы на цыпочках вошли туда.

Мы увидели большую туалетную комнату, дополняющую спальню; в ней была еще одна дверь и в той же стене, что и дверь, через которую нас ввели в спальню. Эта дверь, несомненно, также выходила в прихожую; на пей, как и на двери спальни, висел на медном гвоздике молоточек из того же металла. И молоточки и гвозди

были столь тонкой и изящной работы, что казались творениями самого Бенвенуто Челлини.

Гертруда поднесла свечу к замку; дверь была закрыта на двойной оборот ключа.

Мы были узниками.

Просто невероятно, насколько одинаково два человека, даже принадлежащие к разным слоям общества, по оказавшиеся в одном и том же положении и подвергающиеся одной и той же опасности, просто невероятно, говорю я, насколько одинаково они мыслят и как легко они понимают друг друга с полуслова.

Гертруда приблизилась ко мне.

— Вы замечали, барышня, — тихо сказала она, — когда мы входили сюда со двора, мы поднялись только на пять ступенек?

— Да, — ответила я.

— Значит, мы на первом этаже?

— Несомненно.

— А что, если, — продолжала она шепотом, показывая глазами на ставни, закрывающие окна, — а что, если...

— Если на окнах нет решеток, — перебила я.

— Да, и если барышня наберется смелости.

— Смелости! — воскликнула я. — О, будь спокойна, смелости у меня хватит.

На этот раз наступил черед Гертруды приложить палец к губам.

— Да, да, все ясно, — сказала я.

Гертруда сделала мне рукой знак — оставаться на месте, а сама унесла канделябр в спальню и снова поставила его на стол.

Я уже поняла, что она задумала, подошла к окну и принялась искать задвижки ставен.

Я их нашла, вернее, их нашла Гертруда, пришедшая мне на помощь. Ставни открылись.

У меня вырвался радостный крик: на окне решетки не было.

Но Гертруда тут же обнаружила причину этого много недосмотра со стороны наших стражей. Подножие стены омывал широкий пруд. Эти воды, добрых десять футов глубиной, стерегли нас надежнее любых решеток.

Переведа взор с поверхности пруда на его берега, я узнала знакомые места: мы были пленницами в замке Боже, который, как я уже говорила, мы с отцом несколько

раз посещали и куда месяц тому назад, в день гибели Дафны, меня принесли в бесчувственном состоянии.

Замок Боже принадлежал герцогу Анжуйскому.

И, как будто вспышка молнии осветила мое сознание, я разом все поняла.

Я глядела на пруд с чувством мрачного удовлетворения: вот она — последняя возможность уйти от насилия, надежное убежище от бесчестия.

Мы заперли ставни. Я, не раздеваясь, бросилась в постель. Гертруда встала в кресле у моих ног.

За ночь я раз двадцать просыпалась, охваченная невыяснимым ужасом, но каждый раз убеждалась, что мои страхи ничем не оправданы, не считая моего положения пленницы. Ничто вокруг не говорило о злых умыслах против меня, наоборот, весь замок, казалось, спал безмятежным сном, и только крики болотных птиц нарушали тишину ночи.

Рассвело. Ночной мрак, в котором всегда есть что-то пугающее, отступил. Но мои ночные страхи не рассеялись. Я поняла, что без помощи извне бегство невозможно. Но откуда могла прийти к нам эта помощь?

Около девяти часов в дверь постучали. Я перешла в комнату Гертруды, а ей разрешила впустить тех, кто стучится.

Дверь за собой я оставила неприкрытой и в щелку могла видеть, как в комнату вошли все те же вчерашние слуги. Они забрали оставшийся нетронутым ужин и поставили на стол завтрак.

Гертруда обратилась к ним с вопросом, но они удалились, ничего ей не ответив.

Тогда я вернулась в свою спальню. То, что мы находимся в замке Боже, и показной почет, которым нас окружали, объясняло мне все. Герцог Анжуйский увидел меня на балу у господина де Монсоро и влюбился. Батюшка был об этом предупрежден и решил уберечь свою дочь от преследований, которым она, несомненно, должна была подвергнуться. Он хотел удалить меня из Меридора, но эта предосторожность, благодаря измене какого-нибудь слуги или несчастному случаю, не увенчалась успехом. Я попала в руки того человека, от которого отец тщетно пытался меня спасти.

Эта мысль показалась мне вполне правдоподобной и действительно впоследствии подтвердилась,

Уступив мольбам Гертруды, я выпила чашку молока и съела ломтик хлеба.

Утро прошло за составлением самых безрассудных планов бегства. В ста шагах перед нами, в камышах, стояла лодка с веслами. Будь это суденышко в пределах досягаемости, то, конечно, моих сил, удесятенных страхом, и от природы немалых сил Гертруды нам хватило бы, чтобы спастись.

В теченье дня нас никто не беспокоил. Нам сервировали обед точно так же, как в свое время — завтрак. Но я от слабости едва стояла на ногах. За обедом мне прислуживала только Гертруда; наши стражники, поставив блюда на стол, тут же удалились. И вдруг, разломив маленький хлебец, я увидела в нем записку.

Я торопливо развернула ее и прочла:

«Ваш друг печется о вас. Завтра вы получите весточку от него и от вашего отца».

Понятно, как я обрадовалась; мое сердце забилось так отчаянно, словно хотело выпрыгнуть из груди. Я показала записку Гертруде. Остаток дня прошел в ожиданиях и надеждах.

Вторая ночь протекла так же спокойно, как и первая; наступил час завтрака, которого я ждала с нетерпением, ибо не сомневалась, что в хлебе снова найду записку. И я не обманулась. Содержание записки было следующим:

«Лицо, которое вас похитило, прибудет в замок Боже сегодня вечером, в десять часов. Но в девять часов друг, пекущийся о вас, появится под вашими окнами с письмом от вашего отца. Это письмо внушит вам доверие к его подателю, которое иначе вы, быть может, ему и не оказали. Записку сожгите».

Я читала и перечитывала это послание, затем бросила его в огонь, как мне советовали. Почерк был мне неизвестен, я, признаюсь, я совершенно не подозревала, кто мог быть автором записки.

Мы обе, Гертруда и я, терялись в догадках. Сто раз за это утро подходили мы к окну посмотреть, нет ли кого-нибудь на берегах пруда или в лесу, но и лес и пруд были пустыны.

Час спустя после обеда в нашу дверь постучали. Впервые к нам стучались не в часы трапезы, но мы не

могли запереться изнутри, и поэтому нам ничего не оставалось, как разрешить войти.

Вошел тот человек, который привез нас сюда, я не могла узнать его по лицу, потому что видела его только в маске, но с первых же слов узнала по голосу.

Он подал мне письмо.

— Кто вас послал, сударь? — спросила я.

— Потрудитесь, пожалуйста, прочесть это письмо, сударыня, — ответил он, — и вы все узнаете.

— Но я не желаю читать письмо, не зная, от кого оно.

— Сударыня вольна делать все, что ей вздумается. Мне приказано вручить ей это послание, и я складываю его к ее ногам. Если сударыня соизволит наклониться и поднять письмо, она наклонится и поднимет его.

И действительно, этот человек, по всей вероятности дворянин, положил письмо на скамеечку, на которой стояли мои ноги, и вышел.

— Что делать? — спросила я Гертруду.

— Осмелюсь посоветовать вам, барышня, прочесть письмо. Может быть, в нем говорится о какой-то опасности, которой мы сможем избежать, если будем знать о ней.

Совет был настолько разумен, что я передумала и распечатала письмо.

Тут Диана прервала свое повествование, встала, открыла маленькую шкатулку из тех, за которыми мы сохранили итальянское название *stipo*, достала шелковый портфель и извлекла оттуда письмо.

Бюсси посмотрел на адрес.

— «Прекрасной Диане де Меридор», — прочел он.

Затем, взглянув на молодую женщину, сказал:

— Этот адрес написан рукой герцога Анжуйского.

— Ах, — вздохнула Диана, — значит, он меня не обманул.

Затем, видя, что Бюсси не решается раскрыть письмо, приказала:

— Читайте. Случай сделал вас свидетелем самых интимных событий моей жизни, мне нечего от вас скрывать.

Бюсси повиновался и прочел следующее:

«Несчастный принц, пораженный в самое сердце Вашей божественной красотой, навещит Вас сегодня вечером, в десять часов, дабы принести извинения за все, что

он себе позволял по отношению к Вам. Для его действий, как это он сам понимает, не может быть иного оправдания, кроме неодолимой любви, которую Вы ему внушаете.

Франсуа».

— Значит, это письмо действительно написано герцогом Анжуйским? — спросила Диана.

— Увы, да! — ответил Бюсси. — Это его почерк и его подпись.

Диана вздохнула.

— Может быть, и в самом деле он не так уж виноват, как я думала? — пробормотала она.

— Кто — он, принц? — спросил Бюсси.

— Нет, граф де Монсоро.

Теперь наступила очередь Бюсси вздохнуть.

— Продолжайте, сударыня, — сказал он, — и мы рассудим и принца и графа.

— Это письмо, в подлинности которого у меня тогда не было никаких причин сомневаться, ибо оно полностью подтверждало мои собственные догадки, показало, как и предвидела Гертруда, какой опасности я подвергаюсь, и тем драгоценнее сделалась для меня поддержка неизвестного друга, предлагавшего свою помощь от имени моего отца. Только на этого друга я и могла рассчитывать.

Вернувшись на наш наблюдательный пост у окна, мы с Гертрудой не сводили глаз с пруда и леса перед нашими окнами. Однако на всем пространстве, открытом взору, мы не могли заметить ничего утешительного.

Наступили сумерки, и, как всегда в январе, быстро стемнело. До срока, назначенного герцогом, оставалось четыре или пять часов, и мы ждали, охваченные тревогой.

Стоял один из тех погожих зимних вечеров, когда, если бы не холод, можно подумать, что на дворе конец весны или начало осени. Сверкало небо, усеянное тысячами звезд, и молодой полумесяц заливал окрестности серебряным светом; мы открыли окно в комнате Гертруды, думая, что за этим окном наблюдают, во всяком случае, менее строго, чем за моим.

Часам к семи легкая дымка, подобная вуали из прозрачной кисеи, поднялась над прудом, она не мешала нам видеть, может быть, потому, что наши глаза уже привыкли к темноте.

У нас не было часов, и я не могу точно сказать, в котором часу мы заметили, что на опушке леса движутся

какие-то тени. Казалось, они с большой осторожностью, укрываясь за стволами деревьев, приближаются к берегу пруда. Может быть, мы в конце концов решили бы, что эти тени только привиделись нашим утомленным глазам, но тут до нас донеслось конское ржание.

— Это наши друзья, — пробормотала Гертруда.

— Или принц, — ответила я.

— О, принц, — сказала она, — принц бы не прятался. Эта простая мысль рассеяла мои подозрения и укрепила мой дух.

Мы с удвоенным вниманием вглядывались в прозрачную мглу.

Какой-то человек вышел вперед, его спутники, по-видимому, остались позади, в тени деревьев.

Человек подошел к лодке, отвязал ее от столба, к которому она была привязана, сел в нее, и лодка бесшумно заскользила по воде, направляясь в нашу сторону.

По мере того как она продвигалась вперед, я все больше и больше напрягала зрение, пытаюсь разглядеть друга, спешащего к нам на помощь.

И вдруг мне показалось, что его высокая фигура напоминает графа де Монсоро. Потом я смогла различить мрачные и резкие черты лица; наконец, когда лодка была уже в десяти шагах от нас, мои последние сомнения рассеялись.

Теперь новоявленный друг внушал мне почти такой же страх, как и враг.

Я стояла, безмолвная и неподвижная, сбоку от окна, и граф не мог меня видеть. Подъехав к подножию стены, он привязал лодку к причальному кольцу, и голова его оказалась над подоконником.

Я не удержалась и вскрикнула.

— Ах, простите, — сказал граф де Монсоро, — я полагаю, что вы меня ждете.

— Я действительно ждала кого-то, но не знала, что это будете вы.

Граф горько улыбнулся.

— Кто же еще, кроме меня и вашего отца, будет оберегать честь Дьяны де Меридор?

— В том письме, которое я получила, вы писали мне, сударь, что уполномочены моим батюшкой.

— Да, я поскольку я предвидел, что вы усомнитесь в этом, я захватил от него письмо.

И граф протянул мне листок бумаги.

Мы не зажигаем свечей, чтобы иметь возможность свободно передвигаться в темноте. Я перешла из комнаты Гертруды в свою спальню, встала на колени перед камином и в неверном свете пламени прочла:

«Моя дорогая Диана, только граф де Монсоро может спасти тебя от опасности, которая тебе угрожает, а опасность эта огромна. Доверься ему полностью, как верному другу, испосланному нам небесами.

Позже он откроет тебе, чем бы ты могла отплатить ему за его благородную помощь, знай, что его помыслы отвечают самым заветным желаниям моего сердца.

Заклинаю тебя поверить мне
и пожалеть и меня и себя.
Твой отец, барон де Меридор».

Определенных причин не доверять графу де Монсоро у меня не было. Он внушал мне чисто инстинктивное отвращение, не опровергаемое на доводы рассудка. Я могла вцепиться ему в вину только смерть Дафны, но разве убийство лани преступление для охотника?

Я вернулась к окну.

— Ну и как? — спросил граф.

— Сударь, я прочла письмо батюшки. Он пишет, что вы готовы увезти меня отсюда, но ничего не говорит о том, куда вы меня отвезете.

— Я вас отвезу туда, где вас ждет барон,

— А где он меня ждет?

— В Меридорском замке.

— Значит, я увижу отца?

— Через два часа.

— О сударь! Если только вы говорите правду...

Я остановилась. Граф с видимой тревогой ждал, что я скажу дальше.

— Рассчитывайте на мою признательность, — добавила я дрогнувшим голосом, ибо уже угадала, в чем, по его мнению, должна была заключаться эта признательность, но у меня не хватало сил назвать все своими словами.

— В таком случае, — сказал граф, — готовы ли вы следовать за мной?

Я с беспокойством взглянула на Гертруду. По ее лицу было видно, что мрачная фигура нашего спасителя внушила ей доверие не больше, чем мне.

— Имейте в виду, каждая минута промедления грозит вам такой бедой, что вы и помыслить не можете,— сказал он. — Я запоздал примерно на полчаса; скоро уже десять, разве вам не сообщили, что ровно в десять часов принц прибудет в замок Боже?

— Увы! Да,— ответила я.

— Как только принц появится здесь, я уже ничего не смогу сделать для вас, даже если поставлю на карту свою жизнь, тогда как сейчас я рискую ею в полной уверенности, что мне удастся вас спасти.

— Почему с вами нет моего отца?

— Как по-вашему, неужели за вашим отцом не следят? Да он не может шагу ступить без того, чтобы не стало известно, куда он идет.

— Ну а вы? — спросила я.

— Я? Со мной другое дело. Я друг принца, его доверенное лицо.

— Но, сударь,— воскликнула я,— коли вы друг принца, коли вы его доверенное лицо, значит...

— Значит, я предаю его ради вас; да, именно так. Поэтому я и сказал вам сейчас, что рискую своей жизнью ради спасения вашей чести.

В тоне графа звучала такая убежденность и все его слова были так похожи на правду, что, хотя этот человек все еще вызывал у меня неприязнь, я не знала, как объяснить ему свое недоверие.

— Я жду,— сказал граф.

Я взглянула на Гертруду, но она тоже была в нерешительности.

— Ну вот и дождались,— сказал граф. — Если вы еще колеблетесь, взгляните на тот берег.

И он показал мне на кавалькаду, скакавшую к замку по берегу пруда, противоположному тому, от которого он отчалил.

— Кто эти люди? — спросила я.

— Герцог Анжуйский со свитой,— ответил граф.

— Барышня! Барышня! — заволновалась Гертруда. — Нельзя терять времени.

— Мы и так потеряли его слишком много,— сказал граф. — Небом вас заклинаю, решайтесь.

Я упала на стул, силы меня покинули.

— Господи боже! Господи боже! Что делать? Что делать? — повторяла я,

— Слышите,— сказал граф,— слышите: они стучат в ворота.

Действительно, два всадника, отделившиеся от кавалькады, уже стучали в ворота молотком.

— Еще пять минут,— сказал граф,— и все будет кончено.

Я хотела подняться, но ноги у меня подкосились.

— Ко мне, Гертруда,— пролепетала я.— Ко мне!

— Барышня,— взмолилась бедная девушка.— Вы слышите? Ворота уже открываются. Вы слышите? Всадники въезжают во двор.

— Да, да! — отвечала я, тщетно пытаюсь подняться.— Но у меня нет сил.

— Ах, если только это!.. — обрадовалась Гертруда.

И она обхватила меня руками, легко подняла, словно ребенка, и передала графу.

Почувствовав прикосновение рук этого человека, я вздрогнула так сильно, что чуть было не упала в воду.

Но он прижал меня к груди и бережно опустил в лодку.

Гертруда последовала за мной и спустилась в лодку без посторонней помощи.

И тут я заметила, что с меня слетела вуаль и плавает на воде.

Я подумала, что она выдаст наши следы преследователям.

— Там вуаль, моя вуаль! — обратилась я к графу.— Быловите ее.

Граф бросил взгляд в ту сторону, куда я показывала пальцем.

— Нет,— сказал он,— лучше пусть все остается, как есть.

Он взялся за весла и принялся грести с такой силой, что через несколько взмахов веслами наша лодка подошла к берегу.

В эту минуту мы увидели, что в окнах моей комнаты появился свет: в нее вошли слуги со свечами в руках.

— Ну что, разве не моя была правда? — сказал господин де Монсоро.— Разве можно было еще медлить?

— Да, да, да, сударь,— ответила ему я,— воистину вы мой спаситель.

Тем временем огоньки свечей тревожно заметались в окнах, перемещаясь то из моей спальни в комнату Гер-

труды, то из комнаты Гертруды в спальню. До нас донеслись голоса. В спальне появился человек, пере которым все остальные почтительно расступились. Он подошел к открытому окну, высунулся из него и вдруг закричал, вероятно заметив мою вуаль, плавающую в воде.

— Видите, как хорошо я сделал, оставив там вуаль? — сказал граф. — Принц подумает, что, желая спасти свою честь, вы утопились в пруде, и, пока они будут искать там ваше тело, мы убежим.

Я снова вздрогнула, на сей раз пораженная мрачными глубинами этого ума, который мог предвидеть даже и такой страшный исход.

Но тут мы причалили к берегу,

Глава XIV

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР. — ДОГОВОР

Снова наступила тишина. Диана, заново пережившая все события тех трагических дней, пришла в такое волнение, что у нее перехватило горло.

Бюсси весь превратился в слух, он заранее поглядел в вечной ненависти к врагам молодой женщины, кто бы они ни были.

Наконец, достав из кармана своего платья флакон с ароматическими солями и глубоко вдохнув их острые запахи, Диана продолжала:

— Едва мы ступили на берег, как к нам подбежал семь или восемь человек. Это были люди графа, и мне показалось, что я узнала среди них двух слуг, которые сопровождали наш экипаж, пока на нас не напали и не увезли в замок Боже. Стремянный подвел к нам двух лошадей: графского вороного и белого иноходца, предвзначенного для меня. Граф посадил меня в седло и, как только я уселась, вскочил на коня.

Гертруда устроилась на крупе лошади за одним из графских слуг.

И, ни минуты не медля, мы понеслись галопом по лесной дороге.

Граф не выпускал из рук повод моего иноходца, я заметила это и сказала ему, что умею ездить верхом и не нуждаюсь в подобных мерах предосторожности; он отв

тил, что у меня пугливая лошадь, которая может понести или неожиданно метнуться в сторону.

Мы скакали уже минут десять, когда я услышала голос Гертруды, звавшей меня. Я обернулась и увидела, что наш отряд разделился: четверо всадников свернули на боковую тропу, уходящую в лес, а остальные четверо вместе со мной продолжали скакать вперед.

— Гертруда! — воскликнула я. — Сударь, почему Гертруда не едет с нами?

— Это совершенно необходимая предосторожность, — ответил мне граф. — Надо, чтобы мы оставили два следа, на случай если за нами будет погоня. Пусть на двух разных дорогах люди скажут, что видели женщину, увозимую четырьмя мужчинами. Тогда герцог Анжуйский может пойти по ложному следу и поскакать за служанкой вместо того, чтобы погнаться за госпожой.

Хотя его доводы казались основательными, все же они не убедили меня, но что я могла сказать и что я могла сделать? Вдохнув, я смирилась.

К тому же мы скакали по дороге в Меридорский замок, и наши кони мчались с такой быстротой, что мы должны были уже через четверть часа оказаться в замке. Но вдруг, когда мы выехали на хорошо известный мне перекресток, граф вместо того, чтобы следовать дальше по дороге, ведущей к моему батюшке, свернул влево и поскакал прочь от замка. Я закричала и, невзирая на быстрый галоп моего иноходца, оперлась о луку седла, чтобы соскочить на землю, но тут граф, несомненно следивший за моими движениями, перегнулся с лошади, обхватил меня рукой за талию и перебросил на луку своего седла. Иноходец, почувствовав себя свободным, заржал и поскакал в лес.

Все это граф проделал столь молниеносно, что я успела лишь вскрикнуть.

Господин де Монсоро зажал мне рот рукой.

— Сударыня, — сказал он, — клянусь вам своей честью, я только выполняю приказание вашего батюшки и предлагаю вам доказательство этого на первой же остановке, которую мы сделаем; если это доказательство окажется неубедительным или вызовет у вас сомнения, еще раз клянусь честью, я предоставлю вам свободу.

— Но, сударь, ведь вы обещали отвезти меня к отцу! — воскликнула я, отталкивая его руку и откинув голову,

— Да, я вам обещал это, так как видел, что вы колеблетесь; еще одно мгновение — и эти колебания, как вы сами могли убедиться, погубили бы нас всех: вашего отца, вас и меня. Теперь подумайте, — сказал граф, останавливая коня, — разве вы хотите убить барона? Хотите попасть в руки тому, кто намерен вас обесчестить? Одно ваше слово — и я вас отвезу в Меридорский замок.

— Вы сказали, у вас есть какое-то доказательство, подтверждающее, что вы действуете от имени моего отца?

— Доказательство, вот оно, — сказал граф, — возьмите это письмо и на первом же постоялом дворе, где мы остановимся, прочтите его. Повторяю, если, прочитав письмо, вы пожелаете вернуться в замок, клянусь честью, вы вольны будете это сделать. Но если вы хоть сколько-нибудь уважаете барона, вы так не поступите, я в том уверен.

— Тогда вперед, сударь, и поскорее доберемся до этого первого постоялого двора, ибо я горю желанием убедиться в правдивости ваших слов.

— Не забывайте, вы последовали за мной добровольно.

— Да, добровольно, если только можно говорить о доброй воле, оказавшись в том положении, в каком я очутилась. Разве можно говорить о доброй воле молодой девушки, у которой есть только два выбора: либо смерть отца и бесчестие, либо полное доверие к человеку почти незнакомому; впрочем, пусть будет по-вашему — я следую за вами добровольно, и вы сами это увидите, если соблаговолите дать мне коня.

Граф сделал знак одному из своих людей, и тот спешился. Я соскользнула с вороного и через мгновение уже сидела в седле.

— Иноходец не мог убежать далеко, — сказал граф слуге, уступившему мне лошадь, — поищите его в лесу, покличьте его; он знает свое имя и, как собака, прибежит на голос или на свист. Вы присоединитесь к нам в Ла-Шатре.

Я невольно вздрогнула. Ла-Шатр находился в добрых десяти лье от Меридорского замка по дороге в Париж.

— Сударь, — сказала я графу, — решено, я еду с вами. Но в Ла-Шатре мы поговорим.

— Это значит, сударыня, — ответил граф, — что в Ла-Шатре вы соблаговолите дать мне ваши приказания.

Его притворная покорность меня ничуть не успокаивала; и все же, поскольку у меня не было выбора, не

было иного средства спастись от герцога Анжуйского, я молча продолжала путь. К рассвету мы добрались до Ла-Шатра. Но вместо того, чтобы въехать в деревню, граф за сотню шагов от ее первых садов свернул с дороги и полем направился к одиноко стоящему домику.

Я придержала лошадь.

— Куда мы едем?

— Послушайте, сударыня,— сказал граф,— я уже имел возможность заметить, что вы мыслите чрезвычайно логично, и потому позволю себе обратиться к вашему рассудку. Можем ли мы, убегая от принца, самой могущественной особы в государстве после короля, можем ли мы остановиться на обычном постоялом дворе посреди деревни, где первый же крестьянин, который нас увидит, не преминет нас выдать? Можно подкупить одного человека, но целую деревню не подкупишь.

Все ответы графа были весьма логичны и убедительны, и это меня подавляло.

— Хорошо,— сказала я. — Поедемте.

И мы снова поскакали.

Нас ждали; один из всадников, незаметно от меня, отделился от нашей кавалькады, опередил нас и все подготовил. В камине более или менее чистой комнаты пылал огонь, постель была застелена.

— Вот ваша спальня,— сказал граф,— я буду ждать ваших приказаний.

Он поклонился и вышел, оставив меня одну.

Первое, что я сделала, это подошла к светильнику и достала из-за корсажа письмо отца... Вот оно, господин де Бюсси. Будьте моим судьей, прочтите его,

Бюсси взял письмо и прочел.

«Моя нежно любимая Диана, если, как я в этом не сомневаюсь, ты уступила моим мольбам и последовала за графом де Монсоро, то граф должен был тебе сказать, что ты имела несчастье понравиться герцогу Анжуйскому и принц приказал тебя похитить и привести в замок Боже, по этим его делам суди сама, па что он еще может быть способен и какой позор тебе грозит. Избежать бесчестия, коего я не переживу, ты можешь только одним путем, а именно, если ты выйдешь замуж за нашего благородного друга. Когда ты станешь графиней Монсоро, граф вправе будет защищать тебя, как свою законную супругу; он поклялся мне, что ничего для этого не пожалеет.

Итак, я желаю, возлюбленная моя дочь, чтобы это бракосочетание состоялось как можно скорее, и если ты меня послушаешься, то к моему родительскому согласию на брак я присовокупляю мое отеческое благословение и молю бога даровать тебе всю полноту счастья, которую он хранит для чистых сердец, подобных твоему.

Твой отец, который не приказывает тебе, а умоляет тебя,

барон де Меридоръ.

— Увы,— сказал Бюсси,— если это действительно письмо вашего отца, его желание выражено совершенно недвусмысленно.

— Письмо написано отцом, в этом нет никаких сомнений, и все же я трижды перечитала его, прежде чем принять какое-нибудь решение. Наконец я пригласила графа.

Граф появился тотчас же, очевидно, он ждал за дверью.

Я держала письмо в руке.

— Ну и как,— спросил он,— вы прочли письмо?

— Да,— ответила я.

— Вы все еще сомневаетесь в моей преданности и в моем уважении?

— Если бы я и сомневалась, сударь, письмо батюшки придало бы мне веру, которой мне недоставало. Теперь скажите, сударь, предположим, я последую советам отца, как вы намерены поступить в этом случае?

— Я намерен отвезти вас в Париж, сударыня. Именно там вас легче всего спрятать.

— А мой отец?

— В любом месте, где бы вы ни были, и вы это хорошо знаете, барон присоединится к нам, как только миует непосредственная опасность.

— Ну хорошо, сударь, я готова принять ваше покровительство на ваших условиях.

— Я не ставлю никаких условий, сударыня,— ответил граф,— я предлагаю вам путь к спасению, вот и все.

— Будь по-вашему: я готова принять предлагаемый вами путь к спасению на трех условиях.

— Каких же, сударыня?

— Первое, пусть мне вернут Гертруду.

— Она уже здесь,— сказал граф.

— Второе, мы должны ехать в Париж по отдельности.

— Я и сам хотел предложить вам разделиться, чтобы успокоить вашу подозрительность.

— И третье, наше бракосочетание, которое я отнюдь не считаю чем-то безотлагательным, состоится только в присутствии моего отца.

— Это мое самое горячее желание, и я рассчитываю, что благословение вашего батюшки призовет на нас благоволение небес.

Я была поражена. Мне казалось, что граф должен найти какие-то возражения против этого тройного изъяснения моей воли, а получилось совсем наоборот, он во всем был со мной согласен.

— Ну, а сейчас, сударыня, — сказал господин де Монсоро, — не позволите ли вы мне, в свою очередь, предложить вам несколько советов?

— Я слушаю, сударь.

— Путешествуйте только по ночам.

— Я так и решила.

— Представьте мне выбор дорог, по которым вы поедете, и постоянных дворов, где вы будете останавливаться. Я принимаю все эти предосторожности с одной целью — спасти вас от герцога Аяжужского.

— Если вы меня любите, как вы это говорили, сударь, наши интересы совпадают, и у меня нет ни малейших возражений против всего, что вы предлагаете.

— Наконец, в Париже я советую вам поселиться в том доме, который я для вас приготовлю, каким бы скромным и уединенным он ни был.

— Я хочу только одного, сударь: жить укрытой ^в всех, и чем скромнее и уединеннее будет выбранное вами жилище, тем более оно будет прилечьствовать беглянке.

— Тогда, сударыня, мы договорились по всем статьям, и для того, чтобы выполнить начертанный вами план, мне остается только изъяснить вам мое глубочайшее почтение, послать к вам вашу служанку и заняться выбором дороги, по которой вы поедете в Париж.

— Ну, а мне, сударь, — ответила я, — остается сказать вам, что я тоже, как и вы, благородного рода: выполняйте ваши обещания, а я выполню свои.

— Только этого я и хочу, — сказал граф, — и ваши слова для меня верный залог того, что вскорости я буду самым счастливым человеком на земле.

Тут он поклонился и вышел.

Пять минут спустя в комнату вбежала Гертруда.

Добрая девушка была вне себя от радости: она думала, что ее хотят навсегда разлучить со мной. Я рассказала ей все, что произошло. Мне хотелось иметь около себя человека, который мог бы знать мои намерения, разделять мои желания и, в случае необходимости, повяты меня с полуслова, повиноваться мне по первому знаку, по движению руки. Меня удивляла уступчивость господина де Монсоро, и я опасалась, как бы он не задумал нарушить только что заключенный между нами договор.

Не успела я закончить свой рассказ, как мы услышали стук лошадиных копыт. Я подбежала к окну. Граф галопом удалялся по той дороге, по которой мы приехали. Почему он возвращался обратно, вместо того чтобы ехать впереди нас в направлении Парижа? Этого я не могла понять. Но так или иначе, выполнив первый пункт нашего договора — вернув мне Гертруду, он выполнял и второй: избавлял меня от своего общества. Тут нечего было возражать. Впрочем, куда бы он ни ехал, все равно его отъезд меня успокаивал.

Мы провели весь день в маленьком домике, хозяйка которого оказалась особой весьма услужливой. Вечером тот, кто по видимости был начальником нашего эскорта, вошел в комнату узнать, каковы будут мои распоряжения. Поскольку опасность казалась мне тем большей, чем ближе мы находились к замку Боже, я ответила, что готова ехать немедленно. Через пять минут он вернулся и с поклоном сообщил, что дело только за мной. У дверей дома стоял белый иноходец; как и предвидел граф Монсоро, он прибежал по первому зову.

Мы ехали всю ночь и, как и в прошлый раз, остановились только на рассвете. По моим подсчетам, мы сделали за ночь примерно пятнадцать лье. Господин де Монсоро всемерно позаботился, чтобы я не страдала в пути ни от усталости, ни от холода: белая кобылка, которую он для меня выбрал, шла удивительно ровной рысью, а перед выездом мне на плечи накинули меховой плащ.

Вторая остановка походила на первую, как все наши ночные переезды — один на другой. Повсюду нас встречали с почетом и уважением; повсюду изво всех сил старались нам услужить. Очевидно, кто-то ехал впереди нас и подготавливал для нас жилье. Был ли это граф? Не знаю. Строго соблюдая условия соглашения, он ни разу не попался мне на глаза на всем протяжении нашей дороги.

К вечеру седьмого дня пути с вершины высокого холма я заметила огромное скопление домов. Это был Париж.

Мы остановились в ожидании ночи и с наступлением темноты снова двинулись вперед. Вскоре мы проехали под аркой больших ворот, за которой меня поразило огромное здание; глядя на его высокие стены, я подумала, что это, должно быть, монастырь. Затем мы дважды переправились через реку, повернули направо и через десять минут оказались на площади Бастилии. От двери одного из домов отделился человек, по-видимому поджидавший нас; подойдя к начальнику эскорта, он сказал:

— Это здесь.

Начальник эскорта повернулся ко мне:

— Вы слышите, сударыня, мы прибыли.

И, соскочив с коня, он подал мне руку, чтобы помочь сойти с иноходца, как он это проделывал обычно на каждой остановке. Дверь в дом была открыта, лестницу освещал стоявший на ступеньках светильник.

— Сударыня,— обратился ко мне начальник эскорта,— здесь вы у себя дома. Нам было поручено сопровождать вас до этих дверей, теперь наше поручение можно считать выполненным. Могу я надеяться, что мы сумели угодить всем вашим желаниям и оказать вам должное уважение, как нам и было предписано?

— Да, сударь,— ответила я ему,— я могу только поблагодарить вас. Соблаговолите передать мою признательность и другим смельчакам, которые меня сопровождали. Я хотела бы вознаградить их чем-нибудь более ощутимым, но у меня ничего нет.

— Не беспокойтесь, сударыня,— сказал тот, кому я принесла это извинение,— они щедро вознаграждены.

И, отвесив мне глубокий поклон, он вскочил на коня.

— За мной,— приказал он своим спутникам,— и чтоб к завтрашнему утру все вы начисто позабыли и этот дом, и эту дверь.

После этих слов маленький отряд пустил коней в галоп и скрылся за углом улицы Сент-Антуан.

Первой заботой Гертруды было закрыть дверь, и мы смотрели через дверное окошечко, как они удаляются.

Затем мы подошли к лестнице, освещенной светильником, Гертруда взяла светильник в руки и пошла впереди.

Поднявшись по ступенькам, мы оказались в коридоре; в него выходили три открытые двери.

Мы вошли в среднюю и очутились в той гостиной, где мы с вами находимся. Она была ярко освещена, как сейчас.

Я открыла сначала вон ту дверь и увидела большую туалетную комнату, затем другую дверь, которая вела в спальню; к моему глубокому удивлению, войдя в спальню, я оказалась лицом к лицу со своим изображением.

Я узнала портрет, который висел в комнате моего отца в Меридорском замке; граф, несомненно, выпрестил его у барона.

Я вадрогнула перед этим новым доказательством того, что батюшка уже видит во мне жену господина де Монсоро.

Мы обошли весь дом. В нем никого не было, но имелось все необходимое. Во всех каминях пылал огонь, а в столовой меня поджидал накрытый стол. Я бросила на него быстрый взгляд, на столе стоял только один прибор, это меня успокоило.

— Ну вот, барышня, — сказала мне Гертруда, — видите, граф до конца держит свое слово.

— К сожалению, да, — со вздохом ответила я, — но лучше бы он нарушил какое-нибудь свое обещание и этим освободил бы меня от моих обязательств.

Я поужинала, затем мы вторично осмотрели дом, но, как и в первый раз, не встретили ни одной живой души; весь дом принадлежал нам, только нам одним.

Гертруда легла спать в моей комнате.

На другой день она вышла познакомиться с нашим новым местом жительства. Только тогда от нее я узнала, что мы живем в конце улицы Сент-Антуан, напротив Турнельского дворца, и что крепость, возвышающаяся справа от нас, — Бастилия.

Но в общем-то эти сведения не представляли для меня почти никакой ценности. Я сроду не бывала в Париже и совсем не знала этот город.

День прошел спокойно. Вечером, когда я собиралась сесть за стол и поужинать, во входную дверь постучали. Мы с Гертрудой переглянулись.

Стук раздался снова.

— Пойди посмотри, кто стучит, — сказала я.

— Ну, а если пришел граф? — спросила Гертруда, увидев, что я побледнела.

— Если пришел граф, — с усилием проговорила я, — открой ему, Гертруда: он неукоснительно выполняет свои

обещания; пусть же видит, что и я держу свое слово не хуже его.

Гертруда быстро вернулась.

— Это господин граф, сударыня,— сказала она.

— Пусть войдет,— ответила я.

Гертруда посторонилась, и на пороге появился граф.

— Ну что, сударыня,— спросил он меня,— в точности ли я соблюдал все пункты договора?

— Да, сударь,— ответила я,— и я вам за это весьма благодарна.

— В таком случае позвольте мне нанести вам визит,— добавил он с улыбкой, иронию которой не мог скрыть, несмотря на все усилия.

— Входите, сударь.

Граф вошел в комнату и остановился передо мной. Кивком головы я пригласила его садиться.

— У вас есть какие-нибудь новости, сударь? — спросила я.

— Новости? Откуда и о ком, сударыня?

— О моем отце и из Меридора прежде всего.

— Я не заезжал в Меридорский замок и не видел барона.

— Тогда из Боже и о герцоге Анжуйском.

— Вот это другое дело. Я был в Боже и разговаривал с герцогом.

— Ну и что он делает?

— Пытается усомниться.

— В чем?

— В вашей смерти.

— Но, надеюсь, вы его убедили?

— Я сделал для этого все, что было в моих силах.

— А где сейчас герцог?

— Вчера вечером вернулся в Париж.

— Почему так поспешно?

— Потому что никому не приятно задерживаться в тех местах, где, как ты думаешь, по твоей вине погибла женщина.

— Видели вы его после возвращения в Париж?

— Я только что от него.

— Он вам говорил обо мне?

— Я ему не дал для этого времени.

— О чем же вы с ним говорили?

— Он мне кое-что обещал, и я побуждал его выполнить свое обещание.

— Что же он обещал вам?

— В награду за услуги, оказанные ему мной, он обещался добыть для меня должность главного ловчего.

— Ах да,— сказала я с грустной улыбкой, так как вспомнила смерть бедняжки Дафны,— ведь вы заядлый охотник, я припоминаю, и у вас есть все права на это место.

— Я получу его вовсе не потому, что я охотник, сударыня, а потому, что я слуга принца; мне его дадут не потому, что у меня есть какие-то права, а потому, что герцог Анжуйский не посмеет оказаться неблагодарным по отношению ко мне.

Несмотря на уважительный тон графа, во всех его ответах звучала пугающая меня властная интонация, в них сквозила мрачная и непреклонная воля.

На минуту я замолчала, затем спросила:

— Позволено ли мне будет написать батюшке?

— Конечно, но не забывайте, что письма могут быть перехвачены.

— Ну а выходить на улицу мне тоже запрещено?

— Для вас нет никаких запретов, сударыня; я только хочу обратить ваше внимание на то, что за вами могут следить.

— Могу я слушать мессу, хотя бы по воскресеньям?

— Я думаю, для вашей же безопасности было бы лучше ее не слушать совсем, но если вам этого так уж хочется, то слушайте ее — заметьте, с моей стороны это простой совет и никак не приказание — слушайте ее в церкви святой Екатерины.

— А где эта церковь?

— Напротив вашего дома, только улицу перейти.

— Благодарю вас, сударь.

Снова наступило молчание.

— Когда я теперь увижу вас, сударь?

— Я жду только вашего дозволения, чтобы прийти опять.

— Вам это необходимо?

— Несомненно. Ведь я все еще незнакомец для вас.

— Разве у вас нет ключа от этого дома?

— Только ваш супруг имеет право на такой ключ.

Его странная покорность встревожила меня больше, чем мог бы встревожить резкий, не терпящий возражения тон.

— Сударь,— сказала я,— вы вернетесь сюда, когда вам будет угодно или когда вы узнаете какую-нибудь новость, которую сочтете нужным мне сообщить.

— Благодарствую, сударыня, я воспользуюсь вашим дозволением, но не буду им злоупотреблять и в подтверждение моих слов начну с того, что попрошу у вас дозволения откланяться.

С этими словами граф поднялся с кресла.

— Вы меня покидаете? — спросила я, все больше и больше удивляясь сдержанности, которой я от него никак не ожидала.

— Сударыня,— ответил граф,— я знаю, что вы меня не любите, и я не хочу злоупотреблять положением, в котором вы очутились и которое вынуждает вас принимать мои попечения. Я питаю надежду, что ежели буду смиренно пользоваться вашим обществом, вы мало-помалу привыкнете к моему присутствию. И когда придет время стать моей супругой, жертва покажется вам менее тягостной.

— Сударь,— сказала я, в свою очередь поднимаясь,— я вижу всю деликатность вашего поведения и ценю ее, несмотря на то что в каждом вашем слове чувствуется какая-то резкость. Вы правы, и я буду говорить с вами столь же откровенно, как вы говорили со мной. Я все еще отпущусь к вам с некоторым предубеждением, но падеюсь, что время все уладит.

— Позвольте мне, сударыня,— сказал граф,— разделить с вами эту надежду и жить ожиданием грядущего счастья.

Затем, отвесив мне нижайший поклон, такой поклон, коего я могла бы ожидать от самого почтительного из своих слуг, он знаком приказал Гертруде, присутствовавшей при этом разговоре, посветить ему и вышел.

Глава XV

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР.— СОГЛАСИЕ НА БРАК

— Клянусь своей душой, вот странный человек,— сказал Бюсси.

— О да, весьма странный, не правда ли, сударь? Даже когда он изъяснялся мне в любви, казалось, что он признается в ненависти. Вернувшись, Гертруда нашла

меня еще более встревоженной и опечаленной, чем обычно.

Верная служанка попыталась меня успокоить, но по всему было видно, что сама она тревожилась не менее моего. Ледяное почтение, ироническая покорность, подавленная страсть, которая прорывалась в каждом слове графа, пугали меня еще и потому, что за ними словно и не скрывалось определенно выраженного желания, которому я могла бы противостоять.

Следующий день был воскресеньем. С тех пор как я себя помню, я ни разу не упустила случая присутствовать на воскресном богослужении, и, когда зазвенел колокол церкви святой Екатерины, мне показалось, что он меня призывает. Народ со всех сторон шел в храм господень. Я закрылась густой вуалью и, сопровождаемая Гертрудой, смешалась с верующими, спешащими на зов колокола.

В церкви я разыскала самый темный уголок и преклонила колени возле стены. Гертруда встала, как часовой, между мной и другими молящимися. Но все эти предосторожности оказались излишними: никто на нас и не посмотрел, или я не заметила ничего взгляда.

Назавтра граф снова нанес мне визит и объявил, что его назначили главным ловчим. Должность главного ловчего была уже почти обещана одному из фаворитов короля, некоему господину де Сен-Люку, но влияние герцога Анжуйского все превозмогло. Это была победа, на которую и сам граф не смел надеяться.

— И в самом деле, — заметил Бюсси, — назначение графа главным ловчим нас всех удивило.

— Он пришел сообщить мне эту новость, — продолжала Диана, — рассчитывая, что его высокое положение ускорит мое согласие; однако не торопил меня, не настаивал, а терпеливо ждал, полагаясь на мое обещание и на ход событий.

А мне все чаще и чаще приходила в голову мысль, что если герцог Анжуйский полагает меня мертвой, значит, опасность миновала и моя зависимость от графа скоро кончится.

Прошло еще семь дней, не принеся ничего нового, за исключением двух визитов графа. Во время этих посещений он, как и прежде, был исполнен сдержанности и почтения. Но я уже говорила, какими странными, и бы

сказала — почти угрожающими, казались мне и его сдержанность, и его почтение.

На следующее воскресенье я, как и прошлый раз, отправилась в церковь и заняла то же самое место, на котором молилась семь дней назад. Ощущение безопасности делает человека неосторожным, и, погрузившись в молитвы, я не заметила, как вуаль сдвинулась с моего лица... Впрочем, в доме божьем я обращалась мыслями только к богу... Я горячо молилась за отца и вдруг почувствовала, что Гертруда прикоснулась к моей руке. Однако только после второго ее прикосновения я вышла из состояния молчаливого восторга, подняла голову, невольно оглянулась вокруг и с ужасом заметила герцога Анжуйского; прислонясь к колонне, он пожирал меня глазами.

Рядом с герцогом стоял какой-то молодой человек, державшийся скорее как наперсник, чем как слуга.

— Это Орилья,— сказал Бюсси,— его лютяист.

— Да, да,— ответила Диана,— мне кажется, что именно это имя потом называла мне Гертруда.

— Продолжайте, сударыня,— потребовал Бюсси,— сделайте милость, продолжайте. Я начинаю все понимать.

— Я поспешию закрыть лицо вуалью, но было уже поздно: герцог меня видел, и если даже и не узнал, то, во всяком случае, мое сходство с женщиной, которую он любил и считал погибшей, должно было глубоко его поразить. Испытывая неловкость под его упорным взглядом, я подпалась с колен и направилась к выходу из церкви, но герцог уже ждал меня у дверей. Он обмакнул пальцы в чашу со святой водой и хотел коснуться ими моей руки.

Я сделала вид, что не замечаю его, и прошла мимо, не приняв услуги.

Даже не оборачиваясь, я чувствовала, что за мной идут. Если бы я знала Париж, я попыталась бы обмануть герцога и скрыть от него, где я живу, но я нигде не ходила, кроме как из своего дома в церковь, я не знала никого, кто бы мог приютить меня на четверть часа, у меня не было ни одной подружки, никого, кроме моего защитника, а его я боялась больше, чем врага...

— О, боже мой,— прошептал Бюсси,— почему небо, providence или случай не привели меня раньше на вашу дорогу?

Диана бросила на молодого человека благодарный взгляд.

— Простите, ради бога,— спохватился Бюссп,— я вечно вас прерываю и в то же время стораю от любопытства. Продолжайте, умоляю вас.

— В тот же вечер явился господин де Монсоро. Я не знала, стоит ли рассказывать ему о том, что случилось со мной, но он сам вывел меня из нерешительности.

— Вы спрашивали меня,— сказал он,— не воспрещается ли вам ходить к мессе. И я вам ответил, что вы здесь полная хозяйка и вольны во всех своих действиях и поступках, но лучше бы было для вас не выходить из дому. Вы не поверили мне, нынче утром вы вышли послушать мессу в церкви святой Екатерины; случайно или скорее по воле рока, принц был там и вас видел.

— Это правда, сударь, но я колебалась, рассказывать ли вам об этой встрече, так как не знала, понял ли принц, что он видит Диану де Меридор, или его просто поразила моя внешность.

— Ваша внешность его поразила, ваше сходство с женщиной, которую он оплакивает, показалось ему необычайным; он последовал за вами и попытался разузнать, кто вы такая, но ничего не узнал, так как о вас никому ничего неизвестно.

— Господи боже мой! — воскликнула я.

— Герцог — человек недобрый и упрямый,— сказал господин де Монсоро.

— О, надеюсь, он меня забудет!

— Я в это не верю. Тот, кто однажды вас увидел, никогда уже не забудет. Я сам делал все возможное, чтобы забыть вас, но так и не смог.

И в этот миг я впервые заметила, как в глазах господина де Монсоро сверкнула молния страсти.

Это пламя, неожиданно заметнувшееся над очагом, который казался потухшим, напугало меня больше, чем давешняя встреча с принцем.

Я замерла в молчании.

— Что вы собираетесь делать? — спросил граф.

— Сударь, нет ли возможности сменить дом, квартал, улицу, переехать в другой конец Парижа, или, еще лучше, вернуться в Анжу?

— Все это ни к чему,— сказал господин де Монсоро, качая головой. — Герцог Анжуйский — опытная ищайка; он напал на след и отныне, куда бы вы ни бежали, все равно он будет идти по следу, пока вас не настигнет.

— О, господи боже, вы меня пугаете!

— Я не хочу вас пугать, я просто говорю вам все как есть, и ничего больше.

— Тогда пришел мой черед задать вам тот же вопрос, который вы только что задали мне. Что вы собираетесь сделать, сударь?

— Увы! — воскликнул граф де Монсоро, и горькая прония прозвучала в его голосе. — Я человек со слабым воображением. Я нашел было один выход, но вы его отвергли, и я от него отказался. Не заставляйте меня искать других путей!

— Но, бог мой! — продолжала я. — Быть может, опасность не так уж близка, как вы думаете?

— Время покажет, сударыня, — ответил граф, поднимаясь. — Во всяком случае, я хочу повторить: госпожа де Монсоро тем менее может опасаться преследований принца еще и потому, что на моей новой должности я подчиняюсь непосредственно королю, и, естественно, мы, я и моя супруга, всегда можем искать защиты у его величества.

Я ответила на эти слова вздохом. Все, что говорил граф, было вполне разумно и походило на правду.

Господин де Монсоро задержался на минуту, словно хотел предоставить мне полную возможность ему ответить, но у меня не было сил что-нибудь сказать. Он ждал стоя, готовый уйти. Наконец горькая улыбка скользнула по его губам. Он поклонился и вышел. Мне послышалось, что на лестнице он сквозь зубы процедил проклятие.

Я кликнула Гертруду.

Гертруда сразу же появилась. Обычно, когда приходил граф, она находилась поблизости: в туалетной комнате или в спальне.

Я встала у окна, укрывшись за занавеской. Таким образом, я могла видеть все, что делается на улице, сама оставаясь невидимой.

Граф вышел из наших дверей и удалился.

Приблизительно около часа мы внимательно наблюдали за улицей, но улица была пуста.

Ночь прошла спокойно.

На другой день с Гертрудой на улице заговорил молодой человек, в котором она узнала вчерашнего спутника принца; Гертруда не откликнулась на его приставания и на все его вопросы отвечала молчаньем.

В конце концов молодому человеку наскучило, и он ретировался.

Когда я узнала об этой встрече, меня охватил глубокий ужас; несомненно, принц начал розыски и будет продолжать их дальше. Я испугалась, что господин де Монсоро вынче вечером не придет к нам, а именно этой ночью я могу подвергнуться нападению. Я послала за ним Гертруду, и он тотчас же явился.

Я рассказала ему все и со слов Гертруды описала внешность незнакомца.

— Это Орильи,— сказал граф,— а что ему ответила Гертруда?

— Гертруда ничего не отвечала.

Господин де Монсоро призадумался.

— Она плохо сделала.

— Почему?

— Да потому, что нам нужно выиграть время.

— Время?

— Сегодня я все еще завишу от герцога Анжуйского; но пройдет две недели, десять, может быть, восемь дней— и герцог Анжуйский будет зависеть от меня. Сейчас нужно его обмануть и заставить ждать.

— Боже мой!

— Именно так. Надежда придаст ему терпения. Решительный отказ может толкнуть на отчаянный поступок.

— Сударь, напишите моему отцу! — воскликнула я. — Батюшка тотчас же прискачет в Париж и бросится к ногам короля. Король пожалеет старика.

— Это в зависимости от расположения духа, в котором окажется король, и от того, что будет в тот день в его интересах: иметь герцога своим другом или своим недругом. Кроме того, гонец раньше чем через шесть суток не доскачет до вашего отца, и барону потребуются еще шесть суток, чтобы доскакать до Парижа. За двенадцать суток герцог Анжуйский, если мы его не остановим, сделает все, что он может сделать.

— А как его остановить?

Господин де Монсоро промолчал. Я угадала его мысль и опустила глаза.

— Сударь,— сказала я после непродолжительного молчания. — Прикажите Гертруде, она выполнит все ваши распоряжения.

Неуловимая улыбка тенью прошла по губам господина де Монсоро, ведь я впервые обращалась к нему за покровительством.

Несколько минут он говорил с Гертрудой.

— Сударыня, — сказал он мне, — меня могут увидеть выходящим из вашего дома; до темноты остается всего лишь два или три часа; не позволите ли вы мне провести эти два-три часа в вашем обществе?

Господин де Монсоро ограничился просьбой, хотя имел право требовать; знаком я пригласила его садиться.

И тогда я поняла, как прекрасно граф владел собою; в один миг он преодолел натянутость, порожденную неловким положением, в котором мы очутились, и выказал себя любезным и внимательным собеседником. Резкость тона, о которой я уже говорила, придававшая его словам мрачную властность, исчезла. Граф много путешествовал, много видел, много думал, и за два часа беседы с ним я поняла, каким образом этот необычный человек смог приобрести столь большое влияние на моего отца.

Бюсси вздохнул.

— Когда стемнело, граф не стал ничего домогаться от меня и с таким видом, словно он вполне удовлетворен достигнутым, поднялся, отвесил поклон и вышел.

После его ухода мы, то есть я и Гертруда, снова встали у окна. На этот раз мы ясно видели двоих людей, которые рассматривали наш дом. Несколько раз они подходили к двери. Нас они не могли увидеть: все огни в доме были погашены.

Около одиннадцати часов подозрительные пришельцы удалились.

Назавтра Гертруда, выйдя на улицу, снова на том же углу повстречала того же молодого человека. Он опять, как и накануне, начал приставать к ней с вопросами. Но на сей раз Гертруда оказалась менее неприступной и перебросилась с ним несколькими словами.

На следующий день Гертруда была еще более общительной, она рассказала, что я вдова советника и, оставшись после смерти мужа без состояния, веду очень уединенный образ жизни; Орильи пытался разузнать больше, но ему пришлось пока удовлетвориться этими сведениями.

Еще через день Орильи, по-видимому, возымел как-то подозрения относительно достоверности сведений, полученных им накануне. Он завел речь о графстве Анжу, о замке Боже и произнес слово «Меридор».

Гертруда ответила, что все эти названия ей совершенно неизвестны.

Тогда Орильи признался, что он человек герцога Анжуйского и что герцог меня видел и влюбился в меня.

Сделав это признание, он начал сулить золотые горы и мне и Гертруде: Гертруде — если она впустил принца в дом, мне — если я соглашусь его принять.

Каждый вечер господин Мопсоро навещал нас, и каждый вечер я рассказывала ему все наши новости. Он оставался в нашем доме с восьми часов вечера до полуночи, и по всему было видно, что он сильно встревожен.

В субботу вечером он пришел более бледный и возбужденный, чем обычно.

— Слушайте, — сказал он, — пообещайте свидеться с герцогом во вторник или в среду.

— Обещать свидание, а почему? — воскликнула я.

— Потому что герцог Анжуйский готов на все, сейчас он в прекрасных отношениях с королем, и, следовательно, помощи от короля ждать нечего.

— Но разве до среды положение может измениться в нашу пользу?

— Возможно. Я со дня на день жду одного события, которое должно поставить принца в зависимость от меня; я подталкиваю, я тороплю это событие, и не только молитвами, но и делами. Завтра мне придется вас покинуть, я еду в Монтеро.

— Так надо? — спросила я со страхом, к которому примешивалось чувство некоторого облегчения.

— Да, у меня там встреча, совершенно необходимая для того, чтобы ускорить то событие, о котором я вам говорил.

— А если мы окажемся в трудном положении, что тогда делать? Боже мой!

— Что могу я против принца, сударыня? Ведь у меня нет никаких прав защищать вас. Придется уступить злой судьбе.

— Ах, батюшка, мой батюшка! — воскликнула я.

Граф пристально посмотрел на меня.

— О судары!

— Вы можете меня в чем-нибудь упрекнуть?

— Нет, нет, напротив!

— Разве я не был предан вам, как друг, и почтитель, как брат?

— Вы вели себя образцово во всех отношениях.

— Помните, что вы мне обещали?

— Да.

— Разве я хоть раз напоминал вам об этом?

— Нет,

— И однако, когда обстоятельства сложились так, что вам приходится выбирать между почетным положением супруги и позорной участью куртизанки, вы предпочитаете стать любовницей герцога Анжуйского, а не женой графа де Монсоро.

— Я этого не сказала, сударь.

— Но тогда решайте же.

— Я решила.

— Стать графиней де Монсоро?

— Лишь бы не быть любовницей герцога Анжуйского.

— Лишь бы не быть любовницей герцога Анжуйского.

Нечего сказать, лестный для меня выбор.

Я промолчала.

— Впрочем, не важно, — сказал граф. — Вы меня поняли? Пусть Гертруда дотянет до среды, а в среду мы посмотрим.

На другой день Гертруда вышла, как обычно, но не встретила Орильи. Когда она вернулась, мы обе встревожились: отсутствие этого человека обеспокоило нас больше, чем если бы он появился. Гертруда снова вышла из дому только для того, чтобы с ним встретиться, но его не было. Выходила она и в третий раз, но так же безрезультатно.

Я послала Гертруду к графу де Монсоро; граф уехал, и никто не знал куда.

Оставшись в полном одиночестве, мы почувствовали всю свою слабость. Впервые я поняла, как несправедливо относилась к графу.

— О! Сударыня, — вскричал Бюсси, — не торопитесь менять свое мнение об этом человеке: в его поступках есть нечто такое, чего мы не знаем, но до чего мы еще докопаемся.

— Наступил вечер и принес нам новые страхи. Я была готова на все, лишь бы не попасть живой в руки герцога Анжуйского. Я обзавелась вот этим кинжалом и решила заколоть себя на глазах у принца в тот миг, когда он или его приспешники посмеют поднять на меня руку. Мы забаррикадировались в наших комнатах, ибо по какому-то немислимому упущению у входной двери не было внутреннего засова. Затем мы погасили лампу и заняли наш наблюдательный пост у окна.

До одиннадцати часов вечера все было спокойно. В одиннадцать из улицы Сент-Антуан вышли пять человек, они остановились, по-видимому, о чем-то по-

совещались, а потом спрятались за угол Турнельского дворца.

Мы начали дрожать от страха. По всей вероятности, эти люди пришли за нами.

Однако они не двигались. Так прошло около четверти часа.

Через четверть часа мы увидели, как на углу улицы Сен-Поль появилось еще два человека. В свете луны, скользившей между облаками, Гертруда узнала в одном из них Орилья.

— Увы, барышня! Это они! — прошептала бедная девушка.

— Да, — ответила я, дрожа всем телом, — а те пятеро пришли, чтобы поддержать их в случае необходимости.

— Но им придется взломать дверь, — сказала Гертруда, — и тогда соседи сбегутся на шум.

— Почему ты думаешь, что соседи сбегутся? Они нас не знают, зачем же им ввязываться в какое-то темное дело и нас защищать? Увы, Гертруда, приходится признать, что у нас нет иного защитника, кроме графа.

— Ну, а коли так, то почему вы упрямитесь и не соглашаетесь стать графиней?

Я вздохнула.

Глава XVI

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР. — СВАДЬБА

Пока мы разговаривали, два человека, появившиеся на углу улицы Сен-Поль, украдкой пробрались вдоль домов и остановились под нашими окнами.

Мы слегка приоткрыли окно.

— Ты уверен, что это здесь? — спросил один голос.

— Да, монсеньер, совершенно уверен. Это пятый дом, считая от угла улицы Сен-Поль.

— И ты думаешь, ключ подойдет?

— Я снял слепок с замочной скважины.

Я схватила руку Гертруды и крепко ее стиснула.

— А после того, как мы войдем?

— А после того, как мы войдем, я все беру на себя. Служанка нам откроет. У вашего высочества в кармане золотой ключ, который не уступает этому железному.

— Тогда открывай,

Мы услышали, как ключ со скрежетом повернулся в замке. Но вдруг люди, прятавшиеся в углу дворца, отделялись от стены и бросились на принца и Орильи с криками: «Смерть ему! Смерть ему!»

Я ничего не могла понять. Ясно было только одно — к нам нежданно-негаданно подоспела помощь. Я упала на колени и возблагодарила небо.

Но стоило принцу открыть лицо, назвать свое имя, и крики тотчас же смолкли, шпаги вернулись в ножны, и пятеро нападающих дружно отступили.

— Да, да, — сказал Бюсси, — это не принца они подкарауливали, а меня.

— Как бы то ни было, — продолжала Диана, — это нападение заставило принца удалиться. Мы видели, как он ушел по улице Жуи, а пятеро дворян снова вернулись в свою засаду.

Было ясно, что по крайней мере на эту ночь опасность миновала, ибо люди в засаде на меня не покушались. Но мы с Гертрудой были слишком взволнованы и перепуганы, чтобы уснуть. Мы остались стоять у окна в ожидании какого-то неведомого события, которое, как мы обе смутно предчувствовали, к нам приближалось.

Ждать пришлось недолго. На улице Сент-Антуан показался всадник, он ехал, держась середины улицы. Без сомнения, он и был тем человеком, которого подстерегали пятеро дворян, спрятавшиеся в засаде, ибо, как только они его заметили, они закричали: «За шпаги! За шпаги!» — и бросились на него.

— Все, что касается этого всадника, вы знаете лучше меня, — сказала Диана, — так как им были вы.

— Отнюдь нет, сударыня, — ответил Бюсси, который по тону молодой женщины надеялся выведать тайну ее сердца, — отнюдь нет, я помню только стычку, потому что сразу же после нее потерял сознание.

— Иллишне было бы вам говорить, — продолжала Диана, слегка покраснев, — на чьей стороне были наши симпатии в этом сражении, в котором вы так доблестно бились, несмотря на неравенство сил. При каждом ударе шпаги мы то вдрагивали от испуга, то вскрикивали от радости, то шептали молитву. Мы видели, как у вашей лошади подкосились ноги и как она свалилась. Казалось, с вами все кончено; но нет, отважный Бюсси вполне заслужил свою славу. Вы успели соскочить с коня и тут же бросились на врагов. Наконец, когда вас окружили

со всех сторон, когда отовсюду вам грозила неминуемая гибель, вы отступили, как лев, лицом к противникам, и мы видели, что вы прислонились к нашей двери. Тут нам с Гертрудой пришла одна и та же мысль — впустить вас в дом. Гертруда взглянула на меня. «Да», — сказала я, и мы бросились к лестнице. Но, как я вам уже говорила, мы забаррикадировались изнутри, и нам потребовалось несколько секунд, чтобы отодвинуть мебель, загораживавшую дверь в коридор; когда мы выбежали на лестничную площадку, снизу до нас донесся стук захлопнувшейся двери.

Мы замерли в неподвижности. Кто этот человек, который только что вошел к нам, и как он сумел войти? Я оперлась на плечо Гертруды, и мы молча стояли и ждали, что будет дальше.

Вскоре в прихожей послышались шаги, они приближались к лестнице, наконец внизу показался человек; шатаясь, он добрал до лестницы, вытянул руки вперед и с глухим стоном упал на нижние ступеньки.

Мы догадались, что его не преследуют, так как ему удалось закрыть дверь, которую, на его счастье, оставил незапертой герцог Анжуйский, и, таким образом, преградить путь своим противникам, но мы подумали, что он свалился на лестницу тяжело, а может быть, даже и смертельно раненный.

Во всяком случае, нам нечего было опасаться, напротив того, у наших ног лежал человек, нуждающийся в помощи. — Свету, — сказала я Гертруде.

Она убежала и вернулась со светильником.

Мы не обманулись: вы были в глубоком обмороке. Мы распознали в вас того отважного дворянина, который столь доблестно оборонялся, и, не колеблясь, решили оказать вам помощь.

Мы перенесли вас в мою спальню и уложили в постель.

Вы все еще не приходили в сознание; по всей видимости, нужно было немедленно показать вас хирургу. Гертруда вспомнила, что ей рассказывали о каком-то молодом лекаре с улицы... с улицы Ботрейи, который несколько дней назад чудесным образом исцелил тяжело больного. Она знала, где он живет, и вызвалась сходить за ним.

— Однако, — сказала я, — ведь молодой лекарь может нас выдать.

— Будьте покойны, — ответила Гертруда, — об этом я позабочусь.

— Гертруда — девушка одновременно и смелая и осторожная, — продолжала Диана. — Я положилась на нее. Она взяла деньги, ключ и мой кинжал, а я осталась одна возле вас... и молилась за вас.

— Увы, — сказал Бюсси, — я и не подозревал, сударыня, что мне выпало такое счастье.

— Четверть часа спустя Гертруда вернулась. Она привела к нам молодого лекаря, который согласился на все условия и проделал путь к нашему дому с завязанными глазами.

Я удалилась в гостиную, а его ввели в мою комнату. Там ему позволили снять с глаз повязку.

— Да, — сказал Бюсси, — именно в эту минуту я пришел в себя и мои глаза остановились на вашем портрете, а потом мне показалось, что и сами вы вошли.

— Так и было, я вошла: тревога за вас возобладала над осторожностью. Я задала молодому хирургу несколько вопросов, он осмотрел рану, сказал, что отвечает за вашу жизнь, и у меня словно камень с души свалился.

— Все это сохранилось в моем сознании, — сказал Бюсси, — но лишь в виде воспоминания о каком-то сне, который я почему-то не позабыл, и, однако, вот здесь, — добавил он, положив руку на сердце, — что-то говорило мне: «Это был не сон».

— Доктор перевязал вашу рану, а потом достал флакон с жидкостью красного цвета и капнул несколько капель вам в рот. По его словам, этот эликсир должен был усыпить вас и прогнать лихорадку.

Действительно, через несколько секунд после того, как он дал вам лекарство, вы снова закрыли глаза и, казалось, опять впали в тот глубокий обморок, от которого очнулись несколько минут тому назад.

Я испугалась, но доктор заверил меня, что все идет как нельзя лучше. Сон восстановит ваши силы, нужно лишь не будить вас.

Гертруда снова завязала лекаря глаза платком и отвела его на улицу Ботрейи. Вернувшись, она рассказала, что он, как ей показалось, считал шаги.

— Ей не показалось, сударыня, — подтвердил Бюсси, — он и на самом деле их сосчитал.

— Это предположение нас напугало. Молодой человек мог нас выдать. Мы решили уничтожить всякий след

гостеприимства, которое мы вам оказали, но прежде всего надо было унести вас.

Я собрала все свое мужество. Было два часа утра, в это время улицы обычно пустыньны. Гертруда попробовала вас поднять, с моей помощью ей это удалось, и мы отнесли вас ко рву у Тампля и положили на откос. Затем пошли обратно, до смерти перепуганные своей собственной смелостью: подумать только, мы — две слабые женщины — решились выйти из дому в такой час, когда и мужчины не выходят без сопровождения.

Бог нас хранил. Мы никого не встретили и благополучно вернулись, никому не попавшись на глаза.

Войдя в комнаты, я не вынесла тяжести всех тревоженных и упала в обморок.

— Сударыня, ах, сударыня! — воскликнул Бюсси, молитвенно соединив руки. — Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня?

Наступило короткое молчание, во время которого Бюсси пожевал глазами Диану. Молодая женщина сидела, опершись локтем на стол и уронив голову на руку.

Тишину нарушил бой часов на колокольне церкви святой Екатерины.

— Два часа! — вздрогнула Диана. — Два часа, а вы еще здесь.

— О сударыня, — взмолился Бюсси, — не отсылайте меня, пока вы не расскажете все до конца. Не гоните меня, не подсказав, чем я могу быть вам полезен. Вообразите, что господь бог ниспослал вам брата, и скажите этому брату, что он может сделать для своей сестры.

— Увы! Уже ничего, — сказала молодая женщина. — Слишком поздно.

— Что случилось на другой день? — спросил Бюсси. — Что вы делали в тот день, когда я думал только о вас, не будучи еще уверен, не мечта ли вы, порожденная бредом, не видение ли, порожденное лихорадкой?

— В тот день, — продолжала Диана, — Гертруда снова встретила Орильи. Посланец герцога вел себя настойчивее, чем когда-либо; он не обмолвился ни словом о том, что произошло накануне, но от имени своего господина потребовал свидания.

Гертруда притворно согласилась ему помочь, но просила обждать до среды, то есть до сегодняшнего дня, сказав, что за это время сумеет меня уговорить.

Орильи пообещал, что герцог потерпит до среды.

Таким образом, в нашем распоряжении были еще три дня.

Вечером вернулся господин де Монсоро.

Мы рассказали ему все, умолчав только о вас. Мы сказали, что накануне герцог открыл нашу дверь поддельным ключом, но в ту самую минуту, когда он собирался войти, на него напали пятеро дворян, среди которых были господа д'Эпернон и де Келюс. До меня донесли эти имена, и я повторила их графу.

— Да, да, — сказал граф, — разговоры об этом я уже слышал. Значит, у него есть поддельный ключ. Я так и думал.

— Может быть, сменить замок? — спросила я.

— Он прикажет изготовить другой ключ, — ответил граф.

— Приделает к дверям засовы?

— Он приведет с собой десять человек челяди и сломает и дверь и засовы.

— Ну, а то событие, которое, как вы говорили, должно было дать вам неограниченную власть над герцогом?

— Оно задерживается, и, может быть, на неопределенное время.

Я замолчала, холодные капли пота выступили у меня на лбу, я больше не могла уже скрывать от себя, что мне не остается иной возможности ускользнуть от герцога Авжуйского, как стать супругой господина де Монсоро.

— Сударь, — сказала я, — герцог через посредство своего наперсника обязался ничего не предпринимать до вечера среды; а я, я прошу вас подождать до вторника.

— Во вторник вечером, в этом же часу, сударыня, — ответил граф, — я буду у вас.

И, не прибавив ни слова, он поднялся и вышел.

Я следила за ним из окна; но он не ушел, а в свой черед спрятался в темном углу Турнельского дворца и, по-видимому, собирался охранять меня всю ночь. Каждое доказательство преданности со стороны этого человека поражало меня в самое сердце, как удар кинжала.

Два дня пронеслись, словно один миг, никто не потревожил нашего уединения. Сейчас я не в силах описать все, что выстрадала за эти два дня, с тоской следя за стремительным полетом часов.

Наступила ночь второго дня, я была в подавленном состоянии, казалось, все чувства меня покидают. Я сидела,

холодная, немая, по виду бесстрастная, как статуя, только сердце мое еще билось, все остальное мое существо словно уже умерло.

Гертруда не отходила от окна. Я сидела на этом же самом кресле, не двигаясь, и лишь время от времени вытирала платком пот со лба. Вдруг Гертруда протянула ко мне руку, но этот предостерегающий жест, который раньше заставил бы меня вскочить с места, не произвел никакого впечатления.

— Сударыня! — позвала Гертруда.

— Что еще? — спросила я.

— Четыре человека... я вижу четырех мужчин... Они идут к нашему дому... открывают дверь... входят.

— Пусть входят, — сказала я, не шелохнувшись.

— Но ведь это наверняка герцог Авжуйский, Ориль и люди из свиты герцога.

Вместо ответа я вытащила свой кинжал и положила его на стол перед собой.

— О, дайте я хоть взгляну, кто это! — крикнула Гертруда и бросилась к двери.

— Взгляни, — ответила я.

Гертруда тут же вернулась.

— Барышня, — сказала она, — господин граф.

Не произнеся ни слова, я спрятала кинжал за корсаж. Когда граф вошел, я лишь повернула к нему голову.

Вне всяких сомнений, моя бледность напугала его.

— Что сказала мне Гертруда?! — воскликнул он. — Вы приняли меня за герцога и, если бы я действительно оказался герцогом, убили бы себя?

Впервые я видела его в таком волнении. Но кто скажет, было ли оно подлинным или притворным?

— Гертруда напрасно напугала вас, сударь, — ответила я, — раз это не герцог, то все хорошо.

Мы замолчали.

— Вы знаете, что я пришел сюда не один, — сказал граф.

— Гертруда видела четырех человек.

— Вы догадываетесь, кто они, эти люди?

— Предполагаю, один из них священник, а двое остальных наши свидетели.

— Стало быть, вы готовы стать моей женой?

— Но ведь мы договорились об этом? Однако я хочу напомнить условия нашего договора; мы условились, что, если не возникнет каких-то неотложных причин, признан-

ных мною, я сочетаюсь с вами браком только в присутствии моего отца.

— Я прекрасно помню это условие, но разве эти неотложные причины не возникли?

— Пожалуй, да.

— Ну и?

— Ну и я согласна сочетаться с вами браком, сударь. Но запомните одно: по-настоящему я стану вашей женой только после того, как увижу отца.

Граф нахмурился и закусил губу.

— Сударыня, — сказал он, — я не намерен принуждать вас. Если вы считаете себя связанной словом, я возвращаю вам ваше слово; вы свободны, только...

Он подошел к окну и выглянул на улицу.

— ...только посмотрите сюда.

Я подвинулась, охваченная той неодолимой силой, которая влечет нас собственными глазами удостовериться в своей беде, и внизу под окном я увидела закутанного в плащ человека, который, казалось, пытался провизнуть в наш дом.

— Боже мой! — воскликнул Бюсси. — Вы говорите, что это было вчера?

— Да, граф, вчера, около девяти часов вечера.

— Продолжайте, — сказал Бюсси.

— Спусти некоторое время к незнакомцу подошел другой человек, с фонарем в руке.

— Как по-вашему, кто эти люди? — спросил меня господин де Монсоро.

— По-моему, это принц и его лагутчик, — ответила я. Бюсси застонал.

— Ну, а теперь, — продолжал граф, — приказывайте, как я должен поступить — уходить мне или оставаться?

Я все еще колебалась; да, несмотря на письмо отца, несмотря на свое клятвенное обещание, несмотря на опасность, непосредственную, осязаемую, грозную опасность, да, я все еще колебалась! И не будь там, под окном, этих двух людей...

— О, я злосчастный! — воскликнул Бюсси. — Ведь это я, я был человеком в плаще, а другой, с фонарем, — Реми ле Одуэн, тот молодой лекарь, за которым вы послали.

— Так это были вы! — вскричала, словно громом пораженная, Диана.

— Да, я! Я все больше убеждался в том, что мои грезы были действительностью, и отправился на поиски того дома, где меня приютили, комнаты, в которую меня принесли, женщины или, скорее, ангела, который явился мне. О, как я был прав, назвав себя злосчастливым!

И Бюсси замолчал, словно раздавленный тяжестью роковой судьбы, использовавшей его как орудие для того, чтобы принудить Диану отдать свою руку графу.

— Итак, — спросил он, собрав все свои силы, — вы его жена?

— Со вчерашнего дня, — ответила Диана.

И снова наступила тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием обоих собеседников.

— Ну а вы? — вдруг спросила Диана. — Как вы проникли в этот дом, как вы оказались здесь?

Бюсси молча показал ей ключ.

— Ключ! — воскликнула Диана. — Откуда у вас этот ключ, кто вам его дал?

— Разве Гертруда не пообещала принцу ввести его к вам нынче вечером? Принц видел, хотя и не узнал, господина де Монсоро и меня, так же как господин де Мопсоро и я видели его; он побоялся попасть в какую-нибудь ловушку и послал меня вперед, на разведку.

— А вы согласились? — с упреком сказала Диана.

— Для меня это была единственная возможность увидеть вас. Неужели вы будете столь жестоки и рассердитесь на меня за то, что я отправился на поиски женщины, которая стала величайшей радостью и самым большим горем моей жизни.

— Да, я сержусь на вас, — сказала Диана, — потому что нам было бы лучше не встречаться снова. Не увидите меня еще раз, вы бы меня забыли.

— Нет, сударыня, — сказал Бюсси, — вы ошибаетесь. Напротив, сам бог привел меня к вам и повелел проникнуть до самой глубины в подлый заговор, жертвой которого вы стали. Послушайте меня: как только я вас увижу, я дал обет посвятить вам всю свою жизнь. Отныне я приступаю к выполнению этого обета. Вы хотели бы знать, что с вашим отцом?

— О да! — воскликнула Диана. — Ведь поистине мне неизвестно, что с ним случилось.

— Ну что ж, я берусь узнать это. Только сохраните добрую память о том, кто, начиная с сегодняшнего дня, будет жить вами и для вас.

— Ну а ключ? — с беспокойством спросила Диана.

— Ключ? Отдаю его вам, так как я хотел бы получить его только из ваших собственных рук. Скажу одно: даю вам слово, что ни одна сестра не доверила бы ключ от своих покоев более преданному и более почтительному брату.

— Я верю слову отважного Бюсси, — сказала Диана. — Возьмите, сударь.

И она вернула ключ молодому человеку.

— Сударыня, — сказал Бюсси, — пройдет две недели, и мы узнаем, кто такой на самом деле господин де Монсоро.

И, простившись с Дианой с почтительностью, к которой примешивались одновременно и пылкая любовь, и глубокая печаль, Бюсси спустился по ступенькам лестницы.

Диана, склонив голову в сторону двери, прислушивалась к его удаляющимся шагам. Шум шагов давно уже затих, а она все слушала, слушала с трепещущим сердцем и со слезами на глазах.

Глава XVII

О ТОМ, КАК ЕХАЛ НА ОХОТУ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III И КАКОЕ ВРЕМЯ ТРЕБОВАЛОСЬ ЕМУ НА ДОРОГУ ИЗ ПАРИЖА В ФОНТЕНБЛО

Три или четыре часа спустя после только что описанных нами событий бледное солнце чуть посеребрило края красноватой тучи, и занимающийся день стал свидетелем выезда короля Генриха III в Фонтенбло, где, как мы уже говорили, на следующее утро намечалась большая охота.

Выезд на охоту у всякого другого короля прошел бы незамеченным, но у того оригинала, историю царствования которого мы решились бегло очертить, он вызвал столько шума, суеты и беготни, что превратился в настоящее событие, как это случилось со всеми затеями Генриха. Судите сами: около восьми часов утра из больших ворот Лувра, между Монетным двором и улицей Астрюс, выехала кавалькада придворных на добрых конях и в плащах, подбитых мехом; за ними последовало великое множество пажей, затем толпа лакеев и, наконец, рота швейцарцев, которая непосредственно предшествовала королевской карете.

Сие сложное сооружение, влекомое восьмеркой мулов в богатой сбруе, заслуживает отдельного описания.

Оно представляло собой прямоугольный длинный кузов, поставленный на четыре колеса, внутри сплошь выложенный подушками, снаружи задрапированный парчовыми занавесками. В длину карета имела примерно пятнадцать футов, а в ширину — восемь. На труднопроходимых участках дороги или на крутых подъемах восьмерку мулов заменяли волами в любом потребном количестве. Эти медлительные, но сильные и упрямые животные хотя и не прибавляли скорости, зато вселяли уверенность в том, что место назначения будет достигнуто, правда, с опозданием, и с опозданием не на какой-нибудь час, а уж не менее чем на два или три часа.

Карета вмещала короля Генриха III и весь его походный двор, за исключением королевы Луизы де Водмон; по правде говоря, королева так мало принадлежала ко двору своего супруга, что о ней можно было бы вообще не упоминать, если бы не паломничества и религиозные процессии, в которых она принимала самое деятельное участие.

Оставим же бедняжку в покое и расскажем, из кого состоял походный двор короля Генриха III.

Прежде всего, в него входил сам король, затем королевский лекарь Марк Мирон, королевский капеллан, имя которого до нас, к сожалению, не дошло, затем наш старый знакомец, королевский шут Шико, пять или шесть мишонов, бывших в фаворе, — в описываемое нами время этих счастливцев звали Келюс, Шомберг, д'Эпернон, д'О и Можирон, — затем две огромные борзые, чьи удлиненные, змеиные головы, нередко с раскрытой в отчаянном зевке пастью, то и дело высывались из этой толпы людей, лежавших, сидящих, стоящих на ногах или на коленях, наконец, неотъемлемой принадлежностью походного двора были крохотные английские щенки в корзинке, которую король либо держал на коленях, либо подвешивал на цепочке или на лентах к себе на грудь.

Из особо оборудованной ниши время от времени извлекали их кормилицу, суку с набухшими молоком сосцами, и вся щенячья команда тут же пристраивалась к ее животу. Борзые, прижимаясь своими острыми носами к побрикувавшему по левую сторону от короля четкам в яде черепов, снисходительно смотрели на обряд кормления и даже не давали себе труда ревновать, будучи

твердо уверены в особом благорасположении к ним короля.

Под потолком королевской кареты покачивалась клетка из золоченой медной проволоки, в клетке сидели самые красивые во всем мире голуби: белоснежные птицы с двойным черным воротничком. Если, по воле случая, в карете появлялась дама, к этому зверинцу добавлялись две или три обезьянки из породы уистити или сапажу — обезьяны были в особой чести у модниц при дворе последнего Валуа.

В глубине кареты, в позолоченной нише, стояла Шартрская богоматерь, высеченная из мрамора Жаном Гужоном по заказу короля Генриха II; взор богоматери, опущенный долгу, на голову ее богоданного сына, казалось, выражал удивление всем происходящим вокруг.

Вполне понятно, что все памфлеты того времени — а в них не было недостатка — и все сатирические стихи той эпохи — а их сочинялось великое множество — оказывали честь королевской карете и частенько упоминали ее, именуя обычно Ноевым ковчегом.

Король восседал в глубине экипажа, как раз под статушкой Шартрской богоматери. У его ног Келюс и Можирон плели коврики из лент, что в те времена считалось одним из самых серьезных занятий для молодых людей. Некоторым счастливым удавалось подобрать искусные сочетания цветов, неизвестные до тех пор и с тех пор оставшиеся неповторенными, и сплести коврики из двенадцати разноцветных ленточек. В одном углу Шомберг вышивал свой герб с новым девизом, который, как ему казалось, он только что изобрел, а на самом деле он на него просто где-то набрел. В другом углу королевский капеллан беседовал с лекарем. Невыспавшиеся д'О и д'Эпернон рассеянно глазели в окошечки и дружно зевали, не хуже борзых. И, наконец, в одной из дверей сидел Шико, спустив ноги наружу, чтобы быть готовым в любую минуту, когда ему взбретет в голову, соскочить с кареты или же забраться внутрь ее; он то распевал духовные гимны, то декламировал стихотворные сатиры, то составлял бывшие тогда в большом ходу анаграммы, находя в имени каждого куртизана — либо по-французски, либо по-латыни — намеки, донельзя обидные для того, чью личность он таким образом высмеивал.

Когда карета выехала на площадь Шатле, Шико зазвучал духовный гимн.

Капеллан, который, как мы уже говорили, беседовал с Мироном, повернулся к шуту и нахмурил брови.

— Шико, друг мой, — сказал король, — поберегись; кусай моих миньонов, разорви в клочья мое величество, говори все, что хочешь, о боге — господь добр, — но не ссорься с церковью.

— Спасибо за совет, сын мой, — отозвался Шико, — а я и не приметил, что там в углу наш достойный капеллан беседует с лекарем о последнем покойнике, которого медик послал святому отцу, дабы тот упокоил брешное тело в земле, и жалуется, что за день это был третий по счету и что его вечно отрывают от трапезы. Не надо гимнов, золотые твои слова, гимны уже устарели, лучше я спою тебе совсем новенькую песенку.

— А на какой мотив? — спросил король.

— Да все на тот же, — ответил Шико.

И загорланил во всю глотку:

Наш король должен сотню миллион...

— Я должен куда больше, — прервал его Генрих. — Сочинитель твоей песни плохо осведомлен.

Шико, не смущаясь поправкой, продолжал:

Генрих должен две сотни миллионов,
На миньонов потрагился он.
Нужно срочно придумать закон,
Чтоб в заклад не попала корона.
Новых пошлин набавить пяток,
А быть может, и новый налог.
Эта дружная гарний семья
Когти в нас запустила глубоко;
Ненасытные дети порока,
Все глотают ош, не жуя.

— Недурно, — сказал Келюс, продолжая сплетать ленты, — а у тебя прекрасный голос, Шико; давай второй куплет, дружок.

— Скажи свое слово, Валуа, — не устанывая Келюса ответом, обратился Шико к королю, — запрети своим друзьям называть меня другом; это меня унижает.

— Говори стихами, Шико, — ответил король, — твоя прова ни гроша не стоит.

— Изволь, — согласился Шико и продолжал:

Их наряд драгоценным шитьем
И брильянтами весь изукрашен,
Постыдилась бы женщина даже
Показаться на улице в нем,

Головою вертеть им удобно
В брыжах пышных, обшпрых и модных.
На крахмал не годна им пшеница,
Полотно, дескать, портит она,
И крахмалы для их полотна
Нынче делают только из риса.

— Bravo! — похвалил король. — Скажи, д'О, не ты ли выдумал рисовый крахмал?

— Нет, государь, — сказал Шико, — это господин де Сен-Мегрен, который прошлый год отдал богу душу — его заколол шпагой Майеннский! Черт побери, не отнимайте заслуг у бедного покойника; ведь для того, чтобы память о нем дошла до потомства, он может рассчитывать лишь на этот крахмал, да еще на неприятности, причиненные им герцогу де Гизу; отнимите у него крахмал, и он застрянет на полпути.

И, не обращая внимания на лицо короля, помрачневшее при этом воспоминании, Шико снова зашел:

Их прически полны новизны...

— Разумеется, речь все еще идет о миньонах, — заметил он, прервав свое пение.

— Да, да, продолжай, — сказал Шомберг,
Шико зашел:

Их прически полны новизны:
По линейке подстрижены пряди;
Непомерно обкорнаны сади,
Вперед непомерно длинны.

— Твоя песенка уже устарела, — сказал д'Эпернон.

— Как устарела? Она появилась только вчера.

— Ну и что? Сегодня утром мода уже переменялась.
Вот, посмотри.

И д'Эпернон, сняв шляпу, показал Шико, что впереди у него волосы острижены почти так же коротко, как и сади.

— Фу, какая мерзкая голова! — заметил Шико и снова зашел:

И клеем обмазаны густо,
Уложены в волны искусно
Волоса, от рожденья прямые,
И не шляпы отнюдь, не береты —
Колпачки шутовские одеты
На головы эти пустые.

— Я пропускаю четвертый куплет, — сказал Шико, — он чересчур безнравственный.

И продолжал:

Уж не мните ли вы, что деды,
Соблюдавшие чести закон,
Французы былых времен,
Друзья и любимцы Победы,
В сражениях или в походе
Думали только о моде
Или что в битвах жестоких
В накладных они дрались кудрях,
В накрахмаленных кружевах,
Румянами вымазав щеки?

— Bravo! — сказал Генрих. — Если бы мой братец ехал с нами, он был бы тебе весьма признателен, Шико.

— Кого ты зовешь своим братом, сын мой? — спросил Шико. — Не Жозефа ли Фулона, аббата монастыря святой Женеьевы, где, как я слышал, ты собираешься постречься?

— Нет, — ответил Генрих, подыгрывавший шуточкам Шико. — Я говорю о моем брате Франсуа.

— Ах, ты прав; этот действительно твой брат, но не во Христе, а во дьяволе. Добро, добро, значит, ты говоришь о Франсуа, божьей милостью наследнике французского престола, герцоге Брабантском, Лотьерском, Люксембургском, Гельдском, Алансонском, Анжуйском, Туреньском, Беррийском, Эвре и Шато-Тьерри, графе Фландрском, Голландском, Зеландском, Зютфенском, Мэнском, Першском, Мантском, Меланском и Бофорском, маркизе Священной империи, сеньоре Фриза и Малиня, защитнике бельгийской свободы, которому из одного носа, дарованного природой, оспа соорудила целых два; по поводу этих носов я сложил такой куплет:

Господа, не глядите косо
На Франсуа и его два носа.
Ведь и по праву и по обычаю
Два носа под стать дваулячию.

Миньоны дружно захохотали, ибо считали герцога Анжуйского своим личным врагом и эпиграмма, высмеивающая герцога, немедленно заставила их забыть направленную против них сатиру, которую только что распевал Шико.

Что до короля, то поскольку из этого каскада остроумия на него попадали только отдельные брызги, он смелся

громче всех, весело угощал собак сахаром и печеньем и усердно оттачивал язык на своем брате и на своих друзьях.

Вдруг Шико воскликнул:

— Фу, как это неумно, Генрих, как неосторожно и даже дерако.

— О чем ты? — сказал король.

— Нет, слово Шико, ты не должен признаваться в таких вещах. Фп, как это нехорошо!

— В каких вещах? — спросил удивленный король.

— В тех, в которых ты признаешься всякий раз, когда подписываешь свое имя. Ах, Генрике! Ах, сын мой!

— Берегитесь, государь, — сказал Келюс, заподозривший под елейным топом Шико какую-то злую шутку.

— Какого черта? Что ты хочешь сказать?

— Как ты подписываешься? Скажи-ка?

— Черт побери... я подписываюсь... я подписываюсь «Henri de Valois» — Генрих Валуа.

— Добро. Заметьте, господа, он сам это сказал, по доброй воле, а теперь взглянем, не найдется ли среди этих тринадцати букв буквы «V».

— Разумеется, найдется: «Valois» начинается с «V».

— Возьмите ваши таблички, отец капеллан, ибо сейчас вы узнаете, как отныне вам следует записывать в них имя короля. Ведь «Henri de Valois» — это всего лишь анаграмма.

— То есть как?

— Очень просто. Всего лишь анаграмма. Я сейчас вам открою подлинное имя ныне царствующего величества. Итак, мы сказали: в подписи «Henri de Valois» есть «V», занесите эту букву на ваши таблички.

— Занесли, — сказал д'Эпернон.

— Нет ли там еще и буквы «i»?

— Конечно, есть, последняя буква в слове «Henri».

— До чего безгранично людское коварство! — сказал Шико. — Так разделить две буквы, созданные, чтобы стоять рядышком, друг возле дружки. Напишите «i» сразу после «V». Сделано?

— Да, — ответил д'Эпернон.

— Теперь поищем хорошенько, не найдется ли буква «a». Ага, вот она, попалась? А теперь — буква «e»; она тоже тут; еще одно «i» — вот оно; и, наконец, «n». Добро. Ты умеешь читать, Ногарэ?

— К стыду моему, да, — сказал д'Эпернон.

— Смотрите, какой хитрец! Да, случаем, не считаешь ли ты, что настолько уж знатен, что можешь быть круглым невеждой?

— Пустомеля,— сказал д'Эперпон, замахиваясь на Шико сарбаканом.

— Ударь, но прочти, грамотей,— сказал Шико.

Д'Эперпон рассмеялся и громко прочел:

— «Vi-lain, vilain», подлый.

— Молодец! — воскликнул Шико. — Видишь, Генрих, как это делается: вот уже найдено настоящее имя, данное тебе при крещении. Надеюсь, если мне удастся раскрыть твою подлинную фамилию, ты прикажешь выплачивать мне пенсioen не хуже того, который наш брат Карл Девятый пожаловал господину Амьё.

— Я прикажу тебя поколотить палками, Шико,— сказал король.

— Где ты разыщешь палки, которыми колотят дворян, сын мой? Неужто в Польше? Скажи мне, пожалуйста.

— Однако, если я не ошибаюсь,— заметил Келюс,— герцог Майеннский все же где-то нашел такую палку в тот день, когда он застал тебя, мой бедный Шико, со своей любовницей.

— Это счет, который нам еще предстоит закрыть. Будьте покойны, сеньор Купидо,— вот тут все запесено герцогу в дебет.

И Шико постукал пальцем себе по лбу, и это доказывает, что уже в те времена голову считали вместительством памяти.

— Перестань, Келюс,— вмешался д'Эперпон,— иначе из-за тебя мы можем упустить фамилию.

— Не бойся,— сказал Шико,— я ее держу крепко, если бы речь шла о господине де Гизе, я бы сказал: за рога, а о тебе, Генрих, скажу просто: за уши.

— Фамилию, давайте фамилию! — дружно закричали мяньоны.

— Прежде всего, среди тех букв, которые нам остаются, мы видим «Н» прописное: пиши «Н», Ногарé.

Д'Эперпон повиновался.

— Затем «е», потом «г», да еще там в слове «Valois» осталось «о»; наконец, в подписи Генриха имя от фамилии отделяют две буквы, которые ученые грамматикки называют частицей; и вот я накладываю руку на «d» и на «e», и все это вместе с «s», которым заканчивается родовое имя, образует слово; прочти его по буквам, Эперпон.

— «H-e-r-o-d-e-s»: «Herodes», Ирод,— прочитал д'Эрпенноп.

— «Vilain Herodes!» Подлый Ирод! — воскликнул король.

— Верно,— сказал Шико. — И таким именем ты подписываешься каждый день, сын мой. Фу!

И шут откинулся назад, изобразив на лице ужас и отвращение.

— Господни Шико, вы переходите границы! — заявил Генрих.

— Да ведь я сказал только то, что есть. Вот они, короли: им говорят правду, а они сердятся.

— Да уж, нечего сказать, прекрасная генеалогия,— сказал Генрих.

— Не отказывайся от нее, сын мой,— ответил Шико. — Кляпуть святым чревом! Она вполне подходит королю, которому два или три раза в месяц приходится обращаться к евреям.

— За этим грубияном,— воскликнул король,— всегда останется последнее слово. Не отвечайте ему, господа, только так можно заставить его замолчать.

В карете немедленно воцарилась глубокая тишина, и это молчание, которое Шико, весь ушедший в наблюдение за дорогой, по-видимому, не собирался нарушать, длилось несколько минут, до тех пор, пока карета, миновав площадь Мобер, не достигла угла улицы Нуайе. Тут Шико внезапно соскочил на мостовую, растолкал гвардейцев и преклонил колени перед каким-то довольно приятным на вид домиком с выступающим над улицей резным деревянным балконом, который опирался на расписные балки.

— Эй, ты! Язычник! — закричал король. — Коли тебе так уж хочется встать на колени, встань хотя бы перед крестом, что на середине улицы Сент-Женевьев, а не перед простым домом. Что в этом домике, церковь спрятаана или, может, алтарь?

Но Шико не ответил, он стоял, коленапреклоненный, посреди мостовой и во весь голос читал молитву. Король слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

— Господи боже! Боже милосердный, боже праведный! Я помню этот дом и всю жизнь буду его помнить; вот она, обитель любви, где Шико претерпел муки, если не ради тебя, господи, то ради одного из твоих созданий; Шико никогда не просил тебя наслать беду ни на герцога

Майеннского, приказавшего подвергнуть его мучениям, ни па мэтра Никола Давида, выполнившего этот приказ. Нет, господи, Шико умеет ждать, Шико терпелив, хотя он и не вечен. И вот уже шесть полных лет, в том числе один високосный год, как Шико накапливает проценты на маленьком счете, который он открыл на имя господ герцога Майеннского и Никола Давида. Считая по десяти годовых, — а это законный процент, под него сам король занимает деньги, — за семь лет первоначальный капитал удвоится. Великий боже! Праведный боже! Пусть терпения Шико хватит еще на один год, чтобы пятьдесят ударов бичом, полученные им в сем доме по приказу этого подлого убийцы — лотарингского принца, от его грязного наемника — нормандского адвоката, чтобы эти пятьдесят ударов, извлечшие из бедного тела Шико добрую пинту крови, выросли до ста ударов бичом каждому из этих негодяев и до двух пинт крови от каждого из них. Пусть у герцога Майеннского, как бы он ни был толст, и у Никола Давида, как бы он ни был длинен, не хватит ни крови, ни кожи расплатиться с Шико, и пусть они объявят себя банкротами и молят скостить им выплату до пятнадцати или двадцати процентов, и пусть они сдохнут на восьмидесятом или восемьдесят пятом ударе бича. Во имя отца, и сына, и святого духа! Да будет так! — заключил Шико.

— Аминь, — сказал король.

На глазах у пораженных зрителей, ничего не понявших в этой сцене, Шико поцеловал землю и снова занял свое место в карете.

— А теперь, — сказал король, который хотя за последние три года и лишился многих привилегий, подобающих его сану, отдав их в другие руки, все еще сохранял право обо всем узнавать первым. — А теперь, мэтр Шико, откройте нам, зачем была нужна такая странная и длинная молитва? К чему это бичение себя в грудь? К чему, наконец, все эти кривляния перед самым обычным с виду домом?

— Государь, — ответил гасконец, — Шико — как лисица: Шико обнюхивает и лижет камни, на которые пролилась его кровь, до тех пор, пока не размозжит об эти камни головы тех, кто ее пролил.

— Государь, — воскликнул Келюс, — я держу пари! Как вы сами могли слышать, Шико в своей молитве упомянул имя герцога Майеннского. Держу пари, что эта

молитва связана с палочными ударами, о которых мы только что говорили.

— Держите пари, сеньор Жак де Леви, граф де Келюс,— сказал Шико,— держите пари — и вы выиграете.

— Стало быть... — начал король.

— Именно так, государь,— продолжал Шико,— в этом доме жила возлюбленная Шико, доброе и очаровательное создание, из благородных, черт побери! Однажды ночью, когда Шико пришел ее повидать, один ревнивый принц приказал окружить дом, схватить Шико и жестоко избить его, и Шико был вынужден спастись через окно, разбив стекла,— открыть его у Шико не было времени,— и затем прыгнуть с высоты этого маленького балкона на улицу. Не убили его только чудом, и потому всякий раз, проходя мимо этого дома, Шико преклоняет колени, молится и в своих молитвах благодарит господя, извлекшего его из такой передраги.

— Ах, бедняга Шико, а вы еще порицаете его, государь. По-моему, он вел себя, как подобает доброму христианину.

— Значит, тебя все же изрядно поколотили, мой бедный Шико?

— О, весьма изрядно, государь, но не так сильно, как я бы хотел.

— То есть?

— По правде говоря, я не прочь был бы получить несколько ударов шпагой.

— В счет твоих грехов?

— Нет, в счет грехов герцога Майеннского.

— Ах, я понимаю; ты намерен воздать Цезарю...

— Нет, зачем же Цезарю, не будем смешивать, государь, божий дар с яичницей: Цезарь — великий полководец, отважный воин, Цезарь — это старший брат, тот, кто хочет быть королем Франции. Речь не о нем, у него счеты с Генрихом Валуа, и это касается тебя, сын мой. Плати свои долги, Генрих, а я уплачу свои.

Генрих не любил, когда при нем упоминали его кузена, герцога де Гиза, поэтому, услышав намек Шико, король насупился, разговор был прерван и не возобновлялся более до прибытия в Бисетр.

Дорога от Лувра до Бисетра заняла три часа, исходя из этого оптимисты считали, что королевский поезд должен прибыть в Фонтенбло на завтра к вечеру, а

пессимисты предлагали пари, что он прибудет туда по раньше, чем в полдень послезавтра.

Шико был убежден, что он туда вообще не прибудет.

Выехав из Парижа, кортеж начал двигаться живее. На погоду грех было жаловаться: стояло погожее утро, ветер утих, солнцу наконец-то удалось прорваться сквозь завесу облаков, и начинающийся день напоминал ту прекрасную октябрьскую пору, когда под шорох последних опадающих листьев восхищенным взорам гуляющих открывается голубоватая тайна перешептывающихся лесов.

В три часа дня королевский выезд достиг первых ступеней крепостной ограды Жювизи. Отсюда уже видны были мост, построенный через реку Орж, и большая гостиница «Французский двор», от которой пронизывающий ветер доносил запах дачи, жарящейся на вертеле, и веселый шум голосов.

Нос Шико на лету уловил кухонные ароматы. Гаскопец высунулся из кареты и увидел вдали, у дверей гостиницы, группу людей, закутанных в длинные плащи. Среди них был маленький толстяк, лицо которого до самого подбородка закрывала широкополая шляпа.

При виде приближающегося кортежа эти люди поспешили войти в гостиницу.

Но маленький толстяк замешкался в дверях, и Шико с удивлением признал его. Поэтому в тот самый миг, когда толстяк исчез в гостинице, наш гаскопец соскочил на землю, взял свою лошадь у паж, который вел ее под уздцы, укрылся за углом стены и, потерявшись в быстро сгущающихся сумерках, оторвался от кортежа, продолжавшего путь до Эссонна, где король наметил остановку на ночлег. Когда последние всадники исчезли из виду и глухой стук колес по вымощенной камнем дороге затих, Шико покинул свое убежище, объехал вокруг замка и появился перед гостиницей со стороны, противоположной той, откуда на самом деле прибыл, как если бы он возвращался в Париж. Подъехав к окну, Шико заглянул внутрь через стекло и с удовлетворением увидел, что замеченные им люди, среди них и приземистый толстяк, который, по-видимому, его особенно интересовал, все еще там. Однако у Шико, очевидно, имелись причины желать, чтобы вышеупомянутый толстяк его не увидел, поэтому гаскопец вошел не в главную залу, а в комнату напротив, закавал бутылку вина и занял место, позволяющее беспрепятственно наблюдать за выходом из гостиницы.

С этого места Шико, предусмотрительно усевшемуся в тени, была видна часть гостиничного зала с камином. У камина, на низеньком табурете, восседал маленький толстяк и, несомненно не подозревая, что за ним наблюдают, спокойно подставлял свое лицо потрескивающему огню, в который только что подбросили охапку сухих виноградных лоз, удвоившую силу и яркость пламени.

— Нет, глаза мои меня не обманули,— сказал Шико,— и, когда я молился перед домом на улице Нуайе, можно сказать, я нюхом учуял, что он возвращается в Париж. Но почему он пробирается украдкой в престольный град нашего друга Ирода? Почему он прячется, когда король проезжает мимо? Ах, Пилат, Пилат! Неужто добрый боженка не пожелал дать мне отсрочку на год, о которой я просил, и требует от меня выплаты по счетам раньше, чем я предполагал?

Вскоре Шико с радостью обнаружил, что в силу какого-то акустического каприза с того места, на котором он сидит, можно не только видеть, что происходит в зале гостиницы, но и слышать, что там говорят. Сделав такое открытие, Шико напряг слух с не меньшим усердием, чем зренье.

— Господа,— сказал толстяк своим спутникам,— полагаю, нам пора отправляться, последний лакей кортежа давно скрылся из виду, и, по-моему, в этот час дорога безопасна.

— Совершенно безопасна, монсеньер,— произнес голос, заставивший Шико вздрогнуть. Голос принадлежал человеку, на которого Шико, всецело погруженный в созерцание маленького толстяка, до этого не обращал никакого внимания.

Человек с голосом, резанувшим слух Шико, представлял собой полную противоположность тому, кого назвали монсеньером. Он был настолько же несуразно длинен, насколько тот был мал ростом, настолько же бледен, насколько тот был румян, настолько же угодлив, насколько тот был высокомерен.

— Ага, попался, мэтр Николя,— сказал Шико, безвзвучно смеясь от радости. — *Tu quocque...*¹ Нам очень не повезет, если на этот раз мы расстанемся, не обменявшись парой слов.

¹ И ты (Брут) (лат.).

И Шико осушил свой стакан и расплатился с хозяином, чтобы иметь возможность беспрепятственно встать и уйти, когда ему заблагорассудится.

Эта предосторожность оказалась далеко не лишней, так как семь человек, привлечшие внимание Шико, в свою очередь, расплатились (вернее сказать, маленький толстяк расплатился за всех). Они вышли из гостиницы, лакеи или конюхи подвели им лошадей, все вскочили в седла, и маленький отряд поскакал по дороге в Париж и вскоре затерялся в первом вечернем тумане.

— Добро! — сказал Шико. — Он поехал в Париж, значит, и я туда вернусь.

И Шико, в свою очередь, сел на коня и последовал за кавалькадой на расстоянии, позволяющем видеть серые плащи всадников или же, в тех случаях, когда осторожный гасконец терял их из виду, слышать стук лошадиных копыт.

Все семеро свернули с дороги, ведущей на Фроманто, и прямо по открытому полю доскакали до Шуази, затем переехали Сену по Шарантожскому мосту, через Сент-Антуанские ворота проникли в Париж и, наконец, как рой пчел исчезает в улье, исчезли во дворце Гизов, двери которого тотчас же плотно закрылись за ними, словно только и ожидали их прибытия.

— Добро, — повторил Шико, устраниваясь в засаде на углу улицы Катр-фис, — здесь пахнет уже не одним Майеюном, но и самим Гизом. Пока что все это только любопытно, но скоро станет весьма занятным. Подождем.

И действительно, Шико прождал добрый час, не обращая внимания на голод и холод, которые начали грызть его своими острыми клыками. Наконец двери открылись, по вместо семп всадников, закутаных в плащи, из них вышли, потрясая огромными четками, семеро монахов монастыря святой Женевьевы, лица у всех у них были скрыты под капюшонами, опущенными на самые глаза.

— Вот как? — удивился Шико. — Что за неожиданная развязка! Неужто дворец Гизов до такой степени пропитан святостью, что стоит разбойникам переступить его порог, как они тут же превращаются в агнцев божьих? Дело становится все более и более занятным.

И Шико последовал за монахами так же, как до этого он следовал за всадниками, но сомневался, что под рясами скрываются те же люди, что прятались под плащами.

Монахи перешли через Сену по мосту Нотр-Дам, пересекли Сите, преодолели Малый мост, вышли на площадь Мобер и подвигались по улице Сент-Женевьев.

— Что такое! — воскликнул Шико, не забыв спят шляпу у домика на улице Нуаге, перед которым нынче утром он вознес свою молитву. — Может быть, мы возвращаемся в Фонтенбло? Тогда я выбрал отнюдь не самый краткий путь. Но нет, я ошибся, так далеко мы не пойдем.

И действительно, монахи остановились у входа в монастырь святой Женевьевы и вошли под его портик; там в глубине можно было разглядеть монаха того же ордена, который самым внимательным образом рассматривал руки входящих в монастырь.

— Смерть Христов! — выругался Шико. — По-видимому, нынче вечером в аббатство пускают только тех, у кого чистые руки. Решительно, здесь происходит что-то из ряда вон выходящее.

Придя к такому заключению, Шико, до сих пор всецело занятый тем, чтобы не упустить из виду тех, за кем он следовал, оглянулся вокруг и с удивлением увидел, что на всех улицах, сходящихся к аббатству, полным-полно людей в монашеских рясах с опущенными капюшонами; поодиночке или парами все они, как один, направлялись к монастырю.

— Вот как! — сказал Шико. — Значит, сегодня вечером в аббатстве состоится великий капитул, на который приглашены все монахи-женевьевцы со всей Франции? Честное слово, меня впервые разбирает желание присутствовать на капитуле, и, признаюсь, желание неборимое.

А монахи все шли и шли, вступали под своды портика, предъявляя свои руки или некий предмет, который держали в руках, и скрывались в аббатстве.

— Я бы прошел вместе с ними, — сказал Шико, — но для этого мне недостает двух существенно важных вещей: во-первых, почтенной рясы, которая их облакает, ибо, как я ни смотрю, я не вижу среди сопма святых отцов ни одного мрянина; и, во-вторых, той штучки, которую они показывают брату привратнику; а они ему что-то показывают. Ах, брат Горанфло, брат Горанфло! Если бы ты был сейчас здесь, у меня под рукой, мой достойный друг!

Слова эти были вызваны воспоминанием об одном из самых почтенных монахов монастыря святой Женевьевы,

обычном сотрапезнике гасконца в те дни, когда он обедал в городе, о монахе, с которым в день покаянной процессии Шико недурно провел время в кабачке возле Монтартрских ворот, поедая чирка и запивая его терпким вином.

А монахи продолжали прибывать, — можно было подумать, что половина парижского населения надела рясу, — брат привратник без усталости проверял вновь прибывших, никого не обделяя своим вниманием.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Шико, — решительно, нынче вечером произойдет что-то необыкновенное. Ну что ж, будем любопытны до конца. Сейчас половина восьмого, сбор милостыни закончен. Я найду брата Горанфло в «Рог изобилия», это час его ужина.

И Шико предоставил легиону монахов возможность свободно маневрировать вокруг аббатства и исчезать в его дверях, а сам, пустив коня галопом, добрался до широкой улицы Сен-Жак, где напротив монастыря святого Бенуа стояла гостиница «Рог изобилия», заведение весьма процветающее и усердно посещаемое школярами и непستовыми спорщиками — монахами.

В этом доме Шико пользовался известностью, но не как завсегдатай, а как один из тех таинственных гостей, которые время от времени появляются, чтобы оставить золотой эску и частичку своего рассудка в заведении мэтра Клода Бономе. Так звали раздавателя даров Цереры и Бахуса, тех даров, которые без усталости извергал знаменитый мифологический рог, служивший вывеской гостиницы.

Глава XVIII,

ГДЕ ЧИТАТЕЛЬ БУДЕТ ИМЕТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С БРАТОМ ГОРАНФЛО, О КОТОРОМ УЖЕ ДВАЖДЫ ГОВОРИЛОСЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ НАШЕЙ ИСТОРИИ

За погожим днем последовал ясный вечер, однако день был прохладный, а к вечеру еще похолодало. Можно было видеть, как под шляпами запоздалых буржуа стучится пар от дыхания, розоватый в свете фонаря. Слышались четко звучащие по замерзающей земле шаги, звонкие «хм», исторгаемые холодом и, как сказал бы современный физик, отражаемые эластичными поверхно-

стями. Одним словом, на дворе стояли те прекрасные весенние заморозки, которые придают двойное очаровательно светящимся багряным светом окнам гостиницы.

Шико сначала вошел в общий зал, окинул взглядом все его углы и закоулки и, не обнаружив среди гостей мэтра Кюда того, кого искал, непридуманно направился на кухню.

Хозяин заведения был занят чтением какой-то божественной книги, в то время как целое озеро масла, заключенное в берегах огромной сковороды, терпеливо томилось, ожидая, пока температура не поднимется до градуса, который позволил бы положить на сковороду обваливаемых в муке мерланов.

Услышав шум открывающейся двери, мэтр Бономе поднял голову.

— Ах, это вы, сударь, — сказал он, — захлопывал книгу. — Доброго вечера и доброго аппетита.

— Спасибо за двойное пожелание, хотя вторая его часть пойдет на пользу столько же вам, сколько и мне. Но мой аппетит будет зависеть.

— Как, неужели ваш аппетит от чего-то еще зависит?

— Да, вы знаете, что я терпеть не могу угощаться в одиночестве.

— Ну если так падо, сударь, — сказал Бономе, приподняв свой фишашкового цвета колпак, — я готов отужинать вместе с вами.

— Спасибо, великодушный хозяин, я знаю, что вы отменный сотрапезник, но я ищу одного человека.

— Не брата ли Горанфло? — осведомился Бономе.

— Именно его, — ответил Шико, — а что, он уже приступил к ужину?

— Пока еще нет, но поторопитесь.

— Зачем торопиться?

— Непременно поторопитесь, так как через пять минут он уже кончит.

— Брат Горанфло еще не приступал к ужину и через пять минут он уже стужинает, говорите вы?

И Шико покачал головой, что во всех странах мира считается знаком недоверия.

— Сударь, — сказал мэтр Кюд, — сегодня среда, великий пост уже начался.

— Ну и что с того? — спросил Шико, явно сомневаясь в приверженности брата Горанфло к догматическим установлениям религии.

— А, черт! — высказался матр Бопоме, махнув рукой, что, очевидно, означало: «Я тут понимаю не больше вашего, во дела обстоят именно так».

— Решительно, — заметил Шико, — что-то разладилось в нашем подлупвом механизме: пять минут на ужни брату Горанфлю! Мне суждено сегодня повидать подлупные чудеса.

И с видом путешественника, вступающего на неисследованные земли, Шико сделал несколько шагов по направлению к маленькой боковой комнатке, подобно отдельного кабинета, толкнул стеклянную дверь, закрытую шерстяным занавесом в белую и розовую клетку, и при свете свечи с чадающим фитилем увидел в глубине комнаты почтенного монаха, который пренебрежительно ковырял вилкой на тарелке скудную порцию шпината, сваренного в кипятке, пытаясь усовершенствовать вкус этой травянистой субстанции путем присовокупления к ней остатков скрениского сыра.

Пока достойный брат готовит свою смесь с гримасой на лице, выражающей сомнение во вкусовых качествах столь жалкого сочетания, попытаемся представить его нашим читателям в самом ярком свете и этим заглядеть нашу вину, состоящую в том, что мы так долго оставляли его в тени.

Итак, брат Горанфлю был мужчипой лет тридцати восьми и около пяти футов росту. Столь малый рост возмещался, по словам самого монаха, удивительной соразмерностью пропорций, ибо все, что брат сборщик милостыни потерял в высоте, он приобрел в ширине и в поперечнике от одного плеча к другому имел примерно три фута; такая длина диаметра, как известно, соответствует девяти футам в окружности.

Между этими понствие геркулесовыми плечами располагалась дюжая шея, на которой, словно канаты, выступали могучие мускулы. К несчастью, шея также находилась в соответствии со всем остальным телом, то есть она была толстой и короткой, что угрожало брату Горанфлю при первом же мало-мальски сильном волнении неминуемым апоплексическим ударом. Но, сознавая, какой опасностью чреват этот недостаток его телосложения, брат Горанфлю никогда не волновался; и мы должны сказать, что лишь в крайне редких случаях его можно было видеть таким разобиженным и раздраженным, как в тот час, когда Шико вошел в кабинет.

— Э, дружище, что вы здесь делаете? — воскликнул паш гасконец, глядя поочередно на травы, на Горанфло, на чадающую свечу и на чашу, до краев полную водой, чуть подкрашенной несколькими каплями вина.

— Разве вы не видите, брат мой? Я ужинаю, — ответил Горанфло голосом гулким, как колокол его аббатства.

— Вы называете это ужином, вы, Горанфло? Травка и сыр? Да что с вами? — воскликнул Шико.

— Мы вступили в первую среду великого поста; попечемся же о нашем спасении, брат мой, попечемся о нашем спасении, — пропустил Горанфло, блаженно возводя очи горе.

Шико замер, как громом пораженный, взгляд гасконца говорил, что ему не раз приходилось видеть брата Горанфло, совсем иным манером прославляющего святые дни того самого великого поста, который только что начался.

— О нашем спасении? — повторил он. — А разве наше спасение может зависеть от воды и травы?

По пятницам ты мяса не вкушай,
А также и по средам, —

пропел Горанфло.

— Ну, а давно ли вы завтракали?

— Я совсем не завтракал, брат мой, — сказал монах, говоря все более и более в нос.

— Ах, если все дело в том, чтобы гнусавить, — сказал Шико, — я берусь соревноваться с монахами-жюневьезцами всего мира. — И он загудел в нос самым отвратительным образом: — Итак, если вы еще даже не завтракали, то чем же вы были заняты, брат мой?

— Я сочинял речь, — заявил Горанфло, гордо вскинув голову.

— Что вы говорите? Речь, а зачем?

— Затем, чтобы прозвонить ее нынче вечером в аббатстве.

«Вот тебе на! — подумал Шико. — Речь сегодня вечером в аббатстве. Занятно».

— А сейчас, — добавил Горанфло, поднося ко рту первую вилку с грузом шпината и сыра, — мне уже пора уходить, мои слушатели, наверное, заждались.

Шико подумал о бесчисленном множестве монахов, которые на его глазах устремлялись к аббатству, и, вспоминая, что среди них, по всей вероятности, был и герцог

Майеннский, задал себе вопрос, почему Иосефу Фулону, аббату монастыря святой Женевьевы, взбрело в голову избрать для произнесения проповеди перед лотарингским принцем в столь многочисленным обществом именно Горанфло, ценимого до сего дня за качества, не пмевшие никакого отношения к красноречию.

— Ба! — сказал он. — А в каком часу ваша проповедь?

— С девяти часов до девяти с половиной, брат мой.

— Добро! Сейчас девять без четверти. Уделите мне всего пять минут. Клянусь святым чревом! Уже более восьми дней нам не выпадало случая пообедать вместе.

— Но это не ваша вина, — сказал Горанфло, — и поверьте, возлюбленный брат мой, что наша дружба не потерпела от этого никакого ущерба; обязанности, связанные с вашей должностью, удерживают вас при особе нашего славного короля Генриха Третьего, да хранит его господь; обязанности, вытекающие из моего положения, вынуждают меня заниматься сбором милостыни, а все оставшееся время посвящать молитвам; поэтому ничего удивительного, что мы так долго не встречались.

— Вы правы, однако, клянусь телом Христовым, — сказал Шико, — мне кажется, это еще одна причина возрадоваться тому, что мы снова свиделись.

— Я и радуюсь, радуюсь беспредельно, — ответил Горанфло, скрыв самую благостную физиономию, какую только можно себе представить, — и тем не менее мне придется вас покинуть.

И монах приподнялся на стуле, собираясь встать.

— Доешьте хоть вашу травку, — сказал Шико, положив ему руку на плечо.

Горанфло взглянул на шпинат и вздохнул.

Затем он обратил взор на розоватую воду и отвернулся.

Шико понял, что настал благоприятный момент для атаки.

— Помните, как мы с вами прекрасно посидели последний раз, — обратился он к Горанфло, — там, в кабачке у Монмартрских ворот? Пока наш славный король Генрих Третий бичевал себя и других, мы уничтожили чирка из болот Гранж-Бательер и раковый суп, а все это запили превосходным бургундским; как бишь оно называется? Не то ли это вино, которое открыли вы?

— Это романейское вино, вино моей родины, — сказал Горанфло.

— Да, да припоминаю; это то самое молочко, которое вы сосали в младенчестве, достойный сын Ноя.

Горанфло с грустной улыбкой облизал губы.

— Ну и что вы скажете о тех бутылках, которые мы распили? — спросил Шико.

— Хорошее было вино, однако не из самых лучших сортов.

— Это же говорил как-то вечером и наш хозяин, Клод Бономе. Он утверждал, что в его погребе пайдется с полсотни бутылок, перед которыми вино у его собрата с Монмартрских ворот просто выжимки.

— Чистая правда, — засвидетельствовал Горанфло.

— Как! Правда? — возмутился Шико. — И вы тянете эту мерзкую подкрашенную воду, когда вам только руку стоит протянуть, чтобы выпить такого вина? Фу!

И Шико схватил чашку и выплеснул ее содержимое на пол.

— Всему свое время, брат мой, — сказал Горанфло. — Вино хорошо, если после того, как ты его выпьешь, тебе остается только славить господя, создавшего такую благодать. Но если ты должен выступать с речью, то вода предпочтительнее, не по вкусу, конечно, а по воздействию: *facunda est aqua*¹.

— Ба! — ответил Шико. — *Magis facundum est vinum*², и в доказательство я закажу бутылочку вашего ромпейского, хотя мне сегодня тоже выступать с речью. Я верю в чудотворную силу вина; по чести, Горанфло, посоветуйте, какую закуску мне к нему взять.

— Только не эту премерзостную зелень, — сказал монах. — Хуже ее ничего не придумаешь.

— Бррр! — содрогнулся Шико, взяв тарелку и подпеса ее к носу. — Бррр!

На этот раз он открыл маленькое окошко и выбросил на улицу шпинат вместе с тарелкой.

— Мэтр Клод! — обернувшись, позвал он.

Хозяин, который, по-видимому, подслушивал у дверей, мигом возник на пороге.

— Мэтр Клод, принесите мне две бутылки того ромпейского вина, которое, по вашим словам, у вас лучшего сорта, чем где бы то ни было.

¹ Вода способствует красноречию (лат.).

² Вино еще больше способствует (лат.).

— Две бутылки! — удивился Горанфло. — Зачем две? Ведь я не буду пить.

— Если бы вы пили, я заказал бы четыре бутылки, я заказал бы шесть бутылок, я заказал бы все бутылки, сколько их ни на есть в погребе. Но раз я пью один, двух бутылок мне хватит, ведь я питух никудышный.

— И верно, — сказал Горанфло, — две бутылки — это разумно, и если вы при этом будете вкушать только постную пищу, ваш духовник не станет вас порицать.

— Само собой. Кто же ест скоромное в среду великого поста? Этого еще не хватало.

Мэтр Бономе отправился в погреб за бутылками, а Шико подошел к шкафу для провизии и извлек оттуда откормленную манскую курицу.

— Что вы там делаете, брат мой? — воскликнул Горанфло, с невольным интересом следивший за всеми движениями гасконца. — Что вы там делаете?

— Вы видите, я схватил этого карпа из страха, как бы кто-нибудь другой не наложил на него лапу. В среду великого поста этот род пищи пользуется особым успехом.

— Карпа? — изумился Горанфло.

— Конечно, карпа, — сказал Шико, поворачивая перед его глазами аппетитную птицу.

— А с каких это пор у карпа клюв? — спросил монах.

— Клюв! — воскликнул гасконец. — Где вы видите клюв? Это рыба голова.

— А крылья?

— Плавники.

— А перья?

— Чешуя, милейший Горанфло, да вы пьяны, что ли?

— Пьян! — возмутился Горанфло. — Я пьян! Ну уж это слишком. Я пьян! Я ел только шпинат и не пил ничего, кроме воды.

— Ну и что? Значит, шпинат обременил вам желудок, а вода ударила в голову.

— Черт возьми! — сказал Горанфло. — Вот идет наш хозяин, он рассудит.

— Что рассудит?

— Карп это или курица.

— Согласен, но сначала пусть он откупорит вино. Я хочу знать, каково оно на вкус. Отчините бутылочку, мэтр Клод.

Мэтр Клод откупорил бутылку и наполнил до половины стакан Шико.

Шико осушил стакан и прищелкнул языком.

— Ах! — сказал он. — Я бездарный дегустатор, у моего языка совершенно нет памяти; я не могу определить, хуже или лучше это вино того, что мы пили у Моммартрских ворот. Я даже не уверен, что это то самое вино.

Глаза брата Горанфло засверкали при виде нескольких капелек рубиновой влаги, оставшихся на дне стакана Шико.

— Держите, брат мой, — сказал Шико, налив с наперсток вина в стакан монаха, — вы посланы в сей мир, дабы служить ближнему; наставьте же меня на путь истинный.

Горанфло взял стакан, поднес к губам и, смакуя, медленно процедил сквозь зубы его содержимое.

— Нет сомнения, это вино того же сорта, — изрек он, — по...

— Но?.. — повторил Шико.

— Но его тут было слишком мало, чтобы я мог сказать, хуже оно или лучше моммартрского.

— А я все же хотел бы это знать. Чума на мою голову! Я не хочу быть обманутым, и если бы вам, брат мой, не предстояло произносить речь, я попросил бы вас еще раз продегустировать это вино.

— Ну разве только ради вас, — сказал монах.

— Черт побери! — заключил Шико и наполнил стакан до половины.

Горанфло с не меньшим уважением, чем в первый раз, поднес стакан к губам и просмаковал вино с таким же сознанием ответственности.

— Это лучше! — вынес он приговор. — Это лучше. Я ручаюсь.

— Ба, да вы сговорились с нашим хозяином.

— Настоящий питух, — изрек Горанфло, — должен по первому глотку определять сорт вина, по второму — марку, по третьему — год.

— О! Год! Как бы я хотел узнать, какого года это вино.

— Нет ничего легче, — сказал Горанфло, протягивая стакан, — капните мне сюда. Капли две, не больше, и я вам скажу.

Шико наполнил стакан на три четверти, и монах медленно, но не отрываясь, осушил его.

— Одна тысяча пятьсот шестьдесят первого, — произнес он, ставя стакан на стол.

— Слава! — воскликнул Клод Бооме. — Тысяча пятьсот шестьдесят первого года, именно так.

— Брат Горанфло, — сказал Шико, снимая шляпу, — в Риме понаделали много святых, которые и мизинца вашего не стоят.

— Малость привычки, брат мой, вот и все, — скромно заметил Горанфло.

— И талант, — возразил Шико. — Чума на мою голову! Одна привычка ничего не значит, я по себе это знаю, уж кажется, я ли не привыкал. Постоите, что вы делаете?

— Разве вы не видите? Я встаю.

— Зачем?

— Пойду в монастырь.

— Не отведав моего карпа?

— Ах да! — спохватился Горанфло. — По-видимому, мой достойный брат, в пище вы разбираетесь еще меньше, чем в питье. Мэтр Бооме, что это за живность?

И брат Горанфло показал пальцем на предмет спора.

Трактирщик удивленно воззрился на человека, задавшего ему такой вопрос.

— Да, — поддержал Шико, — вас спрашивают: что это такое?

— Черт побери! — сказал хозяин. — Это курица.

— Курица! — растерянно повторил Шико.

— И даже из Мана, — продолжал мэтр Клод.

— Говорил я вам! — с торжеством в голосе сказал Горанфло.

— Да, очевидно, я попал впросак. Но мне страшно хочется съесть эту курицу и в то же время не согрешить. Послушайте, брат мой, сделайте милость — во имя нашей взаимной любви окропите ее несколькими каплями воды и нарежьте карпом.

— Чур меня! Чур! — заохал монах.

— Я вас очень прошу, иначе я могу оскоромиться и впасть в смертный грех.

— Ну ладно, так и быть, — сдался Горанфло, который по природе своей был хорошим товарищем, и, кроме того, на нем уже сказывались вышеописанные три дегустации, — однако у нас нет воды.

— Я не помню где, но было сказано, — заявил Шико. — «В случае необходимости ты возьмешь то, что найдется под рукой». Цель оправдывает средства; окрестите курицу вином, брат мой, окрестите вином; может быть,

она от этого станет чутьючку менее католической, по вкусу не пострадает.

И Шико опорожнил первую бутылку, наполняя до краев стакан монаха.

— Во имя Бахуса, Мома и Кома, троицы великого святого Паптагрюэля,— произнес Горанфло,— нарекаю тебя карпом.

И, обмакнув концы пальцев в стакан, окропил курпию несколькими каплями вина.

— А теперь,— сказал Шико, чокнувшись с монахом,— за здоровье моего крестника, пусть его поджарят хорошенько, и пусть мэтр Клод Бомоме своим искусством усовершенствует его природные достоинства.

— За его здоровье,— отозвался Горанфло с громким смехом, осушая свой стакан,— за его здоровье. Черт побери, вот забористое вино!

— Мэтр Клод, немедленно посадите этого карпа на вертел,— распорядился Шико,— полейте его свежим маслом, добавив мелко нарубленного свиного сала и лука, а когда рыба подрумянится, разделите ее на две части, залейте соусом и подайте на стол горячий.

Слушая эти указания, Горанфло не произнес ни слова, но по его глазам и чуть заметным кивкам головы можно было понять, что он полностью их одобряет.

— Ну а теперь,— сказал Шико, видя, что ему удалось добиться своего,—несите сардины, мэтр Бомоме, давайте сюда тувца. У нас нынче великий пост, как справедливо разъяснил наш набожный брат Горанфло, и я не хочу оскоромиться. Постойте, не забудьте принести еще пару бутылок вашего замечательного романейского вина, урочая тысяча пятьсот шестьдесят первого года.

Ароматы этих яств, вызывающие в памяти блюда провансальской кухни, столь милые сердцу подлинных гурманов, начали разливаться по комнате и незаметно затуманили сознание монаха. Его язык увлажнился, глаза засверкали, но он все еще держался и даже сделал попытку подняться из-за стола.

— Куда вы? — спросил Шико. — Неужели вы способны покинуть меня в час битвы?

— Так надо, брат мой,— ответил Горанфло, возводя глаза к небу, чтобы обратить внимание всевышнего на жертву, которую он приносит.

— Выступать с речью натошак весьма неосмотрительно с вашей стороны.

— Эт-то поч-чему? — пробормотал монах.

— Потому что вам откажут легкие, брат мой,— Гален сказал: «*Pulmo hominis facile deficit*». Легкие человека слабы и легко отказывают.

— Увы, да,— сказал Горапфло. — Я не раз испытал это на себе; будь у меня крепкие легкие, мои слова поражали бы, как молния.

— Вот видите.

— К счастью,— продолжал Горапфло, падая на стул,— к счастью, у меня есть священное рвение.

— Да, но одного рвения еще недостаточно. На вашем месте я попробовал бы сив сардины и проглотил бы еще несколько капелек сего нектара.

— Одну-единственную сардинку,— сказал Горапфло,— и один стакан, не больше.

Шико положил на тарелку монаха сардину и передал ему вторую бутылку.

Горапфло съел сардину и выпил стакан вина.

— Ну как? — заинтересовался Шико, который старательно накладывал кушанья на тарелку монаха и, подливая ему вина в стакан, сам оставался совершенно трезвым. — Ну как?

— И вправду, я чувствую, что сил у меня прибавилось.

— Клянусь святым чревом! Если вы идете произносить речь, еще недостаточно чувствовать, что у вас прибавилось сил, вы должны быть в полной силе. И на вашем месте,— продолжал гасконец,— чтобы войти в полную силу, я съел бы два плавничка нашего карпа; ибо, если вы не будете плотно закусывать, от вас будет пахнуть вином. *Megum sobrio male olet*¹.

— Ах, черт побери,— сказал Горапфло,— вы правы, об этом я и не подумал.

Тут как раз принесли курицу, спятку с вертела. Шико отрезал одну из ножек, которые он окрестил «плавничками», и монах с жадностью ее обглодал.

— Клянусь телом Христовым,— сказал Горапфло,— вот вкуснейшая рыба!

Шико отрезал второй «плавник» и положил его на тарелку монаха, сам он деликатно обсасывал крылышко.

— Что за чудесное вино,— сказал он, откупоривая третью бутылку.

¹ Излишняя умеренность плохо пахнет (лат.).

Однажды растревожив, однажды разогрев, однажды разбудив глубины своего необъятного желудка, Горанфло уже не в силах был остановиться: он сожрал оставшееся крыло, обглодал до костей всю курицу и позвал Бономе.

— Мэтр Клод,— сказал он,— я сильно голоден, не найдется ли у вас какой-нибудь яичницы с салом?

— Конечно, найдется,— вмешался Шико,— она даже заказана. Не правда ли, Бономе?

— Несомненно,— подтвердил трактирщик, который взял себе за правило никогда не противоречить посетителям, если они увеличивают свои заказы, а следовательно, и свои расходы.

— Ну так несите ее, давайте ее сюда, мэтр!— потребовал монах.

— Через пять минут,— сказал хозяин гостиницы и, повипусь взгляду Шико, быстро вышел, чтобы приготовить требуемое.

— Ах,— вздохнул Горанфло, опуская на стол свой огромный кулак, в котором была зажата вилка,— вот мне и полегчало.

— В самом деле?

— И если бы яичница была уже здесь, я проглотил бы ее разом, одним глотком, как это вино.

Он одним махом осушил полный стакан, почав уже третью бутылку, и в его глазах заблестели счастливые искорки.

— Так, стало быть, вам нездоровилось?

— Я был глуп, дружище,— ответил Горанфло.— Эта проклятая речь мне в печенку въелась, последние три дня я только о ней и думаю.

— Должно быть, великолепная речь,— заметил Шико.

— Блестящая.

— Скажите мне что-нибудь из нее, пока яичницы еще нет.

— Ни в коем случае! — обиделся Горанфло.— Проповедь за столом! Где ты это видывал, господин дурак? Может быть, при дворе короля, твоего хозяина?

— При дворе короля Генриха, да хранит его бог, произносят прекрасные речи,— сказал Шико, приподняв шляпу.

— И о чем они, эти речи? — поинтересовался Горанфло.

— О добродетели,— ответил Шико.

— Ну да,— воскликнул монах, откидываясь на

стуле,— вот еще нашелся добродетельный распутник, твой король Генрих Третий.

— Я не знаю, добродетелен он или нет,— возразил гасконец,— но при его дворе мне ни разу не приходилось видеть ничего такого, что заставило бы меня покраснеть.

— Смерть Христова! Я уверен, что ты уже давно разучился краснеть, господин греховодник,— сказал монах.

— Какой же я греховодник,— возмутился Шико.— Да я олицетворенное воздержание, воплощенное целомудрие, без меня не обходится ни одно шествие, ни один пост.

— Да, шествия и посты твоего Сардапала, твоего Навуходоносора, твоего Ирода. Корыстные шествия, покаянные посты. К счастью, все уже начинают разбираться в твоём короле Генрихе, дьявол его поберет!

И Горанфло вместо речи запел во всю глотку:

Король, чтоб раздобыть депык:

В лохмотья вырядиться рад;

Оп лицемер.

И покаяний, и постов,
И бичевавший нам готов

Подать пример.

Но изучил его Париж,
И вместо денег ему шипш

Сулит любовью.

Он просит в долг — ему в ответ

Везде дают один совет:

«Ступай с сумой!»

— Bravo! — закричал Шико. — Bravo!

Затем тихо добавил:

— Добро, он запел, значит — заговорит.

В эту минуту вошел мэтр Бомоме, он нес знаменитую ячницу и две новые бутылки.

— Тащи ее сюда,— крикнул монах, блестя глазами и ухмыляясь во весь рот.

— Но, мой друг,— сказал Шико,— вы не забыли, что вам нужно произносить речь?

— Она у меня здесь,— сказал монах, стуча кулаком по своему лбу, на который со щек уже наплывал огненный румянец.

— В половине десятого,— напомнил Шико.

— Я солгал,— признался Горанфло. — *Omnis homo mendax confiteor*¹.

— В котором же часу на самом деле?

¹ Каждый человек — лжец (лат.).

— В десять часов.
— В десять часов? По-моему, монастырь закрывается в девять.

— Ну и па здоровье, пускай себе закрывается,— прописс монах, разглядывал пламя свечк через стакан, наполпшый рубиповым вином,— пусть закрывается, у меня есть ключ.

— Ключ от монастыря? — воскликнул Шико. — Вам доверили ключ от монастыря?

— Он у меня в кармане,— и Горанфло похлопал себя по бедру,— вот здесь.

— Не может быть,— возразил Шико. — Я отбывал покаяние в трех монастырях; я знаю — ключ от аббатства не доверяют простому монаху.

— Вот он,— с торжеством в голосе заявил Горанфло, откидываясь на стуле и показывая Шико какую-то монету.

— Смотри-ка! Денгги,— сказал тот. — А, понимаю. Вы совратили брата привратника, и он в любой час ночи пропускает вас, несчастный грешник.

Горанфло растянул рот до ушей в блаженной и доброй улыбке пьяного человека.

— Sufficit! — пробормотал он.

И неверной рукой понес монету по направлению к карману.

— Подождите, дайте сначала взглянуть,— остановил его Шико. — Смотри, какая забавная монетка.

— Это изображение еретика,— пояснил Горанфло. — А на месте сердца — дырка.

— Действительно, это тесон с изображением короля Беариского. В самом деле, вот и дырка.

— Удар кипжалом! — воскликнул Горанфло. — Смерть еретнику! Убийца еретика заранее причисляется к лику святых, я уступаю ему свое место в раю.

«Ага,— подумал Шико,— вот кое-что начинает уже проясняться, по этот болван еще недостаточно опьянел».

И гасконец снова наполнил стакан монаха.

— Да,— сказал он,— смерть еретика и да здравствует месса!

— Да здравствует месса! — прорычал Горанфло и с размаху опрокинул стакан в свою глотку. — Да здравствует месса!

¹ Довольно! (лат.).

— Значит,— сказал Шико, который при виде тестона, валятого в толстом кулаке монаха, вспомнил, как привратник осматривал руки у всех, входивших под портик монастыря,— значит, вы предъявляете эту монетку отцу привратнику и... вы...

— И я вхожу.

— Свободно?

— Как вот это вино входит в мой желудок.

И монах проглотил еще одну порцию доброго паптика.

— Чума побери! Если ваше сравнение верно, то вы войдете, не касаясь дверей.

— Для брата Горанфло,— бормотал мертвецки пьяный монах,— для брата Горанфло двери распахнуты настужь.

— И вы произносите свою речь!

— И я про... произношу мою речь. Вот как это будет: я пришел, слушай, Шико, я пришел...

— Конечно, я слушаю, я весь превратился в слух.

— Я пришел, г-говорю тебе, я пришел. С-собрание большое, общество самое избранное, тут — бароны, тут — графы, тут — герцоги.

— И даже принцы.

— И д-даже принцы,— повторил монах. — Как т-ты сказал... принцы? Подумаешь, принцы! Я вхожу смиренно среди других верных во Союзе...

— Верных во Союзе? — переспросил Шико. — А что это за верность такая?

— Я вхожу среди верных во Союзе; в-выкликают: «Брат Горанфло!», я в-выхожу в-вперед.

При этих словах монах поднялся.

— Ну давайте, выходите,— поторопил Шико.

— Я в-выхожу,— сказал Горанфло, пытаясь сопроводить слова действием.

Но стоило ему сделать один шаг, как он влетел на угол стола и покатылся на пол.

— Браво! — крикнул Шико, поднимая монаха и снова водружая на стул. — Вы выходите, приветствуете собрание и говорите...

— Н-нет, н-не я говорю, говорят мои друзья.

— И что же они говорят, ваши друзья?

— Друзья говорят: «В-вот он — брат Горанфло! Будет держать речь б-брат Горанфло! Какое отличное имя для лигиста — б-брат Г-горанфло!»

И монах принялся твердить свое имя с самыми нежными интонациями в голосе.

— Отличное имя для лириста? — повторил Шико. — Какая еще истина выйдет из вина, которое вылакал этот пьяница?

— И т-тут я и-начинаю...

Монах поднялся, закрыв глаза, ибо все предметы расплывались перед ним, и опираясь о стену, так как ноги его не держали.

— Вы начинаете... — сказал Шико, прислонив его к стене и поддерживая, как Папа Арлекина.

— И-начинаю: «Братие, сегодня пр-прекрасный день для веры; братие, сегодня р-распрекрасный день для веры; братие, сегодня самый пр-прекрасный-р-р-распрекрасный день для веры».

После этого прилагательного в превосходной степени Шико понял, что ему уже не удастся вытянуть из брата Горанфло ничего путного, и отпустил монаха.

Брат Горанфло, который сохранял равновесие только благодаря поддержке Шико, будучи предоставлен самому себе, тут же соскользнул вниз по стене, как плохо прибитая доска, и при этом толкнул ногами стол, да так сильно, что пустые бутылки попадали на пол.

— Аминь! — сказал Шико.

Почти в то же мгновение богатырский храп, напоминающий раскат грома, потряс стекла тесной комнатухи.

— Добро, — сказал Шико, — куриные ножки сделали свое дело. Теперь наш друг проспит не менее двенадцати часов, и я беспрепятственно могу его разоблачить.

Времени терять было нельзя, и Шико не мешкая развязал шнурки на рясе Горанфло, высвободил его руки из рукавов и, ворочая монаха, как мешок с орехами, завернул в скатерть, закрыл ему голову салфеткой и, спрятав рясу под свой плащ, вышел на кухню.

— Мэтр Бономе, — сказал он, протягивая хозяину гостиницы noble с розой. — Это за наш ужин, за ужин моей лошади, которую я вам препоручаю, и в особенности за то, чтобы не будили брата Горанфло, пусть он спит своим праведника.

— Хорошо! — сказал мэтр Клод, довольный щедрой платой. — Хорошо! Будьте покойны, господин Шико.

С этими заверениями Шико вышел из гостиницы и легкий на ногу, как лань, зоркий, как лисица, дошел до угла улицы Сент-Этьен, там он крепко зажал в правой

руке тостом с изображением Беарнца, надел на себя монашескую рясу и без четверти десять, испытывая некоторый сердечный трепет, предстал перед дверьми монастыря святой Женеьевы.

Глава XIX

О ТОМ, КАК ШИКО ЗАМЕТИЛ, ЧТО ЛЕГЧЕ ВОЙТИ В АББАТСТВО СЯТОЙ ЖЕНЕЬЕВЫ, ЧЕМ ВЫЙТИ ОТТУДА

Облачаясь в рясу, Шико принял одну важную меру предосторожности — он удвоил ширину своих плеч, расположив на них плащ и другую свою одежду, без которой ряса позволяла обойтись. Борода у него была того же цвета, что у Горанфло, и хотя он родился на берегах Соны, а монах — на Гаронне, Шико так часто развлекался передразниванием голоса своего друга, что научился в совершенстве подражать ему. А всем известно, что из глубин монашеского капюшона на свет божий выходят только борода и голос.

Когда Шико подошел к дверям монастыря, их уже собирались закрывать, и брат привратник ожидал только нескольких запоздавших. Гасконец предъявил своего Беарнца с пробитым сердцем и был пропущен без дальнейших околичностей. Перед ним вошли два монаха, Шико последовал за ними и оказался в часовне монастыря, с которой был уже знаком, так как часто сопровождал туда короля. Аббатству святой Женеьевы король неизменно оказывал особое покровительство.

Часовня была романской архитектуры, то есть возведена в XI столетии, и, как во всех часовнях той эпохи, под хорами у нее находился склеп или подземная церковь. Поэтому хоры располагались на восемь или десять футов выше нефа, и на них всходили по двум боковым лестницам. В стене между лестницами имелась железная дверь, через которую из нефа часовни можно было спуститься в склеп, куда вело столько же ступенек, что и на хоры.

На хорах, господствовавших над всей часовней, по обе стороны от алтаря, увенчанного образом святой Женеьевы, который приписывали кисти мэтра Россо, стояли статуи Кловиса и Клотильды,

Часовню освещали только три лампы: одна из них была подвешена посреди хоров, две другие висели в нефѣ на равном удалении от первой.

Это слабое освещение придавало храму особую торжественность, так как позволяло воображению до беспечности расширять его пределы, погруженные во мрак.

Сначала Шико должен был приучить свои глаза к темноте. Чтобы поудражнять их, он принялся пересчитывать монахов. В нефѣ оказалось сто двадцать человек и на хорах двенадцать, всего сто тридцать два. Двенадцать монахов на хорах стояли в ряд напротив алтаря и издали казались строем часовых, охраняющих святилище.

Шико с удовольствием увидел, что он не последним присоединился к тем, кого Горанфло называл «братьями во Союзе». После него вошли еще три монаха, одетые в широкие серые рясы. Вновь прибывшие заняли места на хорах впереди двенадцати монахов, уподобленных нами строю часовых.

Маленький монашек, на которого Шико до этого не обратил никакого внимания, по всей вероятности,— мальчик-певчий из монастырского хора, обошел всю часовню и пересчитал присутствующих. Закончив счет, он что-то сказал одному из трех монахов, прибывших последними.

— Нас здесь сто тридцать шесть,— густым басом провозгласил монах,— это число, угодное богу.

Тотчас же сто двадцать монахов, стоявших на коленях в нефѣ, поднялись и заняли места на стульях или на скамьях. Вскоре лязганье задвигаемых засовов и скрип дверных петель возвестили, что массивные двери часовни закрылись.

Каким бы храбрцом ни был Шико, все же, когда до его слуха донесся скрежет ключей в замочных скважинах, сердце у него в груди усиленно забилося. Чтобы взять себя в руки, он уселся в тени церковной кафедры, и глаза его вполне естественно обратились на трех монахов, которые, казалось, председательствовали на этом соборании.

Им принесли кресла, они торжественно уселись и стали похожи на трех судей. Двенадцать других монахов за ними на хорах остались стоять.

Когда улеглась суматоха, вызвавшая закрытием дверей и рассаживанием по местам, трижды прозвенел колокольчик.

Несомненно, это был сигнал к тишине, так как во время первых двух звонков со всех сторон слышались протяжные «тс-с-с», а на третьем — всякий шум прекратился.

— Брат Монсоро, — сказал все тот же монах, — какие новости вы привезли Союзу из провинции Анжу?

Шико наострил уши, и сделал это по двум причинам.

Во-первых, его поразила этот повелительный голос, казалось созданный для того, чтобы греметь не в церкви из-под монашеского капюшона, а на поле сражения из-под боевого забрала.

Во-вторых, он услышал имя Монсоро, всего лишь несколько дней назад ставшее известным при дворе, где оно, как мы знаем, вызвало разные толки.

Высокий монах, ряса которого топорщилась на бедре, прошел среди собравшихся и, твердо и смело ступая, поднялся на кафедру. Шико попытался разглядеть его лицо.

Это было невозможно.

«Добро, — сказал гасконец. — Пусть я не могу видеть физиономии собравшихся, зато и они не могут меня лицезреть».

— Братья мои, — произнес голос, который при первых же его звуках Шико признал за голос главного ловчего, — новости из провинции Анжу не очень-то радуют, и не потому, что там не хватает сочувствующих нашему делу, но потому, что там недостает наших представителей. Умножение рядов Союза в этой провинции было доверено барону Меридору, но сей старец, потрясенный недавней смертью дочери, запустил дела святой Лиги, и, пока он не придет в себя и не утешится в своей потере, мы не можем на него рассчитывать. Что касается до меня лично, то я привез три новых просьбы о зачислении в наше общество и по уставу опустил их в главную монастырскую кружку для сбора пожертвований. Совет решит, достойны ли три новых брата, за которых я, впрочем, ручаюсь, как за самого себя, приема в наш святой Союз.

В рядах монахов поднялся одобрительный шум, не стихнувший еще и после того, как брат Монсоро вернулся на свое место.

— Брат Ла Юрьери! — выкликнул тот же монах, который, по-видимому, был вправе вызывать ораторов по

своему усмотрению. — Расскажите нам, что вы сделали в городе Париже.

Человек с опущенным капюшоном занял кафедру, только что оставленную графом Монсоро.

— Братья мои,— начал он,— все вы знаете, предан ли я католической религии и подтвердил ли я эту преданность делами в славный день торжества нашей веры. Да, братья мои, я горжусь, что с того дня принадлежу к верным сторонникам нашего великого Генриха де Гиза, и это на уст самого господина де Бэзме — да почнет на нем благодать господня! — я получал приказы, которыми герцог меня утомлял, и выполнял их так ревностно, что не остановился бы даже перед тем, чтобы поубивать своих собственных постояльцев. Зная мою преданность святому делу, меня назначили старшим по кварталу, и я смею сказать, — мое назначение пошло на пользу нашей вере. На этой должности я смог переписать всех еретиков в квартале Сен-Жермен-л'Оксеруа, где на улице Арбр-Сек я уже много лет содержу гостиницу «Путеводная звезда», — к вашим услугам, братья, — и, переписав их, указать на них нашим друзьям. Конечно, сегодня я уже не жажду крови еретиков так страстно, как в былые времена, но я не скрываю от себя подлинной цели святого Союза, который мы с вами сейчас создаем.

— Послушаем, — сказал Шико. — Помнится мне, этот Ла Юрьер был ревностным истребителем еретиков, и если доверие господ лигистов оказывается по заслугам, то он должен быть хорошо осведомлен в делах Лиги.

— Продолжайте! Продолжайте! — раздалось несколько голосов.

Ла Юрьер, получивший возможность проявить свои ораторские способности, что редко выпадало на его долю, хотя он и считал себя прирожденным оратором, какую-то минуту собирался с мыслями, затем откашлялся и продолжал:

— Надеюсь, братья мои, я не ошибусь, сказав, что нас заботит не только искоренение отдельных ересей; мы, то есть все добрые французы, должны быть уверены в том, что среди принцев крови, которые могут оказаться на троне, нам никогда не встретится еретик. Ибо, братья, куда мы зашли? Франциск Второй, обещавший быть ревнителем веры, умер бездетным; Карл Девятый, а он был ее подлинным ревнителем, умер бездетным; король Генрих Третий, в истинности веры которого я не вправе

сомневаться, а деяния не полномочен судить, по всей вероятности, умрет бездетным; таким образом, остается герцог Анжуйский, но и у него нет детей, и к тому же он, по-видимому, равнодушен к святой Лиге.

Тут оратора прервало несколько голосов, среди которых был и голос главного ловчего.

— Почему равнодушен? — спросил Монсоро. — И кто уполномочил вас выдвинуть против принца такое обвинение?

— Я сказал: равнодушен, потому что он все еще не дал согласия примкнуть к Лиге, хотя высокочтимый брат, который меня перебил, вполне определенно обещал нам это от его имени.

— Кто вам сказал, что он не дал согласия? — слова раздались тот же голос. — Ведь у нас есть новые просьбы о вступлении в Союз. По-моему, вы не вправе подозревать кого бы то ни было, пока эти просьбы не будут рассмотрены.

— Ваша правда, — сказал Ла Юрьер, — я еще подожду. Но герцог Анжуйский смертен, у него нет детей, а, заметьте, в этой семье умирают молодыми, кому же достанется корона после герцога Анжуйского? Самому пересканиному гугеноту, которого только можно себе представить, отступнику, закоренелому грешнику, Навуходовосору...

На этот раз уже не ропот протеста, а шумные рукоплескания прервали речь Ла Юрьера.

— ...Генриху Наваррскому, против которого в первую голову и создано наше сообщество, Генриху Наваррскому, о котором мы часто думаем, что он занят своими любовными шашнями в По или в Гарбе, а в это время его встречают в Париже.

— В Париже! — раздались несколько голосов. — В Париже! Не может быть!

— Он приезжал в Париж! — завывал Ла Юрьер. — Он был в Париже в ту ночь, когда убили госпожу де Сов; вполне возможно, он и сейчас в Париже.

— Смерть Беарнцу! — загремело по часовой.

— Да, только смерть! — отозвался с кафедры Ла Юрьер, — и если мне посчастливится и он останется у меня в гостинице «Путеводная звезда», я за него полностью отвечаю; но нет, ко мне он не заглянет. Лисицу не заманишь дважды в одну и ту же западню. Он спрячется где-нибудь в другом месте, у какого-нибудь своего

друга, ведь у него еще есть друзья, у этого нечестивца. Стало быть, надо уменьшить число его друзей или хотя бы знать их всех до единого. Наш Союз свят, наша Лига узаконена, освящена, благословлена, вдохновлена нашими святейшим отцом, папой Григорием Тринадцатым. Потому я требую, чтобы на нашего Союза больше не делали тайны, чтобы нашим старшим по кварталам и по участкам вручили подписные листы, и пусть с этими листами они ходят по домам и приглашают добрых горожан поставить свою подпись. Те, кто подпишется, будут нашими друзьями, те, кто откажется подписаться, станут нашими врагами, и когда снова наступит ночь святого Варфоломея, а в ее неотложности, как мне кажется, истинные ревнители веры убеждаются все более и более, тогда мы повторим то, что проделали в первую Варфоломеевскую ночь. Мы избавим господ бога от труда самому отделять овец от козлиц.

Это заключение было встречено бурными овациями; потом, когда они затихли — затихли медленно и не сразу, потому что восторги присутствующих явно не иссякли, а лишь на время поуспокоились, — раздался голос монаха, руководившего собранием:

— Предложение брата Ла Юрьера, которого святой Союз благодарит за проявленное им рвение, принято во внимание и будет обсуждено на Высшем совете.

Овации возобновились с удвоенной силой. Ла Юрьер несколько раз поклонился, благодаря собравшихся, сошел по ступенькам кафедры и занял свое место, сгибаясь под великим бременем славы.

— Ага, — сказал Шико, — теперь все начинает проявляться. Примером ревностного служения католической вере является не мой Генрих, а его брат Карл Девятый и господ Гизы. Этого надо было ждать, раз уж герцог Майенский тут замешан. Господа Гизы хотят образовать в государстве небольшое сообщество, в котором они будут хозяевами; Великий Генрих, как полководец, получит армию, толстый Майеня — буржуазию, а наш знаменитый кардинал — церковь. И в одно прекрасное утро сын мой Генрих обнаружит, что в руках у него остались одни четки, и тогда его вежливоенько пригласят забрать эти четки и исчезнуть в каком-нибудь монастыре. Разумно, в высшей степени разумно! Ах да... по ведь остается еще герцог Анжуйский. Дьявол! А куда они девают герцога Анжуйского?

— Брат Горанфло! — выкрикнул монах, уже вызвавший главного ловчего и Ла Юрьера.

Потому ли, что Шико был погружен в размышления, о которых мы только что поведали нашим читателям, или потому, что еще не привык отзываться на имя, прихваченное им вместе с рясой брата сборщика милостыни, но он не откликнулся.

— Брат Горанфло! — подхватил монашек голосом настолько тонким и чистым, что Шико вздрогнул.

— Ого! — пробормотал он. — Можно подумать, что брата Горанфло позвал женский голосок. Неужто в сей почтенной ассамблее смешаны не только все сословия, но и оба пола?

— Брат Горанфло! — повторил тот же жепский голос. — Где вы, брат Горанфло?

— Ах, однако, — прошептал Шико, — ведь брат Горанфло — это я. Ну что ж, двинулись.

И громко зачастил, гнусая, как монах:

— Я здесь, я здесь, вот он я, вот я. Я погружился в благочестивые размышления, которые породила во мне речь брата Ла Юрьера, я не услышал, что меня кличут.

Упоминание имени брата Ла Юрьера, чьи слова еще трепетали во всех сердцах, вызвало новый одобрителный шум, который дал Шико время подготовиться.

Могут сказать, что Шико не следовало бы откликаться на имя Горанфло, ибо никто из собравшихся не подписал капюшона. Но, как мы помним, все участники собрания были пересчитаны и отсутствие одного человека, который по счету оказывался палицо, повлекло бы за собой общую проверку, и тогда обман неминуемо бы обнаружил и Шико попал бы как кур в опил.

Шико не колебался ни секунды. Он встал с важностью поднялся по ступенькам кафедры, не забыв при этом опустить капюшон как можно ниже.

— Братие, — начал он, искусно подражая голосу Горанфло, — я брат сборщик милостыни этого монастыря, и, как вы знаете, мои обязанности дают мне право входить во все двери. Я использую это право на благо господа.

— Братие, — продолжал он, вспомнив начало речи Горанфло, так некстати прерванной сном, который, по всей вероятности, еще не выпускал мертвецки пьяного брата сборщика милостыни из своих могучих объятий, — братие, какой прекрасный день для веры, сей день, в который мы все соединились. Скажем откровенно, братие, при-

красный день для веры, ибо мы с вами собрались здесь, во храме господнем.

Что такое Французское королевство? Тело. Святой Августин сказал «*Omnis civitas corpus est*». «Всякое общество есть тело». Что нужно для существования этого тела? Хорошее здоровье. Как сохранять это здоровье? Применяя разумные кровопускания, когда силы в избытке. Итак, очевидно, что враги католической веры слишком сильны, раз мы их боимся; значит, надо еще раз устроить кровопускание огромному телу, называемому обществом. Это мне повторяют каждый день добрые католики, от которых я уношу в монастырь яички, окорока и деньги.

Вступительная часть речи Шико произвела на слушателей живейшее впечатление.

Он замолчал, давая время улечься одобрительному шуму, вызванному его словами, и, когда этот шум утих, продолжал:

— Мне возражат, быть может, что святая церковь ненавидит кровопролитие: «*Ecclesia abhorret a sanguine*». Но заметьте хорошенько, дорогие братья, — ученый богослов не сказал, чья именно кровь ужасает церковь; бьюсь об заклад и ставлю тельца против яйца, что, во всяком случае, не кровь еретиков он имел в виду. Вспомните: «*Fons malus cogitatorum sanguis, haereticorum autem ressimus*»¹. И затем, еще один аргумент, братие! Я сказал: «Церковь», но мы, здесь присутствующие, мы не только люди церкви. До меня с этой кафедры так красноречиво говорил брат Монсоро, я уверен, что к его поясу подвешен кинжал главного ловчего. Брат Ла Юрьер мастерски действует своим вертелом: «*Veru agreste, lethiferum tamen instrumentum*»². Да я и сам, братие, я, кто говорит с вами, я Жак-Непомюсен Горанфло, носил мушкет в Шампани и сжег там гугенотов в их молельне. Для меня это было немалой заслугой, и место в раю мне было обеспечено. По крайней мере я так полагал, но вдруг на моей совести обнаружилось пятно: прежде чем сжечь гугенотов, мы ими чуточку потешились. И это, по-видимому, подпортило богоугодное дело, — во всяком случае, так объяснил мне мой духовный отец. Поэтому я и поспешил постричься в монахи и, дабы очиститься от пят-

¹ Плохой источник кровь развратников, кровь еретиков — еще худший (лат.).

² Вертел — деревенское, но смертоносное орудие (лат.).

на, которое оставили на моей совести еретички, принял обет провести остаток дней моих в воздержании и общаться только с добрыми католичками.

Эта вторая часть речи имела по меньший успех, чем первая, по-видимому, все слушатели были восхищены средством, к которому прибег господь с тем, чтобы побудить брата Горанфло обратиться.

Поэтому к одобрительному шуму кое-где примешались рукоплескания.

Шико скромно поклонился аудитории.

— Нам остается, — продолжал он, — поговорить о вождях, которых мы себе выбрали, и о которых, как разумею я, недостойный грешник, бедный монах из монастыря святой Женевьевы, нам следовало бы поговорить. Конечно, это прекрасно и, в особенности, весьма предусмотрительно прокрадываться сюда ночью, прикрываясь рясой, и слушать, как проповедует брат Горанфло. Но, по моему суждению, обязанности людей, которым доверили власть, этим не должны ограничиваться. Столь великая осторожность может вызвать насмешки проклятых гугенотов, которые, надо отдать им справедливость, когда завязывается драка, дерутся как бешеные. Я считаю, что мы должны вести себя, как подобает людям мужественным, каковыми мы и являемся или, скорее, каковыми мы хотим выгладеть. К чему мы стремимся? К искоренению ереси... За чем же дело стало?... Ведь об этом можно кричать со всех крыш, так я думаю. Почему бы нам не пройти по улицам Парижа в святом шествии, чтобы все видели нашу отличную выправку и наши добрые протазаны? Зачем нам ходить крадучись, подобно шайке ночных воров, которые на каждом перекрестке оглядываются, не идет ли стража? «Но кто подаст нам пример?» — спросите вы. Ну что ж, пусть этим человеком буду я, я, Жак-Непомюсен Горанфло, я, недостойный брат монастыря святой Женевьевы, сирый и убогий сборщик милостыни. С кирасой на теле, с каской на голове и мушкетом на плече я выступлю, если потребуется, во главе всех добрых католиков, которые пожелают за мной последовать. И я это сделаю хотя бы для того, чтобы вогнать в краску наших вождей, которые прячутся так, словно, обороняя церковь, мы выступаем на защиту грязного пьянца, попавшего в драку.

Заключительная часть речи Шико отвечала чаяниям большинства членов Лиги, которые не видели иного пути

к цели, кроме дороги, открытой шесть лет тому назад святым Варфоломеем, и приходили в отчаяние от медлительности вождей. Его слова возжгли священный огонь в сердцах собравшихся, и все они, кроме хранивших молчанье трех капюшонов, в один голос принялись кричать:

— Да здравствует месса! Слава храброму брату Горанфлю! Шествие! Шествие!

Общий восторг был особенно пылок еще и потому, что ревностное усердие достойного брата впервые проявилось в таком ярком свете. До сего дня самые близкие друзья Горанфлю, хотя и считали его рьяным поборником веры, в то же время относили к числу тех ее защитников, усердие которых могучее чувство самосохранения всегда удерживает в границах осторожности. А тут брат Горанфлю, обычно предпочитавший тень, внезапно на глазах у всех в боевых доспехах ринулся на поле брани под яркие лучи солнца. Это была великая неожиданность, показавшая достопочтенного собрата совсем в новом свете. Некоторые из собравшихся в своем восхищении — тем более сильным, чем неожиданной оно было, — уже видели в брате Горанфлю, призывающем к первому шествию правоверных католиков, подобие Петра Пустытника, который провозгласил первый крестовый поход.

К несчастью или к счастью для того, кто вызвал эти восторги, в планы руководителей отнюдь не входило предоставить ему свободу действий. Один из трех молчаливых монахов поклонился к уху монашка, и мелодичный детский голосок зазвонел под сводами; монашек трижды прокричал:

— Братья мои, время истекло, наше собрание закончено.

Монахи, гудя, как пчелиный рой, поднялись с мест и медленно двинулись к двери, на ходу договариваясь единодушно потребовать на ближайшем собрании шествия, предложенного этим молодцом, братом Горанфлю. Многие подходили к кафедре, чтобы выразить свое одобрение сборщику милостыни, когда он спустится на землю с высоты трибуны, на которой столь блестяще ораторствовал. Однако Шико подумал, что вблизи его могут распознать по голосу, ибо, несмотря на все усилия, он не мог избавиться от легкого гасконского акцента, да и рост его может вызвать удивление, ведь он на добрых шесть или восемь дюймов выше брата Горанфлю, кото-

рый, конечно, вырос в глазах своих собратьев, но только душой. Поэтому Шико бросился на колени и сделал вид, что он, подобно Самуилу, беседует с господом с глазу на глаз и всецело погружен в эту беседу.

Монахи не стали нарушать его молитвенного экстаза и направились к выходу. Они были сильно возбуждены, и это развеселило Шико, который через щелку в складках капюшона незаметно следил за всем происходящим вокруг.

И все же Шико почти ничего не добился. Ведь он оставил короля, не испросив на то королевского дозволения, лишь потому, что увидел герцога Майеннского, и вернулся в Париж, лишь потому, что увидел Николая Давида. Шико, как мы уже знаем, поклялся отомстить обоим этим людям, но ему, человеку слишком маленькому, чтобы напасть на принца Лотарингского дома и сделать это безнаказанно, приходилось долго и терпеливо выжидать подходящего случая. С Николаем Давидом дело обстояло совсем иначе, это был простой нормандский адвокат, правда, продумная бестия, и к тому же, прежде чем стать адвокатом, он служил в армии на должностях учителя фехтования. Шико не занимал должности учителя фехтования, но считал, что неплохо владеет рапирой. Все, что ему требовалось, — это встретиться со своим недругом лицом к лицу, а там уж Шико, подобно древним героям, доверил бы свою жизнь своей правоте и своей шпаге.

Шико исподтишка разглядывал уходящих один за другим монахов, в надежде обнаружить под какой-нибудь рясой и капюшоном длинную и тощую фигуру мэтра Николая, и вдруг он заметил, что при выходе монахи подвергаются проверке, подобной той, которую им учивали при входе: каждый выходящий доставал из кармана какой-то предмет, предъявлял его брату привратнику, и лишь затем получал свое ехать¹. Шико сначала подумал, что это ему просто показалось, с минуту он колебался, но вскоре подозрения превратились в уверенность, и на лбу гасконца у самых корней волос выступили капли холодного пота.

Брат Горанфло любезно снабдил его пропуском для входа в монастырь, но забыл предложить пропуск, дававший право на выход.

¹ Выхода (лат.).

Глава XX

О ТОМ, КАК ШИКО, ОСТАВШИЙСЯ В ЧАСОВНЕ АББАТСТВА, ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ ТО, ЧТО ДЛЯ НЕГО БЫЛО ВЕСЬМА ОПАСНО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ

Шико торопливо спустился с кафедры и смешался с последними монахами, надеясь узнать, какой предмет служил пропуском на улицу, и попытаться раздобыть его, если это еще возможно. И в самом деле, приткнувшись к толпе запоздавших и вытянув голову поверх других голов, Шико увидел, что они показывают привратнику денье с краями, вырезанными в форме звезды.

В карманах у нашего гасконца позвякивало немало денье, но, к несчастью, среди них не было ни одного звездообразного, и найти его было тем более невозможно еще и потому, что искалеченный денье навсегда изгонялся из денежного обращения.

Шико в один миг оценил создавшееся положение. Если он подойдет к двери и не предъявит звездообразного денье, его тут же разоблачат, как поддельного монаха, но на этом дело, естественно, не кончится, в нем узнают мэтра Шико, королевского шута, а эта должность, которая давала ему немалые привилегии в Лувре и в королевских замках, здесь, в аббатстве святой Женевиевы, да еще в подобных обстоятельствах, отнюдь не вызовет уважения. Шико понял, что попал в капкан. Он зашел за четырехугольную колонну и забился в угол между колонной и придвинутой к ней исповедальной.

«К тому же,— сказал себе Шико,— погубив себя, я погублю дело этого дурачка, моего господина, которого я имел глупость полюбить, хотя и браню его в глаза на чем свет стоит. Конечно, хорошо было бы вернуться в гостиницу «Рог изобилия» и составить компанию брату Горанфлю, но на нет и суда нет».

И, откровенничая таким образом с самим собой, то есть с собеседником, более чем кто-либо заинтересованным в сохранении всего сказанного в тайне, Шико постарался как можно глубже втиснуться в узкое пространство между углом исповедальни и колонной.

И тут он услышал голос мальчика-певчего, донесшийся с паперти:

— Все ли ушли? Сейчас закроют дверь.

Никто не откликнулся. Шико вытянул шею и увидел, что часовня совсем пуста и только три монаха, еще больше закутавшись в свои рясы, молча сидят посреди хор в креслах, которые для них поставили.

— Добро,— сказал Шико,— лишь бы не вздумали окна заперать, вот все, что я у них прошу.

— Проверим, все ли ушли,— предложил мальчик-певчий привратнику.

— Клянусь святым чревом,— возмутился Шико,— вот настырный монашек!

Брат привратник зажег свечу и в сопровождении маленького певчего приступил к обходу церкви.

Нельзя было терять ни секунды. Монах со свечой должен был пройти в четырех шагах от Шико и немедленно его обнаружить.

Сначала Шико ловко перемещался вокруг колонны, все время оставаясь в тени, затем, открыв дверцу исповедальни, запертую только на задвижку, он проскользнул в этот продолговатый ящик, уселся на скамью и закрыл за собою дверь.

Брат привратник и монашек прошли в четырех шагах от него, и через резную решетку на рясу Шико унажи блики света от свечи, которая освещала им путь.

— Какого дьявола! — сказал Шико. — Привратник, монашек и те три монаха, не будут же они оставаться в церкви целую вечность, а как только они уйдут, я поставлю стулья на скамейки, взгроможу Пеллон на Оссу, как говорит господин Ронсар, и выберусь через окно.

— Ну да, через окно,— возразил Шико самому себе,— но если я вылезу через окно, я попаду во двор, а двор еще не улица. Пожалуй, лучше всего провести ночь в исповедальне. У брата Горанфло теплая ряса, и эта ночь будет куда более христианской, чем если бы я провел ее в другом месте, думаю — она зачтется мне во спасение.

— потушите лампы,— распорядился мальчик-певчий,— пусть снаружи видят, что в церкви никого не осталось.

Привратник с помощью огромного гасильника немедленно потушил две лампы в нефе, и неф часовни погрузился в мрачную темноту.

Затем погасили свет и на хорах.

Теперь церковь освещал только бледный свет зимней луны, который с большим трудом просачивался сквозь цветные витражи.

После того как погасли лампы, затихли и все шумы. Колокол пробил двенадцать раз.

— Пресвятое чрево! — сказал Шико. — Полночь в часовне; будь на моем месте Генрике, он здорово бы перепугался; к счастью, мы не из трусливого десятка. Пойдем-ка спать, дружище Шико, доброй тебе ночи и приятных снов.

И, высказав самому себе эти пожелания, Шико устроился поудобнее в исповедальне, задвинул внутреннюю задвижку, чтобы чувствовать себя совсем как дома, и закрыл глаза.

Прошло уже около десяти минут с тех пор, как он смежил веки, и в его сознании, отуманенном первым дуновением сна, уже роились смутные образы, плавающие в том таинственном тумане, который порождает сумерки мысли, когда вдруг звон медного колокольчика разорвал тишину, отозвался под сводами часовни и пропал где-то в глубинах.

— Что такое? — спросил Шико, открывая глаза и прислушиваясь. — Что это значит?

И тут же лампада на хорах засияла голубоватым светом, первые отблески которого осветили все тех же трех монахов, сидевших друг возле друга все на том же месте и все в той же неподвижности.

Шико не был чужд суевериям своего времени. Какой бы храбростью ни отличался наш гасконец, он был сыном своей эпохи, богатой фантастическими преданиями и страшными легендами.

Шико тихонько перекрестился и чуть слышно прошептал: «Vade retro, Satanas»¹. Однако таинственный свет не погас при святом знаке креста, как это не преминул бы сделать всякий адский огонь, а три монаха, несмотря на *vade retro*, не тронулись с места, и гасконец понемногу начал соображать, что хоры осветила простая лампада, а перед ним если и не подлинны монахи, то, во всяком случае, настоящие люди из плоти и крови.

И все же Шико продолжала бить дрожь; легкий озноб, охватывающий человека, пробудившегося ото сна, сочетался в его теле с судорожным трепетом, порожденным испугом.

В это мгновение одна из плит пола на хорах медленно поднялась и застыла в вертикальном положении. Из

¹ Изъиди, Сатана (лат.).

черного отверстия показался сначала серый монашеский капюшон, а затем и весь монах; как только он ступил на мраморный пол, плита за ним медленно опустилась и закрыла отверстие.

Увидев это, Шико забыл об испытании, которому он только что подверг нечистую силу, и утратил веру в могущество заклинания, считавшегося непреложным. Волосы стали дыбом на его голове, и на минуту ему почудилось, что все приоры, аббаты и деканы монастыря святой Женеьевы, начиная с Оптафа, почившего в 533 году, до Пьера Будена, непосредственного предшественника нынешнего приора, воскресли в своих гробницах, стоящих в подземном склепе, где некогда покоились мощи святой Женеьевы, и, заразившись поданным примером, приподымут сейчас плиты пола своими костястыми черепами.

Но это наваждение продолжалось недолго.

— Брат Монсоро,— обратился один из трех монахов на хорах к пришельцу, появившемуся столь странным образом,— что, тот, кого мы ждем, уже здесь?

— Да, монсеньеры,— ответил граф де Монсоро,— он ожидает.

— Тогда откройте дверь и впустите его к нам.

— Добро! — сказал Шико. — По-видимому, комедия будет в двух действиях, пока что я видел только первое. Два действия — ни то ни се! Как нелепо скроили эту пьесу!

Пытаясь шуточками укрепить свой дух, Шико все еще ощущал во всем теле остатки дрожи, вызванной страхом; казалось, тысячи острых иголок высккивают из деревянной скамьи, на которой он сидит, и впиваются ему в бока и в седалище.

Тем временем брат Монсоро спустился с хоров в неф и распахнул железную дверь между двумя лестницами, ведущую в подземный склеп.

Одновременно монах, сидевший посредине, откинул капюшон и открыл большой шрам — благородный знак, при виде которого парижане с бурным восторгом приветствовали того, кто уже считался героем католической веры и от кого ждали, что он станет ее мучеником.

— Великий Генрих де Гиз собственной персоной, а сго преглуейшее величество думает, что он сейчас занимается осадой Ла-Шарите! Ах, теперь я понимаю,— воскликнул Шико. — Тот, кто справа от него, тот, кто

благословлял присутствующих, это кардинал Лотарингский, а тот, кто слева, кто говорил с этим недомерком из певчих, — монсеньер Майенский, мой старый друг; но где же тогда мэтр Николая Давид?

И действительно, как будто для того, чтобы тут же подтвердить правильность догадок Шико, монахи, сидевшие слева и справа от герцога Гиза, тоже откинули свои капюшоны, и гасконец увидел умную голову, высокий лоб и острые глаза знаменитого кардинала и куда более грубую и заурядную физиономию герцога Майенского.

— Ага, я тебя узнаю, дружная, но отнюдь не святая тронца, — сказал Шико. — Теперь посмотрим, что ты будешь делать, — я весь глаза; послушаем, что ты скажешь, — я весь уши.

Как раз в эту минуту господин де Монсоро и подошел к железным дверям подземного склепа, чтобы открыть их.

— Вы думаете, он придет? — спросил Меченый своего брата кардинала.

— Я не только думаю, — ответил последний, — я в этом уверен и даже держу под рысой все, что необходимо для замены сосуда со святым миром.

И Шико, который находился неподалеку от тронцы, как он называл братьев Гизов, и мог все видеть и все слышать, заметил, как в слабом свете лампы, висящей над хорами, блеснул позолоченный резной ларец.

— Вот оно! — сказал Шико. — По-видимому, здесь собираются кого-то посвятить в сан. Мне просто посчастливилось. Я давно мечтаю поглядеть на эту церемонию.

Тем временем десятка два монахов, головы которых были закрыты огромными капюшонами, вышли из дверей склепа и заняли места в нефе.

Лишь один из них, предводимый графом Монсоро, поднялся на хоры и то ли сел на скамью справа от Гизов, то ли встал на ее приступку.

Снова появился мальчик-певчий, почтительно выслушал какие-то распоряжения кардинала и исчез.

Герцог Гиз, обведя взглядом собрание в пять раз менее многочисленное, чем предыдущее, и, по всей вероятности, бывшее сборищем избранных, удостоверился, что все не только ждуть его слова, но и ждуть с нетерпением.

— Друзья, — сказал он, — время драгоценно, и я хочу взять быка за рога. Вы только что слышали, ибо я по-

лагаю, что все вы участвовали в первом собрании, вы только что слышали, говорю я, как в речах некоторых членов католической Лиги звучали жалобы той части нашего сообщества, которая обвиняет в холодности и даже в недоброжелательстве одного из наших старшин, принца, ближе всех стоящего к трону. Настало время отнестись к этому принцу со всем уважением, которое ему подобает, и по справедливости оценить его заслуги. Вы, кто всем сердцем стремитесь выполнить первую задачу святой Лиги, вы сами все услышите и сами сможете судить — заслуживают ли ваши вожди упреков в равнодушии и бездеятельности, прозвучавших в речи одного из выступавших здесь братьев лигистов, которому мы не сочли нужным раскрыть нашу тайну; я говорю о брате Горанфло.

При этом имени, которое герцог де Гиз произнес пренебрежительным тоном, свидетельствующим, что вопиющий монах далеко не пришелся ему по душе, Шико в своей исповедальне не мог удержаться от смеха, его смех, хотя и был беззвучным, тем не менее явно был направлен против сильных мира сего.

— Братья мои,— продолжал герцог,— принц, содействие которого нам обещали, принц, от которого мы едва смели ожидать даже не присутствия на наших собраниях, но хотя бы одобрения наших целей, этот принц — здесь.

Любопытные взоры всех собравшихся обратились на монаха, стоявшего на приступке скамьи справа от трех лотарингских принцев.

— Монсеньер,— сказал герцог де Гиз, обращаясь к предмету всеобщего внимания,— мне кажется, господь проявил свою волю, ибо если вы согласились к нам присоединиться, значит, все, что мы делаем, мы делаем во благо. Теперь молю вас, монсеньер: сбросьте капюшон, пусть верные члены Союза своими глазами увидят, как вы держите обещание, которое им дали от вашего имени, обещание столь лестное, что они и поверить ему не смели.

Таинственная личность, которую Генрих Гиз таким образом представил собранию, поднесла руку к капюшону, отбросила его на плечи, и Шико, полагавший, что под этой рясой скрывается какой-то еще неизвестный ему лотарингский принц, с удивлением узрел голову герцога Анжуйского; герцог был так бледен, что при по-

гребальном свете лампы походил на мраморную статую.

— Ого! — сказал Шико. — Наш брат Анжуйский. Стало быть, он все еще пытается выиграть трон, делает ставки чужими головами.

— Да здравствует монсеньер герцог Анжуйский! — закричали все присутствующие.

Франсуа побледнел еще больше.

— Ничего не бойтесь, монсеньер, — сказал Генрих де Гиз. — Эта часовня непроницаема, и двери ее плотно закрыты.

— Счастливая предосторожность, — отметил Шико.

— Братья мои, — сказал граф де Мопсоро, — его высочество желает обратиться к собранию с несколькими словами.

— Да, да, пусть говорит, — раздался голоса, — мы слушаем.

Три лотарингских принца повернулись к герцогу Анжуйскому и отвесили ему поклон. Герцог оперся обеими руками о ручки скамьи, можно было подумать, что он вот-вот упадет.

— Господа, — начал он голосом, таким слабым и дрожащим, что первые слова его речи с трудом можно было разобрать, — господа, я верю, что всевышний, который часто кажется нам глухим и равнодушным к земным делам, напротив, неотступно следит за нами своим всевидящим оком и напускает на себя видимость бесстрастия и безразличия лишь для того, чтобы однажды ударом молнии раз и навсегда положить конец беспорядку, порожденному безумным честолюбием сынов человеческих.

Начало речи принца было, как и его характер, довольно темным, и все ждали, пока его высочество прояснит свои мысли и даст возможность либо рукоплескать им, либо осудить их.

Герцог продолжал более уверенным голосом:

— И я, я тоже посмотрел на сей мир и, не будучи в силах охватить его весь своим слабым взглядом, остановил взор на Франции. Что же узрел я повсюду в нашем королевстве? Основание святой Христовой веры потрясено, истинные служители божья рассеяны и гонимы. Тогда я исследовал глубины пропасти, развернутой уже двадцать лет назад еретиками, которые подрывают основы веры под тем предлогом, что им ведом более

вадежный путь к спасению, и душу мою, подобно дущо пророка, затопила скорбь.

Одобрительный шепот пробежал по толпе слушателей. Герцог высказал сочувствие к страданиям церкви, за этим можно было увидеть объявление войны тем, кто заставлял эту церковь страдать.

— И когда я глубоко скорбел душой,— продолжал герцог,— до меня дошел слух, что несколько благородных и набожных дворян, хранителей обычаев наших предков, пытаются укрепить пошатнувшийся алтарь. Я оглянулся вокруг, и мне показалось, что я уже присутствую на Страшном суде, и бог уже отделил агнцов от козлищ. На одной стороне были отщепенцы, и я с ужасом отшатнулся от них; на другой — стояли праведники, и я поспешил броситься им в объятия. И вот я здесь, братья мои!

— Аминь! — шепотом заключил Шико.

Но это была напрасная предосторожность, он смело мог бы высказаться во весь голос, его слова все равно потонули бы в вихре рукоплесканий и криков «браво», ваметнушемся до самых сводов часовни.

Три лотарингских принца призывали к тишине и дали собранию время успокоиться; затем кардинал, находившийся ближе остальных к герцогу, сделал еще шаг в его сторону и спросил:

— Вы пришли к нам по доброй воле, принц?

— По доброй воле, сударь.

— Кто открыл вам святую тайну?

— Мой друг, ревностный слуга веры, граф де Мопсоро.

— Теперь,— заговорил в свою очередь герцог де Гиз,— теперь, когда ваше высочество примкнуло к нам, соблаговолпте, монсеньер, рассказать, что вы намерены совершить во благо святой Лиги.

— Я намерен преданно служить католической вере, апостольской и римской, и выполнять все, что она от меня потребует,— ответил неофит.

— Пресвятое чрево! — сказал Шико. — Вот глупые люди, клянусь своей душой: они прячутся, чтобы говорить подобные вещи. Почему они просто-напросто не изложат свои намерения Генриху Третьему, моему высокочтимому королю? Все это ему очень понравится. Шествия, умерщвление плоти, искоренение ереси, как в Риме, вязанки хвороста и аутодафе, как во Фландрии

и в Испании. Может быть, это единственное средство заставить моего доброго короля обзавестись детишками. Клянусь телом Христовым! Этот милейший герцог Анжуйский до того меня растрогал, что хочется вылезти на исповедальни и в свой черед представиться всем присутствующим. Продолжай, достойный братец его величества, продолжай, благородный прохвост!

И герцог Анжуйский, словно уловив это поощрение, действительно продолжал.

— Однако,— сказал он,— и защита святой веры не единственная цель, которую благородные дворяне должны ставить перед собой. Что до меня, то я предвижу и другую.

— Вот как! — воскликнул Шико. — Ведь я тоже благородный дворянин, стало быть, и меня это касается не меньше, чем других. Говори, Анжуйский, говори!

— Монсеньер, словам вашего высочества внимлют с самым глубоким вниманием,— заявил кардинал де Гиз.

— И когда мы слушаем вас, в наших сердцах бьется надежда,— добавил герцог Майеннский.

— Я готов объяснитьсь,— сказал герцог Анжуйский, с тревогой всматриваясь в темные глубины часовни, словно желая удостовериться, что его слова будут услышаны только людьми, достойными доверия.

Граф Монсоро понял опасения принца и успокоил его улыбкой и многозначительным взглядом.

— Итак, когда дворянин воздаст все должное богу,— продолжал герцог Анжуйский, невольно понизив голос,— он обращается мыслями к...

— Черт возьми,— выдохнул Шико,— к своему королю, это ясно.

— ...к своему отечеству, и он спрашивает себя, действительно ли его родина пользуется всем почетом и всем благосостоянием, которыми она должна пользоваться по праву? Ибо благородный дворянин получает свои привилегии сначала от бога, а потом от страны, в которой он рожден.

Собрание разразилось бурными рукоплесканиями.

— Пусть так, однако,— сказал Шико,— а король куда делся? Разве о нем уже и речи нет, о нашем бедном монархе? А я-то верил, что всегда говорят, как написано на пирамиде в Жювизи: «Бог, король и дамы!»

— И я спросил себя,— продолжал герцог Анжуйский, на крутых скулах которого зантрап лихорадочный румянец,— я спросил себя, наслаждается ли моя родина миром и счастьем, коих по праву заслуживает эта прекрасная и благодатная страна, называемая Францией, и с горем в душе я увидел, что ни мира, ни счастья у нас нет.

И в самом деле, братья мои, государство раздирают на части равные по могуществу, противоборствующие воли и желания; и это благодаря слабости верховной воли, которая, забыв, что она, ради блага своих подданных, должна надо всем господствовать, вспоминает об этой основе королевской власти лишь время от времени, когда ей задумается, и всякий раз действует так неразумно, что ее деяния только умножают зло; это бедствие, вне всякого сомнения, надо приписать либо роковой судьбе Франции, либо слепоте ее правителя. Но хотя бы мы и не знали истинной причины зла или могли только предполагать ее, зло от этого не умалется, и, по моему разумению, оно порождено либо преступлениями против религии, совершенными Францией, либо безбожными поступками некоторых ложных друзей короля, а не самого монарха. И в том и в другом случае, господа, я, как верный слуга алтаря и трона, обязан примкнуть к тем, кто всеми средствами добивается искоренения ереси и падения коварных советников. Вот, господа, что я намерен сделать для Лиги, присоединившись к вам.

— Ого! — пробормотал остолебевший от изумления Шико. — Кончики ушей вылезают прямо на глазах, в, как я и раньше полагал, это уши не осла, а лисицы.

Нашим читателям, отделенным тремя столетиями от политических интриг того времени, речь герцога Анжуйского может показаться растянутой, однако она настолько заинтересовала слушателей, что большинство из них придвинулось к оратору, стараясь не упустить ни одного звука, ибо голос принца все более и более слабел по мере того, как смысл его слов все более и более прояснялся.

Зрелище было довольно замечательным. Слушатели в количестве двадцати пяти или тридцати человек, откинув капюшоны, столпились у подножия кафедры; в свете единственной лампы, освещавшей место действия, видны были их гордые, возбужденные лица, глаза, сверкавшие отвагой или любопытством.

Густая тень скрывала все остальные приделы часовни, казалось, они не имеют никакого отношения к драме, которая разыгрывается в освещенном пространстве.

В центре этого пространства виднелось бледное лицо герцога Анжуйского: маленькие глазки, глубоко запрятанные под выступающими костями лба, рот, который, открываясь, походил на мрачный оскал черепа.

— Монсеньер,— начал герцог де Гиз,— я хочу поблагодарить ваше высочество за прекрасные слова, которые вы сейчас произнесли, и считаю себя обязанным заверить вас, что вы окружены здесь лишь теми, кто предан не только принципам, изложенным вами, но и самой особе вашего королевского высочества, и, ежели вы все еще питаете сомнения на этот счет, то в дальнейшем ходе нашего собрания вам будут даны доказательства более убедительные, чем те, которых вы могли бы ожидать.

Герцог Анжуйский поклонился и, распрямляясь, бросил тревожный взгляд на собравшихся.

— Oho! — пробормотал Шико. — Если я не ошибаюсь, все, что мы видели до сих пор, только начало, и здесь должно произойти что-то гораздо более важное, чем все нелепицы, которые тут говорились и делались.

— Монсеньер,— сказал кардинал, от внимания которого не укрылся взгляд принца,— ежели ваше высочество чего-то опасается, то я надеюсь, что даже одни имена тех, кто его здесь окружает, успокоят его. Вот господин губернатор провинции Онис, вот господин д'Антрагэмладший, господин де Рибейрак и господин де Ляваро, дворяне, с которыми его высочество, быть может, знакомы и которые столь же преданы вам, сколь отважны. Вот еще господин викарный епископ Кастильонский, господин барон де Лювиньян, господа Крюс и Леклерк. Все они поражены мудростью вашего королевского высочества и счастливы оказанной им честью выступить под его стягом на борьбу за освобождение святой веры и трона. Мы с благодарностью будем повиноваться приказам, которые ваше высочество соизволит дать нам.

Герцог Анжуйский, не в силах сдержаться, гордо вскинул голову. Гизы, эти Гизы, такие надменные, что никто никогда не мог принудить их склониться, сами заговорили о повиновении.

Герцог Майсенский поддержал своего брата, кардинала.

— Вы, монсеньер, и по праву рождения, и в силу присущей вам мудрости являетесь природным вождем нашего святого Союза, и вы должны разъяснить нам, какого образа действий следует придерживаться в отношении тех лживых друзей короля, о которых мы только что говорили.

— Нет ничего проще, — ответил принц, охваченный тем лихорадочным возбуждением, которое слабым людям заменяет мужество, — когда сорняки прорастают в поле и не дают возможности снять с него богатый урожай, сии ядовитые травы выпальвают с корнем. Короля окружают не друзья, а куртизаны, они губят его и своим поведением постоянно возмущают и Францию, и весь христианский мир.

— Истинно так, — глухим голосом подтвердил герцог де Гиз.

— И кроме того, эти куртизаны, — подхватил кардинал, — мешают нам, подлинным друзьям его величества, приблизиться к трону, хотя мы на это имеем право и по нашему сану, и по рождению.

— Давайте-ка оставим бога, — грубо вмешался герцог Майеннский, — на попечение рядовых лигистов, лигистов первой Лиги. Служа богу, они будут служить тем, кто им говорит о боге. А мы займемся своим делом. Нам мешают некоторые люди, они заносятся перед нами, они оскорбляют нас, они постоянно отказывают в уважении принцу, которого мы чтим больше всех и который является нашим вождем.

У герцога Анжуйского покраснел лоб.

— Уничтожим же, — продолжал герцог Майеннский, — уничтожим же их всех, от первого до последнего, истребим начисто эту проклятую породу, которую король обогатил за счет наших состояний, и пусть каждый из нас возьмет на себя обязательство убить одного из них. Нас здесь тридцать, давайте пересчитаем их.

— Это мудрое предложение, — сказал герцог Анжуйский, — в вы уже выполнили свою задачу, господни герцог.

— Сделанное не в счет, — возразил герцог Майеннский.

— Оставьте все-таки что-нибудь и на нашу долю, монсеньер, — сказал д'Антрагэ. — Я беру на себя Келюса!

— А я Можирона! — поддержал его Ливаро.

— А я Шомберга! — крикнул Рыбейрак.

— Хорошо, хорошо, — отвечал князь. — Но ведь у нас есть еще Бюсси, мой храбрый Бюсси. Он тоже внесет свою лепту.

— И мне! И мне! — раздавались крики со всех сторон.

Господни де Монсоро выступил вперед.

— Ага, — сказал Шико, который, видя, какой оборот принимают события, уже не смеялся, — главный ловчий хочет потребовать свою долю добычи.

Но Шико ошибался.

— Господа, — сказал Монсоро, протягивая руку. — Помолчите минуту. Мы, здесь собравшиеся, люди смелые, а боимся откровенно поговорить друг с другом. Мы, здесь собравшиеся, люди умные, а вертимся вокруг каких-то глупых мелочей. Давайте же, господа, проявим чуть больше мужества, чуть больше смелости, чуть больше откровенности. Дело не в миньонах короля Генриха и не в том, что нам затруднен доступ к его королевской особе.

— Валяй! Валяй! — бормотал Шико, широко раскрыв глаза и приставив к уху согнутую ладонь левой руки, чтобы не упустить ни одного слова. — Пошел дальше! Не задерживайся. Я жду.

— То, что нас всех тревожит, господа, — продолжал граф, — это безвыходное положение, в котором мы оказались. Это король, навязанный нам и не устраивающий французское дворянство. Это бесконечные молебны, деспотизм, бессилие, оргии, бешеные траты на празднества, над которыми смеется вся Европа, скандальная экономия во всем, что относится к войне и к ремеслам. Подобное поведение нельзя объяснить ни слабостью характера, ни невежеством, это слабоумие, господа.

Речь главного ловчего звучала в злобещей тишине. Она произвела особенно глубокое впечатление потому, что все присутствующие думали про себя то же самое, что Монсоро произносил во всеуслышание, и слова главного ловчего заставляли каждого невольно вздрагивать, словно он признавался себе в полном своем согласии с оратором.

Граф де Монсоро, чувствуя, что молчание слушателей объясняется изытком согласия, продолжал:

— Можем ли мы и впредь оставаться под властью короля — глупца, бездеятельного лентяя в то время, когда Испания разжигает костры, когда Германия будит

старых ереснархов, уснувших в тени монастырей, когда Англия, неуклонно проводя свою политику, рубит голову и идеи? Все государства со славою трудятся над чем-нибудь. А мы, мы — спим. Господа, простите, что я выскажусь в присутствии великого принца, который, быть может, осудит мою дерзость, так как он связан родственными чувствами, но подумайте, господа, уже четыре года нами правят не король, а монах.

При этих словах взрыв, умело подготовленный и в течение часа сдерживаемый осторожными руководителями, разразился с такой силой, что никто бы не узнал в этой беснующейся толпе тех спокойных, мудро расчетливых людей, которых мы видели в предыдущей сцене.

— Долой Валуа, — вопили они, — долой отца Генриха! Пусть нас ведет принц-дворянин, король-рыцарь, пусть он будет даже тираном, лишь бы не был долгополым.

— Господа, господа, — лицемерно твердил герцог Анжуйский, — заклинаю вас, прощения, прощения моему брату, он обманывается, или, вернее, его обманывают. Позвольте мне надеяться, господа, что наши мудро упреки, что действительное вмешательство могущественной Лиги наставят его на путь истинный.

— Шипи, змея, — прошептал Шико, — шипи.

— Монсеньер, — ответил герцог де Гиз, — ваше высочество слышали, может быть, несколько преждевременно, но все же слышали искреннее выражение наших помыслов. Нет, речь идет уже не о Лиге, направленной против Беарнца, этого пугала для дураков; речь идет и не о Лиге, имеющей целью поддержать церковь, — наша церковь сама позаботится о себе, — речь идет о том, господа, чтобы вытащить дворянство Франции из грязной трясины, в которой оно тонет. Слишком долго нас сдерживало уважение, внушаемое нам вашим высочеством; слишком долго та любовь, которую, как мы знаем, вы испытываете к вашей семье, заставляла нас притворяться. Теперь все вышло наружу, и сейчас вы, ваше высочество, будете присутствовать на настоящем заседании Лиги, все, что происходило здесь до сих пор, — только присказка.

— Что вы хотите этим сказать, господин герцог? — спросил принц, одновременно раздраемый страхом и распираемый тщеславием,

— Монсеньер, — продолжал герцог де Гиз, — мы собрались здесь, как справедливо сказал господин главный ловчий, не для того, чтобы обсудить уже сто раз обсужденные вопросы теории, а для того, чтобы действовать с пользой. Сегодня мы избираем вождя, способного прославить и обогатить дворянство Франции. В обычае древних франков, когда они забирали себе вождя, было подносить избраннику достойный его дар, и мы подносим в дар вождю, которого мы избрали...

Все сердца забились, но сильнее всех заколотилось сердце герцога Анжуйского.

И все же он стоял немой и неподвижный, и только бледность выдавала его волнение.

— Господа, — продолжал герцог де Гиз, взяв со стоящего за ним кресла какой-то предмет и с усилием поднимая его над головой, — господа, вот дар, который я от вашего имени приношу к стопам принца.

— Корона! — вскричал герцог Анжуйский. — Корона! Мне, господа?!

— Да здравствует Франциск Третий! — в один голос прогремела, заставив вздрогнуть церковные своды, тесно сплотившаяся толпа дворян, которые обнажили свои шпаги.

— Мне, мне, — бормотал герцог, содрогаясь и от радости и от страха, — мне! Но это невозможно! Мой брат еще жив, он помазанник божий.

— Мы его спалагаем, — сказал Генрих де Гиз, — в ожидании, пока господь его смертью не утвердит сделанный нами сегодня выбор или, вернее сказать, пока какой-нибудь его подданный, которому опостылело это бесславное царствование, ядом или кинжалом не предвостытит божью справедливость!..

— Господа, — задыхаясь, сказал герцог и еще тише: — Господа...

— Монсеньер, — произнес кардинал, — на столь благородную щепетильность, которую вы сейчас перед нами проявили, мы ответим такими словами: Генрих Третий был помазанником божьим, но мы его низложили, больше он уже не избранник божий, и теперь вы будете этим избранником, монсеньер. Мы здесь в храме не менее чтимом, чем Реймский собор; ибо здесь хранятся мощи святой Женевиевы, покровительницы Парижа; ибо здесь погребено тело короля Хлодвига, первого короля христианина; и вот, монсеньер, в этом святом храме, пе-

ред статуей подлинного основателя французской монархии, я, один из князей церкви, который без ложного тщеславия может надеяться со временем стать ее главой, я говорю вам, монсеньер: «Вот святое миро, посланное папой Григорием Тринадцатым, оно заменит миро, хранящееся в Реймском соборе. Монсеньер, назовите вашего будущего архиепископа реймского, назовите вашего будущего коннетабля, и через минуту вы станете королем, помазанным на царствие, и ваш брат Генрих, если он не уступит вам трона, будет почитаться узурпатором». Мальчик, зажгите свечи перед алтарем.

И тут же мальчик-певчий, очевидно ожидавший этого распоряжения, вышел из ризницы с зажженным факелом в руке, и вскоре вокруг алтаря и на хорах загорелись свечи в пятидесяти канделябрах.

И тогда взорам всех открылись митра, сверкающая драгоценными камнями, и большой меч, украшенный геральдическими лилиями: митра архиепископа и меч коннетабля.

И в то же мгновение в темном углу, куда не пропикал свет, зазвучал орган, он играл «Veni Creator»¹.

Это подобие спектакля, приготовленное тремя лотарингскими принцами без ведома герцога Анжуйского, вдохновило присутствующих. Смелые воодушевились, слабые почувствовали себя сильными.

Герцог Анжуйский поднял голову и более твердым шагом, чем от него можно было ожидать, направился к алтарю, довольно решительно взял в левую руку митру, а в правую — меч и, подойдя к герцогу и кардиналу, заранее ожидавшим этой чести, возложил митру на голову кардинала и опоясал герцога мечом.

Собравшиеся встретили единодушными рукоплесканиями уверенные действия принца, которых они, зная его нерешительный характер, не ждали от него.

— Господа, — сказал герцог Анжуйский, обращаясь к присутствующим, — сообщите ваши имена герцогу Майеннскому, главному дворецкому Франции, и в тот день, когда я стану королем, вы все станете рыцарями ордена.

Рукоплескания усилились, и все присутствующие, один за другим, начали подходить к герцогу Майеннскому и называть свои имена.

¹ Прийди, создатель (лат.).

— Смерть Христова! — сказал Шико. — Вот прекрасный случай занять голубую ленточку. Такой возможности у меня больше никогда не будет. И подумать только, что мне приходится от нее отказаться!

— А теперь к алтарю, государь, — сказал кардинал де Гиз.

— Господин де Монсоро, мой капитан-полковник, господа де Рибейрак и д'Антрагэ, мои капитаны, господин де Ливаро, лейтенант моей гвардии, займите на хорах места, подобающие тем званиям, которые я вам присвоил.

Каждый из названных дворян занял место, которое полагалось бы ему по этикету при подлинной церемонии помазания на царство.

— Господа, — сказал герцог, обращаясь к остальным, — пусть каждый из вас попросит у меня, чего хочет, и я постараюсь, чтобы среди вас не было ни одного недовольного.

Тем временем кардинал зашел за дарохранилище и падел на себя епископское облачение. Вскоре он появился, держа в руках сосуд с миром, который поставил на алтарь.

Затем он сделал знак рукой мальчику-певчому, и тот принес книгу Евангелий и крест. Кардинал взял то и другое, возложил крест на книгу и протянул герцогу Анжуйскому, который положил на них руку.

— Перед лицом всевышнего, — сказал герцог, — я обещаю моему народу сохранять и чтить нашу святую веру, как это подобает всехристианнейшему королю и старшему сыну церкви. Да будут мне в помощь бог и его святые Евангелия.

— Амнь! — в один голос откликнулись присутствующие.

— Амнь! — повторило эхо, казалось выходящее из самых глубин часовни.

Герцог де Гиз, как мы уже говорили, исполнявший обязанности коннетабля, поднялся на три ступени к алтарю и положил свой меч перед дарохранилищем; кардинал благословил оружие.

Затем кардинал извлек меч из ножен и, держа за клинок, протянул королю, который взял его за рукоятку.

— Государь, — сказал кардинал, — примите сей меч, вручаемый вам с благословения господа, дабы с его

помощью и силой святого духа вы могли противоборствовать всем вашим врагам, охранять и защищать святую церковь и вверенное вам государство. Возьмите меч сей, дабы его сталью вершить правосудие, оборонять вдов и сирот, пресекать беспорядки, дабы все добродетели покрыли вас славой, и вы заслуженно царствовали бы вкупе с тем, чьим образом вы являетесь на земле, с тем, кто царствует и ныне, и присно, и во веки веков вместе с Отцом и Духом святым.

Герцог Анжуйский опустил острие меча к земле и, посвятив меч богу, вручил его герцогу Гизу.

Маленький певчий принес подушечку и положил ее перед герцогом Анжуйским, герцог преклонил колени.

Тогда кардинал открыл небольшой позолоченный сосуд, кончиком золотой иглы взял из него несколько капель мира и размазал их на патене. Затем, держа патену в левой руке, он прочитал над герцогом две молитвы, после чего, смочив большой палец в мире, начертил на темени герцога крест и сказал:

— *Ungo te in regem de oleo sanctificato, in nomine Patris et Filii et Spiritus sancti*¹.

Почти тотчас же маленький певчий платком с золотой вышивкой стер помазание.

Тогда кардинал взял обеими руками корону и опустил ее к голове принца, но не возложил на голову. Герцог де Гиз и герцог Майенский приблизились к принцу и с двух сторон поддерживали корону.

И кардинал, держа корону одной левой рукой, правой благословил принца со словами:

— Господь венчает тебя венцом славы и справедливости.

Затем, возлагая корону на голову принца, он произнес:

— Прими сей венец во имя Отца, и Сына, и Святого духа.

Герцог Анжуйский, бледный и дрожащий, почувствовал тяжесть короны на своей голове и невольно схватился за нее рукой.

Колокольчик маленького певчего зазвенел снова, и все склонили головы.

Но тотчас же свидетели этой церемонии выпрямились и, размахивая шпагами, закричали:

¹ Помазаю тебя на царство освященным елеем во имя Отца, и Сына, и Святого духа (лат.),

— Да здравствует король Франциск Третий!

— Государь,— сказал кардинал герцогу Анжуйскому,— отныне вы царствуете во Франции, ибо вы помазаны самим папой Григорием Тринадцатым, которого я представляю.

— Пресвятое чрево! — сказал Шико. — Как жаль, что я не золотушный, я тут же мог бы получить исцеление.

— Господа,— произнес герцог Анжуйский гордо и величественно, поднимаясь с колен,— я никогда не забуду имена тридцати дворян, которые первыми сочли меня достойным царствовать над ними; а теперь прощайте, господа, да хранит вас святая и могущественная десница божья.

Кардинал и герцог де Гиз склонились перед герцогом Анжуйским; однако Шико из своего угла заметил, что пока герцог Майеннский провожал повоявленного короля к выходу, остальные два лотарингских принца обменялись ироническими улыбками.

— Вот как! — удивился гасконец. — Что все это значит и что это за игра, в которой все игроки плутуют?

В это время герцог Анжуйский дошел до ступеней лестницы, ведущей в склеп, и вскоре исчез во мраке подземелья; одни за другим за герцогом последовали и все остальные, за исключением трех братьев, которые скрылись в ризнице, пока привратник тушил свечи на алтаре.

Маленький певчий закрыл дверь склепа, и теперь часовню освещала только одна негасимая лампада, казавшаяся символом какой-то тайны, непонятной непосвященным.

Глава XXI

О ТОМ, КАК ШИКО, ДУМАЯ ПРОСЛУШАТЬ КУРС ИСТОРИИ, ПРОСЛУШАЛ КУРС ГЕНЕАЛОГИИ

Шико встал в своей исповедальне, чтобы немного поразмять затекшие ноги. У него были все основания думать, что это заседание было последним, и, так как время приближалось к двум часам ночи, следовало поспешить с устройством на ночлег.

Но, к великому удивлению гасконца, после того, как в дверях подземного склепа дважды со скрипом повернулся ключ, три лотарингских принца снова вышли

из ризницы, только на этот раз они сбросили рясы и были в своей обычной одежде.

Увидев их, мальчик-певчий расхохотался так весело и чистосердечно, что заразил Шико и тот тоже начал смеяться, сам не зная чему.

Герцог Майенский поспешно подошел к лестнице.

— Не смейтесь так громко, сестра, — сказал он. — Они недалеко ушли и могут вас услышать.

«Его сестра?! — подумал Шико, переходя от удивления к удивлению. — Неужто этот монашек — женщина?!»

И действительно, послушник отбросил капюшон и открыл самое одухотворенное и самое очаровательное женское личико, которое только можно вообразить; такую красоту не доводилось переносить на полотно самому Леонардо да Винчи, художнику, как известно, написавшему Джоконду.

Черные глаза искрились лукавством, однако, когда зрачки этих глаз расширялись, их эбеновые кружки увеличивались, и, несмотря на все усилия красавицы придать своему взгляду строгое выражение, он становился почти устрашающим.

Рот был маленький, изящный и алый, нос — вырезан с классической строгостью, безукоризненный овал несколько бледного лица, на котором выступали две неспя-черные дуги сросшихся бровей, идеально правильного рисунка, завершался округлым подбородком.

Это была достойная сестрица братьев Гизов, госпожа де Монпансье, опасная сирена, ловко скрывавшая под грубой монашеской рясой свои телесные изъяны — плечи, из которых одно было выше другого, и слегка искривленную правую ногу, заставлявшую ее прихрамывать.

Благодаря этим физическим недостаткам, в теле, которому бог дал голову ангела, поселилась душа демона.

Шико узнал герцогиню, он раз двадцать видел ее при дворе, где она любезничала со своей двоюродной сестрой, королевой Луизой де Водемон, и понял, что она присутствует здесь неспроста и что за упорным нежеланием семейства Гизов покинуть церковь скрывается еще одна тайна.

— Ах, братец-кардинал, — захлебываясь судорожным смехом, тараторила герцогиня, — какого святошу вы из себя корчили и как прочувственно произносили имя божье. Была такая минута, когда я даже испугалась:

мне показалось, что вы все делаете всерьез; а он-то, он, до чего охотно этот болван подставлял свою глупую голову под помазание и под корону и каким жалким гаденышем выглядел в короне!

— Не важно,— сказал герцог де Гиз,— мы добились, чего хотели, и Франсуа теперь уж от нас не отречется. У Монсоро, несомненно, есть какой-то свой тайный расчет, он завел своего принца так далеко, что отныне мы можем быть спокойны — Франсуа не бросит нас на полпути к эшафоту, как он бросил Ла Моля и Коконнаса.

— Ого,— сказал герцог Майеннский,— принцев нашей крови не так-то просто заставить ступить на этот путь: от Лувра до аббатства святой Женевьевы нам всегда будет ближе, чем от ратуши до Гревской площади.

— Давайте вернемся к делу, господа,— прервал его кардинал. — Все двери закрыты, не правда ли?

— О, за двери я вам отвечаю,— ответила герцогиня,— впрочем, я могу пойти проверить.

— Не надо,— сказал герцог,— вы, должно быть, устали, мой прелестный мальчик из хора.

— Даю слово, нет, все это очень забавно.

— Майени, вы говорите, он здесь? — спросил герцог.

— Да.

— Я его не заметил.

— Я думаю, он спрятался.

— И где?

— В исповедальне.

Эти слова раздалились в ушах Шико, как сто тысяч труб Апокалипсиса.

— Кто же это прячется в исповедальне? — спрашивал он, беспокойно вертясь в своем деревянном ящичке. — Клянусь святым чревом, кроме себя, никого не вижу.

— Значит, он все видел и все слышал? — спросил герцог.

— Ну и что, ведь он вполне наш человек.

— Приведите его ко мне, Майени,— сказал герцог.

Герцог Майеннский опустился по лестнице с хоров, некоторое время стоял, словно раздумывая, куда идти, и, наконец, решительно двинулся прямо к той исповедальне, где притаился Шико.

Шико был храбр, но на этот раз он залягал зубами от страха, и капли холодного пота потекли с его лба на руки.

— Ах, так! — говорил он, пытаюсь высвободить шпагу из складок ряссы. — Однако же я вовсе не хочу, чтобы меня закололи в этом ящике, как ночного вора. Ну что ж, встретим смерть лицом к лицу, клянусь святым чревом! И, раз представляется случай, убьем сами, прежде чем умереть.

И, готовясь привести в исполнение свой смелый замысел, Шико, который наконец-то нащупал рукоять шпаги, уже положил было руку на дверную задвижку. Но тут он услышал голос герцогини:

— Не в этой, Майени, не в этой, в другой — на левой стороне, совсем в глубине.

— Ах да, верно! — пробормотал герцог Майенинский, резко поворачиваясь и опуская руку, уже протянутую было к исповедальне Шико.

— Уф! — вырвался у Шико вздох облегчения, которому позавидовал бы сам Горанфло. — В самую пору. Но какой черт прячется в другой коробке?

— Выходите, мэтр Николя Давид, — пригласил герцог Майенинский, — мы остались одни.

— К вашим услугам, монсеньер, — отозвался человек из исповедальни.

— Добро, — сказал Шико, — тебя не было на празднике, мэтр Николя, я искал тебя повсюду и вот сейчас, когда уже бросил искать, нашел.

— Вы все видели и все слышали, не так ли? — спросил герцог де Гиз.

— Я не упустил ни одного слова из того, что здесь говорилось, и я не забуду ни одной мелочи. Будьте спокойны, монсеньер.

— И вы сможете все передать посланцу его преосвященства папы Григория Тринадцатого? — продолжал Меченый.

— Все до мельчайших подробностей.

— Ну, а теперь посмотрим, что вы там для нас сделали; брат Майени мне сказал, что вы прямо чудеса творите.

Кардинал и герцогиня подошли поближе, влекомые любопытством. Три брата и сестра встали рядом.

Николя Давид стоял в трех шагах от них на полном свету лампы.

— Я сделал все, что обещал, монсеньер, — сказал он, — то есть я нашел для вас способ по законному праву занять французский трон.

— И они туда же! — воскликнул Шико. — Вот так так! Все стремится занять французский трон. Последние да будут первыми!

Как видите, наш славный Шико воспрянул духом и снова обрел свою веселость. Эта перемена была вызвана тремя причинами.

Во-первых, он совершенно неожиданно ускользнул от неминуемой гибели: во-вторых, открыл опасный заговор и, наконец, открыв этот заговор, нашел средство погубить двух своих главных врагов: герцога Майеннского и адвоката Николая Давида.

— Мой добрый Горанфло, — пробормотал он, когда все эти мысли утряслись в его голове, — каким ужином я отплачу тебе завтра за то, что ты ссудил мне рясу! Вот увидишь.

— Но если узурпация слишком бросается в глаза, мы воздержимся от применения нашего способа, — произнес Генрих де Гиз. — Мне нельзя восстанавливать против себя всех христианских королей, ведущих начало от божественного права.

— Я подумал о вашей щепетильности, монсеньер, — сказал адвокат, кланяясь герцогу и окидывая уверенным взглядом весь триумвират. — Я понаторел не только в искусстве фехтования, монсеньер, как могли вам довести мои враги, дабы лишить меня вашего доверия; будучи человеком сведущим в богословии и в юриспруденции, я, как подобает всякому настоящему казуисту и ученому юристу, обратился к анналам и декретам и подкрепил ими свои изыскания. Получить законное право на наследование трона, — это значит получить все, я же обнаружил, монсеньеры, что вы и есть законные наследники, а Валуа только побочная и узурпаторская ветвь.

Уверенный тон, которым Николай Давид произнес свою маленькую речь, вызвал живейшую радость мадам де Монпансье, сильнейшее любопытство кардинала и герцога Майеннского, и почти разгладил морщины на суровом челе герцога де Гиза.

— Вряд ли Лотарингский дом, — сказал герцог, — каким бы славным он ни был, может претендовать на преимущество перед Валуа.

— И, однако, это доказано, монсеньер, — ответил мэтр Николай. Распахнув полы рясы, он извлек из кармана широких штанов свиток пергамента, при этом движении

из-под его рысы высунулась также и рукоятка длинной рапиры.

Герцог взял пергамент из рук Николая Давида.

— Что это такое? — спросил он.

— Генеалогическое древо Лотарингского дома.

— И родоначальник его?

— Карл Великий, монсеньер.

— Карл Великий! — в один голос воскликнули три брата с недоверчивым видом, к которому, однако, примешивалось некоторое удовлетворение. — Это немыслимо. Первый герцог Лотарингский был современником Карла Великого, но его звали Ранье, и он ни по какой линии не состоял в родстве с великим императором.

— Подождите, монсеньеры, — сказал Николай. — Вы, конечно, понимаете, что я вовсе не искал таких доказательств, которые можно с ходу опровергнуть и которые первый попавшийся знаток геральдики сотрет в порошок. Вам нужен хороший процесс, который затянулся бы на долгое время, занял бы и парламент и народ и позволил бы вам привлечь на свою сторону не народ — он и без того ваш, а парламент. Посмотрите, монсеньер, как это получается: Ранье, первый герцог Лотарингский, современник Карла Великого. Гильберт, его сын, современник Людовика Благочестивого. Генрих, сын Гильберта, современник Карла Лысого.

— Но... — начал герцог де Гиз.

— Чутьочку терпения, монсеньер, мы уже подходим. Слушайте внимательно. — Бон...

— Да, — сказал герцог, — дочь Рисена, второго сына Ранье.

— Верно, — подхватил адвокат, — за кем замужем?

— Бон?

— Да.

— За Карлом Лотарингским, сыном Людовика Четвертого, короля Франции.

— За Карлом Лотарингским, сыном Людовика Четвертого, короля Франции, — повторил Давид. — Прибавьте еще: братом Лотаря, у которого после смерти Людовика Пятого Гуго Капет похитил французскую корону.

— О! О! — воскликнули одновременно герцог Майенский и кардинал.

— Продолжайте, — сказал Меченый, — тут появляется какой-то просвет.

— Ибо Карл Лотарингский должен был наследовать своему брату Лотарю, если род Лотаря прекратится; род Лотаря прекратился; стало быть, господа, вы единственные законные наследники французской короны.

— Смерть Христова! — сказал Шико. — Это гадина еще лживее, чем я думал.

— Что вы на это скажете, братец? — в один голос спросили Генриха Гиза кардинал и герцог Майеннский.

— Я скажу, — ответил Меченый, — что, на нашу беду, во Франции существует закон, который называется салическим, и он сводит к нулю все наши претензии.

— Этого возражения я ожидал, мопсеньер, — воскликнул Давид с гордым видом человека, честолюбие которого удовлетворено, — но помните, когда был первый случай применения салического закона?

— При восшествии на престол Филиппа Валуа в ущерб Эдуарду Английскому.

— А какова дата этого восшествия?

Меченый поискал в своей памяти.

— Тысяча триста двадцать восьмой год, — без запинки подсказал кардинал Лотарингский.

— То есть триста сорок один год после узурпации короны Гуго Капетом; двести сорок лет после прекращения рода Лотаря. Значит, к тому году, когда был принят салический закон, ваши предки уже двести сорок лет имели права на французскую корону. А каждому известно, что закон обратной силы не имеет.

— Да вы ловкач, мэтр Никола Давид, — сказал Меченый, рассматривая адвоката с восхищением, к которому примешивалась, однако, доля презрения.

— Это весьма остроумно, — заметил кардинал.

— Это просто здорово, — высказался герцог Майеннский.

— Это восхитительно! — воскликнула герцогиня. — И вот я уже принцесса королевской крови. Теперь подавайте мне в мужья самого германского императора.

— Господи боже мой, — взмолился Шико, — ты знаешь, что у меня к тебе была только одна молитва: «*Ne nos inducas in tentationem, et libera nos ab advocatis*»¹.

Среди общей шумной радости один только герцог де Гиз оставался задумчивым.

¹ Не вводи нас во искушение и избави нас от адвокатов (лат.).

— Неужели человек моей породы не может обойтись без подобных уловок? — пробормотал он. — Подумать только, что люди, прежде чем повиноваться, должны изучать пергаменты, вроде вот этого, а не судить о благородстве человека по блеску его глаз или его шпаги.

— Вы правы, Генрих, вы десять раз правы. И если бы судили только по лицу, то вы были бы королем среди королей, ибо говорят, что все другие принцы по сравнению с вами просто мужичье. Но для того, чтобы подняться на трон, существенно важное значение имеет, как уже сказал мэр Николя Давид, хороший процесс, а чтобы выиграть его, надо, как сказали вы, чтобы герб нашего дома не уступал гербам, висящим над другими европейскими тронами.

— Ну тогда эта генеалогия хороша, — улыбнулся Генрих де Гиз, — и вот вам, мэр Николя Давид, двести золотых экю, их просил у меня для вас мой брат Майени.

— А вот и еще двести, — сказал кардинал адвокату, пока тот с глазами, блестящими от радости, опускал монеты в свой большой кошелек. — Это за выполнение нового поручения, которое мы хотим вам доверить.

— Говорите, монсеньер, я весь к услугам вашего пресвященства.

— Эта генеалогия должна получить благословение нашего святого отца Григория Тринадцатого, но мы не можем поручить вам самому отвезти ее в Рим. Вы слишком маленький человек, и двери Ватикана перед вами не откроются.

— Увы! — сказал Николя Давид. — Я человек высокого мужества, это правда, но низкого рождения. Ах, если бы я был хотя бы простым дворянином!

— Заткнись, проходимец! — прошептал Шпко.

— Но, к несчастью, — продолжал кардинал, — вы не дворянин. Поэтому нам придется возложить эту миссию на Пьера де Гонди.

— Позвольте, братец, — сказала герцогиня, сразу серьезнее. — Гонди умные люди, это надо признать, но они от нас не зависят и нам никоим образом не подчиняются. Мы можем играть разве что на их честолюбии, но честолюбивые притязания этой семейки король может удовлетворить не хуже, чем дом Гизов.

— Сестра права, Людовик, — заявил герцог Майеннский со свойственной ему грубостью, — мы не смеем доверять Пьеру Гонди так же, как мы доверяем Николя

Давиду. Николая Давид наш человек, и мы можем повесить его, когда нам вздумается.

Эти простодушные слова герцога, брошенные прямо в лицо адвокату, произвели на бедного законника неожиданный впечатленье: он разразился судорожным смехом, обличавшим сильнейший испуг.

— Мой брат Карл шутит, — сказал Генрих де Гпа побледневшему адвокату, — известно, что вы наш верный слуга, вы доказали это во многих делах.

«В особенности моем», — подумал Шико, грозя кулаком своему врагу или, вернее, обоим своим врагам.

— Успокойтесь, Карл, успокойтесь, Катрин, я заранее все предусмотрел: Пьер де Гонди отвезет эту генеалогию в Рим, но вместе с другими бумагами и не зная, что именно он везет. Благословит ее папа или не благословит, в любом случае решение святого отца не будет известно Гонди. И, наконец, Гонди, все еще не зная, что он везет, вернется во Францию с этой генеалогией, благословленной папой или не одобренной им. Вы, Николая Давид, выедете почти одновременно с Гонди и остаетесь ждать его возвращения в Шалоне, Лионе или Авиньоне, в зависимости от того, какой из этих трех городов мы вам укажем. Таким образом только вы будете знать настоящую цель этой поездки. Как видите, вы по-прежнему остаетесь нашим единственным доверенным лицом.

Давид поклонился.

— И ты знаешь, при каком условии, милый друг, — прошептал Шико, — при условии, что тебя повесят, если ты сделаешь хоть шаг в сторону; но будь спокоен: клянусь святой Женевиевой, представленной здесь в гипсе, в мраморе или в дереве, а возможно, и в кости, ты сейчас стоишь между двумя виселицами, и ближе к тебе болтается как раз та петля, что я тебе уготовил.

Три брата обменялись рукопожатием и обняли свою сестру, герцогиню, которая принесла рясы, оставленные ими в ризнице. Затем герцогиня помогла братьям натянуть на себя защитные монашеские одежды, а потом, опустив капюшон на глаза, повела их к арке дверей, где поджидал привратник. Вся компания исчезла в дверях. Позади всех шел Николая Давид, в карманах которого при каждом шаге повязкивали золотые эку.

Проводив гостей, привратник закрыл двери на засов, вернулся в дерковь и потушил лампаду на хорах.

Тотчас же густая тьма затопила часовню и снова принесла с собой тот таинственный страх, который уже не раз поднимал дыбом волосы Шико.

Во тьме зашаркали по плитам пола сандалии монаха, шарканье постепенно удалялось, слабело и, наконец, совсем затихло.

Прошло пять минут, показавшиеся Шико часами, и ничто более не нарушило ни темноту, ни тишину.

— Добро,— сказал гасконец,— по-видимому, на сей раз и в самом деле все кончено, все три акта сыграны, и актеры уходят. Попробуем и мы за ними последовать; такой комедии, как эта, для одной-единственной ночи с меня хватит.

И Шико, повпдавший раскрывающиеся гробницы и исповедальни, в которых прячутся люди, отказался от мысли подождать в часовой наступления дня; он легонько приподнял щеколду, осторожно толкнул дверцу и вытянул ногу из своего ящика.

Следя за передвижениями мнимого певчего, Шико приметил в углу лестницу, предназначенную для чистки витражей. Он не стал терять времени даром. Вытянув руки вперед, осторожно переставляя ноги, бесшумно добрался до угла, нащупал рукой лестницу и, определив, по возможности, свое местонахождение, приставил ее к одному из окон.

В лунном свете Шико увидел, что не обманулся в своих расчетах: окно выходило на кладбище монастыря, а за кладбищем лежала улица Бурдель.

Шико открыл окно, уселся верхом на подоконник и с силой и ловкостью, которые радость или страх всегда придают человеку, втянул лестницу в окно и поставил основанием на землю.

Спустившись, он спрятал лестницу среди тисов, росших вдоль стены. Затем, скользя от могилы к могиле, добрался до ограды, отделявшей кладбище от улицы, и перелез через нее, сбив с гребня несколько камней, которые одновременно с ним оказались на улице.

Очутившись на свободе, Шико остановился и вздохнул полной грудью.

Он выбрался, отделавшись всего несколькими ссадинами, из осинового гнезда, где жизнь его не раз висела на волоске.

Ощувив, что легкие наполнились свежим воздухом, он направился на улицу Сен-Жак, не останавливаясь,

дошел до гостиницы «Рог изобилия» и уверенно постучал в дверь, словно час и не был таким поздним или, вернее сказать, таким ранним.

Мэтр Клод Бономе собственноручно открыл ему дверь. Хозяин гостиницы знал, что всякое беспокойство оплачивается, и рассчитывал нажать себе состояние скорее на дополнительных подношениях, чем на обычных доходах.

Он распознал Шико с первого взгляда, хотя Шико ушел в костюме для верховой езды, а вернулся в монашеской рясе.

— Ах, это вы, сударь,— сказал он.— Добро пожаловать.

Шико дал ему эку и спросил:

— А как брат Гораифло?

Лицо хозяина гостиницы просияло широкой улыбкой. Он подошел к кабинету и толкнул дверь.

— Смотрите.

Брат Гораифло громко храпел, лежа там, где его оставил Шико.

— Клянусь святым чревом, мой почтенный друг,— сказал гасконец,— ты только что, сам того не зная, видел кошмарный сон.

Глава XXII

О ТОМ, КАК СУПРУГИ СЕН-ЛЮК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ВМЕСТЕ И КАК ПО ДОРОГЕ К НИМ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СПУТНИК

На следующее утро, приблизительно в тот час, когда брат Гораифло проснулся, заботливо укутанный в свою рясу, наш читатель, путешествуя он по дороге из Парижа в Анжер, мог бы повстречать где-то между Шартром и Ножаном двух всадников, по виду дворянина и его пажу; их смиренные лошади шли рядом, голова в голову, ласково касаясь друг друга мордами и переговариваясь ржанием и пофыркиванием, как добропорядочные животные, которые, будучи лишены дара слова, все же открыли способ обмениваться мыслями.

Накануне, примерно в тот же ранний утренний час, эти всадники прискакали в Шартр на взмыленных конях; конские бока дымелись, с губ свисали клочья пены. Один копь упал на соборной площади как раз в то время, когда верующие шли к мессе; вид породистого скакуна, загнанного и, как самая последняя кляча, брошенного

владельцам на произвол судьбы, представил для шартрских обывателей зрелище, не лишенное интереса.

Некоторые из горожан заметили, — а жители города Шартра сыздавна отличались наблюдательностью; так, говорим мы, некоторые из горожан заметили, как тот всадник, что был повыше ростом, сунул экую в руку какому-то честному малому и малый проводил приезжих до ближайшего постоянного двора. А по прошествии получаса оба путешественника, уже на свежих лошадях, выехали из задних ворот постоянного двора, выходявших в открытое поле, и щеки их пылали ярким румянцем, свидетельствующим о пользительности бокала теплого вина, выпитого на дороге.

Выехав на простор полей, все еще пустых, все еще холодных, но уже отливающих голубизной — первым признаком приближения весны, высокий всадник вплотную подъехал к своему спутнику и, раскрыв объятия, сказал:

— Моя маленькая женушка, поцелуй меня хорошенько. С этого часа нам уже нечего бояться.

Тогда госпожа де Сен-Люк, ибо это была она, распланув теплый плащ, в который была закутана, грациозно склонилась с седла, положила обе руки на плечи молодому супругу и, не сводя с него глаз, выполнила просьбу, одарив его нежным и долгим поцелуем.

Может быть, заверения Сен-Люка успокоили молодую женщину, а может быть, виновником был поцелуй, которым госпожа де Сен-Люк вознаградила своего супруга, но, так или иначе, наши знакомцы в тот же день остановились на небольшом постоялом дворе в деревне Курвиль, расположенной на удалении всего лишь четырех лье от Шартра; уединенность этого строения, двойные двери в комнатах для постояльцев и множество других преимуществ были для двух влюбленных надежной порукой их безопасности.

Супруги укрылись в отведенной им маленькой комнатке и, после того как туда был подан завтрак, заперлись на ключ. Там они в полной тайне провели весь день и всю ночь, сказав хозяину, что за время долгого пути совсем выбились из сил и просят не беспокоить их до следующего утра. Нужно ли говорить, что эта просьба была свято уважена.

Именно в это утро мы и встретили господина и госпожу Сен-Люк на дороге из Шартра в Ножан.

Супруги чувствовали себя гораздо увереннее, чем накануне, и ходили не на беглецов и даже не на влюбленных, а скорее на двух школьников. Они ревелись от всей души и то и дело сворачивали с дороги — полюбоваться скалой, напоминающей конную статую, наломать молодых веток с набухающими почками, поискать ранних мхов, нарвать подснежников, этих дозорных весны, пробившихся сквозь уже подтаявший снег. А заметив отблески солнца на переливчатом оперении дикой утки или увидев зайца, стремглав несущегося по полю, они приходили в бурный восторг.

— Смерть Христова! — неожиданно воскликнул Сен-Люк. — Как прекрасно быть свободным. Ты была когда-нибудь свободной, Жанна?

— Я-то? — весело отозвалась молодая женщина. — Да никогда в жизни. Это впервые я могу досыта наслаждаться свежим воздухом и простором. Мой отец был человеком недоверчивым, мать — домоседкой. Меня выпускали из дому только в сопровождении гувернантки, двух горничных и огромного лакея. Не помню, чтобы мне хоть раз позволили побегать по лужайке с тех пор, как вбалмошным и веселым ребенком я ревилась в больших Мери-дорских лесах вместе с моей доброй подружкой Дианой. Бывало, вызову ее бежать наперегонки, и мы несемся слюмя голову по лесным просекам, пока не потеряем друг друга из виду. Тогда мы останавливаемся и трепещем от страха, заслышав, как хрустит валежник под ногой оленя, лани или напуганной нами косули, которая бросилась удирать со всех ног, предоставив нам с дрожью прислушиваться к молчанию лесной чащи. Но ты, мой любимый Сен-Люк, ты был свободен?

— Я, свободен?

— Конечно, мужчина...

— Да что ты! Ни разу в жизни! Я вырос в свите короля, когда он был еще герцогом Анжуйским, он увез меня в Польшу, вместе с ним я вернулся в Париж, нерушимыми правилами этикета прикованный к его особе, преследуемый слезливым голосом, который, стоило мне на минуту уединиться, тут же кричал: «Сен-Люк, друг мой, мне скучно! Приди разделить мою скуку!» Свободен! Как же! А корсет, который сдавливал мне желудок? А огромные накрахмаленные брыжи, которые в кровь обдирают шею? А эти доконы, завязанные на клею? В дождь они размокают и слипаются, а всякую пыль притягивают

к себе, как магнит. А шляпа, наконец, шляпа, приколотая к голове булавками, словно гвоздями прибитая? О нет, нет, моя ненаглядная Жанна, мне кажется, я был еще менее свободен, чем ты. Ты же видишь, как я радуюсь свободе. Да здравствует творец! Какая отличная штука свобода! И зачем это люди сами себя поработщают, когда они могут без этого обойтись?

— Ну а если нас схватят, Сен-Люк,— испуганно оглянувшись, сказала молодая женщина,— если нас посадят в Бастилию?

— Если нас посадят вместе, моя маленькая Жанна, будет еще полбеда. Сдается мне, что вчера мы с тобой вовсе не скучали, хотя весь день просидели взаперти, совсем как государственные преступники.

— Ну, на это не надейся, Сен-Люк,— сказала Жанна с лукавой и веселой улыбкой,— если нас схватят, не думаю, чтобы нас посадили вместе.

И, попытавшись высказать так много в столь немногих словах, очаровательная молодая женщина покраснела.

— Тогда спрячемся хорошенько,— сказал Сен-Люк.

— О! Не беспокойся!— ответила Жанна.— Нам нечего бояться. Мы будем надежно укрыты; знал бы ты Меридор с его вековыми дубами, похожими на церковные колонны, подпирающие небесный свод, с его бесконечными чащобами, с его медлительными речками, струящими свои воды летом в тени зеленых аркад, а зимой— под покровом опавших листьев; а потом, большие пруды, хлебные нивы, цветники, бесконечные лужайки и маленькие башенки, вокруг которых, как пчелы вокруг ульев, с веселым шумом кружатся тысячи голубей, а потом, а потом— это еще не все, Сен-Люк,— в этом маленьком королевстве есть своя королева, у этих садов Армяды есть своя волшебница, красавица, воплощенная доброта, ни с кем не сравнимая Диана, алмазное сердце в золотой оправе. Ты ее полюбишь, Сен-Люк.

— Уже люблю, раз она тебя любила.

— О! Ручаюсь, что она меня все еще любит и никогда не перестанет любить. Не в ее характере по капризу менять свои привязанности. Только вообрази себе, как счастливо мы заживем в нашем гнездышке из цветов и мхов, которые весной зазеленеют. Диана полновластная хозяйка в доме старого барона, своего отца. Он не будет нам помехой. Это воин времен Франциска Первого, сейчас он столь же немощен и безобиден, сколь в давние

времена был смел и силен. В прошлом у него одно воспоминание — его король, победитель при Марпьяно и пленник при Павии; в настоящем — только одна любовь и одна надежда — его горячо любимая Диана. Мы можем жить в Меридоре, а он об этом и знать не будет и даже ничего не заметит. А если и узнает — не беда! Мы заплатим ему за гостеприимство тем, что будем его терпеливыми слушателями и дадим ему возможность сколько угодно превозносить Диану как самую прекрасную красавицу во всем мире и восхвалять Франциска Первого как величайшего полководца всех времен и народов.

— Все будет очень мило. Но я предвижу бурные ссоры.

— Какие?

— Между бароном и мной.

— Из-за кого? Неужели из-за короля Франциска Первого?

— Нет. Пусть он остается наипервейшим полководцем на земле. Из-за того, кто самая прекрасная красавица во всем мире.

— Ну, я не в счет, ведь я твоя жена.

— Ах да, это верно.

— Ты представляешь, любимый, как мы заживем.

С утра убегаем в лес через маленькую дверь охотничьего домика, который Диана отведет нам под жилье. Я знаю этот домик: две башенки, связанные строением восхитительной архитектуры, возведенным при Людовике Двенадцатом. Ты обязательно будешь им любоваться, ведь ты так любишь цветы и кружева. А окна, окна! С одной стороны — вид на спокойные, сумрачные, бескрайние леса, на просеках можно заметить лань или козулю, которая щиплет траву, поднимая голову при малейшем шорохе; а с другой стороны — открытые дали, золотистые поля, красные черепичные крыши и белые стены деревень, Луара серебрится на солнце, сплошь усеянная маленькими лодочками. Потом мы поедем на озеро, до него всего три лье, там в тростниках нас будет ждать лодка. А лошади! А собаки! Мы поднимем лань в дремучих лесах, и старый барон, не подозревающий, что в его замке кто-то гостит, скажет, услышав далекий лай:

«Диана, послушай, похоже, Астрейя и Флететон гонят дичь?»

«Ну если и гонят, батюшка, — ответит Диана, — то пускай себе гонят».

— Поспешим, Жанна! — воскликнул Сен-Люк. — Я хотел бы уже быть в Меридоре.

Они пришпорили лошадей. Лошади бежали крупно й рсыю и через каждые два-три лье внезапно останавливались, очевидно желая дать своим всадникам возможность возобновить прерванную беседу или подправить не вполне удавшийся поцелуй.

Так супруги проехали от Шартра до Мана; в Мане, чувствуя себя почти в полной безопасности, они остановились на сутки; затем, на следующее утро, после еще одной чудесной остановки на чудесном пути, по которому они следовали, они дали себе твердое слово вечером того же дня прибыть в Меридор, проехав по дороге, которая шла через пески и еловые леса, в те времена простиравшиеся от Геселара до Экомуа.

Выехав на эту дорогу, Сен-Люк уже не думал об опасности: он досконально изучил характер короля, у которого приливы кипучей деятельности сменялись ленивым безразличием; в зависимости от того, в каком расположении духа король находился в день отъезда Сен-Люка, он должен был либо отрядить вдогонку за беглецами сотню гонцов и две сотни гвардейцев с приказом схватить их живыми или мертвыми, либо лениво потянуться, не вылезая из постели, и с глубоким вздохом пробормотать: — О предатель Сен-Люк! И почему я тебя раньше не раскусил!

Но раз беглецов не догнал ни один гонец и ни один гвардеец не показался на горизонте, то король, видимо, пребывал не в деятельном, а в ленивом настроении.

Так успокаивал себя Сен-Люк, время от времени все же оборачиваясь и оглядывая пустынную дорогу, на которой нельзя было заметить никаких признаков погоня.

«Хорошо, — думал молодой супруг, — значит, буря падет на голову бедняги Шико, ведь это Шико, какой он ни на есть дурак, а может быть, именно потому, что он дурак, дал мне добрый совет. Ну, ничего, я расплачусь с ним анаграммой и постараюсь, чтобы она была поостроумнее».

И Сен-Люк вспомнил убийственную анаграмму, которую сотворил Шико из его имени еще в те дни, когда он был в фаворе у короля.

Вдруг он почувствовал, как на его руку легла рука жены. Сен-Люк вздрогнул. Это прикосновение не походило на ласку,

— Оглянись, — сказала Жанна.

Сен-Люк обернулся и заметил на горизонте всадника, который скакал по той же дороге, что и они, и, по-видимому, погонял коня.

Всадник находился на гребне холма и, четко выделяясь силуэтом на фоне блеклого неба, казался больше, чем он был в действительности. Читателям, несомненно, знаком такой оптический обман, создаваемый перспективой.

Появление всадника показалось Сен-Люку дурным предзнаменованием, потому ли, что судьба удачно выбрала самый подходящий момент для сокрушения чувства безопасности, испытываемого молодым супругом, а может быть, потому, что, несмотря на постоянно выказываемое внешнее спокойствие, в глубине души он все еще опасался непредвиденного королевского каприза.

— Да, верно, — сказал Сен-Люк, невольно бледнея, — там всадник.

— Бежим! — предложила Жанна, прищипывая своего скакуна.

— Нет, — возразил Сен-Люк, который, несмотря на испуг, не потерял присутствия духа, — нет, насколько я могу судить, он один, и нам не пристало бежать от одного человека. Давай остановимся и дадим ему проехать, а потом продолжим наш путь.

— Но если он тоже остановится?

— Ну и пусть, тогда мы увидим, с кем имеем дело, и будем действовать сообразно этому.

— Ты прав, и чего это я испугалась, ведь мой Сен-Люк здесь, со мной, и сумеет меня защитить.

— Нет, видимо, придется бежать, — сказал Сен-Люк, бросив последний взгляд на неизвестного, который, заметив их, пустил коня в галоп, — перо у него на шляпе и брыжи под шляпой внушают мне подозрения.

— О, боже мой, но каким образом перо и брыжи могут внушать тебе подозрения? — спросила Жанна, следуя за своим мужем, который схватил ее лошадь под уздцы и повлек за собой в лес.

— Потому что перо — цвета самого модного сейчас при дворе, а брыжи — новехонького покроя; окраска такого пера не по карману манским дворянам, а накрахмаливание брыжей потребовало бы от них непосильных забот. Это значит, что нас догоняет отнюдь не соотечественник аппетитных кур, любимого блюда Шико, Скорей, скорей,

Жанна, сдается мне, этот всадник — посланец моего господина.

— Поспешны! — воскликнула молодая женщина, дрожа как лист при одной мысли, что ее могут различить с мужем.

Но это было легче сказать, чем сделать. Огромные ели стояли тесно сомкнувшись, образуя сплошную стену из ветвей.

К тому же лошади по грудь увязали в выбучем песке.

А всадник тем временем приближался с молниеносной быстротой; слышно было, как копыта его коня стучат по склону холма.

— Да он и в самом деле за нами гонится, господи Иисусе! — воскликнула Жанна.

— Черт возьми, — сказал Сен-Люк, осаживая лошадь. — Если это за нами он скачет, давай посмотрим, что ему от нас понадобится, так или иначе, стоит ему спешиться, и он нас тут же нагонит.

— Он останавливается, — сказала молодая женщина.

— И даже слезает с коня, — поддержал ее Сен-Люк. — Входит в лес. Ах, ей-богу, будь он хоть сам дьявол во плоти, я прегражу ему путь.

— Подожди, — сказала Жанна, схватив мужа за руку, — подожди. Мне кажется, он что-то кричит нам.

Действительно, неизвестный, привязав своего коня к одной из елок, росших на опушке, двинулся в лес, крича во весь голос:

— Эй вы, сударь, сударь! Не убегайте, тысячу чертей, я привез одну вещь, которую вы потеряли.

— Что он там говорит? — спросила Жанна.

— Черт возьми! Он кричит, будто мы что-то потеряли.

— Эй, сударь! — продолжал неизвестный. — Вы, вы, маленький господин, вы потеряли ваш браслет на постоялом дворе в Курвиле. Какого черта! Портрет женщины так не бросают, в особенности портрет нашей высокочтимой госпожи де Коссе. Во имя вашей любимой матушки, не заставляйте меня гоняться за вами.

— Но мне знаком это голос! — воскликнул Сен-Люк.

— И потом, он ссылается на мою матушку.

— Так вы потеряли браслет с ее портретом, моя крошка?

— Ах, боже мой, да, конечно. Я заметила пропажу только сегодня утром и не могла вспомнить, где я его оставила.

— Но ведь это Бюсси! — вдруг закричал Сен-Люк.
— Граф де Бюсси! — взволнованно подхватила Жанна.
— Наш друг Бюсси?

— Наш верный друг! — обрадовался ее муж, устремляясь навстречу вновь прибывшему с той же ревностью, с которой он только что пытался убежать от него.

— Сен-Люк! Значит, я не ошибся, — раздался авучный голос Бюсси, и наш герой одним прыжком оказался перед супругами.

— Добрый день, сударыня, — продолжал он, с громким смехом протягивая графине браслет, который она действительно позабыла на постоялом дворе в Курвиле, где, как мы помним, путешественники провели ночь.

— Неужели вы приехали арестовать нас по приказу короля, господин де Бюсси? — улыбаясь, спросила Жанна.

— Я? Даю слово, нет. Я недостаточно близок к его величеству, чтобы он доверял мне подобные поручения. Нет. Я просто нашел в Курвиле ваш браслет и понял, что вы едете впереди меня. Тогда я прищиприл коня и вскоре заметил вас, но усомнился — точно ли это вы, и невольно погнался за вами. Примите мои извинения.

— Стало быть, — сказал Сен-Люк, у которого еще не рассеялось последнее облачко сомнения, — только случай привел вас на нашу дорогу?

— Случай, — ответил Бюсси, — впрочем, теперь, когда я вас встретил, я скажу: провидение.

И под прямым взглядом и перед открытой улыбкой Бюсси в голове Сен-Люка рассеялись последние тени подозрения.

— Значит, вы путешествуете? — спросила Жанна.

— Я путешествую, — ответил Бюсси, садясь на коня.

— Но не так, как мы?

— К сожалению, нет.

— То есть, я хотела сказать, не потому, что вы впаля в немилость?

— Ей-богу, до этого немногого не хватает.

— И куда вы держите путь?

— В сторону Анжера, а вы?

— И мы тоже туда.

— Ах, понимаю. Ваш замок Бриссак находится между Анжером и Сомюром, отсюда до него каких-нибудь десять лье; вы хотите укрыться в родительском гнездышке, как преследуемые голубки; это прелестно, и я позавидова-

бы вашему счастью, не будь зависть столь отвратительным пороком.

— Э, господин де Бюсси,— сказала Жанна, устремив на нашего героя взгляд, исполненный признательности,— женитесь, и вы будете так же счастливы, как и мы; клянусь вам, для тех, кто любит, счастье — дело нехитрое.

И она с улыбкой взглянула на Сен-Люка, словно призывая его в свидетели.

— Сударыня,— сказал Бюсси,— я не доверяю такому счастью, и вы мне не пример, не каждой выпадает возможность сочетаться браком с любимцем короля.

— Что вы говорите, вы — всеобщий любимец?

— Когда человека любят все, сударыня,— вздохнул Бюсси,— это значит, что по-настоящему его никто не любит.

— Коли так,— предложила Жанна, обменявшись с мужем многозначительным взглядом,— позвольте мне вас женить. Прежде всего, ваш брак успокоит многих известных мне ревнивых мужей. Ну, а еще, обещаю найти вам то самое счастье, возможность коего вы отрицаете.

— Я не отрицаю возможность счастья, сударыня,— снова вздохнул Бюсси,— я отрицаю только, что счастье возможно для меня.

— Хотите, я вас женю? — настаивала госпожа де Сен-Люк.

— Если вы собираетесь подобрать мне невесту по своему вкусу, то нет, ну, а если по моему, то я не стану возражать.

— Вы говорите, как человек, твердо решивший остаться холостяком.

— Быть может.

— Значит, вы влюблены в женщину, на которой не можете жениться?

— Граф, бога ради,— сказал Бюсси,— попросите госпожу де Сен-Люк не вонзать мне в сердце тысячу кинжалов.

— Ах, вот как! Берегитесь, Бюсси, вы заставляете меня подозревать, что предмет вашей страсти — моя жена.

— Ну если бы это было так, то, во всяком случае, согласитесь, что я веду себя с исключительной деликатностью, и муж не имеет никакого права меня ревновать.

— Ваша правда,— сказал Сен-Люк, вспомнив, что это Бюсси привел жену к нему в Лувр.— Но все равно, признайтесь, что ваше сердце занято.

— Признаюсь,— сказал Бюсси.

— Ну, а что в нем — любовь или прихоть? — спросила Жанна.

— Страсть, сударыня.

— Я вас исцелю.

— Не верю.

— Я вас женю.

— Сомневаюсь.

— И я добуду для вас то счастье, которое вы заслуживаете.

— Увы, сударыня, отныне я счастлив только несчастьем.

— Я очень упряма, предупреждаю вас,— сказала Жанна.

— И я тоже,— ответил Бюсси.

— Граф, вы уступите.

— Ради бога, сударыня,— сказал молодой человек,— будем путешествовать, как добрые друзья. Сначала выберем из этой песочницы, а потом, если вы не возражаете, перепочуем в очаровательной маленькой деревушке, которая блестит на солнце там, внизу.

— Там или в каком-нибудь другом месте.

— Мне все равно, предоставляю вам выбор.

— Значит, вы нас сопровождаете?

— До того места, куда я еду, если я вас не стесняю.

— Напротив, мы очень рады. Но сделайте еще лучше: поезжайте с нами туда, куда мы едем.

— А куда вы едете?

— В Меридорский замок.

Кровь бросилась в лицо Бюсси и разом отхлынула к сердцу. Он так побледнел, что его тайна тут же обнаружилась бы, не будь Жанна в это мгновение занята — она улыбалась мужу.

Пока супруги или, скорее, влюбленные переглядывались, Бюсси сумел взять себя в руки и ответить хитростью на хитрость молодой женщины, только хитростью на свой лад: он решил не раскрывать своих намерений.

— Вы сказали, сударыня, в Меридорский замок,— произнес он, как только почувствовал себя в силах выговорить это название,— а что это такое? Объясните, пожалуйста.

— Владение одной из моих ближайших подруг,— ответила Жанна.

— Одной из ваших ближайших подруг... и... — продолжал Бюсси, — она там и живет, ваша подруга?

— Несомненно, — ответила госпожа де Сен-Люк, которая не имела ни малейшего представления о том, какие события произошли в Меридоре за последние два месяца. — Но разве вы ничего не слышали о бароне де Меридор, одном из самых богатых баронов Пуату, и...

— И?... — подхватил Бюсси, видя, что Жанна останавливалась.

— И об его дочери, Диане де Меридор, самой красивой из всех баронских дочерей, которые когда-либо существовали на свете.

— Нет, сударыня, — ответил Бюсси, чуть не задохнувшись от волнения.

И наш герой, пока Жанна со значением смотрела на мужа, наш герой, повторяем мы, тихонько спрашивал себя, по какой удивительной удаче на этой дороге, без разумных на то причин, вопреки всякой логике, он встретил людей, с которыми мог говорить о Диане де Меридор, у которых могла найти отголосок единственная мысль, записавшаяся в его сердце. Что это? Простая случайность? Маловероятно. Ну, а если ловушка? Почти невысказанно. Сен-Люка уже не было в Париже в тот вечер, когда он проник к графине де Монсоро и узнал, что раньше она звалась Дианой де Меридор.

— А далеко еще до этого замка, сударыня? — осведомился Бюсси.

— По-моему, около семи лье. Я готова держать пари, что нынче вечером мы ляжем спать в этом замке, а не в той маленькой деревушке, которая заманчиво блестит на солнце, хотя мне ее вид не внушает никакого доверия. Вы, конечно, поедете с нами, не правда ли?

— Да, сударыня.

— Ну вот, — сказала Жанна, — вы уже сделали шаг к тому счастью, которое я вам предлагаю.

Бюсси поклонился и продолжал ехать рядом с молодыми супругами, а те, чувствуя себя обязанными ему, делали вид, что присутствие третьего человека ничуть их не стесняет. Некоторое время все трое молчали. Наконец Бюсси, которому многое еще хотелось узнать, осмелился продолжить свои расспросы. Преимущество его положения заключалось в том, что он мог спрашивать, и он, казалось, решил воспользоваться им до конца.

— А этот барон де Меридор, о котором вы мне говорили,— спросил он,— самый богатый человек в Пуату, что он из себя представляет?

... — Образец дворянина, древний герой, рыцарь, который, живи он во времена короля Артура, несомненно получил бы место за Круглым столом.

— Ну и как,— спросил Бюсси, напрягая мускулы лица и сдерживая волнение в голосе,— удалось ему выдать замуж свою дочь?

— Выдать замуж свою дочь!

— Я только спрашиваю.

— Диана, замужем!

— Ну и что тут такого необыкновенного?

— Ничего, но Диана не замужем; нет сомнения, если бы она предполагала выйти замуж, я бы узнала об этом первая.

Сердце Бюсси сжалось, и горький вздох прорвался сквозь его сведенные судорогой губы.

— Стало быть,— спросил он,— Диана де Меридор живет в замке со своим отцом?

— Мы на это очень надеемся,— ответил Сен-Люк, подчеркнув голосом слово «очень», дабы показать жене, что он ее понял, разделяет ее мысли и присоединяется к ее планам.

Наступило непродолжительное молчание, в течение которого каждый думал о своем.

— Ах! — внезапно воскликнула Жанна, пристав на стременах. — Вот и башни замка. Смотрите, смотрите, господин де Бюсси, видите, там, среди нагих лесов, которые через какой-нибудь месяц станут такими красивыми, видите там черепичную крышу?

— О да, конечно,— сказал Бюсси, охваченный волнением, удивлявшим его самого, настолько оно было непривычным для этого отважного сердца, которое до сих пор оставалось незатронутым. — Да, я вижу. Так это и есть Меридорский замок?

По естественному ходу мысли при виде жилища знатного сеньора и вековых лесов, сияющих гордой красотой среди природы, еще не стяхнувшей с себя зимнее оцепенение, он вспомнил бедную узницу, погребенную в туманах Парижа, в душном домишке на улице Сент-Антуан.

И Бюсси снова вздохнул, но это уже не был вздох безысходного отчаяния. Посулив ему счастье, госпожа де Сен-Люк подарила ему надежду.

Глава XXIII ОСИРОТЕВШИЙ СТАРЕЦ

Госпожа де Сен-Люк не ошиблась: спустя два часа путники подъехали к Меридорскому замку.

Эти два часа они молчали. Бюсси спрашивал себя, не следует ли ему рассказать вновь обретенным друзьям о событиях, заставивших Диану де Меридор покинуть родное гнездо. Но стоит сделать лишь один шаг на пути к откровенному признанию, и ему придется поведать не только то, что вскоре будет известно всем, но и то, что знал лишь он один и не собирался никому открывать. Поэтому он не решился на признание, которое неминуемо повлекло бы за собой немало разных предположений и вопросов.

К тому же Бюсси хотел войти в Меридорский замок как человек совершенно неизвестный. Он хотел без всякой подготовки встретиться с бароном де Меридор и услышать, что тот скажет о графе де Монсоро и герцоге Анжуйском. Нет, он не сомневался в искренности Дианы и ни на секунду не мог заподозрить во лжи этого чистого ангела, но, может быть, Диана сама в чем-то обманывалась, и Бюсси хотел наконец убедиться, что в рассказе, выслушанном им с таким неослабным вниманием, все события были изображены правильно.

Как заметил читатель, в душе Бюсси жили два чувства, которые дают преимущество мужчине, даже если он охвачен любовным безумием. Этими двумя чувствами были — осторожность по отношению ко всем незнакомым людям и глубокое уважение к предмету любви.

Поэтому госпожа де Сен-Люк, несмотря на свою женскую проницательность, обманулась напускным безразличием Бюсси и пребывала в убеждении, что молодой человек впервые услышал имя Дианы де Меридор и оно же пробудило в нем ни воспоминаний, ни надежд. Он ожидает встретить в Меридоре заурядную провинциалочку, весьма неловкую и чрезвычайно смущенную встречей со столичными кавалерами.

Жанна заранее предвкушала, как она насладится его изумлением.

Однако она с удивлением заметила, что при звуках рога, которыми дозорный со стены предупредил об их появлении, Диана не выбежала на подъемный мост. Обычно, заслышав этот сигнал, она спешила навстречу гостям.

Но вместо Дианы из главных ворот замка вышел согбенный годами старец, опирающийся на палку.

На нем был надет балахон из зеленого бархата, отороченного лисьим мехом, у пояса сверкал серебряный свисток и позвякивала связка ключей.

Вечерний ветер развеивал над его головой длинные волосы, белые, как последние снега. Он прошел по подъемному мосту, сопровождаемый двумя огромными псами немецкой породы, которые, опустив головы, неторопливо шли свади, ни на шаг не опережая друг друга, но и не отставая ни на шаг.

— Кто там? — слабым голосом спросил барон, дойдя до замкового вала. — Кто оказал честь бедному старикку своим посещением?

— Это я, это я, сеньор Огюстен! — весело закричала молодая женщина.

Ибо Жанна де Коссе привыкла звать старого барона по имени, чтобы отличить от его младшего брата Гийома, умершего всего три года назад.

Жанна ожидала услышать в ответ такое же радостное восклицание, но старец медленно поднял голову и уставился на нечаянных гостей безжизненными очами.

— Вы? — сказал он. — Я вас не вижу. Кто вы?

— О, боже мой! — воскликнула Жанна. — Неужто вы меня не узнаете? Ах, правда, ведь я переодета.

— Не обессудьте, — сказал барон, — но я почти совсем не вижу. Стариковские глаза не терпят слез, и когда старики плачут, слезы выжигают им глаза.

— Ах, дорогой барон, — ответила молодая женщина, — значит, ваше зрение действительно ослабело, иначе вы бы меня признали даже в мужском платье. Стало быть, мне придется назвать себя?

— Да, непременно, ведь я сказал, что почти не различаю вас.

— Но я вас все равно обману, дорогой сеньор Огюстен: я госпожа де Сен-Люк.

— Сен-Люк? — переспросил старый барон. — Я вас не знаю, сударыня.

— Но мое девичье имя, — рассмеялась молодая женщина, — но мое девичье имя Жанна де Коссе-Брисак.

— О господи! — воскликнул старец, пытаясь своими трясущимися руками поднять перекладину, закрывающую проезд. — О господи!

Жанна, будучи не в силах понять, почему ей оказал столь странный прием, совершенно непохожий на тот, которого она ожидала, объясняла себе поведение барона его преклонным возрастом и упадком сил. Теперь, видя, что ее наконец-то признали, она соскочила с коня и вихрем бросилась в объятия владельца Меридорского замка, как это делала еще девочкой. Однако, обнимая почтенного старца, госпожа де Сен-Люк почувствовала, что щеки его мокры: барон плакал.

«Это от радости,— подумала она. — Сердце вечно остается молодым».

— Прошу пожаловать,— пригласил барон, после того как поцеловал Жанну.

И, словно не заметив ее двух спутников, направился к замку размеренным ровным шагом, за ним на прежнем удалении двинулись собаки, которые за это время успели обнюхать и разглядеть посетителей.

У замка был необычно печальный вид. Все ставни закрыты, слуги, там и сям попадавшиеся на глаза,— в трауре. Меридорский замок напоминал огромную гробницу.

Сен-Люк бросил на жену недоумевающий взгляд — разве таким она описывала ему приют своего детства?

Жанна поняла мужа, да ей и самой хотелось поскорее покончить с создавшейся неловкостью; молодая женщина догнала барона и взяла его за руку.

— А Диана? — спросила она. — Неужели, на свою беду, я не встречу с ней?

Старый барон остановился как молнией пораженный и почти с ужасом воззрелся на Жанну.

— Диана! — повторил он.

И вдруг собаки, услышав это имя, подняли головы по обе стороны от своего хозяина и испустили душераздирающий вой.

Бюсси не смог сдержать холодной дрожи, Жанна взглянула на Сен-Люка, а Сен-Люк остановился, не зная, что делать, — то ли идти дальше, то ли повернуть обратно.

— Диана! — повторил старец, словно только сейчас уразумев вопрос, который ему задали. — Да неужто вы не знаете?..

И его голос, уже слабый и дрожащий, захлебнулся в рыданиях, вырвавшемся из глубины сердца.

— Но что такое? Что случилось? — воскликнула Жанна, взволнованно стиснув руки.

— Диана мертва! — закричал барон, в безудержном отчаянии вадывая руки к небу, из глаз его хлынули потоки слез.

И он опустился на первые ступени крыльца, к которому они тем временем подошли.

Обхватив голову руками, старик сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, словно желая отогнать роковое воспоминание, которое неотступно его мучило.

— Мертва! — в страхе вскричала Жанна, побледневшая как привидение.

— Мертва! — сказал Сен-Люк, охваченный сострада-нием к несчастному отцу.

— Мертва! — пробормотал Бюсси. — Он и его уверил, п его тоже, в ее смерти. Ах, бедный старик, как ты меня полюбишь в один прекрасный день!

— Мертва! Мертва! — твердил барон. — Они ее убили.

— Ах, мой дорогой сеньор! — пробормотала Жанна; потрясенная страшным известием, она прибегла к слезам — спасительному средству, которое не позволяет разбиться слабому женскому сердцу.

Молодая женщина обняла старика за шею, омывая его лицо горькими слезами.

Старый сеньор с трудом поднялся.

— Входите, — сказал он, — каким бы опустошенным и безутешным ни был этот дом, все равно он не утратил своего гостеприимства, покорнейше вас прошу — входите.

Жанна взяла барона под руку и, пройдя через крытую галерею и прежнее помещение для стражи, преобразованное в столовую, вместе с ним вступила в гостиную.

Слуга, скорбное лицо и красные глаза которого свидетельствовали о нежной привязанности к своему господину, шел впереди, открывая двери. Сен-Люк и Бюсси замыкали шествие.

Войдя в гостиную, старый барон, все еще поддержи-ваемый Жанной, сел или, скорее, упал в большое кресло резного дерева.

Слуга открыл окно, чтобы впустить свежий воздух, и пе покинул комнату, а лишь отошел в темный угол.

Жанна не осмеливалась нарушить молчание. Она боя-лась своими вопросами снова разбередить раны старика; и все же, как все молодые и счастливые люди, она не могла поверить в несчастье, о котором услышала. Есть возраст, когда человек не способен постигнуть бездну смерти, потому что он не верит в смерть.

Тогда барон, словно угадав мысли молодой женщины, заговорил первым:

— Вы мне сказали, что вышли замуж, моя милая Жанна, значит, этот господин ваш супруг?

И барон указал на Бюсси.

— Нет, сеньор Огюстен,— отвечала Жанна.— Мой муж господин де Сен-Люк.

Сен-Люк склонился перед злосчастным отцом в самом глубоком поклоне, отдавая дань не столько старости, сколько горю барона. Тот отечески приветствовал молодого человека и даже попытался изобразить улыбку; затем его потухшие глаза обратились к Бюсси.

— А этот господин,— сказал он,— ваш брат, брат вашего мужа или ваш родственник?

— Нет, любезный барон, этот господин не наш родственник, а наш друг: Луи де Клермон, граф де Бюсси д'Амбуаз, приближенный дворянин герцога Анжуйского.

Услышав имя герцога, старый барон резко выпрямился, как будто подброшенный скрытой пружиной, кинул гневный взгляд на Бюсси, и словно истощив все свои силы этим немым вызовом, со стоном упал в кресло.

— Что с вами? — забеспокоилась Жанна.

— Вы знакомы с бароном, сеньор де Бюсси? — понтересовался Сен-Люк.

— Нет, я впервые имею честь видеть господина барона де Меридор,— спокойно ответил Бюсси; только он один понял, какое действие произвело на старца имя герцога.

— А! Вы приближенный дворянин герцога Анжуйского,— сказал барон,— вы из свиты этого чудовища, этого демона, и вы смаете открыто признаваться в этом, и у вас хватило дерзости явиться ко мне?

— Что он, с ума сошел? — тихо спросил Сен-Люк у своей жены, с удивлением глядя на барона.

— Должно быть, горе помутило его рассудок,— испуганно ответила Жанна.

Владелец Меридора сопроводил свои слова, заставившие Жанну усомниться, в полном ли он рассудке, взглядом еще более грозным, чем предыдущий; однако Бюсси, по-прежнему храя спокойствие, выдержал этот взгляд с видом самого глубокого почтения и ничего не ответил.

— Да, этого чудовища,— повторил барон де Меридор, по-видимому все более и более впадая в безумие,— убийцы моей дочери.

— Что вы сказали? — спросила Жанна.

— Несчастный сеньор! — прошептал Бюсси.

— Стало быть, вы этого не знаете, раз смотрите на меня так испуганно? — воскликнул барон, взяв за руки Жанну и Сен-Люка. — Но ведь герцог Анжуйский убил мою Диану! Герцог Анжуйский! Мое дитя! Девочку мою! Он ее убил!

И такое отчаяние прозвучало в его старческом голосе, что даже у Бюсси навернулись на глаза слезы.

— Сеньор, — сказала молодая женщина, — если это и так, хотя я не понимаю, как это могло случиться, все равно вы не вправе возлагать вину за постигшее вас ужасное несчастье на господина де Бюсси, самого верного, самого благородного рыцаря во всем дворянском сословии. Взгляните, дорогой батюшка, господин де Бюсси плачет, как мы и вместе с нами; он ничего не знал о вашей беде. Разве бы он пришел сюда, если бы мог подозревать, какой прием вы ему окажете? Ах, милый сеньор Огюстен, заклинаю вас именем вашей любимой Дианы, расскажите нам, как все это произошло.

— Так вы ничего не знаете? — спросил барон, обращаясь к Бюсси.

Бюсси молча поклонился.

— Ах, боже мой, конечно, нет, — сказала Жанна. — Никто об этом ничего не знает.

— Моя Диана мертва, а ее задушевная подруга ничего не знает об этом! Хотя верно, ведь я никому не писал, никому не говорил о ее смерти. Мне казалось, что мир должен прекратить свое существование с той минуты, когда перестала существовать моя Диана. Мне казалось, вся вселенная должна носить траур по Диане.

— Говорите, говорите, вам станет легче, — сказала Жанна.

— Тогда слушайте, — с рыданием произнес барон. — Этот подлый принц, позор французского дворянства, увидел мою Диану и, пленившись ее красотой, приказал похитить ее и отвезти в замок Боже. Там он собирался ее обесчестить, все равно как дочь своего крепостного. Но Диана, моя Диана, святое и благородное создание, предпочла смерть позору. Она выбросилась из окна в озеро, и нашли только ее вуаль, плававшую на воде.

Старик с трудом произнес последние слова сквозь душивные его рыдания. Это зрелище показалось Бюсси одним из самых душераздирающих, которые он видел на

своем веку, он — закаленный воин, привыкший и сам проливать кровь, и видеть, как другие ее проливают.

Жанна, близкая к обмороку, также смотрела на Бюсси со страхом в глазах.

— О, граф! — вскричал Сен-Люк. — Это просто чудовищно, не правда ли? Граф, вам нужно немедленно покинуть этого презренного принца! Граф, такое благородное сердце, как ваше, не может питать дружеские чувства к похитителю и убийце женщин.

Эти слова несколько приободрили старого барона, и он ждал ответа Бюсси, чтобы составить себе о нем окончательное мнение. Сочувствие Сен-Люка принесло утешение старцу. В момент великих душевных потрясений человек становится слаб, как ребенок, а один из самых верных способов утешения ребенка, укушенного любимой собачкой, состоит в том, чтобы на глазах у потерпевшего побить собаку, которая его укусила.

Но Бюсси, не отвечая Сен-Люку, сделал шаг к барону де Меридор.

— Господин барон, — сказал он, — не соблаговолите ли вы оказать мне честь и удостоить меня разговора паедине?

— Послушайте господина де Бюсси, любезный сеньор, — сказала Жанна, — и вы увидите, какой он добрый и как он умеет помочь в беде.

— Говорите, сударь, — разрешил барон, он невольно вздрогнул, почувствовав во взоре молодого человека что-то необычное.

Бюсси повернулся к Сен-Люку и его жене и посмотрел на них дружеским, открытым взглядом.

— Вы позволите? — спросил он.

Молодые супруги вышли из залы, взявшись под руку, с удвоенной силой сознавая свое счастье перед лицом этого непомерного горя.

Когда дверь за ними закрылась, Бюсси приблизился к барону и отвесил ему глубокий поклон.

— Господин барон, — обратился он к старику, — минутой назад в моем присутствии вы обвиняли принца, которому я служу, и обвиняли его в столь резких выражениях, что я вынужден просить у вас объяснения.

Старик гордо выпрямился.

— О, не сомневайтесь в самом почтительном смысле моих слов, я говорю с вами, испытывая к вам глубочайшее сочувствие и только из горячего желания облегчить

ваше горе. Прошу вас, господин барон, расскажите мне во всех подробностях ужасную историю, которую вы только что вкратце паложили Сен-Люку и его жене. Посмотрим, действительно ли все свершилось так, как вы это думаете, и действительно ли все потеряно.

— Сударь,— сказал барон,— у меня был проблеск надежды. Господин де Монсоро, благородный и преданный дворянин, полюбил мою бедную дочь и попросил ее руки.

— Господин де Монсоро! Ну и как он вел себя все время? — спросил Бюсси.

— О, как человек чести и долга. Диана отказала ему, и, несмотря на это, именно он первым известил меня о подлых намерениях герцога. Именно он указал мне способ сорвать их выполнение. Он вызвался спасти мою дочь и просил только одного,— и это еще раз показывает все его благородство и прямодушие,— чтобы я отдал ему Диану в жены, если ему удастся вырвать ее из когтей герцога.— Увы! Мою дочь ничто не спасло! — И тогда он, молодой, деятельный и предприимчивый, сможет защитить ее от посягательств могущественного принца, раз уж ее бедному отцу это не по силам. Я с радостью дал мое согласие, но — горе мне! — все было напрасно. Граф прибыл слишком поздно, когда моя бедная Диана уже спаслась от бесестия ценой своей жизни.

— А после этого рокового дня господин де Монсоро пе подавал о себе известий? — спросил Бюсси.

— С того дня прошел всего один месяц,— ответил барон,— и бедный граф, очевидно, не смеет показаться мне на глаза, ведь ему не удалось выполнить свой великодушный замысел.

Бюсси опустил голову, ему было все ясно.

Теперь он понял, каким путем графу де Монсоро удалось перехватить у принца девушку, в которую тот влюбился, и как, опасаясь, что принц узнает о его женитьбе на этой девушке, граф повсюду распространил слух о ее смерти и даже несчастного отца заставил ему поверить.

— Итак, сударь,— сказал старый барон, видя, что молодой человек в задумчивости поник головой и потупил глаза, которые не раз сверкали огнем, пока он слушал печальный рассказ.

— Итак, господин барон,— ответил Бюсси,— мне поручено монсеньером герцогом Анжуйским доставить вас в Париж; его высочество желает побеседовать с вами.

— Беседовать со мной, со мной! — воскликнул барон. — После смерти моей дочери мне встать лицом к лицу с этим кавергом! И что он может мне сказать, он, ее погубитель?

— Кто знает? Может быть, он хочет оправдаться.

— К чему мне его оправдания! Нет, господин де Бюсси, нет, я не поеду в Париж; помимо всего, я не хочу удаляться от того места, где покоится мое бедное дитя в своем холодном саване из тростника.

— Господин барон, — твердым голосом сказал Бюсси, — позвольте мне настоять на моей просьбе; мой долг сопровождать вас в Париж, только за вами я сюда и приехал.

— Пусть будет так, я поеду в Париж! — воскликнул старый барон, весь дрожа от гнева. — Но горе тем, кто захотел бы меня погубить! Король меня выслушает, а если он не пожелает меня выслушать, я обращусь ко всему французскому дворянству. Как это могло случиться? — пробормотал он. — В своем горе я позабыл, что у меня в руках оружие, которое до сего дня остается без употребления. Решено, господин де Бюсси, я еду с вами.

— А я, господин барон, — сказал Бюсси, беря старца за руку, — я советую вам проявлять терпение, сохранять спокойствие и достоинство, подобающие христианскому сеньору. Милосердие божие для благородных сердец бесконечно, и пути господни неисповедимы. Прошу вас также в ожидании того дня, когда богу будет угодно проявить свое милосердие, не числить меня среди ваших врагов, так как вы не знаете, что я собираюсь сделать для вас. Итак, до завтра, господин барон, а завтра с наступлением дня, если вы согласны, мы тронемся в путь.

— Я согласен, — ответил старый сеньор, вопреки своей воле тронутый проникновенным тоном голоса Бюсси, — однако пока что, друг вы мне или враг, вы мой гость, и мой долг проводить вас в отведенные вам покои.

Барон взял со стола серебряный трехсвечный канделябр и тяжелым шагом начал подниматься по парадной лестнице замка, Бюсси д'Амбуаз следовал за ним.

За Бюсси шли двое слуг и тоже несли канделябры со свечами. Собаки поднялись, готовые сопровождать хозяина, но тот остановил их взмахом руки.

У порога отведенной ему комнаты Бюсси спросил, где сейчас господин де Сен-Люк и его жена.

— Мой старый Жермен должен был о них позаботиться, — ответил барон. — Спокойной ночи, господин граф.

Глава XXIV

О ТОМ, КАК РЕМИ ЛЕ ОДУЭН В ОТСУТСТВИЕ БЮССИ ВЕЛ РАЗВЕДКУ ДОМА НА УЛИЦЕ СЕНТ-АНТУАН

Господин и госпожа де Сен-Люк не могли прийти в себя от изумления. Подумать только: Бюсси о чем-то секретничает с бароном де Меридор, Бюсси собирается ехать вместе с бароном в Париж, наконец, Бюсси внезапно берет на себя руководство чужими делами, о которых поначалу, казалось, не имел никакого понятия. Все это в глазах молодоженов выглядело необъяснимой загадкой.

Что касается барона, то магическая сила, заключенная в титуле «его королевское высочество», возымела на него свое обычное действие, ибо во времена короля Генриха III дворяне еще не привыкли иронически улыбаться, услышав титулы и глядя на гербы.

Для барона де Меридор, как и для всякого другого француза, за исключением короля, слова «королевское высочество» означали некую высшую власть, то есть гром и молнию.

Наступило утро, барон распрощался со своими гостями, которых он разместил в замке. Однако супруги Сен-Люк, понимая неловкость создавшегося положения, дали себе слово покинуть Меридор при первой возможности, и, как только они будут уверены в согласии боязливого маргала, перебраться в соседние с владениями барона земли де Бриссака.

Бюсси потребовалась только одна секунда для того, чтобы объяснить свое странное поведение. Единственный владелец тайны, полновластный открыть ее, кому пожелает, он напоминал восточного волшебника, который первым взмахом магической палочки осушает все слезы, а вторым — заставляет все врачьи радостно расширяться и все уста раскрыться в веселой улыбке.

Этой секундой, в течение которой Бюсси, как мы уже сказали, мог произвести столь великие изменения, он воспользовался для того, чтобы шепнуть несколько слов в нетерпеливо подставленное ему ушко очаровательной жены Сен-Люка.

Лицо Жанны просияло, румянец залпл ее чистый лоб, коралловые губки раскрылись, и за ними блеснули перламутром маленькие белые зубы. Пораженный супруг всем своим видом изобразил вопрос, но Жанна подняла палец к губам и унеслась вприпрыжку, как молодая

козочка, не забыв поблагодарить Бюсси воздушным поцелуем.

Старый барон не заметил этой выразительной паптоммы. Не сводя глаз с родительского замка, он машинально ласкал своих собак, не отступавших от него ни на шаг, и взволнованным голосом отдавал последние распоряжения слугам. Затем, опираясь на плечо стремянного, он с большим трудом вскарабкался на старого конька чалой масти, к которому питал нежную привязанность, ибо тот был его боевым конем в последних гражданских войнах, махнул на прощание рукой Меридорскому замку и, не сказав никому ни слова, тронулся в путь.

Бюсси сияющим взором ответил на улыбку Жанны и несколько раз оборачивался, чтобы снова попрощаться со своими друзьями. Расставаясь, Жанна тихо сказала ему:

— Какой вы необыкновенный человек, сеньор граф! Я обещала вам, что счастье ждет вас в Меридорском замке... а вышло наоборот: это вы возвращаете в Меридор счастье, которое его покинуло.

От Меридора до Парижа далеко, особенно длинным показался этот путь барону, продырявленному ударами шпга и мушкетными пулями в кровавых войнах, где число полученных ран было тем большим, чем больше было число врагов. Долго был путь и для другого заслуженного ветерана, чалого коня, которого звали Жарнак. Услышав это имя, конь скидывал голову, утопающую в густой гриве, и гордо косил глазом из-под нависшего тяжелого века.

В дороге у Бюсси были свои заботы: сыновьей почтительностью и вниманием он старался пленить сердце старого барона, чей гнев поначалу навлек на себя, и, несомненно, преуспел в своих стараниях, так как утром на шестой день пути, когда они подъезжали к Парижу, господин де Меридор обратился к своему спутнику со словами, показывающими, какие перемены произошли в его душе за это время:

— Удивительно, граф, я сейчас ближе, чем когда-либо, к своей беде и, однако, чувствую себя спокойнее, чем при отъезде.

— Еще два часа, сеньор Огюстен,— сказал Бюсси,— и вы рассудите меня по справедливости, только этого я и добиваюсь.

Они въехали в Париж через предместье Сен-Марсель, извечные входные ворота столицы, которым именно с тех

времен путилки начали отдавать предпочтение, потому что этот ужасный квартал, один из самых грязных в Париже, благодаря многочисленным церквям, тысячам живописных зданий и узким мостикам, переброшенным через клоаки, казался, ярче других воплощал в своем облике особое парижское своеобразие.

— Куда мы едем? — осведомился барон. — В Лувр, не правда ли?

— Сударь, — сказал Бюсси, — сначала я должен проводить вас к себе домой и дать вам возможность несколько минут отдохнуть с дороги и привести себя в порядок, чтобы вы в достойном виде предстали перед особой, к которой я вас поведу.

Барон не возражал, и они направились на улицу Грель-Сент-Оноре, во дворец Бюсси.

Люди графа не ждали, или, лучше сказать, уже не ждали его; последний раз перед своим отъездом он вернулся во дворец ночью, прошел через калитку, ключ от которой был у него одного, сам оседлал коня и уехал, не попавшись на глаза никому, кроме Реми ле Одуэна. Естественно, что внезапное исчезновение Бюсси, получившее огласку нападение на него на прошлой неделе, которое он не сумел замолчать, потому что не смог скрыть своей раны, и, наконец, его тяга к рискованным похождениям, не утихающая, несмотря ни на какие уроки, — все это многих навело на мысль, что Бюсси попал в ловушку, расставленную врагами на его пути, и фортуна, столь долгое время благосклонно поощрявшей его дерзкие выходы, в конце концов наскучила постоянные безрассудства ее любимца, и теперь он валяется где-нибудь мертвый с кинжалом или аркебузной пулей в груди.

Таким образом, лучшие друзья и самые верные слуги Бюсси уже творили девятидневные молитвы о его возвращении, хотя последнее казалось им делом столь же маловероятным, как и возвращение Пирифоса из ада, а иные из них, люди более рассудительные, не рассчитывая встретить Бюсси живым, тщательно искали его труп во всех сточных канавах, подозрительных погребках, пригородных каменоломнях, на дне реки Бьевры и во рвах Бастилии.

И только один человек на вопрос: «Нет ли каких-нибудь известий о Бюсси?» — неизменно отвечал:

— Господин граф пребывает в добром здравии.

Но когда от него допытывались, где сейчас господин граф и чем он занят, то оказывалось, что он об этом ничего не знает.

Человеком, на которого, благодаря его успокаивающему, по слишком отвлеченному ответу, обрушивались попреки и проклятия, был не кто иной, как мэтр Реми ле Одуэн. Он с утра до вечера о чем-то хлопотал; иной раз впадал в странную задумчивость; время от времени, то днем, то ночью куда-то исчезал из дворца и возвращался с волчьим аппетитом и веселыми шутками, которые ненадолго рассеивали мрачное уныние, царившее в доме Бюсси.

Вернувшись после одной из этих таинственных отлучек, Одуэн услышал радостные клики на парадном дворе и увидел, что Бюсси сидит на коне и не может соскочить на землю, потому что слуги шумной толпой суетятся вокруг лошади и оспаривают друг у друга честь поддержать стремя своего господина.

— Ну, довольно, — говорил Бюсси. — Вы рады видеть меня живым, благодарю вас. Вы сомневаетесь — точно ли это я? Ну что ж, поглядите хорошенько, даже пощупайте, но только поторопитесь. Вот и хорошо, а теперь помогите этому почтенному дворянину сойти с коня и не забывайте, что я отношусь к нему с большим уважением, чем к привнцу.

У Бюсси были причины возвеличить таким образом своего гостя, на которого никто не обращал внимания. Скромные манеры владельца Меридорского замка, его старомодное платье и кляча чалой масти, с первого взгляда по достоинству оцененная челядью, привыкшей ухаживать за породистыми скакунами, внушили слугам Бюсси мысль, что перед ними какой-то старый стрелянный, удалившийся от дел в провинцию, откуда сумасбродный Бюсси вытащил его, как с того света.

Но, услышав наказ господина, все тотчас же засуетились вокруг барона. Ле Одуэн взирал на эту сцену, по своей привычке втихомолку ухмыляясь, и только выразительный и строгий взгляд Бюсси стер насмешливое выражение с жизнерадостного лица молодого лекаря.

— Быстро, комнату монсеньеру! — крикнул Бюсси.

— Какую? — разом откликнулись пять или шесть господов.

— Самую лучшую, мою собственную,

А сам он предложил руку почтенному старцу, чтобы помочь ему взойти по ступенькам лестницы; при этом Бюсси старался оказывать еще больше почета, чем было оказано ему самому в Меридорском замке.

Барон де Меридор покорно позволил себя увлечь этой обаятельной учтивости; так мы безвольно следуем за какой-нибудь мечтой, уводящей нас в страну фантазий, королевство воображения и ночи.

Барону подали графский позолоченный кубок, и Бюсси, выполняя обряд гостеприимства, пожелал собственноручно налить ему вина.

— Благодарствую, благодарствую, сударь,— сказал старик,— но скоро ли мы отправимся туда, куда должны пойти?

— Скоро, сеньор Огюстен, скоро, не беспокойтесь. Там нас ждет счастье, не только вас, но и меня тоже.

— Что вы хотите этим сказать и почему вы взяли за правило изъясняться со мной какими-то непонятными мне намеками?

— Я хочу сказать, сеньор Огюстен, то, что уже раньше говорил вам о милости providения к благородным сердцам. Приближается минута, когда я от вашего имени обращусь к providению.

Барон удивленно посмотрел на Бюсси, но Бюсси, сделав рукой почтительный жест, как бы говоривший: «Я тотчас вернусь», с улыбкой на губах вышел из комнаты.

Как он и ожидал, ле Одуэн сторожил его у дверей, Бюсси взял молодого человека за руку и увел в свой кабинет.

— Ну, что скажете, дорогой Гиппократ? — сказал он. — Какие новости?

— Где, монсеньер?

— Черт побери, на улице Сент-Антуан.

— Монсеньер, я предполагаю, что там вами весьма интересуются. Но это уже не новость.

Бюсси вздохнул.

— А что, муж не возвращался? — спросил он.

— Возвращался, но безуспешно. Во всем этом действе есть еще отец, он-то, по-видимому, и должен принести развязку — как некий бог, который в одно прекрасное утро спустится с неба в машине. И все ждут явления этого отсутствующего отца, этого неведомого бога.

— Хорошо! — сказал Бюсси. — Но откуда ты все это узнал?

— Дело в том, монсеньер,— ответил ле Одуэн, со своей доброй и открытой улыбкой,— что пока вы отсутствовали, мои врачебные обязанности до поры превратились в чистейшую синекуру, и я решил употребить в ваших интересах образовавшееся у меня свободное время.

— Ну и что ты сделал? Расскажи, любезный Реми, я слушаю.

— Вот что я сделал: как только вы уехали, я перенес свои деньги, книги и шпагу в маленькую комнатку, снятую мной в доме на углу улиц Сент-Антуан и Сент-Катрин.

— Хорошо.

— Откуда я мог видеть известный вам дом, весь — от подвальных окошечек до дымовых труб.

— Отлично.

— Вступив во владение комнатой, я сразу же обосновался у окна.

— Превосходная позиция.

— Но у этой превосходной позиции тем не менее оказался один существенный изъян.

— Какой?

— Если я видел, то и меня могли увидеть или хотя бы заметить тень какого-то незнакомца, упорно глядящего в одну и ту же сторону. Такое постоянство через два или три дня навлекло бы на меня подозрение в том, что я вор, любовник, шпион или сумасшедший...

— Вполне резонно, любезный ле Одуэн. Ну и как же ты вышел из положения?

— О, тогда, господин граф, я понял, что надо прибегнуть к какому-нибудь исключительному средству, и, ей-богу...

— Ну, ну, говори.

— Ей-богу, я влюбился.

— Что, что? — переспросил Бюсси, не понимая, каким образом ему может быть полезна любовь Реми.

— Влюбился, как я уже имел честь вам сообщить, влюбился по уши, влюбился безумно,— с важным видом произнес молодой лекарь.

— В кого?

— В Гертруду.

— В Гертруду, в служанку госпожи де Монсоро?

— Ну да, бог мой! В Гертруду, служанку госпожи де Монсоро. Что вы хотите, монсеньер, мы не дворяне и влюбляться в хозяек нам не по чину. Я всего лишь бед-

пый, маленький лекарь, у которого вся практика состоит в одном пациенте, да и тот, как я надеюсь, впредь будет пуждаться в моей помощи только в весьма редких случаях; мне приходится делать свои опыты *in anima vili*¹, как говорят у нас в Сорбонне.

— Бедный Реми,— сказал Бюсси,— поверь, что я высоко ценю твою преданность!

— Э, монсеньер,— ответил ле Одуэн,— в конце концов, мне не на что пожаловаться; Гертруда девушка сильная и статная, она на целых два дюйма выше меня и, схватив вашего покорного слугу за воротник, может поднять его на вытянутых руках, что свидетельствует о прекрасно развитых бицепсах и дельтовидной мышце. Это внушает мне к ней почтение, которое ей льстит, и так как я всегда уступаю, то мы никогда не ссоримся; ватем Гертруда обладает драгоценным даром...

— Каким, мой милый Реми?

— Она мастерица рассказывать.

— Ах, в самом деле?

— Да. Таким образом, я узнаю от нее все, что происходит в доме ее госпожи. Ну, что вы скажете? Я думаю, вам пригодится лаутчик в этом доме.

— Ле Одуэн, ты добрый гений, которого мне послал случай, а вернее сказать, провидение. Значит, с Гертрудой ты...

— *Puella me diligit*²,— ответил ле Одуэн, раскачиваясь с самым фатовским видом.

— И тебя принимают в доме?

— Вчера в полночь я вступил туда на цыпочках, через знаменитую дверь с окошечком, которая вам известна.

— И как же ты достиг такого счастья?

— Признаться, вполне естественным путем.

— Ну, говори же.

— Через день после вашего отъезда и на следующий день после того, как я водворился в маленькую комнату, я уже поджидал, когда будущая королева моих грез выйдет из дому за провлянтом,— такую вылазку она, должен вам признаться, производит ежедневно с восьми до десяти часов утра. В восемь часов десять минут она появилась, и я тотчас же спустился со своей обсерватории и преградил ей путь.

¹ На существах низшего порядка (лат.).

² Дева меня избрала (лат.).

— И она тебя узнала?

— Еще как! Она тут же закричала во весь голос и пустилась наутек.

— А ты?

— А я, я бросился вслед и догнал ее, это стоило мне большого труда, так как Гертруда чрезвычайно легка на ногу, но вы понимаете, юбки, они в любом случае только мешают.

— Иисус! — сказала она.

— Святая дева! — воскликнул я.

Это восклицание отрекомендовало меня с самой лучшей стороны; кто-нибудь другой, менее набожный, на моем месте крикнул бы «черт побери» или «клянусь телом Христовым».

— Лекарь! — сказала она.

— Прелестная хозяйюшка! — ответил я.

Она улыбнулась, но сразу же спохватилась и приняла неприступный вид.

— Вы обзовались, сударь, — сказала она, — я вас ни разу в глаза не видела.

— Но зато я вас видел, — возразил я, — вот уже целых три дня, как я не живу и не существую, а только и делаю, что обожаю вас, поэтому я теперь обитаю уже не на улице Ботрейн, а на улице Сент-Антуан на углу с улицей Сент-Катрин. Я сменил свое жилье лишь для того, чтобы совершать вас, когда вы входите в дом или выходите из него. Если я вам снова понадобится для того, чтобы перевязать раны какого-нибудь красавца дворянина, вам придется искать меня уже не по старому, а по новому адресу.

— Тыше! — сказала она.

— А! Вот я вас и поймал, — подхватил я.

И таким образом наше знакомство состоялось или, правильнее будет сказать, возобновилось.

— Значит, на сегодняшний день ты...

— Настолько ошастливлен, насколько может быть ошастливлен любовник. Ошастливлен Гертрудой, разумеется; все относительно в этом мире. Но я более чем счастлив, я наверху блаженства, ибо добился того, чего я хотел добиться ради вас.

— А она не подозревает?

— Ни о чем, я ни слова не говорил о вас. Разве бедный Реми ле Одуэн может знать столь благородную особу, как сеньор де Бюсси? Нет, я только один раз, с самым равнодушным видом, спросил у нее:

— А как ваш молодой господин? Ему уже полегчало?
— Какой молодой господин?
— Да тот молодец, которого я пользовал у вас?
— Он мне вовсе не господин,— отвечала она.
— Ах! Но ведь он лежал в постели вашей госпожи, поэтому я и подумал...

— О нет, бог мой, нет,— со вздохом сказала она.— Бедный молодой человек, он нам никак не приходится; мы и видели-то его с той поры всего один раз.

— Значит, вы даже имени его не знаете? — спросил я.
— О! Имя-то мы знаем.
— Но вы могли и знать его, да забыть.
— Такие имена не забывают.
— Как же его зовут?
— Может, вам приходилось слышать о сеньоре де Бюсси?

— Само собой! — ответил я. — Бюсси, храбрец Бюсси!
— Вот это он и есть.

— Значит, дама?..
— Моя госпожа замужем, сударь.
— Можно быть замужем, можно быть верной женой и в то же время порой думать о юном красавце, даже если вы его видели... всего только раз, особенно если этот молодой красавец был ранен, внушал участие и лежал в нашей постели.

— Вот, вот,— ответила Гертруда, если уж как на духу, то я не сказала бы, что моя госпожа не думает о нем. Алая волна крови прихлынула к лицу Бюсси.

— Мы о нем даже вспоминаем,— добавила Гертруда,— всякий раз как одни остаемся.

— Что за чудесная девушка! — воскликнул граф.
— И что вы говорите? — спросил я.

— Я рассказываю о разных его храбрых делах, а это нетрудно, ведь в Париже только и разговору как о том, что он кого-то ранил или что его ранили. Я даже научила госпожу маленькой песенке о нем, которая нынче в моде.

— А, я ее знаю,— ответил я. — Уж не эта ли?

Кто первый вадра у нас?
Конечно, Бюсси д'Амбуаз.
Кто верен и нежен, спроси,
Ответят: «Сеньор де Бюсси».

— Вот, вот, она самая! — обрадовалась Гертруда.— И теперь моя госпожа только ее и поет.

Бюсси сжал руку молодого лекаря; неизъяснимая дрожь счастья пробежала по его жилам.

— И это все? — спросил он, ибо человек ненасытен в своих желаниях.

— Все, монсеньер. О, я сумею выведать еще кое-что. Но, какого дьявола! Нельзя узнать все за один день... или, вернее, за одну ночь.

Глава XXV

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Рассказ Реми просто ошастливил Бюсси. И в самом деле, он был вполне счастлив, ибо узнал: во-первых, что господина де Монсоро ненавидят по-прежнему и, во-вторых, что его, Бюсси, уже полюбили.

И к тому же искреннее дружеское участие молодого человека радовало его сердце. Возвышенные чувства вызывают расцвет всего нашего существа и словно удваивают наши способности. Добрые чувства создают ощущение счастья.

Бюсси понял, что отныне нельзя больше терять времени и что каждое горестное содрогание, сжимающее сердце старика, граничит со святотатством. В отце, оплакивающим смерть своей дочери, есть такое несоответствие всем законам природы, что тот, кто может одним словом утешить несчастного родителя и не утешает его, заслуживает проклятия всех отцов на свете.

Владельца Меридорского замка во дворе ожидала свежая лошадь, приготовленная для него по приказу Бюсси, рядом стоял конь Бюсси. Барон и граф сели в седла и в сопровождении Реми выехали со двора.

По дороге к улице Сент-Антуан барон де Меридор не переставал изумляться; он не был в Париже уже двадцать лет, и теперь его поражала разноголосая сумятица большого города: ржание лошадей, крики лакеев, мелькание множества экипажей. Барон находил, что со времен царствования короля Генриха II Париж сильно переменился.

Но, несмотря на это изумление, порой граничившее с восхищением, черные мысли продолжали точить сознание барона, и по мере приближения к неведомой цели печаль его все возрастала. Какой прием окажет ему герцог и какие новые горести сулит ему это свидание?

Время от времени старый барон удивленно поглядывал на Бюсси и спрашивал себя: по какому наваждению он покорно последовал за придворным принца, того самого принца, который был причиной всех его бедствий? Разве не достойнее было бы бросить вызов герцогу Анжуйскому и не плестись за Бюсси, во всем подчиняясь его воле, а направиться прямо в Лувр и пасть к ногам короля? Что может сказать ему принц? Чем он может его утешить? Разве герцог Анжуйский не принадлежит к числу людей, привыкших расточать льстивые слова, этими словами они, как болеутоляющим бальзамом, смачивают рану, нанесенную их же рукой. Но стоит им уйти, и кровь хлынет из раны с новой силой, а боль удвоится.

Наконец наши всадники прибыли на улицу Сен-Поль; Бюсси, как опытный полководец, выслал Реми вперед с приказом разведать дорогу и подготовить путь для вступления в крепость.

Молодой лекарь разыскал Гертруду и, вернувшись, доложил своему господину, что путь свободен и никакая плыпа, никакая рапира не загромождают прихожую, лестницу и коридор, ведущие к покоям госпожи де Монсоро.

Нет пужды пояснять, что все переговоры между Бюсси и ле Одуэном велись шепотом.

Барон молча ждал и с удивлением озирался вокруг. «Может ли быть — спрашивал он себя, — чтобы герцог Анжуйский жил в таком месте?»

Скромный вид дома пробудил в душе барона недоверие.

— Нет, конечно, герцог здесь не живет, — улыбаясь, сказал Бюсси, угадав его сомнения, — это не его дом. Здесь обитает одна дама, которую он любил.

Тень прошла по челу старого дворянина.

— Сударь, — сказал он, натянув поводья коня, — мы, провинциалы, скроены по иному образцу, нежели вы, столичные жители, легкие нравы Парижа нас пугают, и мы не смогли бы жить среди ваших тайн. Сдается мне, что коль скоро монсеньер герцог Анжуйский желает видеть барона де Меридор, то он должен принять его в своем дворце, а не в доме одной из своих любовниц. И затем, — добавил старец с глубоким вздохом, — вы мне кажетесь человеком чести, но почему вы ведете меня к такой женщине? Может быть, вы хотите дать мне понять, что моя бедная Диана осталась бы в живых, если бы она, подобно хозяйке этого дома, предпочла позор смерти?

— Полноте, полноте, господин барон,— сказал Бюсси со своей открытой улыбкой, которая служила ему самым надежным средством для убеждения старика,— не углубляйтесь в ложные догадки. Даю вам слово дворянина, вы глубоко ошибаетесь. Дама, которую вы увидите, образец добродетели и достойна всяческого уважения.

— Но кто она такая?

— Это... это супруга одного дворянина, которого вы знаете.

— Неужто? Но тогда, сударь, почему вы мне сказали, что принц любил ее?

— Потому что я всегда говорю только правду, господин барон; войдите, и вы сами увидите, были ли ложными мои обещания.

— Берегитесь, я оплакал мое возлюбленное дитя, и вы мне сказали: «Утешьтесь, сударь, милосердие божие велико», обещать утешения в моем горе — это почти все равно как обещать чуда.

— Входите, сударь,— повторил Бюсси все с той же улыбкой, которой старый барон не мог противостоять.

Барон спешился.

Пораженная Гертруда стояла в дверях и растерянно взирала на Одуэна, Бюсси и барона де Меридор, не в силах постичь, каким образом провидению удалось свести их всех вместе.

— Ступайте предупредите госпожу де Монсоро,— сказал граф,— что господин де Бюсси вернулся и сию же минуту желает ее видеть. Но, заклинаю вас,— тихо добавил он,— ни слова о том, кого я привел с собой.

— Госпожу де Монсоро! — ошеломленно пробормотал старик. — Госпожу де Монсоро!

— Проходите, господин барон,— пригласил Бюсси, подталкивая сеньора Огюстена в прихожую.

Старец подкашивающимися ногами начал восхождение по ступенькам лестницы, и тут они услышали, они услышали, говорим мы, необычно взволнованный голос Дианы:

— Господин де Бюсси, Гертруда? Господин де Бюсси, сказали вы? Пусть он войдет.

— Этот голос! — воскликнул барон, резко остановившись посредине лестницы. — Этот голос! О, мой боже, боже мой!

— Поднимайтесь же, господин барон,— сказал Бюсси.

Но барон, дрожа всем телом, остановился, ухватившись за перила, и стал озираться вокруг, и тут перед ним на

верхней площадке лестницы, освещенная золотистыми лучами солнца, вопкнула Диана, сияющая красотой, с улыбкой на устах, хотя она вовсе не ожидала увидеть отца.

Она показалась барону потусторонним видением. Издав жуткий вопль, он застыл на месте с блуждающими глазами, протянув руки вперед, являя собой столь законченный образ ужаса и отчаяния, что Диана, уже собиравшаяся было броситься на шею отцу, также остановилась, изумленная и испуганная.

Барон повел рукой, нащупал плечо Бюсси и оперся о него.

— Диана жива! — бормотал старец. — Диана, моя Диана! А мне сказали — она умерла. О господи!

И сей сильный воин, привыкший к победам в войнах и междоусобицах, которого пощадил и копыя и пули, сей старый дуб, как ударом молнии пораженный известьем о смерти дочери и все же оставшийся на ногах, сей могучий борец, сумевший противстоять горю, был сломлен, раздавлен, уничтожен радостью. При виде дорогого образа, который плыл и колыхался перед его глазами, словно рассыпаясь на отдельные атомы, барон отступил, колени его подогнулись, и не поддержки его Бюсси, он покатился бы вниз по лестнице.

— Бог мой! Господня де Бюсси! — воскликнула Диана, стремительно сбега по ступенькам, которые отделяли ее от отца. — Что с батюшкой?

Этот же вопрос, только еще более недоуменный, читался и в глазах молодой женщины, напуганной внезапной бледностью и непонятным поведением барона при встрече с ней, встрече, о которой, как она думала, барона должны были предупредить заранее.

— Господня барон де Меридор почитал вас мертвой, сударыня, и оплакивал вас, как подобает оплакивать такому отцу такую дочь.

— Как? — воскликнула Диана. — И никто его не разуверил?

— Никто.

— Да, да, никто! — отозвался старец, выходя из состояния небытия. — Никто, даже господня де Бюсси.

— Неблагодарный! — произнес Бюсси тоном ласкового упрека.

— О нет, — ответил старик, — нет, вы были правы — вот она, минута, которая с лихвой оплачивает все мои страдания. О моя Диана! Моя любимая Диана! — продол-

жал он, одной рукой охватив голову дочери и притягивая ее к своим губам, а другую руку протянув Бюсси.

И вдруг он вскинул голову, словно какое-то горестное воспоминание или новый страх пробилась к нему в сердце сквозь броню радости, которая, если так можно выразиться, только что одела это сердце.

— Однако вы говорили, сеньор де Бюсси, что я увижу госпожу де Монсоро. Где же она?

— Увы, батюшка! — прошептала Диана.

Бюсси собрал все свои силы.

— Она перед вами, — сказал он, — и граф де Монсоро ваш зять.

— Что, что? — пролепетал пораженный барон. — Господин де Монсоро — мой зять, и никто меня об этом не известил, ни ты, Диана, ни он сам, никто?

— Я не смела писать вам, батюшка, из страха, как бы письмо не попало в руки принца. К тому же я полагала, что вы все знаете.

— Но зачем, — спросил барон, — к чему все эти непонятные секреты?

— О да, батюшка, подумайте сами, — подхватила Диана, — почему господин де Монсоро оставлял вас в уверенности, что я мертва? Для чего он скрывал от вас, что он мой муж?

Барон, весь трепеща, словно боясь постигнуть до конца эту мрачную тайну, робко вопрошал взором и сверкающие глаза своей дочери, и грустные и пронизательные глаза Бюсси.

Тем временем, шаг за шагом продвигаясь вперед, они вошли в гостиную.

— Господин де Монсоро — мой зять, — все еще бормотал ошеломленный барон де Меридор.

— Это не должно вас удивлять, — ответила Диана, и в голосе ее прозвучал ласковый упрек, — разве вы не приказали мне выйти за него замуж, батюшка?

— Да, если он тебя спасет.

— Ну вот, он меня и спас, — глухо проговорила молодая женщина и упала в кресло. — Он меня и спас — если не от беды, то, во всяком случае, от позора.

— Тогда почему он не известил меня, что ты жива, меня, который так горько тебя оплакивал? — повторял старец. — Почему он предоставил мне погибать от отчаяния, когда одно слово, одно-единственное, могло вернуть мне жизнь?

— О, тут есть какой-то коварный умысел,— воскликнула Диана. — Батюшка, отныне вы меня не оставите. Господин де Бюсси, вы не откажетесь нас защитить, не так ли?

— К моему сожалению, сударыня,— сказал молодой человек, склоняясь в поклоне,— у меня нет права проникать в ваши семейные тайны. Я должен был, видя странное поведение вашего супруга, найти вам защитника, которому вы могли бы открыться. Вот он, этот защитник, за ним я ездил в Меридор. Отныне ваш отец с вами, и я удаляюсь.

— Он прав,— печально заметил старец. — Господин де Монсоро боялся прогневать герцога Анжуйского, господин де Бюсси тоже боится навлечь на себя гнев его высочества.

Диана бросила на молодого человека красноречивый взгляд, который означал:

«Вы, кого зовут храбрецом Бюсси, неужели вы боитесь гнева герцога Анжуйского, как может его бояться господин де Монсоро?»

Бюсси понял значение взгляда Дианы и улыбнулся.

— Господин барон,— сказал он,— умоляю извинить меня за странную просьбу, и вас, сударыня, я тоже прошу простить меня, ибо намерения у меня самые благие.

Отец и дочь обменялись взглядами и замерли в ожидании.

— Господин барон,— продолжал Бюсси,— спросите, я вас прошу, у госпожи де Монсоро...

При последних словах, подчеркнутых Бюсси, молодая женщина побледнела; увидев, что он причинил ей боль, Бюсси поправился:

— Спросите у вашей дочери, счастлива ли она в браке, на который дала согласие, выполняя вашу родительскую волю.

Диана заломила руки и зарыдала. Таков был единственный ответ, который она была в состоянии дать Бюсси. Впрочем, никакой другой не был бы яснее этого.

Глаза старого барона наполнились слезами, он начал понимать, что, быть может, слишком поспешил завязать дружбу с графом де Монсоро и эта дружба сыграла роковую роль в несчастной судьбе его дочери.

— Теперь,— сказал Бюсси,— правда ли, сударь, что вы отдали руку вашей дочери господину де Монсоро

добровольно, не будучи к этому вынуждены силой или какой-нибудь хитростью?

— Да, при условии, что он ее спасет.

— И, действительно, он ее спас. Я не считаю нужным спрашивать у вас, сударь, намерены ли вы держать свое слово.

— Держать свое слово — это всеобщий закон и, в особенности, закон для лиц благородного происхождения, и вы, сударь, должны это знать лучше, чем кто-либо. Господня де Монсоро, по вашим собственным словам, спас жизнь моей дочери, стало быть, моя дочь принадлежит господину де Монсоро.

— Ах, — прошептала молодая женщина, — почему я не умерла!

— Сударыня, — обратился к ней Бюсси, — теперь вы понимаете — у меня были основания сказать, что мне здесь больше нечего делать. Господин барон отдал вашу руку господину де Монсоро, да вы и сами обещали ему стать его женой при условии, что снова увидите вашего отца живым и невредимым.

— Ах, не разрывайте мне сердце, господин де Бюсси, — воскликнула Диана, подходя к молодому человеку, — батюшка не знает, что я боюсь его, батюшка не знает, что я его ненавижу. Батюшка упорно желает видеть в нем моего спасителя, ну а я, руководствуясь не рассудком, а чувством, утверждаю, что этот человек — мой палач.

— Диана! Диана! — закричал барон. — Он спас тебя!

— Да, — вскричал Бюсси, выйдя из себя и разом пренебрегнув границы, в которых до сей минуты его удерживали благоразумие и щепетильность, — да, ну а что, если опасность была не столь велика, как вам кажется, что, если опасность была мнимой, что, если... Ах, да разве я знаю? Поверьте мне, барон, во всем этом есть какая-то тайна, которую мне еще предстоит раскрыть, и я ее раскрою. Но считаю своим долгом вам заявить, если бы мне, мне самому, посчастливилось оказаться на месте господина де Монсоро, то и я спас бы от бесчестия вашу целомудренную и прекрасную дочь, но, клянусь богом, который мне внемлет, я не стал бы требовать оплаты за эту услугу.

— Он ее любит, — сказал барон, который и сам чувствовал всю отвратительность поведения графа де Монсоро, — а любви надо прощать.

— А я? — крикнул Бюсси. — Разве я...

Испуганный этой вспышкой, невольно вырвавшейся из его сердца, Бюсси замолчал, но оборванная фраза была досказана его вспыхнувшим взором.

Диана поняла Бюсси не хуже, чем если бы он высказал словами все, что кипело в его душе, а может быть, его взгляд был красноречивее всяких слов.

— Итак,— сказала она, краснея,— вы меня поняли, не правда ли? Ну что ж, мой друг, мой брат, ведь вы притязали на оба эти имени, и я отдаю их вам. Итак, мой друг, так, мой брат, можете ли вы мне чем-нибудь помочь?

— Но герцог Анжуйский! Герцог Анжуйский! — лепетал старик, которого все еще слепила молния грозившего ему высочайшего гнева.

— Я не из тех, кто боится гнева принцев, сеньор Огюстен,— ответил молодой человек,— и либо я сильно ошибаюсь, либо нам нечего страшиться этого гнева; коли вы того пожелаете, господин барон, то я сделаю вас таким близким другом принца, что это он будет вас защищать от графа де Монсоро, ибо подлинная опасность, поверьте мне, исходит от графа, опасность неизвестная, но несомненная, невидимая, но быть может, неотвратимая.

— Однако, ежели герцог узнает, что Диана жива, все погибло,— возразил старый барон.

— Ну, коли так,— сказал Бюсси,— я вижу, что бы я ни сказал, все равно вы прежде всего и скорее, чем мне, поверите господину де Монсоро. Не будем больше об этом говорить; вы отказываетесь от моего предложения, господин барон, вы отталкиваете всемогущую руку, которую я готов призвать вам на помощь; бросайтесь же в объятия человека, который так прекрасно оправдал ваше доверие. Я уже сказал: мой долг выполнен, и мне больше нечего здесь делать. Прощайте, сеньор Огюстен, прощайте, сударыня, больше вы меня не увидите, я уйду. Прощайте!

— Ну, а я? — воскликнула Диана, схватив его за руку. — Разве я поколебалась хотя бы на секунду? Разве я изменила свое отношение к нему? Нет. На коленях умоляю вас, господин де Бюсси, не покидайте меня, не покидайте меня!

Бюсси сжал стиснутые в мольбе прекрасные руки, и весь гнев разом слетел с него, как под жаркой улыбкой майского солнца с гребня скалы внезапно слетает снеговая шапка.

— В добрый час, сударыня! — сказал Бюсси. — Я принимаю святую миссию, которую вы на меня возлагаете, и

через три дня, ибо мне требуется время, чтобы добраться до принца,— он, по слухам, нынче совершает вместе с королем паломничество к Шартрской богородице,— не поз-же, чем через три дня, мы снова увидимся, или я недо-стоин носить имя Бюсси.

И, подойдя к Диане, опьяняя ее страстным дыханием и пламенным взглядом, он тихо добавил:

— Мы с вами в союзе против Мопсоро, помните же, что это не он вернул вам отца, и не предавайте меня.

И, пожав на прощание руку барона, Бюсси устремился из комнаты.

Глава XXVI

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ПРОСНУЛСЯ И КАКОЙ ПРИЕМ БЫЛ ОКАЗАН ЕМУ В МОНАСТЫРЕ

Мы оставили нашего друга Шико в ту минуту, когда он восхищенно любовался братом Горанфло, который беспробудно спал, согревая воздух громкозвучным храпом. Шико знаком предложил хозяину гостиницы выйти и унести свечу, еще до этого он попросил мэтра Бооме ни в коем случае не проговориться почтенному монаху, что его сотрапезник выходил в десять часов вечера и вернулся только в три часа утра.

Поскольку мэтру Бооме было ясно, что, какие бы отношения ни связывали шута и монаха, расплачивается всегда шут, он питал к шуту великое почтение, а к монаху относился довольно пренебрежительно.

Поэтому он пообещал Шико никому не заикаться насчет событий прошедшей ночи и удалился, как ему и было предложено, оставив обоих друзей в темноте.

Вскоре Шико заметил одну особенность, которая привела его в восторг: брат Горанфло не только храпел, но и говорил. Его бессвязные речи были порождением не терзаемой угрызениями совести, как вы могли бы подумать, а перегруженного пищей желудка.

Если бы слова, выпаливаемые братом Горанфло во сне, присоединять одно к другому, мы получили бы необычайный букет из изысканных цветов духовного красноречия и чертополоха застольной мудрости.

Шико тем временем понял, что в крошечной тьме ему чрезвычайно трудно будет выполнить свою задачу и восстановить статус кво, так чтобы его собутыльщик, про-

слувшись, ничего не заподозрил. И в самом деле, передвигаясь в темноте, он, Шико, может неосторожно наступить на одну из четырех конечностей Горанфло, раскинутых в неизвестных ему направлениях, и тогда боль вырвет монаха из мертвой спячки.

Чтобы немного осветить комнату, Шико подул на угли в очаге.

При этом звуке Горанфло перестал храпеть и пробормотал:

— Братие! Вот лютый ветер: се дуновение господне, дыхание всевышнего, оно меня вдохновляет.

И тут же снова захрапел.

Шико выждал минуту, пока сон не завладеет монахом, затем осторожно начал его распеленывать.

— Б-р-р-р-р! — зарычал Горанфло. — Какой холод! Виноград не вызреет при таком холоде.

Шико прервал свое занятие на середине и несколько минут выждал, потом опять принялся за работу.

— Вы знаете мое усердие, братие, — забормотал монах, — я все отдам за святую церковь и за монсеньера герцога де Гиза.

— Капалья! — сказал Шико.

— Таково и мое мнение, — немедленно отозвался Горанфло, — с другой стороны, несомненно...

— Что несомненно? — спросил Шико, приподнимая туловище монаха, чтобы потянуть на него рясу.

— Несомненно, что человек сильнее вина; брат Горанфло боролся с вином, как Иаков с ангелом, и брат Горанфло победил вино.

Шико пожал плечами.

Это несвоевременное движение привело к тому, что Горанфло открыл один глаз и увидел над собой улыбающегося Шико, который в неверном свете углей очага показался ему мертвенно-бледным и зловещим.

— Ах, только не надо призраков, не надо домовых, — запротестовал монах, словно объясняясь с каким-то хорошо знакомым чертом, который нарушил условия подписанного между ними договора.

— Он мертвецки пьян, — заключил Шико, окончательно обхватив брата Горанфло в рясу и натягивая ему на голову капюшон.

— В добрый час! — проворчал монах. — Наконец-то пономарь догадался закрыть дверь на хоры и больше не дует,

— Теперь просыпайся, когда тебе вздумается, — сказал Шико. — Мне все равно.

— Господь вынул моей молитве, — бормотал Горанфло; — и мерзопакостный аквилон, который он наслал, чтоб померзли виноградники, превратился в сладчайший зефир.

— Аминь! — сказал Шико.

Придав возможно большую правдоподобность нагромождению пустых бутылок и грязных тарелок на столе, он соорудил себе подушку из салфеток и простыню из скатерти, улегся на пол бок о бок с Горанфло и заснул.

Солнечным лучам, упавшим на глаза монаха, и доносившемуся из кухни хриплому голосу трактирщика, который подгонял своих поварят, удалось пробиться сквозь густые пары, окутывавшие сознание Горанфло.

Монах приподнялся и с помощью обеих рук утвердился на той части тела, которой предусмотрительная природа предназначила быть центром тяжести человека.

Не без труда завершив свои усилия, Горанфло взвился на красноречивый натюрморт из пустой посуды на столе; Шико, лежавший, изячно изогнув руку, с таким расчетом, чтобы из-под этой руки иметь возможность обозревать комнату, не упускал из виду ни одного движения монаха. Время от времени гасконец притворно храпел — и делал это так естественно, что оказывал честь своему таланту подражателя, о котором мы уже говорили.

— Белый день! — воскликнул монах. — Проклятие! Белый день! Похоже, я всю ночь здесь провалялся.

Затем он собрался с мыслями.

— А как же аббатство! Ой-ой-ой!

И схватился судорожно подпоясываться шнурком, — труд, который Шико не считал нужным взять на себя.

— Недаром, — продолжал Горанфло, — у меня был страшный сон: мне снилось, я покойник и завернут в саван, а саван-то весь в пятнах крови.

Горанфло не совсем ошибался.

Ночью, наполовину проснувшись, он принял скатерть, в которую был завернут, за саван, а винные пятна на ней — за кровь.

— К счастью, это был сон, — успокоил он себя, снова озираясь вокруг.

На этот раз глаза монаха остановились на Шико: тот, почувствовав на себе его взгляд, захрапел с удвоенной силой.

— Как он великолепен, этот пьяница,— продолжал Горанфло, завистливо глядя на товарища. — И, наверное, счастлив,— добавил он,— раз спит так крепко. Ах, побыл бы оп в моей шкуре!

И монах испустил вздох, который, слившись с храпением Шико, образовал такой мощный звук, что, несомненно, разбудил бы гасконца, если бы гасконец действительно спал.

— А что, если растолкать его и посоветоваться? — подумал вслух Горанфло. — Ведь он мудрый советчик.

Тут Шико утроил свои старания, и его храп, достигавший органного звучания, поднялся до раскатов грома.

— Нет, не надо,— сам себе возразил Горанфло,— он чересчур будет задаваться. Я и без его помощи сумею что-нибудь соврать. Но что бы я ни соврал,— продолжал монах,— мне не миновать монастырской темницы. Дело не в темнице, а в том, что придется посидеть на хлебе и на воде. Ах, хоть бы деньги у меня были, тогда бы я соворотил брата тюремщика.

Услышав эти слова, Шико незаметно вытащил из кармана довольно округлый кошелек и сунул его себе под живот.

Эта предосторожность оказалась отнюдь не лишней, ибо Горанфло с сокрушенной миной придвинулся к своему другу, печально бормоча:

— Если бы он проснулся, он не отказал бы мне в одном эку, но его сон для меня священ... и придется мне самому...

Тут брат Горанфло, до сих пор пребывавший в спячем положении, сменил его на коленопреклоненное и, в свою очередь склонившись над Шико, осторожно загустил руку ему в карман.

Однако Шико, в отличие от своего собутыльника, не считал своевременным обращаться с претензиями к знакомому черту и позволил монаху вдоволь порыться и в том и в другом кармане камзола.

— Странно,— сказал Горанфло,— в карманах пусто. А! Должно быть — в шляпе.

Пока монах размыскивал шляпу, Шико высыпал на ладонь содержимое кошелька и зажал монеты в кулаке, а пустой кошелек, плоский, как бумажный лист, засунул в карман штанов.

— И в шляпе ничего нет,— сказал монах,— это меня удвояет. Мой друг Шико дурак чрезвычайно умный и

никогда не выходит из дому без денег. Ах ты, старый галл,— добавил он, растянув в улыбке рот до ушей,— я забыл, что у тебя есть еще и портки.

Его рука скользнула в карман штанов Шико и извлекла оттуда пустой кошелек.

— Исус! — пробормотал Горанфло. — А ужин... кто заплатит за ужин?

Эта мысль так сильно подействовала на монаха, что он тотчас же вскочил на ноги, хотя и неуверенным, но весьма быстрым шагом направился к двери, молча прошел через кухню, невзирая на попытки хозяина завязать разговор, и выбежал из гостиницы.

Тогда Шико засунул деньги обратно в кошелек, а кошелек — в карман и, облокотившись на уже согретый солнечными лучами подоконник, погрузился в глубокие размышления, начисто позабыв о существовании брата Горанфло.

Тем временем брат сборщик милостыни продолжал свой путь с сумой на плече и с довольно сложным выражением лица; встречным прохожим оно казалось глубокомысленным и благочестивым, а на самом деле было озабоченным, так как Горанфло пытался сочинить одну из тех спасительных выдумок, которые осеняют ум подвыпившего монаха или опоздавшего на перекличку солдата; основа этих вымыслов всегда одинакова, но сюжет их весьма прихотлив и зависит от силы воображения глупа.

Когда брат Горанфло издалека увидел двери монастыря, они показались ему более мрачными, чем обычно, а кучки монахов, беседующих на пороге и валяющихся с беспокоеством поочередно на все четыре стороны света, явно предвещали недоброе.

Как только братья заметили Горанфло, появившегося на углу улицы Сен-Жак, они пришли в столь сильное возбуждение, что сборщика милостыни обуял дикий страх, который до сего дня ему еще не приходилось испытывать.

«Это они обо мне судачат,— подумал он,— на меня показывают пальцами, меня поджидают; прошлой ночью меня искал; мое отсутствие вызвало переполох; я погиб».

И голова его пошла кругом, в уме промелькнула безумная мысль — бежать, бежать немедленно, бежать без оглядки. Однако несколько монахов уже шло навстречу, несомненно, они будут его преследовать. Брат Горанфло не переоценивал свои возможности, он знал, что не создан

для бега вперегонки. Его схватят, свяжут и поволокут в монастырь. Нет, уж лучше сразу покориться судьбе.

И, поджав хвост, он направился к своим товарищам, которые, по-видимому, не решились заговорить с ним.

— Увы! — сказал Горанфло. — Они делают вид, что больше меня не знают, я для них камень преткновения. Наконец один монах осмелился подойти к Горанфло.

— Бедный брат, — сказал он.

Горанфло сокрушенно вздохнул и возвел очи горе.

— Вы знаете, отец приор ожидал вас, — добавил другой монах.

— Ах, боже мой!

— Ах, боже мой, — повторил третий, — он приказал привести вас к нему немедленно, как только вы вернетесь в монастырь.

— Вот чего я боялся, — сказал Горанфло.

И, полумертвый от страха, он вошел в монастырь, дверь которого за ним захлопнулась.

— А, это вы, — воскликнул брат привратник, — идите же скорей, скорей, досточтимый отец приор Жозеф Фулон вас требует к себе.

И брат привратник, схватив Горанфло за руку, повел плн, вернее, поволочил его за собой в келью приора.

И снова за Горанфло закрылись двери.

Он опустил глаза, страшась встретиться с грозным взглядом аббата; он чувствовал себя одиноким, всеми покинутым, лицом к лицу со своим духовным руководителем, который, наверное, разгневан его поведением — и справедливо разгневан.

— Ах, наконец-то вы явились, — сказал аббат.

— Ваше преподобие... — пролепетал монах.

— Сколько беспокойства вы нам причинили! — сказал аббат.

— Вы слишком добры, отец мой, — ответил Горанфло, который никак не мог взять в толк, почему с ним говорят в таком снисходительном тоне.

— Вы боялись вернуться после того, что натворили этой ночью, не так ли?

— Признаюсь, я не смел вернуться, — сказал монах, на лбу которого выступил ледяной пот.

— Ах, дорогой брат, дорогой брат! — покачал головой приор. — Как все это молодо-зелено и как неосмотрительно вы себя велп.

— Позвольте мне объяснить вам, отец мой...

— А зачем объяснять? Ваша выходка...

— Мне незачем объяснять? — сказал Горанфло. — Тем лучше, ибо мне трудно было бы это сделать.

— Я вас прекрасно понимаю. Вы на миг поддались экзальтации, восторгу; экзальтация — святая добродетель, восторг — священное чувство, но чрезмерные добродетели граничат с пороками, а самые благородные чувства, если над ними теряют власть, достойны порицания.

— Прощу прощения, отец мой, — сказал Горанфло, — но если вы все понимаете, то я ничего не понимаю. О какой выходке вы говорите?

— О вашей выходке прошлой ночью.

— Вне монастыря? — робко осведомился монах.

— Нет, в монастыре.

— Я совершил какую-то выходку?

— Да, вы.

Горанфло почесал кончик носа. Он начал понимать, что они толкуют о разных вещах.

— Я столь же добрый католик, что и вы, и, однако же, ваша смелость меня напугала.

— Моя смелость, — сказал Горанфло, — значит, я был смел?

— Более, чем смел, сын мой, вы были дерзки.

— Увы! Подобаает прощать вспышки темперамента, еще недостаточно укрощенного постами и бдениями; я исправлюсь, отец мой.

— Да, но в ожидании я не могу не опасаться за последствия этой вспышки для вас, да и для всех нас тоже. Если бы все осталось только между нашей братней, тогда совсем другое дело.

— Как! — сказал Горанфло. — Об этом знают в городе?

— Нет сомнения. Вы помните, что там присутствовало более ста человек мирян, которые не упустили ни слова из вашей речи.

— Из моей речи? — повторил Горанфло, все более и более удивленный.

— Я признаю, что речь была прекрасной. Понимаю, что овации должны были вас опьянить, а всеобщее одобрение могло заставить вас возгордиться; но дойти до того, что предложить пройти процессией по улицам Парижа, вызывать одеть кирасу и с каской на голове и прогнанным на плече обратиться с призывом к добрым католикам, согласитесь сами — это уже слишком,

В выпученных на приора глазах Горанфло сменялись все степени и оттенки удивления.

— Однако,— продолжал аббат,— есть возможность все уладить. Священный пыл, который кипит в вашем благородном сердце, вреден вам в Париже, где столько злых глаз следит за вами. Я хочу, чтобы вы его поостудили.

— Где, отец мой? — спросил Горанфло, убежденный, что ему не избежать тюрьмы.

— В провинции.

— Изгнание! — воскликнул Горанфло.

— Оставаясь здесь, вы рискуете подвергнуться гораздо более суровому наказанию, дражайший брат.

— А что мне грозит?

— Судебный процесс, который, по всей вероятности, может закончиться приговором к пожизненному тюремному заключению или даже к смертной казни.

Горанфло страшно побледнел. Он никак не мог взять в толк, почему ему может грозить пожизненное тюремное заключение и даже смертная казнь за то, что он всего-навсего напился в кабачке и провел ночь вне стен монастыря.

— В то время как, ежели вы согласитесь на временное изгнание, возлюбленный брат, вы не только избегнете опасности, но еще и водрузите знамя веры в провинции. Все, что вы делали и говорили прошлой ночью, весьма опасно и даже бессмысленно здесь, на глазах у короля и его проклятых мнионов, но в провинции это вполне допустимо. Отправляйтесь же поскорей, брат Горанфло, быть может, и сейчас уже слишком поздно и лучники короля уже получили приказ арестовать вас.

— Как! Преподобный отец, что я слышу? — лепетал монах, испуганно вращая глазами, ибо по мере того, как приор, чья снисходительность поначалу внушала ему самые радужные надежды, продолжал говорить, брат сборщик милостыни все больше поражался чудовищным размерам, до которых раздувалось его прегрешение, по правде говоря весьма простительное. — Вы сказали — лучники, а какое мне дело до лучников?

— Ну, если вам нет до них дела, то, может быть, у них найдется дело к вам.

— Но, значит, меня выдали? — спросил брат Горанфло.

— Я мог бы держать пари, что это так. Уезжайте же, уезжайте.

— Уехать, преподобный отец,— сказал растерявшийся Горанфло,— но на что я буду жить, если уеду?

— О, нет ничего легче. Вы брат сборщик милостыни для монастыря: вот этим вы и будете существовать. До нынешнего дня собранными пожертвованиями вы питали других; отныне сами будете ими питаться. И затем, вам нечего беспокоиться. Боже мой! Мысли, которые вы здесь высказывали, приобретут вам в провинции столько приверженцев, что, ручаюсь, вы ни в чем не будете испытывать недостатка. Однако ступайте, ступайте с богом и, в особенности, не вздумайте возвращаться, пока не получите от нас приглашения.

И приор, ласково обняв монаха, легонько, но настойчиво подтолкнул его к двери кельи.

А там уже все братство стояло в ожидании выхода брата Горанфло.

Как только он появился, монахи толпой бросились к нему, каждый пытался прикоснуться к его руке, шее, одежде. Усердие некоторых достигало того, что они целовали полы его рясы.

— Прощайте,— говорил один, прижимая брата Горанфло к сердцу,— прощайте, вы святой человек, не забывайте меня в своих молитвах.

— Ва! — шептал себе под нос Горанфло. — Это я-то святой человек? Занятно.

— Прощайте, бесстрашный поборник веры,— твердил другой, пожимая ему руку. — Прощайте! Готфрид Бульонский — карлик рядом с вами.

— Прощайте, мученик,— напутствовал третий, целуя концы шнура его рясы,— мы все еще живем во тьме, но свет вскоре воссияет.

И, таким образом, Горанфло, передаваемый из рук в руки, шествовал от поцелуя к поцелую, от похвалы к похвале, пока не оказался у входных дверей монастыря, и как только переступил порог, эти двери захлопнулись за ним.

Горанфло посмотрел на двери с выражением, не поддающимся описанию. Из Парижа он вышел пятясь, словно уходя от ангела, грозящего ему концом своего пламенного меча.

Вот что он сказал, подойдя к городской заставе:

— Пусть дьявол меня заберет! Они там все с ума посходили, а если не посходили, то будь милостив ко мне, боже, стало быть, это я, грешный, рехнулся.

Глава XXVII

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО УБЕДИЛСЯ, ЧТО ОН СОМНАМБУЛА, И КАК ГОРЬКО ОН ОПЛАКИВАЛ СВОЮ НЕМОЩЬ

Вплоть до рокового дня, к которому мы пришли в своем повествовании, того дня, когда на бедного монаха свалилась неожиданная беда, брат Горанфло вел жизнь созерцательную, то есть он выходил из монастыря рано поутру, если хотел подышать свежим воздухом, и попозже, если желал погреться на солнышке; уповая на бога и на монастырскую кухню, он заботился лишь о том, чтобы обеспечить себе добавочно и в общем-то не так уж часто сугубо мирские трапезы в «Роге изобилия». Число в обилие этих трапез зависело от настроения верующих, ибо оплачивались они только звонкой монетой, собранной братом Горанфло в виде милостыни. И брат Горанфло, проходя по улице Сеп-Жак, не упускал случая сделать остановку в «Роге изобилия» вместе со своим уловом, после чего доставлял в монастырь все собранные им в течение дня добротные даяния за вычетом монет, оставшихся в кабачке. А еще у него был Шико, его друг, который любил хорошо поесть в веселой компании. Но на Шико нельзя было полагаться. Порой они встречались три или четыре дня подряд, потом Шико внезапно исчезал и не показывался две недели, месяц, шесть недель. То он сидел с королем во дворце, то сопровождал короля в очередное паломничество, то разъезжал по каким-то своим делам или просто из прихоти. Горанфло принадлежал к числу тех монахов, для которых, как и для иных детей полка, мир начинался со старшего в доме, сиречь с монастырского полковника, и заканчивался пустым котелком. И так, сие дитя монастыря, сей солдат церкви, если только нам позволят применить к духовному лицу образное выражение, которым мы только что охарактеризовали защитников родины, никогда и в мыслях не держал, что в один прекрасный день ему придется пуститься в путь навстречу неизвестности.

Если бы еще у него были деньги! Но приор ответил на его вопрос по-апостольски просто и ясно, как это сказано у святого Луки: «Ищите и обрящете».

Подумав, в каких далеких краях ему придется искать, Горанфло почувствовал усталость во всем теле.

Однако на первых порах самое главное было уйти от опасности, которая над ним нависла, опасности неизвестной, но близкой, по крайней мере такое заключение можно было сделать из слов приора.

Незадачливый монах был не из тех, кто может изменить свою внешность и с помощью какой-нибудь метаморфозы ловко ускользнуть от преследователей, поэтому он решил сначала выйти в открытое поле и, укрепившись в этом решении, довольно бодрым шагом прошел через Бурдельские ворота, а затем в страхе, как бы лучники, приятную встречу с которыми посулил ему аббат монастыря святой Женевьевы, и в самом деле не проявили бы излишнего рвения, украдкой, стараясь занять как можно меньше места в пространстве, пробрался мимо караулки ночной стражи и поста швейцарцев.

Но когда он оказался на вольном воздухе, в открытом поле, в пятистах шагах от городской заставы, когда увидел на склонах рва, имеющих форму кресла, первую весеннюю травку, пробившуюся сквозь землю, увидел впереди над горизонтом веселое весеннее солнце, слева и справа — пустые поля, а сзади шумный город, он уселся на дорожном откосе, подпер свой двойной подбородок широкой толстой ладонью, почесал указательным пальцем квадратный кончик носа, напоминающего нос дога, и погрузился в размышления, прерываемые жалобными вздохами.

Брату Горанфлю недоставало только кифары для полного сходства с одним из тех евреев, которые, повесив свои арфы на иву, во времена разрушения Иерусалима, оставили будущему человечеству знаменитый псалом «*Super flumina Babylonis*»¹ и послужили сюжетом для бесчисленного множества печальных картин.

Горанфлю вздыхал так выразительно еще и потому, что приближался девятый час — час обеденной трапезы, ибо монахи, отстав от цивилизации, как это и подобает людям, уединившимся от мирской суеты, в году божьей милостью 1578-м все еще придерживались обычаев доброго короля Карла V, который обедал в восемь часов утра, сразу после мессы.

Перечислить противоречивые мысли, вихрем пронесшиеся в мозгу брата Горанфлю, вынужденного постыться, было бы не менее трудно, чем счесть песчинки, поднятые ветром на морском берегу за бурный день.

¹ На реках вавилонских (лат.).

Но первой его мыслью, от которой, мы должны это сказать, он с большим трудом отделался, было: вернуться в Париж, пойти прямо в монастырь, объявить аббату, что он решительно предпочитает темницу изгнанию и даже согласен, если потребуется, вытерпеть и удары бичом, двойным бичом и *in-rase*¹, лишь бы ему клятвенно обещали побеспокоиться об его трапезах, число коиx он даже согласился бы сократить до пяти в день.

Эта мысль оказалась весьма навязчивой, она бороздила мозг бедного монаха добрую четверть часа и наконец сменялась другой, несколько более разумной: двинуться примехонько в «Рог изобилия», разбудить Шико, а если он уже проснулся и ушел, то вызвать его туда, рассказать, в каком горестном положении оказался он, брат Горанфло, из-за того, что имел слабость уступить его важническим призывам, рассказать и получить таким путем от своего друга пенсию на пропитание.

Этот план занял Горанфло еще на четверть часа, ибо монах отличался здравомыслием, а идея сама по себе была не лишена достоинств.

Затем появилась и третья, довольно смелая мысль: обойти вокруг стен столицы, войти в нее через Сен-Жерменские ворота или Нельскую башню и тайно продолжать сбор милостыни в Париже. Он знал теплые местечки, плодородные закоулки, маленькпе улочки, где знакомые кумушки откармливают вкусную птицу и всегда готовы бросить в суму сборщика милостыни какого-нибудь каплуна, скончавшегося от ожирения. В благодарном зеркале своих воспоминаний Горанфло видел некий дом с крылечком, в котором изготовлялись всевозможные сушения и варения, изготовлялись главным образом для того, — во всяком случае, брат Горанфло любил так думать, — чтобы в суму брата сборщика милостыни в обмен за его отеческое благословение можно было бросить банку желе из сушеной айвы, или дюжину засахаренных орехов, или коробку сушеных яблок, один запах которых даже умирающего заставил бы подумать о выпивке. Ибо, надо признаться, помыслы брата Горанфло по большей части были обращены к наслаждениям накрытого стола и к радостям покоя, и он не раз с некоторой тревогой подумывал о двух адвокатах дьявола, по имени Леность и Чревоугодие, кои в день Страшного суда выступают против него. Но мы

¹ Тюрьму (лат.),

должны сказать, что в ожидании сего часа достойный монах неуклонно следовал, хотя и не без угрызений совести, но все же следовал, по усыпанному цветами склону, ведущему к бездне, в глубине которой неумолчно воют, подобно Сцилле и Харибде, два вышенареченных смертных греха.

Именно поэтому последний план особенно улыбался Горанфло. Ему казалось, что он создан для такого существования. Однако выполнить этот план и вести прежний образ жизни можно было, только оставшись в Париже, а в Париже Горанфло на каждом шагу мог встретить лучников, сержантов, монастырские власти — словом, паству, весьма нежелательную для беглого монаха.

И, кроме того, перед ним вырисовывалось еще одно препятствие: казначей монастыря святой Женевьевы был слишком рачительный хозяин, чтобы оставить Париж без сборщика милостыни, стало быть, Горанфло подвергался опасности столкнуться лицом к лицу со своим собратом, обладающим тем неоспоримым преимуществом, что находится при исполнении своих законных обязанностей.

Представив себе эту встречу, брат Горанфло внутренне содрогнулся, и было от чего.

Он уже устал от своих монологов и своих страхов, когда вдруг заметил, что вдаль, у Бурдельских ворот, показался всадник; вскоре под сводами арки раздался гулкий галоп его коня.

Возле дома, стоявшего примерно в ста шагах от того места, где сидел Горанфло, всадник спешил и постучался. Ему открыли, и он исчез во дворе вместе с лошадей.

Горанфло отметил это обстоятельство, потому что по-завидовал счастливому всаднику, у которого есть лошадь и который, следовательно, может ее продать.

Но спустя короткое время всадник, — Горанфло узнал его по плащу, — всадник, говорим мы, вышел из дома, направился к находившейся на некотором удалении куче деревьев, перед которой громоздилась большая куча камней, и спрятался между деревьями и этим своеобразным бастионом.

— Несомненно, он кого-то подстерегает в засаде, — прошептал Горанфло. — Если бы я доверял лучникам, я бы их предупредил; будь я похрабрее, я бы сам ему помешал.

В этот миг человек в засаде, не спускавший глаз с городских ворот, бросил два быстрых взгляда по сторонам

и заметил Горанфло, который все еще сидел, опираясь подбородком на руку. Присутствие постороннего, видимо, мешало незнакомцу. Он встал и с притворно равнодушным видом начал прогуливаться за камнями.

— Вот знакомая походка,— сказал Горанфло,— да и вроде бы фигура тоже. Похоже, я его знаю... но нет, это невозможно.

Вдруг неизвестный, в эту минуту повернувшийся к Горанфло спиной, опустился на землю, да с такой быстротой, словно ноги у него подкосились. Вероятно, он услышал стук лошадиных подков, донесшийся со стороны городских ворот.

И в самом деле, три всадника,— двое из них казались лакеями,— на трех добрых мулах, к седлам которых были приторочены три больших чемодана, не спеша выехали из Парижа через Бурдельские ворота. Как только человек у камней их увидел, он, елико возможно, скорчился, почти ползком добрался до рощицы, выбрал самое толстое дерево и спрятался за ним в позе охотника, высматривающего дичь.

Кавалькада проехала, не заметив человека в засаде или, во всяком случае, не обратив на него внимания, а он, напротив, жадно впился глазами во всадников.

«Это я помешал свершиться преступлению,— сказал себе Горанфло,— мое присутствие на этой дороге в эту минуту было проявлением воли божьей; как я бы хотел, чтобы господь снова проявил свою волю и помог мне позавтракать».

Пропустив всадников мимо себя, наблюдатель вернулся в дом.

— Прекрасно! — сказал Горанфло. — Вот встреча, которая принесет мне желанную удачу, если только я не ошибаюсь. Человек, кого-то выслеживающий, не любит, когда его обнаруживают. Значит, я располагаю чьей-то тайной, и пусть хоть шесть дней, но я за нее выручу.

И Горанфло, не мешкая, направил свои стопы к дому. Но чем ближе он подходил к его воротам, тем явственнее представлялись ему воинственная осанка всадника, длинная рапира, бившая своего владельца по икрам, и угрожающий взгляд, которым тот следил за кавалькадой. И мо-
нах сказал себе:

«Нет, решительно я ошибся, такой мужчина не позволит себя запугать».

Пока Горанфло шел к воротам, он окончательно убедился в беспечности своего плана и чесал себе уже не нос, а ухо.

Вдруг его лицо оварилось.

— Идея! — сказал он.

Появление идеи в сонном мозгу монаха было столь редким событием, что Горанфло сам этому удивился. Однако уже и в те времена было известно изречение: необходимость — мать изобретательности.

— Идея! — твердил он. — И идея довольно хитрая. Я скажу ему: «Сударь, у всякого человека есть свои проекты, свои желания, свои надежды, я помолюсь за исполнение ваших замыслов, пожертвуйте мне сколько-нибудь». Если он задумал какую-то пакость, в чем я нимало не сомневаюсь, он вдвойне заинтересован в том, чтобы за него молились, и поэтому охотно подаст мне милостыню. А потом я предоставлю этот казус на рассмотрение первому доктору богословия, который мне встретится. Я спрошу его — можно ли молиться об исполнении замыслов, кои вам неизвестны, особенно если предполагаешь, что они греховны. Как скажет ученый муж, так я и сделаю, и тогда отвечать буду уже не я, а он. А если я не встречу доктора богословия? Пустяки, раз у нас есть сомнение — мы воздержимся от молитв. А пока суть да дело, я позавтракаю за счет этого доброго человека с дурными намерениями.

Приняв такое решение, Горанфло прижался к стене и стал ждать.

Спустя пять минут ворота распахнулись, и из них появились лошадь и человек. Человек сидел верхом на лошади.

Горанфло подошел.

— Сударь, — начал он, обращаясь к всаднику, — если пять «Pater»¹ и пять «Ave»² во исполнение ваших замыслов покажутся вам не лишними...

Всадник повернул голову к монаху.

— Горанфло! — воскликнул он.

— Господин Шико! — выдохнул пораженный монах.

— Куда, к дьяволу, бредешь ты, куманек? — спросил Шико.

— Сам не знаю, а вы?

¹ «Отче наш» (лат.).

² «Богородица дева, радуйся» (лат.).

— Ну со мной совсем другое дело, я-то знаю,— сказал Шико. — Я еду прямо вперед.

— И далеко?

— Пока не остановлюсь. Но ты, кум, почему ты не можешь мне сказать, что ты здесь делаешь? Я подозреваю кое-что.

— А что именно?

— Ты шпионил за мной.

— Господи Иисусе! Мне за вами шпионить, да боже упаси! Я вас увидел, вот и все.

— Когда увидел?

— Когда вы выслеживали мулов.

— Ты дурак.

— Как хотите, но вон из-за тех камней вы внимательно за ними...

— Слушай, Горанфло, я строю себе загородный дом. Этот щепень я купил и хотел удостовериться, хорошего ли он качества.

— Тогда дело другое,— сказал монах, который не поверил ни единому слову Шико.— Стало быть, я ошибся.

— И все же, ты сам, что ты делаешь здесь, за городской заставой?

— Ах, господин Шико, я изгнан,— с сокрушенным вздохом ответил монах.

— Что такое? — удивился Шико.

— Изгнан, говорю вам.

И Горанфло, задрапировавшись в рясу, вытянулся во весь свой невеликий рост и принялся кивать головой вверх и вниз, взгляд его приобрел требовательное выражение, как у человека, которому постигшее его огромное бедствие дает право рассчитывать на сострадание себе подобных.

— Братия отторгли меня от груди своей,— продолжал он,— я отлучен от церкви, предан анафеме.

— Вот как? И за какую вину?

— Послушайте, господин Шико,— прознес монах, кладя руку на сердце,— можете верить мне или не верить, но, слово Горанфло, я и сам этого не знаю.

— Может быть, вас заметили прошлой ночью, куманек, когда вы шлялись по кабакам?

— Неуместная шутка,— строго сказал Горанфло,— вы прекрасно знаете, чем я занимался, начиная с давешнего вечера.

— То есть,— уточнил Шико,— чем вы занимались с восьми часов вечера до десяти. Что вы делали с десяти вечера до трех часов утра, мне неизвестно.

— Как это понять — с десяти вечера до трех утра?

— Да так — в десять часов вы ушли.

— Я? — сказал Горанфло, удивленно выпучив на гасконца глаза.

— Конечно, я даже спросил вас, куда вы идете.

— Куда я иду; вы у меня спросили, куда я иду?

— Да!

— И что я вам ответил?

— Вы ответили, что идете произносить речь.

— Однако в этом есть доля правды,— пробормотал потрясенный Горанфло.

— Проклятие! Какая там доля, вы даже воспроизвели передо мной добрый кусок вашей речи, она была не из коротких.

— Моя речь состояла из трех частей, такую композицию Аристотель считает наилучшей.

— И в вашей речи были возмутительные выпады против короля Генриха Третьего.

— Да неужели?! — сказал монах.

— Просто возмутительные, и я не удивлюсь, если узнаю, что вас преследуют как подстрекателя к беспорядкам.

— Господин Шико, вы открываете мне глаза. А что, когда я говорил с вами, у меня был вид человека проснувшегося?

— Должен признаться, куманек, вы показались мне очень странным. Особенно взгляд у вас был такой неподвижный, что я даже испугался. Можно было подумать, что вы все еще не проснулись и говорите во сне.

— И все же,— сказал Горанфло,— какой бы дьявол в это дело ни влез, я уверен, что проснулся нынче утром в «Роге изобилия».

— Ну и что в этом удивительного?

— Как что удивительного? Ведь, по вашим словам, в десять часов я ушел из «Рога изобилия».

— Да, но вы туда вернулись в три часа утра, и в качестве доказательства могу сказать, что вы оставили дверь открытой и я замерз.

— И я тоже,— сказал Горанфло. — Это я припоминаю.

— Вот видите! — подхватил Шико.

— Если только вы говорите правду...

— Как — если я говорю правду? Будьте уверены, куманек, мои слова — чистейшая правда. Спросите-ка у мэтра Бономе.

— У мэтра Бономе?

— Конечно, ведь это он открыл вам дверь. Должен вам заметить, что, вернувшись, вы просто раздувались от снеси, и я вам сказал: «Стыдитесь, куманек, спесь не приличествует человеку, особенно если этот человек — монах».

— И почему я так возгордился?

— Потому что ваша речь имела успех, потому что вас поздравляли и хвалили герцог де Гиз, кардинал и герцог Майенский... Да продлит господь его дни, — добавил Шико, приподнимая шляпу.

— Теперь мне все понятно, — сказал Горанфло.

— Вот и отлично. Значит, вы признаете, что были на этом собрании? Черт побери, как это вы его называли? Постойте! Собрание святого Союза. Вот так.

Горанфло уронил голову на грудь и застонал.

— Я сомнамбула, — сказал он, — я давно уже это подозревал.

— Сомнамбула? — переспросил Шико. — А что это значит — сомнамбула?

— Это значит, господин Шико, — в моем теле дух господствует над плотью в такой степени, что, когда плоть спит, дух бодрствует и повелевает ею, а плоть, раз уж она спит, вынуждена повиноваться.

— Э, куманек, — сказал Шико, — все это сильно смахивает на колдовство. Если вы одержимы нечистой силой, признайтесь мне откровенно. Как это можно, чтобы человек во сне ходил, размахивал руками, говорил речи, поносящие короля, — и все это не просыпаясь! Клянусь святым чревом! По-моему, это противоестественно. Прочь, Вельзевул! *Vade retro, Satanas!*

И Шико отъехал в сторону.

— Значит, — сказал Горанфло, — и вы, и вы тоже меня покидаете, господин Шико. *Tu quoque, Brute!* Ай-яй-яй! Я никогда не думал, что вы на это способны.

И убитый горем монах попытался выжать из своей груди рыдание.

Столь великое отчаяние, которое казалось еще более безмерным оттого, что оно заключалось в этом пузатом теле, вызвало у Шико жалость.

— Ну-ка, — сказал он, — повтори, что ты мне говорил?

— Когда?

— Только что.

— Увы! Я ничего не помню, я с ума схожу, голова у меня битком набита, а желудок пуст. Наставьте меня на путь истинный, господин Шико!

— Ты мне говорил что-то о странствиях?

— Да, говорил, я сказал, что достопочтенный отец припор отправил меня постранствовать.

— В каком направлении? — осведомился Шико.

— В любом, куда я захочу, — ответил монах.

— И ты идешь?..

— Куда глаза глядят. — Горанфло воздел руки к небу. — Уповаю на милость божью! Господин Шико, не оставьте меня в беде, ссудите меня парой эку на дорогу.

— Я сделаю лучше, — сказал Шико.

— Ну-ка, ну-ка, что вы делаете?

— Как я вам сказал, я тоже путешествую.

— Правда, вы мне это говорили.

— Ну и вот, я беру вас с собой.

Горанфло недоверчиво посмотрел на Шико, это был взгляд человека, не смеющего верить в свалившееся на него счастье.

— Но при условии, что вы будете вести себя разумно, тогда я вам позволю оставаться закоренелым греховодником. Принимаете мое предложение?

— Принимаю ли я! Принимаю ли я!.. А хватит ли у нас денег на путешествие?

— Глядите сюда, — сказал Шико, вытаскивая длинный кошелёк с приятно округлившимися боками.

Горанфло подпрыгнул от радости.

— Сколько? — спросил он.

— Сто пятьдесят пистолей.

— И куда мы направляемся?

— Это ты увидишь, кум.

— Когда мы позавтракаем?

— Сейчас же.

— Но на чем я поеду? — с беспокойством спросил Горанфло.

— Только не на моей лошади, клянусь телом Христовым. Ты ее раздавишь.

— А тогда, — растерянно сказал Горанфло, — что же мы будем делать?

— Нет ничего проще. Ты пузат, как Силен, и такой же пьяница. Ну и, чтобы сходство было полным, я куплю тебе осла.

— Вы мой король, господин Шико; вы мое солнышко! Только выберите осла покрепче. Вы мой бог. Ну, а теперь, где мы позавтракаем?

— Здесь, смерть Христова, прямо здесь. Взгляни, что там за надпись над этой дверью, и прочти, если умешь читать.

И в самом деле, дом, находившийся перед ними, представлял собой нечто вроде постоянного двора. Горанфло посмотрел в ту сторону, куда был направлен указующий перст Шико, и прочел:

— «Здесь: ветчина, яйца, паштет из угрей и белое вино».

Трудно описать, как преобразилось лицо Горанфло при виде этой вывески: оно разом ожило, глаза расширились, губы растянулись, обнажив двойной ряд белых и жадных зубов. В знак благодарности монах весело воздел руки к небу и, раскачиваясь всем своим грузным телом в некоем подобии ритма, затянул следующую песенку, которую можно извинить только восторженным состоянием певца:

Когда осла ты расседлал,
Когда бутылку в руки взял,
Осла на дуг везется,
Вино в стаканы льется.
Но в городе и на селе
Счастливей нет монаха,
Когда монах навеселе
Пьет и пьет без страха.
Он пьет за девьги и за так,
И дом родной ему кабак.

— Отлично сказано! — воскликнул Шико. — Ну, а теперь, возлюбленный брат мой, не теряя ни минуты, пожалуйста за стол, а я тем временем пушусь на поиски осла.

Глава XXVIII

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ПУТЕШЕСТВОВАЛ НА ОСЛЕ ПО ИМЕНИ ПАНУРГ, И КАК ВО ВРЕМЯ ЭТОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ОН ПОСТИГ МНОГОЕ ТАКОЕ, ЧЕГО РАНЬШЕ НЕ ВЕДАЛ

Прежде чем покинуть гостеприимный кров «Рога изобилия», Шико плотно позавтракал, и только поэтому он на сей раз с таким безразличьем отнесся к своему собственному желудку, о котором наш гасконец, какой бы он

ни был дурак или каким бы дураком он ни притворялся, всегда проявлял не меньшую заботу, чем любой монах.

К тому же недаром говорится — великие страсти подкрепляют наши силы, а Шико обуревала поистине великая страсть.

Он привел брата Горанфло в маленький домик и усадил за стол, на котором перед монахом тут же воздвигли некое подобие башни из ветчины, яиц и бутылок с вином. Достойный брат с присущими ему рвением и обстоятельностью взялся за разрушение этой крепости.

Тем временем Шико отправился по соседним дворам на поиски осла для своего спутника. Он нашел это миролюбивое создание, предмет вожделений Горанфло, дремлющим между быком и лошадью в конюшне у одной крестьянской семьи в Со. Облюбованный Шико ослик был четырехлетком серо-бурого цвета, его довольно упитанное тело покоилось на четырех ногах, имеющих форму веретен. В те времена такой осел стоил двадцать ливров, щедрый Шико дал двадцать два и увел животное, провожаемый благословениями хозяев.

Он вернулся с победой и даже втащил живой трофей в комнату, где пировал Горанфло, уже ополовинивший лашет из угрей и опороживший три бутылки вина. Монах, восхищенный видом своего будущего скакуна и размягченный к тому же винными парами, предрасполагающими к нежным чувствам, расцеловал животное в обе щеки и торжественно всунул ему в рот длинную корку хлеба — лакомство, заставившее ослика зареветь от удовольствия.

— Ого! — сказал Горанфло. — У этой твари божьей чудесный голосок. Мы как-нибудь споем дуэтом. Спасибо, дружок Шико, спасибо.

И немедленно нарек осла Панургом.

Бросив взгляд на стол, Шико убедился, что с его стороны не будет тиранством, если он предложит монаху оторваться от трапезы.

И он провозгласил решительным голосом, которому Горанфло не мог противостоять:

— Поехали, куманек, в дорогу, в дорогу! В Мелоне нас ждет полдник.

Хотя Шико говорил повелительным тоном, но он сумел сдобрить свой строгий приказ щепоткой надежды, поэтому Горанфло повторял без всяких возражений:

— В Мелон! В Мелон!

И тотчас же встал из-за стола и с помощью стула вскарабкался на своего осла, у которого вместо седла была простая кожаная подушка с двумя ременными петлями, заменявшими стремена. В эти петли монах просунул свои сандалии, затем взял в правую руку поводья, левой — гордо подбоченился и выехал из ворот постоялого двора, величественный, как господь бог, сходство с которым Шико не без оснований в нем улавливал.

Что касается Шико, то он вскочил на своего коня с самоуверенностью опытного наездника, и оба всадника, не медля ни минуты, рысью поскакали по дороге в Мелон.

Они одним махом проделали четыре лье и остановились передохнуть. Монах тут же растянулся на земле под жаркими солнечными лучами и заснул. Шико же занялся подсчетом времени, которое уйдет на дорогу, и определил, что если они будут делать по десять лье за день, то расстояние в сто двадцать лье они покроют за двенадцать дней.

Панург кончиками губ ощипывал кустик чертополоха.

Десять лье — вот и все, что разумно можно было потребовать от соединенных усилий осла и монаха.

Шико покачал головой.

— Это невозможно, — пробормотал он, глядя на Горанфло, который безмятежно спал на придорожном откосе, как на мягчайшем пуховике, — нет, это невозможно; если этот долгополый хочет ехать со мной, он должен делать не менее пятнадцати лье в день.

Как видите, с некоторого времени на брата Горанфло начали сыпаться всяческие напасти.

Шико толкнул монаха локтем, чтобы разбудить и, когда тот пробудится, сообщить свое решение.

Горанфло открыл глаза.

— Что, мы уже в Мелоне? — спросил он. — Я проголодался.

— Нет, куманек, — сказал Шико, — нет еще, и вот поэтому-то я вас и разбудил. Нам необходимо поскорее туда добраться. Мы двигаемся слишком медленно, клянусь святым чревом, мы двигаемся слишком медленно!

— Ну, а почему, собственно, скорость нашего передвижения так огорчает вас, любезный господин Шико? Дорога жизни нашей идет в гору, ибо она заканчивается на небе, подниматься по ней велегко. К тому же что нас гонит? Чем дольше мы будем в пути, тем больше времени

проведем вместе. Разве я странствую не ради распростра-
нения веры Христовой, а вы, разве вы путешествуете не
для собственного удовольствия? Ну вот, чем медленнее
мы поедем, тем надежнее будет внедряться в сердца свя-
тая вера, чем медленнее мы поедем, тем больше развлече-
ний достанется на вашу долю. К примеру, я посоветовал
бы подзадержаться в Мелоне на недельку; уверяют, что
там готовят превосходные паштеты из угрей, а мне хоте-
лось бы сделать беспристрастное и аргументированное срав-
нение мелонского паштета с паштетами других француз-
ских провинций. Что вы на это скажете, господин Шико?

— Скажу, — ответил гасконец, — что я совсем другого
мнения: по-моему, нам надо двигаться как можно быстрее
и, чтобы наверстать упущенное время, не полдничать в
Мелоне, а прямо поужинать в Монтеро.

Горанфло недоуменно уставился на своего товарища
по путешествию.

— Поехали, поехали! В дорогу! — настаивал Шико.

Монах, который лежал, вытянувшись во всю длину,
положив руки под голову, ограничился тем, что припод-
нялся и, утвердившись в своем седалище, жалобно за-
стонал.

— Тогда, куманек, — продолжал Шико, — коли вы хо-
тите остаться и путешествовать на свой собственный лад,
дело ваше, хозяйское.

— Нет, нет, — поспешно сказал Горанфло, напуган-
ный привраком одиночества, от которого он только что
чудом ускользнул, — я поеду с вами, господин Шико, я вас
люблю и никогда не оставлю.

— Раз так, в седло, куманек, в седло!

Горанфло подвел своего осла к межевому столбику и
утвердился на его спине, но на этот раз сел не верхом,
а боком — на женский манер. Он заявил, что в такой по-
зиции ему будет удобнее вести беседу. На самом же деле
монах, предвидя, что его осла придется бежать с удвоен-
ной скоростью, разумно решил иметь под рукой две до-
полнительные точки опоры: гриву и хвост.

Шико поскакал крупной рысью; осел с ревом последо-
вал за ним.

Первые минуты скачки были ужасны для Горанфло;
к счастью, та часть тела, которая служила ему основной
опорой, имела столь обширную площадь, что монаху легче
было сохранять равновесие, чем любому другому наезд-
нику.

Время от времени Шико привставал на стременах и смотрел вперед; не обнаружив на горизонте того, что ему было нужно, он давал шпоры коню.

Сначала Горанфло думал только о том, как бы не слететь на землю, и поэтому оставлял без внимания эти свидетельства нетерпения, показывавшие, что Шико кого-то разыскивает. Но когда он мало-помалу освоился и «выработал дыхание», как говорят пловцы, странное поведение гасконца бросилось ему в глаза.

— Эй, любезный господин Шико, — спросил он гасконца, — кого вы ищете?

— Никого, — ответил Шико. — Я просто гляжу, куда мы едем.

— Но ведь мы едем в Мелон, как мне кажется. Вы мне сами это сказали, вы мне даже обещали...

— Нет, мы не едем, куманек, мы не едем, мы стоим на месте, — отозвался Шико, прищипывая коня.

— Как это мы не едем! — возмутился монах. — Да мы не сходим с рыси.

— В галоп! В галоп! — приказал гасконец, переводя своего коня в галоп.

Панург, увлеченный примером, также помчался галопом, но с плохо скрытой злостью, не предвещавшей его всаднику ничего доброго.

У Горанфло перехватило дыхание.

— Скажите, скажите, пожалуйста, господин Шико! — закричал он, как только снова обрел дар речи. — Вы зовете это путешествием для развлечения, но я совсем не развлекаюсь, лично я.

— Вперед! Вперед! — ответил Шико.

— Но у осла такие жесткие бока.

— Хорошие наездники галопируют только стоя на стременах.

— Да, но я, я не выдаю себя за хорошего наездника.

— Тогда оставайтесь!

— Нет, черт возьми! — закричал Горанфло. — Ни за что на свете!

— Ну, раз так, слушай меня, и вперед! Вперед!

И Шико, снова прищипив коня, погнал его еще с большей скоростью.

— Панург хрипит! — кричал Горанфло. — Панург останавливается.

— Тогда прощай, куманек! — сказал Шико,

Горанфло на секунду чуть было не поддался искушению ответить теми же словами, но вспомнил, что лошадь, которую он проклинал в глубине сердца, унесет на своей спине не только его немоллимого спутника, но вместе с ним и кошелек, спрятанный у того в кармане. Поэтому он подчинился судьбе и, бешено колотя сапдалиями в бока разъяренного осла, заставил его возобновить галоп.

— Я убью моего бедного Панурга,— жалобно кричал монах, взывая к корысти Шико, раз уж ему, по-видимому, не удалось повлиять на чувство сострадания гасконца, — я его убью, определенно убью.

— Что делать, убейте его, куманек, убейте,— хладнокровно отвечал Шико, ни на секунду не замедляя скачки. — Мы купим мула.

Панург, словно уразумев угрозу, содержащуюся в этих словах, свернул с большой дороги и вихрем помчался по высохшей боковой тропинке, идущей над самым обрывом. По этой тропинке Горанфло и пешком не осмелился бы пройти.

— Помогите! — кричал монах. — Помогите! Я свалюсь в реку!

— Нет никакой опасности,— отвечал Шико,— ручаюсь, что вы не утонете, даже если и свалитесь.

— О! — лепетал Горанфло. — Я умру, наверняка умру. И подумать только, все это случилось потому, что я стал сомнамбулой.

И монах направил в небеса взгляд, казалось говоривший: «Господи, господи, какое преступление я совершил, что ты наслад на меня такую казнь?»

Вдруг Шико, выехав на вершину холма, так резко осадил коня, что захваченное врасплох животное присело на задние ноги, крупом едва не коснувшись земли.

Горанфло, худший наездник, чем Шико, и к тому же вместо уздечки располагавший только поводком, Горанфло, говорит мы, продолжал скакать вперед.

— Стой! Кровь Христова! Стой! — кричал Шико. Но ослом овладело желание скакать галопом, а осла весьма неохотно расстанутся со своими желаньями.

— Остановись! — кричал Шико. — Иначе, даю слово, я пошлю тебе пулю вдогонку.

«Какой дьявол вселился в этого человека,— спрашивал себя Горанфло,— какая муха его укусила?»

Но голос Шико звучал все более и более грозно, и монаху уже чудился свист догонявшей его пули, поэтому он решился на маневр, выполнение которого значительно

облегчалось его посадкой в седле; маневр этот состоял в том, чтобы соскользнуть с осла на землю.

— Вот и все! — сказал он, храбро скатываясь на свои мощные ягодицы и обеими руками сжимая поводок. Осел сделал еще несколько шагов, но волей-неволей должен был остановиться.

Тогда Горанфло начал искать глазами Шико, надеясь увидеть на его лице восхищение, которое не могло там не появиться при виде маневра, так лихо выполненного монахом.

Но Шико спрятался за скалой и оттуда продолжал делать предостерегающие и угрожающие знаки.

Эти призывы к осторожности заставили монаха понять, что на сцене есть и еще какие-то действующие лица. Он посмотрел вперед и увидел на дороге, на расстоянии пятисот шагов, трех всадников на мулах, едущих спокойной рысдой.

Горанфло с первого взгляда узнал путников, выехавших утром из Парижа через Бурдельские ворота, тех, кого Шико так прилежно высматривал из-за дерева.

Шико, не двигаясь, выждал, пока три всадника не скроются из вида, и тогда, только тогда подошел к своему спутнику, который сидел там, где упал, и крепко сжимал в руках поводок Панурга.

— Да растолкуйте же мне наконец, любезный господин Шико, — сказал Горанфло, уже начинавший терять терпение, — чем мы занимаемся; только что требовалось скакать сломя голову, а теперь надо сидеть, где сидишь.

— Мой добрый друг, — сказал Шико, — я лишь хочу узнать, хорошей ли породы ваш осел и не обманули ли меня, заставив выложить за него двадцать два ливра. Теперь испытание закончено, и я доволен выше головы.

Как вы понимаете, монах не был обманут таким ответом и собрался было показать это своему спутнику, но природная лень одержала верх, шепнув ему на ухо, что с Шико лучше не спорить.

И монах ограничился тем, что, не скрывая своего дурного настроения, сказал:

— А, плевать на все! Но я чертовски устал и зверски голоден.

— Что ж, за этим дело не станет, — успокоил его Шико, игриво похлопывая по плечу. — Я тоже устал, я тоже голоден и в первом постоялом дворе, который встретится на нашем пути, мы...

— Что мы?.. — сказал Горанфло, не веря в такой счастливый поворот своей горемычной судьбы.

— А то,— продолжал Шико. — Мы закажем свиную поджарку, одно или два фрикасе из кур и кувшин самого лучшего вина, какое только есть в погребе.

— И вправду? Неужто на этот раз вы не обманете?

— Даю слово, куманек.

— Тогда поехали,— сказал монах, поднимаясь с земли. — Сейчас же поехали искать этот благословенный уголок. Шевелл ногами, Панург, у тебя на обед будут отруби.

Осел радостно заревел.

Шико сел на коня, Горанфло пошел пешком, ведя осла в поводу.

Вскоре путники увидели столь необходимый им постоянный двор. Он находился на дороге между Корбеем и Меломом. Но, к большому удивлению Горанфло, уже издали любовавшемуся этим желанным приютом, Шико приказал ему сесть на осла и повернул по дороге палево, в обход постоянного двора. Впрочем, Горанфло, чья сообразительность все время совершенствовалась, тут же понял, чем была вызвана эта причуда: перед воротами стояли три мула тех путешественников, за которыми Шико, по-видимому, следил.

«Так, значит, от прихоти каких-то трех проходивцев,— подумал Горанфло,— будет зависеть все наше путешествие, даже часы наших трапез? Как это печально».

И он сокрушенно вздохнул.

Со своей стороны, Панург, увидев, что они удаляются от прямой линии, которую даже осла считают кратчайшим расстоянием между двумя точками, остановился и уперся в землю всеми четырьмя копытами, словно собираясь пустить корни на том месте, где он стоит.

— Видите,— жалостно сказал Горанфло,— даже мой осел отказывается идти.

— Ах, вот как! Отказывается идти? Ну погоди же! — ответил Шико.

И, подойдя к кизиловой изгороди, он выломал из нее гибкий и довольно внушительный прут, длиною в пять футов и с дюйм толщиной.

Панург не принадлежал к числу тех глупых четвероногих, которые не интересуются происходящим вокруг и, не умея предвидеть события, замечают палку только тогда, когда удары обрушиваются на их спину. Он следил за действиями Шико, и они, несомненно, внушали осла

пемалое уважение, и как только Панургу показалось, что он разгадал намерения гасконца, он тотчас же расслабил ноги и бойко двинулся вперед.

— Он пошел! Он пошел! — закричал Горанфло своему спутнику.

— Все равно, для того, кто путешествует в компании осла и монаха, добрая палка всегда пригодится, — изрек Шико.

И взял кизилловый прут с собой.

Глава XXIX

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ОБМЕНЯЛ СВОЕГО ОСЛА НА МУЛА, А МУЛА — НА КОНЯ

Мытарства Горанфло, по крайней мере в этот день, подходили к концу: сделав крюк, два друга снова выехали на большую дорогу и остановились на постоялом дворе, соприлегающем с тем придорожным приютом, который они объехали, и удаленным от него на расстояние три четверти лье.

Шико занял комнату, выходящую на дорогу, и распорядился, чтобы ужин был подан в комнату. Но по всему было видно, что пища не являлась для гасконца первостепенной заботой. Зубами он работал вполне, зато смотрел во все глаза и слушал во все уши. Так продолжалось до десяти часов; поскольку к этому часу Шико не увидел и не услышал ничего подозрительного, он снял осаду, наказал засыпать своему коню и ослу монаха двойную порцию овса и отрубей и оседлать их, как только засветает.

Услышав этот наказ, Горанфло, который уже битый час казался спящим, а на самом деле пребывал в состоянии сладостной истомы, вызываемой сытным обедом, орошенным достаточным количеством бутылок доброго вина, тяжело вздохнул.

— Как только засветает? — переспросил он.

— Э, клянусь святым чревом! — сказал Шико. — Ты должен иметь привычку подниматься с рассветом.

— Почему? — заинтересовался Горанфло.

— А утренние мессы?

— Аббат освободил меня от них по слабости здоровья, — ответил монах.

Шико пожал плечами и произнес одно лишь слово: «Бездельник», прибавив к его окончанию букву «и», которая, как известно, является признаком множественного числа.

— Ну да, бездельники,— согласился Горанфло,— конечно, бездельники. А почему бы и нет?

— Человек рожден для труда,— наставительно сказал гасконец.

— А монах для отдохновения,— возразил брат Горанфло,— монах — исключение из рода человеческого.

И, довольный этим доводом, сразившим, по-видимому, даже самого Шико, Горанфло с великим достоинством вышел из-за стола и улегся в постель, которую Шико из страха, как бы монах не допустил какой-нибудь оплошности, приказал поставить в своей комнате.

И в самом деле, если бы брат Горанфло не спал таким крепким сном, то он мог бы увидеть, как Шико, едва рассвело, встал с постели, подошел к окну и, укрывшись за портьерой, принялся наблюдать за дорогой.

Вдруг он отпрянул от окна, несмотря на свою портьеру, и проснулся брат Горанфло в эту минуту, он услышал бы, как стучат подковы трех мулов по вымощенной булыжником дороге.

Шико тут же подскочил к спящему монаху и принялся трясти его за плечо, пока тот не проснулся.

— Неужели мне не дадут ни минуты покоя? — забормотал Горанфло, проспавший десять часов кряду.

— Вставай, вставай,— торопил Шико. — Быстро, одеваемся и едем.

— А завтрак? — осведомился монах.

— Ждет нас на дороге в Монтеро.

— Что это такое — Монтеро? — спросил монах, совершенно невежественный в географии.

— Монтеро,— ответил гасконец,— это город, где завтракают. Вам этого довольно?

— Да,— коротко отозвался Горанфло.

— Тогда, куманек,— сказал Шико,— я спущусь вниз расплатиться за нас и за наших животных. Если через пять минут вы не будете готовы, я уеду без вас.

Утренний туалет монаха недолог, но у Горанфло он все же занял шесть минут. Поэтому, выйдя из ворот постоянного двора, он увидел, что Шико, пунктуальный, как швейцарец, уже скачет по дороге. Горанфло взобрался на Панурга, а Панург, воодушевленный двойной порцией

овса и отрубей, которую ему отпустили по приказанию Шико, сам, не дожидаясь ничьих указаний, взял с места галопом и вскоре скакал бок о бок с лошадей Шико.

Гасконец стоял на стременах, прямой, как жердь.

Горанфло также привстал и увидел на горизонте трех мулов, исчезающих за гребнем холма.

Монах тяжело вздохнул, подумав, как это печально, что его судьба зависит от чьей-то чужой воли.

На этот раз Шико сдержал слово: они позавтракали в Монтеро.

Весь день был похож на предыдущий, как одна капля воды на другую, да и следующий день прошел примерно одинаково. Поэтому мы смело можем опустить подробности. Горанфло, плохо ли, хорошо ли, но уже начинал привыкать к кочевому образу жизни, когда на четвертые сутки к вечеру он заметил, что Шико постепенно утрачивает свою обычную веселость. Уже с полудня гасконец потерял всякий след трех всадников на мулах, поэтому он поужинал в дурном настроении и плохо спал ночью.

Горанфло ел и пил за двоих, распевал свои лучшие песенки, но Шико оставался мрачным и в разговоры не вступал.

Едва рассвело, он был уже на ногах и расталкивал своего спутника. Монах оделся, и от самых ворот они поскакали рысью, а вскоре перешли на бешеный галоп.

Но все было напрасно — мулы не появлялись на горизонте.

К полудню и копь и осел выбились из сил.

На мосту Вильнев-ле-Руа Шико подошел к будке сборщика мостовой пошлины со всех тварей, имеющих копыта.

— Вы не видели трех всадников на мулах? — спросил он. — Они должны были проехать нынче утром.

— Нынче утром не проезжали, сударь, — ответил сборщик. — Они проехали вчера рано вечером.

— Вчера?

— Да, вчера вечером, в семь часов.

— Вы их приметили?

— Проклятие! Как обычно примечают проезжающих.

— Я вас спрашиваю, не помните ли вы, что это были за люди?

— Мне показалось, что один из них господин, остальные двое — лакеи.

— Это они, — сказал Шико.

И дал сборщпккү вкю.

Затем пробормотал про себя:

— Вчера вечером, в семь часов. Кляпусь святым чре-
вом, они обогнали меня на двенадцать часов! Мужайся,
друг Горанфло!

— Послушайте, господин Шико,— сказал монах,—
я-то еще держусь, но Панург уже совсем с ног валится.

Действительно, бедное животное, выбившееся из сил
за последние два дня, дрожало всем телом, и эта дрожь
невольно сообщалась его всаднику.

— Да и ваша лошадь,— продолжал Горанфло,— по-
смотрите, в каком она состоянии.

И вправду, благородный скакун, каким бы он ни был
горячим, а может быть, именно поэтому, был весь в пене,
густой пар валит из его ноздрей, а из глаз, казалось, вот-
вот брызнет кровь.

Шико, быстро осмотрев обоих животных, по-види-
мому, согласился с мнением своего товарища.

Горанфло облегченно вдохнул.

— Слушайте, брат сборщик,— сказал Шико,— мы
должны сейчас принять великое решение.

— Но вот уже несколько дней, как мы только этим
и занимаемся,— воскликнул Горанфло, лицо которого вы-
тянулось еще прежде, чем он услышал, что ему грозит.

— Мы должны расстаться,— сказал Шико, хватая,
как говорится, быка за рога.

— Ну вот,— сказал Горанфло,— вечно все та же шут-
ка! А зачем нам расставаться?

— Вы слишком медлительны, куманек.

— Клявусь богматерью! — воскликнул Горанфло. —
Я несусь как ветер, нынче утром мы скакали галопом
пять часов кряду.

— И все же этого недостаточно.

— Тогда поехали, быстрее поедешь, скорей прибу-
дешь. Ведь я предполагаю, что мы в конце концов куда-
нибудь да прибудем?

— Моя лошадь не может идти, и ваш осел отказы-
вается от службы.

— Тогда что же делать?

— Оставим их здесь и заберем на обратном пути.

— Ну а мы сами? Вы что, хотите тащиться пешедра-
дом?

— Мы поедем на мулах.

— А где их взять?

- Мы их купим.
- Ну вот,— вздохнул Горанфло,— опять расходы.
- И так?
- И так, поехали на мулах.
- Bravo, кумапек, вы начинаете образовываться. Поручите Баярда и Панурга заботам хозяина, а я пойду за мулами.

Горанфло старательно выполнил данное ему поручение: за четыре дня, проведенные им с Панургом, он оценил если не достоинства осла, то, во всяком случае, его недостатки. Монах заметил, что тремя главными недостатками, присущими Панургу, были три порока, к которым он и сам имел склонность, а именно: лень, чревоугодие и сластолюбие. Это наблюдение тронуло сердце монаха, и он не без сожаления расстался со своим ослом. Однако брат Горанфло был не только лентяй, обжора и бабник, прежде всего он был эгоистом и потому предпочитал скорее расстаться с Панургом, чем распрощаться с Шико, ибо в кармане последнего, как мы уже говорили, лежал кошелек.

Шико вернулся с двумя мулами, на которых они в этот день покрыли расстояние в двадцать лье; вечером он с радостью увидел трех мулов, стоявших у дверей кузницы.

- Ах! — впервые вырвался у него вздох облегчения.
- Ах! — вслед за ним вздохнул Горанфло.

Но наметанный глаз Шико подметил, что на мулах нет сбруи, а возле них — господина и его двух лакеев. Мулы стояли в своем природном паряде, то есть с них было снято все, что можно было снять, а что касается до господина и лакеев, то они исчезли.

Более того, вокруг мулов толпились неизвестные люди, которые их осматривали и, по-видимому, оценивали. Здесь были: лошадиный барышник, кузнец и два монаха-францисканца; они вертели бедных животных из стороны в сторону, смотрели им в зубы, заглядывали в уши, шупали ноги; одним словом — всесторонне изучали.

Дрожь пробежала по телу Шико.

— Шагай туда,— сказал он Горанфло,— подойди к францисканцам, отведи их в сторону и хорошенько расспроси. Я надеюсь, что у монахов не может быть секретов от монаха. Незаметно выведай у них, откуда взялись эти мулы, какую цену за них просят и куда девались их хозяева, потом вернешься и все мне расскажешь.

Горанфло, обеспокоенный тревожным состоянием своего друга, крупной рысью погнал своего мула к кузнице и спустя несколько минут вернулся.

— Вот и всего делов,— сказал оп.— Во-первых, знаете ли вы, где мы находимся?

— А, смерть Христова! Мы едем по дороге в Лион,— сказал Шико,— и это единственное, что мне нужно знать.

— Пусть так, но вам еще нужно знать, по крайней мере вы так говорили, куда подевались хозяева этих мулов.

— Ну да, выкладывай.

— Тот, что смахивает на дворянина...

— Ну, ну!

— Тот, что смахивает на дворянина, поехал отсюда в Авиньон по короткой дороге через Шато-Шинон и Прива.

— Один?

— Как один?

— Я спрашиваю, он один свернул на Авиньон?

— Нет, с лакеем.

— А другой лакей?

— А другой лакей поехал дальше, по старой дороге.

— В Лион?

— В Лион.

— Чудесно. А почему дворянин поехал в Авиньон? Я полагаю, что он едет в Рим. Однако,— задумчиво сказал Шико, словно разговаривая сам с собой,— я у тебя спрашиваю то, чего ты не можешь знать.

— А вот и нет... Я знаю,— ответил Горанфло.— Ну и удивлю же я вас!

— А что ты знаешь?

— Он едет в Авиньон, потому что его святейшество папа послал в Авиньон легата, которому доверил все полномочия.

— Добро,— сказал Шико,— все ясно... А мулы?

— Мулы устали; они их продали кузнецу, а тот хочет перепродать францисканцам.

— За сколько?

— По пятнадцати пистолей за голову.

— На чем же они поехали?

— Купили лошадей.

— У кого?

— У капитана рейтаров, он занимается здесь ремонтом,

— Клянусь святым чревом, куманек! — воскликнул Шико. — Ты драгоценный человек, только сегодня я тебя оценил по-настоящему!

Горанфло самодовольно осклабился.

— Теперь, — продолжал Шико, — заверши то, что ты так прекрасно начал.

— Что я должен сделать?

Шико спешил и вложил узду своего мула в руку Горанфло.

— Возьми наших мулов и предложи их обоим францисканцам за двадцать пистолей. Они должны отдать тебе предпочтение.

— И они мне его отдадут, — заверил Горанфло, — иначе я доведу на них ихнему аббату.

— Bravo, куманек, ты уже образовался.

— Ну, а мы, — спросил Горанфло, — мы-то на чем поедим?

— На конях, смерть Христова, на конях!

— Вот дьявол! — выругался монах, почесывая ухо.

— Полно, — сказал Шико, — ты такой наездник!

— Как когда, — вздохнул Горанфло. — Но где я вас найду?

— На городской площади.

— Ждите меня там.

И монах решительным шагом направился к францисканцам, в то время как Шико боковой улочкой вышел на главную площадь маленького городка.

Там на постоялом дворе под вывеской «Отважный петух» он нашел капитана рейтаров, распивавшего прелестное легкое оксерское вино, которое доморощенные знатоки путают с бургундским. Капитан сообщил гасконцу дополнительные сведения, по всем пунктам подтверждавшие доведение Горанфло.

Шико незамедлительно договорился с ремонтером о двух лошадях, и brave капитан тут же внес их в список павших в пути. Благодаря такому непредвиденному падежу, Шико смог заполучить двух коней за тридцать пять пистолей.

Теперь оставалось только сторговать седла и уздечки, но тут Шико увидел, как из боковой улицы на площадь вышел Горанфло с двумя седлами на голове и двумя уздечками в руках.

— Ого! — воскликнул гаскопец. — Что сие означает, куманек?

— Разве вы не видите? — ответил Горанфло. — Это седла и уздечки с наших мулов.

— Так ты их удержал, преподобный отец? — сказал Шико, расплываясь в улыбке.

— Ну да, — сказал монах.

— И ты продал мулов?

— По десять пистолей за голову.

— И тебе заплатили?

— Вот они, денежки.

И монах тряхнул карманом, в котором дружно зазвенели всевозможные монеты.

— Клянусь святым чревом! — воскликнул Шико. — Ты великий человек, куманек.

— Такой уж, какой есть, — с притворной скромностью подтвердил Горанфло.

— За дело! — сказал Шико.

— Но я хочу пить, — пожаловался монах.

— Ладно, пей, пока я буду седлать, только смотри по напейся.

— Одну бутылочку.

— Идет, одну, но не больше.

Горанфло осушил две, оставшиеся деньги он вернул Шико.

У Шико мелькнула было мысль не брать у монаха эти двадцать пистолей, уменьшившиеся на стоимость двух бутылок, но он тут же сообразил, что если у Горанфло заведется хотя бы два экю, то он в тот же день выйдет из повиновения.

И гасконец, ничем не выдав монаху своих колебаний, взял деньги и сел на коня.

Горанфло сделал то же с помощью капитана рейтаров, тот, будучи человеком богобоязненным, поддержал ногу монаха; в обмен за эту услугу Горанфло, устроившись в седле, одарил капитана своим пастырским благословением.

— В добрый час, — сказал Шико, пуская своего коня в галоп, — вот молодчик, которому отныне уготовано место в раю.

Горанфло, увидев, что его ужин скачет вперед, пустил свою лошадь вдогонку; надо сказать, что он делал несомненные успехи в искусстве верховой езды и уже не хватался одной рукой за гриву, другой за хвост, а вцеплялся обеими руками в переднюю луку седла и с этой

единственной точкой опоры скакал так быстро, что не отставал от Шико.

В конце концов он стал проявлять даже больше усердия, чем его патрон, и всякий раз, когда Шико менял аллюр и придерживал лошадь, монах, который рыси предпочитал галоп, продолжал скакать, подбадривая своего коня криками «ур-ра!».

Эти самоотверженные усилия заслуживали вознаграждения, и через день вечером, немного не доезжая Шалона, Шико вновь обнаружил мэтра Николая Давида, переодетого лакеем, и до самого Лиона не упускал его из виду. К вечеру восьмого дня после их отъезда из Парижа все трое проехали через городские ворота.

Примерно в этот же час, следуя в противоположном направлении, Бюсси и супруги Сен-Люк, как мы уже говорили, увидели стены Мерцдорского замка.

Глава XXX

О ТОМ, КАК ШИКО И ЕГО ТОВАРИЩИ ОБОСНОВАЛИСЬ В ГОСТИНИЦЕ «ПОД ЗНАКОМ КРЕСТА» И КАКОЙ ПРИЕМ ИМ ОКАЗАЛ ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ

Мэтр Николай Давид, все еще переодетый лакеем, направился к площади Терро и остановил свой выбор на главной городской гостинице с вывеской «Под знаком креста».

Адвокат вошел в гостиницу на глазах у Шико, и гасконец некоторое время наблюдал за дверями этого заведения, дабы удостовериться, что его враг действительно там остановился и никуда от него не уйдет.

— Ты не возражаешь против гостиницы «Под знаком креста»? — спросил он у своего спутника.

— Никким образом, — ответил тот.

— Тогда войди туда и попроси отдельную комнату, скажи, что ждешь своего брата; так оно у нас и выйдет: ты будешь ждать меня на пороге, а я погуляю по городу и приду только поздно ночью. Ты со своего поста будешь следить за постояльцами и хорошенько изучишь план дома, а потом встретишь меня и проведешь в нашу комнату так, чтобы мне не пришлось столкнуться с людьми, которых я не хочу видеть. Ты все понял?

— Все.

— Комнату выбери просторную, светлую, с хорошими подходами и, по возможности, смежную с комнатой того постояльца, который только что прибыл. Позаботься, чтобы окна выходили на улицу и я мог бы видеть, кто входит и выходит из гостиницы; имени моего не произноси ни под каким предлогом, а повару посули золотые горы.

Горанфло прекрасно выполнил это поручение. Комната была выбрана, ночь наступила, а с наступлением темноты появился и Шико, Горанфло взял его за руку и отвел в снятую им комнату. Монах, глупый от природы, был все же хитер, как все церковники, он указал Шико на то обстоятельство, что хотя их комната и расположена по другой лестнице, чем комната Николая Давида, она имеет с последней смежную стену — простую перегородку из дерева и известки, которую при желании легко можно продырявить.

Шико слушал монаха с неослабным вниманием, и присутствуя при этом посторонний наблюдатель, который мог бы видеть и говорившего и слушающего, он бы заметил, что лицо гасконца постепенно прояснялось. Когда монах закончил свою речь, Шико сказал:

— Все, что ты мне сейчас сообщил, заслуживает вознаграждения. Сегодня вечером, Горанфло, ты получишь херес, да, херес, черт возьми, не будь я твой друг-приятель.

— Мне еще ни разу не приходилось быть пьяным от хереса, — признался Горанфло, — это должно быть необычайно приятное состояние.

— Клянусь святым чревом! Ты познаешь его через два часа. Это говорю тебе я, Шико, — пообещал гасконец, вступая во владение комнатой.

Шико вызвал к себе хозяина гостиницы.

Может быть, кому-то покажется, что рассказчик этой истории, следуя за своими героями, слишком часто посещает гостиницы. На это рассказчик ответит, что не его вина, если эти герои, одни — выполняя желание возлюбленной, другие — скрываясь от королевского гнева, едут на север и на юг. Попад в эпоху, промежуточную между античной древностью, когда постоянных дворов не было, так как их заменяло братское радушие людей, и современностью, когда постоянный двор выродился в табльдот, автор был вынужден останавливаться в гостиницах, где происходят важные события его романа. Заметим, что караван-сарай нашего Запада в те времена подразделя-

лись на три вида: гостиницы, постоянные дворы и кабачки. Этой классификацией не следует пренебрегать, хотя сейчас она во многом утратила свое значение. Обратите внимание, что мы не упомянули превосходные бани, которым в наши дни не создано ничего равноценного, бани, завещанные Римом императоров Парижу королей и унаследовавшие от античности многообразные языческие наслаждения.

Однако в царствование Генриха III эти заведения были сосредоточены в стенах столицы; провинция в те времена должна была довольствоваться гостиницами, постоянными дворами и кабачками.

Итак, мы находимся в гостинице.

И хозяин заведения сразу же дал это почувствовать своим новым постояльцам. Когда Шико попытался пригласить его к себе, хозяин передал, что пусть они наберутся терпения и подождут, пока он не побеседует с гостем, прибывшим раньше и потому обладающим правом первоочередности.

Шико догадался, что этим гостем должен быть его адвокат.

— О чем они могут говорить? — спросил Шико.

— Вы думаете, что у хозяина и вашего человека есть какие-то секреты?

— Проклятие! А разве вы сами не видите? Если эта надутая морда, что нам повстречалась, которая, как я полагаю, принадлежит хозяину гостиницы...

— Ему самому, — подтвердил монах.

— ...вдруг ни с того ни с сего соглашается побеседовать с человеком, одетым лакеем...

— А! — сказал Горанфло. — Он переоделся; я его видел, теперь он весь в черном.

— Еще одно доказательство, — заметил Шико. — Хозяин, несомненно, участвует в игре.

— Хотите, я попытаюсь исповедовать его жену? — предложил Горанфло.

— Нет, — ответил Шико, — лучше поди-ка ты прогуляйся по городу.

— Вот как! А ужин? — заинтересовался Горанфло.

— Я закажу его в твое отсутствие. И на, возьми эку, это поможет тебе продержаться до ужина.

Горанфло принял эку с благодарностью.

За время путешествия монах не раз уже совершал такие поздние вылазки, он обожал эти набеги на окрестные

кабачки и время от времени отваживался на них и в Париже, прикрываясь своим положением брата сборщика милостыни. Но с тех пор, как Горанфлю покинул монастырь, почные прогулки особенно ему полюбились. Теперь он всеми своими порами дышал воздухом свободы, и монастырь уже представлялся ему в воспоминаниях мрачной темницей.

Итак, подоткнув полы рясы, монах выбежал из комнаты со своим эки в кармане.

Как только он исчез, Шико, не теряя времени, взял штопор и провертел в перегородке на уровне своего глаза дырку.

Правда, толщина досок не позволяла Шико обзирать в этот глазок, величиной с отверстие сарбакана, всю комнату адвоката, но зато, приложив к нему ухо, гасконец мог вполне отчетливо слышать все, что говорилось в комнате.

К тому же, по счастливой случайности, в поле зрения Шико находилось лицо хозяина гостиницы, разговаривающего с Николаем Давидом.

Начала разговора Шико, как мы знаем, не слышал, однако на тех слов, которые ему удалось уловить, явствовало, что Давид всячески выказывает перед хозяином свою преданность королю и даже памскает на некую важную миссию, якобы возложенную на него господином де Морвилье.

Пока он так говорил, хозяин гостиницы слушал с видом несомненно почтительным, но в то же время довольно безучастным, и едва удаивал адвоката ответом. Шико даже показалось, что он улавливает то ли во взгляде хозяина, то ли в интонациях его голоса прощю, заметную особенно отчетливо всякий раз, когда адвокат произносил имя короля.

— Эге! — сказал Шико. — Наш хозяин, часом, не легист ли он? Смерть Христова! Я это выясню.

И поскольку в комнате Николая Давида не говорилось ничего интересного, Шико решил подождать, пока хозяин гостиницы не соизволит нанести ему визит.

Наконец дверь открылась.

Хозяин вошел, почтительно держа свой колпак в руке, но на лице его еще сохранялось то подмеченное Шико насмешливое выражение, с которым он беседовал с мэтром Николаем Давидом.

— Присядьте, любезный хозяин,— сказал Шико,— и, прежде чем мы окончательно договоримся, выслушайте мою историю.

Хозяин явно недоброжелательно отнесся к такому вступлению и даже отрицательно мотнул головой в знак того, что он предпочитает оставаться на ногах.

— Как вам угодно, сударь,— сказал Шико.

Хозяин снова мотнул головой, как бы желая сказать, что он здесь у себя и может делать, что ему угодно, не ожидая приглашения.

— Сегодня утром вы меня видели вместе с монахом,— продолжал Шико.

— Да, сударь,— подтвердил хозяин.

— Тише. Об этом не надо говорить... Монах этот изгнан.

— Вот как! — сказал хозяин. — Может статься, он переодетый гугенот?

Шико принял вид оскорбленного достоинства.

— Гугенот! — проговорил он с отвращением. — Вы скажите — гугенот? Знайте, этот монах мой родственник, а в моей родне нет гугенотов. И что это вам взбрело в голову? Добрый человек, вы должны краснеть от стыда, говоря такие нелепости.

— Э, сударь,— сказал хозяин,— всякое бывает.

— Только не в моем семействе, сеньор содержатель гостиницы! Напротив, этот монах есть самый что ни на есть злейший враг гугенотов. Поэтому-то он и впал в немилость у его величества Генриха Третьего, который, как вам известно, поощряет еретиков.

Хозяин, по-видимому, начал проникаться живейшим интересом к гонимому Горанфлю.

— Тише,— предупредил он, поднося палец к губам.

— То есть как тише? — спросил Шико. — Неужели в вашу гостиницу затесались люди короля?

— Боюсь... — сказал хозяин, кивнув головой. — Там, в комнате рядом, есть один приезжий...

— Ну тогда,— сказал Шико,— мы оба, я и мой родственник, немедленно покидаем вас, ибо он изгнан, его преследуют.

— А куда вы пойдете?

— У нас есть два-три адреса, которыми нас снабдил один содержатель гостиницы, наш друг мэтр Ла Юрьер.

— Ла Юрьер! Вы знаете Ла Юрьера?

— Тс-сс! Не называйте его по имени. Мы познакомились накануне ночи святого Варфоломея.

— Теперь,— сказал хозяин,— я вижу, что вы оба, ваш родственник и вы, святые люди; я тоже знаю Ла Юрьера. Купив эту гостиницу, я даже хотел, в знак нашей дружбы, дать ей то же название, что и у его заведения, то есть «Путеводная звезда», но гостиница уже приобрела некоторую известность с вывеской «Под знаком креста», и я побоялся, как бы перемена названия не отразилась на доходах. Значит, вы сказали, сударь, что ваш родственник...

— Имел неосторожность в своей проповеди заклеить гугенотов. Проповедь имела огромный успех. Его величество, всехристианнейший король, разгневанный этим успехом, свидетельствующим о настроении умов, приказал разыскать моего брата и заточить в тюрьму.

— И тогда? — спросил хозяин, уже не пытаюсь скрыть своего сочувствия.

— Черт побери! Я его похитил,— сказал Шико.

— И хорошо сделали. Бедняга!

— Монсеньер де Гиз предложил мне взять его под свое покровительство.

— Как, великий Генрих де Гиз? Генрих Свя...

— Генрих Святой.

— Да, вы верно сказали, Генрих Святой.

— Но я боюсь гражданской войны.

— Ну коли так,— сказал хозяин,— если вы друзья монсеньера де Гиза, стало быть, вы знаете это?

И он сделал рукой перед глазами Шико нечто вроде масонского знака, с помощью которого лигисты узнавали друг друга.

Шико в ту знаменитую ночь, проведенную им в монастыре святой Женевьевы, заметил не только этот жест, который раз двадцать мелькал перед его глазами, но и ответный условный знак.

— Черт побери! — сказал он. — А вы — это?

И, в свою очередь, взмахнул руками.

— Коли так,— сказал хозяин гостиницы, проникнувшись полным доверием к новым постояльцам,— вы здесь себя, мой дом — ваш дом. Считайте меня другом, а я вас буду считать братом, и если у вас нет денег...

Вместо ответа Шико вытащил из кармана кошелек, который, хотя уже несколько осунулся, тем не менее все

еще сохранял тучность, радующую глаз и невольно внушающую доверие.

Вид округлого кошелька всегда приятен; да, он радуется даже великодушного друга, который предложил вам денег, но, взглянув на ваш кошелек, убедился, что вы в них не нуждаетесь и что, таким образом выказав свои благородные чувства, он избавлен от необходимости подкрепить слова делом.

— Хорошо, — сказал хозяин.

— Я вам скажу, — добавил Шико, — дабы успокоить вас еще больше, что мы странствуем с целью распространения веры, и наши путевые расходы нам оплачивает казначей святого Союза. Укажите нам гостиницу, где мы могли бы ничего не опасаться.

— Проклятие! — сказал хозяин. — Нигде вы не будете в большей безопасности, чем здесь, у меня, господа. Я за это ручаюсь.

— Но вы только что говорили о человеке, снявшем смежную комнату.

— Да, но пусть он ведет себя примерно. Как только я замечу, что он шпионит за вами, слово Бернуйе, он вылетит отсюда.

— Вас зовут Бернуйе? — спросил Шико.

— Да, это мое имя, сударь, и, смею заметить, я горжусь тем, что оно известно среди верных если не в столице, то, во всяком случае, в провинции. Однако ваше слово, одно-единственное, и я выброшу этого проходимца из гостиницы.

— Зачем? — сказал Шико. — Напротив, оставьте его здесь. Всегда предпочтительней иметь врагов около себя, по крайней мере, тогда за ними можно следить.

— Вы правы, — сказал Бернуйе, восхищенный умом своего постояльца.

— Но что заставляет вас принимать этого человека за нашего врага? Я говорю: «За нашего врага», — продолжал гасконец с ласковой улыбкой, — ибо я вижу, что мы братья.

— Да, да, конечно, — сказал хозяин. — Что заставляет меня...

— Вот именно, что заставляет вас?

— А то, что он прибыл сюда одетый лакеем, а здесь переоделся вроде бы в адвоката. Но он адвокат не больше, чем лакей; я заметил, что из-под плаща, который он бросил на стул, торчит кончик длинной папиры. К тому

же он мне говорил о короле с почтением, которого сейчас ни от кого уже не услышишь, и, наконец, он признался, что выполняет какое-то поручение господина де Морвилле, а вам должно быть известно, что Морвилле министр у Навуходоносора.

— У Ирода, как я его называю.

— Сарданапала!

— Bravo!

— Эге, да мы понимаем друг друга с полуслова,— сказал хозяин гостиницы.

— Клянусь богом! — подтвердил Шико. — Решено, я остаюсь.

— Полагаю, что вам лучше остаться.

— Но ни слова о моем родственнике.

— Разрази господь!

— Ни обо мне.

— За кого вы меня принимаете? Но тише, я слышу чьи-то шаги.

На пороге появился Горанфло.

— О! Это он — достопочтенный отец! — воскликнул хозяин.

И, подойдя к монаху, сделал перед ним знак лигистов.

При виде этого знака Горанфло обуяли изумление и страх.

— Отвечайте, отвечайте же, брат мой, — сказал Шико. — Наш хозяин знает все, он из наших.

— Из каких наших? — усомнился Горанфло. — Как это понять?

— Из святого Союза, — вполголоса сказал Бернуье.

— Вы видите, что ему можно ответить. Отвечайте же!

Тогда Горанфло сделал ответный знак, донельзя обрадовав хозяина.

— Однако, — сказал монах, торопясь переменить разговор, — мне обещали херес.

— Херес, малага, аликанте — все вина моего погреба в подом вашем распоряжении, брат мой.

Горанфло перенес свой взгляд с хозяина на Шико, а с Шико на небеса. Он ничего не понимал в том, что случилось, и было видно, как в своем чисто монашеском смирении он признает себя недостойным свалившегося ему на голову счастья.

Горанфло напивался три дня подряд: первый день — хересом, второй — малагой, третий — аликанте, но в кон-

де концов признал, что самое приятное опьянение у него наступает после бургундских вин, и на четвертые сутки вернулся к шамбертену.

За эти четыре дня, пока монах запылался своими изысканиями, Шико не покидал комнаты и с утра до вечера следил за поведением адвоката Никола Давида.

Хозяин, который приписывал это затворничество страху перед предполагаемым приверженцем короля, изощрялся в издевательствах над нежелательным постояльцем.

Но тот был неуязвим, по крайней мере, с виду. Никола Давид назначил Пьеру де Гопди встречу в гостинице «Под знаком креста» и не хотел покидать своего временного убежища, опасаясь, что посланец герцогов Гизов его не разыщет. Поэтому в присутствии хозяина он казался совершенно бесчувственным. Правда, когда за матром Бернуйе захлопывалась дверь, Шико через дырку в стене с большим интересом созерцал припадки бешенства, которым Никола Давид, оставшись один, предавался в полное свое удовольствие.

Уже на следующий день после прибытия в гостиницу Шико видел, как Никола Давид, заметив недобрые намерения хозяина, погрозил кулаком матру Бернуйе, правда, не самому матру, а двери, которая за ним закрылась.

— Еще пять-шесть дней, мерзавец,— прошипел адвокат,— и ты мне за все заплатишь!

Теперь Шико знал достаточно и был уверен, что Никола Давид не покинет гостиницы, пока не придет ответ от папского легата.

Но на шестой день — или на седьмой, если считать со дня прибытия в гостиницу, — Никола Давид, которого хозяин, несмотря на все уговоры Шико, предупредил, что занимаемая им комната в ближайшее время будет нужна, серьезно заболел.

Хозяин настаивал, чтобы адвокат убрался из гостиницы немедленно, пока еще может стоять на ногах. Адвокат просил разрешения остаться до завтрашнего утра, обещая, что за ночь его состояние, несомненно, улучшится. На следующий день ему стало хуже.

Матр Бернуйе пришел сообщить эту новость своему другу, лигисту.

— Дела идут,— говорил он, потирая руки,— наш королевский прихвостень, друг Ирода, собирается на смотр к адмиралу, трам-там-там, трам-там-там.

На языке лигистов выражение «отправиться на смотр к адмиралу» означало — перейти из мира сего в мир иной.

— Вот как! — сказал Шико. — Вы думаете, что он умрет?

— Жуткая лихорадка, мой возлюбленный брат, лихорадка расправляется с ним, как на поединке: тьерс, куатр, двойной удар. Он прямо подпрыгивает на постели и, безусловно, обуян демоном: моих слуг колотит, меня задушить пытался. Медики ничего не понимают в его болезни.

Шико задумался.

— Вы сами его видели? — спросил он.

— Конечно, ведь я говорю вам: он хотел меня задушить.

— Как он выглядит?

— Бледный, возбужденный, исхудалый и вопит как одержимый.

— А что он вопит?

— «Берегите короля! Жизнь короля в опасности!»

— Каков мерзавец!

— Просто негодяй. Затем, время от времени, он твердит, что ждет какого-то человека из Авиньона и не хочет умирать, пока с ним не встретится.

— Вот видите, — сказал Шико. — Значит, он говорит об Авиньоне?

— Каждую минуту.

— Пресвятое чрево! — вырвалось у Шико его любимое проклятие.

— Ну и ну, — произнес хозяин, — вот будет потеха, если он умрет!

— Большая потеха, — ответил Шико, — но пусть лучше доживет до прибытия этого человека из Авиньона.

— Почему? Чем скорее он сдохнет, тем раньше мы от него избавимся.

— Да, но я не довожу своей ненависти до такой степени, чтобы желать погибели и телу и душе, и раз этот человек из Авиньона придет его исповедать...

— Э! Уверяю вас, все это просто горячечный бред, пустой призрак больного воображения, и никого он не ждет.

— Ну, кто знает? — сказал Шико.

— Вы добрейшая душа и примерный христианин, — заметил хозяин.

— «Воздай за зло добром» — гласит божья заповедь.

Хозяин удалился в полном восхищении.

Что до Горанфло, то он не ведал никаких забот и толстел на глазах; на девятый день такой жизни лестница, ведущая на второй этаж, стонала под его тяжестью. Его разбухшее тело с трудом вмещалось в пространство между стеной и перилами, и однажды вечером Горанфло испуганным голосом объявил Шико, что лестница почему-то похудела. Все остальное: адвокат Николая Давид, Лига, плачевное состояние, в которое впала религия, — несколько не занимало монаха. У него не было иных забот, кроме как вносить разнообразие в меню и приводить в гармонию местные бургундские вина и различные блюда, которые он заказывал. Всякий раз, завидев Горанфло, мэтр Бернуйе задумчиво повторял:

— Просто не верится, что этот толстопузый отче может быть фонтаном красноречия.

Глава XXXI

О ТОМ, КАК МОНАХ ИСПОВЕДОВАЛ АДВОКАТА И КАК АДВОКАТ ИСПОВЕДОВАЛ МОНАХА

Наконец наступил или, по-видимому, наступил день, который должен был освободить гостиницу от докучного постояльца. Мэтр Бернуйе ворвался в комнату Шико, хоча во все горло, и гасконцу не сразу удалось выяснить причину столь неумеренного веселья.

— Он умирает! — кричал хозяин гостиницы, исполненный христианского милосердия. — Он кончается! Наконец-то он сдохнет!

— И поэтому вы так радуетесь? — спросил Шико.

— Конечно, ведь вы сыграли с ним превосходную шутку.

— Какую шутку?

— А разве нет? Признайтесь, что вы его разыграли.

— Я разыграл больного?

— Да!

— О чем речь? Что с ним случилось?

— Что с ним случилось? Вы знаете, что он все время кричал, требуя какого-то человека из Авиньона!

— Ну и что, неужто этот человек наконец-то прибыл?

— Он прибыл.

— Вы его видели?

— Черт побери, разве сюда может кто-нибудь войти, не поправшись мне на глаза?

— И каков он из себя?

— Человек из Авиньона? Маленький, тощий, рововощекый.

— Это он! — вырвалось у Шико.

— Вот, вот, не спорьте, это вы его подослали, иначе вы не признали бы его.

— Посланец прибыл! — воскликнул Шико, поднимаясь и закручивая свой ус. — Клянусь святым чревом! Расскажите мне все подробно, кум Бернуйе.

— Нет ничего проще, тем более если не вы над ним подшутили, то вы мне скажете, кто это мог сделать. Час назад подвешивал я тушку кролика к ставню и вдруг вижу: перед дверью стоит большая лошадь, а на ней сидит маленький человечек. «Здесь остановился мэтр Никола?» — спросил человечек. Вы же знаете, наш подлый королевский прихвостень под этим именем записался в книге.

— Да, сударь, — ответил я.

— Тогда скажите ему, что особа, которую он ждет из Авиньона, прибыла.

— Охотно, сударь, но я должен вас кое о чем предупредить.

— О чем именно?

— Мэтр Никола, как вы его зовете, при смерти.

— Тем более вы должны немедленно выполнить мое поручение.

— Но вы, наверное, не знаете, что он умирает от злокачественной лихорадки.

— Вправду?.. — воскликнул человечек. — Тогда летите со всех ног.

— Значит, вы наставляете?

— Наставляю.

— Несмотря на опасность?

— Несмотря ни на что. Я вам сказал: мне необходимо его видеть.

Маленький человечек рассердился и говорил со мной повелительным тоном, не допускавшим возражений. Поэтому я его провел в комнату умирающего.

— Значит, сейчас он там? — спросил Шико, показывая рукой на стенку.

— Там, не правда ли, как это смешно?

— Необычайно смешно, — сказал Шико.

- Какое несчастье, что мы не можем слышать!
- Да, действительно, несчастье.
- Снепа должна быть веселенькой.
- В высшей степени. Но кто мешает вам войти туда?
- Он меня отослал.
- Под каким предлогом?
- Под предлогом, что будет исповедоваться.
- А кто вам мешает подслушивать у дверей?
- Да, вы правы! — сказал хозяин, выбегая из комнаты.

Шико, со своей стороны, устремился к дырке в стене.

Пьер де Гонди сидел у изголовья постели большого, и они разговаривали, но так тихо, что Шико не смог разобрать ни слова.

К тому же беседа явно подходила к концу, и вряд ли бы он узнал из нее что-нибудь важное, так как уже через пять минут господин де Гонди поднялся, распрощался с умирающим и вышел из комнаты.

Шико бросился к окну.

Лакей, сидящий на приземистой лошадке, держал за узду огромного копя, о котором говорил хозяин; минуту спустя посланец Гизов появился из дверей, взобрался на копя и исчез за углом улицы, выходящей на большую парижскую дорогу.

— Смерть Христова! — сказал Шико. — Только бы он не увез с собой генеалогическое древо, ну а если так, я все равно его догоню, хотя бы пришлось загнать десяток лошадей. Но нет, — добавил он, — адвокаты хитрые бестии, а паш в особенности, и я подозреваю... Да, кстати, — продолжал Шико, нетерпеливо постукивая ногой и, по-видимому, связывая свои мысли в один узел, — кстати, куда девался этот бездельник Горанфло?

В эту минуту вошел хозяин.

- Ну что? — спросил Шико.
- Уехал, — ответил хозяин.
- Исповедник?
- Он такой же исповедник, как и я.
- А большой?
- Лежит в обмороке после разговора.
- Вы уверены, что он все еще в своей комнате?
- Черт побери! Да он выйдет оттуда только ногами вперед.

— Добро, идите и пошлите ко мне моего брата, как только он появится,

- Даже если он пьян?
- В любом состоянии.
- Это очень срочно?
- Это для блага нашего дела.

Берну́йе поспешно вышел, он был человеком, преисполненным чувства долга.

Теперь наступил черед Шико метаться в лихорадке. Он не знал, что ему делать: мчаться вслед за Гонди или проникнуть в комнату адвоката. Если последний действительно так болен, как предполагает хозяин, то он должен был передать все бумаги Пьеру де Гонди. Шико метался, как безумный, по комнате, хлопая себя по лбу и пытаясь пайты правильное решение среди тысячи мыслей, бурлящих в его мозгу, как пузырьки в котелке.

Из комнаты Николая Давида не доносилось ни единого звука. Шико был виден только угол постели, задержанной занавесками.

Вдруг на лестнице раздался голос, заставивший его задрогнуть, — голос монаха.

Горанфло, подпираемый хозяином, который тщетно пытался заставить его замолчать, преодолевал одну ступеньку за другой, распевая сильным голосом:

В голове моей давно
 Спорят горе
 И вино.
 И такой подялял шум,
 Что он хуже всяких дум.
 Горю силы не дано:
 Все равно
 Победит его вино.
 Со слезою в мутном воре
 Удалится злое горе.
 В голове моей
 Одно
 Будет царствовать вино.

Шико подбежал к двери.

- Заткнись, ты, пьяница, — крикнул он.
- Пьяница... — бормотал монах. — ...если человек пропустит глоточек вина, он еще не пьяница!
- Да ну же, пошевеливайся, види сюда, а вы, Берну́йе... вы... понимаете?
- Да, — сказал хозяин, утвердительно кивнув головой, и бегом спустился с лестницы, прыгая разом через четыре ступеньки.

— Сказано тебе, иди сюда! — продолжал Шико, вталкивая Горанфло в комнату. — И поговорим серьезно, если только ты в состоянии что-нибудь уразуметь.

— Проклятие! — сказал Горанфло. — Вы насмехаетесь надо мной, куманек. Я и так серьезен, как осел на водопоев.

— Как осел после винопоя, — сказал Шико, пожимая плечами.

Потом он довел монаха до кресла, в которое Горанфло немедленно погрузился, испустив радостное «ух!».

Шико закрыл дверь и подошел к монаху с таким мрачным выражением лица, что тот понял — ему придется кое-что выслушать.

— Ну что там еще? — сказал он, будто подводя этим последним словом итог всем мучениям, которые Шико заставил его претерпеть.

— А то, — сурово ответил Шико, — что ты пренебрегаешь прямыми обязанностями своего сана, ты закоснел в распутстве, ты погряз в пьянстве, а в это время святая вера брошена на произвол судьбы, клянусь телом Христовым!

Горанфло удивленно воззрился на собеседника.

— Ты обо мне? — переспросил он.

— А о ком же еще? Погляди на себя, смотреть тошно: ряса разодрана, левый глаз подбит. Видать, ты с кем-то подрался по дороге.

— Ты обо мне? — повторил монах, все более и более поражаясь граду упреков, к которым Шико обычно не был склонен.

— Само собой, о тебе; ты по колено в грязи, и в какой грязи! В белой грязи. Это доказывает, что ты наливался где-то в предместьях.

— Ей-богу, ты прав, — сказал Горанфло.

— Нечестивец! И ты называешься монахом монастыря святой Женевьевы! Будь ты еще бечевочник...

— Шико, друг мой, я виноват, я очень виноват, — униженно каялся Горанфло.

— Ты заслужил, чтобы огонь небесный спалил тебя всего до самых сандалий. Берегись, коли так будет и дальше, я тебя брошу.

— Шико, друг мой, — сказал монах, — ты этого не сделаешь.

— И в Лионе найдутся лучники,

— О, пощади, мой благородный покровитель! — взмолился монах и не заплакал, а заревел, как бык.

— Фя! Грязная скотина, — продолжал Шико свои увещевания, — и подумать только, какое время ты выбрал для распутства! Тот самый час, когда паш сосед кончается.

— Это верно, — сказал Горанфло с глубоко сокрушенным видом.

— Подумай, христианин ты или пет?

— Да, я христианин! — завопил Горанфло, поднимаясь на ноги. — Да, я христианин! Клянусь кишками папы! Я им являюсь; я это провозглашу, даже если меня будут поджаривать на решетке, как святого Лаврентия.

И, протянув руку, будто для клятвы, он заорал так громко, что в окнах зазвенели стекла:

Я богат, мой милый сын,
Тем, что я христианин.

— Хватит, — сказал Шико, рукой зажимая монаху рот, — если ты христианин, не дай твоему брату христианину умереть без покаяния.

— Это верно, где он, мой брат христианин? Я его исповедую, — сказал Горанфло, — только сначала я выпью, ибо меня мучит жажда.

Шико передал Горанфло полный воды кувшин, который тот опорожнил почти до самого дна.

— Ах, сын мой, — сказал он, ставя кувшин на стол, — глаза мои проясняются.

— Вот это хорошо, — ответил Шико, решив воспользоваться этой минутой прояснения.

— Ну а теперь, дорогой друг, — продолжал монах, — кого я должен исповедовать?

— Нашего бедного соседа, он при смерти.

— Пусть ему принесут пинту вина с медом, — посоветовал Горанфло.

— Я не возражаю, однако он более пуждается в утешении духовном, чем в мирских радостях. Это утешение ты ему и принесишь.

— Вы думаете, господин Шико, я к этому достаточно подготовлен? — робко спросил монах.

— Ты! Да я никогда еще не видел тебя столь исполненным благодати, как сейчас. Ты его быстрехонько вернешь к истинной вере, если он заблуждался, и пошлешь прямехонько в рай, если он ищет туда дорогу.

- Бегу к псу.
- Постой, сперва выслушай мои указания.
- Зачем? Я уже двадцать лет монашествую и уж давнее знаю свои обязанности.
- Но сегодня ты будешь исполнять не только свои обязанности, но также и мою волю.
- Вашу волю?
- И если ты в точности ее исполнишь,— ты слушаешь? — я оставлю на твое имя в «Роге изобилия» сотню пистолей, чтобы ты мог пить или есть, по твоему выбору.
- И пить и есть, мне так больше нравится.
- Пусть так. Сто пистолей, слышишь? Если только ты исповедуешь этого почтенного полупокройника.
- Я его исповедую наилучшим образом, забери меня чума! Как ты хочешь, чтобы я его исповедал?
- Слушай: твои ряса облакает тебя большой властью, ты говоришь и от имени бога, и от имени короля. Надо, чтобы ты своим красноречием принудил этого человека отдать тебе бумаги, которые ему только что привезли из Авиньона.
- А зачем мне вытягивать из него какие-то бумаги? Шико с сожалением посмотрел на монаха.
- Чтобы получить тысячу ливров, ты, круглый дурак,— сказал он.
- Вы правы,— согласился Горанфло.— Я иду туда.
- Постой еще. Он скажет тебе, что уже исповедался.
- Ну а что, если он и в самом деле уже исповедовался?
- Ты ему ответишь: «Не лгите, сударь— человек, который вышел из вашей комнаты, не духовное лицо, а такой же интриган, как и вы сами».
- Но он рассердится?
- А тебе-то что? Пускай, раз он при смерти.
- Оно верно.
- Теперь тебе ясно: можешь говорить ему о боге, о дьяволе, о ком и о чем хочешь, но любым способом ты вытянешь у него бумаги, привезенные из Авиньона. Понимаешь?
- А если он не согласится их отдать?
- Ты откажешь ему в отпущении грехов, ты его проклянешь, ты его предашь анафеме.
- Либо я отберу их у него силой.
- Пускай так. Однако достаточно ли ты протрезвел, чтобы выполнить все мои указания?

— Выполню все неукоснительно, вот увидите.

И Горанфло провел ладонью по своему широкому лицу, словно стирая видимые следы опьянения. Взгляд его стал спокойным, хотя внимательный наблюдатель мог бы его счесть и тупым, речь сделалась медленной и размеренной, жесты — сдержанными, только руки все еще тряслись.

Собравшись с силами, он торжественно двинулся к двери.

— Минуточку, — задержал его Шико, — когда он отдаст тебе бумаги, зажми их хорошенько в кулаке, а другой рукой постучи в стенку.

— А если он откажется?

— Тоже стучи.

— Значит, и в том и в другом случае я должен стучать?

— Да.

— Хорошо.

И Горанфло вышел из комнаты, а Шико, охваченный неизъяснимым волнением, припал ухом к стене, стараясь не упустить ни малейшего звука.

Прошло десять минут, скрип половиц возвестил о том, что монах вошел в комнату соседа, а вслед за тем и сам Горанфло появился в узком кружке, которым ограничивалось поле зрительного наблюдения гасконца.

Адвокат приподнялся на постели и молча смотрел на приближающееся к нему странное видение.

— Эге, добрый день, брат мой! — провозгласил Горанфло, остановившись посреди комнаты и покачивая своими широкими плечами, дабы удержать равновесие.

— Зачем вы пришли сюда, отче? — слабым голосом простонал больной.

— Сын мой, я недостойный служитель церкви, я узнал, что вы в опасности, и пришел побеседовать с вами о спасении вашей души.

— Благодарю вас, — ответил умирающий, — но, я думаю, ваши заботы напрасны. Мне уже полегчало.

Горанфло отрицательно покачал головой.

— Вы так думаете? — спросил он.

— Я в этом уверен.

— Ковни Сатаны — ему хочется, чтобы вы умерли без покаяния.

— Сатана сам попадетсЯ в свои тенета. Я только что исповедался.

— Кому?

— Святому отцу, который приехал из Авипьона, Горанфло покачал головой.

— Как, разве он не священник?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Я с ним знаком.

— С тем, кто вышел отсюда?

— Да,— ответил Горанфло с такой убежденностью, что адвокат растерялся, хотя, как известно, адвокатов чрезвычайно трудно смутить. — И посему, раз ваше состояние не улучшилось,— добавил монах,— и поелику тот человек не был священником, вам необходимо исповедаться.

— Я только этого и желаю,— сказал адвокат неожиданно окрепшим голосом. — Но я бы хотел сам выбрать себе духовника.

— Вы не располагаете временем, чтобы послать за другим, сын мой, и раз уж я здесь...

— Как это я не располагаю временем? — воскликнул больной, голос которого все более и более набирал силу. — Ведь я вам сказал, что мне полегчало, ведь я вам говорю, что уверен в своем выздоровлении.

Горанфло в третий раз покачал головой.

— А я,— сказал он все так же невозмутимо,— я, со своей стороны, утверждаю, сын мой, что вам следует приготовиться к худшему. Вы приговорены и врачами и божественным провидением. Жестоко это говорить вам, я знаю, но в конце концов все мы там будем, одни раньше, другие позже. В этом есть равновесие, равновесие высшей справедливости, и к тому же утешительно умереть в сей жизни, зная, что ты воскреснешь в другой, так, сын мой, говорил даже Пифагор, а он был всего лишь язычник. Не тяните, возлюбленное мое чадо, исповедуйтесь мне в грехах своих.

— Но, заверяю вас, отец мой, я уже достаточно окреп, вероятно, на меня благотворно подействовало ваше святое присутствие.

— Заблуждение, сын мой, заблуждение,— не отступал Горанфло,— в предсмертный миг жизненные силы как бы обновляются. Лампада вспыхивает перед тем, как угаснуть навсегда! Ну, ну, давайте,— продолжал монах, усаживаясь возле кровати,— расскажите мне о ваших интригах, о ваших заговорах, о ваших кознях.

— О моих впритригах, моих заговорах, моих кознях! — проговорил Никола Давид, отодвигаясь от этого странного духовника, которого он не знал, но который, по видимому, хорошо знал его.

— Да,— сказал Горанфло, наклоняясь к больному и соединив большие пальцы своих сложенных рук,— а потом, когда вы мне все расскажете, вы отдадите мне бумаги, и, быть может, господь бог смилостивится и позволит мне отпустить вам грехи.

— Какие бумаги? — закричал больпой, да так громко, словно совсем здоровый человек.

— Бумаги, которые тот, кого вы называете священником, привез вам из Авиньона.

— А кто вам сказал, что тот человек привез мне бумаги? — спросил адвокат, высовывая одну ногу из-под одеяла. Его голос прозвучал неожиданно резко, и это вывело Горанфло из привычного состояния блаженной полудремоты, в которое он начал было погружаться, сидя в своем кресле.

Монах подумал, что настало время применить силу.

— Тот, кто мне это сказал, знал, что говорил! — крикнул он на больного. — Давай бумаги, бумаги давай, или не будет тебе отпущения!

— Плевал я на твоё отпущение, канальи! — воскликнул Давид, выскакивая из постели и хватая Горанфло за горло.

— Однако,— забормотал тот,— у вас что, припадок горячки начался? Вы что, не хотите исповедаться? Вы...

Проворные и сильные пальцы адвоката впелись в горло монаха и прервали фразу Горанфло; вместо слов слышался свист, очень похожий на хрипение.

— Нет, это я займусь твоими грехами, бесово отродье,— вскричал Никола Давид,— а что до горячки, то увидишь, помешает ли она мне задушить тебя!

Брат Горанфло был силен, но, по несчастью, находился в состоянии похмелья, когда выпитое вино воздействует на нервную систему, парализуя ее. Это расслабляющее воздействие обычно сталкивается с противоположной реакцией, выражающейся в том, что человек после опьянения вновь обретает свои способности.

Поэтому, только собрав все свои силы, монах смог приподняться в кресле и, упершись обеими руками в грудь адвоката, отшвырнуть его от себя.

Справедливости ради заметим, что, как бы ни был ослаблен организм брата Горанфло, все же монах отбросил Николая Давида с такой силой, что тот покатился на середину комнаты.

Но тут же яростно вскочил и одним прыжком оказался у стены, где под черной адвокатской мантией висела длинная шпага, замеченная мэтром Бернуйе. Адвокат выхватил шпагу из ножен и приставил острое к горлу монаха, который, будучи истощен своим сверхчеловеческим усилием, снова упал в кресло.

— Пришла твоя очередь исповедоваться, — глухим голосом сказал Николай Давид, — или ты умрешь.

Почувствовав прикосновение холодной стали к горлу, Горанфло разом протрезвел и уяснил себе всю серьезность создавшегося положения.

— О! — сказал он. — Так вы вовсе не больны. Значит, ваша агония — чистое притворство?

— Ты забываешь, что ты должен не спрашивать, а отвечать.

— Отвечать на что?

— На мои вопросы.

— Спрашивайте.

— Кто ты такой?

— Вы сами видите, — сказал Горанфло.

— Это не ответ, — возразил адвокат, чуть сильнее нажимая острием шпаги на горло монаха.

— Какого дьявола! Будьте поосторожней! Ведь если вы меня убьете прежде, чем я вам отвечу, вы вообще ничего не узнаете.

— Ты прав. Как твое имя?

— Брат Горанфло.

— Так ты настоящий монах?

— А какой же еще? Само собой, настоящий.

— Почему ты оказался в Лионе?

— Потому что меня изгнали.

— Как ты попал в эту гостиницу?

— Случайно.

— И давно ты здесь?

— Шестнадцать дней.

— Почему ты за мной шпионил?

— Я не шпионил за вами.

— Откуда ты знаешь, что я получил бумаги?

— Мне это сообщили.

— Кто сообщил?

— Тот, кто послал меня к вам.
— А кто послал тебя ко мне?
— Вот этого я не могу сказать.
— И все же ты скажешь.
— Ой-ой-ой! Святая дева! Я позову на помощь, я з
крячу.

— А я тебя убью.

Монах завопил. На острие шпаги адвоката показалась капля крови.

— Его имя, — сказал он.

— Ах, ей-богу, ничего не поделаешь, — ответил Горанфло, — я держался, сколько мог.

— Разумеется, твоя честь спасена. Ну, кто тебя послал ко мне?

— Это...

Горанфло еще колебался; он никак не мог решиться предать друга.

— Кончай же, — приказал адвокат, топая ногой.

— Ей-богу, ничего не поделаешь! Это Шико.

— Королевский шут?

— Да, он.

— А где он сейчас?

— Я здесь! — раздался голос.

И на пороге комнаты появился Шико, бледный, серьезный, с обнаженной шпагой в руке.

Глава XXXII

О ТОМ, КАК ШИКО, ПРОБУРАВИВ ОДНУ ДЫРКУ ШТОПОРОМ, ПРОТКНУЛ ДРУГУЮ ШПАГОЙ

Узнав человека, которого он имел все основания считать своим смертельным врагом, мэтр Никола Давид в ужасе отшатнулся.

Воспользовавшись минутным замешательством адвоката, Горанфло отскочил в сторону, нарушив таким образом прямую линию, соединявшую его горло со шпагой.

— Ко мне, любимый друг! — завопил он. — Ко мне! На помощь! Спасите! Режут! Меня режут!

— А, любезный господин Давид! — сказал Шико. — Да неужто это вы?

— Да, — пробормотал Давид, — да, разумеется, это я

— Счастливы вас видеть, — продолжал Шико.

Затем, повернувшись к монаху, сказал:

— Мой добрый Горанфло, пока мы полагали, что этот господин при смерти, твое присутствие здесь, как духовника, было необходимо, но теперь, когда выяснилось, что он чувствует себя как нельзя лучше, ему не нужен исповедник, поэтому он сейчас будет иметь дело с дворянином.

Давид попытался изобразить презрительную улыбку.

— Да, с дворянином, — подтвердил Шико, — который покажет вам, что он хорошего происхождения. Любезный Горанфло, — сказал гасконец, снова обращаясь к монаху, — сделайте мне одолжение — посторожите на лестничной площадке и последите, чтобы никто не вошел и не помешал нашей беседе; думаю, что она не затянется.

Горанфло не желал ничего лучшего, чем оказаться вне досягаемости шпаги Николая Давида.

Поэтому он осторожно описал полукруг, возможно теснее прижимаясь к стене, и, добравшись до двери, легко перепорхнул через порог; за время, проведенное в комнате адвоката, он потерял в весе не менее ста фунтов.

Шико спокойно закрыл за ним дверь и задвинул засов.

Давид сначала взирал на эти подготовительные действия со страхом, вызванным неожиданным оборотом событий, однако мало-помалу пришел в себя, вспомнил, что он всеми признанный мастер фехтовального искусства, подумал, что в конечном счете он остался с Шико один на один, и когда гасконец, закрыв дверь за Горанфло, обернулся, адвокат уже стоял, опираясь спиной о спинку кровати, со шпагой в руке и с улыбкой на устах.

— Оденьтесь, сударь, — сказал Шико, — можете не торопиться. Я не хочу иметь никакого преимущества перед вами. Я знаю — вы знаменитый фехтовальщик и владеете шпагой, как сам Леклерк, но мне это безразлично.

Давид рассмеялся.

— Неплохая шутка, — сказал он.

— Да, — ответил Шико, — во всяком случае, мне она тоже нравится, потому что это я ее сочинил, а вы — человек тонкого вкуса, сейчас еще больше ее оцените. Знаете ли вы, зачем я пришел сюда, к вам, мэтр Николая?

— За недополученными ударами ремнем, которые я остался вам должен от имени герцога Майеннского в тот день, когда вы так ловко сиганули в окно.

— Нет, сударь, этим ударам я знаю счет, и, будьте покойны, я верну их тому, кто приказал меня ими на-

градить. Я пришел сюда за пеким генеалогическим деревом, которое господин Пьер де Гонди привез из Авиньона, не зная, что он везет, и совсем недавно вручил вам, не зная, что он вручает.

Давид побледнел.

— Какое еще генеалогическое дерево?

— Дерево герцогов де Гизов, которые, как вы знаете, исходят по прямой линии от Карла Великого.

— Ага! — сказал Давид. — Значит, вы к тому же и шпион, сударь? А я-то вас принимал только за шута.

— С вашего дозволения, милостивый государь, в этом деле я буду и тем и другим: как шпион я приведу вас на виселицу, и вас вздернут, а как шут буду смеяться над этой церемонией.

— Меня вздернут!

— «Высоко и сразу», сударь. Надеюсь, вы не претендуете на обезглавливание, это привилегия дворянского сословия.

— И как вы этого думаете добиться?

— О, весьма простым способом. Я расскажу правду, вот и все. Не скрою от вас, милостивый государь, что я присутствовал в прошлом месяце на семейном тайном совете, который держали в монастыре святой Женеьевы их сиятельства герцоги де Гизы и госпожа де Монпансье.

— Вы?

— Да, я квартировал в исповедальне напротив той, которую занимали вы; в этих коробках крайне неудобно, не правда ли? А мне пришлось еще хуже, чем вам, потому что я не мог вылезти, пока не кончится все действие, а оно чрезвычайно затянулось. Таким образом, я присутствовал на выступлениях господина де Мопсоро, Ла Юрьера и какого-то монаха, имени его я не могу вспомнить, но он показался мне весьма красноречивым. Затем я видел коронование герцога Анжуйского, оно было не столь замечательным. Но зато последняя маленькая пьеска оказалась чрезвычайно забавной. Играли комедию «Генеалогическое дерево Лотарингских принцев», с добавлениями и исправлениями мэтра Николая Давида. Это была пресмешная штучка, ей не хватало только разрешения его святейшества.

— А! Стало быть, вы знаете о генеалогическом дереве, — сказал Давид, с трудом сдерживаясь и кусая себе губы от злости.

— Да, — сказал Шико, — и нахожу его весьма и весьма остроумно придуманным, особенно в части, относящейся к салическому закону. Только ведь для вас это большая беда — обладать столь незаурядным умом и талантом; ведь у нас выдающихся людей принято попросту вешать. Вы оказались столь хитроумным человеком, что я проникся к вам живейшим интересом. «Как? — сказал я себе. — Неужели я позволю вздернуть на виселицу бравого господина Давида, искуснейшего учителя фехтования, первоклассного адвоката, одного из моих добрых друзей, наконец, когда я могу не только спасти его от петли, но и устроить судьбу этого славного адвоката, этого прекрасного учителя, этого превосходного друга, первого человека, который позволил мне измерить глубины моего сердца, взяв за мерку мою спину. Нет, этого не будет». И, услышав, что вы собираетесь путешествовать, — а меня в Париже ничто не удерживало, — я и решил путешествовать вместе с вами, то есть вслед за вами. Вы выехали через Бурдельские ворота, не так ли? Я следил за вами, а вы меня не видели, и не удивительно, я был хорошо спрятан. С этого дня я следовал за вами, терял вас из виду, снова находил, — словом, вы мне стоили немалых трудов, могу вас уверить. Наконец мы прибыли в Лион. Я говорю «мы», потому что час спустя после вас я остановился в той же самой гостинице, где остановились вы, и не только в той же самой гостинице, но и в комнате, смежной с вашей. Меня отделяла от вас только простая перегородка. Вам должно быть понятно, что я проделал путь из Парижа в Лион, не спуская с вас глаз, не для того, чтобы здесь в Лионе потерять вас из виду. Нет, я провертел в стене маленькую дырочку, через которую мог изучать вас сколько душе угодно, и, признаюсь, в течение дня не раз позволял себе это удовольствие. И вот вы заболели. Хозяин хотел выставить вас за дверь, а вы назначили здесь, в гостинице «Под знаком креста», свидание господину де Гонди; вы боялись, что в другом месте он вас не найдет или, во всяком случае, потеряет время на поиски. Ваша болезнь была притворной и обманула меня только наполовину, но поскольку я должен был предусмотреть все возможности, даже ту, что вы действительно больны, и поскольку мы все смертны — истина, в которой я сейчас попытаюсь вас убедить, — я подослал к вам моего молодца монаха, моего друга, моего товарища, чтобы уговорить вас исповедаться и привести к покаянию.

По вы, нераскаянный грешник, вы пытались проткнуть ему горло рапирой, забыв евангельское изречение: «Подъявший меч от меча и погибнет». И тут, любезный господин Давид, появляюсь я и говорю вам: «Мы с вами старые знакомцы, давние друзья; давайте уладим наши маленькие разногласия по обоюдному соглашению». Ну что же, сейчас, когда вы все знаете, скажите — вы согласны договориться?

— Смотря на чем.

— На том, что все будет сделано, как если бы вы действительно были больны и брат Горанфло вас исповедал, а вы вручили ему бумаги, которые он от вас требовал. Тогда бы я вас простил и даже от всего сердца прочитал бы за вас «In manus»¹. Я не стану требовать от живого больше, чем от мертвого, и мне остается обратиться к вам с такими словами: господин Давид, вы во всем преуспели: и в фехтовании, и в искусстве верховой езды, и в крючковорстве, и в добывании больших кошельков для широких карманов, вы собрали в себе все таланты. Жаль, если такой человек бесследно исчезнет с лица земли, где ему уготована блестящая карьера. Итак, господин Давид, не ввязывайтесь больше в заговоры, доверьтесь мне, поprite с Гизами, отдайте мне ваши бумаги, и, слово дворянина, я помирю вас с королем.

— Ну, а если я их не отдам? — поинтересовался Николя Давид.

— Ах, если вы их не отдадите, тогда другое дело. Слово дворянина, я вас убью! Это вам тоже кажется забавным, любезный господин Давид?

— Все более и более, — ответил адвокат, любовно поглаживая свою шпагу.

— Но если вы мне их отдадите, — продолжал Шико, — все будет забыто. Может быть, вы не верите мне, господин Давид, так как вы по природе своей человек недоверчивый и думаете, что влоба въелась в мое сердце, как ржавчина в железо. Нет, я вас ненавижу, это верно, но герцога Майеннского я ненавижу больше, чем вас. Помогите мне погубить герцога, и я вас спасу. Впрочем, если угодно, я могу добавить еще несколько слов, которыми вы не поверите, ведь вы никого не любите, за исключением самого себя. Дело в том, что я люблю короля, каким бы глупцом, распутником, вырождаком он ни был; король при-

¹ В руки твои (лат.).

ютял меня, защитил меня от вашего мясника Майенна, способного ночью на Луврской площади во главе пятнадцати разбойников напасть на одного человека и убить его, я говорю о несчастном Сен-Мегрене. Вы не были среди его палачей? Нет? Тем лучше, я так и думал, что не были, а теперь я в этом уверен. Я хочу одного — пусть он царствует спокойно, мой бедный король Генрих, а с майеннами и с генеалогическим древом Николая Давида это невозможно. Передайте же мне эту генеалогию, и, клянусь честью, я замолчу ваше имя и устрою вашу судьбу.

Шико нарочно растянул изложение своих мыслей, потому что хотел тем временем понаблюдать за Давидом, которого знал за человека умного и твердого. Но ничто не дрогнуло в ястребиных глазах адвоката, ни одна добрая мысль не озарила его мрачные черты, ни одно ответное движение души не расслабило пальцы, сжимавшие рукоятку шпаги.

— Ладно, — сказал Шико, — я вижу, что все мои слова напрасны и вы мне не верите. Мне остается только один выход для того, чтобы и покарать вас за ваши прежние провинности передо мной, и очистить от вас землю, как от человека, утратившего веру и в честность и в человечность. Я пошлю вас на виселицу. Прощайте, господин Давид.

И Шико отступил на шаг к двери, не спуская глаз с адвоката.

Адвокат прыгнул вперед.

— И вы думаете, я позволю вам уйти? — воскликнул он. — Нет, мой миленький шпиончик, нет, Шико, дружок мой! Тот, кто знает такие тайны, как тайна генеалогического древа, — умрет! Тот, кто дерзнул угрожать Николу Давиду, — умрет! Тот, кто посмел войти сюда, как ты вошел, — умрет!

— Да вы меня просто радуете, — ответил Шико все с тем же хладнокровием. — Я не решался бросить вам вызов только потому, что уверен в исходе нашего поединка: я вас наверняка заколю. Два месяца тому назад Крийон, фехтуя со мной, показал мне один особенно опасный удар, один-единственный, но, слово чести, другого мне не потребуется. Ну хватит, подавайте сюда ваши бумаги, — грозно добавил он, — или я вас убью! Я даже скажу вам, как это будет: я проткну ваше горло в том самом месте, откуда вы хотели пустить кровь брату Горанфлю.

Гасконец еще не закончил свою речь, как Давид с ди-

ким взрывом хохота бросился на него, Шико встретил врага со шпагой в руке.

Оба противника были примерно одного роста. Худое тело Шико скрывала одежда, в то время как длинный, костлявый и гибкий корпус адвоката почти ничем не был прикрыт. Давид походил на длинную змею, так как его рука, казалось, продолжала голову, а шпага мелькала, словно тройное жало. Но, как и предупреждал Шико, он встретил достойного противника. Почти каждый день упражняясь в фехтовании с королем, Шико стал одним из сильнейших фехтовальщиков королевства. В этом Николая Давид смог сам убедиться, ибо, куда бы он ни пытался нанести удар, повсюду его шпага натывалась на стальное лезвие шпаги гасконца.

Адвокат отступил на шаг.

— Ага! — сказал Шико. — Вы начинаете понимать, не так ли? Ну хорошо, предлагаю еще раз: бумаги!

Давид, вместо ответа, опять бросился на гасконца. Бой возобновился и был еще более продолжительным и ожесточенным, чем первая схватка, хотя Шико ограничивался тем, что парировал удары, а сам еще не нанес ни одного.

Эта вторая схватка завершилась тем же, что и первая: адвокат снова отступил на шаг.

— Ага! — сказал Шико. — Теперь мой черед.

И он шагнул вперед.

Николай Давид пытался остановить гасконца, отведя его шпагу, Шико сделал парадный прием, скрестил свою шпагу со шпагой противника в позиции тьерс на тьерс и нанес ему удар туда, куда обещал: его шпага до половины вошла в горло адвоката.

— Вот и удар, — сказал Шико.

Давид не ответил; он рухнул к ногам Шико, захлебываясь кровью.

Теперь Шико отступил на шаг. Змея, хотя и рапневая насмерть, все еще могла взметнуться и укусить.

Но Давид непроизвольным движением потянулся к постели, словно стараясь защитить свою тайну.

— Эге, — сказал Шико, — я считал тебя хитрецом, а ты, оказывается, глуп, как рейтар. Я не знал, где ты прячешь свои бумаги, и вот ты мне сам их показываешь.

И, оставив Давида корчиться в агонии, Шико подбежал к постели, приподнял матрац и под изголовьем обнаружил небольшой свиток пергамента, который адвокат,

в неведении надвигающейся беды, не позаботился спрятать понадежнее.

Пока Шико развертывал свиток, дабы убедиться, что перед ним действительно тот документ, который он искал, умирающий яростно приподнялся, но тут же упал на пол и испустил последний вздох.

Гордо и радостно сверкающими глазами Шико пробежал пергамент, привезенный из Авиньона Пьером де Гонди.

Папский легат, верный политике, которую его верховный суверен проводил со дня своего вступления на папский престол, написал внизу: «Fiat ut voluit Deus: Deus iura hominum fecit¹».

— Вот папа, который ни во что не ставит всехристианского короля,— сказал Шико.

И, бережно свернув пергамент, засунул его в нагрудный карман камзола.

Затем поднял тело адвоката, на котором почти не было крови — рана вызвала внутреннее кровоизлияние, и положил его на кровать, повернув лицом к стене, после чего открыл дверь и кликнул Горанфло.

Горанфло вошел.

— Какой вы бледный! — сказал он.

— Да,— отозвался Шико,— последние минуты этого несчастного меня несколько взволновали.

— Он умер? — спросил Горанфло.

— Есть все основания так думать,— ответил Шико.

— А ведь только что был совсем здоров.

— Даже слишком здоров. Он хотел проглотить совершенно несъедобные вещи и умер, как Анакреонт,— подавившись.

— Ого! — воскликнул Горанфло. — Паршивец хотел задушить меня, меня — божьего человека, это и принесло ему несчастье.

— Простите его, куманек, ведь вы христианин.

— Я его прощаю,— сказал Горанфло,— хотя он меня сильно напугал.

— Это еще не все,— заметил Шико. — Вам надлежит зажечь свечи и пробормотать над телом пару-другую молитв.

— Для чего?

¹ Да исполнятся воля божья: Бог устанавливает законы человеческие (лат.).

— Как, для чего? Чтобы вас не схватили как убийцу и не препроводили в городскую тюрьму.

— Меня? Как убийцу этого человека? Да будет вам! Ведь это он пытался меня задушить.

— Ну, конечно, боже мой! И поскольку ему не удалось вас прикончить, то от злости вся кровь в его теле пришла в движение, какой-то сосудик в горле лопнул, в — доброй ночи, дорогой брат, спи спокойно! Сами видите, Горанфло, в конечном счете это вы были причиной его смерти. Причиной невольной, что верно, то верно, однако какая разница? До тех пор пока вас признают невиновным, вам могут причинить немало неприятностей.

— Думаю, вы правы, господин Шико, — согласился монах.

— Тем более прав, что судья в этом прекрасном городе Лионе слывет человеком довольно жестоким.

— Иисусе! — пробормотал монах.

— Делайте же, как я вам сказал, куманек.

— А что я должен делать?

— Располагайтесь здесь и читайте с усердием все молитвы, которые вы знаете, и даже те, которых вы не знаете, а когда настанет вечер и все разойдется по комнатам, выходите из гостиницы. Идите не торопясь, но и не медлите. Вы знаете станок кузнеца на углу улицы?

— Конечно, ведь это кузнец меня разукрасил вчера вечером, — сказал Горанфло, показывая на свой глаз, обведенный черным кругом.

— Трогательное воспоминание. Ладно, я позабочусь, чтобы вы нашли там свою лошадь, понимаете? Вы сядете на нее, не давая никому никаких объяснений. Ну а потом, если вы прислушаетесь к голосу своего сердца, оно выведет вас на дорогу в Париж. В Вильнев-ле-Руа вы продадите лошадь и заберете своего осла.

— Ах, мой добрый Панург!.. Вы правы, я буду счастлив снова с ним встретиться, я его так полюбил. Но с сегодняшнего дня, — прибавил монах слезливым тоном, — на что я буду жить?

— Когда я даю — я даю, — сказал Шико, — и не ставляю своих друзей кланяться милостыню, как это принято в монастыре святой Женевьевы. Вот, держите.

С этими словами он выгреб из кармана пригоршню вью и высыпал ее в широкую ладонь монаха.

— Великодушный друг! — сказал Горанфло, тронутый до слез. — Позвольте мне остаться с вами в Лионе. Мне

очень нравится Лион; это вторая столица нашего королевства, и к тому же это такой гостеприимный город.

— Да пойми ты одно, трижды болван: я не остаюсь здесь, я уезжаю и поскачу так быстро, что тебе за мной не угнаться.

— Да исполнится ваша воля, господин Шико,— покорно произнес монах.

— В добрый час,— ответил Шико. — Вот таким я тебя люблю, куманек.

И он усадил монаха в кресло у постели, спустился вниз и отвел хозяина в сторону.

— Мэтр Бернуйе,— сказал он,— вы ничего не подозреваете, а в вашем доме произошло большое событие.

— Вот как? — ответил хозяин, глядя на Шико испуганными глазами. — А что случилось?

— Этот бешеный роялист, этот богохульник, этот мерзостный выкидыш из гугенотских молелен...

— Ну, что с ним?

— Что с ним! Нынче утром ему нанес визит посланец из Рима.

— Знаю, ведь это я вам сказал.

— Ну вот, наш святой отец папа, на которого возложено временное правосудие в сем мире, наш святой отец папа лично направил своего доверенного человека к заговорщику, но только заговорщик, по всей вероятности, не догадывался, с какой целью.

— И с какой же целью он его послал?

— Поднимитесь в комнату вашего постояльца, мэтр Бернуйе, откиньте одеяло, посмотрите на его горло, и вы все поймете.

— Вот как! Вы меня пугаете.

— Больше я вам ничего не скажу. Божий суд свершился у вас в доме, мэтр Бернуйе. Это великая честь, которую вам оказал папа.

Затем Шико сунул десять экю в руку хозяина, направился в конюшню и приказал вывести двух лошадей.

Тем временем хозяин взлетел по лестнице быстрее птицы и ворвался в комнату Николая Давида.

Там он увидел Горанфло, бубнящего молитвы.

Тогда он подошел к постели и, как ему посоветовал Шико, приподнял одеяло.

Он нашел рану точно на указанном месте. Она была еще алого цвета, но тело уже остыло.

— Так умирают враги святой веры,— сказал мэр Бернуйе, многозначительно подмигивая Горанфло.

— Аминь,— отозвался монах.

Эти события происходили примерно в тот час, когда Бюсси привез к Диане де Меридор старого барона, который считал свою дочь мертвой.

Глава XXXIII

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ УЗНАЛ, ЧТО ДИАНА ДЕ МЕРИДОР ЖИВА

Шли последние дни апреля.

Стены большого Шартрского собора были обтянуты белой материей, а колонны украшены зелеными ветками; как известно, в это время года зелень бывает еще редкостью, и пучки зеленых веток на колоннах заменяли букеты цветов.

Король босиком проделал путь от Шартрских ворот до собора и теперь стоял босоногий посреди нефа, время от времени поглядывая по сторонам и проверяя, все ли его друзья и придворные присутствуют на молебне. Но одни, шаражив ноги о камни мостовой, не выдержали и падали башмаки, другие, измученные голодом и усталостью, тайком проскользнули в придорожные кабачки, да там и остались, подкрепляясь едой или отдыхая, и только у немногих достало сил пройти всю дорогу босиком, в длинных власявицах кающихся и босыми ногами встать на сырые плиты собора.

В соборе шло молебствие о ниспослании наследника французской короне. Две рубашки богоматери, обладавшие чудотворной силой, сомневать в которой было невозможно ввиду множества сотворенных ими чудес, были извлечены из золотой раки, где они хранились, и народ, толпами сбежавшийся поглазеть на торжественную церемонию, невольно склонил головы, ослепленный блеском лучей, брызнувших из раки, когда оттуда были выпуты рубашки.

В эту минуту Генрих III услышал, как в мертвой тишине раздался какой-то странный звук, напоминающий сдавленный смех. Король оглянулся, нет ли поблизости Шико. Он не мог допустить мысли, что у кого-нибудь, кроме Шико, хватило дерзости рассмеяться в подобную минуту.

Однако это не Шико рассмеялся при виде святых рубашек. Увы, Шико все еще отсутствовал, что весьма огорчало короля, который, как мы помним, внезапно потерял своего шута из виду по дороге в Фонтенбло и с тех пор ничего о нем не слышал. Виновником странного шума оказался некий дворянин. Он только что подскакал к дверям собора на взмыленном коне и прямо как был, в костюме для верховой езды, в сапогах, забрызганных грязью, ввалился в собор, расталкивая придворных, одетых во властяницы или с мешками на головах, но и в том и в другом случае босых.

Увидев, что король оглянулся, дворянин храбро продолжал стоять на хорах, приняв почтительный вид; по элегантности его одежды, а еще больше по манерам видно было, что он не новичок при дворе.

Генрих, недовольный тем, что дворянин, прибывший с таким опозданием, наделал столько шума и своей одеждой посмел так вызывающе отличаться от монашеских одеяний, предписанных на этот день, взглянул на него с укоризной.

Вновь прибывший, казалось, не заметил королевского взгляда. Дерзко скрипя своими башмаками с загнутыми носками (такая уж была мода в те времена), он перешагнул через несколько плит со скульптурными изображениями епископов и опустился на колени возле обитого бархатом кресла герцога Ажуйского; герцог сидел, погруженный не столько в молитвы, сколько в свои тайные думы, и не обращал ни малейшего внимания на то, что происходило вокруг.

Однако, почувствовав чье-то прикосновение, он живо обернулся и приглушенно воскликнул:

— Бюсси!..

— Добрый день, монсеньер! — ответил Бюсси, как если бы он расстался с герцогом только накануне вечером и за то время, пока они не виделись, ничего существенного не произошло.

— Ты, наверное, не в своем уме, — сказал принц.

— Почему, монсеньер?

— Потому что уехал откуда-то, где бы ты там ни был, чтобы явиться в Шартр глазеть на рубашки богоматери.

— Монсеньер, — сказал Бюсси. — Дело в том, что мне дужно безотлагательно с вами поговорить.

— Почему же ты не приехал пораньше?

— Вероятно, потому, что не смог.

— Но что случилось за те три недели, пока мы не виделись?

— Как раз об этом я и хочу с вами поговорить.

— Вот как! Может быть, ты подождешь, пока мы не выйдем из церкви?

— К сожалению, придется подождать. Это меня и влит.

— Молчи! Скоро все кончится. Наберись терпения, и мы вместе вернемся ко мне в гостиницу.

— Я на это рассчитываю, монсеньер.

И действительно, король уже одел поверх своей рубашки из тонкого полотна холщовую рубашку богоматери, а королева с помощью своих придворных дам натягивала на себя другую святую рубашку.

Затем король преклонил колени, его примеру последовала и королева. Супруги некоторое время усердно молились под широким балдахином, придворные, одержимые желанием угодить королю, били земные поклоны.

Наконец король поднялся с колен, спял с себя святую рубашку, попрощался с архиепископом, попрощался с королевой и направился к выходу из собора.

Однако на полпути он остановился: ему на глаза опять попался Бюсси.

— А, это вы, сударь, — сказал Генрих, — по-видимому, наше благочестие вам не по нраву, коли вы не решаетесь расстаться с золотом и шелками в то время, как ваш король одевается в грубое сукно и саржу.

— Государь, — с достоинством ответил Бюсси, побледнев от сдерживаемого волнения, — даже среди тех, кто сегодня облачен в самую грубую рясу и больше других изранил себе ноги, не найдется человека, ближе меня принимающего к сердцу службу вашему величеству. Но я прибыл в Париж после дальней и утомительной дороги и только сегодня утром узнал, что ваше величество отбыли в Шартр. Я проскакал двадцать два лье за пять часов, государь, торопясь присоединиться к вашему величеству. Вот почему у меня не было времени сменить платье, и ваше величество не попрекнули бы меня, если бы вместо того, чтобы поспешить сюда с одним желанием слить свои молитвы с молитвами вашего величества, я остался бы в Париже.

Король, казалось, удовлетворился этими объяснениями, однако, взглянув на своих друзей, он увидел, что не-

которые из них при словах Бюсси пожимали плечами. Не желая обижать своих сторонников знаками доброго расположения к придворному герцогу Анжуйского, король прошел мимо Бюсси с сердитым видом.

Бюсси, не моргнув глазом, снес эту немилость.

— Что с тобой? — сказал герцог. — Разве ты не видел?

— Чего?

— Что Шомберг, что Келюс, что Можирон пожимали плечами, слушая твои оправдания.

— Все так, — с полным спокойствием отвечал Бюсси, — я это отлично видел.

— Ну и что?

— Ну в то, неужели вы думаете, что я способен перерезать горло себе подобным или почти что себе подобным в церкви? Для этого я слишком хороший христианин.

— А, коли так, все прекрасно, — сказал удивленный герцог, — мне-то показалось, что ты этого не заметил или не пожелал заметить.

Бюсси, в свою очередь, пожал плечами и при выходе из собора отвел принца в сторону.

— Мы идем к вам, не правда ли, монсеньер? — спросил он.

— Немедленно. У тебя должны быть интересные новости для меня.

— Да, песомненно, монсеньер, и даже такие, о которых, я уверен, вы и не подозреваете.

Герцог удивленно посмотрел на Бюсси.

— Да, да, — сказал Бюсси.

— Ну хорошо, позволь мне только распрощаться с королем, и я к твоим услугам.

Герцог отправился к королю испрашивать разрешения покинуть его свиту, и король, в силу особой милости богоматери, несомненно расположенный к терпимости, даровал своему брату позволение уехать в Париж, когда ему заблагорассудится.

Герцог поспешно возвратился к Бюсси и вместе с ним закрылся в одной из комнат отведенной ему гостиницы.

— Ну вот мы и одни, мой друг, — сказал он, — теперь садись и расскажи мне свои похождения. Ты знаешь, я считал тебя мертвым.

— Вполне в это верю, монсеньер.

— Ты знаешь, весь двор, прослышав о твоём исчезновении, на радостях разделся в белое, и немало людей

вдохнули свободно впервые с того дня, когда ты научился держать шпагу. Но не в этом дело. Давай рассказывай! Ведь ты меня покинул, чтобы следить за прекрасной незнакомкой. Кто же эта женщина и чего я могу от нее ждать?

— Вы пожнете то, что посеяли, монсеньер, то есть стыд и позор!

— Что такое? — воскликнул герцог, более пораженный загадочным смыслом этих слов, чем их непочтительностью.

— Монсеньер слышал, — с ледяным спокойствием ответил Бюсси, — и мне нет необходимости повторять.

— Объяснитесь, сударь, и оставьте Шико загадки и анаграммы.

— О, нет ничего легче, монсеньер, для этого мне достаточно обратиться к вашей памяти.

— Но кто эта женщина?

— Думаю, что вы, монсеньер, ее узнали.

— Так это была она! — воскликнул герцог.

— Да, монсеньер.

— Ты ее видел?

— Да.

— Она с тобой говорила?

— Конечно. Только призраки не говорят. А что, разве у монсеньера были основания считать ее мертвой или надеяться на ее смерть?

Герцог побледнел и замер, словно раздавленный под тяжестью слов того, кто, казалось, должен был бы вести себя как подобает куртизану.

— Ну да, монсеньер, — продолжал Бюсси, — хотя вы и толкнули молодую девушку благородного происхождения на мученическую смерть, все же она избежала гибели. Однако подождите вздохнуть с облегчением и не думайте, что вы уже оправданы, ибо, сохранив свою жизнь, она попала в беду большую, чем смерть.

— Что с ней случилось? — спросил герцог, дрожа всем телом.

— С ней случилось то, монсеньер, что один господин спас ей и честь, и жизнь, но этот человек заставлял заплатить за свою услугу такой ценой, что лучше бы он ее не оказывал.

— Ну, ну, кончай.

— Диана де Меридор, монсеньер, чтобы избежать уже протянутых к ней рук герцога Апжуйского, любовницей

которого она никак не хотела стать, Диана де Меридор бросилась в объятия человека, который ей ненавистен.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что Диана де Меридор пывче зовется госпожой де Монсоро.

При этих словах волна крови внезапно прихлынула к обычно бледному лицу Франсуа, герцог побагровел так сильно, что казалось, кровь вот-вот брызнет у него из глаз.

— Смерть Христова! — зарычал разъяренный принц. — Неужели это правда?

— Да, черт побери, раз это говорю я, — высокомерно ответил Бюсси.

— Я не то хотел сказать, — поправился принц, — я не сомневаюсь в вашей правдивости, Бюсси, я только спрашиваю себя, возможно ли, чтобы один из моих дворян, какой-то Монсоро, дерзнул похитить у меня женщину, которую я почтил своим расположением.

— А почему нет? — сказал Бюсси.

— И ты бы сделал то же самое, ты?

— Я сделал бы лучше, монсеньер, я предупредил бы вас, что чести вашей грозит опасность.

— Милноточку, Бюсси, — сказал герцог, снова обретая спокойствие, — послушайте, пожалуйста. Вы понимаете, мой милый, что я не оправдываюсь.

— И допускаете ошибку, мой принц: во всех случаях, когда затронута честь, вы не более чем дворянин.

— Ну хорошо, вот поэтому я и прошу вас быть судьей господина де Монсоро.

— Мепл?

— Да, вас, и сказать мне: разве он не вел себя в отношении ко мне как предатель, вероломный предатель.

— По отношению к вам?

— Да, но мне, ведь мои намерения были ему известны.

— А в намерения вашего высочества входило?..

— Заставить Диану меня полюбить, я не отрицаю.

— Заставить полюбить вас?

— Да, по ни в коем случае не прибегать к насилию.

— Таковы были ваши намерения, монсеньер? — сказал Бюсси с иронической улыбкой.

— Несомненно, и эти намерения я сохранял до последней минуты, хотя господин де Монсоро возражал против них со всей убедительностью, на которую он способен.

— Монсеньер! Монсеньер! Что я слышу! Этот субъект подбивал вас обесчестить Диану?

— Да.

— Он давал вам такие советы?

— Он мне письма писал. Хочешь, покажу тебе одно такое письмо?

— О! — воскликнул Бюсси. — Если бы я мог этому поверить!

— Подожди секунду, ты сам увидишь.

И герцог побежал за шкатулкой, которая всегда находилась в его кабинете под охраной паж, вынул оттуда записку и сунул в руки Бюсси.

— Читай! — сказал он. — Раз уж ты сомневаешься в слове твоего принца.

Бюсси с сомнением дрожащей рукой взял записку и прочел:

«Монсеньер!

Пусть ваше высочество успокоится: похищение пройдет беспрепятственно, так как сегодня вечером юная особа выезжает на восемь дней к тетке, которая живет в Любском замке. Я беру на себя все, и вам не о чем будет беспокоиться. Ну, а девичьи слезы, поверьте мне, они высохнут, как только девица окажется в присутствии вашего высочества. А пока что... я действую... и нынче вечером... она будет в замке Боже.

Вашего высочества покорнейший слуга

Бриан де Монсоро.

— Ну, что ты об этом скажешь? — спросил принц после того, как Бюсси дважды прочитал письмо.

— Скажу, что вам хорошо служат, монсеньер.

— То есть, напротив, что меня предают.

— Да, верно, я забыл, что было потом.

— Обмануть меня! Мерзавец! Он заставил меня верить в смерть женщины...

— Которую он у вас украл. Действительно, подлый поступок, — заметил Бюсси, не скрывая прониц. — Но у господина де Монсоро есть оправдание — он полюбил.

— Ты думаешь? — сказал принц с недоброй улыбкой.

— Проклятие! — ответил Бюсси. — По этому поводу у меня нет своего мнения. Я думаю так, если вы так думаете.

— Что бы ты сделал на моем месте? Нет, погоди, сначала расскажи, как действовал он.

— Он уверил отца молодой девушки в том, что вы были ее похитителем. Он предложил ему свои услуги и явился в замок Боже с письмом от барона де Меридор. Он подъехал в лодке под окна замка и увез с собой пленницу. А потом запер ее в том доме, который вы знаете, и запугиваниями вынудил сойтись с ним браком.

— Разве это не подлое вероломство? — вскричал герцог.

— Да, но прикрытое вашим собственным вероломством, — ответил Бюсси со своей обычной смелостью.

— Ах, Бюсси... Ты увидишь, сумею ли я отомстить.

— Вам, мстить? Полноте, монсеньер, вы не унижитесь до мести.

— Почему?

— Принцы не мстят, монсеньер, они карают. Вы обличите этого Монсоро в подлости, и вы его покараете.

— Каким образом?

— Сделав счастливой Диану де Меридор.

— Разве это в моих силах?

— Конечно.

— Ну, а что можно сделать?

— Вернуть ей свободу.

— Ну-ка, объяснись.

— Нет ничего проще. Бракосочетание было насильственным, — следовательно, оно не действительно.

— Ты прав.

— Прикажите расторгнуть брак, и вы поступите, монсеньер, как настоящий дворянин и как благородный принц.

— Вот оно что! — сказал подозрительный принц. — Смотрите, какой пыл! Так ты и сам заинтересован в этом деле, Бюсси?

— Я-то? Да меньше всего на свете. Я заинтересован только в одном, монсеньер, чтобы про меня не могли сказать: вот Луи де Клермон, граф де Бюсси, который служит вероломному принцу и бесчестному человеку.

— Ну хорошо, ты увидишь. Но как расторгнуть этот брак?

— Очень легко. Стоит только обратиться к отцу.

— Барону де Меридор?

— Да.

— Но ведь он в глубине Анжу.

— Он здесь, монсеньер, то есть в Париже.

— У тебя?

— Нет, возле своей дочери. Поговорите с ним, монсеньер, пусть он поймет, что может рассчитывать на вас; пусть он увидит в вашем высочестве не того, кого он видел до сих пор,— не врага, а покровителя, и тогда он, ныне проклинаящий ваше имя, будет вас обожать, как своего доброго гения.

— Это могущественный сеньор в своей округе,— сказал герцог,— и уверяют, что он пользуется большим влиянием во всей провинции.

— Все так, монсеньер, но не об этом вам следует думать прежде всего; прежде всего он — отец, чья дочь попала в беду, и он несчастен несчастьями своей дочери.

— И когда я смогу его увидеть?

— Как только вернетесь в Париж.

— Хорошо.

— Значит, мы об всем договорились, монсеньер?

— Да.

— Слово дворянина?

— Слово принца.

— А когда вы отправляетесь?

— Нынче вечером. Ты меня подождешь?

— Нет, я поеду вперед.

— Поезжай и будь готов.

— К вашим услугам, монсеньер. Где я найду ваше высочество?

— На утреннем туалете короля, завтра около полудня.

— Я там буду, монсеньер. Прощайте.

Бюсся не потерял ни секунды, и дорогу, которую герцог проделает, дремля в карете, за пятнадцать часов, он одолел за пять. С сердцем, переполненным любовью и счастьем, он мчался, чтобы как можно раньше успокоить барона, которому обещал помощь, и Диану, которой возвращал половину жизни.

Глава XXXIV

О ТОМ, КАК ШИКО ВЕРНУЛСЯ В ЛУВР И КАК ЕГО ПРИНЯЛ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III

Пробило еще только одиннадцать часов утра, и весь Лувр был погружен в сон. Часовые во дворе старались шагать бесшумно, всадники, сменявшие посты, ехали шагом.

Король, утомленный вчерашним паломничеством, спал, и никто не осмеливался нарушить его сон.

Два человека одновременно подъехали к главным воротам Лувра. Один восседал на свежайшем берберском жеребце, другой — на взмыленном андалузском коне. Они остановились перед воротами и невольно взглянули друг на друга, так как, прибыв с двух прямо противоположных направлений, они столкнулись лицом к лицу.

— Господин де Шико! — воскликнул тот из приезжих, кто был помоложе, склоняясь в учтивом поклоне. — Как поживаете?

— А, сеньор де Бюсси! Как нельзя лучше, сударь, — ответил Шико с непринужденностью и вежливостью постоянного дворянина, тогда как приветствие Бюсси обличало в нем большого и хорошо воспитанного вельможу.

— Вы приехали поприсутствовать на утреннем туалете короля, сударь? — осведомился Бюсси.

— И вы тоже, как я предполагаю?

— Нет, я хочу засвидетельствовать почтение монсеньеру герцогу Анжуйскому. Вы же знаете, господин де Шико, — улыбаясь, добавил Бюсси, — я не имею счастья принадлежать к любимцам его величества.

— В этом следовало бы упрекнуть короля, а не вас, сударь.

Бюсси поклонился.

— Вы вернулись издалека? — спросил он. — Я слышал, что вы путешествуете.

— Да, сударь, я охотился, — ответил Шико. — Ну, а вы, вы тоже путешествовали?

— Да, я побывал в провинции. Ну, а теперь, сударь, — продолжал Бюсси, — не соблаговолите ли вы оказать мне одну услугу?

— Даже не спрашивайте. Всякий раз, когда господин де Бюсси обращается ко мне с просьбой, какова бы она ни была, — сказал Шико, — он оказывает мне высочайшую честь.

— Отлично. Вас пропустят в луврские палаты — вы человек привилегированный, ну, а я останусь в приемной, будьте так любезны, предупредите герцога Анжуйского, что я его ожидаю.

— Если монсеньер герцог Анжуйский в Лувре, — сказал Шико, — он непременно будет присутствовать на утреннем туалете его величества. Почему бы вам, сударь, не пройти туда вместе со мной?

— Я боюсь увидеть недовольное лицо короля.

— Вот как!

— Проклятие, он до сего дня не балует меня своими мплыми улыбками.

— Будьте спокойны, скоро все это переменится.

— Ах, так вы предсказываете будущее, господин де Шико?

— Иногда занимаюсь. Не унывайте, господин де Бюсс. Пойдемте.

Они вошли в Лувр и там расстались: один направился в покои короля, другой — в апартаменты, занимаемые монсеньером герцогом Анжуйским, в которых раньше, как мы, кажется, уже говорили, обитала королева Маргарита.

Генрих III только что проснулся; он позвонил в большой колокольчик, и слуги и друзья толпой устремились в королевскую опочивальню. Королю уже поднесли куринный бульон, вино с пряностями и мясной пахтет, когда к своему августейшему повелителю вошел оживленный Шико и, даже не поздоровавшись, начал с того, что ухватил кусок пахтета с серебряного блюда и отхлебнул бульона из золотой миски.

— Клянусь смертью Христовой! — воскликнул король, напустив на себя гневный вид, хотя на самом деле был донельзя обрадован. — Да это наш плут Шико! Беглец, бродяга, висельник Шико!

— Ну, ну, что ты говоришь, сын мой! — сказал Шико, бесцеремонно усаживаясь с ногами в покрытых пылью сапогах в огромное, вышитое золотыми геральдическими линиями кресло, где уже сидел Генрих III. — Значит, мы забыли наше возвращение из Польши, когда мы играли роль оленя, а магнаты исполняли партии гончих. Ату, ату его!

— Ну вот, вернулось мое горе, — сказал Генрих, — отныне придется выслушивать только одни колкости. А мне так спокойно жилось эти три недели.

— Ба! — воскликнул Шико. — Вечно ты жалуешься. Ты похож на своих подданных, черт меня побери! Посмотрим, чем ты занимался в мое отсутствие, мой милый Генрих! И каких новых глупостей наделал, управляя нашим прекрасным Французским королевством!

— Господин Шико!

— Гм! А наши народы все еще показывают тебе язык?

— Бездельник!

— Не повесили ли кого-нибудь из этих маленьких завятых господинчиков? Ах, извините, господин де Келюс, я вас не заметил.

— Шико, мы посоримся.

— И наконец, остались ли какие-нибудь деньги в наших сундуках или в сундуках у евреев? Деньги были бы весьма кстати, нам обязательно нужно поразвлечься, клянусь святым чревом! Жизнь невыносимо скучна.

И Шико жадно набросился на подрумяненные ломтики мясного паштета, лежавшие на блюде.

Король рассмеялся, все подобные сцены неизменно заканчивались королевским смехом.

— Расскажи,— попросил он,— где ты был и что ты делал за время столь долгого отсутствия?

— Я,— ответил Шико,— составлял проект маленькой процессии в трех действиях.

Действие первое: кающиеся, одетые только в рубашки и штаны, поднимаются из Лувра на Монпарнас, по пути таская друг друга за волосы и обмениваясь тумаками.

Действие второе: те же самые кающиеся, оголившись до пояса, спускаются с Монмартра к аббатству святой Женеьевы, по пути усердно бичуя себя четками из терновых вгл.

Действие третье: наконец, те же самые кающиеся, совсем нагишом, возвращаются из аббатства святой Женеьевы в Лувр, по пути ревностно рассекая друг у друга плечи ударами плеток, хлыстов или бичей.

Поначалу я еще задумал ввести, как неожиданную перипетию, прохождение процессии по Гревской площади, где палачи сожгут кающихся, всех — от первого до последнего. Однако потом сообразил, что всевышний, наверное, сохранил там, у себя, наверху, малость содомской серы и немного гоморрской смолы и не захотел лишать его удовольствия лично заняться поджариванием грешников.

Итак, господа, в ожидании сего великого дня давайте развлекаться.

— Погоди, расскажи сначала, чем ты занимался,— сказал король. — Знаешь ли ты, что я приказал разыскивать тебя во всех притонах Парижа?

— А Лувр ты хорошенько обыскал?

— Должно быть, какой-то распутник держал тебя взаперти, мой друг.

— Это невозможно, Генрих, ведь ты собрал у себя в Лувре всех распутников королевства.

— Значит, я ошибаюсь?

— Э, бог мой! Конечно, ошибаешься. Впрочем, как всегда и во всем.

— В конце концов выяснится, что ты отбывал покаяние.

— Вот именно. Я ударился было в религию, хотелось посмотреть, что это такое, и, ей-богу, сыт ею по горло. Хватит с меня монахов. Фи! Грязные скоты.

В эту минуту в комнату вошел господин де Монсоро и почтительно отвесил королю глубокий поклон.

— Ах, вот и вы, господин главный ловчий,— сказал Генрих.— Когда же вы угостите нас какой-нибудь увлекательной охотой?

— Когда будет угодно вашему величеству. Я получил известие, что в Сен-Жермен-ан-Ле полно кабанов.

— Кабан — опаснейший зверь,— сказал Шико.— Помните, король Карл Девятый чуть не погиб, охотясь на кабана, а потом, копые такое грубое оружие, что обязательно натрет мозоли на наших маленьких ручках. Не так ли, сын мой?

Граф Монсоро косо посмотрел на Шико.

— Гляди-ка,— сказал гасконец, обращаясь к Генриху,— совсем недавно твой главный ловчий встретил волка.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, подобно облакам поэта Аристофана, он сохранил что-то волчье в своем лице, особенно в глазах. Просто поразительно!

Граф Монсоро обернулся и, бледнее, сказал Шико:

— Господин Шико, я редко бываю при дворе и не привык иметь дело с шутами, но предупреждаю вас, что не люблю, когда меня оскорбляют в присутствии моего короля, особенно ежели речь идет о моей службе ему.

— Оно и видно, сударь,— ответил Шико,— вы полная противоположность нам, людям придворным; потому-то мы так и смеялись над последней шуткой короля.

— Над какой это шуткой? — спросил Монсоро.

— Над тем, что он назначил вас главным ловчим. Видите ли, если мой друг Генрих и менее шут, чем я, то дурак он куда больше моего.

Монсоро бросил на гасконца грозный взгляд.

— Ну, ну,— примирительно сказал Генрих, почувствовав, что в воздухе запахло ссорой,— поговорим о чем-нибудь другом, господа.

— Да,— сказал Шико,— поговорим о чудесах, творимых Шартрской богородицею.

— Шико, не богохульствуй,— строго предупредил король.

— Мне, богохульствовать? Мне? — удивился Шико. — Полно, ты принимаешь меня за человека церкви, а я человек шпаги. Напротив, это я должен кое о чем тебя предупредить, сын мой.

— О чем именно?

— О том, что ты ведешь себя по отношению к Шартрской богородице как нельзя более невежливо.

— С чего ты это взял?

— В этом нет сомнения: у святой девы две рубашки, они привыкли лежать вместе, а ты их разъединил. На твоём месте, Генрих, я бы соединил рубашки, и тогда у тебя будет, по меньшей мере, одно основание надеяться на чудо.

Этот довольно грубый намек на отделение короля от королевы вызвал смех у придворных.

Генрих потянулся, потер глаза и тоже улыбнулся.

— На этот раз,— проговорил он,— наш дурак дьявольски прав.

И переменял разговор.

— Сударь,— шепотом сказал Монсоро, обращаясь к Шико,— не угодно ли вам, не привлекая ничего внимания, подождать меня вот там, в оконной нише.

— Как же, как же, сударь,— сказал Шико,— с превеликим удовольствием.

— Хорошо, тогда отойдем туда.

— С вамп готов идти хоть в самую чащу леса, сударь.

— Хватит шуточек, здесь они не нужны, ведь над вами никому смеяться,— сказал Монсоро, присоединяясь к шуту, который уже ждал в указанной ему оконной нише. — Мы здесь один на один и можем поговорить откровенно. Слушайте, господин Шико, господин дурак, господин шут, дворянин запрещает вам, уразумейте хорошенько эти слова, запрещает вам над ним смеяться. Он предлагает вам поразмыслить как следует, прежде чем назначать свидания в лесу, ибо в лесах, куда вы сейчас меня приглашали, прорастает целый набор палок и прутьев, вполне пригодных для замены тех ремней, которыми вас столь отменно исхлестали по приказу герцога Майеннского.

— А, — сказал Шико, не выказывая ни малейших признаков волнения, хотя в его черных глазах мелькнул злобный огонек, — а, сударь, вы напоминаете мне о моем долге герцогу Майеннскому и хотите, чтобы я и вам за-должал точно так же, как герцогу, и занес ваше имя в ту же рубрику моей памяти, и предоставил бы вам равные с герцогом права на мою признательность.

— Мне кажется, что среди ваших кредиторов, сударь, вы забыли назвать самого главного.

— Это меня удивляет, сударь, я всегда гордился своей отменной памятью. Кто же этот кредитор? Откройте мне, прошу вас.

— Мэтр Никола Давид.

— О! За этого вы не беспокойтесь, — сказал Шико с мрачной улыбкой, — я больше ему ничего не должен, все уплачено сполна.

В этот миг к разговору присоединился третий собеседник.

Это был Бюсси.

— А, господин де Бюсси, — сказал Шико, — прошу вас, помогите мне. Вот господин де Монсоро, который, как видите, меня «поднял» и собирается гнать, как будто я лань или олень. Скажите ему, господин де Бюсси, что он ошибается, он имеет дело с кабаном, а кабан бросается на охотника.

— Господин Шико, — ответил Бюсси, — по-моему, вы несправедливы к господину главному ловчему, думая, что он принимает вас не за того, кем вы являетесь, то есть не за благородного дворянина. Сударь, — продолжал Бюсси, обращаясь к графу, — на меня возложена честь уведомить вас, что монсеньер герцог Анжуйский желает с вами по-беседовать.

— Со мной? — обеспокоился Монсоро.

— Именно с вами, сударь, — подтвердил Бюсси.

Монсоро бросил на герцогского посланца острый взгляд, намереваясь проникнуть в глубины его души, но глаза и улыбка Бюсси были исполнены такой безмятежной ясности, что главному ловчему пришлось отказаться от своего намерения.

— Вы меня будете сопровождать, сударь? — осведомился он у Бюсси.

— Нет, сударь, я поспешу известить его высочество, что вы сейчас к нему явитесь, а вы тем временем испросите у короля дозволения уйти.

И Бюсси возвратился тем же путем, каким пришел, со своей обычной ловкостью пробираясь среди толпы придворных.

Герцог Анжуйский действительно ожидал в своем кабинете, перечитывая уже знакомое нашим читателям письмо. Заслышав шорох раздвигаемых портьер, он подумал, что это Монсоро явился по его вызову, и спрятал письмо.

Вошел Бюсси.

— Где он? — спросил герцог.

— Он сейчас будет, монсеньер.

— Он ничего не заподозрил?

— Ну, а если бы и так, если он что-то и подозревает? — сказал Бюсси. — Разве он не ваше создание? Вы завлекли его из ничтожества, разве вы не в силах сбросить его обратно?

— Без сомнения, — сказал герцог с тем озабоченным видом, который появлялся у него всякий раз, когда он чувствовал приближение важных событий и предвидел необходимость каких-то энергичных действий со своей стороны.

— Что, сегодня он кажется вам менее виновным, чем вчера?

— Напротив, во сто крат более. Его деяния относятся к преступлениям, тяжесть которых кажется тем больше, чем дольше о них размышляешь.

— Что там ни говори, — сказал Бюсси, — все сводится к одному: он вероломно похитил молодую девушку из благородного сословия и обманным путем женился на ней, используя для этого средства, недостойные дворянина; он либо сам должен потребовать расторжения брака, либо вы это сделаете за него.

— Договорено.

— И ради отца, ради дочери, ради Меридорского замка, ради Дианы — вы даете мне слово?

— Даю.

— Подумайте — они предупреждены, они в тревоге ждут, чем кончится ваш разговор с этим человеком.

— Девица получит свободу, Бюсси, даю тебе слово.

— Ах, — сказал Бюсси, — если вы это сделаете, монсеньер, вы действительно будете великим принцем.

И, взяв руку герцога, ту самую руку, которая подписала столько лживых обещаний и нарушила столько клятвенных обетов, он почтительно поцеловал ее.

В это мгновение в прихожей раздалися шаги.

— Вот он,— сказал Бюсси.

— Пригласите войти господина де Монсоро! — крикнул Франсуа строгим тоном, и Бюсси увидел в этой строгости доброе предзнаменование.

На этот раз молодой человек, почти уверенный в том, что он наконец достиг венца своих желаний, расклавываясь с Монсоро, не смог погасить во взгляде торжествующий и насмешливый блеск; что до главного ловчего, то он встретил взгляд Бюсси мутным взором, за которым, как за стенами неприступной крепости, укрыл свои чувства.

Бюсси ожидал в уже известном нам коридоре, в том самом коридоре, где однажды ночью Карл IX, будущий Генрих III, герцог Алансонский и герцог де Гиз чуть не задушили Ла Моля поясом королевы-матери. Сейчас в этом коридоре и на лестничной площадке, на которую он выходил, толпились дворяне, съехавшиеся на поклон к герцогу.

Бюсси присоединился к этому жужжащему рою, и придворные торопливо расступились, давая ему место; при дворе герцога Анжуйского Бюсси пользовался почетом как из-за своих личных заслуг, так и потому, что в нем видели любимого фаворита герцога. Наш герой падежно запертал в глубине сердца обуревавшее его волнение и ничем не выдавал смертельную тоску, затаившуюся в душе. Он ждал, чем закончится разговор, от которого зависело все его счастье, все его будущее.

Беседа сулила быть довольно оживленной. Бюсси уже достаточно знал главного ловчего и понимал, что он не из тех, кто сдаётся без борьбы. Однако герцогу Анжуйскому надо было только положить на Монсоро свою руку, и если тот не согнется — тем хуже для него! — тогда его сломят.

Вдруг из кабинета донеслись знакомые раскаты голоса принца. Казалось, он приказывал.

Бюсси затрепетал от радости.

— Ага,— сказал он,— герцог держит свое слово.

Но за этими первыми раскатами не последовало других. Испуганные придворные замолчали, с беспокойством переглядываясь, и в коридоре наступила такая же глубокая тишина.

Тишина встревожила Бюсси, нарушила его мечтания. Надежда покидала его, и на смену ей приходило отчаяние. Он чувствовал, как медленно текут минуты, и в таком состоянии протомился около четверти часа.

Внезапно двери в комнату герцога растворились, из-за портьеры допеслись веселые голоса.

Бюсси вздрогнул. Он знал, что в комнате не было никого, кроме герцога и главного ловчего и, если бы их беседа протекала так, как он ожидал, у них не могло бы быть причин для веселья.

Голоса стали слышнее, и вскоре портьера приподнялась. Монсоро вышел, пятясь задом и кланяясь. Герцог проводил его до порога комнаты со словами:

— Прощайте, наш друг. Между нами все решено.

— Наш друг! — пробормотал Бюсси. — Кровь Христова! Что это значит?

— Таким образом, монсеньер, — говорил Монсоро, все еще обратясь лицом к принцу, — ваше высочество полагает, что лучшее средство — это гласность?

— Да, да, — сказал герцог, — все эти тайны — просто детские забавы.

— Значит, — продолжал главный ловчий, — нынче вечером я представлю ее королю.

— Идите и ничего не бойтесь. Я все подготовлю.

Герцог наклонился к главному ловчему и сказал несколько слов ему на ухо.

— Будет исполнено, монсеньер, — ответил тот.

Монсоро отвесил последний поклон герцогу, тот оглядывал собравшихся придворных, не замечая Бюсси, закрытого портьерой, в которую он вцепился, чтобы устоять на ногах.

— Господа, — сказал Монсоро, обращаясь к придворным, которые ожидали своей очереди на аудиенцию и уже заранее склонились перед новым фаворитом, казалось затмившим блеском дарованных ему милостей самого Бюсси, — господа, позвольте мне объявить вам одну новость: монсеньер разрешил мне огласить мой брак с Дианой де Меридор, вот уже месяц моей супругой, которую я под его высоким покровительством нынче вечером представлю двору.

Бюсси пошатнулся, удар, хотя уже не внезапный, все же был так ужасен, что молодому человеку показалось, будто он раздавлен тяжестью свалившейся на него беды.

В этот момент Бюсси поднял голову, и герцог и он, оба бледные, но под наплывом совершенно противоположных чувств, обменялись взглядами: взор Бюсси выражал бескопечное презрение, в глазах герцога читался страх.

Монсоро пробирался сквозь толпу дворян, осыпаемый поздравлениями и любезностями.

Бюсси двинулся было к герцогу, но герцог, увидев это движение, поспешил опустить портьеру; за портьерой тотчас же хлопнула дверь и щелкнул ключ, поворачиваясь в замке.

Тут Бюсси почувствовал, как горячая кровь потоком прихлынула к его вискам и к сердцу. Рука его непроизвольно опустилась на рукоятку кинжала, подвешенного к поясу, и наполовину вытащила лезвие из ножен, ибо этот человек не умел сопротивляться первому порыву своих неукротимых страстей; однако та же любовь, что толкала к насилию, парализовала порыв. Горькая, глубокая, острая скорбь затушила гнев; сердце не раздулось под напором ярости — оно разбилось.

В этом пароксизме двух страстей, одновременно борющихся в его душе, энергия молодого человека иссякла; так сталкиваются и одновременно опадают две могучие волны, которые, казалось, хотели взметнуться на небо.

Бюсси понял, что если он останется здесь, раздражающее его безмерное горе станет любопытным зрелищем для придворной челяди. Он дошел до потайной лестницы, спустился по ней во двор Лувра, вскопчил на коня и галопом поскакал на улицу Сент-Антуан.

Барон и Диана ожидали ответа, обещанного им Бюсси. Молодой человек предстал перед ними белый как мел, лицо его было искажено, глаза палиты кровью.

— Сударыня! — воскликнул он. — Презирайте меня, ненавидьте меня. Я полагал, что я кое-что значу в этом мире, а я всего лишь ничтожная пылинка. Я думал, что способен на что-то, а мне не дано даже вырвать сердце у себя из груди. Сударыня, вы действительно супруга господина де Монсоро, и с этого часа супруга законно признанная: нынче вечером вы будете представлены двору. А я всего лишь бедный дурак, жалкий безумец, впрочем, нет, скорее, вы были правы, господин барон, это герцог Анжуйский трус и подлец.

И, оставив испуганных отца и дочь, обезумевший от горя, пьяный от бешенства Бюсси выскочил из комнаты, сбежал по ступенькам вниз, прыгнул в седло, вонзил обе шпоры в живот коню и помчался куда глаза глядят, бросив поводья и сея вокруг себя смятение и страх. Стиснув рукой грудь, он думал лишь об одном: как бы заставить умолкнуть отчаянно бьющееся сердце.

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ГЕРЦОГОМ АНЖУЙСКИМ
И ГЛАВНЫМ ЛОВЧИМ

Настало время объяснить читателю, почему герцог Анжуйский нарушил слово, данное Бюсси.

Принимая графа Монсоро после разговора со своим любимцем, герцог искренне намеревался выполнить все советы Бюсси. В его теле желчь легко приходила в возбуждение и изливалась из сердца, источенного двумя главными страстями, свившими в нем гнездо: честолюбием и страхом. Честолюбие герцога было оскорблено, а страх перед позорным скандалом, которым грозил Бюсси от имени барона де Меридор, весьма ощутимо подхлестывал его гнев.

И в самом деле, два такие чувства, соединившись, вызывают опасный взрыв, особенно если сердце, в котором они гнездятся, обладает толстыми стенками и плотно закупорено, подобно бомбе, до отказа начиненной порохом, тогда сила сжатия удваивает силу взрыва.

Поэтому герцог Анжуйский принял главного ловчего, сохраняя на лице одно из тех суровых выражений, которые вгоняли в трепет самых неустрашимых придворных, ибо мстительный характер Франсуа и широкие возможности, имевшиеся в его распоряжении, ни для кого не были тайной.

— Ваше высочество пожелали меня видеть? — спокойно осведомился Монсоро, глядя на стену ковер.

Этот человек, привыкший управлять настроениями своего покровителя, угадывал, какое яростное пламя бунтует под его видимой холодностью. И можно было бы сказать, одушевив неодушевленные предметы, что он пытается выведать у комнаты замыслы ее хозяина.

— Не бойтесь, сударь, — сказал герцог, разгадав истинное значение взгляда Монсоро, — за этими коврами ничего нет; мы можем разговаривать свободно и, в особенности, откровенно.

Монсоро поклонился.

— Ибо вы хороший слуга, господин главный ловчий Французского королевства, и привязаны к моей особе. Не так ли?

— Я полагаю, монсеньер.

— Со своей стороны я в этом уверен, сударь; ведь это вы не раз открывали заговоры, сплетенные против меня;

ведь это вы помогли мне в моих делах, часто забывал свои собственные интересы и даже подвергая опасности свою жизнь.

— О, ваше высочество!

— Я все знаю. Да вот совсем недавно... Придется напомнить вам этот случай, ведь сами вы поистине воплощенная деликатность и никогда даже косвенно не упомянете об оказанной вами услуге. Так вот недавно, во время этого злосчастного происшествия...

— Какого происшествия, монсеньер?

— Похищения Дианы де Меридор! Бедное юное со-
зданье!

— Увы! — пробормотал Монсоро так, что нельзя было понять, к кому относится его сожаление.

— Вы ее оплакиваете, не так ли? — сказал герцог, снова переводя разговор на твердую почву.

— А разве вы ее не оплакиваете, ваше высочество?

— Я? О! Вы же знаете, как я сожалел о моем роковом капризе! И, подумайте, из-за моих дружеских чувств к вам, из-за привычки моей к вашим добрым услугам я позабыл, что, не будь вас, я не похитил бы юную девицу.

Монсоро почувствовал удар.

«Посмотрим, — сказал он себе, — может быть, это просто угрозыния совести?»

— Монсеньер, — возразил он герцогу, — ваша природная доброта побуждает вас возводить на себя напраслицу, не вы явились причиной смерти Дианы де Меридор, да и я также в ней не повинен.

— Почему? Объяснитесь.

— Извольте. Разве в мыслях у вас было не останавливаться даже перед смертью Дианы де Меридор?

— О, конечно, нет.

— Тогда ваши намерения оправдывают вас, монсеньер. Вы ни при чем: страшась беда, случайная беда, такие несчастья происходят каждый день.

— И к тому же, — добавил герцог, погружая свой взгляд в самое сердце Монсоро, — смерть все окутала своим вечным безмолвием!

В этих словах прозвучала столь зловещая интонация, что Монсоро тотчас же вскинул глаза на принца и подумал: «Нет, это не угрозыния совести...»

— Монсеньер, — сказал он, — позволите ли вы мне говорить с вашим высочеством откровенно?

— А что, собственно, вам мешает? — с высокомерным удивлением осведомился припец.

— И вправду, я не знаю, что мне сейчас мешает.

— Что вы хотите этим сказать?

— О монсеньер, я хочу сказать, что отныне откровенность должна быть главной основой моей беседы с припцем, наделенным столь выдающимся умом и таким благородным сердцем.

— Отныне?.. Почему только отныне?

— Но ведь в начале нашей беседы его высочество не сочло нужным быть со мной откровенным.

— Да неужели? — парировал герцог с принужденным смехом, который выдавал закипающий в нем гнев.

— Послушайте меня, монсеньер, — смирно сказал Монсоро. — Я знаю, что ваше высочество собирается мне сказать.

— Коли так, говорите.

— Ваше высочество хотело дать мне понять, что Диана де Меридор, может быть, не умерла, и это забавляет от угрызений совести тех, кто считал себя ее убийцами.

— О! Как долго вы тянули, сударь, прежде чем решились довести до меня эту утешительную мысль. А вы еще называете себя верным слугой! Вы видели, как я мрачен, удручен. Я признался вам, что после гибели этой женщины меня мучают кошмары, меня, человека, благодарные богу, не склонного к топкой чувствительности... и вы оставляли меня томиться и мучиться, хотя одно ваше слово, одно высказанное вам сомнение могло бы облегчить мои страдания. Как должен я назвать подобное поведение, сударь?

В словах герцога прозвучали раскаты готового разразиться гнева.

— Монсеньер, — отвечал Монсоро, — можно подумать, что вы меня в чем-то обвиняете.

— Предатель! — внезапно закричал герцог, делая шаг к главному ловчому. — Я тебя обвиняю и поддерживаю обвинения... Ты меня обманул, ты перехватил у меня женщину, которую я любил.

Монсоро страшно побледнел, но остался стоять в спокойной, почти вызывающей позе.

— Это верно, — сказал он.

— Ах, это верно... Обманщик! Наглец!

— Соболаговольте говорить потише, монсеньер, — сказал Монсоро, все еще сохраняя спокойствие, — ваше

высочество позабыли, что вы говорите с дворянином, с добрым слугой...

Герцог разразился конвульсивным смехом.

— ...с добрым слугой короля! — закончил Монсоро. Он произнес эту страшную угрозу, не изменив своего бесстрастного тона.

Услышав слово «король», герцог сразу перестал смеяться.

— Что вы хотите этим сказать? — пробормотал он.

— Я хочу сказать, — почтительно, даже угодливо продолжал Монсоро, — что ежели монсеньер пожелает меня беспристрастно рассудить, он поймет, почему я мог завладеть этой женщиной, ведь ваше высочество тоже хотели завладеть ею.

Герцог остолебенел от такой дерзости и не нашелся что ответить.

— Вот мое извинение, — просто сказал главный ловчий, — я горячо любил Диану де Меридор.

— Но и я тоже, — надменно возразил Франсуа.

— Это верно, монсеньер, и вы — мой господин, но Диана де Меридор вас не любила!

— А тебя она любила? Тебя?

— Возможно, — пробормотал Монсоро.

— Ты лжешь! Ты лжешь! Ты принудил ее насильно, как и я мог бы ее принудить. Только я, твой господин, потерпел неудачу, а тебе, моему холопу, удалось. И это потому, что я действовал одной силой, а ты пустил в ход вероломство.

— Монсеньер, я ее любил.

— Какое мне до этого дело! Мне!

— Монсеньер...

— Ты угрожаешь, змея?

— Монсеньер, остерегитесь, — произнес Монсоро, опуская голову, словно тигр перед прыжком. — Я любил ее, повторяю вам, и я не из ваших холопов, как вы меня сейчас назвали. Моя жена принадлежит мне, как моя земля. Никто не может у меня ее отобрать, никто, даже сам король. Я пожелал эту женщину, и я ее взял.

— Правда твоя, — сказал Франсуа, устремляясь к серебряному колокольчику, стоявшему на столе, — ты ее взял, ну что ж, ты ее и отдашь.

— Вы ошибаетесь, монсеньер, — воскликнул Монсоро, бросившись к столу, чтобы остановить принца. — Оставьте эту дурную мысль помешать мне. Если вы при-

зовете сюда людей, если вы напесете мне публичное оскорбление...

— Говорю тебе: откажись от этой женщины.

— Отказаться от нее? Невозможно... Она моя жена, мы обвенчаны перед богом.

Монсоро рассчитывал на воздействие имени божьего, но и оно не укротило бешеный нрав герцога.

— Если она твоя жена только перед богом, то ты вернешь ее людям,— сказал принц.

— Неужто он знает все? — невольно вырвалось у Монсоро.

— Да, я знаю все. Этот брак, либо ты его сам расторгнешь, либо его расторгну я, хоть бы ты сотню раз поклялся перед всеми богами, которые когда-либо восседали на небесах.

— Монсеньер, вы богохульствуете,— сказал Монсоро.

— Завтра же Дяна де Меридор вернется к отцу, завтра же я отправлю тебя в изгнание. Даю тебе час на продажу должности главного ловчего. Таковы мои условия. Иначе берегись, вассал, я тебя изничтожу, как вот этот стакан.

И принц схватил со стола хрустальный бокал, покрытый эмалью, подарок герцога Австрийского, и с силой швырнул его в Монсоро. Осколки стекла осыпали главного ловчего.

— Я не отдам свою жену, я не откажусь от своей должности, и я останусь во Франции,— отчеканил граф, приближаясь к оцепеневшему от изумления принцу.

— Как ты смеешь... негодяй!

— Я обращаюсь с просьбой о помиловании к королю Франции, к королю, избранному в аббатстве святой Женевиевы, и наш новый суверен, такой добрый, столь всысканный недавней милостью божьей, не откажется выслушать первого челобитчика, который обратится к нему с прошением.

Монсоро говорил, все более воодушевляясь, казалось, огонь, сверкавший в его очах, постепенно воспламеняет его слова.

Теперь наступил черед Франсуа побледнеть, он отступил на шаг и уже собрался было распахнуть тяжелый ковровый занавес на двери, но вдруг, схватив Монсоро за руку, сказал ему, растягивая каждое слово, будто прозянося его из последних сил:

— Хорошо... хорошо... граф, ваше прошение... изложите мне его... но говорите тише... я вас слушаю...

— Я буду говорить со смиренным,— сказал Монсоро, внезапно успокоившись,— со смиренным, как оно и подобает смиренному служителю вашего высочества.

Франсуа медленно обошел большую комнату, старательно заглядывая под все ковры и занавески. Казалось, он не мог поверить, что никто не подслушал Монсоро.

— Вы сказали? — спросил он.

— Я сказал, монсеньер, что во всем виновата роковая любовь. Любовь, мой благородный властелин,— самое деспотическое из всех человеческих чувств. Чтобы позабыть о том, что Диана приглянулась вашему высочеству, мне надо было потерять всякую власть над собой.

— Я вам сказал, граф, это измена.

— Не оскорбляйте меня, монсеньер, послушайте, что я видел своим мысленным взором. Я видел вас богатым, молодым, счастливым, я видел вас первым государем христианского мира.

Герцог сделал предостерегающее движение рукой.

— Но ведь это так,— прошептал Монсоро на ухо герцогу,— между этим высшим саном и вами стоит только тень, она исчезнет при первом дуновении. Я видел ваше будущее во всем его блеске, и, сравнив вашу великую судьбу с той мелочью, на которую я посягнул, ослепленный сиянием вашей будущей славы, почти закрывшим от меня этот маленький бедный цветок — венец моих желаний, я, жалкий человечихка по сравнению с вами, моим господином, я сказал себе: оставим принца лелеять свои блестящие мечты, вынашивать свои величественные замыслы, это его королевская судьба, а я, я найду свою судьбу в его тени, он вряд ли почувствует, если с его королевской перевязи соскользнет похищенная мной скромная маленькая жемчужина.

— Граф! Граф! — прошептал герцог, против воли упоенный развернутой перед ним чарующей картиной.

— Вы мне прощаете, не так ли, монсеньер?

В это мгновение герцог поднял глаза. Он увидел на обитой позолоченной кожей стене портрет Бюсси, на который он любил иногда смотреть, подобно тому как прежде ему нравилось созерцать портрет Ла Моля. Бюсси на портрете глядел так гордо, с таким высокомерным выражением, так картинно опирался рукой о бедро, что герцогу почудилось — перед ним не изображение, а это сам Бюсси устремил на него свой огненный взор, вышел из стены, чтобы вдохнуть мужество в его сердце.

— Нет, — сказал герцог, — я не могу вас простить; и должен быть строгим не ради себя самого, бог мне свидетель. Дело не во мне, а в отце, одетом в траур, отце, доверием которого бесстыдно злоупотребили и который требует вернуть ему дочь. Дело в женщине, которую вы принудили выйти за вас замуж. Эта женщина вопиет о возмездии. Дело в том, что первейший долг принцев — справедливость.

— Монсеньер!

— Я сказал: справедливость — первейший долг принцев, и я буду справедлив...

— Если справедливость, — возразил Монсоро, — первейший долг принцев, то благодарность — первейшая обязанность королей.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что король никогда не должен забывать, кому он обязан своей короной. А вы, монсеньер...

— Ну?..

— Государь, своей короной вы обязаны мне.

— Монсоро! — гневно воскликнул герцог, охваченный ужасом еще большим, чем при первых атаках главного ловчего. — Монсоро! — повторил он тихим и дрожащим голосом. — Значит, вы хотите изменить королю точно также, как вы изменили принцу?

— Я верен тому, кто меня поддерживает, государь! — сказал Монсоро, все более повышая голос.

— Презренный...

И герцог снова бросил взгляд на портрет Бюсси.

— Я не могу! — сказал он. — Вы честный дворянин, Монсоро, вы поймете, что я не могу одобрить ваши действия.

— Почему, монсеньер?

— Потому что они позорят и вас и меня... Откажитесь от этой женщины. Ах, любезный граф, пойдите еще на одну жертву. За это я сделаю для вас, мой дорогой граф, все, что вы попросите...

— Значит, ваше высочество все еще любит Диану до Меридор?.. — спросил Монсоро, бледнея от ревности.

— Нет! Нет! Клянусь вам, нет.

— Но что же тогда смущает ваше высочество? Она моя жена, а разве в моих жилах течет не благородная кровь? И кто посмеет совать нос в мои семейные тайны?

— Но она вас не любит.

— Кому какое дело?

— Сделайте это ради меня, Монсоро.

- Не могу.
- Тогда... — сказал принц в страшной нерешительности. — Тогда...
- Подумайте хорошенько, государь.
- Услышав этот титул, герцог вытер пот, тотчас выпивший у него на лбу.
- Вы меня выдадите?
- Королю, отвергнутому ради вас? Да, ваше величество. Ибо если мой новый государь посягнет на мою честь, на мое счастье, я возвращусь к старому.
- Это бесчестно.
- Верно, государь, но я люблю так сильно, что не остановлюсь перед бесчестием.
- Это подло.
- Да, ваше величество, но я люблю так сильно, что не остановлюсь перед подлостью.
- Герцог сделал движение к Монсоро, но граф удержал его одним взглядом, одной улыбкой.
- Монсеньер, убив меня, вы ничего не добьетесь, — сказал он. — Есть тайны, которые всплывают вместе с трупами! Останемся же каждый на своем месте, вы — королем, исполненным милосердия, а я — самым смелым из ваших подданных.
- Герцог ломал себе пальцы, вонзал ногти в ладоши.
- Полноте, полноте, мой добрый сеньор, сделайте что-нибудь для человека, верно служившего вам во всем.
- Франсуа встал.
- Чего вы просите? — спросил он.
- Ваше величество...
- Несчастный! Ты хочешь, чтобы я тебя умолял?
- О! Монсеньер!..
- Монсоро поклонился.
- Говорите, — пробормотал Франсуа.
- Монсеньер, вы даруете мне прощение?
- Да.
- Монсеньер, вы помирите меня с бароном де Меридор?
- Да, — сказал герцог, задыхаясь.
- И вы почтите мою супругу улыбкой в тот день, когда она появится при дворе королевы, куда я хочу иметь честь ее представить?
- Да, — сказал Франсуа. — Это все?
- Больше ничего, монсеньер.
- Идите. Я даю вам слово.

— А вы,— шепнул Монсоро в самое ухо герцога,— вы сохраните трон, на который я вас возвел! Прощайте, государь.

На этот раз он говорил так тихо, что его слова прозвучали в ушах принца сладчайшей музыкой.

«Мне остается только выяснить,— подумал Монсоро,— от кого герцог все узнал».

Глава XXXVI

О ТОМ, КАК ПРОХОДИЛ БОЛЬШОЙ КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Желание графа де Монсоро, высказанное им герцогу Анжуйскому, исполнилось в тот же день: граф представил молодую супругу двору королевы-матери и двору королевы.

Генрих лег спать в дурном настроении, так как господин де Морвилье предупредил его о том, что на следующий день следовало бы собрать Большой королевский совет.

Король ни о чем не спросил канцлера. Час был уже поздний, и его величество клонило ко сну. Для совета выбрали самое удобное время с тем, чтобы не помешать ни сну, ни отдыху короля.

Почтенный государственный муж в совершенстве изучил своего повелителя и знал, что, в отличие от Филиппа Македонского, Генрих III, когда он не выспался или проголодался, слушает доклады недостаточно внимательно.

Он знал также, что Генрих, страдающий бессонницей,— не спать самому, таков уж удел человека, который должен следить за сном других,— среди ночи непременно проснется, будет думать о предстоящей аудиенции и на заседании совета отнесется ко всему с должным вниманием и полной серьезностью.

Все произошло так, как предвидел господин де Морвилье.

После первого сна, продолжавшегося около четырех часов, Генрих проснулся. Вспомнив о просьбе канцлера, он уселся на постели и принялся размышлять, вскоре ему надоело размышлять в одиночестве, и, соскочив со своих пуховиков, он натянул шелковые панталоны в обтяжку, сунул ноги в туфли и во всем своем ночном облачении, придававшем ему сходство с привидением, направился при свете светильника, который с тех пор, как Сен-Люк увез с собой в Анжу дуновение всевышнего, больше

не угасал, направился, повторяем мы, в комнату Шико, ту самую, где так счастливо провела свою первую брачную ночь Жанна де Бриссак.

Гасконец спал непробудным сном и храпел, как кузечные мехи.

Король трижды потряс его за плечо, но Шико не проснулся.

Однако, когда на третий раз король не только потряс спящего, но и громко окликнул его, тот открыл один глаз.

— Шико! — повторил король.

— Чего еще? — спросил Шико.

— Ах, друг мой, — сказал Генрих, — как можешь ты спать, когда твой король бодрствует?

— О боже! — воскликнул Шико, притворяясь, что не узнает короля. — Неужели у его величества несварение желудка?

— Шико, друг мой! — сказал Генрих. — Это я.

— Кто — ты?

— Это я, Генрих!

— Решительно, сын мой, это бекасы давят тебе на желудок. Я, однако, тебя предупреждал. Ты их слишком много съел вчера вечером, как и ракового супа.

— Нет, — сказал Генрих, — я их едва отведал.

— Тогда, — сказал Шико, — тебя, должно быть, отравили. Пресвятое чрево! Генрих, да ты весь белый!

— Это моя полотняная маска, дружок, — сказал король.

— Значит, ты не болен?

— Нет.

— Тогда почему ты меня разбудил?

— Потому что у меня неотвязная тоска.

— У тебя тоска?

— И сильная.

— Тем лучше.

— Почему тем лучше?

— Да потому, что тоска нагоняет мысли, а поразмыслив хорошенько, ты поймешь, что порядочного человека будят в два часа ночи, только если хотят преподнести ему подарок. Посмотрим, что ты мне принес.

— Ничего, Шико. Я пришел поболтать с тобой.

— Но мне этого мало.

— Шико, господин де Морвилль вчера вечером явился ко двору.

— Ты водишься с дурной компанией, Генрих. Зачем он приходил?

- Оя приходил испросить у меня аудиенции.
- Ах, вот человек, умеющий жить. Не то что ты: врываешься в чужую спальню в два часа утра.
- Что он может мне сказать, Шико?
- Как! Несчастный,— воскликнул гасконец,— неужто ты меня разбудил только для того, чтобы задать этот вопрос?
- Шико, друг мой, ты знаешь, что господин де Морвилье ведает моей полицией.
- Да что ты говоришь! — сказал Шико. — Ей-богу, я ничего не знал.
- Шико! — не отставал король. — В отличие от тебя, я нахожу, что господин Морвилье всегда хорошо осведомлен.
- И подумать только,— сказал гасконец,— ведь я мог бы спать, вместо того чтобы выслушивать подобные глупости.
- Ты сомневаешься в осведомленности канцлера? — спросил Генрих.
- Да, кляпуть телом Христовым, я в ней сомневаюсь,— сказал Шико,— и у меня на это есть свои причины.
- Какне?
- Ну коли я скажу тебе одну-единственную, с тебя хватит?
- Да, если она будет веской.
- И потом ты меня оставишь в покое?
- Конечно.
- Ну ладно. Как-то днем, нет, постой, это было вечером...
- Какая разница?
- Есть разница, и большая. Итак, однажды вечером я тебя поколотил на улице Фруадмантель. Ты был с Келюсом и Шомбергом...
- Ты меня поколотил?
- Да, палкой, палкой, и не только тебя, всех троих.
- А по какому случаю?
- Вы оскорбили моего пажа и получили по заслугам, а господин де Морвилье об этом ничего тебе не донес.
- Как! — воскликнул Генрих. — Так это был ты, негодяй, ты, святотатец?
- Я самый,— сказал Шико, потирая ладони,— не правда ли, сын мой, уж коли я бью, так я бью здорово?
- Нечестивец!
- Признаёшь, что я сказал правду?

- Я прикажу высечь тебя, Шико.
- Не о том речь; скажи — было это или не было, вот все, что я хочу знать.
- Ты отлично знаешь, что было, негодяй!
- На следующий день вызывал ты господина де Морвилье?
- Ну да, ведь он приходил в твоём присутствии.
- Ты рассказал ему о досадном случае, который произошёл накануне с одним дворянином, твоим другом?
- Да.
- Ты приказал ему разыскать виновника?
- Да.
- И он разыскал?
- Нет.
- Ну вот, а теперь иди спать, Генрих, ты видишь, что твоя полиция не стоит выеденного яйца.

И, повернувшись к стене, не желая отвечать больше ни на какие вопросы, Шико снова захрапел. Этот храп, напоминающий грохот тяжелой артиллерии, лишил короля всякой надежды на продолжение разговора.

Генрих, вздыхая, вернулся в свою опочивальню и, за неимением других собеседников, принялся горько жаловаться своей борзой Нарциссу на злосчастную судьбу королей, которые могут узнать истину, только если они за нее заплатят.

На следующий день собрался Большой королевский совет. Его состав не был постоянным и менялся в зависимости от переменчивых привязанностей короля. На этот раз в него входили Келюс, Можирон, д'Эпернон и Шомберг; все четверо уже свыше полугода оставались в фаворе у Генриха.

Шико, сидевший во главе стола, делал из бумаги кораблики и в строгом порядке выстраивал их на столешнице, приговаривая, что это флот всехристианского величества, который заменит флот всекатолического короля.

Объявили о прибытии господина де Морвилье.

Государственный муж явился одетым в свой самый темный костюм и с совершенно похоронным выражением лица. Отвесив глубокий поклон, на который за короля ему ответил Шико, он приблизился к Генриху III.

— Я присутствую, — спросил он, — на заседании Большого совета вашего величества?

— Да, здесь собралась моя лучшие друзья. Говорят.

— Простите, государь, я неспроста хотел в этом удо-

стовериться. Ведь я намерен открыть вашему величеству весьма опасный заговор!

— Заговор?! — в один голос воскликнули все присутствующие.

Шико наострил уши и прекратил сооружение великолепного двухпалубного галиота, этот корабль он хотел сделать флагманом своего флота.

— Да, заговор, ваше величество, — сказал господин де Морвилье, позизив голос с той таинственностью, которая предвещает потрясающие откровения.

— О-о! — протянул король. — А часом не испанский ли это заговор?

В эту минуту в залу вошел герцог Анжуйский, также призванный на совет, двери за ним тотчас же закрылись.

— Вы слышите, брат мой, — сказал Генрих, когда обмен церемонными приветствиями закончился, — господин де Морвилье хочет изобличить перед нами заговор против безопасности государства!

Герцог медленно обвел всех присутствующих собственным ему пронизательным и в то же время настороженным взглядом.

— Возможно ли это?.. — пробормотал он.

— К сожалению, да, монсеньер, — сказал Морвилье, — опасный заговор.

— Расскажите нам про него, — предложил Шико, запуская закопченный им галиот в хрустальную вазу с водой, стоявшую на столе.

— Да, — пролепетал герцог Анжуйский, — расскажите нам про него, господин канцлер.

— Я слушаю, — сказал Генрих.

Канцлер склонился как мог вправо и придал своему взгляду возможно большую серьезность, а голосу — самые доверительные интонации.

— Государь, — сказал он, — я уже давно слежу за поведением немногих педовольных...

— О! — прервал канцлера Шико. — «Немногих!» Вы слишком скромны, господин де Морвилье.

— Это, — продолжал канцлер, — всякий сброд: лавочники, ремесленники, мелкие судейские чины... Иной раз среди них попадаются монахи и школяры.

— Ну это не бог весть какие принцы, — отозвался Шико и с невозмутимым спокойствием приступил к изготовлению нового двухмачтового корабля.

Герцог Анжуйский припужденно улыбнулся.

— Сейчас вам все будет ясно, государь, — сказал канцлер. — Я знал, что недовольные всегда используют две главные опоры: армию и церковь...

— Весьма разумно, — заметил Генрих. — Говорите дальше.

Канцлер, ошарашенный этой похвалой, продолжал:

— В армии я нашел офицеров, преданных вашему величеству, которые доносили мне обо всем; в церковных кругах это было труднее. Тогда я пустил в дело моих людей...

— Все еще весьма разумно, — сказал Шико.

— И наконец, с помощью моих доверенных лиц мне удалось склонить одного из людей парижского прево...

— Склонить к чему? — спросил король.

— К тому, чтобы он следил за проповедниками, которые возбуждают народ против вашего величества.

«Ого! — подумал Шико. — Неужели моего друга заприметили?»

— Этих людей, государь, вдохновляет не господь бог, а сообщество заклятых врагов короны. Это сообщество я узнал.

— Очень хорошо, — одобрил король.

— Весьма разумно, — добавил Шико.

— И я знаю, на что они рассчитывают, — торжествующе заявил Морвилье.

— Просто превосходно! — воскликнул Шико.

Король сделал тасконцу знак замолчать.

Герцог Анжуйский не сводил глаз с Морвилье.

— В течение более чем двух месяцев, — продолжал канцлер, — я содержал за счет королевской казны нескольких весьма ловких и безмерно смелых людей; правда, они отличаются также ненасытной алчностью, но я сумел обратить это их качество во благо королю, ибо, щедро оплачивая их, я только выиграл. Именно от них, пожертвовав довольно крупной денежной суммой, я узнал о первом сборище заговорщиков.

— Все это хорошо, — сказал Шико, — плати, мой король, плати денежки!..

— Э, за этим дело не станет! — воскликнул Генрих. — Скажите нам, канцлер, какова цель этого заговора и на что рассчитывают заговорщики...

— Государь, речь идет не менее, как о второй ночи святого Варфоломея.

— Против кого?

— Против гугенотов,

Присутствующие удивленно переглянулись.

— Примерно в какую сумму вам это обошлось? — спросил Шико.

— Семьдесят пять тысяч ливров одному и сто тысяч — другому.

Шико повернулся к королю.

— Хочешь, я всего за тысячу экю выдам тебе тайну, которую узнал господин де Морвилье? — воскликнул он.

Канцлер удивленно пожал плечами, а герцог Анжуйский скорчил такую благодетную мину, которую на его лице еще и не видывали.

-- Говори! — приказал король.

— Это — Лига, просто-напросто Лига, она образовалась десять лет назад. Господин де Морвилье выведаль тайну, которую всякий парижский буржуа знает; как «Отче наш»...

— Сударь... — возмутился канцлер.

— Я говорю правду... и я докажу это, — заявил Шико непререкаемым тоном.

— Тогда назовите мне место, где собираются лигисты.

— Охотно: во-первых: — на площадях и на улицах; во-вторых — на улицах и на площадях; и в-третьих — и на площадях и на улицах.

— Шутить изволите, господин Шико, — сказал канцлер, пытаясь изобразить улыбку. — А как они узнают друг друга?

— Они одеты точь-в-точь как и парижане и при ходьбе переставляют ноги по очереди, одну за другой, — с важным видом ответил Шико.

Это объяснение было встречено взрывом смеха, и даже сам канцлер, подумав, что правила хорошего тона требуют от него присоединиться к общему веселью, засмеялся вместе с другими. Но вскоре государственный муж опять посуровел.

— Мой лазутчик, — сказал он, — присутствовал на одном из их собраний, и оно происходило в том месте, которое господну Шико неизвестно.

Герцог Анжуйский побледнел.

— Где же? — спросил король.

— В аббатстве святой Женевьевы.

Шико уронил бумажную курицу, которую он усаживал на адмиральский корабль.

— В аббатстве святой Женевьевы! — воскликнул король,

— Это невероятно, — пробормотал герцог.

— Однако это так, — сказал Морвилле и победопосно оглядел собравшихся, весьма довольный произведенным им впечатлением.

— И что они делали, господин канцлер? Что они решили? — спросил король.

— Что лигисты выберут себе вождей, каждый записавшийся в списки Лиги добудет себе оружие, в каждую провинцию будет направлен представитель от мятежной столицы, и все гугеноты, любимчики вашего величества, так они выражаются...

Король улыбнулся.

— Будут истреблены в назначенный день.

— И это все? — сказал Генрих.

— Чума на мою голову! — воскликнул Шико. — Сразу видно, что ты католик.

— И это действительно все? — осведомился герцог.

— Нет, монсеньер...

— Чума на мою голову! Я думаю, что это не все! Если бы король за сто семьдесят пять тысяч ливров получил только это, он был бы вправе считать себя обокраденным.

— Говорите, канцлер, — приказал король.

— Есть вожди...

Шико заметил, что у герцога Анжуйского грудь от волнения бурно вздымается под камзол.

— Так, так, так, — сказал он, — значит, у заговора есть руководители, удивительно! И все же, за наши сто семьдесят пять тысяч ливров нам следовало бы еще чего-нибудь подкинуть.

— Кто эти вожди... их имена? — спросил король. — Как их зовут, этих вождей?

— Во-первых, один проповедник, фанатик, бесноватый изувер, за его имя я заплатил десять тысяч ливров.

— И вы правильно сделали.

— Некто Горанфло, монах из монастыря святой Жепьевы.

— Бедняга! — заметил Шико с искренним состраданием. — Было ему сказано: не суйся не в свое дело, ничего путного из этого не выйдет.

— Горанфло... — сказал король, записывая это имя, — хорошо... ну, дальше...

— Дальше... — повторил канцлер, явно колеблясь, — но, государь, это все.

И Морвилье еще раз оглядел собрание пытливым, загадочным взглядом, который, казалось, говорил:

«Если бы ваше величество остались наедине со мной, вы узнали бы и еще много чего».

— Говорите, канцлер, здесь только мои друзья, говорите.

— О государь, тот, чье имя я не решаюсь назвать, также имеет могущественных друзей.

— Возле меня?

— Повсюду.

— Да что, эти друзья сильнее меня! — воскликнул Генрих, бледнее от гнева и тревоги.

— Государь, тайны не объявляют во всеуслышание. Простите меня, я государственный человек.

— Это верно.

— И весьма разумно, — подхватил Шико. — Но мы здесь все — люди государственные.

— Сударь, — сказал герцог Анжуйский, — ежели ваше известие не может быть оглашено в нашем присутствии, то мы выразим королю наше ближайшее почтение и удалимся.

Господин де Морвилье пребывал в нерешительности. Шико следил за его малейшим жестом, опасаясь, что канцлеру, каким бы наивным он ни казался, удалось разузнать нечто более важное, чем его предыдущие сообщения.

Король знаками приказал: канцлеру — подойти, герцогу Анжуйскому — оставаться на месте, Шико — замолчать, а трем фаворитам — заняться чем-нибудь другим.

Тотчас же господин де Морвилье начал склоняться к уху его величества, но он не проделал и половины этого размеренного и грациозного телодвижения, выполнявшегося им по всем правилам этикета, как во дворе Лувра раздавался сильный шум. Король резко выпрямился, Келюс и д'Эпернон бросились к окну, герцог Анжуйский положил руку на рукоять шпаги, словно эти звуки тапли в себе какую-то опасность для его особы.

Шико встал из-за стола и следил за всем происходящим во дворе и в зале.

— Вот как! Монсеньер де Гиз! — закричал он первым. — Монсеньер де Гиз пожаловал в Лувр.

Король вздрогнул.

— Это он, — хором подтвердили министры.

— Герцог де Гиз? — пролепетал брат короля.

— Удивительно... не правда ли? Каким образом герцог де Гиз оказался в Париже? — медленно произнес король, прочитавший в оторопелом взгляде господина де Морвилье то имя, которое канцлер хотел шепнуть ему на ухо.

— Сообщение, которое вы для меня приготовили, касалось моего кузена де Гиза, не так ли? — тихо спросил он у канцлера.

— Да, государь, это он председательствовал на собрании... — в тон ему ответил Морвилье.

— А другие?

— Другие мне не известны.

Генрих кинул на Шико вопросительный взгляд.

— Клянусь сзытым чревом! — воскликнул, присанившись, гасконец. — Введите моего кузена де Гиза.

И, наклонясь к Генриху, шепнул ему на ухо:

— Вот человек, чье имя ты хорошо знаешь, и думаю, тебе нет надобности заносить его на свои дощечки.

Лакей с шумом распахнул двери.

— На одну створку, господа, — сказал Генрих, — на одну створку. Обе створки открывают только для короля.

Герцог де Гиз уже приближался по галерее к залу, где происходил королевский совет, и слышал эти слова, но он сохранил на своем лице улыбку, с которой был намерен приветствовать короля.

Глава XXXVII

О ТОМ, ЧТО ДЕЛАЛ В ЛУВРЕ ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

За герцогом де Гизом следовали многочисленные офицеры, придворные, дворяне. За этим блестящим эскортом тянулись толпы народа — эскорт гораздо менее блестящий, но куда более надежный и грозный.

Во дворец пропустили только свиту герцога, народ остался у стен Лувра.

Это из рядов народа раздавались крики, не смолкавшие и в ту минуту, когда герцог де Гиз, давно уже невидимый для толпы, вступал в галерею.

При виде этой необычной армии, собиравшейся вокруг кумира парижан всякий раз, как он появлялся на улицах столицы, королевские гвардейцы схватились за оружие и, выстроившись за своим бравым полковником, взирали

на народ угрожающе, а на триумфатора — с немым вызовом.

Гиз заметил враждебное настроение этих солдат, которыми командовал Крийон; наящим полушкловом он приветствовал полковника, стоявшего со шпагой в руке на четыре шага впереди строя своих людей, но тот, прямой и бесстрастный, замер в презрительной неподвижности и не ответил на приветствие.

Подчеркнутый отказ офицера и солдат склониться перед его повсюду признанным могуществом удивил герцога де Гиза. Герцог нахмурился, но по мере приближения к дверям королевского кабинета морщины на его челе разглаживались, и, как мы уже говорили, в зал он вошел с любезной улыбкой на устах.

— А, это вы, мой кузен, — сказал король, — какой шум вы подвляли! Словно бы даже и трубы трубили? Или трубы мне просто послышались?

— Государь, — отвечал герцог, — трубы славят в Париже только короля, а на поле брани — только полководца. Я слишком хорошо знаю и двор, и военный лагерь, чтобы ошибиться. Здесь трубы были бы слишком громогласны для подданного, там они недостаточно громки даже для принца.

Генрих прикусил губу.

— Клянусь смертью Христовой! — сказал он после минутного молчания, в течение которого не спускал глаз с лотарингского принца, — вы блестяще выглядите, мой кузен. Неужто вы только сегодня прибыли с осады Ла-Шарите?

— Да, только сегодня, государь, — ответил герцог слегка покраснев.

— Ей-богу, ваше посещение для нас большая честь, большая честь, большая честь.

Генрих III, когда у него было чересчур много тайных мыслей, имел привычку повторять слова, как бы уплотняя ряды солдат, скрывающих от глаз противника пушечную батарею, которая должна обнаружить себя только в нужную минуту.

— Большая честь! — повторил Шико, столь точно копируя интонацию королевского голоса, что можно было подумать, будто эти два слова прозвнес Генрих.

— Государь, — сказал герцог, — ваше величество изволят шутить: разве может вассал оказать честь суверену, от которого исходят все чести и почести?

— Я имею в виду, господин де Гиз, — возразил Ген-

рих,— что всякий добрый католик, вернувшись из похода, обычно сначала навещает бога в каком-нибудь храме, а потом уже короля. Почитать бога, служить королю — вы знаете, кузен, это истина наполовину божественная, наполовину политическая.

При этих словах герцог де Гиз покраснел более заметно. Король, который говорил, глядя гостю в глаза, заметил его смущение; повинувшись какому-то инстинктивному порыву, он перевел взор с Гиза на герцога Анжуйского и с удивлением увидел, что его милый брат побледнел столь же сильно, сколь сильно покраснел его дорогой кузен.

Это волнение, проявившееся по-разному, поразило короля. Генрих намеренно отвел глаза и припал любезный вид. Под таким бархатом Генрих III, как никто, умел прятать свои королевские когти.

— В любом случае, герцог,— сказал он,— ничто не сравнится с моей радостью, когда я вижу вас живым и невредимым, счастливо избегшим всех роковых случайностей войны, хотя про вас говорят, что вы не бежите от опасностей, а дерзостно ищете встречи с ними. Но опасности знают вас, мой кузен, и это они бегут от вас.

Герцог поклонился в ответ на любезность.

— Поэтому я вам скажу, мой кузен: не гоняйтесь с таким увлечением за смертью, ибо это поистине невыносимо для бездельников вроде нас, грешных, которые спят, едят, охотятся и считают за победу изобретение новой моды или новой молитвы.

— Да, да, государь,— ухватился герцог за последнее слово короля.— Нам известно, что вы король просвещенный и благочестивый, и никакие плотские утехи не заставят вас позабыть о славе божьей и интересах святой церкви. Поэтому-то мы и прибыли сюда, с полным доверием к вашему величеству.

— Полюбуйся на доверие твоего кузена, Генрих,— сказал Шико, показывая королю на свиту герцога, которая, не осмеливаясь перешагнуть порог королевских покоев, толпилась у открытых дверей,— одну его треть он оставил у дверей твоего кабинета, а остальные две — у дверей Лувра.

— С доверием?.. — повторил Генрих.— А разве вы не всегда приходите ко мне с доверием, мой кузен?

— Позвольте мне объяснить, государь; слово «доверие», слетевшее с моих уст, относится к одному предложению, которое, я надеюсь, вы не откажетесь выслушать.

— Ага! У вас имеется какое-то предложение ко мне, кузен? Тогда выскажитесь откровенно, или, как вы сказали, «с полным доверием». Что вы имеете нам предложить?

— Одну из самых прекрасных идей, которые могли бы еще взволновать христианский мир с тех пор, как крестовые походы сделались невозможны.

— Говорите, герцог.

— Государь,— продолжал герцог, на этот раз повышая голос так, чтобы его было слышно и в передней,— государь, звание всехристианского короля не пустой звук, оно обязывает ревностно и пылко оборонять религию. Старший сын церкви, а таков ваш титул, государь, должен всегда быть готов защитить свою мать.

— Вот так да,— сказал Шико,— мой кузен проповедует с длинной рапирой на боку и с каской на голове. Забавно! Отныне меня больше не удивляют монахи, рвущиеся в бой. Генрих, я у тебя прошу полк для Горанфло.

Герцог де Гиз сделал вид, что не слышал этих слов. Генрих III положил ногу на ногу и оперся локтем о колено, а подбородком — о ладонь.

— А разве церкви угрожают сарадины? — спросил оп. — Или не жаждете ли вы случаем для себя титула короля... иерусалимского?

— Государь,— продолжал герцог,— уверяю вас, что народ, который в огромном стечении следовал за мной до Лувра, благословляя мое имя, оказывал мне такой почет лишь в награду за мои ревностные усилия, направленные на защиту веры. Я уже имел честь говорить вашему величеству, еще до вашего восшествия на престол, о проекте союза между всеми верными католиками.

— Да, да,— подхватил Шико,— да, я вспоминаю. Это Лига, клянусь святым чревом, Генрих. Это Лига, Лига, созданная в честь святого Варфоломея, мой король. Ей-богу, ты очень забывчив, сын мой, если не можешь вспомнить столь победительную идею.

Герцог обернулся на эти слова и презрительно посмотрел на того, кто их пропалес, не зная, какое большое значение имели они для короля после недавних сообщений господина де Морвилле.

Но герцог Анжуйский встревожился. Прижав палец к губам, он пристально посмотрел на герцога де Гиза, бледный и неподвижный, как статуя Осторожности.

На сей раз король не заметил бы этого молчаливого предостережения, свидетельствующего об общности инте-

ресов обожх принцев, но Шико, делая вид, будто ему вдумалось посадить одну из своих бумажных курниц в дупечки из рубинов, украшавшие шляпу короля, наклонился к Генриху и шепнул ему на ухо:

— Взгляни на своего братца, Генрих.

Генрих быстро поднял глаза, палец герцога Анжуйского опустился с не меньшей быстротой. Однако было уже поздно. Король увидел движение и угадал, что оно означает.

— Государь,— продолжал герцог де Гиз, который заметил, как Шико что-то сказал королю, но не мог расслышать его слов,— католики действительно назвали свое сообщество святой Лигой, и эта Лига ставит себе главной целью укрепить трон, защитить его от наших заклятых врагов — гугенотов.

— Хорошо сказано! — воскликнул Шико. — Я одобряю *pedibus et nutu*¹.

— И все же,— продолжал герцог,— одного объединения еще мало, государь, еще недостаточно соединиться в единое тело, каким бы сплоченным оно ни было; это тело нужно привести в движение, направить его к некоей цели. Ибо в таком королевстве, как Франция, несколько миллионов людей не объединяются без согласия короля.

— Несколько миллионов людей! — воскликнул Генрих, даже не пытаясь скрыть своего удивления, которое с полным основанием можно было приписать за испуг.

— Несколько миллионов людей! — повторил Шико. — Ничего себе маленькое семечко из недовольных! Если его посадят умелые руки, а уж в этом я не сомневаюсь, оно не замедлит принести прекрасные плоды.

На этот раз терпение герцога, по-видимому, истощилось, он презрительно сжал губы, напряг правую ногу и чуть было не топнул ею, но сдержался.

— Меня удивляет, государь,— сказал он,— что ваше величество дозволяете так часто прерывать мою речь, хотя я говорю о столь важных материях.

При этом открытом выражении неудовольствия, со справедливостью коего нельзя было не согласиться, Шико обвел всех присутствующих злыми глазами и, подражая прозаическому голосу парламентского глашатая, крикнул:

— Тише, там! Иначе, клянусь святым чревом, будете иметь дело со мной.

¹ Ногами и головой (лат.).

— Несколько миллионов! — повторил король, которого это число, видимо, поразило. — Весьма лестно для католической религии; но против этих нескольких миллионов объединившихся католиков сколько человек могут выставить протестанты в моем королевстве?

Герцог, казалось, пытался вспомнить какую-то цифру.

— Четверых, — сказал Шюко.

Эта новая выходка была встречена громким смехом придворных короля, но герцог де Гиз нахмурил брови, а в передней среди его дворян, возмущенных дерзостью шута, послышался громкий ропот.

Король медленно повернулся к двери, откуда доносились недовольные голоса; и так как он умел придавать своему взгляду выражение высокого достоинства, то ропот сразу затих.

Затем король с тем же выражением взглянул на герцога.

— Итак, сударь, — сказал он, — чего вы добиваетесь?.. К делу... к делу...

— Я прошу одного, государь, ибо слава моего короля мне, быть может, дороже моей собственной, я хочу, чтобы ваше величество, которое во всем стоит выше нас, выказали свое превосходство над нами также и в своей ревностной приверженности к католической вере и, таким образом, лишили бы недовольных всякого повода к возобновлению войн.

— Ах, если речь идет о войне, мой кузен, — сказал Генрих, — то у меня есть войска; только под вашим командованием, в том лагере, который вы покинули, чтобы осчастливить меня вашими драгоценными наставлениями, насчитывается, если я не ошибаюсь, примерно двадцать пять тысяч солдат.

— Государь, может быть, я должен объяснить, что я понимаю под войной?

— Объясните, мой кузен, вы великий полководец, и я всегда, не сомневаясь в этом, с большим удовольствием слушаю, как вы рассуждаете о подобных материях.

— Государь, я хотел сказать, что в наше время короли призваны вести две войны: войну духовную, если можно так выразиться, и войну политическую, — войну с идеями и войну с людьми.

— Смерть Христова! — сказал Шюко. — Как это великолепно изложено!

— Замолчи, дурак! — приказал король.

— Люди,— продолжал герцог,— существа видимые, осязаемые, смертные; с ними можно соприкоснуться, атаковать их и разбить, а когда они разбиты, их судят или вешают без суда, что еще лучше.

— Да,— сказал Шико,— их можно повесить безо всякого суда: это будет и покороче, и более по-королевски.

— Но с идеями,— продолжал герцог,— с идеями вы не сможете бороться, как с людьми, государь, они невидимы и проскальзывают повсюду; они прячутся, особенно от глаз тех, кто хочет их искоренить. Укрывшись в тайниках душ человеческих, они пускают там глубокие корни. И чем старательнее срезаете вы неосторожные побеги, показавшиеся на поверхности, тем более могучими и неистребимыми становятся невидимые корни. Идея, государь, это карлик-гигант, за которым необходимо следить днем и ночью, ибо вчера она пресмыкалась у ваших ног, а завтра грозно нависнет над вашей головой. Идея, государь, это искра, упавшая в солому, и только зоркие глаза могут заметить пожар, занимающийся среди бела дня. И вот почему, государь, нам нужны миллионы дозорных.

— Вот и последние четыре французских гугенота летят ко всем чертям! — сказал Шико. — Клянусь святым чревом! Мне их жалко.

— И для того, чтобы смотреть за этими дозорными,— продолжал герцог,— я предлагаю вашему величеству назначить главу для святого Союза.

— Вы копчили, мой кузен? — спросил король.

— Да, государь, и, как его величество могло видеть, говорил со всей откровенностью.

Шико испустил чудовищный вздох, а герцог Анжуйский, оправившись от недавнего испуга, улыбнулся лотарингскому принцу.

— Ну а вы,— сказал король, обращаясь к окружавшим его придворным,— что вы об этом думаете, господа?

Шико, ни слова не говоря, взял свою шляпу и перчатки, затем схватил за хвост львиную шкуру, разостланную на полу, оттащил ее в угол комнаты и улегся.

— Что вы делаете, Шико? — спросил король.

— Государь,— ответил Шико,— говорят, что ночь — хороший советчик. Почему так говорят? Потому, что ночью спят. Я буду спать, государь, а завтра на свежую голову отвечу моему кузену де Гизу.

И он растянулся на шкуре во всю ее длину.

Герцог метнул на гасконца яростный взгляд; Шико, приоткрыв один глаз, перехватил его и ответил храпом, подобным раскату грома.

— Итак, государь,— спросил герцог,— что думает ваше величество?

— Я думаю, вы правы, как всегда, кузеп, соберите же ваших главных лигистов, придите сюда вместе с ними, и я наберу человека, в котором нуждается религия.

— А когда, государь? — спросил герцог.

— Завтра.

И, пронося это слово, король искусно разделил свою улыбку, адресовав одну половину герцогу де Гизу, а другую — герцогу Анжуйскому.

Последний собирался было удалиться вместе с придворными, но только он шагнул к дверц, как Генрих сказал:

— Оставайтесь, брат мой, я хочу с вами поговорить.

Герцог де Гиз на мгновение сжал рукою свой лоб, словно желая собрать воедино поток мыслей, а затем вышел вместе со своей свитой и исчез под сводами галерей.

Еще через минуту загремели радостные клики толпы, приветствовавшей выход герцога из Лувра точно так же, как она приветствовала его вступление в Лувр.

Шико продолжал храпеть, но мы не поручались бы за то, что он действительно спал.

Глава XXXVIII КАСТОР И ПОЛЛУКС

Задержав у себя брата, король отпустил своих фаворитов.

Во время предыдущей сцены герцогу Анжуйскому удалось сохранить для всех, кроме Шико и герцога де Гиза, вид полного равнодушия к происходящему, и теперь он без всякого недоверия отнесся к приглашению Генриха. Он не подозревал, что гасконец заставил короля взглянуть в его сторону и тот увидел неосторожный палец, поднесенный к губам.

— Брат мой,— сказал Генрих, большими шагами расхаживая от дверц до окна, после того как он убедился, что в кабинете не осталось никого, кроме Шико,— знаете ли вы, что я счастливейший король на земле?

— Государь,— сказал принц,— счастье вашего величества, если только вы действительно почитаете себя счастливым, не более чем вознаграждение, ниспосланное вам небом за ваши заслуги.

Генрих посмотрел на своего брата.

— Да, я очень счастлив,— подтвердил он,— потому что если великие идеи не осеняют мою голову, они осеняют головы тех, кто меня окружает. Мысль, которую только что изложил перед нами мой кузнец Гиз, это великая идея.

Герцог поклонился в знак согласия.

Шико открыл один глаз, словно он плохо слышал с закрытыми глазами или ему было необходимо видеть лицо короля, чтобы постигнуть подлинный смысл королевских слов.

— И в самом деле,— продолжал Генрих,— стоит собрать под одним знаменем всех католиков, создать королевство церкви, незаметно вооружить таким образом всю Францию от Кале до Лангедока, от Бретани до Бургундии, и у меня всегда будет армия, готовая выступить против Англии, Фландрии или Испании, а Англия, Фландрия или Испания ничего и не заподозрят. Понимаете ли вы, Франсуа, какая это гениальная мысль?

— Не правда ли, государь? — сказал герцог Анжуйский, обрадованный тем, что король разделяет взгляды его союзника, герцога де Гиза.

— Да, и, признаюсь, я испытываю горячее желание щедро вознаградить автора столь мудрого проекта.

Шико открыл оба глаза, но тут же закрыл их; он уловил на лице короля одну из тех неприметных улыбок, которые мог увидеть только он, знавший Генриха лучше всех остальных; этой улыбки ему было достаточно.

— Да,— продолжал король,— повторю, такой проект заслуживает награды, и я сделаю все для того, кто его задумал. Скажите мне, Франсуа, действительно ли герцог де Гиз отец этой превосходной идеи или, вернее сказать, зачинатель этого великого дела? Ведь дело уже начато, не так ли, брат мой?

Герцог Анжуйский кивнул головой, подтверждая, что к исполнению замысла действительно уже приступили.

— Тем лучше, тем лучше,— повторил король.— Я сказал, что я очень счастлив, мне надо было бы сказать — я слишком счастлив, Франсуа, ибо моих ближних не только осеняют великие идеи, но мои ближние, горя желанием послужить своему королю и родственнику, еще

и сами претворяют эти идеи в жизнь. Однако я у вас спросил, дорогой Франсуа,— продолжал Генрих, положив руку на плечо своему брату,— я у вас спросил, действительно ли за такую поистине королевскую мысль я должен благодарить моего кузена Гиза?

— Нет, государь, ее выдвинул кардинал Лотарингский более двадцати лет тому назад, и только ночь святого Варфоломея помешала ее исполнению или, вернее, временно сделала его ненужным.

— Ах, какое несчастие, что кардинал Лотарингский скончался! — сказал Генрих. — Я бы сделал его папой после смерти его святейшества Григория Тринадцатого. Тем не менее нельзя не признать,— продолжал он с видом полнейшего простодушия, который умел принимать на себя лучше любого французского комедианта,— тем не менее нельзя не признать, что его племянник унаследовал эту идею и заставил ее плодоносить. К сожалению, я не в силах сделать его папой, но я его сделаю... Чем бы таким его наградить, Франсуа, таким, чего бы у него еще не было?

— Государь,— сказал Франсуа, обманутый словами своего брата,— вы преувеличиваете заслуги нашего кузена. Как я уже говорил, для него эта идея — только наследственное владение, и есть человек, который весьма помог ему возделывать это владение.

— Его брат, кардинал, не так ли?

— Само собой, он тоже этим занимался, однако не он был тем человеком.

— Значит, герцог Майеннский?

— О государь, вы оказываете ему слишком много чести!

— Ты прав. Нельзя и подумать, чтобы какая-нибудь дальняя политическая мысль могла прийти в голову этому мяснику. Но кому же я должен быть признателен, Франсуа, за помощь, оказанную моему кузену?

— Мне, государь,— сказал герцог.

— Вам! — воскликнул Генрих, словно бы вне себя от изумления.

Шико открыл один глаз.

Герцог поклонился.

— Как! — сказал Генрих. — В то время, когда весь мир ополчился на меня, проповедники обличают мои пороки, поэты и пасквилянты высмеивают мои недостатки, мудрые политиканы указывают на мои ошибки, в то вре-

мя, когда мои друзья смеются над моей беспомощностью, когда общее положение стало настолько ненадежным и запутанным, что я хуюю прямо на глазах и каждый день нахожу у себя все новые и новые седые волосы, подобная идея приходит в голову вам, Франсуа, человеку, в котором, должен вам признаться (известно, что люди слабы, а короли слепы), в котором я не всегда видел друга. Ах, Франсуа, как я виноват!

И Генрих, растроганный до слез, протянул своему брату руку.

Шико открыл оба глаза.

— Подумайте,— продолжал Генрих,— какая победительная идея! Ведь я не могу ни ввести новый налог, ни объявить набор в армию, не вызывая криков, я не могу ни гулять, ни спать, ни любить, не вызывая смеха. И вот идея господина де Гиза или, скорее, ваша, Франсуа, разом дает мне армию, деньги, друзей и покой. Теперь, чтобы этот покой был длительным, Франсуа, нужно только одно...

— Что именно?

— Мой кузен тут говорил, что великое движение должно иметь своего вождя.

— Да, несомненно.

— Этим вождем, поймите меня правильно, Франсуа, не может быть ни один из моих фаворитов. Ни один из них не обладает одновременно и умом и сердцем, необходимыми для такого крутого влета. Келюс храбр, но бедняга занят только своими любовными похождениями. Монжирон храбр, но его тщеславие не простирается дальше нарядов. Шомберг храбр, но не отличается умом, даже его лучшие друзья вынуждены это признать. Д'Эспернон храбр, но он писквозь лицемерец, я не верю ни одному его слову, хотя и встречаю его с улыбкой на лице. Ведь вы знаете, Франсуа,— все более и более неспридуманно говорил Генрих,— одна из самых тяжелых обязанностей короля в том, что король все время должен притворяться. Поэтому, видите,— добавил он,— всякий раз, когда я могу говорить от чистого сердца, как сейчас, я дышу свободно.

Шико закрыл оба глаза.

— Ну так вот,— заключил Генрих,— если мой кузен де Гиз возымел эту идею, идею, в развитии которой вы, Франсуа, приняли такое большое участие, то, вероятно, ему и подобает взять на себя приведение ее в действие.

— Что вы сказали, государь? — воскликнул Франсуа, задыхаясь от тревожного волнения.

— Я сказал, что для руководства таким движением нужен великий принц.

— Государь, остерегитесь!

— Великий полководец, ловкий дипломат.

— Прежде всего ловкий дипломат, — заметил герцог.

— Полагаю, вы согласитесь, Франсуа, что герцог де Гиз во всех отношениях подходит на этот пост? Не правда ли?

— Брат мой, — сказал Франсуа, — Гиз и так уже слишком могуществен.

— Да, конечно, — сказал Генрих, — но его могущество — залог моей силы.

— У герцога де Гиза — армия и буржуазия, у кардинала Лотарингского — церковь, Майенн — орудие своих братьев; вы собираетесь объединить слишком большие силы в руках одной семьи.

— Вы правы, Франсуа, — сказал Генрих, — я об этом уже думал.

— Если бы еще Гизы были французскими принцами, тогда бы это можно было понять; тогда в их интересах было бы возвышение династии французских королей.

— Нет сомнения, но, к несчастью, они — лотарингские принцы.

— Их дом вечно соперничал с нашим.

— Франсуа, вы коснулись открытой раны. Смерть Христова! Я и не думал, что вы такой хороший политик. Ну да, вот она, причина, почему я худею и до времени покрываюсь седью. Вот она — возвышение Лотарингского дома рядом с нашим. Поверьте мне, Франсуа, не проходит дня без того, чтобы трона Гизов — вы очень верно подметили: у них у троих все в руках, — не проходит дня, чтобы либо герцог, либо кардинал, либо Майенн, все равно, не один, так другой, дерзостью или ловкостью, силой или хитростью не урвали бы еще какой-нибудь клочок моей власти, не похитили бы еще какую-нибудь частицу моих привилегий, а я, такой, какой я есть — слабый и одинокий, ничего не могу сделать против них. Ах, Франсуа, если бы наше сегодняшнее объяснение произошло раньше, если бы я раньше мог читать в вашем сердце, как я читаю сейчас! Конечно, имея в вас опору, я мог бы успешнее сопротивляться им, чем до сих пор. Но теперь, вы сами видите, уже поздно.

— Почему поздно?

— Потому, что без борьбы они не уступят, а любая борьба меня утомляет. Посему я и назначу его главой Лиги.

— Вы совершите ошибку, брат,— сказал Франсуа.

— Но кого, по-вашему, я должен назначить, Франсуа? Кто согласится занять этот опасный пост? Да, опасный. Разве вы не понимаете замысел герцога? Он уверен, что главой Лиги я назначу его.

— Ну и что?

— Да то, что всякий другой пзбранник станет его кровным врагом.

— Назначьте человека, достаточно сильного, который, опираясь на ваше могущество, мог бы не бояться всех трех соединенных лотарингцев.

— Э, мой добрый брат,— сказал Генрих с унынием в голосе,— я не знаю никого, кто отвечал бы вашим условиям.

— Посмотрите вокруг, государь.

— Вокруг себя я вижу только вас и Шико, мой брат, и вы оба мои подлинные друзья.

— Ого! — проворчал Шико. — Неужели он и меня собирается одурачить?

И снова закрыл глаза.

— Ну,— сказал герцог,— вы все еще не понимаете, братец?

Генрих возвратился на герцога Алжуйского, словно бы с его глаз вдруг спала пелена.

— А, вот как! — воскликнул он.

Франсуа молча кивнул головой.

— Нет, нет,— сказал Генрих,— вы никогда на это не согласитесь. Задача слишком тяжелая; это не для вас — изо дня в день подгонять ленивых буржуа, заставляя их обучаться военному искусству, это не для вас — изо дня в день просматривать речи всех проповедников, это не для вас — в случае если разгорится битва и улицы Парижа превратятся в бойню, брать на себя роль мясника. Для этого надо быть одним в трех лицах, как герцог де Гиз, и иметь правую руку, которая звалась бы Карл, и левую руку, которая звалась бы Луи. Вы знаете, в день святого Варфоломея герцог многих поубивал собственноручно, не правда ли, Франсуа?

— Слишком многих, государь!

— Возможно, он действительно переусердствовал. Но вы оставили без ответа мой вопрос, Франсуа. Как! Неужели вам придется по душе занятие, которое я вам описал? Вы будете заискивать перед этими ротоэями в самодельных кирасах, в кастрюлях, которые они напялят на головы вместо касок? И вы будете искать популярности, вы, самый большой вельможа нашего двора? Клянусь жизнью, брат, как люди меняются с годами!

— Может быть, я бы и не стал этим заниматься ради самого себя, государь, но, конечно, ради вас я сделаю все.

— Добрый брат, превосходный брат! — растрогался Генрих, пытаясь вытереть кончиком пальца не существующую слезу.

— Итак, — сказал Франсуа, — вы не возражаете, Генрих, если я возьмусь за дело, которое вы намеревались поручить герцогу Гизу?

— Мне возражать! — воскликнул Генрих. — Клянусь рогами дьявола! Нет, я не только не возражаю, наоборот, меня просто пленяет ваше предложение. Значит, и вы тоже, и вы думали о Лиге? Тем лучше, — смерть Христиана! — тем лучше! Значит, и вы тоже были немножко причастны к этой идее? Да что я — немножко! Весьма и весьма основательно. А потом все, что вы мне тут наговорили, ей-богу, это просто восхитительно! Поистине меня окружают только великие умы, меня, величайшего осла в своем королевстве.

— О! Ваше величество позвольте шутить.

— Я? Да боже сохрани! Положение слишком серьезное. Я говорю то, что думаю, Франсуа. Вы меня спасаете от большого затруднения, особенно большого потому, что, видите ли, Франсуа, с некоторых пор я чувствую себя нездоровым, мои способности слабеют. Мирон мне часто твердит об этом. Но давайте вернемся к более важным вещам; да и зачем мне мой собственный жалкий умшк, если я могу освещать себе путь светом вашего ума? Значит, мы договорились и я назначу вас главой Лиги?

Франсуа охватила радостная дрожь.

— О, — сказал он, — если ваше величество считает меня достойным такого доверия!

— Доверил! Ах, Франсуа, зачем говорить о доверии? Если герцог де Гиз не будет главой Лиги, то кому, потвоему, я должен не доверять? Может быть, самой Лиге? Неужто Лига будет представлять опасность для меня? Объяснись, мой добрый Франсуа, скажи мне все,

— О государь, — сказал герцог.

— Какой же я дурак! — продолжал Генрих. — Будь так, мой брат не согласился бы стать ее главой, или, еще лучше, с той минуты, когда мой брат станет ее главой, опасности больше не будет. А! Как это логично, видно, наш учитель логики не даром брал деньги. Нет, ей-богу, я не испытываю опасений. К тому же у меня во Франции до сих пор есть немало людей шпаги, и я могу выступить против Лиги в хорошей компании в тот день, когда Лига начнет паступать мне на пятки.

— Ваша правда, государь, — ответил герцог с простодушьем, почти столь же хорошо разыгранным, как и простодушие его брата, — король всегда король.

Шико открыл один глаз.

— Черт побери! — сказал Генрих. — Но, как пазло, к мне пришла в голову одна мысль. Просто невероятно, какой у меня сегодня урожай на мысли. Бывают же такие дни!

— Какая мысль, братец? — спросил герцог, сразу обеспокоившись, ибо он не мог поверить, что такое огромное счастье достанется ему безо всяких помех.

— Э, наш кузен Гиз, отец или, вернее, человек, считающий себя отцом этой идеи, наш кузен Гиз, вероятно, уже вбил себе в голову, что он должен руководить Лигой. Он тоже захочет командовать.

— Командовать, государь?

— Без сомнения, даже без всякого сомнения. По-видимому, он вынашивал эту идею лишь для того, чтобы она ему служила. Впрочем, ты говоришь, вы вынашивали ее вместе. Берегись, Франсуа, этот человек не захочет оставаться в дураках. *Sic vos pop vobis...* — Вы помните Вергилия? — *nidificatis, aves*¹.

— О государь!

— Франсуа, бьюсь об заклад, что он об этом помышляет. Он знает, какой я беспечный.

— Да, но как только вы объявите ему вашу волю, он уступит.

— Или сделает вид, что уступил. Повторяю: берегитесь, Франсуа, у него длинные руки, у нашего кузена Гиза. Я скажу даже больше, скажу, что у него длинные руки и никто в королевстве, даже сам король, не может

¹ Так вы не для себя строите гнезда, птицы (*лат.*).

дотянуться туда, куда он дотягивается. Одну руку он протягивает Испаниям, другую — Англии, дою Хуану Австрийскому и королеве Елизавете. У Бурбона шпага была покорооче руки моего кузена Гиза, и все же Бурбон причинил немало неприятностей Франциску Первому, нашему деду.

— Однако, — сказал Франсуа, — если ваше величество считает Гиза столь опасным, значит, у вас есть еще одна причина доверить руководство Лигой мне. Таким путем мы зажмем Гиза между нами двумя и, при первой же пзмене с его стороны, устроим ему судебный процесс.

Шико открыл второй глаз.

— Судебный процесс! Судебный процесс ему, Франсуа! Хорошо было Людовику Одипнадцатому, богатому и могущественному королю, устраивать судебные процессы и возводить эшафоты, а у меня не хватит денег даже на покупку черного бархата, который может потребоваться в подобном случае.

И Генрих, несмотря на все свое самообладание в глубине души сильно взволнованный, бросил на брата острый, пронзительный взгляд, блеска которого герцог не смог вынести.

Шико закрыл оба глаза.

В комнате наступило непродолжительное молчание.

Король нарушил его первым.

— Стало быть, надо все устроить так, мой милый Франсуа, — сказал он, — чтобы не было междоусобных войн и распрей между моими подданными. Я сын Генриха Воителя и Екатерины Хитрой, я от моей доброй матушки унаследовал чуточку коварства. Я призыву к себе герцога де Гиза и наобещаю ему столько разных благ, что мы уладим наше дело по обоюдному согласию.

— Государь, — воскликнул герцог Анжуйский, — ведь вы поставите меня во главе Лиги?

— Я так думаю.

— Вы согласны, что я должен получить этот пост?

— Вполне.

— Наконец, вы сами-то этого хотите?

— Это мое самое горячее желание. Однако не следует вызывать чрезмерное неудовольствие кузена де Гиза.

— Коли так, будьте спокойны, — сказал герцог Анжуйский. — Если на пути к моему назначению вы не видите других препятствий, то я беру на себя лично уладить все с герцогом.

— И когда?
— Сегодня же.
— Неужто вы поедете к нему? Вы нанесете ему визит? О брат, подумайте хорошенько, не слишком ли много чести.

— Нет, государь, я не поеду к нему.

— Ну а тогда как?

— Он меня ожидает.

— Где?

— У меня в Лувре.

— У вас? Но я слышал крики, его приветствовали при выезде из Лувра.

— Выехав через главные ворота, он вернется через потайную дверь. Король имеет право на первый визит герцога де Гиза, но я имею право на второй.

— Ах, брат мой,— сказал Генрих,— как я вам признателен за то, что вы строго блюдете наши привилегии, которые я, по слабости характера, иной раз упускаю из рук. Идите же, Франсуа, и договаривайтесь.

Герцог взял руку брата и наклонился, собравшись запечатлеть на ней поцелуй.

— Что вы делаете, Франсуа? Придите в мои объятия, я прижму вас к сердцу! — воскликнул король. — Там ваше настоящее место.

И братья, несколько раз крепко обнялись. Обретя наконец свободу, герцог Анжуйский вышел из кабинета, быстрым шагом миновал галерею и поспешил в свои покои.

На его сердце следовало бы набить стальные и дубовые обручи, как на сердце первого мореплавателя, чтобы оно не разорвалось от радости.

После ухода своего брата король заскрежетал зубами от злости, бросился в потайной коридор, ведущий к спальне Маргариты Наваррской, которую теперь занимал герцог Анжуйский, и вошел в узенькую каморку, откуда можно было слышать беседу между двумя герцогами — Анжуйским и Гизом — так же отчетливо, как Дионисий из своего тайника мог слышать разговоры пленных.

— Клянусь святым чревом! — сказал Шико, открывая оба глаза и усаживаясь на полу. — До чего трогательны эти картины семейного согласия. Одно время мне даже показалось, что я на Олимпе и присутствую при встрече Кастора и Поллукса после шестимесячной разлуки.

В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ПОДСЛУШИВАНИЕ —
САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ ПУТЬ К ПОШИМАНЮ

Герцог де Гиз поджидал герцога Анжуйского в бывших покоях Маргариты Наваррской, где некогда Беарнец и де Муи шепотом, на ухо друг другу, разрабатывали планы бегства. Осторожный Генрих Наваррский знал, что в Лувре почти каждое помещение устроено с расчетом на то, чтобы все разговоры в нем, даже ведущиеся вполголоса, мог бы подслушать тот, кого это интересовало. Герцог Анжуйский также не пребывал в неведении относительно такого немаловажного обстоятельства, но, очарованный простодушием и ласковым обращением короля, либо не придавал ему должного значения, либо просто забыл о нем.

Генрих III, как мы уже сказали, занял свой наблюдательный пост в ту самую минуту, когда его брат вошел в комнату; таким образом, ни одно слово из беседы двух принцев не могло ускользнуть от королевских ушей.

— Ну как, монсеньер? — с живостью спросил герцог де Гиз.

— Все хорошо, герцог, заседание состоялось.

— Вы были очень бледны, монсеньер.

— Это бросалось в глаза? — обеспокоился герцог Анжуйский.

— Мне бросилось, монсеньер.

— А король ничего не заметил?

— Ничего, по крайней мере мне так кажется. Его величество задержал ваше высочество у себя?

— Как вы видели, герцог.

— Оп, конечно, хотел поговорить с вами о моем предложении?

— Да, сударь.

Наступило неловкое молчание, смысл которого хорошо понял король, не упустивший ничего.

— И что же сказал его величество, монсеньер? — спросил герцог де Гиз.

— Сама идея королю понравилась, однако чем более гигантский размах она грозит принять, тем более ему кажется опасным ставить во главе всего дела такого человека, как вы.

— Тогда мы близки к поражению.

— Боюсь, что так, любезный герцог, и Лигу, по-
мощи, могут распустить.

— Вот дьяволищина! — огорчился герцог де Гиз. —
Это значит умереть, не родившись; кончить, не начав.

— Оба они завязтые остряки, что тот, что другой, —
раздался над самым ухом Генриха, склонившегося у
своего слухового отверстия, чей-то тихий и ехидный
голос.

Король резко обернулся и увидел большое тело Шико,
согнувшееся у другого отверстия.

— Ты посмел пойти за мной, пегодяй! — вскипел
король.

— Замолчи, — сказал Шико, махнув рукой, — ты ме-
шаешь мне слушать, сын мой.

Король пожал плечами, но поскольку шут, как ни
говори, был единственным человеческим существом, ко-
торому он полностью доверял, снова прищипнул ухом к от-
верстию.

Герцог де Гиз заговорил опять.

— Монсеньер, — сказал он, — мне кажется, что если
бы дело обстояло так, как вы сказали, король тут же
объявил бы мне об этом. Принял он меня довольно
сурово и, конечно, не стал бы сдерживаться и высказал
бы мне в лицо все свои мысли. Может быть, он просто
хочет отстранить меня от Лиги.

— Мне тоже так кажется, — промямлил герцог Ан-
жуйский.

— Но тогда он погубит все дело.

— Непременно, — подтвердил герцог Анжуйский, —
и так как мне было известно, что вы уже присту-
пили к исполнению своей идеи, то я бросился вам на вы-
ручку.

— И чего вы добились, монсеньер?

— Король предоставил вопрос о Лиге, то есть о том,
вдохнуть ли в нее новую жизнь или навсегда ее уничто-
жить, почти на полное мое усмотрение.

— Ну и что вы решили? — спросил герцог Лотаринг-
ский, глаза которого сверкнули помимо его воли.

— Слушайте, все зависит от утверждения королем
главных заправил, вы это прекрасно понимаете. Если
вместо того, чтобы устранить вас и распустить Лигу, он
изберет ее главой человека, понимающего значение всего
дела, если он назначит на этот пост не герцога де Гиза,
а герцога Анжуйского...

— Ах, вот как! — вырвалось у герцога де Гиза, который не смог сдержать ни восклицания, ни внезапного прилива крови к лицу.

— Добро! — сказал Шико. — Два дога сейчас поедутся из-за кости.

Но, к немалому удивлению гасконца и к еще большему удивлению короля, который гораздо менее своего шута разбирался в потайных пружинах разыгрывавшегося перед ним действия, герцог де Гиз внезапно перестал удивляться и гневаться и сказал спокойным, почти веселым голосом:

— Вы ловкий политик, монсеньер, если вы этого добились.

— Я этого добился, — ответил герцог Анжуйский.

— И как быстро!

— Да. Но надо вам сказать, что сложились благоприятные обстоятельства, и я этим воспользовался. Однако, любезный герцог, — добавил Франсуа, — еще ничего окончательно не решено, я не пожелал дать окончательного ответа, пока не увижу вас.

— Почему, монсеньер?

— Потому что я не знаю, куда это нас приведет.

— Зато я знаю, — сказал Шико.

— Тут пахнет небольшим заговором, — улыбнулся король.

— О котором, однако, господин де Морвилье, по моему мнению всегда во всем прекрасно осведомленный, ни словом не обмолвился. Но давай послушаем дальше, дело становится интересным.

— Ну что ж, я скажу вам, монсеньер, не о том, куда это нас приведет, ибо только один господь бог это знает, а о том, для чего это нам нужно, — ответил герцог де Гиз. — Лига — вторая армия, и поскольку первая у меня в руках, а брат мой, кардинал, держит в руках церковь, то, пока мы все трое едины, ничто не может устоять против нас.

— Но следует забывать и того, — сказал герцог Анжуйский, — что я вероятный наследник короны.

— Ах! — вздохнул король.

— Он прав, — сказал Шико, — и это твоя вина, сын мой. Ты все еще не удосужился соединить рубашки Шартрской богоматери.

— Однако, монсеньер, как бы ни были велики ваши шансы на наследование короны, вы должны также считаться и с шансами ваших противников.

— А вы думаете, герцог, я этим не занимался и не взвешивал по сто раз на дню возможности каждого из них?

— Прежде всего подумайте о короле Наваррском.

— О! Этот меня совсем не беспокоит. Он всецело занят своими амурами с Ла Фоссеа.

— А именно он, сударь, именно он будет оспаривать у вас даже завязки вашего кошелька. Он обносился, он исхудал, он изголодался. Он напоминает уличных котов, которые, заслышав всего лишь запах мыши, целыми ночами будут дежурить у чердачного окна, в то время как жирный, пушистый, ухоженный хозяйский кот и не шелохнется и не подумает выпустить когти из своих бархатных лапок. Король Наваррский за вами следит. Он настороже. Он не теряет из виду ни вас, ни вашего брата. Он жаждет вашего трона. Подождите, пока случится несчастье с тем, кто сидит на этом троне, и вы увидите, как эластичны мышцы у этого худого кота, как он одним прыжком перемахнет из По в Париж и даст вам почувствовать свои острые когти. Вы увидите, монсеньер, вы все увидите.

— Случится несчастье с тем, кто сидит на троне? — медленно повторил Франсуа, вперившись в герцога де Гиза вопрошающим взглядом.

— Эге! — сказал Шико. — Слушай, Генрих. Гиз говорит илд, вернее, сейчас наговорит много чего поучительного, советую тебе намотать его слова на ус.

— Да, монсеньер, — повторил герцог де Гиз. — Несчастный случай! Несчастные случаи не столь уж редки в вашем семействе, вы это знаете не хуже меня, а может быть, даже и лучше. Бывает, что монарх, наделенный цветущим здоровьем, вдруг истаявает, как свеча. Другой монарх рассчитывает жить долгие годы, а жизни ему осталось несколько часов.

— Ты слышишь, Генрих? Ты слышишь? — сказал Шико, беря короля за руку. Рука короля, покрытая холодным потом, дрожала.

— Да, вы правы, — сказал герцог Анжуйский голосом настолько глухим, что королю и Шико пришлось напяречь слух до предела. — Короли нашей династии рождаются под роковой звездой. Однако мой брат Генрих Третий, благодарение господу, крепок телом. В былые времена он перенес тяготы войны и выдюжил, тем больше оснований полагать, что выстоит он и теперь, когда его жизнь —

одни лишь сплошные развлечения. Он переносит их так же стойко, как ранее переносил бранный труд.

— И все же, монсеньер, не забывайте об одном, — возразил герцог де Гиз, — развлечения, которым предаются короли Франции, порой таят в себе опасность. К примеру, помните, как умер ваш отец, король Генрих Второй? Ведь ему тоже удалось успешно избежать опасностей войны, а смерть принесло ему одно из тех развлечений, о которых вы упоминали. Железный наконечник на копье Монтомери, несомненно, был турнирным оружием, брони он пробить не мог, но зато глаз пробил: король Генрих Второй был убит. Вот вам и несчастный случай, один из тех, о которых я говорил. Вы скажете, что пятнадцать лет спустя королева-мать приказала схватить и обезглавить Монтомери, хотя он думал, что за давностью лет ему уже нечего бояться. Все это так, однако смерть Монтомери не могла воскресить вашего родителя. А вспомните вашего брата, покойного короля Франциска. Подумайте, какой ущерб во мнении народов причинила ему слабость его духа. Этот достойный принц умер также из-за несчастного случая. Согласитесь со мной, монсеньер, болезнь уха — самое простое дело, и казалось бы, никакая, к дьяволу, не роковая случайность. И тем не менее это была роковая случайность, и одна из самых губительных. Правда, мне не раз и в поле, и в городе, и даже при дворе приходилось слышать, что смертельный педуг был влит в ухо короля Франциска Второго, а того, кто это сделал, вряд ли можно назвать «случайностью». У него есть другое имя, всем известное.

— Герцог... — краснея, пробормотал Франсуа.

— Да, монсеньер, да, — продолжал герцог, — слово «король» с некоторых пор приносит несчастье, тот, кто говорит «король», этим самым говорит «подвергающийся опасности». Вспомните Антуана Бурбонского: несомненно, не будь он королем, не было бы и аркебузного выстрела, угодившего в плечо, — несчастного случая, который для всякого другого, кроме короля, ни в коей мере не был бы смертелен. Однако короля этот выстрел отправил на тот свет. Глаз, ухо и плечо не раз погружали Францию в траур, и тут я даже вспоминаю премильные стишки, сочиненные по этому поводу вашим господином де Бюсси.

— Какие стишки? — шепотом поинтересовался Генрих.

— Полно! — ответил Шико. — Да неужто ты их не знаешь?

— Нет.

— Нет, решительно, быть тебе настоящим королем, раз от тебя прячут подобные произведения. Я сейчас скажу их, слушай:

Через ухо, плечо и глаз
Три короля погибла у нас.
Через ухо, глаз и плечо
Трех королей у нас недочет.

Но тс-с! Тс-с! Думается, твой братец собирается сказать что-то еще более интересное.

— Ну а последнее двустигшие?

— Я тебе его прочту попозже, когда господин де Бюсси из своего шестистигшия сделает десятистигшие.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что на семейном портрете не хватает двух лиц. Но слушай, монсеньер де Гиз сейчас заговорит — уж он-то их не забудет.

Действительно, беседа возобновилась.

— А ведь история ваших родственников и ваших союзников, монсеньер, — продолжал герцог де Гиз, — далеко не полностью вошла в стихи господина де Бюсси.

— Что я тебе говорил! — сказал Шико, подталкивая Генриха локтем в бок.

— Не надо забывать Жанну д'Альбре, мать Беарца, она умерла из-за носа, потому что надышалась запахом пары надушенных перчаток, купленных у Флорентинца, на мосту Сен-Мишель. Совершенно неожиданная роковая случайность. Она удивительно совпала с желаниями неких важных персон, кровно заинтересованных в смерти королевы Наваррской, и это странное совпадение чрезвычайно поразило весь двор. А вас, монсеньер, разве не поразила эта смерть?

Вместо ответа герцог Анжуйский только нахмурился: наспуленные брови придали взгляду его глубоко посаженных глаз еще более мрачное выражение.

— А разве ваше высочество позабыли, по какой роковой случайности умер король Карл Девятый? — продолжал герцог. — Однако не лишне будет ее вспомнить. На сей раз причиной несчастья был не глаз, не ухо, не плечо, не нос, а рот.

— Что вы сказали? — воскликнул Франсуа.

И Генрих услышал, как по паркету звонко простучали шаги его брата, отступившего в испуге.

— Да, монсеньер, рот, — повторил Гиз, — особую опасность для королей таят книги об охоте, у которых страницы склеиваются одна с другой; перелистывая их, приходится то и дело подносить палец ко рту. Эти старые книги портят слюну, а человек с испорченной слюной, будь он даже король, не заживется на свете.

— Герцог! Герцог! — дважды повторил принц. — По-видимому, вам правится измышлять преступления.

— Преступления? — удивился Гиз. — Э, да кто вам говорит о преступлениях, монсеньер? Я рассказываю только о роковых случайностях, не более того. О роковых случайностях, поймите меня правильно; ни о чем другом и речи нет, кроме случайностей. А разве нельзя назвать случайностью то, что приключилось с королем Карлом Девятым на охоте?

— Черт возьми, — сказал Шико, — вот что-то новенькое для тебя, Генрих, ведь ты охотник; слушай, слушай же, это должно быть любопытно.

— Я знаю об этом, — сказал Генрих.

— Да, но я не знаю; в то время я еще не был представлен ко двору. Дай мне послушать, сын мой.

— Вам известно, монсеньер, какую охоту я имею в виду? — продолжал лотарингский принц. — Я имею в виду ту охоту, когда вы, побуждаемый великодушным желанием убить кабана, напавшего на вашего старшего брата, выстрелили с такой поспешностью, что попали не в зверя, в которого целились, а в коня, в которого вовсе и не метили. Этот аркебузный выстрел, монсеньер, весьма наглядно показывает, как коварен случай. И в самом деле, ваша необычайная меткость всем известна при дворе. Ваше высочество всегда стреляли без промаха, и этот неожиданный промах, наверное, вас очень удивил, тем более что злые языки тут же принялись болтать: дескать, падение короля, придавленного лошадью, неминуемо привело бы к его гибели, не вмешайся король Наваррский и не заколи он так удачно кабана, в которого вы, ваше высочество, не попали.

— Полноте, — сказал герцог Анжуйский, пытаюсь вернуть себе уверенность, в которой беспощадная ирония герцога де Гиза пробила зияющую брешь. — Какую пользу мог я извлечь из смерти короля, моего брата, если Карлу Девятому должен был наследовать Генрих Третий?

— Минуточку, монсеньер, давайте разберемся: в те годы уже был один незанятый трон — польский. Смерть

Карла Девятого оставляла вакантным еще один — французский. Нет сомнения, ваш брат, я это отлично понимаю, не колеблясь, выбрал бы французский трон. Но, на худой конец, и Польское королевство — весьма лакомый кусочек. Говорят, что некоторые принцы питали честолюбивые помыслы даже насчет жалкого маленького престолошника короля Наваррского. К тому же смерть Карла Девятого приблизила бы вас на одну ступень к французскому трону, значит, все эти роковые случайности шли вам на пользу. Королю Генриху Третьему потребовалось десять дней, чтобы вернуться из Варшавы. Почему бы вам не сделать то же самое, если вдруг прозойдет новая роковая случайность?

Генрих III посмотрел на Шико, Шико, в свою очередь, посмотрел на короля, но на этот раз во взгляде шута не было обычно присущего ему выражения лукавой иронии или сарказма, нет, на его лице, ставшем бронзовым под лучами южного солнца, промелькнула тень ласкового сочувствия.

— И к какому заключению вы приходите, герцог? — спросил Франсуа Анжуйский, чтобы покончить или хотя бы сделать попытку покончить с этим неприятным разговором, в который герцог де Гиз вложил всю свою обиду.

— Монсеньер, я пришел к заключению, что каждого короля подстерегает его роковая случайность, как мы в этом сейчас убедились. И вот вы, вы и воплощаете роковую случайность короля Генриха Третьего, особенно если вы являетесь главой Лиги, поскольку быть главой Лиги — почти то же, что быть королем короля; и это не говоря о том, что, сделавшись главой Лиги, вы уничтожаете роковую случайность своего собственного царствования, которое уже не за горами, то есть — Беарнца.

— Уже не за горами! Ты слышал? — воскликнул Генрих III.

— Клянусь святым чревом! Своими ушами слышал! — сказал Шико.

— Итак?.. — спросил герцог де Гиз.

— Итак, — повторил герцог Анжуйский, — я приму предложение короля. Ведь вы советуете мне его принять, не правда ли?

— Ну еще бы! — сказал лотарингский принц. — Я умоляю вас принять его, монсеньер.

— А вы сегодня вечером?..

— О! Будьте спокойны, уже с утра мои люди дейст-

вуют, и пынче вечером Париж будет являть собой любопытное зрелище.

— А что будет нынче вечером в Париже? — спросил король.

— Как, разве ты не догадываешься?

— Нет.

— О, как ты глуп! Сегодня вечером, сын мой, будут записывать в Лигу. Само собой, открыто записывать, тайная запись ведется уже давно; ждали только твоего согласия, чтобы начать открытую запись, ты его дал нынче утром, и вечером запись начнется. Клянусь святым чревом, Генрих, гляди хорошенько, вот они, твои роковые случайности, ведь у тебя их две... и они не теряют времени даром.

— Хорошо, — сказал герцог Анжуйский, — до вечера, герцог.

— Да, до вечера, — повторил король.

— То есть как? — удивился Шико. — Ты что, Генрих, намерен слоняться нынче по улицам Парижа, подвергаясь опасности?

— Конечно.

— Ты совершишь ошибку.

— Почему?

— Берегись роковых случайностей!

— Не беспокойся, я буду не один; хочешь, пойдем со мной?

— Полно, ты принимаешь меня за гугенота, сын мой. Ну нет, я добрый католик и пынче вечером хочу записаться в Лигу, и даже не один раз, а десять, нет, лучше не десять, а сто раз.

Голоса герцога Анжуйского и герцога де Гиза умолкли.

— Еще одно слово, — сказал король, останавливая Шико, собиравшегося было уходить. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что все короли, ваши предшественники, ничего не знали о своей роковой случайности: Генрих Второй не опасался своего глаза, Франциск Второй — уха, Антуан Бурбон — плеча, Жакна д'Альбре — носа, Карл Девятый — рта. У вас перед ними одно огромное преимущество, мэтр Генрих, ибо — клянусь святым чревом! — вы знаете своего братца, не правда ли, государь?

— Да, — сказал Генрих, — и скоро это всем станет ясно.

Глава XI ВЕЧЕР ЛИГИ

Народные празднества в современном Париже — это всего лишь толпа, более или менее густая, и шум, более или менее громкий. В былые времена праздники в Париже носили совсем иной характер. Любо было смотреть, как в узких улицах, у стен домов, украшенных балконами, резными балками или коньками, кишели мириады людей, как людские потоки со всех сторон стекались к одному и тому же месту. По пути парижане оглядывали друг друга, восхищались или фыркали; порой раздавался и презрительный свист, это означало, что наряд какого-то парижанина или парижанки показался согражданам чересчур уж диковинным. В былые времена одежда, оружие, язык, жесты, голос, походка — словом, все у каждого было своим и особенным; тысячи ни на кого не похожих личностей, собранные воедино, представляли собой весьма любопытное зрелище.

Таким и был Париж в восемь часов вечера того дня, когда монсеньер де Гиз, нанеся визит королю и побеседовав с герцогом Анжуйским, побудил, как он полагал, жителей славной столицы записываться в Лигу.

Толпы горожан, разодетых по-праздничному, надепивших на себя все свое оружие, словно они шли на парад или в бой, хлынули к церквам. Вид у этих людей, влекомых одним и тем же порывом и шагавших к одной и той же цели, был одновременно и жизнерадостный и грозный, последнее особенно бросалось в глаза, когда они проходили мимо караула швейцарцев или разъезда легкой конницы. Этот независимый вид в сочетании с криками, гиканьем и похвальбой мог бы встревожить господина де Морвилье, если бы почтенный магистрат не знал своих добрых парижан: задиры и насмешники, они были не способны стать зачинщиками кровопролития, на это их должен был подвигнуть какой-нибудь мнимый друг или вызвать недалекновидный враг.

На сей раз парижские улицы представляли собой зрелище более живописное, чем обычно, а шум, производимый толпой, был особенно громок, ибо множество женщин, не желая в столь великий день остаться дома, последовали за своими мужьями, и с их согласия и без оного. Некоторые матери семейств поступили и того луч-

ше, они прихватили с собой все свое потомство, и было весьма занятно видеть малышей, как в повозку, впрягшихся в страшные мушкеты, гигантские сабли или грозные алебарды своих отцов. Парижский гамен во все времена, во все века, во все века самозабвенно любил оружие. Когда он был еще не в силах поднять это оружие, он волочил его по земле, а если и на это силенок не хватало — восхищенно глазел на оружие, которое несли другие.

Время от времени какая-нибудь особенно возбужденная компания пзвлекала из ножен старые шпаги. Такое проявление воинственных чувств обычно происходило перед дверями дома, хозяина которого подозревали в кальвинизме. При этом дети вопили во весь голос: «Приди, святой Варфоломей-мей-мей!», а отцы кричали: «Гугенотов на костер, на костер, на костер!»

На крики сначала в оконной раме показывалось бледное лицо старой служанки или гугенотского священника в черном, затем слышался ляг засовов, задвигаемых на входной двери. Тогда буржуа, счастливый и гордый, подобно лафонтеновскому зайцу, тем, что напугал еще большего труса, чем он сам, торжествуя шествовал дальше и выкрикивал под другими окнами свои шумные, но не представляющие реальной опасности угрозы, наподобие того как торговец вразнос выкликает свой товар.

Особенно большое скопление людей образовалось на улице Арбр-Сек. Она была буквально запружена народом. Густая толпа с криком и гомоном текла к ярко горящему большому фонарю, повешенному над вывеской, которую многие наши читатели вспомнят, если мы скажем, что на ней была намалевана курица, поджариваемая на вертеле, и стояла надпись: «Путеводная звезда».

На пороге этой гостиницы разглагольствовал человек в модном в те времена квадратном хлопчатобумажном колпаке, покрывавшем совершенно лысую голову. Одной рукой он потрясал обнаженной шпагой, другой — размахивал большой конторской книгой; листы ее наполовину были уже испещрены подписями.

Человек в колпаке кричал:

— Сюда, сюда, brave католики! Входите в гостиницу «Путеводная звезда», вас ждут доброе вино и радостный прием! Сюда, сюда! Время самое подходящее. Этой ночью чистые будут отделены от нечистых, и завтра поутру мы будем знать, где доброе зерно и где плевелы. Подходите, господа! Те, кто умеет писать, подходите и

самы внесите свои имена в список! Те, кто писать еще не научился, тоже подходите и доверьте расписаться за вас мне, мэтру Ла Юрьеру, либо моему помощнику, господину Крокантену.

Крокантен, юный шалопаи из Перигора, одетый в белое, как Элласен, подпоясанный шнурком, к которому с одного боку были подвешены кухонный нож и чернильница, Крокантен, говорим мы, заранее записал в свою книгу всех соседей, открыв список именем своего достойного патрона, мэтра Ла Юрьера.

— Господа, во имя мессы! — горланил что было сил хозяин гостиницы «Путеводная звезда». — Господа, во имя нашей святой веры!

— Да здравствует святая религия, господа! Да здравствует месса! Ух!..

И он задохнулся от волнения и усталости, ибо уже в течение четырех часов пребывал в восторженном состоянии. Призывы Ла Юрьера находили отклик в сердцах, охваченных не меньшим рвением, и очень многие записывались в его книгу, если они умели писать, или в книгу Крокантена, если писать они не умели. Этот успех особенно льстил Ла Юрьеру еще и потому, что соседняя церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа была для него опасным соперником. К счастью, в ту эпоху насчитывалось такое множество правоверных католиков, что оба эти заведения — гостиница и церковь — не вредили, а помогали друг другу: те, кому не удалось пробиться в церковь, где сбор подписей шел у главного алтаря, пытались проскользнуть к подмосткам Ла Юрьера с его двойной записью, а те, кто не протолкался к подмосткам, сохраняли надежду, что в Сен-Жермен-л'Оксеруа им больше посчастливится.

Когда обе книги — и Ла Юрьера и Крокантена — были заполнены, хозяин гостиницы «Путеводная звезда» немедленно затребовал два новых реестра с тем, чтобы сбор подписей не прерывался ни на минуту; и оба зазывала удвоили старания, гордясь, что их достижения наконец-то вознесут мэтра Ла Юрьера в глазах герцога де Гиза на недостижимую высоту, о коей Ла Юрьер так давно мечтал.

Потоки верующих, уже расписавшихся или желающих расписаться в новых книгах Ла Юрьера, переливались из одной улицы в другую, из одного квартала в другой, когда в этом многолюдии возник высокий худой человек,

который, пробивая себе дорогу шедрыми ударами локтей и пинками, вскоре добрался до книги Крокантена.

Добравшись, он взял перо из рук какого-то честного буржуа, только что поставившего свою подпись, законченную дрожащим хвостиком, открыл чистую белую страницу и сразу всю ее измарал, начертав на ней свое имя буквами величиной в полдюйма и перечеркнув ее героическим росчерком, украшенным кляксами и закрученным, как лабиринт Дедала. Затем он передал перо стоявшему за ним новому претенденту на место в рядах защитников святой веры.

— Шико, — прочел будущий лигист. — Чума поберись, вот господин с превосходным почерком!

И действительно, это был Шико. Он, как мы уже слышали, не пожелал сопровождать Генриха и теперь самостоятельно поддерживал Лигу.

Запечатлев свое усердие в книге господина Крокантена, он тотчас же перешел к книге мэтра Ла Юрьера. Последний, увидев подпись Шико в книге своего подручного, пожелал иметь и в своем списке образчик столь вдохновенного росчерка и встретил гасконца если и не с распростертыми объятиями, то, во всяком случае, с раскрытой книгой. Шико принял перо от торговца шерстью с улицы Бетизи и вторично начертал свое имя с росчерком в сто раз великолепнее первого, после чего спросил у Ла Юрьера, нет ли у него третьей книги.

Ла Юрьер шуток не понимал и вне стен гостиницы терял все свое радушие. Он покосился на Шико, Шико посмотрел ему прямо в глаза. Ла Юрьер пробормотал что-то о проклятых гугенотах, Шико процедил сквозь зубы несколько слов о зазнавшихся кабатчиках, Ла Юрьер отложил свою книгу и взялся за рукоятку шпаги, Шико положил перо, готовясь, в случае необходимости, обнажить свою шпагу. По-видимому, дело явно шло к стычке, в которой владельцу гостиницы «Путеводная звезда» суждено было бы понести одни убытки, но тут Шико почувствовал, что сзади его ударили за локоть, и обернулся.

Перед ним стоял король, переодетый в простого буржуа, а за королем Келюс и Можирон, также переодетые. Миньоны были вооружены рапирами и, кроме того, держали на плече по аркебузе.

— Ну, ну, — сказал король, — что тут происходит? Добрые католики спорят между собой! Клянусь смертью Христовой! Вы подаете дурной пример!

— Сударь, — ответил Шико, не показывая вида, что узнал Генриха. — Обращайтесь к зачинщику. Вот этот ворюга кричит, требуя, чтобы прохожие расписались в его книге, а когда они распишутся, он орет на них еще громче.

Внимание Ла Юрьера отвлекли новые желающие поставить свою подпись, толпа отделила Шико, короля и мпьюонов от заведения фанатичного лигиста, они забрались на какое-то крыльцо и, таким образом, заняли выгодную позицию.

— Какой пыл! — сказал Генрих. — Каким теплом согрета нынче наша религия на улицах моего доброго города!

— Да, государь, но зато еретикам слишком жарко, — заметил Шико, — а вашему величеству известно, что вас принимают за еретика. Взгляните-ка налево, кого вы там видите?

— О! Широкою рожу герцога Майеннского и лисью мордочку кардинала.

— Тс-с!.. Играть наверняка, государь, можно только при условии, что ты знаешь, где твои враги, а твои враги не знают, где ты.

— Значит, по-твоему, я должен чего-то опасаться?

— Э, боже милостивый! В такой толпе ни за что нельзя поручиться. У кого-нибудь в кармане заваялся раскрытый нож, и этот нож вдруг сам собой втыкается в живот соседа. Сосед испускает проклятие, ну а затем ему не остается ничего другого, как отдать душу богу. Пойдемте в другую сторону, государь.

— Меня узнали?

— Не думаю, но вас несомненно узнают, если вы здесь еще задержитесь.

— Да здравствует месса! Да здравствует месса! — с этими кликами людская толпа,двигающаяся со стороны рынка, хлынула, словно прилив, в улицу Арбр-Сек.

— Да здравствует герцог де Гиз! Да здравствует кардинал! Да здравствует герцог Майеннский! — отвечала ей толпа, теснявшаяся у дверей Ла Юрьера, она, видимо, заметила лотарингских князей.

— Что это за крики? — нахмурившись, сказал Генрих III.

— Эти крики доказывают, что каждый хорош на своем месте и там и должен оставаться; герцог де Гиз — на улицах, а вы — в Лувре. Идите в Лувр, государь, идите в Лувр.

— А ты пойдешь с нами?

— Я? Ну нет, сын мой, ты во мне не нуждаешься, с тобой твои обычные защитники. Вперед, Келюс! Вперед, Можирон! А я хочу посмотреть спектакль до конца. Мне он кажется любопытным, даже развлекательным.

— Куда ты пойдешь?

— Пойду расписываться в других списках. Я хочу, чтобы завтра тысяча моих автографов путешествовала по улицам Парпжа. Ну вот мы и на набережной, спокойной ночи, сын мой, иди направо, а я поверну налево — каждому своя дорога. Я побегу в Сен-Мери послушать знаменитого проповедника.

— Ого! Что там еще за шум? — спросил король. — И что это за толпа бежит сюда от Нового моста?

Шико поднялся на цыпочки, но не увидел ничего, кроме кричащего, вопящего, толкающегося народа, который, по-видимому с триумфом, влачил не то человека, не то какой-то предмет.

Толпа достигла того места, где перед улицей Лавандьер набережная расширяется, и людские волны, распространившись направо и налево, расступились и вытолкнули к королю человека, он, очевидно, и был главным действующим лицом этой бурлескной сцены. Так некогда море вынесло чудовище к ногам Ипполита.

Виновик переполоха оказался монахом, сидевшим верхом на осле; монах ораторствовал и жестикулировал.

Осел кричал.

— Клянусь святым чревом! — воскликнул Шико, узнав и всадника и осла. — Я тебе говорил о знаменитом проповеднике, который выступает в Сен-Мери. Теперь нет надобности ходить так далеко, послушай-ка вот этого.

— Проповедник на осле? — усомнился Келюс.

— А почему нет, сын мой?

— Но ведь это Силен, — сказал Можирон.

— Который из двух проповедник? — спросил король. — Они оба кричат одновременно.

— Тот, что внизу, более громогласен, — сказал Шико, — но тот, что наверху, лучше изъясняется по-французски. Слушай, Генрих, слушай.

— Тише! — раздалось со всех сторон. — Тише!

— Тише! — рявкнул Шико, перебив своим голосом крики толпы.

Все замолчали. Народ окружил монаха и осла.

Монах приступил к проповеди.

— Братие, — сказал оп. — Париж превосходный город. Париж — гордость Французского королевства, а парижане — преумнейший народ. Недаром в песне говорится...

И монах затынул во все горло:

Парижанки, милый друг,
Сколько знаешь ты науки!

Услышав эти слова или, скорее, мелодию, осел взялся аккомпанировать. Он кричал с таким усердием и на таких высоких нотах, что заглушил голос своего хозяина.

Толпа загоготала.

— Замолчи, Панург, сейчас же замолчи, — рассердился монах, — ты возьмешь слово, когда дойдет твоя очередь, а сейчас дай мне высказаться первому.

Осед замолчал.

— Братие! — продолжал проповедник. — Земля наша есть юдоль скорби, где человек большую часть своей жизни утоляет жажду одними слезами.

— Да он пьян, мертвецки пьян! — возмущенно воскликнул король.

— Пропади он пропадом! — поддакнул Шико.

— К вам я обращаюсь, — продолжал монах, — я, такой, каким вы меня видите, как еврей, вернулся из изгнания, и уже восемь суток мы с Панургом живем только подавнями и постом.

— А кто такой Панург? — спросил король.

— По всей видимости, настоятель его монастыря, — ответил Шико. — Но дай мне послушать, этот добряк меня трогает.

— И кто меня довел до этого, друзья мои? Ирод! Вы знаете, о каком Ироде я говорю.

— И ты знаешь, сын мой, — сказал Шико. — Я тебе объяснил анаграмму.

— Каналья!

— Кого ты имеешь в виду — меня, монаха или осла?

— Всех троих.

— Братие, — с новой силой возопил монах, — вот мой осел, которого я люблю, как ягвенка. Он вам расскажет, как мы три дня добирались сюда из Вильнев-ле-Руа, чтобы нынче вечером присутствовать на великом торжестве. И в каком виде мы добрались!

Кашелек опустел,
Пересохла глотка.

Но мы с Папургом шли на все,

— Но кого, черт его побери, он зовет Панургом? — спросил Генрих, которого заинтересовало это пантагрюэлистическое имя.

— Мы пришли, — продолжал монах, — посмотреть, что здесь творится; и мы смотрим, но ничего не понимаем. Что тут творится, братие? Случаем, не свергают ли нынче Ирода? Не заточают ли нынче брата Генриха в монастырь?

— Ого! — сказал Келюс. — У меня руки чешутся продырять эту пузатую бочку. А у тебя, как, Можирон?

— Оставь, Келюс, — возразил Шико, — ты кипятишься из-за пустяков. Разве наш король сам не затворяется чуть ли не каждый день в монастыре? Поверь мне, Генрих, если тебе грозит только монастырь, то у тебя нет причин жаловаться, не правда ли, Панург?

Осел, уловив свое имя, поднял уши и ужасающе закричал.

— О, Панург! — сказал монах. — Уйдите ваши страсти. Господа, — продолжал он, — я выехал из Парижа с двумя спутниками: Панургом — моим ослом, и господином Шико, дураком его величества короля. Господа, кто знает, что случилось с моим другом Шико?

Шико поморщился.

— Ах, вот как! — сказал король. — Значит, это твой друг?

Келюс и Можирон дружно захохотали.

— Он прекрасен, твой друг, — продолжал король, — в особенности внушает большое почтение. Как его зовут?

— Это Горанфло, Генрих. Знаешь, тот милый Горанфло, о котором господин де Морвилье уже сказал тебе пару слов.

— Поджигатель из монастыря святой Женевьевы?

— Он самый.

— Раз так, я велю его повесить.

— Невозможно.

— Почему это?

— Потому что у него нет шеи.

— Братие! — продолжал Горанфло. — Братие! Перед вами подлинный мученик. Братие, сегодня народ поднялся на защиту моего дела или, верней сказать, дела всех добрых католиков. Вы не знаете, что происходит в провинции, какую кашу заваривают гугеноты. В Лионе нам пришлось убить одного из них, заядлого подстрека-

теля к мятежу. До тех пор пока во Франции останется хотя бы один гугенотский выводок, добрые католики не будут знать ни минуты покоя! Истребим же гугенотов, всех до последнего. К оружию, братие, к оружию!

Множество голосов повторило: «К оружию!»

— Клянусь кровью Христовой! — сказал король. — Заткните глотку этому пьянице, иначе он нам устроит вторую Варфоломеевскую ночь.

— Подожди, подожди, — отозвался Шико.

И, взяв из рук Келюса сарбакан, он зашел за спину монаха и что было силы вытянул его по лопатке этой звонкой трубкой.

— Убивают! — завопил Горанфло.

— Ах, да это ты! — сказал Шико, высунув голову над руки монаха. — Как поживаешь, отец постник?

— На помощь, господин Шико, на помощь! — кричал Горанфло. — Враги святой веры хотят меня убить! Но прежде чем я умру, пусть все услышат мой голос. В огонь гугенотов! На костер Беарнца!

— Замолчишь ты, скотина?

— К дьяволу гасконцев! — продолжал Горанфло.

В эту секунду уже не сарбакан, а дубинка опустилась на его плечо, исторгнув из глотки монаха непритворный крик боли.

Удивленный Шико оглянулся, но увидел только, как мелькнула дубинка. Нанесший удар человек, на ходу покарив Горанфло, тут же затерялся в толпе.

— Ого! — сказал Шико. — Какому дьяволу вздумалось вступить за гасконцев? Может, это мой земляк? Надо проверить. — И он устремился вслед за человеком с дубинкой, который уходил вдоль по набережной в сопровождении спутника.

Глава I
УЛИЦА ФЕРОНРИ

Шико были крепкие ноги, и он, конечно, не преминул бы воспользоваться этим преимуществом и догнать человека, уда-

рившего Горанфло дубинкой, если бы поведение незнакомца и особенно его спутника не показалось шуту подозрительным и не навело его на мысль, что встреча с этими людьми таит опасность, ибо он может неожиданно узнать их, чего они, по всей видимости, отнюдь не желают. Оба беглеца явно старались поскорее затеряться в толпе, но на каждом углу оборачивались назад, дабы удостовериться в том, что их не преследуют.

Шико подумал, что он может остаться незамеченным, только если пойдет впереди. Незнакомцы по улицам Монэ и Тирешап вышли на улицу Сент-Оноре; на углу этой последней Шико прибавил ходу, обогнал их и притаялся в конце улицы Бурдонэ.

Дальше незнакомцы двинулись по улице Сент-Оноре, держась домов, расположенных на той стороне, где хлебный рынок; шляпы их были надвинуты на лоб по самые брови, лица — прикрыты плащами до глаз; быстрым, по-военному четким шагом они направлялись к улице Феронри. Шико продолжал идти впереди.

На углу улицы Феронри двое мужчин снова остановились, чтобы еще раз оглядеться.

К этому времени Шико успел опередить их настолько, что был уже в средней части улицы.

Здесь, перед домом, который, казалось, вот-вот развалится от ветхости, стояла карета, запряженная двумя

дужими лошадьми. Шико приблизился и увидел возницу, дремавшего на козлах, и женщину, с беспокойством, как показалось гасконцу, выглядывавшую из-за занавесок. Его осенила догадка, что карета ожидает тех двух мужчин. Он обошел ее и, под прикрытием двойной тени — от кареты и от дома, вырнул под широкую каменную скамью, служившую прилавком для торговцев зеленью, которые в те времена дважды в неделю продавали свой товар на улице Феронри.

Не успел Шико забиться под скамью, как те двое были уже возле лошадей и снова остановились, насто-роженно оглядываясь.

Одип из них принялся расталкивать возницу, и так как тот продолжал спать крепким сном праведника, отпустил в его адрес весьма выразительное гасконское проклятие. Между тем его спутник, еще более нетерпеливый, кольнул кучера в зад острием своего кинжала.

— Эге, — сказал Шико, — значит, я не ошибся: это мои земляки. Нет ничего удивительного, что они так слабо отлупили Горанфло, ведь он ругал гасконцев.

Молодая женщина, признав в мужчинах тех, кого она ждала, поспешно высунулась из-за занавесок тяжелого экипажа. Тут Шико смог разглядеть ее получше. Лет ей можно было дать около двадцати или двадцати двух. Она была очень хороша собой и чрезвычайно бледна, и, будь то днем, по легкой испарине, увлажнявшей на висках ее золотистые волосы, по обведенным синевой глазам, по матовой бледности рук, по томности ее позы нетрудно было бы заметить, что она находится во власти недомогания, истинную природу которого очень скоро выдали бы ее частые обмороки и округлившийся стан.

Но Шико из всего этого увидел только, что она молода, бледна и светловолоса.

Мужчины подошли к карете и, естественно, оказались между нею и скамьей, под которой скорчился в три погибели Шико.

Тот, что был выше ростом, взял в свои ладони бело-снежную ручку, протянутую ему дамой, поставил одну ногу на подножку, положил локти на край дверцы и спросил:

— Ну как, моя милочка, сердечко мое, прелесть моя, как мы себя чувствуем?

Дама в ответ с печальной улыбкой покачала головой и показала ему свой флакон с солями.

— Опять обмороки, святая пятница! Как бы я сердился на вас, моя любимая, за то, что вы так расхворались, если бы сам не был виновником вашей приятной болезни.

— И какого дьявола притащили вы госпожу в Париж? — довольно грубо спросил второй мужчина. — Что за проклятие, клянусь честью! Вечно к вашему камзолу какая-нибудь юбка пристегнута.

— Э, дорогой Агриппа, — сказал тот, что заговорил первым и казался мужем или возлюбленным дамы, — ведь так тяжело разлучаться с теми, кого любишь.

И он обменялся с предметом своей любви взглядом, исполненным страстного томления.

— С ума можно сойти, слушая ваши речи, клянусь спасением души! — возмутился его спутник. — Значит, вы приехали в Париж заиматься любовью, мой милый юбочник? По мне, так и в Беарне вполне достаточно места для ваших любовных прогулок и не было нужды забираться в этот Вавилон, где сегодня вечером мы, по вашей милости, уже раз двадцать чуть-чуть не попали в беду. Возвращайтесь в Беарн, коли вам хочется амурничать возле каретных занавесочек, но здесь — клянусь смертью Христовой! — никаких интриг, кроме политических, мой господин.

При слове «господин» Шико возымел желание приподнять голову и поглядеть, но он не мог сделать этого без риска быть обнаруженным.

— Пусть себе ворчит, моя милочка, не обращайтесь внимания. Стоит ему прекратить свою воркотню, и он наверняка заболеет, у него начнутся, как у вас, испарины и обмороки.

— Но, святая пятница, как вы любите поговорить, — воскликнул ворчун, — уж если вам охота любезничать с госпожой, садитесь, по крайней мере, в карету, там безопаснее, на улице вас узнать могут.

— Ты прав, Агриппа, — сказал влюбленный гаскопец. — Вы видите, милочка, советы у него совсем не такие скверные, как его физиономия. Дайте-ка мне местечко, прелесть моя, если вы не против, чтобы я сел возле вас, раз уж я не могу встать на колени перед вами.

— Я не только не против, государь, — ответила молодая дама, — я этого жажду всей душой.

— Государь! — прошептал Шико, невольно приподняв голову, которая крепко стукнулась о камень скамьи. — Государь! Что это она говорит?

Между тем счастливый любовник воспользовался полученным разрешением, и пол кареты заскрипел под допоянительным грузом.

Вслед за скрипом раздался звук продолжительного и нежного поцелуя.

— Клянусь смертью Христовой! — воскликнул мужчина, оставшийся на улице. — Человек и в самом деле всего лишь глупое животное.

— Пусть меня повесят, если я хоть что-нибудь в этом понимаю, — пробормотал Шико. — Но подождем. Терпение и труд все перетрут.

— О! Как я счастлив! — продолжал тот, кого назвали государем, ничуть не обеспокоенный брюзжаньем своего друга, брюзжаньем, к которому он, по всей видимости, давно уже привык. — Святая пятница! Сегодня прекрасный день: одни добрые парижане ненавидят меня всей душой и убили бы без малейшей жалости, другие добрые парижане делают все возможное, чтобы расчистить мне дорогу к трону, а я держу в своих объятиях милую женщину! Где мы сейчас находимся, д'Обинье? Я прикажу, когда стану королем, воздвигнуть на этом месте памятник во славу доброго гения Беарнца.

— Беа...

Шико не договорил — он набил себе вторую пинку по соседству с первой.

— Мы на улице Феронри, государь, и она тут не очень-то приятно пахнет, — ответил д'Обинье, который вечно был в дурном настроении и, когда уставал сердиться на людей, сердился на все, что придется.

— Мне кажется, — продолжал Генрих, ибо наши читатели уже, без сомнения, узнали короля Наваррского, — мне кажется, что я вижу, вижу ясно всю свою будущую жизнь: я король, я сижу на троне, спящий и могущественный, хотя, возможно, и менее любимый, чем сейчас. Мой взгляд проникает в это будущее вплоть до моего смертного часа. О моя дорогая, повторите мне еще и еще, что вы меня любите, ведь при звуке вашего голоса сердце мое тает!

И в приступе грусти, которая его иной раз охватывала, Беарнец с глубоким вздохом опустил голову на плечо своей возлюбленной.

— Боже мой! — испуганно воскликнула молодая жепщина. — Вам дурно, государь?

— Вот-вот! Только этого не доставало, — возмущился д'Обинье, — нечего сказать, хорош солдат, хорош полководец и король, который падает в обморок!

— Нет, пет, успокойтесь, моя милочка, — сказал Генрих, — упасть в обморок возле вас было бы счастьем для меня.

— Просто не понимаю, государь, — заметил д'Обинье, — почему это вы подписываетесь «Генрих Наваррский»? Вам следовало бы подписываться «Ронсар» или «Клеман Маро». Тело Христова! И как это вы ухитряетесь не ладить с госпожой Марго, ведь вы оба души не чаете в поэзии!

— Ах, д'Обинье, сделай милость, не говори мне о моей жене. Святая пятница! Ты же знаешь поговорку... Что, если мы вдруг встретимся здесь с Марго?

— Несмотря на то, что она сейчас в Наварре, верно?

— Святая пятница! А я, разве я сейчас не в Наварре? Во всяком случае, разве не считается, что я там? Послушай, Агриппа, ты меня прямо в дрожь вогнал. Садись, и поехали.

— Ну пет уж, — сказал д'Обинье, — езжайте, а я пойду за вами. Я вас буду стеснять, и, что того хуже, вы будете стеснять меня.

— Тогда закрой дверцу, ты, бепарнский медведь, и поступай, как тебе заблагорассудится, — ответил Генрих.

— Лаварен, туда, куда ты знаешь! — обратился он затем к вознице.

Карета медленно тронулась в путь, а за пей зашагал д'Обинье, который порицал друга, но считал необходимым оберегать короля.

Отъезд Генриха Наваррского избавил Шико от ужасных опасений: не такой человек был д'Обинье, чтобы оставить в живых неосторожного, подслушавшего его откровенный разговор с Генрихом.

— Следует ли Валуа знать о том, что здесь произошло? — сказал Шико, вылезая на четвереньках из-под скамьи. — Вот в чем вопрос.

Шико потянулся, чтобы вернуть гибкость своим длинным ногам, сведенным судорогой.

— А зачем ему знать? — продолжал гасконец, рассуждая сам с собой. — Двое мужчин, которые прячутся, и беременная женщина! Нет, поистине это было бы подлостью! Я ничего не скажу. К тому же, как я полагаю,

оно не так уж и важно, поскольку в конечном-то счете правлю королевством я.

И Шико, в полном одиночестве, весело подпрыгнул.

— Влюбленные — это очень мило, — продолжал он, — но д'Обинье прав: наш дорогой Генрих Наваррский влюбляется слишком часто для короля *in partibus*¹. Всего год тому назад он приезжал в Париж из-за госпожи де Сов. А нынче берет с собой очаровательную крошку, predisposed к обморокам. Кто бы это мог быть, черт возьми? По всей вероятности — Ла Фоссеа. И потом, мне кажется, что если Генрих Наваррский серьезный претендент на престол, если он, бедняга, действительно стремится к трону, то ему не мешает малость призадуматься над тем, как уничтожить своего врага, Меченого, своего врага, кардинала де Гиза, и своего врага, милейшего герцога Майеннского. Мне-то он по душе, Беарнец, и я уверен, что, рано или поздно, он доставит неприятности этому богомерзкому живодеу из Лотарингии. Решено, я ни словечком не обмолвлюсь о том, что видел и слышал.

Тут в улицу ввалилась толпа пьяных лигистов с криками:

— Да здравствует месса! Смерть Беарнцу! На костер гугенотов! В огонь еретиков!

К этому времени карета уже свернула за угол стены кладбища Невинноубиенных и скрылась в глубине улицы Сен-Дени.

— Итак, — сказал Шико, — припомним, что было: я видел кардинала де Гиза, видел герцога Майеннского, видел короля Генриха Валуа, видел короля Генриха Наваррского. В моей коллекции не хватает только принца; это — герцог Анжуйский. Так отправимся же на поиски и будем искать его, пока не обнаружим. А и в самом деле, где мой Франциск Третий, клянусь святым чревом? Я жажду лицезреть его, этого достойного монарха.

И Шико направился в сторону церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа.

Не только Шико был занят поисками герцога Анжуйского и обеспокоен его отсутствием, Гизы также искали принца, и тоже безуспешно. Монсеньер герцог Анжуйский не был человеком, склонным к безрассудному риску, и позже мы увидим, какие опасения все еще удерживали его вдаль от друзей.

¹ Стран, населенных язычниками (лат.).

На мгновение Шико показалось, что он нашел приида. Это случилось на улице Бетизи. У дверей винной лавки собралась большая толпа, и в ней Шико увидел господина Монсоро и Меченого.

— Добро! — сказал он. — Вот прилипали. Акула должна быть где-нибудь поблизости.

Шико ошибался. Господин де Монсоро и Меченый были заняты тем, что у дверей переполненного пьяницами кабачка усердно потчевали вином некоего оратора, подогревая таким способом его косноязычное красноречие.

Оратором этим был мертвецки пьяный Горанфло. Монах повествовал о своем путешествии в Лион и о поединке в гостинице с одним из мерзопакостных приспешников Кальвина.

Господин де Гиз слушал этот рассказ с самым неослабным вниманием, улавливая в нем какую-то связь с молчащем Николя Давида.

Улица Бетизи была забита народом. К круглой коновязи, в ту эпоху весьма обычной для большинства улиц, были привязаны кони многих дворян-лигистов. Шико остановился воле толпы, окружившей коновязь, и наворстрил уши.

Горанфло, разгоряченный, разбушевавшийся, без конца сползающий с седла то в одну, то в другую сторону, уже раз грохнувшийся на землю со своей живой кафедры и слова, с грехом пополам, водворенный на спину Панурга, лепетал что-то несвязное, но, к несчастью, все же еще лепетал и поэтому оставался жертвой настойчивых домогательств герцога и коварных вопросов господина де Монсоро, которые вытягивали из него обрывки признаний и ключья фраз.

Эта исповедь встревожила Шико совсем на иной лад, чем присутствие в Париже короля Наваррского. Он чувствовал, что приближается момент, когда Горанфло прознает его имя, которое может озарить мрачным светом всю тайну. Гасконец не стал терять времени. Он где отвязал, а где и перерезал поводья лошадей, ластившихся друг к другу у коновязи, и, отвесив парочку крепких ударов ремнем, погнал их в самую гущу толпы, которая при виде скачущих с отчаянным ржаньем животных раздалась и бросилась врассыпную.

Горанфло испугался за Панурга, дворяне — за своих коней и поклажу, а многие испугались и сами за себя.

Народ рассеялся. Кто-то крикнул: «Пожар!», крик был подхвачен еще десятком голосов. Шико, как стрела, прорвался между людьми, подскочил к Горанфлю и, глядя на него горящими глазами, при виде которых монах сразу протрезвел, схватил Панурга под уздцы и, вместо того чтобы последовать за бегущей толпой, бросился в противоположную сторону. Очень скоро между Горанфлю и герцогом де Гизом образовалось весьма значительное пространство, которое в то же мгновение заполнил все прибывающий поток запоздалых зевак.

Тогда Шико увлек шатающегося на своем осле монаха в углубление, образованное абсидой церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, и прислонил его к Панургу к стене, как поступил бы скульптор с барельефом, который он собирается вделывать в стену.

— А, пропойца! — сказал Шико. — А, язычник! А, изменник! А, вероотступник! Так, значит, ты по-прежнему готов продать друга за кувшин вина?

— Ах, господин Шико! — пролепетал монах.

— Как! Я тебя кормлю, пегодяй, — продолжал Шико, — я тебя пою, я набиваю твои карманы и твое брюхо, а ты предаешь своего господина!

— Ах! Шико! — сказал растроганный монах.

— Ты выбалтываешь мои секреты, несчастный!

— Любезный друг!

— Замолчи! Ты доносчик и заслужил наказание.

Коренастый, сильный, толстый монах, могучий, как бык, но укрощенный раскаянием и особенно вином, не пытался защищаться и, словно большой падутый воздушный шар, качался в руках Шико, который тряс его.

Один Панург восстал против насилия, учиняемого над его другом, и все пытался брыкнуть Шико, но удары его копыт не попадали в цель, а Шико отвечал на них ударами палки.

— Это я-то заслужил наказание? — бормотал монах. — Я, ваш друг, любезный господин Шико?

— Да, да, заслужил, — отвечал Шико, — и ты его получишь.

Тут палка гасконца перешла с ослиного крупа на широкое, мясистые плечи монаха.

— О! Будь я только не выпивши, — воскликнул Горанфлю в порыве гнева.

— Ты бы меня отколотил, не так ли, неблагодарная скотина? Меня, своего друга?

— Вы мой друг, господин Шико! И вы меня бьете!

— Кого люблю, того и бью.

— Тогда убейте меня, и дело с концом! — воскликнул Горанфло.

— А стоило бы.

— О! Будь я только не выпивши, — повторил Горанфло с громким стоном.

— Ты это уже говорил.

И Шико удвоил доказательства своей любви к бедному монаху, который жалостно заблеял.

— Ну вот, — сказал гасконец, — то он волк, а то овечкой прикидывается. А ну, влезай-ка на Панурга и отправляйся бай-бай в «Рог избытия».

— Я не впью дороги, — сказал монах, из глаз его градом катились слезы.

— А! — сказал Шико. — Коли бы ты еще вином плакал, которое выпил! По крайней мере, хоть протрезвел бы, может быть! Но нет, оказывается, мне еще и поводом твоим нужно сделаться.

И Шико повел осла под уздцы, в то время как монах, вцепившись обеими руками в луку седла, прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить равновесие.

Так прошествовали они по мосту Менье, улице Сеп-Бартеlemi, мосту Пти-Пон и вступили на улицу Сен-Жак. Шико тянул осла, монах лил слезы.

Двое слуг и мэтр Бономе, по распоряжению Шико, стащили Горанфло со спины осла и отвели в уже известную нашим читателям комнату.

— Готово, — сказал, вернувшись, мэтр Бономе.

— Он лег? — спросил Шико.

— Храпит...

— Чудесно! Но так как через денек-другой он все же проснется, помните: я не хочу, чтобы он знал, как очутился здесь. Никаких объяснений! Будет даже неплохо, коли он решит, что и вовсе не выходил отсюда с той славной ночи, когда он учинил такой громкий скандал в своем монастыре, и примет за сон все, что случилось с ним в промежутке.

— Понял, сеньор Шико, — ответил трактирщик, — но что с ним стряслось, с этим бедным монахом?

— Большая беда. Кажется, он поссорился в Лпоне с посланцем герцога Майеннского и убил его.

— О, бог мой!.. — воскликнул хозяин. — Так значит...

— Значит, герцог Майеннский, по всей вероятности, покаялся, что не будь он герцог, если не колесует его заживо, — ответил Шико.

— Не волнуйтесь, — сказал Бопоме, — он не выйдет отсюда ни за что на свете.

— В добрый час! А теперь, — продолжал гасконец, успокоенный насчет Горапфло, — совершенно необходимо разыскать герцога Анжуйского. Что ж, понцем!

И он отправился во дворец его величества Франциска III.

Глава II ПРИНЦ И ДРУГ

Как мы уже знаем, во время вечера Лиги Шико тщетно искал герцога Анжуйского на улицах Парижа.

Вы помните, что герцог де Гиз пригласил принца прогуляться по городу; это приглашение обеспокоило принца, всегда отличавшегося подозрительностью. Франсуа предался размышлениям, а после размышлений он обычно делался осторожней всякой змеи.

Однако в его интересах было увидеть собственными глазами все, что произойдет на улицах вечером, и поэтому он счел необходимым принять приглашение, по в то же время решил не покидать свой дворец без подобающей случаю надежной охраны.

Всякий человек, когда он испытывает страх, хватается за свое излюбленное оружие, и герцог тоже отправился за своей шпагой, а этой шпагой был Бюсси д'Амбуаз.

Должно быть, герцог был основательно напуган, если уж он решился на такой шаг. Бюсси, обманутый в своих надеждах касательно графа де Монсоро, избегал герцога, и Франсуа в глубине души понимал, что на месте своего любимца, если бы, разумеется, заняв его место, он одновременно приобрел и его храбрость, он сам испытывал бы по отношению к принцу, который его так жестоко предал, нечто большее, чем простое презрение.

Что касается Бюсси, то молодой человек, подобно всем избранным натурам, гораздо живее воспринимал страдания, чем радости: как правило, мужчина, бесстрашный перед лицом опасности, сохраняющий хладнокровие и спокойствие при виде клинка и пистолета, поддается горестным переживаниям скорее, чем трус. Легче всего женщи-

ны заставляют плакать тех мужчин, перед которыми трепещут другие мужчины.

Бюсси был словно одурманен своим горем; он видел, что Диана принята при дворе как графиня де Монсоро, возведена королевой Луизой в ранг придворной дамы; он видел, что тысячи любопытных глаз пожирают эту красоту, не имеющую себе равных, красоту, которую он, можно сказать, открыл, извлек из могилы, где она была погребена. В течение всего вечера он не отрывал горящего взора от молодой женщины, но она ни разу не подняла на него своих опущенных глаз, и, среди праздничного блеска, Бюсси, несправедливый, как всякий понастоящему влюбленный мужчина, Бюсси, который предал забвению прошлое и сам истребил в своей душе все призраки счастья, порожденные в ней прошлым, Бюсси не подумал, как должна страдать Диана от того, что ей нельзя поднять глаза и увидеть среди всех этих равнодушных или глупо любопытных лиц лицо, затуманенное милой ее сердцу печалью.

«Да, — сказал себе Бюсси, видя, что ему не дождаться от Дианы взгляда, — женщины ловки и бесстрашны только тогда, когда им надо обмануть опекуна, мужа или мать, но они становятся неумелыми и трусливыми, когда требуется заплатить простой долг признательности; они так боятся, чтобы их не сочли влюбленными, так высоко ценят свою малейшую милость, что, желая привести в отчаяние того, кто их домогается, способны без всякой жалости разбить ему сердце, если им придет в голову такая фантазия. Диана могла мне откровенно сказать: «Благодарю за все, что вы для меня сделали, господин де Бюсси, но я вас не люблю!» Я бы или умер на месте, или излечился. Но нет! Она предпочитает, чтобы я любил ее понапрасну. Однако этому не бывать, потому что я ее больше не люблю. Я презираю ее».

И с сердцем, преисполненным ярости, он отошел от придворных, окружавших короля.

В эту минуту лицо его не было тем лицом, на которое все женщины взирали с любовью, а все мужчины со страхом: лоб Бюсси был нахмурен, глаза блуждали, рот искавила кривая усмешка.

Идя к выходу, он увидел свое отражение в венецианском зеркале и сам себе показался отвратительным.

«Я безумец, — решил он. — Как! Из-за одной женщины, которая мною пренебрегает, я оттолкнул от себя

сотню других, готовых сделать меня своим казненным. Но из-за чего она мною пренебрегает, вернее, из-за кого?

Не из-за этого ли долговязого скелета с бледным, как у покойника, лицом, который все время торчит в двух шагах от нее и не сводит с нее ревнивого взгляда... и тоже делает вид, что меня не замечает? Подумать только, стоит мне захотеть, и через четверть часа он будет лежать под моим коленом, безмолвный и холодный, с клинком моей шпаги в сердце; подумать только, стоит мне захотеть, и я могу залить ее белоснежное платье кровью того, кто приколол к нему эти цветы; подумать только, стоит мне захотеть, и, не в силах заставить любить себя, я заставил бы, по крайней мере, бояться меня и ненавидеть.

О! Лучше ее ненависть, лучше непамять, чем безразличие!

Да, но это было бы мелко и пошло: так поступил бы какой-нибудь Келюс или Можирон, если бы келюсы и можироны умели любить. Лучше быть похожим на того героя Плутарха, которым я всегда восхищался, на юного Антиоха — он умер от любви, не отважившись ни на одно признание, не произнеся ни слова жалобы. Да, я буду хранить молчание! Да, я, сражавшийся один на один со всеми самыми грозными людьми этого века, я, выбивший шпагу из рук самого Крийона, храбреца Крийона, — он стоял передо мною безоружный, и жизнь его была в моей власти, — я погашу свое страдание, удушю его в своем сердце, как Геракл удушил гиганта Антея, и ни разу не дам ему возможности коснуться ногой его матери — надежды. Нет ничего невозможного для меня, для Бюсси, которого, как Крийона, зовут храбрецом; все, что свершили античные герои, свершу и я».

При этих словах молодой человек расслабил свои конвульсивно скрюченные пальцы, которыми раздирали себе грудь, провел ладонью по мокрому от пота лбу и медленно направился к двери. Его кулак уже поднялся было, чтобы грубо отбросить портьера, но Бюсси призвал на помощь все свое терпение и выдержку и вышел — с улыбкой на устах, ясным челом... и вулканом в сердце.

Правда, встретив по дороге герцога Анжуйского, он отвернулся, ибо почувствовал, что всех душевных сил не доставит ему, чтобы улыбнуться или хотя бы поклониться этому человеку, который называл его своим другом и так подло предал.

Проходя мимо, принц окликнул его по имени, но Бюсси даже не повернул головы.

Он возвратился к себе. Положил на стол шпагу, вынул из ножен кинжал и отцепил ножны, сам расстегнул плащ и камзол и упал в большое кресло, откинув голову на щит с родовым гербом, украшавший спинку.

Слуги, заметив отсутствующий вид их господина, решили, что он хочет вздремнуть, и удалились. Бюсси не спал — он грезил.

Он просидел так несколько часов, не замечая, что в другом конце комнаты тоже сидит человек и пристально за ним наблюдает, не двигаясь, не произнося ни звука, по всей вероятности ожидая повода, чтобы словом или знаком обратить на себя его внимание.

Наконец ледяная дрожь пробежала по спине Бюсси, и веки его затрепетали; наблюдатель не шевельнулся.

Вскоре зубы графа начали выбивать дробь, пальцы скрючились, голова, внезапно налившаяся тяжестью, скользнула по спинке кресла и упала на плечо.

В это мгновение человек, который следил за ним, со вздохом поднялся со своего стула и подошел к Бюсси.

— Господин граф, — сказал он, — вас лихорадит.

Граф поднял лицо, красное от жара.

— А, это ты, Реми, — пробормотал он.

— Да, граф, я вас ждал здесь.

— Почему?

— Потому, что там, где страдают, долго не задерживаются.

— Благодарю вас, мой друг, — сказал Бюсси, протягивая Одуэну руку.

Реми стиснул в своих ладонях эту грозную руку, ставшую теперь слабее детской ручонки, и с нежностью и уважением прижал к своей груди.

— Послушайте, граф, надо решить, что вам больше по душе: хотите, чтобы лихорадка взяла над вами верх и убил вас — оставайтесь на ногах; хотите перебороть ее — ложитесь в постель и прикажите читать вам какую-нибудь замечательную книгу, в которой можно почерпнуть хороший пример и новые силы.

Графу ничего другого не оставалось, как повиноваться; он повиновался.

Друзья, явившиеся навестить Бюсси, застали его уже в постели.

Весь следующий день Реми провел у изголовья графа. Он выступал в двух качествах — врачевателя тела и целителя души. Для тела у него были освежающие напитки, для души — ласковые слова.

Но через сутки, в тот самый день, когда господин де Гиз явился в Лувр, Бюсси огляделся и увидел, что Реми возле него нет.

«Он устал, — подумал Бюсси, — это вполне естественно! Бедный мальчик, ему так нужны воздух, солнце, весна. К тому же его, несомненно, ожидает Гертруда. Гертруда всего лишь служанка, но она его любит... Служанка, которая любит, стоит больше королевы, которая не любит».

Так прошел весь день. Реми все не возвращался, и как раз потому, что его не было, Бюсси особенно хотелось его видеть. В нем поднималось раздражение против бедного лекаря.

— Эх, — уже не раз вздохнул он, — а я-то верил, что еще существуют признательность и дружба! Нет, больше я ни во что не хочу верить!

К вечеру, когда улицы стали наполняться шумной толпой народа, когда наступившие сумерки уже мешали ясно различать предметы в комнате, Бюсси услышал многочисленные и очень громкие голоса в прихожей.

Убежал насмерть перепуганный слуга.

— Монсеньер, там герцог Анжуйский, — сказал он.

— Пусть войдет, — ответил Бюсси, пахнувшись при мысли, что его господин проявляет о нем заботу, тот господин, даже любезность которого была ему противна.

Герцог вошел. В комнате Бюсси не было света: больным сердцам милы потемки, ибо они населяют их призраками.

— Тут слишком темно, Бюсси, — сказал герцог. — Это должно наводить на тебя тоску.

Бюсси молчал, отвращение сковывало ему уста.

— Ты так серьезно болен, — продолжал герцог, — что не можешь мне ответить?

— Я действительно очень болен, монсеньер, — пробормотал Бюсси.

— Значит, поэтому ты и не был у меня эти два дня? — сказал герцог.

— Да, монсеньер, — подтвердил Бюсси.

Герцог, задетый лаконизмом ответов, сделал несколько кругов по комнате, разглядывая выступавшие из мрака скульптуры и шпуня ткани.

— Ты неплохо устроился, Бюсси, по крайней мере, по мой взгляд, — заметил он.

Бюсси не отвечал.

— Господа, — обратился герцог к своей свите, — ожидайте меня в соседней комнате. Решительно, мой бедный Бюсси серьезно болен. Почему же не позвали Мирона? Лекарь короля не может быть слишком хорош для Бюсси.

Один из слуг Бюсси покачал головой, герцог заметил это движение.

— Послушай, Бюсси, у тебя какое-нибудь горе? — спросил он почти заискивающим тоном.

— Не знаю, — ответил граф.

Герцог приблизился к нему, подобный тем отвергаемым влюбленным, которые, по мере того как их отталкивают, становятся все мягче и нежнее.

— Ну что же это такое? Поговори же со мной наконец, Бюсси! — воскликнул он.

— О чем я могу с вами говорить, монсеньер?

— Ты сердисься на меня, а? — прибавил герцог, понизив голос.

— Сержусь? За что? К тому же на принцев не сердятся, какой в этом прок?

Герцог замолчал.

— Однако, — вступил на этот раз Бюсси, — мы даром теряем время на всякие околичности. Перейдемте к делу, монсеньер.

Герцог посмотрел на Бюсси.

— Я вам нужен, не так ли? — спросил тот с жестокой прямою.

— Господи де Бюсси!

— Э! Конечно же, я вам нужен, повторяю. Думаете, я так и поверил, что вы пришли навестить меня из дружбы? Нет, клянусь богом, нет! Ведь вы никого не любите.

— О! Бюсси! Как можешь ты обращаться ко мне с подобными словами!

— Хорошо, покончим с этим. Говорите, монсеньер! Что вам нужно? Если ты принадлежишь принцу, если этот принц притворяется до такой степени, что называет тебя «мой друг», то, очевидно, надо быть ему благодарным за это притворство и пожертвовать ему всем, даже жизнью. Говорите!

Герцог покраснел, по было темно, и никто не увидел его смущения.

— Мне ничего от тебя не было нужно, Бюсси, — сказал он, — и напрасно ты думаешь, что я пришел с каким-то расчетом! Я всего лишь хотел взять тебя с собой прогуляться немного по городу. Ведь погода такая чудесная! И весь Париж взволнован тем, что нынче вечером будут записывать в члены Лиги.

Бюсси поглядел на герцога.

— Разве у вас нет Орильи? — спросил он.

— Какой-то лютнист!

— О! Монсеньер! Вы забываете про остальные его таланты. Мне казалось, что он у вас выполняет и другие обязанности. Да и помимо Орильи у вас есть еще десяток или дюжина дворян: я слышу, как их шпаги стучат о панели моей прихожей.

Портьера на дверях медленно отодвинулась.

— Кто там? — спросил высокомерно герцог. — Кто смеет без предупреждения входить в комнату, где нахожусь я?

— Это я, Реми, — ответил Одуэн и торжественно, не проявляя ни малейших признаков смущения, вступил в комнату.

— Что это еще за Реми? — спросил герцог.

— Реми, монсеньер, — ответил молодой человек, — это лекарь.

— Реми больше, чем мой лекарь, монсеньер, — добавил Бюсси, — он мой друг.

— А! — произнес задетый этими словами герцог.

— Ты слышал желание монсеньера? — спросил Бюсси, готовый встать с постели.

— Да, чтобы вы сопровождали монсеньера, но...

— Но что? — сказал герцог.

— Но вы, господин граф, не будете его сопровождать, — продолжал Одуэн.

— Это еще почему?! — воскликнул Франсуа.

— Потому, что на улице слишком холодно, монсеньер.

— Слишком холодно? — переспросил герцог, пораженный тем, что ему возражают.

— Да, слишком холодно. И поэтому я, отвечающий за здоровье господина де Бюсси перед его друзьями и особенно перед самим собой, запрещаю ему выходить.

Несмотря на эти слова, Бюсси все же поднялся на постели, но Реми взял его руку и многозначительно пожал ее.

— Прекрасно, — сказал герцог. — Если прогулка столь опасна для вашего здоровья, оставайтесь.

И Франсуа, в крайнем раздражении, сделал два шага к двери.

Бюсси не шевельнулся.

Герцог снова возвратился к кровати.

— Так, значит, решено, ты не хочешь рисковать?

— Вы же видите, монсеньер, — ответил Бюсси, — мой лекарь запрещает мне.

— Тебе следовало бы позвать Мирона, Бюсси, это опытный врач.

— Монсеньер, я предпочитаю врача-друга врачу-ученому, — возразил Бюсси.

— В таком случае прощай.

— Прощайте, монсеньер.

И герцог с большим шумом удалился.

Как только он покинул дворец Бюсси, Ремп, провожавший его взглядом до самого выхода, бросился к больному.

— А теперь, сударь, вставайте, пожалуйста, и как можно скорее.

— Зачем?

— Чтобы отправиться на прогулку со мной. В комнате слишком жарко.

— Но ты только что говорил герцогу, что на улице слишком холодно.

— С тех пор как он ушел, температура изменилась.

— Значит?.. — сказал, приподнимаясь, заинтересованный Бюсси.

— Значит, теперь, — ответил Одуэн, — я убежден, что свежий воздух пойдет вам на пользу.

— Ничего не понимаю, — сказал Бюсси.

— А разве вы понимаете что-нибудь в микстурах, которые я вам даю? Тем не менее вы их проглатываете. Ну, живей! Поднимайтесь! Прогулка с герцогом Анжуйским была опасна; с вашим лекарем она будет целительной. Это я вам говорю. Может быть, вы мне больше не доверяете? В таком случае откажитесь от моих услуг.

— Ну что ж, пойдем, раз ты этого хочешь, — сказал Бюсси.

— Так надо.

Бледный и дрожащий Бюсси встал на ноги.

— Интересная бледность, красивый больной! — заметил Ремп.

— Но куда мы пойдем?

— В один квартал, где я как раз сегодня сдслад апа-
лиз воздуха.

— И этот воздух?

— Целителен для вашего заболевания, мопсеьер.

Бюссия оделся.

— Шляпу и шпагу! — приказал он.

Он надел первую и опоясался второй.

Затем вышел на улицу вместе с Реми.

Глава III

ЭТИМОЛОГИЯ УЛИЦЫ ЖЮСЬЕН

Реми взял своего пацнента под руку, свернул налево, в улицу Кокийер, и шел по ней до крепостного вала.

— Странно, — сказал Бюсси, — ты ведешь меня к бо-
лотам Гравж-Бательер, это там-то, по-твоему, целитель-
ный воздух?

— Ах, сударь, — ответил Реми, — чуточку терпения.
Сейчас мы пройдем мимо улицы Пажевен, оставим справа
от нас улицу Бренез и выйдем на Монмартр; вы увидите,
что это за прелестная улица.

— Ты полагаешь, я ее не знаю?

— Ну что ж, если вы ее знаете, тем лучше! Мне не
надо будет тратить время на то, чтобы знакомить вас с ее
красотами, и я без промедления отведу вас на одну пре-
мильную маленькую улочку. Идемте, идемте, больше я не
скажу ни слова.

И в самом деле, после того как Монмартрские ворота
остались слева и они прошли около двухсот шагов по
улице, Реми свернул направо.

— Но ты меня дурачишь, Реми, — воскликнул Бюс-
си, — мы возвращаемся туда, откуда пришли.

— Эта улица называется улицей Жипсьен или Эжипс-
сьен, как вам будет угодно, народ уже пачинает имено-
вать ее улицей Жисьен, а вскорости и вовсе будет назы-
вать улицей Жюсьен, потому что так звучит приятней и
потому что в духе языков — чем дальше к югу, тем боль-
ше умножать гласные. Вы должны бы знать это, сударь,
ведь вы побывали в Польше. Там, у этих забияк, и до сих
пор по четыре согласных кряду ставятся, и поэтому разго-
варивают они, словно камни жуют, да при этом еще бра-
вятся. Разве не так?

— Так-то оно так, — сказал Бюсси, — но ведь мы сюда пришли не затем, чтобы изучать филологию. Послушай, скажи мне: куда мы идем?

— Поглядите на эту церквушку, — сказал Реми, не отвечая на вопрос, — какова? Ах, монсеньер, как отлично она расположена: фасадом на улицу, а абсидой — в сад церковного прихода! Бьюсь об заклад, что до сих пор вы ее не замечали!

— В самом деле, — сказал Бюсси, — я ее не видел.

Бюсси не был единственным знатым господином, который никогда не переступал порога церкви святой Марии Египетской, этого храма, посещаемого только народом и известного прихожанам также под именем часовни Кокерон.

— Ну что ж, — сказал Реми, — теперь, когда вы знаете, как эта церковь называется, монсеньер, и когда вы вдоволь налюбовались ею снаружи, войдемте, и вы поглядите на витражи нефа: они любопытны.

Бюсси посмотрел на Одуэна и увидел на лице молодого человека такую ласковую улыбку, что сразу понял: молодой лекарь привел его в церковь не затем, чтобы показать ему витражи, которые к тому же при вечерних сумерках и пельзя было толком разглядеть, а совсем с другой целью.

Однако кое-чем в церкви можно было полюбоваться, потому что она была освещена для предстоящей службы: стены ее украшали наивные росписи XVI века; такие фрески еще сохранились в немалом количестве в Италии благодаря ее прекрасному климату, а у нас сырость, с одной стороны, и вандализм, с другой, стерли со стен эти предания минувших времен, эти свидетельства веры, ныне утраченной. Художник изобразил для короля Франциска I и по его указаниям жизнь святой Марии Египетской, и среди наиболее интересных событий простодушный живописец, великий друг правды если не анатомической, то, по крайней мере, — исторической, в самом видном месте часовни поместил тот щекотливый эпизод, когда святая Мария, за отсутствием у нее денег для расчета с лодочником, предлагает ему себя вместо оплаты за перевоз.

Справедливости ради мы вынуждены сказать, что, несмотря на глубочайшее уважение прихожан к обращенной Марии Египетской, многие почтенные женщины округа считали, что художник мог бы поместить этот эпизод где-

нибудь в другом месте или хотя бы передать его не так бесхитростно; при этом они ссылались па то или, вернее сказать, красноречиво умалчивали о том, что некоторые подробности фрески слишком часто привлекают взоры юных приказчиков, которых их хозяева, суковники, приводят в церковь по воскресеньям и на праздники.

Бюсси поглядел на Одуэна, тот, на мгновение превратившись в юного приказчика, с превеликим вниманием разглядывал эту фреску.

— Ты что, собирался пробудить во мне анакреонистические мысли твоей часовой святой Марии Египетской? — спросил Бюсси. — Если это так, то ты ошибся. Надо было привести сюда монахов или школьников.

— Боже упаси, — сказал Одуэн. — *Omnis cogitatio libidinosa cerebrum inficit*¹.

— А зачем же тогда?..

— Проклятие! Не глаза же выкалывать себе, прежде чем войти сюда.

— Послушай, ведь ты привел меня не для того, чтобы показать мне колени святой Марии Египетской, а с какой-то другой целью, правда?

— Только для этого, черт возьми! — сказал Ремп.

— Ну что ж, тогда пойдем, я на них уже посмотрелся.

— Терпение! Служба кончается. Если мы выйдем сейчас, мы обеспокоим молящихся.

И Одуэн леголко придержал Бюсси за локоть.

— Ну вот, все и выходят, — сказал Ремп. — Поступим и мы так же, коль вы не возражаете.

Бюсси с заметно безразличным и рассеянным видом направился к двери.

— Да вы этак и святой воды забудете взять. Где ваша голова, черт возьми? — сказал Одуэн.

Бюсси послушно, как ребенок, пошел к колонне, в которую была вделана чаша с освященной водой.

Одуэн воспользовался этим, чтобы сделать условный знак какой-то женщине, и она при виде жеста молодого лекаря, в свою очередь, направилась к той же самой колонне.

Поэтому в тот момент, когда граф поднес руку к чаше в виде раковины, поддерживаемой двумя египтянами из черного мрамора, другая рука, несколько толстоватая и красноватая, но тем не менее несомненно принадлежав-

¹ Всякая сладострастная мысль вредит уму (лат.).

шая жепщине, протянулась к его пальцам и смочила их очистительной влагой.

Бюсси не смог удержаться от того, чтобы не перевести свой взгляд с толстой, красной руки на лицо женщины; в то же мгновение он внезапно отступил на шаг и побледнел — во владелице этой руки он признал Гертруду, полускрытую черным шерстяным покрывалом.

Он застыл с вытянутой рукой, забыв перекреститься, а Гертруда, поклонившись ему, прошла дальше, и ее высокий силуэт обрисовался в портике маленькой церкви.

В двух шагах позади Герруды, чьи мощные локти раздвигали толпу, шла женщина, тщательно укутанная в шелковую накидку; изящные и юные очертания ее крупной фигуры, прелестные ножки тут же заставили Бюсси подумать, что во всем мире нет другой такой фигуры, других таких ножек, другого такого облика.

Реми не пришлось ничего ему говорить, молодой лекарь только посмотрел на графа. Теперь Бюсси понимал, почему Одуэн привел его на улицу святой Марии Египетской и заставил войти в эту церковь.

Бюсси последовал за женщиной, Одуэн последовал за Бюсси.

Эта процессия из четырех людей, идущих друг за другом ровным шагом, могла бы показаться забавной, если бы бледность и грустный вид двоих из них не выдавали жестоких страданий.

Гертруда, продолжавшая идти впереди, свернула за угол, на улицу Монмартр, прошла по ней несколько шагов и потом вдруг вырнула направо — в тупик, куда выходила какая-то калитка.

Бюсси заколебался.

— Вы что же, господин граф, — сказал Реми, — хотите, чтобы я наступил вам на пятки?

Бюсси двинулся вперед.

Гертруда, все еще возглавлявшая шествие, достала из кармана ключ, открыла калитку и пропустила вперед свою госпожу, которая так и не повернула головы.

Одуэн, шепнув пару слов горничной, постороился и дал дорогу Бюсси, затем вошел сам вместе с Гертрудой. Калитка затворилась, и переулок опустел.

Было семь с половиной часов вечера. Уже начался май, и в потеплевшем воздухе чувствовалось первое дуновение весны. Из своих лопнувших темниц появлялись на свет молодые листья.

Бюсси огляделся: он стоял посреди маленького, в пятьдесят квадратных футов, садика, обнесенного очень высокой стеной. По ней вились плетви и дикий виноград. Они выбрасывали новые побеги, от чего со стены, время от времени, осыпалась маленькими кусочками штукатурка, и насыщали ветер тем терпким и сплывшим ароматом, который вечерняя прохлада извлекает из их листьев.

Длинные левкой, радостно вырываясь из расщелин старой церковной стены, раскрывали свои бутоны, красные, как чистая, без примеси, медь.

И наконец, первая сирень, распустившаяся поутру па солнце, туманила своими нежными испарениями все еще смятенный рассудок молодого графа, спрашивавшего себя, не обязан ли он, — всего лишь час тому назад такой слабый, одинокий, покинутый, — не обязан ли он всеми этими ароматами, теплом, жизнью, одному лишь присутствию столь нежно любимой женщины?

Под аркой из ветвей жасмина и ломоноса, на небольшой деревянной скамье у церковной стены сидела, склонив голову, Диана. Руки ее были бессильно опущены, и пальцы одной из них теребили левкой. Молодая женщина бессознательно обрывала с него цветы и разбрасывала по песку.

В эту самую минуту на соседнем каштане завел свою длинную и грустную песню соловей, то и дело украшая ее руладами, взрывающимися, словно ракеты.

Бюсси оказался наедине с госпожой де Монсоро, так как Гертруда и Реми держались в отдалении. Он подошел к ней; Диана подняла голову.

— Господин граф, — сказала она робким голосом, — всякие хитрости были бы недостойны нас: наша встреча в церкви святой Марии Египетской не случайность.

— Нет, сударья, — ответил Бюсси, — это Одуэн привел меня туда, не сказав, с какой целью, и, клянусь вам, я не знал...

— Вы меня не поняли, сударь, — сказала Диана грустно. — Да, я знаю, что это господин Реми привел вас в церковь; и, возможно, даже силой?

— Все не силой, сударья, — возразил Бюсси. — Я не знал, кого там увижу.

— Вот безжалостный ответ, господин граф, — прошептала Диана, покачав головой и поднимая на Бюсси влажные глаза. — Не хотите ли вы сказать этим, что если бы

вам был известен секрет Реми, вы не последовали бы за ним?

— О! Сударыня!

— Что ж, это естественно, это справедливо, сударь. Вы оказали мне неоценимую услугу, а я вас до сих пор не поблагодарила за ваш рыцарский поступок. Простите меня и примите мою глубочайшую признательность.

— Сударыня...

Бюсси остановился. Он был настолько ошеломлен, что не находил ни мыслей, ни слов.

— Но я хотела доказать вам, — продолжала, вступаясь, Диана, — что я не отношусь к числу неблагодарных женщин с забывчивым сердцем. Это я попросила господина Реми доставить мне честь свидания с вами, я указала место встречи. Простите, если я вызвала ваше неудовольствие.

Бюсси прижал руку к сердцу.

— О! Сударыня! Как вы можете так думать?!

Мысли в голове этого несчастного с разбитым сердцем стали понемпогу проясняться, ему казалось, что легкий вечерний ветерок, доносящий до него столь сладостные ароматы и столь нежные слова, в то же время рассеивает облако, застилавшее ему зрение.

— Я знаю, — продолжала Диана, которая находилась в более выгодном положении, ибо давно уже готовилась к этой встрече, — я понимаю, как тяжело было вам выполнять мое поручение. Мне хорошо известна ваша деликатность. Я знаю вас и ценю, поверьте мне. Так судите же сами, сколько я должна была выстрадать при мысли, что вы станете неверно думать о чувствах, таящихся в моем сердце.

— Сударыня, — сказал Бюсси, — вот уже три дня, как я болею.

— Да, я знаю, — ответила Диана, заливаясь краской, выдавшей, как близко к сердцу приняла она эту болезнь, — и я страдала не меньше вашего, потому что господин Реми, — конечно, он меня обманывал, — господин Реми уверял...

— Что причина моих страданий ваша забывчивость? О! Это правда.

— Значит, я должна была поступить так, как поступила, граф, — продолжала Диана. — Я вас вижу, я вас благодарю за ваши любезные заботы обо мне и клянусь

вам в вечной признательности... поверьте, что я говорю это от всей души.

Бюсси печально покачал головой и ничего не ответил.

— Вы сомневаетесь в моих словах? — спросила госпожа де Монсоро.

— Сударыня, — сказал Бюсси, — каждый, питающий расположение к кому-либо, выражает это расположение, как умеет: в день вашего представления ко двору вы знали, что я нахожусь во дворце, стою перед вами, вы не могли не чувствовать моего взгляда, который я не отводил от вас, и вы даже глаз на меня не подняли, не дали мне понять ни словом, ни жестом, ни знаком, что вы меня заметили... Впрочем, я, должно быть, не прав, сударыня, возможно, вы меня не узнали, ведь мы виделись всего дважды.

Диана ответила на это взглядом, исполненным грустного упрека, который поразил Бюсси в самое сердце.

— Простите, сударыня, простите меня, — воскликнул он, — вы так непохожи на всех остальных женщин и между тем поступаете как самые обычные из них. Этот брак?

— Разве вы не знаете, как меня к нему принудили?

— Знаю, но вы с легкостью могли его разорвать.

— Напротив, это было совершенно невозможно.

— Но разве ничто не подсказывало вам, что рядом с вами находится преданный вам человек?

Диана опустила глаза.

— Именно это и пугало меня больше всего, — сказала она.

— Вот из каких соображений вы пожертвовали мною? О! Подумайте только, во что превратилась моя жизнь с тех пор, как вы принадлежите другому.

— Сударь, — с достоинством ответила графиня, — женщина не может, не запятнав при этом свою честь, сменить фамилию, пока живы двое мужчин, посвящие: один — ту фамилию, которую она оставила, другой — ту, что она приняла.

— Как бы то ни было, вы предпочли мне Монсоро и поэтому сохранили его фамилию.

— Вот как вы думаете, — прошептала Диана. — Тем лучше.

И глаза ее наполнились слезами.

Бюсси, заметив, что она опустила голову, в волнении шагнул к ней.

— Ну что ж, — сказал он, — вот я и стал опять тем, кем был, сударыня: чужим для вас человеком.

— Увы! — вздохнула Диана.

— Ваше молчание говорит об этом лучше слов.

— Я могу говорить только моим молчанием.

— Ваше молчание, сударыня, это продолжение приёма, оказанного мне вами в Лувре. В Лувре вы меня не замечали, здесь вы не желаете со мной разговаривать.

— В Лувре рядом со мною был господин де Монсоро. Он смотрел на меня. Он ревнует.

— Ревнует! Вот как! Чего же ему еще надо, бог мой?! Кому он еще может завидовать, когда все завидуют его счастью?

— А я говорю вам, сударь, что он ревнует. Он заметил, что уже несколько дней кто-то бродит возле нового дома, в который мы переселились.

— Значит, вы покпнули домик на улице Сент-Антуан?

— Как, — непроизвольно воскликнула Диана, — это были не вы?!

— Сударыня, после того, как ваше бракосочетание было оглашено, после того, как вы были представлены ко двору, после того вечера в Лувре, наконец, когда вы не удостоили меня взглядом, я нахожусь в постели, меня пожирает лихорадка, я умираю. Теперь вы видите, что ваш супруг не имеет оснований ревновать, во всяком случае, ко мне, потому что меня он никак не мог видеть возле вашего дома.

— Что ж, господин граф, если у вас, по вашим словам, было некоторое желание повидать меня, благодарите этого неизвестного мужчину, потому что, зная господина Монсоро, как я его знаю, я испугалась за вас и решила встретиться с вами и предупредить: «Не подвергайте себя опасности, граф, не делайте меня еще более несчастной».

— Успокойтесь, сударыня, повторяю вам, то был не я.

— Позвольте мне высказать вам до конца все, что я хотела. Опасаясь этого человека, которого мы с вами не знаем, но которого, возможно, знает господин де Монсоро, опасаясь этого человека, он требует, чтобы я покинула Париж, и, таким образом, господин граф, — заключила Диана, протягивая Бюсси руку, — сегодняшняя наша встреча, вероятно, будет последней... Завтра я уезжаю в Меридор.

— Вы уезжаете, сударыня? — вскричал Бюсси.

— Это единственный способ успокоить господина де Монсоро, — сказала Диана, — и единственный способ вновь обрести свое спокойствие. Да и к тому же, что касается меня, я ненавижу Париж, ненавижу свет, двор, Лувр. Я счастлива уединиться с воспоминаниями моей юности. Мне кажется, что, если я вернусь на тропинку моих девичьих лет, на меня, как легкая роса, падет немного былого счастья. Отец едет вместе со мной. Там я встречу с госпожой и господином де Сен-Люк, они очень скучают без меня. Прощайте, господин де Бюсси. Бюсси закрыл лицо руками.

— Значит, — прошептал он, — все для меня кончено.

— Что это вы говорите?! — воскликнула Диана, приподнимаясь на скамье.

— Я говорю, сударыня, что человек, который отправляет вас в изгнание, человек, который лишает меня единственной оставшейся мне надежды — дышать одним с вами воздухом, видеть вашу тень за занавеской, касаться мимоходом вашего платья и, наконец, боготворить живое существо, а не тень, я говорю... я говорю, что этот человек — мой смертельный враг и что я уничтожу его своими собственными руками, даже если мне суждено при этом погибнуть самому.

— О! Господин граф!

— Презренный! — вскричал Бюсси. — Как! Ему недостаточно того, что вы его жена, вы, самое прекрасное и целомудренное из всех божьих творений, он еще ревнует! Ревнует! Нелепое, ненасытное чудовище! Он готов поглотить весь мир.

— О! Успокойтесь, граф, успокойтесь, бог мой! Быть может, он не так уж и виноват.

— Не так уж и виноват! И это вы его защищаете, сударыня?

— О! Если бы вы знали! — сказала Диана, пряча лицо в ладонях, словно боясь, что Бюсси, несмотря на темноту, увидит на нем краску смущения.

— Если бы я знал? — переспросил Бюсси. — Ах, сударыня, я знаю одно: мужу, у которого такая жена, не должно быть дела ни до чего на свете.

— Но, — сказала Диана глухим, прерывающимся и страстным голосом, — но что, если вы ошибаетесь, господин граф, что, если он не муж мне?

И при этих словах молодая женщина коснулась своей холодной рукой пылающих рук Бюсси, вскочила и убе-

жала прочь. Легко, как тень, промелькнула она по темным тропинкам садика, схватила под руку Гертруду и, увлекая ее за собой, исчезла, прежде чем Бюсси, охваченный, обезумевший, сияющий, успел протянуть руки, чтобы удержать ее.

Он вскрикнул и зашатался.

Реми подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить его и усадить на скамью, которую только что покинула Диана.

Глава IV

О ТОМ, КАК Д'ЭПЕРНОНУ РАЗОРВАЛИ КАМЗОЛ, И О ТОМ, КАК ШОМБЕРГА ПОКРАСИЛИ В СИНИЙ ЦВЕТ

В то время, как мэтр Ла Юрьер собирал подпись за подписью, в то время, как Шико сдавал Горанфло на хранение в «Рог избытка», в то время, как Бюсси возвращался к жизни в благословенном маленьком саду, полном ароматов, песен и любви, Генрих, омраченный всем, что он увидел в городе, раздраженный проповедями, которые он выслушал в церквах, приведенный в ярость загадочными приветствиями, которыми встречали его брата, герцога Авжуйского, попавшегося ему на глаза на улице Сент-Оноре в сопровождении герцога де Гиза, герцога Майеннского и целой свиты дворян, возглавленной, по всей видимости, господином де Монсоро, Генрих, говорим мы, возвратился в Лувр в обществе Можирона и Келюса.

Король отправился в город, как обычно, со своими четырьмя друзьями, но едва они отошли от Лувра, Шомберг и д'Эпернон, соскучившись созерцанием озабоченного Генриха и рассудив, что уличная суматоха дает полный простор для поисков наслаждений и приключений, воспользовались первой же толчеей на углу улицы Астрюс, чтобы исчезнуть; пока король с другими двумя мяньонами продолжал свою прогулку по набережной, они влились в толпу, заполнившую улицу Орлеан.

Не успели молодые люди сделать и сотни шагов, как уже каждый из них нашел себе занятие: д'Эпернон подставил под ноги бежавшего горожанина свой сарбакан и тот вверх тормашками полетел на землю, а Шомберг сорвал чепчик с женщины, которую он поначалу принял за безобразную старуху, но, к счастью, она оказалась молодой и прехорошенькой.

Однако двое друзей выбрали неудачный день для нападения на добрых парижан, обычно, весьма покладистых: улицы были охвачены той лихорадкой возмущения, которая время от времени так внезапно вспыхивает в стенах столиц. Сбитый с ног буржуа поднялся и закричал: «Бей нечестивцев!» Это был один из «ревпителей веры», его послушались и бросились на д'Эпернона. Женщина, с которой сорвали чепчик, крикнула: «Бей миньонов!», что было значительно хуже, а ее муж, красильщик, спустил на Шомберга своих подмастерьев.

Шомберг был храбр. Он остановился, положил руку на эфес шпаги и повысил голос.

Д'Эпернон был осторожен — он убежал.

Генрих не беспокоился о двух отставших от него миньонах, он прекрасно знал, что оба они выпутаются из любой истории: один — с помощью своих ног, другой — с помощью своей крепкой руки; поэтому король продолжал свою прогулку и, завершив ее, возвратился, как мы видели, в Лувр.

Там он прошел в оружейную палату и уселся в большое кресло. Весь дрожа от возбуждения, Генрих искал только предлога, чтобы дать волю своему гневу.

Можирон играл с Нардиссом, огромной борзой короля.

Келюс сидел, скорчившись, на подушке, подпирая кулаками щеки, и смотрел на Генриха.

— Они действуют, они действуют, — говорил ему король. — Их заговор ширится. Они — то как тигры, то как змеи: то бросаются на тебя, то подползают к тебе.

— Э, государь, — сказал Келюс, — разве может быть королевство без заговоров? Чем же — кровь Христова! — будут, по-вашему, заниматься сыновья короля, братья короля, кузены короля, если они перестанут устраивать заговоры?

— Нет, Келюс, в самом деле, когда я слышу ваши бессмысленные изречения и вижу ваши толстые, надутые щеки, мне начинает казаться, что вы разбираетесь в политике не больше, чем Жиль с ярмарки Сен-Лоран.

Келюс повернулся вместе с подушкой и непочтительно обратил к королю свою спину.

— Скажи, Можирон, — продолжал Генрих, — прав я или нет, черт побери, и надо ли меня убаюкивать глупыми остротами и затасканными истинами, словно я такой король, как все короли, или торговец шерстью, который боится потерять своего любимого кота?

— Ах, ваше величество, — сказал Можирон, всегда и во всем придерживавшийся одного с Келлосом мнения, — коли вы не такой король, как остальные, докажите это делом, поступайте, как великий король. Какого дьявола! Вот перед вами Нарцисс, это хорошая собака, прекрасный зверь, но попробуйте дернуть его за уши — он зарычит, наступите ему на лапы — он укусит.

— Великолещно, — сказал Генрих, — а этот приравнивает меня к моей собаке.

— Ничего подобного, государь, — ответил Можирон, — и даже совсем напротив. Как вы могли заметить, я ставлю Нарцисса намного выше вас, потому что Нарцисс умеет валяться себя, а ваше величество нет.

И оп, в свою очередь, повернулся к королю спиной.

— Ну вот я и остался один, — сказал король, — превосходно, продолжайте, мои дорогие друзья, ради которых, как меня упрекают, я пускаю по ветру свое королевство. Покидайте меня, оскорбляйте меня, убивайте меня все разом. Клянусь честью! Меня окружают одни палачи. Ах, Шико, мой бедный Шико, где ты?

— Прекрасно, — сказал Келлос, — только этого нам не хватало. Теперь он вызывает к Шико.

— Вполне понятно, — ответил ему Можирон.

И наглец процедил сквозь зубы некую латинскую пословицу, которая переводится на французский следующей аксиомой: «Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты».

Генрих нахмурил брови, в его больших глазах сверкнула молния страшного гнева, и на сей раз взгляд, брошенный им на зарвавшихся друзей, был поистине королевским взглядом.

Но приступ гнева, по-видимому, обессилел короля. Генрих снова откинулся в кресле и стал тереть за уши одного из щенков, которые сидели у него в корзинке.

Тут в передней раздались быстрые шаги, и появился д'Эпернон, без шляпы, без плаща, в разодранном в клочья камзоле.

Келлос и Можирон обернулись и вновь пришедшему, а Нарцисс с лаем кинулся на него, словно он узнавал любимцев короля только по их платью.

— Господи Иисусе! — воскликнул Генрих. — Что с тобой?

— Государь, — сказал д'Эпернон, — поглядите на меня; вот как обходятся с друзьями вашего величества.

— Да кто же с тобой так обошелся? — спросил король.

— Ваш народ, клянусь смертью Христовой! Вернее говоря, народ герцога Анжуйского. Этот народ кричал: «Да здравствует Лига! Да здравствует месса! Да здравствует Гиз! Да здравствует Франсуа!» В общем — да здравствуют все, кроме короля.

— А что ты ему сделал, этому народу, почему он с тобой так обошелся?

— Я? Ровным счетом ничего. Что может сделать народу один человек? Народ признал во мне друга вашего величества, и этого ему было достаточно.

— Но Шомберг?

— Что Шомберг?

— Шомберг не пришел тебе на помощь? Шомберг не защитил тебя?

— Клянусь телом Христовым, у Шомберга и без меня забот хватало.

— Что это значит?

— А то, что я оставил его в руках красильщика, с жены которого он сорвал чепец и который собирался, вместе с пятеркой или семеркой своих подмастерьев, задать ему жару.

— Проклятие! — вскричал король. — Где же ты его оставил, моего бедного Шомберга? — добавил он, поднимаясь. — Я сам отправлюсь ему на помощь. Быть может, кто-нибудь и скажет, — он взглянул в сторону Можирона и Келюса, — что мои друзья покинули меня, но, по крайней мере, никто не скажет, что я покинул своих друзей.

— Благодарю, государь, — произнес голос позади Геприха, — я здесь, Gott verdamme mich¹, я справился с ними сам, хотя и не без труда.

— О! Шомберг! Это голос Шомберга! — закричали трое миньонов. — Но где же ты, черт возьми?

— Клянусь богом! Я там, где вы меня видите, — вопил тот же голос.

И тут все заметили, что из темноты кабинета к ним приближается не человек, нет, — тень человека.

— Шомберг! — воскликнул король. — Откуда ты явился, откуда ты вышел и почему ты такого цвета?

, И действительно, весь Шомберг, от головы до пят, не исключая ни одной части его тела и ни одного предмета

¹ Будь я проклят (нем.).

его костюма, весь Шомберг был самого прекрасного яркосинего цвета, какой только можно себе представить.

— Der Teuffel! ¹ — закричал он. — Презренные! Теперь опять, почему весь этот народ бежал за мной.

— Но в чем же дело? — спросил Генрих. — Если бы еще ты был желтый, это можно было бы объяснить испугом, но синий!

— Дело в том, что они окунули меня в чай, прохвосты. Я думал, что они меня окунули всего лишь в чай с водой, а это был чай с индиго!

— Кляпуть кровью Христовой! — засмеялся Келюс. — Они сами себя наказали: индиго штука дорогая, а ты впитал краски не меньше, чем на двадцать экю.

— Смейся, смейся, хотел бы я видеть тебя на моем месте.

— И ты никого не выпотрошил? — спросил Можирон.

— Знаю одно: мой книжал остался где-то там — вошел по самую рукоятку в какой-то мешок, набитый мясом. Но все свершилось за одну секунду: меня схватили, подняли, понесли, окунули в чай и чуть не утопили.

— А как ты от них вырвался?

— У меня достало смелости решиться на трусливый поступок, государь.

— Что же ты сделал?

— Крикнул: «Да здравствует Лига!»

— Совсем как я, — сказал д'Эпернон, — только меня заставили добавить к этому: «Да здравствует герцог Анжуйский!»

— И я тоже, — сказал Шомберг, кусая себе пальцы от ярости, — я тоже так крикнул. Но это еще не все.

— Как! — воскликнул король. — Они заставили тебя кричать еще что-нибудь, мой бедный Шомберг?

— Нет, они не заставили меня кричать еще, с меня в так, слава богу, было достаточно, но в тот момент, когда я кричал: «Да здравствует герцог Анжуйский!..»

— Ну, ну...

— Угадайте, кто прошел мимо в тот момент?

— Ну разве я могу угадать?

— Бюсси, проклятый Бюсси, и он слышал, как я слышал его господина.

— По всей вероятности, он не понял, что происходит, — сказал Келюс.

¹ Дьявол! (нем.)

— Черт возьми, как трудно было сообразить, что происходит! Я сидел в чане, с кинжалом у горла.

— И он не пришел тебе на выручку? — удивился Можирон. — Однако это долг дворянина по отношению к другому дворянину.

— У него был такой вид, словно он думает совсем не о том; ему только крыльев не хватало, чтобы воспарить в небо, — неся, едва касаясь земли.

— Впрочем, — сказал Можирон, — он мог тебя и не узнать.

— Прекрасное оправдание!

— Ты уже был синий?

— А! Ты прав, — сказал Шомберг.

— Тогда его поведение простительно, — заметил Генрих, — потому что, по правде говоря, мой бедный Шомберг, я и сам-то тебя не узнал.

— Все равно, — возразил Шомберг, который недаром происходил из немцев, — мы с ним еще встретимся где-нибудь в другом месте, а не на углу улицы Кокиьер, и в такой день, когда я не буду сидеть в чане.

— О! Что касается меня, — сказал д'Эпернон, — то я обижен не на слугу, а на хозяина, и хотел бы встретиться не с Бюсси, а с монсеньером герцогом Анжуйским.

— Да, да, — воскликнул Шомберг. — Монсеньер герцог Анжуйский хочет убить нас смехом, в ожидании пока не сможет убить нас кинжалом.

— Это герцогу Анжуйскому пели хвалы на улицах. Вы сами их слышали, государь, — сказали в один голос Келос и Можирон.

— Что я говорить, сегодня хозяин Парижа — герцог, а не король. Попробуйте выйти из Лувра, и вы увидите, отнесутся ли к вам с большим уважением, чем к нам, — сказал д'Эпернон Генриху.

— Ах, брат мой, брат мой! — пробормотал с угрозой Генрих.

— Э, государь, вы еще не раз скажете то, что сказали сейчас: «Ах, брат мой, брат мой!», но никаких мер против этого брата не примете, — заметил Шомберг. — И, однако, заявляю вам: для меня совершенно ясно, что ваш брат стоит во главе какого-то заговора.

— А, смерть Христов! — воскликнул Генрих. — То же самое я говорил этим господам только что, когда ты вошел, д'Эпернон, но они в ответ пожали плечами и обернулись ко мне спиной.

— Государь, — сказал Можирон, — мы пожали плечами и обернулись к вам спиной не потому, что вы забыли о существовании заговора, а потому, что мы не заметили у вас желанья расправиться с ним.

— А теперь, — подхватил Келюс, — мы поворачиваемся к вам лицом, чтобы снова сказать вам: «Государь, спасите нас или, вернее, спасите себя, ибо стоит погибнуть нам, и для вас тоже наступит конец. Завтра в Лувр явится господин де Гиз, завтра он потребует, чтобы вы назначили главу Лиги, завтра вы назовете имя герцога Анжуйского, как вы обещали сделать, и лишь только герцог Анжуйский станет во главе Лиги, то есть во главе ста тысяч парижан, распаленных бесчинствами сегодняшней ночи, вы полностью окажетесь у него в руках.

— Так, так, — сказал король, — а в случае если я приму решение, вы готовы меня поддержать?

— Да, государь, — в один голос ответили молодые люди.

— Но сначала, государь, — заметил д'Эпернон, — позвольте мне надеть другую шляпу, другой камзол и другой плащ.

— Иди в мою гардеробную, д'Эпернон, и мой камердинер даст тебе все необходимое: мы ведь с тобою одного роста.

— А мне, государь, позвольте сначала помыться.

— Иди в мою ванную, Шомберг, и мой банщик позаботится о тебе.

— Ваше величество, — спросил Шомберг, — итак, мы можем надеяться, что оскорбление не останется неотмщенным?

Герцог поднял руку, призывая к молчанию, и, опустив голову на грудь, по-видимому, глубоко задумался.

Потом, через несколько мгновений, он сказал:

— Келюс, узнайте, возвратился ли герцог Анжуйский в Лувр.

Келюс вышел. Д'Эпернон и Шомберг остались вместе со всеми ждать его возвращения, настолько их рвение было подогрето надвигающейся опасностью. Самая большая выдержка нужна матросам не во время бури, а во время затишья перед бурей.

— Государь, — спросил Можирон, — значит, ваше величество решились?..

— Увидите, — ответил король.

Появился Келюс.

— Господня герцог еще не возвращался, — сообщил он.
— Хорошо, — ответил король. — Д'Эпернон, ступайте смените ваше платье. Шомберг, ступайте смените ваш цвет. А вы, Келюс, и вы, Можирон, отправляйтесь во двор и сторожите там как следует, пока не вернется мой брат.

— А когда он вернется? — спросил Келюс.

— Когда он вернется, вы прикажете закрыть все ворота. Ступайте!

— Bravo, государи! — воскликнул Келюс.

— Ваше величество, — обещал д'Эпернон, — через десять минут я буду здесь.

— А я, государь, я не знаю, когда я буду здесь, это зависит от качества краски.

— Возвращайтесь поскорее, вот все, что я могу вам сказать.

— Но ваше величество остаетесь одни? — спросил Можирон.

— Нет, Можирон, я остаюсь с богом, у которого буду просить покровительства нашему делу.

— Просите хорошенько, государь, — сказал Келюс, — я уже начинаю подумывать, не стакнулся ли господь с дьяволом, чтобы погубить всех нас в этом и в том мире.

— Amen! ¹ — сказал Можирон.

Те мишоны, которые должны были сторожить во дворе, вышли в одну дверь. Те, которые должны были привести себя в порядок, — в другую.

Оставшийся в одиночестве король преклонил колени на своей молитвенной скамеечке.

Глава V

ШКО ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ФРАНЦИИ

Пробило полночь. В полночь ворота Лувра обычно закрывались. Но Генрих мудро рассудил, что герцог Анжуйский не преминет провести эту ночь в Лувре, чтобы оставить меньше пища для подозрений, которые могли возникнуть у короля после событий, происходивших в Париже этим вечером.

¹ Амьнь! (лат.)

- И Генрих приказал не запереть ворота до часу ночи. В четверть первого к королю поднялся Келюс.
- Государь, — сказал он, — герцог возвратился.
- Что делает Можирон?
- Он остался на страже, последить, не выйдет ли герцог снова.
- Это нам не угрожает.
- Значит... — сказал Келюс, жестом показывая королю, что остается только действовать.
- Значит... дадим ему спокойно улечься спать, — сказал Генрих. — Кто с ним?
- Господин де Монсоро и его всегдашние дворяне.
- А господин де Бюсси?
- Господина де Бюсси с ним нет.
- Отлично, — сказал король, для которого было большим облегчением узнать, что его брат лишен своей лучшей шпаги.
- Какова будет воля короля? — спросил Келюс.
- Скажите д'Эпернону и Шомбергу, чтобы они поторопились, и предупредите господина де Монсоро, что я желаю с ним говорить.

Келюс поклонился и выполнил поручение со всей быстротой, которую сообщают действия человека чувство ненависти и жажда отыщенья, объединенные в одном сердце.

Через пять минут вошли д'Эпернон и Шомберг, один — заново одетый, другой — добела отмытый, только в складках кожи на его лице сохранился еще голубоватый оттепок; по мнению банщика, исчезнуть совсем он мог лишь после нескольких паровых ванн.

Вслед за двумя миньонами появился господин де Монсоро.

— Господин капитан гвардии вашего величества уведомил меня, что ваше величество оказали мне честь призвать меня к себе, — сказал главный ловчий, кланяясь.

— Да, сударь, — ответил Генрих, — да. Прогуливаясь нынче вечером, я увидел сверкающие звезды и великолещную лулу и невольно подумал, что при столь замечательной погоде мы могли бы завтра отменно поохотиться. Сейчас всего лишь полночь, господин граф, отправляйтесь тотчас же в Венсен и распорядитесь выставить для меня лань, а завтра мы ее затравим.

— Но, государь, — сказал Монсоро, — я полагал, что завтра ваше величество удостоите аудиенции монсеньера

Анжуйского и господина де Гиза, чтобы назначить главу Лиги.

— Ну и что из того, сударь? — сказал король тем высокомерным тоном, который делал ответ затруднительным.

— Вам... вам может нехватить времени.

— Тот, кто умеет правильно употребить время, никогда не ощущает в нем недостатка; именно поэтому я и говорю вам: у вас есть время выехать сегодня ночью, при условии, что вы выедете тотчас же. У вас есть время выставить этой ночью лань, и у вас будет время подготовить команды к завтраму, к десяти утра. Итак, отправляйтесь, и немедленно! Келюс, Шомберг, прикажите отворить господину де Монсоро ворота Лувра — от моего имени, от имени короля; и от имени короля же прикажите запереть их, когда он уедет.

В полном удивлении главный ловчий вышел из комнаты.

— Что это, прихоть короля? — спросил он в передней у миньонов.

— Да, — лаконически ответили они.

Господин де Монсоро понял, что здесь ему ничего не добиться, и умолк.

«Ну и ну! — сказал он себе, бросив взгляд в сторону покоев герцога Анжуйского. — Мне кажется, это не сулит ничего доброго его королевскому высочеству».

Но у главного ловчего не было никакой возможности предостеречь принца. Справа от него шел Келюс, слева — Шомберг. На мгновение у Монсоро мелькнула мысль, что миньоны получили тайный приказ арестовать его, и лишь очутившись за пределами Лувра и услышав, как за ним закрылись ворота, он понял неосновательность своих подозрений.

Через десять минут Шомберг и Келюс возвратились к королю.

— А теперь, — сказал Генрих, — ни звука, и отправляйтесь все четверо за мной.

— Куда мы идем, государь? — спросил, как всегда, осторожный д'Эпернон.

— Тот, кто дойдет, увидит, — ответил король.

— Пошли, — сказали в один голос четверо молодых людей.

Миньоны вооружились шпагами, пристегнули свои плащи и последовали за королем, а он, держа в руке фо-

наръ; повел их известным нам потайным коридором, по которому ходили, как мы с вами не раз видели, королева-мать и король Карл IX, направляясь к их дочери и сестре, к милой Марго, чьи покои, мы об этом также уже говорили, занимал теперь герцог Анжуйский.

В коридоре дежурил один из камердинеров герцога, но, прежде чем он успел отступить к двери, чтобы предупредить своего господина, Генрих схватил его и, приказав молчать, передал своим спутникам, те затолкали нерасторопного слугу в одну из комнат и там заперли.

Таким образом, ручку на дверях опочивальни монсеньера герцога Анжуйского повернул сам король.

Герцог только что лег в постель, весь во власти честолюбивых мечтаний, пробужденных в нем событиями этого вечера. Он видел, как превозносили его имя, предав забвению имя короля. Он видел, как парижане расступались перед ним, шествовавшим в сопровождении герцога де Гиза, перед ним и его дворянами, а дворян короля встречали улюлюканьем, насмешками, оскорблениями. Ни разу еще с начала его длинного жизненного пути, густо отмеченного тайными происками, трусливыми заговорами и скрытыми подкопами, не выпадала ему на долю такая популярность и, как ее следствие, такие надежды.

Он положил на стол переданное ему господином де Монсоро письмо герцога де Гиза, где ему советовали обязательно присутствовать завтра при утреннем туалете короля.

Герцог Анжуйский не нуждался в подобных советах, уж он-то не собирался пропускать час своего великого торжества.

Но каково же было изумление Франсуа, когда он увидел, что дверь потайного коридора распахнулась, и в какой ужас он пришел, обнаружив, что ее открыла рука короля!

Генрих сделал своим спутникам знак остаться на пороге и, серьезный, нахмуренный, подошел к кровати брата, не произнося ни слова.

— Государь, — залепетал герцог, — честь, которой вы удостоиваете меня, так неожиданна...

— Что она вас пугает, не правда ли? — сказал король. — Я это понимаю. Нет, нет, брат мой, не вставайте, останьтесь в постели.

— Но, государь, все же... позвольте мне, — сказал герцог Анжуйский, весь дрожа и придвигая к себе письмо герцога де Гиза, которое он только что кончил читать.

— Вы читали? — спросил король.

— Да, ваше величество.

— Очевидно, то, что вы читали, очень увлекательно, раз вы все еще не спите в столь поздний час.

— О, государь, — ответил герцог с вымученной улыбкой, — ничего, заслуживающего внимания: вечерняя корреспонденция.

— Разумеется, — сказал Генрих, — понятно: вечерняя корреспонденция — корреспонденция Венеры; впрочем, нет, я ошпбся, письма, которые посылают с Ирис или с Меркурием, не запечатывают такой большой печатью.

Герцог спрятал письмо.

— А он скромник, наш милый Франсуа, — сказал король со смехом, который слишком напоминал зубовой скрежет, чтобы не испугать его брата.

Однако герцог сделал над собою усилие и попытался принять более уверенный вид.

— Ваше величество желает сказать мне что-нибудь паедине? — спросил герцог. Он заметил, как четверо дворян у дверей зашевелились, и понял, что они слушают и наслаждаются пачинающей сцепой.

— Все, что я имею сказать вам паедине, — ответил король, делая ударение на последнем слове, ибо разговор с королем с глазу па глаз был привилегией, предоставленной братьям короля церемониалом французского двора, — все это вам, сударь, придется сегодня соблаговоить выслушать от меня при свидетелях. Господа, слушайте хорошенько, король вам это разрешает.

Герцог поднял голову.

— Государь, — сказал он с тем ненавидящим и полным яда взглядом, который человек заимствовал у змеи, — прежде чем оскорблять человека моего положения, вы должны были бы отказать мне в гостеприимстве в Лувре; в моем дворце я, по крайней мере, мог бы вам ответить подобающим образом.

— Поистине, — сказал Генрих с мрачной иронией, — вы забываете, что всюду, где бы вы ни находились, вы остаетесь моим подданным и что мои подданные всегда находятся у меня, где бы они ни были, потому что, слава богу, я король!.. Король этой земли!..

— Государь, — воскликнул Франсуа, — в Лувре́ я — у моей матери.

— А ваша мать — у меня, — ответил Генрих. — Однако ближе к делу, сударь: дайте мне это письмо.

— Какое?

— То, что вы читали, черт возьми, то, что лежало раскрытым на вашем ночном столике, то, что вы спрятали, увидев меня.

— Государь, подумайте! — сказал герцог.

— О чем? — спросил король.

— О том, что ваше поведение недостойно дворянина, такое требование может предъявлять лишь полицейский. Король побледнел как мертвец.

— Письмо, сударь! — повторил он.

— Письмо женщины, государь, подумайте! — сказал Франсуа.

— Есть женские письма, которые обязательно следует читать и очень опасно оставлять не прочитанными, пример: письма нашей матушки.

— Брат! — сказал Франсуа.

— Письмо, сударь, — вскричал король, топнув ногой, — или я вызову четверку швейцарцев, и они вырвут его у вас.

Герцог соскочил с кровати, зажав скомканное письмо в руках, с явным намерением добежать до каминна и бросить бумагу в огонь.

— И вы поступите так с вашим братом?

Генрих отгадал его намерение и преградил ему путь к камину.

— Не с моим братом, — сказал он, — а с моим смертельным врагом! Не с моим братом, а с герцогом Анжуйским, который весь вечер разъезжал по Парижу за хвостом коня господина де Гиза! С братом, который пытается скрыть от меня письмо от одного из своих сообщников — господ лотарингских принцев.

— На этот раз, — сказал герцог, — ваша полиция поработала плохо.

— Говорю вам, что я видел на печати трех знаменитых дроздов Лотарингии, которые намереваются проглотить лилии Франции. Дайте письмо, дайте мне его, или, клянусь смертью Христовой...

Генрих сделал шаг к герцогу и опустил ему на плечо руку.

Как только Франсуа ощутил тяжесть королевской руки, как только, скосив глаза, увидел угрожающие позы четырех миньонов, уже готовых обнажить шпаги, он упал на колени и, привалившись к своей кровати, закричал:

— Ко мне! На помощь! Мой брат хочет убить меня!

Эти слова, исполненные глубокого ужаса, который сделал их убедительными, произвели впечатление на короля и умерили его гнев как раз потому, что они преувеличивали глубину этого гнева. Король подумал, что Франсуа и впрямь мог испугаться убийства и что такое убийство было бы братоубийством. У него на мгновение закружилась голова при мысли о том, что в его семье, семье, над которой, как над всеми семьями угасающих родов, тяготеет проклятие, братья, по традиции, убивают братьев.

— Нет, — сказал он, — вы ошибаетесь, брат, король не угрожает вам тем, чего вы боитесь. Вы попытались бороться, а теперь признайте себя побежденным. Вы знаете, что господин здесь — король, а если и не знали, то теперь поняли. Что ж, скажите об этом, и не шепотом, а во весь голос.

— О! Я говорю это, брат мой, я объявляю об этом, — вскричал герцог.

— Замечательно. Тогда дайте мне письмо... потому что король приказывает вам дать ему письмо.

Герцог Анжуйский уронил бумагу на пол.

Король подобрал ее, сложил, не читая, и сунул в свой кошелек для раздачи милостыни.

— Это все, государь? — спросил герцог, обратив к королю свой косящий взгляд.

— Нет, сударь, — сказал Генрих, — из-за сегодняшних беспорядков — к счастью, они не имели пагубных последствий — вам еще придется, если вы сообразовите, еще придется посидеть в этой комнате, до тех пор пока мои подозрения на ваш счет не рассеются окончательно. Вы уже здесь, помещение это вам знакомо, оно удобно и не слишком похоже на тюрьму — оставайтесь тут. У вас будет приятное общество, во всяком случае, по ту сторону двери, потому что сегодня ночью вас будут сторожить эти четверо господ. Завтра утром их сменят швейцарцы.

— А мои друзья? Смогу я увидеть моих друзей?

— Кого называете вы вашими друзьями?

— Господина де Монсоро, например, господина де Рибейрака, господина д'Антрагэ, господина де Бюсси.

— Ну конечно, — сказал король, — еще и этого!

— Разве он имел несчастье чем-нибудь не угодить вашему величеству?

— Да, — сказал король.

— Когда же?

— Всегда и сегодня вечером в частности.

— Сегодня вечером? Что же он сделал сегодня вечером?

— Он нанес мне оскорбление на улицах Парижа.

— Вам, государь?

— Да, мне или преданным мне людям, что одно и то же.

— Бюсси нанес оскорбление кому-то на улицах Парижа этим вечером? Вас ввели в заблуждение, государь.

— Я знаю, что говорю.

— Государь, — воскликнул герцог с торжествующим видом, — господин де Бюсси уже два дня как не выходит из своего дворца! Он лежит дома больной, его бьет лихорадка.

Король повернулся к Шомбергу.

— Если его и была лихорадка, — сказал молодой человек, — то, уж во всяком случае, не у него дома, а на улице Кокийер.

— Кто вам сказал, — спросил герцог Анжуйский, приподнимаясь, — что Бюсси был на улице Кокийер?

— Я сам его видел.

— Вы видели Бюсси на улице?

— Да, Бюсси, свежего, бодрого, веселого, похожего на самого счастливого человека в мире, и в сопровождении его всегдашнего пособника, этого Реми, уж не знаю — оруженосца его или лекаря.

— В таком случае я больше ничего не понимаю, — сказал пораженный герцог. — Я видел Бюсси сегодня, он лежал под одеялами. Должно быть, он меня обманул.

— Хорошо, — сказал король, — когда все выяснится, господин де Бюсси будет наказан, как и другие и вместе с другими.

Герцог не пытался больше вступаться за своего дворянина, он подумал, что, предоставив королю возможность излить свой гнев на Бюсси, тем самым отвратит этот гнев от себя.

— Если господин де Бюсси поступил так, — сказал Франсуа, — если он, после того как отказался выйти из дому со мной, вышел один, значит, у него, несомненно,

были какие-то намерения, в которых он не мог признать мне, зная мою преданность вашему величеству.

— Вы слышите, господа, что утверждает мой брат? — спросил король. — Он утверждает, что Бюсси делал все без его ведома.

— Тем лучше, — сказал Шомберг.

— Почему тем лучше?

— Потому что тогда ваше величество позволите нам поступить по нашему усмотрению.

— Хорошо, хорошо, там будет видно, — сказал Генрих. — Господа, я препоручаю моего брата вашим заботам: оказывайте ему в течение этой ночи, во время которой вы будете удостоены чести охранять его, все почести, подобающие принцу крови, первому в королевстве человеку после меня.

— О государь, — сказал Келюс, и от его взгляда герцога бросило в дрожь, — будьте спокойны, мы знаем, скольким обязаны его высочеству.

— Прекрасно, прощайте, господа, — сказал Генрих.

— Государь, — воскликнул герцог, которому отсутствие короля показалось еще более пугающим, чем его присутствие, — неужели я и в самом деле арестован?! Неужели мои друзья не смогут навещать меня?! Неужели меня заточат в этой комнате?!

Тут он вспомнил о завтрашнем дне, о дне, когда ему так необходимо быть рядом с герцогом де Гизом.

— Государь, — продолжал Франсуа, заметив, что король готов смягчиться, — позвольте мне, по крайней мере, хоть завтра быть с вашим величеством. Мое место возле вашего величества. На глазах у вас я буду таким же пленником, и даже под лучшей охраной, чем в любом другом месте. Государь, окажите мне эту милость, разрешите быть при вас.

Король, не усмотрев ничего предосудительного в просьбе герцога Анжуйского, уже готов был согласиться с ней и сказать свое «да», когда внимание его отвлекла от брата очень длинная и весьма гибкая фигура, которая, стоя в дверях, руками, головой, шеей, одним словом — всем, чем только она могла двигать, делала самые отрицательные жесты, какие только можно изобрести и выполнить без того, чтобы не вывихнуть себе кости.

Это был Шико, изображавший «нет».

— Нет, — сказал Генрих брату, — вам здесь очень хорошо, и мне угодно, чтобы вы тут и оставались.

- Государь, — пролепетал герцог.
- Такова воля короля Франции. И, мне кажется, для вас этого должно быть достаточно, сударь, — добавил Генрих с высокомерным видом, окончательно уничтожившим герцога.
- Я же говорил, что настоящий король Франции — это я! — прошептал Шико.

Глава VI

О ТОМ, КАК ШИКО НАНЕС ВИЗИТ БЮССИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОСПОСЛЕДОВАЛО

Назавтра после этого дня или, скорее, этой ночи, около девяти часов утра, Бюсси спокойно завтракал в компании Реми, и тот в своем качестве лекаря предписывал ему разные подкрепляющие средства. Они беседовали о вчерашних событиях, и Реми пытался вспомнить легенды, изображенные на фресках церквушки святой Марии Египетской.

— Послушай, Реми, — внезапно спросил его Бюсси, — тебе не показался знакомым тот дворянин, которого окунули в чан на углу улицы Кокийер, когда мы там проходили?

— Разумеется, господин граф, и даже до такой степени, что я с той минуты все стараюсь вспомнить его имя.

— Значит, ты его тоже не узнал?

— Нет. Он был уже основательно синий.

— Мне следовало бы выручить его, — сказал Бюсси, — долг порядочных людей защищать друг друга от всякого сброда. Но, по правде, Реми, я был слишком занят своими делами.

— Если мы его и не узнали, — сказал Одуэн, — зато он наверняка нас узнал, ведь мы-то были нашего естественного цвета. Мне показалось даже, что он злобно на нас таращился и грозил нам кулаком.

— Ты в этом уверен, Реми?

— За то, что таращился, я головой отвечаю, а насчет кулака и угроз не совсем уверен, — сказал Одуэн, знаявший вспыльчивость Бюсси.

— В таком случае, Реми, надо узнать, кто был этот дворянин. Я не могу оставить безнаказанным подобное оскорбление,

— Постоите, постоите, — вскрикнул вдруг Одуэн так, словно он только что выскочил из ледяной воды или прыгнул в кипяток. — Ах, боже мой! Вспомнил! Я знаю, кто это.

— Как ты мог узнать?

— Я слышал, что он ругался.

— Клянусь смертью Христовой, всякий бы ругался в подобном положении!

— Да, но он ругался по-немецки.

— А!

— Он сказал: Gott verdamme.

— Значит, это Шомберг.

— Он самый, господин граф, он самый.

— Тогда, дорогой Реми, готовь твои мази.

— Почему?

— Потому что в скором времени придется тебе штопать его шкуру или мою.

— Вы не будете настолько безумны, чтобы позволить убить себя сейчас, когда вы наконец здоровы и так счастливы, — сказал Реми, подмигивая. — Какого черта! Ведь святая Мария Египетская уже один раз вас воскресила, ей может и прискучить сотворить чудо, за которое сам Христос брался всего лишь дважды.

— Совсем напротив, Реми, — ответил граф, — ты себе и не представляешь, какое это наслаждение — рисковать своей жизнью, когда ты счастлив. Уверю тебя, что я дерусь без всякой охоты после крупного проигрыша в карты, или после того, как я застал мою любовницу на месте преступления, или когда я недоволен собой. И, наоборот, каждый раз, когда кошелек мой туго набит, на сердце легко и совесть моя чиста, я выхожу на поединок смело и с шутками. Именно тогда я бываю уверен в своей руке и вижу противника насквозь. Я подавляю его своим везением. Я нахожусь в положении человека, который счастливо играет в «пас-диз» и чувствует, как ветер удачи метет к нему золото его соперника. Нет, именно в такие минуты я блистателен, уверен в себе, именно тогда я делаю выпад правой ногой. Сегодня я дрался бы великолепно, Реми, — сказал молодой человек и протянул лекарю руку, — потому что, благодаря тебе, я счастлив!

— Минутку, минутку, — сказал Одуэн, — тем не менее вам придется, если вы не возражаете, отказаться от этого удовольствия. Одна прекрасная дама из числа моих

друзей поручила вас моим заботам и вынудила меня по-клясться, что я сохраню вас здоровым и невредимым; вынудила под предлогом, что вы обязаны ей жизнью и поэтому не можете распорядиться этой жизнью без ее согласия.

— Мой добрый Реми,— сказал граф, погружаясь в туманные мечтания, при которых влюбленный воспринимает все, что совершается и говорится вокруг него, так, как в театре мы видим декорации и актеров на сцене сквозь прозрачный занавес: неясно, без отчетливых линий и ярких красок. Это чудесное состояние полусна, когда, отдаваясь всей душой нежным мыслям о предмете вашей любви, вы одновременно чувствами воспринимаете слова или жесты друга.

— Вы называете меня «добрым Реми»,— сказал Одуэн,— потому что я дал вам возможность снова увидеть госпожу де Монсоро, но станете ли вы называть меня «добрым Реми», когда окажетесь разлученным с нею, а, к несчастью, этот день близок, если уже не настал.

— Что ты сказал? — вскричал, встрепенувшись, Бюсси. — Не будем с этим шутить, мэтр ле Одуэн!

— Э! Сударь, я не шучу. Разве вы не знаете, что она уезжает в Анжу и что я сам тоже обречен на страдания из-за разлуки с мадемуазель Гертрудой? Ах!..

Бюсси не мог сдержать улыбки при виде притворного отчаяния Реми.

— Ты ее очень любишь? — спросил он.

— Еще бы... и она меня тоже... Если бы вы знали, как она меня колотит.

— И ты ей это позволяешь?

— Из-за любви к науке; благодаря Гертруде я был вынужден изобрести превосходную мазь от сывяков.

— В таком случае тебе следовало бы послать несколько баночек Шомбергу.

— Не будем больше говорить о Шомберге, пусть он сам о себе позаботится.

— Да, и вернемся к госпоже де Монсоро или, вернее, к Диане де Меридор, потому что, знаешь...

— Бог мой, конечно, знаю.

— Реми, когда мы едем?

— А! Я так и думал. Как можно позже, господин граф.

— Почему?

— Во-первых, потому, что в Париже находится наш дорогой принц, глава анжуйцев, который прошлым вечером ввязался, как мне кажется, в такие дела, что мы ему, очевидно, понадобится.

— Дальше?

— Дальше, потому что господин де Монсоро, словно по какой-то особой милости к нам пебес, ни о чем не подозревает, — во всяком случае, ни в чем не подозревает вас, но может заподозрить кое-что, если вы исчезнете из Парижа в одно время с его женой, которая ему не жена.

— Ну и что? Какое мне дело до его подозрений?

— О! Разумеется. Но мне-то до этого есть дело, и очень большое, любезный мой господин. Я берусь штопать дыры от ударов шпаги, полученные на поединках, потому что вы превосходно фектуете и у вас никогда не бывает серьезных ран, но я отказываюсь иметь дело с кинжальными ранами, нанесенными из засады, и в особенности когда их наносят ревнивые мужья. Эти скоты в подобных случаях бьют изо всех сил. Вспомните беднягу господина де Сен-Мегрена, так злодейски убитого нашим другом, господином де Гизом.

— Чего же ты хочешь, мой милый, коли мне на роду написано погибнуть от руки Монсоро!

— Значит?

— Значит, он меня и убьет.

— А через неделю, через месяц или через год госпожа де Монсоро станет женой своего супруга, что приведет в бешенство вашу бедную душу, которая увидит это сверху или снизу и не сможет ничему помешать, поскольку у нее не будет тела.

— Ты прав, Реми, я хочу жить.

— В добрый час! Но жить — это еще не все, поверьте мне, надо еще следовать моим советам и быть любезным с Монсоро. Он сейчас ужасно ревнует к герцогу Анжуйскому. Тот, пока вы тряслись от лихорадки у себя в постели, прогуливался под окнами дамы, словно пруспевающий испанец, и был опознан по своему лютнплету Орильи. Оказывайте всяческие любезности милейшему супругу, который не является супругом, и даже не заикайтесь ему о его жене. Да вам это и ни к чему, вы и сами все о ней знаете. Тогда он будет рассказывать повсюду, что вы единственный дворянин, обладающий добродетелями Сципиона: стойкостью и целомудрием.

— Мне кажется, ты прав,— сказал Бюсси. — Сейчас, когда я больше не ревную к этому медведю, я его приручу. Ну и посмеемся же мы! Ах, Реми, теперь проси от меня всего, что хочешь, мне все легко — я счастлив.

В эту минуту кто-то постучался в дверь; собеседники замолчали.

— Кто там? — спросил Бюсси.

— Монсеньер,— ответил один из его пажей,— там внизу какой-то дворянин хочет говорить с вами.

— Говорить со мной в такую рань, кто же это?

— Высокий господин, одетый в зеленый бархат и розовые чулки, немного смешной, но вид у него человека порядочного.

— Гм,— вслух подумал Бюсси,— не Шомберг ли это?

— Он сказал: «Высокий господин».

— Верно. Тогда, может быть,— Монсоро?

— У этого вид человека порядочного.

— Ты прав, Реми, это не может быть ни тот, ни другой. Впустите его.

Через короткое время человек, о котором говорил паж, показался на пороге.

— Ах! Бог мой! — вскричал Бюсси при виде посетителя и поспешно встал, а Реми, как и подобает скромному другу, вышел в соседнюю комнату. — Господин Шико! — воскликнул Бюсси.

— Он самый, господин граф,— ответил ему гасконец.

Бюсси уставился на него с тем замешательством, которое говорит яснее всяких слов: «Сударь, зачем вы сюда пожаловали?»

Поэтому Шико, несмотря на то что ему не было задапо этого вопроса, ответил очень серьезным тоном:

— Сударь, я пришел, чтобы предложить вам небольшую сделку.

— Я вас слушаю, сударь,— сказал Бюсси с недоумением.

— Что вы мне обещаете, если я окажу вам важную услугу?

— Это зависит от услуги, сударь,— ответил несколько свысока Бюсси.

Гасконец прикинулся, что не замечает его пренебрежительного тона.

— Сударь,— сказал он, усевшись и скрестив свои длинные ноги,— я вижу, что вы не удостаиваете меня приглашением сесть.

Краска бросилась в лицо Бюсси.

— Это увеличивает размеры вознаграждения, которое мне будет полагаться после того, как я окажу вам упомянутую услугу.

Бюсси ничего не ответил.

— Сударь,— не смущаясь, продолжал Шико,— вы знакомы с Лигой?

— Я о ней много слышал,— ответил Бюсси, начиная проявлять к словам гасконца некоторый интерес.

— В таком случае, сударь,— сказал Шико,— вы должны знать, что это объединение честных христиан, собравшихся для того, чтобы благоговейно уничтожить своих ближних — гугенотов. Вы состоите в Лиге, сударь?.. Я — да.

— Но, сударь?..

— Скажите только, «да» или «нет».

— Позвольте мне удивиться,— сказал Бюсси.

— Я имел честь спросить вас, состоите ли вы в Лиге; вы повяли меня?

— Господин Шико,— сказал Бюсси,— я не люблю вопросов, смысла которых я не понимаю, поэтому, будьте так любезны, перемените тему разговора, и ради приличия я подожду еще несколько минут, прежде чем сказать вам, что, не любя подобных вопросов, я, естественно, не люблю и людей, их задающих.

— Великолепно; приличие есть приличие, как говорят наш дорогой господин де Монсоро, когда он в хорошем настроении.

При имени Монсоро, которое гаскопек обронил словно бы невзначай, Бюсси снова стал внимательным.

— Гм,— прошептал он,— не заподозрил ли Монсоро чего-нибудь и не прислал ли ко мне этого Шико на разведку?..

И сказал громко:

— Ближе к делу, господин Шико, в нашем распоряжении всего несколько минут.

— Optime¹,— ответил Шико,— несколько минут — это много; за несколько минут можно наговорить с три короба. Я, пожалуй, мог бы и не спрашивать вас, ведь если вы и не принадлежите к святой Лиге, то, вне всякого сомнения, вступите в нее, и очень скоро, учитывал, что монсеньер герцог Анжуйский в ней состоит.

¹ Превосходно (лат.).

— Герцог Анжуйский! Кто это вам сказал?

— Он сам в личной беседе со мной, как говорят или, вернее, пишут законники; как писал, например, милейший и добрейший господин Никола Давид, светоч парижского форума. Этот светоч теперь угас, и до сих пор неизвестно, кто же его задул. Так вот, вы прекрасно понимаете, что если герцог Анжуйский принадлежит к Лиге, вам этого тоже не избежать, ведь вы его правая рука, черт побери! Лига понимает толк в деле и не согласится иметь своим главой однорукого.

— И что же дальше, господин Шико? — сказал Бюсси, на этот раз значительно более вежливым тоном.

— Дальше? — переспросил Шико. — Дальше, если вы принадлежите к Лиге или подумают, что вы к ней принадлежите, а так обязательно подумают, с вами случится то же, что случилось с его королевским высочеством.

— Что же случилось с его королевским высочеством? — воскликнул Бюсси.

— Сударь, — сказал Шико, поднимаясь и принимая ту позу, которую незадолго до этого принимал Бюсси, — сударь, я не люблю вопросов и — если вы разрешите мне продолжить — не люблю людей, задающих вопросы, поэтому у меня большое желание предоставить сделать с вами то, что сделали почью с вашим господином.

— Господин Шико, — сказал Бюсси с улыбкой, которая заключала в себе все извинения, какие может приписать дворянин, — говорите же, умоляю вас, где герцог?

— В тюрьме.

— В какой?

— В своей опочивальне. И четверо моих добрых друзей не спускают с него глаз: господин де Шомберг, которого вчера вечером выкрасили в синий цвет, как это вам известно, потому что вы были свидетелем этой операции; господин д'Эперноц, желтый с перелугу, господин де Келиус, красный от гнева, и господин де Можирон, белый от скуки. Прелестное зрелище, особенно если учесть, что герцог начинает зеленеть от страха. Вскоре мы сможем наслаждаться полной радугой, мы — избранное общество Лувра.

— Значит, сударь, — сказал Бюсси, — вы думаете, что моей свободе угрожает опасность?

— Опасность... дайте подумать, сударь. Я полагаю, что в эту минуту вас готовы... вас должны... вас должны были бы арестовать.

Бюсси содрогнулся.

— Как вы смотрите на Бастилию, господин де Бюсси? Это прекрасное место для размышлений, и господин Лоран Тестию, ее комендант, весьма недурно кормит своих шташек.

— Меня отправят в Бастилию?! — воскликнул Бюсси.

— По чести, так! У меня тут где-то в кармане даже вроде бы приказ есть препроводить вас туда, господин де Бюсси; хотите поглядеть?

И Шико действительно извлек из своей штанышки, в которую могли бы поместиться три таких ляжки, как у него, составленный по всей форме королевский приказ, предписывающий взять под стражу господина Луи де Клермона, сеньора де Бюсси д'Амбуаз, в любом месте, где он будет обнаружен.

— Редакция господина де Келюса, — сказал Шико, — прекрасно написано.

— Так, значит, сударь, — воскликнул Бюсси, тронутый поступком Шико, — вы мне в самом деле оказываете услугу?

— Мне кажется, да, — сказал гаскопед, — и вы того же мнения, сударь?

— Сударь, — сказал Бюсси, — заклинаю вас, ответьте мне, как человек благородный: вы спасаете меня сегодня, чтобы погубить когда-нибудь в другой раз? Ведь вы любите короля, а король меня не любит.

— Господин граф, — сказал Шико, приподнимаясь на своем стуле и кланяясь, — я спасаю вас, чтобы вас спасти. А теперь можете думать о моем поступке все, что вам будет угодно.

— Но, бога ради, чему обязан я подобной милостью?

— Разве вы забыли, что я просил вас о вознаграждении?

— Это верно.

— Так что же?

— Ах, сударь, с радостью!

— Значит, вы, в свою очередь, сделаете то, о чем однажды я попрошу вас?

— Слово Бюсси! Если только это будет в моих силах.

— Прекрасно, этого с меня достаточно, — сказал Шико, вставая. — Теперь садитесь на коня и исчезайте.

а я передам приказ о вашем аресте тому, кто имеет право исполнять его.

— Так вы не должны были сами арестовать меня?

— Да что вы! За кого вы меня принимаете? Я — дворянин, сударь.

— Но я покидаю моего господина.

— Не упрекайте себя, он первый вас покинул.

— Вы славный дворянин, господин Шико, — сказал Бюсси гасконцу.

— Черт возьми, я и сам так думаю, — ответил тот. Бюсси позвал Одуэна.

Одуэн, который, надо отдать ему справедливость, подслушивал у дверей, тотчас же возник на пороге.

— Ремп! — воскликнул де Бюсси. — Ремп, наших коней!

— Они оседланы, монсеньер, — спокойно ответил Ремп.

— Сударь, — сказал Шико, — вот на редкость сообразительный молодой человек.

— Черт возьми, я и сам так думаю, — заметил Ремп.

И они отвесили друг другу низкие поклоны, как это сделали бы лет пятьдесят спустя Гийом Горен и Готье-Гаргий.

Бюсси набрал несколько пригоршней эюк и рассовал их по своим карманам и по карманам Одуэна.

Затем, поклонившись Шико и еще раз поблагодарив его, шагнул к двери.

— Простите, сударь, — сказал Шико, — разрешите мне присутствовать при вашем отъезде.

И гасконец последовал за Бюсси и Одуэном в маленький конюшенный двор, где паж и в самом деле держал под уздцы оседланных лошадей.

— Куда мы едем? — спросил Ремп, небрежно беря поводья своего коня.

— Куда?.. — переспросил Бюсси в нерешительности или прикидываясь, что он в нерешительности.

— Что вы скажете о Нормандии, сударь? — сказал Шико, который наблюдал за сборами и с видом знатока разглядывал коней.

— Нет, — ответил Бюсси, — это слишком близко.

— А что вы думаете о Фландрии? — продолжал Шико.

— Это слишком далеко.

— Я полагаю, — сказал Ремп, — что вы остановитесь на Анжу, оно находится на подходящем расстоянии, не правда ли, господин граф?

— Да, поехали в Анжу,— ответил Бюсси, покраснев.
— Сударь,— сказал Шико,— теперь, когда вы сделали ваш выбор и собираетесь выехать...

— Немедленно.

— Я имею честь приветствовать вас. Помните меня в своих молитвах.

И достойный дворянин все с тем же серьезным и величественным видом запагал прочь, задевая за углы домов своей гигантской рапирой.

— Значит, это судьба, сударь,— сказал Реми.

— Поехали, скорей! — вскричал Бюсси. — Быть может, мы ее нагоним.

— Ах, сударь,— сказал Одуэн,— если вы будете помогать судьбе, вы отнимете у нее ее заслуги,

И они тронулись в путь.

Глава VII

ШАХМАТЫ ШИКО, БИЛЬБОКЕ КЕЛЮСА И САРБАКАН ШОМБЕРГА

Можно сказать, что Шико, несмотря на свой флегматичный вид, возвращался в Лувр в самом радостном настроении.

Он получил тройное удовлетворение: оказал услугу такому храбрцу, как Бюсси, принял участие в интриге и обеспечил королю возможность произвести тот государственный переворот, которого требовали обстоятельства.

Вне всякого сомнения, присутствие в городе и Бюсси с его ясной головой, а в особенности — храбрым сердцем, и нерушимого триумvirата Гизов предвещало добром Парюку грозу в самые ближайшие дни.

Сбывались все опасения короля и все предвидения Шико.

После того, как герцог де Гиз принял у себя утром руководителей Лиги, явившихся, чтобы вручить ему книги, заполненные подписями, те самые книги, которые мы с вами уже видели на перекрестках улиц, возле дверей гостиниц и даже на алтарях церквей; после того, как герцог де Гиз посулил этим руководителям, что у Лиги будет глава, и взял с каждого из них клятву признать своим вождем того, кого назначит король; после того, наконец, как герцог де Гиз посоветался с кардиналом и

с герцогом Майеннским, он вышел из своего особняка и отправился к его высочеству герцогу Анжуйскому, которого потерял из виду накануне вечером, в десятом часу.

Шико ожидал этого визита, поэтому, расставшись с Бюсси, он тотчас же пошел к Алансонскому дворцу, расположенному на углу улиц Отфей и Сент-Андре, и стал бродить поблизости.

Не прошло и четверти часа, когда Шико увидел, что человек, которого он ожидал, выходит из улицы Юшет.

Гасконец спрятался за углом улицы Симетьер, и герцог де Гиз вошел во дворец, не заметив его.

Главный камердинер принца, встретивший герцога, был несколько обеспокоен тем, что его господин до сих пор не вернулся домой, хотя он и догадывался, что, вероятнее всего, герцог Анжуйский остался на ночь в Лувре.

Гиз спросил, нельзя ли ему, за отсутствием принца, поговорить с Орильи. Камердинер ответил, что Орильи находится в кабинете своего господина и герцог волен расспросить его, о чем пожелает.

Герцог отправился в кабинет.

И действительно, Орильи, лютнист и наперсник принца, был, как вы помните, посвящен во все тайны герцога Анжуйского и должен был знать лучше, чем кто-либо другой, где обретается его высочество.

Однако Орильи и сам был встревожен не меньше, если не больше, камердинера, и время от времени, оставив лютню, струны которой он рассеянно перебирал, подходил к окну поглядеть, не идет ли принц.

Трижды посылали в Лувр, и каждый раз получали ответ, что принц возвратился очень поздно и еще почивает.

Герцог де Гиз осведомился у Орильи о герцоге Анжуйском.

Орильи был разлучен со своим господином накануне вечером, на углу улицы Арбр-Сек, большой группой людей, которая влилась в толпу, собравшуюся возле гостиницы «Путеводная звезда», и возвратился в Алансонский дворец, чтобы подождать его там, ничего не зная о решении заночевать в Лувре, принятом его королевским высочеством.

Лютнист рассказал лотарингскому принцу о трех гонцах, отправленных им в Лувр, и об одинаковом ответе, полученном каждым из них.

— Спит, в одиннадцать-то часов?! — сказал герцог. — Совершенно невероятно. Сам король обычно в это время уже на ногах. Вам надо пойти в Лувр, Орильи.

— Я об этом думал, монсеньер, — сказал Орильи, — по вот что меня смущает: может быть, это принц велел привратнику Лувра отвечать, что он спит, а сам занимается любовными похождениями где-нибудь в городе. Если дело обстоит именно так, то его высочество, по всей вероятности, будет недоволен нашими розысками.

— Орильи, — возразил герцог, — поверьте мне, его высочество слишком разумный человек, чтобы заниматься любовными похождениями в такой день, как сегодня. Отправляйтесь без всякой боязни в Лувр, и вы его там найдете.

— Я отправлюсь, монсеньер, раз вы так желаете, по что мне ему передать?

— Вы скажете, что церемония в Лувре назначена на два часа и, как ему хорошо известно, нам надо посоветоваться, прежде чем явиться к королю. Вы же понимаете, Орильи, — прибавил герцог с недовольным и малопочтительным видом, — не время спать, когда король собирается назначить главу Лиги.

— Прекрасно, монсеньер, я попрошу его высочество прийти сюда.

— Скажите ему, что я жду его с нетерпением. Многие из приглашенных на два часа уже в Лувре, и нельзя терять ни минуты. А я тем временем пошлю за господином де Бюсси.

— Уговорились, монсеньер. Но что мне делать, если я не найду его высочества в Лувре?

— Если вы не найдете его высочества в Лувре, Орильи, не трудитесь искать его в других местах; достаточно будет, если позже вы расскажете ему, с каким усердием пытался я его разыскать. Как бы то ни было, без четверти два я буду в Лувре.

Орильи поклонился герцогу и ушел.

Шико заметил, как лютник покинул дворец, и догадался, куда он идет.

Если герцог де Гиз узнает об аресте герцога Анжуйского, все погибнет или, в всяком случае, очень усложнится.

Увидев, что Орильи пошел по улице Юшет к мосту Сен-Мяшль, Шико пустился во всю прыть своих длинных ног по улице Сент-Андре-дез-Ар и к тому времени,

когда Орилья еще только подходил к Гран-Шатле, гасконец уже переправился через Сену на Нельском пароме.

Мы с вами последуем за Орилья, ибо он ведет нас туда, где должны разыгаться главные события этого дня.

Лютнист прошел по набережным, на которых толпились с видом победителей буржуа, и очутился возле Лувра. Посреди бурного парижского ликования дворец сохранял спокойный и беззаботный вид.

Орилья хорошо знал жизнь, а придворную — в особенности. Прежде всего он поболтал с дежурным офицером, лицом, весьма важным для всякого, кто хочет узпать новости и разнюхать, не случилось ли каких скандальных происшествий.

Дежурный офицер был сама любезность: король встал утром в наилучшем настроении.

От дежурного офицера Орилья проследовал к привратнику.

Привратник делал смотр стражникам, одетым в новую форму, и вручал им алебарды нового образца.

Он улыбулся лютнисту и ответил на его замечания по поводу дождя и хорошей погоды, что создало у Орилья самое благоприятное впечатление о политической атмосфере.

Поэтому Орилья отправился дальше и стал подниматься по главной лестнице к покоям герцога, старательно раскланиваясь с придворными, уже заполнившими лестничные площадки и передние.

У двери, ведущей в покои его высочества, он увидел Шико, который сидел на складном стуле.

Шико играл сам с собой в шахматы и казался полностью погруженным в решение трудной задачи.

Орилья намеревался пройти мимо, но длинные ноги Шико занимали всю лестничную площадку.

Музыкант был вынужден хлопнуть гасконца по плечу.

— А, это вы, — сказал Шико, — прошу прощения, господин Орилья.

— Что вы тут делаете, господин Шико?

— Как видите, играю в шахматы.

— Сами с собой?

— Да... я изучаю одну комбинацию. А вы, сударь, умеете играть в шахматы?

— Очень неважно.

— Ну конечно, вы музыкант, а музыка — искусство трудное, и те избранные, кто посвящает себя музыке, вынуждены отдавать ей все свое время и все свои способности.

— Комбинация, кажется, сложная? — спросил, засмеявшись, Орилья.

— Да. Меня беспокоит мой король. Вы знаете, господин Орилья, в шахматах король — фигура очень глупая, ничемная: у нее нет своей воли, она может делать только один шаг — направо, налево, вперед или назад. А враги у нее очень проворные: кони, они одним прыжком перемывают через две клетки, и целая толпа пешек, они окружают короля, теснят и всячески беспокоят. Так что, если у него нет хороших советников, тогда, черт возьми, его дело гиблое, он недолго продержится. Правда, у него есть свой шут, который приходит и уходит, перелетает с одного конца доски на другой, имеет право становиться перед королем, поводи него, рядом с ним; но правда в то, что чем более предан шут своему королю, тем большему риску подвергается он сам, господин Орилья, и я должен вам признаться, что как раз в эту минуту мой король и его шут находятся в наипаснейшем положении.

— Но, — спросил Орилья, — какие обстоятельства заставили вас, господин Шико, изучать все эти комбинации у дверей его королевского высочества?

— Дело в том, что я жду господина де Келюса, он там.

— Где там? — спросил Орилья.

— У его высочества, разумеется.

— Господин де Келюс у его высочества? — удивился Орилья.

Во время разговора Шико очистил путь лютнисту, но при этом переместил все свое имущество в коридор и, таким образом, гонец господина де Гиза оказался теперь между гасконцем и дверью в переднюю.

Однако Орилья не решался открыть эту дверь.

— Но что делает, — спросил он, — господин де Келюс у герцога Анжуйского? Я не знал, что они такие друзья.

— Тсс! — прошептал Шико с таинственным видом.

Затем, не выпуская из рук шахматной доски, он изогнул свое длинное тело в дугу, и в результате, хотя ноги его не двинулись с места, губы оказались возле уха Орилья,

— Он просит прощения у его королевского высочества за небольшую размолвку, которая у них случилась вчера.

— В самом деле? — сказал Орильи.

— Ему велел это сделать король; вы же знаете, в каких сейчас прекрасных отношениях братья. Король не пожелал снести одной дерзости Келюса и приказал ему просить прощения.

— Правда?

— Ах, господин Орильи, — сказал Шико, — мне кажется, что у нас наступает самый настоящий золотой век. Лувр превратился в Аркадию, а братья в Arcades ambo¹. Ах, простите, господин Орильи, я все время забываю, что вы музыкант.

Орильи улыбнулся и вошел в переднюю герцога, открыв дверь достаточно широко для того, чтобы Шико смог обменяться многозначительным взглядом с Келюсом, который к тому же был, по всей вероятности, предупрежден обо всем заранее.

После чего Шико, возвратившись к своим паламедовским комбинациям, принялся распекаль шахматного короля, быть может, не столь сурово, как того заслуживал настоящий король во плоти, но, конечно, суровее, чем того заслужил ни в чем не повинный кусок слоновой кости.

Как только Орильи вошел в переднюю, Келюс, забавлявшийся замечательным бильбоке из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, весьма любезно приветствовал его.

— Bravo, господин де Келюс! — сказал Орильи, увидев, как мастерски молодой человек поймал шарик в чашечку. — Bravo!

— Ах, любезный господин Орильи, — ответил Келюс, — когда же наконец я буду играть в бильбоке так же хорошо, как вы играете на лютне?

— Тогда, — ответил немного задетый Орильи, — когда вы потратите на изучение вашей игрушки столько дней, сколько лет я потратил на изучение моего инструмента. Но где же монсеньер? Разве вы не беседовали с ним сегодня утром, сударь?

— Он действительно назначил мне аудиенцию, любезный Орильи, но Шомберг перебежал мне дорогу.

¹ Аркадцев оба (лат.).

— Вот как! И господин де Шомберг тоже здесь? — удивился лютнист.

— Ну разумеется, господи боже мой. Это король все так устроил. Шомберг там, в столовой. Проходите, господин Орильи, и будьте так любезны: напомните принцу, что мы ждем.

Орильи распахнул вторую дверь и увидел Шомберга, который скорее лежал, чем сидел, на огромном пуфе.

Развалившись таким образом, Шомберг занимался прицельной стрельбой из сарбакана по золотому кольцу, подвешенному на шелковой нитке к потолку: он выдувал из трубки маленькие, душистые глиняные шарики, большой запас которых находился у него в ягдташе, и всякий раз, когда шарик, пролетев через кольцо, не разбивался о стену, любимая собачка Шомберга приносила его хозяину.

— Чем вы занимаетесь в покоях монсеньера! — воскликнул Орильи. — Ах, господин де Шомберг!

— Al al Guten Morgen, господин Орильи, — отвечал Шомберг, оторвавшись от своих упражнений. — Видите ли, я убиваю время в ожидании аудиенции.

— Но где же все-таки монсеньер? — спросил Орильи.

— Тсс! Монсеньер занят: он принимает извинения от д'Эпернона и Можирона. Но не угодно ли вам войти? Ведь вы у принца свой человек.

— А не будет ли это нескромно с моей стороны? — спросил музыкант.

— Никким образом, напротив. Он в своей картинной галерее. Входите, господин д'Орильи, входите.

И Шомберг, взяв Орильи за плечи, втолкнул его в соседнюю комнату, где ошеломленный музыкант увидел прежде всего д'Эпернона перед зеркалом, смазывавшего клеем свои усы, чтобы придать им нужную форму, в то время как Можирон, у окна, был занят вырезыванием гравюр, по сравнению с коими барельефы храма Афродиты в Княде и фрески бань Тиберия на Капри могли бы сойти за образцы целомудрия.

Герцог, без шпаги, сидел в кресле между двумя молодыми людьми, которые смотрели на него лишь для того, чтобы следить за его действиями, и заговаривали с ним, только когда хотели сказать ему какую-нибудь дерзость. Завидев Орильи, герцог бросился было к нему.

— Осторожней, монсеньер, — осадил его Можирон, — вы заделали мои картинки.

— Боже мой! — вскричал музыкант. — Что я вижу? Моего господина оскорбляют.

— Как поживает наш любезный господин Орильи? — продолжая закручивать свои усы, осведомился д'Эпернон. — Должно быть, прекрасно: у него такое румяное лицо.

— Окажите мне дружескую услугу, господин музыкант, отдайте мне ваш кинжалчик, пожалуйста, — сказал Можпрон.

— Господа, господа, — возмутился Орильи, — неужели вы забыли, где находитесь?!

— Что вы, что вы, дорогой Орильи, — ответил д'Эпернон, — мы помним, именно потому мой друг и просит у вас кинжал. Вы же видите, что у герцога кинжала нет.

— Орильи, — сказал герцог голосом, исполненным страдания и ярости, — разве ты не догадываешься, что я — пленник?

— Чей пленник?

— Моего брата. Ты должен был понять это, увидев, кто мои тюремщики.

Орильи издавал возглас удивления.

— О, если бы я подозревал! — сказал он.

— Вы захватили бы вашу лютю, чтобы развлечь его высочество, любезный господин Орильи? — раздался насмешливый голос. — Но я об этом подумал; я послал за ней, вот она.

И Шико действительно протянул несчастному музыканту лютю. За спиной гасконца можно было видеть Келюса и Шомберга, зевавших с риском вывихнуть челюсти.

— Ну, как ваша шахматная партия, Шико? — спросил д'Эпернон.

— И в самом деле — как? — подхватил Келюс.

— Господа, я полагаю, что мой шут спасет своего короля, но, черт возьми, нелегко ему будет это сделать! Ну что ж, господин Орильи, давайте мне ваш кинжал, а я дам вам лютю, смеяемся так на так.

Оцепеневший от ужаса музыкант повиновался и сел на подушку у ног своего господина.

— Вот уже один и в мышеловке, — сказал Келюс, — подождем других.

И с этими словами, объяснившими Орильи все предшествовавшее, Келюс вернулся на свой пост в передней, попросив предварительно Шомберга отдать ему сарбакан в обмен на бильбоке.

— Правильно, — заметил Шико, — падо разнообразить удовольствия, лично я, чтобы внести разнообразие в мои, отправляюсь учреждать Лигу.

И он закрыл за собой дверь, оставив его королевское высочество в компании миньонов, увеличившейся за счет бедного лютиста.

Глава VIII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ НАЗНАЧИЛ ГЛАВУ ЛИГИ И КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЭТО НЕ БЫЛ НИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ, НИ МОНСЕНЬЕР ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

Час большого приема наступил или, вернее говоря, приближался, потому что уже с полудня в Лувр начали прибывать руководители Лиги, ее участники и даже просто любопытные.

Париж, такой же взбудораженный, как накануне, но с той лишь разницей, что швейцарцы, которые в прошлый раз не принимали участия в празднике, были теперь главными действующими лицами; Париж, такой же взбудораженный, как накануне, повторяем мы, выслал к Лувру депутации лигистов, ремесленные цеха, эшвенцов, ополченцев и неиссякаемые потоки зевак. В те дни, когда народ чем-то занят, эти зеваки собираются возле него, чтобы наблюдать за ним, столь же многочисленные, возбужденные и любопытные, как и он, словно в Париже два народа, словно в этом огромном городе — маленькой копии мира — каждый способен, при желании, раздвоиться: одно его «я» действует, другое наблюдает за ним.

Итак, вокруг Лувра собралась большая толпа народу. Но не тревожьтесь за Лувр.

Еще не пришло то время, когда ропот народов обратится в громовые раскаты, когда дыхание пушек сметет стены и обрушит замки на головы их владельцев. В этот день швейцарцы, предки швейцарцев 10 августа и 27 июля, улыбались парижской толпе, несмотря на то что в руках у нее было оружие, а парижане улыбались швейцарцам. Еще не наступил для народа тот час, когда он обогрел кровью вестибюль королевского дворца.

Не думайте, однако, что разыгравшийся спектакль, будучи не столь мрачным, был вовсе лишен интереса. Напротив, Лувр представлял собою в этот день самое

любопытное зрелище из всех описанных нами до сих пор.

Король находился в большом тронном зале в окружении своих сановников, друзей, придворных и членов семьи, он ждал, пока все цехи не продефилируют перед ним и, оставив своих старшин во дворце, не отправятся на отведенные им места, во дворе Лувра и под его окнами.

Так он мог, разом, полностью, охватить взглядом и почти сосчитать всех своих врагов, то руководясь замечаниями, которые время от времени отпуская Шико, спрятавшийся за королевским креслом, то предупреждаемый знаками королевы-матери, а порой просвещенный судорогой, перекосявшей лицо какого-нибудь из рядовых лигистов, не причастных, как их главари, к тайне предстоящего и поэтому более нетерпеливых. Внезапно в зал вошел господин де Монсоро.

— Вот так раз, — сказал Шико, — погляди-ка, Генрике.

— Куда поглядеть?

— Да на главного ловчего, черт побери! Право же, стоит. Он такой бледный и так забрызган грязью, что заслуживает твоего взгляда.

— Это и в самом деле он, — сказал король.

Генрих сделал знак господину де Монсоро, и главный ловчий приблизился.

— Почему вы в Лувре, сударь? — спросил Генрих. — Я полагаю, что вы в Венсене и готовитесь выставить для нас оленя.

— Олень был выставлен в семь часов утра, государь. Но, увидев, что близится полдень, а от вас нет никаких известий, я испугался, не случилось ли с вами какого-нибудь несчастья, и примчался сюда.

— Вот оно что? — произнес король.

— Государь, ежели я нарушил свой долг, то лишь из-за моей безграничной преданности вам.

— Разумеется, сударь, — сказал Генрих, — и будьте уверены, что я ее ценю.

— А теперь, — продолжал граф с некоторым колебанием в голосе, — ежели вашему величеству угодно, чтобы я возвратился в Венсен, теперь, когда я успокоился...

— Нет, нет, оставайтесь, наш главный ловчий; эта охота — всего лишь прихоть, она пришла нам в голову и исчезла так же, как появилась. Оставайтесь и не уходите далеко, я нуждаюсь в том, чтобы меня окружали вер-

ные мне люди, а вы сами причислили себя к тем, на чью преданность я могу рассчитывать.

Монсоро поклонился.

— Где ваше величество прикажет мне стать?

— Не отдашь ли ты его мне на полчаса? — шепнул Шико на ухо королю.

— Зачем?

— Чтобы помучить немножко. Ну что тебе стоит? Ты передо мною в долгу: заставил присутствовать на такой скучной церемонии, какой обещает быть эта.

— Ладно, бери его.

— Я имел честь спросить у вашего величества, где ему будет угодно, чтобы я стал? — повторил свой вопрос граф.

— Мне показалось, что я вам ответил: «Где пожелаете». За моим креслом, например. Там я обычно помещаю своих друзей.

— Пожалуйте сюда, наш главный ловчий, — сказал Шико, освобождая для господина де Монсоро часть территории, которую до этого он занимал один, — и примо-хайтесь немного к этим молодцам. Вот эту дичь можно поднять и без охотничьих собак. Клянусь святым чревом, господин граф, какой букет! Это проходят сапожники, вернее, прошли. А вот идут кожевенники, помереть мне на мосте! Ах, наш главный ловчий, коли вы потеряете след этнх, объявляю вам, что отберу у вас патент на должность.

Господин де Монсоро делал вид, что слушает, или, скорее, слушал, не слыша.

Он был поглощен какой-то мыслью и оглядывался вокруг с беспокойством, которое не ускользнуло от короля, тем более что Шико не преминул обратить на него внимание Генриха.

— Послушай-ка, — шепнул гасконец, — ты знаешь, на кого охотится в эту минуту твой главный ловчий?

— Нет, а на кого?

— На твоего брата Анжуйского.

— Во всяком случае, дачи своей он не видит, — сказал, смеясь, Генрих.

— Нет, идет наугад. Ты стоишь на том, чтобы он не знал, где она находится?

— Откровенно говоря, я не возражал бы, чтобы он пошел по ложному следу.

— Погоди, погоди, — сказал Шико, — сейчас я наведу его на след. Говорят, что от волка пахнет лисцей, на этом он и запутается. Только спроси у него, где графиня,

— Зачем?

— Спроси, спроси, увидишь.

— Господин граф,— сказал Генрих,— куда вы девали госпожу де Монсоро? Я не вижу ее среди дам.

Граф подскочил так, словно его змея ужалила в ногу.

Шико почесал кончик носа и подмигнул королю.

— Государь,— ответил главный ловчий.— Графиня чувствовала себя нездоровой, воздух Парижа ей вреден. Этой ночью, испросив и получив разрешение королевы, она уехала вместе со своим отцом, бароном де Меридор.

— А в какую часть Франции она направилась? — спросил король, обрадовавшись возможности отвернуться, пока проходят кожевенники.

— В Анжу, на свою родину, ваше величество.

— Дело в том,— заметил важно Шико,— что воздух Парижа неблагоприятен для беременных женщин. *Gravidis uxoribus Lutetia inclemens*¹. Я советую тебе, Генрих, последовать примеру графа и тоже отослать куда-нибудь королеву, когда она понесет.

Монсоро поблдевел и в ярости уставился на Шико, который, облокотившись на спинку королевского кресла и подперев ладонью подбородок, казалось, весь был поглощен разглядыванием позументщиков, следовавших непосредственно за кожевенниками.

— Кто это вам сказал, господин наглец, что графиня тяжела? — прошипел Монсоро.

— А разве нет? — сказал Шико.— Я полагаю, что предположить обратное было бы еще большей наглостью с моей стороны.

— Она не тяжела, сударь.

— Вот те раз,— сказал Шико,— ты слышал, Генрих? Твой главный ловчий, кажется, совершил ту же ошибку, что и ты: он забыл соединить рубашки шартрской богоматери.

Монсоро сжал кулаки и подавил свою ярость, но прежде метнул Шико взгляд, полный ненависти и угрозы; Шико в ответ надвинул шляпу на глаза и стал играть ее длинным и тонким пером, превращая его в извивающуюся змею.

Граф понял, что момент для сведения счетов неподходящий, и тряхнул головой, словно пытаясь сбросить со своего чела омрачившую его тучу.

¹ Лютеция жестока к беременным жонам (лат.).

Шико, в свою очередь, повеселел и сменил грозный вид матамора на приятнейшую улыбку.

— Бедная графиня, — сказал он, — она погибнет от скуки в пути.

— Я сказал королю, — ответил Монсоро, — что она путешествует со своим отцом.

— Пусть так, я не возражаю; отец — это весьма респектабельно, но не очень-то весело, и если бы возле нее был только достойный барон, чтобы развлекать ее в путешествии... но, к счастью...

— Что? — с живостью спросил граф.

— Что «что»? — ответил Шико.

— Что «к счастью»?

— О, господин граф, у вас получился эллипс!

Граф пожал плечами.

— Ах! Прошу прощения, наш главный ловчий. Просительная фраза, которой вы только что воспользовались, называется эллипсом. Спросите у Генриха, он — филолог.

— Это верно, — сказал Генрих, — по что означает твоо наречие?

— Какое наречие?

— «К счастью».

— «К счастью» означает «к счастью». К счастью, сказал я, выражая таким образом восхищение благостью всевышнего, к счастью, в этот час в пути находится кое-кто из наших друзей, и притом из самых веселых; и если они встретят графиню, они ее, вне всякого сомнения, развлекут. А так как друзья наши, — добавил небрежно Шико, — едут по той же самой дороге, очень вероятно, что они встретятся. О! Я вижу их отсюда. А ты видишь, Генрих? Ты ведь человек с воображением. Видишь ты, как они гарцуют на своих конях по прекрасной лесной дороге и рассказывают графине сотни пикантных историй, от которых эта милая дама просто млеет?

Второй кинжал, еще острее первого, вознился в грудь главного ловчего.

Но у Монсоро не было никакой возможности дать волю своим чувствам; король находился рядом и, во всяком случае в эту минуту, был союзником Шико. Поэтому граф, с любовью, сохранившей, однако, следы тех усилий, которые ему пришлось сделать, чтобы подавить свой гнев, спросил, лаская Шико взглядом и голосом;

— Вот как! Кто-то из ваших друзей отправился в Анжу?

— Вы могли бы, пожалуй, сказать: «Кто-то из наших друзей», господин граф, потому что это даже больше ваши друзья, чем мои.

— Вы меня удивляете, господин Шико, — ответил граф, — у меня нет никаких друзей, которые бы...

— Ладно, скрытничайте.

— Клянусь вам.

— У вас их предостаточно, и, более того, эти друзья настолько вам дороги, что вы только что, — по привычке, потому что прекрасно знаете, что они сейчас находятся на пути в Анжу, — только что по привычке искали их, как я заметил, в этой толпе, и, разумеется, безрезультатно.

— Я? — воскликнул граф. — Вы заметили?..

— Да, вы — самый бледный из всех главных ловчих, бывших, существующих и будущих, начиная с Немброда в кончая вашим предшественником господином д'Отфором.

— Господин Шико!

— Самый бледный, повторяю. *Veritas veritatum*¹. Это варваризм, поскольку истина всегда одна, ибо если бы их было две, одна из них по меньшей мере была бы не истинной, впрочем, вы ведь не филолог, дорогой господин Исав.

— Да, сударь, я не филолог, вот почему я и попросил бы вас возвратиться без всяких отступлений к тем друзьям, о которых вы упомянул, и сообразоваться, ежели это позволит присущий вам избыток воображения, сообразоваться назвать этих друзей их подлинными именами.

— Э! Вы все время твердите одно и то же. Ищите, господин главный ловчий, клянусь смертью Христовой, ищите! Выслеживать дичь — ваше ремесло, свидетель тому несчастный олень, которого вы потревожили сегодня утром, он, должно быть, вовсе не ждал этого с вашей стороны. Коли вас самого поднять чуть свет, разве вам это доставит удовольствие?

Глаза Монсоро испуганно бежали окружавших короля людей.

— Как! — вскричал он, бросив взгляд на пустое кресло рядом с королем.

¹ Это истина из истин (лат.).

— Ну, пу! — поощрил его Шико.

— Господин герцог Апжуйский? — воскликнул главный ловчий.

— Ату! Ату его! — сказал гасконец. — Зверь обнаружен.

— Он выехал сегодня? — вскричал граф.

— Он выехал сегодня, но вполне возможно, что и вчера вечером. Спросите у короля. Когда, то есть в какое время, исчез твой брат, Генрик?

— Этой ночью, — ответил король.

— Уехал, герцог уехал, — прошептал дрожащий и бледный Монсоро. — Ах, боже мой, боже мой! Что вы мне сказали, государь!

— Я не утверждаю, — продолжал король, — что мой брат уехал, я говорю только, что нынче ночью он исчез и даже его ближайшие друзья не знают, где он.

— О, — гневно воскликнул граф, — если бы только я подозревал!..

— Так, так. Ну и что бы вы сделали? — заинтересовался Шико. — Хотя, впрочем, велика важность, если он и отпустит несколько любезностей графине де Монсоро. Наш друг Франсуа — главный волокита в роду; он волокитился за дамами вместо короля Карла Девятого в те времена, когда Карл Девятый еще жил на свете, и он это делает за короля Генриха Третьего, которому не до ухаживаний — у него есть другие заботы. Черт побери, это совсем недурно — иметь при дворе принца, воплощающего в себе французскую галантность.

— Уехал, герцог уехал! — повторил Монсоро. — Вы в этом уверены, сударь?

— А вы? — спросил Шико.

Главный ловчий вновь повернулся к тому креслу, где обычно сидел возле своего брата герцог — к креслу, которое по-прежнему оставалось незанятым.

— Я погиб, — прошептал он и сделал резкое движение, явно собираясь бежать, но Шико схватил его за руку.

— Да успокойтесь наконец, дьявол вас побери! Вы все время вертитесь; у короля от этого голова кружится. Проклятие! Желал бы я оказаться на месте вашей жены, хотя бы для того, чтобы все время видеть двуносового принца и слушать господина Орилья, который играет на лютне не хуже покойника Орфея. Как ей повезло, вашей супруге, как повезло!

Монсоро весь трясся от ярости.

— Спокойной, господин главный ловчий,— сказал Шико,— не выказывайте столь бурно вашу радость — заседание уже начинается. Это неприлично — давать волю своим чувствам. Слушайте речь короля.

Главному ловчему пришлось поневоле остаться на месте, так как тронный зал Лувра и в самом деле понепогу уже заполнился людьми, Монсоро застыл в подобающей по этикету позе.

Все заняли свои места. Только что появившийся герцог де Гиз преклонил колено перед королем, и тоже с удивлением и беспокойством посмотрел на пустое кресло герцога Анжуйского.

Король встал. Герольды призвали к тишине.

Глава IX

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ НАЗНАЧИЛ ГЛАВУ ЛИГИ, КОТОРЫЙ НЕ ОКАЗАЛСЯ НИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ ГЕРЦОГОМ АНЖУЙСКИМ, НИ МОНСЕНЬЕРОМ ГЕРЦОГОМ ДЕ ГИЗОМ

— Господа,— произнес король посреди глубочайшей тишины и удостоверившись предварительно, что д'Эрпон, Шомберг, Можирон и Келюс, которых сменили на их посту десять швейцарцев, уже в зале и стоят за его креслом,— господа, король, занимающий место между небосами и землей, если можно так выразиться, с одинаковым вниманием прислушивается к голосам, которые доносятся до него сверху, и к тем, которые к нему доносятся снизу, то есть к тому, что требует от него бог, и к тому, что требует от него его народ. Сплочение всех сил в единый союз во имя защиты католической веры является залогом благополучия для моих подданных, я это прекрасно понимаю. Поэтому мне по душе совет, который дал нам мой кузен де Гиз. И отныне я провозглашаю свякую Лигу должным образом дозволенной и учрежденной. А поелику столь большое тело должно иметь хорошую, могучую голову, поелику необходимо, чтобы глава Лиги, призванный защищать церковь, был одним из самых ревностных сынов церкви и дабы к сему ревению его обязывали само его естество и его сан, я остановил свой выбор на человеке высокородном и добром христианине и объявляю, что отныне главой Лиги будет...

Генрих преднамеренно сделал паузу.

Тишина была такая, что можно было услышать, как пролетят муха.

Генрих повторил:

— И объявляю, что главой Лиги будет Генрих де Валуа, король Франции и Польши.

Произнося эти слова, Генрих несколько театрально повысил голос, чтобы подчеркнуть свою победу и подогреть энтузиазм своих друзей, которые готовились разразиться ликующими криками, а также чтобы окончательно добить лигистов, чей глухой ропот выдавал их недовольство, удивление и испуг.

Что же касается герцога де Гиза, то он был просто изничтожен. Со лба его катились крупные капли пота. Он обменялся взглядом с герцогом Майеннским и своим братом, кардиналом, которые стояли в центре двух групп лигистских главарей — один справа от него, другой — слева.

Монсоро, все больше удивляясь отсутствию герцога Анжуйского, начал тем не менее успокаиваться, вспоминая, что сказал Генрих Ш.

Ведь в самом деле — герцог мог исчезнуть и не уезжая никуда.

Кардинал, не торопясь, отошел от группы, в которой он находился, и пробрался поближе к герцогу Майеннскому.

— Послушайте, — шепнул он ему на ухо, — или я очень ошибаюсь, или мы не можем больше рассчитывать здесь на безопасность. Поспешим с уходом. Кто его знает, этот народ! Вчера он ненавидел короля, а сегодня может сделать его своим кумиром на несколько дней.

— Будь по-вашему, — сказал герцог Майеннский, — уйдем. Подождите здесь брата, а я подготовлю отступление.

— Идите.

Тем временем король первым подписал акт, который лежал на столе и был составлен заранее господином де Морвилле, единственным человеком, кроме королевы-матери, посвященным в тайну, после чего Генрих обратился к герцогу де Гизу гнусавя и тем издевательским тоном, какой он так хорошо умел принимать при случае.

— Что ж, подпишите и вы, мой дорогой кузен.

И передал ему перо,

Затем, указывая пальцем место подписи:

— Тут, тут,— сказал он,— подо мной. А теперь передайте господину кардиналу и господину герцогу Майенскому.

Но герцог Майенский был уже внизу лестницы, а кардинал в другой комнате.

Король заметил их отсутствие.

— Тогда передайте главному ловчему,— сказал он.

Герцог подписал, передал перо главному ловчему и собрался было уйти.

— Погодите,— остановил его король.

И в то время, как Келюс с насмешливым видом брал перо из рук графа де Монсоро и не только присутствующая знать, но и все главы цехов, созданные для этого важного события, спешили подписаться ниже короля или на отдельных листах, продолжением которых должны были стать книги, где накануне всякий — великий ли, малый ли, знатный или простолюдин — смог подписать свое имя, все полностью, в это самое время король сказал герцогу де Гизу:

— Дорогой кузен, насколько я помню, это вы считали, что для защиты нашей столицы следует создать хорошую армию из всех сил Лиги? Армия создана, создана надлежащим образом, ибо естественный полководец парижан — король.

— Разумеется, государь,— ответил герцог, не очень понимая, куда клонит Генрих.

— Но я не забываю,— продолжал король,— что у меня есть и другая армия, которой нужен командующий, и что этот пост принадлежит по праву первому воину королевства. Пока я тут буду командовать Лигой, вы отправляйтесь командовать армией, кузен.

— Когда я должен отбыть? — спросил герцог.

— Тотчас же,— сказал король.

— Генрих, Генрих,— воскликнул Шико, которому лишь этикет помешал броситься к королю и прервать его на полуслове, как ему хотелось.

Но так как король не услышал восклицания Шико, а если и услышал, то не понял его, гасконец с почтительным видом, держа в руке огромное перо, стал пробираться через толпу, пока не оказался возле короля.

— Да замолчишь ты наконец, простофиля,— шепнул он Генриху.

Но было поздно,

Король, как мы видели, уже объявил де Гизу о его назначении и теперь, не обращая внимания на знаки и гримасы гасконца, вручал герцогу заранее подписанный патент.

Герцог де Гиз взял патент и вышел.

Кардинал ждал его у дверей залы, герцог Майеннский ждал их обоих у ворот Лувра.

Они тотчас же вскочили на коней, и не прошло и десяти минут, как все трое были уже вне пределов Парижа.

Остальные участники церемонии тоже постепенно разошлись. Одни кричали: «Да здравствует король!», другие: «Да здравствует Лига!»

— Как бы то ни было,— сказал, смеясь, Генрих,— я решил трудную задачу.

— О, конечно,— пробормотал Шико,— ты отличный математик, что и говорить!

— Вне всякого сомнения,— продолжал король.— Заставив этих мошенников кричать противоположное, я, в сущности, достиг того, что они кричат одно и то же.

— *Sta bene*¹,— сказала Генриху королева-мать, пожимая ему руку.

— Верь-то верь, да на крюк запирай дверь,— сказал гасконец.— Она в бешенстве, ее Гизы чуть не в лепешку расплющены этим ударом.

— О! Государь, государь,— закричали фавориты, толпой бросаясь к королю,— как вы замечательно это придумали!

— Они воображают, что золото посыплется на них, как манна небесная,— шепнул Шико в другое ухо короля.

Генриха с триумфом проводили в его покои. В сопровождавшем короля кортеже Шико исполнял роль античного хулителя, преследуя своего господина сетованиями и попреками.

Настойчивость, с которой Шико старался напомнить полубогу этого дня, что он всего лишь человек, до такой степени удивила короля, что он отпустил всех и остался наедине с шутом.

— Да будет вам известно, мэтр Шико,— сказал Генрих, оборачиваясь к гасконцу,— что вы никогда не бываете довольны и что это становится просто невыносимым! Черт возьми! Я не сочувствия от вас требую, я требую от вас здравого смысла.

¹ Хорошо (итал.).

— Ты прав, Генрих,— ответил Шико,— ведь тебе его больше всего не хватает.

— Согласись, по крайней мере, что удар был нанесен мастерски.

— Как раз с этим я и не хочу соглашаться.

— А! Ты завидуешь, господин французский король!

— Я?! Боже упаси! Для зависти я мог бы выбрать что-нибудь получше.

— Клянусь телом Христовым! Господин критикан!..

— О! Что за необузданное самомнение!

— Послушай, разве я не король Лиги?

— Конечно, это неоспоримо: ты ее король. Но...

— Но что?

— Но ты больше не король Франции.

— А кто же тогда король Франции?

— Все, за исключением тебя, Генрих, и прежде всего — твой брат.

— Мой брат! О ком ты говоришь?

— О герцоге Анжуйском, черт побери!

— Которого я держу под арестом?

— Да, потому что хотя он и под арестом, но он помазан на престол, а ты — нет.

— Кем помазан?

— Кардиналом де Гизом. Слушай, Генрих, я все же советую тебе завиться твоей полицией; совершается помазание короля — в Париже, в присутствии тридцати трех человек, прямо в часовне аббатства святой Женевиевы, а ты ничего об этом не знаешь.

— Господи, боже мой! А ты об этом знал, ты?

— Разумеется, знал.

— Как же ты можешь знать то, что неизвестно мне?

— Ба! Да потому что твоя полиция — это господин де Морвилль, а моя — я сам.

Король нахмурил брови.

— Итак, один король Франции у нас уже есть, не считая Генриха Валуа, — это Франсуа Анжуйский, а кроме него, мы еще имеем, постой-ка, постой... — сказал Шико, словно припоминая, — мы еще имеем герцога де Гиза.

— Герцога де Гиза?

— Герцога де Гиза, Генриха де Гиза, Генриха Меченого. Итак, повторяю, мы еще имеем герцога де Гиза.

— Хорош король, нечего сказать: король, которого я изгнал, которого я сослал в армию.

— Вот-вот! Разве тебя самого не ссылали в Польшу; разве от Ла-Шарите до Лувра не ближе, чем от Кракова до Парижа? А! Это верно — ты его отправил в армию. Что за ловкий удар, какое поразительное мастерство! Ты его отправил в армию, то есть поставил под его начало тридцать тысяч человек, клянусь святым чревом! В армию, и в какую! Всамделишную... это не то, что армия твоей Лиги... Нет... нет... армия из буржуа — это сгодится для Генриха Валуа, короля миньонов; Генриху де Гизу нужна армия из солдат, и каких! Выносливых, закаленных в боях, пропахших порохом, способных уничтожить двадцать таких армий, как армия Лиги. Одним словом, если Генриху де Гизу, королю на деле, взбредет однажды в голову стать королем и по званию, ему надо будет всего лишь повернуть своих трубачей к столице и командовать: «Вперед! Проглотим одним глотком Париж вместе с Генрихом Валуа и Лувром». И они это сделают, мошенники, я их знаю.

— В вашей речи вы позабыли упомянуть только об одном, мой великий полетик, — сказал Генрих.

— Проклятие! Вполне возможно, особенно если то, о чем я забыл, — четвертый король.

— Нет, — ответил Генрих с крайним презрением, — вы позабыли, что, прежде чем мечтать о французском троне, на котором сидит один из Валуа, падо бы сначала оглянуться назад и посчитать своих предков. Можно еще понять, когда подобная мысль приходит в голову герцогу Анжуйскому: он принадлежит к роду, который вправе на это претендовать. У нас общие предки — борьба между нами, сравнение допустимы, ведь здесь речь идет о первородстве, вот и все. Но господин де Гиз... знаете ли, мэтр Шико, подзаймитесь-ка геральдикой, друг мой, и сообщите нам, какой род древнее — французские лилии или лотарингские дрозды...

— Э-э, — протянул Шико, — тут-то и заключена ошибка, Генрих.

— Какая ошибка, где?

— Конечно, ошибка: род господина де Гиза гораздо древнее, чем ты предполагаешь.

— Древнее, чем мой, быть может? — спросил с улыбкой Генрих.

— Без всякого «быть может», мой маленький Генрих.

— Да вы, оказывается, дурак, господин Шико.

— Это моя должность, черт побери!

— Я имею в виду, что вы сумасшедший, из тех, кого связывать приходится. Выучитесь-ка читать, мой друг.

— Что ж, Генрих, ты читать умеешь, тебе не надо снова отправиться в школу, как мне, так почитай же вот это.

И Шико вынул из-за пазухи пергамент, на котором Никола Давид записал известную нам генеалогию, ту самую, что была утверждена в Авиньоне папой и согласно которой Генрих де Гиз являлся потомком Карла Великого.

Генрих бросил взгляд на пергамент и, увидев возле подписи легата печать святого Петра, побелел.

— Что скажешь, Генрих? — спросил Шико. — Нас с нашими лилиями малость обскакали, а? Клянусь святым чревом! Мне кажется, что эти дровы собираются взлететь так же высоко, как орел Цезаря. Берегись их, сын мой!

— Но как ты раздобыл эту генеалогию?

— Я? Да стал бы я на нее время тратить! Она сама ко мне пришла.

— Но где она была, прежде чем прийти к тебе?

— Под подушкой у одного адвоката.

— Как его звали, этого адвоката?

— Мэтр Никола Давид.

— Где он находился?

— В Лионе.

— А кто извлек ее в Лионе из-под подушки адвоката?

— Один из моих хороших друзей.

— Чем занимается твой друг?

— Проповедует.

— Так, значит, это монах?

— Вы угадали.

— И его зовут?..

— Горанфло.

— Что?! — вскричал Генрих. — Этот мерзкий лгист, который произнес такую поджигательскую речь в святой Женевьеве, тот, что вчера поносил меня на улицах Парижа?!

— Вспомни Брута, он тоже прикидывался безумным...

— Так, значит, он великий полетик, этот твой монах?

— Вам приходилось слышать о господине Макнавелли, секретаре Флорентийской республики? Ваша бабушка — его ученица.

— Так, значит, монах извлек у адвоката пергамент?

— Да, вот именно извлек, силой вырвал.

— У Николая Давида, у этого бретера?

— У Николая Давида, у этого бретера.

— Так он храбрец, твой монах?

— Храбр, как Баярд.

— И, совершив подобный подвиг, он до сих пор не явился ко мне, чтобы получить заслуженное вознаграждение?

— Он смиренно возвратился в свой монастырь и просит только об одном: чтобы забыли, что он оттуда выходил.

— Так он, значит, скромник?

— Скромн, как святой Крепен.

— Шико, даю слово дворянина, твой друг получит первое же аббатство, в котором освободится место настоятеля, — сказал король.

— Благодарю за него, Генрих, — ответил Шико.

А про себя сказал: «Клянусь честью! Теперь он очутился между Майенном и Валуа, между веревкой и доходным местечком. Повесят его? Аббатом сделают? Тут нужно о двух головах быть, чтобы угадать. Как бы то ни было, если он все еще спит, он должен видеть в эту минуту престранные сны».

Глава X

ЭТЕОКЛ И ПОЛИНИК

День Лиги шел к концу с той же суетой и блеском, с какими он начался.

Друзья короля радовались; проповедники Лиги готовились канонизировать брата Генриха и беседовали о великих военных деяниях Валуа, юность которого была столь выдающейся, подобно тому как в былые времена беседовали о святом Маврикии.

Фавориты говорили: «Наконец-то лев проспнулся». Лигисты говорили: «Наконец-то лиса учуяла западню».

И так как ведущая черта французского характера — самолюбие и французы не терпят предводителей, кото-

рые ниже их по уму, даже сами заговорщики восторгались ловкостью короля, сумевшего всех провести.

Правда, главные из них поспешили скрыться.

Три лотарингских принца, как известно, умчались во весь опор из Парижа, а их ближайшее доверенное лицо, господин де Монсоро, уже собирался покинуть Лувр, чтобы приготовиться к погоне за герцогом Анжуйским.

Но в ту минуту, когда он вознамерился перешагнуть через порог, его остановил Шико.

Лигистов во дворце уже не было, и гасконец не опасался больше за своего короля.

— Куда вы так спешите, господин главный ловчий? — спросил он.

— К его высочеству, — ответил кратко граф.

— К его высочеству?

— Да, я тревожусь за монсеньера. Не в такое время мы живем, чтобы принцы могли путешествовать по дорогам без надежной охраны.

— О! Но он так храбр, — сказал Шико, — просто бесстрашен.

Главный ловчий поглядел на гасконца.

— Как бы то ни было, — продолжал Шико, — если вы беспокоитесь, то я беспокоюсь еще больше.

— О ком?

— Все о том же его высочестве.

— Почему?

— А вы разве не знаете, что говорят?

— Что он ускал, не так ли! — спросил граф.

— Говорят, что он умер, — еле слышно шепнул Шико на ухо своему собеседнику.

— Вот как? — сказал Монсоро с выражением удивления, не лишённого доли радости. — Вы же говорили, что он в пути.

— Проклятие! Меня в этом убедили. Я, знаете, настолько легковерен, что принимаю за чистую монету любую чепуху, которую мне наболтают. А сейчас у меня есть все основания думать, что если он и в пути, бедный принц, то в пути на тот свет.

— Постойте, кто внушил вам такие мрачные мысли?

— Он возвратился в Лувр вчера, верно?

— Разумеется, ведь я вошел вместе с ним.

— Ну вот, никто не видел, чтобы он вышел.

— Из Лувра?

— Да.

— А Орильи где?
— Исчез.
— А люди принца?
— Исчезали! Исчезали! Исчезали!
— Вы меня разыгрываете, господин Шико, не так ли? — сказал главный ловчий.
— Спросите!
— У кого?
— У короля.
— Королю не задают вопросов.
— Полноте! Все зависит от того, как к этому поступить.

— Что бы то ни было, — сказал граф, — я не могу оставаться в подобном неведении.

И, расставшись с Шико или, вернее, сопровождаемый им по пятам, Монсоро направился к кабинету Генриха III.

Король только что вышел.

— Где его величество? — спросил главный ловчий. — Я должен отчитаться перед ним относительно некоторых распоряжений, которые он мне дал.

— У господина герцога Анжуйского, — ответил графу тот, к кому он обратился.

— У господина герцога Анжуйского? — повернулся граф к Шико. — Значит, принц не мертв?

— Гм! — хмыкнул гасконец. — По-моему, он сейчас все равно что покойник.

Главный ловчий теперь окончательно запутался, он все больше убеждался в том, что герцог Анжуйский не выходил из Лувра.

Кое-какие слухи, донесшиеся до него, и замеченная им беготня слуг укрепляли его в этом предположении.

Не зная истинных причин отсутствия принца на церемонии, Монсоро был до крайности удивлен, что в столь решительный момент герцога не оказалось на месте.

Король и на самом деле отправился к герцогу Анжуйскому. Главный ловчий, несмотря на свое горячее желание узнать, что случилось с принцем, не мог проникнуть в его покои и был вынужден ждать вестей в коридоре.

Мы уже говорили, что четыре миньона смогли присутствовать на заседании, потому что их сменили швейцарцы, но как только заседание кончилось, они тотчас же возвратились на свой пост: сторожить принца было невеселым занятием, однако желание досадить его высо-

честву, сообщив ему о триумфе короля, одержало верх. Шомберг и д'Эпернон расположились в передней, Можирон и Келюс — в спальне его высочества.

Франсуа испытывал смертельную скуку, ту страшную тоску, которая усиливается тревогой, но, надо сказать прямо, беседа этих господ отнюдь не содействовала тому, чтобы развеселить его.

— Знаешь,— бросал Келюс Можирону из одного конца комнаты в другой, словно принца тут и не было,— знаешь, Можирон, я всего лишь час тому назад начал ценить нашего друга Валуа; он действительно великий политик.

— Объясни, что ты этим хочешь сказать,— отвечал Можирон, удобно усаживаясь в кресле.

— Король во всеуслышание объявил о заговоре, значит, до сих пор он скрывал, что знает о нем, а раз скрывал — значит, боялся его; и если теперь говорит о нем во всеуслышание, следовательно, не боится больше.

— Весьма логично,— отвечивал Можирон.

— А раз больше не боится, он покажет заговорщиков. Ты ведь знаешь Валуа: он, конечно, сияет множественным добродетелей, но в том месте, где должно находиться милосердие, это сияние омрачено темным пятном.

— Согласен.

— Итак, он покажет вышеупомянутых заговорщиков. Над ними будет организован судебный процесс; а если будет процесс, мы сможем без всяких хлопот насладиться новой постановкой спектакля «Амбуазское дело».

— Прекрасное будет представление, черт возьми!

— Конечно, и для нас будут заранее оставлены места, если только...

— Ну, что «если только»?

— Если только... такое тоже возможно... если только не откажутся от судебного разбирательства ввиду положения, которое занимают обвиняемые, и не уйдут все это при закрытых дверях, как говорится.

— Я стою за последнее,— сказал Можирон,— семейные дела чаще всего так и решаются, а этот заговор — самое настоящее семейное дело.

Орильн с тревогой посмотрел на принца.

— Одно я знаю,— продолжал Можирон,— по правде сказать, на месте короля я не стал бы щадить знатные головы. Они виноваты вдвое больше других, позволив себе принять участие в заговоре; эти господа полагают,

что им любой заговор дозволен. Вот я и пустил бы кровь одному из них или парочке, одному-то уж обязательно, это определено; а потом утопил бы всю мелюзгу. Сена достаточно глубока возле Нельского замка, и на место короля, я, клянусь честью, не удержался бы от соблазна.

— Для такого случая,— сказал Келюс,— было бы недурно, по-моему, возродить знаменитую казнь в мешке.

— А что это такое? — поинтересовался Можирон.

— Королевская выдумка, которая отпосится к тысяча триста пятидесятому году или около того. Вот в чем она состоит: человека засовывают в мешок вместе с парой-другой кошек, мешок завязывают, а потом бросают в воду. Кошки не выпоят сырости и, лишь только очутятся в Сене, тотчас же начинают вымещать на человеке свою беду; тогда в мешке происходят разные штуки, которые, к сожалению, увидеть невозможно.

— Да ты просто кладезь премудрости, Келюс,— воскликнул Можирон,— беседовать с тобою одно наслаждение.

— Этот способ к главарям можно было бы не применять: главари всегда имеют право требовать себе привилегию быть обезглавленными в публичном месте или убитыми где-нибудь в укромном уголке. Но для мелюзги, как ты выразился, а под мелюзгой я понимаю фаворитов, оруженосцев, мажордомов, лютнистов...

— Господа,— пролепетал Орильн, весь белый от ужаса.

— Не отвечай им, Орильн,— сказал Франсуа,— все это не может относиться ко мне, а следовательно, и к моим людям: во Франции не потешаются над принципами крови.

— Нет, разумеется, с ними обращаются по-серьезному: отрубают им головы. Людовик Одиннадцатый не отказывал себе в этом, он — великий король! Свидетель тому господин де Немур.

На этом месте диалога миньонов в передней послышался шум, дверь распахнулась, и на пороге компаты появился король.

Франсуа вскочил с кресла.

— Государь,— воскликнул он,— я зываю к вашему правосудию: ваши люди недостойно обходятся со мною.

Но Генрих, казалось, не видел и не слышал принца.

— Здравствуй, Келюс,— сказал он, целуя своего фаворита в обе щеки,— здравствуй, дитя мое, ты прекрасно

выглядишь, просто сердце радуется; а ты, мой бедный Можирон, как у тебя дела?

— Погибаю от скуки, — ответил Можирон. — Когда я взялся сторожить вашего брата, государь, я думал, он гораздо запимательнее. Фи! Скучнейший принц. Что, он и в самом деле сын вашего отца и вашей матушки?

— Вы слышите, государь, — сказал Франсуа, — неужели это по вашей королевской воле нанесят подобные оскорбления вашему брату?

— Замолчите, сударь, — сказал Генрих, даже не повернувшись к нему, — я не люблю, когда мои узники жалуются.

— Узник да, если вам так угодно, но от этого я не перестаю быть вашим...

— То, на что вы ссылаетесь, как раз и губит вас в моих глазах. Когда виновный — мой брат, он виновен вдвойне.

— Но если он не виновен?

— Он виновен.

— В каком же преступлении?

— В том, что он мне не понравился, сударь.

— Государь, — сказал оскорбленный Франсуа, — разве наши семейные ссоры вуждаются в свидетелях?

— Вы правы, сударь. Друзья, оставьте меня на минутку, я побеседую с братом.

— Государь, — чуть слышно шепнул Келюс, — это неосторожно — оставаться вашему величеству между двух врагов.

— Я уведу Орилья, — шепнул Можирон в другое ухо короля.

Фавориты ушли вместе с Орилья, который сгорал от любопытства и умирал от страха.

— Вот мы и одни, — сказал король.

— Я ждал этой минуты с нетерпением, государь.

— Я тоже. Вот как! Значит, вы покушаетесь на мою корону, мой достойный Этеокл. Вот как! Значит, вы сделали своим орудием Лигу, а целью трон. Вот как! Вас помазали на царствование, помазали в одном из закоулков Парижа, в заброшенной церкви, чтобы затем неожиданно предъявить вас, еще лоснящегося от священного мпра, парижанам.

— Увы! — сказал Франсуа, который понемногу начал чувствовать всю глубину королевского гнева. — Ваше величество не дает мне возможности высказаться,

— А зачем? — сказал Генрих. — Чтобы вы солгали мне или в крайнем случае рассказали то, что мне известно так же хорошо, как вам? Впрочем, нет, вы, конечно, будете лгать, мой брат, ибо признаться в своих деяниях — значит признаться в том, что вы заслужили смерть. Вы будете лгать, и я спасаю вас от этого позора.

— Брат мой, брат, — сказал обезумевший от ужаса Франсуа, — зачем вы осыпаете меня такими оскорблениями?

— Что ж, если все, что я вам говорю, можно считать оскорбительным, значит, лгу я, и я очень хотел бы, чтобы это было так. Посмотрим, говорите, говорите, я слушаю, сообщите нам, почему вы не изменник и, еще того хуже, не растапа.

— Я не знаю, что вы хотите этим сказать, ваше величество, вы, очевидно, задались целью говорить со мной загадками.

— Тогда я растолкую вам мои слова, — вскричал Генрих звенящим, полным угрозы голосом, — вы злоумышляли против меня, как в свое время злоумышляли против моего брата Карла, только в тот раз вы прибегли к помощи короля Наваррского, а нынче — к помощи герцога де Гиза. Великолепный замысел, я им просто восхищен, он обеспечил бы вам прекрасное место в истории узурпаторов! Правда, прежде вы пресмыкались, как змея, а сейчас вы хотите разить, как лев; там — вероломство, здесь — открытая сила; там — яд, здесь — шпага.

— Яд! Что вы хотите сказать, сударь? — воскликнул Франсуа, побледнев от гнева и пытаясь, подобно Этеоклу, с которым его сравнил Генрих, поразить Полиника, за отсутствием меча и кинжала, своим горящим взглядом. — Какой яд?

— Яд, которым ты отравил нашего брата Карла; яд, который ты предназначал своему сообщнику Генриху Наваррскому. Он хорошо известен, этот роковой яд. Еще бы! Наша матушка уже столько раз к нему прибегала. Вот поэтому, конечно, ты и отказался от него в моем случае, вот поэтому и решил сделаться полководцем, стать во главе войска Лиги. Но погляди мне в глаза, Франсуа, — продолжал Генрих, с угрожающим видом сделав шаг к брату, — и запомни навсегда, что такому человеку, как ты, никогда не удастся убить такого, как я.

Франсуа покачнулся под страшным натиском короля, но тот не обратил на это никакого внимания и продолжал без всякой жалости к узнику:

— Шпагу мне! Шпагу! Я хотел бы видеть тебя в этой комнате один на один, но со шпагой в руках. В хитрости я уже одержал над тобой победу, Франсуа, ибо тоже избрал окольный путь к трону Франции. Но на этом пути мне пришлось пробиваться через миллион поляков, и я пробился! Если вы хотите быть хитрым, будьте им, но лишь на такой манер; если хотите подражать мне, подражайте, но не умаляя меня. Только такие интриги достойны лиц королевской крови, только такие хитрости достойны полководца! Итак, я повторяю: в хитрости я одержал над тобою верх, а в честном бою ты был бы убит; поэтому и не помышляй больше бороться со мной ни тем, ни другим способом, ибо отныне я буду действовать как король, как господин, как деспот. Отныне я буду наблюдать за твоими колебаниями, следовать за тобой в твоих потемках, и при малейшем сомнении, малейшей неясности, малейшем подозрении я протяну свою длинную руку к тебе, ничтожество, и швырну тебя, трещающего, под топор моего палача.

Вот что я хотел сказать тебе относительно наших семейных дел, брат; вот почему я решил поговорить с тобой наедине, Франсуа; вот почему я прикажу моим друзьям оставить тебя одного на эту ночь, чтобы в одиночестве ты смог поразмыслить над моими словами.

Если верно говорится, что ночь — хорошая советчица, то это должно быть справедливо прежде всего для узников.

— Так, значит, — пробормотал герцог, — из-за прихоти вашего величества, по подозрению, которое похоже на дурной сон, пригрезившийся вам почью, я оказался у вас в немыслости?

— Больше того, Франсуа: ты оказался у меня под судом.

— Но, государь, назначьте хотя бы срок моего заключения, чтобы я знал, как мне быть.

— Вы узнаете это, когда вам прочтут ваш приговор.

— А моя матушка? Нельзя ли мне увидеться с моей матушкой?

— К чему? В мире существовало всего лишь три экземпляра той знаменитой охотничьей книги, которую проглотил, именно проглотил, мой бедный брат Карл.

Два оставшихся находятся: один во Флоренции, другой в Лондоне. К тому же я не Немврод, как мой бедный брат. Прощай, Франсуа!

Окончательно сраженный принц упал в кресло.

— Господа, — сказал король, распахнув дверь, — его высочество герцог Анжуйский попросил, чтобы я дал ему возможность подумать этой ночью над ответом, который он должен сообщить мне завтра утром. Вы оставите его в комнате одного и только время от времени, по вашему усмотрению, будете наносить ему визиты — из предосторожности. Возможно, вам покажется, что ваш пленник несколько возбужден состоявшейся между нами беседой, но не забывайте, что, вступив в заговор против меня, его высочество герцог Анжуйский отказался от имени моего брата и, следовательно, здесь находятся лишь заключенный и стража. Не церемоньтесь с ним. Если заключенный будет вам досаждать, сообщите мне: у меня на этот случай есть Бастилия, а в Бастилии — мэтр Лорап Тестю, самый подходящий в мире человек для того, чтобы подавлять мятежные настроения.

— Государь, государы! — запротестовал Франсуа, делая последнюю попытку. — Вспомните, что я ваш...

— Вы, кажется, были также и братом короля Карла Девятого, — сказал Генрих.

— Но пусть мне вернут хотя бы моих слуг, моих друзей.

— Вы еще жалуетесь! Я отдаю вам своих, в ущерб себе.

И Генрих закрыл дверь перед носом брата. Тот, бледный и еле держась на ногах, добрался до своего кресла и упал в него.

Глава XI

О ТОМ, КАК НЕ ВСЕГДА ТЕРЯЕШЬ ДАРОМ ВРЕМЯ, КОПАЯСЬ В ПУСТЫХ ШКАФАХ

После разговора с королем герцог Анжуйский понял, что положение его совершенно безнадежно.

Мильоны не утаили от него ничего из того, что произошло в Лувре: они описали ему поражение Гизов и триумф Генриха, значительно преувеличив и то и другое. Герцог слышал, как народ кричал: «Да здравствует король!», «Да здравствует Лига!» и сначала не мог по-

нять, что это значит. Он почувствовал, что главари Лиги его оставляли, что им пужно защищать самих себя.

Покинутый своей семьей, поредевшей от убийств и отравлений, разобщенной злопамятством и распри, он вздыхал, обращая взгляд к тому прошлому, о котором напомнил ему король, и думал, что, когда он боролся против Карла IX, у него, по крайней мере, было два персика или, вернее, два простака, два преданных сердца, две непобедимые шпаги, звавшиеся Коконпас и Ла Моля.

Есть немало людей, у которых сожаления об утраченных благах занимают место угрызений совести.

Почувствовав себя одиноким и покинутым, герцог Апужийский впервые в жизни испытал нечто вроде угрызений совести по поводу того, что он принес в жертву Ла Моля и Коконпаса.

В те времена его любила и утешала сестра Маргарита. Чем отплатил он своей сестре Маргарите?

Оставалась еще мать, королева Екатерина. Но мать никогда его не любила.

Если она и обращалась к нему, то лишь для того, чтобы использовать его, как он сам использовал других — в качестве орудия. Франсуа понимал это.

Стоило ему попасть в руки матери, и он начинал чувствовать себя таким же беспомощным, как корабль в бурю посреди океана.

Он подумал, что еще недавно возле него было сердце, которое стоило всех других сердец, шпага, которая стоила всех других шпаг.

В его памяти встал во весь рост Бюсси, храбрый Бюсси.

И тогда Франсуа вдруг почувствовал что-то похожее на раскаяние, ведь из-за Монсоро он поссорился с Бюсси. Он хотел задобрить Монсоро, потому что тот знал его тайну, и вот внезапно эта тайна, раскрытием которой ему все время угрожал главный ловчий, стала известна королю, и Монсоро больше не опасен.

Значит, он напрасно обидел Бюсси и, главное, ничего от этого не выиграл, то есть совершил ошибку, а ошибка, как скажет впоследствии один великий политик, хуже преступления.

Насколько облегчилось бы его положение, если бы он знал, что Бюсси, Бюсси признательный, а значит, и оставшийся ему верным, неусыпно печется о нем. Непобе-

димый Бюсси, Бюсси — честное сердце, Бюсси — всеобщий любимец, ибо честное сердце и тяжелая рука завоевывают друзей любому, кто получил первое от бога, а второе от случая.

Бюсси, который о нем печется, — это возможное освобождение, это неперемнное возмездие.

Но, как мы уже сказали, раненный в сердце Бюсси был сердит на принца и удалился в свой шатер, а узник остался один, обреченный выбрать между высотой почти в пятьдесят футов, которую нужно было преодолеть, чтобы спуститься в ров, и четырьмя миньонами, которых пужно было убить или ранить, чтобы прорваться в коридор.

И это еще если не принимать в расчет, что во дворах Лувра было полно швейцарцев и солдат.

Порою принц все же подходил к окну и погружал свой взгляд в ров до самого дна. Но подобная высота могла вызвать головокружение даже у храбреца, а герцог Анжуйский был не из тех, кто не боится головокружений.

К тому же время от времени один из его стражей — Шомберг или Можирон, а то д'Эпернон или Келюс — входил в комнату и, не заботясь о присутствии принца, иногда даже позабыв поклониться, делал обход: открывал двери и окна, рылся в шкафах и сундуках, заглядывал под кровать и под столы и даже проверял, на месте ли занавеси и не разорваны ли простыни на полосы.

Иной раз кто-нибудь из миньонов свешивался за перила балкона и успокаивался, измерив взглядом сорок пять футов высоты.

— Клянусь честью, — сказал Можирон, возвращаясь после очередного обыска, — с меня хватит. Я не желаю больше покидать эту переднюю, чтобы идти с визитом к монсеньеру герцогу Анжуйскому: днем нас навещают друзья, а ночью мне противно просыпаться каждые четыре часа.

— Сразу видно, — сказал д'Эпернон, — что мы просто большие дети, что мы всегда были капитанами и ни разу — солдатами: ведь мы не умеем истолковать приказание.

— То есть как истолковать? — спросил Келюс.

— Очень просто. Чего хочет король? Чтобы мы присматривали за герцогом Анжуйским, а не смотрели на него.

— Тем более, — подхватил Можирон, — что в этом случае есть за кем присматривать и не на что смотреть.

— Прекрасно! — сказал Шомберг. — Однако надо подумать, как бы нам не ослабить нашу бдительность, ибо дьявол хитер на выдумки.

— Пусть так, — сказал д'Эпернон, — но чтобы прорваться через охрану из четырех таких молодцов, как мы, еще мало быть хитрым.

Д'Эпернон подкрутил свой ус и приосанился.

— Он прав, — сказал Келюс.

— Хорошо, — ответил Шомберг, — значит, ты считаешь, что герцог Анжуйский так глуп, что попытается бежать именно через нашу комнату? Если уж он решится на побег, то скорее проделает дыру в стене.

— Чем? У него нет инструментов.

— У него есть окна, — сказал, впрочем довольно робко, Шомберг, ибо вспомнил, как он сам прикидывал расстояния до дна рва.

— А! Окна! Он просто очарователен, честное слово, — вскричал д'Эпернон. — Bravo, Шомберг! Окна! Значит, ты бы прыгнул с высоты в сорок пять футов?

— Я согласен, что сорок пять футов...

— Ну вот, а он хромой, тяжелый, трусливый, как...

— Ты, — подсказал Шомберг.

— Мой милый, — возразил д'Эпернон, — ты прекрасно знаешь, что я боюсь только привидений, а это уж зависит от нервов.

— Дело в том, — торжественно объяснил Келюс, — что все, кого он убил на дуэли, явились ему в одну и ту же ночь.

— Не смейтесь, — сказал Можирон, — я читал о целой куче совершенно сверхъестественных побегов... Например, с помощью простыней.

— Что касается простыней, то замечание Можирона весьма разумно, — сказал д'Эпернон. — Я сам видел в Бордо узника, бежавшего с помощью своих простыней!

— Ну вот! — сказал Шомберг.

— Да, — продолжал д'Эпернон, — только у него был сломан хребет и расколота голова; простыня оказалась на тридцать футов короче, чем надо, и ему пришлось прыгать; таким образом, бегство было полным: тело покинуло темницу, а душа — тело.

— Ладно, пусть бежит, — сказал Келюс. — Нам предстоит случай поохотиться на принца крови. Мы

погонимся за ним, затравим его и во время травли заметен я, словно ненароком, попытаемся сломать ему что-нибудь.

— И тогда, клянусь смертью Христовой, мы вернемся к роли, которая нам пристала! — воскликнул Можиров. — Ведь мы охотники, а не тюремщики.

Это заключение показалось всем исчерпывающим, и разговор зашел о другом, однако предварительно они решили, что через каждый час все же будут заглядывать в комнату герцога.

Мишюны были совершенно правы, утверждая, что герцог Анжуйский никогда не попытается вырваться на свободу силой и что, с другой стороны, он никогда не решится на опасный или трудный тайный побег.

Нельзя сказать, что он был лишен изобретательности, этот достойный принц, и мы даже должны отметить, что воображение его лихорадочно работало, пока он метался взад и вперед между своей кроватью и дверью знаменитого кабинета, в котором провел две или три ночи Ла Моля, когда Маргарита приютила его у себя во время Варфоломеевской ночи.

Время от времени принц прижимался бледным своим лбом к стеклу окна, выходившего на рвы Лувра.

За рвами простиралась полоса песчаного берега шириною футов в пятнадцать, а за берегом виднелась в сумерках гладкая, как зеркало, вода Сены.

На другом берегу, среди сгущающейся темноты, возвышался неподвижный гигант — Нельская башня.

Герцог Анжуйский наблюдал заход солнца во всех его фазах; он с живым интересом, который проявляют к подобным зрелищам заключенные, следил, как угасает свет и наступает тьма.

Он созерцал восхитительную картину старого Парижа с его крышами, позолоченными последними лучами солнца и всего лишь через час уже посеребренными первым спящим луны. Потом, при виде огромных туч, которые плыли по небу и собирались над Лувром, предвещая ночную грозу, он постепенно почувствовал себя во власти необоримого ужаса.

Среди прочих слабостей у герцога Анжуйского была слабость дрожать от страха при звуках грома.

Он много дал бы за то, чтобы мишюны несли стражу в его спальне, даже если бы они продолжали оскорблять его.

Однако позвать их было невозможно, это дало бы им слишком много пищи для насмешек.

Он попытался искать убежища в постели, но не смог сомкнуть глаз. Хотел взяться за книгу, но буквы вихрем кружились перед глазами, подобные черным бесепятам. Попробовал пить — вино показалось ему горьким. Он пробежал кончиками пальцев по струнам висевшей на стене лютни Орильи, но почувствовал, что их трепет действует ему на нервы и вызывает желание плакать.

Тогда он начал богохульствовать, как язычник, и крушить все, что попадалось ему под руку.

Это была фамильная черта, и в Лувре к ней привыкли.

Миньоны приоткрыли дверь, чтобы узнать, откуда происходит столь неистовый шум, но, увидев, что это развлекается принц, снова затворили ее, чем удвоили гнев узника.

Принц только что превратил в щепки стул, когда от окна донесся тот дребезжащий звук, который ни с чем не спутаешь — звук разбитого стекла, и в то же мгновение Франсуа почувствовал острую боль в бедре.

Первой его мыслью было, что он ранен выстрелом из аркебузы и что выстрелил в него подосланный королем человек.

— А, изменник! А, трус! — вскричал узник. — Ты приказал застрелить меня, как и обещал. А! Я убил!

И он упал на ковер.

Но падая, он ощутил под своей рукой какой-то довольно твердый предмет, более неровный и гораздо более крупный, чем пуля аркебузы.

— О! Камень, — сказал он, — так, значит, стреляли из фальконета. Но почему же я не слышал выстрела?

Произнеся эти слова, Франсуа подвигал ногою, в которой, несмотря на довольно сильную боль, по-видимому, все было цело.

Он поднял камень и осмотрел стекло.

Камень был брошен с такой силой, что не разбил, а, скорее, пробил стекло.

Он был завернут во что-то похожее на бумагу.

Тут мысли герцога приняли другое направление.

Может быть, этот камень брошен к нему не врагом, а совсем напротив — каким-нибудь другом?

Пот выступил у него на лбу: надежда, как и страх, способна причинять страдания.

Герцог подошел к свету.

Камень и в самом деле был обернут бумагой и обмотан шелковой ниткой, завязанной несколькими узлами.

Бумага, разумеется, смягчила твердость кремня, который, не будь на нем этой оболочки, мог бы нанести прищипу куда более чувствительный удар.

Разрезать шелковую нитку, развернуть бумажку и прочесть ее было для герцога делом секунды: он уже полностью пришел в себя.

— Письмо! — прошептал он, оглядываясь с опаской. И прочел:

«Вам наскучило сидеть в комнате? Вам хочется свежего воздуха и свободы? Войдите в кабинет, где королева Наваррская прятала вашего бедного друга, господина де Ла Моля, откройте шкаф, поверните нижнюю полку, и вы увидите тайник. В тайнике лежит шелковая лестница. Привяжите ее сами к перилам балкона. На дне я ее схватят две сильные руки и натянут. Быстрый, как мысль, конь умчит вас в безопасное место.

Друг.

— Друг! — вскричал принц. — Друг! О! Я и не знал, что у меня есть друг. Кто же он, этот друг, который печется обо мне?

На мгновение герцог задумался, но, не зная, на ком остановить свой выбор, бросился к окну и глянул вниз: там никого не было видно.

— Может, это западня? — пробормотал принц, в котором страх всегда просыпался раньше других чувств. — Но прежде всего надо узнать, — продолжал он, — действительно ли в шкафу есть тайник и лежит ли в тайнике лестница.

Из предосторожности, чтобы не менять освещение комнаты, герцог не взял с собой светильника и, всецело доверившись своим рукам, направился к тому кабинету, куда в былые времена он столько раз, с трепещущим сердцем, отворял дверь, готовясь увидеть королеву Наваррскую, сияющую красотой, которую Франсуа ценил больше, чем это, быть может, подобало брату.

Надо признать, что и теперь сердце герцога билось с не меньшей силой.

Он ощупью открыл шкаф, обследовал все полки и, дойдя до нижней, нажал на ее дальний край, потом — на ближний, потом — на один из боковых и почувствовал, что полка поворачивается.

Тотчас же он просунул в щель руку, и кончики его пальцев коснулись шелковой лестницы.

Словно вор, спасающийся со своей добычей, бросился герцог обратно в спальню, унося свое сокровище.

Прошло десять часов, и герцог сразу вспомнил о еже-часных визитах миньонов. Он поспешил спрятать лестницу под подушку на своем кресле и сел в него.

Лестница была сработана так искусно, что без труда поместилась в том небольшом пространстве, куда засунул ее герцог.

Не успело пройти и пяти минут, как появился Можирон в халате, с обнаженной шпагой в левой руке и с подсвечником в правой.

Входя к герцогу, он продолжал разговаривать со своими друзьями.

— Медведь в ярости, — сказал ему чей-то голос, — еще минуту назад он громил все вокруг; смотри, как бы он не сожрал тебя, Можирон.

— Наглец! — прошептал герцог.

— Ваше высочество, кажется, удостоили меня чести заговорить со мной, — сказал Можирон с самым дерзким видом.

Уже готовый было взорваться герцог сдержал себя, вспомнив о том, что ссора приведет к потере времени и, быть может, помешает ему бежать.

Он подавил свой гнев и повернул кресло так, чтобы оказаться спиной к молодому человеку.

Можирон, следуя установленному порядку, подошел сначала к кровати — проверить простыни, затем к окну — проверить занавеси; он увидел разбитое стекло, но подумал, что его разбил герцог в припадке гнева.

— Эй! Можирон, — крикнул Шомберг, — что ты молчишь? Может, тебя уже съели? Тогда хоть вздохни, что ли, чтобы мы знали, в чем дело, и отомстили за тебя.

Герцог ломал пальцы от нетерпения.

— Ничего подобного, — отвечал Можирон, — напротив, мой медведь очень спокоен и совсем укрощен.

Герцог молча улыбнулся в полумраке комнаты.

А Можирон, не потрудившись даже поклониться принцу, что было наименьшим из знаков внимания, которые он обязан был оказывать столь высокопоставленному лицу, вышел из спальни и запер за собою дверь, дважды повернув ключ в замке.

Принц сохранял при этом полное безразличие, но, когда скрежет ключа в замочной скважине смолк, он прошептал:

— Берегитесь, господа,— медведь — очень хитрый зверь.

Глава XII СВЯТАЯ ПЯТНИЦА!

Оставшись один, герцог Анжуйский, который знал, что теперь его не потревожат по меньшей мере в течение часа, извлек свою лестницу из-под подушки, размотал ее и тщательнейшим образом проверил узел за узлом, перекладину за перекладиной.

— Лестница хорошая,— сказал он,— тут я могу быть спокоен: мне предлагают ее не для того, чтобы я сломал себе ребра.

Он разложил лестницу во всю длину и насчитал тридцать восемь перекладин, расположенных через каждые пятнадцать дюймов.

Что ж, длина достаточная, и с этой стороны опасаться нечего.

Он привадутился на минутку.

— А! Понятно,— сказал он,— лестницу подсунули мне проклятые миньоны; я привяжу ее к балкону, они позволят мне это сделать, а когда я начну спускаться, ворвутся в комнату и перережут веревки; вот где западня.

Потом, поразмыслив немного, пришел к заключению:

— Нет, это маловероятно. Они не такие глупцы, чтобы поверить, будто я могу решиться на спуск, не заложив дверь, а при заложенной двери у меня станет времени скрыться, прежде чем они появятся в комнате. Это они должны принять в расчет. А я так и поступлю,— продолжал он, обводя взглядом комнату,— конечно, я так и поступлю, если решусь бежать.

Впрочем, как же можно думать, что меня хотят обмануть с помощью лестницы из шкафа королевы Наваррской? Ведь, в конце концов, никто другой, кроме моей сестры Маргариты, не мог знать о ее существовании.

— Но кто же этот друг? — размышлял он. — Записка подписана: «Друг». Подумаем, кто из друзей герцога Анжуйского может быть так хорошо знаком со шкафами в моем кабинете или в кабинете моей сестры?

Мысль эта показалась герцогу очень удачной, он перечел записку, чтобы узнать, если это возможно, по черк, и тут его внезапно осенило.

— Бюсси! — вскричал он.

И в самом деле, Бюсси, кумир столько же дам, Бюсси, казавшийся героем королеве Наваррской, которая, как она сама признается в своих мемуарах, вскрикивала от ужаса всякий раз, когда узнавала, что он дерется на дуэли; Бюсси, умеющий держать язык за зубами, Бюсси, посвященный в тайны стальных шкафов, не был ли он, Бюсси, тем единственным другом, на которого герцог мог по-настоящему рассчитывать, не рука ли Бюсси бросила ему эту записку?

Замешательство принца еще более усилилось.

Однако все убеждало его в том, что автор записки — Бюсси. Герцогу не были известны все причины, заставлявшие Бюсси негодовать на него: он не знал о любви молодого человека к Диане де Меридор, хотя и имел на этот счет кое-какие подозрения. Сам влюбленный в Диану, герцог не мог не понимать, как трудно было Бюсси видеть эту молодую прекрасную женщину и не влюбиться в нее. Но его легкие подозрения заглушались другими, более вескими соображениями. Преданность Бюсси не могла позволить ему оставаться в бездействии в то время, как его господина лишили свободы. Риск, с которым было связано устройство побега, не мог не соблазнить его. Он захотел отомстить герцогу на свой манер — вернуть ему свободу. И сомневаться нечего — это Бюсси написал записку, это Бюсси ждет внау.

Чтобы окончательно установить истину, принц подошел к окну. В поднимавшемся от реки тумане он разглядел три продолговатых силуэта — это, должно быть, лошади — и еще что-то темное, похожее на два столба, врытых в прибрежный песок, — это, должно быть, двое людей.

Двое, все правильно: Бюсси и его верный Одуэн.

— Соблазн велик, — прошептал герцог, — и западня, если тут есть западня, сооружена так мастерски, что мне и попасть в нее не стыдно.

Франсуа поглядел через замочную скважину в переднюю и увидел четырех своих стражей. Двое спали, двое других, получив в наследство от Шико его шахматную доску, играли в шахматы.

Он погасил свет.

Затем открыл окно и перегнулся через перила балкона.

Пропасть, которую он пытался измерить взглядом, из-за темноты казалась еще более пугающей.

Он попятился назад.

Но свежий воздух и пространство обладают neodолпмой притягательностью для узника, и когда Франсуа возвратился в комнату, ему почудилось, будто он задыхается.

Это чувство было таким сильным, что в сознании герцога промелькнуло нечто вроде отворачивания к жизни и безразличия к смерти.

Удивленный принц вообразил, что к нему вернулось мужество.

Тогда, воспользовавшись этим моментом душевного подъема, он схватил шелковую лестницу, прикрепил ее к перилам балкона железными крючьями, которые имелись на одном ее конце, затем подошел к двери и как можно надежнее загородил ее мебелью. Убедившись, что на разрушение воздвигнутой им преграды уйдет десять минут, то есть больше, чем ему потребуется, чтобы достигнуть последней ступеньки лестницы, принц возвратился к окну.

Он поискал взглядом лошадей и людей на берегу, но там никого уже не было видно.

— Так даже лучше, — прошептал он, — лучше бежать одному, чем с другом, которого хорошо знаешь, и уж тем более — с другом, которого совсем не знаешь.

К этому времени тьма стала непроницаемой и в небе раздались первые глухие раскаты грозы, приближение которой чувствовалось весь последний час. Огромная туча с серебристой каймой, похожая на лежащего слона, простерлась над рекою, от одного берега до другого. Тело слона опиралось о дворец, а хобот бесконечной дугой охватывал Нельскую башню и терялся где-то на южной окраине города.

На короткий миг огромную тучу расколола молния, и принцу показалось, что он заметил внизу, во рву, тех, кого безуспешно искал на берегу.

Заржала лошадь, сомнения больше не было: его ждут.

Герцог потряс лестницу, проверяя, хорошо ли она укреплена, потом перенес ногу через перила и поставил ее на первую перекладину.

Невозможно описать ту смертельную тоску, от которой сжалось в эту минуту сердце узника. Эта зыбкая шелковая лестница была его единственной опорой, единственным спасением от страшных угроз брата.

Но лишь только принц поставил ногу на первую перекладину, он тут же почувствовал, что лестница, вместо того чтобы начать раскачиваться, как он ожидал, напротив, натянулась. Она не стала вращаться, как это было бы естественно в подобном случае, и вторая перекладина сразу же оказалась под другой его ногой.

Кто же — друг или враг — удерживал внизу лестницу? Что ждало его там: руки, раскрытые для объятия, или руки, сжимающие оружие?

Неодолимый ужас овладел принцем. Его левая рука все еще держалась за перила балкона, и он сделал движение, чтобы подняться обратно.

Невидимый человек, ждавший принца у подножия стены, словно угадал, что происходит в его душе, ибо в ту же минуту Франсуа почувствовал, как лестница под его ногами несколько раз легонько вздрогнула, будто подбадривая его.

«Лестницу внизу держат, — сказал он себе, — значит, не хотят, чтобы я ушел. Смелей!»

И он продолжал спускаться. Веревки были словно палки, так туго их натянули.

Франсуа заметил, что лестницу стараются держать на удалении от стены, чтобы ему легче было ступать на перекладины.

Обнаружив это, он стрелой ринулся вниз, скорее скользя на руках, чем ступая на перекладины, и приносился в жертву стремительному спуску подбитые мехом полы своего плаща.

Внезапно, когда принц должен был вот-вот стать на землю, которая — он это инстинктивно чувствовал, — была уже близко, его подхватили сильные руки, и чей-то голос прошептал ему на ухо два слова:

— Вы спасены.

Затем его донесли до противоположного ската рва и стали подталкивать вверх по дорожке, проложенной среди осыпавшейся земли и камней. Наконец он добрался до гребня. На гребне их ждал второй человек, который схватил принца за ворот и вытащил его наверх, а затем, оказав ту же услугу его спутнику, согнулся в три погибели, словно старик, и побежал к реке.

Коня стояли там же, где Франсуа увидел их с самого начала.

Принц понял, что путь назад ему заказан — он полностью во власти своих спасителей.

Он бросился к одному из трех коней и прыгнул в седло, оба его спутника последовали его примеру.

Тот же голос, который раньше шептал ему на ухо, сказал так же лаконично и таинственно:

— Гоните!

И все трое пустили своих коней в галоп.

«Пока все идет хорошо,— подумал принц,— будем надеяться, что продолжение этой истории не вступит в противоречие с ее началом».

— Благодарю, благодарю, мой храбрый Бюсси,— тихоенько шепнул принц своему правому спутнику, укутанному до самого носа в огромный коричневый плащ.

— Гоните,— ответил тот из глубин своего плаща.

Он сам подал пример, и кони вместе со своими всадниками полетели дальше, словно три черные тени.

Так они доскакали до большого рва Бастилии и промчались по временному мостику, наведенному накануне липстами, которые, не желая, чтобы их связь с друзьями в провинциях была прервана, прибегли к этому средству, обеспечивавшему им сообщение с тылом.

Три всадника направились в сторону Шарантона. Конь принца, казалось, летел на крыльях.

Вдруг правый спутник перемахнул через придорожную канаву и углубился в Венсенский лес, бросив, с присущим ему лаконизмом, всего лишь одно слово:

— Сюда.

Левый спутник молча повернул вслед за ним. За все время он не проронил ни звука.

Принцу не пришлось даже пустить в ход поводья или колени, чтобы направить свою лошадь: благородное животное так же резко перескочило через канаву, как два других коня, и на ржание, которое оно издало при этом, откликнулись из глубины леса несколько лошадей.

Принц хотел было остановить коня, потому что испугался, не завлекли ли его в какую-нибудь засаду.

Но было слишком поздно: конь летел, закусив удила. Однако заметив, что две другие лошади перешли на рысь, он сделал то же, и вскоре Франсуа очутился на какой-то поляне, где его взору предстал отряд из восьми

или десяти всадников. Они стояли в строю, и блики луны играли на их кирасах.

— О! О! — произнес принц. — Что это означает, сударь.

— Святая пятница! — воскликнул тот, к кому был обращен вопрос. — Это означает, что мы в безопасности.

— Это вы, Генрих?! — вскричал пораженный герцог Алжуйский. — Вы — мой освободитель?!

— А что в том удивительного, — ответил Беарнец, — разве мы не союзники?

Он оглянулся, ища взглядом своего спутника.

— Агриппа, — сказал он, — куда ты запропастился, дьявол тебя побори?

— Я здесь, — ответил д'Обинье, который до сих пор не раскрывал рта. — Ну знаете, если вы будете так обращаться с вашими лошадьми... при том, что у вас их так много...

— Полно, полно! — остановил его король Наваррский. — Не ворчи, ведь у нас еще есть две свежие, отдохнувшие. На них мы сможем сделать дюжину лье без остановок, а это все, что мне надо.

— Но куда вы меня везете, кузен? — спросил с беспокойством Франсуа.

— Куда вам будет угодно, — сказал Генрих, — только едемте быстрее, потому что д'Обинье прав: в конюшнях короля Франции побольше лошадей, чем в моих. Он достаточно богат для того, чтобы загнать два десятка коней, если ему забредет в голову настигнуть пас.

— Я и в самом деле могу ехать, куда захочу? — спросил Франсуа.

— Разумеется, и я жду ваших указаний, — сказал Генрих.

— Что ж, тогда — в Анжер.

— Вы хотите ехать в Анжер? Поедем в Анжер. Оно и верно, там вы у себя дома.

— А вы, кузен?

— Я? Возле Анжера я с вами расстанусь и поскачу в Наварру, где меня ждет моя милая Марго; должно быть, она очень по мне соскучилась!

— Но никто не знал, что вы были в Париже? — сказал Франсуа.

— Я приезжал, чтобы продать три брильянта моей жены.

— А! Прекрасно.

— И заодно разведать, действительно ли эта Лига собирается погубить меня.

— Вы же видите, что об этом нет и речи.

— Да, благодаря вам.

— Как это благодаря мне?

— Ну да, конечно,— если, вместо того чтобы отказаться быть главой Лиги, узнав, что она направлена против меня, вы согласились бы занять это место и объединились с моими врагами, я бы погиб. Поэтому, когда мне сообщили, что король покарал вас за неповиновение тюрьмой, я поклялся вытащить вас из нее — и вытащил.

«Все такой же простак,— сказал себе герцог Анжуйский,— даже совестно его обманывать, право».

— Поезжайте, кузен,— сказал с улыбкой Беарнец,— поезжайте в Анжу. А! Господин де Гиз, вы считаете, что ваша вяла, но я посылаю вам довольно опасного компаньона, берегитесь!

И так как к ним уже подвели свежих коней, которых потребовал Генрих, оба вскочили в седло и поскакали: из лесу. Агриппа д'Обинья скакал за ними, ворча что-то себе под нос.

Глава XIII

ПОДРУГИ

Пока Париж весь кипел, как огромный котел, графиня де Монсоро, под охраной своего отца и двух слуг из тех молодцов, которых в те времена вербовали для любого похода в качестве вспомогательных войск, держала путь к Меридорскому замку, проезжая каждый день по десять лье.

Она тоже начинала наслаждаться свободой, столь драгоценной для всякого, кому пришлось много выстрадать.

Чистая лазурь над полями вместо вечно хмурого неба; нависающего, словно траурный креп, над черными башнями: Бастилии, уже завеленевшие деревья, длинные, волнистые ленты живописных дорог, бегущих через лесные чащи;— все это казалось ей молодым и свежим, новым и восхитительным, словно она и в самом деле встала из могилы, где, как думал ее отец, она была погребена.

Что же до старого барона, то он помолодел на двадцать лет.

Глядя на то, как браво он держится в седле и прищипывает своего старого Жарнака, можно было принять этого благородного сеньора за одного из тех престарелых женихов, которые всюду сопровождают свою юную невесту, не спуская с нее влюбленных глаз.

Мы не станем описывать это долгое путешествие.

Ничего существенного, кроме восхода и захода солнца, не происходило.

Иной раз Диана, потеряв терпение, вскакивала с постели, когда окна гостиницы еще были посеребрены лунным светом, будила барона, расталкивала крепко спящих слуг, и они отправлялись в дорогу под ярко сияющей луной, чтобы выиграть несколько лье на этом длинном пути, казавшемся молодой женщине бесконечным.

И надо было видеть ее, когда посреди дороги она вдруг пропускала вперед сначала Жарнака, гордого тем, что он перегнал всех, затем слуг, и оставалась одна на каком-нибудь пригорке — поглядеть, не следует ли кто-нибудь за ними по долине. Удостоверившись, что долина пустынна, не обнаружив на ней ничего, кроме рассеянных по лугам стад или безмолвной колокольни какого-нибудь городка, торчащей далеко позади, она нагоняла своих, охваченная еще большим нетерпением.

Тогда отец, который исподтишка подглядывал за ней, говорил:

— Не бойся, Диана.

— Не бояться? Чего же, отец?

— Разве ты не смотришь, не следует ли за нами господи де Монсоро?

— А, это верно... Да, я смотрю, — отвечала молодая женщина, снова бросая взгляд назад.

Вот так, переходя от одних опасений к другим, от надежды к разочарованию, Диана прибыла к концу восьмого дня в Меридорский замок и была встречена у подъемного моста госпожой де Сен-Люк и ее мужем, которые во время отсутствия барона выполняли роль хозяев замка.

И для этих четырех началась та жизнь, о какой мечтает каждый из нас, читая Вергилия и Феокрита.

Барон и Сен-Люк охотились с утра до ночи. По следам их коней мчались доезжачие.

Собаки лавиной скатывались с вершины холма, преследуя зайца или лисицу, и когда из лесу доносился громкий шум этой неистовой погони, Диана и Жанна,

сидевшие рядом на мху, в тени деревьев, вздрагивали, по ватем снова возвращались к своей нежной и полной тайн беседе.

— Расскажи мне,— говорила Жанна,— расскажи мне обо всем, что было с тобой в могиле, ведь все мы считали тебя умершей... Погляди, боярышник в цвету роется на нас свои последние снежинки, бузина шлет нам свой пьянящий аромат. В ветвях дубов играют солнечные блики. В воздухе — ни дуновения, в парке — ни душ; лани разбежались, услышав, как дрожит земля, а лисички забились в свои норы. Расскажи мне, сестричка, расскажи.

— Что я тебе говорила?

— Ты ничего мне не говорила. Итак, ты счастлива? А что же тогда означают эти голубые тени под прекрасными глазками, перламутровая бледность твоих щек, трепещущие веки и губы, напрасно пытающиеся улыбнуться... Диана, у тебя есть о чем рассказать мне.

— Да нет же, нет.

— Значит, ты счастлива... с господином де Монсоро? Диана задрожала всем телом.

— Вот видишь! — воскликнула Жаппа с ласковым упреком.

— С господином де Монсоро! — повторила Диана. — Зачем ты произнесла это имя? Зачем ты вызвала этот призрак сюда, где нас окружают деревья, цветы, где мы счастливы?

— Что ж, теперь я знаю, почему под твоими прекрасными глазами синяки, почему эти глаза так часто поднимаются к небу; но я все еще не знаю, почему твои губы пытаются улыбнуться.

Диана грустно покачала головой.

— Ты, кажется, мне говорила, — продолжала Жанна, обвивая своей белой, полной рукой плечи Дианы, — говорила мне, что господин де Бюсси отнесся к тебе с большим участием...

Диана покраснела так сильно, что ее нежное, круглое ушко словно пламенем вспыхнуло.

— Этот господин де Бюсси обаятельный человек, — сказала Жанна.

И она запела:

Кто первый задира у нас?
Конечно, Бюсси д'Амбуаз.

Диана склонила голову на грудь подруги и подхватила голосом более нежным, чем голоса распевających в листве малинвок:

Кто верен и певец, спроси.

Ответят: «Сельор...»

— Де Бюсси!..» — закончила за нее Жанна, весело целуя подругу в глаза. — Ну, назови наконец это имя.

— Хватит глупостей, — сказала вдруг Диана, — господин де Бюсси не вспоминает более о Диане де Меридор.

— Вполне возможно, — ответила Жанна, — но я склонна думать, что он очень нравился Диане де Монсоро.

— Не говори мне этого.

— Почему? Разве это тебе неприятно?

Диана не ответила.

— Говорю тебе, что господин де Бюсси не вспоминает обо мне, и правильно делает... О! Я струсилa, — прошептала она.

— Что ты сказала?

— Ничего, ничего.

— Послушай, Диана, ты опять пачнешь плакать, винить себя в чем-то... Ты струсилa? Ты — моя героиня? У тебя не было выхода.

— Да, я так думала... мне чудились опасности, пропасти, разрывающиеся у меня под полами... Сейчас эти опасности, Жанна, кажутся мне призрачными, эти пропасти — их мог бы перепрыгнуть и ребенок. Я струсилa, говорю тебе. О! Почему у меня не было времени, чтобы подумать!..

— Ты говоришь со мной загадками.

— Нет, все это не то, — вскричала Диана, в страшном смятении вскакивая на ноги. — Нет, это не моя вина, это он, Жанна, он не захотел. Я вспоминаю, как все было: положение казалось мне ужасным, я колебалась, была в нерешительности... Отец предлагал мне свою поддержку, а я боялась... он, он предложил мне свое покровительство... но предложил так, что не смог убедить меня. Против него был герцог Анжуйский. Герцог Анжуйский в союзе с господином де Монсоро, скажешь ты. Ну и что из того? Какое значение имеют герцог Анжуйский и граф де Монсоро! Когда очень хочешь чего-нибудь, когда действительно любишь кого-нибудь, о! никакой

принц, никакой граф тебя не удержат. Видишь, Жанна, если бы я действительно любила...

И Диана, вся во власти своего возбуждения, оперлась спиной о ствол дуба, словно душа ее довела тело до невозможения и у него не было больше сил держаться.

— Послушай, дорогая моя, успокойся, рассуди...

— Говорю тебе: мы оказались *трусами*.

— Мы... О! Диана, о ком ты говоришь? Это «мы» очень красноречиво, моя милая...

— Я хочу сказать: мой отец и я. Надеюсь, ты ничего другого не подумала... Мой отец — человек знатный, он мог поговорить с королем; я... у меня есть гордость, и я не боюсь тех, кого ненавижу... Но, видишь ли, вот в чем секрет этой трусости: я поняла, что *он* не любит меня.

— Ты сама себя обманываешь!.. — вскричала Жанна. — Если бы ты верила в это, то в том состоянии, в котором ты находишься, ты бы обратилась к нему с этим упреком... Но ты в это не веришь, ты знаешь обратное, лицемерка, — добавила она ласково.

— Тебе легко верить в любовь, — возразила Диана, снова усаживаясь возле Жанны, — господин де Сен-Люк взял тебя в жены наперекор воле короля! Он похитил тебя прямо из Парижа; тебя, может быть, преследовала погоня, ты платишь ему за опалу и изгнание своими ласками.

— И щедро плачу, — сказала проказница.

— Но я, подумай немного и не будь эгоисткой, я, которую этот необузданный молодой человек любит, по его уверению, я, которая привлекла взор неукротимого Бюсси — человека, не знающего, что такое прельстивие, я допустила оглашение моего брака и предстала пред взоры всего двора. После этого он не захотел даже смотреть на меня. Я доверилась ему в часовне святой Марии Египетской. Никого не было, только два его сообщника — Гертруда и Одуэн, да я — еще большая его сообщница, чем они... О! Подумать только, стой возле дверей копы, и Бюсси мог бы меня похитить тогда же, возле часовни... закрыть полой плаща... В ту минуту, знаешь, я чувствовала, что он страдает, что он в отчаянии из-за меня. Я видела его потускневшие глаза, побледневшие, запекшиеся от лихорадки губы. Если бы он попросил меня умереть, чтобы вернуть блеск его глазам, свежесть его устам, я бы умерла... Я встала и ушла, и он даже не подумал удержать меня за край моей накидки. Погоди,

погоди... О! Ты не понимаешь, как я страдаю. Он знал, что я покидаю Париж, возвращаюсь в Меридор; он знал, что господин де Монсоро... Ну вот, я и покраснела... что господин де Монсоро не муж мне; он знал, что я еду одна... и в дороге, Жанна, милая, я каждую минуту оборачивалась назад, мне все чудилось, что я слышу галоп его коня, догоняющего нас. Но нет! Это было всего лишь эхо! Говорю тебе, он обо мне и не вспоминает, да я и не заслуживаю того, чтобы ехать за мной в Аяжу, когда при дворе французского короля есть столько прекрасных и обходительных дам, одна улыбка которых стоит больше сотни признаний провинциалки, похорожившей себя в чащах Меридора. Теперь ты поняла? Убедила я тебя? Разве я не права? Разве меня не забыли, не пренебрегли мною, бедная моя Жанна?

Не успела молодая женщина произнести эти слова, как в ветвях дуба раздался страшный треск, со старой степы посыпались кусочки мха и отколовшейся штукатурки, и тотчас вслед за этим из зелени плюща и дикой шелковицы выпрыгнул мужчина и упал к ногам Дианы, та громко вскрикнула.

Жанна поспешила отойти в сторону — она узнала этого мужчину.

— Вы видите, я здесь, — прошептал коленопреклоненный Бюсси, целуя край платья Дианы, который он почтительно взял дрогнувшей рукой.

Диана, в свою очередь, узнала голос и улыбку графа, и, пораженная в самое сердце, вне себя, задыхаясь от этого неожиданного счастья, она распахнула объятия и, почти без чувств, упала на грудь того, кого только что обвиняла в безразличии.

Глава XIV ВЛЮБЛЕННЫЕ

Обмороки, вызванные радостью, никогда не бывают ни чрезмерно долгими, ни чрезмерно опасными. Правда, есть свидетельства, что они приводили иной раз к смертельному исходу, но такие случаи чрезвычайно редки.

Поэтому Диана весьма скоро открыла глаза и обнаружила, что находится в объятиях Бюсси, ибо Бюсси пожелал уступить госпоже де Сен-Люк привилегию встретить первый взгляд Дианы,

— О! — прошептала она, приходя в себя. — О! Это ясно, граф, появится так внезапно!

Бюсси ожидал других слов.

И кто знает — мужчины так требовательны, — кто знает, повторяем мы, быть может, он ждал вовсе не слов, а чего-то другого, он, не один раз присутствовавший при возвращении к жизни после обмороков или беспамятства?

Однако Диана не только ограничилась этими словами, но более того, она мягко освободилась из плена рук де Бюсси и отступила к подруге, которая поначалу отошла было из деликатности на несколько шагов в сторону, под деревья, но потом прелестное зрелище примирения двух любящих разбудило в ней свойственное женщинам любопытство, и она потихоньку вернулась назад, не для того, чтобы принять участие в разговоре, но чтобы быть достаточно близко от разговаривающих и ничего не упустить...

— Так вот, значит, как вы меня встречаете, сударыня? — сказал Бюсси.

— Ах, — сказала Диана, — это в самом деле очень мило, очень трогательно, господин де Бюсси, то, что вы сделали... Но...

— О! Бога ради, не надо никаких «по», — вздохнул Бюсси, снова опускаясь на колени.

— Нет, нет, только не так, не на коленях, господин де Бюсси.

— О! Позвольте мне молить вас на коленях, — сказал граф, сложив ладони, — я так давно мечтал о месте у ваших ног.

— Возможно, но, чтобы занять его, вы перебрались через стену. Это не подобает знатному сеньору и, более того, весьма неосторожно для человека, который печется о моей чести.

— Почему?

— А если бы вас случайно заметили?

— Кто бы меня заметил?

— Да наши охотники, они всего четверть часа тому назад проскакали тут по лесу мимо стены.

— О! Успокойтесь, сударыня, я слишком старательно прячусь, чтобы меня смогли заметить.

— Он прячется! Ах, — воскликнула Жанна, — это совсем как в романе, расскажите нам, как вы прячетесь, господин де Бюсси.

— Во-первых, если я не присоединился к вам по дороге, то не по своей вине: я поехал одним путем, вы — другим. Вы прибыли через Рамбуле, я через Шартр. Во-вторых, слушайте и судите, влюблен ли в вас бедный Бюсси: я не решился присоединиться к вам, хотя не сомневался, что смог бы это сделать. Я прекрасно знал, что Жарнак отнюдь не влюблен и что это достойное животное без особого восторга относится к возвращению в Меридор; ваш отец тоже не имел никаких оснований торопиться, ведь вы были возле него. Но я хотел встретиться с вами не в присутствии вашего батюшки и не в обществе ваших людей, потому что я гораздо больше беспокоюсь о том, чтобы не нанести урон вашей чести, чем вы думаете. Я ехал не торопясь и грыз ручку моего хлыста, да, ручка хлыста была моей обычной пищей в эти дни.

— Бедный мальчик! — сказала Жанна. — Оно и видно, погляди, как он похудел.

— Наконец вы прибыли, — продолжал Бюсси, — я снял квартиру в предместье города и видел, спрятавшись за ставнями, как вы проехали мимо.

— О! Боже мой! Вы живете в Анжере под своим именем? — спросила Диана.

— За кого вы меня принимаете? — сказал, улыбаясь, де Бюсси. — Конечно, нет, я — странствующий купец. Поглядите на этот светло-коричневый камзол, в нем меня все очень-то узнаешь, такой цвет любят суконщики и мастера золотых и серебряных дел. Ну, а кроме того, у меня весьма озабоченный и занятой вид, и я вполне могу сойти за аптекаря, разыскивающего целебные травы. Короче говоря, меня еще не заметили.

— Бюсси, красавец Бюсси, два дня рядом находится в провинциальном городишке, и его не заметили? При дворе этому никогда не поверят.

— Продолжайте, граф, — сказала Диана, краснея. — Как вы добрались из Анжера сюда?

— У меня два чистокровных скакуна. Я сажусь на одного из них и шагом выезжаю из города, то и дело останавливаясь, чтобы поглазеть на объявления и вывески. Но стоит мне очутиться вдали от чужих взглядов, я тотчас же пускаю коня в галоп, и за двадцать минут он покрывает три с половиной лье между городом и замком. Оказавшись в Меридорском лесу, я определяю стороны света и нахожу стену парка. Но она длинная, и

даже очень, ведь парк большой. Вчера я исследовал эту стену больше чем четыре часа; забирался на нее то там, то здесь, все надеясь увидеть вас. И наконец, к вечеру, когда я уже почти отчаялся, я вас увидел. Вы шли к дому, позади вас прыгали две большие собаки барона, они пытались схватить молодую куропатку, которую госпожа де Сен-Люк держала в высоко поднятой руке. Потом вы скрылись из виду.

Я прыгнул в парк, прибежал сюда, где мы сейчас, увидел, что трава и мох здесь сильно примяты, и решил, что, вполне возможно, это ваше излюбленное место: тут так приятно в жару. Чтобы узнать это место, я надломил ветки, как делают на охоте, и, вздыхая, что для меня всегда ужасно мучительно...

— С непривычки,— прервала с улыбкой Жанна.

— Вполне возможно, сударыня. Итак, вздыхая, что для меня, повторяю, всегда ужасно мучительно, я поскакал к городу. Я был очень утомлен, кроме того, забирался на деревья, я разорвал мой светло-коричневый камзол, и, однако, несмотря на прорехи в камзоле, несмотря на боль в груди, я был счастлив: я видел вас.

— По-моему, это восхитительный рассказ,— сказала Жанна,— вы преодолели ужасные препятствия, это прекрасно и героично, но я боюсь взбираться на деревья, и, окажись я на вашем месте, я поберегла бы свой камзол и особенно свои прекрасные белые руки. Посмотрите, в каком ужасном состоянии ваши: все испаряпаны колючкам.

— Верно. Но тогда я не увидел бы ту, которую искал.

— Вот уж нет. Я бы увидела ее и нагляделась бы побольше вашего и на Диану де Меридор, и даже на госпожу де Сен-Люк.

— А что бы вы сделали для этого?— с живостью спросил Бюсси.

— Явилась бы прямо к подъемному мосту Меридорского замка и вошла в замок. Господин барон сжал бы меня в своих объятиях, госпожа де Монсоро усадила бы меня рядом с собой за стол, господин де Сен-Люк осыпал бы меня знаками внимания, госпожа де Сен-Люк составляла бы со мной анаграммы. Это был бы самый простой в мире способ. Правда, самые простые в мире способы никогда не приходят на ум влюбленным.

Бюсси улыбнулся, бросил взгляд в сторону Дианы и покачал головой.

— Ну нет, — сказал он, — нет. То, что сделали бы вы, годится для всех, но не для меня.

Диана залилась краской, словно ребенок, и в глазах обоих появилось одно и то же выражение, а на устах — одна и та же улыбка.

— Вот так так! — сказала Жанна. — По всему выходит, что я ничего больше не понимаю в хороших манерах.

— Нет! — сказал Бюсси, отрицательно покачав головой. — Нет, я не мог явиться в замок! Графиня замужем, и господин барон несет обязательство перед своим зятем — каким бы он ни был — строго следить за его женой.

— Что ж, — сказала Жанна, — вот я и получила урок благородства, примите мою признательность, господин де Бюсси, я действительно его заслужила, это меня отучит вмешиваться в дела безумцев.

— Безумцев? — переспросила Диана.

— Безумцев или влюбленных, — ответила госпожа де Сен-Люк, — и поэтому...

Она поцеловала подругу в лоб, сделала реверанс Бюсси и убежала.

Диана пыталась было остановить Жанну за руку, но Бюсси завладел другой рукой Дианы, и молодой женщине, столь крепко удерживаемой своим возлюбленным, пришлось решиться и отпустить подругу.

Итак, Бюсси и Диана остались одни.

Диана, бросив взгляд вслед госпоже де Сен-Люк, которая шла, срывая по пути цветы, покраснела и снова опустилась на траву.

Бюсси улегся к ее ногам.

— Я поступил, как должно, не правда ли, сударыня? Вы меня одобряете?

— Не стану лукавить, — ответила Диана, — к тому же вам известны мои мысли. Да, я одобряю вас, но на этом кончается моя снисходительность. Стремиться к вам, призывать вас, как я это делала только что, было безумием с моей стороны, грехом.

— Бог мой! Что вы такое говорите, Диана?

— Увы, граф, я говорю правду! Я имею право делать несчастным господина де Монсоро, который сам довел меня до такой крайности, но я располагаю этим правом только до тех пор, пока воздерживаюсь от того, чтобы

осчастливить другого. Я могу отказать графу в моем обществе, моей улыбке, моей любви, но если я одарю этими милостями другого, я ограблю того, кто, вопреки моему желанию, является моим господином.

Бюсси терпеливо выслушал это правоучение, весьма смягченное, впрочем, прелестью Дианы и ее кротким тоном.

— Сейчас моя очередь, не так ли? — спросил он.

— Говорите, — ответила Диана.

— Со всей откровенностью?

— Говорите!

— Ну так вот, в том, что вы мне сказали, сударыня, нет ни одного слова, сказанного от сердца.

— Почему?

— Наберитесь терпения и выслушайте меня, сударыня, ведь я слушал вас терпеливо. Вы засыпали меня софизмами.

Диана сделала протестующее движение.

— Общие места морали, — продолжал Бюсси, — не что иное, как софизмы, когда они оторваны от реальности. В обмен на ваши софизмы, сударыня, я преподнесу вам истину. Некий мужчина является вашим господином, говорите вы, но разве вы сами выбрали себе этого мужчину? Нет, его навязали вам роковые обстоятельства, и вы подчинились им. Вопрос состоит в том, собираетесь ли вы страдать всю жизнь от этого подлого принуждения? Если нет, то я могу вас от него освободить.

Диана открыла рот, чтобы заговорить, но Бюсси остановил ее жестом.

— О! Я знаю, что вы мне ответите, — сказал он. — Вы мне ответите, что, если я вызову господина де Монсоро на дуэль и убью его, мне больше не впасть вас... Пусть так, пусть, разлученный с вами, я умру от горя, но зато вы будете жить свободной, вы сможете сделать счастливым достойного человека, и он, исполненный радости, благословит когда-нибудь мое имя и скажет: «Спасибо, Бюсси, спасибо! Ты освободил нас от этого мерзкого Монсоро!» Да и вы сами, Диана, вы, которая не осмелилась бы поблагодарить меня живого, поблагодарите меня умершего.

Молодая женщина схватила руку графа и нежно сжала ее.

— Вы еще не умоляли, Бюсси, — сказала она, — а уже угрожаете.

— Угрожать вам?! О! Господь слышит меня и знает мои намерения. Я беззаветно люблю вас, Диана, и никогда не поступлю так, как поступил бы другой на моем месте. Я знаю, что и вы меня любите. Боже мой! Только не отрицайте этого, иначе вы приравняете себя к тем пошлым людям, у коих слово расходится с делом. Я знаю, что любите, вы сами мне в этом открылись. И еще: любовь, подобная моей, сияет, как солнце, и оживляет все сердца, к которым она прикасается, поэтому я не буду умолять вас, я не предоставлю отчаянню возникнуть меня. Нет, я встану на колени у ваших ног, которые готов целовать, и скажу вам, положив правую руку на сердце, — оно ни разу не солгало ни по расчету, ни из-за страха, — я скажу вам: «Диана, я люблю вас и буду любить всю жизнь! Диана, клянусь перед лицом неба, я умру за вас, умру, обожая вас». И если вы мне снова скажете: «Уходите, не похищайте счастья, принадлежащего другому», я поднимусь без вдоха, без возражения, поднимусь с этого места, где я, несмотря на все, чувствую себя таким счастливым, и низко поклонившись вам, подумаю: «Эта женщина меня не любит, эта женщина не полюбит меня никогда». А затем я уйду, и вы больше меня никогда не увидите. Но так как моя преданность вам превосходит даже мою любовь, так как желание видеть вас счастливой сохранится во мне, даже когда я уверюсь, что не могу быть счастлив сам, так как, не похитив у другого его счастья, я получу право похитить у него жизнь, я воспользуюсь своим правом, сударыня, хотя бы для этого мне пришлось пожертвовать собственной жизнью: я убью его, убью из страха, что иначе вы навек останетесь в рабстве и что ваше рабство вынудит вас и впредь делать несчастными хороших людей, которые вас полюбят.

Бюссон пронес эти слова с большим волнением. Диана прочла в его сверкающем и честном взоре, что решенное им твердо. Она поняла: он делает то, что сказал, его слова, без всяких сомнений, претворятся в дела; и как апрельские снега тают под лучами солнца, так растала ее суровость в пламени этого взора.

— Благодарю, — сказала она, — благодарю, мой друг, за то, что вы лишаете меня выбора. Это еще одно из проявлений деликатности с вашей стороны — вы хотите, чтобы, уступив вам, я не мучилась угрызениями совести. А теперь: будете ли вы любить меня до самой смерти,

как говорили? Не окажусь ли я просто вашей прихотью и не заставите ли вы меня однажды горько пожалеть, что я не взяла любви господина де Монсоро? Но нет, я не могу ставить вам условия. Я побеждена, я сдаюсь, я ваша, Бюсси, пусть не по закону, но, во всяком случае, — по любви. Оставайтесь, мой друг, и теперь, когда моя жизнь и ваша — одно целое, оберегайте нас.

С этими словами Диана положила одну из своих бело-снежных вязанных ручек на плечо де Бюсси и протянула ему другую, которую он с любовью прижал к губам. Диана вся затрепетала от этого поцелуя.

Тут послышались легкие шаги Жанны и предупреждающее покашливание.

Она принесла целый сноп ранних цветов и, должно быть, самую первую бабочку, осмелившуюся вылупиться из своего шелкового кокона. Это была аталанта с красно-черными крыльями.

Сплетенные руки инстинктивно разъединились.

Жанна заметила это движение.

— Простите, дорогие друзья, что я вам помешала, — сказала она, — но нам пора вернуться домой, если мы не хотим, чтобы за нами пришли сюда. Господин граф, возвращайтесь, пожалуйста, к вашему замечательному коню, который делает четыре лье за полчаса, а нам предоставьте возможность пройти как можно медленнее те сто пятьдесят шагов, что отделяют нас от дома, ибо, я предполагаю, нам есть о чем поговорить. Проклятие! Вот что вы теряете из-за вашего упрямства, господин де Бюсси: во-первых, обед в замке — великолепный обед, особенно для человека, который скакал на лошади и перелезал через стены, а во-вторых, не меньше сотни веселых шуток, которыми мы с вами обменялись бы, не считая уж обмена взглядами, насмерть поражающими сердце. Пойдем, Диана.

Жанна взяла подружку за руку и легонько увлекла за собой.

Бюсси с улыбкой смотрел на молодых женщин. Диана, еще не успевшая повернуться к нему спиной, протянула ему руку.

Молодой человек приблизился.

— И вы мне больше ничего не скажете?

— До завтра, — ответила Диана, — разве мы не договорились?

— Только до завтра?

— До завтра и до конца жизни!

Бюсси не мог удержать радостного восклицания. Он прижался губами к руке Дианы, а затем, бросив последние «до свидания» обещания, удалился, вернее, убежал.

Ему пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы расстаться с той, с которой он так долго не чаял соединиться.

Диана смотрела ему вслед, пока он не скрылся в глубине лесосеки, и, удерживая подругу за руку, приглушивалась, пока звук его шагов не замер в кустарниках.

— Ну, а теперь, — сказала Жанна, когда Бюсси исчез окончательно, — не хочешь ли ты немного поговорить со мной, Диана?

— О! Да, — сказала молодая женщина, вдрогнув, словно голос подруги пробудил ее от грез. — Я слушаю тебя.

— Так вот, завтра я отправляюсь на охоту с Сен-Люком и твоим отцом!

— Как! Ты оставишь меня одну в замке?

— Послушай, дорогая моя, — сказала Жанна, — у меня тоже свои нравственные убеждения, и есть вещи, которые я не могу себе позволить.

— О Жанна, — вскричала госпожа де Монсоро, бледная, — как ты можешь говорить так жестоко со мной — твоим другом?

— Дружба дружбой, — пропознала госпожа де Сен-Люк с прежней невозмутимостью, — но я не могу продолжать так.

— Я думала, ты меня любишь, Жанна, а ты разрываешь мне сердце, — сказала молодая женщина со слезами на глазах. — Не можешь продолжать, говоришь ты, что же ты не можешь продолжать, скажи?

— Продолжать, — шепнула Жанна на ухо своей подруге, — продолжать мешать вам, бедные вы мои влюбленные, мешать вам любить друг друга в полное удовольствие.

Диана прижала к груди залившуюся смехом молодую женщину и покрыла поцелуями ее сияющее лицо.

Она еще не успела разомкнуть свои объятия, как послышались звуки охотничьих рогов.

— Пойдем, нас зовут, — сказала Жанна, — бедный Сен-Люк в нетерпении. Пожалей его, как я жалею влюбленного в светло-коричневом камзоле.

Глава XV

О ТОМ, КАК БЮССИ ПРЕДЛАГАЛИ СТО ПИСТОЛЕВ ЗА ЕГО КОНЯ, А ОН ОТДАЛ ЕГО ДАРОМ

Назавтра Бюсси выехал из Анжера спозаранок — еще до того, как самый рьяный из любителей раннего вставания в городе успел закончить свой завтрак.

Бюсси не скакал — он летел.

Диана поднялась на одну из террас замка, откуда была видна беловатая, извилистая дорога, бегущая через зеленые луга.

Она заметила черную точку, которая неслась вперед со скоростью метеора, оставляя позади все удлиняющуюся змеистую ленту дороги.

Диана тотчас же сбежала вниз, чтобы Бюсси не пришлось ждать и чтобы ожидание осталось ее заслугой.

Солнце только начало подниматься над верхушками высоких дубов, трава была осыпана жемчугом росы, вдали над лесом раздавались звуки охотничьего рога Ся-Люка, которого Жанна подстрекала трубить снова и снова, чтобы напомнить подруге, какую услугу она ей оказывает, оставляя ее в одиночестве.

Сердце Дианы было переполнено такой огромной и мучительной радостью, она была так опьянена своей молодостью, красотой, любовью, что, пока она бежала, ей казалось, будто душа на крыльях возносит ее к всевышнему.

Но от дома до лесосеки было не близко, ножки молодой женщины устали приминать густую траву, и несколько раз у нее захватывало дыхание; поэтому она очутилась на месте свидания лишь в ту минуту, когда Бюсси уже показался на гребне стены и устремился вниз.

Он увидел, как она бежит. Она издала крик радости. Он шагнул к ней с протянутыми руками. Она бросилась к нему и положила обе свои руки на его грудь: долгое, страстное объятие заменило им утреннее приветствие.

О чем им было говорить? Они любили друг друга.

О чем им было думать? Они видели друг друга. Чего им было желать? Они сидели рядом и держались за руки.

День пролетел, как один час.

Когда Диана первой очнулась от сладкого оцепенения, от этого сна утомленной счастьем души, Бюсси прижал замечтавшуюся молодую женщину к сердцу и сказал:

— Диана, мне кажется, что с сегодняшнего дня я начал жить, мне кажется, что сегодня я увидел ясно путь, ведущий к вечности. Знайте же, вы — тот свет, который открыл мне это счастье. Я ничего не ведал ни об этом мире, ни о жизни людей в нем. Могу только повторить вам то, что говорил вчера: я начал жить благодаря вам и умру возле вас.

— А я, — отвечала ему Диана, — еще недавно я была готова без сожалений броситься в объятия смерти, а теперь я содрогаюсь от страха, что не проживу достаточно долго, чтобы исчерпать все сокровища, которые сулит мне ваша любовь. Но почему вы не хотите прийти в замок, Луи? Отец был бы счастлив видеть вас, господин Сен-Люк — ваш друг, и он не болтлив... Подумайте, ведь каждый лишний час, проведенный вместе, для нас бесценен.

— Увы, Диана, стоит мне однажды появиться в замке — и я буду ходить туда каждый день; а если я буду ходить туда каждый день, вся округа об этом узнает, и если слух дойдет до ушей этого людоеда — вашего супруга, он примчится... Вы не позволили мне освободить вас от него...

— А зачем? — сказала она с тем выражением, которое можно услышать только в голосе любимой женщины.

— Поэтому для нашей безопасности, то есть для безопасности нашего счастья нам очень важно скрыть нашу тайну от всех; ее знает уже мадам де Сен-Люк... Сен-Люку она тоже станет известна.

— О! Почему же?..

— Разве вы могли бы скрыть от меня что-нибудь? — сказал Бюсси. — От меня, теперь?..

— Не могла бы, это верно.

— Сегодня утром я послал Сен-Люку записку с просьбой о встрече в Анжере. Он придет. Я возьму с него слово дворянина, что он никогда не проронит ни звука о наших с вами отношениях. Это тем более важно, дорогая Диана, что меня несомненно повсюду разыскивают. Когда мы покинули Париж, там происходили важные события.

— Вы правы... и к тому же отец мой так щепетилен в вопросах чести, что, несмотря на всю свою любовь ко мне, способен изобличить меня перед господином де Монсоро.

— Будем же строго хранить тайну... и если бог выдаст нас нашим врагам, мы, по крайней мере, сможем сказать, что сделали все от нас зависящее.

— Бог милостив, Луи, не надо сомневаться в нем в такую минуту.

— Я не сомневаюсь в боге, я опасюсь дьявола: он может позавидовать нашему счастью.

— Простимся, мой господин, и не скачите так быстро, меня пугает ваш конь.

— Не бойтесь, он уже знает дорогу: это самый послушный и надежный конь из всех, на которых мне до сих пор приходилось ездить. Когда я возвращаюсь в город, погрузившись в свои сладостные мысли, я даже не касаюсь поводьев, он сам везет меня, куда нужно.

Влюбленные обменялись еще бесчисленным количеством фраз в том же роде, перемежая их бесчисленным количеством поцелуев.

Но наконец вблизи от замка раздались звуки охотничьего рога, исполнявшего мелодию, о которой Жанна договаривалась со своей подругой, и Бюсси удалился.

Направляясь к городу, весь в мыслях об этом чудесном дне и гордый своей свободой, ибо почести и заботы, связанные с богатством, и милости принца крови всегда сковывали его, как золотые цепи, он заметил, что уже близок час, когда закрывают городские ворота. Конь, весь день щипавший листья и травы, продолжал заниматься этим и в пути, а между тем уже приближалась ночь.

Бюсси собрался было прищипорить коня, чтобы наверстать потерянное время, как вдруг услышал позади стук лошадиных копыт.

Человеку, который скрывается, и в особенности влюбленному, во всем чудится угроза.

Это роднит счастливых любовников с ворами.

Бюсси размышлял: что лучше — пустить коня в галоп и вырваться вперед или свернуть в сторону и дать всадникам проехать мимо? Но они скакали так стремительно, что через мгновение уже настигли его.

Всадников было двое.

Бюсси, рассудив, что не будет трусостью уклониться от встречи с двумя, если сам ты стоишь четырех, отъехал на обочину и увидел всадника, изю всех сил прищипорившего своего коня, которого его спутник подгонял сверх того еще и частыми ударами хлыста.

— Ну, ну, вот уже и город,— приговаривал этот последний с сильнейшим гасконским акцентом,— еще триста раз ударить хлыстом и сто — вопзеть шпоры. Мужайтесь, мужайтесь!

— Лошадь совсем выдохлась, она дрожит, слабеет, отказывается бежать... — отвечал первый всадник. — Но я бы и сотней коней пожертвовал, лишь бы очутиться в моем городе.

— Какой-нибудь запоздалый анжерец,— сказал себе Бюсси. — Как все же люди глупеют от страха! Голос мне показался знакомым. Однако конь под этим молодцом шатается...

В это мгновение всадники оказались на одной линии с Бюсси.

— Эй, сударь,— крикнул он,— берсгитесь! Ноги из стремян, живей, конь сейчас упадет.

И действительно, лошадь тяжело рухнула на бок, судорожно подергала ногой, словно вскапывая землю, и внезапно ее громкое дыхание оборвалось, глаза затуманились, на губах выступила пена, и она испустила дух.

— Сударь,— крикнул, обращаясь к Бюсси, вылетевший из седла всадник,— триста пистолей за вашего коня.

— Господи боже мой! — воскликнул Бюсси, приближаясь к нему.

— Вы слышите, сударь? Я спешу...

— Берите его даром, мой принц,— дрожа от невыразимого волнения, сказал Бюсси, который узнал герцога Анжуйского.

В то же мгновение раздался сухой щелчок — спутник принца взвел курок пистолета...

— Стойте! — крикнул герцог Анжуйский своему безжалостному защитнику. — Стойте, господин д'Обинье, будь я проклят, если это не Бюсси.

— Да, мой принц, это я. Но какого дьявола загоняете вы лошадей в такой час и на этой дороге?

— А-а! Это господин де Бюсси,— сказал д'Обинье,— в таком случае, монсеньер, я вам больше не нужен... Разрешите мне возвратиться к тому, кто меня послал, как говорится в Священном писании.

— Но сначала примите мою самую искреннюю благодарность и заверение в вечной дружбе,— сказал принц.

— Я принимаю и то и другое, монсеньер, и когда-нибудь напомню вам ваши слова.

— Господин д'Обинье!.. Монсеньер!.. Нет, я не верю своим глазам! — удивлялся Бюсси.

— Разве ты ничего не знал? — спросил принц с неудовольствием и недоверием, которые не ускользнули от Бюсси. — Разве ты здесь не потому, что ждал меня?

«Дьявольщина!» — сказал себе Бюсси, подумав о том, какую пищу может дать его тайное пребывание в Анжу подозрительному уму Франсуа.

— Не будем говорить лишнего!.. Я не просто ждал вас, я сделал больше, — ответил он, — а теперь, если вы хотите попасть в город, пока не заперли ворота, в седло, монсеньер.

Он подвел своего коня к принцу, который был занят тем, что доставал бумаги, запрятанные между седлом и попоной павшей лошади.

— Итак, прощайте, монсеньер, — сказал д'Обинье, поворачивая назад. — Господин де Бюсси, я всегда к вашим услугам.

И он ускакал.

Бюсси легко вспрыгнул на конский круп позади своего господина и направил Роланда к городу, спрашивая себя, не является ли этот одетый в черное принц злым духом, которого ему послал ад, позавидовавший его счастью.

Они въехали в Анжер, когда трубачи давали первый сигнал, возвещающий о закрытии ворот.

— Куда теперь, монсеньер?

— В замок! Пусть поднимут мой флаг, пусть придут отдать мне почести, пусть созовут дворян моей провинции.

— Нет ничего легче, — сказал Бюсси, решивший прикинуться покорным, чтобы выиграть время, да к тому же слишком пораженный случившимся, чтобы самому принимать решение.

— Эй, господа трубачи! — крикнул он герольдам, которые возвращались в кордегардию.

Те оглянулись, но не придали его окрику особого значения, так как увидели перед собой двух запыленных, потных мужчин с весьма жалким выездом.

— Проклятие! — сказал Бюсси, направляя коня прямо на них. — С каких это пор хозяина не узнают в его доме?.. Вызвать сюда дежурного старшину!..

Этот надменный тон внушил почтение герольдам. Один из них подошел ближе.

— Господи Инсусе! — испуганно воскликнул он, приглядываясь к герцогу. — Да не наш ли это сеньор и господин?

Герцог был очень признателен своему уродливому носу, который, как об этом говорилось в эпиграмме Шико, был разделен надвое.

— Так и есть — монсеньер герцог! — Герольд схватил за руку своего товарища, тоже подскочившего от неожиданности.

— Теперь вы знаете об этом не хуже меня, — сказал Бюсси, — наберитесь-ка побольше воздуха и дуйте в ваши трубы, пока не лопнете, и чтобы через четверть часа всему городу было известно, что монсеньер пожаловал к себе. Мы же, монсеньер, медленно поедем к замку. К тому времени, когда мы туда прибудем, все уже будет готово к вашему приему.

И действительно, при первом возгласе герольдов люди стали собираться в кучки, при втором — дети и кумушки разбежались по улицам с криками:

— Монсеньер в городе!.. Слава монсеньеру!

Эшеваны, губернатор, знатные дворяне бросились к дворцу в сопровождении толпы, становившейся все более и более плотной.

Как и предвидел Бюсси, городские власти прибыли во дворец прежде принца, чтобы оказать ему достойный прием.

Когда герцог Анжуйский выехал на набережную, оказалось, что почти невозможно пробиться через толпы народа, однако Бюсси разыскал одного из герольдов, и тот, раздавая направо и налево удары своей трубой, приложил принцу дорогу до ступенек ратуши.

Бюсси замыкал шествие.

— Господа и верные мои вассалы, — пропалес принц, — я пришел искать убежища в моем добром городе Анжере. В Париже жизнь моя была под страшной угрозой. Меня даже лишили свободы. Но благодаря верным друзьям мне удалось бежать.

Бюсси кусал себе губы, ему был ясен иронический смысл взгляда, которым одарил его Франсуа.

— С того мгновения, как я нахожусь в вашем городе, я больше не испытываю тревоги за свою жизнь.

Ошеломленные отцы города неуверенно закричали:

— Да здравствует наш сеньор!

Народ, рассчитывая на связанные с каждым приездом принца непредвиденные доходы, громко завопил:

— Слава!

— Поужинаем,— сказал принц,— я не ел с самого утра.

В одно мгновение герцога окружила вся челядь, которую он — властитель провинции Анжу — держал в своем дворце в Анжере. Из всех этих слуг лишь самые главные знали своего господина в лицо.

Затем наступила очередь городских дворян и дам.

Принем продолжался до полуночи.

В городе устроили иллюминацию, на улицах и площадях палили из мушкетов, был приведен в действие соборный колокол, и порывы ветра доносили до Меридора эти традиционные звуки ликования добрых анжуйцев.

Глава XVI

ДИПЛОМАТИЯ ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО

Когда мушкетная пальба на улицах несколько поутихла, когда удары колокола стали реже, когда передний замок опустели, когда Бюсси и герцог Анжуйский остались наконец одни, герцог сказал:

— Поговорим.

Проницательный Франсуа уже заметил, что с момента их встречи Бюсси относится к нему с гораздо большей предупредительностью, чем обычно. С присутствием ему внаглем света, принц решил, что Бюсси, по всей вероятности, оказался в затруднительном положении, а значит, при некоторой доле хитрости, можно из этого извлечь пользу для себя.

Но у Бюсси было время подготовиться, и он держался уверенно.

— Поговорим, монсеньер,— ответил он.

— Когда мы виделись с вами в последний раз,— сказал принц,— вы были тяжело больны, мой бедный Бюсси!

— Это правда, монсеньер,— подтвердил молодой человек,— я был тяжело болен и спасся почти чудом.

— В тот день при вас находился какой-то лекарь?— продолжал принц,— чересчур озабоченный вашим здоровьем, как мне показалось, потому что он набрасывался на всех, кто приближался к вам.

— И это тоже правда, монсеньер, мой Одуэн меня очень любит.

— Он строго-настрого запретил вам вставать с постели, не так ли?

— Чем я был возмущен до глубины души, как ваше высочество могли убедиться сами.

— Но,— сказал герцог,— коли это вас так возмущало, вы могли бы послать медицину ко всем чертям и отправиться со мной, как я вас о том просил.

— Проклятие! — воскликнул Бюсси, на сотню ладов вертя и крутя в руках свою аптекарскую шляпу.

— Но,— продолжал герцог,— так как речь шла о серьезном деле, вы побоялись подвергнуть себя опасности.

— Простите? — переспросил Бюсси, одним ударом кулака нахлобучивая все ту же шляпу до самых глаз. — Мне послышалось, мой принц, вы сказали, что я побоялся подвергнуть себя опасности?

— Да, я так сказал,— ответил герцог Анжуйский.

Бюсси вскочил со своего стула.

— Тогда, значит, вы солгали, монсеньер,— воскликнул он,— солгали самому себе, слышите! Потому что вы сами не верите ни слову, ни единому слову из того, что сказали. У меня на теле двадцать шрамов, они свидетельствуют, что я не раз подвергал себя опасности и никого не боялся. И, клянусь честью, я знаю немало людей, которые не смогли бы сказать того же о себе и тем более доказать это.

— У вас всегда наготове неопровержимые доводы, господин де Бюсси,— возразил герцог, бледный и очень возбужденный. — Когда вас обвиняют, вы стараетесь перекричать упреки и воображаете, что это доказывает вашу правоту.

— О нет, я не всегда прав, монсеньер,— возразил Бюсси,— и хорошо это знаю, но я так же хорошо знаю, в каких случаях я не прав.

— В каких же это случаях? Скажите, сделайте милость.

— В тех, когда я служу неблагодарным людям.

— По чести, сударь, мне кажется, что вы забываетесь,— сказал принц, внезапно поднимаясь с тем видом достоинства, который он умел принимать в случае нужды.

— Возможно, я забываюсь, монсеньер,— сказал Бюсси,— поступите раз в жизни так же: забудьте или забудьте меня.

При этом Бюсси сделал два шага к выходу, но принц оказался проворней и загородил собою дверь.

— Станете ли вы отрицать, сударь,— спросил он,— что в тот день, когда вы отказались выйти из дому со мной, вы через минуту вышли сами?

— Я,— отвечал Бюсси,— никогда ничего не отрицаю, монсеньер, разве что в тех случаях, когда у меня хотят выудить признание.

— Тогда объясните мне, почему вы настаивали на том, чтобы остаться дома.

— Потому, что у меня были дела.

— Дома?

— Дома или в другом месте.

— Я полагаю, что, когда дворянин состоит на службе у принца, главными его делами являются дела этого принца.

— Так кто же, как правило, занимается вашими делами, монсеньер, если не я?

— Я с этим не спорю,— отвечал Франсуа,— обычно вы мне верны и преданы, скажу даже больше: я извещаю ваше дурное настроение.

— Вот как? Вы очень добры.

— Да, навиняю, потому что у вас есть некоторые основания сердиться на меня.

— Вы признаете это, монсеньер?

— Да. Я обещал вам опалу для господина де Монсоро. Вы, кажется, его сильно недолюбливаете, господин де Монсоро?

— Я? Совсем нет. Я нахожу, что у него отталкивающая физиономия, и хотел бы, чтобы он убрался подалее от двора и не мозолил бы мне глаза. Вам же, монсеньер, вам, напротив, его физиономия по душе. О вкусах не спорят.

— Что ж, раз единственное оправдание тому, что вы дулись на меня, как набалованный, капризный ребенок, состоит в этом, я скажу вам: вы были неправы вдвойне, когда не пожелали идти со мной, а после моего ухода вышли и стали совершать никому не нужные подвиги.

— Я совершал никому не нужные подвиги, я?! Сию минуту вы обвиняли меня в том, что... Послушайте, монсеньер, будем же последовательными. Какие это подвиги я совершил?

— Совершили, совершили. Я понимаю, что вы не любите господина д'Эпернона и господина де Шомберга,

Я их тоже не люблю и, более того,— не выношу, но нужно было ограничиться нелюбовью и дожидаться удобного момента.

— Ого! — сказал Бюсси. — Что вы этим хотите сказать, монсеньер?

— Убейте их, черт побери! Убейте обоих, убейте всех четырех, я вам буду за это только признателен, но не влите их, особенно когда сами вы потом исчезаете, а они срывают свою злость на мне.

— Ну хорошо, что же я ему сделал, этому достойному гасконцу?

— Вы имеете в виду д'Эпернона, не так ли?

— Да.

— Ну так вот, по вашему наущению его побили камнями.

— По моему наущению?!

— И самым отменным образом, так что камазол его был превращен в лохмотья, плащ разодран на куски и он возвратился в Лувр в одних штанах.

— Прекрасно,— сказал Бюсси,— с этим все. Перейдем к немцу. В чем я повинен перед господином де Шомбергом?

— Надеюсь, вы не станете отрицать, что приказали выкрасить его в индиго? Когда я его увидел, через три часа после этого происшествия, он еще был лазоревого цвета. И по-вашему, это удачная шутка? Полноте!

Тут принц, вопреки своему желанию, засмеялся, а Бюсси, вспомнив, какое лицо было у Шомберга в чане, тоже не смог удержаться от хохота.

— Так, значит, полагают, что это я сыграл с ним такую шутку?

— Кровь Христова! Не я же, в самом деле?

— И вы еще можете, монсеньер, в чем-то упрекать человека, которому приходят в голову такие замечательные идеи? Ну что я вам говорил? Вы — неблагодарны.

— Согласен. А теперь, послушай, если ты действительно вышел из дому ради этого, я тебя прощаю.

— Правда?

— Да, слово чести, но я еще не покончил с моими претензиями к тебе.

— Я слушаю.

— Поговорим немного обо мне.

— Будь по-вашему.

- Что сделал ты, чтобы помочь мне в беде?
- Вы прекрасно знаете, что я сделал,— сказал Бюсси.
- Нет, не знаю.
- Так вот, я отправился в Анжу.
- Иначе говоря, ты спас себя.
- Да, потому что, спасая себя, я спасал вас.
- Но разве ты не мог подыскать себе убежища где-нибудь в окрестностях Парижа, вместо того чтобы спасаться бегством в столь дальние края? Мне кажется, находишь ты на Монмартре, мне от тебя было бы больше проку.
- Вот тут-то мы с вами и расходимся, монсеньер; я предпочел приехать в Анжу.
- Согласитесь, что ваша прихоть — это весьма посредственный довод.
- Отнюдь, ибо моя прихоть была продиктована желанием завербовать вам сторонников.
- А-а! Это уже другое дело. Ну поглядим, чего вы добились.
- Я смогу рассказать вам это завтра, монсеньер, а сейчас наступило время, когда я должен вас поклянуть.
- Поклянуть, зачем?
- Чтобы повидаться и побеседовать с очень нужным человеком.
- О! Если так, тогда не возражаю. Идите, Бюсси, но будьте осторожны.
- Осторожен, почему? Разве мы здесь не самые сильные?
- Все равно, не рискуй ничем. Ты уже много успел?
- Я здесь всего два дня, как же вы хотите...
- Но ты скрываешься хотя бы?
- Еще бы! Клянусь смертью Христовой! Поглядите на костюм, в котором я с вами разговариваю, разве обычно я ношу камзолы цвета корицы? И в эти чудовищные штаны я влез тоже ради вас.
- А где ты живешь?
- О! Вот тут-то вы и оцените мою преданность. Я живу... я живу возле крепостной стены, в жалкой лачуге с дверью на реку. Но вы, мой принц, как вы-то выбрались из Лувра? Почему я встретил вас на дороге с загнанным конем под вами и в компании господина д'Обинье?
- Потому что у меня есть друзья,— сказал принц.

— Друзья у вас? — воскликнул Бюсси. — Полноте!
— Да, друзья, которых ты не знаешь.
— В добрый час! И кто же эти друзья?
— Король Наваррский и господин д'Обинье, ты его видел.

— Король Наваррский... А! Верно. Вы ведь вместе участвовали в заговоре.

— Я никогда не участвовал в заговорах, господин де Бюсси.

— Не участвовали! Порасспросите-ка Ла Моля и Кошнаса!

— Ла Моль, — сказал принц с мрачным видом, — совершил не то преступление, за которое, по мнению всех, его казнили.

— Хорошо! Оставим Ла Моля и вернемся к вам, тем более что вам с вами, монсеньер, нелегко будет прийти к согласию по этому пункту. Как, черт возьми, выбрались вы из Лувра?

— Через окно.

— А! Действительно. А через какое?

— Через окно моей спальни.

— Значит, вы знали о веревочной лестнице?

— Какой веревочной лестнице?

— Той, которая в шкафу.

— А! Выходит, и ты о ней знал? — сказал принц, поблдев.

— Проклятие! — ответил Бюсси. — Вашему высочеству известно, что порой мне выпадало счастье входить в эту комнату.

— Во времена моей сестры Марго, не правда ли? И ты входил через окно?

— Черт побери! Вы же вышли через него! Меня удивляет только одно, как вы разыскали лестницу.

— Я ее и не искал.

— А кто же тогда?

— Никто. Мне указали, где она.

— Кто указал?

— Король Наваррский.

— Ах, так король Наваррский знает о лестнице! Вот уж никогда бы не поверил. Но, как бы то ни было, вы здесь, монсеньер, живой и невредимый. Мы с вами запомним Анжер, а с ним вместе запыляет и Ангума и Беарн: это будет премилый пожарчик.

— Но ты говорил о свидании? — сказал герцог.

— А! Дьявол! Правда, я и позабыл за интересным разговором. Прощайте, монсеньер.

— Ты берешь своего коня?

— Проклятие! Если он нужен монсеньеру, ваше высочество может оставить его себе, у меня есть еще один.

— В таком случае я принимаю его, потом сочтемся.

— Хорошо, монсеньер, и дай бог, чтобы не я остался в долгу перед вами.

— Почему?

— Потому, что я не люблю того, кому вы обычно поручаете подбивать ваши счета.

— Бюсси!

— Вы правы, монсеньер, мы договорились, что не будем больше к этому возвращаться.

Принц, который чувствовал, как нужен ему Бюсси, протянул молодому человеку руку.

Бюсси дал ему свою, по при этом покачал головой. Они расстались.

Глава XVII

ДИПЛОМАТИЯ ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

Бюсси вернулся домой пешком, среди непроглядной ночи, но вместо Сен-Люка, которого рассчитывал там увидеть, нашел только письмо, сообщавшее, что его друг приедет на следующий день.

И в самом деле, около шести часов утра Сен-Люк, в сопровождении доезжачего, выехал из Мерпдора и поспешил к Анжеру.

Он оказался у крепостной стены как раз к открытию ворот и, не обратив внимания на необычное волнение, которым были охвачены просыпающиеся горожане, добрался до хижины Бюсси.

Друзья сердечно обнялись.

— Снизойдите до моей бедной лачуги, дорогой Сен-Люк. В Анжере я расположился по-походному.

— Да,— заметил Сен-Люк,— по обыкновению победителей: прямо на поле боя, как говорится.

— Что вы этим хотите сказать, дорогой друг?

— Что у моей жены нет от меня тайн, так же как у меня — от нее, мой дорогой Бюсси, и что она мне все рассказала. У нас с ней полная общность не только на имущество. Примите мои поздравления, мой учитель. во

всем, и раз вы за мной послали, позвольте дать вам один совет.

— Дайте.

— Поскорее избавьтесь от этого гнусного Монсоро. Никто при дворе не знает, в каких вы отношениях с его женой. Сейчас самый подходящий момент. Не надо упускать его. Когда, позже, вы женитесь на вдове, ни одна душа не заподозрит, что вы сделали ее вдовой, чтобы на ней жениться.

— Есть только одно препятствие к осуществлению этого прекрасного замысла, который пришел мне в голову прежде всего, так же как и вам.

— Вот видите, а какое?

— Дело в том, что я поклялся Диане щадить жизнь ее мужа, до тех пор, разумеется, пока он не нападет на меня сам.

— Вы сделали ошибку.

— Я!

— Вы сделали очень крупную ошибку.

— Почему же?

— Потому, что не следует давать подобные клятвы. Какого дьявола! Если вы не поторопитесь, если не опередите его, уж поверьте мне, Монсоро — да он хитер, как лисица, — раскроет вашу тайну, а если он ее раскроет; этот человек, в котором благородства ни на грош, он убьет вас.

— Случится, как будет угодно богу, — сказал, улыбаясь, Бюсси, — но кроме того, что я нарушу клятву, которую дал Диане, если убью ее мужа...

— Ее мужа!.. Вы прекрасно знаете, что он ей не муж.

— Да, но от этого он не перестает называться мужем. Повторяю, кроме того, что я нарушу мою клятву, меня еще забросают камнями, друг мой, и тот, кого сегодня все считают чудовищем, на своем смертном ложе покажется им ангелом, которого я уложил в гроб.

— Поэтому я и не советовал бы вам убивать его своей рукой.

— Наемные убийцы! Ах, Сен-Люк, скверный же совет вы мне даете.

— Полноте! Кто вам говорит об убийцах?

— Тогда о чем же идет речь?

— Ни о чем, милый друг. Об одной мысли, которая у меня мелькнула, но еще не созрела достаточно, для

того чтобы поделиться ею с вами. Я не больше вашего люблю этого Монсоро, хотя не имею тех же оснований ненавидеть его; поговорим-ка о жене, вместо того чтобы говорить о муже.

Бюсси улыбнулся.

— Вы верный друг, Сен-Люк,— сказал он,— можете рассчитывать и на мою дружбу. Вам уже известно, дружба моя состоит из трех вещей: моего кошелька, моей шпаги и моей жизни.

— Благодарю,— сказал Сен-Люк,— я принимаю ее, но при условии, что расплачусь с вами тем же.

— А теперь, что хотели вы сказать мне о Диане?

— Я хотел спросить вас, не собираетесь ли вы заглянуть с визитом в Меридор?

— Дорогой друг, благодарю вас за настойчивость, но вы знаете о моих сомнениях на этот счет.

— Я знаю все. В Меридоре вы рискуете встретиться с Монсоро, хотя он пока в восьмидесяти лье от нас; вы рискуете пожать ему руку, а это нелегко — пожимать руку человеку, которого хотелось бы задушить; и, наконец, вы рискуете увидеть, как он обнимает Диану, а это еще тяжелей: глядеть, как обнимают женщину, которую ты любишь.

— А! — воскликнул в ярости Бюсси. — Как хорошо вы понимаете, почему я не показываюсь в Меридоре! А теперь, дорогой друг...

— Вы меня выпроваживаете,— сказал Сен-Люк, невольно понявший намерение Бюсси.

— Отнюдь нет, напротив,— возразил тот,— я прошу вас остаться, потому что настал мой черед задавать вопросы.

— Сделайте милость.

— Разве вы не слышали этой ночью колокольный звон и выстрелы?

— Слышали и спрашивали себя, что случилось.

— Разве этим утром вы не заметили, проезжая по городу, некоторых перемен?

— Что-то вроде необычного волнения, вы это имеете в виду?

— Да.

— Я как раз собирался вас спросить, чем оно вызвано.

— Оно вызвано тем, дорогой друг, что вчера сюда прибыл его высочество герцог Анжуйский.

Сен-Люк так и подскочил на стуле, словно ему объявили о появлении дьявола.

— Герцог в Анжере? Говорили, что он под арестом в Лувре.

— Именно потому, что он был под арестом в Лувре, он и находится сейчас в Анжере. Он ухитрился бежать через окно и приехал сюда искать убежища.

— Ну а дальше? — спросил Сен-Люк.

— А дальше, дорогой друг, — ответил Бюсси, — вот для вас прекрасная возможность отомстить его величеству за все, чем он вам досадил. У принца уже есть своя партия, у него будут войска, и мы затеем тут небольшую, по славную гражданскую войну.

— О! — воскликнул Сен-Люк.

— Я рассчитываю, что вы поработаете шпагой вместе со мной.

— Против короля? — спросил Сен-Люк с внезапным холодком в голосе.

— Я не говорю, что именно против короля, — сказал Бюсси, — я говорю: против тех, кто обнажит шпагу против нас.

— Дорогой Бюсси, — сказал Сен-Люк, — я приехал в Анжу подышать свежим воздухом, но не для того, чтобы сражаться против его величества.

— Однако позвольте мне все же представить вас монсеньеру.

— Ни к чему, дорогой Бюсси. Мне не нравится Анжер, и я собирался в ближайшее время отсюда уехать. Это мрачный, скучный город, камни здесь мягкие, как сыр, а сыр твердый, словно камень.

— Дорогой Сен-Люк, вы мне окажете большую услугу, согласившись выполнять мою просьбу. Герцог поинтересовался, зачем я здесь; не имея возможности сказать ему правду, так как он сам был влюблен в Диану и ничего не добился, я его убедил, что приехал сюда с целью привлечь на его сторону всех дворян округа. Я даже прибавил, что этим утром у меня свидание с одним из них.

— Ну и что же? Вы скажете, что виделись с этим дворянином и он просит шесть месяцев на размышление.

— Позвольте вам заметить, дорогой Сен-Люк, — ваша логика хромает не меньше моей.

— Послушайте, в этом мире я дорожу только своей женой, а вы — только вашей возлюбленной, условимся

же об одном: что бы ни случилось — я защищаю Диану, что бы ни случилось — вы защищаете госпожу де Сен-Люк. Соглашение по делам любви — это мне подходит, по никаких политических соглашений. Только так мы с вами можем договориться.

— Я вижу, мне придется уступить вам, Сен-Люк, — сказал Бюсси, — потому что сейчас преимущество на вашей стороне; я нуждаюсь в вас, а вы, вы можете обойтись и без меня.

— Ничего подобного, напротив, это я прошу вашего покровительства.

— Как вас понять?

— Представьте себе, что анжуйцы, а мятежники будут называться анжуйцами, явятся в Меридор, чтобы осадить его и разграбить.

— А! Черт возьми! Вы правы, — сказал Бюсси, — вы не хотите, чтобы обитатели замка пострадали от последствий взятия его штурмом.

Друзья расхохотались, и так как над городом прогремел пушечный выстрел и слуга Бюсси пришел с известием, что принц уже трижды справлялся о его господине, они вновь поклялись в своем внеполитическом союзе и расстались, весьма довольные друг другом.

Бюсси помчался в герцогский замок, куда уже стекались дворяне со всех концов провинции. Весть о появлении герцога Анжуйского распространилась, словно эхо от пушечного выстрела, и все города и деревни на три-четыре лье вокруг Анжера были взбудоражены этой новостью.

Молодой человек поспешил организовать официальный прием, обед, торжественные речи. Он полагал, что, пока принц будет принимать посетителей, обедать и в особенности выступать с речами, сам он улучит хотя бы минутку, чтобы повидаться с Дианой. После того как он на несколько часов обеспечил герцога всякими занятиями, Бюсси возвратился к себе, вскочил на коня и галопом поскакал по дороге, ведущей к Меридору.

Предоставленный самому себе, герцог произнес великолепные речи и произвел большое впечатление своим рассказом о Лиге. Он осторожно обходил все относящееся к его связи с Гизами и изображал себя несчастным принцем, который за доверие, оказанное ему парижанами, подвергся гонениям со стороны короля.

До время ответных речей и целования руки герцог Анжуйский делал смотр своим дворянам, тщательно запоминая тех, кто уже явился, и, с еще большим тщанием, тех, кто пока отсутствовал.

Когда Бюсси возвратился, было четыре часа пополудни. Он соскочил с кося и предстал перед герцогом, весь в поту и пыли.

— А! Мой славный Бюсси,— сказал герцог,— ты, кажется, не теряешь времени даром.

— Как видите, монсеньер.

— Тебе жарко?

— Я очень гнал.

— Смотри не заболей, ты, должно быть, еще не совсем поправился.

— Ничего со мной не случится.

— Где ты был?

— Тут по соседству. Ваше высочество довольны? Было много пароду?

— Да, Бюсси, я, в общем, удовлетворен, но кое-кто не явился.

— Кто же?

— Твой протеже.

— Мой протеже?

— Да, барон де Меридор.

— А! — сказал Бюсси, изменившись в лице.

— Но тем не менее не следует пренебрегать им, хотя он и пренебрегает мной. Барон пользуется в Анжу влиянием.

— Вы думаете?

— Я уверен. Он представитель Лиги в Анжере. Его выбрал господин де Гиз, а господа де Гизы, как правило, хорошо выбирают себе людей. Надо, чтобы он приехал, Бюсси.

— Но если он все же не придет, монсеньер?

— Если он не придет ко мне, я сделаю первый шаг и сам отправлюсь к нему.

— В Меридор?

— А почему бы и нет?

Бюсси не смог удержать испепеляющей молнии ревности, сверкнувшей в его глазах.

— В самом деле, почему бы и нет? Вы принц, вам все дозволено.

— Ах, вот что! Так ты думаешь, что он до сих пор на меня сердится?

- Не знаю. Откуда мне знать?
— Ты с ним не виделся?
— Нет.
— Однако, когда ты вел переговоры со знатью провинции, ты мог бы иметь дело и с ним.
— Не преминул бы, если бы до этого он не имел дела со мной.
— То есть?
— То есть,— сказал Бюсси,— мне не так уж повезло с выполнением обещаний, которые я надавал ему, и поэтому мне незачем спешить свидеться с ним.
— Разве он не получил того, что желал?
— Что вы имеете в виду?
— Он хотел, чтобы его дочь вышла замуж за графа,— граф женился на ней.
— Не будем больше говорить об этом, монсеньер,— сказал Бюсси.

И повернулся к принцу спиной.

В эту минуту вошли новые дворяне; герцог направился к ним, Бюсси остался в одиночестве.

Слова принца заставили его глубоко задуматься.

Каковы могли быть действительные намерения Франсуа по отношению к барону де Меридор?

Были ли они такими, как изложил их принц? В самом ли деле старый барон был нужен ему только как уважаемый и могущественный сеньор, способный оказать поддержку его делу, или же хитроумные планы принца являлись всего лишь средством приблизиться к Диане?

Бюсси рассмотрел положение принца со всех сторон! Франсуа находится в ссоре с братом, покинул Лувр, стоит во главе мятежа в провинции.

Бюсси положил на весы насущные интересы принца и его любовную прихоть.

Последняя весила значительно меньше первых.

Молодой человек готов был простить герцогу все его остальные грехи, только бы он отказался от этой прихоти.

Всю ночь Бюсси пировал с его королевским высочеством и ажужскими дворянами и сначала ухаживал за ажужскими дамами, а потом, когда позвали скрипачей, принялся обучать этих дам новейшим танцам.

Само собой разумеется, он привел в восторг дам и в отчаяние их супругов, а когда кое-кто из последних

стал поглядывать на Бюсси не так, как ему хотелось бы, наш герой покрутил раз десять свой ус и спросил у двухтрех ревнивцев, не окажут ли они ему честь прогуляться с ним при лунном свете на лужайке.

Но репутация Бюсси была хорошо известна анжуйцам еще до его появления в Анжере, и поэтому на его любезные приглашения никто не откликнулся.

Глава XVIII

ДИПЛОМАТИЯ ГОСПОДИНА ДЕ БЮССИ

Выйдя из герцогского дворца, Бюсси увидел у порога открытую, честную и улыбающуюся физиономию человека, которого он полагал в восьмидесяти лье от себя.

— А! — воскликнул Бюсси с чувством живой радости. — Это ты, Ремь!

— Боже мой, конечно я, монсеньер.

— А я собирался написать, чтобы ты сюда приехал.

— Правда?

— Честное слово.

— Тогда чудесно: я боялся, что вы меня будете бранить.

— За что же?

— Да за то, что я явился без разрешения. Но посудите сами: до меня дошли слухи, что монсеньер герцог Анжуйский бежал из Лувра и отправился в свою провинцию; я вспомнил, что вы находитесь поблизости от Анжера, подумал, что предстоит гражданская война, шпаги будут в работе и на телесной оболочке одного моего ближнего появится немало дыр. И, поелику я люблю этого своего ближнего, как самого себя и даже больше, чем самого себя, я и приехал сюда.

— Ты прекрасно поступил, Ремь. По чести, мне тебя не хватало.

— Как поживает Гертруда, монсеньер?

Бюсси улыбнулся.

— Обещаю тебе справиться об этом у Дяны, как только увижу ее, — ответил он.

— А я, в благодарность за это, тотчас, как увижу Гертруду, уж будьте спокойны, в свою очередь, расспрошу у нее о госпоже де Монсоро.

— Ты славный товарищ; а как ты разыскал меня?

— Велика трудность, черт возьми! Я расспросил, как пройти к герцогскому дворцу, и ждал вас у дверей, но сначала отвел свою лошадь в конюшни принца, где, простите меня боже, признал вашего коня.

— Да, принц загнал своего, и я одолжил ему Роланда, а так как у него нет другого коня, он оставил себе этого.

— Узнаю вас, это вы — принц, а принц — ваш слуга.

— Не спешите возносить меня так высоко, Реми, ты еще увидишь, где обитает мое высочество.

И с этими словами он ввел Одуэна в свой домишко у крепостной стены.

— Клянусь честью, — сказал Бюсси, — дворец — перед тобой. Устраивайся, где хочешь и как сможешь.

— Это будет нетрудно сделать, как вы знаете, мне много места не нужно, могу и стоя спать, коли понадобится: я достаточно устал для этого.

Друзья, ибо Бюсси обращался с Одуэном скорее как с другом, чем как со слугой, разошлись, и Бюсси, испытывая двойное удовлетворение оттого, что он снова находится возле Дианы и Реми, в одно мгновение погрузился в сон.

Правда, герцог, дабы спать спокойно, попросил прекратить стрельбу из пушки и мушкетов, что до колоколов, то они замолкли сами собой, так как звонари натерли себе волдыри на ладонях.

Бюсси поднялся чуть свет и поспешил в замок, распорядившись передать Реми, чтобы и он туда пришел.

Граф хотел быть у постели его высочества в тот момент, когда принц откроет глаза, и, если удастся, прочесть его мысли по выражению лица, обычно весьма красноречивому у пробуждающегося человека.

Герцог проснулся, но было похоже, что он, как его брат Генрих, надевал на ночь маску.

Напрасно Бюсси встал так рано!

У молодого человека был подготовлен целый список дел, одно важнее другого.

Сначала прогулка за стенами города с целью изучения городских укреплений.

Затем смотр горожанам и их вооружению.

Посещение арсенала и заказ различных боевых припасов.

Тщательное изучение выплачиваемых провинцией податей, дабы осчастливить добрых и верных вассалов

принца небольшим дополнительным налогом, предназначенным для внутреннего украшения его сундуков.

И, наконец, корреспонденция.

Но Бюсси знал паперед, что ему не следует слишком полагаться на этот последний пункт; герцог Анжуйский старался писать поменьше, с недавних пор он придерживался поговорки: «Написанное пером не вырубишь топором».

Итак, вооруженный до зубов против дурных мыслей, которые могли прийти в голову герцогу, Бюсси увидел, что тот открыл глаза, но, как мы уже сказали, не смог ничего прочесть в этих глазах.

— А-а! — сказал герцог. — Ты уже здесь!

— Разумеется, монсеньер: я не спал всю ночь, меня преследовали мысли о делах вашего высочества. Чем мы займемся нынче утром? Постойте, а не отправиться ли нам на охоту?

«Превосходно! — сказал себе Бюсси. — Вот еще одно занятие, о котором я позабыл».

— Как! — возмутился герцог. — Ты заявляешь, что думал о моих делах всю ночь, и после бессонницы и неустанных размышлений являешься ко мне с предложением отправиться на охоту; ну знаешь ли!

— Вы правы, — согласился Бюсси. — К тому же у нас и своры нет.

— И главного ловчего, — подхватил принц.

— Сказать по чести, охота без него для меня будет только приятнее.

— Нет, я с тобой не согласен, мне его недостает.

Герцог произнес это со странным выражением лица, что не ускользнуло от Бюсси.

— Этот достойный человек, — сказал он, — этот ваш друг, как будто бы тоже не приложил руки к вашему спасению?

Герцог улыбнулся.

«Так, — сказал себе Бюсси, — я знаю эту улыбку; улыбка скверная, берегись, граф Монсоро».

— Значит, ты на него сердит? — спросил принц.

— На Монсоро?

— Да.

— А за что мне на него сердиться?

— За то, что он мой друг.

— Напротив, поэтому я его очень жалею.

— Что ты хочешь сказать?

— Что чем выше вы ему позволите взобраться, тем с большей высоты он упадет, когда будет падать.

— Ты, однако, в хорошем настроении, как я вижу.

— Я?

— Да, такое ты мне говоришь, только когда ты в хорошем настроении. Как бы то ни было,— продолжал герцог,— я стою на своем: Монсоро может нам очень пригодиться в этих краях.

— Почему?

— Потому, что он имеет здесь владения.

— Он?

— Он или его жена.

Бюсси закурил губу: герцог сводил разговор к тому предмету, от которого Бюсси вчера с таким трудом его отвлек.

— Вы так думаете?

— Разумеется. Меридор в трех лье от Анжера, разве тебе не известно? Ведь это ты привез ко мне старого барона.

Бюсси понял, как важно ему не выдать себя.

— Проклятие! — воскликнул он. — Я привез его к вам, потому что он вцепился в меня, и, чтобы не оставить у него в пальцах добрую половину моего плаща, как это случилось со святым Мартином, я был вынужден привезти его к вам... К тому же моя протекция не очень-то ему помогла.

— Послушай,— сказал герцог,— у меня есть идея.

— Черт! — воскликнул Бюсси, всегда опасавшийся идей принца.

— Да... Монсоро выиграл у тебя первую партию, но я хочу обеспечить тебе выигрыш во второй.

— Что вы под этим подразумеваете, мой принц?

— Все очень просто. Ведь ты меня знаешь, Бюсси?

— Имею это несчастье, мой принц.

— Считаешь ли ты меня человеком, способным получить оскорбление и не отомстить за него?

— Это смотря как.

Герцог скривил рот в еще более злой усмешке, чем в первый раз, покусывая губы и кивая головой.

— Объяспитесь, монсеньер,— сказал Бюсси.

— Ну так вот, главный ловчий украд у меня девушку, которую я любил пастолько, что готов был на ней жениться; я, в свою очередь, хочу украсть у него жену, чтобы сделать ее моей возлюбленной.

Бюсси попытался тоже улыбнуться, но, несмотря на свое горячее желание преуспеть в этом, смог изобразить на лице только гримасу.

— Украсть жену господина де Монсоро! — пробормотал он.

— Но ведь это легче легкого, как мне кажется, — сказал герцог. — Его жена возвратилась в свое имение; ты мне говорил, что мужа она ненавидит; значит, я без лишней самоуверенности могу рассчитывать, что она предпочтет меня Монсоро, в особенности если я ей обещаю... то, что я ей пообещаю.

— А что вы ей пообещаете, монсеньер?

— Освободить ее от мужа.

«Ба! — чуть не воскликнул Бюсси. — Почему же вы этого сразу не сделали?»

Но у него хватило присутствия духа удержаться.

— И вы совершите этот прекрасный поступок? — спросил он.

— Ты увидишь. А пока я все-таки занесу визит в Меридор.

— Вы осмелитесь?

— А почему бы нет?

— Вы предстанете перед старым бароном, которого вы покинули, после того как пообещали мне...

— У меня есть для него прекрасное оправдание.

— Где, черт побери, сыщете вы такое оправдание?

— Сыщу, не сомневайтесь. Я скажу ему: «Я не расторг этого брака, потому что Монсоро, который знал, что вы один из самых почитаемых деятелей Лиги, а я — ее глава, пригрозил выдать нас обоих королю».

— Ага!.. Вы это придумали — про Монсоро, ваше высочество?

— Не совсем, должен признаться, — ответил герцог.

— Тогда я понимаю вас, — сказал Бюсси.

— Понимаешь? — спросил герцог, введенный в заблуждение ответом молодого человека.

— Да.

— Я внушу ему, что, отдав замуж его дочь, я спас мою жизнь, над которой нависла угроза.

— Это великолепно, — сказал Бюсси.

— Не правда ли? Я и сам так думаю. Погляди-ка в окно, Бюсси.

— Зачем?

— Погляди, погляди.
— Я гляжу.
— Какая стоит погода?
— Вынужден сообщить вашему высочеству, что погода хорошая.

— Тогда вызови конный эскорт, и поедем-ка узнаем, как поживает милейший барон де Меридор.

— Сейчас, монсеньер.

И Бюсси, который в течение четверти часа играл бесконечно смешную роль попавшего в затруднение Маскарриля, сделал вид, что уходит, подошел к двери, но тут же вернулся обратно.

— Простите, монсеньер, — сказал он, — но сколько всадников угодно вам взять с собою?

— Ну четверых, пятерых, сколько хочешь.

— В таком случае, раз уж вы предоставляете решать это мне, — сказал Бюсси, — я взял бы сотню.

— Да что ты, сотню! — сказал удивленный принц. — Зачем?

— Для того, чтобы иметь в своем распоряжении хотя бы двадцать пять таких, на которых можно положиться в случае нападения.

Герцог вздрогнул.

— В случае нападения? — переспросил он.

— Да. Я слышал, — продолжал Бюсси, — что местность тут очень лесистая, и не будет ничего удивительного, если мы попадем в какую-нибудь засаду.

— А-а! — сказал принц. — Ты так думаешь?

— Монсеньер знает, что настоящая храбрость не исключает осторожности.

Герцог призадумался.

— Я распоряжусь, пусть пришлют полторы сотни, — сказал Бюсси.

И он во второй раз направился к дверям.

— Минутку, — сказал принц.

— Что вам угодно, монсеньер?

— Как ты думаешь, Бюсси, в Анжере я в безопасности?

— Как вам сказать... город не располагает сильными укреплениями, однако при хорошей обороне...

— Да, при хорошей, но она может оказаться и плохой. Какой бы ты ни был храбрец, ты всегда будешь находиться только в одном месте.

— Вероятно.

— Если я здесь не в безопасности, а я не в безопасности, раз в этом сомневается Бюсси...

— Я не говорил, что сомневаюсь, монсеньер.

— Хорошо, хорошо. Если я не в безопасности, надо как можно скорей сделать так, чтобы я оказался в безопасности.

— Золотые слова, монсеньер.

— Так вот, я хочу осмотреть крепость и подготовить ее к обороне.

— Вы правы, монсеньер, хорошие укрепления... знаете ли...

Бюсси запинался, он не ведал страха и с трудом подыскивал слова, призывавшие к осторожности.

— И еще одна мысль.

— Какое урожайное утро, монсеньер!

— Я хочу вызвать сюда барона и его дочь.

— Решительно, монсеньер, сегодня вы в ударе: такие блистательные мысли! Вставайте же и едем осматривать крепость!

Принц позвал слуг. Бюсси воспользовался этим моментом, чтобы удалиться.

В одной из комнат он увидел Одуэна. Тот ему и был нужен.

Бюсси провел лекаря в кабинет герцога, написал короткую записку, вышел в оранжерею, нарвал букет роз, обмотал записку вокруг их стеблей, отправился в конюшню, оседлал Роланда, вручил букет Одуэну и предложил ему сесть в седло.

Потом он вывел всадника за пределы города, как Аман вывел Мардохая, и направил коня на некое подобие тропинки.

— Вот, — сказал он Одуэну, — предоставь Роланду идти самому. В конце этой тропинки ты увидишь лес, в лесу — парк, вокруг парка — стену. В том месте, где Роланд остановится, ты перебросишь через нее этот букет.

«Тот, кого вы ждете, не придет, — сообщала записка, — потому что явился тот, кого не ждали, и еще более опасный, чем когда бы то ни было, ибо он по-прежнему влюблен. Примите устами и сердцем все, что нельзя прочесть в этом письме глазами».

Бюсси отпустил поводыя Роланда, и тот поскакал галопом в сторону Меридора.

Молодой человек возвратился в герцогский дворец, где застал принца уже одетым.

Что до Реми, то все дело заняло у него не более получаса. Он мчался, как облако, гонимое ветром, и, следуя приказу своего господина, миновал луга, поля, леса, ручьи, холмы и остановился у полуразрушенной стены, гребень которой густо порос плющом, казалось, соединившим стену с ветвями дубов.

Прибыв на место, Реми подвинулся на стременах, снова и надежнее, чем было, привязал записку к букету и с громким «эй!» перебросил букет через стену.

Тихий возглас, раздавшийся по ту сторону стены, убедил его, что послание прибыло по назначению.

Больше Одуэну здесь делать было нечего, так как ответ привозить ему не поручали.

Поэтому он повернул голову коня в ту сторону, откуда они приехали. Роланд, собиравшийся уже приступить к завтраку из желудей, выразил глубокое недовольство таким нарушением привычного распорядка. Тогда Реми всерьез прибегнул к воздействию шпорами и хлыстом.

Роланд осознал свое заблуждение и поскакал обратно.

Сорок минут спустя он уже пробирался по своей новой конюшне, как только что пробирался в зарослях кустарника, и сам размыскал свое место возле решетки, заваленной сеном, и кормушки, переполненной овсом.

Бюсси вместе с принцем осматривал крепость.

Реми подошел к нему, когда он разглядывал подземелье, связанное с потайным ходом.

— Ну, — спросил Бюсси своего посланца, — что ты видел, что слышал, что сделал?

— Стену, возглас, семь лье, — ответил Реми с лаконизмом одного из тех сыновей Спарты, которые позволяли лиснице выесть им внутренности во имя вящей славы законов Ликурга.

Глава XIX

ВЫВОДОК АНЖУЙЦЕВ

Бюсси удалось так основательно занять своего господина приготовлениями к войне, что в течение двух дней герцог не мог выбрать времени ни для того, чтобы самому отправиться в Меридор, ни для того, чтобы вызвать в Ашжер барона.

Тем не менее Франсуа то и дело заговаривал о посещении Меридора.

Но Бюсси тотчас же прикидывался человеком, чрезвычайно занятым самыми неотложными делами: устраивал проверку мушкетов у всей стражи, приказывал снаряжать коней, выкатывать пушки, лафеты, словно ему предстояло завосвать пятую часть света.

Видя это, Реми принимался щипать корпию, приводить в порядок инструменты, готовить бальзамы, словно ему предстояло врачевать добрую половину рода человеческого.

Тогда, пред лицом столь грандиозных приготовлений, герцог отступал.

Само собой разумеется, время от времени Бюсси, под предлогом осмотра внешних фортификаций, вскакивал на Роанда и через сорок минут оказывался возле некоей стены, через которую он перебирался все с меньшим трудом, потому что каждый раз, поднимаясь на нее, обрушивал несколько камней и гребень, обваливающийся под его тяжестью, понемногу превращался в пролом.

Что же до Роанда, то не было необходимости указывать ему, куда они едут: Бюсси оставалось только отпустить поводья и закрыть глаза.

«Два дня уже выиграно,—г говорил себе Бюсси. — Если еще через два дня мне не улыбнется счастье, я окажусь в грудном положении».

Бюсси не ошибался, рассчитывая на свою счастливую звезду.

На третий день вечером, когда в городские ворота въезжал огромный обоз со съестными припасами, добытыми с помощью поборов, которыми герцог обложил своих радушных и верных анжуйцев, а сам принц, избравшая на себя доброго сеньора, отведывал черный солдатский хлеб и с аппетитом ел копченые селедки и сушеную треску, возле других ворот города раздавался громкий шум.

Герцог Анжуйский осведомился о причине этого шума, но никто не смог ему ответить.

По доносившимся звукам можно было понять, что там разгоняют рукоятками протазанов и мушкетными прикладами толпу горожан, привлеченную каким-то новым и любопытным зрелищем.

А все началось с того, что к заставе у Парижских ворот подъехал всадник на белом, покрытом пехой коне.

Надо сказать, что Бюсси, верный своей системе запугивания, заставил принца назначить его главнокомандующим войск провинции Анжу и главным начальником всех ее крепостей и установил повсюду самый жесточайший порядок, особенно в Анжере. Никто не мог ни выйти из города, ни войти в него без пароля, без письма с вызовом или без условного знака какого-нибудь военного сбора.

Цель у всех этих строгостей была одна: помешать герцогу отправить кого-нибудь к Диане так, чтобы об этом не стало известно Бюсси, и помешать Диане въехать в Анжер так, чтобы Бюсси об этом не предупредили.

Кое-кому это может показаться чрезмерным, по пятьдесят лет спустя Бекингем станет совершать и не такие безумства ради Анны Австрийской.

Всадник на белом коне, как мы уже сказали, приехал бешеным галопом прямо к заставе.

Но у заставы был пароль. Часовой тоже его получил. Он преградил всаднику дорогу своим протазаном. Тот, по-видимому, намеревался оставить без внимания этот воинственный жест, тогда часовой закричал:

— К оружию!

Выбежали все стражники, и вповь прибывшему пришлось вступить с ними в объяснения.

— Я Антрагэ,— заявил он,— и хочу говорить с герцогом Анжуйским.

— Не знаем мы никакого Антрагэ,— ответил начальник караула,— но что касается разговора с герцогом Анжуйским, то ваше желание будет исполнено, так как мы вас сейчас арестуем и отведем к его высочеству.

— Арестуете меня!— ответил всадник.— Не такому жалкому сброду, как вы, арестовывать Шарля де Бальзака д'Антрагэ, барона де Кюнео и графа де Гравилля.

— И, однако, я его арестую,— ответил, поправляя свой нагрудник, анжусец, позади которого стояло двадцать человек, а перед ним — всего один.

— Ну погодите, милейшие! — сказал Антрагэ. — Вам, как видно, еще не доводилось сталкиваться с парижанами. Отлично. Я покажу вам образчик того, что они умеют делать.

— Арестовать его! Отвести к монсьеюру! — завопил обозленные стражники.

— Полегче, мои анжуйские ягнятки, — сказал Антрагэ, — я доставляю себе удовольствие явиться к нему без вашей помощи.

— Что он говорит, что он говорит? — спрашивали друг у друга анжуйцы.

— Он говорит, что конь его сделал всего лишь десять льв, — ответил Антрагэ, — а это значит, что он проскочит по вашим брюхам, если вы не посторонитесь. Прочь с дороги, или, клянусь святым чревом!..

И так как анжерские буржуа, по всей видимости, не поняли парижского проклятия, Антрагэ выхватил шпагу и великолепным мулине обрубил древки наиболее близких к нему алебард, острия которых были направлены на него.

Меньше чем за десять минут около двух десятков алебард было превращено в ручки для метел.

Разъяренные стражники осыпали непрошеного гостя градом палочных ударов, которые он отбивал сволшебной ловкостью, спереди, сзади, справа и слева, хоча при этом от чистого сердца.

— О! Что за прекрасная встреча, — приговаривал он, крутясь на своем коне. — О! Что за милейший народ эти анжуйцы! Разрази меня бог! Ну и весело же тут! Как мудро поступил принц, покинув Париж, и как хорошо сделал я, что поехал вслед за ним!

И Антрагэ не только отражал самым блестящим образом удары, но время от времени, когда на него слишком уж наседали, рассекал своим испанским клинком чью-нибудь кожаную куртку, чью-нибудь каску или же, пригладившись, оглушал ударом плашмя какого-нибудь неосторожного вояку, бросившегося в схватку, позабыв, что голову его защищает всего лишь шерстяной анжуйский колпак.

Сбившиеся в кучу горожане взапуски наносили удары, калечили при этом друг друга, но снова возобновляли свои атаки. Казалось, они вырастают прямо из земли, как солдаты Кадмуса.

Антрагэ почувствовал, что начинает сдавать.

— Что ж, — сказал он, видя, что ряды нападающих становятся все более плотными, — отлично, вы храбры, как львы, это несомненно, и я тому свидетель. Но вы видите, что от ваших алебард остались только палки, а мушкетов своих вы заряжать не умеете. У меня было намерение въехать в этот город, но я не знал, что его

охраняет армия Цезаря. Я отказываюсь от мысли победить вас. Прощайте, доброго вам вечера, я удаляюсь; только скажите принцу, что я специально приезжал из Парнжа повидать его.

Тем временем капитану ополчения удалось поджечь фитиль своего мушкета, но в тот момент, когда он приложил приклад к плечу, Антрагэ с такой силой огрел его несколько раз по пальцам, что анжуец выпустил свое оружие и запрыгал с ноги на ногу.

— Смерть ему! Смерть! — завопили избитые и взбешенные ополченцы. — Не выпускайте его! Не дайте ему ускользнуть!

— А! — сказал Антрагэ. — Только что вы не хотели выпускать меня, а теперь не желаете выпускать. Берегитесь! Я переменю тактику. Я бил плашмя, а буду колоть, я обрубал алебарды, а буду обрубать руки. Ну как, мои анжуйские ягнятки, выпустите вы меня?

— Нет! Смерть! Смерть ему! Он устал! Убьем его!

— Прекрасно! Значит, возьмемся за дело всерьез?

— Да! Да!

— Ладно, берегите пальцы, я рублю руки!

Только произнес он эти слова и собрался приступить к исполнению своей угрозы, как на дороге появился второй всадник, скачущий так же неистово. На бешеном галопе ворвался он в ворота и, как молния, влетел прямо в гущу схватки, которая сулила превратиться в настоящую битву.

— Антрагэ! — крикнул вновь появившийся. — Антрагэ! Что, черт возьми, ты делаешь в компании этих буржуа?

— Ливаро! — вскричал Антрагэ, обернувшись. — Разрази господь! Ты как нелья кстати! Можжуа и Сен-Дени, на помощь!

— Я был уверен, что нагоню тебя. Четыре часа тому назад я напал на твой след и с той мпнугы скачу за тобой. Но куда это ты влез? Тебя же убивают, прости меня господи!

— Да, это наши друзья анжуйцы, они не хотят ни впустить меня, ни выпустить.

— Господа, — сказал Ливаро, снимая шляпу, — не угодно ли вам отойти вправо или влево, чтобы мы могли проехать?

— Нас оскорбляют! — завопили горожане. — Смерть! Смерть им!

— Ах, вот они здесь какие, в Анжере,— заметил Ливаро, нахлобучивая одной рукой шляпу на голову, а другой выхватывая шпагу.

— Сам видишь,— сказал Антрагэ.— Одно плохо: их много.

— Ба! Втроем мы с ними отлично справимся.

— Да, втроем. Если бы мы были втроем! Но нас только двое.

— Сейчас здесь будет Рибейрак.

— И он тоже?

— Ты слышишь? Уже скачет.

— Я его вижу. Эй! Рибейрак! Эй! Сюда, сюда!

И действительно, в ту же минуту Рибейрак, спешивший, судя по всему, не меньше своих друзей, так же, как и они, на полном скаку влетел в город Анжер.

— Гляди-ка! Тут дерутся,— сказал Рибейрак.— Вот так удача! Здравствуй, Антрагэ, здравствуй, Ливаро.

— В атаку! — ответил Антрагэ.

Ополченцы вытаращили глаза, весьма пораженные этим новым подкреплением, прибывшим к двум друзьям, которые готовились теперь превратиться из осаждаемых в осаждающих.

— Да их тут целый полк,— сказал капитан ополчения своим людям.— Господа, наш боевой порядок, по моему, неудачен, я предлагаю сделать полуоборот направо.

Буржуа с той ловкостью, которая характерна для них при выполнении военных маневров, сделали полуоборот направо.

Предложение капитана само по себе пробудило в них чувство естественной осторожности, но, кроме того, и воинственный вид трех всадников, выстроившихся перед ними, заставил дрогнуть самых бесстрашных.

— Это их авангард,— закричали горожане, искавшие лишь предлога, чтобы обратиться в бегство.— Тревога! Тревога!

— На помощь! — кричали другие.— На помощь!

— Неприятель! Неприятель! — орало большинство.

— Мы люди семейные. Мы несем обязательства перед нашими женами и детьми. Спасайся кто может! — заревел капитан.

В результате этих разнообразных воплей, которые, однако, как можно заметить, имели одну цель, в улицах образовалась страшная давка, и палочные удары

посыпались градом на любопытных, плотное кольцо которых не давало возможности робким убежать.

Как раз тогда звуки этой сумятицы долетели до площади перед крепостью, где, как мы уже сказали, принц отведывал дары своих приверженцев — черпый хлеб, копченую селедку и сушеную треску.

Бюсси и принц заинтересовались, в чем дело. Им ответили, что весь этот шум подняли три человека, вернее, три дьявола во плоти, явившиеся из Парижа.

— Три человека? — сказал принц. — Пойди узнай, что это за люди, Бюсси.

— Три человека? — повторил Бюсси. — Поедемте вместе, монсеньер.

И они отправились: Бюсси ехал впереди, а принц предусмотрительно следовал за ним в сопровождении двух десятков всадников.

Они прибыли на место в тот момент, когда ополченцы начали, с большим ущербом для спи и черепов зевак, выполнять тот маневр, о котором мы говорили.

Бюсси встал на стременах и своими зоркими, как у орла, глазами разглядел в толпе дерущихся Ливаро, узнав его по долговязкой фигуре.

— Чтоб мне провалиться! — крикнул он принцу громовым голосом. — Сюда, монсеньер! Нас осаждают наши парижские друзья.

— Ну нет, — ответил Ливаро голосом, заглушившим шум битвы, — напротив, это анжуйские друзья рубят нас в куски.

— Долой оружие! — закричал герцог. — Долой оружие, болваны! Это друзья!

— Друзья! — воскликнули горожане, избитые, ободранные, выбившиеся из сил. — Друзья! Так надо было дать им пароль. Мы тут добрый час обращаемся с ними, как с нехристями, а они с нами — как с турками.

После чего отступательный маневр был благополучно доведен до конца.

Ливаро, Антрагэ и Рибейрак, как победители, вступили на освобожденное горожанами пространство и поспешили приложиться к руке его высочества, а затем каждый из них бросился в объятия Бюсси.

— Выходит по всему, — философски сказал капитан, — что это выводок анжуйцев, а мы приняли их за стаю ястребов.

— Монсеньер,— шепнул Бюсси на ухо принцу,— пожалуйста, сосчитайте ваших ополченцев.

— Зачем?

— Сосчитайте, сосчитайте; приблизительно, гуртом. Я не прошу считать по одному.

— Их около полутораста, не меньше.

— Да, не меньше.

— Ну и что?

— А то, что не слишком brave у вас солдаты, если их побили три человека.

— Верно,— сказал герцог. — Что же дальше?

— Дальше! Попробуйте-ка выехать из города с такими молодцами!

— Все так,— согласился герцог. — Но я выеду из города с теми тремя, которые их побили,— добавил он.

— Ах ты, черт! — пробормотал тихонько Бюсси. — Об этом я и не подумал! Да здравствуют трусы, они умеют мыслить логически!

Глава XX

РОЛАНД

Прибытие подкрепления дало возможность герцогу Анжуйскому заняться бесконечными рекогносцировками окрестностей города.

Он разъезжал в сопровождении своих, так кстати подоспевших друзей, и анжерские буржуа чрезвычайно гордились этим военным отрядом, хотя сравнение хорошо экипированных, прекрасно вооруженных дворян с городскими ополченцами в их потрепанном снаряжении и ржавых доспехах было далеко не в пользу ополчения.

Сначала были обследованы крепостные укрепления, затем прилегающие к ним сады, затем равнина, прилегающая к садам, и, наконец, разбросанные по этой равнине замки, причем герцог весьма презрительно поглядывал на леса, когда они проезжали мимо них или по ним, на те самые леса, которые внушали ему прежде такой страх или, вернее, к которым Бюсси внушил ему такой страх.

В Анжер стекались со своими деньгами дворяне со всей провинции. При дворе герцога Анжуйского они находили ту свободу, до которой далеко было двору Генриха III. Поэтому они, как и следовало ожидать, предавались веселой жизни в городе, весьма расположен-

пом, подобно всякой столице, к тому, чтобы опустошать кошельки своих гостей.

Не прошло и трех дней, как Антрагэ, Рибейрак и Ливаро завязали знакомства с самыми пылкими поклонниками парижских мод и обычаев среди анжуйских дворян.

Само собой разумеется, что эти достойные господа были жеваты, и супруги их были молоды и хороши собой.

Герцог Анжуйский совершал свои блестящие верховые прогулки по городу вовсе не для личного удовольствия, как могли бы подумать те, кто знал его эгоизм. Отнюдь нет.

Эти прогулки превратились в развлечение для парижских дворян, прибывших к нему, для анжуйской знати и в особенности для анжуйских дам.

Прежде всего, эти прогулки должны были радовать бога, ведь дело Лиги было божьим делом.

Затем, они, несомненно, должны были приводить в негодование короля.

И, наконец, они доставляли счастье дамам.

Таким образом, была представлена великая троица той эпохи: бог, король и дамы.

Ликование достигло своих пределов в тот день, когда в город прибыли по высочайшему повелению двадцать две верховые лошади, тридцать — упряжных и сорок муглов, которые, вместе с экипажами, повозками и фургонами, составляли выезды и обоз герцога Анжуйского.

Все перечисленное появилось, как по волшебству, из Тура за скромную сумму в пятьдесят тысяч эку, выделенную герцогом Анжуйским для этой цели.

Заметим, что лошади были оседланы, но за седла шорникам еще не заплатили; заметим, что сундуки были снабжены великолепными, запирающимися на ключ замками, но в самих сундуках ничего не было.

Заметим, что это последнее обстоятельство свидетельствовало в пользу принца, ибо он мог бы наполнить их с помощью поборов.

Но не в натуре принца было брать открыто: он предпочитал выманывать хитростью.

Как бы там ни было, вступление в город этой процессии произвело на анжерцев глубокое впечатление.

Лошадей развели по конюшням, повозки и экипажи поставили в каретные сараи.

Переноской сундуков занялись самые приближенные слуги принца.

Нужны были очень надежные руки, чтобы решиться доверить им суммы, которых в этих сундуках не было.

Наконец двери дворца закрылись перед носом возбужденной толпы, оставшейся благодаря этим предусмотрительным мерам в убеждении, что принц только что ввез в город два миллиона, в то время как принц, напротив, готовился к тому, чтобы вывезти из города почти такую же сумму, для которой и были предназначены пустые сундуки.

С этого дня за герцогом Анжуйским прочно закрепилась репутация богатого человека и вся провинция, после разыгранного перед ней спектакля, осталась в убеждении, что принц достаточно богат, чтобы, в случае надобности, пойти войной против целой Европы.

Эта вера должна была помочь буржуа терпеливо снести новые подати, которые герцог, поддержанный советами своих друзей, намеревался собрать с анжуйцев.

Впрочем, анжуйцы, можно сказать, сами шли на встречу желаниям герцога.

Денег, которые одалживают или отдают богачам, никогда не жалеют.

Король Наваррский, слышавший бедняком, не добился бы и четвертой части успеха, выпавшего на долю герцога Анжуйского, который сумел прослыть богачом.

Однако возвратимся к герцогу.

Достойный принц жил, как библейский патриарх, наслаждаясь плодами земли своей, а всем известно, что земля Анжу весьма плодородна.

На дорогах было полно всадников, стремившихся в Анжер, чтобы заверить принца в своей преданности или предложить свои услуги.

А он продолжал тем временем вести рекогносцировки, которые неизменно завершались открытием какой-нибудь сокровища.

Бюсси удалось так наметить маршруты выездов принца, что все они обходили стороной замок, где жила Двана.

Это сокровище Бюсси сохранял для себя одного, грабя на свой манер сей маленький уголок провинции, который, после пристойной обороны, в конце концов, сдался на милость победителя.

В то время, как герцог Анжуйский занимался рекогносцировками, а Бюсси — грабежом, граф де Монсоро,

верхом на своей охотничьей лошади, прискакал к воротам Анжера.

Было около четырех часов пополудни; чтобы прибыть в четыре часа, граф Монсоро сделал в этот день восемнадцать лье.

Поэтому шпоры его были красными от крови, а полумертвый конь — белым от пены.

Давно уже прошло то время, когда приезжавшим в город чинились препятствия у ворот: теперь анжерцы стали такими гордыми и самоуверенными, что без всяких пререканий впустили бы в город батальон швейцарцев, даже если бы во главе этих швейцарцев стоял храбрый Крийон собственной персоной.

Граф Монсоро не был Крийоном, а потому въехал и вовсе свободно, сказав:

— Во дворец его высочества герцога Анжуйского.

Он не стал слушать ответа стражников, что-то кричавших ему вслед.

Казалось, что конь его держится на ногах только в силу чуда равновесия, создаваемого скоростью, с которой он мчится; бедное животное двигалось уже совершенно бессознательно, и можно было биться об заклад, что стоит ему остановиться, и оно тут же рухнет наземь. Конь остановился у дворца. Граф Монсоро был прекрасным наездником, конь — чистокровным скакуном: ни конь, ни всадник не упали.

— К господину герцогу! — крикнул главный ловчий.

— Монсеньер отправился на рекогносцировку, — ответил часовой.

— Куда? — спросил граф Монсоро.

— Туда, — произнес тот, вытянув руку в направлении одной из сторон света.

— А, черт! — воскликнул Монсоро. — Однако у меня срочное сообщение для герцога, что же делать?

— Прежде всего поштавить фашего коня в конюшню, — ответил часовой, который был рейтаром из Эльзаса, — потому што, ешли фы его не пришлоните к штене, он у фас упадет.

— Совет хорош, хотя и дан на скверном французском языке, — сказал Монсоро. — Где тут конюшни, милейший?

— Фот там!

В это мгновение к графу подошел человек и представился ему.

Это был мажордом,

Граф Монсоро в свой черед перечислил все свои имена, фамилии и титулы.

Мажордом отвесил ему почтительный поклон; имя графа было с давних пор известно в провинции.

— Сударь, — сказал мажордом, — соблаговолите войти и отдохнуть немного. Монсеньер уехал всего десять минут тому назад. Его высочество вернется не раньше восьми часов вечера.

— Восьми часов вечера! — повторил Монсоро, кусая свой ус. — Слишком много времени будет потеряно. Я привез важное известие, и чем раньше оно дойдет до его высочества, тем лучше. Не можете ли вы дать мне коня и сопровождающего?

— Коня! Хоть десяток, сударь, — сказал мажордом. — Что же касается проводника, с этим хуже, потому что монсеньер не сказал, куда он едет, и вы сможете узнать об этом, расспрашивая по пути, как всякий другой; к тому же — я не хотел бы ослаблять гарнизон замка. Его высочество строжайше запретил делать это.

— Вот как? — воскликнул главный ловчий. — Так, значит, здесь не безопасно?

— О, сударь, здесь всегда безопасно, когда тут есть такие люди, как господа де Бюсси, де Ливаро, де Рибейрак, д'Антрагэ, не говоря уж о нашем непобедимом приезде, монсеньере герцоге Алжуйском, но вы сами понимаете...

— Естественно, я понимаю, что, когда их здесь нет, безопасность уменьшается.

— Именно так, сударь.

— Что ж, я возьму в конюшню свежую лошадь и попытаюсь найти его высочество, расспрашивая встречных.

— Готов биться об заклад, сударь, что этим способом вы разыщете монсеньера.

— Надеюсь, он не галопом уехал?

— Шагом, сударь, шагом.

— Прекрасно! Значит, решено: покажите мне коня, которого я могу взять.

— Пройдите в конюшню, сударь, и выберите сами; все они в вашем распоряжении.

— Прекрасно!

Монсоро вошел в конюшню.

Около дюжины самых отборных и свежих коней поглощали обильный корм из яслей, набитых зерном и самым сочным в Алжу сеном.

— Вот,— сказал мажордом,— выбирайте.

Монсоро обвел строй четвероногих взглядом знатока.

— Я беру этого гнедого,— сказал он,— Прикажете оседлать его мне.

— Роланда?

— Его зовут Роланд?

— Да, это любимый конь его высочества. Он на нем каждый день ездит. Роланда подарил герцогу господин де Бюсси, и вы бы, конечно, не увидели его здесь в конюшне, если бы его высочество не решил испытать новых коней, присланных ему из Тура.

— Недурно! Значит, у меня меткий глаз.

Подошел конюх.

— Оседлайте Роланда,— распорядился мажордом.

Что касается лошади графа, то она сама вошла в конюшню и улеглась на подстилку, не дожидаясь даже, пока с нее снимут седло и сбрую.

Через несколько секунд Роланд был уже оседлан.

Граф Монсоро легко вскочил в седло и снова спросил, в какую сторону отправилась кавалькада.

— Они выехали в эти ворота и поскакали по той дороге,— сказал мажордом, указывая главному ловчему в ту же сторону, куда ему уже показывал часовой.

— Клянусь честью,— воскликнул Монсоро, когда, опустив поводья, он увидел, что лошадь направляется как раз по этой дороге,— я бы сказал, что Роланд идет по следу, ей-богу.

— О, не беспокойтесь,— заметил мажордом,— я слышал от господина де Бюсси и от его лекаря господина Ремп, что это самое умное из всех когда-либо существовавших животных. Как только он почует своих сотоварищей, он их догонит. Поглядите, какие у него великолепные ноги, таким и олень позавидовал бы.

Монсоро свесился набок.

— Замечательные,— подтвердил он.

И в самом деле, лошадь двинулась, не дожидаясь поуканья, и уверенно выбралась из города; перед этим она даже сама повернула в нужную сторону, чтобы сократить путь к воротам, который разветвлялся: на обходной — слева и прямой — справа.

Дав такое доказательство своего ума, лошадь тряхнула головой, будто пытаясь освободиться от узды, которая давила ей на губы. Она словно хотела сказать всаднику, что всякое направляющее воздействие с его

стороны излишне, и, по мере того как они приближались к воротам, все ускоряла свой бег.

— Я и вправду вижу, — прошептал Монсоро, — что мне тебя не перехватили. Что ж, раз ты так хорошо знаешь дорогу, иди, Роланд, иди.

И он бросил поводья на шею Роланда

Оказавшись на внешнем бульваре, конь остановился в нерешительности — повернуть ему направо или налево.

Он повернул налево.

В это время мимо прошел крестьянин.

— Не видели ли вы группу всадников, приятель? — спросил Монсоро.

— Да, сударь, — ответил селянин, — я встретил их вот там, впереди.

Роланд скакал как раз в том направлении, где крестьянин встретил отряд.

— Иди, Роланд, иди, — сказал главный ловчий, опуская поводья. Конь перешел на крупную рысь, при которой обычно делают три или четыре лье в час.

Еще некоторое время он бежал по бульвару, потом вдруг свернул направо, на заросшую цветами тропинку, которая шла через равнину.

Монсоро на мгновение заколебался — не остановить ли его Роланда, но Роланд, казалось, был так уверен в своих действиях, что граф представил ему свободу.

По мере того как лошадь продвигалась вперед, она все более воодушевлялась. Перешла с рыси на галоп, и менее чем через четверть часа город уже исчез из глаз всадника.

А всадник, по мере продвижения вперед, словно бы также начинал узнавать местность.

— Похоже, что мы направляемся к Меридору, — сказал он, когда они въехали в лес. — Не поехал ли часом его высочество в сторону замка?

При этой мысли, которая уже не раз приходила в голову главного ловчего, чело его омрачилось.

— О! — прошептал он. — Я хотел повидаться сначала с принцем, отложив на завтра встречу с женой. Не выпадет ли мне счастье увидеть их обоих одновременно? Страшная улыбка скользнула по его губам.

Лошадь по-прежнему продолжала бежать направо, с упорством, которое свидетельствовало о ее глубочайшей решимости и уверенности.

«Клянусь спасением души, — подумал Монсоро, — сейчас я должен быть где-нибудь поблизости от Меридора!».

В это мгновение лошадь заржала. И тотчас же из зеленой чащи ей откликнулась другая.

— А! — сказал главный ловчий. — Кажется, Роланд нашел своих сотоварищей.

Роланд рванулся вперед и, как молния, промчался под могучими старыми деревьями.

Внезапно Монсоро увидел перед собой степу и привязанного возле нее коня.

Тот заржал, и главный ловчий понял, что и в первый раз ржал этот самый конь.

— Здесь кто-то есть! — сказал он, бледнея.

Глава XXI

ЧТО ДОЛЖЕН БЫЛ СООБЩИТЬ ПРИНЦУ ГРАФ ДЕ МОНСОРО

Неожиданности подстерегали графа де Монсоро на каждом шагу: стена меридорского парка, у которой он оказался, словно по волшебству, чья-то лошадь, ласкающаяся к его коню, как к самому близкому знакомцу, — все это заставило бы призадуматься и менее подозрительного человека.

Приблизившись к стене — можно догадаться, с какой поспешностью Монсоро это сделал, — приблизившись к стене, граф заметил, что в этом месте она повреждена: в ней образовалась самая настоящая лестница, грозящая превратиться в пролом. Словно чьи-то ноги выбили в камнях эти ступеньки, над которыми свисали сломанные совсем недавно ветви ежевики.

Граф схватил одним взглядом картину в целом и перешел к деталям.

Чужая лошадь заслуживала внимания прежде всего, с нее он и начал.

На не умеющем хранить тайну животном было седло и распятая серебром попона.

В одном углу попоны стояло двойное ФФ, переплетенное с двойным АА.

Вне всякого сомнения, конь был из конюшен принца, ибо шифр обозначал: «Франсуа Анжуйский».

При виде шифра подозрения графа переросли в постоянную уверенность,

Значит, герцог ездил сюда, и ездил часто, потому что не только одна, привязанная, лошадь, но и другая знала сюда дорогу.

Монсоро решил: раз случай навел его на след, падо пойти по следу до конца.

К тому же таков был его обычай как главного ловчего и как ревнивого мужа.

Но было очевидно, что, оставаясь по эту сторону стены, он ничего не увидит.

Поэтому граф привязал Роланда рядом со второй лошадью и храбро начал взбираться на стену.

Взбираться было нетрудно: одна нога вела за собой другую, рука встречала готовое для опоры место, на камнях гребня стены был виден отпечаток локтя, и кто-то заботливо обрубил здесь охотничьим ножом ветви дуба, которые мешали смотреть и стесняли движение.

Успех графа увенчался полным успехом.

Не успел он устроиться на своей наблюдательной вышке, как тотчас заметил брошенные у подножия одного из деревьев голубую мантилью и плащ из черного бархата.

Мантилья, бесспорно, принадлежала женщине, а плащ — мужчине; к тому же не надо было искать далеко: эти мужчина и женщина прогуливались под руку шагах в пятидесяти от дерева. Из-за густых кустарников, росших вокруг, видны были только их спины, да и то плохо.

На беду графа де Монсоро, стена не была приспособлена для проявлений его неистовства: с ее гребня сорвался камень и, ломая ветви, полетел на землю, о которую и ударился с громким стуком.

При этом шуме гуляющая пара, которую граф Монсоро плохо различал за листвой, по всей вероятности, обернулась и заметила его, ибо раздался пронзительный, испуганный женский крик, после чего шорох листьев дал знать графу, что мужчина и женщина убегают, словно вспугнутые косули.

Услышав крик, Монсоро почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Он узнал голос Дианы. Не в силах больше сопротивляться охватившей его ярости, он прыгнул со стены и бросился в погоню, срубая спягой кусты и ветки на своем пути.

Но беглецы исчезли. Ничто не нарушало больше тишины парка. Ни одной тени в глубине аллей, ни одного следа на дорожках, ни звука в зеленых чащах, кроме пе-

вия соловьев и малпповок, которые, привыкнув видеть двух влюбленных, не боялись их.

Что делать посреди этого безлюдья? Какое принять решение? Куда бежать? Парк велик, и, если искать в нем тех, кто тебе нужен, можно встретить тех, кого ты вовсе не искал.

Граф де Монсоро подумал, что сделанного им открытия пока достаточно, к тому же он сознавал, что слишком возбужден и не может действовать с осторожностью, которая необходима с таким опасным соперником, как Франсуа, ибо главный ловчий не сомневался — соперником его является принц.

Ну, а если вдруг это не принц? Ведь у него есть известие, которое он обязан срочно доставить принцу. Во всех случаях: оказавшись перед герцогом Анжуйским, он сможет судить, виновен тот или нет.

Затем графа осенила блестящая мысль.

Она заключалась в том, чтобы перелезть через стену в том же самом месте обратно и увести с собою коня, принадлежавшего незнакомцу, которого он застал в парке.

Этот план мщения придал ему сил. Он бросился назад и вскоре, задыхающийся, весь в поту, очутился возле стены.

Цепляясь за ветки, Монсоро взобрался на нее и спрыгнул по другую сторону. Но лошади там уже не было, раньше говоря — не было лошадей.

Мысль, осенявшая графа, была так хороша, что, прежде чем прийти к нему, пришла к его противнику, и тот воспользовался ею.

Расстроенный Монсоро издал яростное рычание и погрозил кулаком этому коварному дьяволу, который, конечно же, смеялся над ним под покровом уже сгустившейся в лесу темноты. Но так как волю графа сломить было нелегко, он восстал против рокового стечения обстоятельств, словно задавшихся целью доконать его, собрал все свои силы и, несмотря на быстро наступающую тьму, тотчас же нашел короткую дорогу в Анжер, известную ему еще со времен детства, и возвратился по ней в город.

Через два с половиной часа он снова оказался у городских ворот, полумертвый от жажды, жары и усталости. Но возбуждение, в котором находился его дух, придало силы телу, и он был все тем же волевым и одновременно не обузданным в своих страстях человеком.

Кроме того, его поддерживала одна мысль: он расспросит часового, вернее, часовых, обойдет все ворота; он узнает, через какие ворота проехал человек с двумя конями; он опорожнит свой кошелек, пообещает золотые горы и получит приметы этого человека.

И кто бы это ни был, раньше или позже, он с ним рассчитается.

Монсоро опросил часового, но часовой только что заступил на пост и ничего не знал. Тогда граф вошел в кордегардию и навел справки там.

Ополченец, который сменился с поста, видел примерно около двух часов тому назад, как в город вошла лошадь без всадника и направилась в сторону дворца.

Он даже подумал тогда, что с всадником, должно быть, что-то случилось и умный конь сам вернулся домой.

Монсоро безнадежно махнул рукой: нет, решительно, ему не суждено ничего узнать.

Потом он, в свою очередь, зашагал к герцогскому дворцу.

Дворец был полон жизни, шума, веселья. Окна сияли, как солнца, кухни пламенели, словно пылающие печи, распространяя из своих форточек ароматы дичины и гвоздики, способные заставить желудок забыть о своем соседе — сердце.

Но чтобы попасть во дворец, надо было открыть ворота, закрытые на все запоры.

Монсоро кликнул привратника и назвал себя, однако привратник не узнал его.

— Тот был прямой, а вы сторбленный,— сказал он,

— Это от усталости.

— Тот был бледный, а вы красный,

— Это от жары.

— Тот был верхом, а вы пеший.

— Это потому, что моя лошадь испугалась, рванулась в сторону, сбросила меня с седла и вернулась без всадника. Разве вы не видели моей лошади?

— А! Правильно,— сказал привратник.

— Как бы то ни было, пошлите за мажордомом.

Привратник, обрадовавшись этой возможности снять с себя ответственность, послал за упомянутым должностным лицом.

Мажордом пришел и сразу узнал Монсоро.

— Боже мой! Откуда вы явились в таком виде?— спросил он,

Монсоро повторил ту же басню, которую рассказал привратнику.

— Знаете,— сообщил мажордом,— мы были очень обеспокоены, когда увидели лошадь без всадника, особенно монсеньер, которого я имел честь предупредить о вашем прибытии.

— А! Монсеньер выглядел обеспокоенным?— воскликнул Монсоро.

— И весьма.

— Что же он сказал?

— Чтобы вас привели к нему, как только вы появитесь.

— Хорошо. Я загляну сначала в конюшню, узнаю, все ли в порядке с лошадью его высочества.

Монсоро вошел в конюшню и увидел, что умное животное стоит на том самом месте, откуда он его взял, и прилежно, как и подобает лошади, которая чувствует необходимость восстановить свои силы, жует овес.

Потом, не позаботившись даже переменить одежду,— Монсоро счел, что важность известия, которое он привез, ставит его выше требуемый этикета,— даже не переодевшись, повторяем мы, главный ловчий направился в столовую. Все придворные принца и сам его высочество, собравшись вокруг великолепно сервированного и ярко освещенного стола, атаковали паштеты из фазана, свежезажаренное мясо дикого кабана и сдобренные пряностями закуски, которые они запивали славным, бархатистым красным вином из Кагора или тем коварным, игристым и нежным анжуйским, которое ударяет в голову еще прежде, чем в стакане полопаются все топазовые пузырьки.

— Двор весь собрался,— говорил Антрагэ, покрасневшийся, словно молодая девица, и уже пьяный, как старый рейтар,— весь представлен, как и погреб вашего высочества.

— Не совсем, не совсем,— сказал Рибейрак,— недостает главного ловчего. Стыдно, в самом деле, что мы подаем дичь его высочества, а не добываем ее себе сами.

— Я голосую за главного ловчего, за любого,— сказал Ливаро,— не важно, кто это будет, пусть даже господин де Монсоро.

Герцог улыбнулся, он один знал о приезде графа.

Не успел Ливаро произнести свои слова, а принц улыбнуться, как открылась дверь и вошел граф де Монсоро.

Увидев его, герцог издал громкое восклицание, громкое тем более, что оно прозвучало среди общей тишины.

— Вот и он,— воскликнул герцог,— как видите, господа, небо к нам благосклонно: не успеешь высказать желание, оно тут же исполняется.

Монсоро, приведенный в замешательство самоуверенностью принца, не свойственной в подобных случаях его высочеству, смущенно поклонился и отвел взгляд в сторону, ослепленный, как флин, которого внезапно перенесли из темноты на яркий солнечный свет.

— Садитесь и ужинайте,— сказал герцог, указывая графу де Монсоро место напротив себя.

— Монсеньер,— ответил Монсоро,— я очень хочу пить, очень голоден и очень устал, но я не сделаю ни глотка, не съем ни кусочка и не присяду, прежде чем не передам вашему высочеству чрезвычайно важного известия,

— Вы прибыли из Парижа, не так ли?

— И по очень спешному делу, монсеньер.

— Что ж, слушаю,— сказал герцог.

Монсоро приблизился к Франсуа и, с улыбкой на губах и ненавистью в сердце, шепнул ему:

— Монсеньер, ее величество королева-мать едет повидаться с вашим высочеством и почти не делает остановок по пути

Лицо герцога, на которое были устремлены все глаза, озарилось внезапной радостью.

— Прекрасно,— сказал он.— Благодарю вас, господин де Монсоро, вы, как всегда, верно служите мне. Продолжим наш ужин, господа.

И он придвинул свое кресло к столу, от которого до этого отодвинулся, чтобы выслушать графа де Монсоро.

Пиршество возобновилось. Но стоило главному ловчему, помещенному между Ливаро и Рибейраком, опуститься на удобный стул, стояло увидеть перед собою обильную еду, как он вдруг тут же потерял аппетит.

Дух его снова одержал верх над материей.

Увлекаемая печальными мыслями, душа Монсоро устремилась в меридорский парк. Вновь совершая путь, который только что проделало его разбитое усталостью тело, она шла, как ко всему присматривающийся паломник, по той заросшей цветами тропинке, которая привела графа к стене.

Он снова увидел чужого коня, поврежденную стену, бегущие прочь тени двух любовников, снова услышал

крик Дианы; крик; пропикший в самую глубину его сердца.

И тогда, безразличный к шуму, свету, даже к еде, забыв, рядом с кем и перед кем сидит, он погрузился в собственные мысли и не уследил, как на чело его набегали тучи, а из груди внезапно вырвался глухой стон, который привлек внимание удивленных сотрапезников.

— Вы падаете от усталости, господин главный ловчий, — сказал принц, — пожалуй, вам лучше бы отправиться спать.

— По чести так, — сказал Ливаро, — совет хорош, а если вы ему не последуете, вы рискуете заснуть прямо на вашей тарелке.

— Простите, монсеньер, — сказал Монсоро, вскидывая голову, — я умираю от усталости.

— Напейтесь, граф, — посоветовал Антрагэ, — ничто так не бодрит, как вино.

— И еще, — прошептал Монсоро, — напившись, забываешь.

— Ба! — сказал Ливаро. — Это никуда не годится. Поглядите, господа, его бокал все еще полон.

— За ваше здоровье, граф, — сказал Рибейрак, поднимая бокал.

Монсоро был вынужден ответить на тост и залпом опорожнил свой.

— Пьет он, однако, отлично, посмотрите, монсеньер, — сказал Антрагэ.

— Да, — ответил принц, который пытался угадать, что делается в душе графа, — да, чудесно.

— Вам следовало бы устроить для нас хорошую охоту, граф, — сказал Рибейрак, — вы знаете эти края.

— У вас тут и охотничьи команды, и леса, — сказал Ливаро.

— И даже жена, — прибавил Антрагэ.

— Да, — машинально повторил граф, — да, охотничьи команды, леса и госпожа де Монсоро, да, господа, да.

— Устройте нам охоту на кабана, граф, — сказал принц.

— Я попытаюсь, монсеньер.

— Черт возьми! — воскликнул один из аяжуйских дворян. — Вы попытаетесь, вот так ответ! Да лес ими кишит, кабанами. На старой лесосеке я бы вам за пять минут их целый десяток поднял.

Монсоро невольно побледнел: старой лесосекой называлась как раз та часть леса, куда его только что возил Роланд.

— Да, да, устройте охоту завтра, завтра же! — хором закричали дворяне.

— Вы не возражаете против завтрашнего дня, Монсоро? — спросил герцог.

— Я всегда в распоряжении вашего высочества, — ответил Монсоро, — но, однако, как монсеньер соизволил только что заметить, я слишком утомлен, чтобы вести охоту завтра. Кроме того, я должен поехать по окрестностям и выяснить, что делается в наших лесах.

— И наконец, дайте ему возможность повидаться с женой, черт побери! — сказал герцог с добродушием, которое окончательно убедило бедного мужа, что герцог — его соперник.

— Согласны! Согласны! — весело закричали молодые люди. — Дадим графу де Монсоро двадцать четыре часа, чтобы он сделал в своих лесах все, что должно.

— Да, господа, дайте их мне, эти двадцать четыре часа, — сказал граф, — и я вам обещаю употребить их с пользой.

— А теперь, наш главный ловчий, — сказал герцог, — я разрешаю вам отправиться в постель. Проводите господина де Монсоро в его комнату.

Граф де Монсоро поклонился и вышел, освободившись от тяжелого бремени — необходимости держать себя в руках.

Те, кто страдает, жаждут одиночества еще больше, чем счастливые любовники.

Глава XXII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГЕНРИХ III УЗНАЛ О БЕГСТВЕ СВОЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО БРАТА ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОСПОСЛЕДОВАЛО

После того как главный ловчий покинул столовую, пир продолжался еще более весело, радостно и непринужденно.

Угрюмая физиономия Монсоро не очень-то благоприятствовала веселию молодых дворян, ибо за ссылками на усталость и даже за действительной усталостью они угадали ту постоянную одержимость мрачными мыслями,

которая отметила чело графа печатью глубокой скорби, ставшей характерной особенностью его лица.

Стоило Монсоро уйти, как принц, которого его присутствие всегда стесняло, снова обрел спокойный вид и сказал:

— Итак, Ливаро, когда вошел главный ловчий, ты начал рассказывать нам о вашем бегстве из Парижа. Продолжай.

И Ливаро продолжал рассказ.

Но, поскольку наше звание историка дает нам право знать лучше самого Ливаро все, что произошло, мы заменим рассказ молодого человека нашим собственным. Возможно, он от этого потеряет в красочности, но зато выиграет в охвате событий, ибо нам известно то, что не могло быть известно Ливаро, а именно — то, что случилось в Лувре.

К полуночи Генрих III был разбужен необычным шумом, поднявшимся во дворце, где, однако, после того как король отошел ко сну, должна была соблюдаться глубочайшая тишина.

Слышались ругательства, стуканье алебард о стены, торопливая беготня по галереям, проклятия, от которых могла бы разверзнуться земля, и, посреди всего этого шума, стука, богохульств, — на сто ладов повторяемые слова:

— Что скажет король?! Что скажет король?!

Генрих сел на кровати и посмотрел на Шико, который, после ужина с его величеством, заснул в большом кресле, обвив ногами свою рапиру.

Шум усилился.

Генрих, весь лоснящийся от помады, соскочил с постели, крича:

— Шико! Шико!

Шико открыл один глаз — этот благоразумный человек очень ценил сон и никогда не просыпался с одного разу.

— Ах, напрасно ты разбудил меня, Генрих, — сказал он. — Мне снилось, что у тебя родился сын.

— Слушай! — сказал Генрих. — Слушай!

— Что я должен слушать? Уж кажется, ты днем достаточно глухостей мне говоришь, чтобы и ночи еще у меня отнимать.

— Разве ты не слышишь? — сказал король, протягивая руку в ту сторону, откуда доносился шум.

— Ого! — воскликнул Шико. — И в самом деле, я слышу крики.

— «Что скажет король? Что скажет король?» — повторил Генрих. — Слышишь?

— Тут должно быть одно из двух: либо заболела твоя борзая Нарцисс, либо гугеноты сводят счеты с католиками и устроили им Варфоломеевскую ночь.

— Помогите мне одеться, Шико.

— С удовольствием, но сначала ты помоги мне подняться, Генрих.

— Какое несчастье! Какое несчастье! — доносилось из передних.

— Черт! Это становится серьезным, — сказал Шико.

— Лучше нам вооружиться, — сказал король.

— А еще лучше, — ответил Шико, — выйти поскорее через маленькую дверь и самим посмотреть и рассудить, что там за несчастье, а не ждать, пока другие нам расскажут.

Почти тотчас же, последовав совету Шико, Генрих вышел в потайную дверь и очутился в коридоре, который вел в покои герцога Анжуйского.

Там он увидел воздетые к небу руки и услышал крики отчаяния.

— О! — сказал Шико. — Я догадываюсь: твой горемычный узник, должно быть, удушил себя в своей темнице. Клянусь святым чревом! Генрих, прими мои поздравления: ты гораздо более великий политик, чем я полагал.

— Э, нет, несчастный, — воскликнул Генрих, — ты совсем другое.

— Тем хуже, — ответил Шико.

— Идем, идем.

И Генрих увлек Шико за собой в спальню герцога.

Окно было распахнуто, и возле него стояла толпа любопытных, которые наваливались друг на друга, стараясь увидеть шелковую лестницу, прикрепленную к железным перилам балкона.

Генрих побледнел как мертвец.

— Э-э, сын мой, — сказал Шико, — да ты не столь уж ко всему равнодушен, как я думал.

— Убежал! Скрылся! — крикнул Генрих так громко, что все придворные обернулись.

Глаза короля метали молнии, рука судорожно сжимала рукоятку кинжала.

Шомберг рвал на себе волосы, Келюс молотил себя по лицу кулаками, а Можирон, как баран, бился головой о деревянную перегородку.

Что же касается д'Эпернона, то он улизнул, под тем важным предлогом, что побежит догонять герцога Анжуйского.

Зрелище истязаний, которым подвергали себя впавшие в отчаяние фавориты, внезапно успокоило короля.

— Ну, ну, уймись, сын мой,— сказал он, удерживая Можирона за талию.

— Нет, клянусь смертью Христовой! Я убью себя, или пусть дьявол меня заберет,— воскликнул молодой человек и тут же снова принялся биться головой, но уже не о перегородку, а о каменную стену.

— Эй! Помогите же мне удержать его,— крикнул Генрих.

— Куманек, а куманек,— сказал Шико,— я знаю смерть попрятней: проткните себе живот шпагой, вот и все.

— Да замолчишь ты, палач! — воскликнул Генрих со слезами на глазах.

Между тем Келюс продолжал лупить себя по щекам.

— О! Келюс, дитя мое,— сказал Генрих,— ты станешь похожим на Шомберга, каким он был, когда его покрасили в цвет берлинской лазури. У тебя будет ужасный вид.

Келюс остановился.

Один Шомберг продолжал ошипывать себе виски; он даже плакал от ярости.

— Шомберг! Шомберг! Миленький,— воскликнул Генрих.— Возьми себя в руки, прошу тебя.

— Я сойду с ума!

— Ба! — произнес Шико.

— Несчастье страшное,— сказал Генрих,— что и говорить. Но именно поэтому ты и должен сохранить свой рассудок, Шомберг. Да, это страшное несчастье, я погиб! В моем королевстве — гражданская война!.. А! Кто это сделал? Кто дал ему лестницу? Клянусь кровью Иисусовой! Я прикажу повесить весь город.

Глубокий ужас овладел присутствующими.

— Кто в этом виноват? — продолжал Генрих. — Где виновник? Десять тысяч эюю тому, кто назовет мне его имя, сто тысяч эюю тому, кто доставит его мне живым или мертвым.

— Это какой-нибудь аяжуец,— сказал Можирон. — Кому же еще быть?

— Клянусь богом! Ты прав, — воскликнул Генрих. — А! Анжуйцы, черт возьми, анжуйцы, они мне за это заплатят!

И, словно эти слова были искрой, воспламенившейся порохovou затравку, раздался страшный взрыв криков и угроз анжуйцам.

— Да, да, это анжуйцы! — закричал Келюс.

— Где они?! — завопил Шомберг.

— Выпустить им кишки! — заорал Можирон.

— Сто виселиц для сотни анжуйцев! — подхватил король.

Шико не мог оставаться спокойным среди всеобщего беснования. Жестом неистового рубаки он выхватил свою шпагу и стал колотить ею плашмя по миньонам и по стенам, свирепо вращая глазами и повторяя:

— А! Святое чрево! О! Чума их побери! А! Проклятые! Анжуйцы! Клянусь кровью Христовой! Смерть анжуйцам!

Этот крик: «Смерть анжуйцам!» — был услышан во всем Париже, как крик израильских матерей был услышан во всей Рамае.

Тем временем Генрих куда-то исчез.

Он вспомнил о своей матери и, не сказав ни слова, выскользнул из комнаты и отправился к Екатерине, которая, будучи лишена с некоторых пор прежнего внимания, погрузившись в притворную печаль, ждала со своей флорентийской проникательностью подходящего случая, чтобы снова заняться политическими интригами.

Когда Генрих вошел, она, задумавшись, полулежала в большом кресле и со своими круглыми, но уже желтоватыми щеками, блестящими, но неподвижными глазами, пухлыми, но бледными руками походила скорее на восковую фигуру, изображающую размышление, чем на живое существо, которое мыслит.

Однако при известии о бегстве Франсуа, известии, которое, кстати говоря, Генрих, пылая гневом и ненавистью, сообщил ей без всякой подготовки, статуя, казалось, внезапно проснулась, хотя ее пробуждение выразилось только в том, что она глубже уселась в своем кресле и молча покачала головой.

— Вы даже не вскрикнули, матушка? — сказал Генрих.

— А зачем мне кричать, сын мой? — спросила Екатерина.

— Как! Бегство вашего сына не кажется вам преступным, угрожающим, достойным самого сурового наказания?

— Мой дорогой сын, свобода стоит не меньше короны; и вспомните, что я вам самому посоветовала бежать, когда у вас появилась возможность получить эту корону.

— Матушка, меня оскорбляют.

Екатерина пожала плечами.

— Матушка, мне бросают вызов.

— Ну нет,— сказала Екатерина,— от вас спасаются, вот и все.

— А! — воскликнул Генрих. — Так вот как вы за меня вступаетесь!

— Что вы хотите сказать этим, сын мой?

— Я говорю, что с годами чувства ослабевают, я говорю... — Он остановился.

— Что вы говорите? — переспросила Екатерина со своим обычным спокойствием.

— Я говорю, что вы больше не любите меня так, как любили прежде.

— Вы заблуждаетесь,— сказала Екатерина со все возрастающей холодностью. — Вы мой возлюбленный сын, Генрих. Но тот, на кого вы жалуетесь, тоже мой сын.

— Ах! Оставим материнские чувства, государыня,— вскричал Генрих в бешенстве,— нам известно, чего они стоят.

— Что ж, вы должны знать это лучше всех, сын мой, потому что любовь к вам всегда была моей слабостью.

— И так как у вас сейчас покаяние, вы и раскаиваетесь.

— Я догадывалась, что мы придем к этому, сын мой,— сказала Екатерина. — Поэтому я и молчала.

— Прощайте, государыня, прощайте,— сказал Генрих,— я знаю, что мне делать, раз даже моя собственная мать больше не испытывает ко мне сострадания. Я найду советников, которые помогут мне разобраться в случившемся и отомстить за себя.

— Идите, сын мой,— спокойно ответила Флорентийка,— и да поможет бог вашим советникам, им это будет очень необходимо, чтобы вызволить вас из затруднительного положения.

Когда он направился к выходу, она не остановила его ни словом, ни жестом.

— Прощайте, государыня,— повторил Генрих.

Но возле двери он задержался.

— Прощайте, Генрих,— сказала королева,— еще одно только слово. Я не собираюсь советовать вам, сын мой, я знаю: вы во мне не нуждаетесь. Но попросите ваших советников, чтобы они хорошенько подумали, прежде чем дадут свои советы, и еще раз подумали, прежде чем привести эти советы в исполнение.

— О, конечно,— сказал Генрих, уцепившись за слова матери и воспользовавшись ими, чтобы остаться в комнате,— ведь положение серьезное, не правда ли, государыня?

— Тяжелое,— сказала медленно Екатерина, воздев глаза и руки к небу,— весьма тяжелое, Генрих.

Король, потрясенный тем выраженным ужасом, которое, как ему показалось, он прочел в глазах матери, вернулся к ней.

— Кто его похитил? Есть ли у вас какие-нибудь мысли на этот счет, матушка?

Екатерина промолчала.

— Сам я,— сказал Генрих,— думаю, что это анжуйцы.

Екатерина улыбнулась своей иронической улыбкой, которая выдавала превосходство ее ума, всегда готового смутить чужой ум и одержать над ним победу.

— Анжуйцы? — переспросила она.

— Вы сомневаетесь,— сказал Генрих,— однако все в этом уверены.

Екатерина еще раз пожала плечами.

— Пусть другие верят этому,— сказала она,— но вы-то, вы, сын мой!

— То есть как, государыня?.. Что вы хотите сказать? Объяснитесь, умоляю вас.

— К чему объяснять!

— Ваше объяснение откроет мне глаза.

— Откроет вам глаза! Полноте, Генрих, я всего лишь бестолковая, старая женщина. Все, что я могу,— это молиться и каяться.

— Нет, говорите, матушка, говорите, я вас слушаю! О! Вы до сих пор душа нашего дома и всегда ею останетесь, говорите же.

— Бесполезно. Я мыслю мыслями другого века. Да и что такое мудрость стариков? Это подозрительность, и только. Чтобы старая Екатерина, в своем возрасте, дала сколько-нибудь пригодный совет! Полноте, сын мой, это невозможно.

— Что ж, будь по-вашему, матушка, — сказал Генрих. — Откажитесь мне в вашей помощи, лишайте меня вашей поддержки. Но знайте, что через час — одобряете вы меня или нет, вот тогда я это и узнаю — я прикажу вздернуть на виселицу всех анжуйцев, которые сыщутся в Париже.

— Вздернуть на виселицу всех анжуйцев! — воскликнула Екатерина с тем удивлением, которое испытывают люди незаурядного ума, когда им говорят какую-нибудь чудовищную глупость.

— Да, да, повешу, изничтожу, убью, сожгу. В эту минуту мои друзья уже вышли на улицы города, чтобы переломать все кости этим окаянными, этим разбойникам, этим мятежникам!

— Упаси их бог делать это, — вскричала Екатерина, выведенная из своей невозмутимости серьезностью положения, — они погубят себя, несчастные, и это еще не беда, но вместе с собой они погубят вас.

— Почему?

— Слепец! — прошептала Екатерина. — Неужели же глаза у королей навечно осуждены не видеть?

И она сложила ладони вместе.

— Короли только тогда короли, когда они не оставляют безнаказанным нанесенное им оскорбление, ибо эта их месть есть правосудие, а в моем случае особенно, и все королевство поднимется на мою защиту.

— Безумец, глупец, ребенок, — прошептала Флореттилка.

— Но почему, почему?

— Подумайте сами: неужели удастся заколоть, сжечь, повесить таких людей, как Бюсси, как Антрагэ, как Ливаро, как Рибейрак, не пролив при этом потоки крови?

— Что из того! Лишь бы только их убили!

— Да, разумеется, если их убьют. Покажите мне их трупы, и, клянусь богоматерью, я скажу, что вы поступили правильно. Но их не убьют. Их только побудят поднять знамя мятежа, вложат им в руки обнаженную шпагу. Они никогда не решились бы обнажить ее сами ради такого господина, как Франсуа. А теперь из-за вашей неосторожности они вынут ее из ножен, чтобы защитить свою жизнь, и ваше королевство поднимется, но не на вашу защиту, а против вас.

— Но если я не отомщу, значит, я испугался, отступил, — вскричал Генрих.

— Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил, что я испугалась? — спросила Екатерина, нахмурив брови и сжав свои тонкие, подкрашенные кармином губы.

— Однако, если это сделали анжуйцы, они заслуживают кары, матушка.

— Да, если это сделали они, но это сделали не они.

— Так кто же тогда, если не друзья моего брата?

— Это сделали не друзья вашего брата, потому что у вашего брата нет друзей.

— Но кто же тогда?

— Ваши враги, вернее, ваш враг.

— Какой враг?

— Ах, сын мой, вы прекрасно знаете, что у вас всегда был только один враг, как у вашего брата Карла всегда был только один, как у меня самой всегда был только один, все один и тот же, беспрестанно.

— Вы хотите сказать, Генрих Наваррский?

— Ну да, Генрих Наваррский.

— Его нет в Париже!

— А! Разве вы знаете, кто есть в Париже и кого в нем нет? Разве вы вообще что-нибудь знаете? Разве у вас есть глаза и уши? Разве вы окружены людьми, которые видят и слышат? Нет, все вы глухи, все вы слепы.

— Генрих Наваррский! — повторил король.

— Сын мой, при каждом разочаровании, при каждом несчастье, при каждом бедствии, которые вас постигнут и виновник которых вам останется неизвестным, не ищите, не сомневайтесь, не задавайте себе вопросов — это ни к чему. Воскликните: «Это — Генрих Наваррский!», и вы можете быть уверены, что попадете в цель... О! Этот человек!.. Этот человек!.. Он меч, подвешенный господом над домом Валуа.

— Значит, вы считаете, что я должен отменять приказ пасчет анжуйцев?

— И немедленно, — воскликнула Екатерина, — не теряя ни минуты, не теряя ни секунды. Поспешите, быть может, уже слишком поздно. Бегите, отмените свой приказ! Отправляйтесь, иначе вы погябли.

И, схватив сына за руку, она с невероятной энергией и силой толкнула его к двери.

Генрих опрометью выбежал из дворца, чтобы остановить своих друзей.

Но он нашел только Шико, который сидел на камне и чертил на песке географическую карту.

Глава XXIII

О ТОМ, КАК, ОБНАРУЖИВ, ЧТО ШИКО ОДНОГО МНЕНИЯ С КОРОЛЕВОЙ-МАТЕРЬЮ, КОРОЛЬ ПРИСОЕДИНИЛСЯ К МНЕНИЮ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ И ШИКО

Прежде всего Генрих удостоверился в том, что этот человек, который поглощен своим занятием не менее Архимеда и, по всей видимости, не поднимет головы, даже если Париж будет взят штурмом, что этот человек действительно не кто иной, как Шико.

— А, несчастный, — вскричал он громовым голосом, — вот как ты защищаешь своего короля!

— Я его защищаю по-своему и считаю, что мой способ лучше других.

— Лучше других! — воскликнул король. — Лучше других, бездельник!

— Я настаиваю на этом и привожу доказательства.

— Любопытно с ними познакомиться.

— Это нетрудно: во-первых, мы сделали большую глупость, мой король, мы сделали чудовищную глупость.

— В чем она состоит?

— Она состоит в том, что мы сделали.

— Ах! — воскликнул Генрих, пораженный единством мыслей двух чрезвычайно острых умов, которые, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу.

— Да, — откликнулся Шико, — твои друзья уже кричат по городу: «Смерть анжуйцам!», а я, поразмыслив, не очень-то уверен, что это дело рук анжуйцев. Своими криками на городских улицах твои приятели просто-напросто начинают ту маленькую гражданскую войну, которую не удалось затеять господам Гизам и которая им так была нужна. И, по всей вероятности, Генрих, в эту минуту твои друзья или уже мертвым-мертвешеньки, что, признаюсь, меня не огорчило бы, но опечалило бы тебя, или же они уже изгнали анжуйцев из города, что тебе бы очень не понравилось и, напротив, чрезвычайно обрадовало бы нашего дорогого герцога Анжуйского.

— Смерть Христова! — воскликнул король. — Значит, ты думаешь, что дело зашло уже так далеко, как ты сказал?

— Если не дальше.

— Но все это не объясняет мне, чем ты тут занимаешься, сидя на камне.

— Я занимаюсь очень срочной работой.

— Какой?

— Я вычерчиваю контуры тех провинций, которые поднимет против нас твой брат, и прикидываю, сколько человек сможет выставить каждая из них в мятежную армию.

— Шико! Шико! — воскликнул король. — Право, вокруг меня одни лишь вóроны и совы — вестники бедствия!

— Ночью голос совы звучит хорошо, сын мой, — ответил Шико, — потому что он звучит в свой час. Времена у нас сейчас темные, Генрике, такие темные, что дня не отличишь от ночи; мой голос звучит в свой час, прислушайся к нему. Посмотри!

— Ну, что еще?

— Посмотри на мою географическую карту и рассуди сам. Начнем с Анжу, которое смахивает на тарталетку, видишь? Здесь укрылся твой брат, потому-то я и отвел этой провинции первое место. Гм! Анжу, если за него возьмется с толком, как возьмутся твой главный ловчий Мопсоро и твой друг Бюсси, одно Анжу может дать нам — когда я говорю «нам», это значит: твоему брату, — Анжу может дать твоему брату десять тысяч бойцов.

— Ты полагаешь?

— Это на самый худой конец. Перейдем к Гиени. Гиень... ты видишь ее? Вот она — фигура, похожая на теленка, который скачет на одной ноге. А! Проклятие! Гиень! Ничего нет удивительного, коли там найдется пара-другая недовольных, это старый очаг мятежа, и англичане только-только ушли оттуда. Эта Гиень с радостью восстанет, не против тебя — против Франции. От Гиени можно рассчитывать на восемь тысяч солдат. Маловато! Но все они будут закаленные, испытанные в боях, это уж будь спокоен. Затем, левее Гиени у нас Беарн и Наварра, видишь? Вот эти два куска, вроде обезьяны на спине у слона. Конечно, Наварру сильно обкорнали, но вместе с Беарном у нее наберется триста — четыреста тысяч жителей. Предположим, что Беарн и Наварра, после того, как Наваррский их хорошенько потрясет, пожмет и выжмет, поставят Лиге пять процентов их населения, это шестнадцать тысяч человек. Итак, подведем итог. Анжу — десять тысяч...

И Шико снова принялся чертить своей тростью на песке.

Анжу	10 000
Гвельп	8 000
Беарн и Наварра	16 000

Итого: . . . 34 000

— Так ты думаешь,— сказал Генрих,— что король Наваррский вступит в союз с моим братом?

— Святое чрево!

— Так ты думаешь, что он причастен к его бегству?

Шико пристально поглядел на Генриха.

— Генрике,— сказал он,— эта мысль пришла в голову не тебе.

— Почему?

— Потому что она слишком умная, сын мой.

— Неважно, чья она. Я спрашиваю тебя, отвечай: ты думаешь, что Генрих Наваррский причастен к бегству моего брата?

— Э,— воскликнул Шико,— как-то поблизости от улицы Феронри до меня донеслось: «Святая пятница!», и, когда я об этой «пятнице» вспоминаю сегодня, она кажется мне весьма убедительной.

— До тебя донеслось: «Святая пятница!»? — вскричал король.

— Ей-ей,— ответил Шико.— Я вспомнил об этом только сегодня.

— Значит, он был в Париже?

— Я так думаю.

— А что тебя заставляет так думать?

— Мои глаза.

— Ты видел Генриха Наваррского?

— Да.

— И ты не пришел ко мне и не сказал, что мой враг имел дерзость явиться прямо в мою столицу!

— Человек может быть дворянином и может не быть им,— произнес Шико.

— Ну и что же?

— А то, что если он дворянин, то он не шпион, вот и все.

Генрих задумался.

— Значит,— сказал он,— Анжу и Беарн! Мой брат Франсуа и мой кузен Генрих!

— Не считая трех Гизов, само собой разумеется.

— Как! Ты думаешь, что они войдут в союз?

— Тридцать четыре тысячи человек с одной стороны: десять тысяч от Анжу, восемь тысяч от Гиени, шестнадцать тысяч от Беарна,— сказал Шико, загибая пальцы,— а сверх того, двадцать или двадцать пять тысяч под командой герцога де Гиза, главнокомандующего твоих войск. Всего пятьдесят девять тысяч человек. Сократим их до пятидесяти на случай подагры, ревматизмов, воспалений седалищного нерва и других болезней. Все же, как ты видишь, сын мой, остается достаточно внушительная цифра.

— Но Генрих Наваррский и герцог де Гиз враги.

— Что не помешает им объединиться против тебя, с надеждой уничтожить друг друга после того, как они уничтожат тебя.

— Шико, ты прав, и моя мать права, вы оба правы. Надо предотвратить резню. Помогите мне собрать швейцарцев.

— Ну да, швейцарцев, как же! Их увел Келюс.

— Тогда мою гвардию.

— Ее забрал Шомберг.

— Ну, хотя бы моих слуг.

— Они ушли с Можироном.

— Как,— воскликнул Генрих,— без моего приказа?!

— А с каких это пор ты отдаешь приказы, Генрих? О! Когда речь идет о шествиях или бичеваниях, тут я ничего не говорю, тебе предоставляют полную власть над твоей шкурой и даже над шкурой других. Но коснись дело войны, коснись дело управления государством, это уже область господина де Шомберга, господина де Келюса и господина де Можирона. О д'Эперноне я умалчиваю, потому что он в таких случаях прячется в кусты.

— А! Смерть Христова! — воскликнул Генрих. — Так вот как обстоит дело!

— Позволь сказать тебе, сын мой,— продолжал Шико,— ты весьма поздно заметил, что в своем королевстве ты не более чем седьмой или восьмой король.

Генрих закусил губу и топнул ногой.

— Эге! — произнес Шико, взглядываясь в темпоту.

— Что там?

— Клянусь святым чревом! Это они. Гляди, Генрих, вот твои люди.

И он в самом деле указал королю на трех или четырех быстро приближающихся всадников. За ними на некотором расстоянии скакали другие конные и шла толпа пешех.

Всадники собирались уже было въехать в Лувр, но заметив в темноте двух людей, стоявших возле рвов.

— Шомберг! — позвал король. — Сюда, Шомберг!

— Эй! — откликнулся Шомберг. — Кто меня зовет?

— Сюда, сюда, дитя мое!

Голос показался Шомбергу знакомым, и он подъехал.

— Будь я проклят! — воскликнул он. — Да это король!

— Он самый. Я побежал за вами, да не знал, где вас искать, и с нетерпением жду здесь. Что вы делали?

— Что мы делали? — спросил второй всадник, подъезжая.

— А! Ко мне и ты, Келюс, — сказал король, — и больше не уезжай так, без моего разрешения.

— Да больше-то и незачем, — сказал третий, в котором король признал Можирона, — все уже кончилось.

— Все кончилось? — переспросил король.

— Слава богу, — сказал д'Эпернон, внезапно появившись неизвестно откуда.

— Осанна! — крикнул Шико, вознося обе руки к небу.

— Значит, вы их убили? — сказал король.

И прибавил совсем тихо:

— В конце концов, мертвые не воскресают.

— Вы их убили? — сказал Шико. — А! Если вы их убили, то и говорить не о чем.

— Нам не пришлось трудиться, — ответил Шомберг, — эти трусы разлетелись, как стая голубей, почти ни с кем и шпаг-то скрестить не удалось.

Генрих побледнел.

— А с кем все же вы их скрестили?

— С Антрагэ.

— Но хоть этого-то вы уложили?

— Как раз наоборот: Антрагэ убил лакея Келюса.

— Значит, они были настороже? — спросил король.

— Черт возьми! Я думаю! — воскликнул Шико. — Вы вопите: «Смерть анжуйцам!», перевозите пушки, трезвоните в колокола, потрясаете всем железным ломом, который имеется в Париже, и хотите, чтобы эти добрые люди так же ничего не слышали, как вы ничего не соображаете.

— Одним словом, одним словом, — глухо пробормотал король, — гражданская война вспыхнула.

Услышав это, Келюс вздрогнул.

— А ведь и правда, черт побери! — воскликнул он.

— О! Вы уже начинаете понимать,— сказал Шико,— какое счастье! А вот господа де Шомберг и де Можирон еще ни о чем не догадываются.

— Мы оставляем за собой защиту особы и короны его величества,— заявил Шомберг.

— Ба! Клянусь богом,— сказал Шико,— для этого у нас есть господин де Клиссон, который кричит не так громко, как вы, а дело свое делает не хуже.

— Вот вы, господин Шико,— сказал Келюс,— распекаете нас тут на все корки, а два часа тому назад сами думали так же, как мы, или, во всяком случае, если и не думали, то кричали, как мы.

— Я?! — воскликнул Шико.

— Конечно, кричали «Смерть анжуйцам!» и при этом колотили по стенам шпагой.

— Да ведь я,— сказал Шико,— это совсем другое дело. Каждому известно, что я — дурак. Но вы-то, вы ведь люди умные...

— Хватит, господа,— сказал Генрих,— мир. Скоро мы все навоюемся.

— Каковы будут распоряжения вашего величества? — спросил Келюс.

— Постарайтесь утихомирить народ с тем же рвением, с каким вы его забудоражили; возвратите в Лувр швейцарцев, мою гвардию, моих слуг и прикажите запереть ворота, чтобы завтра горожане сочли все случившееся этой ночью простой потасовкой между пьяными.

Молодые люди ушли с видом побитых собак и стали передавать приказы короля офицерам сопровождавшего их отряда.

Что касается Генриха, то он возвратился к своей матери, которая очень деятельно, но с обеспокоенным и мрачным видом отдавала распоряжения своим слугам.

— Ну,— сказала она,— что случилось?

— То самое, матушка, что вы и предвидели.

— Они бежали?

— Увы! Да.

— А! — сказала она. — Дальше?

— Дальше — все. Мне кажется, что и этого больше чем достаточно.

— А город?

— Город волнуется, но не он меня беспокоит, он-то в моих руках.

— Да,— сказала Екатерина,— дело в провинциях.

- Которые восстанут, поднимутся,— подхватил Генрих.
- Что вы собираетесь предпринять?
- Я вижу только одно средство.
- Какое?
- Прямо посмотреть в лицо случившемуся.
- Как же это?
- Я даю приказ моим полковникам, моей гвардии, вооружаю ополчение, отзываю армию от Ла-Шарите и иду на Анжу.
- А герцог де Гиз?
- Э! Герцог де Гиз, герцог де Гиз! Я прикажу его арестовать, если в том будет нужда.
- Ну конечно! Если только вам удастся осуществить все эти чрезвычайные меры.
- Что же иначе делать?
- Екатерина склонила голову на грудь и задумалась.
- Все ваши планы невыполнимы, сын мой,— сказала она.
- А! — воскликнул глубоко раздосадованный Генрих. — Все у меня сегодня нескладно получается.
- Просто вы взволнованы. Возьмите себя в руки, а потом посмотрим.
- Тогда думайте вы за меня, матушка, предпримем что-нибудь, будем действовать.
- Вы же видели, сын мой, я отдавала распоряжения.
- По поводу чего?
- По поводу отъезда посла.
- А к кому мы его направим?
- К вашему брату.
- Посла к этому изменнику! Вы упряжете меня, матушка!
- Сейчас не время для гордости,— сурово заметила Екатерина.
- Этот посол будет просить о мире?
- Он даже купит его, если понадобится.
- Господи боже мой! За какие уступки?
- Какая разница, сын мой,— сказала Екатерина,— ведь все это делается лишь для того, чтобы, когда мир будет достигнут, вы смогли спокойно вздернуть на виселицу тех, кто бежал, собираясь пойти на вас войной. Разве вы не говорили мне сейчас, что хотели бы держать их в своих руках?
- О! Я отдал бы за это четыре провинции моего королевства: по одной за каждого,

— Что ж, цель оправдывает средства,— продолжала Екатерина резким голосом, который всколыхнул в глубинах сердца Генриха чувства ненависти и мести.

— Я полагаю, что вы правы, матушка,— сказал он,— по кого мы к ним пошлем?

— Поищите среди ваших друзей.

— Матушка, мне и искать незачем, я не вижу ни одного мужчины, которому можно доверить такое поручение.

— Тогда доверьте его женщине.

— Женщине? Матушка! Неужели вы согласились бы?

— Сын мой, я очень стара, очень устала, и, может быть, умру после этого путешествия, но я собираюсь ехать с такой скоростью, что прибуду в Анжер, прежде чем друзья вашего брата и сам он успеют осознать все свое могущество.

— О! Матушка, милая моя матушка,— взволнованно воскликнул Генрих, целуя руки Екатерины,— вы всегдашняя моя опора, моя благодетельница, мой добрый гений!

— Это значит, что я все еще королева Франции,— прошептала Екатерина, устремив на сына взгляд, в котором было столько же жалости, сколько любви.

Глава XXIV,

ГДЕ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО БЛАГОДАРНОСТЬ БЫЛА ОДНОЙ ИЗ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

Назавтра после того вечера, когда за столом у герцога Алжуйского граф де Монсоро выглядел столь плачевно, что ему дозволили покинуть общество еще до окончания ужина и пойти спать, граф встал чуть свет и спустился во двор.

Он хотел разыскать конюха, с которым говорил накануне, и, если это окажется возможным, вытянуть из него кое-какие сведения о привычках Роланда.

Граф преуспел в своих намерениях. Он вошел в обширный сарай, где сорок великолепных коней поглощали с завидным аппетитом солому и овес анжуйцев.

Взгляд графа прежде всего упал среди них Роланда.

Роланд, у своей кормушки, являл чудеса расторопности среди самых прытких едоков.

Затем глаза графа поискали конюха.

Тот стоял, скрестив на груди руки, и, по обыкновению всякого хорошего конюха, следил, как — жадно или лениво — едят свой всегдашний провиант лошади его господина.

— Эй, любезный! — сказал граф. — Что, все лошади монсеньера возвращаются в конюшню сами? Они так приучены?

— Нет, господин граф, — ответил конюх. — А почему ваша милость меня об этом спрашивает?

— Из-за Роланда.

— Ах да, он вчера вернулся сам. О! Для Роланда это не удивительно, умнейший конь.

— Да, — сказал Мопсоро, — я заметил. Значит, ему уже случилось возвращаться одному?

— Нет, сударь, обычно на нем ездит монсеньер герцог Аяжуйский, а он наездник что надо, его не сбросишь с седла.

— Роланд не сбрасывал меня с седла, любезный, — сказал граф, задетый тем, что кто-то, пусть даже конюх, мог подумать, будто он, главный ловчий Франции, способен свалиться с лошади. — Хотя мне и далеко до монсеньера герцога Аяжуйского, но я достаточно хороший наездник. Нет, я привязал его к дереву и зашел в один дом. А когда вернулся, он исчез. Я подумал, что его у меня украли или какой-нибудь сеньор, проезжая мимо, решил сыграть со мной злую шутку и увел моего коня. Вот почему я и спрашивал у вас, с кем он вернулся в конюшню.

— Он вернулся один, как мажордом уже имел честь вчера доложить господину графу.

— Странно, — произнес Мопсоро.

Он подумал немного и затем переменял разговор:

— Ты говоришь, монсеньер часто ездит на этой лошади?

— До того, как прибыли его выезды, он, почитай, каждый день на ней ездил.

— Вчера его высочество вернулся поздно?

— За час или вроде того до вас, господин граф.

— А на каком коне был герцог? Не на гнедом ли с белыми чулками и белой звездой на лбу?

— Нет, сударь, — ответил конюх, — вчера его высочество брал Изолина, вот он.

— А не было ли в свите принца дворянина на коне с этими приметам?

— Я ни у кого такого коня не видел.

— Ну, хорошо,— сказал Монсоро несколько раздосадованный тем, что розыски подвигаются столь медленно.— Господин, оседлайте мне Роланда.

— Господин граф желает Роланда?

— Да. А что? Принц приказал не давать его мне?

— Нет, сударь, напротив, главный конюшенный его высочества приказал дать вам на выбор любого коня из конюшни.

Было невозможно сердиться на столь предупредительного принца.

Граф Монсоро кивнул конюху, и тот принялся седлать коня.

Когда с этим было покончено, конюх отвязал Роланда от кормушки, взнуздal и подвел к графу.

— Слушай,— сказал тот, беря у него поводья,— слушай и отвечай мне.

— С полным моим удовольствием,— ответил конюх.

— Сколько ты получаешь в год?

— Двадцать экю, сударь.

— Хочешь получить в десять раз больше и за один день?

— Еще бы, клянусь богом! — воскликнул конюх. — Но как я заработаю эти деньги?

— Узнай, кто ездил вчера на гнедом копе с белыми чулками и звездой на лбу.

— Ах, сударь,— сказал конюх,— то, о чем вы просите, дело нелегкое. К его высочеству приезжают с визитами так много господ!

— Конечно, но двести экю неплохие деньги, и стоит немного потрудиться, чтобы получить их.

— Само собой, господин граф, я не отказываюсь поискать, и не думаю даже.

— Ладно,— сказал граф,— твое усердие мне нравится. Вот десять экю вперед, для начала. Видишь, в проигрыше ты не останешься.

— Благодарю вас, сударь.

— Не стоит. Ты скажешь принцу, что я отправился в лес, подготовить охоту по его приказанию.

Не успел граф произнести эти слова, как за его спиной зашуршала солома под ногами входящего в конюшню человека.

Монсоро обернулся.

— Господин де Бюсси! — воскликнул он.

— А! Добрый день, господин де Монсоро,— сказал Бюсси.— Каким чудом вы попали в Анжер?!

— А вы, сударь? Ведь говорили, что вы больны?

— Я и в самом деле болен,— сказал Бюсси,— мой врач прописал мне полный покой. Я уже целую неделю не выезжаю из города. О! Вы, кажется, собираетесь сесть на Роланда? Я продал этого коня монсеньеру герцогу Анжуйскому, и он им так доволен, что ездит на нем чуть ли не каждый день.

Монсоро побледнел.

— Я вполне его понимаю,— сказал он,— конь замечательный.

— А у вас счастливая рука: с первого взгляда такого коня выбрали,— сказал Бюсси.

— О! Мы не сегодня с ним познакомились,— возразил граф,— я уже ездил на нем вчера.

— Это вызвало у вас желание поездить на нем и сегодня?

— Да,— сказал граф.

— Простите,— продолжал Бюсси,— вы говорили, что готовите нам охоту.

— Принц желает загнать оленя.

— Насколько я слышал, их здесь в окрестностях много?

— Очень много.

— А где вы будете выставлять зверя?

— Поблизости от Меридора.

— А! Прекрасно,— сказал Бюсси, в свою очередь невольно побледнев.

— Желаете поехать со мной? — спросил Монсоро.

— Нет, премного вам благодарен,— ответил Бюсси.— Пойду лягу. Я чувствую, меня снова лихорадит.

— Вот так так! — раздался звучный голос с порога конюшни.— Неужели господин де Бюсси поднялся с постели без моего разрешения?!

— Это Одуэн,— сказал Бюсси.— Ну, теперь мне доставается. Прощайте, граф. Поручаю Роланда вашим заботам.

— Не беспокойтесь.

Бюсси вышел, и граф Монсоро вскочил в седло.

— Что с вами? — удивился Одуэн.— Вы такой бледный, что я и сам почти готов поверить в вашу болеснь.

— Ты знаешь, куда он едет? — спросил Бюсси.

— Нет.

— Он едет в Меридор.

— А разве вы надеялись, что он объедет замок столовой?

— Боже мой, что будет после вчерашнего?

— Госпожа де Монсоро будет отпираться.

— Но он ее видел своими глазами.

— Она станет утверждать, что у него было временное помрачение зрения.

— У Дианы не хватит на это решимости.

— О! Господни де Бюсси, неужели вы так плохо знаете женщин?

— Реми, я чувствую себя ужасно.

— Еще бы! Ступайте домой. Я прописываю вам на это утро...

— Что?

— Тушеную курицу, ломоть ветчины и раковый суп.

— Э! У меня нет аппетита.

— Еще одно основание, чтобы я предписал вам есть.

— Реми, я предчувствую: этот палач устроит в Меридоре что-нибудь ужасное. Нет, надо было мне согласиться и поехать с ним, когда он предложил.

— Зачем?

— Чтобы поддержать Диану.

— Госпожа Диана прекрасно поддержит себя сама, я уже вам это говорил и опять повторяю. И так как нам тоже нужно себя поддержать, пойдемте, прошу вас. К тому же нельзя, чтобы вас видели на ногах. Почему вы вышли без моего позволения?

— У меня было очень тревожно на душе, и я не мог оставаться дома.

Реми пожал плечами, отвел Бюсси в его книжку и, затворив двери, усадил перед обильным столом как раз тогда, когда граф Монсоро выезжал из Анжера, через те же ворота, что и накануне.

У графа были основания вторично выбрать себе Роланда: он хотел удостовериться, случайно или же по прищичке этот конь, ум которого все перевозносили, привез его к стене парка.

Поэтому, выехав из замка, он повесил поводья ему на шею.

Роланд не обманул ожиданий Монсоро.

Стоило коню очутиться за городскими воротами, как он тотчас же свернул налево. Граф предоставил ему полную свободу. Затем Роланд свернул направо, граф опять не помешал ему,

Таким образом, они проскакали по очаровательной, заросшей цветами тропинке, потом по лесосеке, а потом под могучими, старыми деревьями.

Как и накануне, рысь Роланда, по мере приближения к Меридору, становилась все крупнее. Наконец она перешла в галоп, и через сорок — пятьдесят минут граф де Монсоро оказался вблизи стены, точно в том же самом месте, что и в прошлый раз.

Однако теперь здесь было тихо и пустынно. Не слышалось ржания, не видно было никакой лошади — ни привязанной, ни бродящей на свободе.

Граф де Монсоро соскочил на землю, но на этот раз, дабы избежать опасности возвращения пешком, он обмотал поводья Роланда вокруг руки и только потом стал взбираться на стену.

Внутри парка было так же безлюдно, как и снаружи.

Длинные аллеи уходили в недостижимую взору даль, по зеленой траве обширных лужаек скакали, оживляя их, несколько косуль.

Граф решил, что незачем тратить напрасно время и сторожить уже предупрежденных людей, которые, несомненно, перестали встречаться, напуганные его вчерашним появлением, или выбрали для свиданий другое место. Он вскочил на Роланда, направил его по узенькой тропинке и, то и дело сдерживая резвого коня, через четверть часа подъехал к воротам замка.

Барон наблюдал, как стегают хлыстом собак, чтобы поддержать в них боевой дух, когда через подъемный мост во двор замка въехал Монсоро.

Увидев зятя, барон церемонно направился к нему.

Диана, сидя под огромной смоковницей, читала стихи Маро. Ее верная служанка Гертруда вышивала рядом с ней.

Граф заметил женщин только после того, как поздоровался с бароном.

Он соскочил с коня и подошел к ним.

Диана поднялась, сделала три шага навстречу мужу и присела в глубоком реверансе.

— Какое спокойствие, вернее, какое вероломство! — прошептал граф. — Ну и бурю подниму я сейчас в этом тихом омуте!

Подошел лакей. Главный ловчий бросил ему поводья Роланда, а затем, обернувшись к Диане, сказал:

— Сударыня, прошу вас, соблаговолите уделить мне минуточку.

— Охотно, сударь,— ответила Диана.

— Вы окажете нам честь остаться в замке, господин граф? — спросил барон.

— Да, сударь. До завтра, во всяком случае.

Барон удалился, намереваясь лично проследить, чтобы комната его зятя была приготовлена по всем правилам гостеприимства.

Монсоро указал Диане на стул, с которого она перед тем встала, а сам опустился на стул Гертруды, не сводя с Дианы взгляда, способного утратить и самого храброго мужчину:

— Сударыня,— сказал он,— так кто же это был с вами в парке вчера вечером?

Диана подняла на мужа ясный чистый взгляд.

— В каком часу, сударь? — спросила она голосом, из которого, сделав над собой усилие, ей удалось изгнать даже тень волнения.

— В шесть.

— В каком месте?

— На старой лесосеке.

— Там, наверное, гулял кто-нибудь из моих подруг, а не я.

— Это были вы, сударыня,— подтвердил Монсоро.

— Почему вы так решили? — спросила Диана.

Пораженный Монсоро не мог найти слов для ответа, по вскоре изумление уступило место гневу.

— Имя этого мужчины? Назовите мне его!

— Какого мужчины?

— Того, который гулял с вами.

— Я не могу вам его назвать, раз это не я с ним гуляла.

— То были вы, говорю вам,— вскричал Монсоро, топнув ногой.

— Вы ошибаетесь, сударь,— холодно ответила Диана.

— И вы еще смеееете заперяться! Да я видел вас собственными глазами!

— А! Вы сами видели, сударь?

— Да, сударыня, я сам. Как можете вы отрицать, что то были вы! Ведь в Меридоре нет других женщин, кроме вас.

— Вот еще одно заблуждение, сударь: здесь находится Жанна де Бриссак.

— Госпожа де Сен-Люк?
— Да, моя подруга госпожа де Сен-Люк.
— А господин де Сен-Люк?
— Не расстанется со своей женой, как вам известно. У них брак по любви. Это господина и госпожу де Сен-Люк вы видели.

— Это был не господин де Сен-Люк, это была не госпожа де Сен-Люк. То были вы, я вас прекрасно узнал, и вы были с мужчиной, с кем — не знаю, но скоро буду знать, клянусь вам.

— Так вы настаиваете, что это была я, сударь?

— Говорю вам, я узнал вас, говорю вам, я слышал, как вы вскрикнули!

— Когда вы придете в себя, сударь, — сказала Диана, — я соглашусь выслушать вас, но сейчас, я думаю, мне лучше уйти.

— Нет, сударыня, — сказал Монсоро, удерживая Диану за руку, — вы останетесь.

— Сударь, — ответила Диана, — вот господин и госпожа де Сен-Люк. Я надеюсь, вы будете сдерживаться в их присутствии.

И действительно, в конце аллея показались Сен-Люк и его жена, призванные звуками обеденного колокола, который в эту минуту начал звонить, словно здесь только и ждали приезда графа де Монсоро, чтобы сесть за стол.

И Сен-Люк и Жанна узнали графа и поспешили подойти, догадавшись, что своим присутствием они, несомненно, вызоват Диану из очень затруднительного положения.

Госпожа де Сен-Люк сделала графу де Монсоро глубокий реверанс.

Сен-Люк приветливо протянул ему руку.

Все трое обменялись несколькими любезностями, а затем Сен-Люк, подтолкнув свою жену к графу, взял руку Дианы.

Пары направились к дому.

В Меридорском замке обедали в девять часов; то был старый обычай времен славного короля Людовика XII, сохранный бароном в полной неприкосновенности.

Графа де Монсоро посадили между Сен-Люком и его женой.

Диана, ловким маневром подруги разлученная со своим мужем, оказалась между Сен-Люком и бароном.

Шел общий разговор. Он вращался, естественно, вокруг прибытия в Анжер брата короля и перемен, которые этот приезд вызовет в провинции Анжу.

Монсоро очень хотелось бы перевести беседу на другую тему, но он имел дело с неподатливыми сотрапезниками и потерпел неудачу.

Нельзя сказать, чтобы Сен-Люк уклонился от разговора с графом, совсем напротив: он осыпал разъяренного мужа милой и остроумной лестью, и Диана, которая благодаря болтовне Сен-Люка могла хранить молчание, красноречивыми взглядами выражала своему другу привзательность.

«Этот Сен-Люк просто дурак и болтлив, как сорока,— сказал себе граф.— Вот человек, у которого я, тем или иным способом, вырву нужную мне тайну».

Граф де Монсоро не знал Сен-Люка, главный ловчий появился при дворе как раз тогда, когда Сен-Люк его покинул.

Поэтому, сделав такое заключение, Монсоро стал отвечать на шутки молодого человека, что еще больше обрадовало Диану и способствовало воцарению всеобщего спокойствия.

К тому же Сен-Люк время от времени незаметно подмигивал госпоже де Монсоро, и эти подмигивания совершенно явно означали:

«Не волнуйтесь, сударыня, у меня созрел план».

В чем состоял план господина де Сен-Люка, мы увидим в следующей главе.

Глава XXV

ПЛАН ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

После обеда Монсоро взял своего нового друга под руку и увел из замка.

— Знаете,— сказал он ему,— я так счастлив, что встретил здесь вас. Меня заранее пугала меридорская глушь.

— Да что вы! — удивился Сен-Люк. — Ведь у вас тут жена! Что до меня, то в подобной компании мне, я думаю, в пустыня показалась бы слишком населенной.

— Да, разумеется,— ответил Монсоро, кусая губы,— я, однако же...

— Что — однако же?

— Однако же я очень рад, что встретил здесь вас.
— Сударь,— сказал Сен-Люк, очищая зубы крохотной золотой шпагой,— вы слишком любезны: никогда не поверю, что вы могли хоть на минуточку убоиться скуки в обществе такой прелестной жены и в окружении столь прекрасной природы.

— Э! — ответил Монсоро. — Я полжизни провел в этих лесах.

— Тем более вам не пристало в них скучать, — сказал Сен-Люк. — Мне кажется, чем больше живешь в лесах, тем больше их любишь. Поглядите, какой восхитительный парк. Я уверен, что буду в отчаянии, когда мне придется с ним расстаться. Боюсь, что день этот, к несчастью, недалек.

— Зачем же вам расставаться с Меридором?

— Ах, сударь, разве человек хозяин своей судьбы? Он всего лишь листок, который сорван ветром и несется над полями и долами, сам не зная куда. Вот вы — счастливцев!

— Счастливцев? Почему?

— Потому, что остаетесь под сенью этих великолепных деревьев.

— О,— сказал Монсоро,— я, вероятно, тут тоже долго не пробуду.

— Ба! Кто за это может поручиться? Я думаю, что вы ошибаетесь.

— Нет,— воскликнул Монсоро,— нет. О! Я не такой фанатичный поклонник природы, как вы, я боюсь этого парка, который вам кажется столь прекрасным.

— Я не ослышался? — переспросил Сен-Люк.

— Нет,— ответил Монсоро.

— Вы боитесь этого парка, сказали вы, почему же?

— Потому, что мне он кажется небезопасным.

— Небезопасным? Ну, знаете ли! — удивленно воскликнул Сен-Люк. — А! Я понимаю, из-за его безлюдности, хотите вы сказать.

— Нет. Не совсем по этой причине, ведь в Меридоре, я полагаю, бывают гости.

— Что вы,— сказал Сен-Люк с безукоризненно простодушным видом,— ни души.

— А! В самом деле?

— Как я имел честь сказать вам.

— Не может быть! Разве время от времени к вам не наведывается кто-нибудь?

- Нет. Во всяком случае, за то время, что я здесь, никто не появлялся.
- В Анжере сейчас такое блестящее общество. Неужели ни один из придворных не навещил вас ни разу?
- Ни один.
- Это невероятно.
- Тем не менее это так.
- Полноте! Вы клеветец на анжуйских дворян.
- Не знаю, клевету ли я, но черт меня побери, если я здесь видел перо хоть одного из них.
- Значит, я ошибаюсь.
- Разумеется, ошибаетесь. Вернемся, однако, к тому, что вы говорили о парке: будто в нем небезопасно. Разве здесь водятся медведи?
- О! Нет!
- Волки?
- Тоже нет.
- Разбойники?
- Возможно. Скажите, милостивый государь, ведь госпожа де Сен-Люк очень хороша собой, как мне кажется?
- Ну разумеется.
- Она часто гуляет в парке?
- Часто. Жена, как и я, обожает природу. Но почему вы меня об этом спрашиваете?
- Просто так. А вы ее сопровождаете, когда она гуляет?
- Всегда,— сказал Сен-Люк.
- Почти всегда? — продолжал граф.
- Но куда вы ведете, черт возьми?
- А! Боже мой! Никуда, любезный господин де Сен-Люк, или почти никуда.
- Я слушаю.
- Дело в том, что мне говорили...
- Что вам говорили?
- Вы не рассердитесь?
- Я никогда не сержусь.
- Ну, и к тому же между двумя мужьями такие признания допустимы. Дело в том, что мне рассказывали, будто видели, как в парке этом бродил какой-то мужчина.
- Мужчина?
- Да.
- Который приходил к моей жене?
- О! Я этого вовсе не говорю.

— И совершенно напрасно не говорите, дорогой господин де Монсоро. Это донельзя интересно. А кто его видел? Скажите, сделайте милость.

— К чему?

— Все равно, скажите. Мы ведь с вами беседуем, верно? И какая вам разница, о чем говорить. Так, значит, говорите вы, этот мужичка приходил к госпоже де Сен-Люк. Ну и ну!

— Послушайте, чтобы уж сказать вам все до конца: нет, я не думаю, что он приходил к госпоже де Сен-Люк.

— К кому же тогда?

— Напротив, я боюсь, не приходил ли он к Диане.

— Ба! — произнес Сен-Люк. — Я бы предпочел это.

— То есть как? Вы бы предпочли это?

— Несомненно. Вы же знаете, нет больших эгоистов, чем мужья. Каждый за себя. Бог за всех.

— Вернее, дьявол, — поправил Монсоро.

— Стало быть, вы думаете, что сюда заходил мужичка?

— Я не просто думаю, я видел его.

— Вы видели в парке мужичину?

— Да, — сказал Монсоро.

— Одного?

— Нет, с госпожой де Монсоро.

— Когда? — спросил Сен-Люк.

— Вчера.

— А где?

— Да вот здесь, левее. Вот тут.

И так как Монсоро с самого начала прогулки повел Сен-Люка в сторону старой лесосеки, он смог теперь показать своему спутнику место вчерашних событий.

— А, — сказал Сен-Люк, — действительно, степа в весьма скверном состоянии. Надо будет сказать барону, что ему разрушают стены.

— А кого вы подозреваете?

— Я! Кого я подозреваю?

— Да, — сказал граф.

— В чем?

— В том, что он перелез через стену в парк, чтобы встретиться с моей женой.

Сен-Люк склонил голову и, казалось, погрузился в глубокое размышление. Граф де Монсоро с беспокойством ждал их результата.

— Ну? — сказал он.

— Проклятие! — произнес Сен-Люк. — Не вижу никого, кроме...

— Кроме... кроме?.. — с живостью спросил граф.

— Кроме... вас... — сказал Сен-Люк, поднимая голову.

— Вы шутите, лобезный господин де Сен-Люк? — сказал ошеломленный граф.

— По чести, нет. Первое время после женитьбы я выкидывал такие штуки, почему бы и вам их не проделывать?

— Полпоте, вы просто не хотите мне отвечать. Призвайтесь в этом, дорогой друг, не бойтесь ничего... я человек мужественный. Ну же, помогите мне, поищите, я жду от вас этой огромной услуги.

Сен-Люк почесал себе ухо.

— Как ни думаю, никого, кроме вас, не найду, — сказал он.

— Перестаньте смеяться. Отнеситесь к этому серьезно, сударь. Уверю вас, тут не до шуток.

— Вы полагаете?

— Говорю вам, я в этом уверен.

— Ну тогда другое дело. А как сюда приходит этот мужчина, вам известно?

— Тайком, черт побери!

— Часто?

— Еще бы! Тут в камнях уже ступеньки его ногами выбиты. Поглядите сами.

— Действительно.

— А вы разве никогда ничего такого не замечали?

— О! — произнес Сен-Люк. — У меня были кое-какие подозрения.

— А! Вот видите, — воскликнул, задыхаясь, граф. — Ну и что дальше?

— Дальше? Они меня не обеспокоили; я думал, что это были вы.

— Но я же говорю вам, что не я.

— Я вам верю, милостивый государь!

— Верите?

— Да.

— И значит?

— Значит, это был кто-то другой.

Главный ловчий устремил на Сен-Люка, державшегося с самой непринужденной и пленительной беззаботностью, почти угрожающий взгляд.

— А! — произнес он так яростно, что молодой человек поднял голову.

— У меня еще одна мысль появилась, — сказал Сен-Люк.

— Ну же, ну!

— А что, если это был...

— Если это был?

— Нет.

— Нет?

— Пожалуй, да.

— Говорите же!

— Что, если это был господин герцог Анжуйский?

— Я тоже об этом думал, — ответил Монсоро, — но я навел справки. Это не мог быть он.

— Э! Герцог большой хитрец.

— Да. Но это не он.

— Вы мне все только и говорите: «Не он, не он», — протестовал Сен-Люк, — и требуете, чтобы я сказал вам, кто же «он».

— А как же иначе? Вы живете в замке, вы должны знать...

— Постойте, — воскликнул Сен-Люк.

— Нашли?

— У меня еще одна мысль появилась. Если это не были ни вы, ни герцог, то, конечно же, это был я.

— Вы, Сен-Люк?

— А почему бы нет?

— Зачем вам было приезжать верхом и перелезать в парк через стену, когда вы могли пройти в него из замка?

— А! Бог мой! У меня бывают свои прихоти! — сказал Сен-Люк.

— Зачем вам было обращаться в бегство, когда я показался на стене?

— Проклятие! И не от такого зрелища убежать можно.

— Значит, вы были заняты дурным делом? — сказал граф, не в силах уже сдерживать свое раздражение.

— Возможно.

— Да вы издеваетесь надо мной! — вскричал, побледнев, граф. — Издеваетесь уже добрые четверть часа.

— Вы ошибаетесь, сударь, — сказал Сен-Люк, выпившая часы и устремив на графа такой пристальный взгляд, что даже Монсоро, несмотря на свою свирепую храбрость, вздрогнул, — не четверть часа, а двадцать минут.

— Но вы меня оскорбляете, сударь! — воскликнул граф.

— А как вы полагаете, сударь, меня вы не оскорбляете, приставая ко мне с вашими вопросами, достойными сбора?

— Вот оно что! Теперь я все ясно вижу!

— Подумаешь, чудеса, в десять-то часов утра! И что же вы видите, скажите на милость?

— Что вы в сговоре с тем предателем, с тем трусом, которого я чуть не убил вчера.

— Проклятие! — воскликнул Сен-Люк. — Это мой друг.

— Что ж, если это так, я убью вас вместо него.

— Ба! В вашем собственном доме! Вдруг! Без вызова!

— Не думаете ли вы, что я буду церемониться с каким-то мерзавцем? — воскликнул выведенный из себя граф.

— Ах, господин де Монсоро, — вздохнул Сен-Люк, — как дурно вы, однако, воспитаны! И как скверно сказалося на вашей нравственности частое общение с дикими зверями! Стыдитесь!

— Вы что, не видите, что я взбешен?! — заревел Монсоро, скрестив руки на груди и наступая на Сен-Люка. Лицо главного ловчего было искажено страшной гримасой отчаяния, которое терзало его сердце.

— Смерть Христово! Разумеется, вижу. И, по правде говоря, ярость вам вовсе не к лицу. На вас просто смотреть страшно, дорогой мой господин де Монсоро.

Граф, не владея собой, положил руку на эфес шпаги.

— А! Обращаю ваше внимание, — сказал Сен-Люк, — это вы затеиваете со мною ссору. Призываю вас в свидетели того, что я совершенно спокоен.

— Да, щеголь, — сказал Монсоро, — да, паршивый миньон, я бросаю тебе вызов.

— Тогда потрудитесь перейти по ту сторону этой стены, господин де Монсоро: по ту сторону мы будем не в ваших владениях.

— Мне это все равно! — воскликнул граф.

— А мне нет, — сказал Сен-Люк, — я не хочу убивать вас в вашем доме.

— Отлично! — сказал Монсоро, поспешно взбираясь на стену.

— Осторожней, не торопитесь, граф! Тут один камень плохо держится, должно быть, его часто тревожили. Еще разобьетесь, не приведи бог. Поверьте, я буду просто безутешен.

И Сен-Люк, в свою очередь, стал перелезать через стену.

— Ну! Ну! Поторапливайся,— сказал граф, обнажая шпагу.

«Я прпехал сюда, чтобы познть в свое удовольствие,— сказал себе Сен-Люк. — Ей-богу! Я славно повабавлюсь».

И он спрыгнул на землю по ту сторону стены.

Глава XXVI

О ТОМ, КАК ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК ПОКАЗАЛ ГОСПОДИНУ ДЕ МОНСОРО УДАР, КОТОРОМУ ЕГО НАУЧИЛ КОРОЛЬ

Граф де Монсоро ждал Сеп-Люка со шпагой в руках, выстукивая ногой яростный вызов.

— Ты готов? — спросил граф.

— Кстати, — сказал Сеп-Люк, — вы выбрали себе совсем недурное место: спиной к солнцу. Пожалуйста, пожалуйста, не стесняйтесь.

Монсоро повернулся на четверть оборота.

— Отлично, — сказал Сен-Люк, — так мне будет хорошо видно, что я делаю.

— Не щади меня, — сказал Монсоро, — я буду драться насмерть.

— Вот как? — сказал Сен-Люк. — Стало быть, вы обязательно хотите меня убить?

— Хочу ли я? О! Да... я хочу!

— Человек предполагает, а бог располагает, — заметил Сеп-Люк, в свою очередь обнажая шпагу.

— Ты говоришь...

— Я говорю... Поглядите повнимательней на эти вот маки и одуванчики.

— Ну?

— Ну так вот, я говорю, что уложу вас прямо на них. И, продолжая смеяться, Сен-Люк встал в позицию.

Монсоро неустово бросился на него и с невероятным проворством нанес Сен-Люку два или три удара, которые тот отбил с не меньшей ловкостью.

— Клянусь богом, господин де Монсоро, — сказал Сен-Люк, продолжая фехтовать с противником, — вы недурно владеете шпагой, и всякий другой, кроме меня или Бюсса, был бы убит на месте вашим последним отводом,

Монсоро понял, с каким человеком он имеет дело, и поблдедел.

— Вы, должно быть, удивлены,— прибавил Сен-Люк,— что я так сносно управляюсь со шпагой. Дело в том, что король — он, как вам известно, очень меня любит — взял на себя труд давать мне уроки и, среди прочего, научил меня удару, который я вам сейчас покажу. Я говорю все это затем, чтобы вы имели удовольствие, если вдруг я убью вас этим ударом, зная, что вас убили ударом, преподанным королем. Вам это будет весьма лестно.

— Вы ужасно остроумны, сударь,— сказал выведенный из себя Монсоро, делая выпад правой ногой, чтобы нанести прямой удар, способный проткнуть насквозь стену.

— Проклятие! Стараюсь, как могу,— скромно ответил Сен-Люк, отскакивая в сторону.

Этим движением он вынудил своего противника сделать полувольт и повернуться лицом прямо к солнцу.

— Ага! — сказал Сен-Люк. — Вот вы уже и там, где мне хотелось вас видеть, прежде чем я увижу вас там, куда хочу вас уложить. Недурно я выполнил этот прием, верно? Право же, я доволен, очень доволен! Только что вы имели всего пятьдесят шансов из ста быть убитым, а сейчас у вас их девяносто девять.

И со стремительной силой и ожесточением, которых не знал за ним Монсоро и которых никто не заподозрил бы в этом изнеженном молодом человеке, Сен-Люк нанес главному ловчому, не оставиваясь, один за другим пять ударов. Монсоро, ошеломленный этим ураганом из свяста и молний, отбил их. Шестой удар был ударом прики; он состоял из двойной фляты, парадной и рипоста. Первую половину этого удара графу помешало увидеть солнце, а вторую он не смог увидеть потому, что шпага Сен-Люка вошла в его грудь по самую рукоятку.

Какое-то мгновение Монсоро еще продолжал стоять, словно подрубленный дуб, ждущий лишь легкого дуновения, чтобы понять, в какую сторону ему падать.

— Вот и все,— сказал Сен-Люк. — Теперь у вас все сто шансов. И вот что, заметьте, сударь: вы упадете как раз на те маки и одувалчики, которые я имел честь вам показать.

Силы оставили графа. Его пальцы разжались, глаза затуманились. Он подогнул колени и рухнул на маки, смешав с их пурпуром багрянец своей крови.

Сен-Люк спокойно вытер шпагу и стоял, наблюдая за сменой оттенков, которая постепенно превращает лицо агонизирующего человека в маску трупя.

— А! Вы убили меня, сударь,— сказал Монсоро.

— Я старался убить вас,— ответил Сен-Люк,— но теперь, когда вы лежите тут и вот-вот испустите дух, черт меня побери, если мне не досадно, что я сделал это. Теперь я испытываю к вам глубокое уважение, сударь. Вы ужасно ревнивы, оно верно, но вы храбрый человек.

И, весьма довольный своей надгробной речью, Сен-Люк опустился на колени возле Монсоро и сказал ему:

— Нет ли у вас какого-нибудь последнего желания, сударь? Слово дворянина — оно будет исполнено. Обычно, по себе знаю, когда ты ранен, испытываешь жажду. Может быть, вы хотите пить? Я пойду за водой.

Монсоро не отвечал.

Он повернулся лицом к земле и, хватая зубами траву, бился в луже собственной крови.

— Бедняга! — сказал Сен-Люк, вставая. — О! Дружба, дружба, ты очень требовательное божество.

Монсоро с трудом приоткрыл один глаз, попытался приподнять голову и с леденящим душу стоном вновь уронил ее на землю.

— Ну что ж, он мертв,— произнес Сен-Люк. — Забудем о нем... Легко сказать: забудем... Как ни говори, а я убил человека. Не скажешь, что я даром терял время в Анжу.

И он тут же перелез через стену и парком вернулся в замок.

Первым человеком, которого он увидел там, была Дяна. Она беседовала с подругой.

«Как к лицу ей будет траур», — подумал Сен-Люк.

Потом, подойдя к очаровательной группе, составленной двумя молодыми женщинами, он сказал:

— Простите, любезная дама, но мне совершенно необходимо сказать пару слов госпоже де Сен-Люк.

— Пожалуйста, дорогой гость, пожалуйста,— ответила госпожа де Монсоро. — Я пойду к отцу в библиотеку. Когда ты поговоришь с господином де Сен-Люком,— добавила она, обращаясь к подруге, — приходи, я буду там.

— Да, обязательно,— сказала Жанна.

И Дяна с улыбкой удалилась, помахав ей рукой.

Супруги остались одни.

— В чем дело? — спросила Жанна с самым веселым

выражением на лице. — У вас мрачный вид, дорогой супруг!

— Еще бы! — ответил Сен-Люк.

— А что произошло?

— Э! Боже мой! Несчастный случай.

— С вами? — испугалась Жанна.

— Не совсем со мной, но с человеком, который находился возле меня.

— С кем же?

— С тем, с кем я прогуливался.

— С господином де Монсоро?

— Увы, да! Бедный, дорогой граф!

— Так что же с ним случилось?

— Я полагаю, что он умер.

— Умер? — воскликнула Жанна с вполне понятным волнением. — Умер!

— Вот именно.

— Да ведь он только что был здесь, говорил, смотрел!..

— Э! В этом как раз и причина его смерти: он слишком много смотрел и в особенности слишком много говорил.

— Сен-Люк, друг мой, — сказала молодая женщина, схватив мужа за руки.

— Что?

— Вы от меня ничего не скрываете?

— Я? Ничего решительно, клянусь вам. Не скрываю даже места, где он умер.

— А где он умер?

— Там, за стеной, на той самой полянке, где наш друг Бюсси имел обыкновенно привязывать своего коня.

— Это вы его убили, Сен-Люк?

— Проклятие! А кто же еще? Нас было только двое, я возвращаюсь живой и говорю вам, что он мертв: нетрудно отгадать, кто из нас двоих кого убил.

— Несчастный вы человек!

— Ах, дорогая моя! — сказал Сен-Люк. — Он меня на это вызвал: оскорбил меня, первый обнажил шпагу.

— Это ужасно! Это ужасно! Бедный граф!

— Вот, вот, — сказал Сен-Люк, — я так и знал. Увидите, через неделю его будут называть: «Святой Монсоро».

— Но вам нельзя оставаться здесь! — вскричала Жанна. — Вы не можете больше жить под крышей дома того человека, которого вы убили.

— Это самое я только что и сказал себе и потому поспешил к вам, моя дорогая, просить вас подготовиться к отъезду.

— Но вас-то он, по крайней мере, не ранил?

— Наконец-то! Вот вопрос, который, хотя и запад с некоторым запозданием, все же примиряет меня с вами! Нет, я совершенно невредим.

— Стало быть, мы уезжаем?

— И чем скорее, тем лучше, так как вы понимаете: с минуты на минуту несчастье может открыться.

— Какое несчастье? — вскрикнула госпожа де Сен-Люк, возвращаясь вспять в своих мыслях, как иной раз возвращаются назад по своим шагам.

— Ах! — вздохнул Сен-Люк.

— Но я подумала, — сказала Жанна, — ведь теперь госпожа де Монсоро — вдова.

— То же самое говорил себе я.

— После того как убили его?

— Нет, до того.

— Что ж, пока я пойду предупредить ее...

— Щадите ее чувства, дорогой друг!

— Бессовестный! Пока я пойду предупредить ее, оседлайте коней: сами оседлайте, как для прогулки.

— Замечательная мысль! Хорошо, если у вас их будет побольше, дорогая моя, потому что, должеп вам признаться, у меня уже голова идет кругом.

— Но куда мы поедем?

— В Париж.

— В Париж! А король?

— Король, наверное, уже все забыл. Произошло столько событий с тех пор, как мы с ним виделись, и, кроме того, если будет война, что вероятно, мое место возле него.

— Хорошо. Значит, мы едем в Париж?

— Да. Но сначала мне пужпы перо и чернила.

— Кому вы собираетесь писать?

— Бюсси. Вы понимаете, что я не могу покинуть Анжу, не сказав ему, почему я уезжаю.

— Это верно. Все, что нужно для письма, вы найдете в моей комнате.

Сен-Люк тотчас же туда поднялся и рукой, которая, какой бы твердой она у него ни была, все же слегка дрожала, горопливо набросал следующие строки:

«Дорогой друг!

Вы узнаете из уст молвы о несчастье, которое приключилось с господином де Монсоро. Мы с ним поспорили на старой лесосеке о причинах и следствиях разрушения стен и о том, следует ли лошадям самим находить дорогу.

В разгар этого спора господин де Монсоро упал на маки и одувачки, и столь неловко, что тут же на месте умер.

Ваш друг навеки

Сен-Люк».

«P. S. Так как все это в первую минуту может показаться вам несколько неправдоподобным, добавлю, что, когда произошло это несчастье, мы оба держали в руках шпаги.

Я немедленно уезжаю в Париж засвидетельствовать мое почтение королю. В Анжу, после того, что случилось, я не чувствую себя в полной безопасности».

Десять минут спустя один из слуг барона уже скакал с этим письмом в Анжер, в то время как господин и госпожа де Сен-Люк, в полном одиночестве, покидали замок через потайные ворота, выходявшие на самую кратчайшую дорогу к Парижу. Они оставили Диану в слезах и в особенности в большом затруднении, как рассказать барону грустную историю этой дуэли.

Когда Сен-Люк проезжал мимо, Диана отвела глаза в сторону.

— Вот и оказывай после этого услуги своим друзьям, — сказал тот жене. — Нет, решительно, все люди неблагодарны, только один я способен на признательность.

Глава XXVII,

ГДЕ МЫ ПРИСУТСТВУЕМ ПРИ ДАЛЕКО НЕ ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЪЕЗДЕ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ В ДОБРЫЙ ГОРОД АНЖЕР

В тот самый час, когда граф де Монсоро упал, сраженный шпагой Сен-Люка, у ворот Анжера, закрытых, как известно, на все запоры, протрубили разом четыре трубы.

Предупрежденная заранее стража подняла флаг и откликнулась такой же симфонией.

Это подъехала к городу Анжеру Екатерина Медичи, в сопровождении достаточно внушительной свиты.

Тотчас же дали знать Бюсси. Тот встал с постели и отправился к принцу, который немедленно улегся в постель.

Арии, исполненные трубачами королевы, были, разумеется, прекрасными ариями, но не обладали могуществом тех, которые разрушили стены Иерихона — ворота Анжера не отворились.

Екатерина выглянула из кареты, чтобы показаться часовым, надеясь, что ее царственный облик произведет большее впечатление, чем звуки труб.

Анжерские ополченцы, увидев королеву, приветствовали ее, и даже весьма учтиво, но ворота остались закрытыми.

Екатерина послала к воротам одного из своих приближенных. Его там осыпали любезностями.

Но когда он потребовал открыть ворота королеве-матери, настаивая, чтобы ее величество была принята с почестями, ему ответили, что Анжер военная крепость и поэтому ворота его не могут быть открыты без соблюдения некоторых обязательных формальностей.

Весьма уязвленный полученным ответом, посланец вернулся к своей повелительнице, и тогда Екатерина произнесла те слова, во всем их горьком и глубоком значении, которые позже несколько видоизменил, соответственно возросшему могуществу королевской власти, Людовик XIV.

— Я жду! — прошептала она.

И придворные, окружавшие ее карету, содрогнулись.

Наконец Бюсси, который около получаса настаивал герцога и придумывал для него сотни государственных соображений, одно другого неоспоримее, принял решение.

Он приказал покрыть коня нарядной попоной, выбрал пять дворян, наиболее неприятных королеве-матери, и во главе их отправился парадным аллюром навстречу ее королевскому величеству.

Екатерина начала уже чувствовать усталость, но не от ожидания, а от размышлений над тем, как она отомстит людям, которые посмели нанести ей такое оскорбление.

Она вспомнила арабскую сказку о заточенном в медном кувшине злом духе. В первые десять лет своего пленения он обещал озолотить того, кто его освободит, а за-

тем, обозленный ожиданием, поклялся убить неосторожного, который откроет крышку кувшина.

С Екатериной произошло то же самое. Сначала она обещала себе осыпать милостями тех дворян, что поспешат ей навстречу.

Затем она дала зарок обрушить свой гнев на первого, кто явится к ней.

Расфранченный Бюсси подъехал к воротам и стал приглядываться, словно ночной часовой, который не столько смотрит, сколько слушает.

— Кто идет? — крикнул он.

Екатерина ожидала по меньшей мере коленопреклонения. Один из дворян ее свиты посмотрел на королеву, как бы спрашивая распоряжений.

— Подъезьте, — сказала она. — Подъезьте еще раз к воротам. Кричат: «Кто идет?» Надо ответить им, сударь, это формальность...

Придворный подъехал к самым остриям подъемной решетки.

— Ее величество королева-мать прибыла навестить добрый город Анжер, — сказал он.

— Прекрасно, сударь, — отвечал Бюсси. — Соизвольте повернуть налево. Примерно шагах в восьмидесяти отсюда вы увидите потайной вход.

— Потайной вход! — воскликнул придворный. — Маленькая дверца для ее королевского величества!

Но слушать его было уже некому — Бюсси ускакал.

Вместе со своими друзьями, которые посмеивались втихомолку, он направился к тому месту, где, согласно его указаниям, должна была выйти из кареты вдовствующая королева.

— Вы слышали, ваше величество? — спросил придворный. — Потайной вход!

— О да, сударь, я слышала. Войдемте там, раз так полагается.

И молния, сверкнувшая в ее взгляде, заставила побледнеть неловкого, который невольно подчеркнул, что его повелительнице нанесено оскорбление.

Кортеж повернул налево, и маленькая потайная дверь отворилась.

Из нее вышел Бюсси с обнаженной шпагой в руке и почтительно склонился перед Екатериной. Вокруг него мели своими перьями землю шляпы его спутников,

— Добро пожаловать в Анжер, ваше величество, — сказал он.

Рядом с Бюсси стояли барабанщики, но в барабаны они не били, и алебардчики, но они не взяли свое оружие «на караул».

Королева вышла из кареты и, опираясь на руку придворного, направилась к маленькой двери, обронив в ответ всего лишь:

— Благодарю, господин де Бюсси.

Этими словами она подвела итог размышлениям, для которых ей предоставили время.

Екатерина шла, высоко подняв голову.

Но Бюсси вдруг обогнал ее и преградил ей путь рукой.

— Будьте осторожны, сударыня, дверь очень низкая, ваше величество может ушибиться.

— Так что же мне делать? — сказала королева. — Нагнуться? Я впервые вхожу в город подобным образом.

Слова эти, произнесенные совершенно естественным тоном, для опытных придворных имели такой смысл, глубину и значение, которые заставили придумать не одного из присутствовавших, и даже сам Бюсси закусыл ус и отвел взгляд.

— Ты слишком далеко зашел, — шепнул ему на ухо Ляваро.

— Ба! Оставь! — ответил Бюсси. — Это еще не все.

Карету ее величества с помощью блоков перенесли через стену, и Екатерина снова в ней устроилась, чтобы следовать во дворец. Бюсси и его друзья, на конях, ехали по обе стороны кареты.

— А мой сын? — спросила вдруг Екатерина. — Я вижу моего сына, герцога Анжуйского!

Она хотела удержать эти слова, но они вырвались у нее в приступе неодолимого гнева. Отсутствие Франсуа в подобный момент было пределом оскорбления.

— Монсеньер болен, государыня, он лежит в постели. Ваше величество может не сомневаться, что, не будь этого, его высочество поспешил бы сам отдать вам почести у ворот своего города.

На этот раз Екатерина была просто величественна в своем лицемерии.

— Болен! Бедное дитя! Болен! — вскричала она. — Ах, господа, поторопимся же... Хорошо ли за ним ухаживают хотя бы?

— Мы делаем все, что в наших силах, — сказал Бюсси, глядя на нее с удивлением и словно пытаясь разобраться, действительно ли в этой женщине говорит мать.

— Знает ли он, что я здесь? — продолжала Екатерина после паузы, которую она с толком использовала, чтобы прозвезти смотр всем слутникам Бюсси.

— Разумеется, ваше величество, разумеется.

Екатерина поджала губы.

— Должно быть, он очень страдает, — сказала она сочувственно.

— Неповторно, — ответил Бюсси. — Его высочество подвержен таким внезапным приступам недомогания.

— Значит, это внезапное недомогание, господин де Бюсси?

— Бог мой! Конечно, ваше величество.

Так они прибыли ко дворцу. Вдоль пути движения кареты шпалерами стояли толпы народа.

Бюсси поспешил вперед, взбежал по лестнице и, запылавшийся, возбужденный, вошел к герцогу.

— Она здесь, — сказал Бюсси. — Берегитесь!

— Рассержена?

— Вне себя.

— Выражает недовольство?

— О нет! Гораздо хуже: улыбается.

— А народ?

— Народ хранит молчание. Он смотрит на эту женщину с немым ужасом: он ее не знает, но угадывает, какая она.

— А она?

— Она посылает воздушные поцелуи и кусает себе кончики пальцев при этом.

— Дьявол!

— Да, монсеньер, как раз то же самое и мне пришло в голову. Это дьявол. Будьте осмотрительны!

— Мы сохраняем состояние войны, не так ли?

— Клянусь богом! Запрашивайте сто, чтобы получить десять; впрочем, у нее вы больше пяти не вырвете.

— Ба! Так, значит, ты меня считаешь совсем бессильным?.. Вы все здесь? Почему Монсоро еще не вернулся? — прозвез герцог.

— Он, наверно, в Меридоре... О! Мы прекрасно обходимся и без него!

— Ее величество королева-матери — провозгласил ладкой с порога двери.

И тотчас же показалась Екатерина, бледная и, по своему обыкновению, вся в черном.

Герцог Анжуйский сделал движение, чтобы встать.

Но Екатерина с живостью, которой нельзя было подозревать в этом изношенном годами теле, бросилась в объятия сына и покрыла его поцелуями.

«Она его задушит, — подумал Бюсси. — Да это настоящие поцелуи, клянусь смертью Христовой!»

Она сделала больше — она заплакала.

— Нам надо остерегаться, — сказал Антрагэ Рибейраку, — каждая слеза будет оплачена бочкой крови.

Покочив с поцелуями и слезами, Екатерина села у изголовья герцога. Бюсси сделал знак, и присутствующие удалились. Сам же он, словно у себя дома, прислонился спиной к колонне кровати и стал спокойно ждать.

— Не могли бы вы позаботиться о моих бедных людях, дорогой господин де Бюсси? — сказала вдруг Екатерина. — Ведь после нашего сына вы хозяин дома и наш самый дорогой друг, не правда ли? Я прошу вас оказать мне эту любезность.

Выбора не было.

«Попался!» — подумал Бюсси.

— Счастлив служить вашему величеству, государыня, — сказал он. — Я удаляюсь. погоди! — прошептал он. — Это тебе не Лувр, ты не знаешь здесь всех дверей, я еще вернусь.

И молодой человек вышел, не сумев даже подать герцогу знак. Екатерина опасалась, что Бюсси это сделает, и ни на секунду не спускала с него глаз.

Прежде всего она попыталась выяснить, действительно ли ее сын болен или только притворяется больным.

На этом должна была строиться вся ее дальнейшая дипломатия.

Но Франсуа, достойный сын своей матери, великолепно играл свою роль.

Она заплакала — он затрясся в лихорадке.

Введенная в заблуждение Екатерина сочла его больным и даже понадеялась, что болезнь поможет ей подчинить своему влиянию разум, ослабленный страданиями тела.

Она обволокла герцога нежностью, снова расцеловала его, снова заплакала, да так, что он удивился и спросил о причине ее слез.

— Вам грозила такая большая опасность, сын мой, — отвечала она,

— Когда я бежал из Лувра, матушка?
— О! Нет, после того, как вы бежали.
— Что вы имеете в виду?
— Те, кто помогал вам при этом злополучном бегстве...

— Что же они?

— Они ваши злейшие враги...

«Ничего не знает,— подумал принц,— но хотела бы разузнать».

— Король Наваррский! — сказала Екатерина без обиняков. — Вечный бич нашего рода... Узнаю его!

«Знает», — сказал себе Франсуа.

— Поверите ли вы мне, если я скажу, что он этим хвастает и считает, что он один остался в выигрыше?

— Все это не так,— возразил герцог,— вас обманывают, матушка.

— Почему?

— Потому, что он не имел никакого касательства к моему побегу, а если бы и имел, то все равно: сейчас я в безопасности, как вы видите. А с королем Наваррским я уже два года не встречался, матушка.

— Я подразумеваю не только эту опасность, сын мой,— сказала Екатерина, чувствуя, что удар не попал в цель.

— Что же еще, матушка? — спросил герцог, то и дело поглядывая на гобеленовые драпировки на стене алькова за спиной Екатерины, время от времени начинавшие колыхаться.

Екатерина наклонилась к сыну и, постаравшись придать своему голосу испуганный тон, произнесла:

— Королевский гнев! Этот страшный гнев, угрожающий вам.

— Со второй опасностью дело обстоит так же, как с первой, государыня: мой брат, король, — в жестоком гневе, охотно верю, но я — в безопасности.

— Вы так полагаете? — сказала Екатерина с выражением, способным внушить страх самому смелому.

Драпировки заколыхались.

— Я в этом уверен,— ответил герцог,— и вы сами своим приездом сюда, милая матушка, подтверждаете мою правоту.

— Почему же? — спросила Екатерина, встревоженный его спокойствием.

— Потому что,— продолжал Франсуа, после очередного взгляда на драпировки,— если бы вам поручили передать мне только эти угрозы, вы бы не поехали сюда, да и король в подобном случае не решился бы отдать в мои руки такого заложника, как ваше величество.

Испуганная Екатерина подняла голову.

— Заложник?! Я?! — воскликнула она.

— Самый святой и почитаемый из всех,— ответил с улыбкой герцог и поцеловал руку Екатерины, не преминув бросить ликующий взгляд на драпировки.

Екатерина бессильно уронила руки. Она не могла догадаться, что Бюсси из потайной двери следил за своим господином и с самого начала разговора поддерживал его в трудных случаях взглядом, сообщая ему, при каждом его колебании, мужество и бодрость духа.

— Сын мой,— сказала она наконец,— вы совершенно правы: я прибыла к вам как посланница мира.

— Я вас слушаю, матушка,— сказал Франсуа,— и вам известно, с каким почтением, мне кажется, мы начинаем понимать друг друга.

Глава XXVIII

МАЛЫЕ ПРИЧИНЫ И БОЛЬШИЕ СЛЕДСТВИЯ

В этой первой части разговора преимущество оказалось совершенно очевидно не на стороне Екатерины.

Подобная неудача была для королевы-матери настолько непредвиденной и особенно настолько непривычной, что она задавалась вопросом, действительно ли ее сын так решительно настроен, как это кажется, когда вдруг одно маленькое событие изменило положение вещей.

История знает сражения, которые, будучи на три четверти проигранными, вдруг оказались выигранными из-за перемены ветра и *vice versa*;¹ два примера тому — Маренго и Ватерлоо.

Одна песчинка способна нарушить ход самой мощной машины.

Бюсси стоял, как мы уже знаем, в потайном коридоре, выходявшем в спальню герцога Анжуйского, и расположился так, что был виден только принцу. Из своего укрытия Бюсси высовывал голову через щель между

¹ Наоборот (лат.).

драпировками в те моменты, которые считал самыми опасными для дела.

А его делом, как вы понимаете, была война любой ценой: необходимо было задержаться в Анжу на все то время, пока в Анжу будет оставаться граф де Монсоро, надо было наблюдать за мужем и навещать жену.

Эта чрезвычайно простая политика тем не менее весьма усложняла политику Франции: большие следствия вытекают из малых причин.

Бюсси с помощью энергичных подмигиваний, яростных гримас, шутовских жестов, свирепого насупливания бровей, наконец, понуждал своего господина к стойкости.

Герцог, боявшийся Бюсси, подчинялся ему и, как мы видели, действительно держался чрезвычайно стойко.

Екатерина потерпела поражение на всех направлениях и мечтала уже только о достойном отступлении, когда небольшое происшествие, почти такое же неожиданное, как упорство герцога Анжуйского, выручило ее.

Внезапно, в самый разгар беседы матери с сыном, в момент наиболее ожесточенного сопротивления герцога Анжуйского, Бюсси почувствовал, что кто-то дергает его за край плаща.

Желая не упустить ни слова из разговора, он не обернулся, а протянул руку назад и обнаружил чьи-то пальцы. Передвигаясь по пальцам, он обнаружил руку, за рукой — плечо, а за плечом — человека.

Тогда, сообразив, что дело стоит того, он обернулся. Этим человеком был Реми.

Бюсси хотел заговорить, но Реми приложил палец к губам, после чего тихонько увлек своего господина в соседнюю комнату.

— Что случилось, Реми? — спросил граф в сильном петерпени. — Почему ты меня беспокоишь в такую минуту?

— Письмо, — шепнул Реми.

— Черт бы тебя побрал! Из-за какого-то письма ты отрываешь меня от важнейшего разговора, который я вел с монсеньером герцогом Анжуйским.

Эта вспышка гнева, по всей видимости, отнюдь не обескуражила Реми.

— Есть письма — и письма, — сказал он.

«Он прав», — подумал Бюсси.

— Откуда это письмо?

— Из Меридора.

— О! — живо воскликнул Бюсси. — Из Меридора! Благодарю, мой милый Реми, благодарю!

— Значит, вы больше не считаете, что я допустил ошибку?

— Разве ты когда-нибудь можешь ошибиться? Где письмо?

— Оно потому и показалось мне особо важным, что посланец желает передать его вам в собственные руки.

— И правильно. Он здесь?

— Да.

— Приведи его.

Реми открыл одну из дверей и сделал знак человеку, по виду конюху, войти.

— Вот господин де Бюсси,— сказал он, указывая на графа.

— Давай письмо. Я тот, кого ты искал,— сказал Бюсси.

И вручил посланцу полуpistoль.

— О! Я вас хорошо знаю,— ответил конюх, протягивая ему письмо.

— Это она его тебе дала?

— Не она, он.

— Кто он? — с живостью спросил Бюсси, разглядывая почерк.

— Господин де Сен-Люк.

— А!

Бюсси слегка побледнел, потому что при слове «он» решил, что речь идет не о жене, а о муже, а господин де Монсоро имел это свойство — заставлять бледнеть Бюсси всякий раз, как Бюсси о нем вспоминал.

Молодой человек отвернулся, чтобы прочесть письмо и скрыть при чтении то волнение, которое боится выдать каждый, кто получает важное послание, если он не Цезарь Борджа, не Макнавелли, не Екатерина Медичи и не дьявол.

И бедяга Бюсси поступил правильно, потому что, едва он пробежал глазами известное нам письмо, как кровь прихлынула к его мозгу, прилила к глазам, словно разбушевавшееся море. Из бледного он сделался пурпурно-красным, постоял мгновение как оглушенный и, чувствуя, что вот-вот упадет, был вынужден опуститься в кресло возле окна.

— Ступай,— сказал Реми конюху, удивленному действием, которое оказало принесенное им письмо. И под-

толкнул его в спину. Копюх поспешно скрылся. Он решил, что пронес плохую весть, и испугался, как бы у него не отобрали назад полупистоль.

Реми подошел к графу и потряс его за руку.

— Смерть Христова! — воскликнул он. — Отвечайте мне немедленно, иначе, клянусь святым Эскулапом, я пушу вам кровь из всех четырех конечностей.

Бюсси встал. Он больше не был ни красным, ни оглушенным, он был мрачным.

— Погляди, — сказал он, — что сделал ради меня Сен-Люк.

И протянул Реми письмо.

Реми жадно прочел его.

— Что ж, — заметил он, — мне кажется, все прекрасно и господин де Сен-Люк галантный человек. Да здравствуют умные люди, умеющие отправить душу в чистилище! Оттуда ей уже нет возврата!

— Невероятно! — пробормотал Бюсси.

— Конечно, невероятно, но это ничего не меняет. Наши дела теперь обстоят так: через девять месяцев у меня будет пациенткой некая графиня де Бюсси. Смерть Христова! Не беспокойтесь, я принимаю роды, как Амбруаз Паре.

— Да, — сказал Бюсси. — Она будет моей женой.

— Мне кажется, — отвечал Реми, — что для этого не так уж много придется сделать, ибо она уже была больше вашей женой, чем женой своего мужа.

— Монсоро мертв!

— Мертв! — повторил Одуэн. — Это написано пером.

— О! Мне кажется, что я сплю, Реми. Как! Я не увижу больше этого подобия привидения, всегда готового встать между мною и счастьем? Реми, мы заблуждаемся.

— Нет, мы ни чуточки не заблуждаемся. Перечтите письмо, смерть Христова! Упал на маки, видите, да так неловко, что тут же и умер. Я уже замечал, что падать на маки очень опасно, но до сих пор думал, что это опасно только для женщин.

— Но в таком случае, — сказал Бюсси, не слушая шуток Реми и следя лишь за одной мыслью, которая вертелась у него в мозгу, — Диане не следует оставаться в Меридоре. Я этого не хочу. Надо, чтобы она отправилась куда-нибудь в другое место, где она сможет все забыть.

— Я думаю, что для этого вполне подходит Парки,— сказал Одуэн.— В Париже забывают довольно быстро.

— Ты прав. Она снова поселится в своем домике на улице Турпель, и десять месяцев ее вдовьего траура мы проживем в тени, если только счастье может оставаться в тени, и брак будет для нас всего лишь завтрашним днем сегодняшних радостей.

— Это верно, — сказал Ремц, — но, чтобы отправиться в Париж...

— Ну?

— Нам кое-что нужно.

— Что же?

— Нам нужен мир в Анжу.

— Верно, — сказал Бюсси, — верно. О! Бог мой! Сколько времени потеряно, и потеряно впустую!

— Это значит, что вы сядете на коня и помчитесь в Меридор.

— Нет, не я, ни в коем случае не я, а ты. Я обязательно должен остаться здесь, и к тому же мое присутствие там в подобную минуту было бы почти непристойным.

— А как я с ней увижусь? Войду в замок?

— Нет. Иди сначала к старой лесосеке, возможно, она будет гулять там: ждать меня. А если там не увидишь, иди в замок.

— Что ей сказать?

— Что я почти безумел.

И, пожав руку молодому лекарю, на которого опыт приучил его полагаться, как на самого себя, Бюсси поспешил вернуться на свое место за драпировками у потайного входа в альков принца.

В отсутствие Бюсси Екатерина попыталась отвоевать обратно ту территорию, которую потеряла благодаря его присутствию.

— Сын мой, — сказала она, — я считала, что никогда не бывает так, чтобы мать не сумела договориться со своим ребенком.

— Тем не менее, матушка, вы видите, что иногда это может случиться.

— Никогда, если она действительно хочет договориться.

— Вы желаете сказать, государыня, если они хотят договориться, — поправил герцог и, довольный этими гор-

дыми словами, поискал глазами Бюсси, чтобы получить в награду одобряющий взгляд.

— Но я этого хочу,— воскликнула Екатерина,— вы слышите, Франсуа? Я этого хочу.

Тон ее голоса не соответствовал словам, ибо слова были повелительными, а тон почти умоляющим.

— Вы этого хотите? — переспросил герцог Анжуйский с улыбкой.

— Да,— сказала Екатерина,— я этого хочу и пойду на любые жертвы, чтобы достигнуть своей цели.

— А! — воскликнул Франсуа. — Черт возьми!

— Да, да, мое дорогое дитя, скажите, что вы требуете, чего вы желаете? Говорите! Приказывайте!

— О! Матушка! — пропзнес Франсуа, почти смущенный столь полной победой, которая лишила его возможности быть суровым победителем.

— Послушайте, сын мой,— сказала Екатерина своим самым вежливым голосом,— ведь вы не хотите утопить королевство в крови? Этого не может быть. Вы хороший француз и хороший брат.

— Мой брат оскорбил меня, государыня, и я ему больше ничем не обязан ни как моему брату, ни как моему королю.

— Но я, Франсуа, я! Разве вам не жаль меня?

— Нет, государыня, потому что вы, вы меня покинули! — возразил герцог, думая, что Бюсси все еще на своем месте, как прежде, и может его слышать.

— А! Вы хотите моей смерти? — горестно сказала Екатерина. — Что ж, пусть будет так, я умру, как и подобает жепнице, дети которой убивают друг друга у нее на глазах.

Само собой разумеется, Екатерина не испытывала ни малейшей охоты умереть.

— О! Не говорите так, государыня, вы разрываете мне сердце! — воскликнул Франсуа, сердце которого все не разрывалось.

Екатерина залилась слезами.

Герцог взял ее за руки и попытался успокоить, по-прежнему бросая тревожные взгляды в глубину алькова.

— Но чего вы хотите? — сказала Екатерина. — Скажите, по крайней мере, ваши требования, чтобы мы знали, на чем нам порешить.

— Постойте, матушка, а чего вы сами хотите? — сказал Франсуа. — Говорите, я вас слушаю.

— Я хочу, чтобы вы возвратились в Париж, мое дорогое дитя, я хочу, чтобы вы возвратились ко двору короля, вашего брата, который ждет вас с распростертыми объятиями.

— Э! Смерть Христова, государыня! Я отлично понимаю: не брат мой ждет меня с распростертыми объятиями, а Бастилия — с распахнутыми воротами.

— Нет, возвращайтесь, возвращайтесь, и клянусь честью, клянусь моей материнской любовью, клянусь кровью нашего спасителя Иисуса Христа (Екатерина перекрестилась), король вас примет так, словно это вы король, а он — герцог Анжуйский.

Герцог упорно смотрел на драпировки алькова.

— Соглашайтесь,— продолжала Екатерина,— соглашайтесь, сын мой. Скажите, может быть, вам дать новые уделы, может быть, вы хотите иметь свою гвардию?

— Э! Государыня, ваш сын мне ее уже дал однажды, в даже почетную, ведь он выбрал для этого своих четырех миньонов.

— Не надо, не говорите так. Он даст вам гвардию из людей, которых вы отберете сами. Если вы захотите, у вашей гвардии будет капитан, если вы пожелаете, капитаном станет господин де Бюсси.

Это последнее предложение обеспокоило герцога. Он подумал, что оно может задеть Бюсси, и снова бросил взгляд в глубину алькова, боясь увидеть в полумраке горящие гневом глаза и злобно стиснутые белые зубы.

Но, о чудо! Вопреки ожиданиям, он увидел радостного, улыбающегося Бюсси, который усиленно кивал ему, одобряя предложение королевы-матери.

«Что это означает? — подумал Франсуа. — Неужто Бюсси хотел войны только для того, чтобы стать капитаном моей гвардии?»

— Стало быть,— сказал он уже громко и словно спрашивая самого себя,— я должен согласиться?

«Да, да, да!» — подтвердил Бюсси руками, плечами и головой.

— Значит, надо,— продолжал герцог,— оставить Алжу и вернуться в Париж?

— Да, да, да! — убеждал Бюсси со все возрастающим пылом.

— Конечно, дорогое дитя,— сказала Екатерина,— по разве это так трудно, вернуться в Париж?

«По чести,— сказал себе Франсуа,— я больше ничего не понимаю. Мы условились, что я буду от всего отказываться, а теперь он мне советует мир и лобызания».

— Ну так как,— спросила с беспокойством Екатерина,— что вы ответите?

— Матушка, я подумаю,— медленно произнес герцог, который хотел выяснить с Бюсси это противоречие,— и завтра...

«Он сдается,— решила Екатерина.— Я выиграла битву».

«В самом деле,— сказал себе герцог,— Бюсси, возможно, и прав».

И они расстались, предварительно обменявшись поцелуями.

Глава XXIX

О ТОМ, КАК ГРАФ МОНСОРО ОТКРЫЛ, ЗАКРЫЛ И СНОВА ОТКРЫЛ ГЛАЗА, И КАК ЭТО ЯВИЛОСЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ТОГО, ЧТО ОН ЕЩЕ НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО МЕРТВ

Какое счастье иметь хорошего друга, и особенно потому, что хорошие друзья встречаются редко.

Так размышлял Реми, скача по полю на одной из лучших лошадей конюшен принца.

Он бы охотно взял Роланда, но граф Монсоро его опередил, и Реми пришлось взять другого коня.

— Я очень люблю господина де Бюсси,— говорил себе Одуэн,— а господин де Бюсси, со своей стороны, меня тоже крепко любит, так, во всяком случае, думаю я. Вот почему я сегодня такой веселый: я счастлив за двоих.

Затем он добавил, вдохнув полной грудью:

— В самом деле, мне кажется, сердце у меня до краев переполнено. — Ну-ка,— продолжал он, экзаменуя себя,— ну-ка, как я стану раскланиваться с госпожой Дняной?

Если вид у нее будет печальный — церемонный, сдержанный, безмолвный поклон, рука приложена к сердцу; если она улыбнется — сверхпочтительный реверанс, несколько пируэтов и полонез, который я исполню соло.

Господину же де Сен-Люку, если он еще в замке, в чем я сильно сомневаюсь: «Виват», и изъявления благодарности по-латыни. Он-то убиваться не станет, будьте уверены...

Ага! Я приближаюсь.

И действительно, после того, как лошадь свернула налево, потом направо, после того, как пробежала по заросшей цветами тропинке, миновала лесосеку и старый бор, она вступила в чащу, которая вела к степе.

— О! Какие прекрасные маки! — сказал Реми. — Они напоминают мне о нашем главном ловчем. Те, на которых он упал, бедняжка, не могли быть прекраснее этих.

Реми подъезжал к стене все ближе и ближе.

Внезапно лошадь резко остановилась и, раздув ноздри, уставилась в одну точку. Реми, ехавший крупной рысью и не ожидавший остановки, чуть не перелетел через голову Митридата.

Так звали лошадь, которую он взял вместо Роланда.

Частые упражнения в верховой езде сделали Реми бесстрашным наездником; он вонзил шпоры в живот своего скакуна, но Митридат не шелохнулся. Этот копь, несомненно, получил свое имя по причине сходства его упрямого характера с характером понтийского царя.

Удивленный Реми опустил глаза к земле в поисках препятствия, остановившего его копы, но увидел только большую, увенчанную розовой пеной лужу крови, которую постепенно поглощали земля и цветы.

— Ага! — воскликнул он. — Уж не то ли это место, где господи де Сен-Люк проткнул господина де Монсоро?

Реми поднял глаза и огляделся.

В десяти шагах, под грубой каменной стеной, он увидел две неестественно прямые ноги и еще более неестественно прямое тело.

Ноги лежали на земле, тело опиралось о стену.

— Вот те раз! Монсоро! — воскликнул Реми. — *Nic obiit Nemrod*¹. Ну и ну, коли вдова оставляет его здесь, на растерзание воронам и коршунам, это хороший для нас признак, и моя надгробная речь будет состоять из реверанса, пируэтов и полонеза.

И Реми, соскочив с коня, сделал несколько шагов в сторону тела.

— Странно! — сказал он. — Он лежит тут, мертвый, совершенно мертвый, а кровь, однако, там. А! Вот след. Он добрался оттуда сюда, или, вернее, этот славный Сен-Люк, воплощенное милосердие, прислонил его к стене, чтобы избежать прилива крови к голове. Да, так оно

¹ Здесь умер Немрод (лат.).

и есть, он мертв, клянусь чстью! Глаза открыты, лицо неподвижно — мертвым-мертвешенек. Вот так: раз, два.

Реми сделал выпад и проткнул пальцем пустое пространство перед собою.

Но тут же он попятился назад, ошеломленный, с разинутым ртом: глаза, которые Реми только что видел открытыми, закрылись, лицо покойника, с самого начала поразившее его своей бледностью, побледнело еще больше.

Реми стал почти таким же бледным; как граф Монсоро, по, будучи медиком, то есть в достаточной степени материалистом, пробормотал, почесывая кончик носа: «*Credere portentis mediocre*¹. Раз он закрыл глаза, значит, он не мертв».

И все же, несмотря на материализм Одуэна, положение его было не из приятных, и ноги подгибались в коленях совершенно неприличным образом, поэтому он сел или, вернее говоря, соскользнул на землю к подножию того дерева, у которого перед тем искал опоры, и оказался лицом к лицу с трупом.

— Не могу припомнить, где точно, — сказал он себе, — по где-то я читал, что после смерти наблюдались определенные двигательные феномены, которые свидетельствуют лишь об оседании материи, то есть о начале разложения. Вот чертов человек! Подумать только, он доставляет вам хлопоты даже после своей смерти, просто наказание. Ей-богу, не только глаза всерьез закрыты, но еще и бледность увеличилась, *chroma chloron*², как говорит Гальен; *color albus*³, как говорят Цицерон, который был очень остроумным оратором. Впрочем, есть способ определить, мертв он или нет: надо воткнуть мою шпагу ему в живот на фут, если он не пошевелится, значит, определенно скончался.

И Реми приготовился проделать этот милосердный опыт. Он даже взялся уже за шпагу, когда глаза Монсоро снова раскрылись.

Это событие оказало на Реми иное действие, чем первое: он вскочил, словно подброшенный пружиной, и холодный пот выступил у него на лбу.

На этот раз глаза мертвеца так и остались широко раскрытыми.

¹ Не слишком-то верь в чудеса (*лат.*).

² Зеленый цвет (*греч.*).

³ Белый цвет (*лат.*).

— Он не мертв,— прошептал Реми,— он не мертв. В хорошенькую же историю мы попали.

Тут в голову молодому человеку, вполне естественно, пришла одна мысль.

— Он жив,— сказал Реми,— это верно, но если я убью его, он станет вполне мертвым.

Реми глядел на Монсоро; граф тоже глядел на него, и такими испуганными глазами, что можно было подумать, будто он читает в душе этого прохожего его намерения.

— Фу! — воскликнул вдруг Реми. — Фу! Что за гнусная мысль! Бог свидетель, если бы он стоял на ногах и размахивал шпагой, я убил бы его с полным удовольствием, но в том виде, в каком он сейчас,— без сил, на три четверти мертвый,— это было бы больше чем преступление, это была бы подлость.

— Помогите,— прошептал Монсоро,— помогите, я умираю.

— Смерть Христова! — сказал себе Реми. — Положение весьма затруднительное. Я — врач, и, следовательно, мой долг облегчить страдания подобного мне существа. Правда, Монсоро этот так уродлив, что я почти вправе сказать: не подобного мне, а принадлежащего к тому же роду. *Genus homo*¹. Что ж, забудем, что меня зовут Одуэн, забудем, что я друг господина де Бюсси, и выполним наш долг врача.

— Помогите,— повторил раненый.

— Я здесь,— сказал Реми.

— Ступайте за священником, за врачом.

— Врач уже нашелся, и, быть может, он изавил вас от священника.

— Одуэн! — воскликнул граф де Монсоро, узнав Реми. — Какими судьбами?

Как видите, граф остался верен себе: даже в предсмертной агонии он подозревал и допрашивал.

Реми понял, что кроется за его вопросом.

Этот лес не был посещаемым местом, сюда не приходили просто так, без дела. Следовательно, вопрос был почти естественным.

— Почему вы здесь? — повторил Монсоро, которому подозрения придали немного сил.

¹ Роду человеческому (*лат.*).

— Черт побери! — ответил Одуэн. — Да потому, что на расстоянии лье отсюда я встретил господина де Сен-Люка.

— А! Моего убийцу, — пробормотал Монсоро, бледнее от боли и от гнева сразу.

— И он велел мне: «Реми, скачите в лес, и в том месте, которое пазывается Старая лесосека, вы найдете мертвого мужчину».

— Мертвого! — повторил Монсоро.

— Проклятие! Он так думал, — сказал Реми, — не надо на него за это сердиться. Ну я и явился и увидел, что вы потерпели поражение.

— А теперь скажите мне прямо, ведь вы имеете дело с мужчиной, скажите мне, смертельно ли я ранен?

— А! Черт! — воскликнул Реми. — Вы слишком многого от меня хотите. Однако я попытаюсь. Погляди.

Мы уже говорили, что совесть врача одержала верх над преданностью друга.

Итак, Реми подошел к Монсоро и со всеми подобающими предосторожностями снял с него плащ, камзол и рубашку.

Шпага прошла над правым соском, между шестым и седьмым ребрами.

— Гм, — хмыкнул Реми, — очень болит?

— Не грудь, спина.

— Ага! А скажите, пожалуйста, какая часть спины?

— Под лопаткой.

— Клинок наткнулся на кость, — сказал Реми, — потому и болит.

И он осмотрел место, которое граф указал как средоточие самой сильной боли.

— Нет, — сказал Реми, — нет, я ошибся. Клинок ни на что не наткнулся, он прошел насквозь. Чума побери! Славный удар, господин граф, отлично! Лечить раненных господином де Сен-Люком — одно удовольствие. У вас сквозная рана, милостивый государь.

Монсоро потерял сознание, но у Реми его слабость не вызвала тревоги.

— А! Вот оно. Это хорошо: обморок, пульс слабый. Все как полагается. (Он пощупал руки и ноги — кисти и ступни холодные. Приложил ухо к груди: дыхательные шумы отсутствуют; легонько постукал по ней: звук глухой). Черт, черт, вдовство госпожи Дианы, возможно, придется перенести на более поздний срок.

В это мгновение легкая, красноватая, блестящая пена увлажнила губы раненого.

Реми поспешно достал из кармана сумку с инструментами и вынул лапчет; затем он оторвал полосу от рубахи Монсоро и перетянул ему руку в предплечье.

— Посмотрим,— сказал он.— Если кровь потечет, тогда, даю слово, госпоже Диане не суждено стать вдовой. Но если не потечет!.. Ах! Течет, ей-богу, течет! Прошу прощения, дорогой господин де Бюсси, прошу прощения, но, ничего не поделаешь, врач — прежде всего врач.

И в самом деле, кровь, сначала словно бы поколебавшись одно мгновение, хлынула из вены. Почти в ту же секунду раненый вздохнул и открыл глаза.

— Ах! — пробормотал он.— Я уж думал, что все кончено.

— Еще нет, милостивый государь, еще нет. И, возможно даже...

— Я выберусь?

— О! Бог мой! Несомненно. Но прежде давайте закройте рану. Погодите, не двигайтесь. Видите ли, природа в эту самую минуту лечит вас изнутри, так же как я лечу вас снаружи. Я накладываю вам повязку, а она заготавливает сгусток. Я пускаю вам кровь, она ее останавливает. А! Природа — великий хирург, милостивый государь. Постойте, я вытру вам губы.

И Реми провел носовым платком по губам графа.

— Сначала,— сказал раненый,— я только и делал, что харкал кровью.

— Что ж, теперь, видите, кровотечение уже остановилось. Все идет хорошо. Тем лучше! То есть тем хуже.

— Как! Тем хуже?

— Тем лучше для вас, разумеется, но тем хуже!.. Я знаю, что хочу сказать. Любезный мой господин де Монсоро, боюсь, что буду иметь честь вылечить вас.

— Как! Вы боитесь?

— Да, я-то себя понимаю.

— Так, значит, вы считаете, что я поправлюсь?!

— Увы!

— Вы странный врач, господин Реми.

— Что вам в том? Раз я вас спасаю!.. А теперь... Реми прекратил кровопускание и поднялся.

— Вы меня бросаете? — спросил граф.

— А! Вы слишком много говорите, милостивый государь, Лишняя болтовня вредна. Ах, да разве в этом

дело? Мне скорее следовало бы посоветовать ему кричать.

— Я не понимаю вас.

— К счастью. Ну, вот вы и перевязаны.

— А теперь?

— А теперь я отправляюсь за помощью.

— А я, что мне пока делать?

— Сохраняйте спокойствие, не двигайтесь, дышите очень осторожно, старайтесь не кашлять. Не будем тревожить этот драгоценный сгусток. Какое жилье тут ближе всего?

— Мерпдорский замок.

— Как туда пройти? — спросил Реми, изображая полное неведение.

— Переберитесь через стену, и вы попадете в парк или же следуйте вдоль стены до ворот.

— Хорошо, я поскачу туда.

— Благодарю вас, добрый человек! — воскликнул Монсоро.

— Кабы ты знал, каким добряком я на самом деле оказался, — пробормотал Реми, — ты бы меня еще не так благодарил!

И, вскочив на коня, лекарь галопом помчался в указанном направлении.

Через пять минут он прибыл в замок, все обитатели которого суетились и хлопотали, словно муравьи разрытого муравейника, обыскивая заросли и закутки парка и прилежащий к нему лес в бесплодных попытках обнаружить то место, где лежит тело их господина, ибо Сен-Люк, чтобы выиграть время, дал им неверные указания.

Реми влетел, как метеор, в эту толпу и увлек ее за собой.

Он с таким жаром отдавал распоряжения, что графиня де Монсоро не смогла удержаться от удивленного взгляда.

Тайная, смутная мысль промелькнула в ее уме и на секунду затуманила ангельскую чистоту этой души.

— А я-то думала, что он друг господина де Бюсси, — прошептала она, глядя, как удаляется Реми, увозя с собою носилки, корпию, чистую воду, в общем — все необходимое для лечения.

Сам Эскулап со своими крыльями божества не успел бы сделать больше.

Глава XXX

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ ОТПРАВИЛСЯ В МЕРИДОРСКИЙ ЗАМОК, ДАБЫ ВЫРАЗИТЬ ГРАФИНЕ ДЕ МОНСОРО СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ЕЕ СУПРУГА, И О ТОМ, КАК ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ ВЫШЕЛ ЕМУ НАВСТРЕЧУ

Едва лишь переговоры герцога Анжуйского с его матерью были прерваны, герцог поспешил отправиться на поиски Бюсси, дабы узнать причину столь невероятной перемены в его настроении.

Бюсси, вернувшись в свою хижину, перечитывал в пятый раз письмо Сен-Люка, и в каждой его строчке открывал все более и более радостный для себя смысл.

Что же касается Екатерины, то она, возвратившись к себе, вызвала своих людей и распорядилась готовить все к отъезду, который, по ее предположению, мог быть назначен на завтра или, самое позднее, на послезавтра.

Бюсси встретил принца любезнейшей улыбкой.

— Монсеньер, — воскликнул он, — ваше высочество утомляет мое дом посещением?!

— Да, смерть Христова! — сказал герцог. — И я пришел требовать объяснений.

— У меня?

— Да, у тебя.

— Я слушаю, монсеньер.

— Как! — вскричал герцог. — Ты советуешь мне встретить во всеоружии предложения моей матери и мужественно выдержать ее натиск. Я так и поступаю, и в самый разгар схватки, когда все ее удары разбились о мою брону, ты вдруг говоришь мне: «Сбросьте вашу кирасу, монсеньер, сбросьте ее».

— Когда я давал вам свои советы, монсеньер, я не знал, с какой целью приехала ее величество королева-мать. Но теперь, убедившись, что она прибыла для вящей славы и счастья вашего высочества...

— Для моей вящей славы и моего счастья? — воскликнул герцог. — Что ты этим хочешь сказать?

— Разумеется, для славы и счастья, — ответил Бюсси. — Судите сами: чего желает ваше высочество? Одержатъ верх над своими врагами, не так ли? Ибо я не думаю, как некоторые, что вы мечтаете стать королем Франции.

Герцог искоса поглядел на Бюсси.

— Быть может, иные вам так и посоветуют, монсеньер, — сказал тот, — но это ваши злейшие враги, уж поверьте мне, и если они слишком упорствуют, если вы не знаете, как от них избавиться, отправьте их ко мне: я докажу им, что они ошибаются.

Герцог поморщился.

— А кроме того, — продолжал Бюсси, — подсчитайте ваши возможности, монсеньер, проверьте чресла свои, как говорится в Библии: есть у вас сто тысяч солдат, десять миллионов ливров, союзники за границей и, наконец, желаете ли вы пойти против вашего сеньора?

— Мой сеньор не стесняется идти против меня, — заявил герцог.

— А! С этой стороны вы правы. Тогда откройте свои намерения, заставьте возложить на вашу голову корону и присвойте себе титул короля Франции. Я ничего лучшего и не желаю, как видеть ваше возвышение! Ведь, если возвыситесь вы, с вами вместе возвышусь и я.

— Кто тебе сказал, что я хочу быть королем Франции? — с досадой возразил ему герцог. — Ты берешься решать вопросы, которые я никогда никому не предлагал решать, даже самому себе.

— В таком случае все ясно, монсеньер. Нам больше не о чем спорить, раз мы согласны в главном.

— Согласны?

— Так, по крайней мере, мне кажется. Пусть вам дадут роту гвардейцев и пятьсот тысяч ливров. Прежде чем подписать мир, потребуйте еще субсидию для Апжу, на случай войны. Получив субсидию, вы отложите ее про запас, это ни к чему не обязывает. Таким образом, у нас будут солдаты, деньги, сила, и мы сможем достигнуть... бог знает чего!

— Но как только я попаду в Париж, как только они вернут меня, как только я снова окажусь у них в руках, они надо мной надсмеются, — сказал герцог.

— Полноте, монсеньер, вы сами в это не верите. Надсмеются над вами? Разве вы не слышали, что предлагает королева-мать?

— Она мне очень много предложила.

— Я понимаю, это вас и беспокоит?

— Да.

— Но среди прочего она предложила вам роту гвардейцев и даже под командованием Бюсси, если вы желаете.

— Да, она это предложила.

— Ну так вот, соглашайтесь, говорю вам: назначьте капитаном Бюсси, лейтенантами Антрагэ и Ливаро, а Рибейрака — знаменщиком. Предоставьте нам четверым сформировать эту роту по нашему разумению, и когда вы пойдете с таким эскортом, то увидите, отважится ли кто-нибудь, пусть даже сам король, посмеяться над вами или не поприветствовать вас.

— По чести, — сказал герцог, — я полагаю, ты прав, Бюсси. Я пад этим подумаю.

— Подумайте, монсеньер.

— Да, но что ты читал так прилежно, когда я вошел?

— А! Простите, я совсем забыл, — письмо.

— Письмо?

— Которое для вас представляет еще больший интерес, чем для меня. Почему я вам его сразу не показал? Где была моя голова, черт возьми?

— Какая-нибудь большая новость?

— О, бог мой, да, и даже печальная новость: граф Монсоро умер.

— Как вы сказали? — воскликнул герцог и вадрогнул от удивления. Не спускавшему с него глаз Бюсси показалось, что за этим удивлением промелькнула странная радость.

— Умер, монсеньер.

— Умер граф Монсоро?

— Ах, боже мой, да! Разве мы все не смертны?

— Разумеется, но никто не умирает так вдруг.

— Когда как. А если вас убивают?

— Так его убили?

— Кажется, да.

— Кто?

— Сен-Люк, с которым он поссорился.

— А! Милый Сен-Люк, — воскликнул герцог.

— Вот как! — сказал Бюсси. — А я и не знал, что вы с ним такие закадычные друзья, с этим милым Сен-Люком.

— Он из друзей моего брата, — сказал герцог, — а с той минуты, как мы с братом заключаем мир, его друзья становятся моими друзьями.

— Что ж, монсеньер, в добрый час, рад вас видеть в подобном расположении духа.

— А ты уверен?..

— Проклятие! Это верней верно. Вот письмо от Сен-Люка, который сообщает мне о его смерти, а так как я, подобно вам, недоверчив, то послал моего хирурга Реми засвидетельствовать факт и принести мои соболезнования старому барону.

— Умер! Монсоро умер! — повторил герцог Анжуйский. — Умер сам по себе!

Эти слова вырвались у него так же, как прежде вырвались слова «милый Сен-Люк». И в тех и в других было пугающее простодушие.

— Он умер не сам по себе, — возразил Бюсси, — ведь его убил Сен-Люк.

— О! Понятно! — сказал герцог.

— Быть может, вы поручали кому-то другому убить его, монсеньер?

— Нет, даю слово, нет, а ты?

— О! Монсеньер, я же не принц, чтобы поручать такого рода дела другим, я вынужден сам этим заниматься.

— Ах, Монсоро, Монсоро, — произнес принц со своей ужасной улыбкой.

— О, монсеньер! Можно подумать, что вы питали неприязнь к бедняге графу.

— Нет, это ты питал к нему неприязнь.

— Что касается меня, то оно и понятно, — сказал Бюсси, невольно покраснев. — Разве не по его вине я был однажды жестоко унижен вашим высочеством?

— Ты все еще об этом вспоминаешь?

— О, бог мой, нет, монсеньер, вы прекрасно это знаете. Но вы? Вам он был слугой, другом, преданным рабом.

— Хорошо, хорошо, — сказал принц, прерывая разговор, который становился для него затруднительным, — прикажите седлать лошадей, Бюсси.

— Седлать лошадей, зачем?

— Затем, чтобы отправиться в Меридор. Я хочу принести мои соболезнования госпоже Диане. К тому же я давно собирался навестить Меридорский замок и сам не понимаю, как до сих пор не сделал этого. Больше откладывать я не буду. Дьявольщина! Не знаю почему, но сегодня я расположен к соболезнованиям.

«По чести, — сказал себе Бюсси, — сейчас, когда Монсоро мертв и когда я не боюсь больше, что он продаст свою жену герцогу, какое может иметь для меня значение, если герцог ее и увидит. Коли он станет ей доку-

чать, я прекрасно смогу ее защитить. Что ж, раз нам предлагают возможность увидиться с Дианой, воспользуемся случаем».

И он вышел распорядиться насчет лошадей.

Спустя четверть часа, пока Екатерина спала или притворялась спящей, чтобы прийти в себя после утомительного путешествия, принц, Бюсси и десять дворян, на великолепных конях, направлялись к Меридору в том радостном настроении, которое всегда порождают как у людей, так и у лошадей прекрасная погода, цветущие луга и молодость.

При виде этой блестящей кавалькады привратник Меридорского замка подошел к краю рва и спросил, кто приехал.

— Герцог Анжуйский! — крикнул принц.

Привратник тотчас схватил рог и затрубил сигнал, на звуки которого к подъемному мосту сбежалась вся челядь.

Тотчас же поднялась суета в комнатах, коридорах и на лестницах. Открылись окна башенок, послышался лягз железа по камню плит, и на пороге дома показался старый барон с ключами от замка в руке.

— Просто невероятно, как мало тут печалятся о Монсоро, — сказал герцог. — Погляди, Бюсси, какпе у всех этих людей обычные лица.

На крыльцо дома вышла женщина.

— А! Вот и прекрасная Диана, — воскликнул герцог. — Ты видишь, Бюсси, видишь?

— Разумеется я вижу ее, монсеньер, — ответил молодой человек, — однако, — добавил он тихо, — я не вижу Реми.

Диана действительно вышла из дома, но тут же вслед за ней появились носилки, на которых с глазами, горящими от жара или ревности, лежал Монсоро, напоминающий скорее индийского султана на паланкине, чем покойника на погребальном ложе.

— О! О! Что же это такое? — воскликнул герцог, обращаясь к своему спутнику, ставшему бледнее платка, с помощью которого он пытался сначала скрыть свое волнение.

— Да здравствует монсеньер герцог Анжуйский! — крикнул Монсоро, с огромным усилием подняв вверх руку.

— Потихе! — произнес голос позади него. — Вы разовете сгусток крови,

То был Реми. Верный до конца своей роли врача, он сделал раненому это благоразумное предупреждение.

При дворе быстро приходят в себя после неприятных сюрпризов, по крайней мере в виду: герцог Авжуйский сделал над собой усилие и изобразил на лице улыбку.

— О! Мой дорогой граф,— воскликнул он,— какая радостная неожиданность! Подумайте только, нам сказали, что вы умерли!

— Пожалуйста сюда, монсеньер,— ответил раненый,— пожалуйста сюда, чтобы я мог поцеловать руку вашего высочества. Благодарение богу, я не только не умер, но надеюсь в скором времени поправиться, дабы служить вам с еще большим усердием и верностью, чем прежде.

Что до Бюсси, то, не будучи ни принцем, ни мужем, не занимая ни одного из этих общественных положений, при которых притворство является первой необходимостью, он чувствовал, как холодный пот струится по его вискам, и не осмеливался поглядеть на Диану.

Ему было невыносимо видеть это, дважды им утраченное, сокровище в такой близости к его владельцу.

— А вы, господин де Бюсси,— сказал Монсоро,— вы, прибывший с его высочеством, примите мою глубокую благодарность, ведь, по сути, это вам обязан я жизнью.

— То есть как мне? — пролепетал Бюсси, думая, что граф смеется над ним.

— Конечно, не вам непосредственно, но моя благодарность от этого не становится меньше, ибо вот мой спаситель,— ответил Монсоро, показывая на Реми, воздевшего руки к небу с горячим желанием провалиться в недра земли,— это ему обязаны мои друзья тем, что еще располагают мной.

Не обращая внимания на знаки, призывающие к молчанию, которые делал ему молодой доктор, и толкуя их, как заботу медика о его здоровье, граф в восторженных выражениях рассказал о хлопотах и самоотверженности Одуэна, о его мастерстве.

Герцог нахмурил брови. Бюсси посмотрел на Реми с выраженным, внушающим страх.

Бедный малый, укрывшийся за Монсоро, только руками развел, словно желая сказать: «Увы! Это совсем не моя вина».

— Впрочем,— продолжал граф,— я узнал, что Реми нашел вас однажды умирающим, как он нашел меня. Это объединяет нас узами дружбы. Рассчитывайте на мою,

господин де Бюсси. Когда Монсоро любит, он любит крепко, правда, и ненавидит он, ежели уж возненавидит, тоже всем сердцем.

Бюсси показалось, что молния, сверкнувшая при этих словах в возбужденном взоре графа, была адресована его высочеству герцогу Анжуйскому.

Герцог не заметил ничего.

— Что ж, пойдете! — сказал он, соскакивая с копы и предлагая руку Диане. — Соболаговолите, прекрасная Диана, принять нас в этом доме, который мы полагали увидеть в трауре, но который, напротив, продолжает быть обителью благоденствия и радости. А вы, Монсоро, отдохните, раненым подобает отдыхать.

— Монсеньер, — возразил граф, — никто не сможет сказать, что вы пришли к живому Монсоро и, при живом Монсоро, кто-то другой принимал ваше высочество в его доме. Мои люди понесут меня, и я последую за вами повсюду.

На мгновение можно было подумать, что герцог угадал истинную мысль графа, потому что он оставил руку Дианы.

Монсоро перевел дыхание.

— Подойдите к ней, — шепнул Реми на ухо Бюсси.

Бюсси приблизился к Диане, и Монсоро улыбнулся им. Бюсси взял руку Дианы, и Монсоро улыбнулся ему еще раз.

— Какие большие перемены, господин де Бюсси, — полногласно сказала Диана.

— Увы! — прошептал Бюсси. — Как бы они не стали еще большими.

Само собой разумеется, что барон принял герцога и сопровождавших его дворян со всей пышностью старинного гостеприимства.

Глава XXXI

О НЕУДОБСТВЕ ЧРЕЗМЕРНО ШИРОКИХ НОСИЛОК И ЧРЕЗМЕРНО УЗКИХ ДВЕРЕЙ

Бюсси не отходил от Дианы. Благожелательная улыбка Монсоро предоставляла молодому человеку свободу, однако он остерегался злоупотреблять ею.

С ревнивцами дело обстоит так: защищая свое добро, они не знают жалости, но зато и браконьеры их не щадят, если уж попадут в их владения.

— Сударыня,— сказал Бюсси Диане,— по чести, я несчастнейший из людей. При известии о смерти графа я посоветовал принцу помириться с матерью и вернуться в Париж. Он согласился, а вы, оказывается, остаетесь в Анжу.

— О! Луи,— ответила молодая женщина, сжимая кончиками своих тонких пальцев руку Бюсси,— и вы смеете утверждать, что мы несчастны? Столько чудесных дней, столько неизъяснимых радостей, воспоминание о которых заставляет усиленно биться мое сердце! Неужели вы забыли о них?

— Я ничего не забыл, сударыня, напротив, я слишком многое помню, и вот почему, утратив это счастье, я чувствую себя таким достойным сожаления. Поймите, как я буду страдать, сударыня, если мне придется вернуться в Париж, оказаться за сотню лье от вас! Сердце мое разрывается, Диана, и я становлюсь трусом.

Диана посмотрела на Бюсси; его взор был исполнен такого горя, что молодая женщина опустила голову и задумалась.

Бюсси ждал, устремив на нее закливающий взгляд и молитвенно сложив руки.

— Хорошо,— сказала вдруг Диана,— вы поедете в Париж, Луи, и я тоже.

— Как! — воскликнул молодой человек. — Вы оставите господина де Монсоро?

— Я бы его оставила,— ответила Диана,— да он меня не оставит. Нет, поверьте мне, Луи, лучше ему отправиться с нами.

— Но ведь он ранен, нездоров, это невозможно!

— Он поедет, уверяю вас.

И тотчас же, отпустив руку Бюсси, она подошла к принцу. Принц, в очень скверном расположении духа, отвечал что-то графу Монсоро, возле носилок которого стояли Рибейрак, Антрагэ и Ливаро.

При виде Дианы чело графа прояснилось, но это мгновение покоя было весьма мимолетным, оно промелькнуло, как солнечный луч между двумя грозами.

Диана подошла к герцогу, и граф нахмурился.

— Монсеньер,— сказала она с пленительной улыбкой,— говорят, ваше высочество страстно любите цветы. Пойдемте, я покажу вашему высочеству самые прекрасные цветы во всем Анжу.

Франсуа галантно предложил ей руку,

— Куда это вы ведете монсеньера, сударыня? — бес­покойно спросил Монсоро.

— В оранжерею, сударь.

— А! — произнес Монсоро. — Что ж, пусть так: ве­сите меня в оранжерею.

«Честное слово, — сказал себе Реми, — теперь мне ка­жется, что я хорошо сделал, не убив его. Благодарение богу! Он прекраснейшим образом сам себя убьет».

Диана улыбнулась Бюсси улыбкой, обещавшей чу­деса.

— Пусть только господин де Монсоро, — шепнула она ему, — остается в неведении, что вы уезжаете из Анжу, об остальном я позабочусь.

— Хорошо, — ответил Бюсси.

И он подошел к принцу в то время, как носилки скрылись в чаще деревьев.

— Монсеньер, — сказал он, — смотрите не проговоритесь, Монсоро не должен знать, что мы собираемся мириться.

— Почему же?

— Потому что он может предупредить о наших наме­рениях королеву-мать, чтобы завоевать ее расположение, и ее величество, зная, что решение уже принято, будет с нами менее щедрой.

— Ты прав, — сказал герцог, — значит, ты его остере­гаешься?

— Графа Монсоро? Еще бы, черт побери!

— Что ж, и я тоже. Истинно скажу, мне кажется, он нарочно все выдумал со своей смертью.

— Нет, даю слово, нет! Ему честь по чести проткнули грудь шпагой. Этот болван Реми, который спас его, пона­чалу было даже подумал, что он мертв. Да-а, у этого Монсоро душа, должно быть, гвоздями к телу приколо­чена.

Они подошли к оранжерее.

Диана улыбалась герцогу с особой обворожитель­ностью.

Первым вошел принц, потом — Диана. Монсоро хотел последовать за ними, но, когда носилки поднесли к две­рям, оказалось, что внести их внутрь невозможно: стрель­чатая дверь, глубокая и высокая, была, однако, не шире самого большого сундука, а носилки графа Монсоро были шириной в шесть футов.

Глянув на чрезмерно узкую дверь и чрезмерно широкие носилки, Монсоро зарычал.

Диана проследовала в оранжерею, не обращая внимания на отчаянные жесты мужа.

Бюсси, прекрасно понявший улыбку молодой женщины, в сердце которой он привык читать по ее глазам, остался возле Монсоро и сказал ему предельно спокойным тоном:

— Вы напрасно упорствуете, господин граф, дверь очень узка, и вам никогда через нее не пройти.

— Монсеньер! Монсеньер! — кричал Монсоро. — Не ходите в эту оранжерею, там смертельные испарения от заморских цветов! Эти цветы распространяют самые ядовитые ароматы, монсеньер!

Но Франсуа не слушал: счастливый тем, что рука Дианы находится в его руке, он, позабыв свою обычную осторожность, все дальше углублялся в зеленые дебри.

Бюсси подбадривал графа Монсоро, советуя терпеливо переносить боль, но, несмотря на его увещания, случилось то, что и должно было случиться: Монсоро не смог вынести страданий; не физических, — на этот счет он был крепче железа, — а душевных.

Он потерял сознание.

Реми снова вступил в свои права. Он приказал отвести раненого в дом.

— А теперь, — обратился лекарь к Бюсси, — что мне делать теперь?

— Э! Клянусь богом! — ответил Бюсси. — Кончай то, что ты так хорошо начал: оставайся возле графа и вылечи его.

Потом он сообщил Диане о несчастье, случившемся с ее мужем.

Диана тотчас же оставила герцога Анжуйского и поспешила к замку.

— Мы добились своего? — спросил ее Бюсси, когда она проходила мимо.

— Я думаю, да, — ответила она, — во всяком случае, не уезжайте, не повидав Гертруды.

Герцог интересовался цветами лишь потому, что глядел на них с Дианой. Как только она удалась, он вспомнил предостережения графа де Монсоро и покинул оранжерею.

Рябейрак, Ливаро и Антрагэ последовали за ним.

Тем временем Диана вернулась к своему мужу, которому Реми давал вдыхать нюхательные соли.

Вскоре граф открыл глаза.

Первым его движением было вскочить, но Реми предвидел это, и графа заранее привязали к постели.

Он снова зарычал, оглянулся вокруг и заметил стоявшую у его изголовья Диану.

— А! Это вы, сударыня, — сказал оп. — Весьма рад вас видеть, ибо хочу поставить вас в известность, что нынче вечером мы уезжаем в Париж.

Реми поднял крик, но Монсоро не обратил на Реми никакого внимания, словно его здесь и не было.

— Вы хотите ехать, сударь? — спросила Диана со своим обычным спокойствием. — А как же ваша рана?

— Сударыня, — сказал граф, — нет такой раны, которая бы меня удержала. Я предпочитаю умереть, нежели страдать, и даже если мне суждено умереть в дороге, все равно, нынче вечером мы уедем.

— Что ж, сударь, — сказала Диана, — как вам будет угодно.

— Мне угодно так. Готовьтесь к отъезду, будьте добры.

— Собраться мне недолго, сударь, но нельзя ли узнать, чем вызвано столь внезапное решение?

— Я вам отвечу, сударыня, тогда, когда у вас больше не будет цветов, чтобы показывать их принцу, либо тогда, когда мне прорубят везде достаточно широкие двери, чтобы мои посланки могли проходить повсюду.

Диана поклонилась.

— Но, сударыня... — начал Реми.

— Графу так угодно, — ответила Диана, — мой долг — повиноваться.

И Реми понял по незаметному знаку молодой женщины, что ему не надо соваться со своими замечаниями.

Он замолчал, пробормотав себе под нос:

— Они мне убьют его, а потом люди скажут, что во всем виновата медицина.

Между тем герцог Анжуйский готовился покинуть Меридор.

Он изъясил барону свою глубокую благодарность за прием и вскочил на коня.

В этот момент показалась Гертруда. Она громко сообщила герцогу, что ее госпожа, занятая возле графа, не будет иметь чести засвидетельствовать ему свое почтение, и тихонько шепнула Бюсси, что Диана вечером уезжает,

Герцог и его свита отбыли.

Надо сказать, что герцог не отличался сильной волей, он был подвластен минутным прихотям.

Диана, суровая, недоступная, ранила его чувства и отталкивала его от Анжу. Диана, улыбающаяся, была приманкой, удерживала его в этом краю.

Не зная о решении, принятом главным ловчим, герцог всю дорогу размышлял о том, как опасно будет слишком быстро пойти на уступки королеве-матери.

Бюсси это предвидел и очень рассчитывал на желание принца задержаться в Анжу.

— Послушай, Бюсси,— сказал ему герцог,— я вот о чем думаю...

— Да, монсеньер, о чем же? — спросил молодой человек.

— О том, что не следует мне сразу же соглашаться с доводами моей матери.

— Ваша правда. Она и так уже считает себя великим полетником.

— Если, понимаешь, если мы попросим ее подождать неделю или, вернее, протянем эту неделю, устроив несколько празднеств, на которые пригласим дворянство, мы покажем пашей матушке, как мы сильны.

— Великолепная мысль, монсеньер. Однако, мне кажется...

— Я останусь здесь на неделю,— сказал герцог,— и благодаря этой отсрочке вырву у матери новые уступки, помани мое слово.

Бюсси, казалось, погрузился в глубокие размышления.

— И в самом деле, монсеньер, вырывайте, вырывайте, но смотрите, как бы от этой отсрочки ваши дела, вместо того чтобы выиграть, не пострадали. Король, например...

— Что король?

— Король, не зная ваших намерений, может рассердиться, он очень вспыльчив, король.

— Ты прав, надо послать кого-нибудь к брату, чтобы приветствовать его от моего имени и сообщить, что я возвращаюсь; так я получу ту неделю, в которой нуждаюсь.

— Да, но этот кто-нибудь очень рискует,— сказал Бюсси.

Герцог Анжуйский улыбнулся своей кривой улыбкой.

— В том случае, если я переменяю свои намерения, не так ли?

— Э! Несмотря на обещание, сделанное вашему брату, вы их перемените, коли ваши интересы того потребуют, не так ли?

— Еще бы, черт побери!

— Очень хорошо. И тогда вашего посланника отправят в Бастилию.

— Мы не скажем ему, зачем он едет, просто дадим ему письмо.

— Напротив,— возразил Бюсси,— не давайте ему письма и скажите.

— Но тогда никто не захочет взять на себя это поручение.

— Полноте!

— Ты знаешь человека, который за это возьмется?

— Да, знаю одного.

— Кто он?

— Это я, монсеньер.

— Ты?

— Да, я. Мне нравятся трудные поручения.

— Бюсси, милый Бюсси,— вскричал герцог,— если ты это сделаешь, можешь рассчитывать на мою вечную признательность.

Бюсси улыбнулся, он знал пределы той признательности, о которой говорил его высочество.

Герцог решил, что Бюсси колеблется.

— И я дам тебе десять тысяч экю на твоё путешествие,— прибавил он.

— Да что вы, монсеньер,— сказал Бюсси,— помилосердствуйте, разве за такое платят?

— Значит, ты едешь?

— Еду.

— В Париж?

— В Париж.

— А когда?

— Когда вам будет угодно, черт побери!

— Чем раньше, тем лучше.

— Разумеется. Ну и?

— Ну...

— Сегодня вечером, если желаете, монсеньер.

— Храбрый Бюсси, милый Бюсси, так ты действительно согласен?

— Согласен ли я? — переспросил Бюсси. — Но вы прекрасно знаете, монсеньер: чтобы сослужить службу вашему высочеству, я пошел бы и в огонь. Значит, догово-

рились. Я уезжаю сегодня вечером. А вы тут веселитесь и заполучите для меня у королевы-матери какое-нибудь милешкое аббатство.

— Я уже об этом думал, друг мой.

— Тогда прощайте, монсеньер!

— Прощай, Бюсси! Да! Не забудь сделать одну вещь.

— Какую?

— Попрощаться с моей матерью.

— Я буду иметь эту честь.

И действительно, Бюсси, еще более беспечный, веселый и живой, чем школьник, которому колокольчик возвестил о наступлении перемены, нанес визит Екатерине и приготовился выехать тотчас же, как придет сигнал об отъезде из Меридора.

Сигнала пришлось ждать до следующего утра. Мясоро очень ослабел после пережитых волнений и сам пришел к заключению, что ему необходимо этой ночью отдохнуть.

Но около семи часов тот же конюх, который приносил письмо от Сен-Люка, сообщил Бюсси, что, несмотря на слезы старого барона и возражения Реми, граф отбыл в Париж на носилках. Носилки верхами сопровождали Диана, Реми и Гертруда.

Несли носилки восемь крестьян, которые должны были сменяться через каждое пройденное лье.

Бюсси ждал только этого сообщения. Он вскочил на коня, оседланного еще накануне вечером, и поскакал в том же направлении.

Глава XXXII

О ТОМ, В КАКОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА НАХОДИЛСЯ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III, КОГДА ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК ПОЯВИЛСЯ ПРИ ДВОРЕ

После отъезда Екатерины король, как бы он ни полагался на посла, отправленного им в Анжу, король, повторяем мы, думал лишь о том, чтобы подготовиться к возможной войне с братом.

Он по опыту знал о злом гении династии Валуа. Ему было известно, на что способен претендент на корону — новый человек, выступающий против ее законного обладателя, то есть против человека скучающего и пресыщенного.

Он забавлялся или, скорее, скучал, как Тиберий, составляя вместе с Шико проскрипционные списки, куда вносились в алфавитном порядке все те, кто не выказывал горячего желания встать на сторону короля.

С каждым днем эти списки становились все длиннее и длиннее.

И каждый день король вписывал в них имя господина де Сен-Люка, на «С» и на «Л», то есть два разá вместо одного.

Оно и понятно, гнев короля против бывшего фаворита все время подогревался придворными сплетнями, коварными намеками его приближенных и их суровыми обличительными речами по адресу супруга Жанны де Коссе, бегство которого в Анжу следовало расценивать уже как измену с той минуты, когда в эту провинцию сбежал и герцог.

В самом деле, ведь не исключается, что Сен-Люк отправился в Анжу как квартирьер герцога Анжуйского, чтобы подготовить ему апартаменты в Анжере.

Посреди всей этой сумятицы, толчеи и треволнений Шико, подстрекавший миньонов натачивать их клижалы и рапиры, чтобы резать и колоть врагов его наихристианнейшего величества, Шико, повторяем мы, являл собою великолепное зрелище.

И тем более великолепное, что, изображая на себя муху, которая хлопочет возле волокущейся в гору кареты, он в действительности играл значительно более важную роль.

Шико мало-помалу, так сказать, по одному человечку, собирал войско на службу своему господину.

И вот однажды вечером, когда король ужинал с королевой — в политически опасные моменты он всегда ощущал особую тягу к ее обществу, и бегство Франсуа, естественно, сблизило Генриха с супругой, — вошел Шико, растопырив руки и ноги, словно пауч, которого дернули за питочку.

— Уф! — произнес он.

— В чем дело? — спросил король.

— Господин де Сен-Люк, — сказал Шико.

— Господин де Сен-Люк? — воскликнул его величество.

— Да.

— В Париже?

— Да.

— В Лувре?

— Да.

После этого тройного подтверждения король поднялся из-за стола весь красный и дрожащий. Трудно было разобратся, какие чувства его волнуют.

— Прошу прощения,— обратился он к королеве и, утерев усы, швырнул салфетку на кресло,— но это дела государственные, женщины они не касаются.

— Да,— сказал Шико басом,— это дела государственные.

Королева хотела встать из-за стола, чтобы уйти и не мешать королю.

— Нет, сударыня,— остановил ее Генрих,— не вставайте, пожалуйста, я пройду к себе в кабинет.

— О государь,— сказала королева с той нежной заботой, которую она всегда проявляла к своему неблагодарному супругу,— только не гневайтесь, прошу вас.

— На то божья воля,— ответил Генрих, не замечая лукавого вида, с которым Шико крутил свой ус.

Генрих поспешно направился из комнаты, Шико последовал за ним.

Как только они вышли, Генрих взволнованно спросил:

— Зачем он сюда пожаловал, этот изменник?

— Кто знает!— ответил Шико.

— Я уверен, он явился как представитель штатов Ланжу. Он явился как посол моего брата. Обычный путь мятежников: эти бунтовщики ловят в неспокойной, мутной воде всякие блага — подло, но зато выгодно. Поначалу временные и непостоянные, эти блага постепенно закрепляются за ними основательно и навеки. Сен-Люк учуял мятеж и использовал его как охранную грамоту, чтобы явиться сюда оскорблять меня.

— Кто знает? — сказал Шико.

Король взглянул на этого лаконичного господина.

— Не исключено также,— сказал Генрих, продолжая идти по галереям перовым шагом, выдававшим его волнение,— не исключено также, что он явился требовать у меня восстановления прав на свои земли, с которых я все это время удерживал доходы. Может быть, это и не совсем законно с моей стороны, ведь он в конце концов не совершил никакого подсудного преступления, а?

— Кто знает? — повторил Шико.

— Ах,— воскликнул Генрих,— что ты все твердишь одно и то же, словно мой попугай, чтоб мне слыхнуть. Ты мне уже надоел с твоим бесконечным «кто знает?».

— Э! Смерть Христова! А ты думаешь, ты очень забавен со своими бескопечными вопросами?

— На вопросы надо хоть что-нибудь отвечать.

— А что ты хочешь, чтобы я тебе отвечал? Не принимаешь ли ты меня случайно за Рок древних греков? За Юпитера, Аполлона или за Манто? Смерть Христова, это ты меня выводишь из терпения своими глупыми предположениями.

— Господин Шико...

— Что, господин Генрих?

— Шико, друг мой, ты видишь, что я страдаю, и грубишь мне.

— Не страдайте, смерть Христова!

— Но ведь все изменяют мне.

— Кто знает, клянусь святым чревом, кто знает?

Генрих, теряясь в догадках, спустился в свой кабинет, где, при потрясающем известии о возвращении Сен-Люка, собрались уже все придворные, среди которых или, вернее, во главе которых блистал Крийон с горящим взором, красным носом и усами торчком, похожий на свирепого дога, рвущегося в драку.

Сен-Люк был там. Он видел повсюду угрожающие лица, слышал, как бурлит вокруг него возмущение, но не проявлял по этому поводу никакого беспокойства.

И странное дело! Он привел с собой жену и усадил ее на табурет возле барьера королевского ложа.

Уперев кулак в бедро, он прохаживался по комате, отвечая любопытным и наглецам такими же взглядами, какими они смотрели на него.

Некоторые из придворных сгорали от желания толкнуть Сен-Люка локтем и сказать ему какую-нибудь дерзость, но из уважения к молодой женщине они держались в стороне и молчали. Посреди этой пустоты и безмолвия и шагал бывший фаворит.

Жанна, скромно закутанная в дорожный плащ, ждала.

Сен-Люк, гордо задрапировавшись в свой плащ, тоже ждал, и по его поведению чувствовалось, что он скорее напрашивается на вызов, чем боится его.

И, наконец, придворные ждали, в свой черед. Прежде чем бросить ему вызов, они хотели выяснить, зачем явился Сен-Люк сюда, ко двору. Каждый из них желал урвать себе частичку тех милостей, которыми раньше был осыпан этот бывший фаворит, и потому находил его присутствие здесь совершенно излишним.

Одним словом, как вы видите, ожидание со всех сторон было весьма напряженным, когда появился король.

Георх был возбужден и старался еще больше распалить себя: этот запыхавшийся вид в большинстве случаев и составляет то, что принято называть достоинством у особ королевской крови.

За Георхом вошел Шико, храня на лице выражение спокойного величия, которое следовало бы иметь королю Франции, и прежде всего посмотрел, как держится Сен-Люк, с чего следовало бы начать Георху III.

— А, сударь, вы здесь? — с ходу воскликнул король, не обращая внимания на присутствующих и напоминая этим быка испанских арен: вместо тысячной толпы он видит только колышущийся туман, а в радуге флагов различает лишь один красный цвет.

— Да, государь, — учтиво поклонившись, просто и скромно ответил Сен-Люк.

Этот ответ не тронул короля, это поведение, исполненное спокойствия и почтительности, не пробудило в его ослепленной душе чувства благодарности и снисходительности, которые должно вызывать сочетание собственного достоинства и уважения к другим. Король продолжал, не остановившись:

— Говоря по правде, ваше появление в Лувре весьма удивляет меня.

При этом грубом выпаде вокруг короля и его фаворита воцарилась мертвая тишина.

Такая тишина наступает на месте поединка, когда встречаются два противника, чтобы решить спор, который может быть решен только кровью.

Сен-Люк первый нарушил ее.

— Государь, — сказал он с присущим ему изяществом и не выказывая ни малейшего волнения по поводу выходки короля, — что до меня, то я удивляюсь лишь одному: как могли вы при тех обстоятельствах, в которых находится ваше величество, не ожидать меня.

— Что вы этим хотите сказать, сударь? — спросил Георх с подлинно королевской гордостью и вскинул голову, придав себе тот необычайно достойный вид, который он принимал в особо торжественных случаях.

— Государь, — ответил Сен-Люк, — вашему величеству грозит опасность.

— Опасность! — вскричали придворные.

— Да, господа; опасность, большая, настоящая, серь-

ознавая, такая опасность, когда король нуждается во всех преданных ему людях, от самых больших до самых маленьких. Убежденный в том, что при опасности, подобной той, о которой я предупреждаю, ничья помощь не может быть лишней, я пришел, чтобы сложить к ногам моего короля предложение своих скромных услуг.

— Ага! — произнес Шико. — Видишь, сын мой, я был прав, когда говорил: «Кто знает?»

Сначала Генрих III ничего не ответил: он смотрел на собравшихся. У всех был взволнованный и оскорбленный вид. Но вскоре король различил во взглядах придворных зависть, бушевавшую в сердцах большинства из них.

Отсюда он заключил, что Сен-Люк совершил нечто такое, на что большинство собравшихся было неспособно, то есть что-то хорошее.

Однако Генриху не хотелось сдаваться так сразу.

— Сударь, — сказал он, — вы только исполнили свой долг, ибо вы обязаны служить нам.

— Все подданные короля обязаны служить королю, я это знаю, государь, — ответил Сен-Люк, — но в наши времена многие забывают платить свои долги. Я, государь, пришел, чтобы заплатить свой, и счастлив, что ваше величество соизволили по-прежнему считать меня в числе своих должников.

Генрих, обезоруженный этой неизменной кротостью и покорностью, сделал шаг к Сен-Люку.

— Итак, — сказал он, — вы возвращаетесь только по тем причинам, о которых сказали, вы возвращаетесь без поручения, без охранной грамоты?

— Государь, — живо сказал Сен-Люк, признательный за тон, которым король обратился к нему, ибо в голосе его господина не было больше ни упрека, ни гнева, — я вернулся просто, чтобы вернуться, и мчался во весь опор. А теперь ваше величество можете бросить меня через час в Бастилию, через два часа казнить, но свой долг я выполнил. Государь, Анжу пылает, Турень вот-вот восстанет, Гиень поднимается, чтобы протянуть ей руку. Монсеньер герцог Апжуйский побуждает Запад и Юг Франции к мятежу.

— И ему хорошо помогают, не так ли? — воскликнул король.

— Государь, — сказал Сен-Люк, поняв, куда клонит король, — ни советы, ни увещания не останавливают герцога, и господин де Бюсси, несмотря на всю свою настой-

чивость, не может излечить вашего брата от того страха, который ваше величество ему внушаете.

— А, — сказал Генрих, — так он трепещет, мятежник!
И улыбнулся в усы.

— Разрази господь! — восхитился Шико, поглаживая подбородок. — Вот ловкий человек!

И, толкнув короля локтем, сказал:

— Посторонись-ка, Генрих, я хочу пожать руку господина де Сен-Люка.

Пример Шико увлек короля. После того как шут поздоровался с присхавшим, Генрих неторопливым шагом подошел к своему бывшему другу и положил ему руку на плечо.

— Добро пожаловать, Сен-Люк, — сказал он.

— Ах, государь, — воскликнул Сен-Люк, целуя королю руку, — наконец-то я снова пахожу своего любимого господина!

— Да, но я тебя не нахожу, — сказал король, — или, во всяком случае, пахожу таким исхудавшим, мой бедный Сен-Люк, что не узнал бы тебя, пройди ты мимо.

При этих словах раздался женский голос.

— Государь, — произнес он, — по понравиться вашему величеству — это такое несчастье.

Хотя голос был нежным и почтительным, Генрих вдрогнул. Этот голос был ему так же неприятен, как Августу звук грома.

— Госпожа де Сен-Люк! — прошептал он. — А! Правда, я и забыл...

Жанна бросилась на колени.

— Встаньте, сударыня, — сказал король, — я люблю все, что носит имя Сен-Люка.

Жанна схватила руку короля и поднесла к губам.

Генрих с живостью отнял ее.

— Смелей, — сказал Шико молодой женщине, — смелей, обратите короля в свою веру, вы для этого достаточно хороши собой, клянусь святым чревом!

Но Генрих повернулся к Жанне спиной, обнял Сен-Люка за плечи и пошел с ним в свои покои.

— Ну что, — спросил он, — мир заключен, Сен-Люк?

— Скажите лучше, государь, — ответил придворный, — что помилование даровано.

— Сударыня, — сказал Шико застывшей в нерешительности Жанне, — хорошая жена не должна покидать мужа... особенно когда ее муж в опасности.

И он подтолкнул Жанну вслед королю и Сен-Люку.

Глава XXXIII,

ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ О ДВУХ ВАЖНЫХ ГЕРОЯХ ЭТОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫХ ЧИТАТЕЛЬ С НЕКОТОРЫХ ПОР ПОТЕРЯЛ ИЗ ВИДУ

В нашей истории есть один герой, вернее даже два героя, о чьих деяниях и подвигах читатель вправе потребовать у нас отчета.

Со смирением автора старинного предисловия мы спешим предупредить эти вопросы, вся важность которых нам совершенно очевидна.

Речь идет прежде всего о дюжем монахе с лохматыми бровями, толстыми, красными губами, большими руками, широкими плечами и шеей, становящейся все короче по мере того, как увеличиваются в размерах его грудь и щеки.

Речь идет затем об очень крупном осле с приятно округлыми и раздувшимися боками.

Монах с каждым днем все больше напоминает бочок, подпертый двумя бревнами.

Осел смахивает уже на детскую колыбельку, поставленную на четыре веретена.

Первый живет в одной из келий монастыря святой Женевьевы, где всевышний осыпает его своими милостями. Второй обитает в конюшнях того же монастыря, где перед ним стоит всегда полная кормушка.

Первый отзывается на имя Горанфло.

Второй должен бы отзываться на имя Панург.

Оба наслаждаются, во всяком случае в настоящую минуту, самым большим благоденствием, о котором только может мечтать любой осел и любой монах.

Монахи монастыря святой Женевьевы окружают своего знаменитого собрата заботами, и, подобно тому как третьестепенные божества ухаживали за орлом Юпитера, павлином Юноны и голубками Венеры, святые братья раскармливают Панурга в честь его господина.

В кухне аббатства не угасает очаг, вино из самых прославленных виноградников Бургундии льется в самые большие бокалы.

Возвращается ли миссионер из дальних краев, где он распространял веру Христову, прибывает ли тайный легат папы с индугенциями от его святейшества, им обязательно показывают Горанфло — этот двуединный образ церкви проповедующей и церкви воинствующей, этого мо-

паха, который владеет словом, как святой Лука, и шпагой, как святой Павел. Им показывают Горанфло во всем его блеске, то есть во время пиршества: в столоешнице одного из столов сделали выемку для его священного чрева, и все преисполняются благородной гордости, показывая святому путешественнику, как Горанфло один заглатывает порцию, которой хватило бы восьми самым ненасытным едокам монастыря.

И когда вновь прибывший вдоволь насладится благоговейным созерцанием этого чуда, приор складывает молитвенно руки, воздевает глаза к небу и говорит:

— Какая замечательная натура! Брат Горанфло не только любит хороший стол, но он еще и весьма одаренный человек. Вы видите, как он вкушает пищу?! Ах, если бы вы слышали проповедь, которую он произнес однажды ночью, проповедь, в которой он предложил себя в жертву ради торжества святой веры! Эти уста глаголят, как уста святого Иоанна Златоуста, и поглощают, как уста Гаргантюа.

Тем не менее иной раз, посреди всего этого величия, на чело Горанфло набегают облачко: куры и индейки из Мана тщетно благоухают перед его широкими взорами, маленькие фландрские устрицы, тысячу которых он заглатывает играючи, томятся в своих перламутровых раковинах, бутылки самых разнообразных форм остаются полными, несмотря на то что пробки из них уже вынуты. Горанфло мрачен, Горанфло не хочет есть, Горанфло мечтает.

Тогда по трапезной проносится шепот, что достойный монах впал в экстаз, как святой Франциск, или лишился чувств, как святая Тереза, и общее восхищение удваивается.

Это уже не монах, это — святой, это уже даже не святой, это — полубог. Иные доходят до утверждения, что это сам бог во плоти.

— Тс-с! — шепчут вокруг. — Не будем нарушать видений брата Горанфло.

И все почтительно расходится.

Один приор остается ждать той минуты, когда брат Горанфло подаст какие-либо признаки жизни. Тогда он приближается к монаху, ласково берет его за руку и уважительно заговаривает с ним. Горанфло поднимает голову и смотрит на приора бессмысленным взором.

Он возвратился из иного мира.

— Чем вы были заняты, достойный брат мой? — спрашивает приор.

— Я? — говорит Горанфло.

— Да, вы. Вы были чем-то заняты.

— Да, отец мой, я сочинял проповедь.

— Вроде той, с которой вы так отважно выступили в почь святой Лиги?

Каждый раз, когда ему говорят об этой проповеди, Горанфло оплакивает свою немощь.

— Да, — отвечает он, вадыхая, — в том же роде. Ах, какое несчастье, что я не записал ее.

— Разве человек, подобный вам, дорогой брат мой, нуждается в том, чтобы записывать? Нет, он глаголет по вдохновению свыше. Он разверзает уста, и, поелику слово божие заключено в нем, уста его изрекают слово божие.

— Вы так думаете? — спрашивает Горанфло.

— Блажен тот, кто сомневается, — отвечает приор.

Время от времени Горанфло, понимающий, что положение обязывает, и к тому же понуждаемый примером своих предшественников, и в самом деле начинает обдумывать проповедь.

Что там Марк Тулий Цезарь, святой Григорий, святой Августин, святой Иероним и Тертуллиан! С Горанфло начнется возрождение духовного красноречия. *Regum novus ordo nascitur*¹.

И также время от времени, по окончании своей трапезы или середине своего экстаза, Горанфло встает и, словно подталкиваемый невидимой рукой, идет прямо в конюшни. Прядя туда, он с любовью взирает на режущего от удовольствия Панурга, затем проводит своей тяжелой пятерней по густой шерсти, в которой его толстые пальцы скрываются целиком. Теперь это уже больше чем удовольствие, это — счастье: Панург уже не ограничивается ревом, он катается по земле.

Приор и три-четыре высших монастырских чина обычно сопровождают Горанфло в его прогулках и пристают к Панургу с разной ерундой: один предлагает ему пирожные, другой — бисквиты, третий — макароны, как в былые времена те, кто хотел завоевать расположение Плутона, предлагали медовые пряники Церберу.

Панург предоставляет им свободу действий — у него покладистый характер. Он, у которого не бывает экста-

¹ Рождается новый порядок вещей (лат.).

зов, кому не надо придумывать проповеди, не надо заботиться о сохранении за собой иной репутации, чем репутация упряма, лептя и сластолюбца, считает, что ему больше нечего желать и что он самый счастливый из всех ослов.

Приор глядит на него с нежностью.

— Прост и кроток,— говорит он,— сии добродетели свойственны сильным.

Горанфло усвоил, что по-латыни «да» будет «ita». Это его очень выручает: на все, что ему говорят, он отвечает «ita» с тем самодовольным видом, который неизменно производит впечатление.

Поощренный постоянным согласием Горанфло, приор иногда говорит ему:

— Вы слишком много трудитесь, брат мой, это порождает печаль в вашем сердце.

И Горанфло отвечает достопочтенному Жозефу Фулону так же, как иной раз Шико отвечает его величеству Генриху III:

— Кто знает?

— Быть может, наши трапезы немного тяжелы для вас,— добавляет приор.— Не угодно ли вам, чтобы мы сменили брата повара? Вы же знаете, дорогой брат: *quosdam saturationes minus succedunt*¹.

— Ita,— твердит Горанфло и с новым жаром ласкает своего осла.

— Вы слишком много ласкаете вашего Панурга, брат мой,— говорит приор,— вас снова может одолеть тяга к странствиям.

— О! — отвечает на это Горанфло со вздохом.

По правде говоря, воспоминание о странствиях и мучит Горанфло. Он, воспринявший сначала свое изгнание из монастыря как огромное несчастье, открыл затем в этом изгнании бесчисленные и дотоле неизвестные ему радости, источником которых была свобода.

И теперь, в самый разгар своего блаженства, он чувствует, что жажда свободной жизни, словно червяк, точит его сердце,— свободной жизни вместе с Шико, веселым собутыльником, с Шико, которого он любит, сам не зная почему, может быть, потому, что тот время от времени дает ему ввбучку.

¹ Некоторые блюда удаются меньше (лат.).

— Увы! — робко замечает молодой монашек, наблюдавший за игрой лица Горанфло. — Я думаю, вы правы, достопочтенный приор: пребывание в монастыре тяготит преподобного отца.

— Не то чтобы тяготит, — говорит Горанфло, — по я чувствую, что рожден для жизни в борьбе, для политических выступлений на площадях, для проповедей на улицах.

При этих словах глаза Горанфло вспыхивают: он вспоминает об яичницах Шико, об анжуйском вине мэтра Клода Бономе, о нижней зале «Рога изобилия».

Со времени вечера Лиги или, вернее, с утра следующего после него дня, когда Горанфло возвратился в свой монастырь, ему не разрешали выходить на улицу. С тех пор как король объявил себя главой Союза, лигисты удвоили свою осторожность.

Горанфло был так прост, что ему даже в голову не пришло воспользоваться своим положением и заставить отворить себе двери.

Ему сказали:

— Брат, выходить запрещено.

И он не выходил.

Не оставалось больше сомнений относительно того, что за внутренний огонь сжедает Горанфло, отравляя ему счастье монастырской жизни.

Поэтому, вида, что печаль его со дня на день растет, приор однажды утром сказал монаху:

— Дражайший брат, никто не имеет права подавлять свое призвание. Ваше — состоит в том, чтобы сражаться за Христа. Так идите же, выполняйте миссию, возложенную на вас всевышним, но только берегите вашу драгоценную жизнь и возвращайтесь обратно к великому дню.

— Какому великому дню? — спросил Горанфло, поглощенный своей радостью.

— К дню праздника святых даров.

— Ита! — произнес монах с чрезвычайно умным видом. — Но, — добавил он, — дайте мне немного денег для того, чтобы я, как подобает христианину, черпал вдохновение в раздаче милостыни.

Приор поспешил отправиться за большим кошельком, который он и раскрыл перед Горанфло. Горанфло запустил в него свою пятерню.

— Вот увидите, сколько пользы принесу я монастырю,— сказал он и спрятал в огромный карман своей рясы то, что почерпнул в кошельке приора.

— У вас есть текст для проповеди, не правда ли, дражайший брат? — спросил Жозеф Фулон.

— Разумеется.

— Поверьте его мне.

— Охотно, но только вам одному.

Приор подошел поближе и, исполненный внимания, подставил Горанфло свое ухо.

— Слушайте.

— Я слушаю.

— Цеп, бьющий верно, бьет себя самого,— шепнул Горанфло.

— Замечательно! Прекрасно! — вскричал приор.

И присутствующие, разделяя на веру восхищение достопочтенного Жозефа Фулона, повторили вслед за ним: «Замечательно, прекрасно!»

— А теперь я могу идти, отец мой? — смиренно спросил Горанфло.

— Да, сын мой,— воскликнул почтенный аббат,— ступайте и следуйте путем господним.

Горанфло распорядился оседлать Панурга, взобрался на него с помощью двух могучих монахов и около семи часов вечера выехал из монастыря.

Это было как раз в тот день, когда Сен-Люк возвратился в Париж. Город был взбудоражен известиями, полученными из Анжу.

Горанфло проехал по улице Сент-Этьен и только успел свернуть направо и миновать монастырь яacobинцев, как внезапно Панург весь задрожал: чья-то мощная рука тяжело опустилась на его круп.

— Кто там? — воскликнул испуганный Горанфло.

— Друг,— ответил голос, показавшийся Горанфло знакомым.

Горанфло очень хотелось обернуться, но, подобно морякам, которые каждый раз, когда они выходят в море, вынуждены заново приучать свои ноги к бортовой качке, Горанфло каждый раз, когда он садился на своего осла, должен был затрачивать некоторое время на то, чтобы обрести равновесие.

— Что вам надо? — сказал он.

— Не соблаговолите ли вы, почтенный брат,— ответил голос,— указать мне путь к «Рогу изобилия»?

— Разрази господь! — вскричал Горанфло в полном восторге. — Да это господин Шико собственной персоной!

— Он самый, — откликнулся гаскопек, — я шел к вам в монастырь, мой дорогой брат, и увидел, что вы выезжаете оттуда. Некоторое время я следовал за вами, боясь, что выдам себя, если заговорю. Но теперь, когда мы совсем одни, я к вашим услугам. Здорово, долгополюй! Клянусь святым чревом, ты, по-моему, отошел.

— А вы, господин Шико, вы, по-моему, округлились, даю честное слово.

— Я думаю, мы оба льстим друг другу.

— Но что такое вы несете, господин Шико? — попитересовался монах. — Ноша у вас как будто порядком тяжела.

— Это задняя часть оленя, которую я стащил у его величества, — ответил гаскопек, — мы сделаем из нее жаркое.

— Дорогой господин Шико! — возопил монах. — А под другой рукой у вас что?

— Бутылка кипрского вина, которую один король прислал моему королю.

— Покажите-ка, — сказал Горанфло.

— Это вино как раз по мне, я его очень люблю, — сказал Шико, распахивая свой плащ, — а ты, святой брат?

— О! О! — воскликнул Горанфло, увидев два неожиданных дара, и от восторга так запрыгал на своем скакуне, что у Панурга подкосились ноги. — О! О!

На радостях монах воздел к небу руки и голосом, от которого задрожали оконные стекла по обе стороны улицы, запел песню. Панург аккомпанировал ему своим ревом.

Перелестно музыка играет,
Но звукам только слух мой рад.
У розы нежный аромат,
Но жажды он не утоляет.
И достигаем только глазу
Небес сияющий покров...
Вино всем угождает сразу:
Желудку, уху, носу, глазу.
С вином я обойтись готов
Без неба, музыки, цветов.

В первый раз почти за целый месяц Горанфло пел.

Глава XXXIV

О ТОМ, КАК ТРИ ГЛАВНЫХ ГЕРОЯ ЭТОЙ ИСТОРИИ СОВЕРШИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МЕРИДОРА В ПАРИЖ

Предоставим двум друзьям войти в кабачок «Рог изобилия», куда, как вы помните, Шико всегда приводил монаха по соображениям, о важности коих Горанфлю даже и не подозревал, и возвратимся к господину де Монсоро, которого несут на носилках по дороге из Меридора в Париж, и к Бюсси, покинувшему Анжер с намерением следовать тем же путем.

Всадник на хорошем коне не только без труда может догнать людей, идущих пешком, он еще рискует обогнать их.

Так и случилось с Бюсси.

Шел к концу май, и было очень жарко, особенно в полдень.

По этой причине граф де Монсоро приказал сделать привал в небольшом леске по дороге. И так как ему хотелось, чтобы герцог Анжуйский узнал об его отъезде по возможности позже, он позаботился увести вместе с собой в чащу — переждать там самое жаркое время — всех тех, кто сопровождал его. Одна из лошадей была навьючена припасами, таким образом, можно было позавтракать, не прибегая к услугам трактира.

Как раз в это время Бюсси и проехал мимо путешественников.

Само собой разумеется, что по дороге он не забывал осведомляться, не видели ли здесь лошадей, всадников и крестьян с носилками.

До деревни Дюрталь получаемые им сведения были самыми определенными и удовлетворительными. Поэтому, уверенный, что Диана находится впереди него, Бюсси пустил своего коня шагом, и на каждом пригорке вставал на стременах, пытаясь разглядеть вдали небольшой отряд, в погоню за которым он отправился.

Но, совершенно неожиданно для молодого человека, сведения перестали к нему поступать. Люди, попадавшиеся навстречу, никого не видели, и, доехав до околицы Ла-Флеш, он пришел к убеждению, что не отстает, а опережает, предшествует, вместо того чтобы следовать за ним.

Тогда он вспомнил про лесок, встреченный по дороге, и понял, почему конь его заржал, когда они въехали в этот лес, и стал принюхиваться к воздуху своими дымящимися ноздрями.

Бюсси тут же принял решение: остановился у самого скверного на вид кабака и, убедившись, что лошадь его ни в чем не нуждается — он меньше заботился о себе самом, чем о своем коне, силы которого могли еще понадобиться, — уселся возле окна, не забыв укрыться за какой-то тряпкой, заменявшей здесь занавеску.

Бюсси облюбовал это подобие вертепа главным образом потому, что оно было расположено напротив лучшей гостиницы города, где, как он полагал, должен был, вне всякого сомнения, остановиться Монсоро.

Молодой человек рассчитал верно. Около четырех часов дня к воротам гостиницы прибыл гонец.

А через полчаса появился весь отряд. Он состоял, если говорить о главных персонажах, из графа, графини, Реми и Гертруды; но в него входили и статисты: восемь носильщиков, сменявшиеся через каждые пять лье.

Гонца послали подготовить замену для этих носильщиков.

Монсоро слишком ревновал, чтобы не быть щедрым, поэтому, несмотря на всю необычность такого способа передвижения, путешествие проходило без препятствий и задержек.

Главные персонажи один за другим вошли в гостиницу. Диана шла последней, и Бюсси показалось, что она беспокойно оглядывается вокруг. Первым его побуждением было выглянуть из окна, но у него хватило мужества сдержать свой порыв. Неосторожность могла их погубить.

Стемнело. Бюсси надеялся, что вечером выйдет Реми или Диана появится в одном из окон. Он закутался в плащ и занял наблюдательный пост на улице.

Так он прождал до девяти часов вечера. В десять из гостиницы вышел гонец.

Пять минут спустя к воротам подошли восемь человек, четверо из них скрылись в гостинице.

«О! — сказал себе Бюсси. — Неужели они проведут ночь в пути? Это было бы блестящей идеей со стороны господина де Монсоро».

И в самом деле, все подтверждало его предположение: ночь была тихая, небо усеяно звездами, дул ласковый и ароматный ветерок, один из тех, которые кажутся нам дыханием обновленной земли.

Первыми из ворот гостиницы появились носилки.

Потом выехали верхом на конях Диана, Реми и Гертруда.

Диана опять стала внимательно оглядываться вокруг, но тут ее позвал граф, и она была вынуждена подъехать к носилкам.

Четыре запасных носильщика зажгли факелы и пошли по обе стороны дороги.

— Отлично, — сказал Бюсси, — даже если бы я сам подготавливал этот поход, ничего лучшего я бы не смог придумать.

И он возвратился в свой кабак, оседлал коня и отправился вслед за отрядом.

На этот раз он не рисковал ошибиться дорогой или потерять отряд из виду: горящие факелы ясно показывали путь, по которому двигался Монсоро.

Граф ни на минуту не отпускал Диану от себя

Он беседовал с ней или, скорее, читал ей наставления.

Посещение оранжереи было предметом неискренних попреков и множества язвительных вопросов.

Реми и Гертруда дулись друг на друга или, вернее, Реми мечтал, а Гертруда дулась на него.

Разлад этот объяснялся очень просто: с тех пор как Диана полюбила Бюсси, Реми больше не видел для себя необходимости любить Гертруду.

Итак, отряд продвигался вперед, одни пререкались, другие дулись друг на друга, когда Бюсси, следовавший за кавалькадой на таком расстоянии, чтобы его не заметили, внезапно, желая привлечь внимание Гемии, свистнул в серебряный свисток, которым он обычно призывал слуг в своем дворце на улице Гренель-Сент-Оноре.

Звук у свистка был резкий и громкий.

Когда он проносился с одного конца дома в другой, на него откликались и люди, и животные, и птицы.

Мы говорим: животные и птицы, ибо Бюсси, как все сильные мужчины, любил натаскивать боевых псов, выезжать неукротимых коней и обучать диких соколов.

При звуке этого свистка приходили в беспокойство собаки в своих псарнях, лошади в своих конюшнях, соколы на своих жердочках.

Реми тотчас же узнал его. Диана вздрогнула и посмотрела на молодого лекаря, тот утвердительно кивнул.

Затем он подъехал к Диане с левой стороны и прошептал:

— Это он.

— Что там? — спросил Монсоро. — Кто это с вами разговаривает, сударыня?

— Со мной? Никто, сударь.

— Как же никто? Я видел тень, промелькнувшую возле вас, и слышал голос.

— Этот голос, — сказала Диана, — голос господина Реми. Вы и к господину Реми меня ревнуете?

— Нет. Но я люблю, когда говорят громко. Это меня развлекает.

— Однако есть вещи, которые нельзя говорить в присутствии господина графа, — вмешалась Гертруда, приходя на помощь своей госпоже.

— Почему?

— По двум причинам.

— Какими?

— Во-первых, потому, что можно сказать что-нибудь неинтересное для господина графа, во-вторых, — что-нибудь, слишком уж для него интересное.

— А к какому разряду относилось то, что господин Реми сказал графине?

— К разряду того, что слишком интересно господину графу.

— Что сказал вам Реми, сударыня? Я хочу знать.

— Я сказал, господин граф, что если вы будете так неистовствовать, вы скончаетесь раньше, чем мы пройдем треть пути.

Можно было заметить в зловещем отблеске факелов, как лицо Монсоро сделалось бледным, словно у мертвеца.

Диана, задумчивая и трепещущая, молчала.

— Он ждет вас позади, — сказал ей едва слышно Реми. — Придержите немного шагу лошадь. Он подъедет к вам.

Реми говорил так тихо, что Монсоро расслышал только бормотание; он сделал усилие, закинул голову назад и увидел едущую за ним Диану.

— Еще одно такое движение, господин граф, — сказал Реми, — и я не поручусь, что у вас не откроется кровотечение.

С некоторых пор Диана стала храброй, любовь породила в ней дерзость, которую всякая подлинно влюбленная женщина обычно простирает за пределы разумного. Она отъехала назад и принялась ждать.

В то же мгновение Реми соскочил с лошади, дал Гертруде подержать поводья и подошел к носилкам, чтобы отвлечь больного.

— Погляди наш пульс, — сказал он. — Готов поспорить, что у нас жар.

Через пять секунд Бюсси был возле Дианы.

Молодые люди не нуждались в словах, чтобы объяснить. На несколько мгновений они застыли в нежном объятии.

— Вот видишь, — сказал Бюсси, первым нарушая молчание, — ты уехала, и я еду за тобой.

— О! Все дни мои будут прекрасны, Бюсси, а ночи — исполнены покоя, если я буду всегда знать, что ты где-то рядом.

— Но днем он нас увидит.

— Нет, ты будешь ехать в отдалении, и только я одна буду видеть тебя, мой Луи. На поворотах дороги, на вершинах пригорков перо твоего берета, вышивка твоего плаща, твой платок, вьющийся в воздухе, станут разговаривать со мной от твоего имени — все скажет мне, что ты меня любишь. Если на закате дня или в снем тумане, опускающемся на долину, я увижу, как твой милый припорок склоняет голову и шлет мне нежный вечерний поцелуй, я буду счастлива, очень счастлива!

— Говори, говори еще, моя любимая Диана, ты сама не понимаешь, какая музыка в твоём нежном голосе.

— Если же мы будем путешествовать ночью, а так будет случаться часто, ведь Реми сказал ему, что ночная прохлада полезна для ран, если мы будем путешествовать ночью, тогда я, как сегодня, буду время от времени отставать и смогу заключить тебя в объятия, смогу выразить тебе коротким прикосновением руки все, что я передумала о тебе за день.

— О! Как я тебя люблю! Как я тебя люблю! — прошептал Бюсси.

— Знаешь, — сказала Диана, — мне кажется, наши души так крепко связаны, что, даже отделенные друг от

друга расстоянием, не говоря друг с другом, не видя друг друга, мы все равно будем счастливы, ибо будем думать друг о друге.

— О да! Но видеть тебя, но держать тебя в своих объятиях, о Диана, Диана!

Лошади ласкались одна к другой, встряхивая украшенными серебром поводьями, а влюбленные сжимали друг друга в объятиях, забыв обо всем на свете.

Внезапно раздался голос, который заставил их обоих вздрогнуть: Диану — от страха, Бюсси — от гнева.

— Госпожа Диана, — кричал этот голос, — где вы? Отвечайте, госпожа Диана.

Этот крик пронзил воздух, как зловещее заклинание.

— Ах! Это он, это он! Я о нем и забыла, — прошептала Диана. — Это он, я грезила! О, какой чудесный сон и какое страшное пробуждение!

— Послушай, — воскликнул Бюсси, — послушай, Диана, вот мы опять вместе. Скажи слово, и никто тебя не сможет больше отнять у меня. Бежим, Диана. Что нам мешает бежать? Погляди: перед нами простор, счастье, свобода! Одно слово — и мы уедем! Одно слово — и, потерянная для него, ты станешь моей навеки.

И молодой человек ласково удерживал ее.

— А мой отец? — спросила Диана.

— Когда барон узнает, что я люблю тебя... — прошептал он.

— Да что ты! — вырвалось у Дианы. — Ведь он — отец.

Эти слова отрезвили Бюсси.

— Ничего против твоей воли, милая Диана, — сказал он, — приказывай, я повинюсь.

— Послушай, — сказала Диана, вытягивая руку, — наша судьба там. Будем сильнее демона, который нас преследует. Не бойся ничего, и ты увидишь, умею ли я любить.

— Бог мой, значат, мы должны расстаться! — прошептал Бюсси.

— Графиня, графиня! — кричал голос. — Отвечайте, или я соскочу с проклятых носилок, хотя бы это мне стоило жизни.

— Прощай, — сказала Диана, — прощай; он сделает, как говорит, и убьет себя.

— Ты его жалеешь?

— Ревнивец, — ответила она с прелестным выражением и милой улыбкой.

И Бюсси отпустил ее.

В два скачка Диана догнала посылки. Граф был в полубессознательном состоянии.

— Остановитесь! — прошептал он. — Остановитесь!

— Проклятие! — сказал Реми. — Не останавливайтесь! Он сошел с ума. Если он хочет убить себя, пусть убивает.

И посылки продолжали двигаться вперед.

— Но кого вы зовете? — спросила графа Гертруда. — Госпожа здесь, возле меня. Подъезжайте сюда, сударыня, и ответьте ему, господин граф бредит, это ясно.

Диана, не произнося ни слова, въехала в круг света, падающего от факелов.

— Ах! — сказал выбившийся из сил Монсоро. — Где вы были?

— Где же мне быть, сударь, если не позади вас?

— Рядом со мной, сударыня, рядом со мной. Не покидайте меня.

У Дианы не было больше никакого предложения, чтобы оставаться позади. Она знала, что Бюсси следует за ней. Если ночь будет лунной, она сможет его видеть.

Прибыли к месту остановки.

Монсоро отдохнул несколько часов и пожелал отправиться дальше.

Он спешил не в Париж попасть, а удалиться от Анжера.

Время от времени описавшая нами выше сцена возобновлялась.

Реми тихонько бурчал:

— Хотя бы он задохся от ярости, тогда честь лекаря была бы спасена.

Но Монсоро не умер. Напротив того, на десятый день он прибыл в Париж, чувствуя себя значительно лучше.

Решительно, Одуэн был очень умелым врачом, более умелым, чем это хотелось бы ему самому.

За те десять дней, что длилось путешествие, Диане удалось силою своей любви преодолеть гордыню Бюсси.

Она уговорила его явиться к Монсоро и извлечь все выгоды из дружбы, в которой его заверял граф.

Предлог для визита был самый простой: здоровье графа.

Реми лечил мужа и передавал записки жене.

— Эскулап и Меркурий, — говорил он, — по совместительству.

Глава XXXV

О ТОМ, КАК ПОСОЛ ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО ПРИВЫЛ В ПАРИЖ, И О ПРИЕМЕ, КОТОРЫЙ ЕМУ ТАМ ОКАЗАЛИ

Время шло, а ни Екатерина, ни герцог Анжуйский не появлялись в Лувре, и слухи о распри между братьями становились все настойчивее и многочисленнее.

Король не получал никаких известий от своей матери, и вместо того чтобы решить, согласно пословице: «Нет новостей — хорошие новости», он, напротив, говорил себе, покачивая головой:

— Нет новостей — плохие новости.

А министры добавляли:

— *Франсуа, слушаясь дурных советов*, должно быть, не отпускает вашу матушку.

«*Франсуа, слушаясь дурных советов...*» Действительно, вся политика странного царствования Генриха III и трех предшествующих царствований сводилась к этому.

Дурных советов послушался король Карл IX, когда он, пусть не приказал, но, во всяком случае, разрешил устроить Варфоломеевскую ночь. Дурных советов послушался Франциск II, когда он дал распоряжение об Амбиазской резне.

Дурных советов послушался отец этого вырождающегося семейства, Генрих II, когда отправил на костер столько еретиков и заговорщиков, прежде чем его самого убил Монтгомери; последний, как говорят, тоже послушался дурных советов, поэтому-то его копье и угодило столь неудачно прямо под забрало королевского шлема.

Никто не осмелился сказать Генриху III:

— В жилах вашего брата течет дурная кровь, он хочет, как это повелось в вашем роду, лишить вас трона, постричь вас в монахи или отравить. Он хочет поступить с вами так же, как вы поступили с вашим старшим братом и как ваш старший брат поступил со своим, — так, как ваша мать всех вас научила поступать друг с другом.

Нет, король тех времен, и в особенности король XVI века, почел бы эти слова за оскорбление, ибо в те времена король был человеком. Только цивилизации удалось превратить его в такую копию господа бога, как Людовик XIV, или такой безответственный миф, как конституционный король.

Поэтому миньоны и говорили Генриху III:

— Государь, вашему брату дают дурные советы.

И поскольку лишь один-единственный человек и по праву и по уму мог советовать герцогу Анжуйскому, то вокруг Бюсси собирались тучи, с каждым днем все более тяжелые, готовые разразиться грозой.

Уже на гласных советах обсуждали средства устрашения врага, а на советах тайных — средства его уничтожения, когда распространился слух, что герцог Анжуйский направил к королю своего посла.

Откуда взялся такой слух? Кто его породил? Кто его пустил? Кто распространил?

Ответить на этот вопрос так же нелегко, как объяснить, откуда возникают воздушные вихри над землей, пылевые вихри над полями, шумовые вихри над улицами и площадями города.

Некий злой дух снабжает крыльями определенного рода слухи и выпускает их в пространство, словно орлов.

Когда слух, о котором мы упомянули, дошел до Лувра, он вызвал там всеобщий переполох.

Король побледнел от гнева, а придворные, повторяя, как всегда, в преувеличенном виде, чувства своего господина, посинели.

Кругом слышались клятвы.

Трудно было бы перечислить здесь все эти клятвы, но, среди прочего, клялись в том, что:

если посол старик, над ним потешатся, поглумятся, а потом отправят его в Бастилию;

если он молод, он будет зарублен пополам, изрешечен пулями, изрезан на мелкие кусочки, которые разошлют по всем провинциям Франции, как свидетельство королевского гнева.

А миньоны, по своему обыкновению, принялись натаскивать рапиры и упражняться в фехтовании и в метании кинжала. Шико предоставил своим шпаге и кинжалу лежать в ножнах и погрузился в глубокие размышления.

Король, видя Шико в раздумьях, вспомнил, что однажды, в некоем трудном вопросе, который потом проявился, Шико оказался одного мнения с королевой-матерью, а королева-мать была права.

Он понял, что в Шико воплощена мудрость королевства, и обратился с вопросами к Шико.

— Государь,— ответил тот, после зрелого размышления,— либо монсеньер герцог Анжуйский направил к вам посла, либо он его к вам не направил.

— Клянусь богом,— сказал король,— стояло тебе сидеть подперев щеку кулаком, чтобы придумать эту прекрасную дилемму.

— Терпение, терпение, как говорит на языке мэтра Макнавелли ваша августейшая матушка, да хранит ее бог! Терпение.

— Ты видишь, оно у меня есть,— сказал король,— раз я тебя слушаю:

— Если он направил к вам посла, значит, он считает, что может так поступить. Если он считает, что может так поступить, а он — воплощенная осторожность, значит, он чувствует себя сильным. Если он чувствует себя сильным, надо его опасаться. Отнесемся с уважением к сильным. Обманем их, но не будем играть с ними. Примем их посла и заверим его, что мы ему рады до смерти. Это ни к чему не обязывает. Вы помните, как ваш брат поцеловал славного адмирала Колинни, когда тот явился в качестве посла от гугенотов? Гугеноты тоже считали себя силой.

— Значит, ты одобряешь политику моего брата Карла Девятого?

— Отнюдь, поймите меня правильно, я привожу пример и добавляю: если позже мы найдем способ, не способ наказать беднягу герольда, гонца, слугу или посла, а способ схватить за шиворот господина, вдохновителя, главу — великого и достославного принца, монсеньера герцога Анжуйского, настоящего и единственного виновника, разумеется, вместе с тройкой Гизов, и заточить его в крепость, более надежную, чем Лувр, о, государь, давайте это сделаем.

— Вступление недурное,— сказал Генрих III.

— Чума на твою голову, а у тебя неплохой вкус, сын мой,— ответил Шико. — Так я продолжаю.

— Валяй!

— Но если он не направил к тебе посла, зачем ты разрешаешь мекать своим друзьям?

— Мекать?!

— Ты прекрасно понимаешь. Я сказал бы «рычать», если бы существовала хоть малейшая возможность принять их за львов. Я говорю «мекать»... потому что... Послушай, Генрих, ведь действительно, просто тошно

глядеть, как эти молодцы, бородатые, что обезьяны из твоего зверинца, словно маленькие, занимаются игрой в привидения и стараются напугать людей криком: «У-у! У-у-у!» А то ли еще будет, если герцог Анжуйский никого к тебе не послал! Они вообразят, что это из-за них, и станут считать себя важными птицами.

— Шико, ты забываешь, что люди, о которых ты говоришь, мои друзья, мои единственные друзья.

— Хочешь проиграть мне тысячу экю, о мой король? — сказал Шико.

— Ну!

— Ты поставишь на то, что эти люди сохранят тебе верность при любом испытании, а я — на то, что трое из четырех будут принадлежать мне душой и телом уже к завтрашнему вечеру.

Уверенность, с которой говорил Шико, заставила короля, в свою очередь, задуматься. Он ничего не ответил.

— Ага, — сказал Шико, — теперь и ты призадумался, теперь и ты подпер кулачком свою прелестную щечку. А ты башковитее, чем я думал, сын мой, вот ты уже и почувал, где правда.

— Ну, так что же ты мне советуешь?

— Мой король, я советую тебе ждать. В этом слове заключена половина мудрости царя Соломона. Если к тебе прибудет посол, делай приятное лицо, если никто не прибудет, делай что хочешь, но, во всяком случае, будь признателен за это своему брату, которого не стоит, поверь мне, приносить в жертву твоим бездельникам. Какого черта! Он большой мерзавец, я знаю, но он Валуа. Убей его, если тебе это нужно, но, ради чести имени, не позорь его, с этим он и сам вполне успешно справляется.

— Ты прав, Шико.

— Вот еще один урок, которым ты мне обязан. Счастье твое, что мы не считаем. А теперь отпусти меня спать, Генрих. Восемь дней тому назад я был вынужден спавать одного монаха, а когда мне приходится заниматься такими упражнениями, я потом целую неделю пьпп.

— Монаха? Не тот ли это достойный брат из монастыря святой Женевьевы, о котором ты мне уже говорил?

— Тот самый. Ты еще ему аббатство пообещал.

— Я?

— Разрази господь! Это самое малое, что ты можешь для него сделать после того, что он сделал для тебя.

- Значит, он все еще предан мне?
— Он тебя обожает. Кстати, сын мой...
— Что?
— Через три недели праздник святых даров.
— Ну и что?
— Я надеюсь, ты удивишь нас какой-нибудь хоро-
шенькой небольшой процессией.
— Я всехристианнейший король, и мой долг подавать
народу пример благочестия.
— И ты, как всегда, сделаешь остановки в четырех
больших монастырях Парижа?
— Как всегда.
— Аббатство святой Женевиевы входит в их число,
правда?
— Разумеется, я рассчитываю посетить его вторым.
— Добро.
— А почему ты спрашиваешь об этом?
— Просто так. Я, как тебе известно, любопытен. Те-
перь я знаю все, что хотел знать. Спокойной ночи, Ген-
рих.

В эту минуту, когда Шико уже расположился со-
снуть, в Лувре поднялось страшное волнение.

- Что там за шум? — спросил король.
— Нет, решительно, Генрих, мне не суждено по-
спать.

- Ну, так что же там?
— Сын мой, сними мне комнату в городе, или я по-
кидаю свою службу. Слово чести, жить в Лувре стано-
вится невозможно.

В это время вошел капитан гвардии. Вид у него был
очень растерянный.

- В чем дело? — спросил король.
— Государь, — ответил капитан, — к Лувру приближа-
ется посол монсеньера герцога Анжуйского.
— Он со свитой? — спросил король.
— Нет, один.
— Тогда ему надо оказать вдвойне хороший прием,
Генрих, потому что он храбрец.

— Хорошо, — сказал король, пытаясь принять спо-
койный вид, хотя мертвенная бледность лица выдавала
его. — Хорошо, пусть весь мой двор соберется в большой
зале, а меня пусть оденут в черное: когда имеешь не-
счастье разговаривать со своим братом через посла, надо
иметь похоронный вид.

Глава XXXVI,

КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕГО ЛИШЬ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПРЕДЫДУЩЕЙ, СОКРАЩЕННОЙ АВТОРОМ ПО СЛУЧАЮ НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКОВ

В парадной зале возвышался трон Генриха III. Вокруг него шумно толпились возбужденные придворные.

Король уселся на трон грустный, с нахмуренным челем.

Все глаза были устремлены на галерею, откуда капитан гвардии должен был ввести посла.

— Государь,— сказал Келюс, склонившись к уху короля,— знаете, как зовут этого посла?

— Нет, что мне в его имени?

— Государь, его зовут господин де Бюсси. Разве оскорбление от этого не становится в три раза сильнее?

— Я не вижу, в чем тут оскорбление,— сказал Генрих, стараясь сохранить хладнокровие.

— Быть может, ваше величество и не видит,— сказал Шомберг,— по мы-то, мы прекрасно видим.

Генрих ничего не ответил. Он чувствовал, как вокруг трона кипят гнев и ненависть, и в душе поздравлял себя, что сумел воздвигнуть между собой и своими врагами два таких мощных защитных вала.

Келюс, попеременно то бледнее, то краснее, положил обе руки на эфес своей рапиры.

Шомберг снял перчатки и наполовину вытащил кивжал из ножен.

Можирон взял свою шпагу из рук пажа и пристегнул ее к поясу.

Д'Эпернон подкрутил кончики усов до самых глаз и пристроился за спинами товарищей.

Что касается Генриха, то он напоминал охотника, который слышит, как его собаки рычат на кабана: предоставляя своим фаворитам полную свободу действий, сам он только улыбался.

— Введите,— сказал он.

При этих словах в зале воцарилась мертвая тишина. Казалось, можно было услышать, как в этой тишине глухо рокочет гнев короля.

И тут в галерее раздались уверенные шаги и гордое повязывание шпор о плиты пола.

Вошел Бюсси с высоко поднятой головой и спокойным взглядом, держа в руке шляпу.

Надменный взор молодого человека не остановился ни на одном из тех, кто окружал короля.

Бюсси прошел прямо к Генриху, отвесил глубокий поклон и стал ждать вопросов. Он стоял перед треном гордо, но то была особая гордость, гордость дворянина, в ней не было ничего оскорбительного для королевского величия.

— Вы здесь, господин де Бюсси? Я вас полагал в дебрях Анжу.

— Государь, — сказал Бюсси, — я действительно был там, но, как вы видите, меня уже там нет.

— Что же привело вас в нашу столицу?

— Желание принести дань моего глубочайшего почтения вашему величеству.

Король и министры переглянулись, было очевидно, что они ждали много от несдержанного молодого человека.

— И... ничего более? — довольно высокомерно спросил король.

— Я прибавлю к этому, государь, что мой господин, его высочество монсеньер герцог Анжуйский, приказал мне присоединить его изъявления почтения к моим.

— И герцог ничего другого вам не сказал?

— Он сказал мне, что вот-вот должен выехать с королевой-матерью в Париж и хочет, чтобы ваше величество знали о возвращении одного из ваших самых верных подданных.

Король, почти задохнувшийся от изумления, не смог продолжать свой допрос.

Шико воспользовался этим перерывом и подошел к послу.

— Здравствуйте, господин де Бюсси, — сказал он.

Бюсси обернулся, удивленный, что в этой толпе у него мог найтись друг.

— А! Господин Шико, приветствую вас от всего сердца, — ответил он. — Как поживает господин де Сен-Люк?

— Отлично. Он сейчас прогуливается возле вольеров; вместе со своей супругой.

— Это все, что вы должны были сказать мне, господин де Бюсси? — спросил король.

— Да, государь, если есть еще какие-нибудь важные повости, монсеньер герцог Анжуйский будет иметь честь сообщить их вам лично.

— Прекрасно, — сказал король.

И, молча встав с трона, он спустился по его двум ступеням.

Аудиенция окончилась, толпа придворных рассеялась.

Бюсси заметил уголком глаза, что четверо миньонов окружили его и как бы замкнули в живое кольцо, исполненное напряжения и угрозы.

В углу залы король тихо беседовал со своим канцлером.

Бюсси сделал вид, что ничего не замечает, и продолжал разговаривать с Шико.

Тогда король, словно и он был в заговоре и хотел оставить Бюсси в одиночестве, позвал:

— Подите сюда, Шико. Мы должны вам кое-что сказать.

Шико поклонился Бюсси с учтивостью, по которой за целое лье можно было узнать дворянина.

Бюсси ответил ему не менее изящным поклоном и остался в кольце один.

И тогда его поза и выражение лица изменились: с королем он держался спокойно, с Шико — вежливо, теперь он стал любезен.

Увидев, что Келюс приближается к нему, он сказал:

— А! Здравствуйте, господин де Келюс. Окажите мне честь: позвольте спросить вас, как поживает ваша компания?

— Довольно скверно, сударь, — ответил Келюс.

— Боже мой! — воскликнул Бюсси, словно обеспокоенный этим ответом. — В чем же дело?

— Есть нечто такое, что нам ужасно мешает, — ответил Келюс.

— Нечто? — удивился Бюсси. — Да разве вы и все ваши, и в особенности вы, господин де Келюс, недостаточно сильны, чтобы убрать это нечто?

— Простите, сударь, — сказал Можирон, отстраняя Шомберга, который шагнул вперед, чтобы вставить свое слово в этот, обещавший сделаться интересным, разговор, — господин де Келюс хотел сказать не «нечто», а «некто».

— Но если кто-то мешает господину де Келюсу,— сказал Бюсси,— пусть господин де Келюс оттолкнет его, как только что поступили вы.

— Я тоже ему это посоветовал, господин де Бюсси,— сказал Шомберг,— и думаю, что Келюс готов последовать моему совету.

— А! Это вы, господин де Шомберг,— сказал Бюсси,— я не имел чести узнать вас.

— Наверное, у меня все еще не сошла с лица синяя краска,— сказал Шомберг.

— Отнюдь, вы, напротив, очень бледны, может быть, вам нездоровится, сударь?

— Сударь,— сказал Шомберг,— если я и бледен, то от ярости.

— А! Вот оно что! Значит, вам, как господину де Келюсу, мешает нечто или некто?

— Да, сударь.

— Мне тоже,— сказал Можирон,— мне тоже мешает некто.

— Вы, как всегда, весьма остроумны, дорогой господин де Можирон,— сказал Бюсси,— но в самом деле, господа, чем больше я на вас гляжу, тем больше меня огорчают ваши расстроенные лица.

— Вы забыли меня, сударь,— сказал д'Эпернон, гордо встав перед Бюсси.

— Прошу прощения, господин д'Эпернон, вы, как обычно, держались позади остальных, и к тому же я почти не имею удовольствия знать вас и не могу обращаться к вам первым.

Это было очень любопытное зрелище: непринужденный, улыбающийся Бюсси посреди четырех кипящих от ярости миньонов, которые кидали на него недвусмысленные грозные взгляды.

Только глупец или слепой мог не понять, чего добиваются королевские фавориты.

Только Бюсси мог делать вид, что не понимает их. Он помолчал, все с той же улыбкой на губах.

— Итак! — громко воскликнул, притопнув ногой, Келюс, который первым потерял терпение.

Бюсси поднял глаза к потолку и огляделся.

— Сударь,— сказал он,— заметили вы, какое в этом зале эхо? Ничто так не отражает звука, как мраморные стены, а под оштукатуренными сводами голоса звучат в два раза громче. В открытом же поле звуки, напротив,

рассеиваются и, клянусь честью, я полагаю, что облака играют тут немалую роль. Я выдвигаю это предположение вслед за Аристофаном. Вы читали Аристофана, сударь?

Можирон принял это за приглашение со стороны Бюсси и подошел поближе, чтобы поговорить с ним шепотом.

Бюсси остановил его.

— Никаких секретов здесь, сударь, умоляю вас,— сказал Бюсси,— вы же знаете, как ревнив его величество король. Он решит, что мы злословим.

Можирон отступил, взбешенный более, чем когда-либо.

Шомберг занял его место и сказал напыщенным тоном:

— Что до меня, то я немец, пусть грубый, тупой, но прямой. Я говорю во весь голос, чтобы все, кто меня слушает, слышали, что я сказал. Но когда мои слова, которые я пытаюсь сделать как можно более понятными, не доходят до того, к кому они обращены, потому что он глух, или не поняты им, потому что он не хочет понимать, в таком случае я...

— Вы? — сказал Бюсси, устремляя на молодого человека, чья нетерпеливая рука уже угрожающе поднималась, один из тех взглядов, которые могут вырваться только из ни с чем не сравнимых зрачков тигра, взглядов, которые словно извергаются из глубины пропасти и так и мечут пламя. — Вы?

Рука Шомберга опустилась.

Бюсси пожал плечами, сделал оборот на каблуках и повернулся к нему спиной.

Теперь он оказался лицом к лицу с д'Эперноном.

Д'Эпернон уже бросился в бой, и пути к отступлению у него не было.

— Поглядите, господа,— сказал он,— каким провинциалом стал господин де Бюсси после его бегства с монсеньером герцогом Анжуйским: он отпустил бороду и не носит на шпаге банта; на нем черные сапоги и серая шляпа.

— Как раз об этом я сейчас и сам размышлял, дорогой господин д'Эпернон. Видя вас таким нарядным, я подумал: «До чего может довести человека несколько дней отсутствия при дворе! Я, Луи де Бюсси, сеньор де Клермон, вынужден равняться на вкус мелкого гасконского дворянчика!» Но разрешите мне пройти, прошу вас. Вы подошли так близко, что наступили мне на ногу, и гос-

подин де Келюс тоже. Я это почувствовал, хотя на мне и сапоги,— добавил он с чарующей улыбкой.

И, пройдя между д'Эперноном и Келюсом, Бюсси протянул руку Сен-Люку, который как раз вошел в залу.

Сен-Люк заметил, что рука эта вся в поту.

Он понял: происходит что-то необычное, и, увлекая за собой Бюсси, сначала вывел его из кольца миньонов, а затем и из залы.

Ропот удивления поднялся среди миньонов и распространился на другие группы придворных.

— Невероятно,— говорил Келюс,— я его оскорбил, а он мне не ответил.

— Я,— сказал Можирон,— я бросил ему вызов, и он мне не ответил.

— Я,— подхватил Шомберг,— поднес руку к самому его лицу, и он не ответил мне.

— Я наступил ему на ногу,— кричал д' Эпернон,— наступил на ногу, и он не ответил.

Д'Эпернон словно бы даже вырос на толщину ступни Бюсси.

— Совершенно ясно: он ничего не хотел понимать,— сказал Келюс. — Тут что-то есть.

— Я знаю что,— воскликнул Шомберг.

— А что же?

— А то. Он прекрасно видит: вчетвером мы убьем его, и не хочет быть убитым.

В это время к молодым людям подошел король. Шико шептал ему что-то на ухо.

— Ну,— прозвнес король,— что же вам говорил господин де Бюсси? Мне послышалось, разговор у вас был крупный.

— Вы желаете знать, что говорил господин де Бюсси, государь? — спросил д'Эпернон.

— Да, вам же известно: я любопытен,— ответил с улыбкой Генрих.

— По чести, ничего хорошего, государь,— сказал Келюс,— он больше не парижанин.

— Так кто же он тогда?

— Деревенщина. Он уступает дорогу.

— О! — сказал король. — Что это значит?

— Это значит, я собираюсь обучить свою собаку хватать его за икры,— сказал Келюс,— и, кто знает, может

быть, даже и тогда он ничего не заметит из-за своих сапог.

— А я,— сказал Шомберг,— у меня есть чучело для упражнений в ударах шпагой, так вот я назову его Бюсси.

— А я,— заявил д'Эпернон,— я буду действовать более прямо и пойду дальше. Сегодня я ему наступил на ногу, завтра — дам ему пощечину. Храбрость у него напускная, она держится на самолюбии. Он говорит себе: «Довольно я сражался за свою честь, теперь надо поберечь свою жизнь».

— Как, господа,— воскликнул Генрих, прикидываясь рассерженным,— вы осмелились дурно обращаться у меня в Лувре с дворянином из свиты моего брата?

— Увы, да,— сказал Можирон, отвечая на притворный гнев короля притворным же смирением,— и хотя мы обращались с ним весьма дурно, он ничем нам не ответил.

Король с улыбкой поглядел на Шико, нагнулся к его уху и шепнул:

— Ты все еще считаешь, что они мекают, Шико? Мне кажется, они уже зарычали, а?

— Э! — сказал Шико. — А может, они замыкали. Я знал людей, которым кошачье мяуканье ужасно действовало на нервы. Может быть, господин Бюсси относится к таким людям. Вот почему он и вышел, не ответил.

— Ты так думаешь? — сказал король.

— Поживем — увидим,— ответил наставительно Шико.

— Брось,— сказал Генрих,— каков господин, таков и слуга.

— Не хотите ли вы этим сказать, государь, что Бюсси слуга вашего брата? В таком случае вы изрядно ошибаетесь.

— Господа,— сказал Генрих,— я иду к королеве, с которой я обедаю. Скоро Желози¹ разыграют перед нами фарс; приглашаю вас на представление.

Присутствующие почтительно поклонились, и король удалился через главную дверь.

Как раз в эту минуту господин де Сен-Люк входил через боковую.

¹ Желози — итальянские комедiantы, которые давали представления в Бургундском дворце. (Прим. автора.)

Он знаком остановил четырех мпньонов, собравшихся уйти.

— Прошу прощения, господин де Келюс,— сказал он, поклонившись,— вы все еще живете на улице Сент-Оноре?

— Да, дорогой друг, а почему вы спрашиваете? — спросил Келюс.

— Я хотел бы сказать вам пару слов.

— О!

— А вы, господин де Шомберг, не будете ли вы так добры дать мне ваш адрес?

— Я живу на улице Бетизи,— сказал удивленный Шомберг.

— Ваш я знаю, д'Эпернон.

— Улица де Гренель.

— Вы мой сосед. А вы, Можирон?

— Я обитаю в казарме Лувра.

— Значит, я начну с вас, если разрешите, нет, пожалуй, с вас, Келюс.

— Великолепно. Мне кажется, я понял. Вы пришли по поручению Бюсси?

— Не стану говорить, по чьему поручению я явился, господа. Мне надо с вами поговорить, вот и все.

— Со всеми четырьмя?

— Да.

— Хорошо, но если вы не хотите говорить с нами в Лувре, потому что, как я предполагаю, считаете это место неподходящим, мы можем отправиться к одному из нас. Мы можем выслушать все вместе то, что вы собирались сказать нам каждому по отдельности.

— Прекрасно.

— Тогда пойдемте к Шомбергу, на улицу Бетизи, это в двух шагах.

— Да, пойдемте ко мне,— сказал молодой человек.

— Пусть будет так, господа,— ответил Сен-Люк и снова поклонился.

— Ведите нас, господин Шомберг.

— С удовольствием.

Пятеро дворян вышли из Лувра и взялись под руки, заняв всю ширину улицы.

За ними шествовали их вооруженные до зубов слуги. Так они явились на улицу Бетизи, и Шомберг приказал приготовить большую гостиную своего дворца.

Сен-Люк остался ждать в передней.

Глава XXXVII

О ТОМ, КАК СЕН-ЛЮК ВЫПОЛНИЛ ПОРУЧЕНИЕ, КОТОРОЕ ДАЛ ЕМУ БЮССИ

Оставим ненадолго Сен-Люка в передней Шомберга и посмотрим, что произошло между ним и Бюсси.

Бюсси, как мы знаем, покинул тронный зал вместе со своим другом, раскланившись с теми, кто не был проникнут духом придворного угодничания до такой степени, что мог не ответить на любезность столь опасного человека, как Бюсси.

Ибо в те времена господства грубой силы, когда личное могущество было всем, человек мог, если он был силен и ловок, выкровать в прекрасном королевстве Франция небольшое королевство для себя, как в географическом, так и в моральном смысле.

Именно так и царствовал Бюсси при дворе короля Генриха III.

Но в тот день, как мы с вами видели, Бюсси встретил в своем королевстве весьма дурной прием.

Лишь только друзья вышли из зала, Сен-Люк остановился и, с беспокойством глядя на Бюсси, спросил:

— Вы плохо себя чувствуете, друг мой? Вы так бледны, что, кажется, вот-вот потеряете сознание.

— Нет, — сказал Бюсси, — я задыхаюсь от власти.

— Ну хорошо, думаете вы что-нибудь предпринять в отношении этих бездельников?

— Еще бы, черт побери, вы сейчас увидите.

— Ну, ну, Бюсси, спокойствие.

— Да вы просто прелестны: «спокойствие»! Если бы вам наговорили половину того, что я сейчас выслушал, то, при вашем праве, у нас было бы уже смертоубийство.

— Ладно, что же вы хотите делать?

— Вы мой друг, Сен-Люк, и дали мне страшное доказательство этой дружбы.

— Э! Дорогой мой, — сказал Сен-Люк, который считал, что Монсоро мертв и лежит в могиле, — пустяковое дело, не вспоминайте о нем, вы меня обидите. Разумеется, удар был отменный, и, главное, я его очень искусно выполнил, но это не моя заслуга, меня ему обучил король, пока держал взаперти в Лувре.

— Дорогой друг...

— Оставим же Монсоро там, где он находится, и лучше поговорим о Диане. Была она хоть чуточку рада, бедная малютка? Простила она меня? Когда свадьба? Когда крестины?

— Э, милый друг, подождите, пока этот Монсоро умрет.

— Что вы сказали? — переспросил Сен-Люк и подскок- чил так, словно наступил на острый гвоздь.

— Ах, милый друг, маки совсем не такое опасное растение, как вы было подумали, и он вовсе не умер от того, что упал на них. Совсем наоборот: он жив и злоб- ствует пуще прежнего.

— Вот так раз! Это правда?

— Господи боже мой, да. Он только о мести и думает и поклялся убить вас при первой возможности. Вот так обстоят дела.

— Он жив?

— Увы, да.

— Кто же тот безмозглый лекарь, который выходил его?

— Мой Реми, милый друг.

— Как! Я просто опомниться не могу! — продолжал Сен-Люк, ошеломленный этим открытием. — А! Да ведь в таком случае я обесчещен, клянусь телом Христовым! Я-то объявил всем, что он мертв. Наследники встретят его в трауре. Нет, меня не смогут уличить во лжи. Я его доконаю при первой же встрече и вместо одного удара нанесу ему четыре, если понадобится.

— А теперь успокойтесь вы, дорогой Сен-Люк, — ска- зал Бюсси. — По правде говоря, Монсоро относится ко мне гораздо лучше, чем вы можете вообразить. Пред- ставьте себе: он думает, что вас на него патравил герцог. Он ревнует к герцогу. Я же считаюсь ангелом, беспеч- ным другом, Баярдом, его дорогим Бюсси, наконец. Да оно и понятно, ведь это скотина Реми вызволил его из беды.

— И с чего только Одуэну взбрела в голову такая дурь!

— Что вы хотите! Понятия честного человека. Он воображает: раз он лекарь, значит, должен лечить лю- дей.

— Да он не от мира сего, этот молодчик.

— Короче, Монсоро считает, что обязав жизнью мне, и доверяет мне свою жену,

— Ага! Понимаю. Это обстоятельство и позволяет вам более терпеливо ждать его смерти. Но, как бы то ни было, я просто не могу прийти в себя от удивления.

— Дорогой друг!

— Клянусь честью! Я как с неба свалился.

— Вы видите, что сейчас дело не в господине де Монсоро.

— Нет! Будем наслаждаться жизнью, пока он лежит пластом. Но предупреждаю, что к моменту его выздоровления я закажу себе кольчугу и распорядюсь обить мой ставни железом. А вы разведайте у герцога Анжуйского, не дала ли ему его милая матушка рецепта какого-нибудь противоядия. Пока же будем веселиться, милый друг, будем веселиться.

Бюсси не мог удержаться от улыбки. Он продел свою руку под руку Сен-Люка и сказал:

— Итак, дорогой Сен-Люк, вы видите, что оказали мне услугу лишь наполовину.

Сен-Люк посмотрел на него с недоумением.

— Верно, — сказал он, — и вы хотите, чтобы я довел ее до конца? Это будет нелегко, но для вас, дорогой Бюсси, я готов сделать многое. Особенно если он устанет на меня этими своими желтыми глазами, тьфу!

— Нет, дражайший, нет. Я уже сказал, забудем Монсоро, я если вы считаете себя в долгу передо мной, расплатитесь лучше по-иному.

— Ну, ну, говорите, я вас слушаю.

— Вы в хороших отношениях с господами мньюнами?

— Проклятие! Да как кошки и собаки на солнышке. Пока солнца хватает всем — мир и покой, но стоит хоть одному из нас перехватить частичку тепла и света у других и... О, я уже ни за что не ручаюсь! В ход будут пущены зубы и когти.

— Друг мой, ваши слова приводят меня в восторг,

— А! Тем лучше.

— Предположим, что солнечный луч перехвачен.

— Предположим. Пусть будет так.

— Что ж, покажите ваши прекрасные белые зубы, выпустите ваши грозные когти, и начнем игру.

— Я вас не понимаю.

Бюсси улыбнулся.

— Вы отправитесь, если будете столь любезны, к господину де Келюсу,

— Ага! — сказал Сен-Люк.

— Начинаете понимать, правда?

— Да.

— Чудесно! Вы спросите его, в какой день ему угодно перерезать мне горло или позволить, чтобы я перерезал горло ему.

— Я спрошу у него, дорогой друг.

— Это вас не затруднит?

— Меня? Ни в коей мере. Я пойду, когда вы захотите, прямо сейчас, если только это доставит вам удовольствие.

— Минуточку. Навестив господина де Келюса, вы окажете мне одолжение — зайдете с той же целью к господину де Шомбергу и зададите ему тот же вопрос, не правда ли?

— Ах! — воскликнул Сен-Люк. — И к господину Шомбергу тоже? Проклятие! Как вы торопитесь, Бюсси!

Бюсси сделал протестующий жест.

— Пусть так, — сказал Сен-Люк, — ваше желание будет исполнено.

— В таком случае, дорогой Сен-Люк, — продолжал Бюсси, — раз уж вы столь любезны, вы зайдете в Лувр к господину де Можирону, на котором я заметил стальной нагрудник — знак того, что он сегодня на дежурстве, и предложите ему присоединиться к остальным, не правда ли?

— О! О! — вырвалось у Сен-Люка. — Трое! Вы об этом подумали, Бюсси? Все, по крайней мере?

— Не совсем.

— Как не совсем?

— Оттуда вы отправитесь к господину д'Эпернону, не буду задерживать на нем ваше внимание, фигура, по моему, довольно жалкая, но, как бы там ни было, он пополнит число.

Сен-Люк опустил руки и уставился на Бюсси.

— Четверо! — прошептал он.

— Правильно, дорогой друг, — сказал Бюсси, утвердительно кивнув головой, — четверо. Само собой разумеется, что мне незачем советовать человеку вашего ума, храбрости и галантности действовать по отношению к этим господам со всей предупредительностью и вежливостью, которыми вы отличаетесь в высшей степени...

— О! Мой друг!..

— Я обращаюсь за этой услугой к вам, чтобы все

было сделано... учтиво. Уладим дело по-благородному, не правда ли?

— Вы останетесь довольны, друг мой.

Бюсси с улыбкой протянул молодому человеку руку.

— В добрый час,— сказал он. — А! Господа миньоны, придет время, мы тоже посмеемся.

— А теперь, дорогой друг, условия.

— Какие условия?

— Ваши.

— У меня их нет, я приму условия этих господ.

— Ваше оружие?

— То же, что у этих господ.

— День, место, час?

— День, место и час, удобные этим господам.

— Но, однако...

— Не будем больше говорить об этих пустяках. Действуйте, и действуйте побыстрее, милый друг. Я буду прогуливаться в маленьком саду Лувра. Вы меня там найдете, когда выполните мою просьбу.

— Значит, вы меня ждете?

— Да.

— Ждите. Проклятие! Дело может затянуться.

— У меня есть время.

Мы уже знаем, как Сен-Люк разыскал четверых миньонов в тронном зале и как он положил начало переговорам.

Так вернемся к нему, в переднюю дворца Шомберга, где мы его оставили церемонно ожидающим, согласно всем правилам этикета той эпохи, пока четыре фаворита его величества, подозревая о цели визита Сен-Люка, рассаживались по четырем углам обширной гостиной.

После того как они уселись, дверь в переднюю широко распахнулась, из нее вышел лакей и поклонился Сен-Люку. Тот, опираясь левой рукой на рукоять рапиры и изящно приподнимая рапирой свой плащ, а в правой — держа шляпу, дошел до порога комнаты и остановился ровно на его середине, определив ее с точностью, которой похвастывал бы самый умелый архитектор.

— Господин д'Эпине де Сен-Люк,— провозгласил лакей.

Сен-Люк вошел.

Шомберг, как хозяин дома, встал и направился к гостю, который, вместо того чтобы поклониться, надел на голову шляпу.

Эта формальность придавала визиту особую окраску и определенный смысл.

Шомберг ответил поклоном, а затем повернулся к Келюсу.

— Имею честь представить вам,— сказал он,— господина Жака де Леви, графа де Келюса.

Сен-Люк сделал шаг в сторону Келюса и, в свой черед, отвесил глубокий поклон.

— Я искал с вами встречи, сударь.

Келюс поклонился.

Шомберг продолжал, повернувшись к другому углу зала:

— Имею честь представить вам господина Луи де Можирона.

Такой же поклон со стороны Сен-Люка, и такой же ответ со стороны Можирона.

— Я искал с вами встречи, сударь,— сказал Сен-Люк.

С д'Эперноном повторилась та же церемония, выполненная так же неторопливо и спокойно.

Затем очередь дошла до Шомберга. Он представил самого себя и получил в ответ поклон.

После этого четверо друзей уселись.

Сен-Люк остался стоять.

— Господин граф,— сказал он Келюсу,— вы оскорбили господина графа Луи де Клермона д'Амбуаз, сеньора де Бюсси, он свидетельствует вам свое глубочайшее почтение и вызывает вас на поединок, чтобы сразиться насмерть в тот день и в тот час, которые вы сочтете для вас удобными, и тем оружием, которое изберете вы... Вы принимаете вызов?

— Конечно, принимаю,— спокойно ответил Келюс,— господин граф де Бюсси оказывает мне большую честь.

— Ваш день, господин граф?

— День мне безразличен, но я предпочел бы, чтобы это было скорее завтра, чем послезавтра, и скорее послезавтра, чем в последующие дни.

— Ваш час?

— Утро.

— Ваше оружие?

— Рапира и кинжал, если это оружие устроит господина де Бюсси.

Сен-Люк поклонился.

— Любое ваше решение на этот счет будет для господина де Бюсси законом.

Затем он обратился к Можирону, ответившему то же самое, потом, последовательно, к двум остальным.

о. — Но,— сказал Шомберг, который, как хозяин дома, получил поклон последним,— мы не подумали об одном, господин Сен-Люк.

— О чем?

— О том, что если все мы пожелаем, случай иной раз распоряжается очень странно, если все мы пожелаем, повторяю, выбрать один и тот же день и час, господин де Бюсси может оказаться в очень затруднительном положении.

Сен-Люк поклонился с самой своей обходительной улыбкой на устах.

— Разумеется,— сказал он,— господин де Бюсси оказался бы в затруднительном положении, подобно всякому дворянину перед лицом таких четырех храбрецов, как вы. Но он заметил мне, что это для него не вновь, с ним такое уже было у Турнельского дворца, возле Бастилии.

— И он будет драться со всеми четырьмя? — спросил д'Эпернон.

— Со всеми четырьмя,— подтвердил Сен-Люк.

— С каждым по отдельности? — спросил Шомберг.

— С каждым по отдельности или со всеми разом. Вызов адресован и каждому из вас, и всем вам вместе.

Четверо молодых людей переглянулись. Келюс первый нарушил молчание.

— Это очень благородно со стороны господина де Бюсси,— сказал он, красный от злости,— но, как бы мало мы ни стояли, все же каждый из нас способен справиться со своим делом самостоятельно. Итак, мы принимаем предложение графа и будем драться один за другим, по очереди... или же... Да, так, пожалуй, будет лучше...

Келюс посмотрел на друзей, которые, по всей видимости поняв его мысль, кивнули ему в знак согласия.

— Мы не хотим, чтобы поединок превратился в убийство великодушного человека, и, пожалуй, будет лучше, если мы предоставим жребия решать, кому из нас драться с господином де Бюсси.

— Но,— поспешил спросить д'Эпернон,— а трое остальных?

— Трое остальных? У господина де Бюсси, несомненно, достаточно друзей, а у нас — врагов, чтобы трем остальным не пришлось стоять сложа руки.

— Вы согласны со мной, господа? — прибавил Келюс, обращаясь к своим товарищам.

— Да, — ответили они в один голос.

— Мне было бы чрезвычайно приятно, — сказал Шомберг, — если бы господин де Бюсси пригласил на эту увеселительную прогулку госпожну де Ливаро.

— Если бы я смел выразить свое мнение, — сказал Можирон, — я попросил бы, чтобы при нашей встрече присутствовал господин де Бальзаак д'Антрагэ.

— И общество было бы в полном сборе, — заключил Келюс, — если бы господин де Рнбейрак соблаговолил явиться вместе со своими друзьями.

— Господа, — сказал Сен-Люк, — я передам ваши пожелания господину графу де Бюсси, но, по-моему, я могу сказать вам заранее, что он слишком учтив, чтобы не согласиться с ними. Мне остается только, господа, принести вам искреннюю благодарность от имени господина графа.

Сен-Люк снова поклонился, и головы четырех вызванных на поединок дворян склонились точно до того же уровня, что и его голова.

Молодые люди проводили Сен-Люка до дверей гостиной.

В самой последней из передних он увидел четырех лакеев.

Сен-Люк достал свой набитый золотом кошелек и бросил им со словами:

— Вот, выпейте за здоровье ваших господ.

Глава XXXVIII

**О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК
БЫЛ ПРОСВЕЩЕННЕЕ ГОСПОДИНА ДЕ БЮССИ,
КАКИЕ УРОКИ ОН ЕМУ ПРЕПОДАЛ
И КАК ИСПОЛЬЗОВАЛ ЭТИ УРОКИ
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ПРЕКРАСНОЙ ДИАНЫ**

Сен-Люк возвратился, весьма гордый столь хорошо выполненным поручением.

Дожидавшийся его Бюсси поблагодарил друга.

Сен-Люку он показался очень грустным; подобное состояние было неестественным для исключительно храброго человека, которому сообщили, что ему предстоит блестящий поединок.

— Я что-нибудь не так сделал? — спросил Сен-Люк. — У вас расстроенный вид.

— Даю слово, милый друг, мне жаль, что, вместо того чтобы назначить срок, вы не сказали: «Немедленно».

— А! Терпение. Анжуйцы еще не вернулись. Какого черта! Дайте им время приехать! Зачем вам торопиться устилать землю убитыми и ранеными?

— Дело в том, что я хочу как можно скорее умереть.

Сен-Люк уставился на Бюсси с тем удивлением, которое люди с идеально устроенным организмом испытывают на первых порах при малейшем признаке несчастья, пусть даже чужого.

— Умереть! В вашем возрасте, с вашим именем, имея такую возлюбленную!

— Да! Я убью всех четырех, я в этом уверен, но и сам получу хороший удар, который упокоит меня навеки.

— Что за черные мысли, Бюсси!

— Побывали бы вы в моей шкуре! Муж, считавшийся мертвым, — воскресает. Жена не может оторваться ни на минуту от изголовья постели этого, с позволения сказать, умирающего. Ни обменяться улыбками, ни словечком перекинуться, ни руки коснуться. Смерть Христова! С удовольствием изрубил бы кого-нибудь в куски...

Сен-Люк ответил на эту тираду взрывом смеха, который вспугнул целую стаю воробьев, клевавших рябину в малом саду Лувра.

— Ах! — вскричал он. — Какое простодушие! И подумать только, что женщины любят этого Бюсси, этого школяра! Но, мой милый, вы потеряли рассудок: в целом мире не сыщется любовника счастливей вас.

— Вот как? Попробуйте-ка доказать мне это, — вы, человек женатый!

— *Nihil facilius*¹, как говаривал иезуит Трике, мой учитель. Вы в дружбе с господином де Монсоро?

— Клянусь, мне стыдно за человеческий разум! Этот болван называет меня своим другом.

— Что ж, я будьте его другом.

— О!.. Злоупотребить этим званием?!

— *Progrus absurdum*², всегда говорил Трике. Он и в самом деле ваш друг?

— Он так утверждает.

¹ Нет ничего легче (лат.).

² Бессмысленный вопрос (лат.).

— Нет, он не друг вам, потому что он делает вас несчастным. В чем цель дружбы? В том, чтобы люди приносили друг другу счастье. По крайней мере, так определяет дружбу его величество, а король — человек ученый.

Бюсси рассмеялся.

— Я продолжаю,— сказал Сен-Люк. — Если Монсоро делает вас несчастным, значит, вы не друзья. Следовательно, вы можете относиться к нему либо безразлично и, в этом случае, отобрать у него жену, либо — враждебно, и тогда убить его еще раз, коли ему одного раза не достаточно.

— По правде говоря,— сказал Бюсси,— я его ненавижу.

— А он вас боится.

— Вы думаете, он меня не любит?

— Проклятие! Испытайте. Отнимите у него жену, и вы увидите.

— Это тоже логика отца Трике?

— Нет, это моя.

— Поздравляю вас.

— Она вам подходит?

— Нет. Мне больше нравится быть человеком чести.

— И предоставить госпоже де Монсоро излечить ее супруга духовно и физически? Ведь в конце-то концов, если вас убьют, нет никакого сомнения, что она прилепится к единственному оставшемуся у нее мужчине...

Бюсси нахмурился.

— Впрочем,— добавил Сен-Люк,— вот идет госпожа де Сен-Люк, это прекрасный советчик. Она нарвала себе букет в цветниках королевы-матери, и настроение у нее должно быть хорошим. Послушайте Жанну, каждое ее слово — золото.

И в самом деле, Жанна приближалась к ним, сияющая, преисполненная радости, искрящаяся лукавством.

Есть такие счастливые натуры, которые, подобно утренней песне жаворонка в полях, несут всему окружающему радость и добрые предзнаменования.

Бюсси дружески поклонился молодой женщине.

Она протянула ему руку, из чего явствует с полной неопровержимостью, что вовсе не полномочный посол Дюбуа завез к нам эту моду из Англии вместе с договором о четырехстороннем союзе.

— Как ваша любовь? — сказала Жанна, перевязывая свой букет золотой тесьмой.

— Умирает,— ответил Бюсси.

— Полноте! Она лишь ранена и потеряла сознание,— вмешался Сен-Люк. — Ручаюсь, что вы приведете ее в чувство, Жанна.

— Поглядим,— сказала молодая женщина,— покажите-ка мне рану.

— В двух словах дело вот в чем,— продолжал Сен-Люк,— госпожида де Бюсси тяготит необходимость улыбаться графу де Монсоро, и он припал решение ретироваться.

— И оставить Диану графу? — в ужасе воскликнула Жанна.

Обеспокоенный этим первым проявлением ее чувств, Бюсси пояснил:

— О! Сударыня, Сен-Люк не сказал вам, что я хочу умереть.

Некоторое время Жанна глядела на него с состраданием, в котором не было ничего евангельского.

— Бедная Диана,— прошептала она. — Вот и любите после этого! Нет, решительно, вы, мужчины, все до одного, себялюбцы.

— Прекрасно! — сказал Сен-Люк. — Вот приговор моей супруги.

— Себялюбец, я?! — вскричал Бюсси. — Не потому ли, что я боюсь унизить мою любовь трусливым лицемерием?

— Ах, сударь, это всего лишь жалкий предлог,— сказала Жанна. — Если бы вы любили по-настоящему, вы боялись бы только одного унижения: быть разлюбленным.

— Ну и ну! — сказал Сен-Люк. — Подставляйте кошелёк, мой милый.

— Но, сударыня,— возразил Бюсси голосом, дрожащим от любви,— есть жертвы, которые...

— Ни слова больше. Признайтесь, что вы уже не любите Диану, так будет достойнее для благородного человека.

При одной мысли об этом Бюсси побелел.

— Вы не осмеливаетесь сказать ей. Что ж, тогда я скажу сама.

— Сударыня, сударыня!

— Вы очень забавны, все вы, с вашими жертвами... А мы разве не приносим жертв? Как! Подвергаясь опасности быть зверски убитой этим тигром Монсоро, сохранить все супружеские права для любимого, проявив такую силу и волю, на которые были бы неспособны даже

Самсон и Ганнибал; укротить это злобное детище Марса и впрячь его в колесницу господина триумфатора, это ли не геройство? О, клянусь вам, Диана просто великодушна, я бы и четверти того не смогла совершить, что она делает каждый день.

— Спасибо,— сказал Сен-Люк с таким благоговейным поклоном, что Жанна залилась смехом.

Бюсси был в нерешительности.

— И он еще думает! — воскликнула Жанна. — Он не падает на колени, не говорит «*mea culpa*»!

— Вы правы,— сказал Бюсси,— я всего лишь мужчина, то есть существо несовершенно, стоящее ниже любой самой обыкновенной женщины.

— Радостно сознавать,— сказала Жанна,— что я вас убедил.

— Что мне делать? Приказывайте.

— Отправляйтесь сейчас же с визитом...

— К господину де Монсору?

— Да что вы! Разве об этом речь? К Диане.

— Но, мне кажется, они не расстанутся.

— Когда вы навещали, и столь часто, госпожу де Барбэзе, разве возле нее не было все время той большой обезьяны, которая кусала вас из чувства ревности.

Бюсси расхохотался, Сен-Люк последовал его примеру. Жанна присоединилась к ним. Жгзнерадостный смех этого трио привлек к окнам всех придворных, прогуливавшихся по галереям.

— Сударыня,— сказал наконец Бюсси,— я отправляюсь к господину де Монсору. Прощайте.

И на этом они расстались. Предварительно Бюсси посоветовал Сен-Люку не говорить никому о том, что он вызвал миньонов сразиться с ним.

Затем он отправился к господину де Монсору, которого застал в постели.

Граф встретил появление Бюсси радостными восклицаниями.

Реми только что пообещал ему, что не пройдет и трех недель, как его рана затянется.

Диана приложила палец к губам: это было ее условное приветствие.

Бюсси пришлось подробно рассказать графу о поручении, возложенном на него герцогом Анжуйским, о посещении двора, о недовольном виде короля и кислых физиономиях миньонов.

Бюсси так и сказал: «кислые физиономии». Диана только посмеялась его словам.

Монсоро при этих известиях задумался, попросил Бюсси наклониться и шепнул ему на ухо:

— У герцога есть еще и другие замыслы, правда?

— Должно быть, — ответил Бюсси.

— Поверьте мне, — сказал Монсоро, — не компрометируйте себя ради этого подлого человека. Я знаю его. Он вероломен. Ручаюсь вам, что он никогда не остановится перед изменой.

— Я знаю, — ответил Бюсси с улыбкой, напомнившей графу об обстоятельствах, при которых сам Бюсси пострадал от измены герцога.

— Видите ли, — сказал Монсоро, — вы мой друг, поэтому я и хочу вас предостеречь. И еще: всякий раз, когда вы попадете в затруднительное положение, обращайтесь ко мне за советом.

— Сударь, сударь! После перевязки надо спать, — вмешался Реми. — Давайте-ка заснем.

— Сейчас, милый доктор. Друг мой, погуляйте немного с госпожой де Монсоро, — сказал граф. — Говорят, что в нынешнем году сад просто чудесен.

— Повинуюсь, — ответил Бюсси.

Глава XXXIX

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ГОСПОДИНА ДЕ МОНСОРО

Сен-Люк был прав, Жанна была права. Через восемь дней Бюсси это понял и воздал должное их мудрости.

Уподобиться героям древних времен — значит стать на века идеалом величия и красоты. Но это значит также раньше времени превратить себя в старика. И Бюсси, позабывший о Плутарке, которого он перестал считать среди своих любимых авторов с тех пор, как поддался разлагающему влиянию любви, Бюсси, прекрасный, как Алкинад, заботился теперь только о настоящем и не проявлял более никакого пристрастия к жизнеописаниям Сципиона или Баярда в дни их воздержания.

Диана была проще, естественней, как теперь говорят. Она жила, повинувшись двум инстинктивным стремлениям, которые мизантроп Фигаро считал врожденными у рода человеческого: стремлению любить и стремлению обма-

нывать. Ей даже и в голову не приходило возводить до философских умозрений свое мнение о том, что Шаррон и Монтень называют честностью.

Любить Бюсси — в этом была ее логика. Принадлежать только Бюсси — в этом состояла ее мораль. Вадрогивать всем телом при простом легком прикосновении его руки — в этом заключалась ее метафизика.

Господин де Монсоро, — прошло уже пятнадцать дней с тех пор, как с ним случилось несчастье, — господин де Монсоро, говорим мы, чувствовал себя все лучше и лучше. Он уже уберется от лихорадки благодаря холодным примочкам — новому средству, которое случай или, скорее, Провидение открыли Амбруазу Парэ, но тут внезапно на него обрушилась новая беда: граф узнал, что в Париж только что прибыл монсеньер герцог Анжуйский вместе с вдовствующей королевой и своими анжуйцами.

Монсоро беспокоился педаром, ибо на следующее же утро принц явился к нему домой, на улице Пти-Пэр, под тем предлогом, что жаждет узнать, как он себя чувствует. Невозможно закрыть двери перед королевским высочеством, которое дает вам доказательство столь нежного внимания. Господин де Монсоро припал герцога Анжуйского, а герцог Анжуйский был весьма мил с главным ловчим и в особенности с его супругой.

Как только принц ушел, господин де Монсоро припал Диану, оперся на ее руку и, несмотря на вопли Реми, трижды обошел вокруг своего кресла.

После чего он снова уселся в то самое кресло, вокруг которого, как мы уже сказали, он перед тем описал тройную циркумвалляционную линию. Вид у него был весьма довольный, и Диана угадала по его улыбке, что он замышляет какую-то хитрость.

Но все это относится к частной истории семейства Монсоро.

Возвратимся лучше к прибытию герцога Анжуйского в Париж, принадлежащему к эпической части нашей книги.

Само собой разумеется, день возвращения монсеньера Франсуа де Валуа в Лувр не прошел мимо внимания наблюдателей.

Вот что они отметили:

Король держался весьма надменно.

Королева была очень ласкова.

Герцог Анжуйский был исполнен наглого смирения и словно вопрошал всем своим видом: «Какого дьявола вы

меня звали, ежели сейчас, когда я тут, вы сидите поредо мной с такой надутой миной?»

Аудиенция была приправлена сверкающими, горящими, испепеляющими взглядами господ Ливаро, Рибейрака и Антрагэ, которые, уже предупрежденные Бюсси, были рады показать своим будущим противникам, что если предстоящая дуэль и встретит какие-нибудь помехи, то, уж конечно, не со стороны анжуйцев.

Шико в этот день суетился больше, чем Цезарь перед Фарсальской битвой.

Потом наступило полнейшее затишье.

Через день после возвращения в Лувр принц снова пришел повестить раненого.

Монсоро, посвященный в малейшие подробности встречи короля с братом, осыпал герцога Анжуйского лестными похвалами, чтобы поддержать в нем враждебные чувства к Геприху.

Затем, так как состояние графа все улучшалось, он, когда принц отбыл, оперся на руку своей жены и теперь уже обошел не три раза вокруг кресла, а один раз вокруг комнаты.

После чего уселся в кресло с еще более удовлетворенным видом.

В тот же вечер Диана предупредила Бюсси, что господин де Монсоро определенно что-то замышляет.

Спустя несколько минут Монсоро и Бюсси остались наедине.

— Подумать только, — сказал Монсоро, — что этот принц, который так мил со мной, мой смертельный враг и что именно он приказал господину де Сен-Люку убить меня.

— О! Убиты! — возразил Бюсси. — Полноте, господин граф! Сен-Люк человек чести. Вы сами признались, что дали ему повод и первым вынули шпагу и что удар был вам нанесен в бою.

— Верно, но верно и то, что Сен-Люк действовал по подстрекательству герцога Анжуйского.

— Послушайте, — сказал Бюсси, — я знаю герцога, а главное, знаю господина де Сен-Люка. Должен сказать вам, что господин де Сен-Люк всецело принадлежит королю, и отнюдь не принцу. А! Если бы вы получили этот удар от Антрагэ, Ливаро или Рибейрака, тогда другое дело... Но что касается Сен-Люка...

— Вы не знаете французской истории, как знаю ее

я, любезный господин де Бюсси,— сказал Монсоро, упорствуя в своем мнении.

На это Бюсси мог бы ему ответить, что если он ⁽⁸¹⁾хорошо знает историю Франции, то зато отлично знаком с историей Анжу и в особенности той его части, где расположен Меридор.

В конце концов Монсоро встал и спустился в сад.

— С меня достаточно,— сказал он, вернувшись в дом.— Сегодня вечером мы переезжаем.

— Зачем? — сказал Реми.— Разве воздух улицы Пти-Пэр для вас нехорош или же у вас здесь мало развлечений?

— Напротив,— сказал Монсоро,— здесь у меня их слишком много. Монсеньер герцог Анжуйский докучает мне своими посещениями. Он каждый раз приводит с собой около трех десятков дворян, и зловоние их шпор ужасно раздражает меня.

— Но куда вы отправляетесь?

— Я приказал привести в порядок мой домик, что возле Турнельского дворца.

Бюсси и Диана, ибо Бюсси еще не ушел, обменялись влюбленными взглядами, исполненными воспоминаний.

— Как! Эту лачугу? — воскликнул, не подумав, Реми.

— А! Так вы его знаете,— произнес Монсоро.

— Клянусь богом! — сказал молодой человек.— Как же не знать дома главного ловчего Франции, особенно если живешь на улице Ботрей?

У Монсоро, по обыкновению, шевельнулись в душе какие-то смутные подозрения.

— Да, да, я перееду в этот дом,— сказал он,— и мне там будет хорошо. Там больше четырех гостей не пригласишь. Это крепость, и из окна, на расстоянии в триста шагов, можно видеть тех, кто идет к тебе с визитом.

— Ну и? — спросил Реми.

— Ну и можно избежать этого визита, коли захочется,— сказал Монсоро,— особенно ежели ты здоров.

Бюсси закусил губу. Он боялся, что наступит время, когда Монсоро начнет избегать и его посещений.

Диана вздохнула.

Она вспомнила, как в этом домике лежал на ее постели потерявший сознание, раненый Бюсси.

Реми размышлял, и поэтому первый из троих нашелся с ответом.

— Вам это не удастся,— заявил он.

— Почему же, скажите на милость, господин лекарь?

— Потому что главный ловчий Франции должен давать приемы, держать слуг, иметь хороший выезд. Пусть он отведет дворец для своих собак, это можно понять, но совершенно недопустимо, чтобы он сам поселился в конуре.

— Гм! — протянул Монсоро тоном, который говорил: «Это верно».

— И кроме того, — продолжал Реми, — я ведь врачую не только тела, но и сердца, и поэтому знаю, что вас волнует не ваше собственное пребывание здесь.

— Тогда чье же?

— Госпожи.

— Ну и что?

— Распорядитесь, чтобы графиня уехала отсюда.

— Расстаться с ней? — вскричал Монсоро, устремив на Диану взгляд, в котором, вне всякого сомнения, было больше гнева, чем любви.

— В таком случае расстаньтесь с вашей должностью главного ловчего, подайте в отставку. Я полагаю, это было бы мудро, ибо в самом деле: либо вы будете исполнять ваши обязанности, либо вы не будете их исполнять. Если вы их исполнять не будете, вы навлечете на себя недовольство короля, если же вы будете их исполнять...

— Я буду делать то, что нужно, — процедил Монсоро сквозь стиснутые зубы, — но не расстанусь с графиней.

Не успел граф произнести эти слова, как во дворе раздался топот копыт и громкие голоса.

Монсоро содрогнулся.

— Опять герцог! — прошептал он.

— Да, это он, — сказал, подойдя к окну, Реми.

Он еще не закончил фразы, а герцог, пользуясь привилегией принцев входить без объявления об их прибытии, уже вошел в комнату.

Монсоро был настороже. Он увидел, что первый взгляд Франсуа был обращен к Диане.

Вскоре неистощимые любезности герцога еще больше открыли глаза главному ловчему. Герцог привез Диане одну из тех редких драгоценностей, какие изготовляли, числом не более трех или четырех за всю жизнь, терпеливые и талантливые художники, прославившие свое время, когда шедевры, несмотря на то что их делали так медленно, появлялись на свет чаще, чем в наши дни.

То был прелестный кинжал с чеканной рукояткой из золота. Рукоятка являлась одновременно и флакопом. На

клишке была вырезана с поразительным мастерством целая охота; собаки, лошади, охотники, дичь, деревья, — все было соединено в гармоническом беспорядке, который надолго приковывал взгляд к этому клишку из золота и лазури.

— Можно поглядеть? — сказал Монсоро, опасавшийся, не спрятана ли в рукоятке какая-нибудь записка.

Принц опроверг его опасения, отделив рукоятку от клинка.

— Вам, охотнику, — клинок, — сказал он, — а графиня — рукоятка. Здравствуйте, Бюсси, вы, я вижу, стали теперь близким другом графа?

Диана покраснела.

Бюсси, напротив, сумел совладать с собой.

— Монсеньер, — сказал он, — вы забыли, что ваше высочество сами просили меня сегодня утром зайти к господину де Монсоро и узнать, как он себя чувствует. Я, по обыкновению, повиновался приказу вашего высочества.

— Это верно, — сказал герцог.

После чего он сел возле Дианы и вполголоса повел с ней разговор.

Через некоторое время герцог сказал:

— Граф, в этой комнате — компоте больного, ужасно жарко. Я вижу, графиня задыхается, и хочу предложить ей руку, чтобы прогуляться по саду.

Муж и возлюбленный обменялись свирепыми взглядами.

Диана, получив приглашение, поднялась и положила свою руку на руку принца.

— Дайте мне вашу руку, — сказал граф де Монсоро Бюсси.

И главный ловчий спустился в сад вслед за женой.

— А! — сказал герцог. — Вы, как я вижу, совсем поправились?

— Да, монсеньер, и я надеюсь, что скоро буду в состоянии сопровождать госпожу де Монсоро повсюду, куда она отправится.

— Великолепно! Но до тех пор не стоит утомлять себя.

Монсоро и сам чувствовал, насколько справедлив совет принца.

Он уселся в таком месте, откуда мог не терять принца и Диану из виду.

— Послушайте, граф, — сказал он Бюсси, — не окаже-

те ли вы мне любезность ответить госпожу де Монсоро в мой домик возле Бастилии? По правде говоря, я предпочитаю, чтобы она находилась там. Я вырвал ее из когтей этого ястреба в Меридоре не для того, чтобы он сохранил ее в Париже.

— Нет, сударь, — сказал Реми своему господину, — нет, вы не можете принять это предложение.

— Почему же? — спросил Бюсси.

— Потому, что вы принадлежите к людям монсеньера герцога Анжуйского и монсеньер герцог Анжуйский никогда не простит вам, что вы помогли графу оставить его с носом.

«Что мне до того!» — уже собрался воскликнуть горячий Бюсси, когда взгляд Реми призвал его к молчанию. Монсоро размышлял.

— Реми прав, — сказал он, — об этом нужно просить не вас. Я сам отвезу ее, ведь завтра или послезавтра я уже смогу поселиться в том доме.

— Безумие, — сказал Бюсси, — вы потеряете вашу должность.

— Возможно, — ответил граф, — но я сохраню жену.

При этих словах он нахмурился, что вызвало вздох у Бюсси.

И действительно, тем же вечером граф отправился со своей женой в дом возле Турнельского дворца, хорошо известный нашим читателям.

Реми помог выздоравливающему обосноваться там.

Затем, так как он был человеком безгранично преданным и понимал, что в этом тесном жилище любовь Бюсси, оказавшаяся под угрозой, будет очень пуждаться в его содействии, он снова сблизился с Гертрудой, которая начала с того, что отколотила его, и кончила тем, что простила ему.

Диана снова поселилась в своей комнате, выходящей окнами на улицу, комнате с портретом и белыми, ткаными золотом занавесками у кровати.

От комнаты графа Монсоро ее отделял всего лишь коридор.

Бюсси рвал на себе волосы.

Сен-Люк утверждал, что веревочные лестницы достигли самого высокого совершенства и прекрасно могут заменять лестницы обыкновенные.

Монсоро потирал руки и улыбался, представляя себе досаду монсеньера герцога Анжуйского.

Глава XL

ВИЗИТ В ДОМИК ВОЗЛЕ ТУРНЕЛЬСКОГО ЗАМКА

У некоторых людей вожделение заменяет настоящую страсть, подобно тому как у волка и гиены голод создает видимость смелости.

Во власти такого чувства герцог Анжуйский и вернулся в Париж. Его досада, после того как обнаружилось, что Дианы больше нет в Меридоре, не поддается описанию. Он был почти влюблен в эту женщину и именно потому, что ее у него отняли.

Вследствие этого ненависть принца к Монсоро, ненависть, зародившаяся в тот день, когда принц узнал, что граф ему изменил, вследствие этого, повторям мы, его ненависть превратилась в своего рода безумие, тем более опасное, что, уже столкнувшись раз с решительным характером графа, он собирался нанести удар из-за угла.

С другой стороны, герцог отнюдь не отказался от своих политических притязаний, и уверенность в своей значительности, приобретенная им в Анжу, возвышала его в собственных глазах. Едва возвратившись в Париж, он возобновил свои темные и тайные проски.

Момент для этого был благоприятный: многие склонные к колебаниям заговорщики, из числа тех, кто предан не делу, а успеху, ободренные подобием победы, одержанной анжуйцами благодаря слабости короля и коварству Екатерины, заискивали в герцоге, связывая певдымыми, но крепкими нитями дело принца с делом Гизов, которые предусмотрительно оставались в тени и хранили молчание, очень беспокоившее Шико.

К этому надо добавить, что принц больше не вел с Бюсси откровенных политических разговоров. Лицемерные заверения в дружбе — вот и все, что он допускал. Принца безотчетно беспокоила встреча с Бюсси в доме Монсоро, и он сердился на молодого человека за доверие, оказываемое ему обычно столь подозрительным графом.

Его также пугало сияющее радостью лицо Дианы, эти нежные краски, делавшее ее такой восхитительной и желанной.

Принц знал, что цветы горят красками и благоухают только от солнца, а женщины — от любви. Диана явно была счастлива, а всегда завистливому и настороженному принцу чужое счастье казалось враждебным, направленным лично против него.

Рожденный припцем, герцог Анжуйский достиг могущества темными и извилистыми путями и привык прибегать к силе, — будь то в делах любви или в делах мести, — после того, как сила обеспечила ему успех. Так и сейчас он, поддерживаемый к тому же советами Орхель, считал, что для него зазорно быть остановленным в удовлетворении своих желаний столь смехотворными препятствиями, как ревность мужа и отвращение жены.

Однажды, после дурно проведенной ночи, истерзанный теми мрачными видениями, которые порождает лихорадочное состояние полусна, он почувствовал, что вождения его дошли до предела, и приказал седлать коней, чтобы отправиться с визитом к Монсоро.

Монсоро, как известно, уже переселился в дом возле Турнельского дворца.

Услышав сие сообщение, принц улыбнулся.

То была сцена из меридорской комедии. Еще одна.

Для виду он осведомился, где находится этот дом. Ему ответили, что на площади Сент-Антуан, и тогда, обернувшись к Бюсси, который сопровождал его, принц сказал:

— Раз он возле Турнельского дворца, поедем к Турнельскому дворцу.

Кавалькада тронулась в путь, и вскоре эти две дюжины знатных дворян, составлявших обычную свиту принца, за каждым из которых следовали два лакея с тремя лошадьми, наполнили шумом весь квартал.

Принц хорошо знал и дом и дверь. Бюсси знал их не хуже его.

Оба остановились возле двери, вошли в прихожую и поднялись по лестнице. Но принц вошел в комнаты, а Бюсси остался в коридоре.

Вследствие такого распределения принц, казалось бы получивший преимущество, увидел только Монсоро, который встретил его, лежа в кресле, в то время как Бюсси встретили руки Дианы, нежно обвившиеся вокруг его шеи, пока Гертруда стояла на страже.

Бледный от природы Монсоро при виде принца просто посыпал. Принц был его кошмаром.

— Монсеньер! — воскликнул граф, дрожа от злости. — Монсеньер в этом бедном домишке! Нет, в самом деле, слишком уж много чести для такого маленького человека, как я.

Ирония бросалась в глаза, потому что Монсоро почти не дал себе труда замаскировать ее.

Однако принц, словно и не заметив иронии, с улыбкой на лице подошел к выздоравливающему.

— Повсюду, куда едет мой страждущий друг,— сказал он,— еду и я, чтобы узнать о его здоровье.

— Помилуйте, принц, мне показалось, что ваше высочество произнесли слово «друг».

— Я произнес его, любезный граф. Как вы себя чувствуете?

— Гораздо лучше, монсеньер. Я поднимаюсь, хожу и днем через восемь буду совсем здоров.

— Это ваш лекарь прописал вам воздух Бастилии? — спросил принц с самым простодушным видом.

— Да, монсеньер.

— Разве вам было плохо на улице Пти-Пэр?

— Да, монсеньер, там приходилось принимать слишком много гостей, и эти гости поднимали слишком большой шум.

Граф произнес свои слова твердым тоном, что по ускользнуло от принца, и тем не менее Франсуа словно бы не обратил на них никакого внимания.

— Но тут у вас, кажется, нет сада,— сказал он.

— Сад был мне вреден, монсеньер,— ответил Монсоро.

— Но где же вы гуляли, дорогой мой?

— Да я вообще не гулял, монсеньер.

Принц закусил губу и откинулся на спинку стула.

— Известно ли вам, граф,— сказал он после короткого молчания,— что очень многие просят короля передать им вашу должность главного ловчего?

— Ва! И под каким предлогом, монсеньер?

— Они уверяют, что вы умерли.

— О! Я уверен, монсеньер отвечает им, что я жив.

— Я ничего не отвечаю. Вы хороните себя, дорогой мой, значит, вы мертвы.

Монсоро, в свою очередь, закусил губу.

— Ну, что же, монсеньер,— сказал он,— пусть я потеряю свою должность.

— Вот как?

— Да, есть вещи, которые для меня важнее.

— А! — произнес принц. — Стало быть, честолюбие вам чуждо?

— Таков уж я, монсеньер.

— Ну раз уж вы такой, вы не пойдете ничего дурного в том, что об этом узнает король,

— Кто же ему скажет?

— Проклятие! Если он спросит меня, мне, безусловно, придется рассказать о нашем разговоре.

— По чести, монсеньер, коли рассказывать королю все, о чем говорят в Париже, его величеству не хватит двух ушей.

— А о чем говорят в Париже, сударь? — спросил принц, обернувшись к Монсоро так резко, словно его змея ужалила.

Монсоро увидел, что разговор постепенно принял слишком серьезный оборот для выздоравливающего человека, который еще лишен полной свободы действий. Он смирил злобу, кипевшую в его душе, и, приняв безразличный вид, сказал:

— Что могу знать я, бедный паралитик? Жизнь идет, а я вижу только тень от нее, да и то не всегда. Ежели король недоволен тем, что я плохо несу свою службу, он не прав.

— То есть как?

— Конечно. Несчастье, случившееся со мной...

— Ну!

— Произошло частично по его вине.

— Что вы этим хотите сказать?

— Проклятие! Разве господин де Сен-Люк, проколовший меня шпагой, не из числа самых близких друзей короля? Ведь секретному удару, которым он продырявил мне грудь, паучил его король, и я не вижу ничего невозможного в том, что король сам же его исподтишка и подстрекнул завести ссору со мной.

Герцог Анжуйский слегка кивнул головой.

— Вы правы, — сказал он, — но, как ни князь, король есть король.

— До тех пор, пока он не перестает быть им, не так ли? — сказал Монсоро.

Герцог подскочил.

— Кстати, — сказал он. — Разве госпожа де Монсоро не живет здесь?

— Монсеньер, графиня сейчас больна, иначе бы она уже явилась сюда засвидетельствовать вам свое глубокое почтение.

— Больна? Бедняжка!

— Больна, монсеньер.

— От горя, которое ей причинил вид ваших страдавший?

— И от этого, и от утомления, вызванного переездом.

— Будем надеяться, что нездоровье ее продлится недолго, дорогой граф. У вас такой умелый лекарь.

И принц поднялся со стула.

— Что и говорить, — сказал Монсоро, — милый Реми прекрасно лечил меня.

— Реми? Но ведь так зовут лекаря Бюсси?

— Да, верно, это граф ссудил его мне, монсеньер.

— Значит, вы очень дружны с Бюсси?

— Он мой лучший и следовало бы даже сказать: мой единственный друг, — холодно ответил Монсоро.

— Прощайте, граф, — сказал принц, приподнимая шелковую портьеру.

В то самое мгновение, когда голова его высунулась за портьеру, принцу показалось, что он увидел край платья, исчезнувший в комнате напротив, и внезапно перед ним вырос, на своем посту посреди коридора, Бюсси.

Подозрения принца усилились.

— Мы уезжаем, — сказал он.

Бюсси не ответил и поспешил спуститься вниз, чтобы отдать распоряжение эскورتу подготовиться, но, возможно, и для того, чтобы скрыть от принца румянец на своем лице.

Оставшись один, герцог попытался проникнуть туда, где исчезло шелковое платье.

Но, обернувшись, увидел, что Монсоро пошел вслед за ним и, бледный как смерть, стоит на пороге своей комнаты, держась за наличник.

— Ваше высочество ошиблись дверью, — холодно сказал граф.

— В самом деле, — пробормотал герцог, — благодарствуйте.

И, кипя от ярости, спустился вниз.

В течение всего обратного, довольно долгого пути он и Бюсси не обменялись ни единым словом.

Бюсси распрощался с герцогом у дверей его дворца.

Когда Франсуа вошел в дом и остался в кабинете один, к нему с таинственным видом проскользнула Орилья.

— Ну вот, — сказал, увидев его, герцог, — муж потешается надо мной.

— А возможно, и любовник тоже, монсеньер, — добавил музыкант.

— Что ты сказал?

— Правду, ваше высочество.

- Тогда продолжай.
- Послушайте, монсеньер, я надеюсь, вы простите меня, потому что я сделал все это, движимый одним желанием — услужить вашему высочеству.
- Дальше! Решено, я тебя прощаю заранее.
- Ну так вот, после того как вы вошли в дом, я сторожил под навесом во дворе.
- Ага! И ты увидел?
- Я увидел женское платье, увидел, как женщина наклонилась, увидел, как две руки обвилась вокруг ее шеи, и, так как ухо у меня наметанное, я отчетливо услышал звук долгого и нежного поцелуя.
- Но кто был этот мужчина? — спросил герцог. — Его ты узнал?
- Я не мог узнать рук, — возразил Орилья, — у перчаток нет лица, монсеньер.
- Разумеется, но можно узнать перчатки.
- Действительно, и мне показалось... — сказал Орилья.
- Что они тебе знакомы, верно? Ну, ну!
- Но это только лишь предположение.
- Не важно, все равно говори.
- Так вот, монсеньер, мне показалось, что это перчатки господина де Бюсси.
- Кожаные перчатки, расшитые золотом, не так ли? — вскричал герцог, с глаз которого внезапно спала застывшая правда пелена.
- Да, монсеньер, из буйволово́й кожи и расшитые золотом, они самые, — подтвердил Орилья.
- А! Бюсси! Конечно, Бюсси! Это Бюсси! — снова воскликнул герцог. — Как я был слеп! Нет, я не был слеп, я просто не мог бы поверить в такую дерзость.
- Осторожней, — сказал Орилья — мне кажется, ваше высочество говорите слишком громко.
- Бюсси! — еще раз повторил герцог, перебирая в памяти тысячи мелочей, которые в свое время прошли для него незамеченными, а теперь снова возникли перед его мысленным взором во всем их значении.
- Однако, монсеньер, — сказал Орилья, — не надо спешить с выводами: может статься, в комнате госпожи де Монсоро прятался какой-нибудь другой мужчина?
- Да, это возможно, но Бюсси, ведь он оставался в коридоре, должен был увидеть этого мужчину.
- Вы правы, монсеньер.
- А потом, перчатки, перчатки.

— Это тоже верно. И еще: кроме звука поцелуя, я услышал...

— Что?

— Три слова.

— Какие?

— Вот они: «До завтрашнего вечера».

— Боже мой!

— Таким образом, монсеньер, если мы пожелаем возобновить те прогулки, которыми когда-то занимались, мы сможем проверить наши подозрения.

— Орпльи, мы возобновим их завтра вечером.

— Ваше высочество знаете, что я всегда к вашим услугам.

— Отлично. А! Бюсси! — повторил герцог сквозь зубы. — Бюсси изменил своему сеньору! Бюсси, повергающий всех в трепет! Безупречный Бюсси! Бюсси, который не хочет, чтобы я стал королем Франции!

И, улыбаясь своей дьявольской улыбкой, герцог отпустил Орпльи, чтобы поразмыслить на свободе.

Глава XLI СОГЛЯДАТАИ

Орпльи и герцог Анжуйский выполнили свое намерение. Герцог в течение всего дня старался по возможности держать Бюсси возле себя, чтобы следить за всеми его действиями.

Бюсси ничего лучшего и не желал, как провести день в обществе принца и получить таким образом вечер в свое распоряжение.

Так он поступал обычно, даже когда у него не было никаких тайных планов.

В десять часов вечера Бюсси закутался в плащ и, с веревочной лестницей под мышкой, зашагал к Бастилии.

Герцог, который не знал, что Бюсси держит в его передней лестницу, и не думал, что можно осмелиться в этот час выйти одному на улицы Парижа; герцог, который полагал, что Бюсси зайдет в свой дворец за копей и слугою, потерял десять минут на сборы. За эти десять минут легкий на ногу и влюбленный Бюсси успел пройти три четверти пути.

Бюсси повезло, как обычно везет смелым людям. Он

никого не встретил на улицах и, подойдя к дому, увидел в окне свет.

Это был условленный между ними и Дианой сигнал.

Молодой человек закинул лестницу на балкон. Она была снабжена шестью крюками, повернутыми в разные стороны, и всегда без промаха цеплялась за что-нибудь.

Услышав шум, Диана погасила светильник и открыла окно, чтобы закрепить лестницу.

Это было делом одной минуты.

Диана окинула взором площадь, внимательно обследовав все углы и закоулки.

Площадь показалась ей безлюдной.

Тогда она сделала знак Бюсси, что он может подниматься. Увидев этот знак, Бюсси стал взбираться по лестнице, шагая через две перекладки. Их было десять, поэтому на подъем потребовалось всего пять шагов, то есть пять секунд.

Момент был выбран очень удачно, потому что в то время, как Бюсси поднимался к окну, господин де Монсоро, более десяти минут терпеливо подслушивавший у дверей жены, с трудом спускался по лестнице, опираясь на руку доверенного слуги, который с успехом заменял Реми всякий раз, когда дело шло не о переездах и не о лекарствах.

Этот двойной маневр, словно согласованный умелым стратегом, был выполнен так точно, что Монсоро открыл дверь на улицу как раз в то мгновение, когда Бюсси втянул лестницу и Диана закрыла окно.

Монсоро вышел на улицу. Но, как мы уже сказали, она была пустыня, и граф ничего не увидел.

— Может быть, тебе дали неверные сведения? — спросил Монсоро у слуги.

— Нет, монсеньер, — ответил тот. — Я уходил из Анжуйского дворца, и старший конюх, мы с ним приятели, сказал мне совершенно точно, что монсеньер герцог приказал оседлать к вечеру двух коней. Разве только он собирался в какое-нибудь другое место ехать, а не сюда.

— Куда ему еще ехать? — мрачно сказал Монсоро.

Подобно всем ревнивцам, граф не представлял себе, что у всего остального человечества могли найтись иные заботы, кроме одной — мучить его.

Он снова оглядел улицу.

— Может, лучше мне было остаться в комнате Дианы, — пробурчал он. — Но они, вероятно, переговаривают-

ся сигналами. Она могла бы предупредить его, что я там, и тогда я бы ничего не узнал. Лучше сторожить сна-
ружи, как мы договорились. Ну-ка, проводи меня в то укромное место, откуда, по-твоему, все видно.

— Пойдемте, сударь,— сказал слуга.

Монсоро двинулся вперед, одной рукой опираясь о руку слуги, другой — о стену.

И действительно, в двадцати — двадцати пяти шагах от двери дома, в направлении Бастилии, лежала большая груда камней, оставшихся от разрушенных домов. Мальчишки квартала использовали ее как укрепления, когда играли в войну, игру, ставшую популярной со времен войны арманьяков и бургиньонов.

Посреди этой груды камней слуга соорудил что-то вроде укрытия, где без труда могли спрятаться двое.

Он расстелил на камнях свой плащ, и Монсоро присел на него.

Слуга расположился у ног графа.

Возле них на всякий случай лежал заряженный мушкет.

Слуга хотел было поджечь фитиль, но Монсоро остановил его.

— Погоди,— сказал он,— еще успеется. Мы выслеживаем королевскую дичь. Всякий, кто поднимет на нее руку, карается смертной казнью через повешение.

Он переводил свой взгляд, горящий, словно у волка, притаившегося возле овчарни, с окна Дианы в глубину улицы, а оттуда на прилегающие улицы, ибо, желая застигнуть врасплох, боялся, как бы его самого врасплох не застигли.

Диана предусмотрительно задернула плотные гобеленовые занавеси и лишь узенькая полоска света пробивалась между ними, свидетельствуя, что в этом совершенно темном доме теплится жизнь.

Монсоро не просидел в засаде и десяти минут, как на улицы Сент-Антуан выехали два всадника.

Слуга не произнес ни слова и лишь рукой указал в их сторону.

— Да,— шепнул Монсоро,— вижу.

Возле угла Турнельского дворца всадники спешились и привязали лошадей к железному кольцу, вделанному для этой цели в стену.

— Монсеньер,— сказал Ориль,— по-моему, мы приехали слишком поздно. По всей вероятности, он отпра-

вылся прямо из вашего дворца, опередив вас на десять минут. Он уже там.

— Пусть так,— сказал принц,— но если мы не увидим, как он выйдет.

— Да, но когда это будет? — сказал Орильи.

— Когда мы захотим,— сказал принц.

— Не сочтете ли вы за нескромность с моей стороны, если я спрошу, как вы собираетесь этого добиться, монсеньер?

— Нет ничего легче. Один из нас, ты, например, постучит в дверь, под предлогом, что пришел осведомиться о здоровье господина де Монсоро. Все влюбленные боятся шума, и, стоит тебе войти в дом, он тотчас же вылезет в окно, а я, оставаясь здесь, увижу, как он улепетьвается.

— А Монсоро?

— Что он, черт побери, может сказать? Он мой друг, я обеспокоен, я прислал узнать о его здоровье, потому что днем мне показалось, что он плохо выглядит. Нет ничего проще.

— Как нельзя более хитроумно, монсеньер,— сказал Орильи.

— Ты слышишь, что они говорят? — спросил Монсоро слугу.

— Нет, монсеньер, но если они будут продолжать разговор, мы обязательно их услышим, потому что они идут в нашу сторону.

— Монсеньер,— сказал Орильи,— вот грудка камней, которая словно нарочно тут положена, чтобы вашему высочеству за ней спрятаться.

— Да. Но постой, может, удастся что-нибудь разглядеть в щель между занавесками.

Как мы уже сказали, Диана снова зажгла светильник, и из комнаты пробивался наружу слабый свет. Герцог и Орильи добрые десять минут вертелись так и сяк, пытаясь найти ту точку, откуда их взгляды могли бы проникнуть внутрь комнаты.

Во время этих эволюций Монсоро кипел от негодования, и рука его то и дело хваталась за ствол мушкета, гораздо менее холодный, чем она.

— О! Неужели я вынесу это? — шептал он. — Проглочу еще и это оскорбление? Нет, нет! Терпение мое иссякло. Разрази господь! Не смеет возможности ни спать, ни бодрствовать, ни даже болеть спокойно из-за того, что в праздном мозгу этого ничтожного принца угнездилась

позорная прихоть! Нет, я не угодливый слуга, я граф де Монсоро! Пусть он только пойдет в эту сторону, и, кляп-пусь честью, я всажу ему пулю в лоб. Зажигай фитиль, Рене, зажигай!

Именно в это мгновение принц, видя, что проникнуть взглядом за занавески невозможно, вернулся к своему первому плану и собрался уже было спрятаться за камнями, пока Орилья пойдет стучать в дверь, как вдруг Орилья, позабыв о разнице в положении, схватил его за руку.

— В чем дело, сударь? — спросил удивленный принц.

— Идемте, монсеньер, идемте, — сказал Орилья.

— Но почему?

— Разве вы не видите? Там, слева, что-то светится. Идемте, монсеньер, идемте.

— И верно, я вижу какую-то искорку среди тех камней.

— Это фитиль мушкета или аркебузы, монсеньер.

— А! — произнес герцог. — Кто же, черт побери, может там прятаться?

— Кто-нибудь из друзей или слуг Бюсси. Удалимся, сделаем крюк и вернемся с другой стороны. Слуга поднимет тревогу, и мы увидим, как Бюсси вылезет из окна.

— И верно, твоя правда, — сказал герцог. — Пойдем.

Они перешли через улицу, направляясь туда, где были привязаны их лошади.

— Уходят, — сказал слуга.

— Да, — сказал Монсоро. — Ты узнал их?

— Я почти уверен, что это принц и Орилья.

— Так оно и есть. Но сейчас я удостоверюсь в этом окопчательно.

— Что вы собираетесь делать, монсеньер?

— Пошли!

Тем временем герцог и Орилья свернули в улицу Сент-Катрин с намерением проехать вдоль садов и возвратиться обратно по бульвару Бастилии.

Монсоро вошел в дом и приказал заложить карету.

Случилось то, что и предвидел герцог.

Услышав шум, который произвел Монсоро, Бюсси встревожился: свет снова погас, окно открылось, лестницу опустили, и Бюсси, к своему великому сожалению, был вынужден бежать, как Ромео, но, в отличие от Ромео, он не увидел первого луча занимающегося дня и не услышал пения жаворонка.

В ту минуту, когда он ступил на землю и Диана сбро-

сила ему лестницу, из-за угла Бастилии появились герцог и Орильи.

Они еще успели заметить прямо перед окном Дианы какую-то тень, словно висящую между небом и землей, но почти в то же мгновение тень эта исчезла за углом улицы Сеп-Поль.

— Сударь,— уговаривал графа де Монсоро слуга,— мы поднимем на ноги весь дом.

— Что из того? — отвечал взбешенный Монсоро. — Кажется, я тут хозяин и имею полное право делать у себя в доме то, что собирался сделать господин герцог Анжуйский.

Карета была подана. Монсоро послал за двумя слугами, которые жили на улице Турнель, и когда эти люди, со времени его ранения всюду его сопровождавшие, пришли и заняли свои места на подножках, экипаж тронулся в путь. Две крепкие лошади бежали рысью и меньше чем через четверть часа доставили графа к дверям Анжуйского дворца.

Герцог и Орильи возвратились так недавно, что даже кони их не были еще расседланы.

Монсоро, имевший право являться к принцу без приглашения, показался на пороге как раз в тот момент, когда принц, швырнув свою фетровую шляпу на кресло, протягивал ноги в сапогах камердинеру.

Лаксй, шедший на несколько шагов впереди Монсоро, объявил о прибытии господина главного ловчего.

Даже если бы молния ударила в окна комнаты, принц не был бы потрясен больше, чем при этом известии.

— Господин де Монсоро! — вскричал он, охваченный беспокойством, о котором свидетельствовали и его бледность, и его взволнованный тон.

— Да, монсеньер, я самый,— сказал граф, успокаивая или, скорее, пытаясь успокоить, бушевавшую в его жилах кровь.

Усилие, которое он над собой делал, было столь жестоким, что граф почувствовал, как ноги под ним подогнулись, и упал в кресло возле дверей.

— Но,— сказал герцог,— вы убьете себя, дорогой друг. Вы уже сейчас такой бледный, что, сдастся, вот-вот лишитесь чувств.

— О нет, монсеньер! Сейчас я должен сообщить вашему высочеству слишком важные известия. Быть может, потом я и впрямь упаду в обморок, это вероятно.

— Так говорите же, дорогой граф,— сказал Франсуа в полном смятении.

— Но не в присутствии слуг, я полагаю? — сказал Монсоро.

Герцог отослал всех, даже Орпльи.

Они остались наедине.

— Ваше высочество откуда-то возвратились? — спросил Монсоро.

— Как видите, граф.

— Это весьма неосторожно со стороны вашего высочества — ходить среди ночи по улицам.

— Кто вам сказал, что я ходил по улицам?

— Проклятие! Эта пыль на ваших сапогах, монсеньер...

— Господин де Монсоро,— ответил принц тоном, в котором нельзя было ошибиться,— разве у вас есть и другая должность, кроме должности главного ловчего?

— Должность соглядатая? Да, монсеньер. В наши дни все этим занимаются, одни больше, другие меньше, ну и я — как все.

— И что же вам приносит эта должность?

— Знание того, что происходит.

— Любопытно,— произнес принц, подвигаясь поближе к звонку, чтобы иметь возможность вызвать слуг.

— Весьма любопытно,— сказал Монсоро.

— Ну, что ж, сообщите мне то, что хотели.

— Я за тем и пришел.

— Вы позволите мне тоже сесть?

— Не надо проиизивать, монсеньер, над столь смиренным и верным другом, как я, который, невзирая на поздний час и свое болезненное состояние, явился сюда для того, чтобы оказать вам важную услугу. Если я и сел, монсеньер, то, клянусь честью, лишь потому, что ноги меня не держат.

— Услугу? — переспросил герцог. — Услугу?

— Да.

— Так говорите же!

— Монсеньер, я явился к вашему высочеству по поручению одного могущественного лица.

— Короля?

— Нет, монсеньера герцога де Гиза.

— А,— сказал принц,— по поручению герцога де Гиза, это другое дело. Подойдите ко мне и говорите тише.

Глава XIII

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ ПОСТАВИЛ СВОЮ ПОДПИСЬ, И О ТОМ, ЧТО ОН СКАЗАЛ ПОСЛЕ ЭТОГО

Некоторое время герцог Анжуйский и Монсоро молчали. Затем герцог прервал молчание.

— Ну, господин граф,— спросил он,— что же господа де Гизы поручили вам сообщить мне?

— Очень многое, монсеньер.

— Значит, вы получили от них письмо?

— О! Нет. После странного исчезновения мэтра Николя Давида господа де Гизы больше не посылают писем.

— В таком случае, вы сами побывали в армии?

— Нет, монсеньер, это они приехали в Париж.

— Господа де Гизы в Париже? — воскликнул герцог.

— Да, монсеньер.

— И я их не видел!

— Они слишком осторожны, чтобы подвергать опасности себя, а также и ваше высочество.

— И меня даже не известили!

— Почему же нет, монсеньер? Как раз этим я сейчас и занимаюсь.

— А что они собираются здесь делать?

— Но ведь они, монсеньер, явились на встречу, которую вы им сами назначили.

— Я! Я назначил им встречу?

— Разумеется. В тот самый день, когда ваше высочество были арестованы, вы получили письмо от господ де Гизов и через мое посредство ответили им, слово в слово, что они должны быть в Париже с тридцать первого мая до второго июня. Сегодня тридцать первое мая. Если вы забыли господ де Гизов, то господа де Гизы, как видите, вас не забыли, монсеньер.

Франсуа побелел.

С того дня произошло столько событий, что он упустил из виду это свидание, несмотря на всю его важность.

— Верно,— сказал он,— но между мною и господами де Гизами больше не существует тех отношений, которые существовали тогда.

— Если это так, монсеньер,— сказал граф,— вам лучше предупредить их, ибо мне кажется, что у них на этот счет совсем иное мнение.

— То есть?

— Вы, быть может, полагаете, что развязались с ними, монсеньер, но они продолжают считать себя связанными с вами.

— Это западня, любезный граф, приманка, на которую такой человек, как я, во второй раз не попадетсЯ.

— А где же монсеньер попался в первый раз?

— Как где я попался?! Да в Лувре, клянусь смертью Христовой!

— Разве это было по вине господ де Гизов?

— Я не утверждаю,— проворчал герцог,— я не утверждаю, я только говорю, что они ничего не сделали, чтобы помочь мне бежать.

— Это было бы нелегко, так как они сами находились в бегах.

— Верно,— прошептал герцог.

— Но, как только вы очутились в Анжу, разве онп не поручили мне сказать вам, что вы можете всегда рассчитывать на них, как они рассчитывают на вас, и что в тот день, когда вы двинетесь на Париж, они тоже выступят против него.

— И это верпо,— сказал герцог,— но я не двинулся на Париж.

— Нет, двинулся, монсеньер, раз вы в Париже.

— Да, я в Париже, но как союзник моего брата.

— Разрешите заметить вам, монсеньер, что Гизам вы больше чем союзник.

— Кто же я им?

— Монсеньер — их сообщник.

Герцог Анжуйский прикусил губу.

— Так вы говорите, что они поручили вам объявить мне об их прибытии?

— Да, ваше высочество, они оказали мне эту честь.

— Но они не сообщили вам причин своего возвращения?

— Зная меня за доверчивое лицо вашего высочества, они сообщили мне все: и причины и планы.

— Так у них есть планы? Какные?

— Те же, что и прежде.

— И они считают их осуществимыми?

— Они в них уверены.

— А цель этих планов по-прежнему?..

Герцог остановился, не решаясь выговорить слова, которые должны были последовать за теми, что он произнес, Монсоро закончил его мысль:

— Да, монсеньер, их цель — сделать вас королем Франции.

Герцог почувствовал, как лицо его краснеет от радости.

— Но, — спросил он, — благоприятный ли сейчас момент?

— Это решит ваша мудрость.

— Моя мудрость?

— Да. Вот факты, факты очевидные, неопровержимые.

— Я слушаю.

— Провозглашение короля главой Лиги было всего лишь комедией, в ней быстро разобрались, а разобравшись, тут же осудили ее. Теперь начинается противодействие, и все государство поднимается против тирана короля и его ставленников. Проповеди звучат, как призывы к оружию, в церквях, вместо того чтобы молиться богу, проклиная короля. Армия дрожит от нетерпения, буржуа присоединяются к нам, ваши эмиссары только и делают, что сообщают о новых вступлениях в Лигу. В общем, царствование Валуа приходит копец. В этих условиях господам де Гизам необходимо выбрать серьезного претендента на трон, и их выбор, натурально, остановился на вас. Так вот, отказываетесь ли вы от ваших прежних замыслов?

Герцог не ответил.

— О чем вы думаете, монсеньер? — спросил Монсоро.

— Проклятие! — ответил принц. — Я думаю...

— Монсеньер знает, что может говорить со мной вполне откровенно.

— Я думаю о том, — сказал герцог, — что у моего брата нет детей, что после него трон должен перейти ко мне, что король не крепкого здоровья. Зачем же мне в таком случае суетиться вместе со всем этим людом и в бессмысленном соперничестве мараить мое имя, достоинство, мою братскую привязанность и, наконец, зачем мне добиваться с опасностью для себя того, что причитается мне по праву?

— Вот как раз в этом, — сказал Монсоро, — ваше высочество и ошибаетесь: трон вашего брата перейдет к вам только в том случае, если вы им завладеете. Господа де Гизы сами не могут стать королями, но они не допустят, чтобы на троне сидел неугодный им король. Они рассчитывали, что тем королем, который сменит ныне царствующего, будете вы, ваше высочество, но, в случае вашего отказа, они найдут другого, предупреждаю вас.

— Кого же? — вскричал герцог Анжуйский, нахмурившись. — Кто посмеет сесть на трон Карла Великого?

— Бурбон вместо Валуа, вот и все, монсеньер, потомок святого Людовика вместо потомка святого Людовика.

— Король Наваррский? — воскликнул Франсуа.

— А почему бы и нет? Он молод, храбр. Правда, у него нет детей, но все уверены, что он может их иметь.

— Он гугенот.

— Он! Да разве он не обратился во время Варфоломеевской ночи?

— Да. Но позже он отрекся.

— Э! Монсеньер, то, что он сделал ради жизни, он сделает и ради трона.

— Значит, они думают, что я уступлю мои права без борьбы?

— Я полагаю, что они это предусмотрели.

— Я буду отчаянно сражаться.

— Этим вы их не напугаете. Они старые вояки.

— Я встану во главе Лиги.

— Они ее душа.

— Я объединюсь с моим братом.

— Ваш брат будет мертв.

— Я призову на помощь королей Европы.

— Короли Европы охотно вступят в войну с королями, но они дважды подумают, прежде чем вступить в войну с народом.

— Почему с народом?

— Разумеется. Господа Гизы готовы на все, даже на созыв штатов, даже на провозглашение республики.

Франсуа стиснул руки в невыразимой тоске. Монсоро со своими столь исчерпывающими ответами был страшен.

— Республики? — прошептал принц.

— О! Господи боже мой! Да, как в Швейцарии, как в Генуе, как в Венеции.

— Но я и мои сторонники, мы не потерпим, чтобы из Франции сделали республику.

— Ваши сторонники? — переспросил Монсоро. — Ах! Монсеньер, вы были так ко всему равнодушны, так чужды всего земного, что, даю слово, сегодня у вас остались только два сторонника — господина де Бюсси и я.

Герцог не мог подавить мрачной улыбки.

— Значит, я связан по рукам и ногам, — сказал он.

— Похоже на то, монсеньер.

— Тогда какой им смысл иметь со мной дело, если я, как вы утверждаете, лишен всякого могущества?

— Я имел в виду, монсеньер, что вы бессильны без господ Гизов, но вместе с ними всецельны.

— Я всецелен вместе с ними?

— Да. Скажите слово, и вы — король.

Герцог в страшном волнении поднялся и заходил по кабинету, комкая все, что попадалось ему под руку: занавеси, портьеры, скатерти. Наконец он остановился перед Монсоро.

— Ты был прав, граф, когда сказал, что у меня остались только два друга: ты и Бюсси.

Он произнес эти слова с приветливой улыбкой, которой уже успел заменить выражение гнева на своем бледном лице.

— Итак? — спросил Монсоро с глазами, горящими радостью.

— Итак, мой верный слуга, — ответил принц, — говорите, я слушаю.

— Вы мне приказываете, монсеньер?

— Да.

— Так вот, монсеньер, вот, в двух словах, весь план.

Герцог побледнел, но остановился, чтобы выслушать.

Граф продолжал:

— Через восемь дней праздник святых даров, не правда ли, монсеньер?

— Да.

— Для этого святого дня король уже давно замыслил устроить торжественное шествие к главным монастырям Парижа.

— Да, у него в обычае устраивать каждый год такие шествия ради этого праздника.

— И как ваше высочество помнит, при короле в этот день нет охраны, или, вернее, охрана остается за дверями монастыря. В каждом монастыре король останавливается возле алтаря, опускается на колени и читает по пять раз «Pater» и «Ave», да еще добавляет сверх того семь покаянных псалмов.

— Все это мне известно.

— Среди прочих монастырей он посетит и аббатство святой Женеьевы.

— Бесспорно.

— Но поскольку перед монастырем накануне ночью случится нечто непредвиденное...

- Непредвиденное?
- Да. Лопнет сточная труба.
- И что?
- Алтарь пельзя будет поставить снаружи — под портиком, а его поместят внутри — во дворе.
- Ну и?
- Погодите. Король войдет, с ним вместе войдут четверо или пятеро из свиты. Но за королем и этими четверыми или пятерыми двери закроют.
- И тогда?
- И тогда... — ответил Мопсоро. — Ваше высочество уже знакомы с монахами, которые будут принимать его величество в аббатстве.
- Это будут те же самые?
- Вот именно. Те же самые, которые были там при миропомазании вашего высочества.
- И они осмелятся поднять руки на помазанника божьего?
- О! Только для того, чтобы постричь его, вот и все. Вы же знаете это четверостишие:

Из трех корон ты сдуру
 Лишился уже одной.
 Час близок — лишишься второй,
 Вместо третьей получишь тонуру.

- И они посмеют это сделать? — вскричал герцог с алчно горящим взором. — Они прикоснутся к голове короля?
- О! К тому времени он уже не будет королем.
- Каким образом?
- Вам не приходилось слышать о некоем брате из монастыря святой Женевьевы, святом человеке, который произносит речи в ожидании той поры, когда он начнет творить чудеса?
- О брате Горанфло?
- О нем самом.
- Это тот, который хотел проповедовать Лигу с аркебузой на плече?
- Тот самый.
- Ну и вот, короля отведут в его келью. Наш монах обещал, что, как только король окажется там, он заставит его подписать отречение. После того как король отречется, войдет госпожа де Монпансье с ножницами в руках. Ножницы уже куплены, и госпожа де Монпансье носит их на

поясе. Это прелестные оживцы из чистого золота, с восхитительной резьбой: кесарю — кесарево.

Фрапсуа молчал. Зрачки его лживых глаз расширились, как у кошки, которая подстерегает в темноте свою добычу.

— Дальнейшее вам понятно, монсеньер, — продолжал граф. — Народу объявят, что король, испытав святое раскаяние в своих заблуждениях, дал обет навсегда остаться в монастыре. На случай, если кто-нибудь усомнится в том, что король действительно дал такой обет, у герцога де Гиза есть армия, у господина кардинала — церковь, а у господина Майеннского — буржуазия; располагая этими тремя силами, можно заставить народ поверить почти во все, что угодно.

— Но меня обвинят в насилии, — сказал герцог после недолгого молчания.

— Вам незачем там находиться.

— Меня будут считать узурпатором.

— Монсеньер забывает про отречение.

— Король не согласится подписать его.

— Кажется, брат Горанфлю не только весьма красноречив, но еще и очень силен.

— Значит, план готов.

— Окончательно.

— И они не опасаются, что я их выдам?

— Нет, монсеньер, потому что у них есть другой, не менее верный план, — против вас, на случай вашей измены.

— А! — произнес принц.

— Да, монсеньер, но я с ним незнаком. Им слишком хорошо известно, что я ваш друг, и они мне не доверяют. Я знаю только о существовании плана, и это — все.

— В таком случае я сдаюсь, граф. Что надо делать?

— Одобрить.

— Что ж, я одобряю.

— Да. Но недостаточно одобрить на словах.

— Как же еще могу я дать свое одобрение?

— В письменном виде.

— Безумие думать, что я соглашусь на это.

— Почему же?

— А если заговор не удастся?

— Как раз на тот случай, если он не удастся, и просят у монсеньера подпись.

— Значит, они хотят укрыться за мной именем?

- Разумеется.
- Тогда я наотрез отказываюсь.
- Вы уже не можете.
- Я уже не могу отказаться?
- Нет.
- Вы что, с ума сошли?
- Отказаться — значит изменить.
- Почему?
- Потому что я с удовольствием бы смолчал, но ваше высочество сами приказали мне говорить.
- Ну что ж, пусть господа де Гизы рассматривают это, как им вздумается, по крайней мере, я сам выберу между двух зол.
- Монсеньер, смотрите, не ошибитесь в выборе.
- Я рискну, — сказал Франсуа, немного изволнованный, по пытающийся тем не менее держаться твердо.
- Не советую, монсеньер, — сказал граф, — в ваших же интересах.
- Но, подписываясь, я себя компрометирую.
- Отказываясь подписаться, вы делаете гораздо хуже: вы себя убиваете.
- Франсуа содрогнулся.
- И они осмелятся? — сказал он.
- Они осмелятся на все, монсеньер. Заговорщики слишком далеко зашли. Им надо добиться успеха любой ценой.
- Вполне понятно, что герцог заколебался.
- Я подпишу, — сказал он.
- Когда?
- Завтра.
- Нет, монсеньер, подписать надо не завтра, а немедленно, если уж вы решились подписать.
- Но ведь господа де Гизы должны еще составить обязательство, которое я беру по отношению к ним.
- Обязательство уже составлено, монсеньер, оно со мной.
- Монсоро вынул из кармана бумагу: это было полное и безоговорочное одобрение известного нам плана. Герцог прочел его все, от первой до последней строчки, и граф видел, что по мере того, как он читал, лицо его покрывалось бледностью. Когда Франсуа кончил, ноги отказались держать его, и он сел, вернее, упал в кресло перед столом.
- Возьмите, монсеньер, — сказал граф, подавая ему перо.

— Значит, мне надо подписать? — спросил принц, подперев лоб рукой — у него кружилась голова.

— Надо, если вы хотите; никто вас к этому не вынуждает.

— Нет, вынуждают, раз вы угрожаете мне убийством.

— Я вам не угрожаю, монсеньер, боже упаси, я вас предупреждаю, это большая разница.

— Давайте, — сказал герцог.

И, словно сделав над собой усилие, он взял или, скорее, выхватил перо из рук графа и подписал.

Монсоро следил за ним взором, горящим ненавистью и надеждой. Когда он увидел, что перо прикоснулось к бумаге, он вынужден был опереться о стол; зрачки его, казалось, расширялись все больше и больше по мере того, как рука герцога выводила буквы подписи.

— Уф! — вздохнул Монсоро, когда герцог кончил.

И, схватив бумагу таким же резким движением, каким герцог схватил перо, он сложил ее и спрятал между рубашкой и куском шелковой ткани, заменявшим в то время жилет, застегнул камзол и поверг на него запахнул плащ.

Герцог с удивлением следил за ним, не в силах понять выражение этого бледного лица, по которому молнией промелькнула свирепая радость.

— А теперь, монсеньер, — сказал Монсоро, — будьте осторожны.

— То есть? — спросил герцог.

— Не ходите по улицам в ночное время вместе с Оряльц, как вы делали только что.

— Что это значит?

— Это значит, монсеньер, что сегодня ночью вы отправились добиваться любви женщины, которую ее муж боготворит и ревнует так, что способен... да, клянусь честью, способен убить всякого, кто приблизится к ней без его разрешения.

— Не о себе ли, часом, и не о своей ли жене вы говорите?

— Да, монсеньер. Раз уж вы угадали с первого раза и столь точно, я даже не попытаюсь отрицать. Я женился на Двানে де Меридор, она принадлежит мне, и никому другому, даже самому принцу, принадлежать не будет, во всяком случае, пока я жив. И дабы вы твердо это знали, монсеньер, глядите: я клянусь в этом моим именем на своем кинжале.

И он почти коснулся клинком груди принца, который попятился назад.

— Сударь, вы мне угрожаете,— сказал Франсуа, бледный от гнева и ярости.

— Нет, мой принц, я вновь только предупреждаю вас.

— О чем предупреждаете?

— О том, что моя жена не будет принадлежать никому другому!

— А я, господин глупец,— вскричал вне себя герцог Анжуйский,— я отвечаю вам, что вы предупреждаете меня слишком поздно и она уже принадлежит кое-кому.

Монсоро страшно вскрикнул и вцепился руками в свои волосы.

— Не вам ли? — прохрипел он. — Не вам ли, монсеньер?

Ему стоило только протянуть руку, все еще сжимающую клинок, и клинок вонзился бы в грудь принца.

Франсуа отступил.

— Вы лишились рассудка, граф,— сказал он, готовясь позвонить в колокольчик.

— Нет, я вижу ясно, говорю разумно и понимаю правильно. Вы сказали, что моя жена принадлежит кому-то другому, вы так сказали.

— И повторяю.

— Назовите этого человека и приведите доказательства.

— Кто прятался сегодня ночью в двадцати шагах от ваших дверей, с мушкетом в руках?

— Я.

— Очень хорошо, граф, а в это время...

— В это время...

— У вас в доме, вернее, у вашей жены был мужчина.

— Вы видели, как он вошел?

— Я видел, как он вышел.

— Из дверей?

— Из окна.

— Вы узнали этого мужчину?

— Да,— сказал герцог.

— Назовите его,— вскричал Монсоро,— назовите его, монсеньер, или я ни за что не отвечаю.

Герцог провел рукою по лбу, и на губах его мелькнуло что-то вроде улыбки.

— Господин граф,— сказал он,— даю честное слово принца крови, клянусь господом моим и моей душой,

через восемь дней я укажу вам человека, который обладает вашей женой.

— Вы клянетесь? — воскликнул Монсоро.

— Клянусь.

— Что ж, монсеньер, через восемь дней, — сказал граф и похлопал рукой по тому месту на груди, где лежала подписанная принцем бумага, — через восемь дней, или... вы понимаете?..

— Приходите через восемь дней, вот все, что я могу вам сказать.

— Хорошо, так даже лучше, — согласился Монсоро. — Через восемь дней ко мне вернутся все мои силы, а когда человек собирается мстить, ему нужны все силы.

Он отвесил герцогу прощальный поклон, в котором нетрудно было прочесть угрозу, и вышел.

Глава XLIII

ПРОГУЛКА К БАСТИЛИИ

Тем временем анжуйские дворяне, один за другим, возвратились в Париж.

Если бы мы сказали, что они приехали исполненные доверия, вы усомнились бы в этом. Слишком хорошо знали они короля, его брата и мать, чтобы думать, будто все может обойтись родственными объятиями.

У анжуйцев еще свежа была в памяти охота, которую устроили на них друзья короля, и после той мало приятной процедуры они не могли тешить себя надеждой на триумфальную встречу.

Поэтому они возвращались с опаской, пробирались в город незаметно, вооруженные до зубов, готовые стрелять при первом подозрительном движении; и по пути к Анжуйскому дворцу с полсотни раз обнажали шпагу против горожан, единственное преступление которых состояло лишь в том, что те позволяли себе взглянуть на проезжающих мимо анжуйцев. Особенно лютовал Антрагэ, он винил во всех своих невзгодах господ королевских миньонов и дал себе клятву сказать им при случае пару теплых слов.

Антрагэ поделился своим планом с Рибейраком, человеком очень разумным, и тот заявил ему, что, прежде чем доставить себе подобное удовольствие, надо иметь поблизости границу, а то и все две.

— Это можно устроить,— ответил Антрагэ.

Герцог принял их очень хорошо.

Они были его людьми так же, как господа де Монжирон, де Келюс, де Шомберг и д'Эпернон были людьми короля.

Для начала он сказал им:

— Друзья мои, здесь, кажется, собираются вас прикончить. Все идет к тому. Будьте очень осторожны.

— Мы уже осторожны, монсеньер,— ответил Антрагэ. — Но не подобает ли нам отправиться в Лувр засвидетельствовать его величеству наше нижайшее почтение? Ведь в конце концов, если мы будем прятаться, это не сделает чести Анжу. Как вы полагаете?

— Вы правы,— сказал герцог. — Отправляйтесь, и, если хотите, я составлю вам компанию.

Молодые люди обменялись вопросительными взглядами. В эту минуту в зал вошел Бюсси и принялся обнимать друзей.

— Э! — сказал он. — Долго же вы добирались! Но что я слышу? Монсеньер хочет отправиться в Лувр, чтобы его там закололи, как Цезаря в римском сенате? Подумайте о том, что каждый из миньонов охотно унес бы кусочек вашего высочества под полой своего плаща.

— Но, дорогой друг, мы хотим слегка приласкать этих господ.

Бюсси расхохотался.

— Э! — сказал он. — Там будет видно, там будет видно.

Герцог пристально посмотрел на него.

— Пойдемте в Лувр,— заявил Бюсси,— но только одни; монсеньер останется у себя в саду срубать головы макам.

Франсуа засмеялся с притворной веселостью. По правде говоря, в глубине души он был рад, что избавился от неприятной обязанности.

Анжуйцы нарядились в великолепные одежды.

Все они были знатными вельможами и охотно проматывали на шелках, бархате и позументах доходы от родовых земель.

Они шли, сверкая золотом, драгоценными камнями, парчой, встречаемые приветственными возгласами простонародья, чей безошибочный нюх угадывал за пышными парядами сердца, пылающие ненавистью к королевским миньонам.

Но Геприх III не пожелал принять господ из Анжу, и они напрасно прождали в галерее.

И не кто иные, как господа де Келюс, де Можирон, де Шомберг и д'Эпернон, с вежливыми поклонами и с изъявлениями глубочайшего сожаления, явились сообщить анжуйцам решение короля.

— Ах, господа,— сказал Антрагэ, потому что Бюсси старался держаться как можно незаметней,— это печальное известие, но в ваших устах оно становится значительно менее неприятным.

— Господа,— отвечивал Шомберг,— вы сама обходительность, сама любезность. Не угодно ли вам, чтобы мы замешли неудавшийся прием небольшой прогулкой?

— О! Господа, мы собирались вас просить об этом,— с живостью ответил Антрагэ, но Бюсси незаметно тронул его за руку и шепнул:

— Помолчи, пусть они сами.

— Куда бы нам пойти? — сказал Келюс в раздумьи.

— Я знаю чудестный уголок возле Бастилии,— откликнулся Шомберг.

— Господа, мы следуем за вами,— сказал Рибейрак. — Идите вперед.

И четверо миньонов, в сопровождении четырех анжуйцев, вышли из Лувра и зашагали по набережным к бывшему турнельскому загому для скота, а в те времена — Кювскому рынку, подобно ровной площади, где росло несколько чахлах деревьев и там и сям были расставлены загородки, предназначенные для того, чтобы отгораживать лошадей или привязывать их.

По пути наши восемь дворян взялись под руки и, обмениваясь бесчисленными любезностями, болтали о веселых и легкомысленных вещах, к величайшему удивлению горожан, которые уже сожалели о своих недавних здравницах анжуйцам и говорили теперь, что те приехали, чтобы заключить сделку с поросятами Ирода.

Когда пришли на место, Келюс взял слово:

— Посмотрите, что за прекрасный, удивленный уголок и как твердо стоит нога на этой пропитанной селитрой земле.

— По чести, так,— откликнулся Антрагэ, отбив ногой несколько вызовов.

— Ну и вот,— продолжал Келюс,— мы и подумали, эти господа и я, что вы охотно изъявите желание прийти сюда с нами в один из ближайших дней, чтобы составить

компанию вашему другу, господину де Бюсси, который оказал нам честь вызвать нас всех четверых разом.

— Это верно,— подтвердил Бюсси ошеломленным друзьям.

— Он нам ничего не сказал! — воскликнул Аптрагэ.

— О! Господин де Бюсси знает все тонкости дела,— ответил Можирон. — Ну как? Вы согласны, господа анжуйцы?

— Разумеется, согласны,— ответили трое анжуйцев в один голос, — мы польщены столь высокой честью.

— Вот и чудесно,— сказал Шомберг, потирая руки. — А теперь, если вам будет угодно, давайте выберем себе противников.

— Меня это вполне устраивает,— сказал Рибейрак с горящими глазами. — И в таком случае...

— Нет,— прервал его Бюсси,— так было бы несправедливо. Мы все охвачены одним и тем же чувством, значит, нас вдохновляет всевышний. Мыслями человеческими управляет бог, господа, уверяю вас. Предоставим же богу разделить нас на пары. К тому же вам известно, как мало это будет иметь значения, если мы решим, что первый освободившийся приходит на помощь остальным.

— Обязательно, обязательно,— вскричали мильоны.

— Тогда тем более поступим, как братья Горации: бросим жребий.

— Разве они бросали жребий? — спросил задумчиво Келюс.

— Я в этом совершенно уверен,— ответил Бюсси.

— Что ж, последуем их примеру...

— Минутку,— сказал Бюсси. — Прежде чем определить наших противников, договоримся о правилах боя. Не подобает, чтобы об условиях боя договаривались после выбора противников.

— Все очень просто,— сказал Шомберг. — Мы будем сражаться насмерть, как сказал господин де Сен-Люк.

— Разумеется, но каким оружием мы будем сражаться?

— Шпагой и кинжалом,— сказал Бюсси. — Мы все владеем этим оружием.

— Пешие? — спросил Келюс.

— А зачем вам конь? Он только связывает движения.

— Пусть будет так, пешие.

— В какой день?

— Чем скорее, тем лучше.

— Нет, — сказал д'Эпернон. — Мне пужно еще уладить тысячу дол, написать завещание. Простите, но я предпочитаю подождать... Лишние три дня или шесть только обострят наш аппетит.

— Вот речь храбреца, — с пскрываеомой иронией скавал Бюсси.

— Договорились?

— Да. Мы по-прежнему прекрасно понимаем друг друга.

— Тогда бросим жребий, — скавал Бюсси.

— Еще минуту, — вступил в разговор Антрагэ. — Я вот что предлагаю: давайте разделим беспристрастно и поле боя. По жребию мы разделимся на пары. Разделим же и землю на четыре участка — по участку для каждой пары.

— Хорошо придумано.

— Для первой пары я предлагаю тот прямоугольник между двумя липами... там отличное место.

— Принято.

— А солнце?

— Тем хуже для второго номера, он будет стоять лицом на восток.

— Нет, господа, это несправедливо, — скавал Бюсси. — У нас будет честный бой, а не убийство. Давайте опишем полукруг и расположимся на нем. Пусть солнце светит всем нам сбоку.

Бюсси показал эту позицию, и она была принята; затем стали тянуть жребий.

Первый выпал Шомбергу, второй Рибейраку. Они составили первую пару.

Келюс и Антрагэ вошли во вторую.

Ляваро и Можирон — в третью.

Когда прозвучало имя Келюса, Бюсси, рассчитывавший получить его в противники, нахмурился.

д'Эпернон, видя, что он попал в одну пару с Бюсси, поблдноел и был вынужден подергать себя за усы, чтобы вызвать хоть немпого краски на щеки.

— Теперь, господа, — скавал Бюсси, — до дня сражения мы принадлежим друг другу. Мы друзья на жизнь и на смерть. Не соблаговолите ли вы пожаловать на обед в мой дворец?

Все поклонились в знак согласия и отправились к Бюсси, где пышное празднество объединило их до утра.

Глава XLIV,
В КОТОРОЙ ШИКО ЗАСЫПАЕТ

За объяснением мнѣонов с анжуйцами наблюдал сначала король — в Лувре, а затем Шико.

Генрих волновался у себя в покоях, с нетерпением ожидая возвращения своих друзей после их прогулки с господами из Анжу.

Шико издали следил за этой прогулкой, подмечая глазом знатока то, что никто не мог бы попятить лучше него. Уяснив себе намерения Бюсси и Келюса, он свернул к домику Монсоро.

Монсоро был человеком хитрым, но провести Шико ему, конечно, было не под силу: гасконец принес графу глубочайшие соболезнования короля, как же мог граф не оказать ему прекрасный прием?

Шико застал главного ловчего в постели.

Недавнее посещение Анжуйского дворца подорвало силы еще не окрепшего организма, и Реми, подперев кулаком подбородок, с досадой ждал первых признаков лихорадки, которая угрожала снова завладеть своей жертвой.

Тем не менее Монсоро оказался в состоянии поддерживать разговор и так ловко скрывал свою ненависть к герцогу Анжуйскому, что никто другой, кроме Шико, ничего бы и не заподозрил. Но чем больше скрытничал и осторожничал граф, тем больше сомневался Шико в его искренности.

«Нет,— говорил себе гасконец,— он не стал бы так распинаться в своей любви к герцогу Анжуйскому без какой-то задней мысли».

Шико, разбиравшийся в больных, захотел также убедиться, не является ли лихорадка графа комедией, наподобие той, которую разыграл перед ним в свое время Николя Давид.

Но Реми не обманывал, и, проверив пульс Монсоро, Шико подумал: «Этот болен по-настоящему и не в силах ничего сделать. Остается господин де Бюсси, посмотрим, на что способен он».

Шико поспешил ко дворцу Бюсси и обнаружил, что дворец сияет огнями и весь окутан запахами, которые восторгли бы из груди Горанфло вопли восторга.

— Не женится ли, случаем, господин де Бюсси?— спросил Шико у слуги.

— Нет, сударь,— ответил тот.— Господин де Бюсси помирился с несколькими придворными сеньорами и отмечает примирение обедом, отличнейшим обедом, уж поверьте мне.

«С этой стороны его величеству тоже пока ничего не грозит,— подумал Шико,— разве что Бюсси их отравит, но я считаю его неспособным на такое дело».

Шико возвратился в Лувр и в оружейной палате увидел Генриха, который шагал из угла в угол и сыпал проклятиями.

Король отправил к Келюсу уже трех гонцов. Но все они, не понимая, почему беспокоится его величество, взглянули по пути в заведение, которое содержал господин де Бираг-сын и где каждый носящий королевскую ливрею всегда мог рассчитывать на полный стакан вина, ломоть ветчины и засахаренные фрукты.

Этим способом Бираги сохраняли милость короля.

При появлении Шико в дверях оружейной Генрих падал громкое восклицание.

— О! Дорогой друг,— сказал он,— ты не знаешь, что с ними?

— С кем? С твоими миньонами?

— Увы! Да, с моими бедными друзьями.

— Должно быть, они в эту минуту лежат пластом,— ответил Шико.

— Убиты?! — вскричал Генрих, и глаза его загорелись угрозой.

— Да нет. Боюсь, что они смертельно...

— Ранены? И, зная это, ты еще смеешься, нехристы!

— погоди, сын мой, смертельно-то смертельно, да не ранены, а пьяны.

— Ах, шут... как ты меня напугал! Но почему клеветать ты на этих достойных людей?

— Совсем напротив, я их славлю.

— Все зубоскалишь... Послушай, будь серьезным, молю тебя. Ты знаешь, что они выпили вместе с анжуй-цамп?

— Разрази господь! Конечно, знаю.

— Ну, и чем же это кончилось?

— Ну, и кончилось это так, как я сказал: они смертельно пьяны или близки к тому.

— Но, Бюсси, Бюсси?

— Бюсси их спавшает, он очень опасный человек.

— Шико, ради бога!

— Ну, так уж и быть: Бюсси угощает их обедом, твоих друзей. Это тебя устраивает, а?

— Бюсси угощает их обедом! О! Нет, невозможно. Заклятые враги...

— Вот как раз если бы они друзьями были, им пе-
зачем было бы напиваться вместе. Послушай-ка, у тебя
крепкие ноги?

— А что?

— Сможешь ты дойти до реки?

— Я смогу дойти до края света, только бы увидеть
подобное зрелище.

— Ладно, дойди всего лишь до дворца Бюсси, и ты
увидишь это чудо.

— Ты пойдешь со мной?

— Благодарю за приглашение, я только что оттуда.

— Но, Шико...

— О! Нет и нет. Ведь ты понимаешь, раз я уже видел,
мне незачем идти туда убеждаться. У меня и так от бе-
готы ноги стали на три дюйма короче — в живот вко-
лотылись; коли я опять туда потащусь, у меня колени,
чего доброго, под самым брюхом окажутся. Иди, смей
мой, иди!

Король устремил на шута гневный взгляд.

— Нечего сказать, очень мило с твоей стороны, — за-
метил Шико, — портить себе кровь из-за таких людей. Они
смеются, пируют и поносят твои законы. Ответ на все
это, как подобает философу: они смеются — будем и мы
смеяться; они обедают — прикажем подать нам что-ни-
будь повкуснее и погорячее; они поносят наши законы —
ляжем-ка после обеда спать.

Король не мог удержаться от улыбки.

— Ты можешь считать себя настоящим мудрецом, —
сказал Шико. — Во Франции были волосатые короли, один
смелый король, один великий король, были короли лени-
вые: я уверен, что тебя парекут Генрихом Терпеливым...
Ах! Сын мой, терпение такая прекрасная добродетель...
за наименьшим других!

— Меня предали! — сказал король. — Предали! Эти
люди не имеют понятия о том, как должны поступать
настоящие дворяне.

— Вот оно что? Ты тревожишься о своих друзьях, —
воскликнул Шико, подталкивая короля к залу, где им
уже накрыли на стол, — ты их оплакиваешь, словно мерт-
вых, а когда тебе говорят, что они не умерли, все равно

продолжаешь плакать и жаловаться... Вечно ты поешь, Генрих.

— Вы меня раздражаете, господин Шико.

— Послушай, неужели ты предпочел бы, чтобы каждый из них получил по семь-восемь хороших ударов рапирой в живот? Будь же последовательным!

— Я предпочел бы иметь друзей, на которых можно положиться,— сказал Генрих мрачно.

— О! Клянусь святым чревом! — ответил Шико. — Полагайся на меня, я здесь, сын мой, но только корми меня. Я хочу фазана и... трюфелей,— добавил он, протягивая свою тарелку.

Генрих и его единственный друг улеглись спать рано. Король вздыхал, потому что сердце его было опустошено. Шико пыхтел, потому что желудок его был переполнен.

Назавтра к малому утреннему туалету короля явились господа де Келюс, де Шомберг, де Можирон и д'Эпернон. Лакей, как обычно, впустил их в опочивальню Генриха.

Шико еще спал, король всю ночь не сомкнул глаз. Взабешенный, он вскочил с постели и, срывая с себя благоухающие повязки, которыми были покрыты его лицо и руки, закричал:

— Вон отсюда! Вон!

Пораженный лакей пояснил молодым людям, что король отпускает их. Они переглянулись, пораженные не менее его.

— Но, государь,— пролепетал Келюс,— мы хотели сказать вашему величеству...

— Что вы уже протрезвели,— завопил Генрих,— не так ли?

Шико открыл один глаз.

— Простите, государь,— с достоинством возразил Келюс,— ваше величество ошибаетесь...

— С чего бы это? Я же не пил аижуйского вина!

— А! Понятно, понятно!.. — сказал Келюс с улыбкой. — Хорошо. В таком случае...

— Что в таком случае?

— Соболаговолите остаться с нами наедине, ваше величество, и мы объяснимся.

— Непавижу пьяниц и изменников!

— Государь! — вскричали хором трое остальных.

— Терпение, господа,— остановил их Келюс. — Его величество плохо высался, ему спились скверные сны.

Одно слово, и настроение нашего высокочтимого государя исправится.

Эта дерзкая попытка подданного оправдать своего короля произвела впечатление на Генриха. Он понял: если у человека хватает смелости произнести подобные слова; значит, он не мог совершить ничего бесчестного.

— Говорите, — сказал он, — да покороче.

— Можно и покороче, государь, но это будет трудно.

— Конечно... чтобы ответить на некоторые обвинения, приходится крутиться вокруг да около.

— Нет, государь, мы пойдем прямо, — возразил Келюс и бросил взгляд на Шико и лакея, словно повторяя Генриху свою просьбу о частной аудиенции.

Король подал знак: лакей вышел. Шико открыл второй глаз и сказал:

— Не обращайтесь на меня внимания, я сплю, как сурок.

И, снова закрыв глаза, он припился храпеть во всю силу своих легких.

Глава XLV,

В КОТОРОЙ ШИКО ПРОСЫПАЕТСЯ

Увидев, что Шико спит столь добросовестно, все перестали обращать на него внимание.

К тому же давно уже вошло в привычку относиться к Шико, как к предмету мебелировки королевской опочивальни.

— Вашему величеству, — сказал Келюс, склоняясь в поклоне, — известна лишь половина того, что произошло, и беру на себя смелость заявить, наименее интересная половина. Совершенно верно, и никто из нас не намерен этого отрицать, совершенно верно, что все мы обедали у господина де Бюсси, и должен заметить, в похвалу его повару, что мы знатно пообедали.

— Там особенно одно вино было, — заметил Шомберг, — австрийское или венгерское, мне оно показалось просто восхитительным.

— О! Мерзкий немец, — прервал король, — он падок на вино, я это всегда подозревал.

— А я в этом был уверен, — подал голос Шико, — я раз двадцать видел его пьяным.

Шомберг оглянулся на шута.

— Не обращай внимания, сын мой, — сказал гасконец, — во сне я всегда разговариваю; можешь спросить у короля.

Шомберг снова повернулся к Генриху.

— По чести, государь, — сказал он, — я не скрываю ни моих привязанностей, ни моих неприязней. Хорошее вино — это хорошо.

— Не будем называть хорошим то, что заставляет нас забыть о своем господине, — сдержанно заметил король.

Шомберг собирался уже ответить, не желая, очевидно, так быстро оставлять столь прекрасную тему, но Келюс сделал ему знак.

— Ты прав, — спохватился Шомберг, — говори дальше.

— Итак, государь, — продолжал Келюс, — во время обеда, и особенно перед ним, мы вели очень важный и любопытный разговор, затрагивающий, в частности, интересы вашего величества.

— Вступление у вас весьма длинное, — сказал Генрих, — это скверный признак.

— Клянусь святым чревом! Ну и болтлив этот Валуа! — воскликнул Шико.

— О! О! Мэтр гасконец, — сказал высокомерно Генрих, — если вы не спите, ступайте вон.

— Клянусь богом, — сказал Шико, — если я и не сплю, так только потому, что ты мне мешаешь спать: твой язык трещит, как трещотки на святую пятницу.

Келюс, видя, что в этом королевском покое невозможно говорить серьезно ни о чем, даже о самом серьезном, такими легкомысленными все привыкли здесь быть, вздохнул, пожал плечами и, раздосадованный, умолял.

— Государь, — сказал, переминаясь с ноги на ногу, д'Эпернон, — а ведь речь идет об очень важном деле.

— О важном деле? — переспросил Генрих.

— Конечно, если, разумеется, жизнь восьми доблестных дворян кажется вашему величеству достойной того, чтобы заняться ею, — заметил Келюс.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул король.

— Что я жду, чтобы король соблаговолил выслушать меня.

— Я слушаю, сын мой, я слушаю, — сказал Генрих, кладя руку на плечо Келюса.

— Я уже говорил вам, государь, что мы вели серьезный разговор, и вот итог нашей беседы: королевская власть ослабла, она под угрозой.

— Кажется, все только и делают, что плетут заговоры против нее, — вскричал Генрих.

— Она похожа, — продолжал Келюс, — на тех страшных богов, которые, подобно богам Тиберия и Калигулы, старели, но не умирали, а все шли и шли в свое бессмертие дорогой смертельных немощей. Эти боги могли избавиться от своей непрерывно возрастающей дряхлости, вернуть свою молодость, возродиться лишь в том случае, если какой-нибудь самоотверженный фанатик приносил себя им в жертву. Тогда, обновленные влившейся в них молодой, горячей, здоровой кровью, они начинали жить заново и снова становились сплывшими и могущественными. Ваша королевская власть, государь, напоминает этих богов, она может сохранить себе жизнеспособность только ценой жертвоприношений.

— Золотые слова, — сказал Шико. — Келюс, сын мой, ступай проповедовать на улицах Парижа, и ставлю тельца против яйца, что ты затмишь Линсестра, Кайе, Коттона и даже эту бочку красноречия, которую именуют Геранфлю.

Генрих молчал. Было заметно, что в настроении его происходит глубокая перемена: сначала он бросал на миньопов высокомерные взгляды, потом, постепенно осознав их правоту, он снова стал задумчивым, мрачным, обеспокоенным.

— Продолжайте, — сказал он, — вы же видите, что я вас слушаю, Келюс.

— Государь, — продолжал тот, — вы великий король, но крутозор ваш стал ограниченным. Дворянство воздвигло перед вами преграды, по ту сторону которых ваш взгляд уже ничего не видит, разве что другие, все растущие преграды, которые, в свою очередь, возводит перед вами народ. Государь, вы человек храбрый, скажите, что делают на войне, когда один батальон встает, как грозная стена, в тридцати шагах перед другим батальоном? Трусы оглядываются назад и, видя свободное пространство, бегут, смельчаки нагибают головы и устремляются вперед.

— Что ж, пусть будет так. Вперед! — вскричал король. — Клянусь смертью Спасителя! Разве я не первый дворянин в моем королевстве? Известны ли вам, спрашиваю я, более славные битвы, чем битвы моей юности? И знает ли столетие, которое уже приближается к концу, слова более громкие, чем Жарнак и Монконтур? Итак,

вперед, господа, и я пойду первым, это мой обычай. Бой будет жарким, как я полагаю.

— Да, государь, бесспорно,— воскликнули молодые люди, воодушевленные воинственной речью короля. — Вперед!

Шико принял сидячее положение.

— Тише, вы, там,— сказал он,— предоставьте оратору возможность продолжать. Давай, Келюс, давай, сын мой. Ты уже сказал много верных и хороших слов, но далеко не все, что можешь; продолжай, мой друг, продолжай.

— Да, Шико, ты прав, как это частенько с тобой случается. Я продолжу и скажу его величеству, что для королевской власти наступила минута, когда ей необходимо принять одну из тех жертв, о коих мы только что говорили. Против всех преград, которые невидимой стеной окружают ваше величество, выступят четверо, уверенные, что вы их поддержите, государь, а потомки прославят.

— О чем ты говоришь, Келюс? — спросил король, и глаза его зажглись радостью, умеряемой тревогой. — Кто эти четверо?

— Я и эти господа,— сказал Келюс с чувством гордости, которое возвышает любого человека, рискующего жизнью ради идеи или страсти. — Я и эти господа, мы приносим себя в жертву, государь.

— В жертву чему?

— Вашему спасению.

— От кого?

— От ваших врагов.

— Все это лишь раздоры между молодыми людьми,— воскликнул Генрих.

— О! Это общераспространенное заблуждение, государь. Привязанность вашего величества к нам столь великодушна, что позволяет вам прятать ее под этим изношенным плащом. Но мы ее узнали. Говорите как король, государь, а не как буржуа с улицы Сен-Дени. Не притворяйтесь, будто вы верите, что Можирон ненавидит Антрага, что Шомбергу мешает Ливаро, что д'Эпернон завидует Бюсси, а Келюс сердит на Рибейрака. Нет, все они молоды, прекрасны и добры. Друзья и враги, все они могли бы любить друг друга, как братья. Нет, не соперничество людей с людьми вкладывает нам в руки шпаги, а вражда Франции с Анжу, вражда между правом народным и правом божественным. Мы выступаем как борники королевской власти на то ристалище, куда выходит

поборники Лиги, и говорим вам: «Благословите нас, сеньор, одарите улыбкой тех, кто идет за вас на смерть. Ваше благословение, быть может, приведет их к победе, ваша улыбка облегчит им смерть».

Задыхаясь от слез, Генрих распахнул объятия Келюсу и его друзьям.

Он прижал их всех к своему сердцу. Эта сцена не была зрелищем, лишеным интереса, картиной, не оставляющей впечатления: мужество вступало здесь в единение с глубокой нежностью, и все это было освящено самоотречением...

Из глубины алькова глядел, подперев рукой щеку, Шико, Шико серьезный, опечаленный, и его лицо, обычно холодно-безразличное или искаженное саркастическим смехом, сейчас было не менее благородным и не менее краспоречивым, чем лица остальных.

— Ах! Мои храбрецы,— сказал наконец король,— это прекрасный, самоотверженный поступок, это благородное дело, и сегодня я горжусь не тем, что царствую во Франции, а тем, что я ваш друг. Но я лучше кого бы то ни было знаю, в чем мои интересы, и поэтому не приму жертвы, которая, суля столь много в случае вашей победы, отдаст меня, если вы потерпите поражение, в руки моих врагов. Чтобы вести войну с Анжу, хватит и Франции, поверьте мне. Я знаю моего брата, Гизов и Лигу, в своей жизни я усмирал и не таких норовистых и горячих коней.

— Но, государь,— воскликнул Можирон,— солдаты так не рассуждают. Они не могут считаться с возможностью неудачи в делах такого рода — делах чести, делах совести, когда человек действует, повинувшись внутреннему убеждению и не задумываясь о том, как его действия будут выглядеть перед судом разума.

— Прошу прощения, Можирон,— ответил король,— солдат может действовать вслепую, но полководец — размышляет.

— Так размышляйте, государь, а нам, нам предоставьте действовать, ведь мы всего лишь солдаты,— ответил Шомберг. — К тому же я не знаком с неудачей, мне всегда везет.

— Друг мой, милый друг,— прервал его печально король,— я не могу сказать того же о себе. Правда, тебе всего лишь двадцать лет.

— Государь,— сказал Келюс,— добрые слова вашего величества лишь удвоят наш пыл. В какой день следует

нам скрестить шпаги с господами де Бюсси, де Ливаро, д'Антрагэ и де Рибейраком?

— Никогда. Я это вам решительно запрещаю. Никогда, вы слышите?

— Простите нас, государь, простите, пожалуйста,— продолжал Келюс,— вчера перед обедом у вас состоялась встреча, слово дано, и мы не можем взять его обратно.

— Извините, сударь,— ответил Генрих,— король освобождает от клятв и слов, говоря «я хочу» или «я не хочу», ибо король всемогущ. Сообщите этим господам, что я пригрозил обрушить на вас всю силу своего гнева, ежели вы будете с ними драться, и, чтобы у вас не было сомнений в моей решимости, я клянусь отправить вас в изгнание, коли вы...

— Остановитесь, государь... — сказал Келюс,— ибо если вы можете освободить нас от нашего слова, вас от вашего может освободить лишь господь. Поэтому не клянитесь. Если из-за такого дела мы навлекли на себя ваш гнев и этот гнев выразится в нашем изгнании, мы отправимся в изгнание с радостью, ведь, покинув земли вашего величества, мы сможем сдержать свое слово и встретиться с нашими противниками на чужой земле.

— Если эти господа приблизятся к вам даже на расстояние выстрела из аркебузы,— вскричал Генрих,— я прикажу бросить их в Бастилию, всех четверых.

— Государь,— отвечал Келюс,— в тот день, когда ваше величество сделает это, мы отправимся босиком и с веревкой на шее к коменданту Бастилии мэтру Лорану Тестю, чтобы он заключил нас в темницу вместе с этими дворянами.

— Я прикажу отрубить им головы, клянусь смертью Спасителя! В конце концов я король!

— Если с нашими врагами это случится, государь, мы перережем себе горло у подножия их эшафота.

Генрих долго молчал, потом вскинул свои черные глаза и сказал:

— В добрый час. Вот оно, славное и храброе дворянство!.. Что ж, если господь не благословит дело, которое защищают такие люди!..

— Не безбожничай!.. не богохульствуй,— торжественно провозгласил Шико, встав со своей постели и направляясь к королю. — Боже мой! Какие благородные сердца. Ну, сделай же то, чего они хотят; ты слышишь, мой господин? Давай, назначь этим молодым людям день для по-

едника: займись своим делом, вместо того чтобы поучать всевышнего, в чем состоит его долг.

— Ах, боже мой! Боже мой! — прошептал Генрих.

— Государь, мы молим вас об этом, — сказали четверо молодых людей, склонив голову и опускаясь на колени.

— Хорошо, будь по-вашему. И верно: бог справедлив, он должен даровать вам победу. Впрочем, мы и сами сумеем подготовить ее, разумно и по-христиански. Дорогие друзья, вспомните, что Жарнак всегда обязательно исповедовался и причащался перед поединком. Ла-Шатепьер великолепно владел шпагой, но он перед поединком искал забвения в пирах, празднествах, отправлялся к жепщицам, какой омерзительный грех! Короче, он искушал бога, который, быть может, улыбался его молодости, красоте, силе и хотел спасти ему жизнь. И вот Жарнак убил его. Послушайте, мы исповедуемся и причастимся. Если бы у меня было время, я послал бы ваши шпаги в Рим, чтобы их благословил святейший... Но у нас есть рака святой Женевьевы, она стоит самых лучших реликвий. Попостимся вместе, умертвим свою плоть, отпразднуем великий день святых даров, а на следующее утро...

— О! Государь, спасибо, спасибо, — вскричали молодые люди. — Значит, через восемь дней.

И они бросились в объятия короля, который еще раз прижал их к сердцу и, проливая слезы, удалился в свою молеблю.

— Условия нашего поединка уже составлены, — сказал Келюс, — остается только вписать в них день и час. Пиши, Можирон, на этом столе... и пером короля, пиши: «В день после праздника святых даров».

— Готово, — сказал Можирон. — Кто будет герольдом и отнесет это письмо?

— Я, если вы пожелаете, — сказал Шико, подходя. — Только хочу дать вам совет, малыши. Его величество говорит о посте, умерщвлении плоти, раке святой Женевьевы... Все это великолепно во исполнении обета — после победы, но я счтяю, что до победы вам будет полезнее хорошая еда, доброе вино, восьмичасовой сон в полном одиночестве, в дневное или ночное время. Ничто не сообщает руке такой гибкости и силы, как трехчасовое пребывание за столом, коли не напиваешься допьяна, разумеется. В том же, что касается любви, я, в общем, поддерживаю короля. Слишком уж она разнеживает, и будет лучше, если вы от нее воздержитесь.

— Bravo, Шико! — дружно воскликнули молодые люди.

— Прощайте, мои львята, — ответил гасконец, — я отправляюсь во дворец Бюсси.

Он сделал три шага и вернулся назад.

— Кстати, — сказал он, — не покидайте короля в прекрасный день праздника святых даров. Не уезжайте никто за город; оставайтесь в Лувре, как горстка палатков. Договорились? Да? Тогда я уйду выполнять ваше поручение.

И Шико, держа в руке письмо, раздвинул циркуль своих длинных ног и исчез.

Глава XLVI

ПРАЗДНИК СВЯТЫХ ДАРОВ

В эти восемь дней события назревали, как в безветренную и знойную летнюю пору в небесных глубинах назревает гроза.

Монсоро, снова поднявшийся на ноги после суток лихорадки, стал сам подстерегать похитителя своей чести. Но, не обнаружив никого, он еще крепче, чем прежде, уверовал в лицемерие герцога Анжуйского и его дурные намерения относительно Дпаны.

Бюсси не прекратил дневных посещений дома главного ловчего.

Однако предупрежденный Одуэном о постоянных засадах, которые устраивал выдворяющий граф, он воздерживался от ночных визитов через окно.

Шико делил свое время надвое.

Одну часть он проводил, почти безотлучно, со своим возлюбленным господином, Генрихом Валуа, оберегая его, как мать оберегает ребенка.

Другую часть он уделял своему душевному другу Горанфло, которого восемь дней назад с большим грузом уговорил возвратиться в келью и сам препроводил в монастырь, где аббат, мессир Жозеф Фулон, оказал королевскому шуту самый теплый прием.

Во время этого первого визита Шико в монастырь было много говорено о благочестии короля, и приор казался выше всякой меры признательным его величеству за честь, которую тот сделает аббатству своим посетителем.

Честь эта даже превзошла все первоначальные ожидания: Генрих, по просьбе почтенного аббата, согласился провести в уединении в монастыре целые сутки.

Аббат все еще не мог поверить своему счастью, но Шико утвердил Жозефа Фулона в его надеждах. И поскольку было известно, что король прислушивается к словам шута, Шико настоятельно просили снова навеститься в гости к монахам, и гасконец обещал это сделать.

Что касается Горанфло, то он вырос в глазах монахов на десять локтей.

Ведь именно ему удалось так ловко втереться в полное доверие к Шико. Даже столь тонкий политик, как Макнавелли, не сделал бы это лучше.

Приглашенный наведываться, Шико наведывался и всегда приносил с собой — в карманах, под плащом, в своих широких сапогах — бутылки с самыми редкими и изысканными винами, поэтому брат Горанфло принимал его еще лучше, чем мессир Жозеф Фулон.

Шико заигрался на целые часы в келье монаха, разделяя с ним, если говорить в общих чертах, его ученые труды и молитвенные экстазы.

За два дня до праздника святых даров он даже провел в монастыре всю ночь напролет; на следующий день по аббатству пронесся слух, что Горанфло уговорил Шико надеть сутану.

Что до короля, то он в эти дни давал уроки фехтования своим друзьям, изобретая вместе с ними новые удары и стараясь в особенности упражнять д'Эпернона, которому судьба дала такого опасного противника и который ожидал решительного дня с заметным волнением.

Всякий, кто прошел бы ночью, в определенные часы, по улицам, встретил бы в квартале святой Женевьевы странных монахов, описанных уже нами в первых главах и смахивавших больше на рейтаров, чем на чернецов.

И, наконец, мы могли бы добавить, чтобы дополнить картину, которую стали набрасывать, могли бы добавить, повторяем, что дворец Гизов стал одновременно и самым таинственным и самым беспокойным вертепом, какой только можно себе представить. Снаружи он казался совершенно безлюдным, но внутри был густо населен. Каждый вечер в большом зале, после того как все занавеси на окнах были тщательно задернуты, начинались тайные сборища. Этим сборищам предшествовали обеды, на них

приглашались только мужчины, и тем не менее обеды возглавляла госпожа де Монпансье.

Мы вынуждены сообщать нашим читателям все эти подробности, извлеченные нами из мемуаров того времени, ибо читатели не найдут их в архивах полиции.

И в самом деле, полиция того беспечного царствования даже и не подозревала, что затевается, хотя заговор, как это можно видеть, был крупным, а достойные горожане, совершавшие свой ночной обход с каской на голове и алебардой в руке, подозревали об этом не больше полиции, не будучи людьми, способными угадывать иные опасности, чем те, которые проистекают от огня, воров, бешеных собак и буйствующих пьяниц.

Время от времени какой-нибудь дозор все же задерживался возле гостиницы «Путеводная звезда» на улице Арбр-Сек, но мэтр Ла Юрьер слыл добрым католиком, и ни у кого не вызывало сомнений, что громкий шум, доносящийся из его заведения, раздается лишь во имя вящей славы божьей.

Вот в какой обстановке город Париж дожидался наконец, день за днем, до утра того великого, отмененного конституционным правительством торжества, которое называют праздником святых даров.

В этот знаменательный день погода с утра выдалась великолепная, воздух был напоен ароматом цветов, устиланных улицы.

В этот день, говорим мы, Шико, в течение уже двух недель неизменно укладывавшийся спать в опочивальне короля, разбудил Генриха очень рано. Никто еще не входил в королевские покои.

— Ах, Шико, Шико, — воскликнул Генрих, — будь ты пеладен! Я еще не встречал человека, который бы делал все так не вовремя. Ты оторвал меня от самого приятного за всю мою жизнь сна.

— Что же тебе снилось, сын мой? — спросил Шико.

— Мне снилось, что мой дорогой Келюс проткнул Антрагэ насквозь и плавал в крови своего противника. Но вот и утро. Пойдем помолимся господу, чтобы сон мой исполнился. Зови слуг, Шико, зови!

— Да что ты хочешь?

— Мою власяницу и ровги.

— А может, ты предпочел бы хороший завтрак? — спросил Шико.

— Язычник,— сказал Геприх,— кто же это слушает мессу праздника святых даров на полный желудок!

— Твоя правда.

— Зови, Шико, зови!

— Терпение,— сказал Шико,— сейчас всего лишь восемь часов, до вечера ты еще успеешь себя нахлестать. Сначала побеседуем. Хочешь побеседовать с твоим другом? Ты не пожалеешь, Валуа, слово Шико.

— Что ж, побеседуем,— сказал Геприх,— по поторапливайся.

— Как мы разделим наш день, сын мой?

— На три части.

— В честь святой троицы, прекрасно. Какие же это части?

— Во-первых, месса в Сен-Жермен-л'Оксеруа.

— Хорошо.

— По возвращении в Лувр легкий завтрак.

— Великолепно!

— Затем шествие кающихся по улицам с остановками в главных монастырях Парижа, начиная с монастыря якобинцев и кончая святой Женевьевой, где я обещал приору прожить в затворничестве до послезавтра в келье у некоего монаха, почти святого, который будет почью читать молитвы за успех нашего оружия.

— Я его знаю.

— Этого святого?

— Прекрасно знаю.

— Тем лучше. Ты пойдешь со мной, Шико. Мы будем молиться вместе.

— Еще бы! Будь спокоен.

— Тогда одевайся, и пошли.

— Погоди!

— А что?

— Я хочу узнать у тебя еще несколько подробностей.

— А не мог бы ты спросить о них, пока меня будут одевать?

— Я предпочитаю сделать это, пока мы одни.

— Тогда спрашивай, да поскорей: время идет.

— Что будет делать твой двор?

— Он сопровождает меня.

— А твой брат?

— Он пойдет со мной.

— А твоя гвардия?

— Французская, во главе с Крийоном, будет ждать меня в Лувре, а швейцарцы — у ворот аббатства.

— Чудесно! — сказал Шико. — Теперь я все знаю.

— Значит, я могу позвать?

— Зови.

Генрих позвонил в колокольчик.

— Церемония будет замечательной, — продолжал Шико.

— Я надеюсь, бог воздаст мне за нее.

— Это мы увидим завтра. Но ответь мне, Генрих, пока еще никто не пришел, ты больше ничего не хочешь сказать мне?

— Нет. Разве я упустил какую-нибудь подробность церемонии?

— Речь не об этом.

— А о чем же тогда?

— Ни о чем.

— Но ты меня спрашиваешь.

— Уже окончательно решено, что ты идешь в аббатство святой Женевьевы?

— Конечно.

— И проведешь там ночь?

— Я это обещал.

— Ну, раз тебе больше нечего сказать мне, сын мой, то я сам тебе скажу, что эта церемония меня не устраивает.

— То есть как?

— Не устраивает. И после того, как мы позавтракаем...

— После того, как мы позавтракаем?

— Я познакомлю тебя с другой диспозицией, которую придумал я.

— Хорошо, согласен.

— Даже если бы ты и не был согласен, это бы не имело никакого значения.

— Что ты хочешь сказать?

— Тс! В переднюю уже входит твоя челядь.

И в самом деле, лакеи раздвинули портьеры, и появились бравобрей, парфюмер и камердинер его величества. Они завладели королем и стали все вместе совершать над его августейшей особой обряд, описанный в начале этой книги.

Когда туалет его величества был на две трети завершен, объявили о приходе его высочества монсеньера герцога Ашжуйского.

Генрих обернулся к брату, приготовив для него свою самую лучшую улыбку.

Герцога сопровождали господа де Монсоро, д'Эпернон и Орпль.

Д'Эпернон и Орпль остались позади.

При виде графа, все еще бледного и с выражением лица еще более утрашающим, чем обычно, Генрих не смог скрыть своего удивления.

Герцог заметил, что король удивлен, главный ловчий — тоже.

— Государь, — сказал герцог, — граф де Монсоро явился засвидетельствовать свое почтение вашему величеству.

— Спасибо, сударь, — сказал Генрих, — тронут вашим визитом, тем более что вы были тяжело ранены, не правда ли?

— Да, государь.

— На охоте, как мне говорили?

— На охоте, государь.

— Но сейчас вы чувствуете себя лучше, не так ли?

— Я поправился.

— Государь, — сказал герцог Анжуйский, — не угодно ли вам, чтобы после того, как мы исповедуемся и причастимся, граф де Монсоро отправился подготовит нам хорошую охоту в лесах Компьени?

— Но, — возразил Генрих, — разве вы не знаете, что завтра...

Он собирался сказать: «...четверо моих друзей дерутся с четырьмя вашими», но вспомнил, что тайпа должна быть сохранена, и остановился.

— Я ничего не знаю, государь, — ответил герцог Анжуйский, — и если ваше величество желает сообщить мне...

— Я хотел сказать, — продолжал Генрих, — что поскольку эту ночь мне предстоит провести в молитвах в аббатстве святой Женевьевы, то к завтраму я, возможно, не буду готов. Но пусть господин граф все же отправляется: если завтра охота не состоится, то она состоится послезавтра.

— Вы слышите? — обратился герцог к графу де Монсоро, который ответил с поклоном:

— Да, монсеньер.

Тут вошли Шомберг и Келюс. Король принял их с распростертыми объятиями.

— Еще один день, — сказал Келюс, кланяясь королю,

— Но, к счастью, всего один,— заметил Шомберг.

В это время Монсоро, со своей стороны, говорил герцогу:

— Вы, кажется, добиваетесь моего изгнания, монсеньер?

— Разве долг главного ловчего соетонт не в том, чтобы подготавливать охоту для короля? — со смехом спросил герцог.

— Я понимаю,— ответил Монсоро,— я вижу, в чем дело. Сегодня вечером истекает восьмой день отсрочки, которую вы, монсеньер, попросили у меня, и ваше высочество предпочитаете лучше отослать меня в Компьень, чем сдержать свое обещание. Но поостерегитесь, ваше высочество: еще до сегодняшнего вечера я могу одним словом...

Франсуа схватил графа за руку.

— Замолчите,— сказал он,— напротив, я выполняю обещание, которое вы помянули.

— Объяснитесь.

— О вашем отъезде для подготовки охоты станет известно всем. Водь вы получили официальный приказ.

— Ну и что?

— А вы не уедете и спрячетесь поблизости от вашего дома. И тогда, думая, что вы уехали, появится человек, которого вы желаете знать. Остальное ваше дело. Насколько помню, я ничего больше не обещал.

— А! Если все обстоит так... — сказал Монсоро.

— У вас есть мое слово,— сказал герцог.

— У меня есть больше, чем ваше слово, монсеньер,— у меня есть ваша подпись.

— Да, клянусь смертью Христовой, мне это хорошо известно.

И герцог отошел от Монсоро, чтобы приблизиться к своему брату. Ориль тронул д'Эпернона за руку.

— Все в порядке,— сказал он.

— Как? Что в порядке?

— Господин де Бюсси не будет драться завтра.

— Господин де Бюсси не будет драться завтра?

— Я за это отвечаю.

— Кто же ему помешает?

— Не все ли равно, раз он не будет драться?

— Если это случится, мой милый чародей, вы получите тысячу экю.

— Господа,— сказал Генрих, уже закончивший свой туалет,— в Сен-Жермен-д'Оксеруа.

— А потом в аббатство святой Женевьевы? — спросил герцог.

— Разумеется, — ответил король.

— Рассчитывайте на это, — сказал Шико, застегивая на себе пояс с рапирой.

Герцог вышел в галерею, где его ждал весь двор.

Глава XLVII,

КОТОРАЯ ДОБАВИТ ЯСНОСТИ ГЛАВЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ

Накануне вечером, когда все было решено и стоворено между Гизами и анжуйцами, господин де Монсоро возвратился в свой дом и встретил там Бюсси.

Тогда, подумав, что этот храбрый дворянин, к которому он по-прежнему относился очень дружески, может, не будучи ни о чем предупрежден, сильно скомпрометировать себя послезавтра, он отвел его в сторону.

— Дорогой граф, — сказал он молодому человеку, — не позволите ли вы мне дать вам один совет?

— Само собой разумеется, — ответил Бюсси. — Прошу вас об этом.

— На вашем месте я уехал бы на завтрашний день из Парижа.

— Мне уехать? А зачем?

— Единственное, что я могу вам сказать: ваше отсутствие, должно быть, спасет вас от крупных неприятностей.

— Крупных неприятностей? — переспросил Бюсси, глядя на графа пронизывающим взглядом. — Каких?

— Разве вы не знаете, что должно произойти завтра?

— Совершенно не знаю.

— По чести?

— Слово дворянина.

— Монсеньер герцог Анжуйский ни во что вас не посвятит?

— Нет. Монсеньер герцог Анжуйский посвящает меня только в те дела, о которых он может говорить во весь голос, и добавлю даже, — говорить почти любому.

— Что ж, я не герцог Анжуйский, я люблю своих друзей не ради себя, а ради них, и я скажу вам, дорогой граф, что на завтра готовятся важные события и что сторонники герцога Анжуйского и Гизов замышляют

удар, последствием которого, вполне возможно, будет низложение короля.

Бюсси посмотрел на господина де Монсоро с некоторым недоверием, но лицо графа выражало самую полную искренность, в этом нельзя было усомниться.

— Граф, — ответил Бюсси, — вы знаете, я принадлежу герцогу Анжуйскому, то есть ему принадлежат моя жизнь и моя шпага. Король, непосредственно против которого я никогда не выступал, сердит на меня, он всегда не упускает случая сказать или сделать мне что-нибудь неприятное. И как раз завтра, — Бюсси понизил голос, — я говорю это вам, по вам одному, понимаете? Завтра я буду рисковать своей жизнью, чтобы унижить Генриха Валуа в лице его фаворитов.

— Так, значит, — спросил Монсоро, — вы решили вести все последствия вашей преданности герцогу Анжуйскому?

— Да.

— Вы, должно быть, знаете, к чему это может вас привести?

— Я знаю, где я рассчитываю остановиться. Какие бы ни были у меня основания жаловаться на короля, никогда я не подниму руку на помазанника божьего. Пусть этим занимаются другие, а я, никого не задевая и никому не нанося ударов, буду следовать за господином герцогом Анжуйским, чтобы защитить его в случае опасности.

Монсоро задумался и через некоторое время сказал, положив руку на плечо Бюсси.

— Дорогой граф, герцог Анжуйский лицемер, трус, предатель, человек, способный из ревности или страха пожертвовать самым верным своим слугой, самым преданным другом. Дорогой граф, послушайте дружеского совета, покиньте его, отправляйтесь на завтрашний день в ваш венсенский домик, отправляйтесь куда хотите, но не принимайте участия в шествии во время праздника святых даров.

Бюсси внимательно посмотрел на Монсоро.

— Но почему вы сами остаетесь с герцогом Анжуйским?

— Потому, что из-за дел, касающихся моей чести, — ответил граф, — я буду в нем нуждаться еще некоторое время.

— Что ж, и я тоже из-за дел, касающихся моей чести, останусь с герцогом.

Граф Монсоро пожал руку Бюсси, и они расстались. Мы уже рассказали в предыдущей главе о том, что произошло на следующее утро во время туалета короля.

Монсоро отправился домой, объявил жене, что уезжает в Компьень, и тут же распорядился подготовить ему все для отъезда.

Диана с радостью выслушала это сообщение.

Она знала от мужа о предстоящем поединке между Бюсси и д'Эперноном, но из всех министров короля д'Эпернон был известен как наименее храбрый и ловкий, поэтому, когда Диана думала об их поединке, к ее страху примешивалось чувство гордости.

Бюсси с самого утра явился к герцогу Анжуйскому и сопровождал его в Лувр, там он все время оставался в галерее.

Выйдя от короля, герцог забрал Бюсси с собой, и королевский кортеж направился в Сен-Жермен-л'Оксеруа.

При виде Бюсси, такого прямого, верного, преданного, герцог почувствовал некоторые угрызения совести, но два обстоятельства подавили в нем добрые побуждения: большая власть, которую забрал над ним Бюсси, как всякий сильный человек над человеком слабым, внушала принцу опасение, как бы Бюсси, находясь возле его трона, не стал настоящим королем; и затем — Бюсси любил госпожу де Монсоро, и любовь эта порождала все муки ревности в сердце Франсуа.

Однако Монсоро, со своей стороны, вызывал у него почти такое же беспокойство, как Бюсси, и принц сказал себе:

«Если Бюсси пойдет со мной и, поддержав меня своей храбростью, поможет мне завоевать победу, тогда какое будет иметь значение для меня — победителя, что скажет или сделает этот Монсоро? Если же Бюсси покинет меня, я ему ничем больше не обязан и тоже его покину».

Вследствие этих двойственных мыслей, предметом которых был Бюсси, принц ни на минуту не спускал глаз с молодого человека.

Он видел, как тот со спокойным, улыбающимся лицом вошел в церковь, любезно пропустив перед собой своего противника д'Эпернона, и встал на колени где-то позади.

Тогда принц сделал ему знак приблизиться. В том положении, в котором он находился, принц, чтобы видеть Бюсси, был вынужден поворачивать назад голову,

в то время как, поместив Бюсси слева от себя, ему достаточно было скосить глаза.

С начала мессы прошло почти четверть часа, когда в церковь вошел Реми и опустился на колени возле своего господина. При появлении молодого лекаря герцог задрогнул: ему было известно, что Бюсси поверял Одуэну все свои тайные мысли.

И действительно, через некоторое время, после того, как они шепотом обменялись несколькими словами, Реми потихоньку передал своему господину записку.

Принц почувствовал, как кровь заледенела у него в жилах: адрес на записке был написан мелким, изящным почерком.

«Это от нее, — сказал себе принц, — она сообщает, что муж уезжает из Парижа».

Бюсси опустил бумажку в свою шляпу, развернул и прочел. Принц больше не видел записки, но зато он видел лицо Бюсси, озабоченное светом радости и любви.

— А! Если ты не пойдешь со мной, берегись! — прошептал он.

Бюсси поднес записку к губам и спрятал на груди.

Герцог поглядел вокруг. Будь Монсоро тут, кто знает, возможно, у принца и не стало бы терпения дожидаться вечера, чтобы назвать ему имя Бюсси.

Когда месса кончилась, все снова возвратились в Лувр, где их ожидал легкий завтрак — короля в его покоях, а дворян — в галерее.

Швейцарцы уже выстроились возле ворот Лувра, готовые отправиться в путь.

Крийон с французской гвардией стоял во дворе.

Так же, как герцог Анжуйский не терял из виду Бюсси, так и Шико не терял из виду короля.

Когда входили в Лувр, Бюсси подошел к герцогу.

— Простите, монсеньер, — произнес он, отвечивая поклон, — я хотел бы сказать вашему высочеству два слова.

— Это спешно? — спросил герцог.

— Очень, монсеньер.

— А не мог бы ты сказать их мне во время шествия? Мы будем идти рядом.

— Извините, монсеньер, но я остановил ваше высочество как раз, чтобы попросить разрешения не сопровождать вас.

— Почему это? — спросил герцог голосом, в котором звучало плохо скрытое волнение.

— Монсеньер, вашему высочеству известно, что завтра — великий день, ибо он должен покончить с враждой между Анжу и Францией. Я хочу удалиться в мой венсенский домик и весь сегодняшний день провести там в затворничестве.

— Значит, ты не примешь участия в шествии, в котором участвует весь двор, участвует король?

— Нет, монсеньер. Разумеется, с разрешения вашего высочества.

— И ты не присоединишься ко мне даже в монастыре святой Женевиевы?

— Монсеньер, я хочу иметь весь день свободным.

— Но, однако, — сказал герцог, — вдруг в течение дня мне понадобятся мои друзья!..

— Так как они вам понадобятся, монсеньер, лишь для того, чтобы поднять шпагу на своего короля, я с двойным основанием прошу отпустить меня, — ответил Бюсси. — Моя шпага связана моим вызовом д'Эпернопу.

Еще накануне Монсоро сказал принцу, что он может рассчитывать на Бюсси. Значит, все переменилось со вчерашнего дня, и перемена эта произошла из-за записки, принесенной Одуэном в церковь.

— Итак, — процедил герцог сквозь зубы, — ты покидаешь своего сеньора и господина, Бюсси?

— Монсеньер, — сказал Бюсси, — у человека, который завтра рискует жизнью в таком жестоком, кровавом, смертельном поединке, каким, ручаюсь вам за это, будет наш поединок, у человека этого нет больше иного господина, чем тот, кому будет предназначена моя последняя исповедь.

— Ты знаешь, что речь идет о троне для меня, и покидаешь меня?

— Монсеньер, я достаточно для вас потрудился и достаточно потружусь еще и завтра, не требуйте от меня большего, чем моя жизнь.

— Хорошо, — сказал глухим голосом герцог, — вы свободны, ступайте, господин де Бюсси.

Бюсси, ничуть не обеспокоенный этой внезапной холодностью, поклонился принцу, спустился по лестнице и, очутившись за стенами Лувра, быстро зашагал к своему дворцу.

Герцог кликнул Орилья.

Орильи появился.

— Ну как, монсеньер? — спросил лютнист.

- Он сам себя приговорил.
- Он не идет с вами?
- Нет.
- Он отправляется на свидание по записке?
- Да.
- Тогда, значит, сегодня вечером?
- Сегодня вечером.
- Господин де Монсоро предупрежден?
- О свидании — да, о том, кого он там увидит, — пока нет.
- Итак, вы решили пожертвовать вашим Бюсси?
- Я решил отомстить, — сказал принц. — Теперь я боюсь только одного.
- Чего же?
- Того, как бы Монсоро не доверился только своей силе и ловкости и как бы Бюсси от него не ускользнул.
- Пусть монсеньер не беспокоится.
- Почему?
- Господин де Бюсси приговорен окончательно?
- Да, клянусь смертью Христовой! Он взялся меня опекать, лишил воли, павязал мне свою, отнял у меня возлюбленную и завладел ею; это не человек, а лев, и я не столько его господин, сколько просто сторож при пем. Да, да, Орпльи, он приговорен окончательно, без права на помплование.
- Что ж, в таком случае, как я уже сказал, пусть монсеньер не волнуется: если Бюсси ускользнет от Монсоро, он не спасется от другого.
- А кто этот другой?
- Монсеньер приказывает мне назвать его?
- Да, я тебе приказываю.
- Этот другой — господин д'Эпернон.
- Д'Эпернон! Д'Эпернон, который должен завтра драться с ним?
- Да, монсеньер.
- Расскажи-ка мне все.
- Орпльи начал было рассказывать, но тут принца позвали. Король уже сидел за столом и удивлялся, что не видит герцога Анжуйского, вернее говоря, Шико обратил его внимание на отсутствие принца, и король потребовал позвать брата.
- Ты расскажешь мне во время шествия, — решил герцог.
- И он пошел за лакеем, которого за ним прислали.

А теперь, так как мы, будучи заняты более важным героем, не располагаем временем, чтобы последовать за герцогом и Орильи по улицам Парижа, мы расскажем нашим читателям, что произошло между д'Эперноном и люгнстом.

Раппи утром д'Эпернон явился в Апжуйский дворец и сказал, что хочет поговорить с Орильи.

Он давно уже был знаком с музыкантом.

Последний учил его игре на люгне, и ученик с учителем много раз встречались, чтобы попиликовать на виоле или на скрипке, как это было в моде в те времена, не только в Испании, но и во Франции.

Вследствие этого двух музыкантов связывала нежная, хотя и умеренная этикетом, дружба.

А кроме того, д'Эпернон, хитрый гасконец, использовал способ тихого проникновения, состоявший в том, чтобы подбираться к хозяевам через их слуг, и мало было таких тайн у герцога Анжуйского, о которых миньон не был бы осведомлен своим другом Орильи.

Добавим к этому, что, как ловкий дипломат, он подслуживался одновременно и к королю и к герцогу, переметываясь от одного к другому из страха нажить себе врага в короле будущем и из желания сохранить благоволение короля царствующего.

Целью его последнего визита к Орильи было побеседовать о предстоящем поединке.

Поединок с Бюсси не переставал беспокоить королевского миньона.

В течение всей долгой жизни д'Эпернона храбрость никогда не относилась к главным чертам его характера, а чтобы хладнокровно принять мысль о поединке с Бюсси, надо было обладать более чем храбростью, надо было обладать бесстрашием. Драться с Бюсси означало встать лицом к лицу с верной смертью.

Некоторые осмелились на это, но были повержены в бою на землю, да так с нее и не встали.

Стоило только д'Эпернону заикнуться музыканту о занимавшем его деле, как Орильи, знавший о тайной ненависти своего господина к Бюсси, Орильи, сказали мы, тут же стал поддакивать своему ученику и успелно жалеть его. Он сообщил, что уже в течение восьми дней господин де Бюсси упражняется в фехтовании, по два часа каждое утро, с горнистом из гвардии, самым коварным клинком, когда-либо известным в Париже,

своего рода артистом в деле фехтования, который, будучи путешественником и философом, заимствовал у итальянцев их осторожность и осмотрительность, у испанцев — ловкие, блестящие финты, у немцев — железную хватку пальцев на рукоятке и искусство контрударов, и, наконец, у диких поляков, которых тогда называли сарматами, — их вольты, их прыжки, их внезапные расслабления и бой грудь с грудью. Во время этого длинного перечисления преимуществ противника д'Эпернон сгрыз от страха весь кармин со своих крашеных ногтей.

— Вот как! Ну, тогда мне конец, — сказал он, смеясь и бледнея разом.

— Еще бы! Черт возьми! — ответил Орилья.

— Но это же бессмысленно, — воскликнул д'Эпернон, — выходить на поединок с человеком, который, вне всяких сомнений, должен вас убить. Все равно что бросать кости с игроком, который уверен, что он каждый раз выбросит дубль-шесть.

— Надо было думать об этом, прежде чем принимать вызов, сударь.

— Чума меня поберет! — воскликнул д'Эпернон. — Как-нибудь выпутаюсь. Недаром же я гасконец. Безумец тот, кто добровольно уходит из жизни, и особенно в двадцать пять лет. По крайней мере, так думаю я, клянусь смертью Христовой! И это очень разумно. Пстой!

— Я слушаю.

— Ты говоришь, господин де Бюсси уверен, что убьет меня?

— Ни минуты не сомневаюсь.

— Тогда это уж не дуэль, если он уверен; это — убийство.

— И в самом деле!

— А коли это убийство, то какого черта?

— Ну?

— Закон разрешает предупреждать убийство с помощью...

— С помощью?

— С помощью... другого убийства.

— Разумеется.

— Раз он хочет меня убить, кто мне мешает убить его раньше?

— О! Бог мой! Никто, разумеется, я об этом уже думал.

— Разве мое рассуждение не ясно?

- Ясно, как белый день.
- И естественно?
- Весьма естественно!
- Но только, вместо того, чтобы варварски убить его собственными руками, как он это хочет сделать со мной, я — мне ненавистна кровь — предоставлю позаботиться об этом кому-нибудь другому.
- Значит, вы наймете сбиров?
- Клянусь честью, да! Как герцог де Гиз и герцог Майеннский — для Сен-Мегрена.
- Это вам обойдется недешево.
- Я дам три тысячи экю.
- Когда ваши сбiry узнают, с кем они должны иметь дело за три тысячи экю, вам не нанять будет больше шести человек.
- А разве этого недостаточно?
- Шесть человек! Да господин де Бюсси убьет четверых, прежде чем сам получит хоть одну царапину. Помните-ка стычку на улице Сент-Антуан, когда он ранил Шомберга в бедро, вас — в руку и почти доконал Келюса.
- Я дам шесть тысяч экю, если надо, — сказал д'Эпернон. — Клянусь кровью Христовой! Если уж я берусь за дело, я хочу сделать его хорошо, так, чтобы он не ускользнул.
- У вас есть люди на примете? — спросил Орильи.
- Проклятие! — ответил д'Эпернон. — Кое-кто есть, на тех, кому делать нечего: солдаты в отставке, разные удалцы. В общем-то они стоят венецианских и флорентинских молодцов.
- Прекрасно! Прекрасно! Но будьте осторожны.
- Почему?
- Если они потерпят неудачу, они вас выдадут.
- За меня король.
- Это кое-что, но король не может помешать господину де Бюсси убить вас.
- Справедливо, совершенно справедливо, — сказал задумчиво д'Эпернон.
- Я мог бы подсказать вам другой выход.
- Говори, мой друг, говори.
- Но, может быть, вам не захочется действовать совместно с другим лицом?
- Я не откажусь ни от чего, что может удвоить мои надежды на забавление от этой бешеной собаки.
- Так вот, один враг вашего врага ревуует.

- О!
 - И в этот самый час!..
 - Ну, ну, в этот час... кончай же!
 - Он расставляет вашему врагу западню.
 - Дальше.
 - Но у него нет денег. С вашими шестью тысячами экю он может обделать одновременно и ваше и свое дело. Вы ведь не настаиваете, чтобы честь нанесення удара осталась за вами, не правда ли?
 - Боже мой, конечно, нет! Я ничего другого и не хочу, как остаться в тени.
 - Тогда пошлите к нему ваших людей, не открываясь им, кто вы. Он их использует.
 - Но, если мои люди и не будут знать, кто я, мне все же следует знать, кто этот человек.
 - Я покажу его вам сегодня утром.
 - Где?
 - В Лувре.
 - Так он дворянин?
 - Да.
 - Орильи, шесть тысяч экю поступят в твоё распоряжение немедленно.
 - Значит, мы договорились?
 - Окончательно и бесповоротно.
 - Тогда в Лувр!
 - В Лувр.
- В предыдущей главе мы видели, как Орильи сказал д'Эпернону:
- Все в порядке, завтра господин де Бюсси драться не будет.

Глава XLVIII

ШЕСТВИЕ

Как только завтрак кончился, король вместе с Шико удалился в свою комнату переодеться в одежды кающегося и через некоторое время вышел оттуда босой, подпоясанный веревкой, в низко надвинутом на лицо капюшоне.

Придворные за это время успели облачиться в такие же наряды.

Погода стояла прекрасная, мостовая была устлана цветами. Говорили, что переносные алтари будут один бо-

гаче другого и особенно тот, который монахи монастыря святой Женевьевы устроили в подземном склепе часовни.

Необъятная толпа народу расположилась по обе стороны дороги, ведущей к четырем монастырям, возле которых король должен был сделать остановки, — к монастырям яacobинцев, кармелитов, капуцинов и монахов святой Женевьевы.

Шествие открывал клир церкви Сен-Жермен-л'Оксе-руа. Архиепископ Парижа нес святые дары. Между архиепископом и клиром шли, пятясь задом, юноши, размахивавшие кадилами, и молодые девушки, разбрасывавшие лепестки роз.

Затем шел король, босой, как мы уже сказали, в сопровождении своих четырех друзей, тоже босых и тоже облаченных в монашеские рясы.

За ними следовал герцог Анжуйский, но в своем обычном костюме, а за герцогом его анжуйцы попеременно с высшими сановниками короля, которые шли в свите принца, в порядке, предусмотренном этикетом.

И, наконец, шествие замыкали буржуа и просто-народье.

Когда вышли из Лувра, было уже более часа полудни.

Крийон и французская гвардия хотели было последовать за королем, но он сделал им знак, что это ни к чему, и они остались охранять дворец.

Было около шести часов вечера, когда, после остановки у нескольких переносных алтарей, первые ряды шествия увидели портик старого аббатства с его кружевной резьбой и монахов святой Женевьевы во главе с их приором, выстроившихся на трех ступенях порога для встречи его величества.

Во время перехода к аббатству, от места последней остановки в монастыре капуцинов, герцог Анжуйский, с утра находившийся на ногах, почувствовал себя дурно от усталости и спросил разрешения у короля удалиться в свой дворец. Разрешение это было ему королем даровано.

После чего дворяне герцога отделились от процессии и ушли вместе с ним, как бы желая высокомерно подчеркнуть, что они сопровождали герцога, а не короля.

Но в действительности дело было в том, что трое из них собирались на следующий день драться и не хотели утомлять себя сверх меры.

У порога аббатства король, под тем предлогом, что Келюс, Можпрон, Шомберг и д'Эпернон нуждаются в отдыхе, не меньше Ливаро, Рибейрака и Антрагэ, король, говорим мы, отпустил и их тоже.

Архиепископ с утра совершал богослужение и так же, как и другие священнослужители, еще ничего не ел и падал от усталости. Король пожалел этих святых мучеников и, дойдя, как мы уже говорили, до входа в аббатство, отослал их всех.

Потом, обернувшись к приору Жозефу Фулону, он сказал гнусавым голосом:

— Вот и я, отец мой. Я пришел сюда как грешник, который ищет покоя в вашем уединении.

Приор поклонился.

Затем, обращаясь к тем, кто выдержал этот тяжелый путь и вместе с ним дошел до аббатства, король сказал:

— Благодарю вас, господа, ступайте с миром.

Каждый отвесил ему низкий поклон, и царственный кающийся, бия себя в грудь, медленно взвошел по ступеням в аббатство.

Как только Генрих переступил через порог аббатства, двери за ним закрылись.

Король был столь глубоко погружен в свои размышления, что, казалось, не заметил этого обстоятельства, в котором к тому же ничего странного и не было: ведь свою свиту он отпустил.

— Сначала,— сказал приор королю,— мы проводим ваше величество в склеп. Мы украсили его, как могли лучше во славу короля небесного и земного.

Генрих молча склонил голову в знак согласия и последовал за аббатом.

Но как только король прошел под мрачной аркадой, между двумя неподвижными рядами монахов, как только монахи увидели, что он свернул за угол двора, ведущего к часовне, двадцать капюшонов взлетели вверх, и в полутьме засверкали глаза, горящие радостью и гордым торжеством.

Открывшиеся лица не были ленивыми и робкими физиономиями монахов: густые усы, загорелая кожа свидетельствовали о силе и энергии.

Многие из этих лиц были иссечены шрамами, и рядом с самым гордым лицом, отмеченным самым знаменитым, самым прославленным шрамом, виднелось радостное и возбужденное лицо женщины, облаченной в рясу.

Женщина эта воскликнула, помахивая золотыми ножницами, которые были подвешены на цепочке к ее поясу:

— Ах, братья, наконец-то Валуа у нас в руках!

— По чести, сестра, я думаю так же, как вы,— ответил Меченый.

— Еще нет, еще нет,— прошептал кардинал.

— Почему же?

— Достанет ли у нас городского ополчения, чтобы выдержать натиск Крийона и его гвардии?

— У нас есть кое-что получше ополчения,— возразил герцог Майеннский,— и поверьте моему слову: ни один мушкет не выстрелит ни с той, ни с другой стороны.

— Погодите,— сказала герцогиня де Монпансье,— что вы хотите этим сказать? По-моему, небольшая потасовка была бы не лишней.

— Ничего не поделаешь, сестра, к сожалению, вы будете лишены этого развлечения. Когда короля схватят, он закричит, но на крики никто не ответит. А потом мы заставим его, убеждением ли, силой ли, но не открывая ему, кто мы, подписать отречение. Город будет тут же извещен об этом отречении, и оно настроит в вашу пользу горожан и солдат.

— План хорош, теперь он уже не может сорваться,— заметила герцогиня.

— Он немного жесток,— сказал кардинал де Гиз, склоняя голову.

— Король откажется подписать отречение,— добавил Меченый. — Он храбр и предпочтет умереть.

— Тогда пусть умрет! — воскликнули герцог Майеннский и герцогиня.

— Никким образом,— твердо возразил Меченый,— никким образом! Я хочу наследовать монарху, который отрекся и которого презирают, но я вовсе не хочу сесть на трон человека, которого убили и поэтому будут жалеть. Кроме того, вы в ваших планах позабыли о монсеньере герцоге Анжуйском: если король будет убит, он потребует корону себе.

— Пусть требует, клянусь смертью Христовой! Пусть требует! — сказал герцог Майеннский. — Наш брат кардинал предусмотрел этот случай. Монсеньер герцог Анжуйский будет замешан в деле низложения своего брата. Монсеньер герцог Анжуйский имел сношения с гугенотами, он недостойн царствовать.

— С гугенотами? Вы в этом уверены?

— Клянусь господом! Ведь ему помог бежать король Наваррский.

— Прекрасно.

— Кроме статьи о потере права на престол, есть еще одна статья в пользу нашего дома, она делает вас наместником королевства, а от наместничества до королевского трона — один шаг.

— Да, да, — сказал кардинал, — я все это предусмотрел. Но, может случиться, французская гвардия вломится в аббатство, чтобы удостовериться, что отречение действительно произошло и в особенности что оно было добровольным. С Крийоном шутки плохи, он из тех, кто может сказать королю: «Государь, ваша жизнь, конечно, под угрозой, но прежде всего спасем честь».

— Это дело нашего главнокомандующего, — ответил герцог Майеннский, — и он уже принял меры предосторожности. Нас здесь двадцать четыре дворянина, на случай осады. Да я еще приказал раздать оружие сотне монахов. Мы продержимся месяц против целой армии. Не считая того, что, если наших сил будет недостаточно, у нас есть подземный ход, через который мы можем скрыться вместе с нашей добычей.

— А что сейчас делает герцог Анжуйский?

— В минуту опасности он, как обычно, пал духом. Герцог вернулся к себе и ждет там известий от нас, в компании Бюсси и Монсоро.

— Господи боже мой! Ему следовало быть здесь, а не у себя.

— Я думаю, вы ошибаетесь, брат, — сказал кардинал, — народ и дворянство усмотрели бы в этом соединении двух братьев ловушку для всей семьи. Как мы только что говорили, нам надо прежде всего избежать роли узурпаторов. Мы наследуем, вот и все. Оставив герцога Анжуйского на свободе, сохранив независимость королевле-матери, мы добьемся всеобщего благословения и восхощения наших приверженцев, и никто нам слова худого не скажет. В противном же случае нам придется иметь дело с Бюсси и сотней других весьма опасных шпак.

— Ба! Бюсси завтра дерется с миньонами.

— Клянусь господом! Он их убьет. Достойное дело! А потом он примкнет к нам, — сказал герцог де Гиз. — Что до меня, то я сделаю его командующим армии в

Италии, где, без всякого сомнения, разразится война. Этот сеньор де Бюсси человек выдающийся, я к нему отношусь с большим уважением.

— А я, в доказательство того, что уважаю его не меньше вашего, брат, я, как только овдовею, выйду за него замуж, — сказала герцогиня де Монпансье.

— Замуж за него? Сестра! — воскликнул Майенн.

— Почему бы нет? — ответила герцогиня. — Дамы поважнее меня пошли на большее ради него, хотя он и не был командующим армией.

— Ну, ладно, ладно, — сказал Майенн, — об этом потом, а сейчас — за дело!

— Кто возле короля? — спросил герцог де Гиз.

— Приор и брат Горанфло, должно быть, — сказал кардинал. — Надо, чтобы он видел только знакомые лица, иначе мы его вспугнем до времени.

— Да, — сказал герцог Майеннский, — мы будем вкушать плоды заговора, а срывают их пускай другие.

— А что, он уже в келье? — спросила госпожа де Монпансье. Ей не терпелось украсить короля третьей короной, которую она уже так давно ему обещала.

— О! Нет еще. Сначала он посмотрит большой алтарь склепа и поклонится святым мощам.

— А потом?

— Потом приор обратится к нему с прочувствованным словом о бренности мирских благ, после чего брат Горанфло, знаете, тот, который произнес такую пылкую речь во время собрания представителей Лиги?..

— Да. И что же дальше?

— Брат Горанфло попытается добиться от него убеждением того, что нам противно вырывать силой.

— В самом деле, такой путь был бы во сто крат лучше, — произнес задумчиво Меченый.

— Да что там! Генрих суеверен и изнежен, — сказал герцог Майеннский, — я ручаюсь: под угрозой ада он сдастся.

— Я не так убежден в этом, как вы, — сказал герцог де Гиз, — но наши корабли сожжены, назад пути нет. А теперь вот что: после попытки приора, после речей Горанфло, если и тот и другой потерпят неудачу, мы испробуем последнее средство, то есть — залугивание.

— И уж тогда-то я постригу голубчика Валуа, — воскликнула герцогиня, возвращаясь снова и снова к своей любимой мысли.

В эту минуту под сводами монастыря, омраченными первыми тенями ночи, раздался звонок.

— Король спускается в склеп, — сказал герцог де Гиза. — Давайте-ка, Майенн, зовите ваших друзей, и превратимся снова в монахов.

В одно мгновение гордые лбы, горящие глаза и красноречивые шрамы скрылись под капюшонами. Затем около тридцати или сорока монахов, возглавляемых тремя братьями, направился ко входу в склеп.

Глава XLIX ШИКО ПЕРВЫЙ

Король был погружен в глубокую задумчивость, которая обещала планам господ Гизов легкий успех.

Он посетил склеп вместе со всей братней, приложился к раке и, в завершение церемонии, стал усиленно бить себя кулаками в грудь, бормоча самые мрачные псалмы.

Приор приступил к своим увещаниям, которые король выслушал все с тем же глубоко покаянным видом.

Наконец, по сигналу герцога де Гиза, Жозеф Фулон склонился перед королем и сказал ему:

— Государь, а теперь не угодно ли будет вам сложить нашу земную корону к ногам вечного владыки?

— Пойдемте, — просто ответил король.

И тотчас же все монахи, стоявшие шпалерами по пути короля, двинулись к кельям, в видневшийся слева главный коридор.

Генрих выглядел очень смягченным. Он по-прежнему бил себя кулаками в грудь, крупные четки, которые он торопливо перебирал, со стуком ударялись о черепа из слоистой кости, подвешенные к его поясу.

Наконец подошли к келье; на пороге ее возвышался Горанфло, раскрасневшийся, с глазами, сверкающими, подобно карбункулам.

— Здесь? — спросил король.

— Здесь, — откликнулся толстый монах.

Королю было от чего заколебаться, потому что в конце коридора виднелась довольно таинственного вида дверь или, вернее, решетка, выходящая на крутой скат, за которой глазу представляла лишь крошечная тьма.

Генрих вошел в келью.

— *Nic portus salutis?*¹ — прошептал он взволнованным голосом.

— Да, — ответил Фулон, — спасительная гавань здесь!

— Оставьте нас, — сказал Горанфло с величественным жестом.

Дверь тотчас же затворилась. Шаги монахов смолкли вдали.

Король, заметив скамеечку в глубине кельи, сел и сложил руки на коленях.

— А, вот и ты, Ирод, вот и ты, язычник, вот и ты, Навуходоносор! — сказал, без всякого перехода, Горанфло, упершись в бока своими толстыми руками.

Король, казалось, был удивлен.

— Это вы ко мне обращаетесь, брат мой? — спросил он.

— Ну да, к тебе, а к кому же еще? Сыщется ли такое бранное слово, которое бы не сгодилося для тебя?

— Брат мой! — пробормотал король.

— Ба! Да у тебя тут нет братьев. Давно уже я размышляю над одной проповедью... ты ее услышишь... Как всякий хороший проповедник, я делю ее на три части. Во-первых, ты — тиран, во-вторых — сатир, и, наконец, ты — низложенный монарх. Вот об этом-то я и буду говорить.

— Низложенный монарх! Брат мой... — возмущился почти скрытый темнотой король.

— Вот именно. Тут тебе не Польша, удрать тебе не удастся...

— Это западня!

— Э! Валуа, знай, что король всего лишь человек, пока он еще человек.

— Это насилие, брат мой!

— Клявусь Спасителем, уж не думаешь ли ты, что мы заперли тебя, чтобы с тобой нянчиться?

— Вы злоупотребливаете религией, брат мой.

— А разве религия существует? — воскликнул Горанфло.

— О! — произнес король. — Чтобы святой говорил такие слова!

— Черт побери, я это сказал.

— Вы погубите свою душу.

— А разве можно погубить душу?

¹ Здесь спасительная гавань? (лат.)

— Вы говорите, как безбожник, брат мой.
— Ладно, без глупостей! Ты готов, Валуа?
— Готов к чему?
— К тому, чтобы отречься от короны. Мне поручили предложить тебе это: я предлагаю.
— Но вы совершаете смертный грех.
— Э,— произнес Горанфло с циничной улыбкой,— я имею право отпускать грехи и заранее даю себе отпущение. Ну ладно, отрекайся, брат Валуа.
— От чего?
— От французского трона.
— Лучше смерть.
— Ну, что ж, тогда ты умрешь... Ага! Вот и приор. Он возвращается... решайся.
— У меня есть гвардия, друзья. Я буду защищаться.
— Возможно, но сначала тебя убьют.
— Дай мне, по крайней мере, подумать минуту.
— Ни минуты, ни секунды.
— Вы слишком усердствуете, брат мой,— сказал приор. И он сделал королю знак рукой, который говорил: «Государь, ваша просьба удовлетворена».
После чего приор снова вышел за дверь.
Генрих глубоко задумался.
— Что ж,— сказал он,— принесем эту жертву.
Размышления Генриха длились десять минут. В окошечко в дверях кельи постучали.
— Готово,— сказал Горанфло,— он согласен.
Из коридора до короля донесся шепот, выражавший радость и удивление.
— Прочтите ему акт,— сказал голос. Звук его заставил короля задрогнуть и даже бросить взгляд на решетку, которой было заделано дверное окошечко.
Рука какого-то монаха протянула Горанфло через прутья свернутый трубкой пергамент.
Горанфло с большим трудом прочитал этот акт королю; страдания того были так велики, что он закрыл лицо руками.
— А если я откажусь подписать? — воскликнул король плаксивым тоном.
— В таком случае вы себя погубите дважды,— откликнулся голос герцога де Гиза, приглушенный капюшонком. — Считайте, что вы уже мертвы для мира, и не вынуждайте подданных проливать кровь человека, который был их королем.

— Вам не заставить меня,— сказал Генрих.

— Я предвидел это,— шепнул герцог сестре, лоб ее был нахмурен, а в глазах читался страшный замысел.

— Ступайте, брат,— добавил он, обращаясь к Майенпу,— пусть все вооружатся и будут готовы!

— К чему? — спросил жалобно король.

— Ко всему,— ответил Жозеф Фулон.

Отчаяние короля удвоилось.

— Проклятие! — воскликнул Горанфло. — Я ненавижу тебя, Валуа, но теперь я тебя презираю. Давай подписывай, иначе я убью тебя своими собственными руками.

— Погодите,— сказал король,— погодите, пока я верю себя воле всевышнего и он испошлет мне смирение.

— Он опять собирается думать! — возмутился Горанфло.

— Оставьте его в покое до полуночи,— сказал кардинал.

— Благодарю, милосердный христианин,— воскликнул исполненный отчаяния король. — Бог воздаст тебе!

— А у него действительно расслабление мозга,— сказал герцог де Гиз. — Мы оказываем Франции услугу, свергая его с трона.

— Все равно,— заметила герцогиня,— какой бы он ни был слабоумный, я буду иметь удовольствие его постричь.

Во время этого диалога Горанфло, скрестив на груди руки, осыпал Генриха самыми грубыми ругательствами и перечислял все его прегрешения.

Внезапно снаружи монастыря раздался глухой шум.

— Тише! — крикнул голос герцога де Гиза.

Воцарилась глубочайшая тишина. Вскоре они поняли, что это гудят двери аббатства под чьими-то сильными и равномерными ударами.

Прибежал обратно Майени со всей быстротой, какую допускала его толщина.

— Братья,— сказал он,— у главного входа отряд вооруженных людей.

— Это за ним,— сказала герцогиня.

— Тем более ему надо поторопиться с подписью,— заметил кардинал.

— Подписывай, Валуа, подписывай! — закричал громовым голосом Горанфло.

— Вы дали мне срок до полуночи,— умоляюще сказал король.

— А ты уже и обрадовался, рассчитываешь на помощь?

— Конечно, у меня еще есть возможность...

— Умереть, если вы сию же минуту не подпишите,— прозвучал повелительный и резкий голос герцогини.

Горанфло схватил короля за руку и протянул ему перо.

Шум снаружи усилился.

— Еще один отряд,— сказал прибежавший монах.— Они окружают паперть и обходят слева.

— Скорей,— нетерпеливо вскричали Майенн и герцогиня.

Король обмакнул перо в чернила.

— Швейцарцы! — явился с сообщением Жозеф Фулон.— Они занимают кладбище справа. Аббатство полностью окружено.

— Ну что ж, мы будем обороняться,— ответил решительно герцог Майеннский.— Ни одна крепость не сдастся на милость победителя, имея такого заложника.

— Подписал! — зычно крикнул Горанфло, вырывая лист из рук Генриха, который, сраженный всем этим, закрыл лицо капюшоном, а поверх него — руками.

— Значит, мы — король,— сказал кардинал герцогу.— Унеси поскорей этот драгоценный пергамент.

Король, в порыве горя, опрокинул маленькую и единственную лампу, освещавшую эту сцену, но пергамент был уже в руках у герцога де Гиза.

— Что делать? Что делать? — спросил прибежавший со всех ног монах, под рысью которого угадывался самый настоящий дворянин в самом полном вооружении.— Явился Крийон с французской гвардией и вот-вот высадит двери. Прислушайтесь!..

— Именем короля! — донесся мощный голос Крийона.

— Чего там! Нет больше короля,— ответил Горанфло через окно кельи.

— Какой разбойник это сказал? — откликнулся Крийон.

— Я! Я! Я! — выкрикнул из темноты Горанфло с самой вызывающей надменностью.

— Попытайтесь разглядеть этого дурня и всадите ему парочку пуль в брюхо,— приказал Крийон.

А Горанфло, видя, что гвардейцы взяли мушкеты наизготовку, немедленно нырнул обратно в келью и плюхнулся на свой мощный зад посреди нее.

— Ломайте двери, господин Крийон, — приказал⁹ среди всеобщей тишины голос, от которого встали дыбом волосы у всех настоящих и мнимых монахов, находившихся в коридоре.

Тот, кому принадлежал этот голос, отделившись от остальных, подошел к ступеням аббатства.

— Повинуюсь, государь, — ответил Крийон и со всего размаха ударил по главной двери топором.

От этого удара содрогнулись стены.

— Что вам надо? — спросил дрожащий приор, выглядывая в окно.

— А! Это вы, мессар Фулон, — произнес все тот же высокомерный и спокойный голос. — Верните-ка мне моего шута, он решил заночевать тут у вас в одной из келий. Мне нужен мой Шико. Я скучаю без него в Лувре.

— Зато я очень весело провожу время, сын мой, — ответил Шико, сбрасывая капюшон и расталкивая толпу монахов, отшатнувшихся от него с воплями ужаса.

В это мгновение герцог Гиз, по приказу которого был принесен светильник, прочел с таким трудом добытую и еще не просохшую подпись внизу акта об отречении:

«Шико первый»

— Шико Первый, — воскликнул он, — тысяча проклятий!

— Мы погибли, — сказал кардинал, — бежим!

— Вот тебе, — приговаривал Шико, стегая веревкой, заменявшей ему пояс, полубесчувственного Горанфло. — Вот тебе!

Глава L

ПРОЦЕНТЫ И КАПИТАЛ

По мере того, как король говорил, и по мере того, как заговорщики узнавали его, изумление их сменялось страхом. Подпись «Шико I» под отречением превратила страх в ярость.

Шико сбросил рясу с плеч, скрестил руки на груди, и, пока Горанфло улепестывал со всех ног, он, неподвижный и улыбающийся, встретил первый патыск.

Положение его было ужасным.

Разъяренные дворяне надвигались на гасконца, твердо решив отомстить ему за жестокий обман, жертвой которого они стали.

Но вид этого безоружного человека с грудью, прикрытой лишь двумя скрещенными руками, вид этого смеющегося лица, словно подзадоривающего столь грозную силу обрушиться на столь полную слабость, оставил их, быть может, еще более, чем увещания кардинала, который убеждал, что смерть Шико ничего не даст, а, напротив, навлечет на них страшную месть короля, принявшего вместе со своим шутом участие в этой зловещей буффонаде.

В результате кинжалы и рапиры опустылись перед Шико, который, может, в порыве самоотречения, — а Шико, на это был способен, — может, потому, что он разгадал мысли своих врагов, продолжал смеяться им в лицо.

Тем временем угрозы короля становились все страшнее, а удары крийоновского топора все чаще.

Было очевидно, что дверь не выдержит долго подобного натиска, которому никто даже и не пытался дать отпор.

Поэтому, после короткого совещания, герцог де Гиз отдал приказ об отступлении.

Услышав этот приказ, Шико усмехнулся.

Во время своих ночных затворничеств с Горанфлю он изучил подземный ход, узнал, куда он выходит, и указал это место королю. Король поставил там Токено, лейтенанта швейцарской гвардии.

Было совершенно ясно, что лигисты один за другим попадут прямо в пасть к волку.

Кардинал, вместе с двумя десятками дворян, скрылся первым.

Затем Шико увидел, как в подземном ходе исчез герцог де Гиз, примерно с таким же числом монахов, а потом — Майенн: благодаря своей толщине и огромному животу он был лишен возможности бегать, и на его долю выпало прикрывать отступление.

Когда этот последний, то есть герцог Майеннский, на глазах у Шико волочил свое грузное туловище мимо кельи Горанфлю, гасконец уже не улыбался — он покачивался со смеху.

В течение десяти минут Шико тщетно напрягал слух, ожидал услышать, что лигисты бегут по подземному

ходу обратно. Но, к его величайшему удивлению, шум их шагов, вместо того чтобы приближаться к нему, все более и более удалялся.

Внезапно Шико осенила мысль, от которой он перестал смеяться и заскрежетал зубами.

Время идет, лигисты не возвращаются. Не заметили ли они, что выход из подземного хода охраняется, и не ушли ли через какой-нибудь другой выход?

Шико уже бросился было вон из кельи, но тут дорожку ему преградила какая-то бесформенная масса. Она ползала в ногах у Шико и рвала на себе волосы.

— Ах, я несчастный! — вопил Горанфло. — О! Мой добрый сеньор Шико, простите меня! Простите меня!

Почему Горанфло возвратился, возвратился один из всех, ведь он убежал первым и должен был бы находиться уже далеко отсюда?

Вот вопрос, который, вполне естественно, пришел в голову Шико.

— О! Мой добрый господин Шико, дорогой мой сеньор! — продолжал стелать Горанфло. — Простите вашего недостойного друга, он сожалеет о случившемся и приносит публичное покаяние у ваших ног.

— Однако, — спросил Шико, — почему ты не удрал с остальными, болван?

— Потому, что я не мог пройти там, где проходят остальные, мой добрый сеньор: господь бог во гневе своем покарал меня тучностью. О, несчастный живот! О, презренное брюхо! — кричал монах, хлопая кулаками по той части тела, к которой он взывал. — Ах, почему я не худой, как вы, господин Шико?! Как это прекрасно — быть худым! Какие они счастливицы, худые люди!

Шико ничего решительно не поппмал в сетованиях монаха.

— Но, значит, другие где-то проходят? — вскричал он громовым голосом. — Значит, другие убегают?

— Клянусь господом! — ответил монах. — А что же им еще остается делать, петли дожидаться, что ли? О, проклятое брюхо!

— Тихе! — крикнул Шико. — Отвечайте мне.

Горанфло поднялся на ноги.

— Спрашивайте, господин Шико, — сказал он, — вы имеете на это полное право.

- Как убегают остальные?
- Во всю прыть.
- Понимаю, но каким путем?
- Через отдушину.
- Смерть Христова! Через какую еще отдушину?
- Через отдушину кладбищенского склепа.
- Это тот путь, который ты называешь подземным ходом? Отвечай, скорее!
- Нет, дорогой господин Шико. Выход из подземного хода охраняется снаружи. Когда великий кардинал де Гиз открыл дверь, он услышал, как какой-то швейцарец сказал: «*Mich durstet*», что значит, как мне кажется: «Я хочу пить».
- Клянусь святым чревом! — воскликнул Шико. — Я и сам знаю, что это значит. Итак, беглецы отправились другой дорогой?
- Да, дорогой господин Шико, они спасаются через кладбищенский склеп.
- Который выходит?
- С одной стороны в подземный склеп часовни, с другой — под ворота Сен-Жак.
- Ты лжешь.
- Я, дорогой сеньор?
- Если бы они спасались через склеп, ведущий в подземелье часовни, они бы снова прошли перед твоей кельей, и я бы их увидел.
- То-то и оно, дорогой господин Шико, что у них не было времени делать такой большой крюк, и они пролезли через отдушину.
- Какую отдушину?
- Через отдушину, которая выходит в сад и служит для освещения прохода.
- Ну, а ты, значит?..
- Ну, а я, я слишком толст...
- И?
- Я не мог протиснуться, и меня вытянули обратно за ноги, потому что я преграждал путь другим...
- Но, — воскликнул Шико, лицо которого внезапно озарилось непонятным ликованием, — если ты не мог протиснуться...
- Не мог, хотя и очень старался. Посмотрите на мои плечи, на мою грудь.
- Значит, тот, кто еще толще тебя...
- Кто «тот»?

— О господь мой,— сказал Шико,— коли ты посо-
бишь мне в этом деле, я обещаю поставить тебе отлич-
нейшую свечу. Значит, он тоже не сможет протис-
нуться?

— Господин Шико...

— Поднимайся же, долгополый!

Монах встал так быстро, как только смог.

— Хорошо! Теперь веди меня к отдушине.

— Куда вам будет угодно, дорогой мой сеньор.

— Иди вперед, несчастный, иди!

Горанфло побежал рысцой со всей доступной ему ско-
ростью, время от времени воздевая к небу руки и сохраняя
взятый им аллюр благодаря ударам веревки, которыми
подгонял его Шико.

Они пробежали по коридору и выбежали в сад.

— Сюда,— сказал Горанфло,— сюда.

— Беги и молчи, болван.

Горанфло сделал последнее усилие и добежал до гу-
стой чащи, откуда слышалось что-то вроде жалобных
стонов.

— Там,— сказал он,— там.

И в полном изнеможении шлепнулся задом на траву.

Шико сделал три шага вперед и увидел нечто шеве-
лившееся возле самой земли.

Рядом с этим «нечто», напоминавшим заднюю часть
тела того существа, которое Диоген называл двуногим
петухом без перьев, валялись шпага и ряса.

Из всего явствовало, что персона, находившаяся в
столь неудобном положении, последовательно освобож-
далась от всех предметов, которые могли увеличить ее
толщину, и в данный момент, разоруженная и не об-
лаченная более в рясу, была приведена к своему про-
стейшему состоянию.

И тем не менее все потуги этой персоны исчезнуть
полностью были безрезультатны, как в свое время по-
туги Горанфло.

— Смерть Христова! Святое чрево! Кровь Христо-
ва! — восклицал беглец полузадушенным голосом. —
Я предпочел бы прорваться через всю гвардию. Ах! Не тя-
ните так сильно, друзья мои, я проскользну потихонечку.
Я чувствую, что продвигаюсь: не быстро, но продвигаюсь.

— Клянусь святым чревом! Это герцог Майенпский! —
прошептал Шико в экстазе. — Боже, добрый мой боже, ты
заработал свою свечу.

« Недаром же меня прозвали Геркулесом,— продолжал глухой голос,— я приподниму этот камень. Раз!

И герцог сделал такое могучее усилие, что камень действительно дрогнул.

— Погоди,— сказал тихонько Шико,— погоди.

И он затопал ногами, изображая бегущего.

— Они подходят,— сказали несколько голосов в подземелье.

— А! — воскликнул Шико, делая вид, что он только что подбежал, весь запыхавшийся. — А! Это ты, презренный монах?

— Молчите, монсеньер,— зашептали голоса. — Он принимает вас за Горанфло.

— А! Так это ты, толстая туша, *pondus immobile*¹, получай! А! Так это ты, *indigesta moles*², получай!

И при каждом восклицании Шико, достигнувший наконец столь горячо желанной возможности отомстить за себя, со всего размаху стегал по торчащим перед ним мясистым ягодицам той самой веревкой, которой он незадолго перед тем бичевал Горанфло.

— Тише,— продолжали шептать голоса,— он принимает вас за монаха.

И герцог Майеннский на самом деле издавал только приглушенные стоны, изо всех сил пытаясь приподнять камень.

— А, заговорщик,— продолжал Шико,— недостойный монах, получай! Вот тебе за пьянство! Вот тебе за лень, получай! Вот тебе за гнев, получай! Вот тебе за любо-страстие, получай! Вот тебе за чревоугодие! Жаль, что смертных грехов всего лишь семь. Вот! Вот! Вот! Это тебе за остальные твои грехи.

— Господин Шико,— молил Горанфло, обливаясь потом,— господин Шико, пожалейте меня.

— А, предатель! — продолжал Шико, не прекращая порки. — На! Вот тебе за измену.

— Пощадите,— лепетал Горанфло, которому казалось, что он чувствует на своем теле все удары, падающие на герцога Майеннского,— пощадите, миленький господин Шико!

Но Шико не останавливался, а лишь учащал удары, все больше опьяняясь мезтью.

¹ Недвижимая тяжесть (лат.).

² Бесформенная масса (лат.).

Несмотря на свое самообладание, Майени не мог сдерживать стонов.

— А! — продолжал Шико. — Почему не было угодно богу подставить мне вместо твоего непристойного зада, вместо этого грубого куска мяса, всемогущие и спятельнейшие ягоды герцога Майеннского, которому я задолжал тьму палочных ударов. Уже семь лет, как на них нарастают проценты. Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Горанфло испустил вздох и упал наземь.

— Шико! — вопил герцог Майеннский.

— Да, я самый, да, Шико, недостойный слуга его величества, Шико — слабая рука, который хотел бы для такого случая иметь сто рук, как Бриарей.

И Шико, все больше и больше входя в раж, стал отпущать удары с такой яростью, что его подопечный, обезумев от боли, собрал все силы, приподнял камень и с ободранными боками и окровавленным задом свалился на руки своих друзей.

Последний удар Шико пришелся по пустоте.

Тогда Шико оглянулся: настоящий Горанфло лежал в глубоком обмороке, если не от боли, то, во всяком случае, от страха.

Глава LI

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ВЛИЗНИ БАСТИЛЛИ В ТО ВРЕМЯ, КАК ШИКО ПЛАТИЛ СВОИ ДОЛГИ В АББАТСТВЕ СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЫ

Было одиннадцать часов ночи. Герцог Анжуйский в своем кабинете, куда он удалился, почувствовав себя нехорошо на улице Сен-Жак, с нетерпением ждал гонца от герцога де Гиза с известием об отречении короля.

Он шагал взад и вперед, от окна кабинета к двери, а от двери — к окнам передней, и все поглядывал на часы в футляре из позолоченного дерева, которые зловеще отсчитывали секунду за секундой.

Вдруг он услышал, как во дворе лошадь бьет копытом о землю. Герцог решил, что это, вероятно, прибыл желанный гонец, и подбежал к окну. Но копь — его держал под уздцы слуга — еще только ждал своего хозяина.

Хозяин вышел из дворца принца; это был Бюсси. Выполняя свои обязанности капитана гвардии, он, прежде

чем отправиться на свидание, приехал сообщить ночью пароль.

Увидев этого красивого, храброго человека, которого он ни в чем не мог упрекнуть, герцог почувствовал на мгновение угрызения совести, но тут Бюсси подошел к слуге, державшему в руке факел, свет упал на его лицо, и Франсуа прочел на нем столько радости, надежды и счастья, что ревность его вспыхнула с новой силой.

Тем временем Бюсси, не подозревая, что герцог наблюдает за ним и следит за изменениями его лица, Бюсси, уже уладивший все с паролем, отбросил плащ за плечи, вскочил в седло и, прищипнув коня, с большим шумом проскакал под гулким сводом ворот.

Незадолго до того герцог, обеспокоенный отсутствием гонца, подумывал, не послать ли за Бюсси; он не сомневался, что, прежде чем отправиться к Бастилии, Бюсси завернет в свой дворец. Но теперь Франсуа мысленно нарисовал себе, как Бюсси и Дана смеются над его отвергнутой любовью, ставя его, принца, на одну доску с презрасным мужем, и злобные чувства снова взяли в нем верх над добрым.

Отправляясь на свидание, Бюсси улыбался от счастья. Эта улыбка была для принца оскорблением, и он позволил Бюсси уехать. Если бы у молодого человека был нахмуренный лоб и печаль в глазах, возможно, Франсуа и оставил бы его.

Между тем Бюсси, выехав за ворота Анжуйского двора, тут же попридержал коня, чтобы не провадить слишком большого шума. Прискакав, как и предвидел принц, в свой дворец, он оставил коня на поечение конюха, почтительно внимавшего лекции по ветеринарному искусству, которую читал ему Реми.

— А! — сказал Бюсси, признав молодого лекаря. — Это ты, Реми?

— Да, монсеньер, собственной персоной.

— Еще не спишь?

— Собираюсь лечь через десять минут. Я шел к себе, вернее, к вам. По правде говоря, с тех пор как я расстался со своим раненым, мне кажется, что в сутках сорок восемь часов.

— Может быть, ты скучаешь? — спросил Бюсси.

— Боюсь, что да!

— А любовь?

— Э! Я вам уже не раз говорил: любви я остерегаюсь, обычно она для меня лишь предмет полезных наблюдений.

— Значит, с Гертрудой покончено?

— Бесповоротно.

— Выходит, тебе надоело?

— Быть битым. Именно в колотушках и выражалась любовь моей амазонки, доброй девушки в остальном.

— И твое сердце не вспоминает о ней сегодня?

— Почему сегодня, монсеньер?

— Потому, что я мог бы взять тебя с собой.

— К Бастилии?

— Да.

— Вы туда отправитесь?

— Непременно.

— А Монсоро?

— В Компьени, мой милый, он готовит там охоту для его величества.

— Вы в этом уверены, монсеньер?

— Распоряжение было ему отдано при всех, сегодня утром.

— А!

Реми задумался.

— И, значит? — сказал он немного погодя.

— И, значит, я провел день, вознося благодарения богу за счастье, которое он посылает мне этой ночью, и жажду провести ночь, наслаждаясь этим счастьем.

— Хорошо, Журдэн, мою шпагу! — приказал Реми. Ковчуг исчез в доме.

— Так ты изменил свое мнение?

— Почему?

— Потому, что ты берешь шпагу.

— Я провожу вас до места по двум соображениям.

— По каким?

— Во-первых, из опасений, как бы у вас не случилось неприятной встречи по дороге.

Бюсси улыбнулся.

— Э! Бог мой! Смейтесь, монсеньер. Я прекрасно знаю, что вы не боитесь неприятных встреч и что лекарь Реми не бог весть какая поддержка, но на двух нападают реже, чем на одного. Во-вторых, мне надо дать вам великое множество полезных советов.

— Пошли, дорогой Реми, пошли. Мы будем разговаривать о пей, а после счастья видеть жещиппу, кото-

рую любишь, я не знаю большей радости, чем говорить о ней.

— Бывают и такие люди, — ответил Реми, — которые радость говорить о ней ставят на первое место.

— Однако, — заметил Бюсси, — мне кажется, погода нынче весьма переменчивая.

— Еще один повод идти с вами: небо то в облаках, то чистое. Что до меня, то я люблю разнообразие. Спасибо, Журдэн, — добавил Реми, обращаясь к конюху, который принес ему рапиру.

Затем, обернувшись к графу, сказал:

— Я в вашем распоряжении, монсеньер. Пойдемте.

Бюсси взял молодого лекаря под руку, и они зашагали к Бастилии.

Реми сказал графу, что должен дать ему тьму полезных советов, и действительно, едва только они тронулись в путь, как лекарь принялся засыпать Бюсси внушительными латинскими цитатами, стремясь убедить его в том, что он делает ошибку, отправляясь этой почью к Дняпе, вместо того чтобы спокойно лежать в своей постели, ибо, как правило, человек дерется плохо, если он плохо спал ночью. Затем от ученых сентенций Одуэн перешел к мифам и басням и искусно повернул, что обычно именно Венера разоружала Марса.

Бюсси улыбался. Реми стоял на своем.

— Видишь ли, Реми, — сказал граф, — когда моя рука держит шпагу, она так с ней срастается, что каждая частичка ее плоти становится крепкой и гибкой, как сталь клинка, а клинок, в свою очередь, словно оживает и согревается, уподобляясь живой плоти. С этого мгновения моя шпага — это рука, а моя рука — шпага. И поэтому — понимаешь? — больше не приходится говорить ни о силе, ни о настроении. Клинок никогда не устает.

— Да, но он притупляется.

— Не бойся ничего.

— Ах, дорогой мой сеньор, — продолжал Реми, — речь идет о том, что завтра вам предстоит поединок, подобный поединку Геркулеса с Антеем, Тезея с Минотавром, нечто вроде битвы Тридцати, или битвы Баярда. Нечто гомерическое, гигантское, невероятное. Речь идет о том, чтобы в будущем поединок Бюсси называли образцом поединка. И я не хочу, знаете ли, не хочу только одного: чтобы вас продырявили.

— Будь спокоен, мой славный Реми, ты увидишь чу-

деса. Нынче утром я дал по шпаге четырем лихим драчунам, и в течение восьми минут ни одному из этих четырех не удалось даже задеть меня, а я превратил их камзолы в лохмотья. Я прыгал, как тигр.

— Не сомневаюсь в этом, господин мой, но будут ли ваши колени завтра такими же, какими они были сегодня утром?

Тут между Бюсси и его хирургом завязался разговор по-латыш, который то и дело прерывался взрывами смеха.

Так они дошли до конца большой улицы Сент-Антуан.

— Прощай, — сказал Бюсси, — мы на месте.

— Может, мне подождать вас? — предложил Реми.

— Зачем?

— Затем, чтобы быть уверенным, что вы возвратитесь через два часа и хорошенько поспите перед поединком, пять или шесть часов по меньшей мере.

— А если я дам тебе слово?

— О! Этого будет достаточно. Слово Бюсси, чума меня побери! Хотел бы я знать, как в нем можно усомниться!

— Что ж, ты его имеешь. Через два часа, Реми, я вернусь домой.

— Договорились. Прощайте, монсеньер.

— Прощай, Реми.

Молодые люди расстались, но Реми задержался на улице еще немного.

Он увидел, как Бюсси приблизился к дому и, поскольку отсутствие Монсоро обеспечивало полную безопасность, вошел через дверь, которую открыла Гертруда, а не через окно.

Только после этого Реми, с философским спокойствием, пустился по безлюдным улицам в обратный путь к дворцу Бюсси.

Пройдя через площадь Боуайе, он заметил, что навстречу ему идут пятеро мужчин, закутанных в плащи и под этими плащами, по всей видимости, хорошо вооруженных.

Пятеро в такой час — это было необычно. Реми отступил за угол дома.

Не дойдя десяти шагов до него, мужчины остановились и, обменявшись сердечным «доброй ночи», разошлись. Четверо отправились в разные стороны, а пятый продолжал стоять, погруженный в размышления.

В этот миг из-за облака выглянула луна и осветила лицо этого ночного гуляки.

- Господин де Сен-Люк? — воскликнул Реми.
- Услышав свое имя, Сен-Люк поднял голову и увидел направляющегося к нему человека.
- Реми! — вскричал он, в свою очередь.
- Реми собственной персоной, и я счастлив, что могу не добавлять: «к вашим услугам», ибо, как мне кажется, вы чувствуете себя прекрасно. Не будет ли нескромностью с моей стороны, если я поинтересуюсь, что ваша милость делает в этот час столь далеко от Лувра?
- По правде сказать, милейший, я изучаю по приказанию короля настроение города. Король сказал мне: «Сен-Люк, прогуляйся по улицам Парижа, и если ты случайно услышишь, что кто-нибудь говорит, что я отрекся от престола, смело отвечай, что это неправда».
- А кто-нибудь говорил об этом?
- Никто, ни словечка. И вот, так как скоро полночь, все спокойно и я не встретил никого, кроме господина де Монсоро, я отпустил своих друзей и собирался уже вернуться, тут ты и увидел меня.
- Как вы сказали? Господина де Монсоро?
- Да.
- Вы встретили господина де Монсоро?
- С отрядом вооруженных людей; их было не меньше десяти или двенадцати.
- Господин де Монсоро? Не может быть!
- Почему не может быть?
- Потому, что сейчас он должен находиться в Компьени.
- Он должен, но его там нет.
- Но приказ короля?
- Ва! Кто же повинуется королю?
- Вы встретили господина де Монсоро с десятью или двенадцатью людьми?
- Совершенно точно.
- Он вас узнал?
- Я полагаю, да.
- Вас было только пятеро?
- Четверо моих друзей и я. Никого больше.
- И он на вас не напал?
- Напротив, он уклонился от встречи со мной, это-то меня и удивляет. Узнав его, я уже приготовился было к страшному сражению.
- А куда он шел?
- В сторону улицы Тиксерандери.

- А! Боже мой! — вырвалось у Реми.
- В чем дело? — спросил Сен-Люк, обеспокоенный тоном молодого лекаря.
- Господин де Сен-Люк, сомнения нет, должно случиться большое несчастье.
- Большое несчастье? С кем?
- С господином де Бюсси.
- С Бюсси! Смерть Христова! Говорите, Реми, вы же знаете, я из его друзей.
- Какой ужас! Господин де Бюсси думал, что граф в Компьени.
- Ну и что?
- Он счел возможным воспользоваться его отсутствием.
- Значит, сейчас он?..
- У госпожи Дианы.
- А,— протянул Сен-Люк,— дело плохо.
- Да. Понимаете,— сказал Реми,— у господина де Монсоро, должно быть, появились подозрения, или ему их внушили, и он сделал вид, что уезжает, для того лишь, чтобы неожиданно нагрянуть.
- Постойте! — сказал Сен-Люк, хлопнув себя по лбу.
- Вы кого-нибудь подозреваете? — спросил Реми.
- Здесь замешан герцог Анжуйский.
- Но ведь сегодня утром герцог Анжуйский сам устроил господину де Монсоро этот отъезд!
- Тем более! У вас хорошие легкие, мой славный Реми?
- Как кузнечные мехи, клянусь телом Христовым!
- В таком случае бежим, бежим, не теряя ни минуты. Вы знаете дом?
- Да.
- Тогда бегите вперед.
- И молодые люди помчались по улицам со скоростью, которая сделала бы честь оленям, преследуемым охотниками.
- Он намного опередил нас? — спросил на бегу Реми.
- Кто? Монсоро?
- Да.
- На четверть часа примерно,— сказал Сен-Люк, перепрыгивая через кучу камней высотой в пять футов.
- Только бы нам не опоздать,— сказал Реми и вынул из пояса шпагу, чтобы быть готовым ко всему.

Глава III

УБИЙСТВО

Диана, совершенно уверенная в отъезде мужа, без всяких опасений приняла Бюсси, спокойного, далекого от каких-либо подозрений.

Никогда еще эта прекрасная юная женщина не получила такого сияния, никогда еще Бюсси не был таким счастливым. Есть мгновения, — душа или, вернее, инстинкт самосохранения всегда ощущают их значительность, — есть мгновения, когда духовные силы человека сливаются воедино со всем запасом физических возможностей, пробужденных в нем его чувствами. Он сосредоточен на одном и в то же время успевает охватить все. Всеми своими порами впитывает он жизнь, и не догадываясь, что может лишиться ее с минуты на минуту, и не ведая о приближении катастрофы, которая отнимет у него эту жизнь.

Диану страшил завтрашний грозный день, и чем больше она старалась скрыть свое волнение, тем больше волновалась. Поэтому молодая женщина казалась особенно печальной, ибо печаль, проникая в недра всякой любви, придает ей недостававший доколе аромат поэзии. Подлинно глубокому чувству веселье не свойственно, и глаза искренне любящей женщины чаще всего не сверкают, а затуманены слезами.

Диана начала с того, что остановила пылающего страстью молодого человека. Этой ночью она хотела объяснить ему, что его жизнь — одно с ее жизнью; она хотела обсудить с ним самые верные способы бегства.

Ибо одержать победу было еще недостаточно, одержав победу, надо было бежать от гнева короля, ведь, по всей вероятности, Генрих никогда не простил бы победителю поражения или смерти своих фаворитов.

— И потом, — говорила Диана, обвиняя рукою шею Бюсси и не сводя глаз с лица любимого, — разве ты не самый храбрый человек во Франции? Зачем тебе считать вопросом чести умножение твоей славы? Ты уже и так настолько превосходишь всех остальных мужчин, что с твоей стороны было бы невеликодушно желать еще большего возвышения. У тебя нет стремления понравиться другим женщинам, потому что ты любишь меня и побоялся бы потерять меня навсегда, не правда ли, Луи? Луи, защищай свою жизнь. Я не говорю тебе: «Подумай о смерти», ибо, мне кажется, что нет в мире человека достаточно

сильного, достаточно могучего, чтобы убить моего Луи пным путем, кроме измены. Но подумай о ранах; тебя могут ранить, ты это хорошо знаешь, ведь именно ране, полученной в сражении с теми же самыми людьми, обязана я знакомством с тобой.

— Будь спокойна, — смеясь, отвечал Бюсси, — я стану оберегать лицо, я не хочу, чтобы меня изуродовали.

— О! Берегай себя всего. Пусть твое тело будет для тебя таким же священным, как если бы это было мое тело. Подумай, как бы ты горевал, увидев меня параненной, окровавленной. Так вот, те же муки почувствую и я при виде твоей крови. Будь осторожен, мой безрассудный лев, вот все, о чем я тебя прошу. Поступи, как тот римлянин, историю которого ты мне читал прошлый раз, чтобы меня успокоить. О! Сделай в точности, как он. Предоставь своим трем друзьям сражаться с их противниками, приходи на помощь тому из них, кто будет больше в ней нуждаться, но если на тебя нападут двое или трое сразу — беги. Ты вернешься потом, как Гораций, и убьешь их каждого по отдельности.

— Хорошо, моя любимая Диана, — сказал Бюсси.

— О! Ты отвечаешь мне, не вникая в мои слова, Луи. Ты смотришь на меня, но ты меня не слушаешь.

— Да, но зато я вижу тебя, и ты прекрасна!

— Бог мой, да о моей ли красоте сейчас речь! Речь идет о тебе, о твоей жизни, о нашей жизни. Послушай, то, что я собираюсь сказать тебе — ужасно, но я хочу, чтобы ты это знал. Сильнее тебя это не сделает, но осторожнее — да. Так вот: я наберусь смелости и буду смотреть на ваш поединок!

— Ты?

— Я буду присутствовать при нем.

— Как так? Это невозможно, Диана.

— Возможно! Слушай, ты ведь знаешь: в соседней комнате одно окно выходит в маленький сад и навскилок от него виден турнельский загон для скота.

— Да, я помню это окно, оно футах в двадцати над землей, под ним еще железная ограда. Прощлый раз я бросал хлеб на ее острия, а птицы прилетали и расклевывали его.

— Из этого окна — понимаешь, Бюсси? — я тебя увижу. Главное, встань так, чтобы я тебя видела. Ты будешь знать, что я тут, ты даже сам сможешь взглянуть на меня. Ах, нет, я просто безумная, не смотри на меня, ведь

твоей противник может воспользоваться тем, что ты отвлекся.

— И убить меня! Не правда ли? Пока я буду глядеть на тебя? Если бы я был приговорен, Диана, и мне предложили бы самому выбрать себе смерть, я выбрал бы эту.

— Да, но ты не приговорен, и речь идет не о том, как умереть, а напротив, о том, как остаться в живых.

— Я и останусь в живых, будь спокойна. К тому же, уверяю тебя, у меня хорошая поддержка. Ты не знаешь моих друзей, а я их знаю: Антрагэ владеет шпагой не хуже меня; Рибейрак хладнокровен в бою, в нем кажутся живыми только глаза, которыми он пожирает противника, и рука, которой он наносит ему удары; Ливаро отличается тигриной ловкостью. Поверь мне, Диана, у нас замечательная партия, даже чересчур замечательная. Мне хотелось бы больше опасности, чтобы было больше чести.

— Что ж, я тебе верю, друг мой, и улыбаюсь, ибо надеюсь на тебя. Только слушай меня и обещай мне повиноваться.

— Обещаю в том случае, если ты не прикажешь мне уйти отсюда.

— Я как раз хочу обратиться к твоему трезвому уму.

— Тогда не надо было сводить меня с ума.

— Без каламбуров, мой прекрасный дворянин, покоряйтесь. Любовь доказывают покорностью.

— Что ж, повелевай.

— Милый друг, у тебя утомленные глаза, тебе нужно хорошенько выспаться. Уходи!

— Как, уже!

— Я еще обращусь с молитвой к богу, а ты меня поцелуешь.

— Это к тебе надо обращаться с молитвой, как обращаются к святым.

— А ты думаешь, святые богу не молятся? — сказала Диана, опускаясь на колени.

Ее устремленный вверх взор, казалось, искал бога, там — за потолком, в синих глубинах небосвода, а слова рвались прямо из сердца.

— Господь мой, — молила она, — если ты желаешь, чтобы раба твой была счастлива и не умерла от отчаяния, защити того, кого ты поставил на пути моем, дабы я его любила и любила лишь его одного.

Она уже произносила последние из этих слов, и Бюсси поклонился, чтобы обнять ее и привлечь ее лицо к своим губам, когда внезапно со звоном вылетело одно из оконных стекол, а за ним и вся рама, и они увидели, что на балконе стоят трое вооруженных людей, а четвертый перелезает через перила. Лицо его было закрыто маской, в одной руке он держал пистолет, в другой — обнаженную шпагу.

На одно мгновение Бюсси оцепенел, застыл, потрясенный страшным криком, который вырвался у Дианы, брошившейся ему на шею.

Человек в маске подал знак, и три его спутника сделали шаг вперед. Один из этих трех был вооружен аркебузой.

Левой рукой Бюсси отстранил Диану, а правой в то же мгновение выхватил из ножен шпагу.

Потом, собравшись с мыслями, он медленно опустил ее, не теряя из виду своих противников.

— Вперед, вперед, мои удалцы, — произнес мрачный голос из-под бархатной маски. — Он уже наполовину мертв от страха.

— Ты ошибаешься, — ответил Бюсси, — страх мне неведом.

Диана рванулась было к нему.

— Отойдите в сторону, Диана, — сказал он твердо.

Но она, вместо того, чтобы повиноваться, снова бросилась ему на грудь.

— Так меня убьют, сударыня, — сказал он.

Диана отошла, оставив Бюсси лицом к лицу с врагами.

Она поняла, что может помочь своему возлюбленному только одним способом: безропотно подчиняясь.

— А-а! — сказал мрачный голос. — Это и в самом деле господин де Бюсси, а я-то, прости, не хотел верить. Вот это друг! Замечательный друг, настоящий.

Бюсси молчал. Кусая губы, он оглядывал комнату, чтобы оценить, какие у него будут возможности для сопротивления, когда дело дойдет до схватки.

— Он узнает, — продолжал голос, насмешливый топ которого делал еще более страшным его низкое, мрачное звучание, — он узнает, что главный ловчий в отъезде, что жена осталась одна, что ей, быть может, страшно, и является составить ей компанию. И когда же? Накануне поедипка. Я повторяю: вот настоящий, замечательный друг!

— А! Это вы, господин де Монсоро, — сказал Бюсси. —

Прекрасно. Сбросьте вашу маску. Я уже знаю, с кем имею дело.

— Я так и поступлю, — ответил главный ловчий.

И он отшвырнул свою черную бархатную маску далеко в сторону.

Диана слабо вскрикнула.

Бледность графа была бледностью мертвеца, улыбка его — улыбкой демона.

— Вот так. Пора кончать, сударь, — сказал Бюсси. — Мне не по душе лишние разговоры. Произносить речи перед дракой — это годится для героев Гомера, на то они и полубоги, а я человек, но, заметьте, человек, лишенный страха. Нападайте или прочь с дороги!

Монсоро ответил хриплым, пронзительным смехом, который заставил Диану вздрогнуть, а Бюсси привел в ярость.

— Прочь с дороги! — повторил молодой человек, и кровь, прилившая до этого к его сердцу, бросилась ему в голову.

— Ого! Прочь с дороги? — воскликнул Монсоро. — Вы, кажется, так сказали, господин де Бюсси?

— Тогда скрестим наши шпаги и покончим с этим, — сказал молодой человек, — я должен вернуться домой, а живу я далеко.

— Вы пришли, чтобы остаться здесь на ночь, сударь, — сказал главный ловчий, — и вы здесь останетесь.

Тут над перилами балкона показались головы еще двух человек; эти двое перелезли через балюстраду и встали рядом со своими товарищами.

— Четыре плюс два — шесть, — сказал Бюсси. — А где же остальные?

— Они у дверей и ждут, — сказал главный ловчий.

Диана упала на колени, и, хотя она делала отчаянные усилия, чтобы совладать с собой, Бюсси услышал ее рыдания.

Он быстро взглянул на нее, затем снова перевел взгляд на графа и, после секундного размышления, сказал:

— Любезный сударь, вам известно, что я человек чести?

— Да, — сказал Монсоро, — вы такой же человек чести, как эта госпожа целомудренная женщина.

— Хорошо, сударь, — ответил Бюсси, слегка кивнув головой, — сказано сплюно, но это заслужено, и мы рассчитаемся за все разом. Одно только: завтра у меня шоедник

с четырьмя известными вам дворянами, и первенство принадлежит им, а не вам, поэтому я прошу оказать мне любезность и позволить мне сегодня удалиться, под залог слова, что мы с вами снова встретимся, тогда и там, где вам будет угодно.

Монсоро пожал плечами.

— Послушайте,— сказал Бюсси,— клянусь богом, сударь, когда я дам удовлетворение господам де Шомбергу, д'Эпернону, де Келюсу и де Можирону, я буду в вашем распоряжении, деликом в вашем и только в вашем. Если они убьют меня, что ж, вы будете отомщены их руками, вот и все. Если же, напротив, я окажусь в состоянии расплатиться с вами сам...

Монсоро обернулся к своим людям.

— Ну,— сказал он.— Ату его, мои храбрецы!

— А,— сказал Бюсси,— я ошибся: это не поединок, это убийство.

— Клянусь дьяволом! — воскликнул Монсоро.

— Да, я вижу, мы ошиблись друг в друге. Но подумайте вот о чем, сударь: все это не придется по душе герцогу Анжуйскому.

— Он-то меня и прислал,— ответил Монсоро.

Бюсси вздрогнул, Диана со стоном воздела руки к небу.

— В таком случае,— сказал молодой человек,— я буду рассчитывать только на Бюсси. Держитесь, мои храбрецы!

С молниеносной быстротой он опрокинул скамейку для молитв, подтащил к ней стол и швырнул поверх них стул. Таким образом, в одну секунду он воздвиг между собой и врагами нечто вроде оборонительного вала.

Он действовал так быстро, что пуля, выпущенная из аркебузы, попала лишь в скамейку и застряла в ее досках. Тем временем Бюсси повалил чудесный шкафчик времен Франциска I и добавил его к своему укреплению.

Диана оказалась укрытой этим шкафчиком. Она поняла, что не может помочь Бюсси ничем, кроме своих молитв, и молилась. Бюсси бросил взгляд на нее, потом на противников, затем на свой импровизированный оборонительный вал.

— Теперь пожалуйста,— сказал он,— по будьте осторожны, моя шпага колетса.

«Храбрецы», понукаемые Монсоро, двинулись на Бюсси, как па кабана. Бюсси ждал их, пригнувшись, с горя-

прямо глазами. Один из нападающих протянул было руку к скамейке, чтобы оттащить ее, но, прежде чем его рука коснулась оборонительного заграждения, шпага Бюсси, высунувшись в амбразуру, разрезала эту руку от локтя до плеча.

Человек вскрикнул и попытался к окну.

Тут Бюсси услышал быстрые шаги в коридоре и решил, что оказался меж двух огней. Он метнулся к двери, чтобы задвинуть засов, но, прежде чем успел это сделать, она открылась.

Молодой человек отступил на шаг, чтобы обороняться сразу и против старых и против новых врагов.

В дверь вбежали двое.

— А, дорогой мой господин, — воскликнул очень знакомый голос, — мы не опоздали?

— Ремп! — произнес Бюсси.

— И я! — крикнул второй голос. — Да тут, кажется, убивают?

Бюсси узнал этот голос и зарычал от радости.

— Сен-Люк! — воскликнул он.

— Я самый.

— А! — сказал Бюсси. — Теперь, дражайший господин де Монсоро, я думаю, будет лучше, если вы дадите нам выйти, потому что теперь, коли вы не посторонитесь, мы пройдем по вашим телам.

— Трое ко мне! — крикнул Монсоро.

И над балюстрадой показались трое новых нападающих.

— Вот как? Значит, у них целая армия? — сказал Сен-Люк.

— Господи, милостивый, защити его, — молилась Диана.

— Бесстыдная тварь! — крикнул Монсоро.

И бросился вперед, чтобы заколоть Диану.

Бюсси увидел это движение. Ловкий, словно тигр, он одним прыжком перескочил через свою баррикаду. Шпага его скрестилась со шпагой Монсоро, потом Бюсси сделал выпад и нанес графу удар в горло, но расстояние было слишком велико — Монсоро отделался лишь царапиной.

Пять или шесть человек разом бросились на Бюсси.

Один из них пал, сраженный шпагой Сен-Люка.

— Вперед! — крикнул Ремп.

— Нет, Ремп, не вперед, — сказал Бюсси, — подними и унеси Диану.

Монсоро зарычал и выхватил шпагу из рук одного из вновь прибывших.

Реми колебался.

— А вы? — спросил он.

— Унеси, унеси ее! — крикнул Бюсси. — Я вверю ее тебе.

— Господь мой! — шептала Диана. — Господь м^о помоги ему!

— Пойдемте, госпожа, — сказал Реми.

— Ни за что, нет, я его ни за что не покину.

Реми схватил ее на руки.

— Бюсси! — кричала Диана. — Ко мне, Бюсси! На помощь!

Бедная женщина обезумела и не различала более, где друзья, где враги. Все, что удаляло ее от Бюсси, было для нее гибелью, смертью.

— Иди, иди, — сказал Бюсси, — я последую за тобой.

— Да, — взвыл Монсоро, — да, ты последуешь за ней, я надеюсь.

Бюсси увидел, что Одуэн зашатался, согнулся и почти в то же мгновение упал, увлекая с собой Диану.

Бюсси вскрикнул и обернулся.

— Ничего, господин, — сказал Реми, — пуля попала в меня. Она невреждена.

В тот момент, когда Бюсси оглянулся, на него бросились трое. Сен-Люк заслонил от них друга, и один из троих упал.

Двое оставшихся отступили.

— Сен-Люк, — сказал Бюсси, — заклинаю тебя именем той, которую ты любишь! Спаси Диану!

— А ты?

— Я? Я — мужчина.

Сен-Люк кинулся к Диане, которая уже поднялась на колени, схватил ее на руки и исчез с ней вместе за дверь.

— Ко мне! — завопил Монсоро. — Ко мне, все, кто на лестнице!

— А! Подлец! — вскричал Бюсси. — А! Трус!

Монсоро скрылся за спины своих людей.

Бюсси ударил наотмашь, потом нанес колющий удар. Первым ударом он рассек чью-то голову, вторым — продырявил чью-то грудь.

— С этими все, — сказал он.

Затем он вернулся в свое укрепление.

— Бегите, господин, бегите! — прошептал Реми.
— Мне бежать... бежать от убийц!
Бюсси склонился к молодому лекарю.
— Надо, чтобы Диана успела спастись. Куда ты ранен?
— Берегитесь! — воскликнул Реми. — Берегитесь!
И действительно, с лестницы в дверь ворвались четверо.

Бюсси оказался в окружении.
Но он думал лишь об одном.
— А Диана? — крикнул он. — Диана?
И, не теряя ни мгновения, ринулся на четверых. Они были застигнуты врасплох. Двое упали, один был ранен, другой — мертв.

Затем, так как Монсоро двинулся к нему, Бюсси отступил назад и снова оказался за своим укреплением.

— Задвиньте засовы, — крикнул Монсоро, — поверните ключ: он у нас в руках, у нас в руках!

Тем временем Реми, собрав последние силы, дополз до защитного вала и укрепил его своим телом.

Наступил короткий перерыв.

Бюсси, который стоял на полусогнутых ногах, плотно прижавшись спиной к стене, и в согнутой в локте руке держал наготове шпагу, быстро огляделся.

Семь человек лежали на полу, девять — остались на ногах. Бюсси пересчитал их глазами.

И, глядя на эти девять сверкающих шпаг, слыша, как Монсоро подбадривает сборов, чувствуя, как под ногами хлюпают кровь, этот храбрец, никогда не ведавший страха, увидел, что из глубины комнаты перед ним возник словно бы призрак смерти и, хмуро улыбаясь, поманил его к себе.

«Из девяти, — подумал он, — я вполне могу уложить еще пятерых, но оставшиеся четверо убьют меня. У меня хватит сил еще на десять минут боя. Что ж, сделаем за эти десять минут то, что ни один человек никогда еще не делал и не делает».

Скинув плащ, он обернул им левую руку, соорудив себе нечто вроде щита, и прыгнул на середину комнаты, как будто дальнейшее пребывание в укрытии было недостойно его боевой славы.

Его встретил хаос тел и клинков, в который его шпага проскользнула, словно гадюка в свой выводок. Трижды перед ним открывался просвет в этой плотной массе, и он тут же выбрасывал вперед правую руку и наносил

удар. Трижды слышал он, как скрипела, расходясь под его клинком, кожа ремней и курток, и трижды струя теплой крови по бороздке клинка стекала на его пальцы.

За это же время своей левой рукой он отбил двадцать режущих и колющих ударов.

Плащ был весь изрублен.

Увидев, что двое упали, а третий вышел из боя, убийцы изменили свою тактику. Они отказались от шпаг: одни пустили в ход приклады мушкетов, другие стали стрелять в Бюсси из до сих пор бездействовавших пистолетов, от пуль которых он ловко уклонялся, то бросаясь в сторону, то нагибаясь. В этот решительный для него час он поспевал повсюду; он не только видел, слышал и действовал, он еще и угадывал самые внезапные, самые тайные мысли своих врагов. Для Бюсси настала одна из тех минут, когда человек достигает вершин совершенства: он был меньше, чем бог, ибо он был смертным, но, вне всякого сомнения, он был больше, чем человек.

Ему пришла в голову мысль, что убить Монсоро значит положить конец сражению, и он стал искать его глазами среди своих убийц. Но Монсоро, столь же спокойный, сколь Бюсси был возбужден, перезаряжал пистолеты своими людьми или, взяв заряженный пистолет из их рук, стрелял сам, все время прячась за спинами своих наемников.

Однако Бюсси ничего не стоило расчистить себе проход. Он бросился в гущу сбиров, они расступились, и Бюсси оказался лицом к лицу с Монсоро.

В это мгновение главный ловчий, в руках у которого был заряженный пистолет, прицелился и выстрелил.

Пуля ударила в клинок шпаги Бюсси и срезала его на шесть дюймов выше рукоятки.

— Обезоружен! — крикнул Монсоро. — Обезоружен!

Бюсси отскочил назад и, отступая, подобрал с полу срезанный клинок.

В одну секунду клинок был плотно прикручен носовым платком к кисти его руки.

И бой возобновился. То было величественное зрелище: одня человек, почти безоружный и, однако, почти невредимый, держал в страхе шестерых прекрасно вооруженных людей, возведя гору из десяти трупов.

Завязавшись снова, бой стал еще более ожесточенным. Пока люди Монсоро нападали на Бюсси, главный ловчий, догадавшись, что молодой человек высматривает себе ору-

жие на полу, стал убирать все, до чего тот мог бы добраться.

Бюсси был окружен. Обломок его шпаги, выщербленный, погнутый, притупившийся, шатался в пояске. Рука начала слабеть от усталости. Бюсси оглянулся вокруг, и тут один из трупов вдруг ожил, поднялся на колени и подал ему длинную и целую раппру.

Этим трупом был Реми, вложивший в это последнее движение всю свою преданность.

Бюсси вскрикнул от радости и отскочил назад, чтобы отвязать от руки платок и выбросить обломок клинка, ставший пенужным.

В эту минуту Монсоро бросился к Реми и в упор выстрелил ему в голову из пистолета.

Реми упал с пробитым лбом, на этот раз чтобы уже не подняться. Из груди Бюсси вырвался крик, даже не крик — рычание.

С новым оружием к нему вернулись силы. Рапра его со свистом описала круг, справа отрубив чью-то кисть, а слева — распорол щеку.

Этим двойным ударом он расчистил себе дорогу к выходу.

Ловкий и стремительный, он бросился к двери и попытался выломать ее ударом, от которого задрожала стена. Но засовы не поддались.

Истощенный этим усилием, Бюсси опустил правую руку и, стоя лицом к своим врагам, попробовал левой рукой открыть дверь за своей спиной.

В эту короткую секунду пуля пробила ему бедро и две шпаги задели бока.

Но он отодвинул засовы и повернул ключ.

Рыча, величественный в своей ярости, он сразил ударом наотмашь самого остервенелого из разбойников и, прорвавшись к Монсоро, ранил его в грудь.

У главного ловчего вырвалось проклятие.

— А! — сказал Бюсси, распахивая дверь. — Я начинаю думать, что выберусь.

Четверо убийц побросали свое оружие и навалились на Бюсси. Не справившись с ним шпагами, ибо его чудесная ловкость делала его неуязвимым, они пытались его удушить.

Но Бюсси и рукояткой раппры, и ее клинком непрерывно наносил им удары, рубил их. Монсоро дважды приближался к молодому человеку и дважды был ранен.

Наконец трое убийц вцепились в рукоятку рапиры и вырвали ее из рук Бюсси.

Тогда Бюсси схватил табурет из резного дерева, нанес три удара и сбил троих, но о плечо четвертого табурет раскололся, и тот остался на ногах.

Этот четвертый вонзил ему в грудь кинжал.

Бюсси схватил его за запястье, выдернул кинжал из своей груди и, повернув клинок к противнику, заколол того его же собственной рукой.

Последний из убийц выскочил в окно.

Бюсси сделал два шага, чтобы нагнать его, но лежавший среди трупов Монсоро приподнялся и ударил Бюсси ножом под колено.

Молодой человек вскрикнул, огляделся в поисках шпаги, схватил первую попавшуюся и с такой силой вонзил ее в грудь главного ловчего, что пригвоздил его к полу.

— А! — воскликнул Бюсси. — Не знаю, останусь ли жив я, но, по крайней мере, я увижу, как умрешь ты!

Монсоро хотел ответить, но из его полуоткрытого рта вылетел лишь последний вздох.

Тогда Бюсси, едва передвигая ноги, потащился к коридору. Он истекал кровью. Она бежала из раны на бедре и особенно из той, что была под коленом.

В последний раз оглянулся он назад.

Из-за облака вышла блестящая луна. Свет ее проник в залитую кровью комнату, заиграл на оконных стеклах и озарил изрубленные ударами шпаг, пробитые пулями стены, мимоходом скользнув по бледным лицам мертвецов, в большинстве сохранивших, умирая, жестокий и угрожающий взгляд убийц.

При виде этого поля битвы, которое он покрыл трупами, израненного, почти умирающего Бюсси охватило чувство беспредельной гордости.

Как он и обещал, он совершил то, что не совершил бы ни один человек.

Ему оставалось только бежать, спастись. Теперь уже он мог бежать, потому что бежал он от мертвых.

Но испытания еще не кончились для несчастного Бюсси.

Выйдя на лестницу, он увидел, что во дворе поблескивает оружие. Раздался выстрел. Пуля пробила ему плечо.

Двор охранялся.

Тогда он вспомнил о маленьком окне, через которое Диана собиралась наблюдать завтра за его поединком, и,

торопясь из последних сил, волоча раненую ногу, направился в ту сторону.

Окно было открыто, в него глядело прекрасное, усеянное звездами небо.

Бюсси закрыл за собою дверь, задвинул засов. Потом с большим трудом взобрался на окно и измерил глазами расстояние до железной решетки, рассчитывая спрыгнуть по ту ее сторону.

— О! Нет, у меня не останется сил, — прошептал он.

Но в это мгновение он услышал на лестнице шаги. То поднималась вторая группа убийц.

Драться Бюсси уже не был способен. Он собрал все свои силы и, помогая себе той рукой и той ногой, которые еще действовали, прыгнул вниз.

Но, прыгая, он поскользнулся на камне подоконника.

Ведь на подшивах его сапог было столько крови!

Он упал на железные копыа решетки: одни вошли в его тело, другие зацепились за одежду, и он повис.

Тогда Бюсси вспомнил о единственном друге, который еще оставался у него на земле.

— Сен-Люк! — крикнул он. — Ко мне! Сен-Люк! Ко мне!

— А! Это вы, господин де Бюсси! — раздался вдруг голос из кущи деревьев.

Бюсси содрогнулся. Голос принадлежал не Сен-Люку.

— Сен-Люк! — крикнул он снова. — Ко мне! Ко мне! Не бойся за Диану. Я убил Монсоро!

Он надеялся, что Сен-Люк спрячется где-то поблизости и при этом известии явится.

— А! Так Монсоро убит? — сказал другой голос.

— Да.

— Прекрасно.

И Бюсси увидел, как из-за деревьев вышли двое. Лица обоих были закрыты масками.

— Господа, — сказал он, — господа, заклинаю вас именем, помогите дворянину, попавшему в беду, вы еще можете спасти его.

— Что вы об этом думаете, монсеньер? — спросил полголоса один из двух неизвестных.

— Как ты неосторожен! — сказал другой.

— Монсеньер! — воскликнул Бюсси, который услышал эти слова, до такой степени все его чувства были обострены отчаянным положением. — Монсеньер! Освободите меня, и я прощу вам вашу измену.

— Ты слышишь? — сказал человек в маске.

— Что вы прикажете?

— Что ж, освободи его...

И прибавил, усмехнувшись под своей маской:

— От страданий...

Бюсси повернул голову туда, откуда раздавался голос, дерзавший говорить этим насмешливым тоном в такую минуту.

— О! Я погиб, — прошептал он.

И в тот же миг в грудь его уперлось дуло аркебузы и раздался выстрел. Голова Бюсси упала на грудь, руки повисли.

— Убийца! — сказал он. — Будь проклят!

И умер с именем Дианы на устах.

Несколько капель его крови упало с решетки на того, кого называли монсеньером.

— Он мертв? — крикнули несколько человек, которые, взломав дверь, появились у окна.

— Да, — крикнул Орильи. — Но не забывайте, что покровителем и другом господина де Бюсси был монсеньер герцог Анжуйский, бегите!

Убийцы ничего другого и не хотели, они тут же скрылись.

Герцог слушал, как звуки их шагов удаляются, становятся все глуше и смолкают вдали.

— А теперь, Орильи, — сказал он, — поднимись в ту комнату и сбрось мне через окно тело Монсоро.

Орильи поднялся, разыскал среди множества трупов тело главного ловчего, завалил его на спину и, как ему приказал его спутник, бросил это тело в окно. Падая, и оно тоже забрызгало кровью одежды герцога Анжуйского.

Пошарив в камзоле главного ловчего, Франсуа достал акт о союзе, подписанный его королевской рукой.

— Это то, что я искал, — сказал он, — нам больше нечего здесь делать.

— А Диана? — спросил из окна Орильи.

— Черт возьми! Я больше не влюблен и, так как она нас не узнала, развяжи ее. Сен-Люка тоже развяжи. Пусть отправляются на все четыре стороны.

Орильи исчез.

— Королем Франции я пока не стану, — сказал герцог, разрывая акт на мелкие куски, — но зато и не буду обезглавлен по обвинению в государственной измене.

Глава LIII

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ОКАЗАЛСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ КОГДА-ЛИБО МЕЖДУ ВИСЕЛИЦЕЙ И АББАТСТВОМ

Авантюра с заговором окончательно обернулась комедией. Ни швейцарцы, поставленные караулить устье этой реки интриг, ни сидевшая в засаде французская гвардия не смогли поймать в раскинутые ими сети не только крупных заговорщиков, но даже и мелкой рыбешки.

Все участники заговора бежали через подземный ход под кладбищем.

Из аббатства не появился ни один. Поэтому, как только дверь была взломана, Крийон встал во главе тридцати человек и вместе с королем ворвался внутрь.

В просторных, темных помещениях стояла мертвая тишина.

Крийон, опытный вояка, предпочел бы большой шум. Он опасался какой-нибудь ловушки.

Но тщетно посылали разведчиков, тщетно открывали двери и окна, тщетно обыскивали склеп часовни. Всюду было пусто.

Король шел в первых рядах со шпагой в руке и кричал во все горло:

— Шяко! Шяко!

Никто не откликнулся.

— Неужели они его убили? — говорил король. — Смерть Христова! Они мне заплатят за моего шута как за дворянина.

— Это будет правильно, государь, — заметил Крийон, — ведь он и есть дворянин, да еще из самых храбрых.

Шяко не отвечал, ибо он сек герцога Майеннского и так наслаждался этим занятием, что был глух и слеп ко всему остальному.

Но после того, как Майени исчез, после того, как Горанфло свалился без чувств, ничто больше не отлекало Шяко, и он услышал, что его зовут, и узнал голос короля.

— Сюда, сын мой, сюда, — крикнул он изо всех сил, пытаясь приподнять Горанфло и утвердить его на седалище. Это ему удалось, и он прислонил монаха к дереву.

Усилия, которые Шяко был вынужден затратить на свой милосердный поступок, лишили голос гасконца некой доли его звучности, так что Генриху в долетевшем до него призыве послышалась даже жалоба.

Однако король ошибся, Шико, напротив, был упоен своей победой. Но, увидя плачевное состояние монаха, гасконец задумался: следует ли вывести это вероломное брюхо на чистую воду или же стоит проявить милосердие по отношению к этой необъятной бочке.

Он созердал Горанфло, как некогда Август, должно быть, созердал Цинну.

Горанфло постепенно приходил в себя, и хотя он был глуп, но все же не до такой степени, чтобы обманываться относительно ожидавшей его участи. К тому же он был очень схож с теми животными, которым человек постоянно угрожает и которые поэтому инстинктивно чувствуют, что его рука тянется к ним только для того, чтобы ударить, а рот прикасается — только для того, чтобы их съесть.

Именно в таком расположении духа Горанфло и открыл глаза.

— Сеньор Шико! — воскликнул он.

— Вот как? — отозвался Шико. — Значит, ты не умер?

— Мой добрый сеньор Шико, — продолжал монах, пытаясь молитвенно сложить ладони перед своим необъятным животом, — неужели вы отдадите меня в руки моих преследователей, меня, вашего Горанфло?

— Каналья, — сказал Шико с плохо скрытой нежностью.

Монах принялся голосить.

После того как ему удалось сложить ладони, он попытался ломать пальцы.

— Меня, который съел вместе с вами столько вкусных обедов, — выкрикивал он сквозь рыдания, — меня, который, по вашим уверениям, пьет с таким изяществом, что заслуживает звания короля губок; меня, которому так нравились пулярки, зажаренные по вашему заказу в «Роге изобилия», что я всегда оставлял от них только косточки!

Этот последний довод показался Шико самым неотразимым из всех и окончательно склонил его в сторону милосердия.

— Боже правый! Вот они! — воскликнул Горанфло, порываясь встать на ноги, но так и не достигнув своей цели. — Они уже здесь, я погиб! О! Добрый сеньор Шико, спасите меня!

И монах, не сумев подняться, сделал то, что было гораздо легче: упал плашмя на землю,

— Вставай! — сказал Шико.

— Вы меня прощаете?

— Посмотрим.

— Вы столько меня били, что мы уже квиты.

Шико рассмеялся. Рассудок бедного монаха находился в таком смятении, что ему показалось, будто удары, выданные в счет долга герцогу Майеннскому, сыпались на него.

— Вы смеетесь, мой добрый сеньор Шико?— сказал он.

— Э! Конечно, смеюсь, скотина!

— Значит, я буду жить?

— Возможно.

— Вы бы не смеялись, если бы вашему Горанфлю предстояло умереть.

— Сие не от меня зависит,— сказал Шико,— сие зависит от короля. Один король имеет власть над жизнью и смертью.

Горанфлю поднатужился и поднялся на колени.

В это мгновение тьма расступилась перед яркими огнями, и друзья увидели вокруг себя множество вышитых камзолов и поблескивающие при свете факелов шпаги.

— Ах! Шико! Милый Шико! — воскликнул король. — Как я рад снова увидеть тебя!

— Вы слышите, мой добрый господин Шико,— сказал тихонько монах,— этот великий государь счастлив снова увидеть вас.

— Ну и?

— Ну и на радостях он сделает для вас все, что вы попросите. Попросите у него помилования для меня.

— У подлого Ирода?

— О! О! Тише, дорогой господин Шико!

— Ну, государь,— спросил Шико, поворачиваясь к королю,— скольких вы захватили?

— «Confiteor!»— забормотал Горанфлю.

— Ни одного,— ответил Крийон. — Изменники! Они, должно быть, нашли какую-нибудь неизвестную нам лавайку.

— Вполне возможно,— сказал Шико.

— Но ты видел их? — спросил король.

— Еще бы я их не видел!

— Всех?

— От первого до последнего.

— «Confiteor»,— все повторял Горанфлю, не будучи в силах вспомнить, что идет дальше.

— Ты их, конечно, узнал?

- Нет, государь.
- Как! Ты не узнал их?
- То есть я узнал лишь одного, да и то...
- Да и то?
- Не по лицу, государь.
- А кого ты узнал?
- Герцога Майеннского.
- Герцога Майеннского? Того, кому ты обязан...
- Уже нет, государь, мы поквитались.
- А! Расскажи мне об этом, Шико!
- Попозже, сын мой, попозже. Займемся настоящим.
- «Confiteor»,— твердил Горанфло.
- Э! Да вы захватили пленного,— сказал вдруг

Крийон, опуская свою длань на плечо монаха, и тот, не смотря на сопротивление, оказываемое массой его тела, согнулся под тяжестью этой руки.

У Горанфло отнялся язык.

Шико медлил с ответом, предоставив всем смертным мукам, которые порождает глубокий ужас, наводнять на миг сердце несчастного монаха.

Тот готов был во второй раз потерять сознание при виде стольких людей, кипящих неутоленным гневом.

Наконец, после недолгого молчания, когда Горанфло уже казалось, что в ушах его гремят трубы Страшного суда, Шико сказал:

— Государь, поглядите хорошенько на этого монаха.

Кто-то из присутствовавших поднес факел к лицу Горанфло. Монах закрыл глаза, чтобы одним делом было меньше при переходе из этого мира в мир иной...

— Проповедник Горанфло! — воскликнул Генрих.

— «Confiteor, confiteor, confiteor»,— торопливо забубнил монах.

— Он самый,— ответил Шико.

— Тот, который...

— Совершенно верно,— прервал Шико.

— Ага! — сказал король с удовлетворенным видом.

Пот со щек Горанфло можно было собирать мисками.

Да и было от чего, ибо тут послышался звон шпага, словно само железо было наделено жизнью и дрожало от нетерпения.

Несколько человек с угрожающим видом приблизились к монаху.

Горанфло скорее почувствовал это, чем увидел, и слабо вскрикнул.

— Погодите,— произнес Шико,— я должен посвятить короля во все.

И, отведя Генриха в сторону, пешнул ему:

— Сын мой, возблагодари всевышнего за то, что лет тридцать пять тому назад он позволил этому святому человеку появиться на свет, ведь он-то нас всех и спас.

— Спас?

— Да. Это он рассказал мне все о заговоре, от альфы до омеги.

— Когда?

— Дней восемь тому назад. Так что, если враги вашего величества разыщут его, можно считать его мертвым.

Горанфло услышал только последние слова: «Можно считать его мертвым».

И повалился вперед, вытянув руки.

— Достойный человек,— сказал король, доброжелательно взирая на эту гору мяса, в которой всякий другой увидел бы всего лишь массу материи, способную поглотить и погасить огонь сознания,— достойный человек, мы возьмем его под свое покровительство.

Горанфло подхватил на лету милосердный королевский взгляд, и лицо его превратилось в подобие маски античного паразита: одна его половина улыбалась до ушей, другая — заливалась плачем.

— И ты поступишь правильно, мой король,— ответил Шико,— потому что это слуга, каких мало.

— Как ты думаешь, что нам с ним делать?— спросил Генрих.

— Я думаю, что пока он в Париже, жизнь его под угрозой.

— А если приставить к нему охрану? — сказал король.

Горанфло расслышал это предложение Генриха.

«Неплохо! — подумал он. — Я, кажется, отделаюсь только тюрьмой. Это все же лучше, чем дыба, особенно если меня будут хорошо кормить!»

— Бесполезно,— сказал Шико. — Будет лучше, если ты позволишь мне увести его.

— Куда?

— Ко мне.

— Что ж, отведи его и возвращайся в Лувр. Я должен встретиться там со своими друзьями и подготовить их к завтрашнему дню.

— Вставайте, преподобный отец,— обратился Шико к монаху,

— Он надевается,— прошептал Горанфлю,— злое сердце.

— Да вставай же, скотина! — повторил тихонько гасконец, поддав ему коленом под зад.

— А! Я вполне заслужил это! — воскликнул Горанфлю.

— Что он там говорит? — спросил король.

— Государь,— ответил Шико,— он вспоминает все свои тревожения, перечисляет все свои муки, и, так как я обещал ему покровительство вашего величества, он говорит, в полном сознании своих заслуг: «Я вполне заслужил это!»

— Бедняга! — сказал король. — Ты уж позаботься о нем как следует, дружок.

— Будьте спокойны, государь. Когда он со мной, он ни в чем не испытывает недостатка.

— Ах, господин Шико,— вскричал Горанфлю,— дорогой мой господин Шико, куда меня поведут?!

— Сейчас узнаешь. А пока благодари его величество, неблагодарное чудовище, благодари!

— За что?

— Благодари, тебе говорят!

— Государь,— залепетал Горанфлю,— поелику ваше всемиловитвейшее величество...

— Да,— сказал Генрих,— я знаю обо всем, что вы сделали во время вашего путешествия в Лион, во время вечера Лиги и, наконец, сегодня. Не беспокойтесь, я воздам вам по достоинству.

Горанфлю вздохнул.

— Где Павург? — спросил Шико.

— В конюшне, бедное животное!

— Отправляйся туда, садись на него и возвращайся сюда ко мне.

— Да, господин Шико.

И монах удалился со всей возможной для него скоростью, удивляясь, что гвардейцы не следуют за ним.

— А теперь, сын мой,— сказал Шико,— оставь двадцать человек себе для эскорта, а десять отправь с господином де Крийоном.

— Куда я должен их отправить?

— В Анжуйский замок, за твоим братом.

— Зачем?

— Затем, чтобы он не сбежал во второй раз.

— Неужели мой брат?..

— Разве тебе пошло во вред, что ты послушался моих советов сегодня?

— Нет, клянусь смертью Христовой!

— Тогда делай, что я говорю.

Генрих отдал приказ полковнику французской гвардии привести к нему в Лувр герцога Анжуйского.

Крийон, отнюдь не испытывавший к принцу любви, немедленно отправился за ним.

— А ты? — спросил Генрих шута.

— Я подожду моего святого.

— А потом придешь в Лувр?

— Через час.

— Тогда я уйду.

— Иди, сын мой.

Генрих удалился вместе с оставшимися солдатами.

Что до Шико, то он направился к конюшням и, войдя во двор, увидел Горанфло, восседающего на Панурге.

Бедняге даже не пришло в голову попытаться убежать от ожидающей его участи.

— Пошли, пошли, — сказал Шико, беря Панурга за повод, — поторопимся, нас ждут.

Горанфло не оказал даже тени сопротивления, он лишь проливал слезы. Их было столько, что можно было заметить, как он худеет прямо на глазах.

— Я ведь говорил, — шептал он, — я ведь говорил!

Шико тянул за собой Панурга и пожимал плечами.

Глава LIV,

В КОТОРОЙ ШИКО ДОГАДЫВАЕТСЯ, ПОЧЕМУ У Д'ЭПЕРНОНА НА САПОГАХ БЫЛА КРОВЬ, А В ЛИЦЕ НЕ БЫЛО НИ КРОВИНКИ

Возвратившись в Лувр, король застал своих друзей в постелях. Они спали мирным сном.

Исторические события имеют одно странное свойство: озарять отблеском своего величия предшествующие им обстоятельства.

Поэтому для тех, кто отнесется к событиям, которые должны были произойти утром того дня, ибо король возвратился в Лувр уже около двух часов ночи, для тех, кто отнесется, повторяем мы, к этим событиям с уважением, продиктованным предвосхищением их исхода, возможно,

небезынтересно будет посмотреть, как король, чуть не лишившийся короны, ищет успокоения у трех своих друзей, которые через несколько часов должны ради него поставить на карту свои жизни.

Мы уверены, что поэта, чьей избранной натуре свойственно не предвидение, а озарение, поразят своей печальной красотой эти освеженные сном лица молодых людей, со спокойной улыбкой спящих на поставленных в ряд кроватях, словно братья в спальне отчего дома.

Генрих тихонько приблизился к ним, сопровождаемый Шико, который, поместив своего подопечного в надежное место, возвратился к королю.

Одна кровать была пуста — кровать д'Эпернона.

— До сих пор его нет, ветреника, — прошептал король. — Несчастный! Безумец! Драться с Бюссеп, самым храбрым человеком во Франции, самым опасным — в мире, и даже не думать об этом.

— А и правда его нет, — сказал Шико.

— Разыскать! Привести сюда! — воскликнул король. — И пусть пришлют ко мне Мирона. Я хочу, чтобы этого безрассудного усыпили, пусть даже против его воли. Я хочу, чтобы сон придал ему силы и гибкости, сделал способным защищаться.

— Государь, — сообщил лакей, — господин д'Эпернон только что пришел.

д'Эпернон действительно явился в Лувр. Узнав о возвращении короля и догадавшись, что тот зайдет в спальню, он пытался было тихонько проскользнуть в другую комнату, рассчитывая остаться незамеченным.

Но его ждали и, как мы видели, доложили о его появлении королю.

Видя, что выговора не избежать, д'Эпернон с весьма смущенным видом перешагнул порог спальни.

— А! Вот и ты наконец, — сказал Генрих. — Поди сюда, несчастный, и посмотри на своих товарищей.

д'Эпернон обвел взглядом комнату и сделал знак, что он уже посмотрел.

— Посмотри на своих товарищей, — продолжал Генрих, — они благоразумны, они поняли все значение этого дня, а ты, несчастный, вместо того чтобы помолиться, как сделали они, и спать, как они спят, ты — играешь в кости и таскаешься по притонам. Клянусь телом Христовым, да ты белый как мел! Что же ты будешь делать утром? Ведь уже сейчас ты никуда не годишься!

И в самом деле, д'Эпернон был очень бледен, настолько бледен, что замечание короля заставило его покраснеть.

— Ну, — сказал Генрих, — иди ложись, я так хочу! И спи! Только сумеешь ли ты поспать?

— Я?! — ответил д'Эпернон так, словно подобный вопрос оскорбил его до глубины души.

— Я имею в виду, будет ли у тебя время поспать. Разве тебе не известно, что вы деретесь, когда рассветет, и что в это подлое время года в четыре часа утра уже совсем светло! Сейчас два. Тебе остается всего два часа.

— За два часа, если их хорошо употребить, — сказал д'Эпернон, — можно сделать очень многое.

— А ты заснешь?

— Прекрасно засну, государь.

— Не очень-то я в это верю.

— Почему же?

— Потому, что ты взволнован, думаешь о завтрашнем дне. Да и как тебе не волноваться? Ведь, увы, завтра — это уже сегодня. Но, вопреки очевидности, я в глубине души испытываю желание говорить так, словно роковой день еще не наступил.

— Государь, — сказал д'Эпернон, — я засну, обещаю вам, но лишь в том случае, если ваше величество даст мне возможность заснуть.

— Он прав, — сказал Шико.

Д'Эпернон и в самом деле разделся и лег. Вид у него был спокойный, даже довольный, что показалось королю и Шико добрым предзнаменованием.

— Он храбр, как Цезарь, — сказал король.

— Так храбр, — заметил Шико, потчывая ухо, — что, даю честное слово, я ничего больше не понимаю.

— Вот он уже и спит.

Шико подошел к постели, ибо усомнился, что безмятежность д'Эпернона может дойти до такой степени.

— О! — воскликнул он вдруг.

— В чем дело? — спросил король.

— Погляди.

И Шико ткнул пальцем на сапоги д'Эпернона.

— Кровь! — прошептал король.

— Он ходил по крови, сын мой. Вот храбрец!

— Может, он ранен? — забеспокоился король.

— Ба! Он бы сказал. Да если и ранен, то разве что в пятку, как Ахиллес.

— Пстой! Платье тоже испачкан. А на рукав погляди! Что с ним стряслось?

— Может быть, он прикончил кого-нибудь? — сказал Шико.

— Зачем?

— Да чтобы руку себе набить.

— Странно, — произнес король.

Шико почесался еще энергичнее.

— Гм! Гм! — хмыкнул он.

— Ты ничего не отвечаешь?

— Как же, я отвечаю: «гм! гм!» По-моему это означает очень многое.

— Господи боже мой, — сказал Генрих, — что же происходит вокруг меня и что меня ждет впереди? Хорошо еще, что завтра...

— Сегодня, сын мой. Ты все время путаешь.

— Да, ты прав.

— Ну, и что же сегодня?

— Сегодня я обрету спокойствие.

— Почему?

— Потому, что они убьют этих проклятых анжуйцев.

— Ты так думаешь, Генрих?

— Я в этом уверен. Они храбрецы.

— Мне что-то не приходилось слышать, чтобы анжуйцев называли трусами.

— Разумеется, нет. Но посмотри, какая в них сила, посмотри на руки Шомберга, прекрасные мускулы, прекрасные руки.

— Ва! Если бы ты видел руки д'Антрагэ!

— Посмотри, какой у Келюса решительный рот, а у Можирона, даже во сне, лоб гордый. С такими лицами нельзя не одержать победы. А! Когда эти глаза мечут молнии, противник уже наполовину побежден.

— Милый друг, — сказал Шико, печально покачав головой, — я знаю глаза под такими же гордыми лбами, и они мечут не менее грозные молнии, чем те, на которые ты рассчитываешь. Это и все, чем ты себя успокаиваешь?

— Нет. Иди, я покажу тебе кое-что.

— Куда идти?

— В мой кабинет.

— То, что ты собираешься показать мне, и придает тебе веру в победу?

— Да.

— Тогда пойдем.

— Постой.

И Генрих вернулся к кроватям молодых людей.

— А что? — спросил Шико.

— Послушай, я не хочу завтра, вернее, сегодня ни омрачать их, ни разнеживать. Я прощаюсь с ними сейчас.

Шико кивнул головой.

— Прощайся, сын мой, — сказал он.

Тон, которым он произнес эти слова, был таким грустным, что у короля мурашки побежали по телу и слезы навернулись на глаза.

— Прощайте, друзья, — прошептал Генрих, — прощайте, добрые мои друзья.

Шико отвернулся, сердце у него было тоже не из камня.

Но взор его невольно снова обратился к молодым людям.

Генрих, склонившись над ними, одного за другим целовал их в лоб.

Свеча из розового воска озаряла бледным, погребальным светом драпировки спальни и лица актеров, участвовавших в этой сцене.

Шико не был суеверен, но когда он увидел, как Генрих касается губами лбов Можирона, Келюса и Шомберга, ему почудилось, что это скорбит живой, навеки прощаясь с мертвыми, уже лежащими в гробах.

— Странно, — сказал себе Шико, — я никогда ничего подобного не испытывал. Бедные дети!

Как только король кончил прощаться со своими друзьями, д'Эпернон открыл глаза, чтобы взглянуть, ушел ли он.

Король уже покинул комнату, опершись на руку Шико.

д'Эпернон вскочил с постели и принялся как можно тщательнее стирать пятна крови со своих сапоги одежды.

Это занятие вернуло его мысли к событиям на площади Бастилии.

— Да у меня и крови бы не хватило для этого человека, ведь столько он ее пролил сегодня ночью, а сражался совсем один.

И д'Эпернон снова улегся в постель.

Что до Генриха, то он привел Шико к себе в кабинет, открыл длинный ящик из черного дерева, обитый внутри белым атласом, и сказал:

- Вот, посмотри!
- Шпаги! — воскликнул Шико. — Вижу. Что же дальше?
- Да, это шпаги, но шпаги освященные, друг мой.
- Кем?
- Самим папой, нашим святейшим отцом. Он оказал мне эту милость. Чтобы доставить ящик в Рим и обратно, потребовалось двадцать лошадей и четыре человека. Но зато у меня есть шпаги.
- Острые? — спросил гасконец.
- Конечно. Но главное их достоинство, Шико, в том, что они освящены.
- Само собой. Однако все же приятно сознавать, что они к тому же еще и острые.
- Нечестивец!
- Ладно, сын мой, теперь поговорим о другом.
- Хорошо, но поспешим.
- Тебе хочется спать?
- Нет, мне хочется помолиться.
- В таком случае поговорим о деле. Приказал ты привести монсеньера герцога Анжуйского?
- Да, он ждет внизу.
- Что ты собираешься с ним делать?
- Я собираюсь отправить его в Бастилию.
- Очень мудро. Только выбери темницу понадежнее, с толстыми стенами и крепкими замками. Ту, например, в которой сидел коннетабль де Сен-Поль или Жак д'Арманьяк.
- О! Будь спокоен.
- Я знаю, где продается прекрасный черный бархат, сын мой.
- Шико! Это же мой брат!
- Ты прав, при дворе, во время траура по членам семьи, одеваются в фиолетовое. Ты будешь с ним говорить?
- Да, разумеется, хотя бы для того, чтобы лишить его всякой надежды, доказав, что заговоры его раскрыты.
- Гм! — сказал Шико.
- У тебя есть какие-нибудь возражения против моей беседы с ним?
- Нет, но на твоём месте я упразднил бы речи и удвоил срок пребывания в тюрьме.
- Пусть приведут герцога Анжуйского, — приказал Генрих.

— Все равно,— сказал Шико, качая головой,— я стою на том, что сказал.

Через минуту вошел герцог. Он был безоружен и очень бледен. Его сопровождал Крийон с обнаженной шпагой в руке.

— Где вы его нашли? — спросил король Крийона, разговаривая с ним так, словно герцога и не было в комнате.

— Государь, его высочество отсутствовал, когда я именем вашего величества занял Анжуйский дворец, но очень скоро его высочество вернулся домой, и мы арестовали его, не встретив сопротивления.

— Вам повезло,— сказал король с презрением.

Затем, обернувшись к принцу, он спросил:

— Где вы были, сударь?

— Где бы я ни был, государь, смею вас уверить,— ответил герцог,— что я занимался вашими делами.

— Я так и полагал,— сказал Генрих,— и, глядя на вас, убеждаюсь, что не ошибся, когда ответил вам тем же — занялся вашими.

Франсуа поклонился со спокойным и почтительным видом.

— Ну так где же вы были? — спросил король, шагнув к брату. — Чем занимались вы в то время, как арестовывали ваших соучастников?

— Моих соучастников? — переспросил Франсуа.

— Да, ваших соучастников,— повторил король.

— Государь, я уверен, что ваше величество ввели в заблуждение.

— О! На этот раз, сударь, вы от меня не убежите, ваша преступная карьера окончена. И на этот раз тоже вам не удастся занять мой трон, братец...

— Государь, государь, молю вас, успокойтесь, определенно кто-то настроил вас против меня.

— Презренный! — вскричал преисполненный гнева король. — Ты умрешь от голода в одной из темниц Бастилии.

— Я жду ваших приказаний, государь, и благословляю их, даже если они приведут меня к смерти.

— Но где же вы все-таки были, лицемер?

— Государь, я спасал ваше величество, и трудился во имя славы и мира вашего царствования.

— О! — воскликнул остолбеневший от изумления король. — Клявусь честью, какова дерзость!

— Ба, — сказал Шико, откинувшись назад, — расскажите нам об этом, мой принц. Вот, должно быть, любопытно!

— Государь, я немедленно рассказал бы обо всем вашему величеству, если бы вы обращались со мной, как с братом, но вы обращаетесь со мной, как с преступником, и я подожду, чтобы события подтвердили, что я говорю правду.

С этими словами принц снова отвесил поклон своему брату, королю, еще более глубокий, чем в первый раз, и, повернувшись к Крийону и другим офицерам, сказал:

— Что ж, господа, кто из вас поведет в Бастилию наследного принца Франции?

Шико стоял, задумавшись, и вдруг его, как молния, озарила мысль.

— Ага! — прошептал он. — Я, кажется, уже понял, почему у господина д'Эпернона было столько крови на сапогах и ни кровинки в лице.

Глава LV УТРО БИТВЫ

Над Парижем занимался ясный день. Горожане ни о чем не подозревали. Но дворяне — сторонники короля и все еще не оправившиеся от испуга приверженцы Гизов — ждали предстоящего поединка и держались начеку, чтобы вовремя принести свои поздравления победителю.

Как мы уже видели в предыдущей главе, король всю ночь не смыкал глаз, молился и плакал. Но поскольку он, несмотря на все, был человеком храбрым и опытным, особенно в том, что касалось поединков, то около трех часов утра он вышел вместе с Шико, чтобы оказать своим друзьям последнюю услугу, которая была в его возможностях.

Генрих отправился осмотреть место боя.

Картина была замечательная и, скажем без всякой иронии, мало кем замеченная.

Король, одетый в темные одежды, закутанный в широкий плащ, со шпагой на боку, в широкополой шляпе, скрывавшей его волосы и глаза, шагал по улице Сент-Антуан. Но, не дойдя шагов трехсот до Бастилии, он увидел большую толпу неподалеку от улицы Сен-Поль и, не желая подвергать себя риску в толчее, свернул в улочку

Сент-Катрин и по ней добрался до турнельского загона для скота.

Толпа, как вы догадываетесь, была занята подсчитыванием убитых этой ночью.

Король не подошел к ней и потому ничего не узнал о случившемся.

Шико, присутствовавший при вызове, вернее, при приглашении, заключенном восемь дней тому назад, тут же на поле будущего сражения показал королю, как разместятся противники, и объяснил условия боя.

Получив эти сведения, Генрих тотчас же принялся измерять площадь. Он прикинул расстояние между деревьями, рассчитал, как будет падать солнечный свет, и сказал:

— У Келюса позиция очень опасная. Солнце будет у него справа: как раз со стороны уцелевшего глаза¹, а вот Можирон — весь в тени. Келюсу надо было бы поменяться с Можироном местами, ведь у того зрение прекрасное. Да, пока распределение не очень-то хорошее. Что до Шомберга, у которого слабые колени, то у него здесь дерево, и он может, в случае необходимости, укрыться за ним. Поэтому за него я спокоен. Но Келюс, бедный Келюс!

Он грустно покачал головой.

— Ты огорчаешь меня, мой король, — сказал Шико. — Ну же, ну, не страдай так! Какого черта! Каждый получает не более того, что получит.

Король воздел глаза к небу и вздохнул.

— Вы слышите, господь мой, как он богохульствует? — прошептал он. — Но вы знаете — он безумен.

Шико пожал плечами.

— А д'Эпернон? — вспомнил король. — По чести, я несправедлив, я позабыл о нем. Д'Эпернону грозит такая опасность, он будет иметь дело с Бюсси! Посмотри-ка на его участок, мой добрый Шико: слева — загородка, справа — дерево, позади — яма. Д'Эпернону надо будет все время отскакивать назад, потому что Бюсси — это тигр, лев, змея. Бюсси — это живая шпага, которая прыгает, делает выпады, отступает.

— Ба! — сказал Шико. — За д'Эпернона я спокоен.

— Ты не прав, его убьют.

¹ В одном из соединков Келюсу выкололи шпагой левый глаз. (Прим. автора.)

— Его? Он не так глуп и, наверное, принял меры, уж поверь мне!

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что он не будет драться, клянусь смертью Христовой!

— Полно тебе! Разве ты не слышал, как он только что разговаривал?

— Вот именно, что слышал.

— Ну?

— Как раз поэтому я и повторяю: он не будет драться.

— Ты никому не веришь и всех презираешь.

— Я знаю этого гасконца, Генрих. Но, если хочешь меня послушаться, дорогой государь, возвратимся в Лувр, уже рассвело.

— Неужели ты думаешь, что я останусь в Лувре во время поединка?

— Клянусь святым чревом! Ты там останешься. Если тебя увидят здесь, то, стоит твоим друзьям одержать победу, каждый скажет, что это ты ее им наколдовал, а коли они потерпят поражение, все обвинят тебя в сглазе.

— Что мне до сплетен и толков? Я буду любить своих друзей до конца.

— Мне нравится, что ты такой вольнодумец, Генрих, хвалю тебя и за то, что ты так любишь своих друзей, у королей это редкая добродетель, но я не хочу, чтобы ты оставлял герцога Анжуйского одного в Лувре.

— Разве там нет Крийона?

— Э! Крийон всего лишь буйвол, носорог, кабан — любое храброе и неукротимое животное по твоему выбору. А брат твой — это гадюка, гремучая змея — любая тварь, могущество которой не в ее силе, а в ее яде.

— Ты прав, надо было бросить его в Бастилию.

— Я же говорил тебе, что ты делаешь ошибку, встречаясь с ним.

— Да, я был побежден его самоуверенностью, спокойствием, разговорами о какой-то услуге, которую он якобы мне оказал.

— Тем более надо его остерегаться. Вернемся, сын мой, послушайся меня.

Генрих последовал совету Шико и, бросив последний взгляд на поле будущей битвы, отправился в Лувр.

Когда король и Шико вошли во дворец, там все были уже на ногах.

Молодые люди проснулись самыми первыми и оделись с помощью своих слуг.

Король спросил, чем они занимаются.

Шомберг делал приседания, Келюс промывал глаза туалетным уксусом, Можирон пил из бокала испанское вино, д'Эпернон острил свою шпагу на камне.

Последнее можно было видеть и не спрашивая, потому что д'Эпернон распорядился принести точильный камень к дверям спальни.

— И, по-твоему, этот человек не Баярд? — воскликнул Генрих, с любовью глядя на д'Эпернона.

— По-моему — это точильщик, вот и все, — ответил Шяко.

д'Эпернон заметил их и крикнул:

— Король!

Тогда, вопреки решению, которое он принял и которое он был бы не в силах исполнить, даже не будь этого восклицания, Генрих вошел в комнату фаворитов.

Мы уже говорили, что он умел принимать величественный вид и мог в совершенстве владеть собой. Его спокойное, почти улыбающееся лицо не выдавало ни одного из чувств, таившихся в сердце.

— Здравствуйте, господа, — сказал он, — вы, я вижу, в хорошем настроении.

— Благодарение богу, да, государь, — ответил Келюс.

— А у вас, Можирон, вид невеселый.

— Государь, как известно вашему величеству, я очень суеверен, а мне приснился дурной сон, вот я и стараюсь поднять себе настроение глотком испанского вина.

— Друг мой, — сказал король, — не надо забывать, так утверждает Мирон, а он — великий лекарь, не надо забывать, повторяю, что сны зависят от предшествующих им впечатлений, но не имеют никакого влияния на последующие события, разве что на то будет воля божья.

— Поэтому вы и видите меня готовым к бою, государь, — сказал д'Эпернон. — Мне тоже приснился этой ночью дурной сон, но, несмотря на сон, рука у меня крепкая и глаз зоркий.

И он атаковал стену и сделал на ней зарубку своей только что наточенной шпагой.

— Да, — сказал Шяко, — вам приснилось, что у вас сапоги в крови. Это неплохой сон: он означает, что в один прекрасный день вы станете победителем, вроде Александра или Цезаря.

— Моя смельчаки,— сказал Генрих,— вы знаете, что речь идет о чести вашего государя, ибо в каком-то смысле вы защищаете именно ее, но — только честь, помните хорошенько, не тревожьтесь о безопасности моей особы. Сегодня ночью я укрепил мой трон так, что, по крайней мере еще некоторое время, никакие удары ему не страшны. Поэтому сражайтесь за мою честь.

— Государь, не беспокойтесь. Быть может, мы расстанемся с жизнью,— сказал Келюс,— но во всех случаях честь будет спасена.

— Господа,— продолжал король,— я вас нежно люблю, но также и ценю. Позвольте мне дать вам совет: не надо ненужной бравады. Не своей смертью докажете вы мою правоту, а смертью ваших противников.

— О, что касается меня,— сказал д'Эпернон,— то я не пощажу своей жизни!

— Я не буду ничего обещать,— сказал Келюс,— сделаю все, что смогу, вот и все.

— А я,— сказал Можирон,— я отвечу его величеству, что если я и умру, то уж обязательно убью и своего противника: око за око.

— Вы деретесь только на шпагах?

— На шпагах и на кинжалах,— сказал Шомберг.

Рука короля была прижата к груди.

Быть может, эта рука и соприкасавшееся с ней сердце дрожью и биением крови поверяли друг другу свои страхи, но внешне король со своим гордым видом, сухими глазами, высокомерным ртом, оставался королем, то есть он посылал солдат на битву, а не друзей на смерть.

— Ты и впрямь прекрасен в этот миг, мой король,— шепнул ему Шико.

Дворяне были готовы, им оставалось только раскланяться со своим господином.

— Вы поедете верхом? — спросил Генрих.

— Нет, государь,— ответил Келюс,— мы пойдем пешком. Это очень здоровое упражнение, оно освежает голову, а ваше величество тысячу раз говорили, что шпагу направляет не столько рука, сколько голова.

— Вы правы, сын мой. Вашу руку.

Келюс поклонился и поцеловал руку короля, остальные последовали его примеру.

д'Эпернон опустился на колени и сказал:

— Государь, благословите мою шпагу.

— Нет, д'Эпернон, — возразил король, — отдайте вашу шпагу вашему пажу. У меня есть для вас шпаги получше. Шико, принеси их.

— Ну уж нет, — сказал Шико, — поручи это капитану твоей гвардии, сын мой, я всего лишь шут, более того — всего лишь язычник, и благословения небес могут превратиться в злые чары, коли дьявол — мой друг догадается посмотреть на мои руки и увидит, что я несу.

— А что это за шпаги, государь? — спросил Шомберг, бросая взгляд на ящик, принесенный офицером.

— Итальянские шпаги, сын мой, шпаги, выкованные в Милане. Видите, какие у них прекрасные эфесы? У всех у вас, кроме Шомберга, руки нежные, и первый же порез разоружит вас, если не прикрыть их надежно.

— Спасибо, спасибо, ваше величество, — воскликнули в один голос четверо молодых людей.

— Идите, уже время, — сказал король, который был не в силах больше сдерживать свое волнение.

— Государь, — спросил Келюс, — а ваше величество не будет смотреть на наш поединок, чтобы придать нам бодрости?

— Нет, это было бы неуместно. Вы деретесь тайно, вы деретесь без моего разрешения. Не будем придавать этому поединку излишней торжественности. И, главное, пусть считают, что он — следствие частной размолвки.

И король поистине величественным жестом отпустил своих фаворитов.

Когда они исчезли с его глаз, когда последние из их слуг перешагнули за порог Лувра и смолкло звяканье шпор и кирас, в которые были облачены снаряженные по военному стремлявшие, король бросился на ковер и простонал:

— А-а! Я умираю.

— А я, — сказал Шико, — я хочу посмотреть на поединок. Не знаю почему, но у меня предчувствие: на поле д'Эпернона должно произойти что-то любопытное.

— Ты покидаешь меня, Шико? — произнес король жалобно.

— Да, — ответил Шико. — Если кто-нибудь из них будет плохо выполнять свой долг, я окажусь тут как тут, чтобы заменить его и поддержать честь моего короля.

— Что ж, ступай, — сказал Генрих.

Едва Шико получил разрешение, как тут же умчался с быстротою молнии.

Король отправился в оружейную, распорядился закрыть ставни, запретил кому бы то ни было в Лувре кричать или разговаривать и сказал Крийону, который знал обо всем, что должно было произойти:

— Если мы одержим победу, Крийон, ты придешь и скажешь мне об этом, если же, напротив, мы окажемся побежденными, ты трижды стукнешь в мою дверь.

— Хорошо, государь, — ответил Крийон и грустно покачал головой.

Глава LVI ДРУЗЬЯ БЮССИ

Если друзья короля постарались хорошенько выспаться этой ночью, то и друзья герцога Анжуйского прибегли к той же предосторожности.

После доброго ужина, на который они собрались по собственному почину и в отсутствие их покровителя, не проявлявшего о своих фаворитах такого беспокойства, какое король проявлял о своих, они улеглись спать в удобные постели в доме Антрагэ. Анжуйцы собрались в этом доме, потому что он был расположен поблизости от поля боя.

Один из стремянных — слуга Рибейрака, прекрасный охотник и искусный оружейник, весь день напролет чистил, полировал и натачивал оружие.

Ему же было приказано разбудить молодых людей на рассвете, то была его всегдашняя обязанность в дни праздников, охот или поединков.

До ужина Антрагэ заглянул на улицу Сен-Дени, повидаться с одной маленькой продавщицей гравюр, которую он боготворил и которую весь квартал называл не иначе, как «прекрасная лавочница». Рибейрак написал письмо матери. Ливаро составил завещание.

В три часа утра, когда друзья короля еще только проснулись, анжуйцы уже были на ногах, свежие, в хорошем настроении и прекрасно вооруженные.

Чулки и узкие, облегающие панталоны у них были красного цвета, чтобы противники не заметили их крови и чтобы эта кровь не пугала их самих. Они надели серые шелковые камзолы, чтобы, в случае если драться будут во всей одежде, ни одна складка не стесняла движений. И, наконец, башмаки на них были без каблуков, а чтобы

не утомились прежде времени руки и плечи, шпаги песли за ними папки.

Погода была прекрасной для любви, для поединков, для прогулок. Солнце золотило коньки крыш, блестящих от испаряющейся ночной росы.

Терпкий, но в то же время чудесный запах поднимался от садов и разносился по улицам, мостовая была суха, воздух свеж.

Прежде чем выйти из дому, молодые люди послали слугу во дворец герцога Анжуйского — справиться о Бюсси.

Ему ответили, что Бюсси ушел из дому накануне вечером, часов в десять, и все еще не возвращался.

Гонец поинтересовался, ушел ли он один и был ли вооружен.

И узнал, что Бюсси ушел вместе с Реми и что оба были при шпагах.

В доме графа никто не испытывал по этому поводу беспокойства. Бюсси часто исчезал подобным образом, к тому же все знали, какой он сильный, храбрый, ловкий, и его исчезновения, даже длительные, никого особенно не волновали.

Трое друзей заставили слугу повторить все подробности.

— Так, так, — сказал Антрагэ, — вы слышали, господа, что король приказал подготовить большую охоту на оленя в лесах Компьени и что господин де Монсоро вынужден был вчера уехать туда?

— Слышали, — ответили молодые люди.

— Ну так вот, я знаю, где Бюсси: пока главный ловчий поднимает оленя, он охотится на лань главного ловчего. Не волнуйтесь, господа, Бюсси сейчас ближе, чем мы, от места поединка и явится туда раньше нас.

— Да, — сказал Ливаро, — но явится усталый, изнуренный, невыспавшийся.

Антрагэ пожал плечами.

— Разве Бюсси способен устать? — возразил он. — А теперь пошли, пошли, господа, мы захватим его по дороге.

И они тронулись в путь.

В это самое время Генрих раздавал шпаги их противникам, анжуйцы минут на десять опередили королевских фаворитов.

Так как Антрагэ жил неподалеку от церкви святого Евстафия, они направились по улице Ломбар, улице Верери и, наконец, по улице Сент-Антуан.

Все эти улицы были пустынные. Одни лишь крестьяне, которые съезжались с овощами и молоком из Монтрея, Венсена, Сен-Мор-ле-Фоссе, подремывая на своих повозках или мулах, удостоились чести видеть этот гордый отряд из трех храбрецов, сопровождаемых пажам и стрельчаными.

Не слышалось больше ни похвалы, ни криков, ни угроз. Когда предстоит поединок, в котором или ты убьешь, или тебя убьют, когда известно, что бой с той и с другой стороны будет ожесточенным, беспощадным, смертельным, тогда не болтают языком, а размышляют. Самый легкомысленный из троих был в это утро самым задумчивым.

Дойдя до улицы Сент-Катрин, все трое с улыбкой, свидетельствовавшей, что им в голову пришла одна и та же мысль, обратили взгляд к домику Монсоро.

— Оттуда будет хорошо видно, — сказал Антрагэ, — и я уверен, что бедняжка Диана не один раз подойдет к окну.

— Постой! — сказал Рибейрак. — Кажется, она уже к нему подходила.

— Почему ты так думаешь?

— Окно открыто.

— И правда. Но зачем тут эта лестница под окном? Ведь у дома есть двери?

— В самом деле. Странно, — сказал Антрагэ.

Они свернули к дому, чувствуя, что им предстоит сделать какое-то важное открытие.

— Не одни мы удивляемся, — сказал Ливаро. — Поглядите: крестьяне, которые проезжают мимо, привстают в своих повозках и смотрят.

Молодые люди подошли под балкон.

Там уже стоял один из крестьян-огородников и, казалось, разглядывал что-то на земле.

— Эй! Сеньор де Монсоро, — крикнул Антрагэ, — вы собираетесь отправиться с нами? Если да, то поторопитесь, мы должны прийти первыми.

Они подождали, но напрасно.

— Никто не отвечает, — сказал Рибейрак, — но почему здесь, черт возьми, эта лестница?

— Эй, смерд, — сказал Ливаро огороднику, — что ты делаешь? Это ты сюда приволок лестницу?

— Боже меня упаси, ваша милость! — ответил тот.

— Почему? — спросил Антрагэ.

— Поглядите-на навверх.

Все трое подняли головы.

— Кровь! — воскликнул Рибейрак.

— То-то и оно, что кровь, — сказал крестьянин, — и уже порядком почерневшая.

— Дверь взломана, — сообщил в эту минуту паж Антрагэ.

Антрагэ бросил взгляд на дверь, на окно и, ухватившись за перекладину лестницы, в одно мгновение взобрался на балкон.

Он заглянул в комнату.

— Да что там такое? — спросили остальные, увидев, что он побледнел и отшатнулся.

Страшный крик был им ответом.

Ливаро поднялся следом.

— Трупы! Смерть, кругом смерть! — воскликнул молодой человек.

Оба вошли в комнату.

Рибейрак остался внизу, опасаясь неожиданного нападения.

Тем временем огородник своими причитаниями останавливал всех прохожих.

Повсюду в комнате виднелись следы страшной ночной битвы. Пол был покрыт лужами, вернее, целым морем крови. Гобелены на стенах изрублены шпагами и прострелены пулями. Мебель, разбитая и измазанная кровью, валялась на полу вперемежку с изуродованными телами и клочьями одежды.

— О! Реми, бедняга Реми, — сказал вдруг Антрагэ.

— Мертв? — спросил Ливаро.

— Уже остыл.

— Да здесь, должно быть, целый полк рейтаров побывал, в этой комнате! — воскликнул Ливаро.

И тут он увидел распахнутую в коридор дверь; пятна крови свидетельствовали, что и по другую ее сторону тоже шла борьба. Ливаро пошел по этим страшным следам до самой лестницы.

Двор был пуст и безлюден.

Тем временем Антрагэ, вместо того чтобы идти за ним, направился в соседнюю комнату. Везде была кровь. Эта кровь вела к окну.

Он склонился над подоконником, и его полный ужаса взгляд упал на маленький сад внизу.

На железной ограде все еще висел труп несчастного Бюсси, иссиня-бледный, окоченевший.

При виде его из груди Антрагэ вырвался не крик, а рычание.

Прибежал Ливаро.

— Посмотри, — сказал Антрагэ. — Бюсси! Мертвый!

— Предательски убитый, выброшенный из окна! Сюда, Рибейрак, сюда!

Ливаро бросился во двор и, встретив внизу лестницы Рибейрака, увлек его за собой.

Они прошли через калитку, которая вела из двора в садик.

— Да, это он, — воскликнул Ливаро.

— У него отрублена кисть, — сказал Рибейрак.

— У него в груди две пули.

— Он весь исколот кинжалами.

— Ах, бедняга Бюсси, — простонал Антрагэ. — Отмщенья! Отмщенья!

Обернувшись, Ливаро споткнулся о другой труп.

— Монсоро! — вскрикнул он.

— Как! И Монсоро тоже?

— Да, Монсоро, продырявленный, словно решето, и голова у него разбита о бульжники.

— А! Так, значит, этой ночью поубивали всех наших друзей!

— А его жена, его жена? — воскликнул Антрагэ. — Диана, госпожа Диана! — позвал он.

Ни звука, кроме возгласов простонародья, столпившегося вокруг дома.

Именно в это время король и Шико подошли к улице Сент-Катрин и свернули в сторону, чтобы не попасть в толпу.

— Бюсси! Бедный Бюсси! — все повторял в отчаянии Рибейрак.

— Да, — сказал Антрагэ, — кто-то захотел отделаться от самого опасного из нас.

— Какая трусость! Какая подлость! — откликнулись двое остальных.

— Пойдемте с жалобой к герцогу, — предложил кто-то.

— Не надо, — сказал Антрагэ. — Зачем возлагать дело мести на других? Мы будем плохо отомщены, друг. Посто́й!

В одно мгновение он спустился вниз, к Ливаро и Рибейраку.

— Друзья, — сказал он, — посмотрите на благородное лицо этого самого храброго из людей, поглядите на все еще алые капли его крови. Этот человек подает нам пример: он никому не поручал мстить вместо него... Бюсси! Бюсси! Мы поступим, как ты, и не тревожся — мы отмстим.

Произнеся эти слова, Антрагэ обнажил голову, коснулся губами губ Бюсси и, вытащив из ножен шпагу, смочил ее кровью друга.

— Бюсси, — продолжал он, — клянусь на твоём бездыханном теле, что кровь эта будет смыта кровью твоих врагов!

— Бюсси, — сказали Рибейрак и Ливаро, — клянемся убить или умереть!

— Господа, — заявил Антрагэ, вкладывая шпагу в ножны, — никакого снисхождения, никакой жалости, не так ли?

Двое его друзей протянули руки над телом Бюсси.

— Никакого снисхождения, никакой жалости, — повторили они.

— Но, — сказал Ливаро, — нас теперь всего трое против четырех.

— Твоя правда, но мы, мы никого предательски не убивали, — сказал Антрагэ, — а господь дарует силу виновным. Прощай, Бюсси!

— Прощай, Бюсси! — повторили его спутники.

И они ушли из этого проклятого дома со смертельно бледными лицами и с ужасом в душе.

Они унесли из него, вместе с образом смерти, то глубокое отчаяние, которое удесятеряет силы. Они почерпнули в этом доме то благородное негодование, которое возвышает человека над его смертной сущью.

За четверть часа толпа так разрослась, что молодые люди с трудом через нее протолкались.

Подойдя к месту поединка, они увидели своих противников: одни сидели на камнях, другие живописно расположились на деревянных загородках.

Смущенные своим опозданием, ажужцы пустились бегом.

При четырех миньонах находились их четверо стреляющих.

Четыре шпаги, лежавшие на земле, казалось, тоже отдыхали в ожидании, как и их хозяева.

— Милостивые государи, — сказал Келюс, поднимаясь и с несколько презрительным видом отвечивая им поклон, — мы имели честь ждать вас.

— Простите нас, господа, — ответил Антрагэ, — но мы пришли бы раньше вас, если бы не опоздание одного из моих товарищей.

— Господина де Бюсси? — спросил д'Эпернон. — А и в самом деле, я его не вижу. Очевидно, сегодня утром его придется тянуть сюда за уши.

— Мы ждали до сих пор, — сказал Шомберг, — мы можем подождать и еще.

— Господин де Бюсси не придет, — ответил Антрагэ.

Глубокое удивление отразилось на всех лицах, и только лицо д'Эпернона выражало другое чувство.

— Не придет? — сказал он. — Ага! Значит, храбрейший из храбрых испугался?

— Этого быть не может, — возразил ему Келюс.

— Вы правы, господин де Келюс, — сказал Ливаро.

— А почему же он не придет? — спросил Можирон.

— Потому, что он мертв, — ответил Антрагэ.

— Мертв?! — воскликнули миньоны.

Д'Эпернон молчал и даже слегка побледнел.

— Его предательски убили! — продолжал Антрагэ. — Вы разве не знали этого, господа?

— Нет, — сказал Келюс, — как мы могли знать?

— Да и верно ли это? — спросил д'Эпернон.

Антрагэ вынул свою шпагу.

— Так же верно, — сказал он, — как верно то, что это его кровь на моей шпаге.

— Убит! — вскричали трое друзей короля. — Господин де Бюсси убит!

Д'Эпернон продолжал с сомнением покачивать головой.

— Эта кровь вопиет о возмездии, — сказал Рибейрак, — разве вы не слышите, господа?

— А, вот оно что! — ответил Шомберг. — Кажется, в ваших скорбных словах скрыт какой-то намек?

— Клянусь господом, да, — сказал Антрагэ.

— Что все это значит? — воскликнул Келюс.

— *Ищи того, кому преступление выгодно*, говорят законники, — пробормотал Ливаро.

— Послушайте, господа, не объяснитесь ли вы громко и ясно? — прогремел Можирон.

— Для этого мы сюда и пришли, господа, — сказал Рибейрак, — и оснований у нас больше, чем надо, чтобы сто раз убить друг друга.

— Тогда скорей за шпаги, — сказал д'Эпернон, извлекая свое оружие из ножен, — и покончим побыстрей.

— О! Как вы торопитесь, господин гасконец! — заметил Ливаро. — Вы не петушились так, когда нас было четверо против четырех!

— Разве это наша вина, что вас только трое? — ответил д'Эпернон.

— Да, ваша, — воскликнул Антрагэ. — Он погиб, потому что кому-то было выгодно, чтобы он лежал в могиле, а не стоял на поле боя. Ему отрубили кисть руки, чтобы эта рука не смогла больше держать шпагу. Он погиб, потому что кому-то надо было любой ценой погасить эти глаза, молния которых ослепила бы вас четырех разом. Поняли вы? Я достаточно ясен?

Шомберг, Можирон и д'Эпернон взвыли от ярости.

— Полно, господа, полно, — сказал Келюс. — Уйдите, господин д'Эпернон. Мы будем драться трое на трое. Тогда эти господа увидят, способны ли мы, несмотря на то что право на нашей стороне, воспользоваться несчастьем, которое мы оплакиваем так же, как они. Пожалуйста, милостивые государи, пожалуйста, — добавил он, отбрасывая назад шляпу и поднимая левую руку, а правой взмахивая шпагой, — пожалуйста, и, увидев, как мы сражаемся под открытым небом, перед взглядом господа, вы рассудите, являемся ли мы убийцами. По местам, милостивые государи, по местам!

— О! Я вас ненавижу, — сказал Шомберг, — теперь же вы мне омерзительны.

— А я, — сказал Антрагэ, — час тому назад я бы вас просто убил, теперь же я вас изрублю в куски. В позицию, господа, в позицию!

— В камзолах или без камзолов? — спросил Шомберг.

— Без камзолов, без рубашек, — сказал Антрагэ. — Грудь обнажена, сердце открыто.

Молодые люди сняли камзолы и сорвали с себя рубашки.

— Ах ты, черт, — сказал Келюс, раздеваясь, — я потерял кинжал. Он слабо держался в ножнах и, должно быть, выпал по дороге.

— Или же вы оставили его у господина де Монсоро, на площади Бастилии, — сказал Антрагэ, — в таких ножнах, из которых вы не осмелились его вынуть.

Келюс издал яростное рычание и встал в позицию.

— Но у него же нет кинжала, господин д'Антрагэ, у него нет кинжала, — закричал Шико, прибывший в этот момент на поле боя.

— Тем хуже для него, — сказал Антрагэ, — я тут ни при чем.

И, вытащив левой рукой свой кинжал, он тоже занял позицию.

Глава LVII ПОЕДИНОК

Участок земли, на котором должна была произойти эта ужасная схватка, был расположен как мы уже видели, в уединенном, укрытом деревьями месте.

Обычно днем туда заглядывали только дети, приходившие поиграть, а ночью — только пьяницы и воры, в поисках ночлега.

Загородки, поставленные барышниками, как и следовало ожидать, отстраняли от этого уголка толпу, которая подобна речным волнам: они устремляются всегда вдоль берега и останавливаются или поворачивают назад только если наткнутся на какое-нибудь препятствие.

Прохожие шли вдоль загородок, не останавливаясь.

К тому же час был очень ранний, да и все, кто уже вышел на улицу, спешили к залитому кровью дому Монсоро.

Шико, с бьющимся сердцем, хоть по натуре своей он и не был чувствителен, уселся впереди лакеев и пажей на деревянные перила.

Он не любил анжуйцев и ненавидел миньонов, но и те и другие были отважны и молоды, в их жилах текла благородная кровь, которая с минуты на минуту должна была пролиться при ярком свете занявшегося дня.

Д'Эпернон решил рискнуть и побахвалиться в последний раз.

— Как! Значит, я внушаю такой страх? — воскликнул он.

— Замолчите, болтун, — сказал ему Антрагэ.

— Я в своем праве, — возразил д'Эпернон, — по условиям, в поединке должно было участвовать восемь человек.

— Ну-ка, прочь отсюда! — сказал выведенный из терпения Рибейрак, загораживая ему дорогу.

Д'Эпернон утихомирился и с величественным видом вложил шпагу в ножны.

— Идите сюда, — сказал Шико, — идите сюда, храбрый из храбрых, иначе вы загубите еще одну пару сапог, как вчера.

— Что вы такое говорите, господин дурак?

— Я говорю, что сейчас на земле будет кровь и вам придется ходить по ней, как пынче ночью.

Д'Эпернон побледнел, словно мертвец. Вся его напускная храбрость сразу исчезла при этом убийственном обвинении.

Он уселся в десяти шагах от Шико, на которого не мог теперь смотреть без страха.

Рибейрак и Шомберг, обменявшись, как это было приято, поклонами, сблизились.

Келюс и Аптраг, уже стоявшие в позиции, шагнули вперед и скрестили шпаги.

Можирон и Ливаро, прислонившись спинами к загородкам, делали, стоя на месте, фланги, и каждый подстерегал момент, когда можно будет скрестить шпаги в его палубенной позиции.

Бой начался, когда на колокольне святого Павла пробило пять часов.

Лица сражающихся дышали яростью, но их сжатые губы, грозная бледность, невольная дрожь рук указывали, что они из осторожности сдерживают эту ярость и что, вырвавшись на волю, она, подобно горячему коню, надевает много бед.

В течение нескольких минут, а это — время огромное, шпаги лишь скользили одна по другой, звона стали еще не было слышно.

Не был нанесен ни один удар.

Рибейрак, устав плч, скорее, достаточно прощупав своего противника, опустил руку и застыл в ожидании.

Шомберг сделал два быстрых шага и нанес ему удар, который был первой молнией, вылетевшей из тучи.

Рибейрак был ранен.

Кожа его стала иссиня-бледной, из плеча фонтаном вабила кровь. Он отскочил назад, чтобы осмотреть рану.

Шомберг хотел было повторить удар, но Рибейрак сделал параду прим и нанес ему удар в бок.

Теперь у каждого было по ране.

— Отдохнем несколько секунд, если вы не возражаете, — предложил Рибейрак.

Тем временем схватка между Келюсом и Антрагэ тоже разгорелась. Но Келюс, лишившись кинжала, находился в очень невыгодном положении. Он был вынужден отбивать удары просто левой рукой, а так как она была обнажена, каждое парирование стоило ему раны.

Раны были легкими, но уже через несколько секунд вся его рука покрылась кровью.

Антрагэ, в полном сознании своего преимущества и не менее ловкий, чем Келюс, парировал с удивительной точностью.

Он нанес три контрудара, и кровь потекла из трех ран на груди Келюса, ран, впрочем, не тяжелых.

При каждом из этих ударов Келюс повторял:

— Это пустяк.

Ливаро и Можирон все еще осторожничали.

Что касается Рибейрака, то, разъярившись от боли и чувствуя, что начинает терять вместе с кровью силы, он бросился на Шомберга.

Шомберг не отступил ни на шаг и только вытянул вперед шпагу.

Они нанесли друг другу удары одновременно.

У Рибейрака была пронзена грудь, у Шомберга — задета шея.

Смертельно раненный Рибейрак схватился левой рукой за грудь и — открылся.

Воспользовавшись этим, Шомберг вторично вонзил в него шпагу.

Но Рибейрак захватил правой рукой руку противника, а левой всадил ему в грудь кинжал до самой рукоятки.

Острый клинок вошел в сердце.

Шомберг глухо вскрикнул и повалился на спину, увлекая за собой Рибейрака, в теле которого еще торчала его шпага.

Ливаро, увидев, что его друг упал, быстро отскочил назад и побежал к нему, преследуемый по пятам Можироном.

Оперевив Можирона на несколько шагов, он помог Рибейраку, который пытался избавиться от шпаги Шомберга, и выдернул эту шпагу из его груди.

Но затем, когда Можирон настиг его, Ливаро пришлось защищаться в неблагоприятных условиях: на скользкой от крови земле, в скверной позиции, при солнце, бьющем прямо в глаза.

Через секунду колющий удар поразил Ливаро в голову, он выронил шпагу и упал на колени.

Антрагэ сильно теснил Келюса. Можирон поспешил добить Ливаро еще одним колющим ударом. Ливаро рухнул на землю.

Д'Эпернон издал ликующий крик.

Келюс и Можирон оказались против одного Антрагэ. Келюс был весь в крови, но раны у него были легкие.

Можирон остался почти невредимым.

Антрагэ понял всю серьезность положения. Он еще не получил ни одной царапины, но начинал уже чувствовать усталость. Однако момент был неподходящий, чтобы просить о передышке у противников, одного — раненого, другого — разгоряченного кровавой схваткой. Резким ударом Антрагэ отбил шпагу Келюса и, воспользовавшись этим отводом, легко перепрыгнул через загородку.

Келюс ответил рубящим ударом, но разрубил всего лишь деревянный брус.

Можирон тут же напал на Антрагэ с фланга. Антрагэ обернулся.

И в это мгновение Келюс пролез под загородкой.

— Ему конец, — сказал Шико.

— Да здравствует король! — закричал д'Эпернон. — Смелей, мои львы! Смелей!

— Извольте молчать, сударь, — сказал Антрагэ. — Не оскорбляйте человека, который будет драться до последнего дыхания.

— И того, который еще не умер, — вскричал Ливаро.

И в ту минуту, когда никто уже о нем не думал, страшный, весь в крови и грязи, он поднялся на колени и возил свой кинжал между лопатками Можирона, который рухнул бездыханным, прошептав:

— Иисусе Христе! Я убит.

Ливаро снова свалился без сознания: предпринятое усилие и гнев исчерпали последние его силы.

— Господин де Келюс, — сказал Антрагэ, опуская шпагу, — вы храбрый человек, сдавайтесь, я предлагаю вам жизнь.

— А зачем мне сдаваться? — возразил Келюс. — Разве я лежу на земле?

— Нет. Но на вас места живого нет, а я невредим.

— Да здравствует король! — крикнул Келюс. — У меня еще есть моя шпага, сударь.

И он бросился на Антрагэ, тот отбил удар, несмотря на всю его молниеносность.

— Нет, сударь, ее у вас больше нет, — сказал Антрагэ, схватившись рукой за клинок возле эфеса.

Он вывернул Келюсу руку, тот выпустил шпагу.

Антрагэ всего лишь слегка обрезал себе палец на левой руке.

— О! — возопил Келюс. — Шпагу! Шпагу!

Как тигр, прыгнул он на Антрагэ и сжал его в железном объятии.

Антрагэ, не пытаясь разомкнуть это кольцо, перехватил шпагу в левую руку, а кинжал — в правую, и принялся, без остановки и куда попало, наносить удары Келюсу. При каждом ударе Антрагэ заливало кровью противника, но ничто не могло вынудить Келюса разжать руки; на каждую рану он отвечал восклицанием:

— Да здравствует король!

Он ухитрился даже задержать наносившую удары руку, обиться вокруг своего невредимого врага, словно змея, и стиснуть его и руками и ногами.

Антрагэ почувствовал, что ему не хватает дыхания.

Он зашатался и упал.

Но, казалось, все в этот день оборачивалось ему на пользу: упав, он, можно сказать, удушил своей тяжестью несчастного Келюса.

— Да здравствует ко... — прошептал Келюс в агонии.

Антрагэ высвободился наконец из его объятий, поднялся на одной руке и нанес Келюсу последний удар — прямо в грудь.

— Получай, — сказал Антрагэ, — теперь ты доволен?

— Да здрав... — выговорил Келюс уже с полузакрывшимися глазами.

Все было кончено. Безмолвие и ужас смерти воцарилось на поле боя.

Антрагэ поднялся на ноги, весь покрытый кровью, по кровью своего противника. У него же самого, как мы уже сказали, был лишь небольшой порез на руке.

Испуганный д'Эпернон осенил себя крестным знаменем и бросился прочь оттуда, словно преследуемый страшным призраком.

Антрагэ обвел взглядом своих друзей и врагов, мертвых и умирающих. Так, должно быть, глядел Гораций на поле битвы, решившей судьбу Рима.

Шико подбежал к Келюсу, у которого кровь текла из девятнадцати ран, и приподнял его.

Движение вернуло Келюса к жизни.

Он открыл глаза.

— Антрагэ, честью клянусь, — сказал он, — я не виновен в смерти Бюсси.

— О! Я верю вам, сударь, — произнес тронутый Антрагэ, — я вам верю.

— Бегите, — прошептал Келюс, — бегите. Король вам не простит.

— Я не оставляю вас так, сударь, — сказал Антрагэ, — даже под угрозой эшафота.

— Бегите, молодой человек, — сказал Шико, — не ищите бога. Вас спасло чудо, не требуйте двух чудес за один день.

Антрагэ подошел к Рибейраку, тот еще дышал.

— Ну что? — спросил Рибейрак.

— Мы победили, — ответил Антрагэ тихо, чтобы не оскорбить Келюса.

— Благодарю, — сказал Рибейрак. — Уходи.

И он снова потерял сознание.

Антрагэ подобрал свою шпагу, которую выронил во время борьбы, а затем — шпаги Келюса, Шомберга и Можирона.

— Прикончите меня, сударь, — сказал Келюс, — или оставьте мне мою шпагу.

— Вот она, граф, — сказал Антрагэ, с поклоном, исполненным уважения, протянув Келюсу шпагу.

На глазах раненого блеснула слеза.

— Мы могли бы стать друзьями, — прошептал он.

Антрагэ протянул ему руку.

— Добро! — сказал Шико. — Это воистину по-рыцарски. Но беги, Антрагэ, ты стоишь того, чтобы жить.

— А мои товарищи? — спросил молодой человек.

— Я о них позабочусь так же, как о друзьях короля.

Антрагэ накинул плащ, который подал ему стремяный, закутался, чтобы не было видно покрывавшей его крови, и, оставив мертвых и раненых в окружении пажей и лакеев, скрылся через ворота Сент-Антуан.

Глава LVIII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Король, бледный от беспокойства и вздрагивающий при малейшем шуме, мерял шагами оружейную палату, прикидывая, как человек, искушенный в таких делах, время, которое должно было понадобиться его друзьям, чтобы встретиться с противниками и сразиться с ними, а также все проистекающие из их характеров, силы и ловкости возможности — хорошие и дурные.

— Сейчас, — сказал он сначала, — они идут по улице Сент-Антуан. А теперь входят в загон. Обнажают шпаги. Теперь они уже дерутся.

И при этих словах несчастный король, весь дрожа, стал молиться.

Но благочестивые молитвы, которые шептали его губы, не затрагивали души, поглощенной иными чувствами.

Через несколько минут король поднялся с колен.

— Хотя бы Келюс вспомнил, — сказал он, — о том контрударе, который я показал ему: парировать шпагой и ударить кинжалом. Шомберг, тот — человек хладнокровный, он должен убить этого Рибейрака. Можирон, если не случится какого-нибудь несчастья, легко одолеет Ливаро. Но д'Эпернон! О! Он погиб. Хорошо еще, что именно его я люблю меньше, чем всех остальных. Но дело не только в его смерти, вот что худо: как бы, когда он умрет, Бюсси, этот страшный Бюсси, не бросился на других. Он всюду поспеет! Ах! Бедный мой Келюс! Бедный Шомберг! Бедный Можирон!

— Государь, — донесся из-за двери голос Крийона.

— Как! Уже?! — воскликнул король.

— Нет, государь, у меня нет никаких известий, кроме того, что герцог Анжуйский просит разрешения побеседовать с вашим величеством.

— А зачем? — спросил король через дверь.

— Он уверяет, что пришло время рассказать вашему величеству, какого рода услугу он вам оказал, и что его сообщение несколько успокоит волнение вашего величества.

— Хорошо, ступайте за ним, — ответил король.

В ту минуту, когда Крийон уже повернулся, чтобы выполнить приказ, на лестнице послышались торопливые шаги и раздался голос, сказавший Крийону:

— Я хочу немедленно говорить с королем.

Король узнал этот голос и сам открыл дверь.

— Входи, Сен-Люк, входи, — сказал он. — Что еще случилось? Но что с тобой, господи Иисусе? Что произошло? Они мертвы?

Сен-Люк, бледный, без шляпы, без шпаги, весь в крови, почти вбежал в комнату.

— Государь, — вскричал он, бросаясь перед королем на колени, — отмщенья! Я пришел просить у вас отмщенья!

— Мой бедный Сен-Люк, — сказал король, — в чем же дело? Говори! Кто мог привести тебя в такое отчаяние?

— Государь, один из самых ваших благородных подданных, один из ваших храбрейших солдат...

Он не смог продолжать.

— А? — откликнулся Крийон, полагавший, что эти титулы, особенно последний, могут относиться только к нему.

— ...убит этой ночью, убит предательски, — закончил Сен-Люк.

Король, мысли которого были заняты только одним, успокоился. Это не мог быть никто из его четырех друзей, потому что он виделся с ними утром.

— Предательски убит этой ночью? — переспросил король. — О ком ты говоришь, Сен-Люк?

— Государь, я прекрасно знаю: вы его не любили, — продолжал Сен-Люк. — Но он был верен королю и, в случае необходимости, клянусь вам в этом, пролил бы за ваше величество свою кровь до последней капли. Иначе он не был бы моим другом.

— А-а! — протянул король, начиная понимать.

И мгновенная вспышка, если не радости, то по меньшей мере надежды, озарила его лицо.

— Государь, отомстите за господина де Бюсси, — вскричал Сен-Люк, — отомстите!

— За господина де Бюсси? — переспросил король, делая ударение на каждом слове.

— Да, за господина де Бюсси, которого двадцать убийц закололи этой ночью. И недаром их собралось двадцать, потому что он убил четырнадцать из них.

— Господин де Бюсси мертв...

— Да, государь.

— Значит, он не дерется сегодня утром? — невольно вырвалось у короля.

Сен-Люк бросил на Генриха взгляд, которого тот не смог выдержать. Отвернувшись, король увидел Крийона,

все еще стоявшего у дверей в ожидании новых приказаний.

Он сделал ему знак привести герцога Анжуйского.

— Нет, государь, — продолжал тем временем Сен-Люк суровым голосом, — господин де Бюсси не дрался сегодня утром, поэтому я прошу вас не об отпущении, как я ошибочно сказал вашему величеству, но о правосудии. Ибо мне дорог мой король и в особенности честь моего короля, и я считаю, что, заколов господина де Бюсси, вашему величеству оказали весьма плохую услугу.

В дверях появился герцог Анжуйский. Он стоял на пороге, неподвижный, как бронзовая статуя.

Слова Сен-Люка открыли королю глаза. Они напомнили ему о той услуге, которой похвалялся брат.

Взгляд его встретился со взглядом герцога, и Генрих окончательно утвердился в своей мысли, ибо глаза герцога ответили ему «да», и одновременно он едва заметно кивнул королю головой.

— Знаете ли вы, что теперь скажут? — воскликнул Сен-Люк. — Если ваши друзья победят, скажут, что они победили только потому, что вы приказали убить Бюсси.

— И кто же это скажет, сударь? — спросил король.

— Смерть Христова! Да все, — воскликнул Крийон, по своему обыкновению бесперемежно вмешиваясь в разговор.

— Нет, сударь, — ответил король, обеспокоенный и подавленный суждением того, кто теперь, когда Бюсси умер, был самым храбрым человеком в его королевстве, — нет, сударь, никто так не скажет, ибо вы назовете мне его убийцу.

Сен-Люк увидел, что на пол возле него упала чья-то тень.

Это вошел в комнату герцог Анжуйский. Молодой человек оглянулся и узнал его.

— Да, государь, я назову убийцу, — сказал он, поднимаясь с колен, — ибо я хочу любой ценой очистить ваше величество от обвинения в столь омерзительном поступке.

— Ну, говорите!

Герцог остановился и спокойно слушал.

Крийон стоял за ним, недружелюбно на него поглядывая и укоризненно качая головой.

— Государь, — начал Сен-Люк, — этой ночью Бюсси заманил в западню: когда он пришел на свидание к жемчужине, которая любила его, муж, оповещенный предате-

лем, явился домой с убийцами. Они были повсюду — на улице, во дворе, даже в саду.

Если бы все ставни в оружейной не были закрыты, о чем мы уже говорили, можно было бы заметить, как побледиел при этих последних словах принц, несмотря на все свое самообладание.

— Бюсси защищался, как лев, государь, но их было слишком много и...

— Он умер,— прервал король,— и смерть его заслужена, ибо я, разумеется, не стану мстить за прелюбодея.

— Государь, я еще не кончил мой рассказ, — возразил Сен-Люк. — После того, как несчастный около полудня дрался в комнате, после того, как он одержал победу над своими врагами, ему, раненному, окровавленному, изувеченному, почти удалось спастись. Надо было лишь протянуть ему руку помощи, я бы и сам сделал это, если бы его убийцы не схватили меня, вместе с женщиной, которую он вверил мне, если бы они не связали меня, не заткнули мне рот. На свою беду, они забыли лишить меня зрения, как лишили голоса, и я увидел, государь, я увидел, как к несчастному Бюсси, зацепившемуся бедром за острия железной решетки, подошли двое. Я слышал, как раненый попросил их о помощи, ибо он имел право считать этих двоих своими друзьями. Так вот, один из них... государь, мне страшно об этом говорить, но поверьте, еще страшнее было видеть и слышать... один из них приказал застрелить его, а другой выполнил приказ.

Крийон стиснул кулаки и нахмурился.

— И вы узнали убийцу? — спросил король, взволнованный вопреки своему желанию.

— Да, — сказал Сен-Люк.

Он повернулся к принцу; показал на него пальцем и, вкладывая в свои слова всю так долго сдерживаемую ненависть, произнес:

— Это монсеньер. Убийца — это принц! Убийца — это друг!

Король был подготовлен к удару, герцог встретил его не моргнув глазом.

— Да, — сказал он невозмутимо, — да, господин де Сен-Люк хорошо видел и хорошо слышал. Я приказал убить господина де Бюсси, и ваше величество будете мне за это признательны, ибо действительно господин де Бюсси был моим слугой, но этим утром, как я его ни отго-

варивал, господин де Бюсси собирался поднять оружие против вашего величества.

— Ты лжешь, убийца! Ты лжешь! — крикнул Сен-Люк. — Бюсси, исколотый шпагами, Бюсси, висящий на железных остриях, зацепившись бедром, этот Бюсси был годен только на то, чтобы внушить жалость самым своим злейшим врагам, и злейшие его враги помогли бы ему. Но ты, ты — убийца Ла Моля и Коконнаса, ты убил Бюсси, как убил одного за другим всех своих друзей. Ты убил Бюсси не потому, что он был врагом твоего брата, но потому, что он был поверенным твоих тайн. А! Монсоро — тот хорошо знал, почему ты затеял это преступление.

— Проклятие! — прошептал Крийон. — Зачем я не король!

— Меня оскорбляют в вашем присутствии, брат, — сказал герцог, побелев от ужаса, ибо конвульсивно сжавшаяся рука Крийона и налитые кровью глаза Сен-Люка не сулили ему безопасности.

— Уйдите, Крийон, — сказал король.

Крийон вышел.

— Правосудия, государь, правосудия! — снова выкрикнул Сен-Люк.

— Государь, — сказал герцог, — накажите меня за то, что я спас сегодня утром друзей вашего величества и за то, что я обеспечил блестящую победу вашему делу, которое также и мое дело.

— А я, — продолжал, больше не владея собой, Сен-Люк, — я говорю тебе, что дело твое — проклятое дело и что на все, к чему ты ни прикоснешься, ты навлекаешь гнев господний. Государь, государь, ваш брат взял под свое покровительство наших друзей, горе им!

Король почувствовал, как дрожь ужаса прошла по его телу.

В это самое мгновение снаружи донесся глухой шум, поспешные шаги, торопливый разговор.

Потом наступила глубокая, мертвая тишина.

И среди этой тишины, словно само небо выразило свое согласие с Сен-Люком, три медленных, торжественных удара, нанесенных мощной рукой Крийона, сотрясли дверь.

Холодный пот заструился по вискам Генриха, черты его искажились.

— Побеждены! — вскричал он. — Мои бедные друзья побеждены!

— А что я вам говорил, государь? — воскликнул Сен-Люк.

Герцог в ужасе стиснул руки.

— Видишь, трус, — продолжал, вне себя от горя, молодой человек, — вот как убийцы спасают честь государей! Убей и меня тоже, я без шпаги!

И он швырнул свою шелковую перчатку в лицо герцога.

Франсуа издал крик ярости и побелел, как смерть.

Но король ничего не видел, ничего не слышал. Он уронил голову на руки.

— О! — прошептал он. — Бедные мои друзья, они побеждены... быть может, тяжело ранены! Кто скажет мне правду?

— Я, государь, — раздался голос Шико.

Король узнал этот дружеский голос и простер к нему руки.

— Ну? — сказал он.

— Двое уже мертвы, а третий вот-вот испустит дух.

— Кто этот третий?

— Келюс, государь.

— А где он?

— Во дворце Буасси, куда я приказал его перенести.

Король не стал слушать дальше и с горестными криками бросился вон из комнаты.

Сен-Люк отводил Диану к ее подруге, Жанне де Бриссак, поэтому он и не сразу явился в Лувр.

Жанна три дня и три ночи ухаживала за несчастной женщиной, находившейся во власти жестокой горячки.

На четвертый день, взямогая от усталости, Жанна отлучилась, чтобы немного отдохнуть. Но когда, два часа спустя, она вернулась в комнату подруги, Дианы там уже не было.

Известно, что Келюс — единственный из трех защитников дела короля, оставшийся в живых, несмотря на девятнадцать ранений, — умер в том самом дворце Буасси, куда приказал его перенести Шико, умер после тридцати дней борьбы со смертью и на руках у короля.

Генрих был безутешен.

Он заказал для своих друзей великолепные надгробия, на которых они были высечены из мрамора в натуральную величину.

Он учредил в их память особые мессы, велел священникам молиться за их души и добавил к обычным словам

своей утренней и вечерней молитвы следующее двуступное, которое произносил до конца жизни:

Праведный боже, прими в свое лоно
Колюса, Шомберга и Можирона.

Около трех месяцев Крийон не спускал глаз с герцога Анжуйского, которого король возненавидел смертельной ненавистью и никогда не простил.

А потом наступил сентябрь, и в этом месяце Шико, по покидавший своего господина и, наверное, утешивший бы Генриха, если бы Генрих был способен утешиться, получил нижеследующее письмо, отправленное из Бомского аббатства.

Письмо было написано рукой писца.

«Любезный сеньор Шико!

В нашей стороне чудесный воздух, и в Бургундии в нынешнем году ожидается богатый урожай винограда. Говорят, что государь наш король, которому я, как мне кажется, спас жизнь, все еще очень печалится. Привезите его в аббатство, любезный господин Шико, мы угостим его вином 1550 года, которое я раскопал в моем погребе. С помощью этого вина можно забыть самые великие горести. Не сомневаюсь — оно развеселит короля, потому что я нашел в одной из священных книг такую замечательную фразу: «Доброе вино веселит сердце человека!» По-латыни это звучит великолепно, я дам вам прочесть. Итак, приезжайте, любезный господин Шико, приезжайте с королем, приезжайте с господином д'Эперноном, приезжайте с господином де Сен-Люком. Вот увидите, мы все тут наедемся и напьемся до отвала.

Преподобный приор *Горанфло*, ваш покорный слуга в друг.

Р. S. Скажите королю, что из-за хлопот, связанных с моим водворением здесь, у меня еще не было времени помолиться за души его друзей, как он просил, но лишь только будет закончен сбор винограда, я обязательно ими займусь».

— Аминь, — сказал Шико, — вход в царство небесное этим беднякам обеспечен.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 7. *Монморанси* — один из старейших баронских родов Франции, происхождение которого возводят к VI в. В 1559 г., когда Франсуа де Монморанси женился на Диане де Франс, дочери короля Генриха II, они породнились с королевским домом.

Клуз Франсуа (1505 или 10—1572) — придворный художник Франциска I и его преемников. Кисти Клуза принадлежат портреты Франциска II, Генриха II, Карла IX и герцога Алаксонского.

Стр. 14. *Миньон* (от фр. *minion* — «милый») — фаворит.

Стр. 17. *Капитан Матамор* — постоянный персонаж испанской комедии, хвастливый воин.

Стр. 21. ...*Евриала с Нисом, Дамона с Пифием, Кастора с...* — Евриал и Нис, Дамон и Пифий, Кастор и Поллукс — имена этих героев античной мифологии и истории стали синонимами братской дружбы и верности. Юных троянцев Евриала и Ниса, как рассказывает в «Энеиде» Вергилий, дружба обрекла на смерть. Преданность друг другу двух философов Дамона и Пифия (или Фития) — они жили в IV в. до н. э. — так поразила сицилийского тирана Дионисия, осудившего их на смерть, что он отпустил друзей и просил принять его в их союз. Боги Диоскуры — братья-близнецы Кастор и Поллукс (греч. Полидевк); в античной мифологии считались непревзойденным образцом братской любви.

Стр. 23. *Турнельский дворец* — известен с конца XIV в. Принадлежал герцогу Беррийскому, герцогу Орлеанскому, королям Карлу VII, Людовику XII и Генриху II. Во времена Генриха III неоднократно перестраивавшийся дворец пришел в упадок и был необитаем.

Стр. 57. *Скапулеры* (от фр. *scapulaire*) — предмет церковного облачения: кусок ткани, накинутый на плечи и спадающий на грудь и спину.

Стр. 58. ...*между Нероном и Гелиогабалом...* — Клавдий Нерон и Марк Аврелий Антонин Гелиогабал — римские императоры (соотв. 54—68 гг. и 218—222 гг.), зацитававшие себя органами и

убийствами. Имена их стали нарицательными для всякого жестокого и развратного правителя.

Стр. 60. ...твердит мне о дружбе, как Цицерон, который о ней писал, и о добродетели, как Сократ... — Среди сочинений Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.), выдающегося римского политического деятеля, оратора и писателя, есть и диалог «О дружбе». Сократ (469—399 гг. до н. э.) — выдающийся афинский философ. Познанию сущности добродетели он придавал особое значение.

...судите часа на два гиппогрифа у славного рыцаря Астольфа... — Рыцарь Астольф, один из спутников Роланда, — персонаж поэмы итальянского поэта Л. Ариосто (1474—1553) «Неистовый Роланд». Гиппогриф — сказочное животное, полуконь, полугриф.

Стр. 65. Панталоне — постоянный персонаж итальянской комедии, порочный и скупой старик.

Стр. 70. Сарбакан — длинная духовая трубка для стрельбы небольшими стрелами или шариками. В XIII в. сарацины еще употребляли ее как оружие. Во Франции она служила развлечением знати.

Кеней — мифологический герой из племени лапифов, отличающийся неуязвимостью. Согласно более поздним мифам, Кеней первоначально был девушкой Кенидой, которую бог Посейдон по ее просьбе превратил в мужчину.

Стр. 86. Фаларис — тиран сицилийского города Акраганта (570—554 гг. до н. э.). По одним сведениям, отличался крайней жестокостью. По другим — был чрезвычайно мягким человеком, покровителем искусства и философии.

Дионисий Старший — сиракузский тиран (405—367 гг. до н. э.), отличался крайней жестокостью и подозрительностью.

Стр. 87. Тиберий — римский император (14—37 гг.).

Стр. 89. Марко Поло (1254—1324) — венецианский путешественник и писатель. Первым из европейцев он в конце XIII в. пересек Центральную Азию и достиг Китая. Рассказы о его путешествии составили «Книгу Марко Поло».

Стр. 90. Иеремия — один из четырех главных ветхозаветных пророков. Именем Иеремии названа одна из книг Ветхого завета; ему приписывают также «Плач Иеремии» — своеобразное сочинение, оплакивающее разорение Иерусалима.

Стр. 96. Сарданапал — реально не существовавший ассирийский царь. Греческие авторы считали его последним ассирийским царем; описанные ими изнеженность Сарданапала и его любовь к роскоши и наслаждениям вошли в поговорку.

Маршал де Рец — Жиль де Рец, барон де Монморанси-Лаваль (1404—1440). Де Рец известен не своим маршалским званием, а

занятиями алхимией. По допосу противников был обвинен в том, что будто бы ставил опыты на крови мальчиков, за что и был казнен.

Стр. 97. ...он, как император Карл Пятый, решил завернуть во Францию... — Имеется в виду Карл V Габсбург, король испанский и император Священной Римской империи (1519—1556), который вел войны с Францией за обладание Италией. Военные действия частично велись и на территории Франции.

Стр. 98. *Иезекииль* — один из четырех ветхозаветных пророков.

Стр. 106. *Эпаминонд Фиванский* (418—362 гг. до н. э.) — известный политический деятель и полководец из города Фивы, отличаясь, по рассказу Плутарха, честностью и скромностью.

Стр. 116. *Людовик Седьмой* — король Франции (1226—1270 гг.), умерший от чумы во время возглавленного им VIII крестового похода и объявленный святым.

Стр. 117. *Антиной* — любимый раб римского императора Адриана (117—138). Изображения Антиной наряду с изображениями Аполлона стали символом мужской красоты.

Стр. 120. *Лукреция Борджа* (1480—1519), принадлежавшая к известному испано-итальянскому роду Борджа, была весьма образованной для своего времени женщиной и отличалась необыкновенной красотой. Четвертым ее мужем был Альфонс д'Эсте, герцог Феррарский.

Стр. 122. *Немерод* — согласно библейскому преданию, царь Халдеи и «сильный зверолов перед Господом».

Стр. 138. *Битва при Павии* — сражение между войсками французского короля Франциска I и императора Карла V, состоявшееся в феврале 1525 г. у города Павии (Италия). Войска Франциска, осаждавшие Павию, ночью были атакованы подошедшей армией Карла и через два часа наголову разбиты. Сам Франциск попал в плен, откуда и написал в письме знаменитую фразу: «Все потеряно, кроме чести».

Стр. 149. *Бенвенуто Челлини* (1500 — ок. 1574) — знаменитый итальянский скульптор, ювелир и писатель.

Стр. 189. *Жан Гужон* (ок. 1510—1584 или 68) — известный французский скульптор. Ему принадлежит скульптурная отделка и оформление некоторых частей Лувра.

Стр. 190. *Гарпии* — первоначально богини вихря в греческой мифологии. Позднее их представляли себе в виде крылатых чудовищ с женскими головами. Вергилий изображает их грозными стражами подземного царства.

Стр. 195. *Ирод*. — Имеется в виду Ирод Великий, царь Иудеи (40 г. до н. э. — 4 г. н. э.). По евангельскому преданию, Ирод, узнав,

что в городе Вифлееме родился будущий «царь иудейский», приказал перебить всех младенцев Вифлеема. Имя Ирода стало синонимом жестокости и бесчеловечности.

Стр. 199. «*И ты (Брут)*» — начальные слова фразы, которую, по сообщениям античных историков, римский император Гай Юлий Цезарь произнес перед смертью, обращаясь к претору Бруту, возглавившему заговор против Цезаря и участвовавшему в убийстве императора. Марка Юния Брута считали не только лучшим другом, но даже и сыном императора. Выражение «*И ты, Брут*» означает замену человека, на которого рассчитывали больше всего.

Стр. 202. «...*даров Цереры и Бахуса...*» — Церера — римская богиня полей, земледелия и плодородия. Бахус (Вакх) — латинское имя греческого бога Диониса, покровителя виноградарства и виноделия. Иносказательно «дары Цереры и Бахуса» — пшеница и вино.

Стр. 212. *Гален* — Клавдий Гален (129—ок. 201), римский врач, естествоиспытатель и философ, классик античной медицины.

Стр. 218. *Тестон* — старинная французская мелкая серебряная монета.

Неф (от лат. *navis* — «корабль») — архитектурный термин, обозначающий вытянутое помещение, ограниченное колоннами с одной или двух продольных сторон. Неф — основной композиционный элемент базилики.

Мэтр Россо — Джованни Баттиста ди Россо (1494—1540), известный во Франции как Мэтр итальянский художник, работавший во Франции по приглашению Франциска I.

...*статуи Кловиса и Клотильды*. — Хлодвиг (иначе Кловис), король франков (481—511 гг.) и основатель Франкского государства, и его жена Клотильда (475—545) были причислены католической церковью к лику святых.

Стр. 221. *Франциск Второй* — король Франции (1559—1560 гг.).

Стр. 227. *Петр Пустынный* (иначе Петр Амьенский; 1050—1115) — французский монах, страстный проповедник. Его считают вдохновителем и организатором первого крестового похода бедноты (1096 г.).

Стр. 228. *Самуил* (вторая половина XI в. до н. э.) — полубогатый израильский жрец и пророк. В данном случае имеется в виду эпизод из Первой Книги Царств: Бог, желая возвестить свою волю через Самуила, несколько раз звал к нему, а затем сделал своим пророком.

Стр. 230. «...*возроможу Пелион на Оссу...*» — Пелион и Осса — горы в Средней Фессалии (Греция). В одном из греческих мифов рассказывается, как гиганты пытались поставить Пелион на Оссу на гору Олимп, чтобы оттуда штурмовать небо. Выражение «*возро-*

мозаить Пеллон на Оссу» означает совершение чего-либо грандиозного или же, напротив, огромные усилия с ничтожными результатами.

Стр. 241. *...когда Испания разжигает костры, когда Германия..., Англия...* — Гиз имеет в виду следующее: в то время как в Испании свирепствовала католическая инквизиция, Англия в значительная часть немецких князей проводили активную антикатолическую политику.

Стр. 246. *Патен* — небольшое драгоценное блюдо, употреблявшееся при священныхдействиях.

Стр. 249. *...от Луэра до аббатства святой Женевьевы нам всегда будет ближе, чем от ратуши до Гревской площади.* — Лувер и аббатство находились на противоположных концах города, тогда как ратуша — на самой Гревской площади, где казнили преступников. Герцог намекает на то, что у знатных заговорщиков всегда будет возможность скрыться и убежать эшафота благодаря их связи с королевским братом.

...как сто тысяч труб Апокалипсиса. — Имеется в виду Откровение Иоанна Богослова, последняя книга новозаветного канона, написанная в 88—89 гг. Автор «Откровения», слышавший трубный глас небес, предсказывает будущий «конец света» и «страшный суд», а после него — тысячелетнее царство Божие на земле.

Стр. 252. *Карл Великий* — король франков (768—814 гг.), с 800 г. — император Запада, объединивший под своей властью большую часть Западной Европы. По его имени стала называться династия Каролингов во Франции.

...Людовика Благочестивого... — Людовик I Благочестивый — сын Карла Великого, французский король (814—840 гг.).

Карл Лысый — французский король (843—877 гг.).

Людовик Четвертый Заморский — французский король (936—954 гг.).

Людовик Пятый Ленивый — французский король (986—987 гг.).

Гуго Капет — французский король (987—996 гг.), основатель династии Капетингов.

Стр. 253. *...закон, который называется саллическим...* — Этот закон, основанный на статьях Саллической правды (записанного при Хлодвиге франкского свода обычного права), запрещал женщинам и потомкам по женской линии наследовать трон.

Стр. 260. *Сады Армиды.* — В поэме итальянского поэта Т. Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» рассказывается о черодейке Армиде, которая завлекла рыцаря-крестоносца Ринальдо в чудесные сады, где он на время забыл обо всем. Выра-

жеппе «сады Армянды» сивонимически обозначает место, сулящее необычайные наслаждения.

Стр. 261. *...победитель при Мариньяно... —* В сентябре 1515 г. при Мариньяно (северная Италия) Франциск I разбил паемников миланского герцога, союзника испавцев.

Людовик Двенадцатый — король Франции (1498—1515 гг.).

Стр. 269. *...получил бы место за Круглым столом. —* В средневековых рыцарских романах рассказывается о короле Артуре и его доблестных рыцарях, которые пировали за круглым столом.

Стр. 281. *Возвращение Перифоса из ада. —* Перифос (Пирифой) — в греческой мифологии царь племени лапифов, друг героя Тесея, вместе с которым он попытался похитить богиню подземного царства Персефону. Попытка окончилась неудачей, и Перифос остался в подземном царстве. Согласно одному из мифов, оттуда его освободил Геракл.

Стр. 283. *Гиппократ (460—377 или 356 гг. до н. э.) —* древнегреческий врач, реформатор античной медицины. Заслугой Гиппократа было превращение медицины в самостоятельную отрасль знания.

Стр. 298. *Аквилон (греч. Борей) —* в античной мифологии олицетворение холодного северного ветра.

Зефир (лат. Фавоний) — олицетворение теплого западного ветра.

Стр. 304. *Готфрид Бульонский (ок. 1080—1100) —* герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей I крестового похода. В 1099 г. был избран первым королем Иерусалимским.

Стр. 308. *Сцилла и Харибда —* мифические чудовища, которые, как считали в древности, жили в пещерах у пролива между Италией и Сицилией.

Стр. 314. *...пугат, как Силен, и такой же пьяница. —* В греческой мифологии Силен — сын Гермеса, воспитатель в наставник Диониса. Древние представляли его в виде постоянно пьяного добродушного лысого старика, толстого, как мех с вином.

Стр. 349. *Пифагор Самосский (вторая половина VI в. до н. э.) —* полубогендарный греческий философ. Пифагор и его школа проповедовали учение о числах, гармонии небесных сфер и переселении душ, а также аскетический образ жизни.

Стр. 353. *Леклерк —* Бюсси-Леклерк (г. рожд. не изв., ум. в 1635 г.) — известный учитель фехтования.

Стр. 359. *Анакреонт из Теоса (ок. 570 — ок. 485 гг. до н. э.) —* греческий лирический поэт. Как сообщает в «Естественной истории» римский ученый Плиний Старший, Анакреонт умер, подавившись виноградной косточкой.

Стр. 374. *...подобно облакам поэта Аристофана... —* Аристофан (ок. 452 — ок. 380 гг. до н. э.) — выдающийся греческий комедий-

ный поэт. Облака в одноименной комедии Аристофана — это хор облаков, имеющих вид женщины. Облака могут, объясняет действующий в комедии Сократ, превратиться в любое существо, которое они увидят.

Стр. 389. *Филипп Македонский* (382—336 гг. до н. э.) — сын Аминты III и отец Александра Македонского, крупный государственный деятель, полководец и дипломат, с 359 г. — царь Македонии.

Стр. 413. *Хуан Австрийский* (1547—1578) — испанский полководец, побочный сын императора Карла V, прославившийся походами против мавров.

...Бурбон причинил немало неприятностей Франциску Первому... — Имеется в виду Шарль де Бурбон (1490—1527), коннетабль Франции. Именно ему Франциск I был обязан первыми победами в Италии. Однако затем король подверг Шарля де Бурбона опале и лишил звания коннетабля. Бурбон перешел на сторону Карла V и начал борьбу с Франциском. Под его руководством войска Карла V разбили при Павии французскую армию.

Людвиг Одиннадцатый — король Франции (1461—1483 гг.).

Стр. 414. *...так же отчетливо, как Дионисий из своего тайника... —* Имеется в виду так называемое «Дионисиево ухо» — особым образом устроенный тайник, где тиран Дионисий Старший подслушивал разговоры своих пленников. Тайник получил свое название оттого, что был сделан в форме уха.

Стр. 425. *...подобно лафонтеновскому зайцу... —* Имеется в виду басня французского поэта и баснописца Жана Лафонтена (1621—1695) «Заяц и лягушка».

Стр. 427. *...закрученным, как лабиринт Дедала. —* Лабиринт Дедала — огромное и чрезвычайно запутанное помещение, которое, как рассказывает миф, легендарный греческий строитель и художник Дедал построил для критского царя Миноса. В Лабиринте Минос держал огромного свирепого человеко-быка Минотавра, пожиравшего людей. Афиjsкий герой Тесей одолел и убил Минотавра.

Стр. 429. *Так некогда море вынесло чудовище к ногам Ипполита. —* По греческим преданиям, Ипполит, сын Тесея, отверг любовь своей мачехи Федры. Желая отомстить Ипполиту, Федра навлекла на него гнев бога морей Посейдона: он послал чудовищного быка, напугавшего коней Ипполита, которые сбросили юношу на скалы.

Стр. 439. *Клеман Маро* (1496—1544) — наиболее значительный французский поэт начала XVI в. Состоял при дворе Франциска I.

Стр. 446. *...на юного Антиоха... —* Имеется в виду Антиох I Сетер, второй царь сирийского эллинистического государства Се-

левкидов (280—261 гг. до н. э.). Плутарх рассказывает, что он влюбился в Стратонику, жему своего отца Селевка, и, будучи не в силах совладать со страстью, искал способ покончить с собой. Узнав об этом, Селевк отдал Стратонику в супруги своему сыну.

Стр. 472. *Ирис* (Ирида) — греческая богиня радуги, посредница между богами и людьми.

Стр. 480. *Сципион* — Публий Корнелий Сципион Назика (III — нач. II в. до н. э.), римский политический деятель и юрист. В 204 г. до н. э. сенат объявил его «лучшим из граждан».

Стр. 485. *Гийом Горен и Готье Гарвий* — Гро-Гийом или Робер Горен (1554—1634) и Герю де Флешель (1573—1634), известные французские актеры.

Стр. 491. *Аркадия* — гористая область в сев. части п-ова Пелопоннес. В литературной традиции вымышленная поэтическая страна, населенная пастухами и пастушками, ведущими идиллическую жизнь на лоне природы.

Паламедовские комбинации. — Греческий герой Паламед считался изобретателем алфавита, цифр и т. п. Позднее ему приписали изобретение игры в шашки и шахматы.

Стр. 492. *...барельефы храма Афродиты в Книде...* — Имеется в виду храм Афродиты в малоазийском городе Книде. В Книде находился также оригинал знаменитой статуи Афродиты Книдской, работы греческого скульптора Праксителя (ок. 395 — ок. 330 гг. до н. э.).

Стр. 494. *Эшвены* — должностные лица в средневековых французских городах, ведавшие полицией и общественными делами, а также исполнявшие судебные функции.

...предки швейцарцев 10 августа и 27 июля... — 10 августа 1792 г., во время Великой французской революции, был свергнут король Людовик XVI, а 27—29 июля 1830 г., в ходе Июльской революции, — Карл X, последний представитель династии Бурбонов. В обоих случаях охрану королевской резиденции (Тюильрийского дворца) несли швейцарцы.

Стр. 497. *Лютеция* — старое (до III в. н. э.) название Парижа.

Стр. 499. *Исаа* — согласно библейской Книге Бытия, сын Исаака и Ревекки, брат-близнец Иакова, дикий и бесстрашный зверолов.

Стр. 508. *Маккиавелли* Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский политический деятель, историк и писатель. Политическая теория Маккиавелли проповедовала достижение цели любыми средствами, вплоть до подкупа и убийства. Термин «макиавеллизм» обозначает политику, которая не считается с законами морали.

Баярд — Пьер дю Террайль, сеньор де Баярд (1476—1524), французский военачальник, прозванный за храбрость и честность «рыцарем без страха и упрека». Баярд совершил множество подвигов во время Итальянских войн (например, в одиночку защищал мост через реку Гардьяно против двухсот испанских всадников), особенно отличился в битве при Мариньяно. Его имя стало синонимом воинской доблести, чести и верности.

Этеокл и Полиник — по преданию, сыновья фиванского царя Эдипа. Изгнав отца, братья договорились править городом по очереди, но Этеокл нарушил договор. Тогда Полиник с помощью аргосского царя Адраста отправился в поход на Фивы. В братоубийственном поединке Этеокл и Полиник сразили друг друга. Их имена воплощают смертельную рознь между братьями.

Стр. 511. *Амбуазское дело*. — Имеется в виду неудачная попытка гугенотов захватить короля Франциска II в городе Амбуазе (март 1560 г.), после которой была учинена жестокая расправа над заговорщиками.

Стр. 568. *...роль попавшего в затруднение Маскариля...* — Маскариль — персонаж комедии «Шалый, или Все невпопад» великого французского писателя Ж.-Б. Мольера (1622—1673). Действие комедии построено на том, что легкомысленная прямотлиивность Лелли, господина Маскариля, сводит на нет все труды его хитроумного слуги.

Стр. 569. *...как Аман вывел Мардохая...* — Имеется в виду эпизод из библейской Книги Эсфирь. Аман, министр и приближенный персидского царя Артаксеркса, невзлюбил и задумал погубить еврея Мардохая, а с ним и всех прочих евреев. Но Мардохай сообщил царю о готовящемся на того покушении. Благодарный царь велел Аману оказать Мардохая высшую почесть — одеть в царское одеяние и вывести на коне на городскую площадь.

Стр. 570. *Законы Ликурга* — законы, приписываемые Ликургу, легендарному спартанскому законодателю (IX—VIII вв. до н. э.); отличались крайней суровостью, особенно в той части, что относилась к воспитанию молодежи. Отсюда впоследствии и произошло выражение «спартанское воспитание».

Стр. 595. *...как крик израильских матерей был услышан во всей Раге*. — Рага — историческая область и город неподалеку от Иерусалима, где, согласно Книге Иеремии, Навуходоносор собрал евреев, которых он намеревался увести в Вавилон. Описывая это событие, Иеремия писал: «...голос слышен в Раге, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться...»

Стр. 600. *...познающ своим занятием не менее Архимеда...* — Архимед (ок. 287—212 гг. до н. э.) — великий греческий ученый, математик и механик, родом из Сиракуз. Плутарх сообщает, что,

когда римляне ворвались в Сиракузы, Архимед, поглощенный решением геометрической задачи, не заметил этого.

Стр. 621. *Сбир.* — Сбирани называли (первоначально в Италии) судебных и полицейских агентов.

Стр. 628. *...которые разрушили стены Иерихона...* — Согласно библейскому преданию, стены осажденного евреями города Иерихона пали от звука труб, с которыми осаждавшие трижды обошли вокруг них.

Стр. 634. *Маренго.* — В битве при Маренго (северная Италия) 14 июня 1800 г. войска Наполеона сначала вынуждены были отступить перед численно превосходящей их австрийской армией. Когда последняя стала уже располагаться на отдых, внезапно подошедшие свежие французские дивизии стремительным ударом решили исход сражения.

Ватерлоо. — Битва при Ватерлоо (Бельгия), последнее сражение Наполеона, состоялась 18 июня 1815 г. Французы атаковали англо-голландские войска Веллингтона и добились частичных успехов, но ватем сами подверглись атаке подошедших пруссаков под командованием Блюкера и были наголову разгромлены.

Стр. 636. *Цезарь Борджа* (1476—1507) — кардинал, ватем герцог де Валантьянуа. Задумав объединить под своей властью всю Италию, Цезарь Борджа не брезговал никакими средствами. Его облик запечатлен Маккавелли в трактате «Государь».

Стр. 642. *...с характером понтийского царя.* — Имеется в виду Митридат VI Евпатор (120—63 гг. до н. э.), царь Понта (государство на юго-восточном побережье Черного моря). Митридат отличался упрямством, жестокостью и коварством.

Стр. 664. *Манто* — в греческой мифологии вещая дочь знаменитого прорицателя Тиресия, воплощающая собой искусство гадания — мантики.

Стр. 669. *Иоанн Златоуст* (Хризостом) (ок. 347—407) — один из видных отцов церкви, философ и знаменитый оратор (откуда и его прозвище).

Стр. 670. *Святой Григорий* — Григорий, епископ Нисский (ок. 335—394) — известный философ и богослов.

Святой Августин — Аврелий Августин («Блаженный») (354—430), с 395 г. — епископ Гиппонский; выдающийся христианский философ и богослов. Среди его многочисленных произведений наиболее известны трактат «О граде Божием» и «Исповедь».

Святой Иероним — Евсевий Софроний Иероним (ок. 340—ок. 420), крупный церковный писатель, автор латинского перевода Библии.

Тертуллиан — Квинт Септимий Флорен Тертуллиан (ок. 160—ок. 220) — известный христианский теолог и писатель. Сочини-

пия всех этих авторов характеризуются оригинальностью мысли, страстностью аргументации и богатством языка.

Стр. 685. *Царь Соломон* — израильский царь (X в. до н. э.), сын Давида. В библейских преданиях Соломон выступает как воплощение мудрости.

Стр. 706. *Самсон* — библейский персонаж, необычайная сила которого, вошедшая в пословицу, была в его волосах.

Стр. 707. *...прекрасный, как Алкивиад...* — Алкивиад (450—404 гг. до н. э.), афинский полководец и политический деятель, отличался, по сообщениям Платона и Плутарха, необыкновенно привлекательной внешностью.

Стр. 708. *Шаррон Пьер* (1541—1603) — французский философ и теолог, придерживавшийся идей своего друга Монтеня.

Монтень Мишель (1533—1592) — французский писатель и философ. Учение Монтеня, заложенное в его основном труде — «Опытах», — прогрессивно и отличается рационализмом.

Стр. 748. *Калигула* — Гай Цезарь Калигула, римский император (37—41 гг.).

Линсеястр, Кайе, Коттон — проповедники конца XVI в.

Жарнак — Ги Шабо барон де Жарнак (1509—1572), известный дуэлист. В 1547 г. он вызвал на дуэль Франсуа Вивонна, сеньора де ла Шатеньера, еще более известного искателя приключений, и убил его к изумлению присутствовавших при этом короля и всего двора, уверявших в победе ла Шатеньера.

Стр. 768. *Сен-Меерен* — Поль де Коссад, граф де Сен-Мегрес, фаворит Генриха III, в 1578 г. был убит людьми герцога де Гиза, жену которого он соблазнил.

Стр. 784. *...того существа, которое Диоген называл двуногим петухом без перьев...* — то есть человека. Диоген Синопский (404—323 гг. до н. э.) — греческий философ-киник, демонстративно отвергавший все блага цивилизации, правила человеческого общества и нормы морали.

Стр. 786. *...иметь сто рук, как Бриарей.* — Бриарей — согласно мифам, один из трех сторуких гигантов, сражавшийся на стороне Зевса против титанов.

Стр. 789. *Битва Тридцати.* — Имеется в виду эпизод борьбы за герцогство Бретань между английским ставленником Жаком де Монфором и французским претендентом Шарлем де Блуа. Когда англичане, к великому возмущению противной стороны, нарушили временное перемирие и занялись грабежами, один из французских военачальников, Робер де Бомалуар, не желая проливать кровь своих солдат, вызвал на поединок предводителя англичан Ричарда Бенборо (27 марта 1351 г.). Число участников поединка с той и другой стороны было доведено до 30 человек.

Жаркая схватка, в которой погибли оба предводителя и большая часть сражавшихся, окончилась победой французов.

Стр. 808. *...как некогда Август... созерцал Цинну.* — Имеется в виду Гней Корнелий Цинна Магн, в 16 г. до н. э. (или, по другим данным, в 4 г. н. э.) устроивший заговор против императора Августа. Заговор был раскрыт, но Август простил Цинну и даже позволил ему стать консулом.

Стр. 814. *...е подобие маски античного паразита...* — Греческая комедия широко пользовалась типическими масками — «хвастливый воин», «шут» и т. п. Паразит — «прихлебатель», типичный персонаж греческой комедии.

А. Столяров

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перевод В. Столбова

Глава I. Свадьба Сен-Люка	7
Глава II, из которой следует, что не всегда входит в дом тот, кто открывает дверь	27
Глава III. О том, как иногда бывает трудно отличить сон от яви	41
Глава IV. О том, как бывшая девица де Бриссак, а ныне госпожа де Сен-Люк, провела свою первую брачную ночь	48
Глава V. О том, что предприняла бывшая девица де Бриссак, ныне госпожа де Сен-Люк, дабы провести свою вторую брачную ночь не так, как она провела первую	57
Глава VI. О том, как совершался малый вечерний туалет короля Генриха III	66
Глава VII. О том, как король Генрих III на следующий день оказался обращенным, хотя причины обращения остались неизвестны	76
Глава VIII. О том, как король боялся страха, который он испытал, и как Шико боялся испытать страх	85
Глава IX. О том, как глас божий обманулся и говорил с Шико, думая, что говорит с королем	93
Глава X. О том, как Бюсси отправился на поиски своего сна, все более и более убеждаясь, что этот сон был явью	100
Глава XI. О том, что за человек был главный ловчий Бриан де Монсоро	112
Глава XII. О том, как Бюсси нашел одновременно и портрет и оригинал	130
Глава XIII. История Дианы де Меридор	137
Глава XIV. История Дианы де Меридор. — Договор	158
Глава XV. История Дианы де Меридор. — Согласие на брак	169
Глава XVI. История Дианы де Меридор. — Свадьба	178
Глава XVII. О том, как ехал на охоту король Генрих III и какое время требовалось ему на дорогу из Парижа в Фонтенбло	187
Глава XVIII, где читатель будет иметь удовольствие познакомиться с братом Горавфлю, о котором уже дважды говорилось на протяжении нашей истории	202
Глава XIX. О том, как Шико заметил, что легче войти в аббатство святой Женевиевы, чем выйти оттуда	213
Глава XX. О том, как Шико, оставшись в часовне аббатства, видел и слышал то, что для него было весьма опасно видеть и слышать	229

Глава XXI. О том, как Шико, думая прослушать курс истории, прослушал курс генеалогии . . .	247
Глава XXII. О том, как супруги Сен-Люк путешествовали вместе и как по дороге к ним присоединился спутник	257
Глава XXIII. Осиротевший старец	270
Глава XXIV. О том, как Рема ле Одуэн в отсутствие Бюсси вел разведку дома на улице Сент-Антуан	279
Глава XXV. Отец и дочь	288
Глава XXVI. О том, как брат Горанфлю проснулся и какой прием был оказан ему в монастыре . . .	296
Глава XXVII. О том, как брат Горанфлю убедился, что он сампамбула, и как горько он оплакивал свою немощь	305
Глава XXVIII. О том, как брат Горанфлю путешествовал на осле по имени Панург и как во время этого путешествия он постиг многое такое, чего раньше не ведал	315
Глава XXIX. О том, как брат Горанфлю обменял своего осла на мула, а мула — на коня	323
Глава XXX. О том, как Шико и его товарищи обосновались в гостинице «Под знаком креста» и какой прием им оказала хозяйка гостиницы	331
Глава XXXI. О том, как монах исповедовал адвоката и как адвокат исповедовал монаха	341
Глава XXXII. О том, как Шико, пробуравив одну дырку штопором, проткнул другую шпагой . .	352
Глава XXXIII. О том, как герцог Анжуйский узнал, что Диана де Меридор жива	362
Глава XXXIV. О том, как Шико вернулся в Лувр и как его принял король Генрих III	370
Глава XXXV. О том, что произошло между герцогом Анжуйским и главным ковчим	381
Глава XXXVI. О том, как проходил Большой королевский совет	389
Глава XXXVII. О том, что делал в Луаре герцог де Гиз	398
Глава XXXVIII. Кастор и Поллукс	405
Глава XXXIX, в которой доказывается, что подслушивание — самый надежный путь к пониманию	415
Глава XL. Вечер Лиги	424

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перевод Н. Бугариной

Глава I. Улица Феронри	435
Глава II. Прянец и друг	444
Глава III. Этимология улицы Жюсьен	452
Глава IV. О том, как д'Эперноу разорвали камзол, и о том, как Шомберга покрасили в синий цвет	461
Глава V. Шико все больше и больше становится королем Франции	468

Глава VI. О том, как Шико нанес визит Бюсси и что из этого впоследствии следовало	477
Глава VII. Шахматы Шико, бильбоке Келюса и сарбакан Шомберга	486
Глава VIII. О том, как король назначил главу Лиги и как получилось, что это не был ни его высочество герцог Анжуйский, ни монсеньер герцог де Гвз	494
Глава IX. О том, как король назначил главу Лиги, который не оказался ни его высочеством герцогом Анжуйским, ни монсеньером герцогом де Гвзом	501
Глава X. Этеокл и Поляник	508
Глава XI. О том, как не всегда теряешь даром время, копаясь в пустых шкафах	516
Глава XII. Святая пятница!	524
Глава XIII. Подруги	530
Глава XIV. Влюбленные	535
Глава XV. О том, как Бюсси предлагали сто пистолей за его коня, а он отдал его даром	544
Глава XVI. Дипломатия герцога Анжуйского	550
Глава XVII. Дипломатия господина де Сен-Люка	558
Глава XVIII. Дипломатия господина де Бюсси	563
Глава XIX. Выводок анжуйцев	570
Глава XX. Роланд	577
Глава XXI. Что должен был сообщить принцу граф де Монсоро	584
Глава XXII. О том, как король Генрих III узнал о бегстве своего волюбленного брата герцога Анжуйского и что из этого впоследствии следовало	591
Глава XXIII. О том, как, обнаружив, что Шико одного мнения с королевой-матерью, король присоединился к мнению королевы-матери и Шико	600
Глава XXIV, где доказывается, что благодарность была одной из добродетелей господина де Сен-Люка	607
Глава XXV. План господина де Сен-Люка	615
Глава XXVI. О том, как господин де Сен-Люк показал господину де Монсоро удар, которому его научил король	622
Глава XXVII, где мы присутствуем при далеко не торжественном въезде королевы-матери в добрый город Анжер	627
Глава XXVIII. Малые причины и большие следствия	634
Глава XXIX. О том, как граф Монсоро открыл, закрыл и снова открыл глаза, и как это явилось доказательством того, что он еще не окончательно мертв	641
Глава XXX. О том, как герцог Анжуйский отправился в Меридорский замок, дабы выразить графине де Монсоро свои соболезнования по поводу кончины ее супруга, и о том, как этот последний вышел ему навстречу	648

Глава XXXI. О неудобстве чрезмерно широких по- сылков и чрезмерно узких дверей	654
Глава XXXII. О том, в каком расположении духа находился король Генрих III, когда господин де Сен-Люк появился при дворе	661
Глава XXXIII, где речь идет о двух важных героях этой истории, которых читатель с некоторых пор потерял из виду	668
Глава XXXIV. О том, как три главных героя этой истории совершили путешествие из Меридора в Париж	675
Глава XXXV. О том, как посол герцога Анжуйского прибыл в Париж, и о приеме, который ему там оказали	682
Глава XXXVI, которая является всего лишь про- должением предыдущей, сокращенной автором по случаю новогодних праздников	687
Глава XXXVII. О том, как Сен-Люк выполнил по- ручение, которое дал ему Бюсси	695
Глава XXXVIII. О том, в какой области господин де Сен-Люк был просвещеннее господина де Бюсси, какие уроки он ему преподавал и как ис- пользовал эти уроки возлюбленный прекрас- ной Дианы	702
Глава XXXIX. Предосторожности господина де Моп- соро	707
Глава XL. Визит в домик возле Турпельского замка	714
Глава XLI. Соглядатаи	720
Глава XLII. О том, как герцог Анжуйский поставил свою подпись, и о том, что он сказал после этого	727
Глава XLIII. Прогулка к Бастилии	737
Глава XLIV, в которой Шико засыпает	742
Глава XLV, в которой Шико просыпается	746
Глава XLVI. Праздник святых даров	753
Глава XLVII, которая добавляет ясности главе пре- дыдущей	760
Глава XLVIII. Шествие	769
Глава XLIX. Шико Первый	775
Глава L. Проценты в капитал	780
Глава LI. О том, что происходило вблизи Бастилии в то время, как Шико платил свои долги в аб- батстве святой Женеьевы	788
Глава LII. Убийство	793
Глава LIII. О том, как брат Горанфлю оказался бо- лее чем когда-либо между виселицей и аббат- ством	807
Глава LIV, в которой Шико догадывается, почему у д'Эпернона на сапогах была кровь, а в лице не было ни кровинки	813
Глава LV. Утро битвы	820
Глава LVI. Друзья Бюсси	826
Глава LVII. Поединок	834
Глава LVIII. Заключение	840
Примечания А. Стоярова	847

Дюма А.
Д 96 Графиня де Монсоро: Роман / Пер. с фр. Н. Бу-
тыриной и В. Столбова; Примеч. А. Столярова —
М.: Худож. лит., 1979. — 862 с.

Роман «Графиня де Монсоро» — вторая книга известной трилогии А. Дюма о гугенотских войлах.

Герой романа граф де Вюсси влюбляется в молодую красавицу Диану де Монсоро. На пути их любви оказывается множество преград. Любовая интрига разворачивается на широком фоне общественно-исторических событий.

70304-181
Д 028(01)-79 без объявл.

И (Фр)

Александр Дюма
ГРАФИНЯ ДЕ МОНСОРО

Редактор Р. Робина. Художественный редактор Л. Калитовская.
Технический редактор Л. Лагонова.
Корректоры Г. Киселева и О. Наренкова

ИБ № 1553

Сдано в набор 3.07.78. Подписано к печати 11.12.78. Бумага типогр. № 1.
Формат 84×108 $\frac{1}{2}$. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая.
45,36 усл. печ. л. 49,38 уч.-над. л. Заказ № 1940. Тираж 2 000 000 экз.
(5-й завод 600 001—700 000 экз.). Цена 4 р. 40 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, 107 882 Ново-Васманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская, 26

Отпечатано с матриц на полиграфкомбинате им. Я. Коласа Государственного комитета ВССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Минск, Красная, 23.